ПОЛОЖЕНІЕ
РАБОЧАГО КЛАССА
ВЪ РОССІИ.

НАБЛЮДЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Н. ФЛЕРОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.
1869.

Печатано въ типографіи Н. Неклюдова (Офицерская ул., д. № 7—14).

Flerovskij

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе I

Часть первая. Работникъ Сибири, сѣверной и пустынной Россіи.

Глава I. Работникъ-бродяга 3
— II. Сибирскій земледѣлецъ 34
— III. Зауральскій рабочій 59
— IV. Положеніе работника на сѣверѣ 90
— V. Астраханская губернія. Національности 121

Часть вторая. Работникъ земледѣльческой Россіи.

Глава I. Земледѣлецъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Вологодской губерніи 157
— II. Примѣры анархіи въ поземельныхъ отношеніяхъ . . . 176
— III. Вліяніе помѣщичьихъ земель на благосостояніе Россіи . 191
— IV. Земледѣлецъ степной полосы между Ураломъ и Волгою . 222
— V. Земледѣлецъ черноземной полосы 250

Часть третья. Работникъ промышленной Россіи.

Глава I. Работникъ пріискатель 281
— II. Горный рабочій 307
— III. Впечатлѣніе, которое производятъ промышленныя губерніи и данныя статистики 336
— IV. Фабричное и мелкое производство. Хожденіе на заработки . 378
— V. Нравственное настроеніе работника въ промышленныхъ губерніяхъ и въ цивилизованной Европѣ. — Русскій пролетарій 403

Заключеніе 449

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.		*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
14	Сн.	9	голодомъ	голоднымъ
91	—	1	пудожцы	пудожцы
127	Св.	10	размашитые	размашистые
171	—	20	сумму.	суму́.
174	Сн.	18	ни продавать	продавать ни
184	—	21	посѣкахъ	пàсѣкахъ
193	Св.	18	непониманія ими	непониманія
218	Сн.	20	высшихъ	высшимъ
229	Св.	12	безлодныя	безплодныя
261	Сн.	5	34,700,000 тысячъ пудовъ	34,700,000 пудовъ
305	Св.	9	государственнымъ	государственныхъ
340	Сн.	20	перному	первому
350	Св.	10	статистика	статистикъ
351	Сн.	7	сорока десяти	сорока девяти
361	—	8	болѣе могущественный	болѣе могущественный, —
364	—	1	превышала	превышало
403	—	1	любви на знаетъ,	любви, но знаетъ,
417	Св.	3	возрастѣ; а ему время жениться,	возрастѣ, а ему время жениться;
420	Сн.	13	въ дѣтствѣ,	въ дѣвичествѣ,
441	Св.	18	твой	свой
456	—	21	разможенію	размноженію
457	Сн.	3	безъ-	без-
476	Св.	6	защитники	противники

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ сочиненіи я имѣлъ въ виду отвлечь наше общество отъ погони за мелочными цѣлями, которыя ему выставляются, какъ великія насущныя потребности, разными заинтересованными сторонами, или которыми стараются занять его страсти, придавая имъ видъ прекрасной прогрессивной дѣятельности. Я старался показать, какая на немъ лежитъ дѣйствительно великая обязанность, и если съ перваго взгляда это великое дѣло покажется ему неосуществимымъ или невозможнымъ, то пусть же оно подумаетъ объ немъ серьезно. Только съ серьезной думой, съ глубокимъ чувствомъ можно совершать дѣйствительно прекрасное. Общество не должно забывать, что первая обязанность образованнаго человѣка — это плодить жизнь на землѣ. Отъ этой обязанности онъ не имѣетъ права отрекаться, или же долженъ отречься также и отъ человѣческаго своего достоинства. Между интеллектуальной дѣятельностью и матеріальной работой существуетъ самая тѣсная связь. Люди, которые считаютъ для себя выгоднымъ накладывать руку на матеріальный трудъ, будутъ врагами и интеллектуальной дѣятельности: рабовладѣльцу не нуженъ агрономъ и еще менѣе нуженъ юристъ; чѣмъ болѣе фабрикантъ имѣетъ власти надъ рабочимъ и надъ публикой, посредствомъ низкой заработной платы и протекціонной системы, тѣмъ менѣе для него необходимы техникъ и политико-экономъ, — онъ тогда не ищетъ честнаго и знающаго чиновника и судью, а ему надо невѣжественнаго взяточника, котораго легко подкупать и заставлять сѣчь и притѣснять рабочихъ. Интеллектуальный работникъ тогда только будетъ нуженъ капиталисту и землевладѣльцу, когда изъ капитала и изъ земли нельзя будетъ извлекать дохода въ ущербъ работникамъ и въ ущербъ покупателямъ произведеній, а когда для этого нужно будетъ возвышать производительную силу капитала и земли. Желая разъяснить великую солидарность интересовъ въ нашей общественной жизни, я не пускался въ мелочныя описанія и разъясненія жизни отдѣльныхъ рабочихъ,— я бралъ только самыя крупныя группы и описывалъ ихъ въ великихъ отличительныхъ чертахъ ихъ жизни. Нѣкоторыя главы изъ этого сочиненія уже

были напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, но здѣсь онѣ являются съ существенными дополненіями. Я избѣгалъ повтореній, но повторенія эти все-таки вкрались, потому что въ разныхъ частяхъ книги мнѣ приходилось описывать работниковъ одного и того же рода, но въ разныхъ мѣстностяхъ, или работниковъ различнаго рода, но одной мѣстности, — приходилось мнѣ говорить, такимъ образомъ, и о чертахъ общихъ всѣмъ или очень многимъ рабочимъ группамъ. Не описаны мною двѣ большія и интересныя группы рабочихъ — рабочіе столицъ и казаки; но это потому, что такое описаніе, само по себѣ очень интересное, не соотвѣтствовало бы однакоже цѣли настоящаго сочиненія, точно также, какъ напр. описаніе жизни колонистовъ. Всѣ эти описанія представляли бы картины совершенно побочныя, были бы лишнимъ бременемъ при развитіи идеи сочиненія и не вели бы къ общему заключенію. Поэтому я напримѣръ казаковъ, башкиръ, калмыковъ коснулся именно лишь настолько, насколько они нужны были для общей цѣли. Точно также поступалъ я и со всѣми другими группами. Изслѣдованія дали мнѣ массы фактовъ, факты дали мнѣ выводы; когда выводы были получены, я оставлялъ конечно только тѣ факты, которые къ нимъ привели и ихъ объясняли, а остальные отбросилъ. Это пріемъ неизбѣжный нетолько въ наблюдательныхъ, но и во всѣхъ опытныхъ наукахъ. Еслибы химикъ повѣщалъ ученому міру о всѣхъ неудачныхъ попыткахъ, которыя были имъ сдѣланы, или о всѣхъ не приведшихъ къ результату опытахъ, то ему безъ всякаго сомнѣнія замѣтили бы, что науку трудно обнять по множеству нужныхъ фактовъ, а обременять ее еще излишними — крайне неумѣстно, что если онъ хочетъ сообщить ученому міру что-нибудь интересное, то онъ долженъ описать не тѣ опыты, которые ни къ чему не повели и показали только его неловкость, а тѣ, которые дали полезный для науки результатъ.

ЧАСТЬ I.

РАБОТНИКЪ СИБИРИ,

СѢВЕРНОЙ И ПУСТЫННОЙ РОССІИ.

ГЛАВА I.

Работникъ-бродяга.

«Охъ, плохое наше житье,—слышится всюду въ средней Россіи,—зе́мли у насъ малыя, оброки большіе и повернуться какъ не знаешь; вотъ въ Саратовской губерніи или въ Пермской,—тамъ житье: земли много, паши сколько хочешь, тамъ и умирать не надо». Поѣхалъ я посмотрѣть на Эльдорадо въ восточной Россіи, но, лишь только забрался въ самое сердце Пермской губерніи, услышалъ ту же пѣсню: «плохое наше житье, вотъ въ Тобольской губерніи тамъ житье, такъ житье, тамъ и землю никогда не унавоживаютъ». Спѣшу въ Тобольскую губернію, но тамъ оказывается также плохое житье и восхваляется Томскій округъ: «тамъ-де и лѣса изобильные и земли недѣленыя». Но и въ Томскомъ округѣ крестьянинъ оплакиваетъ свою горькую участь; «здѣсь земли легкія, не плодоносныя,—говоритъ онъ,—зима суровая, ничего не родится; вотъ въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округѣ тамъ богатство, и хлѣбъ, и медъ, и лѣсъ—все въ изобиліи». Добрался я до Кузнецкаго округа—и что же? хотя бы я встрѣтилъ тѣнь довольства своею судьбою. «Зачѣмъ и дѣти-то у насъ родятся,—кричатъ матери въ одинъ голосъ—пусть бы они умирали скорѣе, намъ бы легче было». Гдѣ же хорошо? спрашиваю я, наконецъ, въ недоумѣніи. «Въ восточной Сибири, тамъ хорошо», отвѣчаютъ мнѣ. Но терпѣніе мое достигло своего предѣла, я не вѣрю болѣе рабочему человѣку, а начинаю распрашивать образованное сословіе... Оказывается совершенно наоборотъ: я слышу тутъ однѣ утѣшительныя рѣчи. «У насъ—говорятъ—не то, что въ Англіи или въ западной Европѣ, у насъ нѣтъ пролетаріевъ, здѣсь народъ благоденствуетъ». Въ восточной Россіи похвалъ еще болѣе: «у насъ здѣсь все дешево,—повторяютъ мнѣ,—и хлѣбъ, и мясо, у насъ здѣсь народъ не умираетъ

съ голоду, голодныхъ мы здѣсь не видали». Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, въ Сибири похваламъ нѣтъ конца; «у насъ здѣсь, — говорятъ мнѣ,—не то, что у васъ въ Россіи, здѣсь голодныхъ не водится, народъ ржанаго хлѣба и ѣсть не станетъ, курныя избы здѣсь неизвѣстны, народъ живетъ чисто, а вашихъ россійскихъ называетъ лапотниками—презрительное названіе, данное народомъ, который никакой другой, кромѣ кожаной, обуви не носитъ. Если же хотите посмотрѣть на богатство и роскошь сибирскаго рабочаго, то поѣзжайте на золотые промыслы. Когда рабочіе возвращаются съ промысловъ, они кутятъ такъ, что и нашему брату не всегда удастся такъ позабавиться, нанимаютъ музыкантовъ, устилаютъ улицы кусками ситца и въ одинъ день издерживаютъ сто или двѣсти рублей. Бываютъ случаи, что одинъ работникъ получитъ при разсчетѣ за лѣто восемьсотъ рублей и черезъ мѣсяцъ не имѣетъ ни одной копейки изъ этихъ денегъ». Много я слушалъ подобныхъ разсказовъ, но одно мнѣ показалось подозрительнымъ, что всѣ эти панегиристы народнаго благосостоянія въ одинъ голосъ повторяли, что у насъ рабочаго человѣка необходимо сѣчь, что безъ розогъ ничего не сдѣлаешь. Гдѣ розги, тамъ рабство, грязь и бѣдность; розги и благосостояніе двѣ вещи несовмѣстимыя: человѣкъ, пользующійся благосостояніемъ, не позволитъ себя сѣчь; человѣкъ, котораго сѣкутъ, никогда не будетъ пользоваться благосостояніемъ, потому что онъ будетъ грязенъ и нравственно униженъ. — Окончательно запутавшись въ лабиринтѣ противорѣчивыхъ разсказовъ и взглядовъ на дѣло, я отправился на золотые промыслы, чтобы посмотрѣть на дѣйствительность и съ нитью личнаго наблюденія добраться до истины.

Порядочная горка! сказалъ я своему спутнику, поднимаясь шагомъ по узкой тропинкѣ, круто взвивавшейся по обрыву скалистой горы. Подо мною, въ безднѣ, бурлилъ весенній потокъ, покрытый корою снѣга, надо мною почти отвѣсно поднималась черная скала и на небѣ рисовались росшія въ трещинахъ деревья. На узкой тропѣ поминутно скользило осторожное копыто лошади; отрывался камень, скакалъ по обрыву, какъ пущенное ядро, разбивался на куски и его осколки летѣли со свистомъ, какъ у разорвавшейся бомбы. Несмотря на покойное положеніе на лошади, сознаніе опасности такъ утомляло нервы, какъ будто-бы я самъ карабкался по крутизнѣ. Каждую минуту я измѣрялъ глазами сокращавшуюся тропинку. Еще нѣсколько шаговъ и мы поднялись на лужайку, среди которой стояла небольшая сопка †). Отъ сопки этой до золотаго пріиска считалось съ небольшимъ пятьдесятъ верстъ. Очутившись на ровномъ мѣстѣ, я приготовился отдохнуть и пустилъ лошадь свою рысью, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ лошадь фыркнула, навострила уши

†) Сопкою называютъ въ Сибири конусообразную гору.

и вихремъ кинулась въ сторону; въ тоже время цѣлая стая хищныхъ птицъ поднялась съ разныхъ сторонъ и закружилась въ воздухѣ. Я увидѣлъ зрѣлище, весьма обыкновенное на сибирскихъ дорогахъ: полусъѣденный птицами трупъ лошади, съ отвратительными красными ранами и выклеванными глазами. Рядомъ съ нимъ лежало еще что-то; я едва могъ осилить себя, чтобы разсмотрѣть, и разсмотрѣлъ трупъ человѣка, умершаго отъ голода. Онъ, повидимому, хотѣлъ раздѣлить трапезу съ хищными птицами, но не успѣлъ и кончилъ свое существованіе. Павшая на дорогѣ лошадь была для меня зрѣлищемъ привычнымъ, но подобное прибавленіе такъ меня поразило, что я едва не лишился сознанія. «Господи,— вскричалъ мой проводникъ,—это Королевъ, мы съ нимъ вмѣстѣ на промыслѣ работали». Онъ совершенно растерялся, безъ причины привязалъ лошадь къ дереву, какъ будто хотѣлъ что-то сдѣлать, но только совался въ разныя стороны. Глядя на его оборванную фигуру, на торчащіе черные волосы, мнѣ пришла въ голову мысль, и я спросилъ его, не ожидаетъ ли онъ и для себя подобной участи? «Чего добраго,—отвѣтилъ онъ,—въ этой проклятой сторонѣ не мудрено дождаться, тутъ не то, что у насъ на Дону...» и пошелъ. Я остановилъ потокъ его краснорѣчія замѣчаніемъ, что нужно дать знать исправнику. «Вонъ-на,—отвѣчалъ онъ,—мало ли ихъ здѣсь по тайгамъ-то пропадаетъ, такъ обо всѣхъ и давать знать»; онъ прибавилъ, что скажетъ священнику, чтобы онъ заочно отпѣлъ покойнаго †).—Мнѣ сдѣлалось страшно, и я, для развлеченія, посмотрѣлъ кругомъ себя. Подо мною была глубокая долина, утопавшая въ лѣсной зелени, по серединѣ вилась рѣка по бѣлымъ камнямъ и яркой полосой желтѣлъ среди зелени песокъ. Съ боку камни были террасами наворочены на груды камней, и образовались двѣ скалы; зелень между каменьями была такая нѣжная, наливная, что она казалась скорѣе какимъ-то призракомъ, чѣмъ дѣйствительностью, и каждую минуту я ожидалъ, что она расплывется въ воздухѣ. Далѣе кругомъ, въ долинахъ, по холмамъ разросся безконечный лѣсъ; то онъ падалъ съ горы крутымъ скатомъ къ рѣкѣ, и на вершинѣ стояла сопка, то грядами поднималась его кудрявая зелень и густою тѣнью опускалась въ долину. Въ одномъ мѣстѣ рисовался на зеленомъ фонѣ рядъ остроконечныхъ горъ, покрытыхъ чернымъ лѣсомъ, въ другомъ лѣсистая вершина нависшей скалы грозила съ грохотомъ обрушиться въ долину и запрудить рѣку камнями. Все это кончалось зубцами сплошнаго лѣса. Надъ ними неясно былъ видѣнъ другой рядъ зигзаговъ темнаго лѣса; тутъ видны были и круглыя, и острыя вершины, длинные скаты и темныя долины. Еще далѣе, вдоль всего горизонта, тянулась цѣпь бѣлоснѣжныхъ горъ. То они возвышались зигзагъ надъ зигзагомъ и какъ будто устремлялись, чтобы достать небо, то вытягивались длиннымъ волокомъ. Съ живописной пестротой мѣнялись на горныхъ вершинахъ бѣлоснѣжная полоса съ темною отъ лѣсистаго оврага и, послѣ ряда

†) Заочное отпѣваніе встрѣчается нетолько въ Сибири, но и въ восточной Россіи.

угловъ, протянулись двѣ круглыя вершины самаго яркаго, розово-бѣлаго блеска и на нихъ хотя бы пятнышко тѣни. Надъ головою золотое небо. Кругомъ меня свистали соловьи, звонко раздавались трели одного, и сквозь мощные, полные звуки едва можно было разслышать отдаленное пѣніе другихъ. Мнѣ невольно пришло въ голову — вотъ какова природа и вотъ судьба человѣка! — Какъ же это случилось, чѣмъ объяснить такой ужасный конецъ рабочаго? — Будемъ на промыслѣ, все объяснится †).

---

†) Извѣстіе о работникахъ, умирающихъ въ тайгѣ отъ голоду и страданій, не въ первый разъ является въ печати; о работникахъ, умирающихъ въ Енисейской тайгѣ, говоритъ Кривошапкинъ, въ сочиненіи: «Енисейскій округъ и его жизнь. С.-Петербургъ 1865 г.» На стр. 191 сказано: «золотопромышленники и ихъ управляющіе, особенно сѣверной системы, смотрятъ на больницы съ особенной, коммерческой точки зрѣнія; они говорятъ, что наши пріисковыя больницы основываются только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ. Положимъ, что это отчасти справедливо; но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что можно выгонять на просторъ тайги всѣхъ трудно и затяжно-больныхъ, и надобно основать гдѣ-нибудь въ болѣе жиломъ мѣстѣ, или даже въ городѣ, общую лечебницу, куда бы свозить ихъ. А то, при каждомъ хроническомъ случаѣ: цынги, хроническаго ревматизма, водянки, хроническаго слизистаго катарра, чахотки и т. п., рабочихъ разсчитываютъ, съ означеніемъ въ разсчетныхъ листахъ: «разсчитанъ за болѣзнью; остался долженъ столько-то рублей, почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операцію будущаго года». Безъ всякаго призрѣнія, безъ подводы, отправляется себѣ больной пѣшкомъ по таежной глуши, подвергается всѣмъ перемѣнамъ суровой погоды — его мочитъ въ дождь и сверху и снизу, вѣтры пронизываютъ насквозь его дырявую одеженку, жуетъ онъ кое-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. И вотъ смотрите: одинъ, въ конвульсіяхъ, умираетъ на дорогѣ еще въ границахъ пріисковъ, и предается землѣ, съ вѣдома пріисковой полиціи, жильцами сосѣдняго зимовья. Другаго смерть застигаетъ гдѣ-нибудь на зимовьѣ, и, жарясь отъ боли на печи, прерываетъ онъ своими оханьями да глубокими вздохами тишину одинокой хижины; говорю одинокой, потому что живутъ чаще безъ семействъ, и въ ночное время можетъ вторить стону его развѣ сказочныхъ-котъ своимъ мурлыканьемъ, да храпъ зимовника, да изрѣдка съ просонья тявканье собаки, когда приснится ей какая-нибудь изъ дневныхъ сценъ. Третій протащится всю тайгу, умретъ гдѣ-нибудь вблизи дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себѣ на сошкахъ въ котелочкѣ воду для питья, въ Анциферовской уже волости и составитъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра для окружнаго врача. Четвертый дотаскивается до Енисейска и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни на квартиру, засыпаетъ тихимъ и вѣчнымъ сномъ, отъ чахотки, гдѣ-нибудь въ уютномъ уголку у забора, какъ случалось мнѣ видать. Пятый препровождается въ городскую больницу и, горько смотрѣть,—оборванный, безъ преувеличенія, до лоскутьевъ, замаранный грязью, пылью, даже долго, что нельзя узнать лика человѣческаго, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ взглядѣ—и только бѣлки глазъ, поворачивающихся то одной, то другой стороной, обличаютъ въ немъ живого человѣка, тѣмъ болѣе, что другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покоѣ и

Не стая воронов слеталась
На груды тлѣющихъ костей —
Удалыхъ шайка собиралась
Пушкинъ.

Пекарскій былъ знаменитый управляющій золотыми пріисками. Въ его рукахъ и бездоходный промыселъ дѣлался доходнымъ. Золотопромышленники смотрѣли на него съ умиленіемъ, а исправникъ и горное начальство превозносили его до небесъ — всѣмъ умѣлъ угодить Пекарскій. — Въ чемъ тайна вашего искусства?—спросилъ я его, выбравъ минуту откровенности.—Во многомъ,—отвѣтилъ онъ,—хотя напримѣръ въ томъ, что у меня никогда не бывало рабочихъ съ узаконенными видами (это было преувеличеніе). — Было уже поздно вечеромъ, звѣзды показались на небосклонѣ, торопливою рысью я приближался къ промыслу, которымъ управлялъ Пекарскій въ тайгѣ..... ..... округа. Нужно было нѣсколько верстъ ѣхать подъ гору. Когда мы стали приближаться къ промыслу, мы увидѣли, что работы на немъ были еще въ полномъ ходу. Мой проводникъ не могъ удержаться, чтобы не обратить на это мое вниманіе. «Живодеръ этотъ Пекарскій, — сказалъ онъ мнѣ, — ни на одномъ промыслѣ такой тяжелой работы нѣтъ, какъ у него. На зимнихъ работахъ у него народъ изъ силъ выбился, а потомъ онъ ни одному не заплатилъ, многіе погибли въ тайгѣ, какъ собаки, отъ голоду. Сначала они было въ Енисейскъ кинулись, смуту большую сдѣлали въ городѣ, все начальство узнало, а потомъ, какъ стали ихъ перебирать — тотъ безъ паспорта, другой безъ паспорта... Они бѣжать изъ Енисейска и оказалось, что онъ со всѣми раздѣлался, какъ слѣдуетъ». Близъ самаго промысла мы остановились и очутились въ кругу рабочихъ, возвращавшихся съ работы. Какая смѣсь одеждъ и лицъ: тутъ былъ и черкесъ, и финнъ, и бурятъ изъ восточной сибири; кто пришелъ въ лаптяхъ, кто въ сапогахъ; одинъ пришелъ безъ вида изъ Россіи,

---

засыпаютъ черезъ часъ, два и три по прибытіи въ больницу. Вотъ такими-то больными наполняется наша Енисейская больница и число больныхъ въ ней достигаетъ втрое противъ комплекта». Это свидѣтельство мѣстнаго врача, написанное явно подъ впечатлѣніемъ многократнаго опыта, не можетъ быть заподозрѣно въ преувеличеніи; если подобная участь можетъ ожидать рабочаго, имѣющаго законный видъ и всѣ законные документы, то читатель можетъ себѣ представить, что бываетъ съ бродягою. Это сочиненіе, изданное географическимъ обществомъ и посвященное графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, вовсе не имѣло главною цѣлью описаніе положенія рабочаго на золотыхъ пріискахъ; главною цѣлью его было описаніе сѣвернаго края и звѣроловства, въ прочихъ своихъ частяхъ оно всего болѣе географическое и, если авторъ говоритъ съ нѣкоторою подробностью о томъ, какъ умираютъ въ тайгѣ больные, то исключительно потому, что это явленіе слишкомъ поразило его во время его медицинской дѣятельности, и самый тонъ разсказа показываетъ, что онъ какъ-бы невольно вырвался у него изъ души. Впечатлѣніе было слишкомъ сильно, чтобы сохранить его въ себѣ, при описаніи края.

другой бѣжалъ изъ каторги. Грязные, оборванные, они представляли видъ самый жалкій. Деревня, гдѣ жили всѣ эти рабочіе, помѣщалась въ глубокой ямѣ, между горами. На краяхъ этой ямы, нѣсколько саженъ выше домовъ, лежалъ почти все лѣто, со всѣхъ сторонъ, снѣгъ. Какъ скоро солнце садилось, въ ней воздухъ былъ такой сырой и холодный, что безъ теплаго платья нельзя было показать носу на улицу; въ шубѣ было только не холодно. Между тѣмъ, многіе рабочіе, кромѣ рубахи, ничего на себѣ не имѣли, посинѣли и дрожали отъ холода. «Что, толсторожіе, шеи-то у васъ поубавилось немного?» замѣтилъ мой спутникъ, обращаясь къ толпѣ. Это была горькая иронія, люди эти были худы и блѣдны, какъ тѣни. Рабочія лошади такъ были измучены, что отъ нихъ остались одни только остовы, но хозяинъ объ этомъ не заботился, ему бы лошадь только дослужила до осени, а тамъ, если пропала, то туда ей и дорога. «Встрѣчалось ли вамъ такое, разноплеменное населеніе? — сказалъ мнѣ Пекарскій,—но зато я ихъ держу въ рукахъ; у меня конюхи лихіе: кого вспорятъ, тотъ будетъ помнить». — Вы ихъ порядочно прижимаете, должно быть?—сказалъ я. — «Прижмешь ихъ! — отвѣтилъ онъ,—они всѣ безпаспортные, они разбѣгутся, вотъ я и сяду на бобахъ, или золото будутъ на сторону продавать, тогда дохода не будетъ». Пекарскій кривилъ душою: его рабочіе вовсе не обладали такими легкими средствами, чтобы защитить себя отъ притѣсненій. Конечно, нужно родиться злодѣемъ, чтобы систематически пользоваться слабыми сторонами нашего соціальнаго быта, какъ ими пользовался Пекарскій. Но если мало людей дѣйствуютъ изъ злодѣйскихъ цѣлей, то многіе дѣлаютъ тоже по слабости характера или по трудности своего положенія. Какъ скоро существуетъ недостатокъ, то неизбѣжно явятся и люди, которые будутъ пользоваться имъ. Всякій разорившійся золотопромышленникъ по инстинкту самосохраненія дѣйствуетъ точно также, какъ Пекарскій, а чтобы дать понятіе о числѣ разорившихся золотопромышленниковъ достаточно сказать, что разоряются золотопромышленники, въ родѣ Глотовыхъ, у которыхъ пріиски, въ теченіе всего времени разработки, ни разу не дали убытку и до сего времени считаются золотымъ дномъ. Разорились они отъ безалабернаго хозяйства и отъ крайне высокихъ процентовъ на заемный капиталъ. Золотые промыслы находятся всегда въ непроходимыхъ лѣсахъ, за болотами и горами, нетолько вдали отъ всякаго жилья, но въ такихъ мѣстахъ, куда провозъ всякаго товара крайне затруднителенъ и куда никто не поѣдетъ безъ заказа. Иногда провозъ товаровъ лѣтомъ даже вовсе невозможенъ,—весь запасъ долженъ быть сдѣланъ зимою; промышленникъ не можетъ надѣяться обставить свой промыселъ покупною у окрестныхъ жителей,—необходимо дѣлать запасы посредствомъ поставщиковъ, а поставщики и состоятельнаго золотопромышленника иногда такъ нагибаютъ †), что самый богатый промы-

†) «Нагибать» выраженіе весьма употребительное на золотыхъ промыслахъ; оно значитъ: поставить человѣка въ безвыходное положеніе, при которомъ онъ вынужденъ или дорого платить за товаръ, или дешево продавать.

селъ не выдержитъ и разоритъ своего владѣльца, о разоренномъ же золотопромышленникѣ и говорить нечего; конкуренція между поставщиками, и безъ того недостаточная, уменьшается опасеніемъ не получить ничего. Покупать нужно все дорого, а между тѣмъ старые долги висятъ надъ головою; какъ же быть? неужели объявить себя несостоятельнымъ и впасть въ совершенную нищету?.. Промышленникъ рѣшается на послѣднее средство: онъ ведетъ дѣло, нанимая на работы почти исключительно бродягъ и бѣглыхъ — дѣло рисковое и болѣе или менѣе отчаянное. При наемкѣ рабочихъ онъ можетъ сократить, такимъ образомъ, первоначальныя свои издержки на половину. Въ отдаленную тайгу, напр. въ Енисейскую, не получивъ значительнаго задатка, никто не пойдетъ: надо заплатить подати, надо сдѣлать весною, въ распутицу, по непроходимымъ дорогамъ, черезъ безчисленные перевозы, можетъ быть, болѣе тысячи верстъ и поспѣть къ сроку; осенью, съ такими же затрудненіями, нужно сдѣлать тотъ же самый путь обратно; на все это за безцѣнокъ никто не рѣшится. Безпаспортный приметъ все, онъ возьметъ половину, третью часть задатка; но за то же, если онъ имѣетъ возможность, то, схвативъ задатокъ, онъ бѣжитъ, и искать его безполезно. Подобные бѣглецы, во всякомъ случаѣ, составляютъ исключеніе; обыкновенно безпаспортный примиряется съ своею участью. Дѣло начинается съ того, что, получивъ недостаточный задатокъ отъ хозяина, который самъ ходитъ почти безъ сапогъ, онъ отправляется въ путь весною, въ самую распутицу. Поговорите съ кѣмъ-нибудь изъ подобной, жалкой, оборванной партіи рабочихъ и едвали этотъ кто-нибудь желаетъ для себя чего-либо лучшаго, кромѣ смерти. Подобная партія производитъ впечатлѣніе собранія нищихъ въ самыхъ пестрыхъ и оригинальныхъ костюмахъ; тутъ встрѣчаются такія части одежды, что и придумать невозможно, что̀ это такое и изъ чего она сдѣлана. Одѣтый какъ попало, безъ денегъ, безъ средствъ, работникъ-бродяга бредетъ по непроходимой дорогѣ. Сначала его путь лежитъ по большому иркутскому тракту; трактъ этотъ весною составляетъ отчаяніе путешественника, — тутъ не проѣдешь ни на саняхъ, ни на телегѣ: нашему рабочему придется на каждомъ переходѣ раза два или три окунуться, по поясъ, въ мокрый снѣгъ или въ воду; его платье и обувь постоянно гніютъ на его тѣлѣ, а прійдетъ на станцію, согрѣться ему негдѣ и поѣсть нечего хорошенько. Въ богатую избу ему не войти, туда не пустятъ несчастнаго горемыку, отверженнаго міромъ; въ убогой же и голодно, и холодно. Всего чаще ему придется ночевать у барышника, который опасается, чтобы ему не показалось слишкомъ хорошо за дешевыя деньги и чтобы другимъ не повадно было столько же платить. Но большая дорога еще рай; съ нее ему придется своротить на малый торговый трактъ; по этому тракту двѣ лошади не могутъ бѣжать рядомъ, одна должна непремѣнно провалиться по брюхо, поэтому постоянно ѣздятъ цугомъ. Каждый разъ, когда онъ встрѣтится съ крестьяниномъ въ саняхъ, онъ долженъ идти въ снѣгъ по поясъ, а въ безчисленныхъ рытвинахъ и оврагахъ онъ проваливается въ воду по самую шею. Несмотря на всѣ эти страданія, онъ себя считаетъ все-еще счастливымъ человѣкомъ, въ сравненіи съ настоящимъ

бродягою, онъ даже теряетъ тотъ смиренный видъ, которымъ отличался, можетъ быть, нѣсколько недѣль тому назадъ. Но вотъ онъ вошелъ въ настоящую, пустынную, дѣвственную тайгу; жилья почти нѣтъ, дорогъ нѣтъ, снѣгъ саженной глубины, ему приходится то ночевать на снѣгу, то почти вплавь пробираться по лужамъ и прогалинамъ; онъ проклинаетъ свою судьбу и съ завистью вспоминаетъ о жизни бездомнаго бродяги. Онъ на пріискѣ; начались работы. Сначала дѣло еще идетъ кое-какъ, но вотъ является первый недостатокъ въ мясѣ. Нѣкоторое время его еще утѣшаютъ разными прибаутками, затѣмъ перестаютъ утѣшать, вотъ и хлѣбъ начался плохой, а потомъ и вовсе ѣсть нечего. Обувь, одежду, все, что для него необходимо, онъ долженъ покупать въ счетъ заработной платы отъ своего хозяина,—хозяинъ самъ купилъ въ долгъ дорого, а продаетъ еще дороже. Наконецъ, положеніе работника такъ плохо, что ему хуже, чѣмъ было бы въ острогѣ, ему хуже, чѣмъ было, когда онъ шатался по большимъ дорогамъ, жилъ милостынею и воровствомъ, ночевалъ въ овинахъ и въ баняхъ. Ему скверно, сквернѣе и быть не можетъ, а все-таки что-то его удерживаетъ въ этомъ положеніи; это что-то — любовь къ свободѣ, любовь къ опредѣленному положенію, надежда, хотя слабая и шаткая, что-нибудь пріобрѣсти. Таежный пріискъ—та же тюрьма и еще самая скверная, сырая, простудная тюрьма, по крайней мѣрѣ при такой обстановкѣ, а ему все кажется, что онъ на свободѣ; какъ ни плохо его мѣсто, а онъ все-таки при мѣстѣ, кончитъ работу, получитъ разсчетъ и напьется такъ, что нѣбу будетъ жарко. Онъ не думаетъ о томъ, что еще прежде, чѣмъ ему удастся напиться, какая-нибудь злая лихорадка отправитъ его на тотъ свѣтъ. Между тѣмъ, дѣла хозяина изъ рукъ вонъ плохи; въ безполезномъ отчаяніи онъ рветъ на себѣ волосы: на пріискѣ во всемъ недостатокъ. По преданію, его работники надѣялись продавать краденое золото и вознаграждать себя такимъ образомъ, куда! — самъ хозяинъ радъ продать или заложить золото въ частныя руки, украдкой отъ казны. Являются самыя ложныя и натянутыя отношенія, отъ которыхъ проигрываютъ всѣ. Работникъ балуется, начинаетъ работать неохотно, а хозяину работа нужна болѣе, чѣмъ кому-нибудь; непріятностямъ нѣтъ конца, нѣтъ конца и жестокостямъ. Наконецъ, приближается и наступилъ разсчетъ; работникъ считаетъ часы своей муки и ждетъ его съ нетерпѣніемъ, хозяинъ встрѣчаетъ его въ лихорадочномъ волненіи: какъ-нибудь, а надобно расчитаться, между тѣмъ въ карманѣ свиститъ. Дѣлаются всевозможныя натяжки и оказывается, что хозяинъ или ничего, или весьма мало долженъ своему работнику. Работникъ побьется, видитъ, что взять нечего, и пойдетъ мыкать свое горькое горе; ему ѣсть не давали, работой замаяли, нагайками тиранили, а при окончательномъ разсчетѣ даже и на выпивку денегъ не дали. Вотъ какова судьба бродяги на золотыхъ промыслахъ Сибири! Когда я встрѣчалъ эти жалкія партіи, мнѣ невольно думалось: сколько изъ васъ, господа, преждевременно погибнетъ отъ болѣзней, а иному, можетъ быть, грозитъ и голодная смерть.

Когда вамъ весною случится ѣхать по большому сибирскому тракту изъ Тюмени (Тобольской губерніи) въ Иркутскъ, то вамъ постоянно будутъ

встрѣчаться люди жалкаго, оборваннаго вида, смиренные, какъ только можно быть смиреннымъ. Они каждому низко кланяются, и если вы спросите ямщика, что это за люди? онъ вамъ отвѣтитъ коротко: «бродяжки». Спросите подобнаго человѣка въ тюрьмѣ, за что онъ судится, онъ никогда не скажетъ вамъ «за бродяжество», а скажетъ «за отлучку»—онъ стыдится своего положенія, онъ не бродяга, а «отлучившійся». Если человѣкъ идетъ по большой дорогѣ, по направленію отъ Иркутска къ Тюмени, и кланяется, то это навѣрное бродяга. Дайте ему денегъ, обласкайте его, онъ вамъ разскажетъ откровенно, какъ онъ бѣжалъ изъ каторги, потому что тамъ будто-бы пища плохая, работа тяжелая и начальство стало притѣснять, онъ вамъ покажетъ и свои клейма, если они у него есть, и разскажетъ, какъ онъ надѣется ихъ вывести. Спросите потомъ въ первой деревнѣ, сколько подобныхъ бродягъ проходитъ у нихъ? вамъ отвѣтятъ—много, въ иной день человѣкъ пятьдесятъ. Всѣ эти бродяги пробираются въ Россію; кромѣ того, въ Сибири не на однихъ золотыхъ промыслахъ, но на всѣхъ работахъ есть бродяги; бродяги живутъ въ работникахъ, и въ селеніяхъ у земледѣльцевъ, и въ производствахъ въ большомъ размѣрѣ, ихъ можно встрѣтить караульными на пасекахъ, въ пустынной тайгѣ и въ самыхъ многолюдныхъ мѣстахъ: они также незамѣтно скрываются среди людской толпы, какъ и среди непроницаемаго мрака. Можетъ быть, меньшая половина этихъ безпаспортныхъ бѣжала изъ восточной Сибири, значительная часть изъ нихъ пришла изъ Россіи и, можетъ быть, никогда не была въ тюрьмахъ и острогахъ. Бѣгло-каторжный, имѣющій свой собственный домъ и живущій въ немъ тридцать или сорокъ лѣтъ, весьма обыкновенное явленіе. Наконецъ, пусть не думаютъ, что бродяжество есть исключительная особенность Сибири. Правда, что въ Пермской губерніи весьма строго обходятся съ бродягами изъ Сибири и стараются не пропускать ихъ въ Россію, но они легко обходятъ нетолько эти затрудненія, но и самую губернію. Оттуда они проходятъ не только въ восточную и среднюю Россію, но и въ Петербургъ. Впрочемъ, Россія вовсе не нуждается въ сибирскихъ бродягахъ, у ней своихъ много; многія мѣстности, и часто такія, въ которыхъ всего болѣе развита промышленность, кишатъ бродягами. На официальномъ языкѣ это происходитъ отъ развитія зла пристанодержательства, въ дѣйствительности же этимъ пристанодержателямъ иногда и въ голову не приходитъ, что они преступники; они просто пользовались дешевою работою. Какъ много бродягъ въ Россіи и даже въ Петербургѣ—это можно легко видѣть изъ того, что каждый разъ, когда, по какому-нибудь случаю, полиція захватывала на улицѣ толпу или дѣлала обыскъ въ домѣ съ многочисленными обитателями, непремѣнно въ числѣ захваченныхъ оказывалось нѣсколько бродягъ. Читатель, прочитывающій газеты, вѣроятно помнитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Изъ всего этого видно, что бродяги въ Россіи — это значительный классъ работниковъ, судьбы котораго должны бы были обратить на себя вниманіе общества; еслибы столько бревенъ гнило, сколько тутъ людей погибаетъ, и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы серьезно объ этомъ подумать. Скажемъ нѣ-

сколько словъ о судьбахъ бродяги, объ его нравственномъ настроеніи и его страданіяхъ, и, конечно, начнемъ съ тюремнаго замка.

1. Содержащіеся узники должны довольствоваться, на основаніи закона, пищею хорошаго качества, но умѣренною.

5. Арестантамъ, трудящимся для собственныхъ нуждъ по замку и въ видахъ искорененія праздности, никакого особаго улучшенія въ пищѣ не полагать.

(Табель о родѣ пищи и о количествѣ припасовъ, потребныхъ на приготовленіе оной, для продовольствія арестантовъ.)

Каковы бы ни были причины бродяжества и хотя много бродягъ кончаютъ свою жизнь никогда не видавъ тюрьмы, однакоже столько ихъ проходитъ чрезъ тюремныя стѣны, и тюрьма имѣетъ такое важное вліяніе на нравственное состояніе бродяги, что тюремную его жизнь никакъ нельзя оставить безъ вниманія. Я не буду говорить о томъ вліяніи, которое оказываетъ тюрьма въ качествѣ орудія для прекращенія преступленій — это дѣло криминалистовъ, я буду говорить о томъ вліяніи, которое тюрьма оказываетъ на человѣка, въ качествѣ работника. Человѣкъ, у котораго преступная дѣятельность составляетъ существо его жизни — величайшая рѣдкость; люди же, которыхъ жизнь наполняется работой, составляютъ громадное большинство, и всякое существенное вліяніе на эту работу,—дѣло первостепенной важности. Жизнь работника—это борьба, въ которой онъ тѣмъ болѣе выиграетъ, чѣмъ болѣе онъ въ ней обнаружитъ ума и мужества; отъ исхода этой борьбы зависитъ нетолько его судьба, но судьба цивилизаціи и богатство всего общества. Если въ Англіи богаты лордъ и купецъ, то они этимъ обязаны англійскому рабочему, который имѣлъ столько ума и мужества, что не соглашался работать за низкую заработную плату. Пока русскій работникъ будетъ плохо питаться, до тѣхъ поръ невозможно развитіе въ Россіи земледѣлія и русское дворянство будетъ бѣдно; если этотъ работникъ улучшитъ свой обѣдъ прибавкой одной осьмнадцатой фунта мяса въ день, то потребуется увеличеніе земледѣльческихъ произведеній по цѣнности своей превышающее всю цѣнность нашей заграничной хлѣбной торговли. Если онъ будетъ выпивать по одной лишней рюмкѣ вина въ день, то увеличеніе его потребленія будетъ значительнѣе всей цѣнности товаровъ, ввозимыхъ въ Россію изъ-заграницы. Ни земледѣліе, ни промышленность не могутъ питаться потребленіемъ высшихъ классовъ, и до тѣхъ поръ, пока не увеличится потребленіе рабочаго класса, и образованная часть общества будетъ бѣдна, не предпріимчива и невѣжественна. Всѣ части общества одинаково заинтересованы въ увеличеніи заработковъ рабочаго класса, потому что отъ этого зависитъ ихъ общее благополучіе, увеличеніе же заработковъ рабочаго класса прямо пропорціонально развитію въ немъ ума и мужества; упадокъ этихъ качествъ имѣетъ неминуемымъ своимъ послѣдствіемъ развитіе въ немъ раболѣпія, самоуниже-

нія и бѣдности. Общество должно стараться устранять все, что можетъ порождать въ работникѣ эти качества. Пока работникъ свободенъ, пока онъ торгуется о заработной платѣ, пока онъ смотритъ въ оба, чтобы его не обсчиталъ хозяинъ или его управляющій, пока онъ напрягаетъ всѣ силы своихъ способностей, чтобы избѣгнуть когтей кулака и міроѣда, при торговлѣ своимъ земледѣльческимъ трудомъ и своими земледѣльческими произведеніями, жизнь, при мало-мальски сносномъ соціальномъ положеніи, скорѣе способствуетъ развитію въ работникѣ ума и характера, чѣмъ уничтоженію ихъ. Успѣхъ въ борьбѣ внушаетъ къ нему уваженіе въ его сферѣ, неудача влечетъ за собою пренебреженіе со стороны товарищей. Страсти въ немъ разгораются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большаго благосостоянія работникъ можетъ достигнуть въ случаѣ успѣха. Въ степяхъ восточной Россіи работникъ смотритъ довольно апатично на свою бѣдность, въ промышленныхъ губерніяхъ бѣдный работникъ — это несчастный и горькій страдалецъ; въ лохмотьяхъ, голодный, онъ долженъ переносить высокомѣрное презрѣніе своего товарища, который, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ такой же бѣдняга, какъ онъ, а теперь проводитъ мимо него свою жену въ шелковомъ платьѣ со шлейфомъ. Въ этой борьбѣ горькое чувство неудовлетворенныхъ потребностей и безнадежное отчаяніе, порожденное слабостью ума и характера, толкаютъ на путь преступленій и приводятъ къ тюрьмѣ. У насъ почти половина преступниковъ—воры†); я начертаю путь въ тюрьму, которымъ идутъ два вора, изъ двухъ крайнихъ слоевъ рабочаго класса, очерчу, среди степныхъ земледѣльцевъ, характерную фигуру конокрада, а въ городахъ—обыкновеннаго вора. Конокрадъ въ восточной Россіи, это сказочный герой, который воспламеняетъ воображеніе мѣстныхъ жителей, точно также, какъ разсказы о лѣшихъ и водяныхъ. Знаменитые конокрады послѣ смерти выростаютъ до величины какихъ-то героевъ и великановъ. Существуютъ семейства, гдѣ старшій слываетъ изъ рода въ родъ главою конокрадовъ; онъ еще до смерти дѣлается предметомъ разныхъ басенъ и дѣйствующихъ на воображеніе разсказовъ. Про одного разсказывали, напр., что онъ для воровскихъ своихъ похожденій укаталъ дорогу черезъ лѣса и горы, на разстояніи двухъ сотъ верстъ, которая не заходила ни въ одну деревню, и дѣйствительно отъ его дома начиналась дорога, которая носила многозначащее названіе воровской. Большія связи конокрадовъ, изумительная быстрота, съ которою они препровождаютъ лошадей изъ одной мѣстности въ другую, — поразительны; что лошадь продается за триста и болѣе верстъ—это дѣло весьма обыкновенное; случается, что лошадь, которая похищена ночью, въ полдень оказывается проданною за восемьдесятъ верстъ уже въ третьи руки и на нее выданы полиціею документы. Знаменитые въ окрестностяхъ конокрады пользуются значительнымъ благосостояніемъ и ни-

†) Преступленія, которыя у насъ совершаются изъ корыстныхъ побужденій, составляютъ около четырехъ пятыхъ всѣхъ преступленій.

когда не сидятъ въ тюрьмѣ; мало этого, ихъ положеніе совершенно безопасно, и они не подвергаются ни малѣйшему риску увидать тюремныя стѣны. Если-бы этотъ рискъ явился, они тотчасъ перенесли бы свою дѣятельность на другіе предметы; какая нужда зажиточному человѣку рисковать для пустяковъ. Я дошелъ до того момента, гдѣ начинается горькая, драматическая подкладка. Знаменитый конокрадъ, славный своими связями и быстротою, съ которою онъ можетъ провождать краденую лошадь за сотни верстъ, — это не воръ, а міроѣдъ, это самый безчеловѣчный изъ міроѣдовъ,—онъ сосетъ самую горькую нужду и заставляетъ покупать свои милости счастьемъ жизни цѣлаго семейства. Ночныя похожденія выпадаютъ на долю какого-нибудь бѣднаго родственника или сосѣда. Послушайте, какъ говоритъ конокрадъ о бѣдномъ; суровость его рѣчи, его энергическая безжалостная фигура напомнятъ вамъ великихъ притѣснителей человѣческаго рода. Для того, чтобы бѣднякъ дѣлалъ такъ, какъ онъ желаетъ, онъ долженъ быть такъ униженъ, какъ только можно быть униженнымъ, пригнутъ къ землѣ; онъ долженъ чувствовать себя въ безжалостной желѣзной рукѣ, которая его раздавитъ и не почувствуетъ притомъ ничего — конокрадъ это знаетъ и иногда въ величественной суровости обращенія не уступитъ восточному вельможѣ. Бѣднякъ воруетъ нерѣдко изъ одной угодливости, чтобы обезпечить себѣ помощь конокрада въ день голода или уплаты податей, за краденую лошадь ему случается получить въ награду пару лаптей. Конокрадъ не воруетъ лошадей, онъ и не продаетъ ихъ, это менѣе опасное дѣло выпадаетъ на долю людей, находящихся въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ воры; все дѣло конокрада—препровождать добычу. Онъ беретъ дань съ вора, онъ беретъ ее и съ обокраденнаго; его извѣстность привлекаетъ къ нему просителей объ отысканіи ворованныхъ лошадей, онъ беретъ съ нихъ деньги и, конечно, обманываетъ. Чаще всего воръ—жертва нужды и слабости воли, онъ рискуетъ счастьемъ своей жизни, чтобы набивать кошелекъ богатаго негодяя, но бываетъ и жертвой слабости другаго рода. Въ отдаленныхъ селахъ эта слабость исключительно—пьянство; масса нашего рабочаго населенія такъ бѣдна, что пьянствовать для нея рѣшительно невозможно. Въ глухихъ мѣстахъ большинство крестьянъ можетъ напиваться, на свой счетъ, не болѣе двухъ разъ въ году. При такой рѣдкости вина, оно имѣетъ для крестьянина неотразимую прелесть; лишь только онъ разбогатѣетъ, онъ начинаетъ пьянствовать безъ мѣры и это пьянство служитъ величайшимъ соблазномъ для всякой души. Безчувственный эгоистъ и трусъ оставляетъ голодомъ свое семейство, тиранитъ свою жену и продаетъ ея вещи, болѣе добродушный посѣщаетъ помочи и въ окончательномъ результатѣ опять-таки разоряетъ свое семейство. Этимъ объясняется сильное распространеніе помочи въ многоземельныхъ странахъ и легкость, съ которою тамъ путемъ помочей наживаются богатые. Избалованный помочами, этимъ злымъ орудіемъ міроѣдства, лихачъ опускается все больше, ему ѣсть нечего, подати нечѣмъ платить, а тутъ еще выпить хочется. Въ несчастную минуту ему удается украсть пару лошадей и онъ станетъ лицомъ къ лицу съ міроѣдомъ совсѣмъ другаго полета, съ конокрадомъ, который не выпуститъ его

изъ своихъ когтей, пока не сдѣлаетъ его жильцомъ тюрьмы и Сибири. Конокрадъ отъ него лошадей не приметъ, а приметъ неизвѣстный ему человѣкъ и онъ получитъ за нихъ штофъ водки; несмотря на горькую минуту разочарованія, эти люди обыкновенно такъ легкомысленны, что, подъ вліяніемъ дѣйствующихъ на нихъ интригъ, они повторяютъ свои попытки до тѣхъ поръ, пока не попадутъ въ Сибирь. Въ губернскихъ городахъ и въ столицахъ кадръ воровства составляютъ лица, которые никогда не бываютъ въ тюрьмахъ и въ острогахъ. Это—прислуга достаточныхъ и богатыхъ домовъ и люди, находящіеся близко къ деньгамъ и товарамъ. Ихъ пріемы извѣстны: вещь берется незамѣтно, въ случаѣ опасности возвращается и продается только когда уже нѣтъ никакой опасности; извѣстно также, что воровство это такъ распространено, что на него смотрятъ какъ на прибавокъ къ заработной платѣ, и мѣсто цѣнится нетолько по содержанію, которое получаетъ работникъ, но и потому, сколько тутъ можно украсть. Такимъ образомъ дѣлается возможнымъ довольно значительный и безопасный торгъ ворованными вещами. Одинъ весьма опытный въ этомъ отношеніи человѣкъ увѣрялъ меня, что въ столицахъ любой половой, да всякій торговецъ въ извѣстныхъ рядахъ, купятъ краденую вещь, потому выгодно, замѣчалъ онъ простодушно; въ извѣстныхъ мѣстахъ эта торговля имѣетъ такое вліяніе на цѣны, что даже нельзя торговать, не покупая краденыхъ вещей. Подобные же отзывы мнѣ приходилось слышать и о мелочной мѣщанской торговлѣ въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ. Какъ ни безнравственна подобная эксплуатація слабыхъ сторонъ соціальнаго быта, но люди, которые увеличиваютъ такимъ образомъ свои доходы, обнаруживаютъ умъ, самообладаніе и силу воли; каждый изъ нихъ остановится тамъ, гдѣ начнется опасность и гдѣ игра не будетъ стоить свѣчъ; тутъ повторяется тоже, что бываетъ между взяточниками, наживающими себѣ состоянія преступными путями.

Чѣмъ быстрѣе развивается промышленность въ какой-нибудь мѣстности, чѣмъ размашистѣе вертится колесо фортуны, тѣмъ больше ума и самообладанія нужно работнику для того, чтобы держаться постоянно на одномъ уровнѣ, тѣмъ ниже онъ можетъ пасть, и работникъ, который сегодня возбуждалъ зависть своихъ товарищей, можетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ очутиться на мостовой, умирающимъ съ голоду. По душевному своему настроенію, работникъ въ промышленныхъ центрахъ похожъ на человѣка, который идетъ по краю пропасти, въ которую незримыя силы постоянно стараются его свергнуть. Прислушайтесь къ ропоту рабочаго въ столицахъ или въ центрахъ промышленности по Волгѣ; страстная раздражительность его жалобъ тотчасъ покажетъ вамъ, какъ трудно ему держаться на своемъ мѣстѣ, какъ опасно его положеніе. Его потребности развиваются легко и быстро и лишь медленнымъ шагомъ идутъ за ними средства къ удовлетворенію; мудрено ли послѣ этого, что у него часто не хватитъ самообладанія, чтобы остановиться на грани безопасной безнравственности, и онъ попадаетъ въ тюрьму, иногда, можетъ быть, только потому, что онъ встрѣтился съ героемъ воровства, который ему разсказалъ о купцахъ, которые ѣздятъ по ярмаркамъ для торговли воровскими ве-

щами и наживаютъ большія состоянія, и представилъ ему прелести воровства въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Изъ числа всѣхъ воровъ, этого рода воры попадаются всего чаще въ тюрьму; это нетолько почти заурядъ лица безхарактерные, но по большей части глупые и вообще слабые головою. Нѣкоторые изъ нихъ такъ ограниченны, что они не могутъ идти, безъ посторонней помощи, далѣе того преступленія, которому ихъ научили — это какъ машина, заведенная на извѣстный ладъ. Даже убійцы ради воровства почти всегда безхарактерные люди, которымъ, вслѣдствіе ихъ легкомыслія и безхарактерности, чрезвычайно трудно было жить и которые, ради пустой прибыли, рискнули счастьемъ своей жизни. Значительная часть тюремнаго населенія, и именно единственная часть, на которую тюрьма можетъ имѣть дѣйствительное вліяніе—это люди безхарактерные, люди, которыхъ жизнь привела въ тюрьму потому, что имъ недоставало ума и силы воли, чтобы вынести ея бремя. Какъ же дѣйствуетъ на подобнаго человѣка тюрьма?

Сдѣланная въ заголовкѣ выписка изъ табели показываетъ, чего стараются достигнуть тюремнымъ заключеніемъ. Тюрьма должна быть страшна, поэтому въ ней должно быть хуже, чѣмъ на волѣ. Дѣйствительно, первый шагъ въ тюрьму производитъ на преступника ужасающее впечатлѣніе. Если онъ пойманъ съ поличнымъ, то его бьютъ, иногда весьма жестоко, до совершеннаго безчувствія, и потомъ арестуютъ при полиціи или при волости. Тутъ онъ помѣщается въ холодной комнатѣ, которая или вовсе не отопляется, или отопляется весьма плохо, одежды ему не отпускается, хоть погибай отъ мороза, пищи тоже никакой. Такъ преступникъ проводитъ иногда три недѣли и болѣе. Если вамъ въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ случится идти мимо части или полиціи, и вы за рѣшетками увидите людей, просящихъ милостыню — подайте имъ, между ними есть такіе, которые нѣсколько сутокъ не ѣли. Дрожа отъ холода, лишенный силъ отъ недостатка пищи, несчастный, избитый преступникъ сидитъ на грязномъ полу своей сырой конуры и иногда плачетъ, какъ ребенокъ. Завизжитъ замокъ, войдутъ люди, коротко и сурово обойдутся они съ нимъ и пустятъ голоднаго въ походъ; иногда на разстояніи ста верстъ и болѣе онъ отправляется безъ пищи, т. е. до перваго тюремнаго замка или до первой пересыльной тюрьмы, гдѣ есть чиновное начальство. Ему скверно, невыносимо скверно, а некому пожаловаться, негдѣ искать защиты, онъ чувствуетъ надъ собою какую-то невидимую, желѣзную руку, какую-то безжалостную, но неодолимую силу †). При свойственномъ ему малодушіи, онъ впа-

†) Помѣщенія при полиціяхъ губернскихъ городовъ иногда довольно обширны, но грязны и часто весьма сыры; при частяхъ и въ особенности въ уѣздныхъ городахъ малы и иногда безъ всякой мебели, такъ что въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ стѣнъ и полу. Въ Сибири и въ Россіи я вездѣ встрѣчалъ то же положеніе; исключеніе нашелъ въ немногихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Петербургѣ. Тутъ помѣщенія при полиціяхъ обширны, въ камерахъ нары, народъ валяется на полу только въ случаѣ тѣсноты; женщины отдѣлены отъ мужчинъ, помѣщенія топятся болѣе или менѣе достаточно и арестованный не можетъ голодать болѣе сутокъ, потому что каждый день изъ тюремнаго комитета посылается ему пища; на чистоту въ

даетъ въ совершенное отчаяніе и тысячу разъ проклинаетъ свой поступокъ. Онъ является въ стѣнахъ тюрьмы запуганнымъ, униженнымъ и готовымъ заискивать у всякаго арестанта, и арестанты въ самомъ скоромъ времени завладѣваютъ всѣмъ его существомъ: они для него власть, которой онъ всего болѣе боится, они же его покровители и учителя уголовнаго права, которое ему такъ необходимо. Въ самомъ скоромъ времени, съ нимъ происходитъ замѣчательная метаморфоза. Ужасное впечатлѣніе первоначальнаго ареста уже забыто, и, несмотря на всѣ неудобства и непріятности тюремной жизни, арестантъ начинаетъ замѣчать, что онъ никогда въ своей жизни не чувствовалъ себя до такой степени спокойнымъ и счастливымъ, какъ въ тюрьмѣ. Посадите его въ одиночное заключеніе, увеличьте страданія тюремной жизни до такой степени, что арестантъ будетъ умирать въ ней медленною смертью — будетъ тоже. Въ доказательство я могу привести то, что арестанты жалѣютъ объ отмѣнѣ прежняго пѣшаго путешествія въ Сибирь; эта ужасная система, отъ которой они гибли какъ мухи, однакоже, нравится имъ болѣе современной только потому, что она дѣлала ихъ жизнь въ тюрьмѣ болѣе продолжительною. Для человѣка безхарактернаго самое тяжкое, что можетъ быть — это борьба съ жизнью. Въ тюрьмѣ онъ чувствуетъ себя беззаботно и легко, ему нечего думать о завтрашнемъ днѣ, онъ не можетъ его ни улучшить, ни ухудшить; дѣйствительность не стоитъ кругомъ его живымъ упрекомъ въ глупости и въ безхарактерности, своей презрительной улыбкой не возбуждаетъ его страстей и не заставляетъ его очертя голову кидаться въ опасность. Онъ бѣденъ, правда, и жалокъ, но и всѣ кругомъ его бѣдны и жалки; ему легко среди этого равенства; обманывая въ мелочахъ бдительность начальства, онъ можетъ легко заслужить всеобщее уваженіе; то, что его погубило на волѣ, что такъ трудно достается въ жизни, обезпеченное положеніе и удовлетворенное тщеславіе, здѣсь предлагается даромъ. Ничто здѣсь ему не мѣшаетъ возвеличивать свое прошедшее до героическихъ размѣровъ. Съ голоду арестантская пища, можетъ быть, покажется ему превосходною, но изъ тщеславія онъ присоединится къ общему хору и будетъ ругать ее, а если дѣйствительно будетъ страдать отъ нея, то преувеличитъ свои страданія до крайней степени возможнаго †). Скоро

этихъ помѣщеніяхъ, впрочемъ, нельзя пожаловаться — въ Петербургѣ рѣдкій работникъ живетъ такъ грязно, а клоповъ, блохъ и вшей такое множество, что при большемъ числѣ арестантовъ, даже не изнѣженному работнику спать положительно невозможно. Тоже я видѣлъ въ большихъ городахъ, напримѣръ въ Казани. Только въ подобныхъ городахъ это первое заключеніе не служитъ для арестанта школою смиренія. Въ Петербургѣ онъ принимается арестантами съ радушіемъ, ему иногда бываетъ очень весело и онъ нерѣдко переходитъ въ тюрьму съ мыслью, что тамъ вовсе не такъ плохо, какъ онъ полагалъ. Въ Казани, въ полицейскомъ помѣщеніи каждый вечеръ было веселье, пѣсни и пляска.

†) Пища въ тюремныхъ замкахъ, начиная отъ Петербурга и кончая Сибирью, съ бо́льшими или меньшими уклоненіями, одинаковаго качества; она такова, что бо́льшая часть рабочаго класса въ Россіи питается также, а иногда и хуже. Въ Петербургѣ и въ иныхъ мѣстахъ въ провинціи ржаной хлѣбъ отпускается по вѣсу, въ провинціи встрѣчается хлѣбъ и лучше испеченый

онъ пріучится къ ханжеству въ выраженіи своего неудовольствія. Здѣсь всѣ ругаютъ пищу, всѣ недовольны смотрителемъ и проклинаютъ его по причинамъ и безъ причинъ. Въ тоже время онъ видитъ, что, несмотря на горькій ропотъ, всѣ повинуются безпрекословно. Онъ скоро пойметъ, что тутъ много существуетъ орудій усмиренія: карцеръ, оковы, ручные кандалы, въ которыхъ нельзя развести рукъ болѣе, чѣмъ на два вершка. Вотъ ему первый урокъ тюрьмы: онъ пріучается роптать всегда и на все и никогда ничего не дѣлать для улучшенія своего положенія. Его безхарактерная и дряблая натура дѣлается еще болѣе безхарактерною и дряблою. Тюрьма въ Россіи—это разсадникъ рабскихъ душъ. Развитіе преступниковъ у насъ точно также въ зародышѣ, какъ и развитіе цивилизаціи и промышленности; у преступниковъ существуютъ, правда, и свои легенды и свои пѣсни, но все это лишь зародыши въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается, напримѣръ, въ Англіи, но зато же развитіе раболѣпія и безхарактерности въ полномъ цвѣту. Вся тюремная жизнь способствуетъ въ арестантѣ развитію этихъ первыхъ впечатлѣній, прежде всего—совершенно праздная жизнь. Ничто не развиваетъ въ человѣкѣ въ такой степени безхарактерность, апатію, раболѣпіе и всѣ подлыя свойства, какъ беззаботная и праздная жизнь, жизнь, гдѣ умъ, сила воли, трудолюбіе и энергія—качества совершенно излишнія. Положеніе несравненно менѣе зловред-

---

и лучшаго качества. Въ другихъ мѣстахъ даютъ столько хлѣба, сколько арестантъ можетъ съѣсть, и не позволяютъ брать съ собою отъ обѣда. Похлебка или пустая, безъ мяса, или въ ней плаваютъ кусочки жира и отдѣльныя волокна мяса, или снятки. Мнѣ весьма часто случалось ѣсть у рабочаго человѣка похлебку, которая по вкусу и питательности была гораздо хуже арестантской. Помѣщеніе состоитъ въ губернскихъ городахъ, по большей части, изъ болѣе или менѣе обширныхъ залъ въ каменномъ зданіи, съ нарами, но иногда и безъ наръ и тогда зала представляетъ видъ обширнаго сарая, гдѣ люди валяются на полу. Тамъ, гдѣ водворенъ порядокъ, тамъ женщины и мужчины помѣщаются совершенно отдѣльно, нетолько въ отдѣльныхъ зданіяхъ, но и на отдѣльныхъ дворахъ. Конечно, украдкою и тутъ имъ удается имѣть свиданія, но нельзя сказать, чтобы разврату давался полный разгулъ. На мужскомъ дворѣ помѣщаются секретные и пересыльные въ отдѣльныхъ зданіяхъ. Въ главномъ зданіи, въ камерахъ они размѣщены по роду преступленія, дѣти не отдѣлены отъ взрослыхъ. Впрочемъ, всѣ эти раздѣленія не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, потому что арестанты сходятся на дворѣ и посѣщаютъ другъ друга. Дворъ чистый, полъ грязный, насѣкомыхъ иногда много. Въ уѣздныхъ городахъ я видѣлъ и каменные и деревянные остроги, у иныхъ стѣны были снаружи и внутри выбѣлены и видъ чистый. Я видѣлъ такіе, въ которыхъ нары были въ нѣсколько ярусовъ, что имъ придавало весьма мрачный видъ; даже въ губернскихъ городахъ я встрѣчалъ бани съ земляннымъ поломъ. Вообще тюремное помѣщеніе чаще производитъ на арестанта впечатлѣніе великолѣпное, чѣмъ унылое. Но вотъ наступаетъ зима; въ тюрьмѣ холодъ, сырость, отопленіе самое недостаточное, согрѣться негдѣ. Мало найдешь такихъ арестантовъ, которые въ этомъ отношеніи терпѣли на волѣ больше неудобствъ, чѣмъ въ тюрьмѣ; я видѣлъ тюрьмы, гдѣ со стѣнъ и съ потолка постоянно капало и текло, какъ въ банѣ. Насчетъ одежды также плохо, иной сидитъ въ своей оборванной лопоти и мерзнетъ, какъ въ лѣсу.

ное лишало нужныхъ для жизни качествъ рабовладѣльцевъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ только посредствомъ развитія одной беззаботности. Я зналъ тюремныхъ начальниковъ, которые имѣли благородное намѣреніе развить въ арестантахъ трудолюбіе, но всѣ ихъ попытки были неудачны, они встрѣчали неодолимое препятствіе въ тѣхъ распоряженіяхъ, которыми требовалось непремѣнно, чтобы арестанты трудились безъ вознагражденія. Рабскій трудъ въ одиночномъ и въ какомъ угодно заключеніи точно также вреденъ, какъ и праздность, онъ заглушаетъ человѣка, дѣлаетъ его беззаботнымъ и безхарактернымъ. Если арестантъ заключенъ лѣтомъ, то тюрьма, съ ея вѣчною лѣнью и беззаботною праздностью, можетъ показаться ему раемъ. Наивному арестанту эта вѣчная праздность кажется сначала весьма заманчивою, но скоро даже самой апатической, самой привыкшей къ единообразію натурѣ надоѣстъ по горло видѣть все тѣ же стѣны и все тѣ же лица. Никакого развлеченья, ни выпить, ни поволочиться, ни разгуляться нельзя, хотя бы чаю выпить — и того не удается; а кто пьетъ чай, кому удается, по временамъ, выпить, тотъ навѣрное привыкъ къ большему. Въ тюрьмѣ всѣ потребности сжимаются, всякій привыкаетъ къ неизвѣстнымъ для него ограниченіямъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ несчастныхъ бѣдняковъ. При свойственномъ ему легкомысліи арестантъ давно уже позабылъ о гнетущей тягости для него свободной жизни, онъ позабылъ, почему сначала для него такъ легко текли беззаботные дни въ тюрьмѣ, онъ всею душею стремится теперь на волю, ему кажется, что за стѣнами тюрьмы его жизнь потечетъ, какъ по маслу. Но въ то время, когда его взглядъ на тюрьму совершенно измѣнился, тюрьма съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разслабляетъ его нравственныя силы; питаясь тюремною премудростью бывалыхъ, онъ воображаетъ, что съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ новыя, могучія средства для жизненной борьбы, и только на волѣ горькій опытъ убѣдитъ его, какъ низко онъ палъ. Жалко глядѣть на этихъ несчастныхъ людей, которые не имѣютъ ни малѣйшаго предчувствія о томъ, что они есть и что ихъ ожидаетъ. Нравственная слабость тихо, незамѣтно проникаетъ все его существо. Въ тюрьмѣ арестантъ привыкаетъ смотрѣть на себя, какъ на послѣдняго, самаго униженнаго изъ смертныхъ; что не нужно никому, что другой постыдился бы ѣсть или новить, то еще довольно хорошо для него; онъ самъ называетъ себя несчастнымъ и всегда готовъ унижаться, кланяться и просить. Для него пріобрѣсти что-нибудь — это верхъ блаженства. Тюрьма — это школа дешеваго труда; только рабы способны трудиться изъ такихъ ничтожныхъ выгодъ, изъ которыхъ трудится арестантъ. Я встрѣчалъ арестантовъ, которые трудились мѣсяцъ, чтобы пріобрѣсти тридцать копѣекъ, за день труда приходилась копѣйка. За цѣлый мѣсяцъ труда ему удавалось одинъ разъ выпить. Я видѣлъ арестанта, который трудился цѣлый годъ и копилъ все, что онъ вырабатывалъ—онъ скопилъ въ годъ пять рублей. Когда человѣкъ въ жизни своей не имѣетъ никакого другаго развлеченія, кромѣ отпиранья и запиранья камеры, въ которой онъ находится, тогда немудрено, что онъ трудится для достиженія такихъ ничтожныхъ выгодъ. Нерѣдко онъ трудится такимъ образомъ надъ фальшивою ассигнаціею и для ка-

кихъ-нибудь двадцати пяти копѣекъ, онъ готовъ сдѣлать себя несчастнымъ на многіе годы; та самая безхарактерность, которая привела его въ тюрьму, достигаетъ высшей степени развитія, къ какому она способна — онъ дѣлается человѣкомъ совершенно негоднымъ для жизни, человѣкомъ, котораго жизнь будетъ такъ давить, что ему останется одно спасенье въ тюрьмѣ. Это общая участь всѣхъ слишкомъ сильныхъ мѣръ, онѣ приводятъ вовсе не къ тому, къ чему слѣдовало бы придти. Если человѣкъ, который совершитъ преступленіе, получитъ хорошій урокъ, который убѣдитъ его, что поступать такимъ образомъ нетолько скверно, но и невыгодно, если онъ притомъ сохранитъ всѣ свои силы и средства для жизни безъ нужды и униженій, то онъ, конечно, другой разъ не поддастся соблазну, точно также, какъ ямщикъ, который разъ загналъ лошадь для того, чтобы получить полтинникъ на водку, другой разъ никогда не будетъ такъ гонять свою тройку †); но если, вмѣсто того, преступникъ совершенно уничтожается, то ему останется только переходить отъ преступленія къ преступленію, пока тюрьмы и каторги не измучатъ его до смерти. Жалуются, что тюрьма есть школа воровства. Пусть тюрьму устроиваютъ какъ угодно, пусть доведутъ въ ней одиночество до возможной для человѣка степени, она все будетъ школою воровства; воровской пропагандѣ не будетъ никакого противовѣса, и чѣмъ рѣже будутъ уроки, тѣмъ глубже они врѣжутся въ память. Создайте среди арестантовъ трудовую собственность, и чѣмъ тѣснѣе они будутъ жить вмѣстѣ, тѣмъ сильнѣе будетъ антиворовская пропаганда; уже въ настоящее время, тамъ гдѣ арестантамъ удается пріобрѣтать что-нибудь, они жестоко бьютъ воришекъ; цѣлая палата вступается за обворованнаго товарища, кидается на вора и такъ жестоко его истязаетъ, что его приходится спасать одиночнымъ заключеніемъ; я былъ свидѣтелемъ случая, гдѣ подобная кулачная пропаганда честности была ведена исключительно во имя принципа; обокраденный былъ слѣпой, служившій всеобщимъ посмѣшищемъ, и воръ никакъ не полагалъ, что онъ можетъ въ комъ-нибудь найти себѣ защитника, и онъ совершенно растерялся, когда со всѣхъ сторонъ на него посыпались удары и всякій торопился кулакомъ или ногою показать, что и онъ принимаетъ участіе въ общемъ дѣлѣ.

Униженный, забывающій съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что такое трудовая жизнь, арестантъ нравственно убаюкивается тюремною дисциплиною. Въ этой школѣ смиренія избѣгаютъ всего, что могло бы пробудить въ человѣкѣ энергію или привести кровь его въ волненіе; лишь только въ острогѣ компанія арестантовъ дѣлается значительнѣе, начинается запиранье днемъ и выпусканье по очереди на два часа, чтобы не было скопленья людей на дворѣ; всякія шумныя и веселыя игры запрещаются; лишь только гдѣ проявится слишкомъ много жизни, тотчасъ водворяется тишина. Съ рѣдкими исключеніями, острогъ представляетъ видъ монастыря. По двору, въ

†) Выше было показано, что три четверти преступленій есть плодъ дурно разсчитанныхъ выгодъ.

камерахъ, разсыпаны группы людей; одни плавно ходятъ взадъ и впередъ, другіе сидятъ группой или стоятъ молча; изрѣдка видишь человѣка, который сидитъ и точитъ объ мостовую кость, чтобы сдѣлать изъ нея грошевое колечко, или группу играющихъ въ карты или въ шашки. Чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени тюрьма лишаетъ человѣка человѣческаго образа, до какой степени она его унижаетъ и дѣлаетъ неспособнымъ къ гражданской жизни, стоитъ сдѣлать нѣсколько наблюденій на этапахъ. Вотъ крестьянинъ, арестованный нѣсколько недѣль тому назадъ, онъ еще полонъ недавней жизненной борьбы, въ немъ бурно взволновались всѣ жизненныя страсти и опасенія. Въ оборваномъ полушубкѣ онъ цѣлый день лежитъ у дверей и переговаривается съ своею матерью. Я слушалъ его нѣсколько часовъ и не узналъ даже, въ чемъ его преступленіе и за что онъ тутъ сидитъ, но зато узналъ во всѣхъ подробностяхъ всю его домашнюю обстановку: я узналъ, что у него одна корова, лошадь съ жеребенкомъ, пять овецъ; узналъ и много лицъ изъ его села, степень ихъ годности и довѣрія, котораго они заслуживаютъ, отношеніе ихъ къ его семейству; наслушался сентенцій и практическихъ взглядовъ на сельское хозяйство. Сторожъ вяло отгонялъ его отъ дыры, и не замѣчалъ его смотритель: вѣдь и сторожъ живетъ среди житейской борьбы, вѣдь и у смотрителя есть жена, дѣти, житейскія заботы,—всѣмъ оказались доступными его чувства, и я съ любопытствомъ наблюдалъ эти психологическія проявленія невольнаго сочувствія. Вотъ цѣлая толпа арестантовъ, просидѣвшихъ годъ, два и болѣе, съ ней можно просидѣть нетолько нѣсколько часовъ, но двѣ и три недѣли, и ничего не услыхать, кромѣ уголовнаго права, тюремной статистики и тюремной исторіи или пѣсни о побѣгѣ арестанта Ланскаго. Просидитъ этотъ крестьянинъ года два и онъ будетъ такой же, и онъ не будетъ существовать для жизни. Слушая этихъ людей, вы чувствуете, что для нихъ тюрьма замѣнила и семью, и друзей, и знакомыхъ, пожалуй и отечество, мудрено ли, если они такъ тяготѣютъ къ ней и на волѣ. Вотъ каково вліяніе тюрьмы. На основаніи свѣдѣній за 1863 годъ, въ этомъ году оправдано 250,707 человѣкъ †), обвиняемыхъ въ преступленіяхъ: въ теченіе поколѣнія это составило бы болѣе шести милліоновъ человѣкъ, почти десять процентовъ населенія. Сколько изъ нихъ будетъ жертвъ тюрьмы? Какіе-то результаты дастъ намъ новое судопроизводство? Дай Богъ, чтобы мы перестали видѣть то, что видали до сихъ поръ. Энергическія жалобы на долгое заключеніе оправдываемыхъ преступниковъ слышатся въ печати и тамъ, гдѣ введено новое судопроизводство. Что-то будетъ?

Для арестанта путешествіе по этапу есть самый счастливый эпизодъ въ его тюремной жизни. Тутъ кончается однообразіе тюрьмы и начинается жизнь относительно разнообразная и даже полная похожденій, а кромѣ того у арестанта являются деньги. При такихъ условіяхъ, раны, которыя ему дѣлаютъ цѣпи, простуда, которой онъ подвергается, ему ни по чемъ. Онъ

†) См. «Статистическій временникъ» 1866 года.

идетъ, побрякивая цѣпями, верстъ двадцать или тридцать въ сутки, и затѣмъ приходитъ на этапъ. Этотъ этапъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ, не болѣе, не менѣе, какъ убогая, черная, крестьянская изба, съ желѣзными рѣшетками; въ мѣстахъ болѣе бойкихъ это — форменный домъ, состоящій изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, обнесенный рвомъ. Тутъ арестантъ не подвергается особеннымъ страданіямъ отъ насѣкомыхъ и отъ холоду. Несчастливъ онъ только, когда ему придется съ малою компаніею ночевать на большомъ этапѣ: тутъ ему придется цѣлую ночь проходить взадъ и впередъ, не смыкая глазъ, дотого его обсыпятъ разныя насѣкомыя. Вотъ онъ попалъ на большой трактъ, его везутъ, то по желѣзной дорогѣ, то на пароходѣ, то тройками †). Это путешествіе, которое привело бы въ неописанный ужасъ благовоспитаннаго путешественника, для него чуть не рай. Что бы сказалъ благородный путешественникъ, еслибы его помѣстили даже не на палубу, а въ семейную камеру; онъ входитъ въ низкую, темную каюту съ нарами, гдѣ вмѣсто оконъ щели, большая половина стеколъ разбита, въ окна, въ трубы дуетъ, негдѣ спастись отъ холода и сквознаго вѣтра; можно биться объ закладъ, что благородный путешественникъ черезъ сутки получитъ тутъ воспаленіе горла, а арестантъ говоритъ, что тутъ чудесно. Но онъ напрасно увлекается внѣшностью, онъ тоже человѣкъ и нерѣдко ему приходится платиться тяжкою простудою. Тоже его ожидаетъ и на этапахъ, въ этихъ обширныхъ, грязныхъ сараяхъ, съ выбитыми окнами. Можно судить, до чего опустился человѣкъ, для котораго подобное путешествіе кажется часто болѣе привлекательнымъ, чѣмъ трудовая и свободная жизнь. Послѣ этого отдыха, который арестанту иногда такъ дорого достается, начинается для него послѣдній періодъ смиренія — каторга или арестантскія роты. Тутъ онъ уже не остается празднымъ, а принуждается къ безвозмездной, чисто рабской работѣ; развитіе безхарактерности и раболѣпія достигаетъ въ немъ своего крайняго предѣла. Онъ работаетъ часто тяжко, до изнуренія силъ, дотого, что у него дѣлается растяженіе жилъ на рукахъ и на ногахъ, и питается притомъ иногда совершенно недостаточно; въ арестантскихъ ротахъ еще рѣже жалуются на недостаточную пищу, а изъ каторги слышны горькія жалобы. Теперь это уже болѣе не человѣкъ, это выжимки человѣка, существо затупленное, безъ характера и энергіи; въ немъ иногда осталось еще звѣрство, которое принимается за энергію по такой же ошибкѣ, по которой звѣрство сумасшедшаго въ теченіе столѣтій принималось за силу, пока наука не доказала упадокъ силъ тамъ, гдѣ находили ихъ увеличеніе. Когда въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каторжный трудъ былъ замѣненъ свободнымъ, нѣкоторые начальники никакъ не умѣли справиться съ свободными работниками, они совершенно терялись, встрѣтившись съ относительно-энергическою личностью свободнаго человѣка; мнѣ неоднократно приходилось слышать желчныя жалобы на свободныхъ ра-

†) Это распоряженіе то дѣлалось, то опять отмѣнялось — не знаю, какъ теперь.

ботниковъ и хвалебные гимны каторжнымъ. Когда у человѣка начинаютъ парализироваться душевныя силы, ему кажется, что онѣ увеличились до невѣроятія, онъ самъ себѣ представляется великимъ геніемъ и героемъ и чрезвычайно удивляется, когда его привозятъ въ сумасшедшій домъ; тоже самое происходитъ и съ каторжнымъ: чѣмъ ниже онъ падаетъ, тѣмъ болѣе ему кажется, что онъ пріобрѣлъ опытности и силы,—и горько разочарованіе, которое его ожидаетъ при первой встрѣчѣ съ дѣйствительностью.

Школа смиренія увѣнчивается для бродяги — въ бѣгахъ. Иной думаетъ, что онъ будетъ царь на волѣ, грозный и страшный для всѣхъ, но лишь только онъ потерялъ изъ виду стѣны тюрьмы и своихъ преслѣдователей, какъ убѣждается, что дѣйствительность вовсе не соотвѣтствуетъ его мечтамъ. Онъ полагалъ, что онъ будетъ страшилище для крестьянъ, а между тѣмъ горькій опытъ убѣдитъ его, что онъ боится крестьянина гораздо больше, чѣмъ крестьянинъ его. Тутъ положеніе то же самое, какъ между человѣкомъ и медвѣдемъ. Медвѣдь, кажется, страшный звѣрь, а между тѣмъ медвѣдь боится человѣка гораздо болѣе, чѣмъ человѣкъ медвѣдя †), у медвѣдя умъ и воля слабѣе. Отчего медвѣдь боится человѣка болѣе, чѣмъ человѣкъ медвѣдя, спросилъ я однажды таежнаго жителя. Очень просто, отвѣчалъ онъ, человѣкъ охотится за медвѣдемъ, а не медвѣдь за человѣкомъ. Тоже можно сказать и о бѣгломъ; крестьянинъ ловитъ бѣглаго, а не бѣглый крестьянина. Иной разъ у бѣглаго голодъ трезвонитъ въ желудкѣ, а между тѣмъ нетолько взойти въ деревню и избу, но и увидѣть ее страшно. Скоро онъ придетъ въ такое душевное настроеніе, что онъ каждому крестьянину и каждому полицейскому въ городѣ готовъ поклониться нетолько въ поясъ, но и въ ноги, лишь бы оставилъ его въ покоѣ. Въ селахъ Сибири, какъ скоро бѣглые начинаютъ пошаливать, крестьяне тотчасъ дѣлаютъ облаву, а въ городахъ облавы дѣлаются систематически солдатами внутренней стражи. Этихъ облавъ бѣглые такъ боятся, что сами выдаютъ вора, лишь бы не довести до облавы. Въ теченіе лѣта бѣглый, съ нуждой и смиреніемъ, еще кое-какъ пробьется, а зимой ему жить въ такомъ положеніи вовсе невозможно, зимой странствующіе бѣглые исчезаютъ повсемѣстно, какъ будто сквозь землю провалились. Итакъ, бѣглый, какъ ни шатается лѣтомъ, а къ зимѣ ему крайне необходимо быть на мѣстѣ. Если онъ еще на сколько-нибудь остался человѣкомъ, тогда онъ найдетъ себѣ зимнюю работу, въ противномъ случаѣ, онъ добровольно пойдетъ снова въ острогъ. Съ пріисканіемъ работы у него начинается періодъ возрожденія. Мы видѣли его жизнь острожную и бродячую, посмотримъ теперь на рабочую.

---

†) Когда медвѣдь гонитъ табунъ лошадей и табунъ этотъ увидитъ безоружнаго человѣка, онъ прямо летитъ къ нему и останавливается, медвѣдь испугается и не рѣшится продолжать преслѣдованіе.

Развеселое житье!
Салтыковъ.

Въ городѣ Т., на мосту, стоятъ два человѣка, оба оборваны. Одинъ средняго роста, рыжій, съ голубыми глазами; нѣжная кожа его полопалась и висѣла клочьями, изъ-подъ клочьевъ виднѣлись красныя опухоли, покрытыя веснушками. Другой, смуглый, высокій, отъ худобы глаза у него впали, а носъ вытянулся, что, вмѣстѣ съ всклоченными волосами, придавало ему свирѣпый видъ. Это — бѣглые. Они только-что отдали послѣднія свои семь копѣекъ какой-то приказной строкѣ за два вида; то были не фальшивые, а старые, негодные виды. Эта же самая приказная строка сказала имъ, что купецъ Ланитинъ принимаетъ бѣглыхъ. Они остановились на мосту помолиться богу и собраться съ силами. Довольно смѣло вошли они къ Ланитину, въ незапертую переднюю, тамъ никого не было. Черезъ нѣсколько секундъ раздался безпокойный голосъ: «кто тамъ?» Въ переднюю вошелъ хозяинъ. Онъ посмотрѣлъ на ихъ виды и поднялъ гвалтъ и шумъ на весь домъ. «Воры, мошенники,—кричалъ онъ,—это вы воровать ходите, а говорите наниматься». Сбѣжались люди, кто съ дубьемъ, кто съ метлой, избили нашихъ героевъ, какъ несчастныхъ собакъ; они кинулись черезъ заборъ въ оврагъ, съ силою отчаянья спрыгнули съ двухсаженной высоты и, сами не зная какъ, очутились въ безопасности, подъ мостомъ, въ двухъ верстахъ отъ города. Въ то время, какъ Ланитинъ благословлялъ судьбу за спасенье имущества, а можетъ быть и жизни, наши бродяги сидѣли подъ мостомъ и плакали горькими слезами; обманула приказная строка, а они послѣднія деньги отдали, теперь хлѣба не на что купить. Подъ мостомъ они сидѣли и тужили до тѣхъ поръ, пока сила голода не выгнала ихъ оттуда. Была уже ночь, въ городъ идти опасно, они остановились на кладбищѣ, въ самомъ концѣ, гдѣ не было уже ни крестовъ, ни памятниковъ, а то, пожалуй, подумаютъ, что они воровать пришли. Они сидѣли между могилами и отъ голода и волненія не могли спать всю ночь. Вдругъ они увидали какой-то свѣтъ надъ могилами, какъ будто-бы какой-то ликъ засіялъ и поднялся къ небу. «Не жильцы мы на этомъ свѣтѣ», сказалъ смуглый своему товарищу: онъ былъ очень набоженъ и имѣлъ множество предразсудковъ. На другой день они опять вошли въ городъ и сѣли на мосту; отъ голоду они чувствовали слабость въ ногахъ, а между тѣмъ они рѣшительно не знали, что дѣлать; но судьба послала имъ счастье. Трое такихъ же безпаспортныхъ, какъ и они, пригласили ихъ присоединиться къ нимъ и наняться въ работу къ купцу Покровскому. Отправились къ Покровскому. Повидимому, новые ихъ товарищи сдѣлали не меньше горькихъ опытовъ, чѣмъ они; поэтому, они прошли сначала два раза мимо дома Покровскаго, потомъ остановились противъ двора и долго смотрѣли на него, выжидая, не обнаружится ли какихъ-нибудь благопріятныхъ признаковъ. На дворѣ было пусто, только собака шла тихими шагами, да козелъ лежалъ понурясь около дровъ; благопріятныхъ признаковъ никакихъ. Поэтому, они

отошли за уголъ къ погорѣлому дому, постояли тамъ около получаса и опять подошли ко двору. Снова никакихъ благопріятныхъ признаковъ. Въ третій разъ благопріятный признакъ показался въ видѣ разбитного прикащика, который, потряхивая кудрями, бѣжалъ черезъ дворъ изъ конторы. Они подошли, прикащикъ остановился, посмотрѣлъ на ихъ виды. «Убирайтесь, знаете куда, съ такими видами», сказалъ онъ и быстро, какъ тѣнь, мелькнулъ въ подъѣздъ главнаго дома. Понурились головы, закололо въ сердцахъ, но нечего дѣлать, пошли наши ребята. Отошли версты полторы, сами не зная зачѣмъ, и отъ изнеможенія сѣли около пустаго мѣста. Просидѣли они съ часъ, не сказавъ другъ другу ни слова: не говорливъ мужикъ, когда его горе одолѣваетъ. «Что же вы ребята говорили, что у Покровскаго нанимаютъ», сказалъ наконецъ рыжій. «Это вѣрно, что нанимаютъ, — отвѣтилъ одинъ изъ товарищей, — надо подождать самого хозяина». Немного погодя, опять пошли къ дому Покровскаго и стали дожидаться, но не у самаго дома и не рядомъ, а напротивуположной сторонѣ и какъ-то наискось, какъ будто они боялись, что отъ Покровскаго въ нихъ кто-нибудь выстрѣлитъ изъ окна. Часа черезъ три подали къ подъѣзду пару, и на крыльцѣ появился Покровскій. Мужики подошли къ нему. «Приходите завтра, теперь времени нѣтъ», сказалъ онъ и уѣхалъ. Цѣлую ночь шелъ дождь, выдержать въ лѣсу не было никакой возможности, въ кусту сидѣть точно въ водѣ, промокли до нитки, а вѣтеръ такъ сквозь и пронимаетъ, подумали: не лучше ли утопиться, одинъ конецъ всѣмъ? «Вѣрно, что утонуть намъ, — сказалъ черный, — мы не жильцы здѣсь». Къ счастью, на полѣ оказался стогъ, хотѣли въ немъ укрыться отъ дождя, но только-что устроились — разсвѣло и надо было опять идти въ городъ. Утренникъ былъ морозный, отъ голоду имъ еще холоднѣе показалось, зубы стучали, голова кружилась, они шатались, какъ пьяные; — нѣсколько разъ они оступались и падали въ ровъ близъ дороги. Когда они подошли къ дому Покровскаго, было еще очень рано, но на этотъ разъ они ждали бодро; лишь только отворили ворота, они сказали, что хозяинъ приказалъ имъ войти, и вошли. На дворѣ они просидѣли четыре часа, а дождь лилъ ливнемъ. На крыльцо вышелъ мальчикъ, въ одной рукѣ у него былъ кусокъ мяса, а въ другой хлѣбъ, онъ жевалъ за обѣ щеки и какъ будто-бы дразнилъ ихъ; отъ этого они почувствовали такой припадокъ подобострастія, что всѣ встали и смиренно сняли передъ нимъ шапки. Часу въ девятомъ, на крыльцо вышелъ Покровскій въ халатѣ, посмотрѣлъ ихъ виды, спросилъ, нѣтъ ли у нихъ лучше видовъ? «Нечего дѣлать, — сказалъ онъ, — приходите часу въ седьмомъ вечера, я васъ возьму». Они вышли съ сіяющими лицами, настала для нихъ минута полнаго нравственнаго успокоенія, но вслѣдъ затѣмъ они почувствовали такой ужасный припадокъ голода, что готовы были кинуться на перваго прохожаго и растерзать его на куски; въ глазахъ у нихъ потемнѣло, ноги рѣшительно отказались служить, а до вечера было еще далеко. Что дѣлать? — просить милостыню, — но какъ просить теперь, когда они нашли мѣсто; ихъ могутъ забрать въ полицію и они могутъ лишиться всего; — украсть еще опаснѣе. Они рѣшились терпѣть. На ихъ несчастье несетъ человѣкъ

мимо печеные хлѣбы. Не могли они утерпѣть, подошли, смиренно сняли шапки: «отецъ родной, сказали они, — семь дней мы не ѣли, одолжи кусочекъ хлѣба». Они получили кусокъ хлѣба, вѣсомъ около трехъ четвертей фунта; они раздѣлили его между собою и вышло плохо, когда они съѣли свои части: голодъ такъ разъигрался, что едва не свелъ ихъ съ ума. Тянулось же время до шести часовъ, однако-же и шесть часовъ наступили; увидали они Покровскаго. Съ нимъ были какой-то чиновникъ и какой-то прикащикъ. «Согласны вы тяжелую работу работать?—спросилъ онъ ихъ,—будете повиноваться безпрекословно?» — «Будемъ», отвѣчали они. — «Смотрите, вы не безъ свидѣтелей, а при чиновномъ лицѣ это говорите — назидательно сказалъ Покровскій,—потомъ не отвертитесь, не отмолитесь». — «Будемъ стараться твоей милости», былъ отвѣтъ. — «Насчетъ платы не безпокойтесь, не обижу. Завтра приходите до свѣту, вотъ этотъ молодецъ васъ отправитъ... Верстъ за двѣсти, не болѣе». Таковы были заключительныя слова Покровскаго, онъ повернулся и ушелъ. Наши герои вышли за ворота, къ нимъ подошелъ какой-то парень лѣтъ двадцати. «Что онъ вамъ сказалъ?» спросилъ парень. «На тяжелую работу согласны ли, а о платѣ безъ сумленія», отвѣчали они, съ удареніемъ на послѣдней фразѣ, чтобы хотя сколько-нибудь прикрасить отвѣтъ Покровскаго. «Ну плохо,—сказалъ парень,—васъ канаву заставятъ рыть, а денегъ вамъ нисколько не заработать, за одинъ хлѣбъ будете трудиться, да и хлѣбъ-то такой, что лучше не ѣсть. Идите ребята лучше топиться въ рѣку»; парень повернулся и исчезъ. Наши герои растерялись, какъ будто ихъ сначала облили холодною водою, а потомъ ошпарили кипяткомъ. Была уже глубокая ночь, наши ребята сидѣли за-городомъ подъ какимъ-то навѣсомъ и разсуждали, не лучше ли имъ явиться къ начальству и заявить себя бродягами. Они разсуждали такъ, какъ разсуждаютъ люди, умирающіе съ голоду: за нѣсколькими минутами разговора слѣдовалъ часъ молчанія или, лучше сказать, отсутствія сознанія. Рѣшили не являться къ начальству, — если явиться къ начальству, то посадятъ въ полицію и опять придется нѣсколько дней голодать, а голодать болѣе они не были въ состояніи. Утромъ они встали до свѣту и съ тяжкимъ сердцемъ пошли въ кабалу къ купчинѣ-эксплуататору. Пріѣхали на мѣсто — радость: канаву копать не имъ, а нанимаютъ какихъ-то другихъ. Однако же ихъ все-таки нарядили на канаву, но не надолго, только на одинъ день, пока не прибудутъ другіе. Прошелъ день, прошла недѣля, доходитъ и мѣсяцъ, а ихъ все наряжаютъ на канаву. Самъ чортъ придумалъ эту работу для муки человѣческой, стоишь по поясъ въ грязи, вонь такая, что духъ занимаетъ, вдругъ провалишься и дна нѣтъ, то объ камень ногу зашибешь, то напорешься на сукъ. Работаешь точно на нечистую силу, ничего подъ руками не спорится — ты ее запрудишь, а она тебѣ опять разворотитъ. Ждали только разсчета, думали получить денежки да бѣжать. Мѣсяцъ прошелъ, не получили ни копѣйки: «на что вамъ деньги, говорятъ, или мы пьяныхъ здѣсь не видали—и безъ васъ ихъ довольно; чего вы боитесь, обижены не будете; ваши деньги всѣ цѣлы, до послѣдней копѣйки, они здѣсь крѣпче, чѣмъ у васъ въ рукахъ». «Работа-то такая тяжелая»,

отвѣчаютъ они. «По работѣ вамъ будетъ и плата», говорятъ имъ. Пришли въ артель ужинать. «Не видать вамъ ни копѣйки,—говорятъ имъ работники, на чорта работаете». Дня черезъ два они совсѣмъ собрались бѣжать, вдругъ разнесся слухъ, что черезъ три дня пріѣдетъ начальникъ, всѣмъ будетъ разсчетъ, всѣ деньги получатъ—какъ же это, работали столько и денегъ не получить? Надо подождать. Ждутъ день за днемъ, между тѣмъ пища сдѣлалась плохая, совсѣмъ плохая, одна овсянка, одежонка износилась совсѣмъ, отъ грязи на тѣлѣ кора сдѣлалась, пошли вереда и болячки. Прошли три недѣли; они стали думать, что ихъ обманываютъ, но вотъ собрали народъ для разсчета — завтра, говорятъ, будетъ начальникъ. Другіе получили деньги, а они ничего, постояли и ушли. Когда они пришли въ артель, тамъ всѣ были недовольны, жившіе на своемъ хлѣбѣ по домамъ тоже стали собираться на улицѣ, поднялся шумъ, безпорядокъ — грозили жаловаться начальнику. «Жалуйтесь,—отвѣчали имъ,—въ лѣсу розогъ много—замолчите». Къ вечеру зачинщики стали уговаривать народъ разойтись, говорили, что разсчетъ будетъ сдѣланъ къ полному удовольствію. Разошлись рабочіе. Всю ночь они шепотомъ толковали между собою, что зачинщики ихъ обманули, что они получили отъ хозяина деньги и измѣнили народу. На другой день пріѣхалъ начальникъ, подошелъ къ толпѣ, спросилъ, довольны ли они хозяиномъ — никто не подалъ голоса, всѣ чего-то ждали. Начальникъ пошелъ по заводу — пропало дѣло. Онъ обошелъ весь заводъ, даже подъ крышею былъ, смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ опасности или вреда для здоровья. Ловко устроилъ купчина, но оборвалось. Народъ уже разошелся, когда у водоподъемной машины старикъ пожаловался начальнику на хозяина; въ пять минутъ вѣсть разнеслась по деревнѣ. «Идите ребята, на хозяина жалуются», повторяли всѣ, и когда начальникъ вышелъ изъ завода, народъ былъ въ полномъ сборѣ и начали приносить жалобы. Начальникъ разсердился; когда его пригласили завтракать, онъ отказался: «кусокъ Покровскаго, какъ кость, остановится у меня въ горлѣ», сказалъ онъ. Едва управляющій могъ уговорить его войдти въ контору; тутъ начались убѣжденья; управляющій съ жаромъ доказывалъ, что плохой расчетъ съ рабочими зависилъ не отъ хозяина: нѣтъ возможности платить аккуратно, когда самъ не получаешь всего, что слѣдуетъ. У хозяина оказалось до двадцати тысячъ въ долгу по заводу и собрать этихъ денегъ не было возможности — полиція не дѣйствовала; начальнику показали векселя, книги и проч. Онъ успокоился, отдалъ чиновникамъ приказанье непремѣнно взыскать всѣ эти деньги, а управляющему — непремѣнно расплатиться съ рабочими и самъ объявилъ объ этомъ рабочимъ. Послѣ отъѣзда начальника всѣ надежды нашихъ героевъ лопнули; они выдержали еще двѣ недѣли и бѣжали. Однакожъ попытка была неудачная — ихъ воротили. Въ это время самъ Покровскій былъ въ заводѣ; онъ призвалъ ихъ къ себѣ, велѣлъ дать имъ по хорошему стакану водки. «Вамъ было дурно здѣсь, — сказалъ онъ, — будетъ лучше, оставайтесь, работайте, я васъ не обижу». На другой день ихъ уже не нарядили на канаву, а назначили кочегарами, они обрадовались этой работѣ, тутъ не то, что на канавѣ, гдѣ сплошная работа, тутъ работа по очереди — поработаешь,

да отдыхаешь; кромѣ того, прежніе кочегары получали и порядочное жалованье. Скоро, однакоже, наступило для нихъ разочарованіе. Работа кочегара—тяжелая работа. Настоишься передъ огнемъ, такъ жарко сдѣлается, что нельзя болѣе терпѣть; выйдешь на вѣтеръ, хоть трескучій морозъ будь, не чувствуешь холода, только облегчитъ; босой ногой пройдешь по снѣгу — не замѣтишь; долго можно на холодѣ быть и все будешь только легко себя чувствовать; вдругъ сдѣлается дурно, голова закружится, во всѣхъ членахъ слабость, едва держишься на ногахъ, или вдругъ сдѣлается ломота въ ногахъ и въ рукахъ, продолжается нѣсколько часовъ и передъ огнемъ опять пройдетъ. Иногда жаръ дотого одолѣетъ, что просто разслабнешь весь, кусокъ въ ротъ не лѣзетъ. Иной разъ заснешь, къ утру проснешься, зазябнешь, какъ крыса, сдѣлается ознобъ, такъ всего и бьетъ, какъ въ лихорадкѣ. Эта шутка кончается иногда весьма плохо: неизлечимыми ревматизмами, лихорадками и горячками, а глазамъ болѣть такъ и богъ велѣлъ, и ослѣпнешь—не удивишься. Всего натерпѣлись понемногу наши герои, и богъ знаетъ, что съ ними сдѣлалось; борьба ли жизненная имъ надоѣла или они духомъ пали отъ постоянныхъ неудачъ, только они переносили все съ невозмутимымъ терпѣніемъ, какъ будто-бы и средствъ защищаться у нихъ не было никакихъ. Впрочемъ, это еще вопросъ, были ли у нихъ эти средства; они очень хорошо знали, какъ трудно найти защиту, а въ случаѣ жалобы они первые могли также подвергнуться отвѣтственности; пожалуй они могли бы угрожать, что сожгутъ заводъ, если притѣсненія будутъ продолжаться, но они были слишкомъ смиренны, чтобы произнести или привести въ исполненіе подобную угрозу, а будь они достаточно бойки, то это могло не улучшить, а окончательно испортить ихъ положеніе. Сверхъ того, они были до такой степени легкомысленны и неразвиты, что они и не думали о томъ, до какой степени подобная жизнь вредна для ихъ здоровья. Одно изъ величайшихъ золъ въ нашемъ отечествѣ это то, что рабочій человѣкъ у насъ вовсе не думаетъ о своемъ здоровьи и вовсе не боится работы или положенія, которыя хотя медленно, но систематически разстроиваютъ его силы. Наши герои постоянно чувствовали себя больными, то ихъ одолѣвала ломота въ костяхъ, то ознобъ, а все-таки они не догадывались, гдѣ причина этихъ золъ. Между тѣмъ, въ концѣ сентября Покровскій вдругъ остановилъ всѣ работы и разсчиталъ всѣхъ рабочихъ. Нашимъ героямъ предложили остаться на зиму, но условіе было—докончить канаву; ихъ увѣряли, что работа пойдетъ теперь гораздо успѣшнѣе—они не будутъ болѣе проваливаться въ болотѣ, имъ обѣщали даже дать денегъ при разсчетѣ. Отказа съ ихъ стороны не опасались, знали, что имъ дѣваться некуда. Путемъ такого чудовищнаго смиренія они проложили себѣ дорогу къ возрожденію, они могли уже цѣлый годъ выдержать на волѣ. При разсчетѣ рабочихъ имъ, однакоже, опять таки денегъ не дали, а выдали натурою теплую одежду, кирпичный чай и пр. Унесли они свою добычу по своимъ убогимъ угламъ, вышли на улицу и стали вмѣстѣ; съ кѣмъ же имъ быть, если не вмѣстѣ, имъ, отверженнымъ міра сего, имъ, несчастнымъ паріямъ, безвѣстнымъ, никѣмъ не замѣчаемымъ страдальцамъ. Стояли они, смотрѣли и, по обыкновенію, мол-

чали, а кругомъ было разливанное море, вышли дѣвушки въ шелковыхъ платьяхъ и мѣховыхъ нарядахъ, вышли женщины въ узорчатыхъ платкахъ съ длинными концами; музыка, пляска, шумъ, гамъ; пьяные, разряженные парни горланили пѣсни, тамъ въ орлянку играли, тутъ на качеляхъ качались. Всякій получилъ по разсчету деньги, всякій ставилъ послѣднюю копѣйку ребромъ, всякій старался показать, что онъ всѣхъ удалѣе раскутился. Міръ, со всѣми своими прелестями и соблазнами, широко растворилъ свои двери. Велико было смиреніе нашихъ героевъ, а все-таки слезы катились у нихъ градомъ. Они ли не трудились, они ли не переносили страданій, и послѣ всего этого имъ и погулять не удается, хотя на день, хотя на часъ забыть свою тяжкую, гнетущую судьбу. Послѣ горькихъ слезъ настала минута тяжкаго, сумрачнаго молчанія, злоба кипѣла въ сердцѣ, у каждаго злыя мысли вертѣлись на умѣ, одинъ думалъ: «не сжечь ли заводъ?», другой думалъ: «сегодня въ ночь кто-нибудь спалитъ этотъ заводъ». Машинально встали они разомъ и разошлись по угламъ, чтобы изъ-за стѣнъ не видѣть соблазна. Черезъ часъ одинъ изъ нихъ неожиданно явился со штофомъ въ рукѣ. «Откуда взялъ?» спросили всѣ. «А все, что отъ хозяина получилъ, то и заложилъ, чтобы его нелегкая по косточкамъ растащила, этого хозяина». Выпили штофъ, пошли дальше; они пьянствовали пока пропито было все, что было получено ими. На другой день ихъ наряжаютъ на работу, идти не въ чемъ. Они такъ дорожили тѣмъ, что получили пріютъ на зиму, что не рѣшились потребовать новой одежды, какъ бы сдѣлалъ работникъ не-бродяга, а пошли въ чемъ попало. Ихъ тѣло, изнѣженное привычкою быть въ высокой температурѣ, коченѣло на холодѣ; въ полузамерзшей грязи и водѣ работа не клеилась; къ довершенію несчастья, одинъ изъ нихъ, по неловкости, поскользнулся и началъ тонуть въ грязи, они стали его вытягивать своими окоченѣлыми руками и еще болѣе завязили; необходимо было подставить сначала нѣсколько лѣсинъ, чтобы укрѣпиться; когда, наконецъ, вытащили утонувшаго, онъ уже не былъ болѣе жильцемъ этого міра. Когда Покровскій узналъ объ этомъ, онъ испугался, распорядился тотчасъ же выкупить заложенныя ими вещи; на другой день онъ намѣренъ былъ отдать ихъ нашимъ работникамъ, поставивъ имъ въ счетъ за выкупъ восемь рублей. Но на этотъ разъ кажется сама судьба преслѣдовала нашихъ героевъ и рѣшилась окончательно добить ихъ. Выкупленныя вещи были сложены въ сѣняхъ передъ конторою, и когда наши герои возвратились съ работы, они увидали ихъ. «Вотъ наше добро,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—намъ оно пошло въ пятидесяти рубляхъ, жилы у насъ за него вытянули, а онъ взялъ все обратно за шесть рублей». Ночью поднялся шумъ, кричали «воръ», цѣлая толпа кинулась къ лѣсу; наши герои всполошились тоже, но они были только втроемъ, четвертый не отыскивался, а именно тотъ, который вечеромъ указывалъ на ихъ вещи, выкупленныя хозяиномъ. Черезъ нѣсколько времени они увидали своего товарища,—его несли, голова у него была пробита и кровь лилась рѣкою; за нимъ несли выкупленныя хозяиномъ вещи — онъ сдѣлалъ попытку ихъ украсть. Его положили на кровать, долго возился съ нимъ фельдшеръ,

но безполезно: онъ умеръ въ ту же ночь. Покровскій еще болѣе испугался и отдалъ приказаніе — остальныхъ разсчитать немедленно и вывести за предѣлы заводской земли. Вотъ и плоды трудовъ и терпѣнія, вотъ и достигнутая цѣль, вотъ и перспектива свободной и обезпеченной жизни: все, какъ дымъ, разлетѣлось въ одну минуту, все, что добыто было такими гигантскими жертвами и усиліями. «За что же»? повторяли они въ отчаяніи, плакали и кидались на колѣна. Управляющій не могъ вынести вида ихъ страданій и пошелъ къ Покровскому попытаться, нельзя ли сдѣлать что-нибудь въ ихъ пользу. Оказалось, что Покровскій смотрѣлъ на нихъ съ особенной, предразсудочной точки зрѣнія: онъ находилъ, что это люди, которымъ сопутствуетъ несчастье, и что они, чего добраго, навлекутъ несчастье на его заводъ; подобныхъ людей лучше держать далѣе отъ центра своихъ капиталовъ. Управляющій не рѣшился возражать и дѣйствительно было опасно,— въ случаѣ несчастья, оно было бы отнесено къ его совѣтамъ. Мрачное отчаяніе бродягъ произвело впечатлѣніе не на одного управляющаго; они сидѣли въ углу и ничего не ѣли; боязливо озиралась на нихъ обѣдавшая артель; ихъ сумрачныя, молчаливыя фигуры предвѣщали что-то недоброе, въ темномъ углу они казались какими-то неподвижными тѣнями; ихъ сосредоточенное отчаяніе, совершенное отсутствіе протеста, съ которымъ они переносили свою судьбу, наводили больше страха, чѣмъ могли бы навести самыя энергическія угрозы. Всѣ начали говорить, что заводу не сдобровать, что онъ падетъ жертвою мести оскорбленныхъ бродягъ: «за что ихъ обижаютъ? за что лишаются они послѣдняго куска хлѣба? Если Покровскій будетъ такъ дѣлать, то онъ не долго уцѣлѣетъ», говорилось на всѣхъ концахъ завода. Неожиданный, общій взрывъ симпатіи къ несчастнымъ страдальцамъ произвелъ на Покровскаго свое впечатлѣніе; онъ сталъ серьезно опасаться, чтобы не пострадать, ожесточая людей; страхъ такой опасности одолѣлъ его суевѣріе и онъ отмѣнилъ свое распоряженіе. Онъ приказалъ имъ выдать обратно одежду и былъ такъ наивенъ, что полагалъ, что онъ оказалъ имъ благодѣяніе. На дѣлѣ вышло не такъ. Бѣдняги наши не вынесли перехода отъ занятія кочегара къ работѣ въ болотѣ и на стужѣ въ сырое, осеннее время, они всѣ трое кончили тѣмъ, что были разсчитаны за болѣзнью. Не удалось-таки имъ миновать острога! Одолѣваемые немощью, они пробирались зимою по тайгѣ и кончили свой путь въ острогѣ; но въ острогъ они пришли не жить, а умирать, и рыжій и смуглый, оба умерли въ острогѣ черезъ нѣсколько дней, отъ тифа. Видѣніе сбылось, они не были жильцами сего міра; впрочемъ, и безъ видѣнія я бы имъ предсказалъ тоже.

Я ввелъ этотъ разсказъ потому, что видѣлъ въ немъ лучшее и даже единственное средство наглядно изобразить читателю положеніе и чувства бродяги-работника. Судьба его, даже при счастливыхъ обстоятельствахъ, не много лучше того, что изображено выше; онъ долженъ дѣлать самую труд-

ную, а иногда и самую опасную работу. Золотопромышленника соблазняетъ полоса смежнаго пріиска; чтобы добыть оттуда золото, надо сначала уничтожить межевые знаки; кого употребить для этого? лучше всего бродягу: бродяга привыкъ на волѣ дѣлать опасныя вещи за безцѣнокъ; его положеніе, по большей части, такое, что переходъ къ каторгѣ немногимъ сдѣлаетъ судьбу его хуже. Его судьба незавидна и тогда, когда ему посчастливится устроить свои дѣла и пріобрѣсти благосостояніе; пока онъ несчастнѣйшій изъ смертныхъ, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, никто не смотритъ на него алчными глазами. Какъ скоро онъ устроилъ свои дѣла, обзавелся домкомъ, тогда для него начинается мука другаго рода. Вблизи фабрики или завода, въ особенности въ Сибири, можно встрѣтить нѣсколько домовъ, построенныхъ не на фабричной, а на казенной землѣ, и которые составляютъ собственность бродягъ, работающихъ на фабрикѣ. Можно быть увѣреннымъ, что о каждомъ изъ этихъ домовъ производится переписка; переписка эта — въ родѣ чахоточныхъ бугорковъ, она изъ хозяина дома вытягиваетъ всѣ соки, которые могли бы дать ему благосостояніе, здоровье и силу. Зато же она дѣлаетъ его смиреннымъ и чрезвычайно пріятнымъ для всѣхъ, кто желаетъ его эксплуатировать. Значительнаго богатства онъ никогда накопить не можетъ, какъ бы онъ ни былъ оборотливъ и счастливъ. Замѣчаютъ, что самый честный бродяга всегда не надеженъ, поручать ему значительныя суммы всегда опасно. Я слышалъ одинъ случай, гдѣ причины этого явленія обнаружились весьма наглядно. Бродяга, служившій въ купеческой конторѣ и долгое время считавшійся благонадежнѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, укралъ 25,000 руб. и бѣжалъ. Жизнь его изъ спокойной и обезпеченной сдѣлалась самая несносная. Онъ бѣжалъ въ деревню, на сѣверѣ, въ тайгѣ, въ которой телега была неизвѣстна, кругомъ которой не было никакихъ дорогъ, — тамъ онъ дошелъ до такого состоянія, что ему пришлось умирать съ голоду. Для того, чтобы спасти себя отъ голодной смерти, онъ долженъ былъ добровольно отдать себя въ руки правосудія. Подвергнутый тюремному заключенію, онъ не вынесъ новаго своего положенія и лишилъ себя жизни. Люди, которые его знали близко, крайне удивились такому поступку съ его стороны, и узнавъ жалкое положеніе, въ которомъ онъ находится, они не были въ состояніи отказать ему въ участіи. Передъ смертью, онъ открылъ имъ свою душу, онъ объяснилъ имъ, что онъ въ жизни своей не зналъ покоя и что его мученія увеличивались по мѣрѣ того, какъ улучшалось его положеніе. Чѣмъ болѣе онъ привыкалъ къ жизни вполнѣ обезпеченнаго конторщика, въ богатомъ купеческомъ домѣ, тѣмъ страшнѣе казался ему переходъ въ тюрьму, въ которой онъ никогда не бывалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ въ рукахъ значительную сумму денегъ, его борьба съ самимъ собою дѣлалась со дня на день несноснѣе. Ему никогда не хотѣлось жить лучше, чѣмъ онъ жилъ въ конторѣ; но ему казалось, что когда онъ будетъ имѣть много денегъ, тогда онъ будетъ въ состояніи ограждать себя отъ всякихъ случайностей. Но лишь только онъ совершилъ воровство, онъ увидалъ свою ошибку, онъ едва не былъ вовлеченъ въ преступленіе еще болѣе жестокое. Онъ

имѣлъ въ рукахъ своихъ человѣка, который хотѣлъ его обличить, и подвергался сильному соблазну его убить, но воздержался, бросилъ всѣ украденныя сокровища и бѣжалъ въ тайгу, гдѣ думалъ уединиться, сдѣлаться пустынникомъ и молиться Богу; намѣреніе это оказалось совершенно неосуществимою мечтою. Вотъ человѣкъ, крайне религіозный и по природѣ наклонный къ честности, который, по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, очутился бродягою; несмотря на большія способности, которыми онъ внушалъ къ себѣ неизгладимое уваженіе людямъ мало образованнымъ, онъ сдѣлался воромъ, едва не дошелъ до убійства и кончилъ самоубійствомъ. Всякій негодяй нетолько можетъ тревожить подобнаго человѣка, онъ можетъ сдѣлать его окончательно несчастнымъ. Одинъ крѣпостной человѣкъ, помѣшавшій своему помѣщику изнасиловать свою жену, былъ за это удаленъ помѣщикомъ въ Сибирь. (Къ несчастію подобные факты въ прежнее время въ Россіи встрѣчались.) Жена его не вынесла жизни въ Сибири и уговорила его бѣжать въ Россію. Въ Россіи онъ прожилъ спокойно двѣнадцать лѣтъ. Жена его все-еще была красавицею и имѣла несчастье плѣнить другаго помѣщика, но такъ какъ она не уступала его желаніямъ, то онъ началъ преслѣдовать ея мужа; обнаружено было, что онъ бродяга, его домъ и все имущество пошли прахомъ, все семейство погибло жалкимъ образомъ. Были примѣры, что положеніе бродяги дѣлало честнаго человѣка закоренѣлымъ преступникомъ. Въ одномъ городѣ кузнецу нуженъ былъ видъ; онъ, по обыкновенію, послалъ домой денегъ вдвое болѣе, чѣмъ слѣдовало для полученія вида; ему отвѣтили, что съ него слѣдуетъ еще столько-то подати, онъ послалъ; затѣмъ опять получилъ письмо, что съ него слѣдуетъ десять рублей недоимки, онъ послалъ; потомъ ему написали, что съ него слѣдуетъ еще пятнадцать рублей за службу — онъ выбранъ на службу и долженъ за себя нанять, — скрѣпя сердце, онъ послалъ и пятнадцать рублей, между тѣмъ онъ успѣлъ уже издержать пять рублей на отсрочки и отсрочкамъ срокъ кончился — онъ былъ безпаспортный. Черезъ нѣсколько времени онъ получаетъ письмо: отъ него требуютъ еще тринадцать рублей какой-то недоимки; онъ не видѣлъ, когда будетъ этому конецъ, и отказался посылать. Какъ-то полиція ему пригрозила, онъ испугался и бѣжалъ. Послѣ разныхъ мытарствъ, онъ поселился въ отдаленномъ, но большомъ городѣ. Дѣла его шли не хорошо, но все-таки питаться ему было возможно. Къ несчастью онъ прослылъ богатымъ человѣкомъ, отвсюду алчность обратила на него свои взоры; скупаго отъ бѣднаго не отличишь. Онъ началъ попадать въ самыя затруднительныя положенія; случалось такъ, что онъ самъ сутки не ѣлъ, а тутъ съ него денегъ просятъ; начнетъ онъ увѣрять, что онъ самъ живетъ впроголодь, — смѣются, а потомъ начнутъ угрожать; ему и въ голову не приходило покупать краденыя вещи, а его увѣряютъ, что онъ давно этимъ занимается. И въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ ли въ бродягѣ предполагать всѣ пороки? Онъ—кузнецъ, слѣдовательно онъ покупаетъ краденое желѣзо, передѣлываетъ его и продаетъ. Волею и неволею началъ и онъ заниматься подобными дѣлами; сначала онъ такъ боялся покупать краденыя вещи, что дрожалъ всѣмъ тѣломъ, когда къ

нему входилъ воръ съ подобными вещами,—онъ ночи не спалъ отъ страха; потомъ привыкъ. У него завелись и слѣдственныя дѣла; наконецъ у него былъ притонъ всѣхъ воровъ и мошенниковъ. Онъ слылъ попрежнему богатымъ и, можетъ быть, не безъ основанія; отъ дому его шли подземные ходы и на самой серединѣ улицы устроены были подземныя кладовыя. Вещь, попавшая въ этотъ домъ, пропадала безвозвратно. Изъ человѣка робкаго и смирнаго онъ сдѣлался дерзкимъ и дѣятельнымъ преступникомъ. Вотъ какимъ испытаніямъ подвергается у насъ тотъ классъ людей, который, по слабости своей воли, всего менѣе способенъ выносить испытанія! — Еслибы еще возможно было уничтожить бродяжество или воспрепятствовать факту пребыванія значительнаго числа людей, въ теченіе многихъ лѣтъ, бродягами, но совершенная невозможность этого доказана многолѣтнимъ опытомъ. Можетъ ли быть что-нибудь хуже дряблыхъ и неопредѣленныхъ положеній, въ родѣ положенія у насъ бродяги-работника? Въ странахъ цивилизованныхъ и наиболѣе благоустроенныхъ отъ человѣка вовсе не требуется вида; до тѣхъ поръ, пока онъ не совершилъ преступленія, онъ можетъ спокойно пользоваться своими гражданскими правами, никто не спроситъ его, гдѣ твой видъ, какъ можешь ты жить здѣсь или тамъ. Наша администрація, имѣя это въ виду съ одной стороны, а съ другой, повидимому, убѣдившись въ невозможности искорененія бродяжества мѣрами строгости, избрала средній путь. Бродягъ, въ особенности въ Сибири, преслѣдуютъ весьма слабо или даже и вовсе не преслѣдуютъ, пока они не совершатъ преступленія; но чрезъ это дѣло все-таки еще не сдѣлалось, бродяга остался безпаспортнымъ, онъ попрежнему отданъ на жертву эксплуатаціи всякаго рода, ему попрежнему отрѣзаны пути къ достиженію честнаго и твердаго благосостоянія, онъ толкается со всѣхъ сторонъ на стезю бѣдности и порока. Желательно было бы, чтобы администрація, начавъ хорошее дѣло, на полъ-пути не останавливалась, а пошла далѣе... Слѣдуетъ человѣку платить,—бери съ него, продавай его имущество; нечего съ него взять,—богъ съ нимъ, пусть идетъ на всѣ четыре стороны и заработываетъ себѣ честнымъ путемъ; преграждая ему пути къ честному труду, ничего хорошаго не сдѣлаешь. Необходимо наказать кого-либо, пусть ему будутъ преграждены всѣ пути, чтобъ избѣгнуть наказанія; не удалось, нечего дѣлать, пусть онъ живетъ честно на свободѣ; это лучше, чѣмъ годы тянуть канитель и наталкиваться на путь преступленій.

ГЛАВА II.

Сибирскій земледѣлецъ.

Вотъ онъ этотъ городъ изъ сказокъ тысячи одной ночи, знаменитый Енисейскъ, про который носится столько невѣроятныхъ преданій и разсказовъ, гдѣ милліоны выростали и разлетались въ прахъ по мановенію волшебной силы. Я съ напряженнымъ любопытствомъ ѣхалъ между рѣдѣющимъ лѣсомъ и ждалъ той минуты, когда передъ моими глазами справа и слѣва будутъ мелькать дома енисейскихъ улицъ. Для меня началось или, лучше сказать, довершилось разочарованіе, когда я своими глазами увидалъ этотъ центръ сибирской промышленности. Когда я въѣхалъ въ первый сибирскій городъ, Тюмень, изъ Пермской губерніи, я не зналъ, что подумать,—это городъ хоть куда; растянулся онъ на три версты и болѣе; множествомъ своихъ каменныхъ зданій онъ украшалъ берега рѣки Туры; онъ такъ и смотрѣлъ первымъ представителемъ богатаго и промышленнаго населенія. Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, можетъ быть въ Сибири хорошо живется работнику, можетъ быть даже лучше, чѣмъ въ Россіи; города, по крайней мѣрѣ, богатые,—можетъ быть и заработная плата высокая. Разочарованіе мое началось уже съ Тобольска; для губернскаго города онъ плохъ; онъ немного лучше Тюменя, а между тѣмъ это главный городъ самой населенной изъ сибирскихъ губерній. Затѣмъ слѣдуютъ на Оби Сургутъ и Нарымъ; города эти можно сравнить съ бѣдными русскими селами; два-три купца и купеческихъ комиссіонера, нѣсколько человѣкъ чиновниковъ, какой-нибудь священникъ и нѣсколько семействъ жителей,—вотъ всѣ, которые могутъ почитаться тамъ вышедшими за предѣлы бѣдности. По большому иркутскому тракту попадаются все жалкіе города, въ которыхъ самое величественное зданіе — это острогъ. Между Тобольскомъ и Томскомъ одинъ болѣе значительный городъ—это Омскъ. Омскъ былъ бы очень хо-

рошимъ уѣзднымъ городомъ, но какъ резиденція генералъ-губернатора это жалкій городъ. Послѣ Тюменя первый городъ, который не носитъ на себѣ печать бѣдности, это Томскъ. Это городъ, раскинутый весьма живописно, но въ немъ нѣтъ ни одной мощеной улицы, несмотря на то, что вдоль всего города берегъ Томи усыпанъ мелкимъ камнемъ, изъ котораго безъ всякаго искусственнаго раздробленія можно сдѣлать прекрасное шоссе! Въ этомъ городѣ нѣтъ ни одного каменнаго дома въ три этажа, и изъ двухъ-этажныхъ домовъ, кажется, только десять имѣютъ болѣе семи оконъ въ рядъ и два—третій полу-этажъ. Въ Кишиневѣ приходится одинъ каменный домъ на тридцать четыре человѣка, а въ семи городахъ Бессарабской области приходится по одному каменному дому на сорокъ шесть человѣкъ. Въ Томскѣ приходится одинъ каменный домъ на двѣсти двадцать человѣкъ, а въ семи городахъ Томской губерніи по одному каменному дому на четыреста двадцать пять человѣкъ. Красноярскъ расположенъ въ виду зубчатыхъ горъ, которыя кажутся гораздо болѣе высокими, чѣмъ всѣ горы, встрѣчающіяся на Волгѣ; на этой рѣкѣ нѣтъ ни одной мѣстности, которая по красотѣ своей могла бы состязаться съ видомъ окрестностей Красноярска; если смотрѣть на эти горы съ набережной Енисея, то Енисей теряетъ свою величественность отъ грандіозной обстановки; если же смотрѣть съ горы на Красноярскъ и его окрестности, то въ своей прекрасной обстановкѣ этотъ городъ представляетъ видъ жалкой деревни. Его жалкіе каменные дома и четыре или пять церквей построены кажется лишь для того, чтобы отнять у него хотя сколько-нибудь сельскій видъ; однакоже имъ это не удается. Хотя городъ выстроенъ правильно и на мѣстѣ весьма удобномъ, но съ горы его деревянные дома дотого похожи на крестьянскія постройки, что никакъ нельзя отдѣлаться отъ перваго впечатлѣнія,—онъ все снова кажется большой деревней. Въ Сибири изъ числа пятидесяти одного города въ двадцати четырехъ нѣтъ ни одного каменнаго дома и въ девяти городахъ не болѣе трехъ домовъ. Енисейскъ немного хуже Красноярска и можетъ быть даже причисленъ къ хорошимъ уѣзднымъ городамъ, но слухи о его богатствѣ оказываются весьма преувеличенными. Сибиряки привыкли считать на милліоны и сотни тысячъ; послушайте ихъ, и въ Енисейскѣ у нихъ сидятъ милліонные капиталы, а стотысячные за-урядъ; на повѣрку у енисейскаго милліонера оказывается сто пятьдесятъ тысячъ, а тамъ, гдѣ предполагался стотысячный капиталъ, оказывается тысячъ двадцать. Отмѣрьте три четверти Сибири, возьмите Тобольскую, Томскую и Енисейскую губерніи, сколько во всѣхъ трехъ окажется милліонеровъ? Два.—«Что это какъ вы плохо наживаете?» спросилъ я однажды одного добросовѣстнаго капиталиста.—«Около кого нажить,—отвѣчалъ онъ,—тамъ гдѣ всѣ нищіе, тамъ наживать трудно».—Не такъ разсуждаетъ высшее сибирское общество. Нашъ народъ богатъ, говорятъ они, посмотрите, какіе здѣсь богачи крестьяне, иной пашетъ десятинъ двѣсти, имѣетъ болѣе ста лошадей и между ними лошадей отличныхъ, настоящихъ рысаковъ; на пчельникѣ у него четыреста ульевъ пчелъ; онъ вырубаетъ саженъ пять сотъ дровъ въ годъ; въ косякѣ у него лошади родятся и умираютъ не видавъ упряжи; есть крестьяне, у которыхъ навѣрное есть тысячъ тридцать капитала и кото-

рые все-таки занимаются однимъ только земледѣліемъ. Повѣримъ эти показанія. Начнемъ съ наружнаго вида селъ и деревень. Сибиряки привыкли хвалиться тѣмъ, что у нихъ нѣтъ курныхъ избъ. Мало этого, изба нетолько зажиточнаго, но и бѣднаго крестьянина въ Сибири поражаетъ чистотою внутри жилья. Полъ, стѣны, лавки, столы нетолько моются, но скоблятся, печь бѣлится; у богатаго крестьянина весь полъ устланъ половикомъ изъ холста разноцвѣтной ткани; у крестьянина средней руки половикъ изгребный, т. е. нитки, изъ которыхъ онъ вытканъ, выпрядены изъ остатковъ льна; третья особенность Сибири—это отсутствіе лаптей, которое объясняется, впрочемъ, просто отсутствіемъ липы. Этимъ однакоже и оканчивается благопріятное впечатлѣніе. Въ Сибири я убѣдился, что на чистомъ полу можно такие умирать съ голоду, какъ и на грязномъ, что грязь точно также часто принадлежитъ богатству, какъ чистота бѣдности; вѣдь и голые негры близъ источниковъ Нила живутъ чисто. На вопросъ, чѣмъ объяснить эту особенность въ ихъ крестьянскомъ быту, сибиряки отвѣчаютъ: въ Сибири не бывало рабства, поэтому нѣтъ и грязи въ домахъ. Но если въ Сибири нѣтъ грязи въ домахъ, зато тѣмъ болѣе грязи на улицахъ,—въ Сибири не унавоживаютъ полей и весь навозъ и грязь со двора валятъ на улицу. Зимою улица завалена комками замерзшихъ экскрементовъ, такъ что по ней ѣдешь точно по дорогѣ, усыпанной камнями. Для сравненія можно сказать: въ Сибири не бывало самоуправленія, поэтому улица грязная. Глядя на постройки въ деревняхъ и селахъ нельзя не замѣтить бѣдности, въ особенности если принять въ соображеніе, что ѣдешь по странѣ лѣсистой. Хотя на большомъ трактѣ изъ Тюменя въ Иркутскъ и встрѣчаются въ селахъ двухъэтажные деревянные дома въ семь и девять оконъ, но изба съ двумя горницами и сѣнями по серединѣ нетолько преобладаетъ болѣе, чѣмъ во многихъ мѣстахъ Россіи, и замѣчательно больше бѣдныхъ избъ, но и архитектура домовъ отличается бѣдностію и отсутствіемъ рѣзной работы, нетолько по сравненію съ постройками средней Россіи, но и такихъ губерній, какъ напр. Костромская и Вологодская. Малочисленность построекъ на одномъ дворѣ также поражаетъ, въ особенности если нѣсколько дней тому назадъ проѣхалъ черезъ Вятскую губернію. Трехъоконные дома въ одну горницу и убогія хижины нетолько встрѣчаются слишкомъ часто, но встрѣчается еще особенность Сибири,—это домъ вовсе безъ крыши, квадратный, въ одно бревно длиною, съ однимъ окномъ по серединѣ, и кругомъ ни кола, ни двора. Домъ этотъ производитъ такое убогое и жалкое впечатлѣніе, что ему трудно подъискать сравненіе. Въ сторонѣ отъ большой дороги и въ тайгѣ роскошь ограничивается двухъэтажнымъ домомъ съ четырьмя горницами и двумя сѣнями, нерѣдко даже преобладаетъ домъ безъ крыши, является низкое и узкое жилище, которое составляетъ ступень, непосредственно слѣдующую за жилищемъ дикаря и наконецъ такое, которое ничѣмъ не отличается отъ жилья дикаря и, можетъ быть, мало отличается отъ берлоги медвѣдя. Хотя сибиряки и хвалятся отсутствіемъ курныхъ избъ, однакоже, разъѣзжая зимою по сибирскимъ деревнямъ, я часто видѣлъ въ избахъ окна и дыры отворенными, и оттуда валилъ дымъ,—значитъ тамъ воздухъ былъ не слишкомъ чистый. Двойныя рамы рѣд-

кость, а часто встрѣчается бычачій пузырь, вмѣсто стеколъ; въ избѣ, какъ въ тюрьмѣ, вѣчный полумракъ. Чѣмъ далѣе ѣдешь на востокъ, тѣмъ больше замѣчаешь бѣдности. Наконецъ меня поразило въ Сибири большое число сельскихъ работниковъ,—оно значительно больше, чѣмъ въ Россіи. Я не могъ безъ жалости смотрѣть на этихъ людей, въ особенности, когда они имѣли жену и дѣтей; какъ они горько жаловались на свою судьбу, какъ они пламенно желали выйти изъ своего состоянія, а выйти было весьма мало надежды. Я никогда не забуду первыхъ впечатлѣній, которыя я получилъ въ Сибири; я ѣхалъ зимою, въ февралѣ мѣсяцѣ, меня поражала апатія, которою заражено было все живое, какъ будто-бы все считало себя безнадежно погибшимъ. Ѣдешь по дорогѣ, вскачь, на тройкѣ, съ колокольцами и бубнами; на дорогѣ лежитъ корова, она не пошевелится, тройка едва не задавила ее; ямщикъ съ досады хлыснулъ ее кнутомъ; она и ухомъ не повела, какъ кусокъ дерева. Больной ребенокъ, въ одной рубашкѣ, босоногій, сидитъ на морозѣ; «что вы дѣлаете, говорю я матери, ребенокъ у васъ умретъ».—«Богъ съ нимъ, намъ ли дѣтей ростить», отвѣчаетъ она съ безнадежнымъ хладнокровіемъ. Въ этой атмосферѣ, оковавшей все цѣпями тяжелаго равнодушія, всюду слышалось: «лучшаго намъ нечего ожидать, а хуже быть не можетъ»; я тогда не понялъ, что все это значитъ, я старался убѣдиться въ ложности этихъ первыхъ впечатлѣній, но чѣмъ болѣе я наблюдалъ, тѣмъ яснѣе обозначались черты этой безнадежной апатіи, погружавшей съ одинаковою силою и людей и животныхъ въ бездну безчувствія. Первые воспринятые мною образы все глубже и глубже врѣзывались въ мою память. Впослѣдствіи я разгадалъ загадку,—передо мною былъ мрачный образъ весенняго голоданія. Неразъ потомъ я снова встрѣчался съ этимъ мрачнымъ явленіемъ. Разъѣзжая весною по Сибири, я иногда дѣлалъ сотни и тысячи верстъ, внимательно разсматривалъ всѣ встрѣчавшіяся мнѣ женскія и дѣтскія лица и почти не встрѣчалъ ни одного лица, которое бы дышало здоровьемъ и довольствомъ, и безпрерывно встрѣчалъ явные слѣды изнуренія и упадка силъ. Я съ грустью наблюдалъ за несчастными животными, которыя толпами сбѣгались къ клочку сѣна и которыхъ разогнать можно было только самыми энергическими мѣрами. Какъ часто вмѣстѣ съ этимъ доходили до меня слухи о весеннемъ падежѣ скота отъ недостатка корма; вѣроятно говорили бы о смертности дѣтей и женщинъ, еслибы на человѣка здѣсь обращалось столько же вниманія, сколько обращается на скотину.

Широко и прекрасно разлилась Обь передъ моими глазами близъ устья Иртыша. Какъ въ ней шли ея вѣчно плоскіе, лѣсистые берега, то почти утопавшіе въ водѣ, то висѣвшіе надъ нею на воздухѣ,—какъ вѣчно мѣняющіяся декораціи, одни выдвигались, другіе задвигались въ безконечномъ разнообразіи. Имѣй Обь гористые берега, ея воды много утратили бы величія, теперь же это была не рѣка, это было море, но море не вѣчно однообразное въ своемъ безбрежіи, а море, окаймленное постоянно мѣняющимися берегами.

Даже вѣчная пустынность этихъ водъ производила какое-то, хотя грустное, но поэтическое впечатлѣніе; волна бѣжала за волной и, глядя на ихъ вѣчное стремленіе, въ воображеніи возникали образы древней религіозной поэзіи,—эти волны казались какими-то существами, осужденными вѣчно догонять другъ друга и никогда не догнать. Но вотъ явилось что-то живое, какая-то черная змѣйка заюлила между волнами; змѣйка эта преобразовалась въ лодку и причалила къ намъ. Я почувствовалъ какую-то странную радость: прошло нѣсколько часовъ — ни рыба не плеснула, ни птица не пролетѣла, и вдругъ является надъ волнами живой человѣкъ. Это былъ крестьянинъ. «Какъ вы живете здѣсь?»—спросилъ я его. «Объ нашемъ житьѣ и говорить нечего,—отвѣтилъ онъ, — хуже нашего житья въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ: рыбы насуши, да орѣховъ набери, вотъ тебѣ и промыселъ весь,—на нашей землѣ ни пахать, ни сѣять нельзя; и начальство знаетъ, что насъ бѣднѣе нѣтъ,—съ насъ и податей спрашивается много менѣе, чѣмъ съ пахотныхъ». — Я посмотрѣлъ на своего собесѣдника, чиновника-сибиряка, который только-что восхвалялъ богатство сибирскаго крестьянина,—онъ понялъ этотъ взглядъ. — «Еще бы вы захотѣли на такомъ сѣверѣ найдти богатство, поѣзжайте на югъ въ Минусинскій, Бійскій, Кузнецкій или Барнаульскій округъ, тамъ вы узнаете, что такое сибирскій крестьянинъ». Сказано, сдѣлано; я уже въ Кузнецкѣ и разъѣзжаю по окрестностямъ, чтобы познакомиться съ бытомъ крестьянъ. Первое, что меня поражаетъ—это обиліе природныхъ источниковъ богатства: почва плодоносная, покрытая богатою растительностію; душистые луга, доставляющіе самый изобильный кормъ для скота; посѣвы даютъ прекрасные урожаи, хотя правда растенія слишкомъ нѣжныя, напр. греча, страдаютъ отъ морозовъ и потому мало сѣятся. Тутъ ли въ самомъ дѣлѣ не быть богатству,—крестьянинъ долженъ жить, по крайней мѣрѣ, также богато, какъ американецъ Соединенныхъ Штатовъ. Лѣсъ, луга, пашни не дѣленые; кажется паши, коси, руби сколько хочешь, сосѣдямъ все-еще съ избыткомъ останется; хотя цѣлыя стада скота заводи себѣ, никого этимъ не стѣснишь, не обидишь. Для разведенія пчелъ мѣста самыя удобныя. Рѣки и озера наполнены рыбой весьма вкусныхъ породъ. Лѣса, озера и низменности наполнены дичью въ такомъ изобиліи, что пара дупелей стоитъ четыре копѣйки. Пушной звѣрь также водится во множествѣ. Для построекъ—сосна; для деревянной посуды имѣется прекрасное дерево—кедръ, для каменной — глина рѣдкаго достоинства. Вода въ изобиліи, вкусная и чистая какъ хрусталь, отчасти даже славящаяся своими полезными свойствами. Ягоды, малина, клубника, земляника, костяника и пр. въ изобиліи. Въ нѣдрахъ земли также существуютъ значительные источники богатства; каменный уголь въ такомъ изобиліи, что мѣстами онъ дешевле простой глины, лодку угля можно пріобрѣсти за шестьдесятъ копѣекъ. Желѣзомъ и металлами природа также не обидѣла Кузнецкій округъ. Чего еще требовать отъ природы? Много ли странъ такъ богато награждены ею? Въ такой-то обстановкѣ живетъ несчастное и бѣдствующее населеніе. Жилище крестьянина, въ огромномъ большинствѣ, весьма посредственное, и убогая изба безъ крыши весьма частое явленіе. Крестьянинъ едва успѣваетъ защитить, хотя

наполовину, отъ холода и непогоды себя и свое семейство; скотъ его остается безъ всякой защиты. Конюшня составляетъ большое исключеніе, весь скотъ живетъ на открытомъ воздухѣ, безъ всякой защиты отъ морозовъ и непогодъ, кромѣ забора и самаго скуднаго навѣса; въ такомъ положеніи онъ долженъ находиться при сорокаградусныхъ морозахъ. Мелкій скотъ вовсе не можетъ выносить такой жизни, поэтому встрѣчается въ совершенно незначительномъ количествѣ,—даже свиней мало †). Несмотря на незначительное количество скота у крестьянъ, часто для него не достаетъ сѣна, кормъ соломою въ большомъ употребленіи, и нерѣдко скотъ, по недостатку корма, или гибнетъ отъ голоду, или продается за безцѣнокъ. Въ цѣлыхъ мѣстностяхъ всеобщая бѣдность такъ велика, что скотъ вовсе не пасется, и искусство пасти скотъ такъ мало извѣстно, что кузнецкіе чиновники и купцы никакъ не могутъ найти пастуха, который бы взялся изъ ихъ скота составить стадо. Что причина этого явленія лежитъ во всеобщей бѣдности, это видно изъ того, что, лишь только мѣстность дѣлается болѣе богатою, тотчасъ же и является обыкновеніе пасти скотъ. Тамъ гдѣ мясо дороже, гдѣ оно напр. требуется, какъ въ Енисейскомъ округѣ, въ большомъ количествѣ на пріиски, крестьянинъ уже можетъ переносить издержку и платитъ пастуху со штуки; въ Кузнецкомъ же округѣ онъ бы разорился отъ такого платежа, а потому онъ замѣняетъ его общественною повинностью, которая не стоитъ денегъ. Огораживается обширная паскотина, иногда въ девять квадратныхъ верстъ, и въ предѣлахъ этой паскотины ходитъ скотъ. Паскотина огораживается въ свободное отъ работъ время, а потому не стоитъ издержекъ, но зато же она служитъ плохою защитою, скотъ выходитъ за ея предѣлы, переплываетъ за рѣку. Онъ портитъ пашни, не возвращается домой и доить его такъ затруднительно, что, по большей части, у коровъ молоко скоро пропадаетъ; часто скотъ теряется совершенно. Бѣдность мѣшаетъ крестьянину держать скотъ, и, по причинѣ той же бѣдности, скотъ, который онъ успѣетъ завести, даетъ ему мало животныхъ продуктовъ и погибаетъ преждевременно. Такъ какъ скота мало, то всѣ животные продукты идутъ исключительно въ продажу на уплату оброковъ и податей; мясо употребляется крестьянами въ самомъ незначительномъ количествѣ. Рѣдкій крестьянинъ ѣстъ мясо даже зимою въ праздники. Лѣтомъ вовсе не ѣдятъ мяса; только тогда, когда крестьянину рѣшительно нечѣмъ уплачивать податей и оброковъ, крестьянинъ бьетъ лѣтомъ скотину и тогда онъ старается мясо какъ можно скорѣе распродать; чего не удастся продать, его семейство ѣстъ днемъ и ночью, чтобы какъ можно скорѣе съѣсть и не дать ему испортиться. Странно видѣть въ эти минуты крестьянское семейство,—люди обраща-

†) Одинъ мировой посредникъ разсказывалъ мнѣ, что въ какой-то волости крестьяне обратились къ нему съ просьбою дозволить имъ колоть свиней: оказалось, что, по малочисленности у нихъ скота, какой-то земскій начальникъ воспретилъ имъ колоть скотъ, надѣясь, что отъ этого онъ расплодится; но конечно вышло иначе,—крестьяне, которымъ скотъ уже былъ не нуженъ, стали распродавать его за безцѣнокъ.

ются въ какихъ-то каннибаловъ, и едвали волкъ обнаруживаетъ больше жадности, когда онъ кидается на падаль; они кидаются на мясо какъ голодные вороны, они пожираютъ его въ невѣроятныхъ количествахъ, оно имъ кажется такою драгоцѣнностью, что они постоянно боятся, чтобы какой-нибудь кусочекъ не испортился и не пропалъ даромъ. Наѣвшись днемъ черезъ мѣру, они нѣсколько разъ встаютъ ночью и опять ѣдятъ. Рыбы они ѣдятъ еще менѣе мяса; въ постъ вся ихъ пища состоитъ изъ хлѣба, квасу и рѣдьки, а постятся они ровно половину года. Пища, которую ѣдятъ между ними даже тѣ, которые считаются пользующимися благосостояніемъ, такъ груба, что она совершенно не способна поддерживать ихъ силы; она причинила бы неминуемую смерть образованному человѣку, и желудокъ заграничнаго работника оказался бы совершенно неспособнымъ ее переваривать. Сибиряки хвалятся, что сибирскій крестьянинъ замѣняетъ ржаной хлѣбъ пшеничнымъ. Хотя это и не справедливо, но дѣйствительно въ Сибири ѣдятъ больше пшеничнаго хлѣба, чѣмъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи; въ значительной части Россіи однакоже ѣдятъ столько же пшеничнаго хлѣба, сколько въ Сибири. Пшеничный хлѣбъ, который ѣстъ сибирскій крестьянинъ, нетолько не лучше,—онъ хуже ржанаго, онъ кислый, не питательный, вредный; въ немъ такъ много постороннихъ, неудобоваримыхъ частицъ, что для того, чтобы его сдѣлать сколько-нибудь удобоваримымъ, надобно отдѣлить отъ него, по крайней мѣрѣ, половину. Чтобы дать понятіе о томъ, какая разница между жалкими отрубями, пожираемыми сибирскимъ крестьяниномъ подъ именемъ пшеничной муки, и удобоваримою пшеничною мукою, я скажу, что послѣдняя стоитъ въ Сибири въ пять съ половиною разъ дороже употребляемой крестьянами, между тѣмъ эта дорогая пшеничная мука все-таки даетъ еще плохой хлѣбъ; хорошей пшеничной муки, такой, напр., какую ѣдятъ колонисты въ Сарептѣ,—въ Сибири никто не ѣдалъ и не видывалъ. Человѣкъ, для котораго мясо лакомство, считается въ Англіи послѣднимъ изъ рабочихъ и жалкимъ бѣднягой; хлѣбъ, ржаной и пшеничный, который ѣстъ нашъ рабочій, англійскій работникъ ѣсть не будетъ, онъ имъ будетъ кормить своихъ свиней или лошадей; но чтобы сказалъ англійскій рабочій, еслибы онъ зналъ, что для бѣднаго сибирскаго крестьянина этотъ самый хлѣбъ есть еще лакомство, что онъ питается такой пищей, которую добрый хозяинъ и лошади своей не дастъ. Питаться хлѣбомъ для него слишкомъ дорого, пудъ хлѣба стоитъ около семнадцати копѣекъ,—онъ ѣстъ овесъ, картофель, капусту, ячмень; овесъ стоитъ восемь копѣекъ пудъ, картофель пять копѣекъ, ячмень дешевле овса. Ячмень до такой степени твердъ и неудобоваримъ, что даже для лошадинаго желудка онъ вреденъ и дается лошадямъ обыкновенно пополамъ съ овсомъ, между тѣмъ ячменная крупа считается крестьяниномъ лакомствомъ, цѣна ея двадцать копѣекъ за пудъ. Ячменный хлѣбъ, который употребляется въ средней Сибири и сѣверной Россіи, если онъ хорошо испеченъ и совершенно свѣжъ, кажется болѣе вкуснымъ, чѣмъ пшеничный, но въ самомъ скоромъ времени онъ твердѣетъ, какъ камень, и тогда трудно сказать, что питательнѣе—ѣсть землю или этотъ ячменный хлѣбъ. Крестьянскіе дѣти всегда голодны, они считаютъ величайшимъ для себя праздникомъ тотъ день, когда имъ удастся

наѣсться досыта ржанымъ хлѣбомъ. Когда крестьянскому мальчику или дѣвочкѣ случается поступить въ услуженіе къ достаточному купцу или чиновнику, они пожираютъ хлѣбъ въ неимовѣрныхъ количествахъ, они кидаются на него съ наивною жадностію, съ которою иногда дѣти кидаются на лакомства и сладости. Одна дѣвочка, за которою я наблюдалъ въ подобномъ положеніи, съѣдала отъ восьми до десяти фунтовъ хлѣба въ день, постоянно страдала разстройствомъ желудка отъ отягощенія и откровенно признавалась, что она до того времени никогда не бывала сыта. Участь грудныхъ дѣтей самая жалкая; молоко матери, при дурной пищѣ, которою она питается, рѣдко бываетъ хорошаго качества; во время постовъ квасъ, лукъ и рѣдька играютъ такую важную роль въ этой пищѣ, что отъ этого молоко самой здоровой и сильной женщины должно неминуемо портиться; между крестьянками же здоровая и сильная женщина величайшая рѣдкость. Нужно знать напр. что такое крестьянскій квасъ. Напитокъ этотъ составляетъ для крестьянина необходимость; безъ такихъ сильныхъ, возбуждающихъ желудокъ, средствъ онъ не могъ бы переваривать своей грубой пищи, но такъ какъ у него нѣтъ достаточно хлѣба для приготовленія хорошаго кваса, то онъ даетъ прокисать до крайности жидкому квасу, и изъ этого выходитъ что-то вродѣ прокислаго уксуса, разбавленнаго водою; отвратительнѣе этого напитка едвали можно найти что-нибудь; нашъ злополучный крестьянинъ утоляетъ свою жажду тѣмъ напиткомъ, которымъ угощали римляне распятаго Христа. Какъ скоро у женщины недостаточно молока или вовсе его нѣтъ, случай весьма частый, тогда ребенокъ обреченъ на погибель даже у родителей, которые пользуются благосостояніемъ,— извѣстно, что при искусственномъ питаніи, даже при соблюденіи всѣхъ гигіеническихъ условій, дѣтей умираетъ вчетверо болѣе, чѣмъ при питаніи матерью; оно удается только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно введено съ давнихъ поръ обычаемъ, и необходимая для этого опытность распространена между матерями, — въ деревняхъ же у насъ никакихъ гигіеническихъ условій не соблюдается и ребенокъ кормится всѣмъ, чѣмъ попало. У бѣдныхъ людей случается обыкновенно недостатокъ въ молокѣ, и въ этомъ случаѣ ребенку дается соска, набитая чернымъ хлѣбомъ, и вмѣсто всякой пищи — квасъ. Немудрено послѣ этого, что при такой пищѣ ребенокъ никогда не бываетъ здоровъ и неугомоннымъ своимъ крикомъ каждый день доводитъ свою мать до крайняго раздраженія и отчаянія. Вотъ почему для крестьянской матери смерть ребенка приноситъ чаще радость, чѣмъ горе. Въ этой средѣ нерѣдко встрѣтишь мать, у которой было тринадцать и даже девятнадцать человѣкъ дѣтей, и ни одинъ не остался въ живыхъ. Положеніе дѣтей, не нуждающихся въ молокѣ матери, не лучше,—ихъ кормятъ кашей изъ отрубей, обваренныхъ кипяткомъ; бѣдные люди и взрослые нерѣдко употребляютъ подобную пищу, а богатые кормятъ ею своихъ свиней. Одежда рабочаго не лучше его пищи. Липа въ Сибири не ростетъ, а потому и лаптей не водится, кожаная же обувь дорога. Тамъ встрѣчается обувь несравненно болѣе грубая, чѣмъ самые грубые сапоги,—это бродни†);

†) Въ Сибири искусство выдѣлыванія кожъ стоитъ на очень низкой степени,— сибирская кожа несравненно хуже кожи европейской Россіи, разрушается чрезвы-

дешевизна ихъ невѣроятная, но и такая грубая и плохая обувь слишкомъ большая драгоцѣнность для крестьянина, поэтому крестьянки почти всегда, а крестьяне очень часто, ходятъ босые; ребенокъ съ кожаной обувью на ногахъ рѣдкое исключеніе,—лѣтомъ и зимою можно его встрѣтить босаго на улицѣ; нельзя безъ ужаса смотрѣть на этихъ дѣтей, босыхъ, полунагихъ, дрожащихъ въ трескучій морозъ отъ холода и съ горькими слезами вбѣгающихъ въ двери родительскаго дома. Встрѣтить въ этихъ мѣстахъ въ трескучій морозъ ногу крестьянина достаточно и удобно обутую, это болѣе или менѣе исключеніе. Употребляющіеся въ Сибири валеные сапоги съ мушками такъ жестки, какъ дерево, между тѣмъ для бѣднаго человѣка и эти сапоги составляютъ роскошь, онъ пробивается кое-чѣмъ; иногда онъ дѣлаетъ себѣ что-то вродѣ сапогъ изъ толстаго холста, набиваетъ ихъ охлопками и простегиваетъ; сибирскіе оптимисты даже восхищаются этимъ таежнымъ костюмомъ. Единственная верхняя одежда, при которой въ сибирскіе морозы можно сохранить свое здоровье, — это доха; кожа козловая, барсовая или оленья дѣлается мягкою, изъ нея сшивается шуба шерстью наружу; въ хорошей дохѣ самый пронзительный вѣтеръ не чувствителенъ. Плохая доха, одна кожа съ шерстью, безъ всякаго подклада, стоитъ не менѣе пяти рублей серебромъ, а потому она недоступна бѣдному человѣку. Овецъ въ Сибири разводится весьма мало, поэтому значительная часть крестьянъ не могутъ имѣть и овчинныхъ тулуповъ, и по той же самой причинѣ крестьянинъ носитъ весьма мало сукна, все это замѣняется у него пеньковымъ полукафтаньемъ, сдѣланнымъ изъ весьма плохаго матеріяла и дотого колючимъ, что имъ можно занозить руку. Нерѣдко въ сорокаградусный морозъ можно увидать крестьянина въ такомъ полукафтаньѣ въ открытомъ полѣ. На работу онъ отправляется въ широкихъ коноплянныхъ штанахъ, которые надѣваются сверхъ платья, и въ такомъ костюмѣ онъ работаетъ зимою нерѣдко въ водѣ. Одежда крестьянина не достаточна, а одежда крестьянки и того менѣе; зимою она, синяя и дрожащая отъ холода, бѣгаетъ по улицѣ въ одномъ сарафанѣ, безъ шубы и въ коротенькой и совершенно недостаточной верхней одеждѣ. Поэтому зимою крестьянки всѣ болѣе или менѣе нездоровы, и можно проѣхать тысячу верстъ и не встрѣтить ни одного здороваго женскаго лица. Самая жалкая судьба при этомъ опять таки постигаетъ дѣтей; ребенокъ, тепло и достаточно одѣтый, непремѣнно принадлежитъ къ богатому дому; около него кишитъ толпа, одѣтая въ самыя жалкія тряпицы, въ обноски, брошенные матерью, у которыхъ одинъ дырявый рукавъ длиннѣе всего ребенка. Толпа эта только благодаря своей живости и постояннымъ движеніямъ не замерзаетъ на улицахъ. Я не могу себѣ даже представить крестьянскаго мальчика зимою иначе, какъ грѣю-

---

чайно легко и носится недолго. Кожевенное производство составляетъ половину всего сибирскаго фабричнаго производства, и все-таки оно только равняется казанскому, хотя въ Казанской губерніи вчетверо меньше жителей, чѣмъ въ Сибири. Казанское фабричное производство на 25% значительнѣе сибирскаго, т. е. относительно въ пять разъ значительнѣе.

щаго кулакъ и перепрыгивающаго съ ноги на ногу. Послѣдствія такого положенія—постоянныя простуды, застарѣлые ревматизмы, зубныя боли, частыя воспаленія легкихъ и другія серьезныя болѣзни. Грудные дѣти, для которыхъ такъ необходимо перемѣнное бѣлье для тѣла и для постели, ничего подобнаго не имѣютъ: въ люлькѣ у нихъ можно найти только нѣсколько жалкихъ тряпокъ и лохмотьевъ. они портятъ себѣ желудокъ грязнымъ рожкомъ, ихъ тѣло разъѣдается уриной и экскрементами, въ которыхъ они валяются; сколько дѣтей погибаетъ отъ этой одной причины! Ребенокъ, который миновалъ всѣ многочисленныя опасности, которыя угрожаютъ первымъ годамъ его дѣтства, съ осьми или десяти лѣтъ поступаетъ въ тяжелую крестьянскую работу, — онъ нетолько долженъ боронить, полоть, убирать сѣно, онъ долженъ жать и молотить; работа эта иногда бываетъ такъ тяжела для ребенка, что онъ предпочитаетъ ей плеть отца, и нужно употреблять жестокія наказанія, чтобы его къ ней принудить. Послѣдствія этого — преждевременная смерть, килы, маточныя болѣзни и пр.

Вотъ каково матеріальное состояніе крестьянина; посмотримъ теперь на нравственное. Въ волости М. собрался сходъ, причина собранія это споръ между двумя домовладѣльцами: одинъ выстроилъ себѣ хорошенькій домикъ, другой хочетъ его у него оттягать; притязаніе сосѣда явно несправедливо, его однакоже поддерживаетъ старшина по личнымъ своимъ связямъ съ этимъ человѣкомъ. Общество приговариваетъ, что домъ этотъ находится на землѣ, отведенной сосѣду. Когда дѣло кончено и мужики разошлись, посторонній свидѣтель начинаетъ съ ними разговоръ. «Почему вы такъ рѣшили, это совершенно несправедливо», говоритъ онъ. — «Конечно мужика напрасно обидѣли, отвѣчаютъ крестьяне, но что будешь дѣлать, старшина захотѣлъ, — не послушайся его, онъ заставитъ себя помнить». — «Отчего же вы боитесь старшины, вѣдь вы сами его выбираете, какъ же онъ можетъ васъ обидѣть», продолжаетъ свидѣтель. — «Старшина всякаго мужика можетъ погубить», гласитъ загадочный отвѣтъ. Посторонній свидѣтель ѣдетъ черезъ перевозъ. «Что, Митрій, запасъ сѣна»? спрашиваетъ одинъ крестьянинъ другаго. «Запасти-то запасъ, — да не годится, почернѣло. Мы въ ведра на барина работали, а тутъ дожди пошли и попортилось», отвѣчаетъ Дмитрій. — «На какого барина? — спрашиваетъ посторонній свидѣтель, — здѣсь вѣдь нѣтъ помѣщиковъ?» — «На нашего барина, — отвѣчаютъ крестьяне, — на мироваго посредника, онъ надъ нами властенъ». — «Развѣ мировой посредникъ можетъ заставлять на себя работать?» спрашиваетъ свидѣтель. — «Не можетъ, — отвѣчаетъ крестьянинъ, а велитъ, такъ что будешь дѣлать, его власть, что хочетъ, то съ нами и дѣлаетъ».

Откуда происходитъ такое безграничное подобострастіе, такое безусловное повиновеніе всѣмъ незаконнымъ распоряженіямъ, какимъ образомъ выборная власть можетъ вырождаться въ притѣснителя для своихъ избирателей? Вникнемъ въ положеніе крестьянина и загадка разъяснится. Крестьянинъ, живущій земледѣліемъ, можетъ получить приблизительно съ десятины пятьдесятъ пудовъ ржи, пятьдесятъ пять пудовъ пшеницы и семьдесятъ пудовъ овса.

Если его семейство состоитъ только изъ четырехъ человѣкъ, то для его прокормленія ему нужно шестьдесятъ пудовъ ржи и двѣнадцать пудовъ пшеницы; для скота ему нужно двадцать пудовъ ржи и восемьдесятъ пудовъ овса. Податей съ оброками, земскими и волостными расходами онъ платитъ до десяти рублей; съ различными случайными сборами, съ пополненіемъ магазиновъ и пр., ему придется иногда платить до четырнадцати рублей (я говорю о кабинетскомъ крестьянинѣ). Если ему приходится платить за двѣ съ половиною души, то ему нужно, слѣдовательно, отъ двадцати двухъ до тридцати пяти рублей — положимъ двадцать девять рублей. Для этого ему нужно продать шестьдесятъ семь пудовъ ржи по 17 коп.—всего на 11 руб. 39 коп.; пятьдесятъ пудовъ пшеницы по 30 коп.—всего на 15 рублей, и тридцать два пуда овса по 8 коп. — всего на 2 руб. 56 коп. — Всего ему нужно въ годъ произвести 147 пудовъ ржи, 62 пуда пшеницы и 112 пудовъ овса, и кромѣ того достаточное количество всѣхъ этихъ сортовъ хлѣба на сѣмена. Кромѣ того нужно считать умолъ, вознагражденіе мельнику и разныя траты, такъ что ему для произведенія этого количества хлѣба нужно обработать, по крайней мѣрѣ, семь съ половиною или восемь десятинъ земли. Землю въ Сибири хотя не унавоживаютъ, но воздѣлываютъ очень тщательно, на обработку и уборку десятины никакъ нельзя полагать менѣе двадцати дней. Ему слѣдовательно нужно будетъ отъ ста пятидесяти до ста шестидесяти дней. Въ Сибири земля промерзаетъ очень крѣпко и начинать обработку можно только поздно, въ тоже время хлѣбъ созрѣваетъ очень быстро и осень начинается рано; онъ можетъ начать работать никакъ не ранѣе 1 мая и къ 15 сентября все должно быть кончено. Если исключить полтора мѣсяца на сѣнокосъ, то у него останется всего на производство хлѣба 90 дней; столько даже считать нельзя, потому что если онъ слишкомъ поздно посѣетъ, то онъ не успѣетъ во время собрать, — ему не достаетъ слѣдовательно приблизительно шестидесяти пяти дней, т. е. болѣе двухъ пятыхъ. Дѣйствительно, несмотря на всѣ сокращенія и лишенія, крестьянинъ не можетъ содержать свое семейство и оплачивать сборы однимъ земледѣльческимъ трудомъ,—ему необходимы для этого подсобные промыслы, или онъ долженъ заняться кромѣ того особымъ производствомъ, напр. пчеловодствомъ, сплавкою лѣса и т. д. Всѣ эти способы пріобрѣтенія не вѣрны, они могутъ дать барышъ, могутъ дать и убытокъ. Вслѣдствіе всего этого уплачивать подати крестьянину не легко. Взыскиваемая съ него подать, это не то, что подать съ капиталиста въ западной Европѣ, который платитъ какихъ-нибудь три или шесть процентовъ изъ своего дохода, онъ платитъ весьма часто бо́льшую половину своего дохода. Что бы сказали капиталисты, еслибы отъ нихъ потребовали пятьдесятъ или шестьдесятъ процентовъ ихъ дохода въ видѣ подати. Естественно, что взысканіе этихъ сборовъ чрезвычайно трудно, оно не можетъ быть произведено посредствомъ обыкновенныхъ мѣръ при имущественныхъ взысканіяхъ, т. е. посредствомъ продажи крестьянскаго имущества,—къ этимъ мѣрамъ присоединяется еще тѣлесное наказаніе. Административныя власти не находятъ никакой возможности взыскивать подати безъ помощи розогъ, и всѣ попытки отмѣ-

нить въ этихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе не удались. Тѣлесное наказаніе употребляется въ этихъ случаяхъ — это фактъ несомнѣнный. Если же вѣрить разсказамъ крестьянъ, то при этомъ имѣютъ мѣсто жестокости, напоминающія пытки, употреблявшіяся въ Индіи при взысканіи податей. Съ глубокимъ унынiемъ и со слезами на глазахъ изображали передо мною картину толпы поблѣднѣвшихъ крестьянъ, привезенныхъ возовъ розогъ и во главѣ фигуру губернатора или мироваго посредника, который будто-бы принималъ на себя такую жалкую и унизительную роль. Я самъ этого конечно не видалъ, но одно существованіе подобныхъ разсказовъ уже показываетъ, съ какимъ трудомъ взыскиваются подати. Я много разъ былъ свидѣтелемъ ожесточенія, съ которымъ мѣстныя власти говорятъ о крестьянахъ во время сбора податей. Имъ такъ трудно въ этомъ случаѣ не только отличиться, но даже избѣгнуть упрековъ высшаго начальства, что вся желчь въ нихъ поднимается, какъ только заговорятъ о крестьянахъ. Можно себѣ представить, какими мѣрами они дѣйствуютъ! Въ прежнія времена, при взысканіи податей засѣкали людей до смерти,—я своими глазами читалъ актъ о подобномъ подвигѣ, совершенномъ въ присутствіи двухъ сотъ свидѣтелей. При подобномъ положеніи крестьяне будутъ нищими на самой богатой почвѣ и при самой роскошной земледѣльческой производительности; можно сказать даже, что крестьяне будутъ тѣмъ бѣднѣе и несчастнѣе, чѣмъ болѣе они будутъ производить. Для уплаты слѣдующихъ съ нихъ податей и сборовъ и акциза съ соли крестьяне Кузнецкаго округа должны продать земледѣльческихъ произведеній, во что бы то ни стало, на 400,000 руб. сер. — Городъ Кузнецкъ требуетъ подобныхъ произведеній всего на двѣнадцать тысячъ рублей серебромъ; слѣдовательно крестьяне должны продать во что бы то ни стало кулакамъ и спекуляторамъ на триста восемьдесятъ восемь тысячъ рублей серебромъ. Можно себѣ представить, какая отчаянная конкуренція происходитъ между ними подъ вліяніемъ паническаго страха, произведеннаго розгами,—цѣны сбиваются до невѣроятія, и несмотря на эту баснословную дешевизну въ Кузнецкомъ округѣ дѣлается невозможною какая бы то ни было промышленность. Крестьяне, разоренные до послѣдней степени возможнаго, рѣшительно ничего не могутъ покупать; капиталисты, которые служатъ средоточіемъ кузнецкой торговли, живутъ за предѣлами округа,—остаются чиновники, прикащики капиталистовъ и нѣсколько жалкихъ купцовъ. — Отсутствіе покупателей дѣлаетъ невозможнымъ и существованіе производителей. Если бы Кузнецкій округъ снабжалъ даже Америку своими произведеніями, то жители его не перестали бы голодать; достаточно того, что крестьяне продаютъ иногда свой хлѣбъ кулакамъ за четырнадцать и даже за двѣнадцать копѣекъ пудъ. Тѣлесное наказаніе, употребленное при взысканіи податей, разоряетъ крестьянина въ матеріальномъ отношеніи и унижаетъ его въ нравственномъ. Онъ попадаетъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ, въ руки и во власть богатыхъ міроѣдовъ, которые чрезъ это самое могутъ весьма легко скоплять богатства. Все крестьянское сословіе раздѣляется на немногихъ богатыхъ и массу нищихъ; эти богатые пашутъ по двѣсти десятинъ, имѣютъ сотни лошадей, продаютъ хлѣбъ сотнями и даже тысячами пудовъ, а дрова десятками и сотнями саженъ. Эти

крестьяне, во многихъ отношеніяхъ похожіе на римскихъ декуріоновъ и первобытныхъ патриціевъ, обыкновенно приводятся въ доказательство богатства края, между тѣмъ какъ они скорѣе могли бы служить доказательствомъ бѣдности и разоренія. Количество платимыхъ крестьяниномъ податей такъ значительно, что безъ подсобнаго заработка онъ ихъ уплачивать не можетъ, заработокъ же этотъ не всегда имѣется, а даже если и имѣется, то онъ рѣдко можетъ собрать деньги за свою работу ко времени уплаты податей, именно въ томъ количествѣ, которое ему нужно для этой уплаты. Но уплата необходима немедленно, ему грозятъ розгами, ему грозятъ продажею имущества. Передъ нимъ публичное униженіе, передъ нимъ окончательное разореніе; подъ вліяніемъ этого двойнаго страха онъ кидается, чтобы непремѣнно избѣгнуть бѣды. Избѣгнуть одно средство, это взять работу и получить часть денегъ впередъ, и онъ получаетъ работу, но конечно за полцѣны. Сажень дровъ стоитъ рубль двадцать копѣекъ, но, поставленная такимъ образомъ, она обходится въ шестьдесятъ копѣекъ и дешевле; сѣно тоже. Подобными предложеніями пользуются нетолько оборотливые жители города для производства своихъ годовыхъ запасовъ, но, въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, поставщики разныхъ предметовъ. Еще чаще подобнымъ жалкимъ положеніемъ пользуются богатые крестьяне. Они берутъ на себя поставки предметовъ потребленія, перевозку тяжестей и т. д. по существующимъ цѣнамъ, затѣмъ исполняютъ ихъ съ участіемъ бѣдныхъ своихъ односельцевъ, выигрываютъ двадцать и тридцать процентовъ въ томъ случаѣ, если не даютъ большихъ задатковъ, чѣмъ получаютъ, въ противномъ же случаѣ выигрываютъ пятьдесятъ процентовъ и болѣе. Крестьянинъ не только вынужденъ продавать за безцѣнокъ свой трудъ, чтобы получить деньги впередъ, но даже въ томъ случаѣ, когда онъ былъ вполнѣ запасливъ и имѣетъ больше продуктовъ, чѣмъ нужно для покрытія слѣдующихъ съ него податей; одна невозможность найти покупателя на свои произведенія именно къ тому времени, когда слѣдуетъ съ него подать, ведетъ къ его разоренію; онъ нетолько сбиваетъ цѣны до 14 и 12 копеекъ за пудъ ржаной муки, но, не находя покупателей, навязываетъ ее богатому міроѣду за десять копѣекъ и дешевле. Послѣдствіемъ всего этого бываетъ то, что на слѣдующій годъ ему платить подати еще труднѣе. Онъ продалъ хлѣбъ за безцѣнокъ, отъ этого у него не достаетъ на посѣвъ. Время, которое онъ долженъ употребить на заработокъ для уплаты податей, уходитъ у него на отработку прежнихъ долговъ, и такъ какъ онъ взялся работать за полцѣны, то ему въ настоящемъ году уже несмотря ни на какія изворотливости невозможно уплатить податей; остается одно — прибѣгнуть къ продажѣ скота, но покупателей нѣтъ, а съ требованіемъ податей приступаютъ къ горлу; нечего дѣлать, онъ идетъ и кланяется богатому мужику, — тотъ за корову, которая стоитъ 12 рублей, даетъ ему три; мужикъ въ отчаяніи бросается во всѣ стороны; поможетъ ему счастье, онъ продаетъ за пять или за шесть рублей, при несчастьи же отдаетъ и за три. На слѣдующій годъ дефицитъ его еще больше, нѣтъ болѣе ни хлѣба, ни скота, которыхъ можно было бы продать за полцѣны и выручить себя изъ бѣды; онъ лицомъ къ лицу поставленъ съ міроѣдомъ. Невозможно перечислить всѣ

хитрости, которыми міроѣды доводятъ до нищеты самыхъ порядочныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ; можно было бы удивляться слабости, съ которою крестьяне поддаются этимъ хитростямъ, еслибы слабость эта не объяснялась ихъ тяжелымъ положеніемъ. Одинъ весьма трудолюбивый, смышленый и порядочный крестьянинъ отдалъ своего сына богатому міроѣду, потому что тотъ увѣрилъ его, что онъ сдѣлаетъ въ его пользу завѣщаніе; бѣдный парень работалъ на міроѣда два года и не получилъ ни гроша, міроѣдъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда отецъ разорится и придетъ къ нему за помощью; но отецъ во время взялся за умъ и взялъ сына обратно. Міроѣдъ послѣ этого ненавидѣлъ его, какъ будто-бы онъ его ограбилъ,—онъ интриговалъ противъ него у начальства и вездѣ, гдѣ только возможно было, распускалъ объ немъ позорные слухи и всячески старался его разорить. Семейство, которое подвергалось такимъ нападкамъ со стороны міроѣда, можетъ служить прекраснымъ образцомъ для характеристики положенія крестьянина Кузнецкаго округа. Оно съ крестьянской точки зрѣнія было въ весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ. Оно состояло изъ отца, матери, трехъ сыновей, изъ которыхъ младшему было двѣнадцать лѣтъ, и дочери-работницы; всѣ они были честны, трудолюбивы, трезвы и необыкновенно смѣтливы и оборотливы. Мать умѣла найти себѣ выгодную зимнюю работу въ городѣ, нашла такую же работу и для своей дочери, отецъ былъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ таежныхъ промышленниковъ; тайга была для него то, что море для стараго моряка,—онъ зналъ ее вдоль и поперегъ, онъ бралъ съ нея оброкъ всѣмъ, что она только могла дать—и рыбой, и мясомъ, и звѣремъ, и золотомъ; двѣнадцатилѣтній его сынишка уже славился своимъ искусствомъ молотить. Дружба и согласіе въ этомъ семействѣ производили самое пріятное впечатлѣніе, они носили въ себѣ сознаніе своего превосходства, «міроѣдамъ насъ не съѣсть»—говорили они съ гордостью. Между тѣмъ какъ жило это семейство! Оно жило въ жалкой квадратной избѣ безъ крыши, о которой я говорилъ выше, кругомъ не было ни кола, ни двора, и изба эта напоминала сказочную избушку на курьихъ ножкахъ. Они нетолько не имѣли никакихъ запасовъ, никогда не могли уплачивать своихъ податей не дѣлая долговъ, и долги эти равнялись, по крайней мѣрѣ, половинѣ слѣдующихъ съ нихъ платежей, все ихъ преимущество надъ другими крестьянами состояло въ томъ, что они успѣвали дѣлать эти долги въ городѣ на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Положеніе крестьянина трудное, онъ постоянно чувствуетъ самое сильное желаніе выйти изъ него, облегчить или обезпечить свою участь; но горе ему, если онъ поддастся этимъ стремленіямъ, если онъ пустится на изобрѣтенія. Онъ напр. придумалъ завести пчелъ, міроѣдъ немедленно согласится удовлетворить его желанію; но у него денегъ нѣтъ, міроѣдъ соглашается получить отъ него хлѣбомъ, конечно по низкой цѣнѣ; крестьянинъ не рѣшается, онъ опасается попасть въ затрудненіе при платежѣ податей, но міроѣдъ его утѣшаетъ, пусть онъ только смѣлѣе берется за дѣло, потомъ онъ ему поможетъ. Лишь только пчелы перешли въ руки бѣдняка, міроѣдъ начинаетъ ненавидѣть этихъ пчелъ, для него нестерпима мысль, чтобы бѣднякъ разжился его

добромъ, онъ придумываетъ, какъ бы ихъ загубить, и нерѣдко это ему удается. Какъ скоро крестьянинъ обращается къ міроѣду за помощью, міроѣдъ изъ его врага, преслѣдовавшаго его всѣми средствами, превращается въ самаго нѣжнаго его друга и покровителя, онъ входитъ во всѣ его нужды, онъ всегда готовъ его защищать и выручать изъ бѣды, онъ обращается съ нимъ правда нѣсколько важно, но зато чрезвычайно нѣжно, и только вслѣдствіе одной испорченности человѣческаго сердца бѣдный другъ тѣмъ болѣе ненавидитъ своего богатаго патрона, чѣмъ нѣжнѣе тотъ къ нему становится. Послѣдствія этой нѣжности приблизительно слѣдующія. Случалось читателю присутствовать на сходкѣ, гдѣ происходитъ раскладка податей? Если не случалось, я ему разскажу, что тамъ происходитъ. Сходка собралась, первый говоритъ конечно богатый міроѣдъ: «Дѣлаю міру уваженіе,—говоритъ онъ, съ приличною важностію, — беру двѣ съ половиною души». Получивъ дань благодарности за свое самоотверженіе, онъ уступаетъ свое мѣсто другому, также міроѣду: «Радъ міру помочь, — говоритъ онъ, — но противъ Василія Андреевича не могу, беру двѣ души съ четвертью, больше не въ силахъ».— «И на томъ тебѣ благодарны» — раздаются немедленно голоса. Многіе хотятъ что-то сказать, но молчатъ. Всѣ богатые мужики одинъ за другимъ опредѣлили себѣ количество слѣдующихъ съ нихъ сборовъ, одинъ Федотъ не сказалъ ни слова. «Что же Федотъ Пахомычъ, ничего не говоришь»— обращаются къ нему.—«Что мнѣ говорить, — отвѣчаетъ Федотъ, — я человѣкъ старый, убогій, подростокъ у меня малый, кланяюсь міру, прошу меня освободить».—Подростокъ, о которомъ говоритъ Федотъ, здоровый парень двадцати трехъ лѣтъ, онъ числился однакоже почему-то пятнадцати лѣтъ. Это показалось міру слишкомъ нахальнымъ, всѣмъ было извѣстно, что у Федота однихъ пчелъ триста колодокъ и что онъ еще недавно продалъ меду и воску на пятьсотъ рублей; начался шумъ, Федотъ плакалъ, бѣсился, рвалъ на себѣ волосы, ползалъ на колѣняхъ; однакоже какъ онъ ни старался, а не могъ достигнуть, чтобы на него наложили менѣе одной и трехъ четвертей души. Федотъ этимъ не удовольствовался, онъ жаловался на міръ и чрезъ старшину и писаря достигнулъ, что съ него сложили еще пол-души. Когда дѣло дошло до бѣдныхъ людей, тогда оказалось, что міроѣды поступили разсчетливо,—на долю бѣдныхъ пришлось среднимъ числомъ по четверти души болѣе, чѣмъ на богатыхъ. На Герасима, который имѣлъ точно такое семейство, какъ Федотъ, наложили четыре съ половиною души, онъ долго умолялъ на колѣняхъ. «Нельзя,—отвѣчали ему,—вѣдь душу не спрячешь, куда же ее дѣть». Только одинъ Герасимъ успѣлъ достигнуть, что съ него сложили пол-души. Другіе бѣдняки лишь только раскрывали ротъ, тотчасъ всѣ начинали на нихъ кричать, ихъ уговаривали, увѣряли, что Богъ имъ поможетъ: «ты на Бога надѣйся»—говорили имъ убѣдительно. Наконецъ они умолкали; ни одинъ, защищая себя, не развилъ и половину энергіи и смѣлости Федота: трудолюбіе и страсть къ стяжанію—двѣ склонности, нетолько не совпадающія, но даже рѣдко встрѣчающіяся вмѣстѣ. Такимъ образомъ ко всѣмъ тягостямъ бѣднаго присоединяется и неравномѣрное распредѣленіе податей. Подати распредѣлены, на-

ступаетъ день платежа,—у одного не достаетъ десяти рублей, у другаго половины, у третьяго еще болѣе; зная участь, которая ихъ ожидаетъ, бѣдняки мечутся, какъ рыба объ ледъ. Міроѣды молчатъ или говорятъ, что у нихъ денегъ нѣтъ; впрочемъ, обходятся съ бѣдняками ласково. Земская полиція, мировые посредники настаиваютъ, сельское начальство приходитъ въ волненіе; являются на сцену угрозы и розги. Міроѣды молчатъ и уклоняются попрежнему. Наконецъ сельское начальство, помня штрафы, которые ему пришлось платить за недоимки, начинаетъ приставать къ нимъ съ просьбою выручить ихъ изъ бѣды; міроѣды возражаютъ, что люди, для которыхъ у нихъ просятъ деньги, не надежные. Только тогда, когда бѣдные доведены до крайнихъ предѣловъ смиренія и отчаянія и когда сельское начальство дастъ міроѣдамъ всѣ ручательства, что бѣдняки будутъ принуждены выполнить свои обязательства, они развязываютъ свои кошельки. Съ этого дня начинается нѣжнѣйшая связь между міроѣдомъ и его жертвою; міроѣдъ заступается за бѣднягу, старается доставлять ему разныя выгоды, какъ скоро ему это ничего не стоитъ; онъ научаетъ его защищаться противъ разныхъ противузаконныхъ притязаній; но это покровительство дорого достается бѣдняку; онъ нетолько долженъ исполнять тягостныя условія, подъ которыми получалъ деньги, онъ долженъ быть съ семействомъ непремѣннымъ членомъ на всѣхъ помочахъ, посредствомъ которыхъ міроѣдъ стяжаетъ свои богатства. Міроѣдъ пашетъ посредствомъ помочей, коситъ сѣно тоже, убираетъ хлѣбъ тоже, рубитъ дрова тоже. За какой-нибудь стаканъ вина его кліентъ продаетъ ему свой трудъ, и его собственныя поля остаются невоздѣланными, скотъ безъ корму. Поставленный разъ въ подобное положеніе, бѣднякъ попадаетъ въ безвыходную кабалу, онъ опускается все ниже и ниже, трудъ свой продаетъ все дешевле и дешевле, пока не доходитъ до баснословной дешевизны. Цѣлое семейство работало на міроѣда цѣлый годъ за телку; крынка (около штофа) простокваши — вознагражденіе, нерѣдко даваемое міроѣдомъ за день женскаго труда; дѣти работаютъ на него изъ одного хлѣба. Вотъ какимъ образомъ міроѣды доходятъ до поражающихъ наблюдателя богатствъ, запахиваютъ сотни десятинъ, имѣютъ сотни штукъ скота, имѣютъ обширные пчельники, и все это достается имъ за безцѣнокъ. — Скупщикамъ хлѣба очень хорошо извѣстно, что въ то время, какъ въ иной деревнѣ у одного крестьянина можно купить пятьсотъ и тысячу пудовъ хлѣба, у всѣхъ остальныхъ едва можно накупить нѣсколько десятковъ пудовъ. Въ Тобольской губерніи міроѣды, съ помощью даровато труда своихъ кліентовъ, вывозили дрова и бревна изъ лѣсовъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что это грозило общинамъ совершеннымъ лѣсоистребленіемъ, и онѣ вынуждены были раздѣлить лѣса по душамъ и, не воспрещая отдѣльнымъ крестьянамъ рубить гдѣ и сколько имъ угодно, воспрещать міроѣдамъ въѣзжать въ лѣса, въ сопровожденіи своего хвоста, и рубить внѣ предѣловъ своего участка.

Есть еще другое, едвали меньшее, зло, которое происходитъ для крестьянина отъ тягости падающихъ на него сборовъ. Подати не могутъ быть взыскиваемы иначе, какъ съ помощью тѣлесныхъ наказаній. Существованіе же тѣлесныхъ наказаній есть одно изъ главныхъ препятствій для развитія крестьян-

скаго благосостоянія. Пока крестьянина можно будетъ наказывать тѣлесно, нетолько по суду за важныя преступленія, но и за маловажныя вины и даже безъ всякой вины — за бѣдность, до тѣхъ поръ онъ будетъ рабъ въ душѣ, онъ будетъ чувствовать себя жалкимъ, униженнымъ паріемъ, — чувство собственнаго достоинства будетъ для него недоступно. Американскій земледѣлецъ обладаетъ чувствомъ своего достоинства болѣе, чѣмъ работникъ какой-либо другой страны; самаго знатнаго посѣтителя онъ представляетъ своей женѣ и хочетъ, чтобы всякій обращался съ нимъ на равной ногѣ. Онъ хочетъ ничѣмъ не отличаться отъ порядочнаго человѣка, онъ одѣвается и одѣваетъ свое семейство такъ, какъ одѣваются порядочные люди, онъ старается, чтобы его домъ былъ и снаружи и внутри похожъ на жилище порядочнаго человѣка. Для того, чтобы видѣть что-нибудь подобное, намъ не нужно ѣздить въ Америку, мы можемъ видѣть это у иностранныхъ колонистовъ, поселившихся въ Россіи. Русскій крестьянинъ привыкъ смотрѣть на себя какъ на послѣдняго изъ смертныхъ; человѣку, котораго публично сѣкутъ розгами, можетъ ли быть стыдно, если онъ одѣтъ скверно, если у него хозяйство въ безпорядкѣ; мало этого, онъ былъ бы смѣшенъ въ глазахъ своихъ и своихъ собратій, еслибы стремился создать себѣ порядочную обстановку; каково будетъ его положеніе, если онъ надѣнетъ фракъ и бѣлыя перчатки, и въ этомъ фракѣ его выведутъ на площадь и высѣкутъ розгами. Что русскій человѣкъ, въ этомъ отношеніи, ни на волосъ не отличается отъ американца или нѣмецкаго колониста, что онъ точно также чувствовалъ бы, какъ американецъ, еслибы онъ былъ въ такомъ же положеніи, тому можно привести достаточныя доказательства. Впрочемъ, это увлекло бы меня слишкомъ далеко; когда-нибудь я познакомлю читателя съ геройскою борьбою, которую ведетъ русскій работникъ для достиженія порядочной обстановки, какъ скоро въ немъ просыпается чувство своего достоинства. Я докажу, что чувство это просыпается въ немъ тотчасъ, какъ скоро нельзя болѣе его унижать; здѣсь я напомню только о вліяніи, которое произвела отмѣна тѣлеснаго наказанія, въ извѣстныхъ предѣлахъ, на наше войско; не оштрафованнымъ солдатамъ, находившимся на службѣ, я смѣло ввѣрялъ свое имущество, я зналъ, что солдатъ такъ дорожитъ своимъ званіемъ избавленнаго отъ тѣлеснаго наказанія, что онъ никогда не рѣшится сдѣлать безчестнаго поступка; ничто не облагородило нашу армію въ такой степени, какъ эта мѣра. Униженный рабскимъ наказаніемъ, крестьянинъ нашъ махнулъ рукою на все,—чувство его униженія заглушило въ немъ всѣ благородныя побужденія; можетъ ли онъ быть способнымъ переносить тяжкіе труды, чтобы вести достойную жизнь, когда его положеніе такое тяжелое, что изъ ста случаевъ въ одномъ онъ будетъ въ состояніи достигнуть своей цѣли, и въ этомъ сотомъ случаѣ его подняли бы на смѣхъ, какъ человѣка, силящагося выдти изъ своей сферы; ему не остается ничего, кромѣ грязныхъ и скотскихъ наслажденій, и онъ пропиваетъ въ кабакѣ все, что ему попадетъ въ руки. Его порицатели не замѣчаютъ того, что каждый изъ нихъ на его мѣстѣ поступилъ бы точно также, — они не хотятъ замѣтить, какъ русскій работникъ трудолюбивъ. Если онъ, вслѣдствіе дурной пищи, уступаетъ заграничному

въ силѣ, то онъ, въ общей сложности, далеко превосходитъ его въ прилежаніи. Жертва безпощаднаго униженія, онъ держитъ въ такомъ же рабствѣ свою жену и свое семейство и воспитываетъ дѣтей, всасывающихъ съ молокомъ матери раболѣпіе и пороки. Никакое краснорѣчіе не въ состояніи описать того безпредѣльнаго зла, которое отъ этого происходитъ. Чтобы понять, до какой степени велико это зло, нужно знать, съ какимъ безчувственнымъ равнодушіемъ крестьяне смотрятъ на самое несправедливое и жестокое обращеніе мужа съ своею женою,—они считаютъ ее находящеюся въ его неограниченной власти, т. е. въ рабствѣ. Крестьянинъ, несъ въ кабакъ жалкую одежду своихъ дѣтей, жена его пыталась воспрепятствовать этому, онъ ее за это публично на улицѣ избилъ до полусмерти; на эту отвратительную сцену пріѣхалъ мировой посредникъ. Мировой посредникъ немедленно собралъ судей, но они рѣшительно отказывались присудить злодѣя къ наказанію; они утверждали, что мужъ можетъ дѣлать съ женою, что онъ хочетъ, и что нѣтъ закона, который дозволялъ бы наказывать его за жестокое обращеніе. Только огромное вліяніе мироваго посредника принудило судей приговорить къ наказанію; но лишь только приговоръ состоялся, несчастная, избитая женщина кинулась передъ мировымъ посредникомъ на колѣна и со слезами умоляла его отмѣнить наказаніе; еслибы приговоръ былъ исполненъ, ей бы пришлось въ десять разъ болѣе перенести отъ жестокости своего мужа, и никто бы за нее не заступился. Въ одномъ селѣ жила дѣвушка, богато надѣленная отъ природы всѣмъ, что можетъ плѣнить крестьянина,—она была и красавица, и работница, и пр.; всякій желалъ на ней жениться, и жениховъ у нея было множество. Предстоявшимъ ей обширнымъ выборомъ она воспользовалась не для того, чтобы выбрать самаго совершеннаго, самаго красиваго и богатаго; она стремилась къ одному—чтобы выбрать смирнаго, и дѣйствительно она выбрала самаго смирнаго и добродушнаго мужика во всемъ околоткѣ; но и этотъ добродушнѣйшій изъ крестьянъ билъ ее жестоко, только съ тою разницею, что онъ приэтомъ самъ плакалъ. До какой степени привычка подвергаться наказаніямъ и наказывать тѣлесно ожесточила нравъ крестьянъ, видно изъ употребляемыхъ ими послѣдовательныхъ наказаній. При взысканіи податей неоднократно употреблялись послѣдовательныя наказанія: въ былыя времена случалось, что при взысканіи податей крестьяне, наказанные нѣсколько разъ кряду, умирали подъ розгами. Подобныя же наказанія употребляетъ крестьянинъ относительно своей жены, за одну и ту же вину онъ каждый день бьетъ и сѣчетъ ее, пока наконецъ душа его не насытится жестокостію; въ особенности часто такія безчеловѣчныя наказанія употребляются изъ ревности. Очень многіе крестьяне имѣютъ жестокое обыкновеніе бить по головѣ палками и другими орудіями,—у многихъ женщинъ вся голова отъ этого въ ранахъ, и онѣ страдаютъ постоянными головными болями и разстройствомъ всего организма. Во время пьянства крестьяне бьютъ своихъ женъ нетолько каждый день, но нѣсколько разъ въ день, и весьма часто какой-нибудь извергъ забиваетъ свою жену въ гробъ. Жена имѣетъ самый большой интересъ удерживать мужа отъ пьянства, и имѣла бы для этого не мало способовъ, еслибы ограждали ее отъ тиранства мужа; но она, беззащит-

ная, отдана ему на произволъ, и мужъ нетолько пропиваетъ ея платье и все, что она пріобрѣла тяжелымъ трудомъ, и оставляетъ голодать своихъ дѣтей, но для того, чтобы отдѣлаться отъ ея докучливыхъ сопротивленій, онъ ее колотитъ безъ всякаго милосердія. Какъ ни ужасны всѣ эти факты, но они всееще не обрисовываютъ самую мрачную сторону картины. Отецъ большаго семейства заводитъ себѣ любовницу и съ нею пропиваетъ всѣ свои деньги, въ то время какъ его семейство погибаетъ отъ голода. Каждый день онъ возвращается пьяный домой, и, возбужденный своею развратною наложницею, бьетъ свою жену до безпамятства; наконецъ приводитъ свою любовницу къ себѣ домой, чтобы съ нею развратничать, заставляетъ свою жену ей услуживать и, въ угоду развратницѣ, онъ ее бьетъ и унижаетъ всячески въ ея глазахъ. Мужъ, влюбившись въ другую женщину, желаетъ сжить свою жену со свѣта, онъ ее бьетъ и тиранитъ систематически, она уже имѣетъ чахотку, но ему этого мало, онъ желаетъ ускорить ходъ болѣзни безпрерывными побоями и преслѣдованіями. Мнѣ извѣстенъ примѣръ, когда мужъ, въ подобномъ положеніи, такъ немилосердно сѣкъ свою жену, что всю печку застлалъ ворохомъ розогъ, и бросилъ ее только тогда, когда она лежала безъ чувствъ на полу. Подобные примѣры такъ часты, что народъ смотритъ на нихъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Однажды я видѣлъ, какъ мужъ, по наущеніямъ своей любовницы, жестоко билъ свою жену на улицѣ; любовница стояла тутъ же и подстрекала его бить по головѣ; цѣлая толпа стояла кругомъ и безучастно смотрѣла на это отвратительное зрѣлище; когда я обратился къ присутствовавшимъ съ упрекомъ, они выразили мнѣніе, что никто не имѣетъ права воспретить мужу бить свою жену. Къ несчастью жестокое обращеніе и пьянство это пороки, которые чаще встрѣчаются между крестьянами, пользующимися благосостояніемъ; родившись отъ пьянаго отца и забитой матери, сынъ обладаетъ столь раздражительными нервами, что обыкновенно пропиваетъ все свое наслѣдство. Такимъ образомъ исчезаютъ и тѣ немногія возможности благосостоянія, которыя могли явиться при современномъ положеніи. — Вотъ къ чему приводитъ держаніе людей въ грязномъ тѣлѣ. — Мудрено ли послѣ этого, что женщины избѣгаютъ брака вездѣ, гдѣ онѣ только могутъ это сдѣлать; крестьянскія дѣвушки выходятъ замужъ такъ поздно, какъ только дозволяютъ имъ родители, и родители, зная какая тяжкая участь быть на Руси женою, прощаютъ имъ всѣ ихъ слабости. Съ своей стороны дѣвушка старается всячески быть полезной въ домѣ и не въ тягость родителямъ, она старается всячески своей работой облегчить отцу возможность уплачивать подати, и одѣвается и рядится, не требуя отъ родителей никакого вспомоществованія. Но такъ какъ она трудомъ не въ силахъ достигнуть всего этого, то она пускается въ развратъ. Отецъ, котораго положеніе тяжкое и котораго развратъ дочери не однократно спасалъ отъ розогъ, когда приходилось платить подати, смотритъ на это сквозь пальцы; мать, которая знаетъ по опыту, какъ тяжело жить безъ любви и какъ тяжко жить въ бракѣ, еще снисходительнѣе. Тутъ крестьянка впервые добываетъ себѣ наряды развратомъ. Когда она выйдетъ замужъ, мужъ предоставляетъ ей одѣвать себя и дѣтей, какъ она хочетъ; если она искусная

работница и можетъ заработать порядочныя деньги, онъ не удовольствуется этимъ; — онъ безпрерывно попадаетъ въ такое положеніе, при которомъ ему приходится продавать за безцѣнокъ, для уплаты податей, хлѣбъ и скотъ или кланяться міроѣду; власть, которую онъ имѣетъ, постоянно его соблазняетъ, онъ дѣлаетъ женѣ разныя непріятности и старается принудить ее выручить его изъ бѣды; такимъ образомъ онъ пріучается отбирать у жены заработныя деньги. Мало по малу онъ пріучается смотрѣть на нее какъ на рабу, которая должна приносить ему постоянный оброкъ и употребляетъ его нетолько на уплату собственнаго оброка, но и для того, чтобы его пропить. Онъ отбираетъ у нея и пропиваетъ всю ея экономію. Женскій трудъ и безъ того цѣнится вдвое и втрое дешевле мужскаго; при такомъ же положеніи женщина изнуряетъ себя работою, она дѣлается болѣзненною, а мужъ, съ грубымъ эгоизмомъ оставляетъ ее на произволъ всѣмъ лишеніямъ и страданіямъ.—Дѣвушка, которая вышла замужъ цѣломудренною, большая рѣдкость и исключеніе, поэтому мужъ смотритъ обыкновенно сквозь пальцы на развратъ жены, если онъ имѣетъ отъ этого кое-какія выгоды, но встрѣчаются и такіе выродки человѣчества, которые принуждаютъ своихъ женъ къ прелюбодѣянію, чтобы добывать такимъ образомъ деньги; они бьютъ ихъ жестоко, чтобы заставить ихъ имѣть совокупленіе съ старыми и отвратительными мужчинами, отъ которыхъ можно получить порядочныя деньги. Вдовцы, которымъ удалось жениться на молодыхъ и красивыхъ женщинахъ, полагаютъ, что для избѣжанія съ ихъ стороны обмана и невѣрности необходимо ихъ бить, и потому систематически и иногда дотого жестоко истязаютъ ихъ, что изъ цвѣтущихъ и прекрасныхъ онѣ въ нѣсколько лѣтъ превращаются въ болѣзненныхъ старухъ. Такое ужасное положеніе приводитъ къ ужаснымъ послѣдствіямъ, оно служитъ соблазномъ къ преступленіямъ, любовницы соблазняютъ мужей отравлять своихъ женъ, и жены отравляютъ своихъ мужей. Въ какой степени распространены подобныя преступленія, трудно опредѣлить,—молва слишкомъ часто приписываетъ ихъ разнымъ женщинамъ, а съ другой стороны справедливость такъ рѣдко преслѣдуетъ ихъ, что нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ глуши сельской жизни многое остается неразъясненнымъ. Жестокое положеніе женщины въ семействѣ увеличиваетъ число бродягъ. Почти въ каждой тюрьмѣ можно встрѣтить женщинъ, скрывающихся тамъ отъ жестокости своихъ мужей; онѣ объявляютъ себя непомнящими родства и часто даже взводятъ на себя небывалыя преступленія. Въ одномъ острогѣ я встрѣтилъ женщину, которая совершила преступленіе въ надеждѣ, что ее сошлютъ въ Сибирь, но ее приговорили къ двухгодичному тюремному заключенію; когда она узнала, что по окончаніи срока заключенія ей придется возвратиться къ мужу, отъ котораго она посредствомъ перваго преступленія надѣялась избавиться, она взвела на себя новое и еще болѣе тяжкое преступленіе, котораго она вдобавокъ не совершила. Въ тюрьмахъ эти женщины встрѣчаются съ другими, такими же несчастными, мѣняются съ ними именами, протягиваютъ время, шатаются по этапамъ и острогамъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не найдутъ себѣ гдѣ-нибудь пріютъ. Такимъ образомъ, слишкомъ строгія положенія брака, вмѣсто того,

чтобы дѣлать женщинъ нравственными, погружаютъ ихъ въ бездну разврата; заграницею убѣдились, что только облегченіе развода и огражденіе женщины отъ семейныхъ оскорбленій способны сдѣлать бракъ разсадникомъ нравственности, а не разврата. Находясь подъ безутѣшнымъ впечатлѣніемъ брачной жизни русской крестьянки, женщины въ городахъ и въ мѣстахъ, гдѣ онѣ легко могутъ найти себѣ работу и обезпечить самостоятельное существованіе, избѣгаютъ замужества и живутъ съ любовниками; онѣ знаютъ, что самый нѣжный любовникъ легко превращается въ тирана на другой день послѣ брака. Посмотрите послѣ этого статистическія данныя: въ деревняхъ все обстоитъ благополучно, все одни законные браки, да законные дѣти, — нравственность безукоризненная: — вся ужасающая подкладка этой суровой жизни остается незамѣченною. Въ городахъ, гдѣ положеніе женщины гораздо сноснѣе, она перестаетъ быть рабой и хотя сколько-нибудь принимаетъ образъ человѣческій; но зато число незаконныхъ дѣтей увеличивается, и по статистикѣ выходитъ, что въ городахъ положеніе гораздо хуже. На дѣлѣ однакоже это вовсе не такъ. Безграничная власть мужа надъ женою и семействомъ разрушаетъ семейство. Въ древности на Руси случалось встрѣчаться съ понятіемъ, что мать глава семейства; еслибы это начало возможно было провести въ современномъ нашемъ рабочемъ классѣ, тогда семейство тамъ дѣйствительно могло бы принести ту пользу, которую отъ него ожидаютъ. Мать, даже незаконнаго ребенка, имѣетъ болѣе чѣмъ кто-либо интересъ его воспитать; къ этому побуждаютъ ее и естественныя чувства матери и надежда видѣть въ дѣтяхъ опору въ старости. Въ настоящее же время на рабочую мать происходитъ такое давленіе окружающей ее среды, что дѣти чрезъ это являются въ самомъ жалкомъ и безпощадномъ положеніи. Отецъ крестьянинъ безпрерывно бросаетъ своихъ дѣтей, чтобы ходить на заработки, безъ которыхъ онъ не можетъ заплатить податей, тутъ онъ совершенно забываетъ о своемъ семействѣ, оставляетъ его на произволъ судьбы и голода. Я никогда не могъ безъ ужаса помышлять объ этой восхваляемой верхоглядами предпріимчивости нашего рабочаго, предпріимчивости, вынужденной страхомъ розогъ и которая есть ничто иное, какъ смертный приговоръ для милліоновъ дѣтей. Въ отсутствіи мужа, жена, забитая и загнанная, обобранная до послѣдней нитки домашнимъ тираномъ, не зная чѣмъ и какъ кормить семью, считаетъ ребенка для себя не утѣшеніемъ, а тяжкимъ бременемъ. Если она чадолюбива и хороша собою, она нерѣдко предается разврату, чтобы спасать жизнь своихъ дѣтей, и въ объятіяхъ отвратительнаго богатаго сластолюбца помышляетъ о тѣхъ плетяхъ и побояхъ, которыми наградитъ ее мужъ въ послѣдовательномъ рядѣ наказаній за невѣрность. Большинство матерей крестьянокъ думаетъ не о томъ, какъ бы воспитать дѣтей, а о томъ, какъ бы хорошо было, еслибы они скорѣе умерли; нерѣдко мать даже готова способствовать этому, лишь бы только не слишкомъ мучила совѣсть; жизнь ребенка такая вещь хрупкая, что подобныя затаенныя желанія всегда исполняются.

При такомъ положеніи дѣлъ никто не можетъ представлять болѣе жалкую фигуру, какъ тѣ изъ нашихъ администраторовъ прогрессистовъ, которые негодуютъ,

что крестьянинъ нашъ рѣшительно не сочувствуетъ ихъ проектамъ о введеніи на счетъ крестьянскихъ общинъ народныхъ школъ, образцовыхъ фермъ, улучшенныхъ путей сообщенія и пр. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что распространеніе грамотности и въ особенности агрономическихъ знаній весьма необходимо для нашего крестьянина; но ожидать отъ него, при его стѣсненномъ положеніи, новыхъ денежныхъ жертвъ — смѣшно, а требовать ихъ жестоко. У насъ очень много кричатъ про бѣдственное положеніе пролетарія въ Англіи, Бельгіи и Франціи, но еслибы нашему крестьянину удалось пожить годъ такъ, какъ живетъ въ помянутыхъ странахъ нетолько пролетарій, но нищій, то въ такомъ случаѣ онъ считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Въ Англіи рабочій вдвое богаче французскаго, а во Франціи рабочее семейство, которое на одежду употребляетъ 312 франковъ въ годъ, т. е. 78 руб. сер., считаетъ себя нищимъ; русскій крестьянинъ употребляетъ на все содержаніе семейства почти въ большинствѣ случаевъ только третью часть этой суммы; если онъ употребитъ на одежду 18 рублей въ годъ, то онъ считаетъ себя весьма достаточнымъ человѣкомъ, а у насъ мануфактурныя произведенія дороже, чѣмъ въ Англіи и во Франціи. Если заграничные писатели много кричатъ про бѣдность пролетаріевъ, то нужно знать, какъ они понимаютъ дѣло и что они называютъ достаткомъ. По ихъ понятіямъ, напр., крайне необходимыя издержки во Франціи для содержанія одного работника составляютъ 525 франковъ въ годъ, т. е. 132 рубля серебромъ; человѣкъ, который употребляетъ на себя одного меньше 132 руб. сер., по ихъ понятіямъ нищій; у насъ есть работники, которые употребляютъ на себя десятую часть этой суммы. По французскимъ понятіямъ, женщинѣ для того, чтобы одѣваться, необходимо въ годъ 38 руб. сер.; у насъ крестьянское семейство будетъ считать себя весьма достаточнымъ, если оно проживетъ въ годъ 38 руб. сер. Въ тоже время не надобно забывать, что содержаніе во Франціи дешевле, тамъ фабричный работникъ можетъ имѣть достаточный обѣдъ съ мясомъ и виномъ за 6 коп., — у насъ сельскій работникъ за рюмку вина долженъ заплатить 5 коп. и за фунтъ мяса столько же, даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ. Нашего крестьянина нетолько нельзя сравнивать съ современнымъ пролетаріемъ Германіи, Франціи или Англіи, но даже съ французскимъ работникомъ прошлаго столѣтія, т. е. того времени, которое считалось такимъ бѣдственнымъ для французскаго рабочаго класса. Тогда французскій сельскій работникъ получалъ среднимъ числомъ 39 руб. сер. въ годъ, между тѣмъ какъ нашъ сельскій работникъ, за исключеніемъ податей, получаетъ въ годъ отъ десяти до пятнадцати рублей, — даже фабричный и заводскій работникъ получаетъ иногда на своемъ содержаніи около 40 рублей и изъ этого долженъ уплачивать подати, между тѣмъ какъ во Франціи въ XVIII-мъ столѣтіи фабричный работникъ получалъ среднимъ числомъ 83 руб. сер. Послѣ всѣхъ этихъ сравненій, я думалъ сравнить положеніе нашего крестьянина съ положеніемъ бывшихъ рабовъ-негровъ Соединенныхъ Штатовъ, но оставилъ эту мысль. Что могло выдти изъ этого сравненія? — Негръ стоилъ отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей серебромъ, слѣдовательно онъ былъ порядочный капиталъ, его преждевременная потеря была чувствительна для плантатора, ко-

торый заботился объ его матеріальномъ благосостояніи насколько могъ; онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ также, какъ англичанинъ дѣйствуетъ съ своимъ скотомъ; онъ усовершенствовалъ средства дѣлать его сильнымъ, здоровымъ и долговѣчнымъ дотого, что относительное число умирающихъ негровъ свободныхъ въ сѣверныхъ штатахъ было значительнѣе числа умирающихъ рабовъ на югѣ; тѣлесныя наказанія, вредно дѣйствующія на здоровье, также были рѣдкимъ исключеніемъ. Я не могъ вынести мысли, что сравненіе это можетъ кончиться въ пользу рабовъ—о Боже!

Результаты, къ которымъ привели меня наблюденія надъ бытомъ крестьянъ въ Кузнецкомъ округѣ, до такой степени поразили меня, что я никакимъ образомъ не могъ себѣ представить положеніе крестьянъ таковымъ же въ другихъ мѣстахъ, я думалъ, что это особенность кабинетскаго вѣдомства. Путешествуя затѣмъ по Сибири и Россіи, я убѣдился, однакоже, въ противномъ; вездѣ я слышалъ одну жалобу на тягость податей и не могъ не обратить при этомъ вниманіе на то, что казна получаетъ болѣе дохода въ видѣ акциза съ вина, соли и пр., однакоже крестьяне не жалуются на эту, также можетъ-быть слишкомъ обременительную для нихъ тягость. Причина ясна, подать, взыскиваемая въ видѣ акциза, не сопровождается такими унизительными послѣдствіями для крестьянина; платя ее, онъ можетъ быть совершенно свободенъ отъ тѣлеснаго наказанія, и не будетъ болѣе считать себя послѣднимъ изъ смертныхъ; онъ перестанетъ быть жертвою спекуляторовъ и эксплуататоровъ—онъ не будетъ болѣе вынужденъ валить на рынокъ свои произведенія несмотря ни на какія цѣны и за безцѣнокъ продавать свой трудъ въ то время, когда его семейство умираетъ съ голоду. Нашъ крестьянинъ такъ терпѣливъ, что на акцизъ съ соли онъ не жалуется, несмотря на то, что соль такъ дорога, что необходимость покупать соль каждый разъ для него происшествіе, онъ каждый разъ подумаетъ и передумаетъ, отчего соль такъ скоро у него вышла, прежде, чѣмъ поѣдетъ покупать; онъ употребляетъ ее несравненно менѣе, чѣмъ необходимо для здоровья его семейства; о скотѣ и говорить нечего; къ довершенію всего, по злоупотребленіямъ чиновниковъ, ему нерѣдко приходится покупать соль пополамъ съ пескомъ. Государственные крестьяне въ западной и восточной Сибири увѣряли меня, что имъ приходится платить съ души отъ осьми до тринадцати рублей серебромъ, чиновники старались уменьшить эту цифру; но если принимать въ соображеніе всѣ сборы, то обыкновенно оказывалось, что цифры эти скорѣе округлены, чѣмъ преувеличены. Что въ этомъ отношеніи положеніе великороссійскаго крестьянина не можетъ быть лучше, ясно изъ того, что земли въ Россіи вообще меньше, во многихъ мѣстахъ она требуетъ значительнаго удобренія и даже употребленія капитала, между тѣмъ среднія цѣны на хлѣбъ въ Россіи даже ниже, чѣмъ въ Сибири; средняя цѣна на ржаную муку въ Сибири 68 коп. за пудъ (въ южныхъ округахъ Томской губерніи 17 коп., и по мѣрѣ приближенія къ центрамъ промышленности она восходитъ до 35 коп., въ Тобольскѣ и Енисейскѣ 70 коп., въ Иркутской губерніи до рубля пятидесяти копѣекъ)—въ Россіи 62 копѣйки (считая цѣны въ самыхъ дешевыхъ мѣстахъ въ 33 коп., въ средней черно-

земной полосѣ Россіи въ 50 коп., въ средней промышленной Россіи 75 коп., въ центрахъ промышленности 90 коп.). — При среднихъ цѣнахъ въ Сибири крестьянинъ можетъ жить безъ нужды только тогда, когда онъ будетъ обрабатывать на тягло восемь десятинъ земли и будетъ имѣть приэтомъ на тягло же шесть штукъ крупнаго скота и лошадей и сколько-нибудь мелкаго скота и свиней. Восемь десятинъ тяглое семейство можетъ обработать только съ помощью помочей и отчасти наемнаго труда. Дѣйствительно, въ Сибири только такія семейства живутъ не нуждаясь, но и при этомъ условіи работникъ не можетъ носить постоянно ситцевую рубашку, а носитъ бѣлье изъ грубой домашней ткани и въ костюмѣ своемъ имѣетъ весьма бѣдный и жалкій видъ. Въ Россіи не приходится на тягло и половины этого количества одновременно засѣянныхъ пашенъ, въ тоже время количество скота въ Россіи несомнѣнно менѣе, чѣмъ въ Сибири. Эти соображенія подтверждаются большою смертностью дѣтей между крестьянскимъ сословіемъ въ Россіи, несомнѣннымъ признакомъ стѣсненнаго положенія крестьянъ; — въ этомъ случаѣ въ особенности важна смертность дѣтей на первомъ году жизни, она указываетъ на слабость и нездоровое состояніе матерей. Каждый разъ, когда мнѣ говорятъ о смертности дѣтей этого періода, мнѣ представляются—изнуренная мать безъ молока и грудной ребенокъ, котораго кормятъ квасомъ съ жованымъ хлѣбомъ. Въ Вологодской губерніи, напр., которая по своему многоземелію ближе подходитъ къ Сибири и гдѣ климатъ менѣе суровый, половина и третья часть крестьянскихъ дѣтей умираетъ на первомъ году жизни;—въ тоже время въ Вологодской губерніи большая часть всего крестьянскаго населенія состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ, и къ нимъ присовокупляется еще нѣсколько десятковъ тысячъ удѣльныхъ. Въ Россіи болѣе половины и даже три пятыхъ рождающихся умираетъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, между тѣмъ какъ въ цивилизованныхъ государствахъ Европы умираетъ не много болѣе одной трети; даже между нищими смертность въ этомъ періодѣ нетолько не достигаетъ половины, но даже и двухъ пятыхъ. Вотъ въ какомъ мы положеніи въ сравненіи съ ужасающимъ нашихъ читателей европейскимъ пауперизмомъ! — Самое замѣчательное послѣдствіе прямыхъ сборовъ заключается въ томъ, что ими никто не доволенъ, ни богатые, которые извлекаютъ изъ этого свои выгоды, ни бѣдные, которые подвергаются чрезъ это тяжкой участи. Тутъ повторяется тоже, что было во Франціи во время господства привилегированныхъ состояній, въ XVIII-мъ столѣтіи; привилегированныя состоянія столько же были недовольны, сколько и тѣ, которые страдали отъ этихъ привилегій. Богатыхъ крестьянъ раздражаетъ униженное состояніе, въ которомъ находится крестьянское сословіе, чрезъ право произвольныхъ тѣлесныхъ наказаній, исполняемыхъ публично, административнымъ порядкомъ. Представьте себѣ стараго богатаго міроѣда; половина деревни находится отъ него въ зависимости, всѣ ему низко кланяются, триста дней въ году онъ не видитъ кругомъ себя ни одного лица болѣе вліятельнаго и болѣе значительнаго, чѣмъ онъ самъ; чувство гордости и самостоятельности развито въ немъ болѣе, чѣмъ въ значительномъ чиновникѣ; чиновникъ достигаетъ значенія угодничествомъ передъ

начальствомъ, онъ привыкъ къ дисциплинѣ и къ страху, онъ знаетъ, что во всякое время начальство можетъ лишить его мѣста и власти. Богатаго міроѣда нельзя уволить по третьему пункту, онъ привыкъ стяжать не угодничествомъ, не униженіемъ, а брать свои сокровища съ бою, въ борьбѣ съ богатымъ промышленникомъ или съ бѣднымъ, притѣсняемымъ имъ собратомъ; его въ высшей степени раздражаютъ административныя придирки мелкихъ чиновниковъ, между которыми всегда такую важную роль играетъ угроза тѣлеснымъ наказаніемъ; во всемъ этомъ онъ видитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ желаніе добраться до его кармана, и тѣлесное наказаніе, которое такъ устрашаетъ и такъ зловредно унижаетъ бѣднаго, унижаетъ и раздражаетъ въ высшей степени богатаго.

Вотъ каковы жалкія послѣдствія прямыхъ податей и сборовъ въ Россіи. Что же дѣлать—спросятъ меня. Отмѣнить всѣ сборы, извѣстные подъ именемъ подушныхъ, оброчныхъ, земскихъ и т. д., и непремѣнно всѣ безъ исключенія, чтобы крестьянину не приходилось вносить въ казначейство ни одной копѣйки подъ квитанцію. А что же будетъ съ государственнымъ и земскимъ хозяйствомъ?—спроситъ меня иной съ удивленіемъ.—Будетъ то, отвѣчаю я, что доходы этихъ учрежденій увеличатся. Но, можетъ быть, мнѣ не повѣрятъ на слово; на этотъ случай я сдѣлаю небольшое разъясненіе.

Въ настоящее время всѣ сборы съ крестьянъ Кузнецкаго округа въ пользу кабинета, государственнаго казначейства, земскихъ суммъ и пр. составляютъ въ годъ около трехъ сотъ восьмидесяти пяти тысячъ рублей серебромъ. Если изъ этой суммы исключить только подушный окладъ, то крестьянинъ Кузнецкаго округа попрежнему будетъ сбывать свой хлѣбъ за безцѣнокъ, онъ останется нищимъ какъ и былъ, съ него попрежнему оброки и другіе сборы придется добывать розгами, и если кто-нибудь отъ этого выиграетъ, то вѣроятно одни кулаки, міроѣды и другіе спекуляторы, живущіе на его счетъ. Причина понятна, крестьянинъ будетъ вынужденъ во что бы то ни стало продавать свои произведенія людямъ, вовсе въ нихъ не нуждающимся и покупающимъ для одного барыша, и если онъ въ настоящее время продаетъ такихъ произведеній спекуляторамъ въ тридцать разъ болѣе, чѣмъ людямъ нуждающимся и съ которыми онъ торгуется на равной ногѣ, то съ отмѣною подушной подати онъ будетъ продавать или лучше сказать навязывать такихъ произведеній спекуляторамъ въ двадцать шесть разъ болѣе, и изъ этого можетъ произойти только то, что онъ будетъ продавать свои произведенія дешевле, и спекуляторы возьмутъ больше барыша; можетъ быть также и то, что его произведенія не будутъ заходить такъ далеко, но легче ему не будетъ отъ этого ни на одинъ волосъ. Кузнецкій крестьянинъ съ отмѣною подушнаго оклада будетъ столь же бѣденъ, а казна еще бѣднѣе. Если же будутъ отмѣнены всѣ прямые сборы, то крестьянинъ неминуемо разбогатѣетъ. Онъ теперь употребляетъ тридцать пудовъ хлѣба въ годъ съ своимъ семействомъ и продаетъ на уплату сборовъ сто семьдесятъ пудовъ. Это потребленіе слишкомъ недостаточно для его семейства; если же онъ будетъ платить гораздо меньше прямыхъ сборовъ, то потребленіе его будетъ совершенно достаточное, и казна, кабинетъ и земство получатъ отъ него гораздо больше.

ГЛАВА III.

Зауральскій рабочій.

Русскій городъ съ незапамятныхъ временъ служитъ центромъ и главнымъ выразителемъ интеллигенціи, а часто и промышленности той мѣстности, въ которой онъ находится. Наблюденіе и анализъ происходящихъ въ немъ явленій даетъ намъ болѣе или менѣе вѣрную картину интеллектуальной и промышленной жизни всего окружающаго его населенія. Съ этой точки зрѣнія я хочу заняться теперь жизнью города Кузнецка, послѣ того, какъ я уже нѣсколько познакомилъ читателя съ положеніемъ окружающихъ его крестьянъ. Обозрѣніе занятій и положенія кузнецкаго работника не трудно. Первая черта, рѣзко отличающая этотъ городъ отъ окрестныхъ селеній, заключается въ томъ, что онъ вовсе не состоитъ исключительно изъ людей недовольныхъ. Въ селеніяхъ и бѣдный, и богатый — всѣ чувствуютъ себя не по себѣ; когда они жалуются, ихъ жалобы дотого прочувствованы и такъ искренни, что не сочувствовать имъ невозможно. Въ Кузнецкѣ уже совсѣмъ не то; отъ иного работника услышишь, что въ Сибири жить славно и умирать не надо — но тотъ ошибется жестоко, кто дозволитъ себѣ увлекаться оптимизмомъ на основаніи подобнаго отзыва. Рядомъ съ оптимистами существуетъ болѣе многочисленный классъ, который горько жалуется на свою бѣдность. На увѣренія одного оптимиста, что бѣдность происходитъ здѣсь отъ пьянства, умный и энергическій работникъ отвѣтилъ слѣдующими словами: «я живу здѣсь сорокъ лѣтъ и всѣ меня знаютъ,—видалъ ли кто-нибудь меня пьянымъ? Видалъ ли кто-нибудь меня не въ праздничный день на улицѣ безъ дѣла? — Однакоже я бѣденъ и жестоко нуждаюсь,—я не одинъ, здѣсь много такихъ». Бѣдность въ городѣ не то, что въ деревнѣ, ее не такъ легко взять въ руки, и міроѣдство тутъ не такъ ощутительно. Распредѣленіе сборовъ въ городѣ справедли-

вѣе, чѣмъ въ окрестныхъ селеніяхъ; въ городѣ нерѣдко одни платятъ до пятнадцати рублей, а другіе не болѣе пятнадцати копѣекъ. Но счастливая Аркадія, воображаемая оптимистами, также далека отъ городской жизни, какъ небо отъ земли...

О благополучіи кузнецкихъ ремесленниковъ читатель можетъ составить себѣ понятіе по слѣдующему разсказу:

Съ вершины Соколиныхъ горъ смотрѣлъ я на маленькій городокъ, Кузнецкъ, примкнувшій къ скалистой горѣ; широкой дугой обвивала Томь окрестныя возвышенности; въ ту и другую сторону рѣка видна была на разстояніи болѣе чѣмъ шестидесяти верстъ и терялась въ черныхъ и сизыхъ волнахъ безконечной черни. Со всѣхъ сторонъ изъ-за далекаго горизонта выглядывали вершины горъ, однѣ были похожи на хребетъ поднимавшагося изъ-за горизонта громаднаго слона, другія представляли какія-то твердыни съ башнями и рвами. Куда ни оглянись, со всѣхъ сторонъ высовывались любопытныя остроконечныя вершины, а надъ самой головой кружили и извивались хищныя птицы; казалось, будто на Соколиныхъ горахъ происходило что-то чрезвычайно любопытное, и вся окрестная природа на сто верстъ въ окружности тянулась, чтобы посмотрѣть. Я взглянулъ внизъ, подъ ногами моими почти вертикально падалъ зеленый коверъ, весь усыпанный отдѣльными березками. Шагахъ въ десяти подо мною лежалъ въ безпечномъ снѣ какой-то человѣкъ блѣдный и исхудалый; на немъ не было ничего, кромѣ ситцевой рубашки и шараваръ изъ дабы. Рубашка его была такая жидкая и прозрачная, что сквозь нее свѣтилось его тѣло, она во многихъ мѣстахъ была заштопана лоскутьями изъ разной матеріи, и все-таки висѣли лохмотья. «Тебѣ теперь тепло спать-то—ишь разнѣжился»; сказалъ мой спутникъ этому человѣку, когда онъ проснулся. Изъ распросовъ моихъ о значеніи этихъ словъ, я узналъ, что спавшій былъ портной подмастерье; утверждаютъ, что онъ зналъ свое мастерство лучше своего хозяина, между тѣмъ онъ всю зиму ходилъ въ томъ костюмѣ, въ которомъ я его видѣлъ; эта рубашка и шаравары были все его достояніе. Онъ нетолько шилъ платье, но работалъ у портнаго всякую работу — рубилъ дрова, косилъ сѣно, убиралъ дворъ.—Портной за все это только кормилъ его. и по праздникамъ давалъ ему нѣсколько денегъ, чтобы онъ могъ выпить водки. Отъ тяжелой сидячей жизни онъ такъ ослабѣвалъ, что выпивши копѣекъ на десять онъ дѣлался совершенно пьянъ, и этимъ кончались издержки его хозяина на его персону. Я познакомился и съ самимъ портнымъ,—онъ былъ большой резонеръ и половину своего времени проводилъ въ томъ, что ходилъ изъ мѣста въ мѣсто и разсуждалъ о разныхъ возвышенныхъ предметахъ. Въ это время у него дома дѣло дѣлалось само собою; у него было два работника и одинъ мальчикъ, который впрочемъ былъ уже порядочный работникъ. Ни одному изъ нихъ онъ не платилъ ни копѣйки и постоянно жаловался, что такъ мало охотниковъ учиться ремеслу, а предпочитаютъ сидѣть въ кабакахъ; онъ любилъ доказывать своимъ примѣромъ, что можно обезпечить себя его ремесломъ; въ нѣсколько лѣтъ онъ нажилъ себѣ домъ, въ которомъ онъ жилъ, и еще другой, который онъ отдавалъ въ наймы, раздѣливъ

его на двѣ маленькія квартиры. Его работники постоянно собирались отъ него отойти и составить отдѣльную артель; они, нисколько не опасаясь себѣ повредить, говорили объ этомъ въ присутствіи своего хозяина, а онъ, повидимому, нисколько этого не боялся; эти угрозы приводили только къ тому, что онъ давалъ имъ водки по праздникамъ.

Изъ числа пяти кузнецовъ у троихъ работники жили изъ одного хлѣба. У одного изъ этихъ кузнецовъ было много и выгодной работы, такъ что онъ заработывалъ иногда до шестидесяти рублей въ мѣсяцъ. Но тутъ эксплуатація такого рода объясняется еще весьма просто. Для того, чтобы жить ремесломъ въ маленькомъ городѣ, нужно иногда стеченіе такихъ обстоятельствъ, которыя встрѣчаются столь же рѣдко, какъ обладаніе капиталомъ. Только ремесленникъ, имѣющій всеобщую извѣстность, можетъ разсчитывать на постоянную работу въ извѣстныхъ ремеслахъ — случается, что и у подобнаго ремесленника работа то скопляется, то исчезаетъ на продолжительное время. Подобный ремесленникъ живетъ хорошо обставленнымъ хозяйствомъ и имѣетъ нѣсколько источниковъ дохода: онъ имѣетъ скотъ и лѣтомъ самъ съ своими работниками запасаетъ сѣно, онъ имѣетъ пчелъ, или сѣетъ табакъ, онъ имѣетъ морды и сѣти и въ бездѣльное время ловитъ и продаетъ рыбу. Такимъ образомъ, въ случаѣ скудности одного источника дохода, онъ дополняетъ другимъ и можетъ наживать порядочныя деньги. Несчастный его собратъ по ремеслу, которому не удалось такъ же устроиться, не можетъ съ нимъ состязаться, онъ долженъ помогать ему наживаться и брать отъ него все, что онъ по обстоятельствамъ вынужденъ будетъ дать. Перенесемся въ Томскъ. Послѣ Иркутска это самый значительный и богатый городъ Сибири. Я вхожу въ низкую комнату съ двумя окнами: мебели никакой, въ углу три доски положены на козлы грубой работы, и на нихъ лежатъ двѣ неимовѣрно грязныя подушки. На двухъ обрубкахъ бревна, вмѣсто стульевъ, сидятъ мужчина и женщина. Она работаетъ башмаки, а онъ сапоги. Все ея имущество состоитъ изъ одного платья и изъ одной рубашки. Въ то время, какъ она моетъ платье, она носитъ рубашку и наоборотъ. Его имущество такъ же велико; вотъ почему въ комнатѣ, кромѣ двухъ подушекъ, ничего не видно. Въ мѣсяцъ разъ, рѣдко два онъ пропиваетъ 25 коп. сер.—напивается пьянъ и тогда бьетъ свою подругу жизни — вотъ его развлеченіе; ея развлеченіе состоитъ неизвѣстно въ чемъ, потому что все разнообразіе ея жизни состоитъ въ томъ, что она въ мѣсяцъ разъ, послѣ тяжелой работы, подвергается побоямъ своего мужа. Изрѣдка, въ морозную зиму, она надѣваетъ пальто своего мужа и отправляется покупать для своего хозяйства скудные съѣстные припасы. Онъ встаетъ каждое утро въ четыре часа и будитъ свою жену, затѣмъ онъ работаетъ почти не сходя съ мѣста до десяти часовъ вечера. Спитъ онъ неправильно, потому что ему случается работать всю ночь на пролетъ. Порою изнеможенная отъ труда, жена его бросаетъ работу и начинаетъ горько рыдать; тогда онъ встаетъ и нѣсколькими ударами ремня принуждаетъ ее сѣсть за работу. Послѣ подобныхъ сценъ онъ бываетъ дико озлобленъ и называетъ своего хозяина не иначе, какъ людоѣдомъ; онъ указываетъ на его двухъэтажный домъ: «Строенъ

онъ изъ нашихъ костей, а смазка это—наша кровь», говоритъ онъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что его хозяинъ далеко не такъ искусенъ, какъ онъ, можетъ только снимать мѣрку, а работать лишь одну грубую работу, и это увеличиваетъ его озлобленіе. Онъ постоянно собирается разорвать связи съ своимъ хозяиномъ, порою онъ готовъ предпочесть имъ голодную смерть или преступленіе; но чѣмъ онъ дѣлается рѣшительнѣе, тѣмъ она консервативнѣе, ей страшно подумать о слѣдующемъ днѣ послѣ разрыва съ хозяиномъ; иногда она со слезами и на колѣнахъ уговариваетъ своего мужа не ссориться съ хозяиномъ.—Рядомъ съ этимъ сапожникомъ былъ пустырь, заросшій кустарникомъ и травою; среди этого пустыря была безобразная куча земли и бревенъ—эта куча была однакоже ничто иное, какъ жилище: тутъ жилъ веревочникъ. Съ самаго ранняго утра выходилъ онъ на работу съ семилѣтней дѣвочкой, своей дочерью, которая цѣлый день должна была вертѣть колесо вышиною вдвое больше ея, такъ что она при каждомъ оборотѣ должна была привскакивать и потомъ присѣдать. Порою раздавались раздирающіе крики: оказывалось, что дѣвочку сѣкли безъ милосердія за то, что она отказывалась повиноваться и продолжать работу. Единственное утѣшеніе веревочника, какъ и портнаго, состояло въ томъ, чтобы иногда напиваться по праздникамъ—это были самые несчастные дни для бѣдной дѣвочки: ее били, сѣкли, истязали, привязывали къ столбу и стегали до безчувствія. Она была дика, какъ звѣрокъ, и совершенная идіотка; постоянное сѣченіе и побои сдѣлали ее такою робкою, что она не рѣшалась подойти къ постороннему человѣку даже и тогда, когда онъ предлагалъ ей лакомства; другихъ дѣтей она боялась какъ чумы; ея родители находили, что это единственный способъ, которымъ можно ее принудить къ такой тяжелой и упорной работѣ. Пусть же не думаютъ послѣ этого, что эксплуатація и раздирающая душу бѣдность есть исключительная принадлежность городовъ и центровъ промышленности въ странахъ густо населенныхъ. Въ многоземельной Сибири она принимаетъ тысячи различныхъ видовъ и образовъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ въ Европѣ.

Но обратимся опять къ Кузнецку... Чѣмъ занимаются жители этого города, не имѣющіе ремесла? Какъ отзывается ихъ существованіе на окрестныхъ селеніяхъ? — Вотъ вопросы, которые ставятъ насъ прямо на положительную почву, при оцѣнкѣ общественной и экономической жизни города Кузнецка. О занятіяхъ жителей вѣрнѣе всего можно сказать, что они занимаются коечѣмъ, лишь бы прожить кое-какъ: держатъ скотъ, имѣютъ пчелъ, сами для себя косятъ сѣно, а затѣмъ, кто во что горазднъ, кто землю пашетъ, кто ямщину правитъ или съ обозами ходитъ, а кому нечѣмъ жить, тотъ табакъ садитъ. Кромѣ людей занятыхъ сбытомъ крестьянскаго хлѣба, мяса, меда и воска, въ городѣ существуетъ лишь самая незначительная торговля съ крестьянами предметами промышленности, привозимыми съ ирбитской ярмарки; весь оборотъ этой торговли едвали достигаетъ пяти тысячъ рублей; почти единственная обработка сырыхъ произведеній состоитъ въ обращеніи сала въ свѣчи и мыло; доходъ всѣхъ производителей этого продукта нельзя считать на тысячи, а только на сотни рублей. Прибавьте къ этому пряниковъ на сто или полто-

раста рублей въ годъ, и вы будете имѣть приблизительное понятіе о томъ, чѣмъ снабжаетъ Кузнецкъ окрестныя села. Самая значительная торговля—торговля виномъ, котораго продается въ округѣ слишкомъ на пятьдесятъ тысячъ рублей изъ кузнецкихъ складовъ. Ясно, что подвиги жителей города Кузнецка для распространенія между крестьянами предметовъ цивилизаціи и комфорта не велики. Тѣ, которые не имѣютъ другаго достаточнаго для себя дохода, занимаются табакомъ. Такимъ образомъ, жители Кузнецка живутъ кое-какъ, заработная плата работника, на своемъ содержаніи, простирается отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ, и только въ счастливомъ случаѣ онъ можетъ выработать отъ шестидесяти до ста двадцати рублей въ годъ и болѣе. Поэтому общій уровень экономическаго довольства стоитъ немногимъ выше нуля; цѣлыя части города состоятъ изъ жалкихъ, убогихъ избенокъ. Жители города, если отдѣлить купцовъ и чиновниковъ, по благосостоянію своему, не отличаются отъ общаго положенія деревни. Я не безъ намѣренія выбралъ для разсмотрѣнія городъ, лежащій въ сторонѣ отъ большихъ путей сообщенія, гдѣ наблюдатель не сбивается съ толку вліяніемъ транзитнаго торга, и гдѣ отношеніе города къ окрестности, въ качествѣ центра ея промышленности, обрисовывается совершенно ясно тѣмъ, что промышленность даетъ крестьянину, на шестьдесятъ тысячъ жителей †), товаровъ на какихъ-нибудь семь или восемь тысячъ рублей, т. е. отъ одиннадцати до четырнадцати копѣекъ на человѣка. Эти четырнадцать копѣекъ, при поверхностномъ наблюденіи фактовъ, могутъ озадачить такимъ благосостояніемъ, какого и не снилось крестьянамъ Кузнецкаго округа. Вы увидите на крестьянкахъ нетолько шерстяныя, но и шелковыя платья; судя по впечатлѣнію праздника, вамъ представится жизнь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Предположимъ на волость восемь шелковыхъ платьевъ; они надѣваются только по большимъ праздникамъ и носятся тогда, когда они весьма стары, такъ что подобное платье служитъ среднимъ числомъ двадцать лѣтъ; если оно стоитъ пятнадцать рублей и въ волости 4500 жителей, то придется по двѣ пятнадцатыхъ копѣйки на жителя ††). Далѣе, предположимъ на волость десять шерстяныхъ платьевъ и долговѣчность каждаго по десяти лѣтъ, а цѣну по шести рублей — придется по одной осьмой копѣйки на жителя; предположимъ затѣмъ стоимость ситцеваго платья въ три рубли и долговѣчность его, при рѣдкой носкѣ, въ десять лѣтъ — все женское населеніе, способное по возрасту рядиться, будетъ имѣть для праздника ситцевое платье, и издержки на жителя будутъ составлять по пяти копѣекъ въ годъ. Такимъ образомъ, выше выведенная мною цифра (отъ одиннадцати до четырнадцати копѣекъ на жителя) оказывается вовсе непреувеличенною. Что касается до пьянства, то приходится на каждаго взрослаго мужчину менѣе рюмки вина

†) Въ Кузнецкомъ округѣ считается 98,276 жителей, но я беру часть, снабжаемую исключительно Кузнецкомъ.

††) Такъ какъ крестьянки обыкновенно покупаютъ поношенныя шелковыя платья и часто ихъ передѣлываютъ, то издержка окажется еще незначительнѣе.

въ двѣ недѣли, а на каждую взрослую женщину менѣе рюмки вина въ мѣсяцъ. Изъ этого видно, что распространяемые слухи, будто-бы крестьяне разоряются отъ пьянства, крайне преувеличены; этотъ вздорный слухъ распускается нерѣдко съ злонамѣренною цѣлью скрыть настоящую причину бѣдности. По всей Россіи приходится на взрослаго работника не болѣе рюмки вина на четыре дня, а на женщину по рюмкѣ вина въ недѣлю. Образованный человѣкъ, который пьетъ въ восемь разъ болѣе, не считаетъ себя пьяницею— русскій работникъ можетъ напиться пьянымъ только разъ въ три недѣли: какимъ же образомъ можно говорить, что онъ разоряется отъ пьянства, и не требуетъ ли справедливость обратить вниманіе на другія причины его экономическихъ недостатковъ? Но еслибы каждый взрослый мужчина Кузнецкаго округа могъ пить по рюмкѣ вина въ день, а женщина по рюмкѣ въ недѣлю, то акцизъ съ этого вина составилъ бы сумму, которая будетъ въ два съ половиною раза значительнѣе всѣхъ казенныхъ, кабинетскихъ, земскихъ и пр. прямыхъ и косвенныхъ сборовъ съ крестьянъ Кузнецкаго округа. Если кузнецкій работникъ будетъ выпивать вина столько же, сколько петербургскій, то акцизъ съ этого вина будетъ на тридцать пять процентовъ превышать всѣ вышеупомянутые сборы. Въ моей душѣ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что еслибы отмѣнены были всѣ сборы, платимые теперь кузнецкими крестьянами, то фактъ увеличенія доходовъ казны, кабинета и земства посредствомъ распредѣленія между ними акцизовъ съ вина, табаку и пр. вошелъ бы въ полную свою силу, и крестьянинъ притомъ нетолько не сдѣлался бы пьяницею и грубымъ эгоистомъ, но благосостояніе его увеличилось бы, и онъ лучше сталъ бы обращаться съ своимъ семействомъ. Объясню это.

Въ Кузнецкомъ округѣ работникъ производитъ на продажу хлѣбъ, мясо, медъ и пр. Эти продукты онъ не можетъ продать людямъ, которые бы производили что-нибудь для него взаимно-полезное, не потому, чтобы такихъ людей не было, а потому, что ему все это нужно продать на уплату податей и сборовъ. Поэтому въ Кузнецкомъ округѣ происходитъ приблизительно слѣдующее: очертимъ вокругъ Кузнецка районъ, въ которомъ живетъ до сорока тысячъ жителей, занимающихся земледѣліемъ (въ Кузнецкомъ округѣ 96,442 человѣка сельскаго населенія). Эти сорокъ тысячъ должны продать своихъ произведеній, и продаютъ дѣйствительно, въ годъ болѣе, чѣмъ на двѣсти двадцать пять тысячъ рублей серебромъ. Сто семьдесятъ тысячъ имъ нужно на уплату слѣдующихъ съ нихъ сборовъ, а на пятьдесятъ пять тысячъ они покупаютъ вина и другихъ нужныхъ имъ товаровъ и произведеній. Деньги эти они могутъ добыть приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Они снабжаютъ городъ своими произведеніями; для этого приблизительно нужно: ржаной муки 20,000 пудовъ по 17 коп., всего на 3,400 руб. сер.; пшеничной муки 12,770 пудовъ по 35 коп., всего на 4,500 руб.; мяса 2,000 пудовъ по рублю, всего на 2,000 руб.; дровъ 1,000 саженъ по 75 коп., всего на 750 р.; другихъ произведеній всего приблизительно на 1,850 руб. Итого, въ городъ можно продать на 12,500 руб. сер.; земледѣльцу изъ этого достанется приблизительно 11,600 руб., а мельникамъ и міроѣдамъ 900

руб. Слѣдовательно, вотъ вся сумма, на которую сорокъ тысячъ крестьянъ могутъ разсчитывать отъ своей торговли съ городомъ. Такимъ образомъ, для пріобрѣтенія этихъ двухсотъ двадцати пяти тысячъ имъ опять-таки остается одинъ способъ — снова продавать свои сельскія произведенія †). И теперь придется имъ уже продавать свои произведенія для доставки въ другія мѣста, а потому они не могутъ сбывать ихъ по мелочамъ, какъ это дѣлается при продажѣ въ городъ, они должны ихъ сбывать кулакамъ или міроѣдамъ болѣе значительными партіями, а эти продаютъ капиталистамъ; приэтомъ выгоды крестьянъ будутъ уже гораздо микроскопичнѣе.

Сумма въ двѣсти двадцать пять тысячъ рублей должна между крестьянскими произведеніями распредѣлиться приблизительно слѣдующимъ образомъ: они продадутъ ржаной муки 450,000 пудовъ по 17 к. и получатъ за нее 76,500 рублей, муки пшеничной двѣсти тысячъ пудовъ по 30 коп. на 60,000 рублей, овса 300,000 пудовъ по 8 коп. на 24,000 рублей, животныхъ продуктовъ на 25,000 рублей серебромъ, лѣсу, дровъ и другихъ произведеній на 34,500 руб. сер. — На долю крестьянъ придется приблизительно 190,000 рублей серебромъ, а на долю мельниковъ и міроѣдовъ 30,000 рублей серебромъ, т. е. около 14% Такимъ образомъ, за уплатою всѣхъ необходимыхъ сборовъ, на долю большинства крестьянскаго населенія остается приблизительно около 20,000 р., т. е. менѣе, чѣмъ по семидесяти копѣекъ на человѣка. Все разнообразіе, которое крестьянинъ можетъ доставить себѣ въ жизни, заключается въ томъ, что онъ два раза въ году можетъ напиться пьянымъ; если онъ захочетъ выпить въ третій разъ, то долженъ уже поклониться міроѣду.

Возьмемъ теперь въ Маріинскомъ округѣ районъ, въ которомъ живутъ 40,000 крестьянъ ††). Въ этомъ районѣ есть большая дорога изъ Тюмени въ Иркутскъ и два винокуренныхъ завода, которые производятъ около 300,000 ведеръ вина. — Подати и сборы у насъ распредѣлены такъ неправильно, что крестьянамъ Маріинскаго округа приходится платить даже менѣе крестьянъ Кузнецкаго округа. Слѣдующіе съ нихъ сборы, т. е. около 160,000 руб. сер., они могутъ уплатить съ несравненно большею легкостію. На одни заводы крестьяне продаютъ муки до 300,000 пудовъ, по 35 коп. за пудъ, на сто пять тысячъ рублей серебромъ; городъ отъ нихъ потребуетъ произведеній на двадцать пять тысячъ рублей серебромъ — слѣдовательно, крестьянинъ около семи девятыхъ слѣдующихъ съ него сборовъ можетъ уплатить отъ продажи въ первыя руки; если приэтомъ кулаки и міроѣды получатъ только въ половину менѣе, чѣмъ кузнецкіе, то маріинскій крестьянинъ будетъ имѣть уже

†) Крестьяне Кузнецкаго округа, кромѣ того, нанимаются въ Кузнецкѣ на золотые промыслы, но рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Алтайскаго округа всего 3,500 человѣкъ, а районъ, изъ котораго они берутся, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, 500,000 жителей, слѣдовательно, на наши сорокъ тысячъ придется менѣе трехъ сотъ человѣкъ, — итогъ дотого ничтожный, что о немъ не стоитъ и говорить.

††) Въ Маріинскомъ округѣ считается 49,217 человѣкъ сельскаго населенія и также есть золотые промыслы.

по 25 к. сер. лишнихъ на человѣка. Кромѣ того, значительная конкуренція покупателей даетъ ему возможность возвышать или, по крайней мѣрѣ, не сбивать цѣну своихъ произведеній. Если предположить, что отъ такого положенія цѣна повышается пятью копѣйками на пудъ, то на каждаго жителя придется еще лишнихъ около сорока копѣекъ, такъ что марінинскіе крестьяне будутъ имѣть вдвое болѣе, чѣмъ кузнецкіе; конечно,—*это вдвое болѣе* не составитъ и пятидесяти копѣекъ въ мѣсяцъ на семейство. Кромѣ того, въ районѣ Марінинскаго округа проѣздъ по большой дорогѣ даетъ подсобный промыселъ, которымъ могутъ жить до четырехъ тысячъ жителей, получая среднимъ числомъ излишекъ дохода до тридцати рублей на семейство. Эти четыре тысячи нетолько могутъ ѣсть достаточно мяса и рыбы, но будутъ имѣть еще пятнадцать рублей въ годъ на улучшеніе своего быта. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ районѣ Марінинскаго округа выпивается несравненно болѣе вина, чѣмъ въ районѣ Кузнецкаго; за вычетомъ вина, употребляемаго проѣзжими, останется для мѣстныхъ жителей приблизительно вдвое болѣе; еслибы казна, вмѣсто того, чтобы получать этотъ доходъ посредствомъ акциза, выдумала взимать его прямою податью, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что жители Марінинскаго округа немедленно бы разорились, конкуренція сдѣлалась бы такою же тяжелою, какъ въ Кузнецкомъ, хлѣбъ упалъ бы въ цѣнѣ и Марінинскій округъ пошелъ бы съ тою же сумою, съ какой ходитъ Кузнецкій. Но если экономическое положеніе марінинскаго крестьянина лучше кузнецкаго, то изъ этого сравнительнаго положенія еще нельзя выводить рѣшительнаго заключенія. И здѣсь и тамъ развитіе благосостоянія задерживается тѣмъ явленіемъ, что крестьянинъ долженъ для уплаты слѣдующихъ съ него сборовъ во что бы то ни стало продавать болѣе хлѣба, чѣмъ требуется на мѣстѣ, а въ этомъ заключается коренная причина его бѣдности. Если мы перенесемся далѣе въ Енисейскій округъ, то увидимъ, что тамъ на золотые промыслы требуется продуктовъ земледѣлія и скотоводства на сумму уже большую, чѣмъ сборы съ крестьянъ Енисейскаго округа, и кромѣ того земледѣльцу нѣтъ надобности непремѣнно производить хлѣбъ, онъ можетъ наняться на промыслы; вслѣдствіе всего этого, я въ Енисейскомъ округѣ встрѣчалъ сельскихъ работниковъ, которые получали сто двадцать рублей серебромъ на готовомъ содержаніи, между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ работникъ получаетъ только четвертую часть этой суммы; но и это благосостояніе енисейскаго земледѣльца не избавляетъ его отъ эксплуатаціи кулака и міроѣда; потребность сбывать свои продукты у многихъ весьма настоятельна; кромѣ того, на енисейскаго земледѣльца производится гнетущее давленіе со стороны отдаленныхъ округовъ, гдѣ хлѣбъ продается во что бы то ни стало, лишь бы съ грѣхомъ пополамъ отдѣлаться отъ податей.

Перейдемъ теперь къ другому положенію. Я описалъ положеніе крестьянъ Марінинскаго округа. Въ подобномъ же положеніи находились всѣ крестьяне по большому тракту отъ Томска до Тюмени; но вотъ устроилось пароходство по Оби и Иртышу. Отъ Томска до Тюмени ходятъ баржевые пароходы; скоро, вѣроятно, пойдутъ и легкіе, которые будутъ перевозить почту и пассажировъ.

Мѣстность, въ которой лежитъ большая дорога отъ Тюмени до Томска, не питалась привознымъ хлѣбомъ,—крестьяне этой мѣстности производили достаточно хлѣба, чтобы пропитать себя и всѣхъ тѣхъ, которые питались на этой дорогѣ, не занимаясь сами земледѣліемъ, отъ проѣзда и провоза тяжестей. Предположимъ, по приблизительнымъ разсчетамъ, что мѣстность, снабжавшая хлѣбомъ селенія при упомянутой большой дорогѣ, состояла изъ ста пятидесяти тысячъ жителей; эти сто пятьдесятъ тысячъ производили хлѣба для содержанія 35,000 человѣкъ и въ томъ числѣ 20,000 работниковъ и работницъ, занятыхъ исключительно работой, связанной съ движеніемъ по большой дорогѣ; предположимъ, что эти 20,000 работниковъ, съ введеніемъ пароходства, лишатся двухъ третей своего заработка и вмѣсто 800,000 руб. сер. будутъ заработывать только 260,000 руб. сер. — Изъ числа 540,000 руб. сер., которыхъ они теперь лишились, слѣдуетъ полагать, что они тратили 480,000 руб. на покупку произведеній вышеупомянутыхъ ста пятидесяти тысячъ жителей, прилегающихъ къ дорогѣ. Ясно, слѣдовательно, что если вышеупомянутые двадцать тысячъ работниковъ, въ свободное время, оставшееся у нихъ за упраздненіемъ ихъ занятій, произведутъ на 480,000 руб. предметовъ для потребленія жителей, находящихся при дорогѣ, предметовъ, столь полезныхъ, что они согласятся за нихъ по прежнему давать своихъ произведеній на эту сумму, то изъ этого выйдетъ то, что чрезъ введеніе пароходства всѣ выиграютъ, и потеря немногихъ будетъ лишь самая незначительная. Покупающіе товары выиграютъ чрезъ пониженіе цѣнъ на провозъ, несчастное и бѣдствующее населеніе сѣверныхъ частей Оби и Иртыша выиграетъ чрезъ оживленіе этого воднаго пути; крестьяне, поселенные при большой дорогѣ, выиграютъ то, что двадцать тысячъ работниковъ, которые прежде работали на другихъ, потребляя ихъ произведенія, будутъ теперь работать на нихъ. Встрѣчается, однакоже, одно небольшое препятствіе тому, чтобы введеніе пароходства имѣло такія благодѣтельныя послѣдствія для сибирскаго края. Крестьяне, живущіе на большой дорогѣ и снабжавшіе вышеупомянутыхъ 35,000 человѣкъ своими произведеніями на 480,000 руб. сер., употребили эти деньги на уплату податей, слѣдовательно, имъ уже не на что покупать произведенія этихъ 20,000 работниковъ. Поэтому послѣдствія введенія пароходства будутъ совсѣмъ иного характера; 20,000 работниковъ кинутся на земледѣліе, а сто тысячъ окрестныхъ жителей будутъ навязывать кулакамъ и міроѣдамъ своихъ произведеній на лишнихъ 480,000 руб., потому что имъ нужно выручить эти деньги для уплаты оброковъ, а двадцати тысячъ прежнихъ покупателей уже не существуетъ. Къ нимъ 20,000 работниковъ присоединятъ еще своихъ произведеній тысячъ на сто, и выдетъ, что, вмѣсто того, чтобы выиграть отъ освободившихся рукъ, жители при большой дорогѣ проиграютъ и будутъ другъ друга топить и душить конкуренціей. Такимъ образомъ, введеніе пароходства по Оби и Иртышу имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что богатые черезъ него выиграли, а бѣдные пока проиграли. По здравому смыслу работникъ долженъ терять только тогда, когда промышленность падаетъ; во всѣхъ же случаяхъ, когда она совершенствуется, онъ долженъ непремѣнно выигрывать. У насъ

выходитъ совсѣмъ иначе; жители при большой дорогѣ горько жалуются на разоренiе; вынужденная уплатою прямыхъ податей, отчаянная конкуренція жителей при этой дорогѣ заставляетъ ихъ продавать слишкомъ много хлѣба, у нихъ не остается на сѣмена, и они пускаются въ-запуски по пути, ведущему къ нищенской сумѣ. Мы безпрерывно видимъ, что нашъ крестьянинъ сидитъ зимою безъ дѣла и голодаетъ; сидитъ онъ безъ дѣла потому, что всѣ голодаютъ вмѣстѣ съ нимъ, и покупать работы некому, — всѣ продали свой трудъ за безцѣнокъ.

Представьте себѣ, что крестьянинъ Кузнецкаго округа не вынужденъ болѣе продавать своихъ произведенiй для уплаты податей и оброковъ. Къ нему приходитъ кулакъ и предлагаетъ ему двѣнадцать копѣекъ за пудъ — въ крестьянинѣ нѣтъ уже и слѣда бывшаго паническаго страха; онъ весьма равнодушно смотритъ на піявку, которая такъ больно его сосала. «Не нужно,—отвѣчаетъ онъ,—мнѣ хлѣбъ необходимъ для своего семейства, и я хочу расширить свои посѣвы». Крестьянинъ тотчасъ смекнетъ, что теперь настало другое время, не онъ долженъ гоняться за покупателемъ, а покупатель долженъ гоняться за нимъ, и онъ продастъ свой хлѣбъ только тогда, когда покупатель его чѣмъ-нибудь соблазнитъ. На сколько онъ теперь продастъ, на столько онъ и купитъ, были бы рабочія руки, а за возможностію покупать теперь дѣло не станетъ. — Надо полагать, что въ Кузнецкомъ округѣ обращается около 200,000 рублей денегъ. Эти деньги, по большей части, дѣлаютъ въ настоящее время не болѣе четырехъ оборотовъ въ годъ. Крестьяне продаютъ свои произведенiя, и постоянно накапливаютъ деньги, затѣмъ въ извѣстный срокъ вносятъ массою въ окружное казначейство, потомъ начинается новый оборотъ колеса, который кончается вторымъ взносомъ, — въ промежутокъ этого времени они ничего не могутъ покупать прежде, чѣмъ они накопятъ всю сумму податей; въ результатѣ оказывается, что къ концу срока они даже всего не накопили, а о покупкахъ нечего и помышлять. Такимъ образомъ, обращенiе цѣнностей между крестьянами равняется четыремъ стамъ или четыремъ стамъ пятидесяти тысячамъ рублей, т. е. цѣнности податей съ небольшой прибавкой. Въ результатѣ окажется, что поднять уровень своего благосостоянiя нѣтъ никакихъ средствъ. Если же, за уплатою податей, у крестьянина окажется возможность (а это прямо зависитъ отъ раціональной податной системы) скопить себѣ нѣкоторый запасъ, то онъ немедленно употребитъ его на свою домашнюю, болѣе удобную обстановку; онъ купитъ у сосѣда своего, охотника, заячьихъ шкуръ и сдѣлаетъ изъ нихъ для жены шубу, — охотникъ опять не имѣетъ причины копить и, надумавшись, попроситъ своего покупателя сдѣлать ему нѣсколько стульевъ. Нашъ крестьянинъ, который, продавъ свой хлѣбъ, сидѣлъ бы, въ прежнiя времена, безъ дѣла, теперь состроитъ стулья и, получивъ за нихъ деньги, найдетъ, что ему уже давно нужны были валеные сапоги, безъ которыхъ онъ обходился въ прежнiе годы за неимѣнiемъ денегъ. Онъ купитъ сапоги. Мастеръ, получивъ отъ него деньги и возвратившись домой, разскажетъ женѣ, какой онъ видѣлъ у своего заказчика чудесный неводъ. «Вотъ бы рыбки, — скажетъ жена, — теперь у насъ есть день-

ги». — Сказано—сдѣлано, и нашъ знакомый ловитъ рыбу и получаетъ свои денежки обратно въ руки. Положимъ, что онъ въ первый разъ продалъ хлѣба на десять рублей, въ настоящее время этимъ и кончится; съ отмѣною же прямыхъ сборовъ, онъ пріобрѣтетъ на нихъ въ скоромъ времени тридцать рублей. Если 200,000 денегъ, которыя находятся въ настоящее время въ Кузнецкомъ округѣ, обернутся такимъ образомъ двадцать пять разъ, то крестьяне, которые покупали до сихъ поръ на какихъ-нибудь семьдесятъ тысячъ, голодали и сидѣли безъ дѣла, купятъ и продадутъ на пять милліоновъ, будутъ богаты, сыты и счастливы; если они изъ этихъ пяти милліоновъ купятъ вина на одну десятую часть, то казна, кабинетъ и земскія учрежденія получатъ отъ него столько же, а крестьянинъ будетъ въ семьдесятъ разъ богаче. Австралія, точно также, какъ и Сибирь, заселена ссыльными, ея почва сухая и посредственно плодородная,—южная Сибирь во многихъ отношеніяхъ можетъ быть къ ней приравнена. Если южная Сибирь имѣетъ свои морозы, то Австралія имѣетъ свои засухи, бичъ земледѣлія и скотоводства. Несмотря на это, въ окрестностяхъ Сиднея на каждое семейство приходится 2 лошади, 45 штукъ рогатаго скота, 300 штукъ овецъ; каждое семейство продаетъ своихъ продуктовъ на 1150 рублей въ годъ. Всѣмъ этимъ Австралія обязана свободѣ, здравымъ отношеніямъ къ землѣ и здравой финансовой системѣ. Южная Сибирь можетъ безъ малѣйшаго сомнѣнія достигнуть такого же благосостоянія. Ничего не можетъ быть легче, какъ развести тамъ скотъ въ огромныхъ размѣрахъ. Люди, на которыхъ никакая финансовая система не производитъ своего давленія, заводятъ тамъ множество скота изъ одной прихоти, потому что его содержаніе ничего не стоитъ. Легкость, съ которою въ Сибири можно разводить и содержать скотъ, одинъ сибирякъ охарактеризовалъ мнѣ слѣдующимъ образомъ: «Зачѣмъ вы держите такъ много лошадей?» спросилъ онъ одного мѣщанина. — «Какъ зачѣмъ? — отвѣчалъ мѣщанинъ — а на чемъ я буду сѣно и солому возить?» — «Зачѣмъ же вамъ сѣно и солому возить?» спросилъ опять мой собесѣдникъ. — «А чѣмъ же я буду лошадей кормить?» былъ отвѣтъ. Только одна необходимость, ради оброковъ, каждый годъ продавать свой скотъ за безцѣнокъ мѣшаетъ крестьянину разводить кругомъ себя сотни и тысячи головъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ южной Сибири можетъ расплодиться благосостояніе, неслыханное въ западной Европѣ. Теперь остается разрѣшить вопросъ: воспользуется ли крестьянинъ дѣйствительно представляющеюся ему возможностію разбогатѣть? Я полагаю, что въ умѣ добросовѣстнаго наблюдателя, знакомаго съ нашимъ рабочимъ классомъ, не можетъ быть даже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ воспользуется. Нашъ работникъ не похожъ на негра или на лаццарони, онъ не броситъ работать и не заляжетъ на печкѣ, какъ скоро онъ удовлетворилъ своему голоду; въ Марінскомъ округѣ онъ имѣетъ возможность пріобрѣсти болѣе, чѣмъ въ Кузнецкомъ, и онъ не упускаетъ этого случая, онъ не останавливается на кузнецкихъ заработкахъ и не ложится на печку. Въ Енисейскомъ округѣ онъ можетъ получить, въ качествѣ сельскаго работника, на готовомъ содержаніи, сто или сто двадцать цѣлковыхъ,—онъ пріобрѣтаетъ эти деньги и не останавливается на тридцати

цѣлковыхъ, которыми обыкновенно долженъ довольствоваться сельскій работникъ. Еслибы онъ въ Кузнецкомъ округѣ остановился на заработкѣ въ сто двадцать рублей на готовомъ содержаніи, то это былъ бы заработокъ болѣе значительный, чѣмъ заработокъ петербургскаго работника; казна, кабинетъ и земство, безъ всякаго сомнѣнія, получили бы болѣе, чѣмъ въ настоящее время, посредствомъ одного акциза съ вина. Кажется, теперь читателю довольно легко будетъ додуматься до того, что одной отмѣны всѣхъ, безъ исключенія, прямыхъ сборовъ будетъ достаточно для того, чтобы и крестьянина сдѣлать богатымъ и увеличить государственные и земскіе доходы.

Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается,—возразитъ мнѣ на это читатель:—крестьянинъ, дѣйствительно, разбогатѣетъ, но увеличеніе этимъ путемъ дохода съ акцизовъ все-таки не до такой степени вѣрно, чтобы его безъ дальнѣйшихъ справокъ можно было внести въ бюджетъ, при отмѣнѣ всѣхъ прямыхъ сборовъ; для этого нужно основаться на чемъ-нибудь, болѣе благонадежномъ. Съ этимъ я вполнѣ согласенъ, но полагаю, что это нетрудно исполнить. Оброки, подати и вообще всѣ окладные, земскіе и прямые сборы съ крестьянъ составляютъ около девяноста милліоновъ рублей серебромъ. Не нужно быть особенно проницательнымъ финансистомъ, чтобы понять, что подать должна быть, по крайней мѣрѣ, пропорціональною. Въ Сибири, въ значительной части мѣстностей, подати и сборы, платимые земледѣльцами, составляютъ чистый налогъ на трудъ, земля тамъ не приноситъ никакой ренты и для увеличенія ея плодородія никакого капитала не затрачивается. Въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ десятина земли, сдѣланная удобною для хлѣбопашества, можетъ быть отдаваема въ наймы, и будетъ приносить около шестидесяти копѣекъ серебромъ дохода,—это не рента съ земли, потому что кругомъ земля лежитъ необработанною въ неопредѣленномъ количествѣ, и ею земледѣлецъ можетъ пользоваться безъ всякаго вознагражденія; это—вознагражденіе за прежній трудъ, что-то въ родѣ дохода съ капитала; какъ скоро земля выпахивается, и вознагражденіе это прекращается. Далѣе слѣдуютъ въ Сибири и въ Россіи земли, приносящія ренту; рента эта во многоземельныхъ краяхъ бываетъ весьма незначительна, иногда не болѣе 25 коп. сер. съ десятины; въ средней Россіи она приблизительно даетъ два рубля съ десятины, въ промышленной—иногда болѣе трехъ. Душевой надѣлъ можетъ принести четыре рубля дохода, но доходъ этотъ въ весьма многихъ, можетъ-быть въ большинствѣ случаевъ, есть въ значительной мѣрѣ доходъ съ капитала, потому что земля должна быть сначала сдѣлана плодородною посредствомъ удобренія, т. е. приложенія къ ней капитала. Какъ рента, такъ и доходъ съ капитала вполнѣ поглощаются прямыми сборами съ крестьянъ, и, кромѣ того, они поглощаютъ еще часть ихъ дохода съ труда. Въ Сибири и въ большей части Россіи годовой сельскій работникъ получаетъ отъ тридцати до сорока рублей; сборовъ и податей съ него придется отъ 14 до 25 рублей, слѣдовательно онъ заплатитъ по крайней мѣрѣ 45% изъ своего дохода.

Что сказали бы наши помѣщики и капиталисты, еслибы имъ пришлось платить сорокъ пять процентовъ изъ своего дохода въ видѣ подати, да еще,

кромѣ того, нести на себѣ натуральныя повинности и оплачивать акцизы и косвенные сборы. Попытаемся опредѣлить, какъ бы распредѣлились наши государственные доходы между населеніемъ, еслибы они разложены были пропорціонально. Доходы капиталистовъ и помѣщиковъ опредѣлить точно очень трудно, однакоже есть все-таки возможность составить себѣ объ этомъ хотя приблизительное понятіе. Въ статистикѣ Кольба, по офиціальнымъ даннымъ весь доходъ населенія Пруссіи вычисляется въ 978 милліоновъ, въ томъ числѣ рабочіе всякаго рода получаютъ 115 милліоновъ, а землевладѣльцы, капиталисты и лица занятые интеллектуальнымъ трудомъ 863 милліона; по другимъ источникамъ доходъ имущественныхъ классовъ оцѣнивается почти въ девять разъ выше дохода рабочихъ. У насъ отношеніе это должно быть еще болѣе неблагопріятно для рабочихъ, процентъ на капиталъ у насъ значительнѣе и слѣдовательно раздѣлъ между капиталистомъ и рабочимъ менѣе выгоденъ для послѣдняго; помѣщики, кромѣ ренты съ земли, получаютъ еще оброки. Но оставимъ это въ сторонѣ, предположимъ даже, что пропорція точно такая же, и что доходы имущихъ и высшихъ относятся къ доходу неимущихъ классовъ, какъ одинъ къ семи съ половиною; слѣдовательно, изъ трехсотъ осьмидесяти милліоновъ государственнаго дохода, составляемаго прямыми и косвенными сборами, на долю рабочихъ должно придтись менѣе сорока шести милліоновъ. Слѣдовательно, рабочій классъ могъ бы быть освобожденъ отъ подушной подати, отъ всѣхъ оброковъ, лежащихъ на государственныхъ крестьянахъ, отъ платежей за паспорты и промысловыя свидѣтельства, отъ соляного акциза; ему могли бы быть отданы въ распоряженіе всѣ казенныя земли, которыхъ отобраніе стѣсняетъ теперь его сельское хозяйство, и акцизъ питейный могъ бы быть уменьшенъ почти на двѣ трети. Но и это еще далеко не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ финансовой науки. На основаніи началъ этой науки, доходъ, необходимый для обезпеченія существованія человѣка, не можетъ быть обложенъ никакими податями и сборами. Такимъ доходомъ нужно признать всю ту часть заработной платы, безъ которой рабочій не можетъ обезпечить здоровье и долголѣтіе своего семейства, — всякое нарушеніе этого правила поведетъ къ тѣмъ грустнымъ послѣдствіямъ, которыми обыкновенно сопровождается голодъ. Необходимымъ содержаніемъ слѣдуетъ признать на каждаго человѣка въ семействѣ въ годъ двадцать пуд. хлѣба, десять пуд. мяса, полпуда соли, пятнадцать рублей въ годъ на гигіеническіе напитки, разнообразіе пищи, лекарство и пр., осьмнадцать рублей въ годъ на одежду, кубическую сажень дровъ и три тысячи кубическихъ футовъ теплаго воздуха, — въ средней Россіи на семейство изъ четырехъ человѣкъ это составитъ триста рублей въ годъ. Только на такомъ уровнѣ скромнаго благосостоянія русскій работникъ можетъ выйти изъ той мертвенной апатіи, которую приписываютъ его лѣности и неспособности, и открыть себѣ доступъ къ какому-нибудь умственному образованію. Далѣе, по правиламъ финансовой науки имущественные классы должны быть облагаемы нетолько въ томъ капиталѣ, который приноситъ имъ доходъ, но и въ томъ имуществѣ, которое, по ихъ прихоти, сдѣлано бездоходнымъ. Дворцы, дачи, сады и всякіе подобные предметы роскоши

должны подлежать подати наравнѣ съ капиталомъ, употребленнымъ въ дѣло. Примѣненіе этихъ двухъ, безспорно установившихся въ финансовой наукѣ правилъ, у насъ, по всей вѣроятности, привело бы къ тому, что всѣ сборы съ рабочаго класса ограничились бы какими-нибудь пятнадцатью процентами съ суммы современнаго виннаго акциза. Правило пропорціональности въ финансовой наукѣ вовсе не останавливается на однихъ податяхъ и сборахъ, но распространяется и на всѣ повинности. Въ настоящее время рабочее населеніе нетолько поставляетъ всѣхъ рекрутъ, къ крайнему для него стѣсненію, но въ одной европейской Россіи содержитъ болѣе полутора милліона человѣкъ, принадлежащихъ къ оставленнымъ семействамъ этихъ рекрутъ. Содержаніе этихъ семействъ стоитъ рабочему населенію европейской Россіи въ годъ, по крайней мѣрѣ, тридцать шесть милліоновъ, хотя они, въ большей части случаевъ, заѣдаются нуждою. При пропорціональномъ разложеніи этой повинности изъ осьмидесяти пяти рекрутъ десять должны быть поставлены рабочими и семьдесятъ пять высшими сословіями, на которыхъ падетъ, конечно, и обезпеченіе семействъ этихъ семидесяти пяти рекрутъ. Для такого отправленія рекрутской повинности намъ не нужно бѣгать за образцами заграницу, она легко можетъ отправляться въ этомъ видѣ по правиламъ наемки, употребительнымъ въ уральскомъ войскѣ. Несмотря на всѣ непомѣрныя облегченія, которыя дѣлаются въ уральскомъ войскѣ имущественнымъ классамъ, наемка все-таки служитъ значительнымъ пособіемъ для множества бѣдныхъ людей. Если рекрутская повинность будетъ пропорціонально распредѣлена сообразно доходу населенія и будетъ отправляться не черезъ наборъ, а посредствомъ наемки отъ обществъ и отдѣльныхъ личностей, то она дастъ хлѣбъ множеству семействъ, отъ которыхъ она теперь отнимаетъ послѣднія средства. Только при отправленіи рекрутской повинности посредствомъ наемки можетъ быть создано экономическое положеніе, при которомъ ни одно крестьянское семейство не будетъ лишаться черезъ повинность послѣдней здоровой рабочей силы, и кто же не согласится съ тѣмъ, что сохраненіе этой силы для семейства есть долгъ и человѣколюбія и справедливости, потому что отнятіе у такого семейства работника неизбѣжно должно погубить дѣтей. Тоже слѣдуетъ сказать и о постойной повинности: изъ осьмидесяти пяти солдатъ семьдесятъ пять должны получать квартиру насчетъ имущихъ и высшихъ классовъ. За одно размѣщеніе войскъ имущественные классы должны были бы выплатить рабочимъ до десяти милліоновъ въ годъ. При такой финансовой системѣ положеніе рабочаго населенія было бы совершенно другое. Такъ какъ нельзя было бы брать изъ необходимаго содержанія, то подати никого бы не разоряли, для ихъ взиманія не нужно было бы прибѣгать ни къ какимъ грубымъ и унизительнымъ средствамъ. Столь тягостная теперь рекрутская повинность давала бы даже возможность поправиться многимъ разорившимся семействамъ.

Если вычислить увеличеніе дохода, которое произойдетъ отъ этихъ измѣненій для рабочаго класса, то окажется, что доходъ его все-таки еще приблизится только къ тому, что заграничные писатели называютъ нищетою и что они оплакиваютъ, какъ жалкое и безвыходное положеніе пролетарія. Вмѣсто того,

чтобы имѣть менѣе трети того, что имѣетъ французскій работникъ, сельскій работникъ будетъ заработывать нѣсколько болѣе половины, а фабричный нѣсколько болѣе трети того, что имѣетъ работникъ на французскихъ фабрикахъ. Я полагаю, что желаніе такого заработка не превышаетъ предѣла крайне умѣренныхъ желаній; въ особенности если принять въ соображеніе, какія ужасныя страданія имъ устраняются и какими ничтожными жертвами со стороны имущихъ классовъ цѣль можетъ быть достигнута. Конечно, для рабочаго изъ этого впослѣдствіи произойдетъ благосостояніе, но вѣдь это еще впереди, въ настоящее же время это крайній минимумъ необходимаго для него облегченія.

Для водворенія, такимъ образомъ, справедливости—имущественнымъ классамъ придется все-таки платить относительно своихъ доходовъ въ два съ половиною раза менѣе, чѣмъ теперь платитъ рабочій. Притомъ, не слѣдуетъ забывать, что имущественные классы все-таки заплатили бы только деньги, употребляемыя лишь на роскошь, крестьянинъ же лишается крайне необходимаго.

Я, впрочемъ, весьма далекъ отъ того, чтобы желать для нашихъ привилегированныхъ классовъ высокихъ налоговъ. Прусское правительство порицалось за то, что оно беретъ до десяти процентовъ изъ народнаго дохода; еслибы мы нашли возможность уменьшить наши расходы наполовину, то это было бы безпримѣрнымъ явленіемъ въ исторіи. Во всякомъ случаѣ, правильное распредѣленіе податей между народомъ — дѣло и легко исполнимое, и вовсе не обременительное. Вспомнимъ, что противники крестьянской реформы были увѣрены въ невозможности совершить такой переворотъ безъ воображаемыхъ ими опасеній и золъ, которыя они предсказывали дѣлу освобожденія. Эти мнимыя опасности, создаваемыя въ интересахъ эксплуататорской тактики, можетъ быть, лѣтъ на пятьдесятъ отсрочили день освобожденія, а между тѣмъ реформа совершилась, и земля не дрогнула, солнце не померкло. Тоже самое должно случиться и съ преобразованіемъ податной системы.

Люди, наблюдавшіе надъ положеніемъ нашего крестьянина и способные обобщать наблюдаемые факты, согласятся съ тѣмъ, что, пока уровень экономическаго благосостоянія не будетъ поднятъ въ массѣ населенія, промышленность, несмотря ни на какія поощренія, не подвинется ни на одинъ шагъ впередъ; лучшее и единственно дѣйствительное поощреніе для нея — это богатство рабочаго класса; если работникъ будетъ выпивать по рюмкѣ вина въ день, то цѣнность потребленія этого продукта будетъ равняться всей нашей заграничной торговлѣ. Землевладѣлецъ и капиталистъ, которые желаютъ низкой заработной платы, поступаютъ также благоразумно, какъ чахоточный, который ищетъ сильныхъ ощущеній, — они совершаютъ самоубійство. Въ западной Европѣ считаютъ счастливымъ только работника-собственника, тамъ оплакиваютъ участь работника-пролетарія; у насъ пролетаріевъ мало, но зато масса нашего рабочаго класса состоитъ изъ работниковъ, которыхъ участь хуже, чѣмъ участь всякаго пролетарія, — изъ работниковъ оброчныхъ. Пролетарій ничего не имѣетъ, но онъ ничего не платитъ, а надъ оброчнымъ всегда гроза, онъ несетъ рискъ и капиталиста, и пролетарія, и не имѣетъ преимуществъ ни

того, ни другаго—удары судьбы бьютъ его съ двухъ сторонъ, и ни съ одной она не подставляетъ ему ступеней для того, чтобы подняться и оправиться. Въ Америкѣ, въ странахъ, гдѣ правленіе народное, тамъ стараются всю массу земледѣльческаго населенія обратить въ мелкихъ собственниковъ; на востокѣ вся земля признается собственностію главы государства, и рядомъ съ этимъ можетъ развиваться только крупная поземельная собственность. Подъ вліяніемъ этихъ восточныхъ взглядовъ поземельная собственность сложилась и у насъ—почти вся земля принадлежитъ или государству, или удѣлу, или частнымъ лицамъ. Но вѣдь мы уже сбросили съ себя халатъ восточнаго варварства, мы убѣдились въ ложности его міровоззрѣній, мы поняли всю пользу земледѣльческаго класса свободнаго и безоброчнаго, отчего же мы не имѣемъ духу создать у себя этотъ классъ тотчасъ же? Я не буду здѣсь говорить о собственности частной, объ ней рѣчь впереди, я скажу только о государственной. Государственная собственность — не то, что частная; частный собственникъ думаетъ только о своихъ выгодахъ, распоряжаясь же государственною собственностью, нужно прежде всего думать о выгодахъ цѣлаго народа; эти выгоды явно заключаются въ томъ, чтобы создать изъ государственныхъ крестьянъ рабочій классъ, который пользовался бы такимъ же благосостояніемъ, какъ мелкіе поземельные собственники въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ Канадѣ, Австраліи или другихъ многоземельныхъ странахъ. Если для этого необходимо сразу освободить государственныхъ крестьянъ отъ оброковъ, безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія, то отчего же этого и не сдѣлать,—неужели намъ прилично подражать примѣрамъ средневѣковыхъ государей вродѣ Людовика X-го, который старался изъ освобожденія народнаго сдѣлать финансовую спекуляцію. Мы не для того освобождались отъ азіатскихъ міровоззрѣній, чтобы впасть въ средневѣковыя. Я счелъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, еслибы мнѣ удалось убѣдить, что безвозмездное освобожденіе государственныхъ крестьянъ отъ оброковъ создало бы у насъ тотъ классъ свободныхъ земледѣльцевъ, который даетъ на западѣ столько благосостоянія, и возвысило бы общее благосостояніе страны несравненно быстрѣе, чѣмъ финансовая операція выкупа. Государственные крестьяне вѣдь уже имѣютъ свое хозяйство, имъ не достаетъ только средствъ къ его развитію. Пусть завтра же будетъ созданъ изъ государственныхъ крестьянъ классъ свободныхъ земледѣльцевъ, и завтра же такой классъ развивалъ бы между рабочими потребности, пріучалъ бы ихъ къ менѣе грубой жизни и этимъ способствовалъ бы возвышенію заработной платы, развитію богатства и цивилизаціи всѣхъ классовъ общества; онъ вызвалъ бы насъ изъ этого состоянія обнищанія и невѣжества, которое такъ унизительно для нашего національнаго самолюбія. Я не боюсь въ этомъ сдѣлать ошибки, я боюсь только одного, что рѣчь моя не будетъ для общества и правителей достаточно убѣдительною.

Послѣ податей самое большое вліяніе на благосостояніе земледѣльца имѣетъ отношеніе его къ землѣ. Плоды труда должны доставаться вполнѣ трудящимся рукамъ, и все, что накоплено трудомъ, должно оставаться въ неприкосновенномъ и полномъ его обладаніи. Въ отношеніи къ землѣ общинное владѣніе — одно изъ лучшихъ средствъ для достиженія этой цѣли; оно стремится дать самостоятельность труду и трудовой собственности. Если имущественные классы желаютъ, чтобы рабочій классъ сочувствовалъ охраненію ихъ собственности, они должны защищать общинное владѣніе, иначе они произведутъ въ рабочемъ классѣ неизбѣжно коммунистическія тенденціи, въ видѣ реакціи. Такія заключенія мнѣ постоянно навязывались наблюденіями надъ бытомъ сибирскаго земледѣльца. Есть два рода отношеній къ землѣ, которыя чрезвычайно нравятся сибирскимъ міроѣдамъ и настолько же ненавистны массѣ рабочаго населенія, насколько восхваляются міроѣдами, и одно, которое весьма не нравится міроѣдамъ, но зато оно самое выгодное для рабочаго человѣка, потому что способствуетъ развитію его трудолюбія и благосостоянія и служитъ лучшимъ залогомъ для будущаго его просвѣщенія. Первыя два — это общинное владѣніе безъ передѣловъ и собственность, второе — это неотчуждаемое общинное владѣніе съ передѣлами. Общинное владѣніе безъ передѣловъ господствуетъ въ Сибири, начиная съ Томской губерніи. Заговорите съ богатымъ крестьяниномъ о передѣлѣ земли, онъ, по всей вѣроятности, выскажется противъ него, онъ къ нему также нерасположенъ, какъ всякій богатый крестьянинъ и вообще всякій богатый человѣкъ въ Россіи. Если богачи въ Россіи стараются распространить господство поземельной собственности, то богачи въ Сибири стараются удержать недѣленыя земли. Причина одна и та же. При исключительномъ господствѣ поземельной собственности стѣсненное положеніе рабочаго даетъ богатому человѣку возможность пріобрѣтать отъ него землю, обращать его въ бездомнаго пролетарія, затѣмъ сбивать цѣну на его трудъ до крайности и богатѣть на его счетъ. Общинное владѣніе безъ передѣловъ также вредно, но не въ такой степени; богатый имѣетъ притомъ, дѣйствительно, возможность завладѣть лучшею землею, но онъ не можетъ лишить земледѣльца его участія въ поземельномъ владѣніи. Если ѣхать по большому тракту изъ Томска въ Иркутскъ, по Томской и Енисейской губерніи, то невольно поражаетъ слѣдующій фактъ. Каждое, сколько-нибудь значительное село начинается и кончается самыми жалкими лачугами, въ серединѣ села перемѣшаны дома, обличающіе богатство, благосостояніе и бѣдность, но даже и домъ бѣдняка не обличаетъ такой нищеты, которая видна въ жалкихъ лачужкахъ въ началѣ и въ концѣ деревни. Если войти въ подобную избенку, то ея внутренняя обстановка совершенно соотвѣтствуетъ наружной. Такой фактъ, повторяющійся и въ сторонѣ отъ большаго тракта, по коммерческимъ и проселочнымъ дорогамъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе. Послѣ распросовъ узнаешь, что обитатели этихъ лачугъ — переселенцы: это русская бѣдность, переѣхавшая бѣдовать въ Сибирь. — Распросите переселенца о причинахъ его бѣдности, распросите бѣднаго сибиряка, и передъ вами раскроется система общиннаго владѣнія безъ передѣловъ со всѣми ея послѣдствіями. Отношенія сибирскихъ

земледѣльцевъ къ землѣ невольно напоминаютъ отношенія римскихъ патриціевъ и плебеевъ, которыя породили такую славную борьбу партій и аграрные законы, извѣстные и до сего дня каждому образованному человѣку. Огромное вліяніе, которое имѣютъ на общество богатые крестьяне, даетъ имъ возможность завладѣвать лучшими землями. Завладѣвши лучшими землями, они такъ утверждаются на нихъ, что считаютъ ихъ неприкосновенною своею собственностію. Бывали случаи, что они, на свой счетъ, начинали о подобныхъ земляхъ процессы, если на нихъ изъявляли притязанія сосѣднія общины. Имѣя обыкновенно обширное скотоводство, они завладѣваютъ лучшими лугами. Чѣмъ менѣе значенія имѣетъ крестьянинъ въ общинѣ, чѣмъ онъ бѣднѣе и скромнѣе по своей природѣ, тѣмъ худшая часть выпадаетъ на его долю. Такимъ образомъ, затираются иногда люди весьма трудолюбивые, которые могли бы быть весьма полезны для себя и для другихъ. Большая часть обыкновенно недовольны своими участками, но не могутъ сломить вліяніе богатыхъ. Какъ скоро являются въ ихъ среду переселенцы, они встрѣчаютъ ихъ не съ радушіемъ и желаніемъ имъ помочь, а какъ новыхъ и непріятныхъ конкурентовъ. Наслушавшись разсказовъ объ обширности сибирскихъ земель и о томъ, что тамъ всякій можетъ пахать и косить, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ, переселенецъ горько разочаровывается: иногда онъ вовсе не находитъ мѣста, которое было бы ему удобно и по силамъ, онъ вынужденъ обращаться къ занятымъ уже участкамъ, онъ долженъ ихъ нанимать или покупать, какъ выражаются крестьяне. Притомъ онъ встрѣчаетъ всего чаще стачку, чѣмъ конкуренцію, и вынужденъ бываетъ платить за землю высокія цѣны, по крайней мѣрѣ, относительно. Богатые производятъ давленіе на бѣдныхъ, все общество на переселенцевъ. — Изъ этого рождается стремленіе къ передѣламъ; мѣстная администрація сочувствуетъ этому стремленію, но въ тоже время, подъ вліяніемъ сибирскихъ капиталистовъ, въ ней обнаруживается сочувствіе къ введенію закрѣпленной собственности; такимъ образомъ, администрація сочувствуетъ двумъ, совершенно противоположнымъ направленіямъ; она одновременно поощряетъ трудъ и самостоятельность, ограждаетъ бѣднаго отъ притязаній богатаго, отдаетъ бѣднаго и трудолюбиваго въ руки эксплуатаціи, чрезмѣрно поощряетъ экономію на счетъ труда, стремится на мѣсто общаго благосостоянія поставить бѣдность и богатство, т. е. невыгодное экономическое положеніе. Сибирскимъ капиталистамъ, конечно, естественно стремиться къ поземельной собственности. Для того, чтобы получать доходъ, имъ нужно быть людьми полезными, нужно придумать такое употребленіе изъ своего капитала, которое оживило бы промышленность, возвысило бы заработную плату и цѣны на хлѣбъ, дало бы обществу новую серію полезныхъ произведеній; все это, конечно, сопряжено съ рискомъ и требуетъ умственныхъ усилій, а ему хочется, чтобы къ нему доходы падали въ ротъ безъ всякаго риска и труда. Для этого, конечно, самое лучшее средство — пріобрѣтеніе частной поземельной собственности. Тутъ доходы полѣзутъ къ нему въ ротъ нетолько въ томъ случаѣ, когда онъ ничего не будетъ дѣлать и ничѣмъ не будетъ рисковать, но будетъ даже во всѣхъ отношеніяхъ вреднымъ для страны человѣкомъ. Вмѣсто того,

чтобы увеличивать крестьянскіе заработки, какъ они это дѣлаютъ теперь, сибирскіе капиталисты, обратившись въ поземельныхъ собственниковъ, будутъ уменьшать и безъ того уже скудные заработки и окончательно доведутъ Сибирь до нищенской сумы. Постоянное поползновеніе залѣзть въ карманъ къ земледѣльцу посредствомъ поземельной собственности — въ сибирскихъ капиталистахъ очень сильно; я знаю множество капиталистовъ и между ними милліонеровъ, которые весьма тяготятся тѣмъ положеніемъ, въ которое они поставлены теперь и при которомъ они съ капиталовъ своихъ не могутъ получать доходовъ, не возвышая своею конкуренціею заработной платы, а имъ хотѣлось бы безмятежно богатѣть, лишая земледѣльцевъ доходовъ и вредя благосостоянію страны. Чтобы получать доходъ, имъ теперь надо употребить не мало дѣятельности и умственныхъ усилій, а сибирскіе капиталисты постоянно стремятся отдѣлаться отъ такого непріятнаго обремененія своего мозга. Какъ бы хорошо было, господа капиталисты, еслибы казна, безъ всякихъ хлопотъ, давала проценты на всякій капиталъ, какъ бы легко было головѣ, какъ пріятно для лѣнивыхъ костей — жаль, что казна не можетъ дѣлать долги въ неопредѣленномъ количествѣ, не боясь банкротства. Не правда ли, поземельная собственность въ этомъ отношеніи гораздо лучше? — Землю, безъ которой земледѣльцы могутъ обойтись, никто не купитъ, а за землю, нужную для земледѣлія, земледѣльцы, съ каждымъ поколѣніемъ, будутъ платить собственнику больше дани, съ каждымъ годомъ землевладѣлецъ все больше загребаетъ денегъ, а головѣ легко и на сердцѣ спокойно, — лежи себѣ да плюй въ потолокъ, ни риску, ни труда. — Общинное владѣніе безъ передѣловъ земли, при которомъ казалось бы крестьянину всего легче завести свое хозяйство, въ окончательномъ результатѣ развиваетъ батрачество, конечно, въ меньшей степени, чѣмъ поземельная собственность, потому что всѣ вредныя его послѣдствія меньше. Обширныя земли и луга даютъ богатому крестьянину возможность разводить обширное скотоводство, имѣть много лошадей, большіе пчельники и пр. Онъ беретъ на себя подряды для перевозки тяжестей и т. д., — ему всего выгоднѣе исполнять ихъ одному, но для этого ему нужно имѣть работниковъ; этихъ работниковъ онъ легко находитъ между крестьянами, озабоченными уплатою податей; бѣдному крестьянину иногда болѣе ничего не остается дѣлать, съ помощью его же трудовъ на помочахъ богатый крестьянинъ запахалъ для себя лучшую землю, скосилъ лучшіе луга, у бѣдняка же хлѣбъ родился плохо, а скотъ погибъ зимою отъ дурнаго сѣна. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Тобольской губерніи, гдѣ земля передѣливается, и обыкновенный размѣръ надѣла — въ три десятины на душу (впрочемъ, подъ словомъ десятины разумѣютъ столь различныя мѣры, что я не могу опредѣлить съ точностію); и тамъ существуетъ батрачество, но обыкновенно идутъ въ работники или мужъ и жена, не имѣющіе дѣтей, или люди холостые; мужчина получаетъ отъ тридцати до сорока, женщина до двадцати четырехъ рублей. Семейный же, имѣющій дѣтей, идетъ только въ случаѣ крайней нужды и въ этомъ случаѣ оставляетъ дома жену и дѣтей, чтобы хозяйничать на отведенномъ ему надѣлѣ. Про крестьянина, который отдалъ въ наемъ

свой надѣлъ, а самъ, имѣя дѣтей, пошелъ въ работники, говорятъ, что онъ продалъ жизнь своихъ дѣтей. Семейный работникъ дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы выбиться изъ этого состоянія и опять начать самостоятельное хозяйство. Смѣло можно сказать, что экономическое наше положеніе было бы окончательно разстроено и крестьянство до тла разорено, еслибы въ Россіи не существовало общиннаго владѣнія съ передѣлами. Въ этомъ отношеніи это — великое политическое учрежденіе, которое предохранило ее отъ множества самыхъ тяжкихъ золъ. Утверждаютъ, что трудно найти сельскаго начальника, который не сдѣлался бы притѣснителемъ тотчасъ послѣ выборовъ. Въ этомъ отношеніи общины дѣлали самые печальные опыты; извѣдавъ все зло, которое можетъ сдѣлать обществу недобросовѣстный начальникъ, они старались сосредоточить выборъ свой на самомъ честномъ человѣкѣ, но къ крайнему ихъ удивленію человѣкъ этотъ немедленно мѣнялся, онъ дѣлался притѣснителемъ и взяточникомъ; старый человѣкъ, который всю жизнь свою велъ себя скромно, вдругъ дѣлался развратникомъ и заводилъ себѣ любовницъ. Сельскаго начальника, который своими эксплуататорскими наклонностями возбуждалъ всеобщее негодованіе, не могли сжить съ рукъ, онъ выбирался во второй и въ третій разъ, несмотря на то, что передъ выборами общество единодушно соглашалось ни въ какомъ случаѣ его не выбирать. Ясно, что зло выходило не изъ личности, а изъ положенія, которое имѣетъ сельское начальство. Размѣры, въ которыхъ сельскіе начальники являются притѣснителями крестьянъ, вполнѣ пропорціональны тому, въ какомъ количествѣ между чиновниками земской полиціи и вообще чиновниками, начальствующими надъ крестьянами, встрѣчаются взяточники и строгіе начальники, — это количество я опредѣлить не берусь: пусть его опредѣляетъ самъ читатель. Было бы несправедливо сказать, что сельскіе начальники постоянно дѣйствуютъ во вредъ крестьянамъ; напротивъ, во многихъ случаяхъ, они дѣйствуютъ въ ихъ пользу и именно въ тѣхъ, въ которыхъ этой пользѣ сочувствуетъ земское и мировое начальство; но совершенно справедливо, что они вовсе не соотвѣтствуютъ характеру выборной власти, которая должна отличаться не безусловнымъ повиновеніемъ чиновнику, а преданностью интересамъ своихъ избирателей. Въ послѣднее время, когда взяточничество не разъ обличалось путемъ гласности, чиновники, за которыми водится этотъ порокъ, стали опасаться пользоваться взятками отъ лицъ, съ ними ничѣмъ несвязанныхъ и совершенно отъ нихъ независящихъ, и сосредоточили свои притязанія на тѣхъ, которые имѣютъ служебный характеръ и которые поэтому находятся въ большей и постоянной отъ нихъ зависимости. Къ числу лицъ, на которыхъ сосредоточиваются подобныя требованія, принадлежатъ и сельскіе начальники. Этимъ же начальникамъ достается и отъ чиновниковъ, совершенно безкорыстныхъ, которые поэтому именно гораздо исполнительнѣе; они требуютъ отъ сельскихъ начальниковъ строгаго и непремѣннаго сбора податей и повинностей и исполненія всѣхъ административныхъ мѣръ, наприм. по наполненію запасныхъ магазиновъ и пр. Въ случаѣ неисполненія они не имѣютъ никакой возможности убѣдиться, что препятствіемъ было не пристрастное послабленіе, а дѣйствительная необходимость; поэтому

они вынуждаютъ сельскихъ начальниковъ къ исполненію штрафами и другими, болѣе или менѣе крутыми мѣрами. Сельскому начальнику нерѣдко приходится платить собственныя деньги, чтобы избавиться отъ взысканій. Даже честный сельскій начальникъ не настолько развитъ, чтобы мужественно переносить подобныя потери, онъ старается вознаградить себя взяточничествомъ, но, разъ ступивъ на эту дорогу, онъ уже не можетъ остановиться, онъ поощряетъ всякую притязательность, всякое давленіе, производимое богатымъ надъ бѣдными, и все кончается тѣмъ, что онъ наживается и даетъ, какъ бывали примѣры, нѣсколько тысячъ въ приданое за дочерью, или даже дѣлается значительнымъ капиталистомъ, заводитъ фабрики и заводы. Еслибы, при такомъ положеніи, въ Россіи господствовалъ исключительно принципъ поземельной собственности, то, безъ всякаго сомнѣнія, огромное число сельскихъ работниковъ обращено было бы въ пролетаріевъ. При отсутствіи политическаго развитія, такое соціальное положеніе привело бы къ крайнему загрубѣнію. Напротивъ, общинное владѣніе съ передѣлами служитъ и будетъ служить Россіи неодолимою преградою къ уничтоженію самостоятельности рабочаго класса, и поможетъ ей скорѣе созрѣть политически. До какой степени нелѣпы были у насъ толки объ общинномъ владѣніи, можно видѣть напр. изъ того, что у насъ общинному владѣнію приписывали лѣсоистребленіе; между тѣмъ какъ, на дѣлѣ, главнымъ источникомъ лѣсоистребленія была именно частная собственность. Общинному владѣнію приписывали непрочность, между тѣмъ на дѣлѣ общинное владѣніе дотого прочно, что крестьянскому семейству, постоянно занимающемуся земледѣліемъ, стоитъ только желать сохранить въ своемъ владѣніи извѣстный участокъ, и оно будетъ владѣть имъ безпрерывно въ теченіе столѣтій; еслибы общинное владѣніе было непрочно, то отдѣльныя крестьянскія семейства не стали бы тягаться съ сосѣдними общинами на свой счетъ и отъ имени общества изъ-за отведенныхъ имъ участковъ; если крестьянинъ расчиститъ лѣсъ и распашетъ новь, то никто не коснется этого участка до тѣхъ поръ, пока онъ не выпашется и труды предпринимателя не вознаградятся; если крестьянинъ посадитъ на общинной землѣ долговѣчное растеніе, напр. фруктовое дерево, то никто не прикоснется къ нему. Я даже ни одного раза не слыхалъ, чтобы община, во имя общиннаго владѣнія, запустила руку въ чужой карманъ и покусилась бы на чужой трудъ; но не могу перечислить той массы случаевъ подобныхъ покушеній, которые дѣлались во имя государственной и частной собственности: богатыя села разорялись, тысячи людей пускались съ сумою, трудовое состояніе, накопленное въ теченіе жизни, отбиралось; пусть читатели припомнятъ, что было причиною разоренія двухъ самыхъ знаменитыхъ нашихъ промышленныхъ селеній... У насъ встрѣчаются администраторы, которые вовсе не понимаютъ, что государственная собственность создана для блага общества, а вовсе не для того, чтобы они надъ нею мудрили и исполняли свои фантазіи; случалось, что мировые посредники, наперекоръ общественнымъ приговорамъ, отбирали земли у однихъ крестьянъ и отдавали другимъ. По ихъ примѣру тоже дѣлали и старшины, или заставляли дѣлать сходъ, какъ было говорено выше. Я полагаю, что всѣ дѣла объ отношеніяхъ къ об-

щиннымъ землямъ лучше всего изъять отъ всякаго вліянія администраціи и частныхъ собственниковъ. Потребность общинъ заключается не въ обращеніи земель этихъ въ собственность, а въ представительномъ собраніи отъ общинъ для передѣла земель между общинами, для назначенія участковъ для переселенцевъ и вообще для справедливаго и соразмѣрнаго снабженія земледѣльцевъ ихъ главнымъ орудіемъ труда — землею. Масса крестьянъ не желаетъ собственности — это фантазія образованнаго сословія; малоземельные же крестьяне были бы весьма довольны, еслибы на представительномъ собраніи отъ общинъ они получили возможность исхлопотать для себя снабженіе орудіемъ труда, т. е. землею. Многіе видятъ въ поземельной собственности средство къ развитію земледѣлія въ случаяхъ, когда земля достанется образованнымъ землевладѣльцамъ; но еслибы образованные землевладѣльцы были лучшими агрономами, чѣмъ земледѣльцы, то они бы не передавали своихъ земель въ аренду крестьянамъ и не было бы общепризнаннымъ правиломъ, что дворянинъ-помѣщикъ никогда не можетъ извлечь изъ земли столько выгодъ, сколько крестьянинъ. Я сейчасъ буду говорить о производительныхъ способностяхъ образованныхъ и рабочихъ классовъ. Заграницею сдѣлано было тоже наблюденіе: мелкая собственность производила больше крупной.

Я много сказалъ о причинахъ, препятствующихъ благосостоянію и развитію сибирскаго крестьянина, скажу теперь нѣсколько словъ о томъ, что служитъ ручательствомъ его способности къ этому развитію. Ручательство это я вижу: въ природномъ умѣ, въ энергической предпріимчивости и въ инстинктивномъ стремленіи къ цивилизаціи русскаго человѣка. Возьмите рядъ портретовъ крестьянъ и сравните его съ рядомъ портретовъ ученыхъ и государственныхъ людей — въ томъ и другомъ рядѣ будетъ выражаться одинаковая душевная сила; а при извѣстномъ подборѣ лицъ преимущество будетъ на сторонѣ крестьянъ. Я дѣлалъ опыты и сообщалъ великія идеи, выработанныя европейскою наукою, лицамъ крестьянскаго и дворянскаго сословія и, къ немалому моему удивленію, крестьяне неоднократно глубже и скорѣе понимали то, что было выражено понятнымъ для нихъ языкомъ. Такое наблюденіе можетъ показаться пристрастнымъ и парадоксальнымъ, но оно подтверждается весьма знаменательными данными; большинство того, что сдѣлано было въ Сибири для развитія ея благосостоянія, было сдѣлано людьми изъ крестьянскаго сословія, нетолько необразованными, но даже безграмотными; люди, которые въ Россіи считались самыми передовыми, не могли состязаться съ безграмотною интеллигенціею края. Большинство самыхъ смѣлыхъ и знаменитыхъ сибирскихъ золотопромышленниковъ и заводчиковъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію и вышло изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества; люди, составляющіе душу вновь заведеннаго въ Сибири пароходства, считаютъ въ своемъ числѣ людей самаго низкаго происхожденія, не получившихъ никакого образованія; самый знаменитый механикъ, строитель винокуренныхъ заводовъ въ Сибири — человѣкъ не умѣющій ни читать, ни писать по-русски. Богатые русскіе дворяне, которые пытались состязаться съ сибирской мужицкой предпріимчивостію, оказывались совершенно несостоятельными и кончали тѣмъ, что

вынуждены были обратиться къ людямъ крестьянскаго происхожденія и просить ихъ за большое жалованье поправить свои дѣла; ихъ ученые химики и механики должны были уступить мѣсто крестьянской безграмотной интеллигенціи. Я оставилъ Сибирь, исполненный уваженія къ интеллектуальнымъ способностямъ крестьянскаго сословія; я убѣжденъ, что въ немъ — надежда Россіи, въ немъ залогъ будущей ея славы и величія. Кому дорога слава русскаго отечества, кто желаетъ, чтобы Россія стояла въ ряду великихъ цивилизаторовъ человѣчества, тотъ долженъ всѣми зависящими отъ него средствами стараться, чтобы грамотность и интеллектуальное развитіе распространилось между крестьянскимъ сословіемъ. Сколько разъ я любовался солидностію сужденія крестьянской интеллигенціи, ея знаніемъ своихъ силъ и дотого глубокимъ пониманіемъ дѣла, что ея разсчеты оказывались безукоризненными! Съ распространеніемъ въ ея средѣ просвѣщенія результаты сдѣлаются яснѣе. Для того, чтобы получить понятіе о смѣлости и предпріимчивости крестьянина, нужно познакомиться съ жизнью кореннаго таежнаго селянина. Представьте себѣ деревню, состоящую изъ нѣсколькихъ домовъ, а посрединѣ часовню. Кругомъ—непроходимая тайга. Иногда жители ея принадлежатъ къ какой-нибудь сектѣ, иногда они православнаго исповѣданія. Въ каждой избѣ вы находите нарѣзное ружье самаго страннаго вида, съ прикладомъ дотого неудобнымъ, что невозможно себѣ представить, какъ можно изъ такого ружья стрѣлять. Разговоритесь съ этими жителями дѣвственныхъ лѣсовъ, — они вамъ разскажутъ, какъ они ходятъ на медвѣдя и на сохатаго; сохатый — животное до такой степени сильное, что оно ударомъ ноги можетъ разщепить дерево, въ тоже время оно необыкновенно быстро, и кого ударитъ ногой или рогами, тотъ рѣдко останется живъ. Инородцы ходятъ на подобную охоту толпами отъ пяти до двадцати человѣкъ и болѣе; русскій же таежный охотникъ предпочитаетъ ходить на звѣря одинъ, оно и выгоднѣе и пріятнѣе,—разсказы о томъ, какъ медвѣдь задиралъ инородцевъ, нападавшихъ на него цѣлой толпою, нисколько его не пугаетъ. Вы уже видѣли ружье, вы желаете видѣть пулю и собаку; пуля — это небольшой, иногда неправильнаго вида кусокъ свинца, а собака — это обыкновенная маленькаго роста дворняшка. Нѣтъ возможности не почувствовать уваженія къ мужеству и нервной силѣ человѣка, который съ такими средствами бьетъ одинъ, безъ страха, самаго сильнаго медвѣдя или сохатаго. Это какая-то героическая фигура, столь же грандіозная, какъ и окружающая его безконечная тайга. Этотъ типъ смѣлости и силы менѣе всего смотритъ звѣремъ — это добродушнѣйшее существо. Этотъ добродушнѣйшій изъ смертныхъ передъ началомъ весны подвергалъ себя опасности, охотясь на медвѣдя и сохатаго, чтобы пріобрѣсти отъ пяти до пятнадцати рублей; въ половодье онъ пускается по горнымъ рѣкамъ и болотамъ въ безлюдную тайгу, добываетъ оттуда лѣсъ, а иногда и золото, въ никѣмъ невѣдомыхъ и никѣмъ незаявленныхъ мѣстахъ; тутъ онъ подвергается самымъ разнороднымъ опасностямъ; еслибы кто-нибудь вздумалъ его убить съ пріобрѣтенными имъ сокровищами, то никто бы не узналъ, гдѣ и какъ онъ пропалъ; между тѣмъ, погружаясь въ тайники тайги, онъ отбиваетъ хлѣбъ у инород-

цевъ, которые весьма не любятъ подобныхъ конкурентовъ, и въ дѣйствіяхъ своихъ отличаются удивительнымъ единодушіемъ и скрытностію. Первое стремленіе къ цивилизаціи обнаруживается въ стремленіи къ болѣе облагороженнымъ удовольствіямъ. Однажды я заинтересовался праздникомъ въ таежной деревнѣ; мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что называютъ удовольствіемъ жители этой дикой пустыни. Изъ деревни, далѣе которой уже не было колесныхъ дорогъ, я отправился верхомъ по таежнымъ тропинкамъ; надобно было сдѣлать тридцать верстъ, переѣхать бродомъ черезъ одинъ горный протокъ, а черезъ другой пустить лошадь вплавь, а самому идти по огромнымъ камнямъ, составлявшимъ что-то въ родѣ плотины, между которыми свистѣла и кипѣла вода. Это была одна изъ самыхъ глухихъ мѣстностей края дотого бѣднаго, что среди населенія не могло существовать никакихъ ремеслъ, даже деревянныя ложки привозили съ ирбитской ярмарки; горшки, употребляемые нетолько въ селеніяхъ, но даже въ городѣ, были произведенія такой жалкой работы, что они и между дикими показывали бы низкій уровень цивилизаціи; форма ихъ столь неправильна, что если въ нихъ налить воды, то въ одномъ мѣстѣ вода будетъ съ краями ровна, а въ другомъ на полвершка ниже; толстые и безобразные, они разваливаются отъ перваго толчка и не могутъ выносить даже самаго умѣреннаго огня. Вотъ образчикъ, характеризующій стѣсненное положеніе этой мѣстности. Мужикъ надѣваетъ хомутъ на лошадь, у которой на плечахъ виднѣются раны. Я увѣряю его, что онъ губитъ свою лошадь; по страдальческому выраженію его лица я вижу, что онъ понимаетъ это лучше меня: «я голодомъ умру, если ее не буду запрягать», отвѣчаетъ онъ сдержаннымъ голосомъ. Страшно подумать, — эта мѣстность лежитъ на одной широтѣ съ Манчестеромъ. По такимъ глухимъ мѣстамъ я пустился въ тайгу. Дорогою я обгонялъ разряженныхъ мужчинъ и женщинъ, которые всѣ ѣхали верхомъ, и женщины съ удивительною ловкостью и смѣлостью переходили по полумассивному и полувоздушному мостику. Когда я пріѣхалъ, я не нашелъ тамъ ни одного пьянаго; мужчины и женщины собрались на лугу и танцовали подъ музыку, мужчины ангажировали дамъ, и дамы считали себя связанными первымъ приглашеніемъ; обращеніе ихъ между собою было такое же вѣжливое и деликатное, какъ принято въ обществѣ. Увидавъ меня, они нѣсколько сконфузились, они сочли меня представителемъ того общества, котораго нравамъ они старались подражать въ своей глуши. Деревня эта отличалась большою самостоятельностью и не безъ геройства боролась съ міроѣдствомъ и другими покушеніями на свой карманъ; «они себя когда-нибудь погубятъ этимъ», говорили робкіе окрестные жители. Дѣйствительно, ихъ воинственныя наклонности обнаружились тотчасъ же. Лишь только они узнали, кто я таковъ, они пристали ко мнѣ съ требованіемъ юридическихъ совѣтовъ насчетъ ихъ общественныхъ дѣлъ.

Потребность въ цивилизаціи существуетъ; посмотримъ, какъ она удовлетворяется. Есть двѣ великія причины бѣдности сибирскаго крестьянина—это тяжелыя прямыя подати и невѣжество. О податяхъ мы говорили, теперь поговоримъ о просвѣщеніи, и опять обратимся къ городу Кузнецку. Городъ долженъ быть источникомъ просвѣщенія для окрестности. Если мы бросимъ

взглядъ на жизнь города и окрестныхъ селъ, мы увидимъ и тутъ, и тамъ царство безотрадной рутины. Научились въ городѣ садить табакъ, и почли всѣ садить, только и спасеніе отъ голодной смерти для нихъ что въ разведеніи табака. Большая часть домовъ и бѣдныхъ, и богатыхъ имѣетъ, и въ деревняхъ, и въ городѣ, одинаковую архитектуру, даже городничій живетъ въ домѣ общей крестьянской архитектуры; мебель во всѣхъ зажиточныхъ мѣщанскихъ домахъ одного грубаго фасона; и этимъ только отличается внутренность этихъ домовъ отъ крестьянскихъ, гдѣ не успѣла войти въ употребленіе даже самая грубая мебель; затѣмъ, все остальное въ селеніи и въ городѣ одинаково; та же чистота въ комнатѣ поддерживается тѣми же пріемами, половикъ такого же фасона и изъ того же матеріала — та же чистота въ комнатахъ и грязь на улицахъ; встрѣчаются также дома безъ крыши. Даже костюмъ мѣщанина и мѣщанки, въ большей части случаевъ, не отличается отъ крестьянскаго. Окрестныя селенія представляютъ однообразіе поразительное, всѣ имѣютъ одинаковыя достоинства и одинаковые недостатки. — Женщины и мужчины отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что они болѣе или менѣе искусны въ исполненіи своихъ рутинныхъ пріемовъ. Женщина, какъ кухарка, умѣетъ болѣе или менѣе искусно печь хлѣбъ изъ плохой ржаной и пшеничной муки, но совершенно не умѣетъ приготовлять кушанье. Правда, что она знаетъ такіе фокусы, которые неизвѣстны даже самому искусному придворному повару и которые оправдываютъ пословицу—голь на выдумки хитра—напр. искусство жарить въ квасу вмѣсто масла. Мужчины земледѣльцы и косцы отличаются другъ отъ друга только проворствомъ. Все здѣсь занесено рутиною, Богъ знаетъ кѣмъ и Богъ знаетъ когда. Въ трудѣ индивидуальность развита до крайнихъ предѣловъ возможнаго; плодотворное раздѣленіе труда здѣсь дѣло неизвѣстное. Одно усовершенствованіе агрономическихъ пріемовъ въ трудѣ индивидуальномъ легко могло бы здѣсь привести къ тому, что крестьянинъ, съ помощью того же труда и капитала, имѣлъ бы болѣе дохода; посредствомъ одного усовершенствованнаго улья, онъ будетъ имѣть вдвое болѣе и роевъ, и меду отъ тѣхъ же пчелъ. Всѣхъ нужныхъ для этого свѣдѣній крестьянинъ самъ по себѣ не можетъ пріобрѣсти; онъ живетъ въ мѣстѣ глухомъ, онъ человѣкъ безграмотный, какъ ему узнать, что выработано вѣковымъ опытомъ въ странахъ цивилизованныхъ; для того, чтобы ему объ этомъ сообщить, существуетъ интеллигенція, образованное сословіе мѣстности, котораго средоточіе въ городѣ. Достаточно ли это образованное сословіе, эта интеллигенція Кузнецкаго округа, по своему числу, для удовлетворенія этой цѣли? Въ Америкѣ образованное сословіе составляетъ, по однимъ разсчетамъ, шесть человѣкъ на тысячу жителей, а по другимъ — тринадцать человѣкъ. Эти шесть или тринадцать человѣкъ интеллигенціи дѣлаютъ свою тысячу человѣкъ нетолько людьми грамотными, но и развитыми; они производятъ на каждую общину по тысячѣ номеровъ періодическихъ изданій и газетъ. Въ Кузнецкомъ округѣ однихъ чиновниковъ и духовенства приходится болѣе шестнадцати человѣкъ на тысячу, слѣдовательно, они должны были бы нетолько сдѣлать окрестныхъ жителей грамотными, но и распространить между ними болѣе тысячи номеровъ газетъ;

каждое крестьянское семейство должно было бы выписывать еженедѣльную газету, или каждыя три семейства ежедневную. Между тѣмъ, въ Кузнецкомъ округѣ не издается ни одной газеты, и нѣтъ даже ни одного лица, которое бы занималось распространеніемъ научныхъ знаній въ сельскомъ сословіи, хотя число такихъ, которые должны были бы этимъ заниматься, т. е. лицъ духовныхъ и учителей, опять-таки превышаетъ американское; — на десять тысячъ жителей въ Америкѣ приходится учителей и духовныхъ сорокъ, а въ Кузнецкомъ округѣ сто человѣкъ. Итакъ, людей слишкомъ довольно, мало дѣятельности, или лучше сказать ихъ дѣятельность безплодная. Въ Америкѣ на сто образованныхъ людей одинъ издатель періодическаго изданія. Въ Кузнецкомъ округѣ распространеніе власти сельскихъ старостъ поставило этихъ бѣдныхъ людей въ большое затрудненіе, потому что имъ приходилось прикладывать свою печать къ разнымъ актамъ, а между тѣмъ въ большинствѣ деревень не оказывалось ни одного человѣка, способнаго прочесть эти акты. «Научите меня читать, — сказала мнѣ одна дѣвушка, — я буду этимъ зарабатывать много денегъ, я буду читать надъ умершими, и мнѣ за это будутъ платить; у насъ во всемъ околоткѣ нѣтъ ни одного человѣка, способнаго это дѣлать.» Въ Кузнецкѣ существуютъ уѣздное и приходское и женское училища, въ которыхъ воспитываются дѣти чиновниковъ и писцовъ; они впослѣдствіи могли бы принести ту пользу, о которой только-что говорилось; что же касается до дѣтей мѣщанъ, то неджентльменскія сердца ихъ родителей находятъ, что для нихъ время дорого, и что имъ нѣкогда учиться наукамъ, которыя не принесутъ имъ никакой практической пользы, и потому просили начальство закрыть училища, какъ безполезныя, и вмѣсто того учить ихъ дѣтей грамотѣ и ариѳметикѣ, — только эти науки имъ казались полезными. По крайнему моему разумѣнію, они были правы; человѣку, у котораго мало времени и которому крайне необходимо знать, какъ дѣлать стеаринъ, весьма дорогой въ Кузнецкѣ, должно быть очень досадно, если его вмѣсто этого заставляютъ учить наизустъ, какъ звали родню Мстислава Удалаго. Еслибы послушались мѣщанъ, оставили бы въ Кузнецкѣ только двухъ учителей, а остальныхъ распредѣлили по волостямъ и заставили бы ихъ сообщать крестьянамъ не о роднѣ Мстислава Удалаго, а о томъ, какъ посредствомъ теплаго помѣщенія можно экономизировать кормъ для скота, въ такомъ случаѣ, въ окрестностяхъ Кузнецка 120 крестьянскихъ мальчиковъ могли бы каждый годъ обучаться грамотѣ. Я полагаю, что для крестьянъ Кузнецкаго округа смотритель училищъ былъ несравненно полезнѣе, чѣмъ всѣ училища, потому что онъ былъ спеціалистъ въ дѣлѣ пчеловодства, читалъ объ этомъ все, что могъ достать, устроивалъ ульи по новымъ правиламъ, и, какъ человѣкъ весьма оборотливый и практическій, не примѣнялъ ничего, что бы не принесло дѣйствительной выгоды.

Я скажу нѣсколько словъ, чтобы освѣтить еще съ одной точки зрѣнія предметы, о которыхъ я говорилъ. Сибирскіе мировые посредники замѣчаютъ, что самые акуратные плательщики податей — это старообрядцы. Причина этому та, что подати между ними не порождаютъ міроѣдства. Религіозный фа-

натизмъ заставляетъ богатыхъ старообрядцевъ помогать бѣднымъ, не пользуясь этимъ для притѣсненій; они боятся, чтобы подобныя притѣсненія не побуждали къ перемѣнѣ вѣры; или лучше сказать, религіозный фанатизмъ — это такое сильное чувство, которое заставляетъ забывать о матеріальныхъ выгодахъ. Богатый старообрядецъ думаетъ только о томъ, какъ бы удержать въ своей церкви своихъ единовѣрцевъ, а на дѣлѣ изъ этого выходитъ, что онъ чрезъ то богатѣетъ быстрѣе міроѣда, а рядовые въ его согласіи пользуются благосостояніемъ. Этотъ фактъ не опровергаетъ, а подтверждаетъ вышеприведенныя заключенія; онъ показываетъ, что стоитъ только дать человѣку оправиться, и онъ самъ собою расширитъ свою производительность, и будетъ пользоваться благосостояніемъ. Отъ православнаго богатаго селянина нельзя ожидать, чтобы онъ также помогалъ бѣднымъ, какъ старообрядецъ, потому что онъ не имѣетъ къ тому тѣхъ же побудительныхъ причинъ; а потому бѣдный этотъ долженъ быть поставленъ въ такое положеніе, при которомъ онъ можетъ достигнуть благосостоянія и безъ помощи богатаго. Впрочемъ, благосостояніе старообрядцевъ вовсе не такъ велико, чтобы оно могло быть названо удовлетворительнымъ состояніемъ рабочаго человѣка; они также питаются почти исключительно ржанымъ хлѣбомъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ употребляютъ мясо.

Чтобы охарактеризовать вліяніе современной интеллигенціи на эти личности, я разскажу пятнадцать лѣтъ изъ жизни одного глухаго города. Передъ вами безконечные, грозные лѣса, величественная чернь. — Вотъ вы сходите между молчаливыми, мрачными деревьями по крутому склону, извилистымъ русломъ высохшаго ручья, кругомъ тихо, мрачно, темно, и вдругъ передъ вами очутилась горная рѣчка, бойкая, шумная, прозрачная какъ хрусталь, кругомъ и свѣтъ, и жизнь, и весело запѣла природа голосами пташекъ и насѣкомыхъ. Вотъ вы идете по безлѣсному, голому хребту горъ — передъ вами вдали волнистая чернь, и все мрачнѣе и грандіознѣе поднимаются волны, а на самомъ горизонтѣ забѣгаютъ подъ облака длинной цѣпью бѣлоснѣжныхъ горъ. Внезапно направо и налѣво летятъ подъ вами зеленые спуски овраговъ, летятъ испещренные мелкой елью и березой, летятъ быстро, глубоко, — вы стоите на округленномъ перешейкѣ, и едва глазами можете различить отрадное дно далекихъ долинъ. Вотъ опять, среди темнаго лѣса вы спускаетесь по тропинкѣ въ мрачный оврагъ, чѣмъ дальше вы идете, тѣмъ таинственнѣе и чернѣе становится кругомъ, вы спускаетесь и поднимаетесь — гдѣ вы, надъ вами нѣтъ даже неба, а густыя, черныя сомкнувшіяся вѣтви? Кто грозный обитатель этого вертепа, — ну если изъ-за чернаго ствола протянется мощная лапа медвѣдя, и въ одно мгновеніе обнажитъ когтями вашъ черепъ? Вы едва можете видѣть надъ собою даже вѣтви, васъ покрываетъ съ головой могучаго роста трава, подъ ногою во мракѣ зыблется земля — нѣтъ прохода. Но вотъ свѣтъ — еще нѣсколько шаговъ и передъ вами бѣжитъ открытый, извилистый край кремнистаго яра, свѣтло, широко взлетѣло кругомъ безконечное небо. Подъ ногами яръ восхитилъ и пугнулъ своимъ отвѣсомъ, и внизу разлилась широкая, свѣтлая рѣка между зелеными островами. Это край Сибири, гдѣ

часто на тысячеверстныхъ пространствахъ нѣтъ дороги, а одни тропы. Среди такой глуши стоитъ небольшой заброшенный городъ; мы смотримъ на него свысока, и онъ намъ кажется весьма ничтожнымъ, и это конечно намъ дѣлаетъ честь, особенно если вспомнить, что это единственный источникъ цивилизаціи для населенія почти въ сто тысячъ человѣкъ. Глухо и темно было въ нашемъ городкѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ — объ интеллектуальной жизни не было и помину. Исправникъ обиралъ инородцевъ, горный управитель—ввѣренныхъ ему крестьянъ, городничій сѣдѣлъ въ своемъ правленіи. Все это жило очень просто, въ домахъ, иногда вовсе не отличавшихся по наружности отъ крестьянскихъ, ѣздило въ крестьянскихъ саняхъ, воскресенье появлялось на базарѣ въ нагольномъ тулупѣ и валяныхъ сапогахъ, а затѣмъ пило и пило... Пріѣхалъ туда молодой докторъ изъ медицинской академіи, черезъ два года онъ пилъ горькую съ начальникомъ инвалидной команды. Тамъ оставалось затѣмъ два представителя духовной жизни — смотритель училища и одинъ купецъ; смотритель былъ человѣкъ способный, остроумный и даже ученый; среди этой тяжелой, безнадежной атмосферы онъ также наконецъ запилъ, загубилъ свои силы и умеръ въ отставкѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ тамъ повѣяло свѣжимъ воздухомъ. Старое почти все замѣнилось: управитель остался за штатомъ, исправникъ выпущенъ въ отставку. Явились новые люди, свѣжія силы. И что же? Попрежнему тамъ оказалось три, четыре человѣка изъ университета, попрежнему играли въ карты и пили, и вся разница заключалась въ томъ, что стали играть въ болѣе высокую игру. Попрежнему тамъ было два представителя интеллигенціи, одинъ уѣздный учитель и судья; правда, что они еще не успѣли начать пить горькую. Но вотъ до глухаго города долетѣлъ съ запада гулъ какого-то небывалаго умственнаго движенія, до него стала доходить интересная и неслыханная прежде литература. Всѣ встрепенулись, заговорили объ образованіи, о необходимости развитія. Уѣздный учитель, горячій юноша, недавно окончившій курсъ въ мѣстной гимназіи, сталъ мечтать о воскресной школѣ, о заведеніи библіотеки. Дѣло пошло на ладъ. Библіотека устроилась довольно сносно. и хотя газеты и журналы получались часто болѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца, однакоже они расходились и читались. Кругомъ учителя образовался даже маленькій кружокъ молодыхъ людей, которые хотѣли вести болѣе достойную человѣка жизнь, наполнять ее болѣе возвышенными впечатлѣніями. Юноша читалъ неутомимо и вырабатывалъ изъ себя энциклопедиста. Въ своей глуши имъ трудно было, однакоже, уяснить себѣ, въ чемъ должна была заключаться эта ихъ новая жизнь, къ какимъ она должна была вести ихъ цѣлямъ, какими наполняться интересами. Они съ жадностью ожидали новыхъ людей, которые должны были привести въ дѣйствіе вновь созданныя учрежденія, — вотъ они-то и дадутъ имъ направленіе. Настали и тѣ дни, когда явились ожидаемые гости. Въ городкѣ жилъ акцизный чиновникъ, мировой посредникъ, бывали мировые съѣзды, пріѣзжали мировые посредники и изъ другихъ мѣстностей для установленія однообразнаго образа дѣйствія. Старыя силы обновились еще свѣжей кровью. На мѣсто спившихся военнаго доктора и начальника инвалидной команды явились молодой докторъ изъ меди-

цинской академіи и юноша, офицеръ изъ стрѣлковой школы — оба выпуска шестидесятыхъ годовъ. На мѣсто прежней интеллигенціи города, взрощенной въ его средѣ, которой не довѣряли и которая сама себѣ не довѣряла, явилась новая, вліятельная, способная произвести на умы общества значительное впечатлѣніе; она была близка къ центрамъ новаго направленія, она была посвящена въ его тайну. Съ самаго начала она ознаменовала себя эффектными и шумными поступками, которые заставляли говорить о себѣ безъ конца. Еще никто не видалъ акцизнаго чиновника, только успѣли узнать о его прибытіи и уже разнесся слухъ о томъ, что онъ наложилъ штрафъ на кабакъ, который городничій держалъ подъ чужимъ именемъ. Мировой посредникъ разомъ смирилъ и городничаго и исправника, и показалъ имъ свою власть; мало этого, въ земскомъ судѣ и въ городническомъ управленіи получены были бумаги отъ генералъ-губернатора, которыя заставили ихъ покорно преклонить свою голову передъ новымъ свѣтиломъ. Скоро весь городъ началъ говорить о высокой игрѣ, которую ведетъ акцизный чиновникъ. Онъ проигрывалъ иногда двѣсти рублей въ одинъ вечеръ — общество разводило руками отъ удивленія. Лучшая квартира въ единственномъ каменномъ домѣ города переходила отъ акцизнаго къ мировому изъ рукъ въ руки. Они составили высшій кружокъ. Сестра акцизнаго и жена мироваго только и посѣщали другъ друга. Квартира мироваго была убрана съ роскошью, о которой до этого не имѣли никакого понятія; прекрасныя выѣздныя лошади, невиданнаго изящества экипажи назидательно бросались въ глаза жителямъ. «Я здѣсь живу, какъ губернаторша, — писала жена мироваго пріятельницѣ въ губернскій городъ, — всѣ здѣсь мнѣ поклоняются, а я рѣдко кого посѣщаю.» Важный счетъ визитами, чванство и азіатская пышность — вотъ что сдѣлалось знаменемъ новаго времени. Чиновники устыдились прежнихъ своихъ нравовъ, розвальней, нагольныхъ тулуповъ и валяныхъ сапоговъ. Купцы, которые имѣли больше средствъ, не упускали случая показать себя. Самые изворотливые изъ чиновниковъ находили возможность проживать до полуторы тысячи въ годъ и проигрывать, подобно акцизному, сотни рублей въ вечеръ. Уѣздный учитель и судья имѣли плохаго союзника въ новомъ медикѣ, который вяло готовился къ экзамену на степень доктора. Въ это время въ городъ начали набираться политическіе сосланные изъ Польши и западнаго края, они принесли съ собою невиданное въ этой глуши искусство и неизвѣстныя до того ремесла. Всѣ кинулись заказывать себѣ сбрую, мебель, экипажи, даже картины и изящныя вещи. Стали устраивать праздники съ небывалою до того роскошью, выписывали музыку. Явился домашній театръ, устроилось что-то въ родѣ клуба или гостинницы. Жители были въ восторгѣ— наша глушь цивилизуется, повторяли они. Новая жизнь выразилась вполнѣ. Прежде это общество глохло и только, оно потопляло свои потребности въ винѣ, убивало свое время за картами; теперь оно дѣйствовало подъ вліяніемъ жгучей страсти, которая доводила его до болѣзненныхъ ощущеній. Чванство, властолюбіе, желаніе возвыситься роскошью, страсть къ удовольствіямъ мучили и заѣдали его. Юноша, уѣздный учитель, остался одинъ съ своими стремленіями мысли и дѣла, никто объ немъ болѣе не думалъ, онъ былъ послѣдняя

спица въ колесницѣ. Онъ не хотѣлъ преклониться предъ проповѣдниками чванства и роскоши, онъ не признавалъ ихъ величія и глубоко оскорбилъ ихъ этимъ. Они его отвергли и уничтожили. Судья былъ чѣмъ-то вродѣ жертвы движенія. Честный, мыслящій, онъ не находилъ средствъ увеличивать роскошь въ своемъ домѣ, его семейство чувствовало себя униженнымъ ихъ бѣдною жизнью, оно не давало ему покою, оно заѣдало его вѣкъ. Какъ же относилось теперь это общество къ массѣ населенія, для которой оно было центромъ цивилизаціи? Оно относилось къ ней съ какимъ-то озлобленіемъ, оно не могло говорить объ ней равнодушно: народъ — это были негодяи, лѣнтяи, испорченные и дрянные люди. Крестьяне и мѣщане платили имъ тою же монетою. Они ихъ обзывали взяточниками и притѣснителями. Они громко обвиняли въ этихъ порокахъ и акцизнаго и мировыхъ посредниковъ. Они указывали на ихъ роскошную жизнь и приводили ее въ доказательство. Дѣйствительно одинъ изъ купцовъ города, котораго доходъ несомнѣнно въ два съ половиною раза превышалъ все то, что мировой посредникъ получалъ отъ казны, жилъ, однакоже, гораздо скромнѣе и щеголялъ одними только лошадьми. Конечно это не доказательство, но я вѣдь и не хочу бросать тѣни подозрѣнія на ихъ честность. Тутъ дѣло не въ этомъ, а въ томъ впечатлѣніи, которое они произвели на народъ, въ томъ настроеніи, которое они породили среди образованнаго сословія — вѣдь это сословіе вѣрило подозрѣніямъ народа, и составляло себѣ понятіе о чувствахъ и стремленіяхъ цивилизованнаго человѣка, которое было далеко отъ истины.

Представьте себѣ, читатель, дѣйствіе такихъ страстей и такого направленія, когда они распространяются между образованнымъ обществомъ, стоящимъ во главѣ безграмотнаго народа. Тутъ не помогутъ никакія реформы, никакіе благодѣтельные законы. Вы освободили крестьянъ, вы уменьшили ихъ оброки, вы надѣлили ихъ землею. Обѣднѣвшіе помѣщики кидаются искать прибыльныхъ мѣстъ и хòромъ вмѣстѣ съ чиновниками кричатъ о недостаточности содержанія; если ихъ не удовлетворятъ, они путемъ злоупотребленій власти и притѣсненій докажутъ, что лучше уже дать имъ законное удовлетвореніе. Что̀ народъ выигралъ, освободившись отъ оброковъ, то у него опять отберутъ въ видѣ податей и еще вдвое болѣе. Капиталисты не замедлятъ, состязаясь съ ними, налечь тяжелымъ пластомъ на рабочій народъ. Вся масса образованнаго сословія будетъ бояться, какъ огня, распространенія въ народѣ образованія, благосостоянія и человѣческихъ чувствъ. Если крестьянину жаль будетъ смотрѣть на своихъ дѣтей, гибнущихъ отъ грубой пищи и холода, если онъ будетъ образованъ и будетъ понимать, что именно это—причина ихъ смертности, если онъ постигнетъ, какая степень средствъ и удобствъ необходима ему для того, чтобы поддерживать свои силы и силы своего семейства, уступитъ ли онъ имъ столько, сколько имъ необходимо для насыщенія своей страсти къ блеску и роскоши. Если вдумываться въ эти ученія о стяжательствѣ, роскоши и властолюбіи, какъ о стимулахъ человѣческаго труда, то иногда покажется, что европейская наука въ этомъ дѣлѣ обнаружила опытность двухлѣтняго ребенка. Какъ можно было поставить на пьедесталъ такіе дву-

смысленные ничтожные двигатели и отвергнуть или вовсе игнорировать такое прекрасное и изящное свойство человѣческой души, какъ склонность жить міровой жизнью. Еслибы эти же самые люди, которые пріѣхали въ глухой городъ, чтобы расплодить тамъ зловредныя страсти и изсушающія корень жизни наклонности, еслибы они явились туда полные стремленія жить міровою жизнью; еслибы вмѣсто того, чтобы большую часть своего времени скучать, какъ это они дѣлали, для того, чтобы поражать эффектомъ своего чванства и своей роскоши, еслибы, вмѣсто всего этого, они наполняли и научили другихъ наполнять свою жизнь вѣчно новыми впечатлѣніями живой науки, еслибы они подавали примѣръ самой скромной, незатѣйливой жизни, а деньги употребляли на возбужденіе жизни и полезной дѣятельности среди массы того населенія, для котораго они служили центромъ просвѣщенія: тогда бы они воспитали совсѣмъ иныя чувства въ той средѣ, гдѣ на нихъ смотрѣли какъ на пророковъ, нетолько на эту среду, на всю массу населенія они произвели бы впечатлѣніе величественное и глубокое. Они сдѣлались бы залогомъ силы и будущности для края и на постороннаго наблюдателя произвели бы прекрасное, а не жалкое и грязноватое впечатлѣніе.

ГЛАВА IV.

Положеніе работника на сѣверѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1866 года въ губернскомъ городѣ N стали появляться какіе-то люди жалкаго и оборваннаго вида. У нихъ были узаконенные годовые паспорты; по словамъ ихъ, они переселенцы изъ Каргопольскаго и Пудожскаго уѣздовъ Олонецкой губерніи. Несмотря на то, что виды ихъ были вполнѣ законные, полиція, однакоже, задерживала ихъ; по причинѣ крайней ихъ нищеты имъ выдавали общее арестантское содержаніе, и затѣмъ возвращали ихъ въ Каргополь и Пудожъ. Людей этихъ прибывало все болѣе; всѣ части города были ими наполнены и, несмотря на то, что ихъ постоянно высылали обратно, они все прибывали, такъ что въ частяхъ ихъ безсмѣнно находилось почти до ста человѣкъ. Въ городъ N попадалъ, однакоже, только авангардъ движенія; потому что, какъ скоро они узнали, что здѣсь ихъ задерживаютъ и отсылаютъ обратно, они перестали въѣзжать въ городъ и съ дороги возвращались домой. Въ Олонецкую губернію возвращались они крайне неохотно; они объявляли, что готовы остаться навсегда въ губерніи, гдѣ были задержаны, отправиться въ Сибирь, въ восточную Россію, на Кавказъ, куда угодно, но только не въ Олонецкую губернію. Когда ихъ спрашивали, куда они переселяются, они не умѣли дать никакого положительнаго отвѣта или отвѣчали неопредѣленно—въ Самарскую губернію. Они изъявляли готовность переселиться и въ губернію Ставропольскую: какой-то доброжелатель этой губерніи далъ имъ объ ней очень выгодное понятіе, но не научилъ ихъ выговаривать правильно ея имя.

Что же это за странные переселенцы, которые бѣгутъ отъ своей родины, куда глаза глядятъ, которые пускаются на авось въ мѣста незнакомыя имъ

даже по имени, не зная, что ихъ ждетъ въ неизвѣстномъ далекомъ—блаженство или голодная смерть, и на этотъ смѣлый шагъ рѣшаются съ беременными женами и малыми дѣтьми? Напрасно мы стали бы обвинять этихъ людей въ безпокойномъ характерѣ. Напротивъ, они отличались необыкновеннымъ спокойствіемъ и смиреніемъ. Несмотря на крайнее отвращеніе, съ которымъ они возвращались на родину, они отправлялись въ Каргополь и Пудожъ безъ всякаго сопротивленія, и только изъявляли надежду, что имъ когда-нибудь дозволятъ переселиться. Это смиреніе, эта благоразумная покорность въ минуту такого рѣшительнаго поступка явно показывали, что поступокъ этотъ не былъ плодомъ взволнованнаго воображенія, не былъ однимъ изъ тѣхъ увлеченій, которымъ случается доводить русскаго крестьянина до тюрьмы и до бѣды. Стоило нѣсколько минутъ поговорить съ этими бѣдняками, чтобы убѣдиться, что поступокъ ихъ не былъ произведеніемъ минутнаго эффекта, а былъ порожденіемъ причины постоянной, сильно дѣйствующей, одной изъ тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ людей рѣшаться на вещи необыкновенныя въ совершенно холодномъ настроеніи духа. Это придавало всему дѣлу торжественный характеръ. Вниманіе привлекалось къ нему еще сильнѣе нѣкоторыми побочными обстоятельствами и соображеніями. Подъ вліяніемъ идей, занесенныхъ къ намъ европейской цивилизаціей, правительство въ послѣднее время старалось, по возможности, не стѣснять въ Россіи свободное передвиженіе рабочаго населенія съ цѣлью найти себѣ хлѣбъ и обезпеченіе; въ Сибири даже бродягъ не забирали, если они не воровали и не безпокоили населеніе, и оставляли ихъ совершенно въ покоѣ, если они находили себѣ пріютъ и честный кусокъ хлѣба. Въ Россіи администрація смотрѣла сквозь пальцы на такъ-называемыя на офиціальномъ языкѣ самовольныя переселенія. Этотъ взглядъ теперь, повидимому, значительно измѣнился, и произошелъ поворотъ въ противоположномъ направленіи. Причину поворота отыскиваютъ въ опасеніи, чтобы изъ сѣвернаго края населеніе не двинулось массами и не поставило администрацію въ затруднительное положеніе. Если всмотрѣться ближе въ дѣло, то такое опасеніе едвали будетъ невѣроятно. Несмотря на рѣдкое населеніе сѣвернаго края, многіе просятъ о переселеніи, тысячи получаютъ разрѣшеніе, и все-таки эти просящіе и получающіе разрѣшеніе составляютъ громадное меньшинство сравнительно съ желающими оставить неблагодарную родину. Въ иныхъ мѣстностяхъ большинство волостей тяготится многочисленностью своихъ членовъ и было бы счастливо, еслибы оно избавилось отъ половины. Тяготѣніе міра надъ тѣми, кого хотятъ вытолкнуть, и стремленіе этихъ послѣднихъ выйти безпрерывно дѣлаются столь сильными, что они не въ силахъ дождаться офиціальныхъ разрѣшеній, не начинаютъ даже офиціальной переписки, а прямо идутъ, куда глаза глядятъ. Подобные переселенцы неоднократно уже были задержаны и возвращались на старое мѣсто; губерніи Архангельская, Олонецкая и Вологодская одинаково участвовали въ этихъ переселеніяхъ. Рядомъ съ задержанными, по слухамъ, множество успѣло обмануть бдительность начальства и пробраться въ другія мѣста. Задержанные въ городѣ N каргопольцы и пудожцы увѣряли, что изъ одной ихъ мѣстности пятьсотъ человѣкъ успѣли

уйти и не возвращались; многіе пустились въ путь и воротились, когда узнали, что ихъ задерживаютъ; еще больше людей собрались переселяться и остановились на мѣстѣ.

Подойдемъ ближе къ этому явленію, и я надѣюсь, что мы не потеряемъ даромъ наше время. Мы убѣдимся, что не тамъ слишкомъ густое населеніе, гдѣ считается восемь и четырнадцать тысячъ человѣкъ на одну квадратную милю, а тамъ, гдѣ населеніе не можетъ обезпечивать себя и свое потомство. Въ пустынѣ одинъ человѣкъ будетъ слишкомъ густое населеніе, потому что онъ долженъ погибнуть съ голоду. Какъ скоро въ странѣ насчитывается пятьдесятъ или триста человѣкъ на квадратную милю, такъ людямъ науки непремѣнно хочется усмотрѣть всѣ недостатки нашего экономическаго положенія въ рѣдкомъ населеніи. Но рѣдкость населенія, при другихъ благопріятныхъ условіяхъ, еще не Богъ знаетъ какая бѣда. Въ Америкѣ населеніе рѣдко, но это не мѣшаетъ экономическому процвѣтанію страны.

Что же касается нашего Сѣвера, то невыгоды сельскаго хозяйства обусловливаются тутъ многими обстоятельствами. Несмотря на огромныя пространства земли, въ сѣверной полосѣ удобныхъ почвъ для пашни очень мало; въ Архангельской губерніи пахотныхъ земель относительно населенія почти въ шестнадцать разъ меньше, чѣмъ въ Войскѣ Донскомъ. Земли эти безъ удобренія ничего не даютъ, но даже при самомъ лучшемъ удобреніи урожай можетъ погибать отъ зимнихъ морозовъ. Для удобренія нужно значительное скотоводство, а луговъ также мало, какъ пашенъ, зима продолжительна и холодна, для содержанія одной скотины нужно несравненно больше сѣна, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи; отъ суроваго климата скотъ мелокъ и даетъ плохое удобреніе. Однимъ словомъ, тамъ, гдѣ населеніе должно жить земледѣліемъ, ему приходится плохо. Оно лучше обезпечено только тамъ, гдѣ оно имѣетъ болѣе или менѣе обильный заработокъ отъ промысловъ. Самое счастливое населеніе Сѣвера это то, которое живетъ или по берегамъ моря или по берегамъ большихъ сплавныхъ рѣкъ. Чтобы яснѣе изобразить бытъ сѣвернаго населенія у береговъ большихъ рѣкъ и моря, я воспользуюсь вновь вышедшимъ отчетомъ комиссіи по изслѣдованію печорскаго края. Первая и самая характеристическая черта работника этихъ мѣстностей заключается въ томъ, что онъ, по существу условій своей жизни, пролетарій, — пролетарій при рѣдкомъ населеніи, при дорогомъ хлѣбѣ, при невыгодныхъ условіяхъ для промышленнаго развитія. Общинное владѣніе, распространенное на воды и минеральныя богатства, еще удерживаетъ его нѣсколько отъ окончательнаго разоренія, но оно оказывается далеко недѣйствительнымъ средствомъ для прочнаго благосостоянія края. Принципу общиннаго владѣнія можно подвергать только рѣчныя, а не морскія воды; выгода отъ нихъ такъ незначительна, что душевой надѣлъ стоитъ отъ 20 до 80 коп. Весь рыбный промыселъ находится въ рукахъ немногихъ рыбаковъ капиталистовъ, которые получаютъ съ него до двухсотъ тысячъ рублей, а общиннымъ владѣльцамъ уплачиваютъ не болѣе двухъ тысячъ. Ловятъ они съ помощью наемныхъ рабочихъ, которымъ платятъ за все время лова иногда два рубля серебромъ и никакъ не

болѣе тринадцати рублей. Морской рыбный промыселъ также въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, онъ подвергается большимъ опасностямъ, и на Новой Землѣ оказался дотого гибельнымъ, что теперь невозможно найти для него охотниковъ; несмотря на то, цѣлое семейство, за цѣлый годъ работы, получаетъ иногда только десять рублей серебромъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ тамъ распредѣлены продукты сельскаго хозяйства, я скажу нѣсколько словъ о скотоводствѣ. Скота тамъ очень мало, и главное богатство заключается въ оленяхъ; однакоже, изъ двухсотъ пятидесяти тысячъ оленей только двѣнадцать тысячъ принадлежатъ мелкимъ владѣльцамъ, а все остальное мѣстнымъ капиталистамъ, которые имѣютъ иногда до девяти тысячъ оленей. На двадцать пять тысячъ населенія печорскаго края всего двѣсти пятьдесятъ мелкихъ владѣльцевъ оленей, т. е. на сто жителей одно рабочее семейство владѣетъ оленями. Эти двѣсти пятьдесятъ счастливцевъ получаютъ каждый не болѣе сорока пяти рублей въ годъ дохода отъ своего скотоводства, между тѣмъ какъ вся цѣнность продуктовъ, получаемыхъ отъ оленей, болѣе двухсотъ пятнадцати тысячъ рублей серебромъ. Работники, которые не нуждаются въ помощи капиталистовъ для своего производства, находятся въ положеніи нисколько не лучшемъ. Вѣрнаго заработка на Сѣверѣ нѣтъ; самыя постоянныя занятія, земледѣліе и звѣриный промыселъ, даютъ обезпеченіе самое невѣрное. О земледѣліи нечего и говорить; всякій знаетъ, какъ невѣрны на крайнемъ Сѣверѣ его результаты, а чтобы дать понятіе о случайностяхъ, которымъ подвергается охотникъ, я скажу, что въ печорскомъ краю куропатокъ въ одинъ годъ вылавливается до двухъ милліоновъ штукъ, а въ другой — менѣе осьмидесяти тысячъ. Такое положеніе и необходимость уплачивать срочные подати и сборы отдаютъ и тѣ части населенія, которыя могли бы пользоваться нѣкоторою самостоятельностью, въ руки пріѣзжихъ купцовъ. По изслѣдованіямъ коммиссіи, чердынскіе купцы берутъ 150% на свой капиталъ въ торговлѣ съ печорцами. Коммиссія нашла, что печорцы находятся въ полной зависимости отъ монополіи чердынцевъ. «Барыши чердынцевъ, говоритъ коммиссія, слишкомъ велики, и печорцы правы, когда говорятъ, что чердынцы объѣли ихъ совершенно и теперь выѣдаютъ мозгъ изъ костей.» Про мѣстную торговлю коммиссія выражается, что это скорѣе грабежъ, чѣмъ торговля; чрезъ нее самоѣды лишились большинства своихъ стадъ. «Кто превзошелъ въ искусствѣ обманывать, говоритъ коммиссія, пустозерцы или ижемцы — рѣшить трудно; какъ тѣ, такъ и другіе дѣйствуютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.» Въ сѣверномъ краѣ всякое коммерческое предпріятіе само собою вырождается въ монополію; встрѣчаешь ее и тамъ, гдѣ, повидимому, всего менѣе можно было бы ожидать ее. Въ Сибири, по большому тракту изъ Иркутска въ Ирбитъ и на нижегородскую ярмарку провозится такая масса товаровъ, что о монополіи не могло быть рѣчи; конкуренція имѣла самые обширные размѣры и крестьяне, не возвышавшіеся по своему благосостоянію надъ общимъ уровнемъ рабочаго класса, принимали въ ней участіе наравнѣ съ значительными капиталистами. Когда въ послѣднее время товары изъ Томска въ Тюмень стали перевозиться пароходами по Оби и Иртышу и имъ при-

шлось пробѣгать тысячи верстъ по безпріютнымъ мѣстамъ того Сѣвера, который я здѣсь описываю, пароходство въ самомъ скоромъ времени обратилось въ монополію. Заготовленіе дровъ и всего нужнаго для пароходовъ было сопряжено съ такими затрудненіями, что удовлетворительный результатъ могъ быть достигнутъ только общими ихъ усиліями. Это заставило ихъ соединиться и въ тоже время дѣлало невозможною конкуренцію отдѣльнаго капиталиста— пароходство сдѣлалось монополіею въ полномъ смыслѣ слова. Работники на пароходахъ набирались изъ селеній, расположенныхъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ тайги, они были въ полной власти своихъ хозяевъ, они получали болѣе низкую заработную плату и должны были, кромѣ того, брать вещи вмѣсто денегъ.

На основаніи закона, принужденіе работника получать заработную плату не деньгами, а товаромъ, хлѣбомъ и другими предметами нетолько воспрещается, но за это назначено наказаніе; между тѣмъ, какъ въ Сибири, такъ и въ Россіи работники принуждаются вмѣсто заработной платы брать отъ хозяина все, что имъ нужно, натурою. Эта система относительно работника есть чистый и иногда весьма гибельный для него обманъ. Работникъ обыкновенно соглашается на такую низкую плату, что заработкомъ своимъ онъ не можетъ обезпечить жизни своего семейства; если, кромѣ того, онъ потерпитъ неожиданный убытокъ, получивъ уплату, вмѣсто денегъ, товарами, то онъ останется въ долгу, и на содержаніе своего семейства не получитъ ни одной копѣйки. Изъ этого происходятъ работники, которые семействъ своихъ вовсе не содержатъ. Каковы должны быть чувства работника, который при скудной своей платѣ долженъ переплачивать за товаръ пятьдесятъ процентовъ въ то время, какъ ему стоило сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы купить его за настоящую цѣну. Въ особенности его положеніе дѣлается тягостнымъ въ тѣхъ работахъ, которыя продолжаются только часть года и именно лѣтнее время. Во всѣхъ подобныхъ работахъ, какъ то на золотыхъ промыслахъ, на пароходахъ, заработная плата выше обыкновенной, точно также въ ремеслахъ плотника, печника и т. д. Въ то время, какъ обыкновенная заработная плата простирается отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ, въ подобныхъ работахъ она восходитъ до десяти рублей и болѣе. Это совершенно необходимо, потому что работникъ упустилъ всѣ полевыя работы и долженъ обезпечить себя отъ голода и нужды въ теченіе зимы, но вотъ онъ вдругъ получаетъ, вмѣсто денегъ, вещи натурою по возвышеннымъ цѣнамъ; всѣ разсчеты его уничтожаются такимъ образомъ, и дѣло обыкновенно кончается тѣмъ, что ему зимою нечего ѣсть. Какія тягостныя положенія имѣютъ мѣсто при этомъ случаѣ, всего яснѣе обнаруживается на сибирскихъ пароходахъ. На баржахъ и пароходахъ, которые служатъ средствомъ водянаго сообщенія между разными пунктами Сибири, служатъ, какъ сказано выше, люди, которые берутся обыкновенно изъ самыхъ безлюдныхъ и пустынныхъ мѣстностей, гдѣ пароходы эти пробѣгаютъ. Въ этихъ мѣстахъ нѣтъ хлѣбопашества, и только мѣстами встрѣчается ограниченное скотоводство. Цѣны на хлѣбъ всегда высокія, и иногда между покупателями хлѣба встрѣчается такая отчаянная конкуренція, которая истощаетъ

кошельки самыхъ запасливыхъ. Средства къ пріобрѣтенію крайне незначительны и невѣрны, поэтому не мудрено, что они сбиваютъ цѣны на работу и предпочитаются судохозяевами другимъ работникамъ. Изъ числа работниковъ на пароходахъ и баржахъ только лоцманы получали достаточное содержаніе, отъ шестидесяти до ста двадцати рублей за лѣто, заработная плата другихъ рабочихъ ниже даже той, которую получаютъ годовые работники. Въ Томскѣ годовой работникъ, который работаетъ работу, не требующую знанія и искусства, получаетъ отъ пяти до шести рублей въ мѣсяцъ на хозяйскомъ содержаніи, такова заработная плата кучеровъ, дворниковъ, караульщиковъ и пр. Искусный кучеръ, надежный караульщикъ получаетъ десять рублей въ мѣсяцъ. На пароходѣ обыкновенный работникъ получаетъ тридцать пять рублей въ лѣто, кочегаръ сорокъ пять рублей — они работаютъ шесть съ половиною мѣсяцевъ, значитъ кочегарамъ приходится получать въ мѣсяцъ по семи рублей, а обыкновенному работнику по пяти рублей съ четвертью — первый получаетъ три рубли меньше возвышенной, а второй семьдесятъ пять копѣекъ меньше обыкновенной заработной платы; кромѣ того, они получаютъ всѣ предметы своего потребленія не деньгами, а натурою и переплачиваютъ по пятидесяти копѣекъ на рубль. Послѣ этого, въ какомъ положеніи можетъ очутиться подобный работникъ съ семействомъ зимою? Какъ жить въ мѣстѣ, гдѣ хлѣбъ вдвое дороже, чѣмъ въ Томскѣ, получая вознагражденіе за трудъ вдвое меньше и изъ этого вознагражденія теряя тридцать процентовъ при пріобрѣтеніи предметовъ потребленія; онъ всегда остается у своего хозяина въ долгу и весьма легко можетъ умереть съ голоду. По разсчету врачей, для того, чтобы не умереть съ голоду или не погибнуть отъ дурной пищи въ такомъ суровомъ климатѣ, взрослому мужчинѣ необходимо употреблять въ день не меньше шести фунтовъ питательной пищи; эта пища для содержанія его одного будетъ стоить работнику въ зиму двадцать рублей серебромъ. При возвышенныхъ цѣнахъ, по которымъ онъ получаетъ одежду, она будетъ ему стоить также двадцать: а семейство, а подати? Таково положеніе работника — каково же положеніе капиталиста. Пароходъ съ баржами вмѣстѣ, средней величины, стоитъ тридцать тысячъ, содержаніе его въ годъ стоитъ двадцать тысячъ. Пароходъ дѣлаетъ въ двадцать дней рейсъ и можетъ въ теченіе навигаціи сдѣлать семь рейсовъ, каждый рейсъ приноситъ валоваго дохода, по крайней мѣрѣ, двадцать тысячъ рублей серебромъ, слѣдовательно въ теченіе всей навигаціи восемьдесятъ четыре тысячи, чистый доходъ отъ парохода будетъ шестьдесятъ четыре тысячи, и дѣйствительно онъ былъ такъ великъ, владѣльцы пароходовъ быстро обогащались. Вслѣдствіе всего этого, капиталисты на крайнемъ Сѣверѣ пріобрѣтаютъ особенный складъ ума и особенныя воззрѣнія на промышленность. Они постоянно стремятся къ монополіи и въ одной монополіи видятъ для себя спасеніе. Имъ всѣмъ присущи воззрѣнія бывшей россійско-американской компаніи, которая, наконецъ, пришла къ тому убѣжденію, что для спасенія остатковъ измореннныхъ ею инородцевъ и для спасенія ея собственной репутаціи необходимо отказаться отъ американскихъ владѣній. И она отказалась. Капиталисты Сѣвера не разъ пытались

идти по слѣдамъ этой компаніи, и еще недавно предлагали отдать имъ въ монопольное владѣніе туруханскій край для поднятія будто-бы его благосостоянія. Если имъ не удается забрать цѣлый край, то они довольствуются и частичкой. Стоитъ, напр., въ отчетѣ комиссіи по изслѣдованію печорскаго края прочесть о контрактѣ, заключенномъ съ Латкинымъ, которому отдано въ арендное содержаніе добываніе точилъ и брусьевъ изъ брусяной горы близъ деревни Усть-Щугора, чтобы видѣть, какихъ ловкихъ монополистовъ вырабатываетъ нашъ сѣверный край. По контракту, онъ платитъ рабочимъ припасами и обязанъ заготовлять ихъ по возможно-дешевымъ цѣнамъ, брать не болѣе 10% на затраченный капиталъ и по требованію представлять свидѣтельство о цѣнѣ, по которой заготовка сдѣлана. Нѣтъ сомнѣнія, что Латкину не трудно будетъ добыть отъ продавцовъ свидѣтельство, что за хлѣбъ имъ заплачено втрое дороже противъ настоящей цѣны. Это очень благовидное условіе даетъ ему возможность нетолько платить вещами, вмѣсто денегъ, выставляя высокія цѣны, но еще уменьшать заработную плату на десять процентовъ. Въ контрактѣ нѣжная заботливость о рабочихъ доведена дотого, что приняты мѣры, чтобы они не объѣлись, и во избѣжаніе несоразмѣрнаго потребленія рабочими хлѣба постановлено, что рабочій не можетъ требовать болѣе 3 пудовъ хлѣба въ мѣсяцъ. Утверждаютъ, что работа у Латкина выгодна для крестьянъ, хотя заработки и не велики. Какимъ образомъ малые заработки могутъ быть выгодны—не понимаю, но думаю, что для крестьянъ было бы еще выгоднѣе, еслибы Латкина не было.

Всѣ произведенія печорскаго края, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ комиссіею, можно оцѣнить въ 650,000 руб. сереб. Еслибы всѣ эти деньги были распредѣлены по ровну между жителями печорскаго края, и въ такомъ случаѣ ихъ едвали достало бы на покупку въ достаточномъ количествѣ ржанаго хлѣба †), не въ голодный, а просто въ нѣсколько дорогой годъ; не достало бы $^1/_{10}$ части—удовлетворить всѣмъ другимъ потребностямъ, пріобрѣсти орудія труда было бы рѣшительно не на что. Между тѣмъ, мы видѣли, каково распредѣленіе этихъ богатствъ, и уже поэтому одному можно судить, въ какомъ положеніи должно находиться населеніе. Коммиссія нашла, что три четверти жителей края находятся въ крайней бѣдности. Девять десятыхъ хлѣба, потребляемаго въ печорскомъ краю, привозятся съ юга, и потому тамъ вѣрнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно опредѣлить потребленіе мѣстныхъ жителей. По разсчету приходится сорокъ пудовъ на семейство, состоящее изъ четырехъ человѣкъ. Между тѣмъ, какъ видно и изъ контракта Латкина и изъ запасовъ, которые берутся звѣроловами, отправляющимися на промыселъ, одному взрослому работнику нужно въ годъ хлѣба тридцать шесть пудовъ: можно

†) На 25,220 жителей, если считать по два фунта въ день на человѣка, нужно всего хлѣба 460,265 пудовъ. Если хлѣбъ стоитъ 1 руб. 50 коп. за пудъ, что не рѣдкость въ печорскомъ краѣ, то цѣнность означеннаго количества будетъ 730,397 руб. 50 коп.

себѣ представить послѣ этого, какъ и чѣмъ питается его семейство. Это въ обыкновенный годъ; что же бываетъ въ голодный? Въ печорскомъ краю приходится едва двадцать пять человѣкъ на квадратную милю, между тѣмъ коммиссія замѣчаетъ, что количество пахотной земли уже далеко не соотвѣтствуетъ сильно возросшему въ настоящее время населенію. Дѣйствительно, на Сѣверѣ пахотныя земли даютъ плохіе урожаи и при хорошемъ удобреніи, да и такъ мало ихъ, что при первомъ увеличеніи населенія въ нихъ является недостатокъ. Девять десятыхъ населенія—это пролетаріи, которымъ очень плохо живется подъ опекой капиталистовъ; при такомъ положеніи совершенно непонятны заботы коммиссіи объ увеличеніи населенія.

Ничто не показываетъ болѣе нашу народную безтактность, какъ эти заботы о заселеніи Сѣвера, какъ эти крики о вымышленныхъ его богатствахъ. Кричатъ о необыкновенномъ богатствѣ въ Архангельскѣ звѣря и рыбы, о томъ, что въ этой губерніи почва черноземная. Толкуютъ о возможности громаднаго развитія промысловъ, о разведеніи картофеля, совѣтуютъ даже приглашать иностранныхъ колонистовъ, напр. ирландцевъ. Еслибы Сѣверъ былъ такъ плодоносенъ, то вѣроятно англичане не упустили бы воспользоваться своими сѣверными владѣніями: отчего же эти владѣнія у нихъ также пустынны, какъ и наши. Они имѣютъ больше такту, чѣмъ мы, они не суются на сѣверъ, а отыскиваютъ плодоносныя страны въ южномъ и умѣренномъ поясѣ, съ плодоносной почвой, съ доступными для мореплаванія берегами. Положеніе сѣверной Норвегіи несравненно благопріятнѣе нашихъ сѣверныхъ губерній. Тамъ также есть черноземъ, который въ Архангельской губерніи составляетъ, впрочемъ, только самую малую часть ея пространства по берегамъ рѣкъ. Въ Норвегіи вдоль береговъ течетъ теплое теченіе и умѣряетъ климатъ, а отъ холодныхъ вѣтровъ защищаютъ ее горы. Рыболовство представляетъ несравненно болѣе удобствъ, чѣмъ у насъ. Въ политическомъ отношеніи положеніе страны одно изъ самыхъ выгодныхъ въ свѣтѣ. Однакоже и тутъ положеніе населенія не завидное, и крайняя рѣдкость населенія не заманиваетъ переселенцевъ. Что касается до развитія архангельскихъ промысловъ, то промышленники и теперь не находятъ у себя достаточной работы, и при первой возможности уходятъ въ Норвегію, гдѣ промыслы гораздо обильнѣе, а морскіе торговые пункты, по удобству своего положенія, дотого превосходятъ архангельскіе, что Россіи приписывались честолюбивые планы на нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ для того, чтобы хотя сколько-нибудь облегчить торговлю нашего сѣвернаго края и создать пристанище для нашихъ судовъ. Архангельцы жалуются на норвежцевъ за то, что они будто-бы вылавливаютъ у нихъ всю рыбу, и наши оптимисты произносятъ филиппики, указывая на норвежцевъ и увѣряя, что еслибы архангельцы умѣли съ ними конкурировать, то они были бы богачами. А норвежцы жалуются на архангельцевъ, увѣряя, что они нетолько выловили все море, но не довольствуясь своимъ краемъ лѣзутъ къ нимъ и поселяются на ихъ берегахъ. Слушая эти взаимныя жалобы, приходишь къ одному заключенію, что и тѣмъ и другимъ живется плохо, но архангельцамъ еще вдвое плоше норвежцевъ. Относительно переселенцевъ изъ

Ирландіи, избави насъ Богъ отъ привилегированной колонизаціи. Къ счастью она для насъ не опасна, ирландцы къ намъ не пойдутъ. Если имъ захочется переселяться на сѣверъ, то они найдутъ несравненно болѣе привѣтливыя мѣста въ англійской Америкѣ, гдѣ они будутъ въ средѣ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, и имъ нѣтъ никакого разсчета пускаться въ нашу дикую для нихъ, безплодную пустыню. Чѣмъ фантазировать, лучше бы намъ подумать о томъ, какъ помочь краю дѣйствительными мѣрами.

Если читатель думаетъ, что я провелъ передъ его глазами печальныя картины жизни рабочаго въ сѣверной Россіи, то онъ жестоко ошибается. Я говорилъ до сихъ поръ о самыхъ отрадныхъ сторонахъ этой жизни, о болѣе печальныхъ буду говорить теперь. Если ѣхать по большой дорогѣ изъ Перми въ Ирбитъ и въ Тюмень, то никакъ нельзя ожидать встрѣтить на дорогѣ что-нибудь кромѣ благосостоянія и даже богатства. Только-что оставишь за собою Пермь, экипажъ начинаетъ прыгать черезъ камни, и колеса шуршатъ о горныя породы, замѣчаешь, что приближаешься къ горамъ. Горы дѣлаются все выше, спуски круче и продолжительнѣе, и наконецъ являются живописныя мѣстности. Ѣдешь въ какомъ-то раздумьѣ версту за верстой, передъ глазами развертываются и исчезаютъ картины природы, и не скучаешь ни одной минуты. Въ глубокой долинѣ по холмамъ ныряетъ большая дорога, безчисленное множество разъ исчезая и снова появляясь. Какой далекій видъ, думаешь про себя, насчитавъ цѣлый рядъ новыхъ появленій, и съ живымъ участіемъ отыскиваешь ее еще и еще разъ. Наконецъ, она взвивается на высокую гору, она утратила свою величественность и кажется узкой полосой. «Однакоже я довольно высоко», думаешь невольно. Припоминаешь изображенія подобныхъ же мѣстностей изъ области батальной живописи, и представляешь себѣ, какой бы видъ получили эти желтыя полоски дороги, еслибы по нимъ двигались пушки и или солдаты. Мѣняются мысли и чувства, и не замѣтишь, какъ проѣдешь десятка два верстъ. Вотъ другая картина, сквозь листья и вѣтви березъ виднѣется, какъ въ туманѣ, непосредственно за дорогой глубокая долина, она такъ глубоко лежитъ внизу и въ такомъ отдаленіи, что кажется, будто смотришь на нее сквозь уменьшительное стекло; за нею волнуются и поднимаются до горизонта лѣсистыя горы; вотъ съ двухъ сторонъ горы летятъ другъ на друга съ грозными лѣсистыми вершинами, какъ гиганты, ополчившіеся на брань, вотъ сошлись, вотъ впились — но нѣтъ, это все обманъ, самая большая гора неподвижно крѣпко уперлась на мѣстѣ, а цѣлый рядъ малыхъ пролетѣлъ насквозь, и очутился на другой сторонѣ. Хмурятся и нависаютъ облака все тяжелѣе и тяжелѣе, вотъ они упадутъ и задавятъ горы и лѣса; горы и лѣса дѣйствительно будто смутились, они стараются скрыться подъ какимъ-то полупрозрачнымъ сѣрымъ покровомъ; — что это за покровъ такой? Или это не покровъ, а невидимая сила, которая обращаетъ ихъ въ одну массу прежде, чѣмъ это сдѣлали облака. Промелькнуло еще нѣсколько десятковъ верстъ, кругомъ все горы, и безконечный лѣсъ расползается и живописно, и дико, но отчего же нѣтъ полей и пашни? я останавливаюсь передъ нѣсколькими крестьянами, чтобы спросить ихъ объ этомъ. Ихъ видъ жалкій, одѣты они

въ лохмотья, въ рукахъ у нихъ что-то среднее между косою и серпомъ. «Куда намъ пахать,—отвѣчаютъ мнѣ,—мы на самомъ высокомъ мѣстѣ живемъ, здѣсь ничего не родится, мы бѣдны, очень бѣдны» — «этимъ мы косимъ», сказали они, указывая на странныя орудія, которыя были у нихъ въ рукахъ. Меня поразила эта отсталость, на такомъ бойкомъ мѣстѣ, чрезъ которое каждый годъ провозится желѣзнаго товару и косъ болѣе, чѣмъ на шестьсотъ тысячъ. Оказывается, однакоже, что это была не отсталость. Несмотря на крайне рѣдкое населеніе, хорошихъ луговъ на Сѣверѣ такъ мало, что приходится безпрерывно выкашивать мѣстности, заросшія кустарникомъ и разной дрянью. На такомъ сѣнокосѣ обыкновенная коса изломалась бы въ два дня. «Мы живемъ кое-чѣмъ,—сказали мнѣ,—кто на промысла наймется, кто работу себѣ отыскиваетъ, а нѣтъ работы, въ гробъ ложись.» Представьте себѣ черезъ полгода суровый январскій морозъ, я ѣду изъ Перми въ Казань, въ тепломъ пальто, въ полушубкѣ и шубѣ, подъ мѣховымъ одѣяломъ, я только-что не мерзну, на козлахъ сидитъ ямщикъ лѣтъ сорока пяти, въ истертомъ и продыравленномъ въ десяти мѣстахъ полушубкѣ, такъ что почти половина его тѣла не прикрыта. Я его спрашиваю, отчего онъ такъ плохо одѣтъ. «Мы очень бѣдны,—отвѣтилъ онъ.—Земли у насъ нѣтъ, земля неплодородная, скотъ мелкій, негодный.» Дѣйствительно, глядя на жалкую обстановку этихъ несчастныхъ людей, я почувствовалъ, что я нахожусь на безплодномъ Сѣверѣ. Меня поражали мелкій ростъ и жалкій видъ этого скота, штука рогатаго скота даетъ часто не болѣе четырехъ пудовъ мяса и растетъ весьма медленно. Оптимистамъ нашимъ, описывающимъ нашу сѣверную природу, мѣстности эти кажутся еще благоденствующими и процвѣтающими. Въ Тотьмѣ, Вологодской губерніи, гдѣ по описанію Шелгунова почти половина жителей нищіе и даже умираютъ отъ голоду, по мнѣнію оптимистовъ еще рай; въ Усть-Сысольскѣ мѣстные жители разсказываютъ, что отъ множества входящихъ и выходящихъ нищихъ кухню нельзя натопить, потому что двери постоянно отворяются и затворяются, но оптимисты и тамъ еще находятъ благоденствіе. О климатѣ Нарыма «Томскія губернскія вѣдомости» выразились, что онъ умѣренный, что тамъ въ году только 72 дня имѣютъ болѣе 35 градусовъ морозу. Но есть явленія въ нашей сѣверной жизни, которыя сламываютъ упрямство даже самаго упорнаго оптимизма. Положеніе зырянъ, остяковъ, жителей Туруханска, карелы Архангельской губерніи — даже самые упорные оптимисты находятъ жалкимъ. Конечно оптимисты и въ виду такихъ ужасныхъ явленій остаются неисправимыми, одинъ изъ нихъ напр. совѣтуетъ прекратить раздачу хлѣба въ Туруханскѣ, тогда де нужда заставитъ жителей усердно заняться ловлей звѣря и рыбы, и они будутъ богаты. Это напоминаетъ мнѣ одного любящаго папеньку, который ѣлъ пирожное, и своему семилѣтнему голодному сыну давалъ наставленіе, чтобы онъ пріобрѣталъ столько же, сколько и его отецъ, и тогда онъ будетъ ѣсть пирожное: слава тебѣ, великое филантропическое правило самодѣятельности! Какъ уже сказано было выше, есть оптимисты дотого упрямые, что они и на нашемъ сѣверѣ умѣютъ найти источникъ неисчерпаемыхъ богатствъ. Ихъ фальшивыя изображенія удаются

имъ тѣмъ легче, что главный источникъ богатства, на который они напираютъ, это дикій звѣрь и рыба. Представить въ розовомъ свѣтѣ эти безотрадныя мѣста нѣтъ ничего легче. Говорится напр.: въ такой-то тундрѣ, такой-то встрѣтилъ огромное стадо оленей, при которомъ стадо въ 7000 штукъ казалось ничтожнымъ, — и прибавляется: вотъ какое здѣсь множество дикихъ оленей; притомъ не договаривается, что звѣролову, для того, чтобы жить безбѣдно, нужно постоянно имѣть обильный ловъ, и если, можетъ быть, въ теченіе столѣтія, въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, одинъ звѣроловъ встрѣтитъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ квадратныхъ миль большое стадо дикихъ оленей, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что милліонное населеніе полосы тундры и сплошныхъ лѣсовъ можетъ быть безбѣдное. Подобное заключеніе также вѣрно, какъ слѣдующая фраза: «Въ Петербургскомъ уѣздѣ приходится 17,152 человѣка на одну квадратную милю; рядомъ съ Петербургской губерніею, Олонецкая — вы можете себѣ представить, какъ густо населеніе въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи.» Если читатель соблазнится и представитъ себѣ, что тамъ населеніе густо, онъ сильно ошибется, тамъ всего 32 человѣка на кв. м. Гдѣ есть хотя самыя жалкія средства для существованія, туда заберется и человѣкъ, но филантропическое правило самодѣятельности тутъ не спасетъ его ни отъ эксплуатаціи, ни отъ голодной смерти: это все равно, что сидя съ сигарою на берегу проповѣдывать мораль утопающему человѣку.

Въ сѣверной Россіи, въ сѣверной и средней Сибири живутъ племена, занимающіяся звѣриной и рыбной ловлей; зыряне въ Вологодской губерніи, остяки въ западной Сибири, тунгусы въ восточной, такъ-называемые татары въ южныхъ частяхъ Томской губерніи. Племена эти чувствуютъ превосходство русскаго, чувствуютъ къ нему особенное уваженіе, и стараются съ нимъ сблизиться. Несмотря на разноплеменность, черты ихъ характера и жизни имѣютъ большое сходство, онѣ выработались однородностію занятій и средствъ существованія. Лѣтомъ на широкомъ почти безпредѣльномъ разливѣ рѣкъ, зимою среди непроходимыхъ лѣсовъ собираются ловцы; тутъ идетъ нетолько борьба за существованіе, тутъ жизнь впечатлѣній и любви. Онъ изучаетъ и лѣсъ, и воду, и рыбу, и звѣря, ему нужно напрягать всѣ свои способности, чтобы понять подводныя хитрости леща и одолѣть смѣлость щуки, еще болѣе ума ему нужно въ борьбѣ съ лукавой и отчаянной россомахой и съ умнымъ и ловкимъ медвѣдемъ. Послѣ приключеній охоты ловцы собираются вмѣстѣ, снимается мокрое платье и начинается наслажденіе отдыха, тутъ проявляется самая сильная сторона человѣческой натуры — любовь къ наслажденіямъ, доставляемымъ обществомъ. Чѣмъ больше общаго между людьми, тѣмъ болѣе они чувствуютъ удовольствія въ обществѣ. Эти люди нравственно такъ другъ на друга похожи, что болѣе похожими и быть нельзя, ихъ взглядъ на вещи, ихъ потребности, ихъ характеръ совершенно одинаковы. Они съ одинаковымъ наслажденіемъ коптятся въ тепломъ дыму, одинаково любятъ разсуждать о хитростяхъ при ловлѣ рыбы и звѣря, похвастаться своимъ искусствомъ. Даже слабости у нихъ однѣ и тѣ же, они одинаково робки. Общество товарищей го-

товитъ охотнику одни наслажденія, онъ въ немъ не видитъ для себя ни униженія, ни тяжелыхъ и непріятныхъ впечатлѣній. Дикарю этому скучно дома, съ своей женой и съ своимъ семействомъ, тутъ нѣтъ ни впечатлѣній природы, ни наслажденій общества и отдыха. Самое свойство занятій охотника развиваетъ общительность, между всѣми охотниками мѣстности должны быть связь и раздѣленіе труда, поэтому они выходятъ и возвращаются въ одно время, но жизнь эта имѣетъ и другую сторону: нѣтъ занятія, которое было бы сопряжено съ такимъ рискомъ, какъ занятіе охотника, сегодня изобиліе и богатство, завтра совершенная бѣдность. Вотъ почему нѣтъ занятія, въ которомъ бы эксплуатація принимала большіе размѣры, чѣмъ при занятіи охотника. Богатые дотого забираютъ въ руки бѣдныхъ, что имъ не выбраться изъ кабалы и при самыхъ счастливыхъ уловахъ; ни одинъ ростовщикъ не беретъ такихъ крупныхъ процентовъ какъ ловецъ. Жизнь охотника бѣдная, нужды онъ терпитъ много; хотя коммунистическія наклонности и составляютъ правило въ охотничьемъ населеніи, они вяжутся со стяжательствомъ ростовщиковъ точно также, какъ это было въ Спартѣ и въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ обществахъ. Тяжкая бѣдность заставляетъ этихъ дикарей завидовать жизни русскаго земледѣльца, и возбуждаетъ въ нихъ наклонность къ сближенію и къ подражанію. Остякъ покидаетъ свою одежду изъ звѣриныхъ шкуръ и одѣвается по-русски, татаринъ нетолько носитъ русское платье, онъ строитъ въ тайгѣ деревни, къ которымъ ведутъ однѣ только тропинки, потому что у него нѣтъ телегъ. Онъ доводитъ свое сближеніе дотого, что вступаетъ съ русскими въ родство. Между татарками много красавицъ, а татаринъ-эксплуататоръ наживаетъ иногда такія деньги, что можетъ водить свою жену въ шелковыхъ платьяхъ. Поэтому русскій сближается съ нимъ; но татаринъ напрасно надѣялся найти счастье въ этомъ союзѣ, среди своей новой родни онъ встрѣчаетъ насмѣшки, презрѣніе и самыя безстыдныя попытки къ эксплуатаціи; тоже ожидаетъ инородца вездѣ, гдѣ онъ подойдетъ ближе къ русскому: о, еслибы не бѣдность, онъ ненавидѣлъ бы этихъ гордыхъ людей и никогда бы не подошелъ къ нимъ. Предпріимчивый зырянинъ жилъ бѣдной, жалкой жизнью у себя на родинѣ, нужда кинула его въ среду русскаго общества, онъ гдѣ-нибудь въ Томскѣ на готовомъ хлѣбѣ получаетъ шесть рублей въ мѣсяцъ; спросите его, гдѣ лучше, въ Томскѣ или въ Вологодской губерніи, — о, конечно въ Вологодской губерніи; только тамъ хлѣбъ дорогъ, еслибы не нужда, онъ бы никогда оттуда не ушелъ; въ самомъ дѣлѣ, можно ли сравнить наслажденія, которыя даютъ вещи, съ тѣми, которыя приносятся впечатлѣніями природы и любовью людей.

Эта потребность въ обществѣ, которое бы намъ симпатизировало, одна изъ самыхъ глубокихъ потребностей человѣческой природы, хотя на нее и обращается очень мало вниманія; эта потребность, какъ и всѣ великія страсти, способна дѣлать людей счастливыми, но чаще весьма несчастными. Какъ велики страданія нашихъ несчастныхъ звѣролововъ, скрывается отъ насъ непроницаемой чернью тайги; это извѣстно лишь сѣрымъ сѣвернымъ тучамъ, да бурному вѣтру съ Ледовитаго моря, который кладетъ пластомъ цѣлые лѣса.

До насъ доходитъ только то, что недоимки на нихъ накопляются и населеніе между ними уменьшается. Всѣми гонимый и презираемый ловецъ не въ силахъ оторвать сердца отъ своей печальной родины. Вотъ явились разысканныя партіи на Енисеѣ, по тайгѣ проложена дорога, возникаетъ промыселъ за промысломъ, косятъ сѣно, рубятъ лѣсъ, тайга оживилась, и шумная ея жизнь распугала звѣря, который можетъ жить только въ безпредѣльной тишинѣ дѣвственныхъ лѣсовъ; въ другомъ мѣстѣ явилось русское селеніе, начались величественные палы, въ весеннюю ночь на много верстъ кругомъ, какъ будто огромныя арміи раскинули свои бивуаки, огни идутъ то прямыми линіями, вродѣ улицъ, то кругами и зигзагами и отражаются въ озерахъ и рѣкахъ; звѣрь бѣжитъ отъ этой картины опустошенія, тотъ, который имѣлъ безстрашіе остаться, убивается селяниномъ, за звѣремъ слѣдомъ идетъ и ловецъ, онъ доходитъ до ужасающихъ воображеніе предѣловъ негостепріимнаго Сѣвера, гдѣ зимою не восходитъ солнце, а лѣтомъ вѣтеръ леденитъ одежду. Въ этихъ печальныхъ пустыняхъ, гдѣ малѣйшій недостатокъ тяжко отзывается на жизни и здоровьи человѣка, онъ служитъ обществу службу, за которую никто не возьмется, онъ снабжаетъ его мѣхами и рыбой; но какова же его награда? Чѣмъ тяжелѣе дѣлается его жизнь, тѣмъ болѣе онъ подвергается эксплуатаціи и притѣсненіямъ. Чѣмъ труднѣе ему достается звѣрь, тѣмъ труднѣе ему платить слѣдующіе съ него поборы и тѣмъ болѣе онъ оставляется на произволъ его домашнимъ міроѣдамъ. «Я ихъ, т. е. міроѣдовъ, не могу разсердить, — говоритъ земскій чиновникъ, — начнутъ они скрываться отъ подати, гдѣ я ихъ буду искать въ тайгѣ.» Хлѣбъ они получаютъ всегда на невыгодныхъ условіяхъ; хлѣбъ дорогъ уже вслѣдствіе невыгоднаго оборота, который дѣлается казною; купленный хлѣбъ продается нерѣдко опять купцамъ по низкимъ цѣнамъ, инородцы берутъ его въ долгъ, и, конечно, одолженіе дѣлается имъ не безъ жертвъ съ ихъ стороны. Неоднократно дѣлались попытки снабдить сѣверныхъ ловцовъ выгоднымъ хлѣбомъ, не даровымъ, но безобиднымъ; выгоды, которыя отъ того проистекли, не достались инородцамъ, онѣ потекли въ другіе, болѣе могущественные карманы. Была попытка снабдить дешевымъ хлѣбомъ сѣверный край по Оби и Иртышу, пароходы перевозили его даромъ и онъ обошелся по цѣнамъ, существовавшимъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ купленъ. Весь этотъ хлѣбъ куда-то дѣвался въ Тобольскѣ, нетолько инородцы, но даже бѣдные крестьяне печальныхъ сѣверныхъ мѣстностей не могли до него добраться; они горько жаловались на это. При сбытѣ своего товара, положеніе ловцовъ еще тягостнѣе, монополисты нетолько сами пользуются огромными барышами, нетолько даютъ при этомъ наживаться своимъ приказчикамъ, но они поддерживаютъ еще и мѣстное міроѣдство, потому что оно имъ выгодно, и сами дѣйствуютъ въ томъ же духѣ. Ловцы сами чуть живы, ихъ эксплуатируютъ всѣми средствами, а еще кромѣ того они должны платить поборы, что и заставляетъ чиновниковъ поддерживать и монополистовъ и міроѣдовъ. Чиновникъ, который возымѣлъ бы благое намѣреніе вступить въ борьбу съ этой силой, не прожилъ бы и года на своемъ мѣстѣ, онъ былъ бы смѣненъ за недоимки. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что это населеніе ловцовъ мало по малу будетъ исче-

зать и наконецъ совершенно исчезнетъ; но что же будетъ послѣ? Въ Америкѣ исчезаютъ индѣйцы, но индѣйцы живутъ на плодоносныхъ мѣстахъ, гдѣ на мѣсто каждаго дикаря является десятокъ богатыхъ и цивилизованныхъ людей. Наши же дикари живутъ въ мѣстахъ самыхъ негостепріимныхъ, въ климатѣ суровомъ, неспособномъ ни къ какой искусственной производительности, съ которымъ нужно свыкнуться и сдѣлаться такимъ же человѣкомъ, какова тамъ природа, человѣкомъ сносливымъ и мало требующимъ. Какъ скоро русскій приближается къ этимъ безплоднымъ пустынямъ, онъ начинаетъ чувствовать горькую нужду. Онъ привыкъ переносить и тяжелую жизнь и дурную пищу, но переносить гнетъ такой жизни онъ рѣшительно не въ состояніи. Земледѣлецъ по преимуществу, онъ привыкъ жить земледѣліемъ, но чѣмъ далѣе онъ подвигается на сѣверъ, тѣмъ труднѣе ему соблюдать эту привычку, хлѣбъ родится плохо, урожаи невѣрны и недостаточны, скотъ мелкій, ростетъ медленно; наконецъ и вовсе ничего не родится. Крестьянинъ сначала питается сквернымъ, неудобоваримымъ хлѣбомъ, затѣмъ онъ и этого не можетъ, онъ питается хлѣбомъ съ различными вредными примѣсями, напр. съ корой, со мхомъ. Я не слыхалъ, чтобы русскіе гдѣ-нибудь терпѣливо выносили такую необходимость — для этого надо быть карелой или вотякомъ. Отъ подобной пищи у дѣтей животъ разростается, они дѣлаются вялы, малокровны, — начинается настоящее вырожденіе расы, является на свѣтъ маленькій, безжизненный человѣкъ, вовсе уже не похожій на русскаго, тонкія ноги и руки, большой животъ, тупоуміе и безжизненность не оставляютъ его и тогда, когда онъ достигаетъ довольства, это — племя уродовъ, порожденное нуждою вродѣ швейцарскихъ кретиновъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ уже безжизненный старикъ, безъ всякой надежды на развитіе или съ одной надеждой развиться въ урода. Это какая-то тряпка, это кусокъ киселя, принявшій человѣческую форму. — Далѣе онъ селится и тамъ, гдѣ возможно одно скотоводство, и наконецъ, гдѣ ничего уже невозможно, въ странѣ цынги и смертоносныхъ болѣзней. Нельзя безъ ужаса вспомнить объ этихъ мѣстахъ, гдѣ умираютъ съ голоду люди десятками и сотнями, а тѣ, у которыхъ осталось что ѣсть, гибнутъ отъ болѣзни, гдѣ слышенъ одинъ крикъ отчаянія «мы бѣдны, очень бѣдны». — Неужели намъ нужно забираться въ этотъ ужасный Сѣверъ, когда передъ нами лежатъ плодоносныя поля на югъ и на востокъ. Однакоже и этотъ Сѣверъ дастъ многимъ изъ насъ благосостояніе, если мы не погубимъ эксплуатаціею, а дадимъ сохраниться и даже увеличиться акклиматизированному населенію мѣстныхъ ловцовъ. Англичане умѣютъ же поступать такимъ образомъ въ сѣверныхъ областяхъ своихъ американскихъ владѣній, они настолько же прославились безчеловѣчнымъ истребленіемъ племенъ, на мѣстѣ которыхъ имъ выгодно было стать самимъ, насколько умѣньемъ сохранять въ сѣверныхъ инородцахъ выгодныхъ для себя производителей. Почему же мы являемся безтолковыми истребителями сѣверныхъ охотниковъ и звѣролововъ. Рѣдкое русское населеніе, служащее средоточіемъ и посредникомъ торговли мѣхами, рыбой, кедровыми орѣхами и пр., можетъ пользоваться благосостояніемъ въ этихъ суровыхъ мѣстахъ; я видѣлъ на самомъ безплодномъ сѣверѣ, гдѣ кругомъ

селеній нѣтъ ни пашенъ, ни дорогъ, крестьянъ, которые жили такимъ образомъ въ довольствѣ. Эта жизнь, тягостная и невозможная для насъ, полна ощущеній и привлекательна для инородца, она вполнѣ удовлетворяетъ его умственнымъ и физическимъ потребностямъ; его безчисленныя наблюденія надъ звѣремъ и рыбой могли бы составить цѣлую науку. Противъ всѣхъ хитростей, употребляемыхъ звѣремъ для того, чтобы ускользнуть отъ его рукъ, онъ изобрѣтаетъ новыя хитрости, его механическіе снаряды для ловли могутъ дать столько рисунковъ, сколько найдется въ иной механикѣ, описывающей наши машины. По почти отвѣснымъ скатамъ, по оврагамъ, насыпаннымъ трехсаженнымъ снѣгомъ, слѣдитъ онъ за крупнымъ и мелкимъ звѣремъ и птицей, замѣчаетъ, гдѣ они живутъ, какія имѣютъ обыкновенія, и умѣетъ ихъ добыть съ такими малыми издержками, что конкурировать съ нимъ невозможно. Его жизнь столько же полна дѣятельностью, сколько полна впечатлѣніями; ограждаясь отъ хитростей и звѣрства россомахи, онъ въ тоже время строитъ безчисленные капканы, разставляетъ, обходитъ ихъ и охотится съ винтовкой. Среди густой тайги сильный олень, сохатый, выбралъ себѣ самое уединенное мѣсто, среди непроходимой чащи высокихъ деревьевъ; онъ нашелъ полянку, онъ обходитъ ее каждый день какъ сторожъ, но ловецъ найдетъ его и здѣсь, пудовъ двадцать пять мяса и теплая шкура будутъ ему наградой. Онъ найдетъ самый уединенный уголъ медвѣдя, котораго считаютъ въ зоологіи самымъ уединяющимся животнымъ. На безчисленныхъ разливахъ и широкихъ водахъ Печоры и сѣверныхъ частей Оби и Енисея онъ разсчетливо и искусно ловитъ множество породъ нѣжныхъ и вкусныхъ рыбъ, онъ ихъ ловитъ тамъ, гдѣ всякій пріѣзжій русскій будетъ непремѣнно жертвою цынги или смерти; онъ доходитъ до самыхъ предѣловъ Ледовитаго океана съ его вѣчно бѣгущей шугой, со стадами льдинъ, вѣчно переносящихся отъ сѣвера къ югу и отъ юга къ сѣверу. Неужели такой человѣкъ не полезенъ, неужели его не стоитъ пожалѣть, неужели намъ нужно заселять этотъ Сѣверъ своими, которые гибнутъ тамъ отъ нужды и страданій, и могутъ быть несравненно полезнѣе въ мѣстахъ благопріятныхъ для земледѣлія или богатыхъ металлами и минералами. Но какъ оградить инородцевъ, какъ спасти имъ жизнь и обезпечить ихъ благосостояніе. Мы имѣемъ только два средства: одно — это казна, которая не въ состояніи обезпечить себя отъ обмановъ и тайнаго неповиновенія, и конкуренція капиталистовъ, которая неизбѣжно поведетъ къ жестокой эксплуатаціи; купцы наши придумали еще лучшія средства для спасенія звѣролововъ: это монополія или отдача въ откупное содержаніе лѣсовъ и даже цѣлаго края, какъ отдаются воды — нечего сказать, заманчивое для звѣролововъ улучшеніе ихъ положенія! Не придумано средствъ, да при настоящемъ порядкѣ и невозможно ихъ придумать. Снова мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое доказываетъ, что намъ нечего ждать ни счастья, ни улучшенія нашего положенія, пока мы не возбудимъ среди себя общественную жизнь. Намъ нельзя долѣе жить такъ, намъ нельзя безучастно смотрѣть, какъ капиталисты и чиновники безотчетно распоряжаются нашимъ трудомъ и нашею жизнью; нашъ земледѣлецъ погибаетъ отъ нужды на плодоносныхъ и безпредѣльныхъ поляхъ, которыя могли

бы сдѣлать его счастливѣйшимъ изъ труженниковъ, нашъ заводскій и промысловый работникъ не имѣетъ средствъ, чтобы кормиться вдоволь даже и чернымъ хлѣбомъ, народъ покупаетъ всѣ его произведенія по неизмѣримо дорогимъ цѣнамъ, въ то время, какъ работникъ могъ бы жить въ довольствѣ, еслибы даже народъ покупалъ его произведенія значительно дешевле; благодѣтельныя нововведенія въ промышленности приносятъ народу мало пользы, а работнику доставляютъ много горя, въ то время какъ при хорошемъ соціальномъ устройствѣ работникъ долженъ только выигрывать отъ нововведеній. Вотъ и еще одинъ труженикъ, который погибаетъ отъ нелѣпѣйшей апатіи, которую мы внесли въ нашу общественную жизнь и наши общественныя отношенія. Звѣроловъ примѣнился какъ нельзя лучше къ природнымъ условіямъ своей жизни, онъ развилъ въ себѣ нравственныя и физическія качества, необходимыя для того, чтобы сдѣлать свой трудъ самымъ производительнымъ и дешевымъ. Жизнь ловца звѣря и рыбы такова, что онъ надолго долженъ оставлять свое жилище, — пробѣгая сотни верстъ по безпредѣльнымъ лѣсамъ и трущобамъ, онъ долженъ отыскивать уединенныя мѣста, гдѣ звѣрь и птица полагаютъ себя достаточно огражденными отъ всякаго преслѣдователя глубокими трущобами и оврагами и непроходимой чащей деревьевъ. Оставляя свое жилище, онъ долженъ быть спокоенъ, что его имущество останется неприкосновеннымъ, въ лѣсахъ онъ долженъ безопасно оставлять провіантъ, который бы помѣшалъ ему погибнуть отъ голоду, если звѣрь завлечетъ его слишкомъ далеко; между охотниками должно быть единодушіе: если одинъ будетъ пользоваться затруднительнымъ положеніемъ другаго для своихъ корыстныхъ цѣлей, то охотникъ безпрерывно будетъ попадать въ такія положенія, при которыхъ онъ труды цѣлой зимы долженъ будетъ отдать за кусокъ пищи. Всѣ эти качества звѣроловы успѣли развить въ себѣ: зырянину стоило у двери сдѣлать условный знакъ, показывающій, что его дома нѣтъ, и онъ могъ быть увѣренъ, что никто къ нему не взойдетъ, и все оставлено будетъ на своемъ мѣстѣ; припасы свои онъ оставлялъ безъ всякаго присмотра въ лѣсу, убѣжденный, что никто до нихъ не коснется; попадалъ онъ случайно отъ недостатка своихъ припасовъ въ безвыходное положеніе, онъ могъ взять изъ припасовъ каждаго, и платилъ убитымъ звѣремъ по собственной своей оцѣнкѣ. Это были самыя выгодныя условія для дешеваго и успѣшнаго производства. Если звѣролову нужно содержать сторожа дома, сторожей при припасахъ, платить чудовищный ростъ въ минуту нужды, то мѣха обойдутся въ пять разъ дороже. Именно въ противоположномъ направленіи дѣйствовало на него сближеніе съ нами, оно поселило въ немъ духъ стяжательства и безмѣрнаго корыстолюбія, оно всѣми средствами развивало въ немъ міроѣдство и даже безчестность, міроѣды и кулаки стали пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы притѣснить звѣролова, оставлять безопасно незапертое жилище уже болѣе невозможно, припасы, найденные другимъ, подвергнутся расхищенію — дешевое производство уже невозможно. Кто это пустилъ въ міръ мысль, что корыстолюбіе и стяжательство полезныя качества для развитія промышленности? — Это величайшіе враги промышленности, это источникъ притѣсненія, который липаетъ

мужества трудолюбивыя руки, не даетъ людямъ соединиться для общаго дружнаго труда.

Весь сѣверный край нашъ такого рода, что съ нашей стороны столько же жестоко, сколько и не разсчетливо оставлять его на произволъ судьбы, предоставляя его однимъ своимъ силамъ. Край этотъ живо заставляетъ чувствовать потребность въ общественной связи между нами, въ той общественной связи, которая помогаетъ и ограждаетъ отдѣльное лицо, не оставляя его ни на произволъ непосильной борьбы съ природой, ни въ безотчетное распоряженіе чиновниковъ и капиталистовъ. Въ Архангельской губерніи напр., изъ числа всего населенія въ двѣсти восемьдесятъ четыре тысячи, только тридцать тысячъ могутъ находить себѣ занятіе независимое отъ земледѣлія, скотоводства и звѣроловства. Въ числѣ этихъ тридцати тысячъ я считалъ всѣхъ чиновниковъ, духовныхъ, купцовъ, приказчиковъ, ремесленниковъ, заводскихъ рабочихъ, не исключая всѣхъ занятыхъ древесными издѣліями. Остальныя двѣсти пятьдесятъ четыре тысячи живутъ на землѣ, около двухъ третей которой совершенно никуда негодны, около трети занято лѣсомъ почти ни къ чему негоднымъ, кромѣ звѣроловства. Только одна тысячная часть этой земли занята лугами и еще незначительнѣе количество пахотной земли. На каждаго жителя приходится не болѣе четверти десятины пахотной земли, между тѣмъ какъ напр. въ Воронежской губерніи приходится около двухъ десятинъ пахотной земли на жителя — въ странѣ плодородной въ шесть разъ болѣе, чѣмъ въ странѣ совершенно безплодной; во всей Россіи приходится полторы десятины на жителя, слѣдовательно въ Архангельской губерніи болѣе чѣмъ вчетверо менѣе средняго уровня. Если нѣтъ хлѣба, то можно питаться мясомъ, мяса (отъ рогатаго скота, овецъ и свиней) приходится въ Архангельской губерніи менѣе одной пятнадцатой фунта въ день на человѣка, а если исключить тѣхъ, которые ѣдятъ мясо каждый день (около двѣнадцати тысячъ человѣкъ), то на остальныхъ на двѣсти семьдесятъ шесть тысячъ придется меньше одной семидесятой фунта въ день на человѣка — этимъ трудно быть сытымъ.

Въ Астраханской губерніи, гдѣ пахотной земли относительно пространства въ одиннадцать разъ, а относительно населенія въ два съ половиною раза болѣе, чѣмъ въ Архангельской — приходится на каждаго жителя по шести съ третью штуки скота (лошадей, рогатаго скота, овецъ, козъ, свиней и верблюдовъ), въ Архангельской же губерніи приходится менѣе двухъ штукъ (лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней и оленей). Работникъ, который отправлялся прежде къ сѣверному полюсу на Шпицбергенъ, чтобы проводить тамъ зиму и лѣто, жить въ жалкомъ шалашѣ долгіе мѣсяцы, не имѣющіе дня, и наконецъ пухнуть и гибнуть отъ цынги, этотъ исхудалый и оборванный русскій работникъ иногда получалъ въ годъ не болѣе двѣнадцати рублей и былъ доволенъ, если получитъ тридцать; мы видѣли выше, что за ловъ на Новой Землѣ платятъ еще менѣе. Представьте себѣ человѣка на голыхъ скалахъ, въ совершеннѣйшей пустынѣ, гдѣ среди безконечнаго мрака ничего не видно и не слышно, кромѣ гула вѣтра, свистящаго между каменьями, и сѣверныхъ мятелей; этотъ человѣкъ, среди природы слишкомъ суровой для

организма человѣческаго, долженъ употреблять всю силу своей воли, чтобы не лишиться бодрости. Малѣйшая слабость, онъ дозволилъ себѣ предаться отдыху, онъ спалъ болѣе пяти часовъ—и немедленно затѣмъ послѣдуетъ цынга и смерть. Всю безконечную многодневную ночь онъ сидѣлъ и въ предупрежденіе сна завязывалъ и развязывалъ узлы на веревкахъ, какъ какой-нибудь монахъ, перебирающій четки. Ни одинъ аскетъ еще не подвергался такому великому испытанію, и этотъ мученикъ труда получалъ въ пять или въ десять разъ менѣе какого-нибудь лакея или кучера. Какъ несчастны должны быть эти люди на своей родинѣ, говоритъ одинъ иностранный писатель, если они за такія ничтожныя деньги рѣшаются на такія страданія. Выгоды отъ такого промысла такъ ничтожны, страданія съ нимъ сопряженныя такъ велики, что работникъ всячески старается найти другой источникъ для существованія, но къ несчастью онъ успѣваетъ отдѣлываться только отъ самыхъ тяжкихъ работъ и отъ самыхъ отдаленныхъ поѣздокъ. Несмотря на свое жалкое положеніе онъ все-таки еще дѣлается предметомъ зависти со стороны земледѣльца; земледѣлецъ утверждаетъ, что море доходнѣе и вѣрнѣе пашни; кто въ морѣ ходитъ, тотъ не знаетъ кручины, говорятъ въ Архангельскѣ. И дѣйствительно, жизнь земледѣльца — нескончаемая кручина. У него скота и навозу мало, а между тѣмъ онъ долженъ унаваживать нетолько пашни, но и луга свои; съ примѣрнымъ трудолюбіемъ онъ обноситъ свои луга изгородями, очищаетъ отъ миховъ, уравниваетъ и срѣзываетъ кочки — и за все это у него одна награда — голодъ. Въ Архангельскѣ еще можно находить выгодную работу, но затѣмъ на огромномъ пространствѣ сплошныхъ лѣсовъ народу рѣшительно невозможно питаться, цѣлыя мѣстности представляютъ сплошную массу нищихъ, значительная часть населенія ведетъ самую жалкую бродячую жизнь, ловцы рыбы и звѣря бродятъ и лѣтомъ и зимою, къ нимъ примыкаетъ многочисленное населеніе, которое стоитъ на серединѣ между нищимъ и промышленнымъ работникомъ. Цѣлый годъ эти несчастные люди переходятъ изъ мѣста въ мѣсто; попеременно то нищенствуя, то работая и попадая въ кабалу, они обходятъ огромное пространство, такъ что число сдѣланныхъ ими въ теченіе года верстъ приходится считать не сотнями, а тысячами. Употребляя нищенство въ видѣ подсобнаго промысла, они могутъ работать по баснословно-низкимъ цѣнамъ. Перебывавъ въ теченіе зимы на разныхъ работахъ, нѣкоторые изъ этихъ бродячихъ тружениковъ изъ-за тысячи верстъ являются напр. въ концѣ зимы въ Вологду, тутъ они за какихъ-нибудь тринадцать рублей серебромъ берутся исправить барки, нагрузить ихъ и довести до Архангельска. Такое вознагражденіе конечно не можетъ дать имъ никакого обезпеченія, и они тотчасъ снова принимаются за свое ремесло полу-нищаго и полу-работника. Это бродячее рабочее населеніе дѣлаетъ женщинъ и дѣтей жертвою горькой нужды. Нужно присмотрѣться къ жизни сѣвернаго человѣка, чтобы оцѣнить глубокій смыслъ вышеприведенныхъ вопіющихъ цифръ и данныхъ. Вотъ истинно драматическое положеніе: ни хлѣба, ни пищи, ни работы, климатъ убійственно суровый. Какой-нибудь англійскій или французскій пауперъ, о которомъ кричатъ на весь свѣтъ, что онъ умираетъ съ голоду, — баловень судьбы, кровъ

въ сравненіи съ этимъ безвѣстнымъ труженикомъ, страданія котораго никѣмъ не были повѣданы міру. Въ глуши своихъ лѣсовъ, подъ тяжкимъ гнетомъ природы и обстоятельствъ, онъ даже и не представляетъ себѣ, что можно менѣе терпѣть горя, что есть люди въ десять разъ болѣе счастливые, чѣмъ онъ, о которыхъ на весь міръ трезвонятъ, что они несчастнѣйшіе изъ смертныхъ. Бѣдствующее населеніе этихъ сѣверныхъ странъ громадно. Въ этихъ мѣстахъ число лицъ, болѣе бѣдныхъ, чѣмъ пауперы Англіи и Франціи, о которыхъ говорятъ, что они умираютъ съ голоду, слѣдуетъ предполагать до милліона двухсотъ пятидесяти тысячъ; — бѣдные Лондона и Парижа, въ сравненіи съ ними, капля въ морѣ; между бѣдностью этихъ двухъ категорій людей нѣтъ никакого сравненія: лондонскій нищій на платье иногда употребляетъ втрое болѣе, чѣмъ эти люди на все свое содержаніе. Еслибы ничтожной горсти англійскихъ и французскихъ бродягъ, которымъ случается проводить ночи подъ открытымъ небомъ, пришлось ночевать такъ, какъ ночуютъ милліоны разъ на Сѣверѣ, то они всѣ бы умерли въ теченіе недѣли. Страшно, когда подумаешь, какъ безконечны степени бѣдствій и страданій человѣческихъ. Англичане и французы воображаютъ, что ихъ пауперы достигли высшей ступени бѣдствія, и вотъ оказывается работникъ несравненно болѣе бѣдствующій, чѣмъ ихъ пауперъ — это работникъ русскій; они думаютъ, что ихъ нищіе умираютъ отъ голода, и вотъ оказывается нищій несравненно болѣе голодный — это нашъ сѣверный. На Сѣверѣ случается, что съ голодными нищими нѣтъ никакихъ средствъ справиться; въ одномъ маленькомъ городѣ исправникъ вздумалъ водворить порядокъ и обуздать эти голодные желудки, попытка была такъ неудачна, что они кинулись на его собственную квартиру, и увѣряютъ, будто пытались выгнать его изъ дома.

Не въ добрый день пустились мы искать счастье на Сѣверѣ, въ злополучную минуту пришла намъ мысль внести цивилизацію въ среду сѣверныхъ дикарей, мы ихъ не поняли, мы не поняли складъ ихъ жизни, выработавшійся такъ удачно, мы ихъ не цивилизовали, а развратили; мы сдѣлали изъ нихъ несчастными десятки тысячъ, а въ своей средѣ милліонамъ приготовили горькую судьбу; это великій урокъ тѣмъ, которые, похвалялись произведеніями, не спрашиваютъ о производителяхъ; кричатъ: мы будемъ имѣть дорогіе мѣха, лѣсъ, рыбу и птицу, а не спрашиваютъ, каково-то будетъ тѣмъ, которые все это намъ доставятъ, и вотъ результатъ: хваленыхъ продуктовъ они не получили, а людей погубили. На архангельскихъ рѣкахъ цѣна товарныхъ грузовъ едва превышаетъ рубль съ человѣка, въ этихъ грузахъ пушнаго товара съ человѣка едва на четыре копѣйки, рыбы на пятьдесятъ пять, а лѣсу на двадцатую копѣйки. Цѣнность всего нашего звѣроловства едва составляетъ милліонъ рублей; для этого почти два съ четвертью милліона должны жить среди ужасовъ тундры и сплошныхъ лѣсовъ; менѣе чѣмъ за пятьдесятъ копѣекъ мы продаемъ жизнь человѣка — сколько бы онъ намъ принесъ пользы, еслибы мы не пренебрегали его счастьемъ. Дай Богъ намъ выйти изъ этой бѣды, переселить несчастныхъ туда, гдѣ они могли бы быть счастливы и полезны, и удержать на Сѣверѣ лишь того, кого тамъ ждетъ благосостояніе.

Если въ печорскомъ краю хлѣбъ мѣстнаго произведенія составляетъ только одну десятую всего потребляемаго хлѣба, если промыслы и оленеводство даютъ болѣе пяти шестыхъ всѣхъ произведеній края, а сельское хозяйство менѣе одной шестой, то можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находится населеніе, котораго всѣ средства существованія на Сѣверѣ ограничиваются однимъ земледѣліемъ. Жизнь на Сѣверѣ даже и при большихъ сплавныхъ рѣкахъ, богатыхъ рыбою, даже среди лѣсовъ, богатыхъ звѣремъ и кедровыми орѣхами, дѣлается весьма затруднительною при отсутствіи удобныхъ мѣстъ для сбыта произведеній. Много было писано о крайней нуждѣ и гнетущей бѣдности жителей туруханскаго края, страдающихъ на низовьяхъ Енисея, а эта ли рѣка не богата разнообразною рыбою, эти ли лѣса не богаты звѣремъ? Но всѣ эти нужды ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что должны вынести жители глухихъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ ни промысловъ, ни звѣря, ни рыбы. Такихъ селеній множество между сѣвернымъ уваломъ и Ледовитымъ моремъ; ихъ не мало въ Архангельской, Пермской и Вятской губерніи, но въ особенности богаты ими сѣверная половина Вологодской и губернія Олонецкая. Жизнь въ Олонецкой губерніи болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, можетъ служить образцомъ подобной жизни, и читателю нетрудно будетъ понять, какъ она относится къ только-что описанной жизни близъ сплавныхъ рѣкъ Архангельской губерніи, если я приведу здѣсь данныя о смертности:

	Въ годахъ:					
	1856	1858	1859	1861	1862	1863.
Въ Архангельской г. умиралъ *одинъ* изъ	31	23	33	37	34	30
» Олонецкой губ. » » »	21	22	22	26	26	21

Такая громадная разница въ смертности въ годы, не отличавшіеся нуждой, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о положеніи населенія. Каковы должны быть въ этихъ мѣстностяхъ успѣхи хлѣбопашества, можно видѣть изъ того, что въ Архангельской губерніи приходится вдвое больше луговъ, чѣмъ пашенъ, и можно держать достаточное количество скота для удобренія полей, а въ Олонецкой губерніи луговъ втрое меньше, чѣмъ пашенъ. Въ Архангельской губерніи на каждую пахотную десятину приходится почти двѣ штуки крупнаго и болѣе одной штуки мелкаго скота, а въ Олонецкой на десятину приходится только три пятыхъ штуки крупнаго, и почти на три десятины одна штука мелкаго скота. Земля на Сѣверѣ и при удобреніи родитъ плохо, что же она можетъ родить безъ удобренія? Кромѣ того сѣверный климатъ, несмотря на массу своихъ болотъ и лѣсовъ, отличается еще сухостью во время лѣта. Уже наблюденія, сдѣланныя въ Гельсингфорсѣ, указали на эту сухость; наблюденія на Вологодской учебной фермѣ показали, что лѣтомъ, въ особенности въ то время, когда наливается хлѣбъ и отъ котораго зависитъ полновѣсность и питательность хлѣба, менѣе дождей выпадаетъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ Россіи, напримѣръ въ Астрахани. Что дѣлать при такомъ положеніи? Жить можно только тамъ, гдѣ больше луговъ, гдѣ почва плодоносна; а тутъ только одни болота, безплодныя горы да лѣсъ, и лишь кое-гдѣ клочками разбросаны мѣста, удобныя для пашни. Эта бѣдность почвы

заставила населеніе забыть коренныя свои привычки: оно перестало селиться большими деревнями, разсыпалось среди болотъ и лѣсовъ мелкими выселками. Относительно населенія въ Олонецкой губерніи почти вдвое болѣе деревень и селеній, чѣмъ въ Архангельской, и въ двѣнадцать разъ болѣе, чѣмъ въ Саратовской губерніи, а значительныхъ селъ въ пять разъ менѣе, чѣмъ въ Архангельской. Селится же крестьянинъ противъ своего обычая мелкими выселками, для сохраненія скота и умноженія навоза, онъ и дворъ свой и жилище обращаетъ въ хлѣвъ, но все это мало помогаетъ. Пашенъ мало, жить нечѣмъ, а тутъ являются неожиданныя препятствія: для него дѣло первой необходимости расширять свои посѣвы, а ему запрещаютъ расчистки или указываютъ для этого мѣста, которыя для пашни и для посѣва негодны, и заставляютъ его терять послѣднія свои сѣмена на безплодной землѣ. Лѣсамъ нѣтъ конца, никому ихъ не надо, они валятся цѣлыми полосами отъ бури и гніютъ на корню, истребляются безжалостно крупными тузами лѣсопромышленниками, а когда крестьянину нужно расчистить клочекъ земли подъ свою бѣдную пашню, тогда появляется мнительная бережливость и грозно выростаетъ зловѣщій призракъ лѣсоистребленія. Крестьянинъ встрѣчаетъ неодолимыя препятствія, и встрѣчаетъ ихъ не въ то время, когда онъ простираетъ свои виды на годный и цѣнный лѣсъ, безъ всякой жалости и толку истребляемый лѣсопромышленниками, а въ то время, когда онъ выпрашиваетъ для себя клочекъ никуда негодный и неимѣющій никакой цѣнности. Полосу, заросшую крупнымъ и цѣннымъ лѣсомъ, не расчистишь подъ пашню; для этого нужны мѣста, поросшія лѣсомъ мелкорослымъ и никуда негоднымъ. Недостатокъ пашенъ заставляетъ его пахать и засѣвать каждый годъ одно и то же поле, не давая ему отдыха, а недостатокъ скота заставляетъ сѣять почти безъ удобренія. Земля и безъ того скудная и мало годная выпахивается окончательно, неурожаи становятся чаще и все въ большихъ размѣрахъ; куда же это приведетъ современемъ? Возрастающая бѣдность заставляетъ крестьянъ продавать скотъ, и уменьшеніе скотоводства нетолько плодитъ неурожаи, дѣлаетъ мясо для крестьянина совершенно недоступнымъ, но лишаетъ его еще одной вещи, крайне необходимой на Сѣверѣ — теплой одежды. Архангельская губернія, при меньшемъ числѣ жителей, имѣетъ нетолько болѣе овецъ, чѣмъ Олонецкая, но кромѣ того имѣетъ еще 265,000 оленей. Въ Астраханской губерніи, при тепломъ ея климатѣ, приходится болѣе четырехъ овецъ на человѣка, а въ Олонецкой приходится менѣе одной овцы на трехъ человѣкъ. Нигдѣ въ Россіи не страдаютъ въ такой степени отъ недостатка теплой одежды, какъ въ этихъ холодныхъ мѣстностяхъ. Повѣритъ ли кто-нибудь, что къ нуждамъ крестьянина въ нашей лѣсной полосѣ принадлежитъ и недостатокъ топлива и теплаго жилища. Въ Новгородской губерніи, въ этой губерніи лѣсопромышленности, которая вывозитъ лѣсъ заграницу, гдѣ двѣ трети всего пространства покрыты лѣсами, Гиляровскій признаетъ недостатокъ топлива и теплыхъ жилищъ однимъ изъ важныхъ источниковъ смертности. Онъ раздѣляетъ крестьянскія жилища на три разряда — тѣ, гдѣ бываетъ зимою до 16°/₀ тепла — это жилища богатыхъ и зажиточныхъ крестьянъ; на избы, гдѣ до 10°/₀ теп-

ла — это жилища крестьянъ средней руки (эта температура уже невыгодно отзывается на здоровьи и вообще на физическомъ развитіи крестьянъ), и наконецъ, на жилища многочисленной бѣдности, гдѣ бываетъ до 5° тепла, снѣгъ лежитъ въ избѣ, въ особенности по угламъ, въ нее врывается вѣтеръ, вода въ избѣ замерзаетъ, — это температура гибельная для жизни и здоровья.

При обильной пищѣ, при благосостояніи ни одинъ климатъ не способенъ производить такихъ сильныхъ и мускулистыхъ людей, какъ климатъ крайняго Сѣвера. Стоитъ вспомнить о полярныхъ животныхъ, чтобы понять, какія массы жира и мяса способенъ производить Сѣверъ. Между тѣмъ постепенно разростающаяся нужда уже давно начала порождать на Сѣверѣ вырожденіе расы. Населеніе мельчаетъ, дѣлается слабымъ, болѣзненнымъ и утрачиваетъ свою рабочую энергію. Это вырожденіе расы давно уже замѣчено было администраціею при рекрутскихъ наборахъ, и потому мѣра роста рекрутъ была уменьшена для сѣверной полосы. Наконецъ бѣдность сѣвернаго края не могла уже болѣе оставаться незамѣченною; она обращала на себя вниманіе преимущественно въ городахъ, гдѣ она рѣзче бросалась въ глаза. Въ печати стали появляться статьи, въ которыхъ сѣверные города изображались притонами нищихъ; городскимъ жителямъ, какъ замѣчено выше, крайне надоѣдали массы жившихъ милостынею. Нищіе, обыкновенно, раболѣпные и запуганные по-временамъ прибѣгали къ болѣе грознымъ пріемамъ; они являлись въ дома толпами и поѣдали все, что находили, не заботясь о томъ, что они были непрошенные гости. Чиновники и купцы сѣверныхъ городовъ терпѣливы, они не возмущались посѣщеніями неприглашенныхъ гостей, они смотрѣли на это какъ на неизбѣжное зло. Имъ и въ голову не приходило, что можно освободиться отъ навязчивыхъ посѣщеній, отвлекая голодные желудки къ общимъ столамъ. Когда наконецъ это сдѣлано было въ Пинегѣ, объ этомъ шумѣли на всю Россію, какъ будто совершался великій подвигъ; пинежцы правильно сообразили, что имъ невыгодно очищать свои кухни на свой собственный счетъ и что гораздо выгоднѣе, если это будетъ дѣлать вся Россія во имя благотворительности. Жители другихъ городовъ Сѣвера, глядя на догадливость пинежцевъ, захотѣли поступить еще лучше, они заботу объ очищеніи своихъ кухонъ прямо предоставили Россіи, и старались извлекать изъ этого для себя выгоды безъ всякихъ жертвъ. Но Россія не разсудила за благо позаботиться о своихъ братьяхъ на Сѣверѣ. Шумное пинежское дѣло въ самомъ яркомъ свѣтѣ выказало это бездушное отношеніе къ бѣдности, которое составляетъ самый главный недостатокъ нашего высшаго общества. Бѣдность трехмилліоннаго сельскаго населенія Сѣвера, которая вздыхала вдали отъ образованнаго общества и не мозолила глаза, легко игнорировалась; купечество даже было довольно тѣмъ, что она давала возможность пользоваться весьма дешевымъ трудомъ. Органы оптимистовъ увѣряли насъ въ томъ, что на богатомъ нашемъ Сѣверѣ нѣтъ пролетаріевъ, что у насъ не умираютъ съ голоду, что мы, однимъ словомъ, всемірная и неистощимая житница, могущая прокормить хлѣбомъ цѣлый свѣтъ... Такъ одинъ извѣстный писатель, описывая, какъ

ѣдятъ древесную кору въ Вятской губерніи, прибавляетъ, что отъ этой прекрасной пищи только у дѣтей раздуваетъ животъ, а взрослые люди имѣютъ здоровый и крѣпкій видъ. Ученому статистику и политико-эконому осталось неизвѣстнымъ, что самая жалкая и ужасная смертность въ Россіи имѣетъ мѣсто въ губерніяхъ Пермской, Олонецкой и Вятской. Но оптимисты часто сами волей неволей проговаривались, и частичка истины разоблачалась. Тогда признавали необходимымъ принимать разныя мѣры, чтобы помочь голодающимъ; иногда помощь оказывалась прямо хлѣбомъ. При такомъ оптимизмѣ общества можно себѣ представить, какая судьба постигала эти вспомоществованія; если общество, исполненное патріотическаго энтузіазма, не было въ состояніи обуздать казнокрадства и лихоимства во время войнъ съ Наполеономъ I и Севастопольской кампаніи, то легко вообразить, что̀ дѣлалось тамъ, гдѣ общество оставалось равнодушнымъ и нетолько было безучастнымъ, но даже вовсе не было зрителемъ, потому что дѣломъ этимъ нисколько не интересовалось. Въ Енисейскѣ я встрѣтилъ спекуляторовъ, которые скупали по дешевымъ цѣнамъ казенный хлѣбъ, назначенный для обезпеченія енисейскаго понизовья, и поставляли его на золотые промыслы. Въ сѣверной Россіи я встрѣтилъ тѣ же жалобы; говорилось, что чиновники, занятые раздачею хлѣба, наживаются насчетъ его, что купцы дѣлаютъ приэтомъ самыя отчаянныя спекуляціи. Вездѣ я видѣлъ одно недовѣріе, всеобщее убѣжденіе, что нужды края не приведены въ извѣстность, что помощь не доходитъ по своему назначенію. Ясно было, что положеніе сѣвернаго края будетъ изъ году въ годъ хуже и затруднительнѣе до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ не явится сознаніе необходимости помочь сѣверному краю въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онъ нуждается, пока это сознаніе не сдѣлается столь серьезнымъ, что изъ него вытечетъ учрежденіе, дѣйствительно способное достигнуть своей цѣли. Первая помощь сколько-нибудь значительная и, въ тоже время, не возбудившая подозрѣній явилась въ настоящемъ году. Но мы сейчасъ увидимъ, въ какой степени помощь эта ничтожна въ сравненіи съ потребностями края; мы увидимъ, что нужда страны, по необходимости, должна возрастать при настоящихъ обстоятельствахъ изъ году въ годъ; что если не остановить этого фатальнаго прогресса, то отъ этого могутъ произойти самыя неожиданныя послѣдствія и безвыходныя затрудненія; для того же, чтобы остановить этотъ прогрессъ, нужны мѣры несравненно болѣе существенныя.

Въ Олонецкой губерніи живетъ 125 человѣкъ на квадратной милѣ. Только въ двухъ губерніяхъ европейской Россіи, въ Архангельской и Астраханской, менѣе густое населеніе. Два съ половиною человѣка на квадратную версту это такое рѣдкое населеніе, что рѣже его и представить себѣ трудно; между тѣмъ и это населеніе стало оказываться слишкомъ густымъ. Промыслы и сельское хозяйство стали уже недостаточными для поддержанія мѣстнаго населенія и, несмотря на всѣ усилія крестьянъ расширить свои посѣвы, нужда разросталась передъ ними все болѣе ужасающимъ призракомъ. По этому случаю Олонецкій статистическій комитетъ жалуется на невѣжество крестьянъ и совѣтуетъ имъ воздѣлывать олонецкія болота, которыя будто-бы представляютъ

собою самыя плодоносныя почвы Олонецкой губерніи. Жаловаться на чужое невѣжество — замашка весьма распространенная между нашими публицистами-администраторами. Много ли на Сѣверѣ болотъ, на которыхъ и послѣ ихъ осушенія можетъ рости что-нибудь, кромѣ мха; но даже болота, обѣщающія плодоносную почву, могутъ быть воздѣланы не иначе, какъ съ приложеніемъ капитала, что̀ крестьянину не подъ силу; а изъ капиталистовъ немного найдется такихъ любителей риска, чтобы приложить свои капиталы къ безплодному употребленію. Въ то время, когда статистики и администраторы награждали населеніе Олонецкой губерніи идеальными совѣтами, сельско-хозяйственная производительность края со дня на день дѣлалась все менѣе достаточною для обезпеченія населенія, жизнь рабочаго дѣлалась со дня на день труднѣе. Повидимому, работникъ олонецкій могъ легко поставить себя въ положеніе независимое отъ земледѣлія; Олонецкая губернія была и по положенію, и по существу своему, промышленная. По официальнымъ свѣдѣніямъ одни рабочіе занятые на водныхъ путяхъ этой губерніи, числомъ 92,857, на двадцать процентовъ превышали число всѣхъ взрослыхъ рабочихъ губерніи; кромѣ того рыболовство, лѣсопромышленность и звѣроловство были естественными промыслами въ губерніи, въ которой четыре пятыхъ пространства покрыты лѣсами и которая имѣетъ больше внутреннихъ водъ, чѣмъ какая-либо другая губернія Россіи. Губернія, по которой проходитъ въ годъ болѣе двадцати тысячъ судовъ, которая изобилуетъ столько же лѣсомъ, сколько и водой, должна была развить среди своего рабочаго населенія и дѣйствительно развила судостроеніе. Ко всему этому присоединились еще горное дѣло и близость Петербурга, которая привлекала въ отхожій промыселъ. Разсуждая отвлеченно, на основаніи этихъ данныхъ, можно было бы предположить, что Олонецкая губернія можетъ благоденствовать и при мало развитомъ земледѣліи; но на дѣлѣ оказывается не такъ. Еще не было страны, которая бы благоденствовала при промышленномъ развитіи несмотря на упадокъ земледѣлія, и упадокъ земледѣлія непремѣнно ведетъ за собою и упадокъ промышленныхъ силъ. Движеніе судовъ по водамъ Олонецкой губерніи дѣйствительно весьма значительно, но олонецкому рабочему приходится приэтомъ конкурировать съ рабочими, которые находятся въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи: у него отбиваетъ хлѣбъ работникъ, котораго семья сама себя кормитъ и который идетъ бурлачить только для уплаты податей. Въ качествѣ судорабочаго онъ, въ счастливомъ случаѣ, могъ заработать въ лѣто пятнадцать рублей, а часто уходилъ съ семью рублями. Что дѣлать съ такими деньгами, когда нужно и подати уплатить и семью прокормить, платя по рублю съ четвертью и по полтора рубля за пудъ хлѣба. Олонецкій рабочій поступаетъ на суда съ голоду и отчаянія. Рыба и звѣрь дѣйствительно питали олонецкаго рабочаго, но съ увеличеніемъ населенія выгоды отъ этихъ промысловъ исчезаютъ еще быстрѣе, чѣмъ выгоды отъ земледѣлія. На Шунгскую ярмарку, самую значительную въ Олонецкой губерніи по торговлѣ пушнымъ товаромъ, дичью и рыбой, постоянно привозится все менѣе этихъ предметовъ. Въ 1857 году на ярмарку привезено было бѣлки до милліона штукъ, а въ 1865 г. всего семьдесятъ тысячъ; зайцевъ приво-

зится въ десять разъ менѣе, чѣмъ прежде, лисицъ въ 1862 г. было 6500 штукъ, а въ 1865 г. всего 900; рыбы въ 1862 году привезено было на 419,450 рублей, а въ 1865 году всего на 71,535 р. Горное дѣло такіе въ упадкѣ; въ 1860 году на олонецкихъ горныхъ заводахъ занято было 2126 рабочихъ, а въ 1862 году всего 1054. Что же касается до отхожихъ промысловъ въ Петербургъ, то дѣйствительно, по увѣренію Олонецкой памятной книжки, въ петрозаводскомъ уѣздѣ почти каждая семья посылаетъ одного изъ своихъ членовъ въ столицу. Работникъ уходитъ, а его семья, брошенная на произволъ судьбы въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, погибаетъ. Въ 1863 году въ Олонецкой губерніи вообще умиралъ каждый 21-й, а въ Петрозаводскомъ уѣздѣ одинъ изъ 18-ти. Промышленные уѣзды Олонецкой губерніи сдѣлались самыми несчастными. Въ 1863 году уѣзды Петрозаводскій, Вытегорскій, Лодейнопольскій отличались самою низкою смертностію; самая тяжкая участь выпала на долю Повѣнецкаго уѣзда, который долженъ былъ жить звѣринымъ и рыбнымъ промысломъ; доходность промысловъ такъ уменьшилась, что имъ рѣшительно нечѣмъ было существовать. Жители разсыпались куда попало. Въ Шунгскомъ погостѣ, въ самомъ бойкомъ мѣстѣ Повѣнецкаго уѣзда, въ 125 деревняхъ считалось 600 домовъ, т. е. менѣе пяти дворовъ на селеніе. Но все это не помогало; въ 1863 году Повѣнецкій уѣздъ отличался самой сильной смертностью между всѣми уѣздами Олонецкой губерніи, смертность эта была ужасна — тамъ умиралъ шестнадцатый. Послѣ всего этого самыми счастливыми уѣздами Олонецкой губерніи были все-таки тѣ, которые опирались на сельско-хозяйственную производительность, — Олонецкій, славившійся своими лугами, и Пудожскій, вывозившій ленъ; но выше всѣхъ по своему благосостоянію стоялъ уѣздъ Каргопольскій. Въ 1863 году въ немъ была самая благопріятная смертность между всѣми уѣздами Олонецкой губерніи. Каргопольскій уѣздъ когда-то славился своимъ плодородіемъ, онъ нетолько снабжалъ хлѣбомъ винокуренный и пивоваренный заводъ, единственный въ цѣлой губерніи, но онъ вывозилъ хлѣбъ въ уѣзды Вытегорскій и Петрозаводскій, и даже доставлялъ его къ архангельскому порту. Каргопольскій уѣздъ славился нетолько своимъ земледѣліемъ, но и своимъ скотоводствомъ и торговалъ кожами. Съ увеличеніемъ населенія все это постепенно сокращалось и благосостояніе уѣзда постепенно падало.

Нетрудно было предвидѣть логическіе результаты этого сцѣпленія обстоятельствъ. Населеніе увеличивалось. Оно истощало запасы водъ и лѣсовъ, отъ единственныхъ удобныхъ для земледѣлія и луговодства почвъ оно должно было перейти къ болѣе плохимъ и жить становилось со дня на день тяжелѣе, крестьянинъ дѣлался бѣднѣе, смертность значительнѣе. Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Олонецкой губерніи смертность была такая же, какъ вообще между государственными крестьянами въ Россіи — въ 1842 году умиралъ тридцать четвертый, въ 1843 г. тридцать третій, а въ 1844 г. тридцать первый; но тогда уже стали замѣчать, что смертность въ Олонецкой губерніи постоянно увеличивается. Мы видѣли выше, что въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ умиралъ уже двадцать первый и двадцать второй. Въ тоже

самое время смертность эта преимущественно поражала мужчинъ, на долю которыхъ, при недостаточности хлѣбопашества, выпадала все болѣе и болѣе тяжкая доля на заработкахъ. Съ 1848 года отношеніе между мужчинами и женщинами измѣнилось, сначала перевѣсъ женщинъ составлялъ только пять процентовъ, а потомъ сталъ составлять десять. Число способныхъ къ работѣ уменьшалось постоянно по отношенію къ всему населенію. Постоянно возрастающій недостатокъ луговъ, постоянно увеличивающееся слабосиліе населенія не давало возможности запасать достаточно корма для скота; падежи принимали все большіе размѣры и чаще повторялись. Кромѣ того, скотъ распродавался разореннымъ населеніемъ для уплаты податей. Недостатокъ скота приводилъ къ недостатку удобренія и къ неурожаямъ. Падежи повторялись каждый годъ; одинъ крестьянинъ разсказывалъ мнѣ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ купилъ пятнадцать лошадей и всѣ онѣ пали; это его разорило окончательно. Несмотря на возрастающее населеніе, количество скота нетолько не увеличивалось, но уменьшалось. Въ 1862 году была чума на рогатомъ скотѣ; въ 1863 году она возобновилась. Затѣмъ слѣдовали неурожаи, которые повторялись четыре года сряду и привели населеніе въ то жалкое положеніе, въ которомъ оно находится въ настоящую минуту. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ въ 1863 году былъ еще лучшій урожай между всѣми уѣздами губерніи; на подсѣкахъ онъ доходилъ до самъ 9-ти; для максимума это весьма немного. По среднему уровню онъ былъ едвали не лучше урожая Саратовской губерніи, и несмотря на это на душу приходилось отъ 3 до 8 четвертей. Три четверти, исключая двѣ на сѣмена, составляютъ менѣе четверти на жителя, менѣе одного фунта въ день на человѣка — это уже голодъ и горькая нужда. Такимъ образомъ и Каргопольскій уѣздъ доживалъ до голода. По количеству своего скота, онъ уже менѣе всего былъ въ цвѣтущемъ или даже въ удовлетворительномъ положеніи. На каждую десятину пахотной земли приходилось только двѣ пятыхъ штуки крупнаго скота и треть овцы, т. е. почти вчетверо меньше, чѣмъ въ Архангельской губерніи. По количеству рабочихъ лошадей, Каргопольскій уѣздъ сталъ принадлежать даже къ болѣе бѣднымъ уѣздамъ Олонецкой губерніи. При такомъ положеніи, неурожаи были неизбѣжны и четыре неурожайныхъ года, непосредственно слѣдовавшіе другъ за другомъ, нанесли населенію рѣшительный ударъ. Селенія около Каргополя еще лучше выдерживали напоръ страданій, но сѣверныя части уѣзда дошли до непоправимой нищеты и безвыходнаго положенія; тамъ оказались цѣлыя волости, гдѣ не было ни одного крестьянина, у котораго было бы достаточно хлѣба, чтобы прокормить свою семью въ теченіе года; мало этого, волость, въ которой встрѣчалось нѣсколько крестьянъ способныхъ круглый годъ кормить свою семью хлѣбомъ, считалась уже находящеюся въ завидномъ положеніи. Сначала ѣли хлѣбъ не чистый, потомъ подмѣшивали въ него солому; потомъ нужно было подмѣшивать столько соломы, что хлѣбъ не могъ подняться; выпечь хлѣбъ было невозможно; онъ вынимался изъ печи солодѣлый и недопеченый, а каргопольцы увѣряютъ, что это было еще для нихъ счастливое время. Въ 1867 году хлѣбъ ударило морозомъ и онъ не дозрѣлъ. Не было

возможности приготовлять даже солодѣлаго хлѣба пополамъ съ соломой. Чтобы менѣе бѣдствовать, крестьяне сняли неспѣлый хлѣбъ, солому изрубили мелко, а изъ колосьевъ сдѣлали что-то вродѣ муки. Въ этомъ хлѣбѣ солома до такой степени преобладала, что муки не было достаточно для того, чтобы служить цементомъ или клейстеромъ; хлѣбъ разсыпался въ печи и составлялъ что-то похожее на кучу сора или навоза. Небольшая лепешка подобнаго хлѣба въ три четверти фунта была достаточна для человѣка на сутки. Пища эта до такой степени была неудобоварима и такъ была противна человѣческому организму, что, проглотивъ небольшую лепешку, до слѣдующаго дня нельзя было и подумать о пищѣ. Наконецъ и такого хлѣба сдѣлалось недостаточно. Работы найти было негдѣ; всѣ искали работы, и женщина, которой удавалось какимъ-нибудь образомъ заработать въ день фунта три хлѣба, возбуждала всеобщую зависть. Просить милостыню было также безполезно; всѣ просили милостыню и некому было подавать. Крестьяне разсыпались по окрестностямъ, мужчины, женщины, дѣти ходили верстъ за сорокъ и болѣе отыскивать себѣ скудныя средства къ существованію. Тотъ считалъ себя счастливымъ, кто верстъ за сорокъ или за пятьдесятъ помѣщалъ своего сына не за какую-нибудь плату, а за одинъ хлѣбъ. Дѣти совершали зимою подобныя отдаленныя путешествія для выпрашиванія милостыни и случалось, что ничего не получали. Послѣ всѣхъ этихъ мѣръ, все-таки питаться было нечѣмъ, чувствовалась необходимость—къ прежнимъ суррогатамъ хлѣба прибавить еще какой-нибудь суррогатъ. Имъ предложили къ ихъ безобразнымъ печеньямъ прибавлять мохъ и сосновую кору. Они не умѣли приготовлять такой хлѣбъ. Вышла такая отвратительная и неудобоваримая пища, что крестьяне, которые принялись за нее, умирали — у нихъ вздувало животъ, дѣлались нестерпимыя боли и кончалось смертью. Къ такой пищѣ надо привыкать съ молодыхъ лѣтъ, а еслибы они привыкли, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ скоромъ времени ихъ физическія и умственныя силы дошли бы до такого же упадка, какъ у нѣкоторыхъ сѣверныхъ инородцевъ. И вотъ начались толки о переселеніи, толки неясные, сбивчивые, но для всѣхъ соблазнительные; потому что неизвѣстность будущаго казалась неизмѣримо отраднѣе извѣданнаго настоящаго. Въ первый разъ въ жизни мнѣ случилось читать такой мірской приговоръ, какой я прочелъ у каргопольцевъ — приговоръ этотъ уже самъ по себѣ былъ крикомъ отчаянія. Въ немъ перечислялись всѣ бѣдствія, испытанныя волостью, и четырехлѣтній неурожай и зябель 1867 года, и волость посылала своихъ членовъ въ переселеніе, куда глаза глядятъ. «Отпускаются для переселенія, — сказано было въ приговорѣ, — въ Самарскую или Ставропольскую губерніи, за Кавказъ или куда найдутъ возможность.» Повидимому главной причиной, почему общество настаивало на переселеніи, была затруднительность въ уплатѣ податей, а потому общество требовало прежде всего, чтобы переселенцы продали остатки скуднаго своего имущества и внесли подати. Все, что у нихъ еще осталось послѣ многолѣтняго постепеннаго обѣднѣнія, пошло за безцѣнокъ. Одинъ продалъ домъ, довольно новый, съ амбарами, пристройками, который по меньшей мѣрѣ стоилъ 60 рублей, — за 10 рублей; другой за домъ свой взялъ пятую

часть цѣны; третій продалъ корову и лошадь за 8 рублей 70 коп.; одна корова стоила 12 рублей.

Такимъ образомъ, крестьяне дошли до положенія, при которомъ они лишились всякой надежды уплатить свои долги, вносить подати и обсѣменять свои поля. Они лишились всякаго кредита, никто не рѣшался давать имъ денегъ впередъ для уплаты податей или хлѣба на сѣмена; они падали тяжелымъ бременемъ на свои общества, которыя старались ихъ сбыть. Въ волостяхъ было множество такихъ людей и ихъ односельцы не давали имъ покоя. Распространялись слухи, что болѣе трехъ сотъ человѣкъ уже переселились въ Самарскую губернію и писали оттуда, что тамъ житье богатое. Не знаю, насколько справедливо то, что многимъ дѣйствительно будто-бы удалось переселиться, но тѣ, которые были остановлены и возвращены, очутились въ самомъ жалкомъ положеніи. Общество требовало отъ нихъ, чтобы они уплатили всѣ свои долги; чтобы они нетолько уплатили подати, но нашли бы за себя поручителей въ уплатѣ этихъ податей впредь до ихъ перечисленія на другое мѣсто. То, что не пошло на уплату податей, пошло поручителямъ въ добавокъ къ переданной имъ землѣ. Мало этого, отъ нихъ требовали еще внесенія недоимки въ запасные хлѣбные магазины; люди ѣли солому, а на нихъ насчитывали хлѣбныя недоимки для запаснаго магазина! Иные поднимались въ путь, не имѣя ни копѣйки денегъ, другіе при семействѣ въ шесть или семь человѣкъ имѣли не болѣе трехъ или четырехъ рублей, и только самые счастливые до десяти рублей. По возвращеніи же домой они не имѣли тамъ ни кола, ни двора, ни скота, ни хлѣба. Какова-то будетъ ихъ судьба?

Вотъ положеніе, въ которомъ находились волости уѣздовъ Каргопольскаго и Пудожскаго, между тѣмъ это были тѣ уѣзды Олонецкой губерніи, которые пользовались наибольшимъ благосостояніемъ. Смертность въ нихъ въ 1863 году была самая благопріятная; это были единственные уѣзды, въ которыхъ и между мужчинами и между женщинами способные къ работамъ составляли болѣе половины населенія. Каково же должно быть положеніе населенія въ прочихъ уѣздахъ?

Если теперь мы обратимся къ серьезному вопросу, какъ помочь въ данную минуту этому бѣдному краю, то намъ прежде всего представится мысль о переселеніи. Что можно болѣе сдѣлать тамъ, гдѣ средства къ поддержанію благосостоянія такъ незначительны, что увеличеніе населенія немедленно приводитъ къ истощенію источниковъ жизни и къ такому ослабленію силъ населенія, что оно дѣлается неспособнымъ пользоваться и тѣмъ, что у него подъ руками. Одна женщина, которая взята была замужъ въ сѣверную волость Каргопольскаго уѣзда изъ болѣе южныхъ и счастливыхъ мѣстностей, разсказывала, что она прожила тамъ десять лѣтъ и въ теченіе этого времени въ ея селеніи и въ окрестностяхъ никто даже не ѣлъ легковѣсный хлѣбъ съ мякиною, а постоянно ѣли хлѣбъ пополамъ съ соломою. Повременамъ она ѣздила къ своимъ родственникамъ на югъ и оттуда привозила обыкновенный черный хлѣбъ; хлѣбомъ этимъ она угощала, какъ пряникомъ. При подобномъ положеніи можетъ ли что-нибудь помочь бѣдѣ кромѣ переселенія? переселеніе

это должно быть не единовременное, а постоянное, для того чтобы населеніе не могло чрезмѣрно увеличиться и истощить способы края. Если англійское правительство съумѣло въ теченіе 20 лѣтъ переселить въ одну Америку $^3/_8$ населенія Ирландіи, кромѣ передвиженія ирландцевъ въ Англію, Австралію и другія мѣста, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что постоянное переселеніе съ нашего сѣвера на югъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно необходимо для искорененія тамъ бѣдности и водворенія благосостоянія, можетъ быть приведено въ исполненіе, лишь была бы для этого добрая воля. Система переселеній должна относиться не къ одной Олонецкой губерніи, а ко всему сѣверному краю вообще. Въ Архангельской губерніи, гдѣ смертность болѣе благопріятная, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ сѣвера, положеніе все-таки съ году на годъ ухудшается; въ 1842 году тамъ умиралъ тридцать осьмой, а теперь тамъ умираетъ столько же, сколько умирало въ губерніи Олонецкой въ началѣ сороковыхъ годовъ: что будетъ съ этимъ краемъ, если населеніе тамъ сдѣлается столь же густымъ, какъ въ Олонецкой? Кромѣ переселенія, дѣло первой необходимости — болѣе равномѣрное разложеніе сборовъ, въ платежѣ которыхъ равно должны участвовать имущіе классы. Конечно, при бѣдности Олонецкой губерніи и при ничтожности имущества, способнаго приносить какой-либо доходъ сверхъ средствъ для необходимаго содержанія, едвали возможно ожидать, чтобы доходы казны, при разложеніи податей на имущественные классы, сохранили настоящіе размѣры. Но въ виду будущаго поправленія края и спасенія его отъ окончательнаго разоренія — эта жертва будетъ не бременемъ, а громадной выгодой впослѣдствіи. Эта временная жертва создастъ людей, которые, вмѣсто того, чтобы мучить себя, тяготить свое отечество и затруднять правительство, будутъ пользоваться благосостояніемъ, будутъ радовать свое отечество и сдѣлаются полезными членами общества. На значительность дохода тѣмъ менѣе можно разсчитывать, что Олонецкая губернія не только вынуждена по рѣдкости своего населенія къ большимъ земскимъ сборамъ, но крайне нуждается въ подати для бѣдныхъ. Въ Олонецкой губерніи точно также, какъ во всей сѣверной Россіи, пути сообщенія крайне плохи, ко множеству селеній можно проѣхать не иначе, какъ верхомъ; иногда въ подобныхъ селеніяхъ невозможно достать хлѣба ни за деньги, ни безъ денегъ, и это нетолько въ такихъ рѣдко населенныхъ уѣздахъ, какъ Повѣнецкій, но и въ такихъ, какъ Каргопольскій. Несмотря на это, мѣстные сборы весьма велики. Въ Енисейскомъ округѣ, въ глухой тайгѣ, я встрѣчалъ селенія, въ которыхъ подати отъ мѣстныхъ сборовъ такъ возвышались, что на душу приходилось по 13-ти и по 15-ти рублей, сверхъ того ихъ лично наряжали для исправленія дорогъ; столь же значительные сборы встрѣчаются и въ Архангельской губерніи. Правильная подать для бѣдныхъ дѣло крайней необходимости; тамъ, гдѣ Сѣверъ заселялся здоровымъ племенемъ, подать для бѣдныхъ вводилась уже во времена варварства; на островѣ Исландіи она оставила по себѣ извѣстные памятники уже въ средніе вѣка. Частная благотворительность, какъ бы ни были велики ея усилія, никогда не можетъ удовлетворить потребности края. Въ настоящемъ году, подъ вліяніемъ впечатлѣнія,

произведеннаго голодомъ, мы были гораздо податливѣе чѣмъ когда-нибудь; и что же? — переселенцы Пудожскаго и Каргопольскаго уѣздовъ нетолько ею не пользовались, они объ ней даже не слыхали. Если ихъ бѣдность не стоила вспомоществованія, то чья же стоила? Среди какого населенія можно было встрѣтить болѣе грустныя картины человѣческой нужды, безъисходной и мучительной нужды, доводящей человѣка до упадка всѣхъ его силъ, сознанія и чувствъ? Отецъ ушелъ на работу въ одну сторону, мать въ другую; голодные дѣти убѣжали собирать милостыню и дома остался одинъ грудной ребенокъ, безъ няньки, безъ помощи; его тѣло изъѣдено зловредными испареніями, отъ экскрементовъ, въ которыхъ онъ валялся; у него завелись черви; онъ кричитъ до тѣхъ поръ, пока лишается чувствъ; послѣ нѣсколькихъ подобныхъ припадковъ съ нимъ дѣлаются корчи и въ заключеніе, на выручку, является смерть. На другой день мать голодная идетъ на работу, но хлѣбъ, доставшійся отъ нея дѣтямъ, не пошелъ имъ въ прокъ; онъ былъ или солодѣлый, или расползался во рту какъ слюна съ соломенными иглами, или крѣпкій какъ камень. Ребенокъ не слишкомъ голодный ѣлъ очень мало, хилѣлъ и чахъ, а ребенокъ, которому доставался хлѣбъ послѣ продолжительнаго голода, наѣдался слишкомъ и черезъ полчаса валялся по полу съ крикомъ и въ страшныхъ корчахъ; для иного за подобнымъ припадкомъ слѣдовала смерть. Подать для бѣдныхъ должна въ этомъ краѣ носить особенный характеръ, соотвѣтствующій условіямъ жизни. Она должна нетолько помогать бѣднымъ, но еще болѣе предупреждать бѣдность. Въ краѣ долженъ быть учрежденъ банкъ, который бы давалъ бѣднымъ людямъ безпроцентныя ссуды для пріобрѣтенія сѣмянъ и для покупки скота, наподобіе тѣхъ безпроцентныхъ ссудъ, которыя въ цивилизованныхъ государствахъ даются въ минуту нужды и голода. Край этотъ долженъ дѣлать ссуды за ручательствомъ сельскихъ обществъ, особыхъ управленій подати для бѣдныхъ или частныхъ благотворительныхъ обществъ. Въ случаѣ неурожая и падежа скота управленіе подати для бѣдныхъ и благотворительныя общества не допускаютъ крестьянъ до разоренія, а банкъ до банкротства, и платятъ за нихъ.

При обсужденіи всякаго соціальнаго явленія мы не должны забывать ни на одну минуту, что мы имѣемъ дѣло не съ механическимъ аппаратомъ, а съ живыми людьми. Тутъ все зависитъ отъ чувствъ этихъ людей и ихъ взглядовъ на вещи. Если наши кулаки, обирающіе народъ подъ всѣми возможными предлогами и на всѣхъ стезяхъ его безпрерывнаго и неблагодарнаго труда, если эти дикіе и полудикіе эксплуататоры не проникнутся болѣе гуманными чувствами къ ближнему и болѣе свѣтлыми понятіями о великомъ значеніи народнаго труда и его правъ на должное вознагражденіе, то среди такого общества рабочему населенію, живущему въ трудныхъ обстоятельствахъ, нечего ждать; оно будетъ бѣднѣть, хилѣть и вырождаться. Теперь намъ предстоитъ разрѣшить вопросъ: обнаружимъ ли мы себя по отношенію къ сѣверному краю народомъ полнымъ жизни и надежды или народомъ безсильнымъ и жалкимъ. Въ первомъ случаѣ, мы обнаружимъ ту симпатію, то вниманіе къ нуждамъ края, которыя нетолько дадутъ надлежащіе размѣры благотвори-

тельности и подати для бѣдныхъ, но, въ минуту одушевленія общества къ излеченію ранъ края, выдвинутъ на видъ людей, которымъ можно будетъ ввѣрять деньги, не опасаясь за то, что они употребятъ ихъ лично для себя или для пристрастнаго покровительства своимъ друзьямъ. Въ обществѣ явится увѣренность, что стоитъ жертвовать, что жертвы достигаютъ своей цѣли, и въ немъ разовьется болѣе гуманный, болѣе соотвѣтствующій взглядъ на рабочаго. Во второмъ случаѣ, общество будетъ говорить о рабочемъ съ презрѣніемъ, бездушно отрицать его нужды, благотворительность приметъ слабые размѣры, подати для бѣдныхъ, вспомоществованіе краю или вовсе не будутъ существовать или разбредутся по сильнымъ карманамъ; переселеніе останется въ ничтожныхъ размѣрахъ; общество будетъ полно охлаждающаго недовѣрія и край будетъ бѣднѣть и раса будетъ вырождаться. Мы слишкомъ увѣрены въ своемъ будущемъ и въ неизбѣжности въ нашей средѣ прогресса. Намъ слѣдовало бы помнить, что передъ нами два пути: одинъ поставитъ насъ во главѣ цивилизаціи, другой приготовитъ намъ судьбу Индіи, Китая и Испаніи. Эти три страны играли когда-то болѣе видную роль, чѣмъ мы теперь играемъ; Испанія стояла когда-то во главѣ европейской цивилизаціи, а теперь лишилась четырнадцати пятнадцатыхъ прежнихъ своихъ владѣній. Чтобы не попасть на этотъ жалкій путь, нужно развить въ себѣ нравственную силу, а не опускать безнадежно руки.

ГЛАВА V.

Астраханская губернія. Національности.

Изъ безплодной тундры, съ ея печальнымъ туманнымъ лѣтомъ, съ ея мрачной, чудовищной зимой перенесемся въ южныя пустыни: и тутъ работникъ часто напрасно силится остаться земледѣльцемъ, и тутъ среди безплодныхъ сыпучихъ песковъ онъ нерѣдко обращаетъ молящій взглядъ на море и отъ него одного ожидаетъ себѣ пищи и поддержки. Но положеніе уже вполнѣ измѣнилось, надъ вами высится прозрачное теплое небо, вы убѣждаетесь, что подъ вліяніемъ юга даже и песчаное безплодіе далеко не то, что на Сѣверѣ дѣвственный лѣсъ. Человѣкъ, у котораго осталась хотя искра симпатіи къ людямъ, будетъ употреблять всѣ силы своего краснорѣчія, чтобы уговорить не тѣсниться на Сѣверъ. Изученіе жизни сѣверянина возбудитъ въ немъ страстное желаніе убѣдить своихъ соотечественниковъ избавить бѣдныхъ жителей тундры отъ холодныхъ объятій ихъ безжалостной природы. Совершенно другими глазами онъ взглянетъ на песчаную пустыню юга, она возбудитъ въ немъ иныя чувства и иныя желанія. Астраханская губернія, относительно своего пространства, питаетъ въ пятнадцать разъ больше скота, чѣмъ Архангельская, ея море въ двѣнадцать разъ изобильнѣе рыбою. Статистическій обзоръ министерства государственныхъ имуществъ насчитываетъ на каждый крестьянскій дворъ 14 штукъ крупнаго скота и 29 мелкаго, а на калмыцкую кибитку еще несравненно болѣе. А бахчи съ этой массой арбузовъ, которые продаются по полкопѣйки за штуку, а сады, а виноградники? Тутъ уже ни малѣйшаго не является желанія возбуждать къ переселенію. Является даже подозрѣніе, что производительность почвы уменьшена по офиціальнымъ даннымъ. Въ статистическомъ временникѣ 1866 года показано въ Астраханской губер-

ніи 93% неудобной земли, въ томъ числѣ почти девять милліоновъ десятинъ калмыцкихъ земель, на которыхъ пасется 1,350,000 штукъ скота нетолько лѣтомъ, но и зимой безъ всякихъ запасовъ сѣна. Какимъ же образомъ все это пространство причислять къ неудобнымъ землямъ? Не правда ли, читатель, тутъ ли не быть благоденствующему рабочему населенію? и отъ астраханцевъ объ его богатствѣ вы услышите тѣ же толки, которые вамъ давно успѣли надоѣсть въ Сибири. Обратитесь однакоже къ даннымъ о смертности: что онѣ вамъ скажутъ:

	1856	1858	1859	1861	1862	1863
Въ Олонецкой губ. умиралъ одинъ изъ	21	22	22	26	26	21
» Астраханской губ. » » »	26	27	21	25	25	34
» Архангельской губ. » » »	31	23	33	37	34	30

Смертность Архангельской губерніи благопріятнѣе смертности Астраханской — что же это значитъ? какимъ образомъ это могло случиться? Дѣло объясняется очень просто. Тамъ, гдѣ природа дары свои разсыпаетъ сколько-нибудь щедрою рукою, тамъ тотчасъ же явится и капиталистъ, который ихъ подберетъ. У калмыковъ приходится на каждаго взрослаго работника 20 штукъ крупнаго скота и 69 штукъ мелкаго; кромѣ того у нихъ есть рыбныя воды, и бахчи есть, кажется можно было бы жить, но отчего же, по свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ, половина всего рабочаго калмыцкаго населенія ищетъ себѣ работу вдали отъ роднаго кочевья и живетъ на промыслахъ по годовымъ билетамъ? отчего они оставляютъ свой родной очагъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ этого нигдѣ не дѣлаетъ даже русскій работникъ? Это оттого, что въ астраханскихъ степяхъ разводить скотъ очень легко, поэтому и прибыль отъ него, какъ увидимъ ниже, вся въ рукахъ собственниковъ, а не рабочихъ. Въ Бѣломъ морѣ рыбы мало—вотъ почему рыбныя воды тамъ находятся въ общинномъ владѣніи: въ Каспійскомъ морѣ ея много—поэтому она вся въ рукахъ капиталистовъ. Какъ же распоряжаются бѣломорскія общины съ своими водами? На Кандалакѣ, Ковдѣ и Княжей напр. ловятъ сельдей сообща, каждый работникъ приноситъ свои орудія и соль, уловъ продается огульно и вырученныя деньги раздѣляются по числу душъ. Въ мѣстахъ, гдѣ сельдей мало, ловъ вольный. Въ Сорецкой губѣ, которую сельди посѣщаютъ огромными массами, ловъ также вольный. Общины стремятся какъ можно менѣе стѣснять свободу и если стѣсняютъ ее, то только для болѣе успѣшнаго улова; и потомъ добычу раздѣляютъ по ровну: какъ же поступаютъ капиталисты? Когда бѣломорская компанія не ловила, а только покупала сельдей, она платила отъ 5 до 15 коп. за сотню, которую можно было продать за 40 и даже за 50 коп. Экспедиція, изслѣдовавшая бѣломорское рыболовство, когда она увидала, въ какое положеніе ставятъ подобныя покупки рыбаковъ, нашла, что еслибы компанія занялась ловлею, то она принесла бы величайшее зло тамошнему краю. Каспійскія воды такъ обильны, что если только пятая часть цѣны улововъ, процѣживаясь сквозь руки капиталистовъ, дойдетъ до работниковъ, то и тогда они не умрутъ голодною смертью. Можно ли, послѣ этого, находить, что они—зло для края. Работники не умираютъ отъ

голоду, они живы, чего же имъ еще? неужели имъ доставлять какое-то благосостояніе? мало ли, что бы они выдумали!

Русскій рыбакъ между всѣми своими сосѣдями славится своею ловкостью. Въ остзейскомъ краѣ онъ получаетъ высшую заработную плату и умѣетъ ловить рыбу даже и тамъ, гдѣ повидимому все выловлено его предшественниками. Въ Норвегіи его извѣстность такъ значительна, что иностранные писатели повѣщаютъ объ ней цивилизованному міру. Это тѣмъ болѣе дѣлаетъ чести нашему работнику, что берегъ моря для нашего отечества большая рѣдкость и, кромѣ того, по значительной части тѣхъ береговъ, которые у насъ имѣются, размѣстилось не русское племя. Между всѣми нашими рыбаками самый ловкій — это рыбакъ Каспійскаго моря — посмотримъ, каково его положеніе.

Главную роль между всѣми работниками Астраханской губерніи играютъ земледѣлецъ и скотоводъ, рыболовъ, морякъ и садовникъ. †) Разсматривая производительность каждаго изъ вышеупомянутыхъ работниковъ, оказывается, по приблизительному разсчету, что въ то время, какъ ежегодныя произведенія земледѣльцевъ и скотоводовъ можно оцѣнить въ 65 рублей на каждаго производителя, произведенія садовниковъ и огородниковъ слѣдуетъ оцѣнить въ двѣсти рублей на человѣка, рыболововъ въ двѣсти двадцать пять рублей, а производителей соли по крайней мѣрѣ въ тысячу рублей на человѣка. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что занятіе рыболова одно изъ самыхъ прибыльныхъ и что рыболовы должны получать среднимъ числомъ въ три съ половиною раза болѣе, чѣмъ земледѣльцы; на дѣлѣ выходитъ однакоже вовсе не то. У насъ въ Россіи неизбѣжная для работника судьба—не имѣть въ своихъ рукахъ орудій своего производства. Если орудія его производства суть произведенія его же брата работника, то они навѣрное принадлежатъ капиталисту; если ихъ дала природа въ видѣ земли, воды, рудъ, соли и т. д., то они принадлежатъ либо частнымъ лицамъ, либо обществамъ, либо казнѣ. Вода въ морѣ никому не принадлежитъ, но лишь только въ ней оказывается что-нибудь, чѣмъ можетъ питаться бѣднята работникъ, тотчасъ же является и хозяинъ этого клочка воды и говоритъ ему: стой, сначала покорись условіямъ, которыя я тебѣ предпишу, а потомъ можешь жить своей работой. Тотъ еще счастливъ, кто имѣетъ одного господина, какъ напр. астраханскій земледѣлецъ, но каково тому, у кого, какъ у рыболова, два и три или, какъ у калмыка рыболова, четыре да пять. Мудрено ли послѣ этого, что рыболовъ, который производитъ въ годъ цѣнностей на двѣсти двадцать пять рублей и болѣе, иногда не имѣетъ на что купить хлѣба. Астраханцы такъ заботятся о томъ, чтобы рыболовъ не могъ сдѣлаться хозяиномъ рыбы, что

†) Изъ числа всѣхъ работниковъ Астраханской губерніи на тысячу человѣкъ приходится по приблизительному разсчету: 383 занимающихся преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, 177 занимающихся преимущественно скотоводствомъ, 263 моряковъ, судорабочихъ и рыболововъ, 48 садовниковъ и огородниковъ, 36 занимающихся солью, 27 ремесленниковъ и фабричныхъ, 22 занятыхъ по торговлѣ, 44 занятыхъ услугами.

помѣщики не дозволяли крестьянамъ ловить рыбу на ихъ надѣлахъ, когда надѣлы эти при разливѣ рѣки заливались водою. Ловцы раздѣляются на двѣ главныя категоріи, на ловцовъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ и на наемныхъ работниковъ. Ихъ положеніе дѣлается тѣмъ болѣе тягостнымъ, чѣмъ сложнѣе отношеніе ихъ къ владѣльцамъ и распорядителямъ водъ и чѣмъ сильнѣе то лицо, съ которымъ они имѣютъ дѣло. Иногда владѣлецъ отдаетъ воды въ аренду компаніи, компанія опять передаетъ ихъ въ распоряженіе одного лица, съ одной и той же рыбы всякій хочетъ взять выгоду — и распорядитель, и компанія, и владѣлецъ, мало того, всякій получаетъ ее, распорядитель обыкновенно обогащается и все это садится на шею ловца. Еще хуже его положеніе въ томъ случаѣ, когда главный уловъ рыбы въ рукахъ одного богатаго откупщика; такой откупщикъ превращается въ чистаго монополиста, въ его рукахъ—цѣна и на рыбу и на трудъ рыболова, до извѣстной степени можно сказать, что отъ него зависитъ и личность и жизнь этого рыболова. Даже тамъ, гдѣ ловъ называется вольнымъ, т. е. гдѣ нѣтъ откупа, а гдѣ къ нему допускается всякій за плату съ лодки, плата эта такъ велика, что работникъ не можетъ ее осилить одинъ и все-таки попадаетъ въ руки капиталиста. Послѣдствія всего этого самыя жалкія. Если рыболовъ ловитъ самостоятельно, то онъ заключаетъ съ капиталистомъ такъ-называемый рабочими ловецкій контрактъ; обыкновенный смыслъ этого контракта такой напр.: два ловца получаютъ пятьсотъ рублей съ тѣмъ, чтобы въ теченіе лѣта представить капиталисту рыбы на эту сумму, притомъ они обязаны продавать капиталисту рыбу съ уступкою двѣнадцати процентовъ на рубль противъ такъ-называемыхъ базарныхъ цѣнъ, т. е. такихъ цѣнъ, которыя капиталисту угодно будетъ признать базарными. Кромѣ того они обязаны уступить хозяину даромъ икру и визигу. Въ окончательномъ результатѣ выходитъ, что ловцы продаютъ капиталисту за пятьсотъ рублей товаръ, который стоитъ семьсотъ или восемьсотъ рублей, имъ самимъ едва останется чѣмъ прокормиться. Замѣчательно, что капиталисты признаютъ сами такой контрактъ въ высшей степени несправедливымъ и притѣснительнымъ. Такой взглядъ ихъ обнаружился по весьма интересному случаю. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ капиталистовъ, имѣвшихъ рыбныя воды, нуждался въ деньгахъ, онъ вынужденъ былъ занять у другаго капиталиста 70,000 руб. и заключилъ съ нимъ обыкновенный ловецкій контрактъ, обязался ему продать на эту сумму рыбы съ уступкою двѣнадцати процентовъ, а икру и визигу представить ему въ распоряженіе даромъ. Когда рыба была налицо, онъ рѣшительно отказался исполнить контрактъ. Поддерживаемый всѣми капиталистами, чиновниками и судами, онъ обзывалъ своего заимодавца ростовщикомъ, кричалъ, что контрактъ этотъ, какъ въ высшей степени притѣснительный, ничтоженъ и не можетъ быть дѣйствительнымъ, что подобные контракты запрещены закономъ, они ничто иное, какъ лихвенные извороты. Полиція, пользуясь всеобщей симпатіею къ притѣсненному кредитору, позволила ему продать всю рыбу и начался нескончаемый процессъ, въ которомъ судъ явно поддерживалъ должника, потому что считалъ его притѣсненною жертвою, даже Сенатъ взгля-

нулъ на это дѣло съ той же точки зрѣнія. Въ то время когда богатый человѣкъ, только распоряжавшійся производствомъ, возбудилъ къ себѣ такой всеобщій взрывъ симпатій потому, что ему пришлось платить изъ своего избытка за чужой капиталъ столько же, сколько платитъ счастливѣйшій изъ рыболововъ, несчастные ловцы считались всѣми весьма достаточно вознагражденными, хотя они платили тому же капиталисту за его капиталъ гораздо болѣе и платили изъ послѣдняго. Ихъ тяжкая работа въ водѣ зимою и лѣтомъ не могла идти ни въ какое сравненіе съ пріятнымъ и комфортабельнымъ занятіемъ капиталиста. Вотъ тѣ извращенныя чувства, тотъ извращенный взглядъ, который наше образованное общество всосало съ молокомъ матери, который вошелъ въ его плоть. Вмѣсто чувства справедливости въ немъ царитъ обожаніе семьи, сантиментальная симпатія къ малѣйшимъ неудобствамъ богатаго и жестокое равнодушіе къ великимъ страданіямъ бѣднаго труженика. Ловецъ радъ если онъ подвергается только этимъ условіямъ, которыя показались въ примѣненіи къ капиталисту столь тягостными; если условія эти исполняются даже съ разными прижимками и то онъ доволенъ, съ нимъ бываютъ дѣла гораздо хуже. Контрактъ подписанъ, задатокъ полученъ, начинается ловъ. Ловцы вѣрные своему слову поставляютъ рыбу, но къ ихъ крайнему отчаянію отъ нихъ принимаютъ рыбу дешевле противъ базарныхъ цѣнъ не на двѣнадцать процентовъ, а на половину, они спорятъ, мечутся какъ рыба объ ледъ, но дѣлать нечего, задатковъ возвратить они не въ состояніи, управы нигдѣ не найти—они покоряются своей участи, они стѣсняютъ себя во всемъ, терпятъ тяжелую нужду и выплачиваютъ рыбой весь задатокъ сполна согласно контракту. Капиталистъ получилъ полтора рубля на рубль. Прошло время тяжелаго испытанія, ловцы вздохнули свободно; они съ семействами бились черезъ голодъ и нужду цѣлый годъ, иногда въ домѣ хлѣба не было, семейство голодало по два дня кряду. — Наступаетъ слѣдующая весна, у нихъ отлегло отъ сердца; они не заключатъ уже болѣе контракта съ этимъ притѣснителемъ, они обратятся къ другому капиталисту. Дѣйствительно, сдѣланы попытки, обѣщающія удачу, какъ вдругъ неожиданно къ нимъ является полиція: имъ объявляютъ, что они не исполнили контракта, не соблюдено формальности, на контрактѣ не сдѣлано надписи о доставкѣ рыбы и полиція требуетъ отъ нихъ вновь столько же рыбы, сколько они поставили; бѣдняги божатся и клянутся, что они поставили всю рыбу по цѣнѣ вдвое болѣе дешевой. Контрактъ — обязательство безспорное, полиція никакихъ возраженій, безъ ясныхъ доказательствъ, не принимаетъ, грозятъ приступить къ описи ихъ домовъ, говорятъ, чтобы ихъ семейства убирались куда хотятъ. Доведенные до крайности, они являются къ капиталисту просить у него милости, съ отчаяніемъ въ сердцѣ соглашаются опять ему служить и выслушиваютъ съ покорностію наставительную нотацію о томъ, какъ дурно мѣнять хозяевъ.

Таково положеніе самаго счастливѣйшаго изъ рыболововъ. Самый прибыльный ловъ, это ловъ въ большихъ размѣрахъ; ловецъ, самъ заготовляющій для себя все, что нужно для лова, встрѣчается только тамъ, гдѣ капиталистъ признаетъ, что ему не стоитъ приниматься за дѣло, тамъ же, гдѣ ловъ сколько-

нибудь обильнѣе, капиталисты всегда умѣютъ оттѣснить рабочихъ и ставить ихъ въ условія, при которыхъ самостоятельная работа невозможна. Въ этомъ случаѣ капиталистъ пріобрѣтаетъ на свой счетъ все, что нужно для лова, и положеніе работника по крайней мѣрѣ такое же зависимое, какъ на другихъ промыслахъ. Если нашъ горный инженеръ во имя интересовъ казны требуетъ, чтобы работникъ былъ поставленъ отъ него въ зависимость почти рабскую, то здѣсь тогоже и на томъ же основаніи домогается капиталистъ. Неужели такое отношеніе нормально и полезно для страны? оно столько же стѣснительно для работниковъ, сколько невыгодно для всей Россіи. Почти двѣ трети всей рыбы, которая нагружается для продажи по русскимъ рѣкамъ, нагружается въ Астраханской губерніи. Нужно испытать на себѣ, каково половину года питаться квасомъ, лукомъ и чернымъ хлѣбомъ, чтобы знать, какая великая отрада, какая существенная необходимость для бѣднаго русскаго человѣка рыба; отъ одного луку и хлѣба его силы падаютъ, его раса вырождается. Тотъ, кто отрицаетъ право русскаго человѣка на дешевую рыбу, отрицаетъ его право быть здоровымъ и сильнымъ; между тѣмъ рыба недоступно дорога; иногда болѣе половины ея цѣнности идетъ въ карманъ капиталистовъ, въ видѣ чистаго дохода. Капиталисты на рыбныхъ водахъ богатѣютъ даже быстрѣе, чѣмъ золотопромышленники, и рыбная ловля даетъ относительно на одну треть болѣе милліонеровъ. Тутъ мы видимъ явленіе, съ которымъ впослѣдствіи мы не разъ встрѣтимся и которое достойно обратить на себя все наше вниманіе; работникъ, который производитъ всего болѣе, получаетъ вознагражденія всего менѣе. Тамъ, гдѣ уловъ самый ничтожный, воды оставляются работнику рыбаку и этотъ рыбакъ имѣетъ самый значительный доходъ между всѣми. Лишь только уловы значительнѣе, является на нихъ рыбакъ, закабаленный ловецкимъ контрактомъ, но и этотъ ловецъ, несмотря на свое тягостное положеніе, заработываетъ обыкновенно въ полтора, а иногда въ два и въ три раза болѣе рыболова работника. Тамъ же, гдѣ ловъ самый обильный, гдѣ трудъ рыбака производитъ безъ сравненія болѣе, тамъ этотъ рыбакъ — наемникъ, онъ голодаетъ въ то время когда его руками порождается изобиліе и безчисленное богатство для другихъ. Поэтому рыбакъ — естественный врагъ всякихъ усовершенствованій по отношенію къ лову: чѣмъ больше будетъ вылавливаться рыбы при томъ же количествѣ людей, тѣмъ меньше нужно будетъ работниковъ, тѣмъ тягостнѣе будетъ для нихъ конкуренція. Прямыя выгоды заставляютъ рыбака желать, чтобы уловы сдѣлались не прибыльными, тогда они не будутъ соблазнять капиталиста, они выпадутъ на долю работника и положеніе его улучшится. Дѣлать воды предметомъ частной собственности — это взглядъ на дѣло совершенно ложный, онъ ведетъ только къ истребленію рыбы. Самый выгодный для успѣха и прочности рыболовства ловъ — это ловъ вольный. Тамъ, гдѣ воды предметъ частной собственности, изъ нихъ хотятъ извлекать выгоды и собственники и откупщики, которымъ рыболовство предоставлено; для того, чтобы тотъ и другой были удовлетворены, необходимо, чтобы ловъ производился самыми истребительными для рыбы способами. Такъ какъ рыба свободно передвигается съ мѣста на мѣсто, то собственникъ

рыбнаго участка нисколько не думаетъ о сохраненіи рыбнаго богатства, а думаетъ только о томъ, какъ бы слишкомъ много не досталось его сосѣду, и истребляетъ рыбу самымъ безжалостнымъ образомъ. Употребляются всякіе пріемы лишь бы поспѣшнѣе захватить рыбу въ своихъ водахъ и массы ея погибаютъ при этой валовой охотѣ, не принося пользы рѣшительно никому, берегъ усыпается такимъ количествомъ гніющей мертвой рыбы, что ее даже и птицы не клюютъ отъ пресыщенія. Никакія охранительныя мѣры въ этомъ случаѣ не помогаютъ: капиталисты слишкомъ сильны, нужда ихъ слишкомъ велика, чтобы съ ними могла сладить администрація. Нигдѣ не приносятъ больше вреда размашитые пріемы сильныхъ, не гоняющихся за мелочью. Тамъ, гдѣ такъ-называемый вольный ловъ сопряженъ съ высокой платою за лодку, выйдетъ тоже самое. Противодѣйствовать рыбоистребленію можно только тамъ, гдѣ работникъ самъ себѣ хозяинъ и гдѣ капиталистъ или вовсе не существуетъ или, по крайней мѣрѣ, исключеніе — тутъ и безъ всякаго противодѣйствія не будетъ рыбоистребленія. Ограничивайте насколько возможно ловъ капиталистовъ, распространяйте самостоятельный ловъ рыбаковъ и вы сохраните рыбу и породите благосостояніе. Собственность надъ рыбными водами оказывается неблагопріятною даже тамъ, гдѣ отъ нея повидимому болѣе всего можно было ожидать успѣха, это при разведеніи рыбы и при открытіи для ея расположенія новыхъ резервуаровъ. Мы въ этомъ отношеніи сдѣлали самые печальные опыты на Черномъ морѣ, стремленіе къ слишкомъ большимъ барышамъ со стороны собственника закрыла всѣ ерики, открытые для рыболовства мѣстною предпріимчивостью. Въ этомъ отношеніи лучше всего поступать такъ, какъ поступаютъ на Уралѣ, гдѣ капиталистъ, который сохраняетъ или заманиваетъ рыбу для рыболововъ, получаетъ отъ этихъ же рыбаковъ вознагражденіе сообразно съ принесенною имъ пользою. Что касается до государственныхъ доходовъ, то брать доходъ съ рыбы тамъ, гдѣ ея едва достаточно для мѣстнаго потребленія, это значитъ привести къ окончательному рыбоистребленію; тамъ же, гдѣ рыба дѣлается предметомъ торговли и вывоза, можно взимать доходъ съ торговцевъ. Для облегченія этой финансовой операціи, можно облагать огульно извѣстной суммой всѣхъ торговцевъ и распредѣленіе предоставить имъ самимъ.

Ближайшій сосѣдъ рыбака по работѣ — морякъ, это существо, столь предпріимчивое и смѣлое и часто столь несчастное. Вдвоемъ или втроемъ, нерѣдко мужъ съ женою, эти смѣлые люди пускаются въ море въ парусной лодкѣ, ихъ не пугаютъ неправильное волненіе каспійскихъ водъ, ихъ опасныя бури и мели, ихъ не останавливаютъ покушенія трухменскихъ пиратовъ. Я зналъ въ Астрахани старуху шестидесяти трехъ лѣтъ, смѣлую сотрудницу своего мужа въ морскихъ путешествіяхъ; когда ей было уже около шестидесяти лѣтъ, она все-еще вдвоемъ съ мужемъ переплывала море. Она пользовалась величайшимъ уваженіемъ своего семейства, которое приписывало ей главное участіе въ пріобрѣтеніи своего состоянія. Этотъ морякъ — работникъ-собственникъ, его лодка съ приборомъ стоитъ до шести сотъ рублей. Несмотря на это его заработки весьма ограниченны и онъ живетъ бѣднѣе всякаго

лавочника. Даже и его жалкій достатокъ дѣлается со дня на день все менѣе прочнымъ, пароходы скоро отобьютъ у него хлѣбъ и тогда и на морѣ останутся только крупный капиталистъ и жалкій, необезпеченный работникъ...

Но тутъ меня прерветъ нетерпѣливый читатель. Я знаю, скажетъ онъ мнѣ, вы опять готовитесь разсказать мнѣ что-нибудь вродѣ того, что я слышалъ отъ васъ объ астраханскихъ рыболовахъ, вы постоянно воображаете себя въ бѣдной Сибири или въ сѣверныхъ тундрахъ — Астрахань городъ совсѣмъ иного рода. Войдите въ астраханскую гостинницу, гдѣ кутитъ рабочій народъ, вы тотчасъ замѣтите, что вы переступили изъ Азіи на порогъ къ европейской цивилизаціи. Вашъ дикарь сибирякъ кутитъ въ кабакѣ, въ которомъ ничего нѣтъ кромѣ деревянной лавки, онъ пьетъ до тѣхъ поръ, пока лишается чувствъ, — вотъ и все его наслажденіе. Въ астраханской гостинницѣ изящная мебель, на высокихъ окнахъ развѣшена роскошная драпировка, — играетъ хоръ музыкантовъ, нѣсколько разодѣтыхъ женщинъ соблазняютъ своей игрой и своимъ пѣньемъ. Въ освѣщенныхъ залахъ, за длинными столами сидитъ сто или двѣсти человѣкъ, всѣ почти работники. Этотъ работникъ носитъ на себѣ уже явный признакъ цивилизаціи; для того, чтобы доставить себѣ развлеченіе ему мало напиться виномъ до безчувствія, ему необходимо впечатлѣніе болѣе или менѣе изящное, роскошная и комфортабельная обстановка, музыка. Астрахань насчитываетъ подобныхъ гостинницъ до десяти, онѣ приводятъ въ восторгъ работника, не видавшаго ничего, кромѣ кабаковъ: «чудесно въ Астрахани», говоритъ онъ и весь таетъ, какъ будто-бы вспоминаетъ райское блаженство. Во всей Астраханской губерніи однакоже изъ всѣхъ работниковъ только самая ничтожная часть удостоивается испытать подобныя ощущенія. Есть тамъ и другія удовольствія, выходящія за предѣлы кабака, это астраханскіе сады, кумысные и чихирные подвалы — тутъ люди сходятся для развлеченія среди виноградниковъ, въ подвалахъ сидятъ, пьютъ кумысъ или чихирь и разсуждаютъ, тутъ все-таки лучше, чѣмъ въ кабакѣ, гдѣ и сѣсть нельзя, гдѣ человѣкъ пьетъ стоя стаканъ за стаканомъ, пока не пропьетъ всѣхъ денегъ. Въ кабакахъ запрещено имѣть закуску и мебель, чтобы воспрепятствовать огрубѣнію народа. Чтобы истребить господствующій въ Россіи типъ работника, который знаетъ одно удовольствіе напиться и потомъ бить свою жену, слѣдовало бы воспретить кабакъ безъ закуски и мебели — реакція противъ огрубѣнія инстинктивна въ работникѣ и онъ при первой возможности прибѣгаетъ къ самому дѣйствительному противоядію — къ музыкѣ и танцамъ: мы видѣли, что въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Томской и Енисейской губерніи работникъ тотчасъ же приглашаетъ жалкій хоръ музыкантовъ, какъ только имѣетъ къ тому средства, и танцуетъ съ женщинами осьмерку (родъ французской кадрили); даже тамъ, гдѣ ему остается одинъ кабакъ, онъ старается ввести этотъ элементъ, подносчикъ играетъ на гармоніи, поетъ пѣсни и тѣмъ привлекаетъ людей. Послѣдствія такой цивилизаціи обнаруживаются весьма скоро: на улицахъ Астрахани можно услыхать отъ работника мелодію, вовсе не похожую на пѣсни посѣтителя кабаковъ; въ обращеніи съ женою у него уже проявляются черты

деликатности, неизвѣстныя кабачнику. Конечно, грубость въ немъ еще преобладаетъ, впечатлѣній изящныхъ онъ получаетъ слишкомъ мало и отсутствіе въ гостинницахъ порядочныхъ женщинъ мѣшаетъ ему превратиться въ порядочнаго человѣка.

Со всѣмъ этимъ я согласенъ, я еще прибавлю къ этому, что въ Астрахани есть работники, которые по образованію стоятъ на той же степени, какъ наши чиновники и помѣщики; я зналъ тамъ наборщиковъ и другихъ работниковъ, которые вполнѣ соотвѣтствовали этому сравненію. Въ то время какъ работники цивилизуются такимъ образомъ, взгляды капиталистовъ и чиновниковъ твердѣютъ въ своей неподвижности; отъ этого — отношенія между ними и работниками дѣлаются горькими и наконецъ могутъ выродиться въ ненависть. Въ Астрахани точно также, какъ въ Сибири и въ Пермской губерніи, капиталистъ нуждается во власти нетолько надъ произведеніями труда работника, но и надъ самимъ работникомъ для того, чтобы извлекать изъ его труда всѣ тѣ выгоды, которыя онъ теперь извлекаетъ. Власть надъ произведеніями работника принадлежитъ ему исключительно и безспорно, — они у него въ собственности, власть надъ работникомъ достается ему не безъ усилій и пожертвованій, и это возбуждаетъ въ немъ постоянное негодованіе. Съ этой послѣдней цѣлью чиновникъ оказываетъ ему такъ много покровительства, какъ онъ только въ силахъ оказать: рабочему невозможно отыскать судъ на капиталиста нерѣдко даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство желаетъ оказать ему покровительство. Этимъ образомъ мыслей, этимъ духомъ проникнуты всѣ хозяева, начиная отъ самаго мелкаго хозяина-ремесленника до могущественнаго монополиста рыбной ловли. Какой-нибудь сапожникъ и тотъ горько жалуется на недостатокъ власти надъ своими подмастерьями; онъ платитъ имъ поштучно, кчему кажется ему желать власти, но вѣроятно политико-экономическое ученіе о конкуренціи не совсѣмъ вѣрно, если власть даетъ возможность хозяину увеличивать свои доходы на счетъ работника — не даромъ рабовладѣльцы отстаиваютъ свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Благодаря этой власти изъ каждыхъ ста рублей дохода отъ ремесленныхъ произведеній хозяинъ, у котораго три работника, получаетъ пятьдесятъ пять рублей, а всѣ работники вмѣстѣ въ видѣ содержанія и задѣльной платы получаютъ всего сорокъ пять рублей. Заработная плата сведена до той низкой цифры, при которой жить и содержать свое семейство невозможно. Извощикъ получаетъ на готовомъ содержаніи пять рублей въ мѣсяцъ, сапожникъ при поштучной работѣ никакъ не можетъ заработать больше шести. Весьма характеризуется это отношеніе власти слѣдующимъ анекдотомъ. Когда освобождены были крестьяне, тогда астраханскимъ садовникамъ изъ крѣпостныхъ людей отведены были земли, почти никуда не годныя, изъ земель государственныхъ, а ихъ дома съ усадьбой оставлены были во власти владѣльца сада. Уже это одно достаточно показываетъ, какъ нѣкоторые астраханскіе чиновники глядятъ на рабочаго: отнять его имущество и выбросить его на большую дорогу безъ всякихъ средствъ къ существованію для нихъ ничего не значитъ. Еще замѣчательнѣе то, что эти работники готовы были взять самую малую часть сада и даже платить за него

оброкъ лишь бы не обратиться въ бездомныхъ наемниковъ: въ видѣ наемной платы они иногда не получили бы и десятой части своихъ произведеній.

До какихъ крайностей доводитъ стремленіе сдѣлать работника подвластнымъ вездѣ и повсюду, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ Астраханской губерніи есть городъ Царевъ; городъ этотъ былъ когда-то селомъ, земля, на которой онъ стоялъ, и та, которая лежала въ чертѣ общинныхъ границъ, признавалась казенною собственностію. Сдѣлано распоряженіе и Царевъ обращенъ въ городъ, земля, на которой стоялъ городъ, сдѣлалась городскою, въ немъ стали селиться разные люди и въ скоромъ времени новые поселенцы стали составлять большинство въ городскомъ обществѣ. Каждому изъ этихъ поселенцевъ стоило обратиться въ думу, чтобы получить данную на любую землю, на которой стояли домы коренныхъ жителей. Съ этой данной въ рукахъ онъ являлся къ владѣльцу дома на этой землѣ и требовалъ, чтобы онъ или откупился или убирался. Притѣсненія эти сдѣлались столь невыносимыми, что многіе жители рѣшились наконецъ бѣжать изъ этого города, гдѣ никто не могъ быть увѣренъ, что произведенія его труда будутъ считаться его собственностію и не сдѣлаются жертвою чужой алчности. Они бѣжали въ степь и поселились въ осьмидесяти верстахъ отъ Царева. Но увы они не спаслись и тутъ. Они испытали покушеніе на свой трудъ путемъ права собственности, имъ оставалось испытать такое покушеніе путемъ власти. Царевская дума вдругъ стала предписывать имъ являться въ Царевъ для безвозмезднаго труда въ пользу города; цѣлыя недѣли эти несчастные люди должны были работать безвозмездно въ Царевѣ. Недѣля безвозмездной работы отца семейства, получающаго высокую заработную плату, лишаетъ это семейство въ теченіе пятидесяти дней мяса и рыбы, а имѣющаго средній заработокъ она заставитъ не доѣдать и не допивать съ семействомъ въ теченіе ста пятидесяти дней.

Долгъ первой и самой крайней необходимости—перевернуть вверхъ дномъ всѣ эти ложныя понятія и взгляды; общество должно убѣдиться, что самая святая и неприкосновенная вещь это право собственности труда надъ его произведеніями; оно должно проникнуться тою мыслью, что право собственности только для того и существуетъ, чтобы охранять трудъ. Всякій разъ, когда право собственности вырываетъ изъ рукъ производителя произведенную имъ вещь и уменьшаетъ его доходъ, оно должно быть отмѣнено и уничтожено. Все это поняли и доказали давно, много сдѣлало человѣчество для достиженія этой великой цѣли, но ему остается сдѣлать еще больше. Оно борется уже много вѣковъ съ этимъ могучимъ, обоюдоострымъ оружіемъ, которое называется правомъ собственности, съ этою великою властью, которая одна можетъ дать работнику благосостояніе и счастье, но которая скорѣе всякой другой можетъ бросить его на солому безъ крова и хлѣба, лишить трудъ всякой энергіи, сдѣлать работника лѣнивымъ, бездушнымъ и загрубѣлымъ. Она можетъ убить въ немъ послѣднюю искру чувства, онъ бездушно будетъ глядѣть на гибель жены и дѣтей, съ безвыходной апатіей онъ будетъ думать только о томъ, какъ бы работать возможно меньше, лишенный всякаго чувства своего достоинства, онъ будетъ думать только о томъ, какъ бы своровать и обмануть, предаться грязному пьянству и разврату.

Никто не знаетъ лучше сильныхъ міра сего, какое великое могущество лежитъ въ правѣ собственности, они знаютъ это и знали, что, прикрываясь святыми правами этого великаго охранителя труда, можно забрать въ руки этотъ самый трудъ, грабительски воспользоваться всѣми его плодами и, опочивъ на лонѣ лѣни и роскоши, сдѣлаться величайшимъ бичемъ труда и предпріимчивости. Во имя права собственности греческій философъ требовалъ права неограниченной власти человѣка надъ человѣкомъ и погубилъ великую цивилизацію своей родины, погубилъ цивилизацію Рима. Именемъ права собственности феодальный владѣлецъ требовалъ себѣ наслѣдственной власти надъ населеніемъ лена, графства и страны и произвелъ средневѣковую бѣдность и средневѣковую анархію. Именемъ права собственности испанскій монахъ требовалъ для христіанина въ Америкѣ неограниченной власти надъ индѣйцемъ и всѣми произведеніями его труда, приготовилъ гробъ для пятнадцати милліоновъ трудолюбивыхъ людей и сдѣлалъ величайшее варварство, которое когда-либо освѣщалось солнцемъ. Цивилизація вездѣ преслѣдовала это зловредное примѣненіе права собственности, это гибельное покушеніе на трудъ, она уничтожила рабство, феодальныя права, заклеймило позоромъ испанскій образъ дѣйствій въ Америкѣ, а міръ все-еще не можетъ понять, что право собственности это обоюдоострый мечъ, который и бьетъ и защищаетъ. Неужели послѣ такихъ великихъ подвиговъ дѣло цивилизаціи остановится на половинѣ пути, неужели она не прекратитъ всякую возможность превращать святое имя права собственности изъ охранителя въ бичъ трудолюбія и предпріимчивости?

Униженное положеніе работника, которое убиваетъ всякую предпріимчивость и всякое трудолюбіе, доходитъ нерѣдко дотого, что работникъ вынужденъ предоставить себя въ полное распоряженіе своего хозяина и служить ему безъ всякой опредѣленной заработной платы. Такія патріархальныя отношенія встрѣчаются даже въ Петербургѣ и во всѣхъ промышленныхъ губерніяхъ, но они особенно въ ходу въ отдаленныхъ и малонаселенныхъ мѣстностяхъ, каковы: Сибирь, сѣверная Россія, Астрахань, а поэтому здѣсь у мѣста сказать о нихъ нѣсколько словъ. Это положеніе тѣмъ тягостнѣе, что по закону работникъ въ этихъ случаяхъ не имѣетъ никакого права взыскивать свой заработокъ съ хозяина съ помощью правительственной власти и иногда хозяева такъ недобросовѣстно пользуются этимъ, что оставляютъ служившихъ у нихъ въ голодѣ и нуждѣ, считая ихъ службу за ничто. Эти неопредѣленныя отношенія, столь выгодныя для хозяевъ, тщательно ими поддерживаются, они нетолько не выгодны для работниковъ, но унижаютъ и деморализируютъ ихъ въ крайней степени. Подобный работникъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ лишается чувства своего достоинства, его раболѣпіе въ отношеніи къ хозяину безпредѣльно, потому что онъ знаетъ, что отъ его хозяина зависитъ дать ему много или ничего. Подобострастіе до такой степени омрачаетъ его способности, что чувство справедливости уничтожается въ его душѣ, онъ никакъ не можетъ разобрать, что̀ слѣдуетъ ему и что его хозяину; онъ постоянно считаетъ себя мошенникомъ и такое жалкое мнѣніе о самомъ себѣ служитъ могучимъ орудіемъ для разрушенія его нравственности. Изъ этого выходятъ жалкія жертвы промышленно-

сти и рядомъ съ ними прикащики, обирающіе своихъ хозяевъ, доводящіе ихъ до банкротства и потомъ превращающіеся въ купцовъ милліонеровъ. Купцу на ярмаркѣ понадобился человѣкъ разбитной, который служилъ бы ему на всѣхъ поприщахъ, исполнялъ бы должность лакея, домашняго секретаря и могъ бы успѣшно приводить къ концу разныя коммерческія порученія. Что же долго думать? Первому попавшемуся ему человѣку, который кажется ему способнымъ для исполненія его желаній, онъ обѣщаетъ дать выгодное дѣло у себя дома. Бѣдный человѣкъ, который, по какому-нибудь случаю, лишился мѣста и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, утѣшаетъ себя надеждою, что онъ не будетъ обиженъ, оставляетъ жену и семейство и отправляется за новымъ своимъ хозяиномъ. Хозяинъ увозитъ его за нѣсколько тысячъ верстъ и по пріѣздѣ оказывается, что выгоднаго дѣла вовсе никакого нѣтъ и что хозяинъ хотѣлъ только воспользоваться дешевымъ трудомъ, чего бы онъ не могъ достигнуть, еслибы не приманилъ надеждою. Нечего дѣлать, бѣдняга остается у него жить, вотъ онъ износилъ все свое платье, изъ бѣлья у него осталась одна только рубашка, въ изорванныхъ сапогахъ на босую ногу онъ бѣгаетъ по снѣгу, онъ исполняетъ всевозможныя должности — и лакея, и прикащика, и конторщика. Вотъ онъ получаетъ письмо отъ жены — оказывается, что она продала всѣ свои вещи, что она проводитъ голодомъ по три дня, одинъ ребенокъ умеръ, другой боленъ: объ всемъ этомъ онъ однакоже не смѣетъ сказать хозяину — хозяинъ терпѣть не можетъ женатыхъ служащихъ, они дорого стоятъ, ему плати и семейство содержи, и потому, поступая, онъ скрылъ отъ хозяина, что онъ женатъ, или, лучше сказать, скрыть онъ не могъ, но оба прошли этотъ пунктъ молчаніемъ. Прозябши однажды чрезмѣру, онъ въ минуту отчаянной рѣшимости начинаетъ говорить хозяину о состояніи своего гардероба, хозяинъ видитъ, что гардеробъ дѣйствительно весьма плохъ, и нѣсколько исправляетъ его. Но вотъ онъ снова обносился, между тѣмъ хозяину сказать не смѣетъ, хозяинъ къ нему почему-то придирается и чѣмъ ревностнѣе онъ служитъ, тѣмъ болѣе онъ его бранитъ; плюнулъ бы на все, бросилъ, да дѣться не куда. Въ добавокъ онъ получаетъ другое письмо: за изображеніемъ ужаснаго положенія его семейства слѣдуетъ извѣстіе, что его любимая дочь опасно больна и вѣроятно умретъ. Извѣстіе это дотого его поражаетъ, что онъ плачетъ такъ, какъ только русскій работникъ способенъ плакать, впечатлѣніе горести на его органы зрѣнія было такъ велико, что онъ по-временамъ терялъ способность видѣть; въ этомъ жалкомъ состояніи работа у него не клеилась и къ его великому горю присоединялось множество мелкихъ непріятностей. Однажды онъ мерзъ при отпускѣ товаровъ, слезы катились у него изъ глазъ. Были уже сумерки, когда отпускъ кончился. Главный прикащикъ принялъ болѣе трехъ тысячъ рублей денегъ. «Мнѣ еще къ заставѣ надо ѣхать,—сказалъ онъ нашему герою,—ночью какъ бы чего не случилось, возьми деньги, снеси домой, пріѣду ты мнѣ отдашь.» Дорогой съ нимъ встрѣтился знакомый и началъ ему разсказывать разныя вещи, будто-бы слышанныя имъ объ его семействѣ, и довелъ его до совершеннаго отчаянія; для утѣшенія онъ предложилъ ему выпить вина. Когда онъ очнулся, знакомаго не было, было темно и деньги

исчезли; на другой день онъ сидѣлъ уже въ тюрьмѣ, а черезъ три дня его не существовало, онъ удавился и этимъ доказалъ свою виновность. Эти неопредѣленныя отношенія имѣютъ и своихъ героевъ. Управляющій обширнымъ коммерческимъ дѣломъ выросъ и посѣдѣлъ въ подобныхъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ своему хозяину, хозяинъ умирая выразилъ своимъ дѣтямъ мнѣніе, что честнѣе этого человѣка они на цѣломъ бѣломъ свѣтѣ никого не найдутъ. Дѣти дали ему полную довѣренность и право брать для себя сколько онъ желаетъ, съ того дня онъ сталъ употреблять на себя вдвое менѣе чѣмъ прежде, онъ могъ тратить въ годъ десять тысячъ и ничего не услышалъ бы отъ своихъ хозяевъ кромѣ благодарности, онъ же ходилъ двадцать лѣтъ въ одномъ платьѣ, самъ носилъ воду для своего самовара, издержки на его особу едва доходили до четырехсотъ рублей въ годъ. Когда онъ умеръ, его имущество было недостаточно для самыхъ скромныхъ похоронъ; чтобы выразить свои чувства благодарности, его хозяева сдѣлали ему роскошнѣйшія похороны, которыя были діаметрально противоположны всему направленію его жизни. До сего времени всѣ говорятъ объ немъ не иначе, какъ съ умиленіемъ; но развѣ это былъ хорошій и полезный человѣкъ, онъ сбивалъ цѣны на трудъ, онъ вредилъ тѣмъ, которымъ слишкомъ трудно пріобрѣтать и облегчалъ пріобрѣтеніе для тѣхъ, которыхъ современное положеніе въ обществѣ потому только вредно, что имъ слишкомъ легко пріобрѣтать. Такія явленія происходятъ отъ совершеннаго извращенія чувствъ и идей въ классѣ трудящихся. Опытный наѣздникъ купилъ для своего хозяина за сорокъ рублей рысака, этого рысака онъ наѣздилъ и потомъ вымѣнялъ его на тройку лошадей и тройку эту продалъ за пятьсотъ восемьдесятъ рублей, хозяинъ далъ ему за это пятьдесятъ рублей: хозяинъ воображалъ, что онъ поступилъ весьма щедро, и наѣздникъ раздѣлялъ его мнѣніе. Но развѣ это справедливо? Если художникъ на чужомъ полотнѣ и чужими красками всего цѣною въ четыре рубли нарисовалъ картину, которая стоитъ пять тысячъ, неужели хозяинъ красокъ и полотна будетъ правъ, если онъ дастъ ему пять рублей? Все, что есть произведеніе моего труда, должно быть признано неотъемлемою моею собственностію, никакія уступки въ пользу капиталиста, хотя бы даже въ формальныхъ условіяхъ, не должны быть принимаемы судомъ въ соображеніе; наѣздникъ, который увеличилъ цѣнность лошади отъ сорока до пятисотъ осьмидесяти рублей, имѣетъ полное право на пятьсотъ сорокъ рублей, и все, что можетъ законно требовать въ этомъ случаѣ его хозяинъ, это проценты на свой капиталъ. Договора, которымъ бы человѣкъ лишалъ себя плодовъ своего труда безвозмездно и не имѣя причины дарить, не можетъ существовать, потому что онъ сдѣлаетъ это только подъ страхомъ голодной смерти или тяжкаго лишенія, а для существованія договора необходимо свободное согласіе; согласіе, вынужденное страхомъ, не есть свободное.

Вездѣ, въ ремеслахъ, въ промыслахъ и въ торговлѣ хозяинъ старается забирать какъ можно больше въ свои руки работника, вездѣ, то по принципу, то изъ желанія угодить богатому, чиновники способствуютъ этому и вездѣ послѣдствія одни и тѣ же, это деморализація и упадокъ труда. Ремесленниковъ нѣтъ, ремесленная работа крайне дорога, а между тѣмъ никто не хочетъ

учиться ремеслу. Кому охота отдать себя въ кабалу, въ качествѣ мальчика, безплатно быть въ услуженіи, вмѣсто того, чтобы учиться, исполнять самыя тяжелыя и отвратительныя работы и нерѣдко кончать тѣмъ, чтобъ возвращаться домой калекою не выучившись ничему? При занятіяхъ, гдѣ нужно поднимать большія тяжести или гдѣ отъ простуды или по другой причинѣ можетъ повредиться здоровье, напр. въ ремеслахъ каменщика, кожевника и т. д., это случай весьма не рѣдкій. Ученикъ, обратившійся въ подмастерье и въ работника, получающаго работу отъ хозяина, чувствуетъ себя постоянно подъ давленіемъ, противъ котораго онъ не имѣетъ никакихъ средствъ защищаться, хозяинъ обсчитываетъ его, накладываетъ на него лишнюю работу, а въ случаѣ сопротивленія безъ церемоніи отправляетъ его въ полицію для исправленія,—ему защищаться нѣтъ средствъ, потому что ему нѣтъ вѣры. Въ своемъ уничиженномъ положеніи онъ ненавидитъ и своего хозяина и свою работу и работаетъ какъ можно меньше. Ремесленники повсюду плачутъ и горюютъ, что нельзя найти хорошихъ подмастерьевъ, и никакъ не хотятъ понять, что они ихъ никогда не будутъ имѣть, пока между подмастерьемъ и хозяиномъ не будетъ равенства, пока они не будутъ товарищами. Владѣлецъ фабрики или завода располагаетъ къ себѣ начальство, заводитъ казака съ служителями и такимъ образомъ виситъ надъ работниками грозною силою, захватываетъ совершенно въ свои руки разсчетъ съ рабочими и предоставляетъ себѣ произвольное право налагать на рабочаго штрафы, посредствомъ которыхъ онъ можетъ лишить его заработка, всегда, когда этого захочетъ; если онъ за неисполненіе урока можетъ наложить на него штрафъ, равняющійся двух- и трехдневной заработной платѣ, и въ тоже время сдѣлать урокъ неисполнимымъ, то ясно въ какомъ положеніи находится работникъ. Въ добавокъ онъ можетъ совершенно закабалить работника за долгъ. Никто не вникнетъ при этомъ въ нравственное состояніе работника — каждый разъ, когда онъ работаетъ прилежно, онъ думаетъ: а ну если я за всѣ эти труды въ концѣ концовъ ничего не получу; каждый разъ, когда его соблазняютъ закутить, онъ думаетъ: если я повеселюсь, то я по крайней мѣрѣ пожилъ, если же я буду работать вмѣсто этого прилежно, а потомъ въ концѣ за свои труды ничего не получу, то мнѣ будетъ очень жаль, что я не воспользовался случаемъ и не повеселился; каждый разъ, когда онъ имѣетъ случай украсть, онъ думаетъ: я буду честенъ, а хозяинъ будетъ меня притѣснять, онъ будетъ въ выгодѣ, а я въ убыткѣ. Если наши фабриканты и заводчики такъ горько жалуются на недостатокъ хорошихъ рабочихъ, то я имъ укажу средство поправить дѣло— это обратить ихъ въ товарищей. Они такъ деморализировали работниковъ, что имъ нерѣдко приходится поправлять дѣло и выходитъ тришкинъ кафтанъ. Вотъ случай, какихъ я слышалъ весьма не мало. У хозяина хорошій мастеръ, напр. бондарь, онъ сначала эксплуатируетъ его, какъ только можно, мастеръ съ досады начинаетъ пить; хозяинъ старается донять его штрафами, но чѣмъ больше онъ на него накладываетъ штрафовъ, тѣмъ болѣе онъ озлобляетъ его и лишаетъ надежды на заработокъ, работникъ спивается съ-кругу; между тѣмъ онъ не замѣнимъ: надежныя бочки необходимы тотчасъ же,

товаръ пропадетъ безъ нихъ, дѣло должно остановиться. Хозяинъ вдругъ мѣняется, прощаетъ ему всѣ штрафы, обѣщаетъ полное вознагражденіе, лишь бы только онъ дѣло привелъ къ концу; разъ ему удается такая хитрость, а другой нѣтъ — работникъ сдѣлался безвозвратнымъ пьяницею. Поѣздите по Россіи; вы много увидите ловкихъ работниковъ, спившихся съ-кругу, распросите ихъ исторію, обыкновенно она будетъ въ этомъ родѣ. Купеческій прикащикъ съ малыхъ лѣтъ подвергается спартанской дисциплинѣ, кромѣ того, что всякій можетъ его трепать, бить, сваливать на него свою вину, онъ подвергается испытаніямъ, совершенно излишнимъ и имѣющимъ одну цѣль—его дисциплинировать и пріучить къ раболѣпію, напр. стоянію по цѣлымъ суткамъ на ногахъ. Все это дѣлаетъ его хитрымъ, узкимъ въ своихъ понятіяхъ и весьма склоннымъ къ порокамъ. Его дальнѣйшая жизнь, при которой хозяинъ ставитъ его въ рабскую и полную отъ себя зависимость, весьма способствуетъ развитію этихъ качествъ. Въ его юные годы передъ нимъ открываются двѣ дороги: первая — ему повалило счастье, онъ имѣетъ въ виду нажиться и сдѣлаться современемъ самостоятельнымъ купцомъ; въ этомъ случаѣ онъ не сдѣлается ни пьяницею, ни негодяемъ, онъ будетъ дѣйствовать сообразно своему характеру — или онъ будетъ дѣйствовать умѣренно и осмотрительно, наживется и никто не будетъ знать, какъ и когда онъ нажился, или же вкрадется въ довѣріе и вдругъ хватитъ порядочный кушъ, иногда оставивъ своего хозяина банкротомъ. Чаще конечно прикащикъ не видитъ передъ собою будущности сдѣлаться купцомъ, онъ видитъ передъ собою одно—всю жизнь быть въ такихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ и въ такой полной зависимости; въ этомъ случаѣ онъ обыкновенно дѣлается горькимъ пьяницею: не заманчиво всю жизнь видѣть передъ собою такую перспективу. Купцы горько жалуются на отсутствіе надежныхъ прикащиковъ, а кто въ этомъ виноватъ? Дѣйствительно, купцу, который имѣетъ обширную торговлю, нерѣдко случается три-четыре раза въ годъ, что у него прикащикъ захватитъ тысячи двѣ или пять. Иной поступитъ съ такимъ дальновиднымъ разсчетомъ и такъ опутаетъ своими сѣтями хозяина, что тотъ въ тотъ же годъ начнетъ ему продавать товаръ, въ торговлю, открытую на похищенныя у него деньги. Надъ мелкотравчатыми царятъ тузы прикащики, которые захватываютъ сотни тысячъ и милліоны. Купецъ оплакиваетъ свою судьбу, онъ сѣтуетъ, что онъ многое долженъ довѣрять пьяницамъ, которые того и гляди растеряютъ или перепортятъ его добро на значительную сумму; а между тѣмъ онъ никогда не прибѣгнетъ къ радикальному средству, т. е. къ тому, чтобы развивать въ прикащикѣ не подобострастіе, а самостоятельность и чувство своего достоинства. Въ этомъ заинтересовано нетолько купечество, въ этомъ заинтересовано все общество, изъ прикащиковъ выходятъ купцы, которые нѣсколько разъ въ жизни дѣлаютъ банкротства, наживаютъ этимъ сотни тысячъ и милліоны, дѣйствуютъ такъ хитро, что умираютъ въ почетѣ и богатствѣ, но этимъ способомъ дѣйствія дѣлаютъ торговлю неправильною и ненадежною и порождаютъ тотъ высокій процентъ, который дѣлаетъ дороговизну всѣхъ товаровъ чрезвычайною.

Отъ одной особенности Астраханской губерніи, отъ ея рыбныхъ водъ перейдемъ къ другой—къ ея безпредѣльнымъ степямъ. Мы видѣли на сѣверѣ жизнь охотника — посмотримъ на югѣ жизнь номада. Жизнь охотника—это жизнь борьбы и впечатлѣній, жизнь номада—это жизнь нѣги и покоя. Постороннему человѣку жизнь охотника покажется трудной, но интересной и занимательной, жизнь же номада невыносимо скучною. Не находя впечатлѣній въ трудѣ, номадъ ищетъ ихъ въ обществѣ, но и общество доставляетъ мало впечатлѣній, тамъ, гдѣ оно не имѣетъ цѣли, люди собирающіеся безъ дѣла скоро все переговорятъ. Вотъ почему у номадовъ такая наклонность къ завоеваніямъ — имъ нужно впечатлѣній. Тамъ, гдѣ завоеваній дѣлать нельзя, номадъ впадаетъ въ безъисходную апатію. По цѣлымъ днямъ сидитъ онъ и смотритъ на безпредѣльную равнину, на которой пасутся его стада—онъ, по мѣстному выраженію, пасетъ глазомъ. Онъ или ничего не дѣлаетъ или ковыряетъ небрежно какую-нибудь работу. По-временамъ онъ вскакиваетъ на коня и съ гикомъ ѣдетъ скружить стадо. Но и этотъ трудъ кажется богатому слишкомъ тягостнымъ, его дѣлаетъ другой, а онъ шагомъ ѣздитъ отъ пріятеля къ пріятелю, его поза выражаетъ безпредѣльную безпечность, вся цѣль его пріѣхать, соблюсти нѣсколько церемоній, помолчать и разъѣхаться. Какъ бы ни развилъ человѣкъ въ себѣ апатію, но жить безъ ощущеній для него невозможно, онъ ихъ создаетъ для себя искусственно; творчество его направляется его обстановкой, вѣчно передъ его глазами безконечная степь съ ея тишиною и таинственностію, надъ его головою звѣздное небо. Религіозныя ощущенія самыя для него естественныя, въ его средѣ развивается многочисленное духовенство и монашество. Его жизнь завершается этимъ, онъ примирилъ потребность ощущеній съ развивающеюся въ его душѣ апатіею, онъ все болѣе и болѣе втягивается въ эту жизнь и наконецъ находитъ въ ней безпредѣльное наслажденіе. Ему нужно, чтобы надъ нимъ было всегда открытое небо, передъ глазами безпредѣльная степь, чтобы около него былъ кругъ молчаливыхъ товарищей, ему нужно таинственно совѣтоваться съ монахомъ и исполнять религіозныя церемоніи. Средства къ жизни номада безъ сравненія выше тѣхъ, которыми обладаетъ звѣроловъ, скотоводство можетъ дать человѣку столько же средствъ къ его существованію, какъ и земледѣліе, оно можетъ содержать густое населеніе. Въ Англіи при ея безпримѣрно густомъ населеніи половина земель употребляется для цѣлей скотоводства. Номадъ можетъ въ теченіе вѣковъ развивать въ себѣ любовь къ апатіи, къ нѣгѣ и религіознымъ мечтаніямъ и не почувствовать потребности въ перемѣнѣ; однакоже и ему придется испытать другія стремленія. Религіозныя ощущенія не обходятся даромъ, чѣмъ болѣе имъ предается народъ, тѣмъ многочисленнѣе дѣлается его духовенство, наконецъ оно способно высосать изъ него всѣ средства и опутавъ его своею сѣтью брать уже силой то, что ему давалось прежде добровольно. Чѣмъ апатичнѣе дѣлается народъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ гнетомъ налегаютъ на него высшія сословія и наконецъ обращаютъ всю массу населенія въ рабовъ. У калмыковъ болѣе трети населенія состоитъ изъ людовладѣльцевъ и духовенства; каждыя два три семейства имѣютъ кромѣ

духовенства еще двухъ владѣльцевъ, которымъ они должны платить оброкъ. Въ Астрахани я видѣлъ фотографическое изображеніе наіона (князя) со всѣми его зайсангами (дворянами). Калмыцкій наіонъ соотвѣтствуетъ нашему помѣщику, но владѣніе его раздѣляется еще на множество мелкихъ участковъ, которые находятся въ распоряженіи его зайсанговъ. Тотъ же самый калмыкъ долженъ заплатить оброкъ и наіону, и зайсангу, и казнѣ, и духовенству. Зайсангъ живетъ оброками какихъ-нибудь трехъ или пяти семействъ. Въ пользу всѣхъ этихъ лицъ, калмыки несутъ повинности, превышающія силы человѣческія; предаваться прежней апатіи и не работать имъ уже нельзя, напротивъ калмыкъ осужденъ теперь на вѣчную бѣдность и на каторжную работу. Необходимость снискивать себѣ средства существованія и платить свои тяжелыя повинности бросаетъ его въ общество русскихъ, онъ исполняетъ самую тяжелую работу, за самую дешевую плату. Какъ ни тяжела жизнь для калмыка, но она имѣетъ для него неотразимую прелесть, онъ конечно сейчасъ готовъ отдѣлаться отъ ея тягостей, но ему трудно разстаться съ ея особенностями. Когда человѣкъ живетъ въ палаткѣ, постоянно подъ открытымъ небомъ, впечатлѣніе природы на его организмъ и на все его существо громадно, даже морозъ и тотъ рѣдко можетъ заставить его предпочесть закрытое помѣщеніе. Съ полудикими своими товарищами онъ находитъ жизнь и наслажденія, которыя ему милѣе всего на свѣтѣ. Онъ вѣчно готовъ пасти глазомъ, играть въ азартныя игры проигрываясь до-чиста, пить кумысъ и водку изъ лошадинаго молока, по ночамъ пускаться на разныя ночныя похожденія, воровать невѣстъ и пр. Русскій земледѣлецъ и калмыкъ другъ друга вовсе не понимаютъ, между ними господствуютъ только презрѣніе и взаимное отчужденіе; точно также русскій священникъ не можетъ понять средствъ, которыми очаровываетъ сердца калмыцкій монахъ своимъ ученіемъ о ничтожествѣ величія и о величіи ничтожества. Калмыка природа оковала впечатлѣніями, а монахъ религіознымъ чувствомъ: и то и другое служитъ намъ препятствіемъ для сближенія съ нимъ, но развѣ черезъ это калмыкъ дѣлается менѣе полезнымъ человѣкомъ въ нашей средѣ? На сѣверѣ у насъ безплодная непроходимая тайга, которую эксплуатировать можетъ только одинъ инородецъ охотникъ. На югѣ—безплодная, суровая степь, степь песковъ и сухихъ травъ, желтая и зимою и лѣтомъ. Тутъ калмыкъ пасетъ свои стада, тутъ и русскому нечего больше дѣлать. Мясо этихъ стадъ сухо и черство, какъ будто-бы солнце, которое засушило пески и растенія, сдѣлало сухими и фибры животныхъ. Болѣе десяти милліоновъ десятинъ въ Астраханской губерніи и въ сосѣднихъ мѣстахъ сдѣлались жертвою такого безплодія. Эти безплодныя земли, въ три съ половиною раза меньшія по объему, чѣмъ пустыни Архангельской губерніи, даютъ однакоже жизнь населенію во сто тысячъ человѣкъ. Пренебрегать этими степями для насъ въ высшей степени неблагоразумно, песчаныя степи менѣе всего заслуживаютъ, чтобы на нихъ смотрѣть свысока и съ презрѣніемъ: на песчаныхъ степяхъ англичане разводятъ въ Австраліи огромныя стада овецъ, для которыхъ такая почва особенно полезна, и достигаютъ значительнаго благосостоянія. Еще менѣе полезно

для насъ отталкивать отъ себя пастуховъ этихъ степей—калмыковъ; можетъ ли быть что-нибудь легче для насъ, какъ сближеніе съ этимъ жалкимъ народомъ, который въ средѣ своихъ высшихъ классовъ встрѣчаетъ столько притѣсненій? намъ стоитъ только оказать имъ сколько-нибудь дѣйствительную защиту и дѣйствительное покровительство. Калмыцкій высшій классъ очень хорошо понимаетъ, какая опасность грозитъ ему въ этомъ случаѣ,—онъ старается всѣми зависящими отъ него средствами питать въ калмыкахъ противъ насъ національные и религіозные предразсудки. Въ особенности духовенство чрезвычайно ловко указываетъ имъ на презрѣніе, которое мы къ нимъ питаемъ, и внушаетъ имъ, что ихъ ожидаютъ ужасы, еслибы они отъ своихъ домашнихъ піявокъ вздумали кинуться къ намъ въ объятія. Защищая своихъ отъ русской администраціи, они поступаютъ иногда съ дѣйствительнымъ самоотверженіемъ. Въ Астрахани, въ тюремномъ замкѣ, я видѣлъ цѣлый калмыцкій монастырь, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, который былъ заключенъ за то, что сжегъ тѣло русскаго, убитаго калмыкомъ, чтобы скрыть отъ русской полиціи слѣды преступленія. Поступокъ этотъ былъ въ высшей степени популяренъ между калмыками; энтузіазмъ и чувство своего достоинства, съ которымъ монахи переносили свое заключеніе, ясно показывали, что они понимали цѣну своего дѣла. Не менѣе ловко поступаютъ и владѣльцы. Они нетолько очень хорошо знаютъ нравственное настроеніе своего народа и понимаютъ, что̀ можетъ произвести впечатлѣніе на сердца, но знаютъ и всѣ личности, которые могутъ имѣть вліяніе. Этимъ преимуществомъ они пользуются весьма искусно: то они дадутъ облегченіе бѣднымъ, которые возбудили къ себѣ всеобщее сочувствіе, то они дадутъ льготу вліятельной личности, и потомъ сами и черезъ духовенство указываютъ на машиноподобный характеръ управленія казенными улусами, гдѣ сборы взимаются безъ всякаго примѣненія къ личностямъ и къ случайнымъ ихъ имущественнымъ невзгодамъ. Чтобы успѣшно одолѣть такое противодѣйствіе и водворить между нами и калмыками благопріятное для обѣихъ сторонъ отношеніе, нужно, чтобы калмыками управляли не чиновники, которые думаютъ только о томъ, какъ бы закончить свои дѣла и получить жалованье, а люди, у которыхъ бы на душѣ лежало сближеніе національностей. Вмѣсто того, чтобы разъѣзжать въ каретахъ и роскошничать въ Астрахани и другихъ городахъ, имъ бы слѣдовало жить на мѣстѣ, среди калмыковъ, хорошо изучить ихъ языкъ, заботиться объ ихъ нуждахъ и быть судьями и посредниками между ними, ихъ владѣльцами и духовными. Пользуясь силою русскаго государства, они управляютъ свысока и дѣлаются для калмыковъ пугаломъ, вмѣсто того, чтобы быть ихъ надеждою. Калмыки къ нимъ и не прибѣгаютъ, они имъ только низко кланяются, какъ верховнымъ владыкамъ, и иногда употребляютъ ихъ орудіемъ, чтобы топить другъ друга. Для суда и посредничества они имѣютъ людей въ своей средѣ, которые живутъ съ ними, знаютъ и ихъ языкъ и ихъ обычаи. Такимъ образомъ, по гордости и небрежности, мы не пользуемся самымъ сильнымъ орудіемъ для сближенія, имѣющимся въ нашихъ рукахъ, мы не дѣлаемъ также ничего, чтобы между русскими уничтожить привычку презрительно обращаться съ кал-

мыками. Трудолюбивый, добродушный калмыкъ, удивляющій русскихъ своею стойкостью въ работѣ, конечно менѣе всего стоитъ презрѣнія. Видя силу русскаго государства, онъ имѣетъ такое высокое понятіе о русскомъ, что онъ счелъ бы сближеніе для себя счастьемъ, еслибы русскій подходилъ къ нему какъ къ брату и этимъ отнялъ бы у владѣльцевъ и духовенства возможность раздувать къ нему ненависть. Несмотря на все ложное положеніе русскаго, калмыкъ и теперь при всякомъ случаѣ старается передъ нимъ порисоваться. Сближеніе имѣло бы для русскихъ огромныя выгоды и въ то время когда калмыки работаютъ среди русскихъ на рыбномъ промыслѣ, русскіе, освобождая ихъ отъ ихъ родныхъ угнетателей, могли бы селиться въ ихъ средѣ и могли бы найти много благосостоянія распложая скотъ въ степяхъ, способныхъ прокормить его въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ теперь. Мы ставимъ себя очевидно ложно по отношенію къ калмыкамъ и сѣвернымъ инородцамъ— взглянемъ на наше положеніе по отношенію къ другимъ инородцамъ.

Въ серединѣ между этими номадами и сѣверными звѣроловами лежитъ страна равнинъ и плоскихъ возвышенностей. Селенія рѣдко раскиданы по обширному пространству; богато снабженныя лѣсомъ, лугами и пашнями, они иногда владѣютъ землями безъ передѣловъ. Картины печальнаго сѣвера, съ его хвойными лѣсами, исчезаютъ и смѣняются теплымъ, розовымъ колоритомъ неба, душистымъ липовымъ лѣсомъ и грандіознымъ дубомъ. На всемъ этомъ пространствѣ, въ пестрой смѣси живутъ осѣдлыя племена, черемисы, чуваши, мордва, русскіе, татары и нѣмцы. Всѣ эти племена по степени своей культуры болѣе или менѣе равны между собою, рѣшительный перевѣсъ имѣютъ можетъ быть только нѣмцы. Они дотого перетасованы между собою, что съ перваго взгляда совершенно невозможно замѣтить, что они при первоначальномъ поселеніи старались сближаться по національностямъ; только живя долго на одномъ мѣстѣ можно увидать, что они селились полосами, впослѣдствіи же они дотого перемѣшались, что въ одномъ селеніи иногда живетъ три или четыре національности. Каждая изъ этихъ національностей имѣетъ свои достоинства и эти особенности такого рода, что еслибы онѣ другъ у друга переняли все хорошее, то восточная Россія была бы похожа на страну, отличающуюся довольно высокою степенью цивилизаціи. Отчего же онѣ не имѣютъ другъ на друга такого вліянія, какъ можно не видѣть хорошаго, когда это хорошее колетъ глаза, какъ не позавидовать ему, какъ не перенять его? Между всѣми татариномъ отличается живой и впечатлительной натурой, онъ самый самостоятельный и зубастый изъ всѣхъ; потребность въ удобствахъ жизни въ немъ такъ сильна, что онъ ее проявляетъ всюду, гдѣ только можетъ. Въ своей избѣ онъ старается соблюдать чистоту и комфортъ и при первой возможности старается сдѣлать ее изящною; стѣны въ избѣ чисты, иногда выбѣлены и даже оклеены бумагой; онѣ разукрашены вышитыми узоромъ полотенцами; на широкихъ нарахъ навалены перины и большія подушки, на которыхъ онъ лю-

бить нѣжиться, отъ самаго потолка виситъ широкій пологъ, иногда разукрашенный искуснымъ узоромъ, онъ любитъ ходить въ туфляхъ и въ мягкой обуви. Тряская телега ему не по вкусу, онъ придумалъ для себя весьма удобный и дешевый экипажъ, это плетенку на длинныхъ дрогахъ, она раздается во всѣ стороны и на самой тряской дорогѣ производитъ пріятную качку. Онъ ведетъ себя съ такимъ достоинствомъ, такъ умно и съ такимъ тактомъ, что въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ помѣщики не имѣютъ сосѣдей, они ведутъ знакомство съ татарами и предпочитаютъ ихъ общество даже обществу сельскаго священника—татаринъ не войдетъ въ комнату въ тяжелыхъ и грязныхъ сапогахъ, не напускаетъ отвратительной вони. Его мягкая обувь такъ чиста, что башмакъ дочери помѣщика способенъ на полу сдѣлать больше пятенъ. Онъ имѣетъ всѣ страсти человѣка впечатлительнаго, онъ большой охотникъ до скачекъ, до борьбы, любитъ держать пари, охотится верхомъ съ собаками за лисицею и зайцемъ. Страсть щеголять и мотать въ немъ такъ велика, что среди татаръ земледѣльцевъ существуетъ типъ совершенно неизвѣстный между русскими крестьянами, это типъ человѣка, пускающагося на разныя аферы, спекуляціи и мошенничества, вслѣдствіе неодолимой потребности щеголять и отличаться комфортомъ и обстановкой. Къ этому присоединяется у него любовь къ торжественнымъ впечатлѣніямъ, въ каждой татарской деревнѣ есть мечеть, таинственная тишина и торжественность богослуженія имѣетъ сильное вліяніе на его душу, поэтому мулла имѣетъ на него сильное нравственное вліяніе, въ рукахъ сколько-нибудь значительной личности оно вырождается во власть, которой повинуются болѣе охотно, чѣмъ свѣтской власти. Нельзя сказать, чтобы съ тѣхъ поръ, какъ русское населеніе сдѣлалось господствующимъ, татаринъ не искалъ сближенія съ русскимъ, эти поиски доказываются ясно тѣмъ, что онъ выучился говорить по-русски. Русскіе называютъ его «собакой», обращаются съ нимъ съ презрѣніемъ и даже съ ненавистью и онъ платитъ имъ вполнѣ тою же монетою. Сознавая свое превосходство во многихъ отношеніяхъ, онъ нетолько не хочетъ подражать хорошему въ ненавистныхъ ему людяхъ, но не хочетъ видѣть этого хорошаго, а если и видитъ, то отрицаетъ. Въ кругу своей вѣры и своего языка онъ видитъ единственныхъ людей, къ которымъ онъ можетъ питать симпатію. Его привычки лѣни и работы, нѣги и богомолія — все раздѣляется его братьями; его жизнь наполняется наслажденіями, понятными только для его братьевъ и которыя для русскихъ — дикій лѣсъ. Наступаетъ праздникъ, время отдыха отъ работы, время жизни для каждаго рабочаго человѣка — въ тихій, теплый вечеръ имамъ протяжно сзываетъ къ молитвѣ, съ высоты минарета его звучный голосъ раздается по деревнѣ, татаринъ торжественно и важно собирается въ мечеть, затѣмъ онъ проводитъ время свое почти исключительно въ обществѣ мужчинъ, сидѣть и болтать толпою— это для татарина величайшее удовольствіе, которому онъ посвящаетъ все свое свободное время. Живши много лѣтъ среди татаръ, я ни разу не видалъ въ деревнѣ на улицѣ собранія женщинъ, ни пѣсней, ни пляски; но если читатель изъ этого заключитъ, что татарка должна завидовать русской женщинѣ, то онъ очень ошибется, скорѣе могло бы случиться наоборотъ. Живши въ

краю, гдѣ было по крайней мѣрѣ столько же татаръ, сколько и русскихъ, я такъ много слышалъ о жестокомъ обращеніи русскихъ съ своими женами, что жизнь моя была этимъ отравлена, о татарахъ же я слышалъ въ этомъ отношеніи несравненно меньше. Многоженство для женщины весьма непріятно, если оно не сопровождается значительнымъ улучшеніемъ ея благосостоянія, оно источникъ безконечныхъ ссоръ, зависти и обращаетъ жизнь въ невыносимую пытку, но оно все-таки лучше отношенія къ свекрови въ русскихъ семействахъ и притомъ оно исключеніе; затѣмъ татарка несравненно болѣе ограждена: между нею и мужемъ есть всегда налицо судъ — это мулла; разводъ весьма облегченъ и чрезвычайно чувствителенъ для мужа, потому что онъ лишается калыма, женщина же не остается безъ обезпеченія. Одинъ татаринъ былъ до того озлобленъ тѣмъ, что мулла не дозволялъ ему бить своей жены и наконецъ даже развелъ ихъ, что онъ убилъ свою жену. Глядя на этого звѣря, я не могъ не думать о томъ, сколько подобныхъ же звѣрей между русскими забиваютъ безнаказанно своихъ женъ до смерти. Сравнивая свое міровоззрѣніе съ русскимъ, онъ его находитъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнымъ, тутъ во всемъ какая-то суровость и сухость, у него мягкость формъ и поэтическая обстановка. Стоитъ подъѣхать къ русской деревнѣ, чтобы увидать разницу, она имѣетъ какой-то голый, суровый видъ, возлѣ татарской таинственно неприкосновенная роща, откуда нельзя вырубить прута, гдѣ можно гулять только разъ въ годъ, у русскаго голыя лавки и нары, разбивающая внутренности телега, суровое до безчувственности обращеніе съ женою, у него пологи и перины, качалка вмѣсто телеги, отношеніе къ женщинѣ сладострастное, но менѣе суровое. Все это такъ ему нравится, онъ такъ привязывается къ людямъ, среди которыхъ онъ выросъ, что жизнь въ кругу магометанъ ему кажется лучшимъ, что́ можно найти на свѣтѣ. Я встрѣтилъ татарина, который былъ въ Англіи, во Франціи и въ Италіи. «Нѣтъ на свѣтѣ страны лучше Турціи», сказалъ онъ мнѣ. Неужели онъ не правъ, въ Турціи онъ встрѣчаетъ привѣтъ и любовь, тутъ раздѣляются всѣ его чувства, всѣ его наслажденія, въ Англіи вмѣсто всего этого ему показываютъ осьмисот-фунтоваго быка, оскорбляютъ все, что онъ считаетъ святымъ, и говорятъ ему: на смотри, удивляйся намъ и учись презирать себя, какъ мы тебя презираемъ. Статистика мѣстами оправдываетъ высокое понятіе, которое имѣютъ о себѣ татары. Есть мѣстности, гдѣ между татарами встрѣчается такая же смертность, какъ въ Англіи, гдѣ самая благопріятная смертность между великими государствами Европы. Между русскимъ населеніемъ я ничего подобнаго не встрѣчалъ.

Человѣкъ не можетъ жить безъ радостей и впечатлѣній; какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ этихъ радостей, онѣ составляютъ все, что привязываетъ его къ жизни; онъ чувствуетъ любовь и привязанность лишь къ тѣмъ, кто ему даетъ или раздѣляетъ съ нимъ отрадныя минуты его жизни. Войдите въ избу и на дворъ русскаго крестьянина, вы сейчасъ замѣтите, что онъ относится къ татарину какъ стоикъ къ эпикурейцу; телега у него тряская, обувь тяжелая и неуклюжая, на нарахъ какая-нибудь пара жалкихъ подушекъ. Но будто-бы жизнь русскаго въ сравненіи съ жизнью татарина лишена на-

слажденій? Уже первая отличительная черта русскаго, это пѣсни, русскій поетъ несравненно болѣе и лучше, чѣмъ татаринъ, свой еженедѣльный день отдыха русскій празднуетъ несравненно оживленнѣе. Въ теплый лѣтній день съ вечеру и до глубокой ночи народъ толпится на улицахъ, всякій разрядился, какъ только могъ, и эти праздники научили русскую женщину безъ помощи бѣлилъ и румянъ лучше рядиться, чѣмъ рядится татарка, даже самая бѣдная умѣетъ украсить себя. Съ послѣ-обѣда и до глубокой ночи на улицахъ хороводы, пляска, пѣсни и веселье. Въ одномъ мѣстѣ играетъ гармонія, въ другомъ брянчитъ балалайка, въ трехъ-четырехъ игры и пляска съ поцалуями; у самыхъ старыхъ и солидныхъ расходится душа глядя на нѣжности парней съ дѣвушками, бородачъ поразвязнѣе выпьетъ стаканъ или другой и какъ будто-бы съ-пьяна пускается плясать и цаловаться съ дѣвушками. Тутъ же учиняются одиночныя прогулки въ поле и всякія любовныя шашни. Для земледѣльца зима въ особенности это — время отдыха и наслажденій, каждый день парни и дѣвушки сходятся вмѣстѣ и тутъ играмъ и нѣжностямъ нѣтъ конца, нѣкоторые такъ привязываются къ этой жизни, полной впечатлѣній, что имъ съ нею чрезвычайно трудно разстаться, и они нерѣдко предпочитаютъ бѣдность и веселье скучному довольству. Ни объ однихъ минутахъ своей жизни русскій работникъ не вспоминаетъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ объ этихъ. Начиная отъ фабричнаго и кончая послѣднимъ земледѣльцемъ, всякій, лишь только у него расходится душа, тотчасъ начинаетъ разсказывать, какъ онъ гулялъ и какъ онъ волочился. Ему извѣстны и другія, болѣе солидныя удовольствія; между ними на первомъ планѣ, это торжественно церемонные выѣзды; его идеалъ въ этомъ случаѣ — хорошенькая и нарядная жена, солидный и не бѣдный костюмъ, щегольская телега съ приличной лошадью и сбруею. Русскіе привыкли наслаждаться одинаковымъ образомъ, они понимаютъ всѣ ощущенія, которыя производятся этими наслажденіями, и это служитъ для нихъ дотого сильною связью, что вліяніе общества на отдѣльнаго человѣка почти неотразимо, его любовь къ этому обществу такъ велика, что онъ въ большей части случаевъ пожертвуетъ богатствомъ и даже будетъ терпѣть нужду только бы не разставаться съ своими братьями. Русскіе попадались въ плѣнъ къ племенамъ средней Азіи, тамъ достигали почестей и богатства, бросали все и бѣжали на родину, чтобы заработывать сто рублей въ годъ. Чѣмъ тѣснѣе общество, съ которымъ человѣкъ раздѣляетъ постоянно наслажденія, тѣмъ значительнѣй вліяніе этого общества, къ общимъ чертамъ, развитымъ въ немъ вліяніемъ единоплеменниковъ, присоединяются еще отдѣльныя, порожденныя его односельцами. Въ одной деревнѣ все щеголи, въ другой все пѣсенники, въ третьей все плясуны и музыканты. Въ одной деревнѣ все любители гулять и веселиться — «хотя ѣсть нечего, да жить весело», въ другой хвалятся солидностью и благосостояніемъ. Въ одной бабы отлично выпекаютъ хлѣбъ, въ другой выпрядаютъ ленъ. Дѣло кончается извѣстнымъ фактомъ, что цѣлыя деревни занимаются однимъ ремесломъ, въ одномъ мѣстѣ все сапожники, въ другомъ соловьиные охотники. Эти спеціальныя вліянія между отдѣльными мѣстностями порождаютъ такія отличія, какія существуютъ

на одной и той же мѣстности между различными національностями. Въ Сибири въ избахъ преобладаетъ чистота, но скотъ ходитъ на заднемъ дворѣ, котораго часть едва прикрыта жидкимъ навѣсомъ, у богатаго—двухъэтажная изба, имѣющая пять оконъ на улицу, у бѣднаго—кубическій домъ безъ крыши и кругомъ ни кола ни двора. Въ восточной Россіи преобладаетъ изба съ тремя окнами, каждое по шести стеколъ, и дворъ, обнесенный навѣсами, сараями и амбарами. Самая убогая изба и та стремится выйти на ту же дорогу, окна дѣлаются меньше, навѣсъ остановился на осьмой или десятой части нашего пути. Крестьянинъ живетъ грязнѣе, но зато относительно скота онъ бережливѣе и внимательнѣе, молодой скотъ и птица живутъ зимой въ избѣ вмѣстѣ съ нимъ. По теченію Волги въ Костромской, Ярославской и Вологодской губерніи крестьянинъ прикрываетъ избу и дворъ одной крышею, которая представляетъ огромный треугольникъ, и на этой высокой постройкѣ при первой возможности является рѣзьба. Въ избѣ въ серединѣ окно въ шесть стеколъ, а по бокамъ два окна по два стекла. Надъ воротами устраивается еще комната, а дворъ представляетъ обширную конюшню, въ которой изобильно накидывается солома. Такой же видъ представляютъ и богатыя селенія и бѣдныя, напр. на лѣвой сторонѣ Волги по заброшенной Костромской дорогѣ. Но какова бы ни была эта разница, люди, вышедшіе изъ одного источника, долго носятъ общія черты. Татаринъ вездѣ эпикуреецъ, русскій отличается стоицизмомъ и солидностью, татаринъ кормитъ свою лошадь мѣсивомъ и гикаетъ на ней и скачетъ, русскій кормитъ ее овсомъ и болѣе подаетъ видъ удальства, а въ сущности онъ жалѣетъ ее и ѣдетъ рысью; даже когда онъ совершенно пьянъ и тогда онъ себѣ на умѣ. Каждый видитъ въ подобныхъ отличительныхъ чертахъ свое превосходство.

Вездѣ любовь соединяетъ людей и дѣлаетъ ихъ одинаковыми, ненависть разталкиваетъ ихъ и заставляетъ идти отдѣльными путями. Войдите въ избу мордвина, вы сейчасъ увидите, что это жилище не русскаго и не татарина. Вонь и невыносимо тяжелый воздухъ, грязная нездоровая пища, грязная обстановка. Однажды въ жаркій день я попросилъ себѣ въ мордовской избѣ кислаго молока, мнѣ дали молока такого прокислаго и спиртуознаго, что не было никакой возможности его ѣсть, я далъ его своей собакѣ, которая была голодна, она кинулась на молоко, но скоро отстала, ей оно показалось слишкомъ невкуснымъ. Ребенокъ-мордвинъ подошелъ къ чашкѣ и съѣлъ руками все съ величайшимъ апетитомъ. Общество мордвовъ производитъ впечатлѣніе какого-то опустившагося общества; въ немъ нѣтъ недостатка силъ и способностей, между мордвами и мордовками встрѣчается достаточно красивыхъ, сильныхъ и энергическихъ личностей; но оно дотого опустилось въ грязь и такъ себя чувствуетъ въ ней уютно, что у него не достаетъ силъ оттуда выбраться. Мордовское общество имѣетъ для мордвина неотразимую прелесть, ему пріятно, онъ чувствуетъ себя хорошо только въ своемъ кругу; татаринъ не боится людей, онъ предпріимчивъ и увлекателенъ, онъ ко всякому человѣку знаетъ какъ подойти и старается завлечь его въ свои сѣти. Мордвинъ также предпріимчивъ по-своему, но онъ дикъ; онъ готовъ работать, но ему

непріятно сходиться съ людьми другаго племени, у чувашъ и черемисъ это свойство дотого разростается, что дѣти съ крикомъ бѣгутъ со двора въ избу, когда увидятъ чужаго. Мордвинъ любитъ окружать себя большимъ семействомъ, для него нерѣдко — рекомендація, если его невѣста родила, значитъ у нея будутъ дѣти. Въ семействѣ дружба и тѣсная связь, они, какъ говорится, жалѣютъ своихъ, мордовка нерѣдко кормитъ ребенка нѣсколько лѣтъ своимъ молокомъ, ей жаль его отнять; родители рѣдко обвиняютъ въ чемъ-нибудь своихъ дѣтей, всегда другіе виноваты. Дѣвушка имѣетъ любовника, если она хочетъ сдѣлать ему непріятность, ей стоитъ сказать объ этомъ своимъ родителямъ, ее за это бранить не будутъ, но любовника отецъ подстережетъ и пуститъ въ него чѣмъ попало, — полѣномъ, ножомъ. Татаринъ и русскій люди практическіе, для нихъ наслажденій воображенія не существуетъ, всѣ наслажденія ихъ носятъ характеръ существеннаго, мордвинъ напротивъ, онъ болѣе поэтъ, обстановка жизни вовсе его не интересуетъ, грязная жизнь, скверная пища его не тревожитъ, онъ удовлетворяется наивными впечатлѣніями. Наслажденія мордвина смѣшны въ глазахъ русскаго или татарина: «если хочешь разгуляться, возьми денежки съ собой» — такъ выражается практичность русскаго и въ его наслажденіяхъ. Намъ, привыкшимъ мѣрить цивилизацію земледѣльца количествомъ цѣнностей, находящихся у него въ домѣ и на дворѣ, чистотою и богатствомъ его обстановки, намъ мордвинъ кажется стоящимъ на низшей степени цивилизаціи, нежели русскій или татаринъ; между тѣмъ это несправедливо. Мордвинъ, ловкій и молодой, отличается вѣтренностью и впечатлительностью, онъ любезничаетъ и играетъ съ женщинами безъ всякой цѣли, исключительно предаваясь своимъ впечатлѣніямъ, русскому смѣшна такая впечатлительность, она кажется ему слабостью: мордовка хвалится своимъ любовникомъ, русская — подарками своего любовника. Между русскимъ и мордвиномъ то же отношеніе, какъ между ирландцемъ и англичаниномъ, они никогда не поймутъ другъ друга. Мордвинъ не разсчетливъ и бѣденъ, зато хвастунъ большой руки: то онъ возьмется въ рабочую пору за постороннее дѣло, увѣряя, что онъ вездѣ поспѣетъ, то отказывается отъ работы, когда у него нѣтъ другаго занятія; богатство и деньги онъ цѣнитъ очень низко и даже, кажется, онъ вовсе имъ цѣны не знаетъ: мнѣ случалось за сѣно для трехъ лошадей платить двадцать пять копѣекъ и за сѣно для шести лошадей и хлѣбъ и молоко для осьми человѣкъ людей платить три копѣйки и невозможно было уговорить взять больше. Мордвы имѣютъ всѣ свойства поэтическихъ душъ, они болѣе застѣнчивы, чѣмъ робки; они весьма впечатлительны къ ласкамъ и къ хорошему обращенію. Всѣ впечатлѣнія дѣйствуютъ на мордвина очень сильно; дома, несмотря на бѣдность и на грязь, ему кажется очень хорошо, чуть его гдѣ приласкаютъ, ему и тамъ кажется очень хорошо. Если онъ застѣнчивъ съ женщинами, онъ непремѣнно женится очень рано и на перезрѣлой дѣвѣ. Если онъ разбитной малый, то онъ похититъ себѣ хорошенькую и молоденькую мордовочку, но не остепенится, какъ русскій въ подобномъ случаѣ, а скоро ему начнутъ нравиться другія, онъ сдѣлается Донъ-Жуаномъ къ великому огорченію своей

жены. Молодая мордовка еще больше русской любитъ оставаться въ дѣвствѣ, это для нея время впечатлѣній, ею плѣняются и за нею ухаживаютъ и женатые и холостые, въ собраніяхъ на улицѣ, въ лѣтніе вечера, въ играхъ до самой зари она играетъ самую видную роль, впечатлительный мордвинъ такъ плѣняется ею, что находитъ ее лучше всѣхъ красавицъ сего міра, онъ рисуется передъ нею съ полнымъ увлеченіемъ и старается показаться молодцомъ изъ молодцовъ — у русскаго сейчасъ заговоритъ самолюбіе, онъ боится унизиться, показывая слишкомъ большое желаніе нравиться. Веселье мордвина задушевное, стыдливость и заднія мысли не останавливаютъ его потока и любовь къ объятіямъ играетъ въ немъ первую роль. Какъ мордвинъ увлекается женщиною, легко переходя отъ впечатлѣнія къ впечатлѣнію и предаваясь имъ съ полною задушевностью, такъ онъ увлекается виномъ и бесѣдою. И тутъ онъ оказывается смѣшонъ для русскаго позитивизма: человѣкъ вошелъ въ кабакъ, выпилъ десять стакановъ одинъ за другимъ не моргнувъ глазомъ, хладнокровно сказалъ «нечувствительно» и твердой поступью вышелъ, какъ будто-бы пилъ воду, — вотъ человѣкъ, который внушаетъ русскому уваженіе. Наслажденіе за стаканомъ пива сопровождается для мордвина рядомъ наивныхъ слабостей, ему нужно сочувствіе для того, чтобы оно не выродилось въ страданіе.

Мы не обращаемъ вниманія на матеріальныя потребности народа, но пренебреженіе наше къ потребностямъ нравственнымъ такъ велико, что мы ихъ вполнѣ игнорируемъ. Между тѣмъ вліяніе нравственныхъ потребностей дотого сильно, что оно не изглаживается ни продолжительнымъ сожительствомъ, ни даже образованіемъ. Черкесъ, образованный въ Петербургѣ, возвратившись на родину, покидаетъ все, чему онъ научился, и обращается къ прежнему образу жизни. Евреи, которые скорѣе превосходятъ русскихъ способностями, чѣмъ уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи, сходятся съ ними или для дѣлъ или для того, чтобы ихъ обыгрывать въ карты, затѣмъ вся ихъ жизнь проходитъ въ ихъ собственномъ кругу, евреи и русскіе несравненно больше чувствуютъ отвращенія отъ сближенія, чѣмъ склонности. Совершенно такое же отношеніе между русскими и армянами, общество армянъ невыносимо скучно для русскихъ, а общество русскихъ для армянъ; ихъ взаимная связь такъ велика, что въ астраханскомъ клубѣ напр. армяне подаютъ голоса, какъ одинъ человѣкъ, и чрезъ это иногда управляютъ клубомъ несмотря на то, что они меньшинство. Расталкивающая сила между національностями и связывающая въ средѣ той же національности доходятъ дотого, что въ городахъ онѣ даже селятся въ отдѣльныхъ частяхъ: въ Казани татарская и русская часть города совершенно отдѣльны другъ отъ друга, Астрахань раздѣляется на три части— русскую, татарскую и армянскую, кромѣ того персіане живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ. Многіе наши писатели хвалятся, что русское племя обладаетъ особенною способностью руссифицировать племена, съ которыми оно сталкивается. Я не буду говорить о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ руссификація встрѣчала сопротивленіе, я укажу на востокъ, на Казанскую губернію. Видимъ ли мы тамъ слѣды руссификаціи? Если и видимъ, то въ самыхъ ничтожныхъ раз-

мѣрахъ. Мѣстность эта была почти пустынная, когда она подверглась завоеванію. Ея многоземеліе и плодородіе привлекали сюда переселенцевъ, которые попадали въ восточныя степи еще и инымъ путемъ: лица высшихъ сословій, нерѣдко изъ татаръ, получали здѣсь земли, которыя заселялись русскими, образовавшими впослѣдствіи все крѣпостное населеніе губерніи, — это магометанское высшее сословіе дѣйствительно принимало христіанскую вѣру и обрусѣло. Что же мы видимъ въ настоящее время. Въ Казанской губерніи, по свѣдѣніямъ памятной книжки 1867 года, и теперь инородцевъ большинство: изъ населенія въ 1,609,589 русскихъ всего 684,507. Для того, чтобы населить Казанскую губернію такимъ количествомъ русскихъ, для того, чтобы обрусить высшее сословіе изъ татаръ, мы должны были отдать имъ въ рабство массы русскаго народа, и все бывшее крѣпостное населеніе Казанской губерніи состоитъ изъ русскихъ. Благодаря этому обстоятельству, которое конечно менѣе всего способно обрадовать русское сердце, русскіе и татары перемѣшались другъ съ другомъ. Однакоже и до сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ татарское населеніе преобладаетъ. Въ уѣздахъ Тетюшскомъ, Малмышскомъ и Царевококшайскомъ русскихъ 130,472, а татаръ 154,393; даже въ Казанскомъ уѣздѣ, если отбросить городъ Казань, окажется значительное большинство татарскаго населенія (русскихъ 63,319, а татаръ 98,075). Что же касается до прочихъ національностей, то ихъ положеніе повидимому нисколько не измѣнилось, онѣ занимаютъ прежнія свои мѣста и сплошными массами населяютъ цѣлые уѣзды. Чуваши и черемисы занимаютъ всю западную половину губерніи и притомъ черемисы сѣверную, а чуваши южную ея часть. Въ уѣздахъ Ядринскомъ, Цивильскомъ, Чебоксарскомъ, Царевококшайскомъ и Козмодемьянскомъ черемисъ и чувашъ 394,452, русскихъ 71,442, а татаръ 31,477. Національности эти, легче другихъ способныя поддаваться чуждому вліянію и скорѣе склонныя гордиться принадлежностью къ другому болѣе сильному племени, чѣмъ гордиться своей національной гордостью, эти національности сохранили и свой языкъ и свои нравы и свое прежнее мѣсто жительства несмотря на то, что они въ теченіе многихъ вѣковъ находились подъ чуждымъ владычествомъ и господствовавшіе надъ ними другъ за другомъ татары и русскіе въ теченіе многихъ вѣковъ едва успѣли составить тамъ пятую часть населенія. Въ Казанской губерніи русскіе составляютъ большинство въ уѣздахъ Свіяжскомъ, Спаскомъ, Лаишевскомъ и Чистопольскомъ — тамъ 377,990 русскихъ, но зато изъ нихъ 168,333 были крѣпостными и всего 209,657 свободныхъ; другихъ національностей тамъ было 210,328, но зато онѣ всѣ были свободны — свободныхъ тамъ было все-таки больше, чѣмъ русскихъ. До сихъ поръ въ Казанской губерніи самое несчастное населеніе это русскіе, между ними и самая большая смертность и самая большая бѣдность. Не дай Богъ намъ когда-нибудь руссифицировать наши области такимъ образомъ насчетъ нашего собственнаго несчастья. Такимъ образомъ дѣла шли на востокѣ Россіи, въ той сторонѣ, куда направлялся естественный токъ эмиграціоннаго движенія. Русская колонизація расплодила тамъ русскихъ людей, но расплодила ли она людей счастливыхъ, это

вопросъ, на который отвѣтить несравненно труднѣе. Мы видѣли положеніе дѣлъ въ Казанской губерніи; въ губерніи Симбирской 973,125 лицъ сельскаго населенія принадлежатъ къ бывшимъ несвободнымъ состояніямъ и только 87,992, т. е. не болѣе 8% всего сельскаго населенія, принадлежали къ свободному населенію. Зато же Симбирская губернія принадлежитъ къ тѣмъ изъ восточныхъ губерній, гдѣ меньше другихъ инородцевъ, но и тамъ ихъ находится все-таки до трехсотъ тысячъ. Мы достигли въ восточномъ краѣ значительнаго русскаго населенія, мы достигли того, что высшее сословіе дворянъ и чиновниковъ тамъ состоитъ исключительно изъ русскихъ, мы поставили этихъ дворянъ и чиновниковъ въ такое положеніе, что имъ не нужно налагать на себя ни малѣйшихъ стѣсненій для того, чтобы управлять краемъ, задача управленія для нихъ такъ облегчена, какъ только можно ее облегчить; чиновникъ ведетъ дѣла на одномъ русскомъ языкѣ, говоритъ на одномъ этомъ языкѣ и не его дѣло, понимаютъ ли его или нѣтъ; сотни тысячъ татаръ, мордвы, чувашъ, черемисъ должны выучиваться по-русски для того, чтобы говорить съ однимъ чиновникомъ, а такъ какъ они выучиться не имѣютъ ни средствъ, ни возможности, то эта необходимость и дѣлается орудіемъ безчисленныхъ обмановъ и злоупотребленій. Такому образу дѣйствія мы обязаны тѣмъ результатомъ, что инородцы восточнаго края никого такъ не дичатся какъ русскихъ, въ особенности русскихъ, одѣтыхъ по-европейски. Живши и путешествовавши много лѣтъ по восточному краю, я постоянно былъ свидѣтелемъ этого жалкаго явленія. Въ глухихъ инородческихъ деревняхъ достаточно появленія русскаго, одѣтаго по-европейски, чтобы населеніе разбѣжалось и попряталось по угламъ. Дѣти съ крикомъ бѣгутъ отъ него, какъ отъ медвѣдя. Я помню время, когда для чиновниковъ недобросовѣстное стяжательство было всего легче въ инородческихъ волостяхъ, когда тамъ наживались взяточничествомъ большія состоянія, и сдѣлалось ли теперь лучше, я не знаю. Злоупотребленія по сбору податей, по требованію повинностей и выдачѣ квитанцій превосходили даже всякое вѣроятіе. Чиновники нетолько сами относились враждебно къ инородцамъ, но возбуждали къ нимъ ненависть и презрѣніе и въ остальномъ русскомъ населеніи; это сдѣлалось у нихъ даже тактикой для униженія инородцевъ и для побужденія ихъ къ увеличенію подачекъ. Такими пріемами они до крайности вооружали инородцевъ противъ господствующаго племени и самымъ существеннымъ образомъ мѣшали ихъ слитію съ этимъ племенемъ. Этого слитія никакими насильственными мѣрами достигнуть нельзя — мѣрами этими можно ихъ только отчуждать. Ихъ результаты и оказались на практикѣ — инородцы вездѣ носятъ признаки населенія, оставшагося въ томъ же положеніи, въ которомъ его застигло завоеваніе; естественная склонность всѣхъ людей къ сближенію и къ созиданію въ своей средѣ одного общаго уровня встрѣчаетъ для себя неодолимое препятствіе въ стремленіи образованныхъ сословій поставить русскихъ на точку господствующаго племени. Отъ этого стремленія для русскихъ ничего кромѣ убыли не происходитъ. Мы радуемся, что между нѣкоторыми инородцами является костюмъ, похожій на русскій, и видимъ въ этомъ признаки и послѣдствія руссификаціи. Между

тѣмъ дѣло представляется въ такомъ видѣ только самому поверхностному наблюдателю; инородцы давно приняли бы болѣе удобное и болѣе красивое платье, точно также, какъ мы безпрепятственно приняли европейскій костюмъ, еслибы этому существеннымъ препятствіемъ не служила мѣшающая объединенію національностей руссификація. Не поставь себя русскіе господствующимъ племенемъ, не запугай они инородцевъ, вѣроятно мнѣ не приходилось бы видѣть русскую женщину въ уродливомъ мордовскомъ костюмѣ и нетолько говорящую по-мордовски, но подающую видъ, будто она русскаго языка и не понимаетъ, чтобы показать, что она совершенно отреклась отъ національности, къ которой прежде принадлежала. Еслибы мы, къ явному вреду для самихъ себя, не отталкивали постоянно инородцевъ своей заносчивостью и не заставляли ихъ замыкаться въ свой тѣсный кругъ, то русскія произведенія и русскій костюмъ вошли бы вѣроятно между ними во всеобщее употребленіе. Самымъ сильнымъ средствомъ для объединенія ихъ съ нами было бы возвышеніе ихъ собственной національности. Мы такъ привыкли къ рутиннымъ или, лучше сказать, первобытнымъ взглядамъ на вещи, что намъ даже кажется страннымъ представить себѣ мордвина или черемиса чиновникомъ, еще страннѣе намъ покажется мысль вести переписку въ присутственныхъ мѣстахъ на языкѣ мордвы или черемисъ, или мысль объ обученіи этимъ языкамъ въ гимназіяхъ и университетахъ. Между тѣмъ, что можетъ быть справедливѣе мысли, что мордвинъ, чувашъ или татаринъ, который платитъ такія же подати и отправляетъ такія же повинности, долженъ былъ бы пользоваться и тѣми же самыми удобствами со стороны администраціи. Будетъ совершенно справедливо, если имъ будутъ управлять люди, знакомые съ его языкомъ и съ его бытомъ, если онъ будетъ подавать бумаги на своемъ языкѣ и если прямо къ нему относящіяся бумаги будутъ на этомъ же его родномъ языкѣ. Конечно, все это невозможно безъ того, чтобы сами органы власти не пополнялись мордовскимъ и черемисскимъ элементомъ. Если въ Ядринскомъ уѣздѣ 110,347 чувашъ и всего 6,607 человѣкъ всѣхъ другихъ національностей, то неужели произошло бы что-нибудь другое, кромѣ пользы и справедливости, отъ того, что мѣстное начальство уѣзда состояло бы исключительно изъ образованныхъ чувашъ? Чуваши эти послужили бы могучимъ орудіемъ для уничтоженія предразсудковъ, раздѣляющихъ чувашъ и русскихъ, показали бы намъ хорошія стороны этой національности, а своихъ отучили бы дичиться. Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, гдѣ 51,791 черемисъ, 22,043 татаръ и только 14,547 русскихъ, неужели мѣстный чиновникъ можетъ обойтись безъ знанія татарскаго и черемисскаго языка? Неужели не будетъ справедливо и полезно, если для такой національности, какъ татарская или какъ мордовская, всѣ главнѣйшія распоряженія, напр. распоряженія о количествѣ слѣдующихъ съ нихъ сборовъ или рекрутъ, будутъ отпечатываемы и распространяемы между ними на ихъ языкѣ; татарское населеніе восточной Россіи равняется населенію Саксоніи и Бадена вмѣстѣ, а численность мордвы столько же велика, какъ населеніе четырнадцати швейцарскихъ кантоновъ. Кантонъ Тессинъ, гдѣ около 120,000 итальянцевъ, имѣетъ на итальянскомъ языкѣ конституцію, все дѣло-

производство и законодательство: неужели для уѣздовъ Чебоксарскаго, Цивильскаго и Ядринскаго, гдѣ чувашское населеніе сплошною массою занимаетъ пространство вчетверо большее, чѣмъ кантонъ Тессинъ, и болѣе чѣмъ въ два раза превосходитъ населеніе Тессина, не стоитъ труда переводить хотя главнѣйшія законодательныя распоряженія? Въ былое время побѣдитель считалъ для себя постыднымъ говорить на языкѣ побѣжденныхъ, — даже зная этотъ языкъ, онъ сообщался съ ними не иначе, какъ черезъ переводчика, онъ считалъ себя тѣмъ болѣе счастливымъ, чѣмъ болѣе онъ причинялъ имъ униженія и чѣмъ болѣе онъ ихъ дѣлалъ несчастными. Слѣдуя такой политикѣ, Турція и Австрія дошли до окончательнаго распаденія, въ то время, когда вопросъ о національностяхъ даже и не поднимался ни въ Швейцаріи, ни въ Бельгіи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Въ Швейцаріи и Бельгіи привились идеи религіозной нетерпимости, а потому религіозные вопросы расталкивали тамъ населеніе и ослабляли тамъ государственную связь. Въ Америкѣ, гдѣ ничего подобнаго нѣтъ, религіозные вопросы играютъ такъ же мало роли, какъ и національные. Я впрочемъ говорю не о политикѣ, а о рабочемъ классѣ, я не буду говорить о томъ, какъ намъ вести себя съ національностями, которыя сами готовы распространиться насчетъ другихъ. Дай Богъ, чтобы мы въ этомъ отношеніи не повторили ошибки турокъ и австрійцевъ. Я буду говорить только о національностяхъ, мирно живущихъ на сѣверѣ, на востокѣ и на югѣ Россіи. Въ Остзейскомъ краѣ около 725,000 латышей и около 700,000 эстонцевъ; они составляютъ пять шестыхъ населенія Остзейскаго края, въ то время, какъ самая многочисленная послѣ нихъ національность нѣмецкая составляетъ тамъ менѣе одной десятой. Латыши и эстонцы такъ малочисленны, что они никоимъ образомъ не могутъ надѣяться составить сами по себѣ отдѣльное государство и жить самостоятельною жизнью. Потребность примкнуть къ другой, болѣе многочисленной національности въ нихъ естественна и неизбѣжна. Имъ нетолько естественно искать для себя подобной опоры, но имъ естественно искать ее въ Россіи—на русской территоріи живетъ около трехъ съ половиной милліоновъ ихъ единоплеменниковъ. Россія славяно-финское государство; союзъ съ Россіею единственный союзъ, который можетъ придать финскому племени значеніе и дать ему возможность придать себѣ міровую извѣстность подвигами на поприщѣ просвѣщенія. Нужно видѣть, съ какимъ умиленіемъ финнъ говоритъ о своемъ единоплеменникѣ, какъ нравится западному финну финская жизнь и финская обстановка даже на крайнемъ нашемъ востокѣ, чтобы понять, какое бы это было счастье для финновъ, еслибы ихъ племя сколько-нибудь поднялось и пріобрѣло значеніе и извѣстность. Мы могли бы только радоваться, еслибы намъ удалось придать значеніе этому трудолюбивому, смышленому и въ высшей степени честному племени. Въ Казанской губерніи чуваши самые лучшіе сельскіе хозяева, между ними самая благопріятная смертность—признакъ ихъ трудолюбія и ихъ порядочности. Искренній, тѣсный союзъ русскихъ съ финскимъ племенемъ возможенъ и былъ бы для насъ крайне выгоденъ. Начиная отъ Финляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи финское племя непрерывною цѣпью тянется до Сибири и почти до Каспійскаго моря; они

вездѣ многочисленны: въ сѣверо-западной Россіи, въ странѣ озеръ и до самаго Урала въ странѣ сплошныхъ лѣсовъ; на востокѣ они нисходятъ на югъ до Тамбовской, Саратовской и Оренбургской губерніи и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ составляютъ самое многочисленное, даже почти исключительное населеніе. Все финское племя въ Россіи насчитываетъ больше трехъ милліоновъ лицъ. Еслибы намъ удалось поднять это племя, связать его посредствомъ вышедшей изъ его среды интеллигенціи, вникнуть въ его потребности и удовлетворить имъ, мы бы сдѣлали для себя несравненно болѣе полезную вещь и западный край несравненно тѣснѣе связали бы съ восточнымъ, чѣмъ посредствомъ попытокъ руссификаціи, которыя могутъ быть только неудачными. Если мадьяры въ числѣ не болѣе пяти милліоновъ могли пріобрѣсти міровое значеніе, то почему не пріобрѣсти его и нашимъ финнамъ? если ихъ поставить въ благопріятныя условія, то ихъ способности дадутъ имъ къ этому возможность безъ всякаго сомнѣнія. Еслибы латыши и эстонцы говорили съ нашимъ правительствомъ на своемъ родномъ языкѣ, еслибы отъ родныхъ своихъ единоплеменниковъ они на томъ же языкѣ слушали поученіе въ школѣ и въ церкви, они бы послужили для насъ самымъ надежнымъ оплотомъ въ этомъ краѣ, который имѣетъ для насъ такую великую важность. Еслибы мы затруднялись въ чемъ-нибудь при исполненіи такого намѣренія, намъ стоитъ обратиться къ выдающимся личностямъ финской интеллигенціи и они намъ дадутъ совѣтъ и окажутъ дѣятельную помощь.

Здравый инстинктъ самосохраненія долженъ внушить намъ мысль поднять уровень цивилизаціи финскаго племени и признать, что несравненно справедливѣе одному русскому чиновнику выучиться говорить по-латышски и по-эстонски, для того чтобы говорить съ полутора-милліоннымъ населеніемъ латышей и эстонцевъ, чѣмъ этимъ милліонамъ латышей и эстонцевъ выучиваться по-русски для того, чтобы разговаривать съ горстью чиновниковъ. Инстинктъ самосохраненія долженъ насъ натолкнуть на другой путь, чѣмъ тотъ, на которомъ погубили себя поляки, турки и австрійскіе нѣмцы. Мы должны проникнуться убѣжденіемъ, что намъ всего болѣе слѣдуетъ опасаться тѣхъ ложныхъ, псевдо-патріотическихъ чувствъ и убѣжденій, которыя въ господствующемъ племени нерѣдко распространяютъ искатели мѣстъ и обогащенія, въ надеждѣ воспользоваться насчетъ подвластныхъ: самая надежная политика это та, которая дѣлаетъ подвластныя племена счастливыми. Мы, для сохраненія собственной кожи, должны поступать такимъ образомъ относительно латышей и эстонцевъ, а для сохраненія своего политическаго значенія въ Европѣ мы должны точно такимъ же образомъ поступать и относительно бѣлоруссовъ, малороссовъ, молдованъ и другихъ племенъ, разселившихся по широкой полосѣ земли, идущей отъ Балтійскаго къ Черному морю. Въ Бессарабіи молдаване составляютъ двѣ трети населенія. Не говоря о царствѣ Польскомъ, въ широкой полосѣ, которая тянется на западѣ Россіи отъ Ледовитаго моря къ Черному, мы встрѣчаемъ восемь племенъ (три финскихъ, затѣмъ латышей, бѣлоруссовъ, малороссовъ и молдавановъ), которыя на значительныхъ пространствахъ составляютъ самое многочисленное населеніе и всѣ вмѣстѣ насчиты-

ваютъ не менѣе осьмнадцати милліоновъ въ краѣ, гдѣ все населеніе не превышаетъ двадцати одного милліона. Всѣ эти племена имѣютъ самый существенный интересъ держаться насъ и всегда показывали намъ самое искреннее сочувствіе. Молдаване и болгары связаны съ нами единствомъ вѣры и конечно ихъ естественныя симпатіи должны быть на сторонѣ Россіи, симпатія малороссовъ къ Россіи старинная, историческая симпатія. Точно также какъ финны разселены среди русскихъ на сѣверѣ, малороссы протянулись отъ запада къ востоку на югѣ и крайнія ихъ поселенія мы находимъ за Волгою. Если изъ Сибири подвигаться къ юго-западной русской границѣ, спускаясь до 50° сѣверной широты, то сначала будешь встрѣчаться съ отдѣльными малороссійскими селеніями, но за Волгою, уже начиная съ Войска Донскаго, будешь чувствовать себя въ южно-русской обстановкѣ съ ея бѣлыми мазанками и волами, языкъ дѣлается все менѣе и менѣе понятнымъ и трудно сказать, гдѣ кончается русскій южанинъ и начинается истый малороссъ. Малороссійская интеллигенція весьма извѣстна между нами и дала намъ много талантливыхъ и выдающихся личностей. Чѣмъ болѣе намъ удастся поднять эту національность, чѣмъ больше случаевъ мы успѣемъ ей дать для пріобрѣтенія значенія для нашей міровой цивилизаціи. тѣмъ больше мы обнаружимъ здраваго пониманія собственныхъ нашихъ интересовъ. Дѣйствовать такимъ образомъ заставляетъ насъ интересъ нетолько внутренней, но и внѣшней политики. Во внѣшней политикѣ главною опорою нашею можетъ быть только симпатія къ намъ славянъ и грековъ. Исторія показываетъ намъ достаточно ясно, что народныя движенія, имѣющія прочную основу, достигаютъ своей цѣли даже и тогда, когда они противны интересамъ могущественныхъ державъ. Великія державы Европы, надѣясь на свою силу, полагали для себя возможнымъ распоряжаться судьбою безсильныхъ передъ ихъ союзомъ мелкихъ государствъ; они создали карту Европы, а народныя симпатіи совершенно пересоздали ее. Бельгія отдѣлилась отъ Голландіи, Италія сдѣлалась единымъ и сильнымъ государствомъ, Австрія упала, а Пруссія возвысилась, Греція отдѣлилась отъ Турціи и Англія должна была уступить ей Іоническіе острова, части Турціи пріобрѣли до такой степени полную самостоятельность, что могутъ ей грозить войною. Вездѣ великія державы приходили къ тому убѣжденію. что для нихъ самое благоразумное покровительствовать побѣдителю тамъ, гдѣ онѣ не могли помѣшать побѣдѣ. Союзъ съ живымъ, съ тѣмъ, что имѣетъ будущность, это путь къ счастью и возвышенію, а разладъ съ тѣмъ же самымъ живымъ—это путь къ паденію. Если славянскія національности увидятъ, что политика наша въ отношеніи къ малороссамъ заключается въ томъ, чтобы поднять и дать значеніе ихъ національности, чтобы помочь имъ достигнуть въ союзѣ съ нами того, чего они не могли бы достигнуть одни, они съ надеждой обратятъ къ намъ взоры. Они должны знать, что мы не хотимъ быть нетолько опекунами или отцами, но даже старшими братьями славянъ, мы должны быть равными, любящими братьями, у которыхъ одна мысль сдѣлать своихъ братьевъ счастливыми, придать имъ значеніе. Какъ бы ни была велика симпатія славянъ къ намъ, но если они увидятъ, что союзъ съ нами поведетъ не къ увеличенію счастья и зна-

ченія ихъ національности, а возложить на нихъ трудную, неисполнимую задачу сдѣлаться русскими, это оттолкнетъ ихъ отъ насъ. Относительно малороссовъ мы уже сдѣлали въ XVIII столѣтіи одну великую ошибку, уничтоживъ ихъ свободныя учрежденія. Ошибка эта показала намъ, чего мы можемъ ожидать отъ нашихъ единоплеменниковъ, если мы не будемъ заботиться объ ихъ счастьи, а преслѣдовать наши эгоистическія цѣли. Мы ихъ сначала вогнали въ союзъ съ самымъ опаснымъ изъ нашихъ враговъ, съ Карломъ XII, а потомъ довели ихъ дотого, что они нетолько предлагали свои услуги ненавистнымъ имъ мусульманамъ, но даже переселились на ихъ территорію и готовы были сдѣлаться злѣйшими нашими врагами. Отъ всѣхъ опасностей, которыми грозилъ намъ такой переходъ, мы избавились только тѣмъ, что окружавшіе насъ сосѣди, мусульмане и поляки, были еще болѣе близоруки, чѣмъ мы, и не съумѣли воспользоваться представлявшимся имъ случаемъ для нашего ослабленія. Хотя мы избавились отъ опасности такимъ незавиднымъ путемъ, однакоже наши ошибки принесли свой плодъ, онѣ поселили въ малороссахъ недовѣріе къ намъ, которое можетъ разростись до ненависти, если мы ихъ будемъ мучить руссификаціонными попытками и не избавимся отъ болѣзни настоящаго вѣка, которой повидимому суждено причинить людямъ безчисленныя страданія, заставлять ихъ стремиться къ цѣлямъ невозможнымъ и плодить въ нихъ до безконечности безплодную вражду. Поступая такимъ образомъ съ малороссами, мы показали не больше благоразумія и въ отношеніи къ русскимъ. Религіозными преслѣдованіями мы загнали старообрядцевъ къ враждебнымъ намъ сосѣдямъ и изъ естественныхъ нашихъ друзей мы создали для себя враговъ, которые проливали нашу кровь на службѣ у воевавшихъ съ нами державъ и были тѣмъ болѣе для насъ опасны, что они имѣли обширныя связи въ нашемъ отечествѣ и могли повредить намъ больше, чѣмъ всякій внѣшній врагъ. Въ Сибири, въ Бійскомъ округѣ существуютъ старообрядческія селенія, которыя попали туда изъ Польши; хотя они чисто русскія и даже не говорятъ по-польски, однакоже ихъ всѣ называютъ тамъ поляками и они сами себя такъ называютъ. Мало этого они до сихъ поръ сохранили свою симпатію къ полякамъ и антипатію къ русскимъ. Эти примѣры могли бы ясно насъ убѣдить, что симпатіи и антипатіи къ извѣстному государству или къ извѣстному племени порождаются несравненно менѣе единоплеменностію, чѣмъ понятіемъ о томъ, хорошо или дурно жить въ его средѣ.

Пользуясь вышеописанными различными наклонностями, развивающимися въ разныхъ національностяхъ воспитаніемъ съ малыхъ лѣтъ, конечно можно сѣять и развивать между ними національную ненависть; такая дѣятельность, по большей части, найдетъ для себя почву. Мы видѣли однакоже, что отличительныя черты національностей, за исключеніемъ языка, часто раздѣляютъ ихъ не болѣе, чѣмъ раздѣляются различныя группы одной и той же значительной національности. Поэтому направленіе взаимной терпимости прививается такъ же легко и скоро, какъ и стремленія національной вражды. Исторія показываетъ, что то или другое направленіе, принимаемое массами различныхъ религій и различныхъ національностей, почти исключительно зависитъ отъ духа

высшихъ и образованныхъ классовъ — на совѣсти этихъ классовъ должна лежать и вся кровь, которая начиная отъ среднихъ вѣковъ проливается ради религіозной и національной вражды. Жители Балканскаго полуострова и Австріи должны этимъ классамъ принести благодарность за всѣ свои страданія — постараемся же избавить себя отъ подобныхъ упрековъ со стороны нашихъ братьевъ по отечеству; будемъ плодить не вражду, а миролюбіе и наклонность къ сближенію; но для этого намъ нужны не лѣнивые и корыстные дѣятели, а такіе, у которыхъ дѣло сближенія національностей лежало бы на сердцѣ, которые не пожалѣли бы труда, чтобы изучить какой-нибудь полудикій языкъ, чтобы работать на поприщѣ національной любви и національнаго сближенія. Успѣхъ людей зависитъ отъ одушевленія, съ которымъ они работаютъ массами, законодательныя и административныя мѣры безъ этого одушевленія — это машина безъ двигательной силы.

ЧАСТЬ II.

РАБОТНИКЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ РОССІИ.

ГЛАВА I.

Земледѣлецъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Вологодской губерніи.

Что можно ожидать, кромѣ печальныхъ и грустныхъ впечатлѣній при переѣздѣ изъ Пермской губерніи въ Вятскую. И та и другая сѣверная и лѣсистая; это дѣти одной и той же семьи, но Пермская это любимая дочь природы, а Вятская несчастная и загнанная: дары, которыми ее снабдила природа, это только слабый отблескъ богатствъ пермской земли, природа положила въ нѣдра пермскихъ горъ великое множество металловъ, вятскую она надѣлила едва пятнадцатою частью того, что досталось ея сосѣдкѣ. Монотонно протянулись густые лѣса Вятской губерніи и тѣ же лѣса живописно и изящно разлеглись по пермскимъ гористымъ холмамъ. Одна Кама и тутъ и тамъ разнообразно хороша. Отъ богатства металловъ, фабрики и заводы въ Пермской губерніи производятъ въ семь разъ больше цѣнностей, чѣмъ въ Вятской, на нихъ работаетъ вчетверо больше людей. При одинаковомъ населеніи, обѣ губерніи производятъ почти столько же земледѣльческихъ продуктовъ, между тѣмъ отъ богатства металловъ цѣнность произведеній Пермской губерніи почти вдвое значительнѣе вятскихъ. Пермское богатство увеличивается еще тѣмъ, что между Камою, Ирбитью и Тюменемъ существуетъ исключительно сухопутное сообщеніе, весь товаръ, который идетъ и лѣтомъ и зимою, и въ Ирбитъ и на нижегородскую ярмарку, идетъ сухимъ путемъ, между тѣмъ по Вятской губерніи товаръ привозится и отвозится на нижегородскую ярмарку водою и судоходство начинается вскорѣ послѣ окончанія ярмарки ирбитской. Даже по рѣкамъ въ Пермской губерніи нагружается товару въ семь разъ больше, чѣмъ въ Вятской. Все это прямо приводитъ къ тому заключенію, что пермскій работникъ долженъ быть по крайней мѣрѣ вдвое богаче вятскаго; но, проѣзжая по Перм-

ской губерніи и сухимъ путемъ и водою, ничего подобнаго нельзя замѣтить, можно замѣтить только одно, что дорога изъ Перми въ Ирбитъ дѣйствительно увеличиваетъ благосостояніе лежащихъ на ней селъ и такого благосостоянія въ Вятской губерніи найти невозможно. Можно замѣтить также, что въ Вятской губерніи меньше предлагается работы и вятскій работникъ ищетъ себѣ заработокъ вдали отъ своей родины; Вятская губернія снабжаетъ напр. бондарями винокуренные заводы Сибири. Можно сдѣлать еще одно замѣчаніе весьма поразительное: вятскій работникъ гораздо спокойнѣе и болѣе доволенъ своею судьбою, чѣмъ пермскій. Если, проѣзжая по Вятской губерніи, сравнивать ее съ Сибирью, то Сибирь покажется пользующеюся бо̀льшимъ благосостояніемъ. Высокія вятскія избы впрочемъ остаются въ воображеніи, у каждаго крестьянина двѣ или три избы; по постройкамъ своимъ Вятская губернія богаче многихъ губерній восточной Россіи. Вотъ что оказывается при сравненіи рабочаго класса вятскаго и пермскаго—сравненіе высшихъ сословій даетъ далеко иные результаты. Не говоря уже о томъ, что главная часть богатствъ Пермской губерніи проживается значительнѣйшими русскими аристократами заграницею, все-таки Пермская губернія имѣетъ вдвое больше богатыхъ людей, чѣмъ Вятская, въ ней почти вдвое больше купцовъ первой гильдіи и на тридцать процентовъ больше жилыхъ каменныхъ домовъ, въ Екатеринбургѣ есть такіе роскошные каменные дома, которымъ въ Вятской губерніи нѣтъ ничего подобнаго. Лучшій городъ Вятской губерніи, Вятка, имѣетъ сто семьдесятъ каменныхъ домовъ, между тѣмъ Ирбитъ имѣетъ также сто семьдесятъ жилыхъ каменныхъ домовъ, а Екатеринбургъ имѣетъ триста тринадцать. Число ремесленниковъ, производящихъ для образованныхъ классовъ, въ Пермской губерніи вдвое значительнѣе, чѣмъ въ Вятской.

Мудрено ли послѣ всего этого, что пермскій работникъ и взволнованъ и не доволенъ судьбою. Изъ числа семисотъ тысячъ всѣхъ пермскихъ работниковъ шестьсотъ тысячъ земледѣльцевъ производятъ одну половину цѣнностей, а сто тысячъ фабричныхъ и заводскихъ другую и эти послѣднія сто тысячъ составляютъ самую развитую часть рабочаго населенія; по производительности своего труда они должны были бы получать относительно въ шесть разъ больше земледѣльцевъ, а они получаютъ столько же и иногда даже меньше. Изъ числа земледѣльцевъ одна треть вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости производитъ приблизительно на двадцать пять процентовъ больше цѣнностей, чѣмъ остальныя двѣ трети, а получаетъ за это на двадцать семь процентовъ меньше. Ясно, что населеніе, которое находится въ такомъ ненормальномъ соціальномъ положеніи, недовольно и ожесточено. Работникъ сравниваетъ цѣнность своихъ произведеній съ тѣмъ, что онъ получаетъ, и находитъ, что не получаетъ и половины этой цѣнности, а между тѣмъ онъ терпитъ нужду, ему жить тяжело, почти невыносимо. Въ своемъ горѣ онъ себя сравниваетъ съ другимъ работникомъ, находитъ, что онъ трудится усерднѣе, производитъ больше, иногда несравненно больше, и что же, это нетолько не улучшаетъ его благосостоянія, но онъ терпитъ еще бо̀льшую, самую гнетущую нужду. Благодаря безотчетному управленію капиталиста на

заводахъ и промыслахъ тотъ изъ работниковъ получаетъ всего больше, кто трудится всего меньше и чей трудъ легче. Благодаря существованію помѣщичьихъ земель, то же самое печальное явленіе перенесено въ область земледѣлія. Пермскій земледѣлецъ, живущій на помѣщичьихъ земляхъ, получаетъ едва 37% цѣнности своихъ произведеній, между тѣмъ какъ государственный крестьянинъ получаетъ 70%. Въ Вятской губерніи только одна пятидесятая часть земледѣльцевъ живетъ на помѣщичьихъ земляхъ, эти люди можетъ быть и не довольны, но они слишкомъ малочисленны, чтобы имѣть существенное вліяніе на расположеніе умовъ страны, ихъ бѣдность незамѣтна, она исчезаетъ среди общаго уровня. Въ Вятской губерніи нѣтъ такого контраста между богатствомъ высшихъ и бѣдностью рабочихъ классовъ, разница между самымъ богатымъ и самымъ бѣднымъ изъ рабочихъ не такъ велика, вотъ почему вятскій работникъ спокойнѣе, хотя онъ и не богаче пермскаго. Такой контрастъ представляетъ Вятская губернія, если ее сравнить съ одной ея сосѣдкой, съ Пермской губерніей; если же ее сравнить съ другой сосѣдкой, съ губерніей Вологодской, то контрастъ будетъ еще разительнѣе. Цѣнность произведеній этой губерніи составляетъ всего треть цѣнности произведеній вятскихъ и едва шестую долю пермскихъ. Относительно работникъ Вологодской губерніи производитъ почти вдвое меньше вятскаго. Соли и желѣза фабрики и заводы этой губерніи едва производятъ четвертую долю того, что производится подобнымъ трудомъ въ Вятской губерніи, и въ двадцать пять разъ меньше, чѣмъ въ Пермской. Между тѣмъ въ этой несчастной и бѣдной губерніи четвертая часть земледѣльческаго населенія живетъ на помѣщичьихъ земляхъ. Нерѣдко этимъ несчастнымъ приходится не больше пяти копѣекъ въ день на семейство и даже того меньше; это не жизнь, а агонія голодной смерти, продолжающаяся цѣлые годы. Можно ли ожидать что-нибудь другое, онъ производитъ меньше чѣмъ пермякъ, а платитъ столько же и больше, чѣмъ вятскій земледѣлецъ. Ко всѣмъ злополучіямъ этого бѣднаго человѣка присоединяется еще и несчастное сосѣдство. Вологодская губернія положительно бѣднѣе Сибири, она бѣднѣе всѣхъ мѣстностей на югѣ, на востокѣ и на западѣ, а между тѣмъ имѣетъ сосѣдкою ту изъ губерній Россіи, въ которой потребности въ рабочемъ классѣ развиты всего больше — губернію Ярославскую. Несчастный вологодскій земледѣлецъ, вышедшій изъ крѣпостной зависимости, и безъ того бѣденъ, а ему еще постоянно колютъ глаза ярославскимъ благосостояніемъ. Ленъ дешевъ, крестьянину нечего сбыть, нечѣмъ оброка заплатить, помѣщикъ тотчасъ коритъ его ярославцами: лѣнтяй, говоритъ онъ ему, посмотри, какъ живутъ ярославцы; помѣщикъ не соображаетъ, что крестьянину и безъ его попрековъ тошно смотрѣть на ярославцевъ и что онъ объ этомъ предметѣ разсуждаетъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, онъ очень хорошо знаетъ, сколько ярославцу стоитъ его кусокъ хлѣба и сколько ему, вологжанину. Если въѣхать въ Вологодскую губернію съ ярославской границы, то невольно бросается въ глаза стремленіе вологжанина подражать ярославцу и тянуться за нимъ; сначала невозможно даже отличить Ярославскую губернію отъ Вологодской. Въ то время какъ жизнь въ восточной Россіи и въ Сибири отличается простотой,

подъ общимъ покровомъ простоты тутъ не всегда отличишь богатства и благосостоянія; благосостояніе въ Грязовецкомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, прилегающемъ къ ярославской границѣ, вовсе не имѣетъ обыкновенія скрываться подъ такою скромною личиною, одна рѣзьба на избахъ даетъ уже понятіе нетолько о благосостояніи и бѣдности, но и о безчисленныхъ ихъ оттѣнкахъ. Въ земледѣльцахъ этого края любовь къ украшенію своихъ избъ рѣзьбою обратилась въ страсть, страсть эта такъ сильна, что въ ней крестьянинъ выражаетъ всѣ свои силы. По обыкновенію, о которомъ я уже упоминалъ, у жителей этихъ мѣстностей дворъ, изба и амбары — все перекрыто одной общей, высокой крышей, зданіе выходитъ обширное и у богатаго крестьянина весь фасадъ этого зданія сверху донизу украшенъ самою разнообразною рѣзьбою и раскрашенъ цвѣтами, каждымъ мѣстомъ тутъ пользуются, чтобы прибавить рѣзныхъ украшеній, дворъ устланъ поломъ и ажурная рѣзьба идетъ даже выше крыши. Слѣдующая степень благосостоянія характеризуется тѣмъ же количествомъ рѣзьбы, но не раскрашенной красками; эта рѣзьба иногда бываетъ дѣйствительно изящна, рисунокъ обличаетъ артиста; затѣмъ рѣзьба дѣлается проще, уменьшается въ размѣрахъ и наконецъ остается только на окнахъ, карнизахъ и крышѣ; выводя самые простые рисунки, почернѣвшая и старая, она не придаетъ уже дому никакой красоты. Здѣсь кончается благосостояніе и начинается бѣдность, но и эта бѣдность, въ своихъ жалкихъ лохмотьяхъ, обнаруживаетъ стремленіе хотя чѣмъ-нибудь удовлетворить своей неудержимой потребности въ изящномъ:.. грязный, не мощенный дворъ дѣлается все грязнѣе и наконецъ обращается въ вонючее, непроходимое болото, столь же вредное для человѣка, какъ и для животныхъ, въ избѣ грязь, полъ въ дырахъ, старая лачуга расшаталась и разлѣзается, наконецъ является жалкая изба, на которой нетолько нѣтъ ни рѣзьбы, ни украшеній, но къ жалкимъ, трехвершковымъ окнамъ которой хозяинъ не въ состояніи даже придѣлать карнизовъ;.. но любовь къ украшеніямъ не оставляетъ его и въ этомъ отчаянномъ положеніи; лишенный всякой возможности украсить чѣмъ-нибудь свою избу, онъ обскабливаетъ на бревнахъ полосу кругомъ окна, выходитъ что-то уродливое и жалкое, это вывѣска, которая говоритъ: «я бѣденъ, но нетолько бѣденъ, мнѣ вдвойнѣ тяжка моя бѣдность, потому что стремленіе къ благосостоянію во мнѣ не удержимо.» Не въ одномъ видѣ своего дома земледѣлецъ выражаетъ свое стремленіе къ изящному и къ комфорту, оно отражается на всѣхъ предметахъ его потребленія, онъ также разукрашаетъ свою дугу, свою упряжь и экипажъ, наконецъ свой костюмъ. Вотъ какимъ образомъ вологжанину близость ярославской границы даетъ чувствовать его бѣдность; но этимъ дѣло еще не кончается, къ этому присовокупляется источникъ страданій другаго рода—это самая Вологда. Губерніи, гдѣ много помѣщичьихъ земель, всегда отличаются значительнымъ населеніемъ, принадлежащимъ къ высшимъ, богатымъ слоямъ общества, т. е. дворянъ, духовенства и купцовъ. Вятская губернія по населенію своему въ два съ третью раза превышаетъ населеніе Вологодской губерніи, а богатство ея даже втрое значительнѣе, между тѣмъ число лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ, въ той и другой губерніи почти одинако-

во (разница на одну тридцатую долю). Отъ этого въ Вологдѣ развита несоразмѣрная съ ея силами роскошь и работники, служащіе этой роскоши, получаютъ несоразмѣрное вознагражденіе, напр. прислуга, отъ которой требуется, чтобы она была порядочно одѣта, и нѣкоторые ремесленники—я зналъ въ Вологдѣ ремесленниковъ изъ крестьянъ, которые получали шестнадцать рублей въ мѣсяцъ на готовомъ содержаніи, сапожникъ, даже не изъ отличныхъ, заработываетъ сто восемьдесятъ рублей въ годъ: это уже петербургскія цѣны. Портной можетъ даже нажить состояніе: въ Вологдѣ есть лица, которые портнымъ за платье должны по тысячѣ рублей. Доведенный нуждою до крайности крестьянинъ не можетъ не увлекаться подобными примѣрами, онъ не соображаетъ, что число подобныхъ выгодныхъ работъ ограниченно, онъ стремится къ нимъ и только сбиваетъ цѣны. Цѣны въ Вологдѣ сбиты до крайнихъ предѣловъ голода, который можетъ выноситься человѣкомъ въ теченіе долгаго времени. Служанку можно нанять нетолько на 30% дешевле, чѣмъ напр. въ Томскѣ, изъ крестьянокъ можно получить прислугу даромъ изъ одного хлѣба. Поденщица беретъ 15 коп.—въ два съ половиною раза дешевле, чѣмъ въ Томскѣ. Все это еще счастливцы, но вотъ истинно несчастные, хотя весьма распространенные классы работницъ: кружевницы и занимающіяся шитьемъ мѣха могутъ иногда при постоянной и самой усердной работѣ заработывать никакъ не больше 1 руб. 50 коп. или 2-хъ рублей въ мѣсяцъ; между тѣмъ постоянной работы не бываетъ, подобная работница должна нерѣдко довольствоваться однимъ рублемъ въ мѣсяцъ и даже меньше. Этого не достаетъ, чтобы купить полтора фунта хлѣба въ день. Одна мать должна была подобной работой содержать шесть человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей; результатъ немудрено угадать: старшій сынъ умеръ отъ чахотки прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлаться способнымъ что-нибудь заработывать, слѣдующаго за нимъ ожидала та же участь, которая, вѣроятно, будетъ общею участью всего семейства. Такое тяжкое положеніе часто способствуетъ развитію болѣзней въ работникахъ, а между тѣмъ ничего не можетъ быть для нихъ гибельнѣе болѣзни. Отецъ безъ ногъ, мать съ груднымъ ребенкомъ, дѣти малы, вотъ истинно драматическое положеніе. Что дѣлать—просить милостыни, но нищіе по профессіи такъ ловки, они такъ усердно истощаютъ всѣ источники милостыни, что изъ-за нихъ ничего не получишь. Всѣ мѣста благотворительности ими давно уже заняты, одно мѣсто остается вѣчно свободнымъ. Это—мѣсто на кладбищѣ. Въ деревнѣ взрослый работникъ и двѣ взрослыя работницы заработывали всѣ вмѣстѣ пять рублей въ мѣсяцъ и считали положеніе свое блестящимъ и участь свою завидною; не надобно забывать, что изъ этихъ пяти рублей они два рубля тридцать копѣекъ должны были отдавать въ видѣ сборовъ въ пользу казны и помѣщика, имъ оставалось на всѣхъ по девяти копѣекъ въ день; а на мужа съ женой и дѣтьми, т. е. на семейство, приходилось по шести копѣекъ въ день. Когда послѣдовало освобожденіе крестьянъ, они съ радости вообразили, что для нихъ настало золотое время поправить свое жалкое положеніе, они стали требовать, по ихъ мнѣнію, высокія цѣны за трудъ и помѣщики въ одинъ голосъ закричали, что при такихъ цѣнахъ нѣтъ возможности обработывать земли наем-

нымъ трудомъ. Между тѣмъ каковы же были эти цѣны? Мужъ съ женою могли заработать съ 26 апрѣля по 26 октября сорокъ пять руб.; если они платили оброкъ на двѣ души, то имъ оставалось двадцать два руб., т. е. по шести коп. въ день на семейство. Конкуренція сдавила и это жалкое довольство, женская заработная плата уменьшилась на двадцать процентовъ. Кому такой фактъ покажется невѣроятнымъ, тому я разскажу, что въ Вологодской губерніи крестьяне зимою ходятъ молотить за три копѣйки въ день; три кожи слѣзетъ, говорили мнѣ крестьяне, нетолько съ рукъ, но съ лица и съ ногъ, колѣнки и икры облѣзутъ отъ мороза. 30 рублей въ лѣто на хозяйскомъ содержаніи считается прекраснымъ заработкомъ, но получаютъ тридцать рублей за шесть мѣсяцевъ работы и на своемъ содержаніи или по крайней мѣрѣ съ своимъ хлѣбомъ. Изъ всѣхъ этихъ жалкихъ заработковъ оказался одинъ болѣе выгодный, чѣмъ другіе, это работа по одному дню въ недѣлю, она мало мѣшала работнику въ занятіи собственнымъ хозяйствомъ, а между тѣмъ ею можно было заработать двѣнадцать рублей, что̀ составляло около шестидесяти процентовъ оброка и сборовъ съ крестьянина. Такой блестящій заработокъ грозилъ крестьянину спасти его отъ голода, поэтому тотчасъ же явилась конкуренція и сбила цѣну: въ слѣдующемъ же году она пала на $16^1/_2\%$, затѣмъ черезъ годъ еще на $16^1/_2\%$, и такимъ образомъ можно было заработывать только восемь рублей въ годъ.

Вотъ истинно жалкое положеніе, но возможно ли было ожидать что-нибудь другое? на одномъ рынкѣ конкурируютъ государственный крестьянинъ, который дотого обремененъ сборами и оброками, что онъ никакъ не можетъ оплачивать ихъ безъ недоимокъ, и крестьянинъ, живущій на помѣщичьихъ земляхъ. Опасаясь жестокихъ послѣдствій, которыя ожидаютъ государственнаго крестьянина, если онъ не исполнитъ всѣхъ требующихся отъ него уплатъ, онъ спѣшитъ искать работы, но работъ нѣтъ, на фабрикахъ и заводахъ можетъ найти работу только изъ двухсотъ тридцати человѣкъ одинъ; въ другихъ мѣстахъ набито еще больше; для того, чтобы найти работу въ Петербургѣ или другомъ значительномъ промышленномъ центрѣ, нужно имѣть тамъ связи, иначе можно и съ голоду умереть, на долю немногихъ выпадаетъ такая счастливая судьба, и вотъ онъ предлагаетъ свои услуги по крайне дешевымъ цѣнамъ, чтобы только не умереть съ голоду; на ту же самую работу кидается и крестьянинъ, живущій на помѣщичьихъ земляхъ, но онъ долженъ платить сборовъ и оброковъ почти вдвое больше. Въ своемъ отчаяніи, этотъ несчастный человѣкъ спѣшитъ во что бы то ни стало отбить работу, еще больше сбиваетъ цѣны и доводитъ ихъ дотого, что ни ему, ни государственному крестьянину жить невозможно. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, въ большинствѣ случаевъ, положеніе крестьянина, живущаго собственнымъ хозяйствомъ, нисколько не лучше. Въ обыкновенный годъ, вологодскій крестьянинъ никакъ не можетъ жить отъ своего надѣла. Обработывая надѣлъ, онъ среднимъ числомъ можетъ произвести цѣнностей на 25 руб. 50 коп.; въ хорошій годъ, по преувеличенному разсчету на 44 руб. 40 коп. Изъ этого онъ долженъ заплатить помѣщику и казенныхъ сборовъ 17 руб. 25 коп., въ обыкновенный годъ ему останется 8 р. 25 коп., т. е. меньше, чѣмъ двѣ съ третью

копѣйки въ день; если счастье ему не послужитъ и онъ не найдетъ средства заработать еще что-нибудь, онъ долженъ продать скотъ, а если и послѣ продажи скота будетъ такой же обыкновенный годъ и онъ опять не найдетъ работы, то онъ сдѣлается неаккуратнымъ плательщикомъ оброка, а неудобренная его земля будетъ давать все болѣе плохіе урожаи, однимъ словомъ масса почвы идетъ къ истощенію, а масса крестьянъ къ разоренію. Въ хорошій годъ ему останется 27 руб. 15 коп.—меньше, чѣмъ семь съ половиною копѣекъ въ день на семейство. Если онъ будетъ съѣдать съ семействомъ три фунта ржанаго хлѣба въ день, то на хлѣбъ онъ истратитъ пять съ четвертью копѣекъ, больше тратить онъ рѣшительно не въ состояніи. Вотъ житье въ обыкновенный и хорошій годъ, а что бываетъ въ неурожайный! †) О томъ,

---

†) Каждый работникъ въ Вологодской губерніи обработываетъ и засѣваетъ въ годъ не больше десятины. Что разсчетъ этотъ не преувеличенный, въ томъ можно удостовѣриться изъ статистическаго временника 1866 года. Въ статистическомъ временникѣ число пахотныхъ земель даже преувеличено, оно исчислено въ 800,000 десятинъ, между тѣмъ какъ въ вологодской памятной книжкѣ всего 726,000 десятинъ. Помѣщичьи земли, отведенныя крестьянамъ, обыкновенно дотого плохи, что ими совершенно жить невозможно, только тотъ крестьянинъ и могъ нѣсколько обезпечить себя, который покупалъ землю на имя помѣщика. Крестьяне горько жалуются на то, какъ поступали съ ними при нарѣзкѣ имъ этихъ земель во время освобожденія. Земли эти, купленныя на ихъ кровныя деньги, считались однакоже землями помѣщика, они увѣряютъ, что имъ приходится платить вознагражденіе помѣщикамъ за несомнѣнную ихъ собственность, что ихъ собственныя земли обращались имъ въ надѣлъ и даже просто присвоивались помѣщиками себѣ. О присвоеніи будто-бы себѣ нѣкоторыми помѣщиками подобныхъ земель я слышалъ не отъ однихъ крестьянъ. Обладатели прибавочныхъ къ надѣлу земель составляютъ между вологодскими крестьянами, поселенными на помѣщичьихъ земляхъ, всего одну десятую часть, а земли эти всего одну осьмнадцатую часть крестьянскихъ надѣловъ. Въ Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ, гдѣ сосредоточены всѣ крестьяне, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, пахотныхъ земель считается всего 307,070 десятинъ, а крестьянское населеніе состоитъ изъ 346,223 человѣкъ и изъ 166,111 душъ мужескаго пола. Приходится меньше двухъ десятинъ пахотныхъ земель на душу; изъ этого нужно исключить никакъ не меньше двухъ девятыхъ, принадлежащихъ къ помѣщичьимъ усадьбамъ, и земли, запахиваемыя богатыми крестьянами сверхъ надѣла; останется у крестьянъ, всѣхъ наименованій, меньше чѣмъ полторы десятины на душу. По вычисленіямъ статистиковъ урожаи Вологодской губерніи даютъ самъ 3 и самъ 4, не больше. По преувеличеннымъ разсчетамъ памятной книжки 1864 года, средній урожай 1863 года былъ на рожь самъ $5^1/_2$, на овесъ самъ 3. Вычислить средній урожай чрезвычайно трудно; но вотъ чѣмъ можно руководствоваться: въ хорошій годъ и при хорошемъ удобреніи, встрѣчающемся лишь у помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, земля даетъ урожай ржи самъ-десять, при посредственномъ удобреніи — у крестьянъ, у которыхъ приходится больше одной штуки скота на человѣка, земля даетъ урожай самъ $2^1/_2$ до 6,—у крестьянъ, имѣющихъ меньше одной штуки скота на человѣка или вовсе не имѣющихъ скота, число которыхъ доходитъ до двухъ третей всего крестьянскаго населенія †), живущаго на помѣщичьихъ земляхъ, рожь даетъ уро-

†) За предѣлами черноземной полосы для достаточнаго удобренія одной десятины считается необходимымъ отъ 5 ти до 6-ти головъ рогатаго скота—въ Вологодской губерніи запахивается 340,000 десятинъ, а рогатаго скота считается 370,000 штукъ.

какіе въ Вологодской губерніи бываютъ неурожаи, можно судить по тому, что тамъ даже въ южныхъ частяхъ иногда до половины мая всѣ поля покрыты

жай отъ самъ $1^1/_2$ до 3-хъ,—про крестьянъ, не имѣющихъ скота, говорятъ, что имъ и сѣять вовсе не слѣдовало бы, и они сами избѣгаютъ этого. Изъ двухъ съ четвертью десятинъ на полтора надѣла, работникъ при трехпольномъ хозяйствѣ долженъ пахать полторы десятины въ годъ. Рожь даетъ всего больше выгоды: онъ засѣетъ три четверти десятины. По разсчету статистиковъ на десятину высѣвается восемь пудовъ, въ дѣйствительности же крестьяне въ Вологодской губерніи и другихъ мѣстахъ Россіи высѣваютъ больше, они высѣваютъ на три надѣла ржи отъ 16-ти до 20-ти пудовъ, а снимаютъ не самъ-четыре, какъ считаютъ статистики, а самъ-два съ половиною. Если считать какъ считаютъ статистики, то крестьянинъ сниметъ съ трехъ четвертей десятины 18 пудовъ, по моимъ же разсчетамъ онъ долженъ снять 20 пудовъ. Въ вологодской памятной книжкѣ за 1864 годъ урожай на земляхъ государственныхъ крестьянъ обозначенъ самъ-два съ небольшимъ, на земляхъ крестьянъ помѣщичьихъ самъ $5^1/_2$: эта послѣдняя цифра явно преувеличена съ цѣлью выставить крестьянъ пользующимися на земляхъ помѣщичьихъ большимъ благосостояніемъ. Я сдѣлаю имъ уступку, возьму среднее—самъ $3^3/_4$, крестьянинъ будетъ имѣть тридцать пудовъ, за исключеніемъ сѣмянъ двадцать четыре, цѣною въ 18 р. сер. Съ яроваго поля онъ получитъ всего 3 р., отъ скота 3 р. и отъ дровъ 1 р. 50 к., т. е. онъ будетъ топить сухимъ кустарникомъ съ своего надѣла—всего 25 р. 50 к. (Я вычелъ все, что нужно на содержаніе лошади и орудій труда.) Дѣйствительно, множество земледѣльцевъ получаютъ такой доходъ; еслибы ихъ не было такъ много, то никто бы не согласился идти въ работники за 30 р. с. Тридцать руб. сер. получаетъ только вполнѣ способный работникъ, между тѣмъ третья часть работниковъ состоитъ изъ слишкомъ старыхъ, слишкомъ молодыхъ, слабосильныхъ и болѣзненныхъ, они получаютъ меньше. Земледѣлецъ, имѣющій свое хозяйство, такъ неохотно идетъ въ работники, что выгоды должны быть значительны, онъ предпочитаетъ свое хозяйство нетолько при меньшихъ доходахъ, но и тогда, когда онъ можетъ пособить себѣ временнымъ нищенствомъ. При оброкѣ на одну душу онъ будетъ имѣть три съ третью копѣйки въ день, а при оброкѣ на полторы души ему жить вовсе невозможно. Возьмемъ теперь самый благопріятный случай. Крестьянинъ посѣетъ ржи десять пудовъ и соберетъ 55 пудовъ (т. е. даже самъ $5^1/_2$), ему нужно оставить десять пудовъ на сѣмена, 6 пудовъ нужно положить на вознагражденіе мельнику, на утраты отъ мышеяди и пр., у него останется 39 пудовъ, въ счастливомъ случаѣ онъ продастъ ихъ за 27 р. 30 коп., овса онъ посѣетъ пять пудовъ и треть десятины онъ засѣетъ тѣмъ, что считаетъ болѣе выгоднымъ—картофелемъ, льномъ и т. д.; онъ соберетъ пятнадцать пудовъ овса и продавать его вовсе не можетъ—пять пудовъ ему нужно оставить на сѣмена, десять пудовъ для лошади и скота, такимъ количествомъ онъ можетъ кормить лошадь только тридцать дней въ году — это будетъ остовъ лошади; съ послѣдней четверти десятины онъ получитъ доходу 6 руб. 50 коп. Скота приходится на работника меньше двухъ штукъ (одна штука крупнаго и одна мелкаго). Скотъ этотъ часто не даетъ ему никакой прибыли, а даетъ даже убытокъ, потому бѣдные люди и держатъ такъ мало скота. Сѣнокосу въ Вологодской губерніи считается почти вдвое меньше, чѣмъ пахотной земли, и скотъ приходится кормить соломою. На арендованныхъ крестьяниномъ у крестьянина лугахъ скотъ даетъ всегда убытокъ; ему иногда придется заплатить съ пуда сѣна арендной платы пять копѣекъ. Если онъ получитъ надѣлъ богатый лугами, то онъ получитъ отъ скота въ годъ два пуда мяса и пол-пуда масла, всего на 6 руб. 50 коп.; если онъ живетъ на землѣ бѣдной лугами, то и доходъ его будетъ меньше. Онъ держитъ скотъ только

снѣгомъ и пахать нельзя начинать ранѣе 15 мая. Между живущими отъ надѣловъ только счастливцы возбуждающіе всеобщую зависть проживаютъ одиннадцать копѣекъ въ день, въ годъ 40 руб. 15 коп., съ оброками и сборами и съ тратою на содержаніе орудій труда 67 р. 40 коп.; для семейства останется на пищу все-таки еще только $7^1/_2$ коп. въ день, т. е. меньше, чѣмъ на четыре съ половиною фунта хлѣба въ день: все-таки не жизнь, а медленная голодная смерть — вырожденіе расы неизбѣжно и дѣйствительно имѣетъ мѣсто. По требованіямъ медицины нужно для подобнаго семейства 14 фунтовъ питательной пищи; по крайне скуднымъ требованіямъ русскихъ административныхъ статистиковъ 6 фунтовъ. Между тѣмъ, для того, чтобы средній заработокъ вологодскаго крестьянина составлялъ 67 руб. 40 коп., нужно, чтобы въ Вологодской губерніи производилось больше 3-хъ фунтовъ хлѣба на человѣка въ день, кромѣ хлѣба, употребляемаго на винокуреніе. При такомъ условіи цѣны на хлѣбъ пали бы до тридцати пяти копѣекъ за пудъ, между тѣмъ онъ въ Вологдѣ на 13% дороже, чѣмъ въ Ярославской губерніи. Чтобы сдѣлать понятнымъ весь ужасъ разъясненнаго положенія, я разскажу слѣдующее: Я зналъ въ Вологдѣ крестьянина ловкаго и мастера на всѣ руки; этотъ крестьянинъ заработалъ въ одинъ годъ семьдесятъ два рубля семьдесятъ пять копѣекъ. Заработать такія крезовскія богатства ему удалось потому, что онъ былъ счастливъ при сборѣ хлѣба †) и кромѣ того получилъ еще зимнюю работу чрезвычайно выгодную, онъ получилъ за нее почти вдвое

потому, что онъ нуженъ для дому и отъ него нуженъ навозъ. Мы получили отъ земледѣлія доходъ въ тридцать три рубля восемьдесятъ копѣекъ. Если сравнить этотъ результатъ со свѣдѣніями, помѣщенными въ памятной книжкѣ Вологодской губерніи 1864 года, то онъ окажется еще преувеличеннымъ — средній доходъ отъ земледѣлія, полученный крестьянами на земляхъ государственныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ, на основаніи упомянутыхъ свѣдѣній не превышаетъ двадцати пяти рублей на работника. Свѣдѣнія эти составлены крайне пристрастно къ крестьянамъ, поселеннымъ на земляхъ помѣщичьихъ, крестьянъ этихъ старались выставить богатыми, а самихъ помѣщиковъ бѣдными, поэтому посѣвы помѣщиковъ составляютъ только одну пятую крестьянскихъ, а доходы крестьянъ на земляхъ помѣщичьихъ почти втрое превышаютъ доходы на земляхъ государственныхъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ скорѣе выйдетъ наоборотъ. Даже по этимъ преувеличеннымъ свѣдѣніямъ валовой доходъ крестьянъ на помѣщичьихъ земляхъ, за вычетомъ сѣмянъ, доходитъ только до 59 руб. сер. на работника, а если исключить доходъ, полученный богатыми крестьянами съ земель сверхъ надѣла, то составится меньше пятидесяти рублей на работника; если исключить овесъ, необходимый для прокорма лошади (т. е. орудія труда), то со всѣхъ земель доходъ составитъ 43 руб. на человѣка, а если вычесть сверхъ-надѣльные, то всего 35 руб.; надо еще вычесть 1 р. 20 коп. на мышеядь и утраты, и разсчетъ сойдется съ вышеизложеннымъ несмотря на все преувеличеніе свѣдѣній, помѣщенныхъ въ памятной книжкѣ. Доходъ отъ зимней работы жены, дровъ и пр. 4 р. 10 коп.: всего составится, со всѣми натяжками, 44 руб. 40 коп.

†) Земледѣліе дало ему впрочемъ всего 29 руб. 25 коп. при урожаѣ ржи почти въ сам-десять.

больше обыкновеннаго работника. Ко всему этому присовокупилось еще то, что онъ платилъ всего за одну душу оброковъ и сборовъ, такъ что ему осталось на содержаніе около пятидесяти семи рублей. Съ содержаніемъ, которое онъ получалъ, и съ заработкомъ жены, онъ прожилъ въ годъ съ семействомъ семьдесятъ восемь рублей, онъ проживалъ въ день двадцать одну и двѣ трети копѣйки. Этихъ доходовъ было недостаточно, чтобы ему кормиться съ семействомъ мясомъ, хотя ихъ было всего три человѣка. Все лѣто онъ съ семействомъ не ѣлъ мяса—онъ самъ ѣлъ мясо только въ теченіе тридцати семи дней въ году, т. е. разъ въ десять дней, а для семейства онъ закололъ на зиму трехъ ягнятъ. Отецъ и семейство съѣли въ годъ четыре пуда мяса, пришлось въ день почти по одной седьмой фунта на человѣка. Какъ же живетъ бѣдный человѣкъ, который получаетъ отъ одной до пяти копѣекъ въ день, онъ ѣстъ съ семействомъ всякую гадость, иногда дня два или три не ѣстъ рѣшительно ничего, насколько возможно питается милостынею, міроѣдство принимаетъ самыя ужасныя и возмутительныя формы. Вотъ полтора года изъ жизни одного крестьянскаго семейства, живущаго на помѣщичьей землѣ. Семейство считалось зажиточнымъ и положеніе его было изъ самыхъ выгодныхъ. Оно состояло изъ отца и матери съ шестью сыновьями. Въ сравненіи съ другими у нихъ земли было много, они имѣли четыре надѣла. У нихъ было четыре коровы и два подростка, три овцы и четыре ягненка,—всего тринадцать штукъ. Семейство состояло изъ двѣнадцати человѣкъ, слѣдовательно приходилось болѣе, чѣмъ по штукѣ скота на человѣка, между тѣмъ какъ у другихъ такихъ же крестьянъ приходилось вдвое меньше, а у нѣкоторыхъ вовсе не было скота. Хлѣбъ родился у нихъ хорошо и въ особенности на картофель былъ урожай. Когда имъ пришлось платить оброкъ, тогда они постигли, что значитъ имѣть большой надѣлъ. Оброку и сборовъ имъ приходилось заплатить въ годъ 46 руб. сер.: безъ земли плохо, а съ землей едвали еще не хуже, не знаешь, что и выбирать. До того времени они мяса не ѣли, но пользовались пищею, по ихъ понятію, разнообразною—они ѣли картофель, молоко и ржаной хлѣбъ. Въ началѣ зимы, они, для уплаты оброка, должны были продать весь картофель, какъ на зло въ это же время всѣ коровы перестали доить и у нихъ осталась одна пища, ржаной хлѣбъ. Хлѣбъ этотъ истреблялся быстро, уже въ январѣ было совершенно ясно, что имъ не хватитъ запасу. Они начали горевать да тужить и скоро прошелъ по деревнѣ слухъ, что имъ придется пойти по міру. Подобный слухъ болѣе или менѣе часто проходилъ о каждомъ крестьянскомъ семействѣ. Наступила весна, вотъ и лѣто, семейство живетъ себѣ и ни у кого помощи не проситъ, крестьяне удивляются. Но ларчикъ открывался просто. Одинъ изъ сыновей оказался весьма ловкимъ плотникомъ, онъ работалъ лѣтомъ въ Вологдѣ и Тотьмѣ, заработывалъ 18 рублей въ мѣсяцъ и выработалъ до зимы около ста десяти рублей, его заработокъ одинъ составлялъ двѣ трети всѣхъ доходовъ семейства. Понятно, что его носили на рукахъ, ему всѣ смотрѣли въ глаза, это была истинная глава семейства. Въ это блестящее для нихъ время имъ оставалось, за уплатою оброка и сборовъ, на расходы около тридцати трехъ копѣекъ

въ день. Я выше разсчиталъ средній доходъ семьи въ три человѣка, въ весьма многихъ случаяхъ, въ двѣ съ третью копѣйки въ день, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ семь съ половиною копѣекъ въ день и въ рѣдкихъ случаяхъ въ одиннадцать копѣекъ въ день. Если эту семью изъ двѣнадцати человѣкъ разбить на четыре группы по три человѣка, то на каждую группу придется въ день по осьми съ четвертью копѣекъ, они на три четверти копѣйки перевалили за вторую степень бѣдности. Въ эти счастливые дни они были однакоже такъ бѣдны, что не могли ѣсть ни мяса, ни рыбы, они не могли даже покупать мыло, чтобы мыть бѣлье, необходимость покупать соль была для нихъ великимъ горемъ и исполнялась со многими вздохами. Фортуна не постоянна и вертитъ жизнь человѣка колесомъ; объявленъ былъ рекрутскій наборъ и забрили плотника. Со слезами отчаянія, съ воемъ и причитаніями неотступно провожала его семья пока было возможно, затѣмъ воротилась домой созерцать мрачную перспективу своего будущаго. Время не ждетъ, отчаяніе не заглушитъ голоса гнетущей нужды—пришлось нашимъ бѣднякамъ управляться какъ знаютъ. Они посѣяли тридцать два пуда ржи и сняли, увы, только восемьдесятъ пудовъ, за вычетомъ сѣмянъ у нихъ осталось ржи сорокъ восемь пудовъ цѣною въ тридцать пять рублей двадцать копѣекъ, всѣхъ произведеній у нихъ оказалось на пятьдесятъ три рубля шестьдесятъ копѣекъ. Изъ этого нужно заплатить оброку сорокъ шесть рублей, остается на всю семью и на цѣлый годъ семь рублей шестьдесятъ копѣекъ, по одной пятой копѣйки въ день на человѣка. Оброкъ неумолимъ какъ судьба, хоть съ голоду умирай, а плати; заплатили въ началѣ зимы первую половину. Количество хлѣба начало быстро уменьшаться, ѣдоковъ было много, одиннадцать человѣкъ, со дня на день настроеніе духа въ семействѣ имѣло все болѣе сходства съ настроеніемъ корабельнаго экипажа, выброшеннаго бурей на пустынную скалу, который видитъ, какъ исчезаютъ сухари въ послѣднемъ боченкѣ, а потомъ — голодную смерть. Постоянныя неудовольствія другъ другомъ, безпрерывныя вспышки и ссоры, каждый видитъ въ другомъ орудіе для увеличенія своего голода и думаетъ, нельзя ли отдѣлаться. Жена того плотника, который дѣлалъ семейство счастливымъ, первая подверглась нападкамъ со всѣхъ сторонъ, въ этомъ sauve qui peut у нея не было защитника, она должна была продать всѣ свои вещи, даже шубу, оставить семейство и наняться въ людяхъ — перспектива голодной смерти заглушаетъ самыя горячія чувства. Несмотря на это послѣ масляной въ семействѣ не было уже болѣе хлѣба, а еще оставалось жить семь мѣсяцевъ, надобно было заплатить лѣтомъ другую половину оброка. Къ счастью съ наступленіемъ весны, одинъ изъ братьевъ имѣлъ случай наняться плотникомъ, но онъ получалъ только 4 р. 50 к. сер. въ мѣсяцъ, семейства отъ голоду онъ не спасъ, но обезпечилъ уплату оброка и уменьшилъ число ѣдоковъ еще на одного человѣка. Оставшіеся дома голодали съ каждымъ днемъ все больше и больше, не ѣли по цѣлымъ суткамъ и исхудали совершенно, отецъ семейства дотого обезсилѣлъ, что не могъ ходить. Нечего дѣлать, нужно было прибѣгнуть къ благотворительности. Когда семейство узнало, что солдатка имѣетъ мѣсто и можетъ каждый день наѣдаться досыта, растолстѣла и раздобрѣла,

они обезумѣли отъ радости; «хоть бы глазомъ на нее посмотрѣть», повторяли они; и въ самомъ дѣлѣ не великая ли это радость для голоднаго увидать близкаго ему человѣка сытымъ. Судьба семейства была рѣшена, оно будетъ опускаться все ниже и ниже и дойдетъ до нищенской суммы, если только между подростками не окажется такого же способнаго малаго, какимъ былъ братъ, ушедшій въ солдаты. Вотъ исторія одного изъ счастливыхъ семействъ. Другое семейство на семь человѣкъ собирало съ полей кромѣ овса, проданнаго для оброка, и сѣмянъ, двѣ четверти ржи въ годъ, приходилось по одной трети фунта на человѣка въ день, и хоть это покажется мало вѣроятнымъ для читателя, но меня увѣряли, что есть семейства, которыя собираютъ еще меньше. Но это голодная смерть, скажетъ читатель; совершенно справедливо, они и умираютъ отъ голода.

Бѣдность между этимъ злополучнымъ населеніемъ развила своеобразные нравы, каждый въ свою очередь попадаетъ въ такое положеніе, при которомъ онъ не можетъ поддерживать здоровье и даже жизнь своего семейства, и на эти минуты обычай установилъ уже обязательную помощь. Въ семействѣ есть ребенокъ, но нѣтъ ни хлѣба, ни молока, ребенокъ долженъ неминуемо погибнуть, сосѣди, имѣющіе молоко, считаютъ для себя обязательнымъ по очереди поддерживать жизнь ребенка. По крайней мѣрѣ двѣ трети населенія, живущаго въ Вологодской губерніи на помѣщичьихъ земляхъ, или постоянно нищіе или бываютъ нищими по-временамъ: сегодня человѣкъ подавалъ нищимъ, которые студили его избу, безпрерывно хлопая дверьми, а черезъ мѣсяцъ онъ самъ пошелъ съ сумою. Когда земледѣлецъ скромный и порядочный опускается дотого, что ему нужно прибѣгнуть къ благотворительности, онъ сначала обращается къ займамъ изъ запаснаго магазина и пр. Всѣ средства истощены, ему остается протягивать руку, но онъ не рѣшается. Онъ сидитъ у себя дома и голодаетъ по цѣлымъ суткамъ и болѣе. Голодный онъ повторяетъ: «умру, а просить не буду». Сосѣди замѣчаютъ его истощеніе и деликатно, но все болѣе и болѣе настойчиво уговариваютъ его, чтобы онъ обратился къ милостыни, но онъ упорно повторяетъ: «умру, а просить не буду». Наконецъ сосѣди по блѣдному и истощенному его виду заключаютъ, что его упорство можетъ имѣть серьезныя послѣдствія, нечего дѣлать, они приносятъ ему милостыню сами, тогда онъ не въ силахъ больше противиться и принимаетъ. Одна крестьянка изображала мнѣ нищенство въ деревняхъ слѣдующими словами: «къ избѣ подъѣзжаетъ пять телегъ, въ каждой 4 или 5 нищихъ, только отъѣхали, подъѣзжаетъ еще шесть телегъ нищихъ.» Нищіе довели здѣсь свое искусство до высокихъ, можно сказать артистическихъ размѣровъ, они умѣютъ угодить и на низкій крестьянскій и на высоко-утонченный, аристократическій вкусъ дворянства, каждому они подносятъ свое блюдо. Неумолимая строгость, съ которою взыскиваются оброки и сборы, не даетъ земледѣльцу вздохнуть свободно, лишь только ему посчастливилось, онъ завелся скотомъ; прошло года съ два и опять все продано, хлѣбъ на неунавоженномъ полѣ родится плохо и крестьянинъ надѣваетъ суму. Помѣщики громко кричатъ, что они разорились отъ крестьянской реформы, а шопотомъ нѣкоторые

говорятъ по-временамъ, что доходы ихъ увеличились. Надѣясь на такое увеличеніе, нѣкоторые пустились въ состязаніе съ мужицкой интеллигенціей, взялись за промышленность, они позабыли, что для того, чтобы разбогатѣть отъ промышленности, недостаточно одного вліянія и власти, дающей намъ въ руки плоды чужаго труда, для этого необходимо имѣть и нѣсколько оборотливости, и своими спекуляціями они прожили все то, что нажили своимъ вліяніемъ. Такое тяжелое положеніе дѣлаетъ южные уѣзды Вологодской губерніи все болѣе и болѣе бѣдствующими, несмотря на многоземеліе этихъ уѣздовъ, несмотря на то, что только въ двухъ губерніяхъ Россіи меньше неудобной земли чѣмъ у нихъ, хлѣбопашество находится тамъ въ совершенномъ упадкѣ; въ этихъ уѣздахъ приходится пахотной земли всего 0,83 десятины на жителя, между тѣмъ какъ въ Россіи вообще приходится 1,5 десятины на жителя, т. е. почти вдвое больше. Увеличеніе населенія сообразуется въ Вологодской губерніи съ двумя главными вліяніями, съ вліяніемъ климата и тягости положенія работника: въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ суровый климатъ дѣлаетъ благосостояніе совершенно невозможнымъ, хлѣбъ не родится, луговъ нѣтъ, только одинъ лѣсъ, всего болѣе пользуются благосостояніемъ средніе уѣзды; хотя въ нихъ климатъ и суровый и положеніе несравненно менѣе благопріятное, чѣмъ положеніе юго-западнаго угла, однакоже населеніе тамъ увеличивается всего быстрѣе, потому что тамъ нѣтъ помѣщиковъ. Самое благопріятное климатическое положеніе—это въ южныхъ уѣздахъ, но жизнь земледѣльцевъ на помѣщичьихъ земляхъ перевѣшиваетъ всѣ выгоды климата. Населеніе государственныхъ земель увеличивалось быстрѣе, чѣмъ населеніе земель удѣльныхъ, на земляхъ удѣльныхъ оно увеличивалось быстрѣе, чѣмъ на помѣщичьихъ; по сравненію свѣдѣній статистическаго временника со свѣдѣніями, помѣщенными въ вологодской памятной книжкѣ 1864 года, населеніе государственныхъ крестьянъ увеличилось на 0,27%, между тѣмъ населеніе крестьянъ удѣльныхъ и заводскихъ уменьшилось на 0,04%, а населеніе крестьянъ, живущихъ на земляхъ помѣщичьихъ, уменьшилось на 0,62%; и мудрено ли: эти несчастные люди живутъ часто въ такихъ жалкихъ, дымныхъ и темныхъ норахъ, что они могутъ позавидовать самому бѣдному номаду. Кому всѣ эти выводы покажутся преувеличенными, для того я приведу еще одно данное. На основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ памятной книжкѣ за 1864 годъ, въ Вологодской губерніи посѣяно было хлѣба и картофеля всего 767,715 четвертей, а собрано 2,163,781 четверть, за вычетомъ сѣмянъ осталось 1,396,066 четвертей. Полагая каждую четверть въ 9 пудовъ (весьма много), окажется всего 12,264,594 пуда хлѣба. Изъ этого количества по свѣдѣніямъ статистическаго временника 1866 года употреблено было на винокуреніе и сплавлено по рѣкамъ 4,279,682 пуда, осталось для народнаго потребленія 8,284,912 пудовъ, слѣдовательно на каждаго изъ 974,723 жителей Вологодской губерніи по осьми пудовъ двадцати фунтовъ въ годъ или 340 фунтовъ, т. е. меньше фунта, а на семейство изъ трехъ человѣкъ два и двѣ трети фунта въ день.

Въ памятной книжкѣ описанъ урожайный годъ, число годовъ неурожайныхъ гораздо значительнѣе. Повѣсть страданій народныхъ въ эти несчастные

годы и не переслушаешь. Даже въ волостяхъ на государственной землѣ случается, что въ плохой годъ у крестьянъ засѣять поля нечѣмъ, посѣвъ берется изъ запаснаго магазина. Осенью, несмотря на хорошій урожай, крестьяне оказываются такъ разоренными, что они заплатить долгъ рѣшительно не въ состояніи, къ веснѣ они не имѣютъ уже хлѣба несмотря на то, что двѣ трети слѣдующихъ съ нихъ денежныхъ сборовъ ими еще не уплочены. Сѣять рѣшительно нечѣмъ, они снова обращаются въ запасной магазинъ и берутъ хлѣбъ на сѣмена; еслибы они получили отказъ, то поля остались бы вовсе незасѣянными и положеніе сдѣлалось бы безвыходнымъ. Хлѣбъ взятъ, но неожиданно посѣвъ невозможно начать, до конца мая поля покрыты снѣгомъ, снѣгъ растаялъ, но и въ іюнѣ всѣ поля еще покрыты водою, даже начать пашню невозможно. Хлѣбъ, посѣянный слишкомъ поздно, не успѣетъ дозрѣть и пропадетъ. Крестьяне считаютъ дни въ томительномъ ожиданіи и увы— ѣдятъ взятый на сѣмена хлѣбъ; конецъ можетъ предвидѣть всякій.

Такія ужасныя бѣдствія существованіе помѣщичьихъ земель, оброковъ и прямыхъ податей навлекло на три самые плодоносные уѣзда Вологодской губерніи — Грязовецкій, Вологодскій и Кадниковскій. Въ этихъ трехъ уѣздахъ сосредоточиваются почти всѣ помѣщичьи земли — изъ числа 97,378 надѣловъ Вологодской губерніи девяносто три тысячи восемьсотъ сорокъ три надѣла приходится на эти три южные уѣзда. Жители сѣверныхъ уѣздовъ находятся въ самомъ неблагопріятномъ положеніи, въ которомъ только могутъ находиться люди. Я уже объяснялъ, что половина изъ нихъ живетъ въ такой бѣдности, передъ которою жизнь лондонскаго и парижскаго паупера — рай; между тѣмъ жизнь этого несчастнѣйшаго изъ смертныхъ еще завидная доля въ сравненіи съ жизнью земледѣльца, живущаго въ Вологодской губерніи на помѣщичьихъ земляхъ. На югѣ и почва и климатъ таковы, что рожь даетъ урожаи въ сам-десять; въ сравненіи съ сѣверомъ, это должна была быть страна богатства и благосостоянія, а между тѣмъ теперь наоборотъ это страна бѣдности и страданій. Такое положеніе крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, нетолько дѣлаетъ этихъ крестьянъ, а черезъ нихъ и весь край бѣднымъ и нищенствующимъ, оно лишаетъ его всѣхъ средствъ достигнуть благосостоянія. Третью часть года почти все населеніе сидитъ безъ дѣла, голодаетъ, плачетъ и тужитъ, что нѣтъ работы, и въ тоже время почти умираетъ отъ голода. Помѣщики жалуются, что цѣны на трудъ такъ высоки, что обработка земли вовсе не вознаграждается; капиталисты — что заводы и фабрики не даютъ доходовъ и что промышленность не можетъ идти впередъ. Съ изумительною проницательностью многіе полагаютъ, что можно помочь горю давая фабрикамъ и заводамъ различныя облегченія и преимущества: этимъ мудрымъ людямъ и въ голову не приходило, что для оживленія промышленности нужно создавать не продавцовъ, а покупателей, были бы покупатели, продавцы найдутся. Представьте себѣ страну, гдѣ помѣщики не могутъ обрабатывать земель своихъ, потому что не имѣютъ капиталовъ, они должны продавать хлѣбъ, который еще не родился и неизвѣстно родится ли, они должны жить оброками, которыхъ крестьяне скопить не въ силахъ. Они—бѣдные и

жалкіе люди, они каждый годъ должны дѣлаться все болѣе и болѣе бѣдными, они ничего не могутъ проживать, ничего не могутъ пріобрѣтать. Рядомъ съ ними многочисленное духовенство, оно хочетъ питаться около помѣщиковъ и земледѣльцевъ, которымъ самимъ ѣсть нечего. Оба эти сословія чрезвычайно недовольны земледѣльцами, ругаютъ ихъ лѣнтяями и пьяницами и этимъ мнимымъ порокамъ крестьянъ приписываютъ свою собственную бѣдность: «эти лѣнтяи мужики дѣлаютъ насъ ниціими», кричатъ духовенство и дворянство. Всѣхъ этихъ потребителей высшаго сословія такъ много, они такъ требовательны, что отнимаютъ у крестьянина послѣдній его достатокъ — онъ не имѣетъ возможности наѣдаться даже самой скудной и грубой пищей, у него то нѣтъ сѣмянъ, чтобы засѣять свои поля, то нѣтъ скота, чтобы ихъ обработать и унавозить, онъ нетолько не можетъ при такомъ положеніи достигнуть благосостоянія и поправиться, онъ съ каждымъ годомъ дѣлается все бѣднѣе. Въ то время какъ въ Англіи каждый земледѣлецъ производитъ цѣнностей на тысячу рублей въ годъ, въ Ирландіи на двѣсти двадцать рублей, въ Вологодской губерніи онъ производитъ ихъ едва на тридцать пять цѣлковыхъ; чѣмъ бѣднѣе онъ становится, тѣмъ меньше онъ производитъ, а уменьшенное производство даетъ бѣдности еще большіе размѣры. При такомъ жалкомъ положеніи эти три сословія тянутъ другъ друга внизъ и наконецъ всѣ надѣнутъ другъ на друга нищенскую сумму. Въ такой странѣ капиталистамъ дѣлать нечего: пусть они произведутъ тамъ на милліоны товаровъ, товары эти будутъ лежать безъ покупателей на рынкѣ—крестьянину не до покупокъ, онъ думаетъ, какъ бы продать, духовенство сокращаетъ свои расходы, дворянство снабжается не мѣстнымъ производствомъ, а заграничными рынками. Оно живетъ притомъ оброками, которые до сихъ поръ еще кое-какъ собирались съ помощью самой безразличной строгости, но скоро съ крестьянъ съ каждымъ годомъ можно будетъ меньше собрать. Всѣ слои общества будутъ чувствовать себя стѣсненными, явится безнадежное реакціонное направленіе, которое должно убить и остатки благосостоянія.

Для утѣшенія публики защитники высокихъ оброковъ, сбираемыхъ помѣщиками, утверждаютъ, что это будто-бы положеніе временное и относится только къ началу реформы, что впослѣдствіи все измѣнится. То, что я сейчасъ скажу, можетъ убѣдить читателя, что изображенное выше положеніе крестьянъ на помѣщичьихъ земляхъ вовсе не измѣняется и что на его измѣненіе нѣтъ никакой надежды. Въ 1862 году, въ сѣверныхъ частяхъ Вологодской губерніи былъ голодъ. Голодъ этотъ изображался въ нашей печати въ ужасныхъ краскахъ, тамъ ѣли нетолько хлѣбъ съ мякиною и съ соломою, но мохъ, сосновую кору и пр.; несмотря на это бѣдствія этихъ мѣстъ были ничто въ сравненіи съ страданіями южныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи, гдѣ двѣ трети населенія принадлежали къ временно-обязаннымъ. Въ самыхъ сѣверныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи, Вельскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-сысольскомъ, которые подходятъ почти къ полярному кругу, но гдѣ нѣтъ помѣщиковъ, умиралъ двадцать седьмой, а въ южныхъ, находящихся южнѣе Петербурга, умиралъ двадцать третій. Мѣстные жители

видятъ, что на югѣ не ѣдятъ ни коры, ни моха, и поэтому считаютъ населеніе болѣе благоденствующимъ, чѣмъ на сѣверѣ. Но за тоже они ѣдятъ хлѣбъ, часто точно такой же скверный, какъ на сѣверѣ. Когда мы показывали жителямъ южныхъ уѣздовъ хлѣбъ изъ Пинеги и изъ Олонецкой губерніи, они намъ отвѣтили, что господа напрасно удивляются такому хлѣбу, у нихъ его ѣстъ множество крестьянъ, даже не болѣе, какъ въ трехъ верстахъ отъ Вологды. Главная причина сильной смертности тутъ впрочемъ не дурной хлѣбъ, а тяжкая работа и страданія, съ которыми сопряжена уплата непосильныхъ оброковъ. Мы неоднократно будемъ имѣть случай наблюдать, что тяжкая работа дѣйствуетъ гибельнѣе голода. Вотъ почему на сѣверѣ послѣ голода населеніе поправляется и смертность дѣлается болѣе благопріятною, на югѣ же она дѣйствуетъ съ безпощаднымъ однообразіемъ. Въ вышеупомянутыхъ сѣверныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи уже въ 1864 году умиралъ только тридцать первый, но въ трехъ южныхъ опять умиралъ двадцать третій. Чѣмъ больше проходитъ времени послѣ освобожденія, тѣмъ безнадежнѣе дѣлается положеніе этихъ южныхъ уѣздовъ. Въ 1866 году въ Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ дошло уже дотого, что во всѣхъ трехъ было умершихъ болѣе, чѣмъ родившихся, между тѣмъ во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи, не исключая самыхъ сѣверныхъ былъ перевѣсъ родившихся и перевѣсъ иногда значительный, въ уѣздѣ Никольскомъ онъ составлялъ больше 25%. Несмотря на это смертность въ южныхъ уѣздахъ оказала такое значительное вліяніе на смертность всей губерніи, что въ ней въ 1866 году была убыль населенія на 582 человѣка, въ нихъ умерло на десять процентовъ больше, чѣмъ въ 1864 году, умиралъ уже двадцать первый. Затѣмъ въ 1867 году послѣдовалъ неурожай и въ 1868 году опять перепахивали и засѣвали вновь подъ яровое поля, на которыхъ пропалъ озимый посѣвъ. Главная причина этихъ неурожаевъ заключается въ постоянно возрастающей бѣдности крестьянъ. Тяжелые оброки и чрезвычайно строгое ихъ взысканіе были причиною, что крестьяне распродали свой скотъ и свой хлѣбъ, а между тѣмъ въ сѣверной Россіи успѣшное сельское хозяйство невозможно безъ обилія скота и хлѣба. Стоитъ бросить одинъ взглядъ на здѣшнюю почву, чтобы убѣдиться, какъ она нуждается въ удобреніи; при дурномъ удобреніи малѣйшая случайность производитъ неурожай. Кромѣ того, здѣсь важная причина неурожаевъ заключается въ наводненіяхъ и въ вымерзаніи, крестьянинъ нерѣдко уже весною видитъ, что онъ на озимомъ хлѣбѣ понесетъ убытокъ и что ему нечѣмъ будетъ содержать свое семейство. Чтобы спасти себя, онъ долженъ или расширить свои посѣвы или запахать озимое и засѣять его яровымъ; но у него и безъ того только наполовину столько земли, сколько необходимо для его содержанія; кругомъ огромныя пространства лежатъ впустѣ и никому не приносятъ пользы, но эти пространства принадлежатъ не ему, а помѣщикамъ; для того же, чтобы перепахать свое поле и вновь засѣять яровымъ, у него нѣтъ сѣмянъ.

Не трудно доказать фактами, до какой степени настоящее положеніе временно-обязанныхъ крестьянъ уменьшаетъ нетолько ихъ благосостояніе, но и

производительность страны, не трудно показать, что разореніе это зависитъ даже не отъ малыхъ надѣловъ, а отъ высокихъ оброковъ и что нѣтъ основанія ожидать улучшенія въ этомъ отношеніи, когда крестьяне получатъ право перехода на другія земли. Очень характеристическое для этой цѣли явленіе представляетъ Кадниковскій уѣздъ Вологодской губерніи. Это одинъ изъ самыхъ рѣдко-населенныхъ уѣздовъ многоземельной Россіи, въ немъ считается всего 468 человѣкъ на квадратную милю, онъ такъ же рѣдко населенъ, какъ Николаевскій уѣздъ Самарской губерніи; почва его вовсе не лишена плодородія, что видно изъ того, что онъ славится своей производительностью льна и привлекаетъ къ себѣ торговцевъ, вывозящихъ хлѣбъ; ленъ вывозится даже въ Англію. Пространство этого уѣзда занимаетъ всего 1,552,938 десятинъ, въ томъ числѣ только 294,991 десятина, т. е. меньше $^1/_5$, находится въ крестьянскомъ владѣніи. Владѣніе это почти исключительно оброчное, собственниковъ тамъ всего 18,181, а оброчныхъ 117,702. Уже въ самомъ началѣ поражаетъ фактъ, что изъ этихъ милліоновъ десятинъ на долю 28,497 государственныхъ врестьянъ выпадаетъ всего надѣла 13,779 десятинъ, около полудесятины на человѣка. Слѣдовательно отъ будущаго перехода на земли государственныхъ крестьянъ, временно-обязанные не могутъ ждать себѣ улучшенія — недостаточно надѣлены даже и тѣ, которые теперь на нихъ живутъ. Крестьянамъ предстоитъ оставаться во власти помѣщиковъ настолько, насколько они и теперь въ ней находятся. По сравненію съ государственными временно-обязанные и собственники богато надѣлены, у нихъ на 105,944 человѣка приходится 278,225 десятинъ, т. е. больше, чѣмъ по двѣ съ половиною десятины на человѣка. Слѣдовательно въ волостяхъ, гдѣ сосредоточены помѣщичьи имѣнья, — вотъ гдѣ надо искать богатой производительности, обширнаго скотоводства. Помѣщики имѣютъ громадныя земли, крестьяне ими сравнительно богато надѣлены, — вотъ золотое дно, неисчерпаемый источникъ благосостоянія. Посмотрите однакоже, какова дѣйствительность. Въ 1-мъ участкѣ Соковская волость населена исключительно государственными крестьянами, въ ней 2,395 человѣкъ, на нихъ приходится скота 5,718 штукъ, хлѣбнаго посѣва 2,529 четвертей и льна 528 пудовъ. Въ двухъ волостяхъ Карновской и Устьянской, въ которыхъ временно-обязанныхъ и собственниковъ считается 3,854 и всего 11 государственныхъ крестьянъ, скота всего 3,756 штукъ, хлѣбнаго посѣва 2,713 четвертей и льну только 418 пудовъ. Слѣдовательно, относительно у государственныхъ крестьянъ скота въ два съ половиною раза больше, а посѣвъ льна вдвое больше. Мудрено ли послѣ этого, что торговцы замѣчаютъ постепенное обѣднѣніе Кадниковскаго уѣзда — для хлѣбной торговли онъ уже почти не имѣетъ значенія и привлекаетъ къ себѣ только покупкою льна. Мудрено ли, что тамъ смертность достигаетъ ужасающихъ размѣровъ и что въ 1866 году тамъ умерло 1,093 человѣка больше, чѣмъ родилось — въ одномъ уѣздѣ 1,093 человѣка больше! Мудрено ли, если голодъ, даже на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ ѣдятъ сосновую кору и мохъ, не дѣлаетъ такихъ опустошеній, какъ тяжелые оброки между населеніемъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Можно расплодить до безконечности доказательства тому, что крупное зем-

левладѣніе уменьшаетъ у насъ производительность страны. Тамъ, гдѣ лежатъ помѣщичьи земли, помѣщики, вмѣстѣ съ своими временно-обязанными производятъ постоянно меньше, чѣмъ одни государственные крестьяне, даже если эти государственные крестьяне находятся въ невыгодномъ положеніи. Въ двухъ волостяхъ 1-го и 2-го участка Грязовецкаго уѣзда, въ которыхъ живетъ 12,987 государственныхъ крестьянъ, высѣяно въ 1866 году 24,614 четвертей хлѣба и 5,440 пудовъ льна, а въ семи волостяхъ тѣхъ же участковъ, въ которыхъ жило 60 помѣщиковъ и 21,634 временно-обязанныхъ и собственниковъ, посѣяно хлѣба только 16,818 четвертей и льна 5,126 пудовъ, въ тѣхъ же семи волостяхъ скота 24,349 штукъ, а въ трехъ волостяхъ государственныхъ крестьянъ съ населеніемъ въ 20,992 человѣка, скота 28,701 штука. Тоже самое оказывается, если дѣлать сравненіе цѣлыхъ уѣздовъ: сѣверный Усть-сысольскій уѣздъ имѣетъ относительно на два процента больше скота, чѣмъ Вологодскій, хотя онъ и лежитъ у самаго полярнаго круга. Сѣверное положеніе имѣетъ въ Россіи самое рѣшительное вліяніе на размѣры скотоводства, однакоже все-таки не можетъ пересилить вліяніе крупнаго землевладѣнія точно также, какъ не перевѣшиваетъ его и по отношенію къ смертности: въ Вологодскомъ уѣздѣ умираетъ 21-й, а въ Усть-сысольскомъ 28-й.

Представьте себѣ, что сельское населеніе Вологодской губерніи не платитъ никакихъ оброковъ, казенныхъ и земскихъ сборовъ и прямыхъ податей. Представьте себѣ это для большей ясности, потому что хотя это и невозможно вполнѣ, но облегченіе крестьянина все-таки возможно. Доходы на управленіе отъ этого уменьшатся на 15%: они будутъ составлять все-таки еще 17% всего народнаго дохода, не будетъ ни одной страны въ цивилизованномъ мірѣ, которая бы употребляла такъ много на управленіе. Какія послѣдствія произойдутъ отъ этого? Первое послѣдствіе будетъ то, что земледѣлецъ не будетъ вынужденъ ни продавать своего труда, ни своихъ произведеній за безцѣнокъ. Въ его свободномъ распоряженіи останется большое количество земледѣльческихъ продуктовъ, часть изъ нихъ онъ употребитъ на улучшеніе своего содержанія, а часть на увеличеніе посѣвовъ—земли много, дѣло не за землею, а за недостаткомъ сѣмянъ. При большемъ стремленіи крестьянина южныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи къ достиженію благосостоянія можно ожидать, что онъ половину употребитъ на увеличеніе своихъ посѣвовъ; но положимъ, что онъ употребитъ даже меньше трети, въ уѣздахъ Вологодскомъ, Кадниковскомъ и Грязовецкомъ будетъ обработано лишнихъ 32,000 десятинъ земли, съ нихъ крестьяне соберутъ 3,900,000 пудовъ хлѣба, изъ этого числа половина будетъ употреблена на посѣвъ слѣдующаго года, въ слѣдующемъ году это составитъ 9,750,000 пудовъ. Положимъ, что отъ изобилія хлѣба цѣны падутъ на пятнадцать процентовъ, при сосѣдствѣ густо населенныхъ губерній, онѣ ниже не падутъ, каждый работникъ получитъ лишнихъ въ годъ 53 руб.: вмѣсто жалкихъ 23 руб. 40 коп., которые онъ имѣетъ теперь, онъ будетъ имѣть 97 руб. 40 коп. При болѣе дешевыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и мясо онъ будетъ имѣть 27 коп. въ день. Онъ будетъ въ состояніи въ годъ употреблять 36 рублей на промышленныя произведенія. Богатое сельское на-

селеніе Вологодской губерніи будетъ употреблять 12 милл. въ годъ на промышленныя произведенія, доходы казны будутъ вдвое больше современныхъ, а доходы капиталистовъ въ шесть разъ больше доходовъ современныхъ помѣщиковъ; вмѣсто жалкихъ трехъ тысячъ работниковъ, получающихъ на вологодскихъ фабрикахъ и заводахъ по пятидесяти рублей, въ Вологодской губерніи будетъ до пятидесяти тысячъ работниковъ, получающихъ по двѣсти рублей. Сельскій работникъ зимою будетъ заниматься ремеслами; теперь уже будетъ кому покупать ремесленныя произведенія и лѣтъ въ пять доходы его дойдутъ до ста пятидесяти рублей въ годъ. Вотъ средство сдѣлать страну богатою, средство совсѣмъ другаго рода, чѣмъ пресловутое поощреніе фабрикъ и заводовъ.

ГЛАВА II.

Примѣры анархіи въ поземельныхъ отношеніяхъ.

Быстро неслась тройка по лѣсистой дорогѣ въ Вятской губерніи и ловко правилъ ею развязный ямщикъ. Свистъ и удалое голосованіе не мѣшали ему пускаться со мною въ продолжительныя разсужденія; онъ разсказывалъ мнѣ, какъ чиновники пріѣзжали оцѣнивать у нихъ землю для раскладки податей и какъ они были этимъ недовольны и подавали нѣсколько прошеній. Не одна Вятская губернія дѣйствовала такимъ образомъ. Тоже самое я слышалъ и въ другихъ губерніяхъ, нетолько отъ крестьянъ, но и отъ кадастровыхъ чиновниковъ. Коль скоро собирали крестьянъ и предлагали имъ сдѣлать оцѣнку ихъ земель для распредѣленія податей, они кричали въ одинъ голосъ «по старому». Они боялись и боятся всякаго вмѣшательства чиновниковъ и даже правительственной власти въ свои соціальныя дѣла. Правы они въ этомъ отношеніи или нѣтъ?

Ямщикъ мой то говорилъ со мною и распространялся въ безконечныхъ подробностяхъ, то снова обращался къ лошадямъ съ лихимъ крикомъ и тройка пускалась вскачь по гладкой дорогѣ. Въ это время въ воображеніи моемъ рисовались безпредѣльныя равнины Россіи и Сибири, съ ихъ разнородными обитателями и разнообразными отношеніями къ землѣ. Мнѣ представлялся извилистый берегъ Ледовитаго моря, его снѣжные острова и громадные льды, его шуга, его птицы, рыбы, медвѣди и морскія животныя. За берегомъ пустынныя, безплодныя тундры и какъ море широкія текущія по нимъ рѣки; за ними — безпредѣльные лѣса. Тутъ ли быть несвободнымъ человѣку, пища его и та свободна—вольная рыба въ рѣкахъ, вольная птица въ лѣсу, звѣрь пушной и стада оленей; кто услѣдитъ за нимъ въ лѣсу, кто

намѣритъ и раздѣлитъ землю. Среди лѣсовъ являются первые наши передовые посты, ни скота, ни хлѣба, дикій безлюдный лѣсъ, орѣхи кедровые, звѣрь, птица и рыба, дрова, если они кому нужны,—вотъ и все. Земля свободна, другое отношеніе къ ней и не мыслимо, и заработокъ есть, но не достаетъ хлѣба и люди умираютъ съ голоду. Шагъ далѣе и являются первыя начала культуры: селенія вдоль по рѣкамъ на солнечной сторонѣ, передъ дворомъ и поле, это имѣетъ видъ ряда бѣдныхъ, малоземельныхъ фермъ, а кругомъ нескончаемый лѣсъ, по островамъ и въ лѣсу питается скотъ, запасать сѣно трудно, въ суровую зиму иногда скотъ умираетъ съ голоду. Съ великимъ трудомъ можно расчистить клочекъ земли въ лѣсу, вырубить, выпалить; земля даетъ хорошій урожай, можетъ быть и самъ-сто, но скоро выпахивается. Пища скудная, земля промерзаетъ насквозь и нерѣдко никогда не оттаиваетъ. Впервые тутъ человѣкъ прилагаетъ руки къ землѣ; впервые является у него и понятіе объ отношеніи къ землѣ, понятіе естественное и совершенно правильное. Землю расчистить и обработать трудно, обработанный участокъ остается во владѣніи того, кто его сдѣлалъ удобнымъ для обработки до тѣхъ поръ, пока онъ выпашется. Въ это время владѣлецъ имѣетъ право отдать ее въ пользованіе другому и получить отъ этого другаго вознагражденіе за то, что онъ избавляетъ его отъ труда расчистки и первоначальной обработки. Участокъ заброшенъ и заросъ, вліяніе труда на него кончилось, онъ снова вещь ничья, это вольный лѣсъ, вольная земля, гдѣ живутъ вольныя созданія природы и гдѣ свободно можетъ двигаться человѣкъ. Вотъ юридическое понятіе человѣка миролюбиваго, человѣка труда и культуры; право собственности на вещь даетъ трудъ и только трудъ: я былъ волент—трудиться или нѣтъ, я могъ бы праздно пролежать на печкѣ, не было бы труда, не было бы и его произведенія, слѣдовательно естественно, что я могу съ произведеніемъ своего труда дѣлать, что я хочу, употреблять и оставлять его безъ употребленія по моему произволу, но зато же трудъ даетъ всегда право собственности. Среди той же обстановки, въ безконечныхъ лѣсахъ дикій германецъ выработалъ совсѣмъ другія понятія о собственности, онъ хвалился тѣмъ, что на сотни миль въ окружности никто не смѣлъ подойти къ нему, онъ говорилъ: «не тронь, все это мое», съ оружіемъ въ рукахъ нападалъ онъ на сосѣднюю общину, обиралъ у ней все, признавалъ землю своею собственностью и говорилъ общинѣ: ты теперь живешь на моей собственности, плати мнѣ дань, отправляй барщину, содержи меня въ богатствѣ и довольствѣ, а я ничего не буду дѣлать, святая собственность даетъ мнѣ на то право,—вотъ понятіе о собственности завоевателя, его источникъ—завладѣніе.

Лѣса и болота еще продолжаютъ застилать землю сплошною массою, но положеніе рабочаго человѣка среди этихъ дикихъ пустынь уже совершенно измѣняется, онъ живетъ нетолько по рѣкамъ, но и по большимъ дорогамъ, нетолько отдѣльными домами и хуторами, но большими, многолюдными селеніями. Пушной звѣрь бѣжитъ отъ многолюдства, нужно сдѣлать иногда сто верстъ и болѣе, чтобы убить сохатаго или медвѣдя. Звѣроловство обращается въ незначительный подсобный промыселъ, рабочій долженъ жить земледѣліемъ

и скотоводствомъ. Земля безконечно разостлалась кругомъ него, казалось бы обработывай ее сколько силъ хватитъ и богатѣй, а на дѣлѣ выходитъ вовсе не такъ. Трудно выбрать мѣстечко удобное для пашни и еще труднѣе его расчистить и обработать, трудно выбрать сѣнокосъ и воспользоваться имъ. Трудъ, нужный чтобы расчистить и вспахать десятину, оцѣнивается иногда рублей въ тридцать; чтобы получить отъ нея доходъ, нужно ее пахать и перепахивать и все-таки она скоро истощится; земледѣлецъ пускается вдаль отыскивать новое мѣсто, и тамъ, гдѣ, можетъ быть, никогда не была нога человѣка, онъ нарушаетъ лѣсную тишину топоромъ и огнемъ; очищено новое мѣсто, пашня дала богатый урожай; но она такъ далеко отъ стараго жилья, что ему приходится тамъ жить не дни, не недѣли, а мѣсяцы; онъ строитъ тамъ другую, временную избу. Новое мѣсто оказалось болѣе удобнымъ, онъ тамъ все больше и больше сосредоточиваетъ свое хозяйство и наконецъ вовсе переселяется туда.

Трудно расчистить пашню и земля скоро дѣлается снова неудобною для земледѣлія, но еще труднѣе найти удобный сѣнокосъ. Дико разросся лѣсъ кругомъ и всюду хотѣлъ поселить свое царство, даже самыя неудобныя земли, камень, болото не всегда удерживаютъ его. Гдѣ невозможно рости лѣсу, растетъ кустарникъ или мелкая ель. Иногда на десятки верстъ кругомъ земледѣлецъ напрасно ищетъ удобныхъ луговъ; иной разъ лѣсъ раздвинется широко и манитъ къ себѣ поляною, а подойдешь ближе, косить оказывается невозможнымъ, все мѣсто заросло мелкимъ кустомъ или болотомъ съ провалами и огромными кочками; какъ ни привыкъ лѣсной житель косить среди кустовъ, но всему есть мѣра и предѣлъ и луга заростаютъ такимъ образомъ, что никакой искусникъ ихъ не выкоситъ. Есть мѣста и свободныя, но косить ихъ выгоды нѣтъ, либо мхомъ заросли, либо трава жидкая или не годная. На безпредѣльныхъ, раскинутыхъ кругомъ пространствахъ житель сѣверныхъ лѣсовъ сильно страдаетъ отъ недостатка луговъ, трава вездѣ кругомъ, а взять ее нельзя, вода подступаетъ къ горлу, а жажда замучила. †)

Воспитанный вдали отъ шумной и воинственной человѣческой цивилизаціи, среди привычекъ мира и труда, этотъ житель дремучей сѣверной черни, раскинувшейся на пространствѣ больше чѣмъ въ двѣсти тысячъ квадратныхъ миль, составилъ себѣ понятіе о собственности самое естественное для мирнаго труженика. Своимъ онъ считаетъ только то, что создалъ своими руками. Онъ инстинктивный врагъ всякихъ излишнихъ стѣсненій, всякихъ запретовъ во имя отвлеченныхъ принциповъ, такъ часто вредныхъ и такъ рѣдко полезныхъ. Онъ нетолько не знаетъ частной земли, но и границы общинной земли не мо-

---

†) Въ десяти степныхъ губерніяхъ европейской Россіи приходится на все пространство этихъ губерній 31.9% луговъ и $2^{3}/_{7}$ десятины луговъ на жителя Въ тридцати двухъ среднихъ губерніяхъ европейской Россіи приходится на все пространство этихъ губерній 6.3% луговъ и 2.1 десятины луговъ на жителя. Въ семи сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ европейской Россіи приходится на все пространство этихъ губерній 2.5% луговъ и всего $1^{3}/_{4}$ десятины на человѣка.

гутъ имѣть для него никакого значенія. Къ чему онѣ могутъ ему послужить? Чтобы человѣку жить въ этихъ негостепріимныхъ мѣстахъ, ему нужно двигаться свободно. Сегодня земля дала ему здѣсь обиліе, черезъ десять лѣтъ она можетъ дать ему только бѣдность, но тридцать или пятьдесятъ верстъ далѣе другой клочекъ можетъ его снова обогатить. Онъ считаетъ своею только ту землю, которую самъ своими руками выпалилъ и расчистилъ и только до тѣхъ поръ пока она не выпахалась, а остальную всю онъ считаетъ вольною, пусть трудъ и предпріимчивость не стѣсняются никакими искусственными границами. Тѣсноту онъ чувствуетъ только относительно луговъ, но луга дала природа, онъ ихъ не создалъ трудомъ, какъ же можетъ онъ ихъ присвоить себѣ исключительно, онъ не былъ завоевателемъ, а потому теорія завладѣнія ему неизвѣстна. Онъ ихъ признаетъ общимъ достояніемъ и передѣливаетъ ихъ; южнѣе, гдѣ луговъ много, онъ ихъ даже и не дѣлитъ, а кто сколько можетъ, столько и коситъ. Въ водѣ и въ лѣсу всякій воленъ, всякій хозяинъ, всякій можетъ рубить лѣсъ, бить дичь и звѣря, собирать орѣховъ и ягодъ сколько у него достанетъ силы. Отъ этихъ правилъ свободы отступаютъ весьма неохотно и ограниченія совпадаютъ съ предѣлами крайней необходимости.

Непосредственно за этой полосой пустынной и лѣсистой Россіи слѣдуетъ обширная, многоземельная полоса, обхватывающая европейскую Россію съ сѣвера, съ востока, отчасти съ юга и доходящая до кавказскихъ горъ и Чернаго моря. Въ нее входятъ сѣверныя и восточныя губерніи и часть западной Сибири. По объему своему она больше всей западной Европы, населеніе ея доходитъ до пятнадцати милліоновъ. Сѣверная ея часть — суровая и бѣдная страна, наполненная лѣсами и болотами; по мѣрѣ того, какъ она спускается къ югу, почва ея дѣлается болѣе плодоносною, а лѣса рѣдѣютъ, занимаютъ половину пространства, меньше половины, наконецъ лѣса дѣлаются такъ же рѣдки, какъ были многочисленны на сѣверѣ, въ одну сторону разстилаются пески, въ другую безконечно зеленая степь опускается въ Черное море и кончается горами Таврическаго полуострова. Это страна безплодныхъ песковъ, необозримыхъ луговъ, садовъ и винограда. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ среднее населеніе не больше двухсотъ человѣкъ на квадратную милю. Люди живутъ тутъ уже такъ близко другъ къ другъ, что ихъ взгляды на отношенія къ землѣ чрезъ это значительно мѣняются. Населеніе распространяется чрезвычайно неравномѣрно: какъ скоро оно приближается къ ста человѣкамъ на квадратную милю, то уже чувствуется потребность въ передѣлахъ земли, между тѣмъ даже въ уѣздахъ, гдѣ населеніе превышаетъ восемьсотъ человѣкъ на квадратную милю, существуютъ общины, которыя владѣютъ землею безъ передѣловъ. Мы встрѣтились съ новымъ явленіемъ это съ тѣснотою. Мы видѣли людей, которые селились среди охотниковъ, теперь посмотримъ на людей, которые заняли земли номадовъ.

Номаду болѣе чѣмъ кому-либо свойственна логика завладѣнія, это первый врагъ труда, первый поборникъ теоріи присвоенія. Онъ пасетъ скотъ на степяхъ, къ которымъ онъ не прилагалъ рукъ, скотъ этотъ плодится безъ его помощи, онъ не хочетъ даже запасать для него на зиму кормъ и едва

соглашается устроить жалкій навѣсъ для огражденія его отъ мятелей. Его лѣнь и апатія лишаютъ его всякой наклонности къ миролюбію. Онъ отмежевываетъ себѣ землю нетолько для зимовника, но и для лѣтняго кочевья; онъ беретъ себѣ столько, что и границъ своихъ владѣній опредѣлить не можетъ. Еслибы онъ былъ миролюбивъ и уважалъ трудъ, онъ не считалъ бы своимъ то, что создано природою, онъ не считалъ бы себя вправѣ мѣшать земледѣльцу запахивать земли, на которыхъ онъ кочуетъ, а старался бы замѣнить то, что давала ему прежде природа, трудами своихъ рукъ, онъ старался бы содержать столько же и даже больше скота на меньшемъ пространствѣ, запасая для него сѣно, онъ старался бы мало по малу переходить къ земледѣлію. Эта единственная, согласная съ человѣческимъ достоинствомъ рѣшимость осталась ему неизвѣстною; онъ себѣ отмѣрилъ, даже вдвое больше, чѣмъ ему было нужно, и сказалъ: «все это мое; кто посмѣетъ покуситься на эту мою собственность, того убью.» Такъ разсуждалъ однакоже только народъ, для всѣхъ его членовъ земля была болѣе или менѣе въ общемъ пользованіи. Въ нѣкоторыхъ номадахъ до такой степени укоренилась мысль, что земля, на которой они кочуютъ, ихъ собственность, что они считали себя вправѣ ее уступать, между тѣмъ какъ другіе только временно занимали землю и перекочевывали изъ монгольскихъ степей на берега Волги и обратно. На земляхъ номадовъ, считавшихъ себя собственниками, они дозволяли иногда селиться другимъ осѣдлымъ племенамъ, напр. татарамъ. Эти осѣдлыя деревни занимали такія большія пространства, что нетолько не нуждались въ передѣлѣ между собою земель, но даже дозволяли своимъ членамъ отдавать ее въ наймы земледѣльцамъ и пастухамъ, сколько найдется охотниковъ. У этихъ татаръ до сего времени сохранилось преданіе, что земля уступлена была имъ въ собственность и они считали себя вправѣ ее продавать по своему усмотрѣнію. Вотъ одинъ изъ путей, которымъ явились на этихъ земляхъ русскіе помѣщики, они покупали земли за безцѣнокъ и утверждали за собою на вѣчныя времена. Не признавая завладѣнія удовлетворительнымъ источникомъ права собственности для номадовъ, казна пыталась объявлять всѣ эти земли своими. Вслѣдъ за такимъ объявленіемъ являлись на земляхъ русскія общины. Эти въ свою очередь совершенно игнорировали право собственности казны, они просто считали себя подданными и потому обязанными платить подати, а землю общею. Тамъ, гдѣ первоначальная обработка требовала большихъ трудовъ, т. е. въ мѣстахъ лѣсистыхъ и гдѣ земля выпахивалась скоро, они считали ее принадлежностію того, кто ее расчистилъ. Гдѣ поднимать залогъ не стоило особаго труда и гдѣ земли было много, тамъ всякій распоряжался ею какъ хотѣлъ и не было даже такихъ случаевъ, чтобы кто-нибудь другаго обидѣлъ и покусился на его трудъ безъ того, чтобы община не сочла этого преступленіемъ. Передѣливались только земли, которыя представляли особый интересъ, напр. земли, лежавшія близъ деревень, особенно хорошіе луга. Когда являлись новые переселенцы, они нетолько дозволяли имъ селиться близъ своихъ деревень, но и въ средѣ своихъ общинъ. Этимъ миролюбивымъ людямъ труда и въ голову не приходило, что они могли считать своею собственно-

стію что-нибудь, что не было произведеніемъ ихъ рукъ; о томъ, что казна объявляетъ себя частнымъ собственникомъ этихъ земель, они даже и не знали и многіе не знаютъ до сихъ поръ. Говоря объ этой землѣ, они называли ее своею, однакоже вовсе не потому, что они считали ее своею собственностію, а потому, что они на ней жили; крестьянинъ приходилъ въ негодованіе, когда у него отнимали его хлѣбъ или его лошадь, онъ считалъ это за разбой, онъ считалъ свою собственность нарушенною; но когда новымъ поселенцамъ отдѣляли часть его земли или переселенцы селились въ средѣ его общины, онъ смотрѣлъ на это равнодушно и нисколько не считалъ это нарушеніемъ своихъ правъ. Совсѣмъ другими глазами смотрѣли на дѣло помѣщики и номады, они всѣми средствами старались утвердить за собою права собственности на землю, они хорошо понимали, что эти права дадутъ имъ возможность жить чужими трудами или, по крайней мѣрѣ, безъ труда. Помѣщики, лучше понимали свое положеніе и достигли утвержденія ихъ правъ. Номады брались за оружіе, и жившіе на ихъ земляхъ племена помогали имъ. Изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ направленій вышелъ такой сумбуръ понятій, что не могло выработаться никакого правильнаго ученія объ отношеніяхъ къ землѣ, которое могло бы произвести впечатлѣніе на народное сознаніе и увлечь его за собою. У однихъ помѣщиковъ выработалось право очень опредѣленное, но къ несчастью очень печальное и дотого притѣснительное въ отношеніи къ рабочему классу, что оно должно было необходимо пасть — это право крѣпостное. Затѣмъ ни казна, ни номады, ни земледѣльцы не могли провести своихъ взглядовъ окончательно и послѣдовательно; явилась неопредѣленность отношеній, которая останавливала развитіе страны въ теченіе столѣтій, породила зависть, распри и бѣдность тамъ, гдѣ могло бы быть богатство. Огромное пространство земель, которое начиналось въ Пермской губерніи и доходило почти до Каспійскаго моря, принадлежало башкирамъ. Въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія башкиры взбунтовались и послѣдовали распоряженія, вслѣдствіе которыхъ дозволено было къ нимъ селиться кому угодно. Многія башкирскія земли были заселены исключительно общинами татаръ, мордвы, русскихъ и т. д.; башкиры даже позабыли, что земли эти имъ принадлежали, и объ этой принадлежности осталось только преданіе въ мѣстномъ населеніи. Другія общины поселились среди башкирцевъ, которые продолжали упорно считать земли эти своею собственностію и готовы были всѣми мѣрами и хитростію и силою возвратить ихъ въ свое обладаніе. Въ XVIII-мъ же столѣтіи они добились для себя помилованія и тогда же погнали съ своихъ земель всѣхъ поселенцевъ. Этихъ переселенцевъ было такъ много, что башкирскія притязанія нетолько должны были породить безпорядки, но ихъ исполненіе было совершенно невозможно. Вмѣшательство власти сдѣлалось неизбѣжнымъ и послѣ ряда неудачныхъ мѣръ послѣдовало распоряженіе, по которому за переселенцами признавалось право оставаться на башкирскихъ земляхъ. Башкирцы должны были получить по шестидесяти десятинъ на душу, мещеряки по тридцати десятинъ, а припущенники по пятнадцати десятинъ. Такое распоряженіе не выражало никакого юридическаго принципа и не давало никакой точки опоры для обсужденія

отношеній къ землѣ съ юридической точки зрѣнія. Отношенія къ землѣ не разсматривались ни съ точки зрѣнія ученія о завладѣніи, ни съ точки зрѣнія собственности порождаемой трудомъ. Съ точки зрѣнія завладѣнія та земля должна была принадлежать башкирцамъ, которая находилась въ постоянномъ ихъ владѣніи, и только тѣ части должны были отойти, которыя были пріобрѣтены другими по праву давности. Съ точки зрѣнія собственности, порождаемой трудомъ, только та земля могла быть собственностію, цѣнность которой зависѣла отъ предшествовавшаго труда, и только до тѣхъ поръ пока придавшій ей цѣнность существуетъ и измѣненіе, произведенное въ ней его трудомъ, не утратило своей силы. Ученіе о собственности, основанной на завладѣніи, ученіе римское и германское, представляло вполнѣ развитую и готовую теорію, теорію, въ которой было много произвола и презрѣнія къ правамъ труда, но все-таки совершенно ясную и на основаніи которой каждое лицо могло съ точностію опредѣлить начало и конецъ своихъ правъ. Если это ученіе казалось слишкомъ стѣсняющимъ произволъ, то возможно ли было ожидать, что будутъ придерживаться ученія о собственности, порождаемой трудомъ, ученія, которое должно установить порядокъ несравненно высшаго свойства, но которое выработано лишь сознаніемъ безграмотнаго народа и не имѣло никакой юридической теоріи. Возможно ли было ожидать, чтобы тогдашнее русское образованное общество устремилось въ этомъ случаѣ на помощь народу и развило бы теорію столь враждебную своимъ интересамъ и ненавистную многочисленнымъ эксплуататорамъ высшихъ классовъ, въ то время, когда это образованное общество было враждебно всякой юридической теоріи, смѣялось надъ нею, считало ее тупоуміемъ, педантствомъ и вещью совершенно лишнею. При послѣдовательномъ развитіи взглядовъ русскаго земледѣльца, башкирскія земли тамъ, гдѣ была тѣснота, должны были быть раздѣлены поровну между всѣми, занимающимися ихъ обработкою, въ остальныхъ же частяхъ оставлены въ общемъ владѣніи. Этому взгляду никакъ не могло симпатизировать образованное общество, одного ученія о равенствѣ было достаточно для того, чтобы его отвратить. Плодомъ этого было распоряженіе, которое вовсе даже и не имѣло характеръ серьезнаго дѣйствія, направленнаго къ опредѣленію юридическихъ отношеній, его единственная цѣль была, кажется, показать свои симпатіи къ разнымъ принципамъ и родамъ людей. Мещеряки и башкиры принадлежали къ военнымъ сословіямъ; чтобы выразить симпатію къ военнымъ сословіямъ, они надѣлялись землею въ количествѣ вдвое и вчетверо большемъ, чѣмъ земледѣльцы; чтобы показать симпатію къ собственности, основанной на завладѣніи, башкиры надѣлялись землею въ количествѣ вдвое большемъ, чѣмъ мещеряки. Тутъ же отрицался взглядъ, что отношенія къ землѣ должны прежде всего служить цѣлямъ земледѣлія, она разсматривалась какъ источникъ дохода, имѣющій совсѣмъ другое назначеніе; въ тоже время установлялось неограниченное право правительства распоряжаться ею по своему усмотрѣнію и дѣлалась одна изъ самыхъ неудачныхъ попытокъ воскресить помѣстную систему. Къ довершенію всего въ этомъ распоряженіи выразилось столько же пренебреженія къ фактамъ, сколько и къ юридическимъ принци-

памъ. Когда пришлось его примѣнять на дѣлѣ, тогда оказалось, что башкирскихъ земель было недостаточно для надѣленія однихъ только башкирцевъ въ установленной пропорціи, не говоря уже о прочихъ. Существовали волости, гдѣ на башкирцевъ, мещеряковъ и припущенниковъ приходилось не болѣе девяти десятинъ на душу, тутъ конечно было весьма трудно выкроить шести-десяти-, тридцати- и пятнадцати-десятинныя пропорціи. Послѣдствіемъ такого легкомыслія было то, что цѣлый край, съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ семьсотъ тысячъ человѣкъ былъ ввергнутъ въ бездну имущественной анархіи, край прекрасный и плодоносный, обладающій роскошной почвой, богатый и лѣсомъ и лугами и водными сообщеніями. Это, можно сказать, была самая благословенная часть восточной Россіи. Среди двухъ крайностей, безплоднаго сѣвера и песчанаго юга, русскій могъ остановиться съ удовольствіемъ только на плодоносныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ лежали башкирскія земли — но тутъ онъ встрѣчалъ другой источникъ оскудѣнія, это имущественную анархію. Никто не зналъ здѣсь, гдѣ начинаются и гдѣ кончаются его права на землю, тяжбы росли, какъ грибы, и каждая волость имѣла свое безконечно длившееся дѣло. Сенатъ былъ заваленъ просьбами и жалобами, разрѣшить эти тяжбы было невозможно; какъ можетъ судъ рѣшать споры о землѣ тамъ, гдѣ отношенія къ этой землѣ регулировались случайными соображеніями и не основывались ни на какой прочной, юридической теоріи. Жители разорялись на тяжбы, а проку не было никакого, чѣмъ усерднѣе они тягались, тѣмъ больше порождалось неурядицы и безправія. Въ то время, когда на мѣстѣ происходили такія печальныя вещи, въ Петербургѣ переписывались. Нѣкоторые думали помочь горю переселеніемъ части жителей на другія мѣста, но этимъ стремленіямъ клалъ предѣлъ министръ государственныхъ имуществъ. По самой мысли своего учредителя это министерство, которое имѣло столько недостатковъ, считало однакоже своею обязанностью заботиться о земледѣліи и трудящемся населеніи. Ему всего доступнѣе было смотрѣть на землю какъ на орудіе труда, которое должно было служить не источникомъ дохода для тунеядцевъ, а средствомъ къ поощренію трудолюбія. По симпатіямъ своимъ министръ государственныхъ имуществъ былъ ближе другихъ къ взглядамъ тружениковъ, онъ вовсе не симпатизировалъ стремленію награждать военныя заслуги землею и стѣснять этимъ земледѣліе. Противъ попытки согнать съ башкирскихъ земель все мирное земледѣльческое населеніе онъ возразилъ, что въ Россіи существуетъ пять милліоновъ душъ земледѣльческаго населенія, не обезпеченныхъ достаточно землею, и что поэтому нѣтъ земель для переселенія башкирскихъ припущенниковъ. Отвѣтъ отзывался временемъ, въ которое онъ былъ данъ, и характеризуетъ его. Рядомъ съ башкирскими землями лежитъ страна, гдѣ приходится всего шестнадцать и девять десятыхъ жителей на квадратную милю, гдѣ на одни плодоносныя земли можно было переселить нетолько въ десять разъ больше людей, чѣмъ жило на башкирскихъ земляхъ, но куда можно было бы переселить болѣе трехъ пятыхъ всего земледѣльческаго населенія европейской Россіи, и дать имъ такія же плодоносныя земли, какими они пользовались на родинѣ. Еслибы споръ между министромъ и его

противниками былъ серьезенъ, то сдѣланное имъ возраженіе должно было бы пасть, какъ совершенно ничтожное; но серьезныхъ споровъ тогда не велось о подобныхъ дѣлахъ, министръ очень хорошо зналъ, что достаточно было показать рѣшимость сопротивляться, чтобы остановить теченіе дѣла, а потому онъ и не счелъ нужнымъ высказывать настоящихъ своихъ побудительныхъ причинъ. Разсчетъ министра былъ вѣренъ, вопросъ о переселеніи былъ остановленъ въ своемъ теченіи, но мѣстнымъ жителямъ было отъ этого не легче, ко всѣмъ ихъ бѣдствіямъ присовокупились опасенія однихъ лишиться земли и жилища и вовсе быть выгнанными изъ страны и надежды другихъ завладѣть ихъ землями и полакомиться ихъ собственностію. Наконецъ послѣ столѣтнихъ бѣдствій снова поднятъ былъ вопросъ объ опредѣленіи поземельныхъ отношеній башкирцевъ, мещеряковъ и припущенниковъ, и кто бы могъ подумать, что къ разрѣшенію этого вопроса не было собрано никакихъ статистическихъ данныхъ, не было опредѣлено ни числа и населенія волостей, ни того, сколько къ каждой волости принадлежитъ башкирцевъ, мещеряковъ и припущенниковъ, сколькими землями они владѣютъ, какъ они ими пользуются, въ чемъ заключаются ихъ претензіи и на чемъ они ихъ основываютъ. Вопросъ былъ поставленъ такъ, какъ будто-бы судьба осьмисотъ тысячъ людей, это такая ничтожная вещь, что объ ней не стоитъ даже и подумать серьезно. О дальнѣйшей судьбѣ этого дѣла я не буду говорить, она еще не принадлежитъ исторіи. Работникъ этихъ мѣстностей научился, насколько ему возможно было научиться, пользоваться ея богатствомъ, ея пашнями и лѣсами и усердно разводить пчелъ. Подобно тому, какъ сибирякъ южныхъ частей Сибири даетъ пчеламъ пріютъ и въ лѣсныхъ деревьяхъ и у себя на посѣкахъ и собираетъ богатую дань медомъ, и житель башкирскихъ земель обращаетъ лѣсъ въ пчельникъ и прибавляетъ къ этому улья въ своемъ огородѣ и гдѣ только можно. Конечно при научномъ знаніи, при умѣньи строить улья и сохранять на зиму пчелъ, онъ могъ бы вдвое больше получить меду, но кто же ему сообщитъ эти знанія. Лугами своими онъ пользуется для разведенія большаго количества скота, но опять-таки онъ ничѣмъ не огражденъ отъ падежей, которые въ этихъ мѣстахъ такъ свирѣпствуютъ, что часто дѣлаютъ разведеніе скота нетолько невыгоднымъ, но крайне убыточнымъ. Вотъ къ чему въ этихъ мѣстностяхъ привела система опеки и соціальнаго покровительства. Еслибы вмѣсто того мѣстныхъ жителей заставили дѣйствовать самихъ, посредствомъ представительнаго собранія отъ волостей, тогда еще сто лѣтъ тому назадъ водворены были бы правильныя и опредѣленныя отношенія къ землѣ, выработалась бы правильная юридическая теорія этихъ отношеній, падежи были бы предупреждены обоими путями, которые для этого необходимы, т. е. путемъ медицинскимъ, доступнымъ и для опеки, и несравненно болѣе важнымъ путемъ хорошаго содержанія скота, которымъ пойдетъ страна только тогда, когда въ жару борьбы партій представители волостей обратятъ вниманіе работниковъ на важность этого предмета.

Въ томъ же описываемомъ нами многоземельномъ краю живетъ до милліона семисотъ тысячъ казаковъ; эти люди въ обширныхъ размѣрахъ занимаются

рыболовствомъ, земледѣліемъ, скотоводствомъ и разведеніемъ садовъ, — въ сущности это несравненно болѣе мирные граждане, чѣмъ воины; земледѣліемъ они занимаются такъ усердно, что въ Войскѣ Донскомъ приходится пахотныхъ земель $3^4/_5$, т. е. почти четыре десятины на жителя, между тѣмъ какъ въ европейской Россіи приходится среднимъ числомъ $1^2/_5$, т. е. только почти полторы десятины на жителя. Луговодство ихъ еще значительнѣе.

Вотъ какое міровоззрѣніе мнѣ однажды пришлось услышать отъ казака: «Счастливые эти господа,—сказала старуха крестьянка,—какому это они Богу молятся: и работать не робятъ, а денегъ дѣвать некуда.» «Ты дура не понимаешь,—важно отвѣтилъ ей казакъ,—господа, это все начальство, иной въ изорванномъ халатишкѣ пріѣдетъ на мѣсто, а посмотришь черезъ десять лѣтъ богатѣй, господамъ все воинство повинуется, а потому вы имъ всѣ и оброкъ платить должны, воинство т. е. поставлено надъ вами, а надъ воинствомъ начальство—господа, вы господамъ и платите. Вотъ казакъ напр. онъ вездѣ надъ вами поставленъ, на фабрикахъ ли какихъ или на работахъ, или такъ въ деревнѣ для порядка, всякій работникъ ему уважать долженъ, значитъ и казакъ свою дань беретъ, потому онъ съ шашкой ходитъ. А кромѣ того и земли ему больше полагается, вамъ земли полагается только, чтобъ оброкъ съ васъ можно было брать, значитъ вамъ и полагается съ сумой ходить, а казаку земля полагается за службу; ты бы побывала у насъ въ Войскѣ Донскомъ, вотъ такъ земля, тамъ почти-что и пахать не надо—хлѣбъ самъ родится, луга, пашни тамъ ни почемъ считаютъ, сады тамъ чудесные, въ рѣкѣ изъ тони разомъ тысячи пудовъ рыбы вытаскиваютъ.» Такое грубое міровоззрѣніе однакоже совершенно естественно для казака. Подъ пьяную руку имъ случается высказывать и не такія вещи. Казакъ и помѣщикъ не могутъ смотрѣть на себя иначе, какъ на привилегированныя сословія, которыхъ богатство основано не на трудѣ, а на ихъ политическомъ значеніи; точно также смотритъ на нихъ и крестьянинъ. Онъ сравниваетъ свою нищету, свою бѣдность и страданія съ ихъ благосостояніемъ и — завидно, тяжело ему сдѣлается. Сосѣди казаковъ живутъ на земляхъ, гдѣ приходится отъ тысячи шестисотъ до трехъ тысячъ человѣкъ на квадратную милю, промысловъ мало, — въ одной Владимірской губерніи напр. на фабрикахъ и заводахъ занято почти въ полтора раза больше людей, чѣмъ тутъ въ шести губерніяхъ,—остается жить одной землей, а какъ? пашни всего съ лугами одна и восемь десятыхъ десятины на земледѣльца! Рядомъ бывшія многоземельныя губерніи Екатеринославская, Херсонская, Бессарабская область, но тамъ уже отъ тысячи до трехъ тысячъ человѣкъ на квадратную милю, а земля часто все-таки плохая. Между тѣмъ на благодатной землѣ Войска Донскаго на квадратную милю все-еще приходится меньше трехъ сотъ сорока человѣкъ, тамъ на земледѣльца пашенъ и луговъ приходится не десятина и восемь десятыхъ, а четырнадцать десятинъ и одна шестая на земледѣльца, однихъ пашенъ четыре десятины съ шестой, и еще вдвое больше земли можно

было бы съ незначительнымъ трудомъ обратить въ пашни. Эта земля самою природою предназначена для смѣлыхъ переселеній, она манитъ своимъ богатствомъ и роскошью своей почвы сосѣдей, вздыхающихъ на своихъ густо населенныхъ земляхъ и напрасно умоляющихъ спасти ихъ отъ голодной нужды и дать имъ труда и хлѣба. Въ своихъ безпредѣльныхъ пустыняхъ она рѣдко разсыпала табуны, зимовники и кибитки номадовъ. Умирающему въ Курской губерніи съ голоду бѣдняку приходится переселяться въ Сибирь. Онъ привыкъ къ теплу, заманчиво грѣетъ солнце, рядомъ съ нимъ донскія земли. Тамъ растетъ виноградъ, тамъ приволье зеиель и луговъ; у него луговъ нѣтъ, у него приходится только одна пятая десятины на земледѣльца, а на Дону въ пятьдесятъ разъ больше, онъ коситъ межи и дороги, а на Дону трава пропадаетъ на тучныхъ лугахъ, никому ея не нужно, — все донельзя привлекательно, но онъ не смѣетъ переступить этотъ завѣтный рубежъ; онъ долженъ идти въ далекія сибирскія степи и попробовать сорока-градусныхъ морозовъ. Ему до Дону восемь дней пути, а онъ долженъ скитаться годъ, мало онъ намыкался горя — долженъ испытать еще то, котораго онъ не зналъ. Хотите ли прослушать его печальную повѣсть? Плоха его избенка, развалилась совсѣмъ, въ ней не окна, а будто-бы камнемъ прошибленныя дыры, онъ ее бросаетъ и отправляется въ путь, здѣсь и себѣ и людямъ онъ въ тягость. Онъ ѣдетъ долго, дорогой онъ сдѣлаетъ крышку изъ луба надъ тощей семьей; онъ не знаетъ сибирскихъ дорогъ и морозовъ, но время придетъ и ему будетъ страшно, когда придется сбираться въ дорогу въ трескучій морозъ. Семья со слезами садится въ кибитку отъ одной мысли о томъ, какъ ей придется зябнуть. Путь нужно сдѣлать большой, деревня далеко; отъѣхалъ пятнадцать верстъ, мятель несетъ хлопья снѣгу, вдругъ не стало видно дороги, все ровное мѣсто, саженъ десять несчастная кляча тащила съ грѣхомъ пополамъ и вдругъ провалилась по самую гриву, онъ захотѣлъ ей помочь и самъ провалился по плечи; онъ вышелъ изъ снѣгу, товарищъ попалъ; онъ измучился дотого, что радъ бы былъ, еслибъ умеръ на мѣстѣ; въ деревню пріѣхали ночью ужъ поздно, старшина отвелъ имъ избу. Въ избу онъ входитъ смиренно и со отиснутымъ сердцемъ, онъ знаетъ, что онъ тутъ непрошеный гость, а хозяинъ ворчитъ: «варнаковъ вози, бѣглыхъ корми, да еще и этихъ оборванцевъ черти тутъ носятъ, навязалъ бы имъ колоду на шею.» Узнаетъ онъ и весенній путь, когда лошадь проваливается черезъ каждые десять шаговъ сквозь разрыхленную дорогу, подъ которой можетъ-быть на нѣсколько аршинъ снѣгу, узнаетъ и грязь сибирскую, которая самую сильную лошадь обращаетъ въ скелета. Но все это еще цвѣтики, ягодки впереди. На мѣстѣ ему придется жить въ избѣ, въ которой нетолько мужику, но и бабѣ нельзя выпрямиться, безъ стеколъ, темной какъ собачья конура. Онъ все тѣшился надеждой, что земли тутъ много, оно правда, землю ни обойти, ни измѣрить, да взять ее трудно въ руки, до готовой земли его не допустятъ, а новой ему не распахать, его лошадь безъ возу едва ходитъ шагомъ. Онъ будетъ сидѣть голодный въ морозную зиму и плакать съ женою, вспоминая свой теплый родимый край; всякому онъ со слезами будетъ разсказывать, какъ дома тепло и

чудесно. Онъ все будетъ думать: лучше пойти въ услуженіе... да жена будетъ плакать, крушиться и удерживать дома, ему самому будетъ больно разстаться съ хозяйствомъ. Онъ будетъ долго крѣпиться и со слезами оставитъ семейство, и пойдетъ въ услуженіе. Тутъ въ первый разъ онъ узнаетъ, что значитъ быть сытымъ: семья наголодается вдвое, но что ему въ этомъ, онъ не увидитъ ея тоски. Сравните же эту долю съ тѣмъ, что̀ ожидало бы его на Дону. Не разоренный далекимъ путемъ, онъ попалъ бы на легкую почву, тутъ новину воздѣлать все равно, что старую землю вспахать, для скота тутъ приволье, и климатъ пріятный и теплый.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы земля Войска Донскаго не была открыта для колонистовъ, колонисты являлись туда и даже въ большомъ числѣ, ихъ считается теперь тамъ двѣсти восемьдесятъ двѣ тысячи двѣсти восемьдесятъ восемь человѣкъ, но эти колонисты были исключительно крѣпостные люди; никто не смѣлъ быть на этихъ земляхъ счастливѣе казака, и если тутъ являлся колонистъ, то онъ могъ быть только крѣпостнымъ человѣкомъ. Отношенія къ землѣ и тутъ отличались совершеннымъ отсутствіемъ правильной юридической теоріи, распоряженія представляли такую запутанную сѣть противорѣчій, что давали самый полный просторъ произволу. Исходной точкой былъ взглядъ на землю какъ на средство для пропитанія донскаго воинства и для доставленія ему возможности вооружиться. Каждый воинъ долженъ былъ получать землю по своему военному значенію, чиновные по чину, рядовые по равнымъ частямъ, а такъ какъ оружіе всадника-воина былъ конь, то и конскій табунъ получалъ надѣлъ. Но тотчасъ же явилось и отступленіе — дозволено было на этихъ земляхъ селить крѣпостныхъ людей, ужъ не потому ли, что въ Россіи было слишкомъ мало несчастныхъ, нужно было для нихъ вздоховъ отвести и эту благодатную землю. Имъ велѣно было отвести земли вполовину противъ казаковъ: почему же вполовину? Если земля отводилась за военныя доблести, то имъ ничего не слѣдовало, они никакихъ военныхъ доблестей не имѣли; если земля отводилась имъ для удовлетворенія ихъ потребностей, то имъ нужно было отвести больше, чѣмъ казакамъ, потому что положеніе ихъ было несравненно болѣе тягостное. Если же смотрѣть на землю правильными глазами, какъ на орудіе труда, то ее нужно было бы оставить въ полное распоряженіе трудящимся: пока нѣтъ тѣсноты, пусть всякій пашетъ и коситъ сколько хочетъ, появится тѣснота, пусть труженики дѣлятся между собою, какъ знаютъ.

Относительно казаковъ былъ употребленъ тотъ же пріемъ, который имѣлъ въ отношеніи къ башкирцамъ такія жалкія послѣдствія; каждому рядовому казаку назначенъ былъ надѣлъ въ опредѣленномъ числѣ десятинъ; для чиновныхъ надѣлъ увеличивался по чину. Распоряженіе это и тутъ привело къ неурядицѣ, безправію и произволу и охотники ловить рыбу въ мутной водѣ съумѣли такъ ловко воспользоваться этимъ, что они нерѣдко успѣвали поселить демонализацію и гнетущую бѣдность тамъ, гдѣ должно бы царствовать благосостояніе и довольство. Надѣлы, назначенные по закону, были такъ велики, что въ Войскѣ Донскомъ напр. земли едва было достаточно для рядовыхъ ка-

заковъ и крѣпостныхъ земледѣльцевъ. Чтобы надѣлить всѣхъ въ полной пропорціи, нужно было бы, чтобы земля Войска Донскаго выросла на семь процентовъ; но еслибы и этотъ чудесный фактъ имѣлъ мѣсто, то и въ такомъ случаѣ произведеніе надѣловъ встрѣтило бы неодолимыя препятствія. Надѣлы могли бы быть произведены безпрепятственно только въ такомъ случаѣ, еслибы населеніе было размѣщено по поверхности съ геометрическою правильностью, между тѣмъ населеніе между разными частями войсковой земли было распредѣлено чрезвычайно различно, въ однихъ приходилось по пяти человѣкъ на квадратную версту, въ другихъ по одиннадцати. Какъ скоро невозможно исполненіе точное, является исполненіе по-возможности или, что все равно, безпредѣльный произволъ, и дѣйствительно такой произволъ царствовалъ нетолько въ Донскомъ, но и во всѣхъ казачьихъ войскахъ, и онъ относился нетолько къ землѣ, но ко всѣмъ источникамъ, изъ которыхъ казаки, трудами своихъ рукъ, пріобрѣтали средства къ своему существованію. Рыбныя воды, напр., подвергались той же участи, какъ и земли. Пусть же всякій представитъ себѣ, какое значеніе долженъ былъ имѣть такой произволъ іерархіи чиновниковъ, независимыхъ отъ гражданъ, который давалъ имъ нетолько возможность, но ставилъ имъ въ обязанность распоряжаться всѣмъ имуществомъ и всѣми источниками труда гражданъ: никто не могъ надѣяться на прочность своего благосостоянія, самый трудолюбивый, самый порядочный труженикъ не могъ сказать, будетъ ли его семейство имѣть завтра кусокъ хлѣба или нѣтъ? Все зависѣло отъ личности и взглядовъ на вещи атамана, который однимъ почеркомъ пера могъ сдѣлать десятки и сотни тысячъ людей счастливыми или ввергнуть въ бездну нищеты и отчаянія. Значеніе этихъ атамановъ было такъ велико, что ихъ не даромъ звали на мѣстѣ казацкими императорами, не даромъ объясняли это названіе тѣмъ, что казаки, въ старое время, чувствуя, что они нетолько въ служебномъ отношеніи подчинены атаману, но что ихъ личность и все ихъ имущество находится въ полномъ его распоряженіи, и не зная, какъ величать такое властное надъ ними лицо, употребляли въ минуту крайняго страха императорскій титулъ. Назначеніе новаго атамана тревожило нетолько зависѣвшихъ отъ него казаковъ, но въ сердце послѣдней казачки бросало волненіе и безпокойство. Всякій думалъ, что-то съ нами будетъ, будемъ ли мы богаты или будемъ нищими, возьмутъ у насъ рыбныя воды или дадутъ намъ ихъ. Состояніе такого безправія брошено было на казацкія земли, потому что онѣ должны были служить цѣли обезпеченія и вооруженія казацкаго войска; но если это было такъ, если вліяніе казацкаго начальства на всѣ эти земли не могло быть уменьшено, потому что въ противномъ случаѣ вооруженіе войска могло отъ этого пострадать, то почему же допущены были тамъ частныя земли съ крѣпостнымъ населеніемъ, почему эта частная собственность была допущена въ такихъ размѣрахъ, что живущее на частныхъ земляхъ бывшее крѣпостное населеніе и теперь составляетъ еще тридцать процентовъ всего населенія Войска Донскаго? Во всемъ этомъ явно имѣлось въ виду не благо края, не патріотическія цѣли, а совсѣмъ другое— для чиновныхъ казаковъ было выгодно имѣть какъ можно больше власти надъ землями рядовыхъ казаковъ, имъ было выгодно захватить какъ можно больше

этихъ прекрасныхъ и плодоносныхъ земель, и вотъ они прикрывали свои личные интересы цѣлями общественнаго блага. Имъ было невыгодно допускать на земляхъ казаковъ колонизацію потому, что тогда явилось бы на этихъ земляхъ населеніе, не подчиненное казацкому начальству, и имъ нельзя было бы распоряжаться по произволу. Надѣлы нужно было назначить казакамъ не соразмѣрно большіе потому, что это представляло двѣ выгоды: разъ, можно было назначить большіе надѣлы и крѣпостнымъ людямъ, находившимся во власти начальства, и землями казаковъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, а вовторыхъ — противъ всѣхъ попытокъ министерства государственныхъ имуществъ поселить на казацкихъ земляхъ несчастныхъ малоземельныхъ сосѣдей возражать тѣмъ, что земель недостаточно даже и для надѣла казаковъ. Они завладѣвали землями подъ предлогомъ необходимости надѣловъ для своихъ крѣпостныхъ людей, а когда было поднято знамя освобожденія, тогда они предъявили свои права на эти земли своимъ собственнымъ именемъ, а не именемъ своихъ крестьянъ и крестьянамъ были назначены не пятнадцати-, а лишь трех- и четырехдесятинные надѣлы. Самое замѣчательное то, что, чрезъ отсутствіе представительства отъ земледѣльцевъ, правительство дотого было введено въ заблужденіе насчетъ настоящаго положенія этихъ земель, что приэтомъ земля Войска Донскаго разсматривалась какъ малоземельная губернія, мѣстность, въ которой приходилось всего 338 человѣкъ на квадратную милю, поставлена была наряду съ мѣстностями, въ которыхъ было больше 1,500 жителей на квадратную милю, и поставлена была выше мѣстностей, въ которыхъ приходилось отъ 373 до 1,518 человѣкъ на квадратную милю и больше. †) Та самая область, которая считалась такою многоземельною, когда

---

†) Земля Войска Донскаго раздѣлена на 4 мѣстности, въ первой указный надѣлъ 3 десятины, во второй 3 десятины 1,200 саж., въ третьей 4 десятины, въ четвертой 4 десятины 1,200 саж.,— все это при 338 ч. на кв. милю. Въ черноземной полосѣ назначенъ 6 десятинный надѣлъ въ губерніи Самарской,—въ Бузулукскомъ уѣздѣ, гдѣ 781 чел. на квад. милю, въ Николаевскомъ, гдѣ 487 чел. на кв. м., въ Пермской—въ Красноуфимскомъ, гдѣ 401 ч. на к. м.;—5 десятинный надѣлъ въ Самарской—въ Бугульминскомъ, гдѣ 957 ч. на к. м., въ Бугурусланскомъ, гдѣ 814 ч. на к. м., въ Самарскомъ, гдѣ 810 ч. на к. м., и Ставропольскомъ, гдѣ 944 ч. на к. м., въ Пермской—въ Екатеринбургскомъ, гдѣ 640 ч. на к. м., въ Ирбитскомъ, гдѣ 534 ч. на к. м , въ Осинскомъ, гдѣ 467 ч. на к. м., и въ Шадринскомъ, гдѣ 828 ч. на к. м. Въ не-черноземной полосѣ: 5 десят. надѣлъ въ Вологодской губ. въ у. Кадниковскомъ, гдѣ 468 ч. на к. м., въ Костромской — въ Буйскомъ, гдѣ 1,139 ч. на к. м., въ Галичскомъ, гдѣ 1,176 ч. на к. м., въ Нижегородской—въ Васильевскомъ, гдѣ 1,518 ч. на к. м., въ Макарьевскомъ, гдѣ 533 ч. на к. м., въ Осташковскомъ, гдѣ 653 ч. на к. м., въ Ярославской—въ Пошехонскомъ, гдѣ 933 ч. на к. м., въ Новгородской—въ Боровичскомъ, гдѣ 678 ч. на к. м., въ Валдайскомъ, гдѣ 622 ч. на к м., въ Крестецкомъ, гдѣ 434 ч. на к. м , въ Новгородскомъ, гдѣ 582 ч. на к. м., въ Старорусскомъ, гдѣ 872 ч. на к. м., въ Череповецкомъ, гдѣ 754 ч. на к. м.;—6 десят. надѣлъ въ Костромской—въ Варнавинскомъ, гдѣ 443 ч. на к. м., въ Макарьевскомъ, гдѣ 530 ч. на к. м., въ Солигаличскомъ, гдѣ 740 ч. на к. м., въ Чухломскомъ, гдѣ 699 ч. на к. м.; — 7 дес. надѣлъ въ Новгородской — въ Кириловскомъ, гдѣ 373 ч. на кв. м.

нужно было надѣлять помѣщиковъ, вдругъ, наперекоръ очевидности, стала страдать малоземеліемъ, когда нужно было надѣлять крестьянъ. Въ Войскѣ Донскомъ, гдѣ деньги такъ дороги и земля такъ дешева, крестьянинъ вынужденъ платить за десятину столько же оброку, сколько платилось въ мѣстахъ менѣе многоземельныхъ за десятину и двѣ трети и сколько платилъ крестьянинъ тамъ, гдѣ было втрое меньше пахотныхъ земель; мѣстами его оброкъ превышалъ въ сорокъ разъ поземельную ренту. Послѣ всего этого пусть читатель самъ разсудитъ, нужно ли для регулированія поземельныхъ отношеній представительство отъ земледѣльцевъ или достаточна административная дѣятельность чиновниковъ...

ГЛАВА III.

Вліяніе помѣщичьихъ земель на благосостояніе Россіи.

Случалось ли вамъ вамъ слышать, какъ человѣка хорошаго и несчастнаго, человѣка, котораго вы любите горячо и имѣете много причинъ глубоко уважать, обвиняютъ въ его несчастьяхъ и обвиняютъ часто тѣ, которые этимъ несчастьямъ служатъ главною причиною. Вотъ что ощущаю я каждый разъ, когда русскаго работника и въ особенности русскаго земледѣльца обвиняютъ въ лѣни, невѣжествѣ и бѣдности; когда нашу бѣдность и нищету сравниваютъ съ заграничнымъ богатствомъ, когда сопоставляютъ нашего земледѣльца съ нѣмецкимъ колонистомъ и говорятъ о какихъ-то желѣзныхъ нервахъ послѣдняго, о его непреклонной волѣ и неутомимомъ трудолюбіи. Могу увѣрить читателя, что въ нервахъ колониста нѣтъ желѣза, которое дѣлало бы ихъ необыкновенно крѣпкими, они изъ того же матеріала, какъ и нервы русскаго земледѣльца, и русскій былъ бы такъ же богатъ, какъ колонистъ, еслибы судьба его была такая же счастливая. Колонистамъ легко богатѣть, у нихъ приходится семь фунтовъ хлѣба въ день на человѣка и на человѣка же около пяти штукъ скота; у него всегда будетъ чѣмъ засѣять свои поля, сколько бы ихъ ни было, у него хватитъ и удобренія, чтобы сдѣлать почву плодоносною; притомъ онъ самъ сытъ, лошадь его крѣпка мускулами и хорошо накормлена. Но каково жить русскому земледѣльцу, который долженъ каждый день вести борьбу съ голодомъ для того, чтобы сохра-

нить нужныя сѣмена для посѣва; онъ держитъ скотъ, но мясо отъ этого скота онъ видитъ только въ продажѣ, у него въ горшкѣ оно никогда не бываетъ, при малѣйшей неудачѣ онъ долженъ приступить къ усиленной продажѣ скота, количество его уменьшается и нерѣдко онъ долженъ продать все до послѣдней штуки. Крестьянинъ, у котораго относительно много скота, все-таки имѣетъ такъ мало навозу, что почва, на которой онъ сѣетъ, истощается; какъ скоро количество его скота уменьшится, его хозяйство должно придти въ совершенный упадокъ. Урожаи на его поляхъ будутъ плохіе, онъ и при хорошихъ урожаяхъ едва могъ оплачивать свои сборы, насыщаться кое-какъ и сохранять сколько нужно на сѣмена. Чѣмъ большимъ лишеніямъ онъ будетъ подвергать себя, свое семейство и свою лошадь, усиливаясь сохранить достаточно хлѣба на сѣмена, тѣмъ медленнѣе пойдетъ у него работа и меньше онъ будетъ имѣть отъ нея выгоды. Пусть кто-нибудь попытается голодать съ семействомъ два и три дня въ то время, когда у него подъ-бокомъ сохраняется рожь на сѣмена и голодное семейство съ воемъ и крикомъ осаждаетъ его и требуетъ, чтобы онъ эту рожь смололъ и накормилъ ихъ. Чтобы бороться съ такимъ напоромъ, нужно геройство, а такихъ героевъ у насъ на Руси милліоны. Справедливо, что масса бѣдныхъ крестьянъ такъ велика, что между ними должны встрѣчаться и лица, необладающіе достаточной силой воли для такого образа дѣйствія, у нихъ къ веснѣ нѣтъ хлѣба ни для пищи, ни для сѣмянъ, для того, чтобы голодать, имъ не нужно никакой силы воли, они голодаютъ по необходимости. Для посѣвовъ они каждый годъ занимаютъ изъ запаснаго магазина и каждый годъ осенью отдаютъ. Запасной магазинъ обращается въ депо сѣмянъ. Крестьянинъ голодающій такимъ образомъ еще болѣе жалокъ. Этотъ несчастный человѣкъ, котораго все несчастье заключается въ томъ, что онъ слишкомъ много думаетъ о томъ, какъ бы трудиться, и слишкомъ мало о томъ, какъ бы защищаться отъ притѣсненій, обвиняется въ лѣни! Его обвиняетъ въ неумѣніи пользоваться силами природы образованное сословіе, которое само въ десять разъ хуже его понимаетъ это искусство въ странѣ, гдѣ почти все, что дѣлается полезнаго, дѣлается мужицкою интеллигенціею. Какъ скоро онъ получаетъ малѣйшее облегченіе, онъ тотчасъ достигаетъ такого благосостоянія, какое только возможно въ подобномъ положеніи, и въ разныхъ шансахъ борьбы навѣрное не уступитъ ни бельгійцу, ни нѣмцу, ни англичанину или американцу. Когда вслѣдствіе прекращенія разныхъ злоупотребленій въ одной части Россіи, т. е. въ Войскѣ Донскомъ, положеніе земледѣльца настолько улучшилось, что оно стало приближаться къ положенію европейскаго земледѣльческаго работника, онъ тотчасъ такъ развилъ свое благосостояніе, что обогналъ даже весьма благоденствующія страны Европы и попалъ въ число самыхъ цвѣтущихъ. По свѣдѣніямъ статистическаго временника за 1866 годъ въ Войскѣ Донскомъ пашенъ было въ два съ половиною раза больше, чѣмъ въ прочихъ частяхъ Россіи; умиралъ тамъ одинъ человѣкъ изъ сорока одного жителя, перевѣсъ родившихся надъ умершими составлялъ 116%. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною за шесть лѣтъ, въ землѣ Войска Донскаго была слѣдующая смертность:

	въ годахъ:					
	1856	1858	1859	1861	1862	1863
умиралъ одинъ изъ	47	47	40	39	40	41

Между тѣмъ какъ въ Австріи и Пруссіи число жителей на одного умершаго вращалось между тридцатыми числами и только въ Англіи и Франціи переходило въ сороковыя, въ Англіи въ десятилѣтіе съ 1847 по 1857 годъ самый большой перевѣсъ рождающихся надъ умершими былъ въ 1856 году— онъ составлялъ однакоже только 69%, во Франціи въ пятилѣтія съ 1836 по 1855 годъ самый большой перевѣсъ составлялъ лишь 21% въ 1841 — 1845 г. Такіе результаты были достигнуты несмотря на то, что 30% находились еще въ весьма тягостномъ положеніи крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ — они тянули назадъ, тогда какъ 70% казаковъ вели впередъ.

Лучше всякаго другаго земледѣлецъ понимаетъ свои истинныя потребности и потому стремится къ такому отношенію къ землѣ, которое бы болѣе всего обезпечивало его благосостояніе и давало бы труду его наибольшее развитіе. Къ несчастью онъ въ стремленіяхъ этихъ встрѣчаетъ неодолимое препятствіе со стороны непониманія ими образованнаго общества, пренебреженія къ его интересамъ и интересовъ прямо противоположныхъ общественному благу. Земледѣльцу нужно избавиться отъ всякаго давленія на его трудъ, отъ всего что бы мѣшало ему дать полное развитіе его дѣятельности. Самое крупное и самое грустное изъ всѣхъ препятствій къ достиженію этой цѣли—это необходимость платить лицамъ, которые въ трудѣ никакимъ образомъ не участвуютъ и не приносятъ ему ни малѣйшей пользы, я не разумѣю тутъ податей, подать не есть плата только отяготительная и совершенно безполезная, это вознагражденіе за трудъ. Платежи безполезные можно совершенно отмѣнить и отъ этого произойдетъ только польза, — совершенная отмѣна податей произведетъ неурядицу, тутъ можно говорить только о сокращеніи расходовъ, о замѣнѣ отяготительныхъ формъ податей другими менѣе отяготительными. Платежи же, которые установились исторически и не имѣютъ производительной цѣли, если нельзя отмѣнить, то нужно поскорѣе выкупить, иначе они будутъ вѣчнымъ препятствіемъ къ благосостоянію. Такіе платежи лежатъ на земледѣльцѣ въ двухъ случаяхъ, когда онъ живетъ на чужой землѣ, или когда онъ вынужденъ нанимать землю. Ничто не имѣло для нашего отечества такихъ громадныхъ и такихъ пагубныхъ послѣдствій, какъ почти исключительное водвореніе въ немъ крупной поземельной собственности. Это начало, которое имѣло въ Европѣ и Америкѣ менѣе пагубныя послѣдствія вслѣдствіе историческихъ и другихъ причинъ, сдѣлалось бичемъ нетолько для русскаго земледѣлія, но и для благосостоянія всей страны, это главная причина истощенія нашихъ земель, нашей бѣдности и недостатка цивилизаціи. Я не буду сравнивать положеніе населенія, живущаго на земляхъ, отданныхъ въ крупную частную собственность, съ положеніемъ земледѣльцевъ на земляхъ государственныхъ, казачьихъ и пр., я сдѣлаю сравненіе гораздо болѣе знаменательное, я буду сравнивать положеніе тѣхъ мѣстностей, гдѣ всего больше крупныхъ частныхъ земель, съ тѣми

гдѣ ихъ всего меньше, и докажу, что онѣ дѣлаются причиной бѣдности и несчастій для всего населенія мѣстности. Во время существованія крѣпостнаго права было доказано, что населеніе государственныхъ крестьянъ увеличивается быстрѣе, чѣмъ населеніе удѣльное, а крѣпостное населеніе даже уменьшается; это правило весьма мало измѣнилось и со времени освобожденія. Мало этого, существованіе частныхъ земель отзывается на всемъ населеніи мѣстности почти точно такъ же неблагопріятно, какъ и въ прежнія времена, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ польза указа 19 февраля 1861 года очевидна и очень хорошо объясняется причинами. Для сравненія я возьму 36 губерній европейской Россіи, я не буду брать западныхъ, гдѣ было политическое волненіе, остзейскихъ, Кавказа, и буду сравнивать положеніе живущаго въ нихъ населенія, на основаніи свѣдѣній статистическаго временника 1866 года и другихъ источниковъ. Я ихъ раздѣлю на двѣ равныя группы, по 18 губерній въ каждой, въ одной группѣ я сосредоточу тѣ, въ которыхъ всего меньше крупныхъ частныхъ земель, въ другой тѣ, въ которыхъ ихъ всего болѣе. Въ 1-й группѣ окажутся три самыхъ сѣверныхъ губерніи Архангельская, Олонецкая и Вологодская, три губерніи, въ которыхъ безплодныя земли превышаютъ 50% всего пространства, Архангельская, Астраханская и Самарская, двѣ губерніи Таврическая и Оренбургская, гдѣ больше 20% безплодныхъ земель, подобныхъ губерній вовсе нѣтъ въ группѣ, гдѣ всего больше частныхъ земель. Въ первой группѣ будетъ пять губерній, гдѣ вслѣдствіе суровости климата и безплодности почвы приходится меньше одной десятины пахотной земли на жителя (Архангельская, Астраханская, Вологодская, Олонецкая, Оренбургская), во второй группѣ не будетъ ни одной подобной губерніи. Группа, въ которой находятся крупныя частныя земли, имѣетъ слѣдовательно явный перевѣсъ въ отношеніи климата и богатства почвы, она же имѣетъ перевѣсъ и въ отношеніи промышленной производительности. Однакоже посмотрите, что показываетъ сравненіе.

	Губерній, гдѣ меньше помѣщичьихъ земель	Губерній, гдѣ больше помѣщичьихъ земель
умираетъ изъ 40 и болѣе	1	1 0
» » 30 » »	1	4 0
» » 25 » »	1	8 7
» » 20 » »	1	5 9
» » 10 » »	1	0 2

Если расположить для наглядности всѣ эти губерніи по степени благопріятной въ нихъ смертности, то мы получимъ слѣдующую таблицу:

Губерніи, гдѣ меньше населенія живетъ на помѣщичьихъ земляхъ			Губерніи, гдѣ больше населенія живетъ на помѣщичьихъ земляхъ		
Названіе губерній	Процентъ всего населенія, живущій на помѣщичьихъ земляхъ	Умираетъ одинъ изъ	Умираетъ одинъ изъ	Процентъ всего населенія, живущій на помѣщичьихъ земляхъ	Названіе губерній
1. Войско Донское. .	30	41	28	55	. . . . . Рязанская 1
2. Астраханская . . .	4	34	28	51	. . . . Саратовская 2
3. Таврическая. . . .	6	32	27	64	. . . . . Калужская 3
4. Архангельская . .	20	30	27	62	. . . Новгородская 4
5. Екатеринославская	31	30	27	59	. . . . Псковская 5
6. Казанская	15	28	27	82	. . . . Симбирская 6
7. Полтавская	37	28	25	69	. . . . Костромская 7
8. Тамбовская . . .	40	28	24	64	. . . . Владимірская 8
9. С.-Петербургская.	37	26	24	69	. . . . . Смоленская 9
10. Курская	40	26	23	53	. . . . . Орловская 10
11. Вологодская	34	25	23	54	. . . . . Тверская 11
12. Пензенская	40	25	23	41	. . . . Харьковская 12
13. Черниговская . . .	37	25	22	51	. . . . Московская 13
14. Оренбургская . . .	20	24	22	64	. . . Нижегородская 14
15. Самарская.	30	24	22	70	. . . . . Тульская 15
16. Олонецкая.	23	21	22	57	. . . . Ярославская 16
17. Воронежская . . .	26	20	19	41	. . . . Херсонская 17
18. Вятская	13	20	18	41	. . . . . Пермская 18

При опредѣленіи процента населенія на владѣльческихъ земляхъ подведены подъ одну категорію съ временно-обязанными и всѣ другіе, кромѣ крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, потому что они находятся также въ положеніи менѣе благопріятномъ, чѣмъ государственные крестьяне. Въ шести губерніяхъ Тамбовской, Курской, Пензенской, Харьковской, Херсонской и Пермской, въ которыхъ отношеніе земледѣльцевъ, живущихъ не на государственныхъ, а на помѣщичьихъ и другихъ земляхъ, ко всему населенію почти одинаково, принято еще въ соображеніе отношеніе числа этихъ земледѣльцевъ къ числу государственныхъ крестьянъ.

Изъ числа всѣхъ крестьянъ въ этихъ губерніяхъ оказывается:

	Государ. крест.		Временно-обязанныхъ и друг.		Государ. крест.	
1. Тамбовская. . . .	55%	—	45%	51%	—	49% . . . Херсонская 1
2. Курская	55	—	45	47	—	53 . . . Харьковская 2
3. Пензенская. . . .	56	—	44	45	—	55 . . . . Пермская 3

Относительно Пермской губерніи принято еще въ соображеніе ниже сдѣланное изслѣдованіе, по которому оказалось, что крайне сѣверные и совершенно безплодные уѣзды имѣли менѣе вредное вліяніе на благоденствіе населенія, чѣмъ уѣзды съ горными и помѣщичьими землями. Послѣ этого никакъ нельзя было не признать значительнаго и особенно вреднаго вліянія крупнаго землевладѣнія на эту губернію и нельзя было не помѣстить ее въ число тѣхъ губерній, гдѣ землевладѣніе это имѣло наиболѣе вредныя послѣдствія. Какъ

скоро въ Парижѣ нашли, что число жителей, приходившихся на одного умершаго, вращалось между тридцатыми числами, французы пришли въ ужасъ и стали находить, что пауперизмъ французскихъ городовъ переходитъ всякую мѣру. Во Франціи весьма нерѣдко встрѣчается одинъ умирающій на 50 жителей, между тѣмъ ни въ одной губерніи, въ которыхъ всего больше помѣщичьихъ земель, не дошло даже до тридцатыхъ чиселъ, почти во всѣхъ (въ 16-ти) число жителей, приходившееся на одного умершаго, вращалось между двадцатыми числами, а въ 2-хъ губерніяхъ, къ ужасу нашему, низошло до десятыхъ. Между губерніями, гдѣ всего меньше частныхъ земель, не оказалось ни одной, гдѣ бы число жителей, приходившихся на одного умершаго, вращалось между десятыми числами, и имѣется пять губерній, гдѣ оно сравнялось съ смертностію въ цивилизованныхъ государствахъ Европы — вращалось между тридцатыми и сороковыми числами.

По среднему выводу изъ свѣдѣній статистическаго временника 1866 года о смертности въ европейской Россіи оказывается одинъ умирающій на двадцать шесть жителей; между губерніями, гдѣ всего меньше помѣщичьихъ земель, десять оказываются въ болѣе благопріятномъ положеніи и только восемь въ менѣе благопріятномъ; между губерніями другой категоріи двѣнадцать оказываются въ менѣе благопріятномъ положеніи и только шесть въ болѣе благопріятномъ. Вообще въ Россіи считается одинъ умирающій на 28 жителей; губерніи, въ которыхъ всего меньше помѣщичьихъ земель, дѣлятся въ этомъ отношеніи почти на двѣ равныя группы. Въ губерніяхъ, гдѣ всего больше помѣщичьихъ земель, выходитъ совсѣмъ другое, тамъ только двѣ губерніи въ болѣе благопріятномъ положеніи, а шестнадцать въ положеніи менѣе благопріятномъ.

Точно такіе же результаты окажутся, если мы сравнимъ перевѣсъ рождающихся надъ умершими, этотъ несомнѣнный признакъ народнаго благосостоянія.

	Губ., гдѣ меньше помѣщич. зем.	Губ., гдѣ больше помѣщич. зем.
родившіеся превышали умершихъ на 100% и болѣе	1	0
— — — — 50 —	3	2
— — — — 25 —	8	7
— — — — 1 —	5	6
умершихъ болѣе чѣмъ родившихся	1	3

Что можетъ быть краснорѣчивѣе подобныхъ статистическихъ цифръ, постоянство ихъ изумительно и чрезвычайно рѣдко встрѣчаются въ статистикѣ цифры, которыя своею неизмѣнною послѣдовательностію такъ ясно подверждали бы фактъ, которому они должны служить доказательствомъ: ни въ цифрахъ, показывающихъ отношеніе умершихъ къ числу жителей, ни въ тѣхъ, которыя показываютъ перевѣсъ рождающихся, нѣтъ ни малѣйшаго колебанія. Первыя въ различныхъ губерніяхъ колеблются отъ 18 до 41, а послѣднія расходятся болѣе чѣмъ на 116; такъ велика разница, производимая между ними различными причинами: между тѣмъ при сравненіи губерній, гдѣ много

и гдѣ мало помѣщичьихъ земель, онѣ сохраняютъ неизмѣнное постоянство; ясно, что причина, тутъ дѣйствующая, такъ сильна, что она имѣетъ рѣшительное и постоянное вліяніе. Подобное же постоянство можно найти развѣ только въ цифрахъ, относящихся до вліянія крѣпостнаго права. Дѣйствительно при существованіи крѣпостнаго права въ тѣхъ же губерніяхъ оно оказывало на движеніе народонасенія вліяніе весьма схожее съ вышеизложеннымъ; вотъ данныя объ увеличеніи народонаселенія съ 1851 года по 1863 годъ:

Увеличеніе это было	Губ., гдѣ меньше помѣщич. земель	Губ., гдѣ больше помѣщич. земель
меньше 10%	4	9
— 20	7	7
— 35	6	1
— 51	1	1

Къ несчастью я не имѣю подъ руками данныхъ для характеристики смертности въ разныхъ губерніяхъ по отдѣльнымъ сословіямъ. О смертности государственныхъ крестьянъ я могу сдѣлать выводы только изъ обзора государственныхъ имуществъ, изданнаго въ 1861 году, но данныя о смертности составлены тутъ такъ небрежно, что по большей части на нихъ невозможно положиться. Я могъ выбрать только осьмнадцать губерній, относительно которыхъ данныя болѣе достовѣрны. Въ числѣ этихъ осьмнадцати губерній умиралъ между государственными крестьянами одинъ изъ сорока и больше; въ семи, въ осьми умиралъ одинъ изъ тридцати и больше и только въ двухъ одинъ изъ двадцати и болѣе. Притомъ надо замѣтить, что я долженъ былъ отвергнуть, по причинѣ сомнительности, данныя, относящіяся къ губерніямъ, гдѣ смертность всего благопріятнѣе, такъ что по среднему выводу умиралъ въ принятыхъ мною въ соображеніе губерніяхъ тридцать четвертый, а въ отвергнутыхъ тридцать седьмой. Если сдѣлать средній выводъ смертности изъ годовъ 1861, 1862 и 1863, то онъ окажется для помѣщичьихъ земель еще менѣе благопріятнымъ.

Это доказываетъ, что мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что еслибы у насъ не было помѣщичьихъ земель, то Россія по благосостоянію своему немедленно сравнялась бы съ Европою, а при улучшеніи финансовой системы стала бы догонять Америку, какъ видно изъ примѣра земли В. Донскаго. Если мы возьмемъ три малороссійскія губерніи Полтавскую, Черниговскую и Харьковскую, то въ первыхъ двухъ окажется по 37% частныхъ земель, а въ послѣдней 41%, зато же

	въ Черниговской	въ Полтавской	въ Харьковской
умираетъ одинъ изъ. . . .	25	28	23
родившихся больше чѣмъ умершихъ на	40%	38%	22%

Если сравнить малоземельныя губерніи черноземной полосы Калужскую, Курскую, Орловскую, Рязанскую и Тульскую, то всего больше частныхъ земель окажется въ Тульской, на нихъ живетъ 70% населенія, зато же и положеніе населенія самое неблагопріятное:

	въ Калужской	Курской	Орловской	Рязанской	Тульской
умираетъ одинъ изъ . . .	27	26	23	28	22
родившихся больше чѣмъ умершихъ на	27%	34%	25%	50%	25%

Подобныя сравненія можно дѣлать и между различными уѣздами одной и той же губерніи и цифры сохраняютъ свое постоянство; такъ напр. если Пермскую губернію раздѣлить на двѣ половины, въ одной помѣстить шесть уѣздовъ, гдѣ всего больше частныхъ и горныхъ земель, а въ другой, гдѣ ихъ меньше, и сравнивать увеличеніе населенія съ 1861 г., т. е. съ освобожденія, то окажется:

уѣзды, гдѣ меньше помѣщич. и горныхъ земель	проценты увеличенія населенія съ 1861 г.		уѣзды, гдѣ больше помѣщич. и горныхъ земель	
1. Чердынскій	2.6%	2.3%	. . Екатеринбургскій	1
2. Камышловскій	2.4	2.2	. . . Красноуфимскій	2
3. Ирбитскій	2.1	1.1	. . . . Соликамскій	3
4. Осинскій.	1.9	0.9	. . . . . Оханскій	4
5. Шадринскій	0.9	населеніе уменьшилось	. . . .Верхотурскій	5
6. Кунгурскій	населеніе уменьшилось	населеніе уменьшилось	. . . . . Пермскій	6

Самые производительные уѣзды оказываются самыми неблагопріятными для населенія и это при густотѣ населенія въ триста пятьдесятъ три жителя на квадратную милю, гдѣ слѣдовательно никакъ нельзя свалить вину на густоту населенія, тѣмъ болѣе, что самое густое населеніе въ уѣздахъ Шадринскомъ и Камышловскомъ, которые оба находятся въ разрядѣ земель съ меньшимъ числомъ частныхъ и горныхъ земель. Самый сѣверный и безплодный уѣздъ—это Чердынскій, въ немъ однакоже оказывается всего болѣе благоденствія и только потому, что въ немъ населеніе на помѣщичьихъ земляхъ совершенно ничтожно, оно почти въ шестьдесятъ разъ менѣе наименьшаго населенія на этихъ земляхъ въ уѣздахъ другаго разряда и слишкомъ во сто сорокъ разъ меньше населенія на помѣщичьихъ земляхъ въ томъ уѣздѣ, гдѣ оно самое значительное. Если сравнить уѣзды, въ которыхъ населеніе на помѣщичьихъ и горныхъ земляхъ совершенно незначительно и составляетъ меньше пяти процентовъ всего населенія, съ тѣми, въ которыхъ оно составляетъ отъ четырнадцати до девяноста шести процентовъ населенія, то результаты окажутся еще болѣе рѣзкими.

Уѣзды, гдѣ живетъ меньше 5% населенія на частныхъ, горныхъ и пр. земляхъ		увеличеніе населенія	Уѣзды, гдѣ живетъ больше 14% населенія на частныхъ, горныхъ и пр. земляхъ	
1. Чердынскій.	2.6%	2.3%	Екатеринбургскій	1
2. Камышловскій . . .	2.4	2.2	Красноуфимскій	2
3. Ирбитскій	2.1	1.9	Осинскій	3
4. Шадринскій	0.9	1.1	Соликамскій	4
		0.9	Оханскій	5
		уменьш.	Пермскій	6
		—	Верхотурскій	7
		—	Кунгурскій	8

Мы сравнивали уѣзды въ губерніи, гдѣ фабричная и заводская промышленность весьма развита; сдѣлаемъ теперь такое же сравненіе въ губерніи, гдѣ почти вовсе нѣтъ никакой фабричной и заводской промышленности, и притомъ возьмемъ не тотъ годъ, для котораго собраны свѣдѣнія въ статистическомъ временникѣ 1866 года, а болѣе близкій къ намъ шестьдесятъ четвертый, чтобы увидать, какъ дѣло выходитъ въ болѣе близкое къ намъ время. Мы сравнимъ три южныхъ уѣзда и три сосѣднихъ сѣверныхъ уѣзда Вологодской губерніи, причемъ климатическія и другія условія всѣ въ пользу южныхъ уѣздовъ; однакоже вотъ что выходитъ при сравненіи:

въ сѣверныхъ, гдѣ мало частн. земель	въ 1864 году число рождающихся превышало число умершихъ		въ южныхъ, гдѣ много частн. земель	
1. Пельскій	на 39%	31%	Вологодскій	1.
2. Тотемскій.	— 33	30	Грязовецкій	2.
3. Устюжскій	— 20	18	Кадниковскій	3.

Для самыхъ промышленныхъ изъ россійскихъ губерній Владимірской и Ярославской крѣпостное право было бичемъ, который наносилъ имъ постоянно самыя тяжкія раны. Изъ числа осьмнадцати губерній съ наибольшимъ количествомъ помѣщичьихъ земель населеніе съ 1851 года увеличилось всего менѣе въ Калужской губерніи (на 2%), почва въ этой губерніи не плодородна, она живетъ болѣе промысломъ чѣмъ земледѣліемъ, значительная часть ея населенія занята горнымъ дѣломъ, и она несравненно скорѣе можетъ быть отнесена къ промышленнымъ, чѣмъ къ земледѣльческимъ губерніямъ. Затѣмъ населеніе увеличилось меньше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ: въ Ярославской (на 3%) и во Владимірской губерніи (на 4%). Съ освобожденіемъ крестьянъ во Владимірской губерніи положеніе населенія видимо измѣнилось къ лучшему, — Ярославская же нисколько не отдохнула и положеніе тамъ попрежнему весьма печальное.

	Населеніе увеличилось послѣ 1851 г.	въ 1863 году одинъ умерш. приходился	въ 1863 году родившихся больше умершихъ
Владимірская	на 4%	на 24 ж.	на 28%
Ярославская	— 3	— 22 —	умерш. болѣе род.

Причина этого явленія объясняется тѣмъ, что населеніе Владимірской губерніи несравненно болѣе независимо отъ земли, чѣмъ ярославское, въ ней фабричная и заводская дѣятельность въ пять разъ значительнѣе, чѣмъ въ Ярославской губерніи, въ Россіи только въ двухъ губерніяхъ эта дѣятельность превосходитъ ее (въ Петербургской и Московской) и только въ одной (Пермской) приближается къ ней. До тѣхъ поръ пока не земля, а личность облагалась оброкомъ, до тѣхъ поръ положеніе Владимірской губерніи было самое жалкое; когда можно было облагать одну только землю, положеніе ея поправилось, но все-еще весьма печальное. Можетъ быть ни на одной полосѣ въ Россіи существованіе помѣщичьихъ земель не отзывается такъ неблагопріятно, какъ на полосѣ промышленной. Изъ губерній этой полосы, въ двухъ губерніяхъ, въ которыхъ живетъ наименьшее населеніе на частныхъ земляхъ, отно-

шеніе родившихся къ умершимъ такое благопріятное, какое не встрѣчается ни въ одной изъ прочихъ. Казанская губернія занимаетъ также первое мѣсто и относительно увеличенія населенія, а Оренбургская одна изъ первыхъ — однимъ словомъ, онѣ первенствуютъ рѣшительно.

Вотъ сравненіе:

		Число родившихся превосходитъ умерш.	
въ Оренбургской губ.	на 33%	28%	во Владимірской.
— Казанской губ . . .	— 31%	16	Нижегородской.
		13	Костромской.
		9	Тверской.
		8	Московской.
		7	Петербургской.
		число умершихъ превосходитъ родившихся	Ярославской.
			Пермской.

		умираетъ одинъ житель	
въ Казанской губ.	на 28	26	въ Петербургской.
— Оренбургской г.	— 24	25	Костромской.
		24	Владимірской.
		23	Тверской.
		22	Московской.
		22	Нижегородской.
		22	Ярославской.
		18	Пермской.

Кажется всего этого достаточно для убѣжденія самаго упорнаго оптимиста: мы сравнили губерніи, гдѣ нѣтъ помѣщичьихъ земель и гдѣ онѣ есть, гдѣ ихъ всего больше и гдѣ ихъ меньше, мы сравнили губерніи промышленной и черноземной полосы, отдѣльные уѣзды въ губерніи промышленной и исключительно земледѣльческой, сравнили губерніи малороссійскія, брали данныя разныхъ временъ; показали, что̀ сдѣлано освобожденіемъ крестьянъ и какъ много еще остается сдѣлать; показали, что не будь у насъ помѣщичьихъ земель мы пользовались бы такимъ же благоденствіемъ, какъ западная Европа. Мы не сравнивали еще южныхъ губерній, тутъ всего больше крѣпостнаго населенія въ Херсонской губерніи, сравнимъ ее съ остальными:

		Умираетъ одинъ жит. изъ	
въ Херсонской губ.	19	41	въ Войскѣ Донскомъ.
		34	Астраханской губ.
		32	Таврической.
		30	Екатеринославской.

		родившихся болѣе умерш. на	
въ Херс. губ. умерш. больше родивш.		116%	въ Войскѣ Донскомъ.
		60	Таврической.
		53	Екатеринославской.
		50	Астраханской.

Не будь тутъ Херсонской губерніи съ ея сорока процентами населенія на частныхъ земляхъ, какой бы это былъ счастливый край. †)

Читатель, часто ли вы встрѣчали въ статистикѣ цифры такія убѣдительныя?

Когда я вамъ объяснялъ, какъ въ Вологодской губерніи населеніе, живущее на помѣщичьихъ земляхъ, гибнетъ отъ нужды, какъ оно не можетъ обходиться безъ нищенства, какъ ему приходится иногда по копѣйкѣ въ день на семейство изъ его заработковъ, очень можетъ быть, что вы обвиняли меня въ пристрастіи. Вы скептически слушали разсказъ о томъ, какъ тамъ у большинства семействъ ежегодно бываетъ время, въ которое оно голодаетъ и не ѣстъ по цѣлымъ суткамъ, что оно считаетъ большимъ для себя счастьемъ, если оно ѣстъ черный хлѣбъ, картофель и молоко и считаетъ въ этомъ случаѣ пищу свою разнообразною. Но вотъ мнѣ на помощь являются цифры статистики и доказали, что факты, которые я описывалъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, повсемѣстны. «Еслибы вы знали, какъ трудно ѣсть все одинъ чер-

†) Здѣсь я прилагаю таблицы, на основаніи которыхъ сдѣланы всѣ вышеизложенные разсчеты.

Осьмнадцать губерній, въ которыхъ живетъ меньшее населеніе на частныхъ земляхъ	Сколько процентовъ населенія живетъ на частныхъ, удѣльныхъ и пр. земляхъ	Процентъ, на который увеличилось населеніе съ 1851 года по 1863 годъ	На одного умершаго приходится жителей	Процентъ, на который число родившихся превышаетъ число умершихъ	Сколько приходится десятинъ пахотной земли на жителя	Сколько приходится луговъ на жителя	Сколько процентовъ безплодной земли на все пространство губерній
1. Архангельская	20	21	30	20	0.25	0.45	64
2. Астраханская	4	умен.	34	50	0.61	2.60	93
3. С. Петербургская	37	»	26	7	0.57	0.40	28
4. Вологодская	34	13	25	2	0.80	0.50	4
5. Воронежская	26	20	20	10	1.90	0.60	12
6. Вятская	13	19	20	род. мен.	1.43	0.24	3
7. Войско Донское	30	20	41	116	3.80	9.15	10
8. Екатеринославская	31	34	30	53	1.55	2.42	19
9. Казанская	15	20	28	31	1.54	0.90	7
10. Курская	40	10	26	34	1.53	0.22	14
11. Олонецкая	23	13	21	1	0.86	0.30	16
12. Оренбургская	20	8	24	33	0.75	1.90	44
13. Пензенская	40	12	25	29	1.30	0.43	7
14. Полтавская	37	16	28	38	1.05	0.53	16
15. Самарская	30	28	24	47	1.19	1.60	56
16. Таврическая ††)	6	умен.	32	60	1.65	4.45	27
17. Тамбовская	40	19	28	39	1.83	0.38	10
18. Черниговская	37	9	25	40	1.75	0.42	14

††) Въ губерніяхъ, подобныхъ Таврической, есть частныя земли, на которыхъ населеніе невозможно опредѣлить, но положеніе земледѣльца на подобныхъ земляхъ едвали хуже положенія государственнаго крестьянина.

ный хлѣбъ, — говорили мнѣ эти несчастные люди, — ѣсть и думать, не слишкомъ ли я много съѣлъ, чтобы хватило назавтра.» Когда я имъ перечитывалъ изображеніе ихъ несчастій, они начинали плакать. «Это все, все правда, что тутъ написано,—говорили они,—каждое слово тутъ вѣрно поставлено.» Со слезами и съ увлеченіемъ начинали разсказывать, какъ имъ приходилось голодать, закладывать свои вещи, какъ священникъ собиралъ съ ихъ хлѣбъ и потомъ имъ же продавалъ его въ долгъ по рублю за пудъ, въ то время, когда пудъ стоитъ шестьдесятъ пять и семьдесятъ копѣекъ. Послѣдніе годы вполнѣ оправдали то, что я говорилъ выше, что вслѣдствіе слишкомъ большихъ оброковъ и тягостнаго ихъ взысканія нетолько крестьяне, но вся Россія должна бѣднѣть съ году на годъ и наконецъ дойти до крайнихъ

Осьмнадцать губерній, въ которыхъ живетъ наибольшее населеніе на частныхъ земляхъ	Сколько процентовъ населенія живетъ на частныхъ, удѣльныхъ и пр. земляхъ	Процентъ, на который увеличилось населеніе съ 1851 года по 1863 годъ	На одного умершаго приходится жителей	Процентъ, на который число родившихся превышаетъ число умершихъ	Сколько приходится десятинъ пахотной земли на жителя	Сколько приходится луговъ на жителя	Сколько процентовъ безплодной земли на все пространство губерній
1. Владимірская	64	4	24	28	1.60	0.24	2
2. Калужская	64	2	27	27	1.61	0.33	10
3. Костромская	69	5	25	13	1.40	0.29	8
4. Московская	51	14	22	8	0.77	0.20	12
5. Нижегородская	64	14	22	16	1.40	0.22	5
6. Новгородская	62	14	27	22	1.30	0.47	20
7. Орловская	53	9	23	25	1.51	0.16	12
8. Псковская	59	9	27	39	1.85	0.45	10
9. Пермская.	41	23	18	бол. ум.	1.41	1.25	8
10. Рязанская	55	9	28	50	1.50	0.25	12
11. Саратовская.	51	17	28	67	1.20	2.—	18
12. Симбирская	82	15	27	34	1.54	0.37	11
13. Смоленская	69	6	24	27	1.73	0.76	10
14. Тверская.	54	11	23	9	1.22	0.84	14
15. Тульская.	70	5	22	25	1.74	0.27	10
16. Харьковская	41	17	23	22	1.45	0.95	11
17. Херсонская	41	50	19	бол. ум.	2.22	1.90	15
18. Ярославская.	57	3	22	бол. ум.	1.14	0.52	11

Отношеніе между числомъ умершихъ и родившихся въ уѣздахъ Вологодской губерніи, по свѣдѣніямъ за 1864 годъ:

	Родилось	Умерло	Родившихся болѣе умершихъ
1. Вологодскій уѣздъ	5,390	4,098	31%
2. Грязовецкій —	4,142	3,172	30
3. Кадниковскій —	7,742	6,546	18
4. Вельскій —	3,555	2,574	39
5. Тотемскій —	5,151	3,869	33
6. Устюжскій —	4,647	3,856	20

предѣловъ нужды. Въ послѣднее время положеніе крестьянъ сдѣлалось столь невыносимымъ, что они начали подниматься массами. Самое сильное движеніе обнаружилось въ Тульской губерніи. Изъ всѣхъ губерній, которыя мы выше сравнивали, самое значительное населеніе на помѣщичьихъ земляхъ мы находимъ въ Тульской; естественно, что тамъ крестьяне всего болѣе почувствовали тягость своего положенія. Только въ одной Симбирской губерніи больше владѣльческихъ земель, чѣмъ въ Тульской, но зато же только меньшая половина населенія этихъ земель живетъ на земляхъ собственно помѣщичьихъ, большая половина живетъ на земляхъ удѣльныхъ, гдѣ положеніе во всякомъ случаѣ лучше.

Мы оптимисты, намъ не хочется вѣрить, что у насъ народъ погибаетъ отъ нужды и страданій; когда намъ кто-нибудь начнетъ изображать мрачную картину несчастнаго быта русскаго работника, мы махаемъ рукою и говоримъ не правда, у насъ многоземеліе, у насъ этого не можетъ быть; и вотъ являются неумолимыя данныя статистики и говорятъ намъ, что ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ нѣтъ работника болѣе бѣдствующаго и болѣе несчастнаго чѣмъ русскій, что жизнь англійскаго, французскаго или бельгійскаго паупера—

Уѣзды Пермской губерніи	Населеніе на частныхъ, горныхъ и пр. земляхъ	Число жителей въ 1861 году	Число жителей въ 1864 году	Процентъ увеличенія населенія
а) Съ меньшимъ населеніемъ на частныхъ, горныхъ и пр. земляхъ				
1. Чердынскій	1,264	68,358	70,064	2.6%
2. Камышловскій . . .	8,384	202,474	207,294	2.4
3. Ирбитскій	2,754	114,448	116,825	2.1
4. Осинскій	61,184	168,285	173,143	1 9
5. Шадринскій	424	243,372	245,448	0.9
6. Кунгурскій	14,038	95,820	95,368	умен.
	88,048	892,757	908,142	1.8
б) Съ большимъ населеніемъ на частныхъ, горныхъ и пр. земляхъ				
1. Екатеринбургскій . .	172,384	276,438	282,999	2.3
2 Красноуфимскій . . .	69,080	165,362	169,447	2.2
3. Соликамскій	131,446	165,031	166,881	1.1
4. Оханскій	125,909	196,436	198,047	0.9
5. Верхотурскій. . . .	116,898	179,104	176,812	умен.
6. Пермскій	140,752	154,531	146,709	умен.
	756,469	1,136,902	1,140,895	0.3

это рай въ сравненіи съ нашими страданіями. Статистика передъ нами, чтобы убѣдить насъ, что изъ цѣнности произведеній труда нашего несчастнаго собрата труженика нельзя взять ни единаго рубля безъ того, чтобы это не стоило жизни его дѣтямъ. Мы должны далеко въ недостигаемую даль отбросить мысль жить на его счетъ и употребить всѣ свои усилія, чтобы жить собственнымъ трудомъ, мы можемъ быть совершенно увѣрены, что пока мы не достигнемъ этого, мы будемъ только вредны, и напрасно мы мечтаемъ, что можемъ приносить пользу безъ труда. Пусть оптимисты силятся опровергнуть эти вопіющіе факты. Пусть они утверждаютъ, что причина бѣдности нашего народа — это пьянство, лѣнь и невѣжество, они не будутъ въ состояніи доказать эту злую клевету и тяжкую противъ него несправедливость. Они ссылаются на пьянство, но посмотримъ, что скажутъ намъ тѣ же самыя статистическія данныя, которыя такъ краснорѣчиво говорили о вредѣ помѣщичьей поземельной собственности въ Россіи. Мы возьмемъ тѣ же самыя тридцать шесть губерній, раздѣлимъ ихъ на двѣ равныя группы, въ одной помѣстимъ осьмнадцать губерній, въ которыхъ пьютъ всего больше, въ другой осьмнадцать же, гдѣ пьютъ меньше. Что же оказывается: данныя дѣлаются не рѣшительными, а въ окончательномъ результатѣ оказываются въ болѣе благопріятномъ положеніи тѣ губерніи, гдѣ пьютъ много. Вліяніе пьянства на благосостояніе народа оказывается ничтожнымъ въ сравненіи съ вліяніемъ помѣщичьей поземельной собственности. Гдѣ народъ богаче, тамъ по большей части и пьютъ больше, вотъ все, что можно заключить изъ статистическихъ данныхъ въ этомъ отношеніи. Народъ въ Россіи пьетъ такъ мало, что это не можетъ имѣть никакого рѣшительнаго вліянія на его благосостояніе. †)

Нужно весьма мало знать русскаго работника или смотрѣть на него до слѣпоты пристрастными глазами, чтобы повѣрить упрекамъ въ лѣни, кото-

---

†) Вотъ таблицы, которыми доказывается этотъ выводъ:

	18 губер., гдѣ пьютъ много вина	18 губер., гдѣ пьютъ мало вина
Умираетъ изъ 40 и болѣе одинъ. . . .	0	1
— — 30 — —	3	1
— — 20 — —	14	15
— — 10 — —	1	1
	18	18

Число родившихся превосходитъ	18 губер., гдѣ пьютъ много вина	18 губер., гдѣ пьютъ мало вина
умершихъ на 100%	0	1
— — 50	4	0
— — 25	8	8
— — 1	4	7
умираетъ болѣе родившихся . .	2	2
	18	18

Сопоставленіе цифръ смертности даетъ слѣдующій результатъ:

рыми такъ любятъ его осыпать живущіе на его счетъ. Главный недостатокъ русскаго работника это не лѣнь, а слишкомъ большое трудолюбіе—трудолюбіе, которое изнуряетъ его тѣло и дѣлаетъ его трудъ непроизводительнымъ. Англійскій работникъ пришелъ къ тому убѣжденію, что самый производительный трудъ — это осьмичасовой при обильной мясной пищѣ; нашъ работникъ, питаясь однимъ чернымъ хлѣбомъ, трудится четырнадцать часовъ и больше. Вездѣ онъ обремененъ массой работы, за которую онъ получаетъ весьма малое вознагражденіе. По грязнымъ русскимъ дорогамъ онъ въ распутицу хлябаетъ сотни и тысячи верстъ, чтобы найти себѣ скудный заработокъ. Онъ берется работать за самую дешевую цѣну, и при этой цѣнѣ онъ нерѣдко работаетъ въ полтора раза больше, чѣмъ бы слѣдовало по условію: на земляныхъ работахъ ему передвигаютъ мѣтки и обманомъ увеличиваютъ уроки, — случается, что вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшаютъ пищу, такъ что его силы окончательно уничтожаются, — на рыбной ловлѣ у него непомѣрно низко оцѣниваютъ рыбу, — земледѣльцу даютъ безплодную землю и требуютъ высокіе оброки, — то его заставляютъ покупать нужныя ему вещи за двойную цѣну у хозяина, то ему платятъ бракованнымъ товаромъ. Для его собственнаго добра и для блага Россіи было бы гораздо лучше, еслибы этотъ работникъ дороже цѣнилъ свой трудъ и не соглашался бы работать при невыгодныхъ условіяхъ. Нѣтъ работодавца, который бы не разсказывалъ, какъ работники кутятъ, бросаютъ работу и какіе отъ этого происходятъ убытки. Это конечно бываетъ, но въ Англіи и во Франціи нерѣдко встрѣчается тоже, лучшіе работники запьютъ, не работаютъ три-четыре дня въ недѣлю и изъ-за нихъ останавливаются всѣ работы, но это случается тамъ точно также, какъ и въ

Губерніи, гдѣ пьютъ много	умираетъ одинъ изъ	Губерніи, гдѣ пьютъ мало	
1. Астраханская	34 — 41	. . . . .Войско Донское	1
2. Таврическая	32 — 30	. . . . . Архангельская	2
3. Екатеринославская .	30 — 28	. . . . . Казанская	3
4. Полтавская	28 — 28	. . . . . Тамбовская	4
5. Рязанская	28 — 27	. . . . . Новгородская	5
6. Саратовская	28 — 27	. . . . . Псковская	6
7. Калужская	27 — 27	. . . . . Симбирская	7
8. Петербургская. . . .	26 — 25	. . . . . Вологодская	8
9. Курская	26 — 25	. . . . . Костромская	9
10. Пензенская.	25 — 24	. . . . . Владимірская	10
11. Черниговская	25 — 24	. . . . . Оренбургская	11
12. Орловская	23 — 24	. . . . . Самарская	12
13. Харьковская	23 — 24	. . . . . Смоленская	13
14. Московская.	22 — 23	. . . . . Тверская	14
15. Тульская.	22 — 22	. . . . . Нижегородская	15
16. Ярославская	22 — 21	. . . . . Олонецкая	16
17. Воронежская	20 — 20	. . . . . Вятская	17
18. Херсонская.	19 — 18	. . . . . Пермская	18

Россіи съ мастерами, которые получаютъ большое содержаніе; рядовымъ же работникамъ не на что роскошничать. Въ своемъ мѣстѣ, когда я буду говорить о промышленной Россіи, я представлю мрачную картину малыхъ послѣдствій чрезмѣрнаго трудолюбія—неумѣренность всегда вредна, а неумѣренность въ трудѣ одна изъ самыхъ вредныхъ.

Невѣжество дѣйствительно приноситъ крестьянину огромный вредъ, но не столько агрономическое, сколько юридическое. У народа, котораго работники земледѣльцы искрещиваютъ страну постоянно вдоль и поперегъ, распростра-

---

18 губерній, гдѣ пьютъ много вина:	Сколько уплачиваемаго сбора приходится на жителя		На одного умершаго приходится жителей	Процентъ, на который родившіеся превышаютъ умершихъ
	Руб.	Коп.		
1. Астраханская	2	3½	34	50
2. С.-Петербургская	5	—	26	7
3. Воронежская	2	—	20	10
4. Екатеринославская	2	81	30	53
5. Калужская	1	65	27	27
6. Курская	1	52	26	34
7. Московская	3	50	22	8
8. Орловская	1	86	23	25
9. Пензенская	1	76	25	29
10. Полтавская	1	98	28	38
11. Рязанская	1	65	28	50
12. Саратовская	2	10	28	67
13. Таврическая	1	73	32	60
14 Тульская	1	92	22	25
15 Харьковская	2	52	23	22
16. Херсонская	2	39	19	род. м.
17. Черниговская	2	50	25	40
18. Ярославская	1	76	22	род. м.
18 губерній, гдѣ пьютъ мало вина:				
1. Архангельская	1	17	30	20
2. Вологодская	—	76	25	2
3. Вятская	—	90	20	род. м.
4. Войско Донское	1	20	41	116
5. Владимірская	1	47	24	28
6. Казанская	1	3	28	31
7. Костромская	1	28	25	13
8. Нижегородская	1	50	22	16
9. Новгородская	—	93	27	22
10. Олонецкая	—	45	21	1
11. Оренбургская	1	93	24	33
12. Пермская	1	25	18	род. м.
13. Псковская	1	30	27	39
14. Самарская	1	14	24	47
15. Смоленская	1	38	24	27
16. Симбирская	1	15	27	34
17. Тверская	1	12	23	9
18. Тамбовская	1	50	28	39

меніе агрономическихъ знаній не встрѣтитъ никакого затрудненія, было бы чѣмъ орудовать, а если нѣтъ сѣмянъ, нѣтъ скота и почва истощается отъ недостатка удобренія, тогда никакая агрономія не поможетъ. Пока земледѣлецъ будетъ такъ обремененъ сборами и оброками, что онъ каждый лишній пудъ зерна, каждаго лишняго подростка долженъ тотчасъ тащить на базаръ, до тѣхъ поръ и земледѣлецъ будетъ нищимъ и страна, гдѣ онъ живетъ, будетъ бѣдной, несчастной страной.

Я привелъ данныя статистики въ доказательство того, что крупная поземельная собственность распространяетъ бѣдствія и раннюю смерть въ средѣ русскаго народа, теперь приведу другіе, не менѣе убѣдительные факты. Когда Мехметъ-Али выдумалъ просвѣтить Египетъ и усовершенствовать обработку египетской земли, онъ не нашелъ лучшаго средства, какъ присвоить всю землю себѣ и употребить это право собственности для распространенія высшей культуры. Послѣ этого онъ началъ разсуждать такъ: неужели онъ, просвѣщенный Мехметъ-Али, будетъ воздѣлывать на этой землѣ презрѣнную пищу для чернаго народа, онъ поступилъ бы въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ поступаютъ совершенно непросвѣщенные феллахи, и въ то время, когда его подданные умирали съ голоду, онъ разводилъ на своихъ земляхъ матеріалъ, нужный для французскихъ фабрикъ, и сбывалъ его съ убыткомъ, т. е. положеніе его народа отъ этого ухудшалось, а не улучшалось, зато же, какъ прославляли его французы и какъ часто ему приходилось слышать, что онъ геній и просвѣщеннѣйшій изъ восточныхъ государей! Каждый крупный землевладѣлецъ въ Россіи въ маленькомъ видѣ Мехметъ-Али, онъ даетъ земледѣлію ложное и бѣдственное для народа направленіе. Мы видимъ странное и весьма печальное явленіе. Въ то время, когда рабочій питается самымъ недостаточнымъ образомъ, заграницу вывозится масса земледѣльческихъ произведеній, необходимыхъ для его потребленія. Я понимаю, если житель Австраліи, Америки или Англіи радуется развитію своей заграничной торговли, онъ выменниваетъ свой излишекъ на предметы, увеличивающіе наслажденія его жизни; но что выигрываетъ отъ этой торговли нашъ крестьянинъ? Черезъ эту торговлю онъ пріобрѣтаетъ на какихъ-нибудь двадцать милліоновъ хлопчатой бумаги. Эту бумагу онъ легко могъ бы пріобрѣсти отпускомъ одного льна, который простирается до двадцати пяти милліоновъ. Затѣмъ какая ему выгода отъ того, что онъ отпускаетъ заграницу на сто милліоновъ хлѣба, масла и другихъ продуктовъ крайне необходимыхъ для его собственнаго пропитанія. Чему радоваться намъ, если эта торговля ведется намъ въ убытокъ, если отъ 15 до 20% ея цѣнности идетъ заграничнымъ купцамъ за помѣщаемые ими у насъ капиталы. Кромѣ земли, которая назначена для производства этихъ предметовъ заграничной торговли, три седьмыхъ остальной земли назначено для такихъ произведеній, которыя вовсе не входятъ въ народное потребленіе, не говоря о такихъ, которыя составляютъ общее потребленіе высшихъ и низшихъ сословій. У насъ крестьянское семейство одѣто зимою совершенно недостаточно, единственную теплую одежду даетъ ему овца, между тѣмъ больше четвертой части всѣхъ овецъ у насъ составляютъ овцы тонко-

рунныя, которыя разводятся почти исключительно помѣщиками и для одежды народу не служатъ. Сколько умирающихъ отъ простуды осталось бы въ живыхъ, еслибы 16 милліоновъ, выручаемыхъ нами заграницею за эту шерсть, пошли на одежду народа.

Половина нашего рабочаго населенія живетъ на помѣщичьихъ земляхъ. †) Эти люди должны платить такіе большіе оброки и сборы, что они налагаютъ на себя всевозможныя лишенія, ѣдятъ одинъ черный хлѣбъ, но оказывается, что они все-таки оброкъ уплатить не могутъ, является потребность въ подсобномъ промыслѣ или въ томъ, чтобы одинъ изъ семейства пошелъ на заработки. Этотъ работникъ пускается въ промышленную арену не съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти выгоды, въ угнетенномъ и жалкомъ своемъ положеніи онъ и мысли объ этомъ возъимѣть не можетъ; онъ вполнѣ согласенъ также ѣсть одинъ только черный хлѣбъ, лишь бы избавиться отъ тяжкихъ страданій, которыя соединены съ недоплатою оброка и сборовъ. Выступивъ на промышленный рынокъ, онъ встрѣчаетъ тутъ конкурентовъ и товарищей. Первую роль между ними играетъ коренной фабричный и заводскій работникъ и кровный ремесленникъ. Этотъ работникъ имѣетъ всѣ свойства работника полезнаго и способнаго сдѣлать страну благоденствующею. У него развиты потребности, онъ готовъ работать, но зато хочетъ и жить хорошо, онъ нетолько чувствуетъ лишеніе, если ему придется сѣсть за столъ безъ мяса, но у него развиты и потребности тщеславія. Онъ болѣе всѣхъ способенъ развивать въ себѣ ловкость и способность къ труду, но зато же онъ стремится и къ высокой заработной платѣ. Къ несчастью такихъ работниковъ на рынкѣ не больше нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Они тянутъ вверхъ. Въ тоже время крестьяне съ помѣщичьихъ земель тянутъ внизъ и такихъ работниковъ милліоны. Между ними стоитъ работникъ съ государственныхъ земель, и этотъ работникъ сначала пріучился ѣсть одинъ черный хлѣбъ, а потомъ пошелъ работать, онъ гораздо болѣе склоненъ приблизиться къ послѣднему, чѣмъ къ первому, онъ иногда даже самъ сбиваетъ цѣны, установленныя работникомъ съ владѣльческихъ земель; такихъ работниковъ также милліоны. Коренной работникъ, напр. петербургскій мѣщанинъ или фабричный промышленныхъ губерній, отъ всей души ненавидитъ этихъ конкурентовъ, они такъ сильно тянутъ внизъ, что онъ не можетъ удержать своего мѣста; эти два рода работниковъ тамъ, гдѣ они сходятся вмѣстѣ, всегда составляютъ двѣ враждебныя партіи и коренной работникъ считаетъ величайшимъ наслажденіемъ поколотить презираемаго конкурента. Этотъ конкурентъ ограниченъ, слабосиленъ и не ловокъ въ работѣ, только эти качества мѣшаютъ ему задавить окончательно кореннаго работника и довести его также до нищенской сумы. Такимъ образомъ всѣ бѣдны, питаются скверно и результатъ оказывается, что земледѣльческихъ продуктовъ требуется мало,

---

†) Мѣщанъ и цеховыхъ 4,292,876, государственныхъ крестьянъ 23,138,191, иррегулярныхъ войскъ 1,736,342, всего 29,167,409, и приписанныхъ къ помѣщичьимъ, удѣльнымъ и пр. землямъ 26,348,474.

а предлагается много и они идутъ заграницу въ то время, когда русскій работникъ жаждетъ ихъ какъ царства небеснаго.

Крупное землевладѣніе, уменьшая производство хлѣба, этимъ самымъ препятствуетъ увеличенію населенія. Недостатокъ хлѣба конечно выражается возвышеніемъ цѣны, а вотъ что значатъ для жизни народа цѣны на хлѣбъ. Въ губерніяхъ Сибири увеличеніе населенія съ 1851 г. по 1864 годъ вполнѣ соотвѣтствовало хлѣбнымъ цѣнамъ. Въ Томской губерніи, гдѣ пудъ ржаной муки стоилъ отъ 17 к. до 35 коп., населеніе увеличилось на 50%, въ Тобольской и Енисейской губерніяхъ, гдѣ средняя цѣна на ржаную муку была 70 коп., оно увеличилось на 28%, въ Иркутской губерніи, гдѣ она доходила до рубля, населеніе увеличилось на 24%, а въ Якутской области, гдѣ она была еще выше, только на 10%. †)

Вездѣ, гдѣ много земель находится въ частномъ владѣніи, дороговизна продуктовъ поддерживается еще тѣмъ, что значительная часть этихъ земель занимается производствомъ доходнымъ для его владѣльцевъ, но отъ котораго народъ только теряетъ и ничего не выигрываетъ. Въ подобныхъ губерніяхъ положеніе оброчнаго земледѣльца такое затруднительное, что онъ никакимъ образомъ не можетъ пуститься на рискъ; при производствѣ продуктовъ всего менѣе подверженныхъ случайности рискъ неурожая для него уже слишкомъ чувствителенъ; увеличить его засѣвая свои поля продуктами, хотя болѣе доходными, но зато подверженными бо́льшимъ случайностямъ, онъ никакъ не можетъ рѣшиться. Такіе продукты кладъ для тѣхъ, кто обработываетъ свои земли наемнымъ трудомъ. Чѣмъ больше размѣры обработки, тѣмъ больше уменьшается рискъ, а между тѣмъ можно держать рынокъ въ своихъ рукахъ и крайне возвышая цѣны брать хорошіе барыши. Нѣкоторые изъ этихъ продуктовъ составляютъ для народа существенную необходимость и онъ долженъ платить дорого за то, что могъ бы получить весьма дешево. Въ иныхъ мѣстахъ Россіи крестьянинъ, живущій на помѣщичьихъ земляхъ, на поляхъ своихъ ничего не сѣетъ кромѣ ржи и овса, греча сѣется исключительно на поляхъ владѣльческихъ, а между тѣмъ она для него совершенно необходима. Греча растеніе нѣжное и прихотливое, она въ особенности легко побивается морозомъ, зато же она имѣетъ большую плодоносную силу: побитая морозомъ въ этомъ году, она въ слѣдующемъ выходитъ сама собою и даетъ плодъ. Въ сущности это одинъ изъ самыхъ выгодныхъ хлѣбовъ и она должна была бы быть дешевле ржи, между тѣмъ исключительное ея производство на владѣльческихъ земляхъ дѣлаетъ ее столь дорогою, что она именно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорю, на 20% дороже ржи, и, какъ этотъ дорогой продуктъ нерѣдко составляетъ двадцать пять процентовъ въ бюджетѣ земледѣльца, бѣдность при-

†) Если исключить увеличеніе населенія, происшедшее отъ недобровольныхъ и добровольныхъ переселеній, то истинное увеличеніе населенія будетъ въ Томской губерніи 32%, въ Тобольской 16%, въ Енисейской 15%, въ Иркутской 12%, въ Якутской 9%.

нуждаетъ его отказывать себѣ и въ этомъ разнообразіи. Въ тоже время потребность въ разнообразной пищѣ—такая существенная потребность человѣческаго организма, что такое лишеніе равняется подрыву здоровья.

Таково вліяніе помѣщичьихъ земель на благосостояніе Россіи: можетъ ли быть что-нибудь печальнѣе той мысли, что чѣмъ плодоноснѣе край, чѣмъ болѣе онъ способенъ къ развитію промышленности, тѣмъ болѣе онъ страдаетъ отъ большаго количества помѣщичьихъ земель. Наши древніе міроѣды были не дураки, они отмежевали себѣ лучшія части Россіи: губерніи всего болѣе знаменитыя своею промышленностію и плодородіемъ своей почвы, Владимірская, Московская, Нижегородская, Ярославская, Орловская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, принадлежатъ къ тѣмъ, въ которыхъ всего больше помѣщичьихъ земель; въ каждой изъ нихъ больше половины населенія живетъ на частныхъ земляхъ, а въ Симбирской губерніи даже 82%. На безплодныхъ мѣстностяхъ за сѣвернымъ уваломъ, въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской, въ песчаныхъ прикаспійскихъ степяхъ, почти нѣтъ частныхъ земель, и вотъ эти мѣста отданы несчастному русскому земледѣльцу въ безспорное владѣніе; да и тутъ его не оставляютъ въ покоѣ отъ оброковъ. Въ половинѣ губерній, гдѣ меньше всего помѣщичьихъ земель, больше шестнадцати процентовъ пространства безплодно, въ одной 93%, въ одной 64%, въ одной 56%: между губерніями же, гдѣ больше чѣмъ наполовину частныхъ земель, нѣтъ ни одной, въ которой безплодныхъ земель было бы больше двадцати процентовъ, и только въ двухъ, т. е. въ одной девятой части, больше шестнадцати. И послѣ этого мы удивляемся, что Россія бѣдна, жалуемся, что въ ней не развивается промышленность, что въ ней почва истощается! Возможно ли, чтобы не были бѣдны люди, которые не могутъ ни расширять своихъ посѣвовъ, ни увеличивать своего скотоводства, чтобы промышленность развивалась тамъ, гдѣ землевладѣлецъ посредствомъ оброка дѣлаетъ нищимъ земледѣльца, а земледѣлецъ своею конкуренціею — всѣхъ другихъ работниковъ, гдѣ девяносто два процента всего населенія можетъ покупать промышленныхъ произведеній въ годъ не больше чѣмъ на 25 коп. на человѣка и вина не больше чѣмъ на 90 коп. на человѣка. Возможно ли что-либо кромѣ истощенія полей тамъ, гдѣ земледѣлецъ никакимъ образомъ не можетъ увеличить своего скотоводства. Войдите въ душу этого земледѣльца, онъ ничего не желаетъ такъ пламенно, какъ улучшенія своей почвы посредствомъ удобренія, въ особенности въ промышленныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ; «сколько унавозишь, столько и пожнешь», говоритъ онъ. Препятствіе онъ находитъ конечно не въ общинныхъ земляхъ, на общинныхъ земляхъ онъ разводитъ сады и огороды, онъ можетъ вести хозяйство отъ котораго плоды будутъ черезъ десятки лѣтъ, а унавоженное поле даетъ благодать уже на слѣдующій годъ. Конечно не общинное владѣніе виновато въ томъ, что онъ не можетъ увеличить количества своего скота. Первое мѣсто тутъ занимаетъ помѣщичье землевладѣніе, а второе—произволъ нѣкоторыхъ чиновниковъ. Мы видѣли уже, какія бѣдствія этотъ произволъ накликалъ на башкирскія и казацкія земли: бѣдствія эти еще больше тамъ, гдѣ онъ прикрывался полномочіемъ частнаго собственника. Въ петербургской гу-

бернін еще до освобожденія мнѣ земледѣльцы удѣльнаго вѣдомства разсказывали, что они бросали свои земли вслѣдствіе невыносимаго произвола въ распоряженіяхъ нѣкоторыхъ лицъ удѣльнаго начальства. Возъ навоза тамъ стоитъ рубль серебра; чтобы десятину земли сдѣлать удобною для воздѣлыванія, нужно употребить на нее до двухсотъ рублей серебромъ; наемная плата за такую десятину отъ пятнадцати до тридцати рублей въ годъ: между тѣмъ нерѣдко случалось, что у крестьянина, который такимъ образомъ истратился на землю, маленькій чиновникъ могъ легко ее отнять. По освобожденіи между удѣльными крестьянами только и слышны, что вопль и жалобы на распоряженія съ ними нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ. Близъ города Юрьевца я встрѣтилъ удѣльныхъ крестьянъ, которые сидѣли на самомъ незначительномъ клочкѣ земли и были въ крайней бѣдности; этимъ несчастнымъ людямъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ ихъ селенія нарѣзали полные надѣлы, какъ они увѣряли, никуда не годной земли и наложили на нихъ полный оброкъ. Я мало видѣлъ болѣе бѣдныхъ и болѣе несчастныхъ людей, чѣмъ эти крестьяне. Землею своею они вовсе не пользовались, платить оброкъ была для нихъ тягость совершенно непосильная, въ Юрьевцѣ они по баснословно дешевымъ цѣнамъ брали на себя работы, самыя тяжкія и отвратительныя, которыя никто на себя не принималъ. Они были предметомъ самой безжалостной эксплуатаціи, иногда употреблялись подрядчиками для исполненія казенныхъ подрядовъ и получали приэтомъ четвертую часть того, за что подрядъ былъ принятъ. Въ другомъ мѣстѣ удѣльные крестьяне разсказывали мнѣ, что ихъ принуждали купить землю, на которой они жили, но они были такъ бѣдны, что и оброкъ могли уплачивать только съ величайшимъ усиліемъ, о покупкѣ же земель не могли и думать; они отказались: тогда земли были у нихъ отобраны и имъ отведены безплодныя — эти несчастные люди были совершенно разорены и почти умирали отъ голоду. Подобныя произвольныя распоряженія, которыми работникъ лишался послѣдняго куска хлѣба, казались работникамъ всегда беззаконіемъ; въ сущности оно и было такъ, это былъ произволъ и угнетеніе, прикрытые отъ высшаго правительства формальностями добровольнаго будто-бы согласія крестьянъ. Въ одномъ острогѣ я встрѣтилъ цѣлую партію удѣльныхъ крестьянъ. Ихъ также сначала заставляли купить свои земли, а когда они не могли этого сдѣлать, тогда у нихъ отобрали землю и отдали въ оброчное содержаніе, а имъ дали безплодные надѣлы. Эти не выдержали, чувство самосохраненія говорило въ нихъ слишкомъ сильно: когда оброчный содержатель захотѣлъ осуществить свои претензіи они кинулись на него съ косами и съ чѣмъ попало, и были арестованы какъ преступники. Почти повсемѣстно я слышалъ жалобы, что въ удѣльныхъ имѣньяхъ дѣлаются вещи вовсе не согласныя съ улучшеніемъ быта крестьянъ: кто въ этомъ виноватъ, не знаю. «Удѣльные теперь несчастными стали», говорили мнѣ много разъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Отвлеченные, теоретическіе принципы, не приспособленные къ понятіямъ и потребностямъ народа, никогда не могутъ принести ничего кромѣ вреда. Все зло произошло отъ того, что нѣкоторые чиновники въ составѣ удѣльной администраціи совер-

шенно расходились во взглядахъ на землю съ земледѣльцами, которые на ней жили; земледѣлецъ смотрѣлъ на нее какъ на орудіе труда, какъ на средство для своего обезпеченія, а эти чиновники удѣльной администраціи смотрѣли на нее какъ на орудіе, посредствомъ котораго можно извлекать большой доходъ изъ чужаго труда и насчетъ чужой нужды. Подобные взгляды и сдѣлались главною причиною того, что въ губерніяхъ, гдѣ много частныхъ земель, господствуетъ бѣдность и нищета. Вотъ почему между удѣльными крестьянами нетолько смертность значительнѣе чѣмъ между государственными, но тутъ встрѣчается точно тоже, что и на помѣщичьихъ земляхъ, производительность и благосостояніе удѣльныхъ крестьянъ незначительнѣй благосостоянія государственныхъ даже несмотря на болѣе значительные надѣлы. Въ Вельскомъ уѣздѣ 34,634 человѣка государственныхъ крестьянъ при надѣлѣ въ 16,507 десятинъ имѣютъ 51,727 штукъ скота, высѣяли 21,483 четверти хлѣба и 4,384 пуда льна, а 37,626 удѣльныхъ при надѣлѣ въ 115,988 десятинъ имѣютъ только 40,764 штуки скота, высѣяли 18,795 четвертей хлѣба и 3,009 пудовъ льна. Я полагаю, что высшею удѣльною администраціею сдѣлана была приэтомъ та ошибка, что она не старалась внушить чиновникамъ удѣльнаго вѣдомства, что имъ прежде всего надо позаботиться о благосостояніи крестьянъ, а потомъ уже о доходахъ удѣла. Тогда у нихъ отнятъ былъ бы соблазнъ дѣлать подобныя вещи изъ желанія отличиться увеличеніемъ доходовъ съ удѣльныхъ земель и отнимать у крестьянъ нужную имъ землю, чтобы обратить въ выгодныя оброчныя статьи. На удѣльныхъ земляхъ не дѣлалось бы того, что никогда не можетъ быть одобрено высшимъ правительствомъ. Чтобы указать, гдѣ сердце вопроса и въ чемъ заключается существо его разрѣшенія, необходимо сдѣлать сравненіе между русскимъ, западно-европейскимъ и американскимъ земледѣльцемъ. Есть у насъ люди, которые приписываютъ всѣ успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ, сдѣланные западною Европою, учрежденію поземельной собственности; это учрежденіе по ихъ понятію послужило для Европы—краеугольнымъ камнемъ благосостоянія и цивилизаціи. Къ ихъ несчастью исторія Европы учитъ совсѣмъ иному. Исторія земледѣлія западной Европы—это исторія славной и геройской борьбы труда противъ различныхъ притязаній на его произведенія, заявляемыхъ самовластіемъ во имя священныхъ правъ собственности. Пользуясь средневѣковою неурядицею, земледѣлецъ западной Европы уже въ VIII вѣкѣ имѣлъ бо́льшую власть надъ произведеніями своего труда, чѣмъ русскій земледѣлецъ нашего времени. Въ VIII вѣкѣ онъ жертвовалъ охотнѣе своею честью, чѣмъ своимъ трудомъ, и такъ упорно сопротивлялся платить дань съ своего труда, что уже тогда власть надъ землею пріобрѣтала въ глазахъ землевладѣльца больше значенія, чѣмъ власть надъ человѣкомъ. Въ дошедшемъ до насъ инвентарѣ Сенъ-Жерменскаго помѣстья мы видимъ землю раздѣленною на усадьбы (mansae), изъ которыхъ однѣ назывались усадьбами рабовъ, другія усадьбами свободныхъ людей и гостей. Повинности соразмѣрялись съ богатствами и обширностью земли и не имѣли никакого личнаго характера, первоначальное ихъ значеніе совершенно утратилось, свободные люди сидѣли въ усадьбахъ рабовъ, рабы въ усадьбахъ сво-

бодныхъ людей, рабство, казалось, не имѣло никакого вліянія на отправленіе повинностей. Въ тоже время повинности эти были несравненно менѣе значительными, чѣмъ повинности, даже самыя легкія, современнаго русскаго земледѣльца. Участокъ, на которомъ жило шесть семействъ, отправлялъ восемь дней барщины въ недѣлю; если эти шесть семействъ заключали въ себѣ только шесть работниковъ и шесть работницъ, то на каждаго приходилось по три дня въ мѣсяцъ: нашъ современный земледѣлецъ былъ бы весьма счастливъ, еслибы онъ могъ отдѣлаться такъ дешево. Въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ дворянство и духовенство сдѣлали все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ, чтобы овладѣть трудомъ рабочаго народа и эксплуатировать его по произволу: всюду они хотѣли водворить этотъ произволъ именемъ права собственности, они хотѣли, чтобы и земли и люди и власть все было ихъ собственностью. Они обнаружили тутъ столько же мужества въ борьбѣ съ сильными, сколько энергіи и притязательности въ преслѣдованіи труда. Однакоже какъ ни велико было ихъ презрѣніе къ трудящемуся люду, но тѣ стояли за себя. Притязаніямъ бароновъ они противопоставляли свои равносильныя, бароны кричали, что земля ихъ собственность и не можетъ быть земли не дворянской, а крестьяне полагали, что самъ Богъ далъ землю въ собственность крестьянамъ; на претензію заковать ихъ въ рабство они отвѣчали стремленіемъ къ свободѣ; а на претензію обратить въ свою собственность власть они отвѣчали, что имъ не нужно начальства. Энтузіасты старались вывести эти принципы на арену открытой борьбы. Не разъ жертвовали собою отдѣльныя личности, не разъ народъ поднимался массами. Они сильно протестовали противъ тягостныхъ и произвольныхъ повинностей, противъ произвольныхъ распоряженій землею; они наполняли лѣса бѣглыми и разбойниками, шайками нападали на замки, грабили и убивали землевладѣльцевъ на большихъ дорогахъ. Разбойниковъ этихъ они обоготворяли и считали святыми. Они прикидывались нищими и скрывали свое имущество съ такою ловкостью, что самый зоркій глазъ не былъ въ состояніи ихъ разоблачить. Чѣмъ больше энергіи они развивали въ борьбѣ, тѣмъ значительнѣе были результаты, которыхъ они достигали, но до цѣли было еще весьма далеко. Западно-европейскому высшему обществу дѣлаетъ конечно весьма мало чести, что оно довело народъ до такихъ анархическихъ пріемовъ, которые должны были отзываться самымъ невыгоднымъ образомъ на нравственномъ настроеніи общества,—и совершенно справедливо его за это клеймили именемъ варварскаго общества. Работники такъ упрямо защищались противъ отяготительныхъ платежей и повинностей, что платежи эти въ большей части западной Европы были несравненно незначительнѣе оброковъ современныхъ русскихъ крестьянъ. Земледѣльцы вслѣдствіе этого могли достигать такого благосостоянія, что въ Италіи, Испаніи, Франціи и Англіи они почти всѣ постепенно откупились на свободу и сдѣлали освобожденіе массами излишнимъ. При современныхъ оброкахъ русскіе крестьяне никогда не будутъ въ состояніи достигнуть тогоже. Только въ восточной Германіи положеніе было болѣе тягостнымъ, но и тамъ повинности земледѣльцевъ, живущихъ на частныхъ земляхъ, были совершенно незначительны въ

сравненіи съ современными русскими оброками: на однѣхъ земляхъ онѣ равнялись рентѣ съ трети, а на другихъ съ половины земли, между тѣмъ какъ современный русскій земледѣлецъ платитъ оброкъ, который мѣстами въ девять разъ превышаетъ ренту, а въ общей сложности превышаетъ ее на семьдесятъ пять процентовъ. Таково было положеніе европейскихъ крестьянъ; между тѣмъ оно казалось ужаснымъ европейскимъ писателямъ: посмотрите, какими красками изображаетъ его какой-нибудь Боншеръ. Въ Англіи положеніе было самое благопріятное, тамъ повинности выражались въ неизмѣнныхъ суммахъ денегъ, и когда съ открытіемъ Америки деньги сильно подешевѣли, оброки эти сдѣлались совершенно ничтожными.

Работники конечно не остановились на этомъ результатѣ, они стремились совершенно освободиться отъ дани землевладѣльцу, вырвать у него изъ рукъ ту собственность, которая дѣлала ихъ данниками, и сдѣлаться собственниками въ свою очередь, и въ этой борьбѣ они обнаружили ту же стойкость и ту же энергію, не разъ ихъ кровь текла ручьями, не разъ они переживали тяжкіе годы, борьба была на жизнь и смерть, сопротивленіе было слишкомъ сильно, чтобы они могли его одолѣть вполнѣ. Напрасно работники проливали свою кровь въ междоусобныхъ войнахъ и на барикадахъ, напрасно они обнажали передъ обществомъ свои раны, напрасно они изгоняли землевладѣльцевъ толпами изъ страны и совершали великія жестокости, напрасно они старались дѣйствовать на общество, то возбуждая въ немъ симпатію къ своимъ страданіямъ, то страхъ передъ грозною силою массы: то они указывали на своихъ женъ и дѣтей, погибавшихъ отъ голоду и грязи, то собирались грозными массами, наполняли улицы и площади и колебали земное величіе въ самомъ его корнѣ. Общество тревожно смотрѣло на эти грозныя движенія, но удовлетворить имъ не могло. Ихъ то успокоивали и задобривали, то затопляли въ крови. Какъ вѣчный жидъ былъ осужденъ все идти и идти и никогда не достигнуть до мѣста, такъ и работникъ, казалось, долженъ былъ вѣчно биться, вѣчно проливать свою кровь и никогда не достигнуть своей цѣли. На эту борьбу онъ истратилъ всѣ свои силы. Тамъ, гдѣ онъ не могъ взять ни кровавыми сценами революціи, ни путемъ мирныхъ реформъ, вырванныхъ у законодателя грозными манифестаціями, онъ старался достигнуть своей цѣли тяжелыми деньгами, и что же, чѣмъ энергичнѣе онъ стремился, чѣмъ больше онъ приносилъ тяжкихъ жертвъ, тѣмъ яснѣе становилось, что цѣль ускользаетъ изъ его рукъ, какъ неуловимый призракъ на той дорогѣ, по которой онъ шелъ. На югѣ въ Испаніи и Италіи большія помѣстья, подобно пустыннымъ, глухимъ степямъ, господствовали въ странѣ и ничего кромѣ бѣдности и загрубѣнія не могло вырости на такой безплодной соціальной почвѣ. Въ средней Европѣ земледѣлецъ хотѣлъ спастись отъ этого превращаясь въ мелкаго землевладѣльца; съ геройствомъ, съ энтузіазмомъ фанатика онъ цѣлую жизнь налагалъ на себя самыя тяжкія лишенія, чтобы наконецъ пріобрѣсти клочекъ земли. Что же выходило изъ этого: тѣ работники, которые всего болѣе были способны производить и зарабатывать деньги, всю жизнь ничего не покупали, усиливаясь скопить капиталъ. Настолько же менѣе развивалась и про-

мышленность, тамъ, гдѣ нѣтъ покупателей, нѣтъ и промышленности, каждый покупатель, сведенный съ рынка, дѣлается препятствіемъ къ развитію промышленности и только масса покупателей изъ рабочаго класса можетъ быть плодоносною для нея почвою. Экономія цѣлой трудовой жизни, которая могла бы служить капиталомъ для развитія земледѣлія, послѣ многихъ лѣтъ безплоднаго лежанія, служила лишь для обогащенія барышника и биржеваго игрока, который скупалъ большія имѣнія и распродавалъ ихъ по мелочамъ. Геройская жизнь лишеній оканчивалась пріобрѣтеніемъ земли, и для чего же? Для обезпеченія своего семейства, говорилъ земледѣлецъ, но лишь только онъ умиралъ, участокъ раздѣлялся между дѣтьми и каждый получалъ такую малую долю, что онъ могъ заработать на ней меньше, чѣмъ работникъ, нанявшійся у капиталиста; но онъ не рѣшался превратиться въ наемника, онъ подавалъ собою примѣръ скуднаго житья. Отъ всего этого происходила одна польза, часть работниковъ хотѣла копить деньги и вслѣдствіе этого не сбивала цѣны, а другая, которая не копила, могла лучше жить и этимъ питала промышленность, страна не могла дойти до той бѣдности, какая господствовала тамъ, гдѣ царили оброки или гдѣ свирѣпствовали произволъ и крупная поземельная собственность. Весьма многіе земледѣльцы все-таки достигали благосостоянія при собственности и соблазняли этимъ глаза другихъ работниковъ, которые начинали считать для себя бѣдствіемъ то, что въ прежнія времена считалось въ порядкѣ вещей.

Самый мужественный и самый энергическій изъ европейскихъ работниковъ, англичанинъ, распорядился иначе,—онъ обличилъ передъ глазами свѣта, въ чемъ тутъ суть дѣла. Сначала онъ донималъ своихъ землевладѣльцевъ побѣгами и разбоями, сожигая ихъ замки и убивая ихъ на большихъ дорогахъ—онъ дѣйствовалъ такъ энергически, что послѣ того и до сего дня Англія не переставала быть страною самыхъ смѣлыхъ воровъ и разбойниковъ; эти хроническіе остатки прежней горячки еще въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка наводили ужасъ на цѣлый Лондонъ. Землевладѣлецъ боялся притѣснять работника, ему страшно было вывести его изъ терпѣнія. Такимъ образомъ онъ достигъ свободы, высокой заработной платы и землевладѣнія ранѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Европы; но аристократія стремилась воспрепятствовать раздробленію земель посредствомъ наслѣдства. Онъ отъ всей души ненавидѣлъ свою аристократію и всѣ ея затѣи; при переходѣ въ Новый Свѣтъ онъ отвергалъ съ негодованіемъ все, что ему напоминало объ ней, но въ Старомъ онъ долженъ былъ уступить. Тогда онъ нетолько не сталъ покупать земель, но сталъ продавать и тѣ, которыя имѣлъ; эта наполовину вынужденная спекуляція оказалась однакоже чрезвычайно выгодною: въ то время какъ его покупатель получалъ съ земли лишь незначительный доходъ, онъ съ капитала, который нерѣдко употреблялъ на ту же землю, въ качествѣ арендатора, получалъ вдвое больше. Онъ не голодалъ, подобно своимъ заморскимъ сосѣдямъ всю свою жизнь, чтобы подъ-конецъ купить земли, онъ пожилъ въ свое удовольствіе и подъ-конецъ еще получилъ капиталъ, который увеличилъ его доходы. Его судьба была соблазнительнымъ примѣромъ для его то-

варищей работниковъ, которые конечно, въ виду подобныхъ обстоятельствъ, не соглашались работать за безцѣнокъ. Работники страны получали много и не изнурялись скопидомствомъ, а все проживали. Работники покупали болѣе чѣмъ гдѣ-либо, промышленность и земледѣліе могли получить самое обширное развитіе: еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ англійскомъ работникѣ замѣчали наклонность много пріобрѣтать и все проживать, что онъ пріобрѣтаетъ. Англійскій работникъ покупалъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой работникъ въ Европѣ, и Англія сдѣлалась самой богатой страной. Испанія, эта страна маврской цивилизаціи, эта прелестная страна, воспламенявшая поэтовъ, съ своимъ счастьемъ, съ своимъ предпріимчивымъ народомъ, имѣла въ десять разъ больше шансовъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Англія, т. е. центромъ промышленности и богатства. Испанія и Португалія сдѣлали самыя важныя морскія открытія, онѣ заняли лучшія мѣста въ Америкѣ, онѣ первыя нашли путь въ Индію, неисчерпаемыя богатства золота, серебра и неизвѣстныхъ до того Европѣ произведеній притекли къ этимъ странамъ со всѣхъ сторонъ. Всякій долженъ былъ бы предсказать Испаніи и Португаліи будущность сдѣлаться центромъ европейской торговли и главою ея промышленной предпріимчивости — отчего же этого не случилось? Для процвѣтанія народа нужно вѣроятно что-нибудь другое, а не открытіе новыхъ рынковъ и заморскихъ богатствъ. Та страна имѣетъ самую великую будущность, гдѣ положеніе работника всего менѣе тягостное, гдѣ у него на шеѣ виситъ всего меньше не работающихъ людей и гдѣ эти люди берутъ наименьшую долю изъ его заработковъ. Въ Италіи присутствіе папы размножило многочисленное духовенство, оно повисло тяжкимъ бременемъ на шеѣ рабочаго и Италія начала бѣднѣть несмотря на то, что богатства стекались въ Римъ,—самыя близкія къ Риму мѣстности сдѣлались и самыми бѣдными, а отдаленная Ломбардія осталась самою цвѣтущею частью Италіи. Въ Испаніи борьба съ маврами безмѣрно расплодила и военное сословіе и духовенство, въ западной Европѣ не было страны, гдѣ бы эти два класса больше брали изъ заработковъ народа; рабочій народъ могъ мало покупать и участь Испаніи и Португаліи была рѣшена, промышленность не могла въ нихъ развиться. Ей не помогло ни то, что она была страна древней римской и средневѣковой арабской цивилизаціи, ни великія богатства, пріобрѣтенныя въ заморскихъ странахъ. Въ Германіи могущество отдѣльныхъ владѣльцевъ было такъ велико, что они до конца могли удержать свою самостоятельность относительно главы государства, но для этого имъ нужно было употреблять всѣ усилія, чтобы расплодить по возможности военное сословіе, но зато же они не давали хода духовенству, въ Германіи были воздвигнуты на него самыя сильныя гоненія, въ Германіи всего болѣе распространилась реформація. Германія получила самую меньшую долю въ заморскихъ богатствахъ, несмотря на это она стала выше Испаніи и Италіи, на ея рабочемъ висѣла только половина тягости: дворянство, а не духовенство. Во Франціи дворянство было несравненно слабѣе, чѣмъ во всѣхъ этихъ странахъ, духовенство было такъ слабо, что не могло помѣшать возшествію на престолъ короля еретика, тягости рабочаго были еще незначитель-

нѣе, онъ защищался противъ отягощенія съ большою энергіею, онъ ранѣе Германіи произвелъ крестьянскую войну, онъ произвелъ революцію, и Франція по богатству и промышленности своей занимаетъ первое мѣсто среди этихъ четырехъ странъ. Здѣсь не мѣсто распространяться въ доказательствахъ, но этихъ доказательствъ можно подобрать безчисленное множество, нетолько сравнивая отдѣльныя страны, но и отдѣльныя мѣстности той же страны; средняя Германія напр. богаче сѣверной и восточной, потому что тамъ во всѣ времена было больше свободныхъ и неотягощенныхъ работниковъ, между тѣмъ этой части Германіи слѣдовало бы быть всего бѣднѣе, у нея не было морскихъ береговъ, ея мѣстность пресѣчена горами.

Ни одинъ работникъ въ Европѣ не уступалъ своимъ высшимъ сословіямъ такую малую часть своихъ произведеній, какъ англичанинъ. Его дворянство было такъ малочисленно и такъ слабо, что оно могло сопротивляться королямъ не иначе, какъ соединяясь съ другими сословіями и заискивая въ народѣ; оно было почти совершенно истреблено войной бѣлой и алой розы, говорятъ историки. Оно было такъ бѣдно, что, рано преклонившись предъ деспотизмомъ, оно не могло даже вести придворной жизни. Благоразумная Елисавета, замѣтивъ, какъ гибельно было бы для англійскихъ дворянъ подражать французскимъ, разослала ихъ по деревнямъ, потому что придворная жизнь была имъ не по средствамъ. Духовенство было такъ незначительно и слабо, что государь могъ по капризу перемѣнить религію и обобрать его имѣнія. Работникъ получалъ въ Англіи самую высокую заработную плату, капиталистъ—самый малый процентъ съ капитала и Англія сдѣлалась самой богатой и промышленной страной въ Европѣ, она сдѣлалась богаче тѣхъ странъ, гдѣ господствовала мелкая поземельная собственность. Европа приписывала ея богатства ея торговлѣ и заморскимъ владѣніямъ, не замѣчая того, что Испанія оставалась нищею несмотря на свои заморскія владѣнія и что наибольшія богатства въ Англіи выпадали на долю тѣхъ капиталистовъ, которые производили для народа и которымъ слѣдовательно было выгодно увеличивать благосостояніе въ этой средѣ.

Европа удивлялась богатствамъ Англіи и приписывала ихъ ея аристократіи и ея капиталистамъ, не понимая, что Англія потому именно и богата, что англійская аристократія и англійскіе капиталисты относительно и малочисленнѣе и бѣднѣе другихъ. Въ Англіи доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ незначительнѣе дохода рабочаго класса, между тѣмъ какъ въ Пруссіи доходъ съ капитала и съ земли въ нѣсколько разъ превышаютъ доходы рабочаго класса. Умный англійскій работникъ менѣе всего былъ доволенъ такими успѣхами, онъ унесъ съ собою за море ненависть къ своей аристократіи, къ господству капиталистовъ и къ іерархическому духовенству. Въ Америкѣ онъ передѣлалъ все по-своему, высшее духовенство онъ совершенно уничтожилъ, а имущественные доходы уменьшились дотого, что они составляли не больше одной осьмой доходовъ рабочаго народа. Работникъ Америки точно также, какъ работникъ Европы, стремился къ собственности надъ землею, полагая, что она дастъ ему средства овладѣть исключительно всѣми произведеніями своего труда, но онъ также, какъ и европейскій работникъ, за-

мѣтилъ, что средство это не ведетъ его къ цѣли, и ему пришла мысль передѣловъ, мысль не практическая и не осуществимая тамъ, гдѣ господствуетъ мелкая собственность.

Вотъ очеркъ исторической жизни европейскаго работника, вся она съ начала до конца была протестомъ противъ притязаній высшихъ классовъ брать съ него дань, прикрываясь именемъ собственности. Чѣмъ болѣе удавалось ему понизить эту дань, тѣмъ болѣе вся страна начинала процвѣтать, въ ней развивалась промышленность, распространялся свѣтъ наукъ, и, наоборотъ, чѣмъ больше высшимъ сословіямъ удавалось распространять свои права собственности, чѣмъ болѣе имъ удавалось увеличить дань, платимую имъ рабочими классами, тѣмъ больше въ странѣ распространялось бѣдности и загрубѣнія нравовъ; лицъ, призванныхъ для интеллектуальныхъ занятій, было несравненно больше, а вмѣсто науки распространялось невѣжество, промышленность исчезала. Мелкая собственность, несмотря на пламенное стремленіе къ ней работника, не была въ состояніи освободить его отъ этой дани, и работнику случалось достигнуть большей отъ нея свободы другими путями, и мелкая собственность является въ исторіи развитія богатства и просвѣщенія народовъ только однимъ изъ второстепенныхъ моментовъ. Если вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ распространеніе агрономическихъ свѣдѣній и раціональнаго сельскаго хозяйства не идетъ рука объ руку съ освобожденіемъ земледѣльца отъ доли, платимой высшимъ сословіямъ, въ такомъ случаѣ и этотъ двигатель оказывается ничтожнымъ въ сравненіи съ великимъ принципомъ, гласящимъ, что благосостояніе, промышленное развитіе и просвѣщеніе страны прямо пропорціонально уменьшенію доли, платимой рабочимъ классомъ высшихъ сословіямъ. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской развилось болѣе раціональное сельское хозяйство, чѣмъ въ другихъ россійскихъ губерніяхъ; освобожденіе крестьянъ тамъ началось уже въ первой четверти настоящаго столѣтія, оно должно было принести всѣ свои плоды. И что же? Это прославленное раціональное хозяйство, которымъ такъ гордятся остзейскія провинціи, не могло даже перевѣсить вредъ, происходящій отъ большаго числа частныхъ помѣщичьихъ земель; и вотъ отвѣтъ всѣмъ тѣмъ, которые приписываютъ бѣдность Россіи отсутствію агрономическихъ и техническихъ свѣдѣній: пока положеніе работника тягостное, свѣдѣнія эти не могутъ приносить никакой пользы и не дадутъ странѣ ни на одинъ волосъ больше богатства и промышленнаго развитія. Если сравнивать увеличеніе населенія въ Остзейскомъ краѣ съ 1851 по 1863 годъ съ увеличеніемъ въ другихъ россійскихъ губерніяхъ, это положеніе губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской окажется благопріятнымъ только при сравненіи съ губерніями, въ которыхъ столько же населенія живущаго на помѣщичьихъ земляхъ: было бы слишкомъ печально, если-бы было иначе—тамъ господствовали раціональное сельское хозяйство и свобода работника, здѣсь невѣжество въ сельскомъ хозяйствѣ и крѣпостной трудъ. Но лишь только мы начнемъ сравнивать Остзейскій край съ губерніями, гдѣ меньше помѣщичьихъ земель, результатъ тотчасъ измѣняется. Изъ губер-

ній съ бо́льшимъ количествомъ помѣщичьихъ земель, гдѣ на этихъ земляхъ живетъ больше сорока процентовъ населенія, но все-таки меньше, чѣмъ въ Курляндской губерніи †), уже три пятыхъ оказываются въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ Остзейскій край, и только одна десятая въ положеніи менѣе благопріятномъ; изъ губерній же, гдѣ меньше частныхъ земель, двѣ трети оказываются въ болѣе благопріятномъ положеніи и только двѣ девятыхъ въ такомъ же несчастномъ положеніи какъ Остзейскій край. Читатель можетъ-быть припишетъ это густотѣ населенія или безплодности почвы, но онъ ошибется въ этомъ предположеніи; губерніи, въ которыхъ больше населенія на помѣщичьихъ земляхъ, оказываются дѣйствительно болѣе плодоносными, чѣмъ земли Остзейскаго края, но зато же въ нихъ и населеніе гуще; въ губерніяхъ, гдѣ всего больше помѣщичьихъ земель, оказывается половина, а въ остальныхъ даже больше двухъ третей съ болѣе густымъ населеніемъ; изъ губерній, въ которыхъ меньше частныхъ земель, почти половина ($^4/_9$) болѣе густо населена, чѣмъ край Остзейскій, и почти треть ($^5/_{18}$) болѣе безплодна—губерніи эти во всѣхъ отношеніяхъ, не зависящихъ отъ вліянія помѣщичьяго землевладѣнія, находятся въ положеніи болѣе неблагопріятномъ, чѣмъ Остзейскій край. Не нужно упускать изъ виду, что количество влажности и выпадающихъ дождей въ Остзейскомъ краѣ значительнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ Россіи, и что въ Россіи недостатку влажности всего болѣе приписываются плохіе урожаи, которые имѣютъ такое гибельное вліяніе на благоденствіе населенія. ††)

---

†) Изъ трехъ остзейскихъ губерній въ Курляндской всего меньше помѣщичьихъ земель.

††) Вотъ таблицы, на основаніи которыхъ сдѣланы вышеприведенныя сравненія.

Съ 1851 по 1863 годъ населеніе увеличилось	Изъ 3 остзейскихъ губерній въ	Изъ 8 губерній, въ которыхъ населеніе на частныхъ земляхъ столь же значительно, какъ въ остзейск. на помѣщичьихъ, въ	Изъ 10 губерній съ бо́льшимъ количествомъ частныхъ земель, но все-таки менѣе значительнымъ, чѣмъ въ Остзейскомъ краѣ, въ	Изъ 18 губерній съ меньшимъ количествомъ частныхъ земель въ
Болѣе чѣмъ на 12%	0	2	6	12
Отъ 6% до 12%	3	2	3	4
Менѣе чѣмъ на 6%	0	4	1	2, въ томъ числѣ Таврич., гдѣ были театръ войны и выселен. татаръ.
Населеніе болѣе 1,166 человѣкъ на квадратную милю.	0	4	7	8
Отъ 872 до 1,166 человѣкъ на квадратную милю . .	3	2	2	1
Менѣе 872 челов. на кв. м.	0	2	1	9
Безплодн. земель болѣе 39%	0	0	0	5
Безплодн. земель менѣе 39%	3	8	10	13

Что можетъ быть естественнѣе подобнаго результата, какую помощь можетъ оказать наука тамъ, гдѣ у народа одною рукою отнимаютъ то, что ему даютъ другою; создавать товаръ и мѣшать въ тоже время появленію покупателей, это значитъ работать въ убытокъ, убивать ту отрасль производства, которую мы силимся создать и распространить. Собственность, которая вырываетъ изъ рукъ работника большую часть его произведеній и дѣлаетъ его

	Губерніи	Процентъ населенія, живущаго на частныхъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ земляхъ	Процентъ увеличенія населенія съ 1851 года по 1863 годъ	Число жителей въ губерніи, приходящееся на одну квадратную милю	Количество безплодныхъ земель относительно всего пространства губерніи.
1.	Архангельская	20	21	20	64%
2.	Астраханская	4	уменьшилось	94	93
3.	Бессарабская.	менѣе процента	50	1,619	19
4.	Владимірская	64	4	1,415	2
5.	Вологодская	34	13	135	4
6.	Воронежская	26	20	1,600	12
7.	Вятская	13	19	852	3
8.	Екатеринославская . .	31	34	983	19
9.	Войско Донское . . .	30	20	338	10
10.	Казанская	15	20	1,440	7
11.	Калужская	64	2	1,720	10
12.	Костромская.	69	5	741	8
13.	Курляндская.	58	6	1,166	28
14.	Курская	40	10	2,228	14
15.	Лифляндская.	72	12	1,120	18
16.	Московская	51	14	2,598	12
17.	Нижегородская	64	14	1,392	5
18.	Новгородская	62	14	481	20
19.	Олонецкая	23	13	125	16
20.	Оренбургская	20	8	384	44
21.	Орловская	53	9	1,785	12
22.	Пензенская	40	12	1,711	7
23.	Пермская.	41	23	353	8
24.	Полтавская	37	16	2,117	16
25.	Псковская	59	9	901	10
26.	Рязанская.	55	9	1,864	12
27.	Самарская.	30	28	584	56
28.	Саратовская.	51	17	1,137	18
29.	Симбирская	82	15	1,340	11
30.	Смоленская	69	6	1,117	10
31.	Таврическая	6	уменьшилось	548	27
32.	Тамбовская	40	19	1,643	10
33.	Тверская	54	11	1,311	14
34.	Тульская	70	5	2,069	10
35.	Харьковская.	41	17	1,610	11
36.	Херсонская	41	50	1,018	15
37.	Черниговская	37	9	1,514	14
38.	Эстляндская	87	8	872	39
39.	Ярославская.	57	3	1,561	11

голоднымъ и несчастнымъ, не можетъ привести ни къ чему другому кромѣ дорогаго производства; и дѣйствительно цѣны въ Остзейскомъ краѣ однѣ изъ самыхъ высокихъ въ Россіи. Не такъ поступили единоплеменники остзейскихъ помѣщиковъ, саратовскіе колонисты; они выманили и выпросили себѣ въ замѣнъ частной собственности общинное владѣніе: они отбросили отъ себя безплодное начало, которое дѣлало работниковъ данниками, бѣдными и жалкими тружениками и на цѣлыя страны распространяло нищенство и невѣжество; это начало, которое дѣлало для работника невозможнымъ достигнуть своей цѣли и отъ вредныхъ послѣдствій котораго цивилизованный міръ избавлялся только тяжелой борьбой и посторонними путями. Въ отдаленныхъ степяхъ восточной Россіи, разобщенные съ цивилизованнымъ міромъ, эти малообразованные люди обладали несравненно меньшими средствами для достиженія благосостоянія, посредствомъ раціональнаго хозяйства, чѣмъ остзейскіе помѣщики, а между тѣмъ между благосостояніемъ остзейскаго земледѣльца съ производительностію его земли и положеніемъ саратовскаго колониста можетъ быть только такое сравненіе, которое выставитъ во всемъ блескѣ превосходство общиннаго землевладѣнія. Населеніе въ колоніяхъ удвоивалось въ пятнадцать лѣтъ, производительность хлѣба равнялась производительности въ Америкѣ, скота тамъ было относительно въ два съ половиною раза больше, чѣмъ въ Остзейскомъ краѣ, и все это въ мѣстности столь же густо населенной, какъ многія мѣстности Остзейскаго края.

Вотъ результатъ, оказавшійся въ саратовскихъ колоніяхъ, общинныя земли замѣнили для нихъ тѣ обширныя политическія права, посредствомъ которыхъ американскій работникъ достигалъ своего благосостоянія, обращая почти каждаго земледѣльца въ мелкаго собственника.

ГЛАВА IV.

Земледѣлецъ степной полосы между Ураломъ и Волгою.

Не свойственно жить человѣку въ суровомъ климатѣ крайняго сѣвера. Страшно подумать объ этомъ гигантѣ, протянувшемся отъ финскихъ береговъ до Берингова пролива и усыпавшемъ голыми скалами, мхами, тундрами и хвойными лѣсами пространство болѣе чѣмъ въ полтораста тысячъ квадратныхъ миль; отрадно становится, когда съ этой пустыни спустишься въ равнины восточной Россіи, гдѣ пашни и свѣтлые луга весело разбрелись среди дубовыхъ и липовыхъ лѣсовъ, гдѣ алѣетъ небо, тучнѣе становятся поля — тутъ греча устилаетъ ихъ пеленой цвѣтовъ, тамъ зрѣетъ и золотится рожь среди зеленыхъ луговъ. Широкими волоками тихо поднимается мѣстность, какъ волны океана во время затишья; это тоже океанъ, океанъ равнинъ на твердой землѣ. Незамѣтно поднимаешься все выше и выше, горы разбѣгаются во всѣ стороны, стадами ходятъ по нимъ тѣни облаковъ и въ душѣ пробуждается то пріятное чувство, когда человѣкъ начинаетъ замѣчать, что онъ съ точекъ все болѣе и болѣе высокихъ смотритъ на окрестности, горизонтъ передъ нимъ расширяется и мѣстность становится все разнообразнѣе. Въ одномъ мѣстѣ (около Сергіевска) рядъ мѣстностей—съ поразительно краснымъ оттѣнкомъ отъ тинистой почвы; въ другомъ, нѣсколько сѣвернѣе рядъ горъ, образовавшихся будто отъ стока огромной массы воды, крутыя, смытыя водою покатости и груды каменьевъ, разбросанныхъ теченіемъ, въ третьемъ мѣстѣ горы идутъ какъ волны, поднимаются длиннымъ волокомъ и кончаются крутымъ скатомъ. Населеніе дѣлается все болѣе и болѣе рѣдкимъ, пашни разбросаны отдѣльными кусками по безпредѣльнымъ степямъ; среднее разстояніе между деревнями доходитъ до семи верстъ и начинаются безплодныя почвы. Тутъ царствуютъ степные ливни и степныя мятели, мгно-

венно налетаютъ черныя тучи; орлами несутся по небу со всѣхъ сторонъ въ шесть рядовъ облака, одни другихъ гуще, молнія всѣхъ цвѣтовъ разсыпается по степямъ, громъ, вѣтеръ; градъ и дождь сыпятся почти параллельно землѣ, такъ что на разстояніи десяти саженъ не видно избы; встрѣчая препятствіе, дождь разражается цѣлымъ каскадомъ брызговъ, но чрезъ полчаса небо опять ясно, въ воздухѣ тишина и свѣжесть и по скатамъ сплошною массою течетъ упавшая вода съ едва замѣтнымъ журчаньемъ; на переѣздѣ въ сорокъ верстъ можно три раза промокнуть до костей и три раза опять высохнуть. Эти ливни сносятъ всю почву съ вершины горъ въ долины и только лѣса удерживаютъ ее на своихъ мѣстахъ; гдѣ лѣса истреблены, тамъ горы обнажаютъ каменистыя или неспособныя къ воздѣлыванію вершины и почва изъ плодоносной дѣлается безплодной. Интересно прослѣдить пашни и луга отъ подошвы горы до вершины; густо колыхается рожь въ долинѣ, полновѣсные колосья гнутся и ломятся подъ тяжестью зерна, съ каждымъ шагомъ вверхъ колосья меньше, они не пригибаются такъ къ землѣ, рожь рѣже, еще далѣе они торчатъ, какъ щетина, наконецъ являются въ полѣ лысины, рѣдко разбросанные колосья представляютъ самый жалкій и печальный видъ. На этихъ полубезплодныхъ горахъ лѣсъ останавливается, какъ заколдованный на половинѣ своего роста; дубъ достигнетъ двухсаженной высоты и не поднимается ни на вершокъ далѣе; сухой серебристый ковылъ все болѣе преобладаетъ, на каменныхъ кучахъ, разбросанныхъ по степи, онъ колыхается вѣтромъ во всѣ стороны, какъ перья огромнаго шлема, передъ закатомъ лучи солнца играютъ въ немъ радугами на далекомъ пространствѣ, по его волнамъ, колыхаемымъ вѣтромъ, радуги быстро бѣгутъ рядами, догоняя другъ друга. Поэтически располагаются на этихъ степяхъ шалаши гуртовщиковъ, съ ихъ собаками и осѣдланными лошадками, безпечно бродятъ гурты овецъ по далекимъ степямъ и безпечный говоръ и хохотъ раздаются вокругъ огня пастуховъ, озаряющаго безлюдную степь. Общины дозволяютъ капиталистамъ пасти ихъ гурты за плату и, кажется, это единственное употребленіе, которое можно сдѣлать изъ этихъ земель. Горы все болѣе и болѣе исчезаютъ, какъ утихающія волны; исчезаютъ лѣса, все сильнѣе и сильнѣе дѣлается царство безплодія и кончается необозримыми песками. Тѣмъ же самымъ путемъ идетъ и царство засухи: чѣмъ меньше лѣсовъ, тѣмъ меньше влажности, чѣмъ больше песку, тѣмъ больше засухи, веселая зелень лѣсныхъ луговъ замѣняется какою-то поблекшею, траурною; песокъ и солнце сушатъ попеременно, радостный видъ болѣе южныхъ мѣстностей скоро исчезаетъ и настаетъ другая, не менѣе печальная пустыня, гдѣ лѣса сѣвера замѣняются песками юга.

По всему этому пространству протекаютъ сначала Кама, а потомъ Волга, съ апрѣля и до августа онѣ гонятъ весеннія воды къ Каспійскому морю, затопляя луга и равнины; то онѣ забредутъ въ густые лѣса, то, вырвавшись изъ тѣсноты и тѣни на свѣтъ и свободу, широко разливаются во всѣ стороны, привольно смотрится въ нихъ заря, не видно берега на далекомъ горизонтѣ и только гдѣ-нибудь двѣ мельницы, какъ будто волшебною силою, поднимаются надъ ними, въ воздухѣ. Высокія горы, то кудрявыя и лѣсистыя

то бѣлыя мѣловыя съ узоромъ отъ зеленыхъ деревьевъ, то обрывистыя и обнажающія горную формацію бѣгутъ съ одной стороны; чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ шире разбѣгается вода между зелеными островами, чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ разнообразнѣе и богаче становятся берега своими бахчами и плодоносными садами. Въ полосѣ, лежащей между Волгою и Ураломъ, давно уже начали появляться безплодныя мѣстности, а берега Волги все-еще плодоносны, горный берегъ далеко провожаетъ ее. Саратовъ живописно расположенъ между высокими горами, въ окрестныхъ горахъ видны не менѣе живописныя дачи; окрестности Саратова славятся своими садами; южнѣе Камышинъ—своими арбузами; въ Астрахани плодовые сады явно указываютъ приближеніе юга, она славится своимъ виноградомъ, тамъ есть сливы столь же вкусныя какъ персики; начиная съ іюля мѣсяца часть населенія питается плодами и хлѣбомъ; наконецъ устье Волги—это страна садовъ. Уже на одной широтѣ съ Самарой, плодовые сады, арбузы и бахчи становятся тѣмъ рѣже, чѣмъ далѣе заходишь на востокъ, хотя тамъ и растутъ родъ миндаля, бобовникъ и дикая вишня; изобиліе арбузовъ является вновь на казацкихъ земляхъ ближе къ Уралу: разница становится все значительнѣе, чѣмъ далѣе спускаешься на югъ. Населеніе становится все рѣже на безплодныхъ земляхъ вдали отъ рѣки и наконецъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ приходится всего 240 человѣкъ на квадратную милю, между тѣмъ по Волгѣ въ Саратовскомъ и Вольскомъ уѣздахъ почти по тысячѣ пятисотъ человѣкъ на квадратную милю, а въ Царицынскомъ все-еще болѣе шестисотъ человѣкъ.

Наконецъ и Волга не выдерживаетъ напора безплодія, исчезаютъ горы, торжественно текутъ ея воды между однообразными буграми безпредѣльныхъ песковъ; на берегахъ ея нѣтъ болѣе жатвы и кочующій калмыкъ устраиваетъ свое зимовье, разсыпается скотъ безконечнымъ табуномъ по монотонной равнинѣ и щиплетъ рѣдкую траву; сухой камышъ замѣняетъ лѣса и наконецъ является море.

Вотъ природа, съ которой здѣсь имѣетъ дѣло работникъ земледѣлецъ. Сколько разъ подвергала она его самымъ несправедливымъ и тяжкимъ упрекамъ. Земля у него черная, часто ея много, но обманчиво и не прочно это богатство; можетъ быть, только третья часть его пашенъ плодоносна, и часто ему приходится даромъ убивать свой трудъ и раскаяваться, что онъ повѣрилъ землѣ, гдѣ больше камня, чѣмъ почвы—кругомъ его трава, а косить онъ долженъ ѣздить за десять и болѣе верстъ. Что можетъ быть восхитительнѣе прогулки въ тихую лѣтнюю ночь по этимъ холмистымъ степямъ. Нѣжнымъ свѣтомъ освѣщаетъ луна лѣса и горы, и бросаетъ рѣзкія тѣни, таинственно тихо бродятъ табуны, гдѣ послышится лай, гдѣ фырканье лошади; кругомъ по лѣсамъ и горамъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ разведены огни—тутъ ночуютъ группами земледѣльцы и косцы; быстро несешься верхомъ по хребту горы, прислушиваясь къ топоту своей лошади, и не замѣчаешь, какъ идетъ время. Серьезно ругаютъ педанты земледѣльца за эти живописные огни, зачѣмъ онъ теряетъ время на далекіе переѣзды, а что ему дѣлать, если пашни и луга разбросаны по безплодной землѣ малыми клочками.

Въ жизни каждаго народа есть моментъ, когда соціальное положеніе рабочаго класса не обезпечено ничѣмъ отъ эксплуататора, когда у работника вырываютъ изъ рукъ наибольшую массу его произведеній и когда чрезъ это всей странѣ грозитъ обѣднѣніе. Этотъ моментъ на западѣ Европы совпадалъ со временемъ полной политической анархіи и это было счастливымъ для нея обстоятельствомъ; баронъ былъ полнымъ властелиномъ въ предѣлахъ своихъ имѣній, но за этими предѣлами оканчивалось его вліяніе. Если онъ дѣлался слишкомъ требовательнымъ относительно своихъ рабовъ и подвластныхъ, они уходили къ сильному сосѣду, или къ его врагу и владѣлецъ не имѣлъ болѣе возможности оттуда ихъ достать; въ городѣ они могли получить даже полную свободу. Россія пережила этотъ періодъ экономической зависимости въ первой половинѣ XVIII вѣка, при полномъ развитіи административной централизаціи. Въ государствѣ господствовали порядокъ и совершенное спокойствіе, высшія сословія тяготѣли надъ народомъ уже не въ видѣ отдѣльныхъ личностей, а цѣлою сплошною и вполнѣ организованною массою. Вотъ почему рабочему люду въ Россіи такъ трудно было избавляться отъ этого тяготѣнія и вотъ почему онъ сдѣлался бѣднымъ и слабымъ.

Безграмотный, разъединенный, не имѣющій никакого понятія о своихъ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ, воспитанный въ крѣпостной зависимости, русскій работникъ былъ поставленъ въ такое невыгодное положеніе относительно другихъ сословій, что онъ долженъ былъ пасть низко, неизмѣримо низко, и если онъ не впалъ въ совершенное рабство, какъ когда-то работникъ Римской имперіи, то это можетъ служить признакомъ превосходства его интеллектуальныхъ способностей.

Въ восточной Россіи частное землевладѣніе быстрыми шагами вело весь край къ обѣднѣнію. Лучшія земли, съ богатыми лѣсами и необходимымъ ихъ спутникомъ въ этихъ мѣстахъ, плодоносной почвой, сдѣлались собственностью частныхъ людей: иногда нѣсколько десятковъ верстъ приходится ѣхать живописнымъ лѣсомъ по владѣніямъ одного знатнаго господина. Разсчитывая на богатство своихъ земель, эти господа накладывали на своихъ крестьянъ значительные оброки, рублей двадцать съ тягла. Между тѣмъ подсобныхъ промысловъ тамъ нѣтъ, хлѣбъ покупать некому и потому цѣны на хлѣбъ самыя низкія, такъ что и казенные оброки и сборы были въ этихъ мѣстахъ отяготительны. Чтобы уплачивать ихъ, крестьянинъ долженъ былъ пустить въ ходъ всю свою способность переносить лишенія, ту способность, которая сдѣлала Россію бродячею, предпріимчивою не для того, чтобы обогащаться, а для того, чтобы терпѣть горькую нужду. Въ Самарской губерніи за неимѣніемъ подсобнаго промысла крестьянинъ въ рабочую пору бросалъ свои поля и свое семейство и отправлялся за нѣсколько сотъ верстъ косить ковылъ, или съ лошадью возить соль; онъ такъ бѣденъ, что не въ состояніи кормить во время пути свою лошадь овсомъ, онъ останавливается въ полѣ и кормитъ ее травою. Легко представить, какова работа этой лошади послѣ того, какъ она нѣсколько сотъ верстъ прошла съ возомъ, безъ овса, и потомъ должна приниматься за пашню. Все это такъ неблагопріятно отзы-

вается на породѣ лошадей, что я видѣлъ тамъ слабосильныхъ лошадей, походившихъ издали на теленка, а вблизи это была очень граціозная игрушка, но менѣе всего рабочая лошадь; даже ямщикъ тамъ иногда запрягаетъ лошадей малорослыхъ и слабосильныхъ, которые вскачь дѣлаютъ не болѣе десяти верстъ. Если для государственнаго крестьянина такъ трудно уплачивать свои сборы, то можно себѣ представить, какъ велики затрудненія земледѣльца, живущаго на частныхъ земляхъ, при уплатѣ оброка; во время освобожденія онъ готовъ былъ отдать всю свою землю, лишь бы освободиться отъ этой въ-конецъ разоряющей его тягости. До освобожденія могли уплачивать оброки при сколько-нибудь сносномъ существованіи только крестьяне, жившіе на лѣсистыхъ земляхъ, и уплачивали исключительно тѣмъ, что безъ сожалѣнія истребляли лѣса — мало того, что они рубили сами, сколько только могли, они дозволяли за деньги рубить окрестнымъ крестьянамъ, вводили ихъ въ лѣсъ, указывали имъ мѣста и затѣмъ, когда они кончали рубку, тогда съ вырубленнымъ лѣсомъ ихъ провожали до границы села. Познакомившись съ дѣломъ, ловкіе сосѣди и безъ дозволенія рубили на такихъ слабыхъ пунктахъ. Мнѣ случалось проѣзжать подобными лѣсами. Вдали отъ дорогъ, тамъ, гдѣ происходитъ подобная рубка, лѣсъ заваленъ валежникомъ, вездѣ замѣтны слѣды воровскихъ покушеній, въ одномъ мѣстѣ испорчено цѣлое дерево для того, чтобы вырубить деревянную часть сохи, въ другомъ большое пространство покрыто гніющими остатками рубки и не даетъ распускаться молодымъ побѣгамъ; однимъ словомъ повсюду слѣды неправильной рубки и лѣсоистребленія.

Если лѣсоистребленіе на помѣщичьихъ земляхъ было совершенною необходимостью для земледѣльца при томъ положеніи, въ которое онъ былъ поставленъ, то слѣдовало бы ожидать, что на земляхъ казенныхъ порядокъ вещей будетъ лучше. Для того, чтобы взглянуть на дѣло съ настоящей точки зрѣнія, не нужно упускать изъ виду, что въ Вятской губерніи частные землевладѣльцы дѣлались бичемъ для государственныхъ лѣсовъ; тамъ покупались имѣнія, чтобы обогатиться такимъ способомъ; подъ предлогомъ лѣса изъ собственныхъ дачъ, тамъ на огромныя суммы вывозился государственный лѣсъ. Въ мѣстностяхъ восточной Россіи, о которыхъ теперь говорится, я встрѣчалъ сцены назидательнаго свойства. Однажды я остановился въ лѣсистой мѣстности у богатаго крестьянина, на обязанности котораго лежало охраненіе лѣсовъ. Крестьянинъ этотъ былъ въ большихъ хлопотахъ; онъ угощалъ лѣсничаго и угощалъ такимъ образомъ, что я удивился, откуда у него берется такая роскошь; но онъ растолковалъ мнѣ, что для этого угощенія сдѣланъ былъ съ крестьянъ сборъ. Черезъ четырнадцать лѣтъ я проѣзжалъ по тому же мѣсту и нашелъ здѣсь только жалкіе остатки прежняго обильнаго лѣса. Въ другой разъ я посѣтилъ татарскую деревню, окруженную со всѣхъ сторонъ прекрасными лѣсами. Мой хозяинъ при мнѣ заключилъ сдѣлку на довольно значительную поставку лѣса и когда я его спросилъ, откуда онъ возьметъ лѣсъ для исполненія своего обязательства, тогда онъ мнѣ объявилъ съ наивною откровенностію, что онъ можетъ его вырубить безнаказанно изъ окру-

жающихъ лѣсовъ, потому что они собираютъ по рублю съ души для лѣсничаго каждый разъ, когда онъ останавливается въ деревнѣ. Тогда было время, теперь другое; мы не имѣемъ никакого права предполагать, что подобнаго рода злоупотребленія продолжаются и до сихъ поръ, но фактъ лѣсоистребленія существуетъ несомнѣнно и одинъ изъ его источниковъ, прямыя подати и оброки, попрежнему служитъ неодолимымъ препятствіемъ для поворота дѣла къ лучшему. На сѣверѣ Россіи мы видимъ борьбу противъ распространяющихъ луга и пашни лѣсныхъ пожаровъ, въ то время, какъ тамъ подобныя явленія иногда скорѣе полезны, чѣмъ вредны. На удобренной золою землѣ является растительность высшаго порядка, на мѣстѣ выжженнаго лѣса является лѣсъ лучшей породы; здѣсь же, гдѣ лѣсоистребленіе и распространеніе царства безплодія одно и тоже, здѣсь истребленіе лѣсовъ является необходимымъ послѣдствіемъ соціальной неурядицы. Только въ однихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ можно было замѣтить нѣкоторые признаки благосостоянія. На живописныхъ полянахъ расположенныхъ среди лѣсовъ тучные луга и плодоносныя пашни производили отрадное впечатлѣніе; подъѣзжая къ деревнѣ, нельзя было не порадоваться глядя на безчисленное множество скирдовъ съ хлѣбомъ, въ деревнѣ правда исключительно господствовала трехъоконная изба, но строеній было много, на многихъ дворахъ по двѣ большихъ избы и онѣ не обличали нищенства и разрушенія; у многихъ крестьянъ можно было встрѣтить лошадей удовлетворительнаго качества и пчелъ въ значительномъ запасѣ. — Все это очарованіе правда скоро разрушилось: при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи быта селеній, оказывалось, что большинство все-таки было бѣдно, что міроѣдство заѣдало сотни безпомощныхъ людей: въ то время, когда богатый міроѣдъ напивался съ своими пріятелями ромомъ, множество изъ зависящихъ отъ него бѣдняковъ ѣли весьма скудную пищу. Я въ домѣ одного богатаго міроѣда встрѣтилъ, вмѣстѣ съ членами его семейства, до пятидесяти человѣкъ работниковъ и работницъ. Этотъ бѣдный людъ, однакожъ, весьма дорожилъ своимъ жалкимъ положеніемъ; онъ зналъ, какая тяжкая нищета встрѣчается въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ. Онъ отвыкъ не ѣсть по суткамъ, а зналъ, что непремѣнно дойдетъ до этого, если прекратятся лѣсныя порубки, и онъ поддерживалъ право на лѣсоистребленіе еще съ большею энергіею, чѣмъ его богатый патронъ. На помѣщичьихъ земляхъ попытка противодѣйствовать лѣсоистребленію встрѣчала самое энергическое сопротивленіе. У управляющаго, который принималъ противъ него мѣры, жгли хлѣбъ, воровали оброчныя деньги, грозили его сжечь или убить. Сравнивая это селеніе съ окрестными, можно было понять такой образъ дѣйствія, они отстаивали свое право на существованіе. Частный землевладѣлецъ въ борьбѣ противъ лѣсоистребленія былъ похожъ на доктора, который помѣстилъ лихорадочнаго паціента въ страну лихорадокъ и потомъ старался лекарствами остановить развитіе болѣзни; завалы и разстройство организма должны были необходимо слѣдовать за такимъ образомъ дѣйствія. — Во всей Россіи можно было наблюдать признаки лѣсоистребленія на помѣщичьихъ земляхъ, вслѣдствіе подобныхъ же причинъ. Сравнивая губерніи, находящіяся

по-возможности въ одинаковыхъ условіяхъ, мы находимъ напр., что въ Вятской, гдѣ населеніе болѣе густое, чѣмъ въ Костромской, но гдѣ на частныхъ земляхъ живетъ относительно въ пять съ половиною разъ меньше людей, и лѣса истреблены менѣе. Въ Костромской губерніи лѣса всего болѣе истреблены на помѣщичьихъ земляхъ. У казны на 1,000 десятинъ земли приходится 833 дес. лѣсу, а у помѣщиковъ только 702 дес.; на душу государственныхъ крестьянъ приходится $17^1/_3$ дес. лѣсу, а на живущихъ въ земляхъ частныхъ только $9^1/_3$ дес. Въ Нижегородской губерніи, при относительно меньшемъ населеніи на частныхъ земляхъ, лѣсу несравненно больше, чѣмъ въ Симбирской, несмотря на то, что населеніе Нижегородской губерніи гуще симбирскаго. Въ Воронежской губерніи, гдѣ относительно меньшее населеніе на частныхъ земляхъ, чѣмъ въ Войскѣ Донскомъ, лѣса менѣе истреблены, хотя тамъ населеніе почти въ пять разъ гуще. (См. карту.)

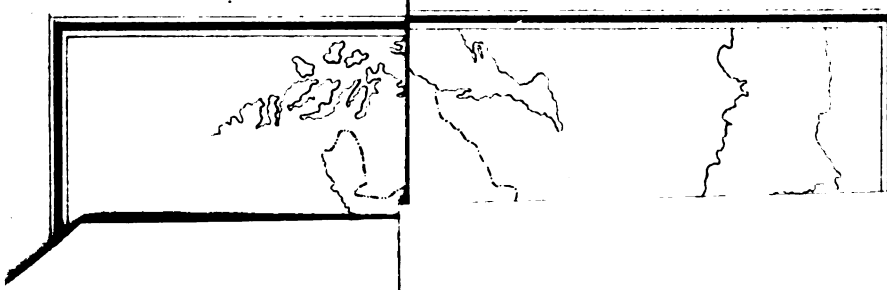
При сравненіи Курской и Тульской губерніи оказывается, что хотя Курская губернія и болѣе приближается къ Черному морю, т. е. къ безлѣсной полосѣ, и имѣетъ болѣе густое населеніе, однакожъ лѣса тамъ менѣе истреблены, зато въ Тульской губерніи населеніе на частныхъ земляхъ почти вдвое больше, чѣмъ въ Курской. Если сравнить между собою четырнадцать губерній такъ-называемой средней полосы, то рѣшительный перевѣсъ окажется на сторонѣ тѣхъ, у которыхъ меньше частныхъ земель. †)

---

†) Сравненіе лѣсовъ, для опредѣленія размѣровъ лѣсоистребленія, дѣло довольно затруднительное, потому что притомъ нужно принимать въ соображеніе обстоятельства весьма сложныя; кромѣ густоты населенія въ этомъ случаѣ весьма важную роль играетъ и то обстоятельство, что лѣсъ однообразно спускается отъ сѣверныхъ предѣловъ только до предѣловъ черноземной полосы, затѣмъ онъ идетъ не равномѣрными полосами, такъ что точныя сравненія въ губерніяхъ этой полосы вовсе невозможны, и только въ безлѣсныхъ южныхъ степяхъ обнаженныя степи распространяются такъ же единообразно, какъ на сѣверѣ лѣса. Сначала я помѣщу списокъ губерній, распредѣленныхъ по густотѣ населенія, и потомъ буду дѣлать разныя комбинаціи, которыя возможны для сравненія:

	на кв. м. приходится жителей:		на кв. м. приходится жителей:
1. Архангельская	20	19. Симбирская	1,340
2. Астраханская	94	20. Нижегородская	1,392
3. Олонецкая	125	21. Владимірская	1,415
4. Вологодская	135	22. Казанская	1,440
5. Войско Донское	338	23. Черниговская	1,514
6. Пермская	353	24. Ярославская	1,561
7. Оренбургская	384	25. Воронежская	1,600
8. Новгородская	481	26. Харьковская	1,610
9. Таврическая	548	27. Бессарабская	1,619
10. Самарская	584	28. Тамбовская	1,643
11. Костромская	741	29. Пензенская	1,711
12. Вятская	852	30. Калужская	1,720
13. Псковская	901	31. Орловская	1,785
14. Екатеринославская	983	32. Рязанская	1,864
15. Херсонская	1,018	33. Тульская	2,069
16. Смоленская	1,117	34. Полтавская	2,117
17. Саратовская	1,137	35. Курская	2,228
18. Тверская	1,311	36. Московская	2,595

съ раздѣленіемъ на д[illegible]бѣлѣсныя полосы; и съ обозначе
ніемъ въ каждой [illegible]тныхъ земляхъ; процентнаго



Какъ скоро въ послѣднее время въ Таврической губерніи увеличилось число частныхъ земель, лѣсоистребленіе приняло такіе размѣры, что правитель-

---

Изъ мѣстностей съ болѣе или менѣе одинаковою густотою населенія Архангельская и Астраханская губерніи не могутъ подлежать сравненію, по совершенно различному положенію, а Олонецкая и Вологодская потому, что тутъ не можетъ быть и рѣчи объ лѣсоистребленіи: и тутъ и тамъ 96% лѣсовъ и безплодныхъ земель.—Сравненіе между губерніями Пермской, Оренбургской и Войскомъ Донскимъ не можетъ дать результата, потому что Пермская губернія вся находится въ странѣ лѣсовъ, въ Оренбургской губерніи часть находится въ безлѣсной степи и тамъ же находится все Войско Донское.—Войско Донское съ Астраханской губерніею нельзя сравнивать, потому что астраханская песчаная степь дотого безплодна, что безплодныя мѣста тамъ опредѣляются въ 93% всего пространства, а въ Войскѣ Донскомъ безплодныя земли составляютъ всего 10%.—Сравненіе Пермской и Вологодской губерніи даетъ такой результатъ, что при меньшемъ населеніи на частныхъ земляхъ въ Вологодской губерніи относительное количество лѣсовъ оказывается бо̀льшимъ, но въ Пермской губерніи населеніе гуще и притомъ тамъ горные заводы, такъ что я не считаю возможнымъ приписать уменьшеніе лѣсовъ въ Пермской губерніи вліянію одного помѣщичьяго землевладѣнія.—Новгородская губернія не имѣетъ для себя сравненія.—Таврическую и Самарскую губернію сравнивать нельзя по разности ихъ положенія, но Таврическую губернію можно сравнивать съ Войскомъ Донскимъ и тогда окажется, что при болѣе густомъ населеніи въ Таврической губерніи меньше живущихъ на частныхъ земляхъ и больше лѣсовъ, а въ Войскѣ Донскомъ, при болѣе рѣдкомъ населеніи и большемъ количествѣ живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, меньше лѣсовъ.—Въ губерніяхъ Вологодской и Пермской, при меньшемъ населеніи на помѣщичьихъ земляхъ, больше лѣсовъ, чѣмъ въ Костромской, но это можетъ быть объяснено болѣе густымъ населеніемъ Костромской губерніи, чѣмъ объясняется и меньшее количество лѣсовъ въ Вятской губерніи въ сравненіи съ Пермской и Вологодской. — Сравненіе Псковской губерніи съ Новгородской не даетъ результата; въ Новгородской губерніи больше помѣщичьихъ земель и больше лѣса, но это должно быть приписано тому, что въ Псковской губерніи почти вдвое болѣе густое населеніе, чѣмъ въ Новгородской, и что она болѣе отдалена отъ сѣверныхъ лѣсовъ —Сравненіе Екатеринославской губерніи съ Войскомъ Донскимъ и съ Таврической даетъ результатъ не надежный, ибо хотя притомъ оказывается, что въ этихъ трехъ губерніяхъ тѣмъ меньше лѣса, чѣмъ больше частныхъ земель, но зато-же въ Екатеринославской губерніи болѣе густое населеніе.—При сравненіи Смоленской губерніи съ Новгородской и Псковской результатъ не рѣшителенъ: при болѣе густомъ населеніи и большемъ количествѣ частныхъ земель въ Смоленской губерніи меньше лѣсовъ.—Точно также въ Саратовской губерніи при болѣе густомъ населеніи и большемъ количествѣ частныхъ земель, чѣмъ въ Самарской, оказывается меньше лѣсу.—Тверская губернія по густотѣ населенія всего ближе подходитъ къ Симбирской и Нижегородской, но ихъ сравнивать нельзя, потому что онѣ лежатъ въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ, но зато-же сравненіе губерній Симбирской, Казанской и Нижегородской даетъ результатъ весьма рѣзкій: въ Симбирской губерніи всего больше частныхъ земель, зато же и всего меньше лѣсовъ, въ ней меньше лѣсовъ, чѣмъ въ Казанской губерніи; хотя въ этой губерніи населеніе значительно гуще: на каждую квадратную милю приходится сто человѣкъ больше, чѣмъ въ Симбирской.—Владимірская губернія между всѣми своими сосѣдками по густотѣ населенія сходится только съ Нижегородскою, но тутъ населеніе на частныхъ земляхъ одинаковое.—Малороссійскія губерніи нельзя сравнивать между собою, вслѣдствіе боль-

ство стало предлагать владѣльцамъ вымѣнять ихъ лѣса на другія земли, а земскія собранія, опасаясь за окончательное истребленіе лѣсовъ, не знали, какъ помочь горю.

шой разницы въ густотѣ ихъ населенія; — по той же причинѣ нельзя сравнивать Ярославскую губернію съ своими сосѣдками.

Сравненіе губерній средней полосы даетъ слѣдующій результатъ.

а) Губерніи, гдѣ больше частныхъ земель	Жителей на кв. милю	Проц. населенія на частныхъ земляхъ	Проц. лѣсовъ относит. пространства	Проц. лѣсовъ относит. пространства	Проц. населенія на частныхъ земляхъ	Жителей на кв. милю	б) Губерніи, гдѣ меньше частныхъ земель	
1. Костромская. . .	741	69	67	92	34	135	. . . Вологодская	1
2. Новгородская . .	481	62	62	73	40	353	. . . . Пермская	2
3. Нижегородская .	1,392	64	49	68	12	852	. . . . . Вятская	3
4. Псковская. . . .	901	59	48	51	16	384	. . Оренбургская	4
5. Владимірская . .	1,415	64	46	40	15	1,440	. . . . Казанская	5
6. Ярославская . .	1,561	57	34	38	51	2,595	. . . Московская	6
7. Тверская	1,311	54	31	35	40	1,711	. . . Пензенская	7

Тутъ видно, что лѣсоистребленіе имѣло мѣсто на помѣщичьихъ земляхъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ нетолько тамъ, гдѣ населеніе болѣе густое, но и тамъ, гдѣ оно болѣе рѣдкое; въ губерніяхъ Ярославской и Тверской лѣса больше истреблены, чѣмъ въ Пензенской и Московской, несмотря на болѣе сѣверное положеніе и болѣе рѣдкое населеніе. Если для окруженія мѣстности выбросить губерніи Пензенскую и Псковскую, или вмѣсто Псковской поставить Смоленскую, то результатъ выйдетъ еще болѣе рѣзкій. Въ первомъ случаѣ цифры процентнаго отношенія лѣсовъ будутъ сопоставлены такъ (67—92) (62—73) (49—68) (46—51) (34—40) (31—38); а во второмъ (67—92) (62—73) (49—68) (46—51) (34—40) (34—38) (31 — 35), такъ какъ въ Смоленской губерніи 1,117 жителей на кв. милю, 69% населенія живетъ на частныхъ земляхъ и 34% пространства занято лѣсами.

Обозрѣвая всю картину нашего лѣснаго царства, мы видимъ, что лѣса у насъ спускаются сначала единообразно отъ сѣверныхъ тундръ до тѣхъ поръ, пока не встрѣчаются съ помѣщичьими землями, тутъ они густою полосою двигаются далѣе на югъ, на востокъ и на западъ, а въ срединѣ рѣдѣютъ: здѣсь густота населенія и относительное количество помѣщичьихъ земель оспариваютъ другъ у друга пальму первенства въ дѣлѣ лѣсоистребленія и если густота населенія въ Пензенской губерніи взяла верхъ надъ большимъ количествомъ помѣщичьихъ земель въ Симбирской и истребила лѣсовъ больше на два процента, то частныя земли Тульской губерніи одержали самую рѣшительную побѣду надъ густотою населенія въ Московской и истребили на тридцать процентовъ больше лѣсовъ. Въ Тамбовской и Пензенской побѣда не остается ни на одной сторонѣ.

Скоро можно замѣтить, что существуетъ еще третій дѣятель, который имѣетъ большое значеніе при распредѣленіи лѣсовъ, это—безплодіе почвы; его вліяніе начинается уже съ крайняго сѣвера. Въ Архангельской губерніи 64% безплодныхъ земель, въ Олонецкой 16%, а въ Вологодской только 4%, зато въ первой 35%, во второй 80%, а въ третьей 92% лѣсовъ. Во всей полосѣ начиная отъ Вятской губерніи и кончая Псковскою, количество безплодныхъ земель постоянно возрастаетъ до Тверской и затѣмъ уменьшается въ Псковской, точно также количество лѣсовъ постоянно уменьшается и достигаетъ своего минимума въ Тверской губерніи и вдругъ возрастаетъ въ Псковской.—Въ слѣдующей затѣмъ полосѣ количество лѣсовъ от-

Тульская губернія представляетъ собою замѣчательное доказательство того, какъ вліяютъ на наше лѣсное хозяйство частныя земли. Она окружена губерніями Московской, Калужской, Орловской и Рязанской, между всѣми этими губерніями въ Тульской самое большое населеніе на частныхъ земляхъ, зато-же всего 8% пространства покрыто лѣсомъ, въ то время, какъ ни въ одной изъ прочихъ губерній нѣтъ меньше 22% лѣса. Московская губернія имѣетъ въ своемъ центрѣ столицу, въ ней приходится на каждую квадратную милю пятьсотъ человѣкъ больше чѣмъ въ Тульской, несмотря на это въ ней лѣсовъ почти въ четыре съ половиною раза больше, чѣмъ въ Тульской; зато же въ Тульской 70% населенія живетъ на помѣщичьихъ земляхъ, а въ

носительно незначительно въ Казанской губерніи, и быстро возрастаетъ подвигаясь къ западу; однакоже въ Симбирской нѣкоторое безплодіе почвы и въ особенности большое количество частныхъ земель вдругъ сильно уменьшаютъ количество лѣсовъ въ сравненіи съ губерніями Казанской и Нижегородской; во Владимірской лѣса уменьшаются отъ густоты населенія, а въ Московской чрезмѣрная густота населенія и большое безплодіе почвы не могутъ привести къ тому же результату, къ которому приводятъ частныя земли въ Симбирской и въ Смоленской губерніи, гдѣ лѣса болѣе истреблены несмотря на рѣдкость населенія и меньшее количество безплодныхъ земель.—Въ слѣдующей затѣмъ полосѣ лѣса сохраняютъ свою густоту до южной границы Симбирской губерніи; въ Рязанской губерніи три причины соединяются, чтобы уменьшить ихъ на цѣлую треть въ сравненіи съ Пензенской, это густота населенія, большое количество частныхъ земель и возрастаніе безплодной почвы: въ Пензенской губерніи приходится 370 человѣкъ болѣе на каждую квадратную милю, чѣмъ въ Симбирской, и отъ того количество лѣсовъ уменьшилось,.. однакоже только менѣе чѣмъ на одну осьмнадцатую часть;.. если мы на долю густоты населенія и безплодности почвы положимъ уменьшеніе лѣсовъ въ Рязанской губерніи на одну шестую часть, то все-таки придется болѣе одной шестой на долю частныхъ земель; и это весьма осязательно оправдывается въ сосѣдней Тульской губерніи, гдѣ вліяніе болѣе густаго населенія уравновѣшивается уменьшеніемъ безплодныхъ почвъ, но еще болѣе быстрое возрастаніе частныхъ земель уменьшаетъ лѣса почти на двѣ трети. Лѣса снова быстро возрастаютъ въ Калужской губерніи, гдѣ разомъ уменьшается и густота населенія и количество частныхъ земель.—Далѣе водворяется совершенное безлѣсіе на южныхъ безплодныхъ частяхъ Оренбургской и Самарской губерній и количество лѣсовъ постепенно увеличивается по направленію этой полосы на западъ: въ Саратовской губерніи она достигаетъ 10% пространства, въ Тамбовской 17% и наконецъ въ Орловской 23%; тутъ зараза степнаго безлѣсія уничтожаетъ вліяніе и частныхъ земель и густоты населенія и безплодія.—Тѣмъ же путемъ идетъ безлѣсіе и въ слѣдующей полосѣ: тутъ лѣса возрастаютъ въ Воронежской губерніи, а въ Курской густота населенія соединяется съ увеличеніемъ частныхъ земель и мѣшаетъ возрастанію; они быстро увеличиваются въ губерніи Черниговской, гдѣ населеніе рѣже и количество частныхъ земель меньше.—Въ слѣдующей полосѣ густота населенія оказываетъ рѣшительное вліяніе: лѣса возрастаютъ въ Харьковской губерніи и быстро уменьшаются въ Полтавской.—Изъ южныхъ частей Астраханской губерніи совершенное безлѣсіе грозно идетъ къ прибрежьямъ Чернаго моря, но лѣса все-таки быстро возрастаютъ въ Войскѣ Донскомъ и вдругъ уменьшаются въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, что всего болѣе нужно приписать увеличенію частныхъ земель.

Московской только 51%. Послѣ Тульской изъ поименованныхъ пяти губерній всего больше населенія на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніи Калужской: губернія эта славилась своими лѣсами, въ ней было 1,240,910 десятинъ лѣсу, а теперь всего 723,206 десятинъ и въ томъ числѣ строеваго уже только 399,853 десятины. Теперь въ ней лѣсу несравненно меньше, чѣмъ въ Московской, несмотря на густоту населенія Московской губерніи и на большія требованія столицы. Зато же въ Московской губерніи только 51% населенія живетъ на помѣщичьихъ земляхъ, а въ Калужской 64%.

Наступилъ день освобожденія — что будетъ? лѣса отходятъ къ помѣщикамъ, не положитъ ли это предѣла лѣсоистребленію? Нисколько—главная причина лѣсоистребленія остается въ своей силѣ, это спекуляціи помѣщиковъ и заманчивыя для нихъ предложенія лѣсопромышленниковъ. Рязанская губернія славилась своими дремучими лѣсами. Теперь отъ многихъ славныхъ въ прежнее время засѣкъ, считавшихъ въ себѣ десятки тысячъ десятинъ строеваго лѣса, остались только одни названія. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія считалось въ Рязанской губерніи въ полтора раза больше лѣса, чѣмъ теперь. Въ настоящее время въ Рязанской губерніи только 22% пространства считается подъ лѣсомъ и какой это лѣсъ, въ иной дачѣ $^4/_5$ составляетъ уже одно болото, въ другой $^3/_4$ состоитъ изъ кустарника или сыпучаго песку. Предполагаютъ, что если исключить считающіеся офиціально лѣсомъ гари, пески, болота, даже сѣнокосы, пашни и усадьбы, то придется исключить цѣлую треть мнимыхъ лѣсовъ. Лѣса Рязанской губерніи были бы вѣроятно еще болѣе истреблены, еслибы они не сохранились въ болѣе значительныхъ количествахъ на надѣлахъ государственныхъ крестьянъ. Изъ своихъ надѣловъ эти крестьяне сохранили двѣ седьмыхъ подъ лѣсомъ, а помѣщики на своихъ земляхъ только три четырнадцатыхъ, т. е. на двадцать пять процентовъ меньше. Только шестая часть казеннаго лѣса находится тамъ въ вѣдѣніи казны, остальное въ крестьянскомъ надѣлѣ. Въ Казанской губерніи лѣса всего болѣе сохранились въ западныхъ и сѣверо-западныхъ ея частяхъ, гдѣ живутъ почти исключительно одни государственные крестьяне. Въ этой губерніи помѣщикамъ и удѣлу принадлежитъ пятая часть всей земли и только седьмая часть всѣхъ лѣсовъ. Въ Спаскомъ уѣздѣ земля между казною и помѣщиками раздѣляется почти по ровну, между тѣмъ на казенныхъ земляхъ 108,558 десятинъ лѣсу, а на помѣщичьихъ всего 54,280 десятинъ. Главная причина, почему такъ истребляются лѣса, находящіеся въ распоряженіи помѣщиковъ и казны, т. е. крупныхъ владѣльцевъ, заключается въ томъ, что они извлекаютъ изъ нихъ доходъ давая рубить лѣсопромышленникамъ. Лѣсопромышленники же, при огромныхъ средствахъ къ лѣсоистребленію, заботятся только о томъ, чтобы извлечь какъ можно больше для себя выгодъ. Въ Рязанской губерніи помѣщичьи дачи въ особенности славились богатствомъ своего лѣса и такимъ путемъ подвергались большому опустошенію. Промышленники покупали у помѣщиковъ лѣса на срубъ безъ разбора, истребляли ихъ цѣлыми полосами. На слѣдующій годъ помѣщики въ истребленную полосу пускали скотъ, который уничтожалъ молодые побѣги. Лѣсъ обращался въ поле, на которомъ оставались одни гніющіе

корни. Въ Костромской губерніи помѣщики могли получать строевой и дровяной лѣсъ съ Волги почти за безцѣнокъ и не находили никакой выгоды беречь лѣсъ, они пускали въ дачи лѣсопромышленниковъ съ топора и съ пары лошадей и предоставляли имъ распоряжаться тамъ по произволу, или продавали промышленникамъ бревна на выборъ изъ цѣлой дачи и не обращали никакого вниманія, когда покупщики массами губили по одной небрежности молодыя деревья и засаривали лѣсъ. Богатые помѣщики владѣли преимущественно большими лѣсными пространствами — это были настоящіе лѣсоистребители; живя въ отдаленныхъ мѣстахъ, многіе изъ нихъ вовсе и не видали своихъ лѣсовъ, они заботились только о томъ, какъ бы получить деньги отъ лѣсопромышленниковъ, и не обращали никакого вниманія на уничтоженіе лѣснаго богатства. Какъ относится крупное землевладѣніе къ дѣлу лѣсоистребленія, видно ясно изъ того, что даже въ Бессарабской области, гдѣ всего 9% пространства находится подъ лѣсомъ, помѣщики не находятъ другой возможности извлекать достаточный доходъ изъ своихъ лѣсовъ, какъ предоставляя ихъ на истребленіе лѣсопромышленникамъ; они даже мало заботятся объ этомъ истребленіи и признаютъ, что для нихъ выгодно взять сначала порядочныя деньги отъ лѣсопромышленника, а потомъ обратить бывшее лѣсное пространство подъ пашню или подъ луга. Валовыя порубки, въ особенности посредствомъ лѣсопромышленниковъ, причинили не меньше вреда и лѣсамъ, находящимся во владѣніи казны. Въ западной части Казанской губерніи, въ то время, какъ крестьяне, даже среди лѣсовъ, такъ мало употребляли лѣснаго матерьяла, что терпѣли отъ этого лишенія, лѣсопромышленники истребляли его самымъ безжалостнымъ образомъ. Подобными валовыми порубками истреблены были богатые лѣса Воронежской губерніи. Кромѣ истребленія посредствомъ лѣсопромышленниковъ помѣщики истребляли лѣса и гибельными для него производствами въ большихъ размѣрахъ. Такъ въ Казанской губерніи и окрестныхъ мѣстахъ помѣщики истребляли свои лѣса чрезъ поташное производство. Одна изъ самыхъ важныхъ причинъ лѣсоистребленія на помѣщичьихъ земляхъ по всей Россіи это были споры и ссоры помѣщиковъ. Заспоривъ о наслѣдственной землѣ, помѣщики тотчасъ истребляли на ней лѣсъ, чтобы онъ не достался при неудачномъ исходѣ дѣла другому. Какъ сильно дѣйствуетъ эта причина, можно видѣть изъ того, что едвали не во всѣхъ губерніяхъ помѣщичьи лѣса такъ плохо обмежеваны, что можно только приблизительно опредѣлить ихъ количество; такъ что даже размѣры казенныхъ и крестьянскихъ лѣсовъ несравненно болѣе приведены въ извѣстность. Все это приводитъ къ тому заключенію, что лѣса въ самыхъ лучшихъ рукахъ, если они находятся въ общинномъ владѣніи крестьянъ, не вынужденныхъ истреблять ихъ для уплаты оброковъ и сборовъ.

Когда объявлено было крестьянамъ лѣсистыхъ мѣстностей положеніе 19 февраля, оно ихъ сильно взволновало. Лѣса отойдутъ, а оброки останутся: какъ поступить въ такихъ обстоятельствахъ? спрашивали они другъ друга. Въ то время когда помѣщики, испугавшись уменьшенія оброковъ, хлопотали о томъ, нельзя ли придумать какіе-нибудь добавочные платежи, и это имъ

удавалось во многихъ частяхъ Россіи, крестьяне, гдѣ у нихъ не было другаго промысла, кромѣ лѣса, предвидѣли для себя разореніе даже и въ томъ случаѣ, если оброки ихъ уменьшатся. Единственная надежда поправиться и защитить себя отъ нужды и тяжкихъ недоимокъ возлагалась на страдное время, — когда наступитъ крайняя необходимость въ уборкѣ хлѣба, рукъ не будетъ, они будутъ брать съ землевладѣльца по пяти рублей, чтобы сжать десятину, и расквитаются съ оброками. Увы, надежда ихъ жестоко обманула, землевладѣлецъ скоро догадался, какъ ему поступить. Такъ-называемые ловкіе люди изъ землевладѣльцевъ пустились въ ремесло міроѣдовъ и съ восторгомъ разсказывали о выгодахъ этого ремесла. Лѣсныя селенія, несмотря на кажущееся свое благосостояніе, представили имъ для этого богатую жатву. Наперерывъ являлись нуждающіеся: кто просилъ хлѣба, кто денегъ или зачета оброка и обязывались отработать въ страдное время уборки хлѣба, сбивая цѣны дотого, что обработка полей съ такимъ пособіемъ дѣлалась весьма выгодною. Но плохая жизнь земледѣльца, который долженъ оставлять свое поле въ то время, когда рожь ложится и зерно выпадаетъ, или свой лугъ, когда трава чернѣетъ отъ дождей, и спѣшить на работу къ другому; онъ правильно говоритъ, что онъ продаетъ свою жизнь и жизнь своихъ дѣтей.

Мы оставили за собою лѣса, съ ихъ тучными полями и отраднымъ видомъ, они далеко отступили кругомъ на край самаго горизонта и передъ нами стелется далекая, волнистая степь. Изба съ соломенною крышею исключительно господствуетъ въ деревняхъ повсюду на помѣщичьихъ земляхъ, а мѣстами и на государственныхъ, вмѣсто трехъоконной преобладаетъ двухъоконная изба, съ жалкими, маленькими дырами вмѣсто оконъ. Лѣса нѣтъ, промысловъ не имѣется—чѣмъ платить оброки? Передъ глазами безконечная зеленая степь, вотъ источникъ прекрасный, что же можетъ быть естественнѣе, какъ плодить скотъ въ подобныхъ мѣстахъ; но увы! скотоводство здѣсь нетолько не представляетъ особенныхъ выгодъ, а часто убыточно. Я встрѣчалъ здѣсь благоразумныхъ хозяевъ, которые держали скотъ только для унаваживанія полей. Падежи скота—бичъ здѣшняго скотоводства. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть многочисленное стадо въ нѣсколько сотъ головъ, которое черезъ годъ невозможно было узнать, оно сокращалось въ десять, въ пятнадцать разъ и жалкіе три десятка коровъ и телятъ разсыпанные въ полѣ составляли все богатство деревни съ населеніемъ въ шестьсотъ или восемьсотъ человѣкъ. На частныхъ земляхъ, въ подобныхъ мѣстностяхъ нерѣдко бывали случаи, что сынъ крестьянина, считавшагося зажиточнымъ, шелъ на сторону для заработковъ. Земли меньше, чѣмъ у государственныхъ, хлѣбъ дешевый, кому продавать—на сельское населеніе почти въ полтора милліона приходилось не много больше сорока тысячъ городскаго населенія. На этихъ такъ часто не плодородныхъ земляхъ землевладѣльцы хвалились тѣмъ, что крестьяне какъ въ Сибири ѣдятъ пшеничный хлѣбъ, а крестьянинъ упражнялся въ искусствѣ мало ѣсть, онъ ѣстъ такъ медленно, что можно было подумать, что онъ пережевываетъ жвачку, такимъ образомъ онъ достигаетъ возможности насыщаться весьма малымъ количествомъ пищи. Могу увѣрить землевладѣльцевъ этого края, что въ Сибири

нѣтъ крестьянъ такихъ бѣдныхъ, какъ живущіе здѣсь на помѣщичьихъ земляхъ. Въ Сибири жалкій, бѣдный народъ, какъ можно было видѣть изъ предъидущаго описанія, но онъ все-таки въ массѣ зажиточнѣе крестьянъ, живущихъ здѣсь нетолько на помѣщичьихъ безлѣсныхъ, но и на частныхъ лѣсистыхъ земляхъ. Несчастнѣе этихъ можно найти развѣ только на крайнемъ сѣверѣ. Мудрено ли, что это такъ: у нихъ земли меньше, чѣмъ у сосѣдей, и земля болѣе плохая, а платежи болѣе значительные.

Чтобы дать понятіе о положеніи крестьянина на помѣщичьихъ земляхъ бѣдныхъ лѣсами, я опишу деревню въ многоземельной полосѣ, находящейся между Казанской и Астраханской губерніями. Деревня эта находится въ глуши вдали отъ всякихъ оживленныхъ путей сообщенія и крестьяне не имѣютъ подсобныхъ промысловъ. Земли у нихъ до освобожденія было много, но она была камениста и совершенно безплодна, и они отъ нея отказались, потому что предвидѣли, что не будутъ въ состояніи уплатить за такую землю оброкъ. Они имѣли еще то несчастье, что стояли на краю безлѣсія — у сосѣдей былъ уже богатый лѣсъ.

Въ живописной мѣстности, прислонясь къ каменистой горѣ, стоитъ эта деревенька, обширно раскинутая среди веселой зелени огородовъ. Когда цвѣтетъ липа, ароматъ изъ большаго сосѣдняго лѣса носится надъ привѣтливыми домиками поселянъ—невольно позавидуешь людямъ, которые живутъ въ такой благотворной обстановкѣ. Домики у нихъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ построекъ, не видно богатства, но не видно и поражающей бѣдности, обыкновенная въ безлѣсныхъ мѣстахъ двухъоконная изба, обыкновенныхъ размѣровъ господствуетъ почти исключительно. Путникъ проѣхалъ бы мимо этой деревни не обративъ на нее никакого вниманія. Населеніе этой деревни состояло изъ трехсотъ человѣкъ. Въ первой по порядку избѣ жило семейство, состоявшее изъ осьми человѣкъ. Мужъ флегматикъ, здоровая и сильная жена и шесть человѣкъ дѣтей, все дѣвочки. Содержать имъ свое семейство было такъ трудно, что жена, даже во время беременности, должна была отправлять всѣ сельскія работы и эта образцовая мать, это энергическое и трудолюбивое существо народила разслабленныхъ дѣтей, прекрасная раса выродилась. Что можетъ быть естественнѣе, можетъ ли развиться правильно зародышъ, когда беременная мать должна косить. Подумайте на минуту, читательница, каково бы было у васъ на душѣ, когда бы вы трудились до изнуренія, трудились съ геройствомъ, чтобы поддержать жизнь и здоровье вашего семейства и когда бы вы видѣли, что съ чѣмъ большимъ самопожертвованіемъ вы вынуждены трудиться, тѣмъ болѣе ваши усилія приносятъ гибели вашему семейству. Рядомъ въ избѣ очень хорошаго вида жило семейство изъ семи человѣкъ и въ томъ числѣ два взрослыхъ работника. Они за нѣсколько лѣтъ до освобожденія были разорены переселеніемъ, у нихъ остался одинъ слѣдъ прежняго благосостоянія, это—изба, которую они вымѣняли на прежнее свое жилище. У нихъ впрочемъ былъ кой-какой скотъ, но дѣти въ этой семьѣ говорили, что имъ приходится иногда голодать по два и по три дня и имъ случается даже прибѣгать къ нищенству. Можетъ ли быть жизнь безъ несчастныхъ случайностей.

По разсчетамъ, сдѣланнымъ администраціею, два процента всего сельскаго населенія погораетъ каждый годъ, въ пятьдесятъ лѣтъ пожары обойдутъ всѣхъ, а кромѣ того неурожай, падежъ скота, холера и повальныя болѣзни. Если крестьянинъ въ такомъ положеніи, что послѣ подобныхъ случаевъ онъ не можетъ быстро поправиться, то бѣдность неизбѣжно должна обхватить мало по малу всю страну. Сколько тысячъ жертвъ попадаютъ каждый годъ подъ подобный бичъ. На помѣщичьихъ земляхъ стоитъ земледѣльцу разъ разориться, чтобы не подняться никогда. Вотъ вамъ примѣръ назидательный: то было небольшое семейство, съ двумя прилежными и трезвыми работниками; но оно погорѣло, и послѣ того билось, билось, никакъ не могло выбиться изъ нужды. Гдѣ встрѣтишь подобное положеніе, тамъ можно опасаться, чтобы въ два-три какихъ-нибудь поколѣнія не исчезъ цѣлый крестьянскій родъ. Въ слѣдующей избѣ было семейство изъ пяти человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ работникъ, одинъ идіотъ, одинъ калѣка, одна совершенно больная цынгою отъ недостатка соли и одна здоровая женщина; вся обстановка этой семьи носила на себѣ печать крайней бѣдности: скота не было, лошадь была поразительной худобы, тутъ распространяться нечего, факты краснорѣчивѣе словъ. Затѣмъ слѣдовала изба, находившаяся въ совершенномъ порядкѣ и обличавшая благосостояніе. Въ ней жило девять человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ работникъ, хозяинъ этого дома, человѣкъ рѣдкаго ума и дѣятельности: несмотря на то, что его сына забрили въ солдаты и у него на рукахъ осталось такое огромное семейство, онъ имѣлъ скотъ и пчелъ и дѣлалъ разные удачные обороты; жить конечно было все-таки очень трудно и дѣло не обходилось безъ нужды, и онъ помогъ себѣ тѣмъ, что рѣшился выдать красавицу дочь за богатаго сектатора, дочь его чувствовала себя совершенно счастливою и не мѣшала своимъ родителямъ доходить до нужды. Сначала крестьянъ непріятно поразила его рѣшимость, а потомъ они всѣ стали ему завидовать. Далѣе жилъ богатый мужикъ міроѣдъ: его семейство состояло изъ тринадцати человѣкъ, въ томъ числѣ пять работниковъ, изъ нихъ три молодца въ двадцатыхъ годахъ жизни, у него было пятьдесятъ ульевъ пчелъ, шесть ѣзжалыхъ лошадей и четыре подростка; однакоже и этотъ крестьянинъ рыбу ѣлъ только въ значительные праздники, а мясо только въ скоромные дни зимой и только два раза въ недѣлю; разъ пять въ году въ семействѣ пили вино и напивались пьяными. Потомъ слѣдовали три семейства, которыя не знали нужды, но мясо ѣли только зимой по праздникамъ, въ одномъ вовсе не пили вина, въ двухъ пили три раза въ годъ, въ трехъ семействахъ было семь работниковъ и шестнадцать человѣкъ прочаго населенія. Въ той же половинѣ деревни былъ еще одинъ міроѣдъ, онъ стяжалъ всѣми средствами и былъ даже не прочь украсть: тутъ на семью изъ пяти человѣкъ было три работника, у нихъ было четыре ѣзжалыхъ лошади и три подростка, по жизни они близко подходили къ описанной богатой семьѣ міроѣдовъ. Кромѣ того было четыре семьи, гдѣ ѣли только хлѣбъ и картофель: тутъ было восемь работниковъ и одиннадцать человѣкъ прочаго населенія; — три семьи, которымъ приходилось по-временамъ голодать: тутъ было три работника и де-

сять человѣкъ прочаго населенія; — четыре семьи, гдѣ вполнѣ голодали, голодъ тутъ былъ постояннымъ гостемъ и гнетущая нужда совершенно уничтожала ихъ существованіе; между этими несчастными людьми было три работника, одинъ идіотъ, одинъ параличный, одинъ съ килою, одинъ постоянно больной, двѣ постоянно больныхъ женщины и десять человѣкъ прочаго населенія.

Невольно краснѣешь отъ стыда, когда приходится дѣлать подобныя описанія. Я описалъ одну улицу и мнѣ трудно продолжать, потому что мнѣ не предстоитъ ничего лучшаго. Въ цѣлой деревнѣ не оказывается ни одного человѣка, который бы могъ постоянно ѣсть рыбу и мясо; пройдите по всей восточной Россіи, посѣтите самыя богатыя селенія, построенныя на владѣльческихъ земляхъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ болѣе или менѣе значительное рабочее населеніе живетъ на хозяйскихъ хлѣбахъ, вы не найдете ни одного земледѣльца, который бы ѣлъ постоянно рыбу и мясо круглый годъ, а если вы найдете такого, то это непремѣнно будетъ капиталистъ, онъ пользуется этимъ удобствомъ уже насчетъ чужаго труда. Между тѣмъ нѣкоторая часть этого населенія живетъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рыба дешевле мяса, а мяса несравненно больше средняго уровня въ Россіи. Крестьяне, которые ѣдятъ лѣтомъ мясо, рѣдки, какъ крупинки золота среди галекъ. Я описалъ улицу, въ которой живетъ сто одиннадцать человѣкъ, изъ нихъ только пятьдесятъ девять были сыты круглый годъ, и то часть изъ нихъ ѣла только хлѣбъ и картофель, въ числѣ остальныхъ пятидесяти двухъ было два идіота (одинъ вовсе не работалъ, другой работалъ весьма плохо) и два урода, пять больныхъ и шесть субъектовъ, на которыхъ замѣчалось вырожденіе расы, сверхъ всего этого былъ тутъ еще одинъ эксцентрикъ, съ слабыми припадками религіозной маніи, не мѣшавшей ему впрочемъ работать. Я упомянулъ о двухъ міроѣдахъ, это были жалкіе міроѣды, два семейства едва продавали на сто пятьдесятъ рублей хлѣба, это самая мизерная фигура, если его сравнить съ сибирскимъ міроѣдомъ, который можетъ отсыпать пятьсотъ и даже тысячу пудовъ заразъ. Въ двухъ верстахъ отъ этой деревни была деревушка государственныхъ крестьянъ, съ населеніемъ въ сто съ небольшимъ человѣкъ, самый богатый крестьянинъ въ этой деревнѣ имѣлъ одинъ больше пчелъ, чѣмъ всѣ крестьяне вмѣстѣ въ описанномъ селеніи, во время сѣнокоса онъ нанималъ до десяти человѣкъ косцовъ и продавалъ больше тысячи пудовъ хлѣба въ годъ; описанные мною міроѣды чувствовали къ нему безграничное уваженіе и низко ему кланялись, а онъ смотрѣлъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, потому что онъ никогда не доходилъ до такихъ грязныхъ средствъ вымогательства, какими эти міроѣды обезпечивали свое благосостояніе. Глядя на бытъ крестьянъ этихъ мѣстностей не трудно понять, что ихъ благосостояніе обусловливается двумя обстоятельствами, оно тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше у нихъ земли и чѣмъ меньше они платятъ. Обиліе земли увеличиваетъ благосостояніе только до извѣстныхъ предѣловъ, т. е. только до тѣхъ поръ, пока у земледѣльца достаетъ силы ее обработать; затѣмъ вся остальная земля для него лишняя и онъ ее цѣнитъ весьма низко. Многоземельная община, въ которой земледѣлецъ не можетъ обработывать всей принадлежащей

къ общинѣ земли, менѣе всего рѣдкость въ этихъ мѣстахъ. Въ то время, какъ они передѣливаютъ самыя плодоносные и близкіе къ селенію луга и пашни, вся остальная земля оставляется на произволъ, всякій членъ общины можетъ нетолько на ней пахать и косить, онъ можетъ, съ согласія общества, отдать ее въ наемъ, если найдетъ нанимателя. Тутъ случается ѣхать тридцать верстъ по степи и не встрѣтить деревни; озираясь кругомъ можно видѣть только рѣдко разбросанную пашню. Глядя на эти далекія степи, надъ которыми безчисленными кругами парятъ хищныя птицы, можно подумать, что находишься въ безлюдной пустынѣ, гдѣ солнцу только изрѣдка удается освѣщать лицо человѣка. Послѣ подобнаго переѣзда я зналъ, что̀ меня ожидаетъ: деревня, окруженная болѣе или менѣе обильными скирдами хлѣба. Я съ грустью смотрѣлъ на всѣ эти скирды и думалъ о томъ, что все это богатство будетъ продано за безцѣнокъ всюду шныряющимъ кулакамъ. Можно поручиться, что крестьянинъ продастъ хлѣбъ свой такъ дешево и спуститъ для уплаты сборовъ такую значительную часть, что ему едва останется на сѣмена и на скудное пропитаніе своего семейства. А между тѣмъ на этой сухой почвѣ несчастныя случайности ему грозятъ со всѣхъ сторонъ и если его скотъ гибнетъ отъ падежей, то хлѣбъ его, въ свою очередь, нетолько страдаетъ отъ дурной почвы, отъ засухи, отъ града и уничтоженія насѣкомыми, но онъ страдаетъ и отъ вырожденія сѣмянъ: нерѣдко онъ посѣетъ полбу, а у него выростетъ овесъ. То ему нужно мѣнять сѣмена, то обзаводиться скотомъ и даже при многоземеліи онъ едва можетъ жить. При такомъ положеніи ему часто нужно сдѣлать сто верстъ, чтобы продать свой хлѣбъ кому-нибудь другому кромѣ кулака и спекулятора; на этомъ рынкѣ, до котораго ему такъ трудно достигнуть, требуется хлѣба на какихъ-нибудь тридцать тысячъ, а предлагается на милліоны. †) При продажѣ скота его положеніе, можетъ быть, еще болѣе невыгодно. Купецъ и спекуляторъ, которому нужны продукты скотоводства, заводитъ свой собственный скотъ и пасетъ его за безцѣнокъ въ обширныхъ степяхъ, и купитъ у крестьянина только по цѣнѣ такой низкой, при которой тому не придется никакой выгоды. И тутъ предложеніе далеко превышаетъ запросъ. Работникъ, который съ каждымъ годомъ жилъ бы лучше, рабочее населеніе, среди котораго съ каждымъ годомъ являлись бы новыя потребности, а съ новыми потребностями и новыя производительныя силы, все это дѣлается жертвою отчаянной конкуренціи, которая бросаетъ его между барышникомъ, требующимъ, чтобы онъ продавалъ свой трудъ за безцѣнокъ, и розгами. Вотъ

---

†) Какъ дѣйствуетъ на цѣны необходимость продавать хлѣбъ кулакамъ и купцамъ, а не непосредственнымъ потребителямъ даже въ мѣстахъ несравненно болѣе густо населенныхъ, видно, напр. изъ того, что въ Пензенской губерніи, гдѣ населеніе втрое гуще, чѣмъ въ Самарской, а число городскихъ жителей относительно этого населенія значительнѣе болѣе чѣмъ вдвое, въ 1864 году, послѣ неурожая, хлѣбъ палъ въ цѣнѣ на 25% и даже на 30% только потому, что размѣры винокуренія уменьшились.

причины, по которымъ въ самыхъ многоземельныхъ общинахъ не встрѣчается особенныхъ признаковъ изобилія, а тамъ, гдѣ крестьяне легко поддаются міроѣдству, напр. у мордвовъ или у черемисъ, даже и горькая бѣдность. Между мордвами я вядѣлъ много лицъ хилыхъ и до крайности вялыхъ отъ дурной пищи; даже предпріимчивые татары не въ состояніи извертываться; на деревню болѣе чѣмъ въ сто семействъ можно считать семействъ восемь пользующихся благосостояніемъ, остальныя живутъ съ нуждою пополамъ. Татары, у которыхъ болѣе, чѣмъ у другихъ національностей этого края, развиты потребности, поддерживаютъ себя тѣмъ, что они живутъ родами. На обширномъ дворѣ, какъ валомъ обнесенномъ непрерывною линіею амбаровъ и навѣсовъ, живетъ въ разныхъ избахъ иногда до четырехъ и пяти семействъ. Подобную жизнь мы встрѣчаемъ въ рабочемъ классѣ разныхъ народовъ въ историческія времена; французы вели ее во время феодальной неурядицы, сербы—подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ. Средневѣковое давленіе исчезло и во Франціи не осталось слѣдовъ этой жизни, турецкое иго ослабло и сербскіе роды дѣлятся на семейства съ силою стремленія, отъ которой не въ состояніи ихъ удержать администрація. Въ Россіи до сего времени даже въ промышленныхъ губерніяхъ встрѣчаются семейства изъ пятидесяти человѣкъ. Я помню нѣсколько образцовъ, рисующихъ жалкое положеніе селеній въ степномъ краѣ. Однажды я сдѣлалъ переѣздъ въ шестьдесятъ верстъ на тройкѣ весьма обыкновеннаго качества, вмѣстѣ со мною ѣхалъ на земскихъ одинъ изъ значительныхъ мѣстныхъ чиновниковъ, и несмотря на то, что онъ перемѣнилъ четыре раза лошадей и измучилъ всѣ четыре тройки догоняя меня, онъ все-таки не могъ меня догнать и пріѣхалъ на мѣсто четвертью часа позже меня; я не могъ безъ жалости смотрѣть на этихъ несчастныхъ животныхъ, которыхъ величали именемъ ямскихъ троекъ. Но такъ какъ рабочій скотъ составляетъ единственную подмогу русскаго работника, то слабосильность нашего скота въ высшей степени неблагопріятно дѣйствуетъ на сельское хозяйство. Это особенно чувствуется тамъ, гдѣ мало земли. Земледѣльцу восточныхъ мѣстностей нужно полторы десятины плодородной пашни только для того, чтобы оплачивать всѣ его повинности, а на него приходится всего двѣ десятины и двѣ трети, слѣдовательно ему остается для прокормленія семейства изъ трехъ человѣкъ, лошади и скота, всего одна десятина съ небольшимъ и въ томъ числѣ одна треть такой земли, которая едва возвращаетъ сѣмена. На основаніи статистическихъ данныхъ, оказывается, что онъ пускаетъ въ продажу болѣе половины всего собираемаго имъ съ земли; такимъ образомъ, онъ покрываетъ только двѣ трети слѣдующихъ съ него сборовъ; затѣмъ ему остается, если онъ живетъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ на государственныхъ земляхъ, болѣе трехъ фунтовъ хлѣба въ день на семейство, на частныхъ же земляхъ ему не придется и трехъ фунтовъ. Оказывается, что земледѣлецъ самарскій не особенно далеко отстоитъ по благосостоянію отъ вологодскаго, несмотря на то, что онъ на основаніи извѣстныхъ въ статистикѣ данныхъ продаетъ въ три съ половиною раза больше вологодскаго съ однихъ своихъ пашенъ и несравненно больше другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Въ дѣй-

ствительности разница въ количествѣ продаваемыхъ продуктовъ между самарскимъ и вологодскимъ крестьяниномъ еще болѣе значительна. †) Внѣшній

---

†) Въ Самарской губерніи считается пахотныхъ земель два милліона десятинъ; если изъ этого числа около одной десятой считать принадлежащею къ помѣщичьимъ усадьбамъ, то придется около десятины съ $^1/_5$ на жителя изъ земледѣльцевъ при степномъ хозяйствѣ, гдѣ только часть полей обработывается по трехпольной системѣ, а часть по залежной, изъ этой десятины съ пятою только двѣ трети десятины производительны,—въ годъ положимъ отъ каждой десятины чистаго дохода тридцать пудовъ земледѣльческихъ продуктовъ (это чрезмѣрно много, но пусть же меня не упрекаютъ въ преувеличеніи),— съ двухъ третей десятины будетъ двадцать пудовъ. Всей обработанной крестьянами въ свою пользу земли будетъ 981,989 десятинъ, положимъ милліонъ десятинъ, а съ милліона шестидесяти тысячъ десятинъ 30,000,000 пудовъ. По свѣдѣніямъ статистическаго временника 1866 года въ Самарской губерніи сплавлялось и употреблялось въ 1863 году на винокуреніе хлѣба и другихъ продуктовъ отъ пашенъ 21,108,145 пудовъ, съ продуктами пашенъ, необходимыми для 36,000 городскаго населенія, это составитъ приблизительно 24,000,000 пудовъ, изъ этого числа я полагаю на помѣщичьи усадьбы шесть милліоновъ пудовъ и осьмнадцать милліоновъ, проданныхъ земледѣльцами. Съ каждой души будетъ продано съ небольшимъ двадцать четыре пуда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣна этихъ двадцати четырехъ пудовъ не будетъ составлять и шести рублей на душу, среднимъ числомъ положимъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ — оброки и сборы такой продажею никакимъ образомъ не могутъ быть покрыты. Послѣ этого останется въ обладаніи крестьянъ еще двѣнадцать милліоновъ пудовъ, меньше осьми пудовъ десяти фунтовъ на человѣка. Общины многоземельныхъ земледѣльцевъ имѣютъ земли больше, чѣмъ частные землевладѣльцы, но я предположу, что они обработываютъ столько же, сколько землевладѣльцы и земледѣльцы частныхъ земель вмѣстѣ, въ такомъ случаѣ нужно считать, что многоземельный крестьянинъ будетъ для прокормленія своего семейства имѣть хлѣба на одну треть больше средняго уровня, малоземельный подойдетъ подъ средній уровень, а живущій на частныхъ земляхъ на треть меньше средняго уровня, первый будетъ имѣть три и двѣ трети фунта въ день на семейство, второй менѣе трехъ фунтовъ, а третій меньше двухъ фунтовъ въ день на семейство. Сравнивая этотъ результатъ съ тѣмъ, что я видѣлъ, я полагаю, что статистическія цифры приблизительно выражаютъ то, что существуетъ въ дѣйствительности. На основаніи свѣдѣній статистическаго временника 1866 года и при такомъ же разсчетѣ, который сдѣланъ для Самарской губерніи, въ Вологодской губерніи продается около семи милліоновъ пудовъ произведеній съ пашенъ, т. е. въ три съ половиною раза меньше, чѣмъ въ Самарской. Результатъ этотъ долженъ оказаться приблизительно вѣрнымъ, если принять въ соображеніе, что земледѣлецъ Вологодской губерніи продаетъ свои произведенія вдвое и даже втрое дороже самарскаго и что онъ оплачиваетъ свои оброки и сборы въ Кадниковскомъ и сѣверныхъ уѣздахъ всего болѣе льномъ, за который онъ беретъ по осьми рублей за пудъ. Въ Вологодской губерніи около четырехъ сотъ тридцати тысячъ душъ мужескаго пола принадлежатъ къ сельскому населенію, а въ Самарской 724,457 такихъ же душъ—въ Вологодской губерніи приходится на каждую душу около семнадцати пудовъ проданныхъ произведеній отъ пашенъ, а въ Самарской около тридцати трехъ пудовъ. Этотъ результатъ былъ бы даже невѣроятнымъ, еслибы въ Самарской губерніи не продавалось такое значительное количество животныхъ продуктовъ: въ то время когда съ вологодскихъ земель продается на милліонъ восемь сотъ тысячъ льна и пр., съ самарскихъ земель продается коровьяго масла, сала и пр. на два милліона восемь сотъ тысячъ Принимая въ

видъ селеній и ихъ жителей обличаетъ даже большее благосостояніе въ Вологодской губерніи и если вологодскій крестьянинъ болѣе голодаетъ, то онъ зато и щеголяетъ болѣе самарскаго и они въ концѣ концовъ едвали могутъ другъ другу въ чемъ-нибудь позавидовать. Это естественный результатъ того положенія, при которомъ крестьянинъ вынужденный оброками не можетъ дѣлать сбереженій и обезпечивать ими свое будущее; во что бы то ни стало онъ сбываетъ на рынкѣ своихъ произведеній такъ много, что всѣ шансы конкуренціи обращаются противъ него; онъ долженъ везти со двора массы хлѣба, которыя могли бы питать и земледѣльца и промышленность, но онѣ не питаютъ ни того, ни другой, промышленникъ работникъ голодаетъ за неимѣніемъ покупателей для его произведеній, а хлѣбъ изъ Россіи отправляется заграницу.

Трудно жить при такихъ условіяхъ земледѣльцу многоземельному, а каково малоземельному. Отсутствіе другихъ отраслей промышленности ставитъ земледѣльца малоземельныхъ почвъ еще въ то неблагопріятное положеніе, что онъ исключительно долженъ жить хлѣбопашествомъ и истощать землю дотого, что она наконецъ отказывается давать ему самое необходимое. Въ то время какъ часто натыкаешься на переселенцевъ изъ густо населенныхъ странъ средней Россіи, можно здѣсь неожиданно наткнуться на общину, изъ которой члены, вслѣдствіе малоземелія, сами переселяются въ дальнія мѣста. Переселенецъ изъ центральныхъ губерній не встрѣчаетъ здѣсь того суроваго пріема, который такъ часто поражалъ меня въ Сибири; здѣсь онъ не встрѣчаетъ тѣхъ затрудненій при разработкѣ новой почвы и легче можетъ примѣниться къ новымъ обстоятельствамъ; здѣсь жилища переселенцевъ не составляютъ жалкаго хвоста деревни, отъ которой они отличаются своимъ нищенскимъ видомъ. Въ сравненіи съ сосѣдними селеніями деревня переселенцевъ производитъ здѣсь иногда впечатлѣніе отрадное. Тѣмъ тягостнѣе впечатлѣніе, которое производитъ малоземельная община на безлѣсной землѣ. Окруженные обширными землями, эти люди видятъ блаженство передъ собою и не могутъ его достать. Для удовлетворенія своихъ нуждъ имъ нужно продавать хлѣбъ, и много надо продать хлѣба, а окрестныя общины заваливаютъ рынокъ своими произве-

---

соображеніе всѣ обстоятельства, слѣдуетъ предполагать, что въ Самарской губерніи все-таки, можетъ быть, нѣсколько выше благосостояніе, чѣмъ въ Вологодской, но разница самая незначительная. Изъ свѣдѣній статистическаго временника 1866 г. видно, что смертность въ Самарской губерніи была даже сильнѣе, чѣмъ въ Вологодской (въ Самарской умиралъ 1 изъ 23, а въ Вологодской 1 изъ 25); мѣстность, въ которой смертность можетъ доходить до 1 изъ 23 нетолько въ обыкновенное, но даже во время холеры или чумы, можетъ представлять только картину крайней бѣдности. Наблюденія за шесть лѣтъ показываютъ также преимущество Вологодской губерніи.

годы:	1856	1858	1859	1861	1862	1863
Въ Вологодской губерніи умиралъ одинъ изъ	30	23	29	27	30	25
Въ Самарской » » » »	31	30	23	22	24	24

деніями и душатъ ихъ своею конкуренціею. Міроѣдъ является обыкновеннымъ спутникомъ обнищавшаго работника; но лишь только міроѣдство пуститъ корни, у міроѣдовъ зарождается желаніе извергнуть изъ общества докучливыхъ бѣдняковъ, мѣшающихъ имъ расшириться—и они первые проводятъ въ обществѣ мысль о необходимости переселенія, мысль, которую имъ долго приходится лелѣять втунѣ. Какъ ни велика эксплуатація бѣднаго собрата, которая доставляетъ міроѣду его кусокъ хлѣба, но многоземеліе и богатство общины для него несравненно выгоднѣе. Въ тяжкія минуты жизни бѣднаго земледѣльца міроѣдъ овладѣваетъ его трудомъ и имуществомъ за безцѣнокъ, но имущество это жалко и ничтожно, а трудъ тѣмъ болѣе непроизводителенъ, чѣмъ дешевле онъ добытъ путемъ притѣсненія, а между тѣмъ малоземеліе вынуждаетъ міроѣда нанимать земли у сосѣдей и непроизводительный трудъ на этихъ земляхъ нерѣдко можетъ дать убытокъ вмѣсто выгоды. Хорошо еще если міроѣдъ отличный и сильный работникъ, тогда онъ идетъ впереди и всѣ должны за нимъ слѣдовать, и если совершенно справедливо, что земледѣлецъ, работающій самъ, можетъ извлекать изъ наемнаго и кабальнаго труда несравненно болѣе выгодъ, чѣмъ землевладѣлецъ, то выгоды эти все-таки не могутъ быть значительны, если ему приходится нанимать и землю и работниковъ, платить подати и конкурировать съ землевладѣльцемъ, который отъ всего этого освобожденъ. Покупать за безцѣнокъ имущество бѣдняка дѣйствительно выгодно, но зато это возбуждаетъ въ бѣднякахъ такую ненависть, а иногда и такую месть, что нерѣдко ведетъ міроѣда къ разоренію. Желчный и ожесточенный бѣднякъ преслѣдуетъ иногда міроѣда обдуманной местью; онъ его обворовываетъ, сжигаетъ его хлѣбъ, портитъ его скотъ, старается вредить его здоровью и разстроить его семейное счастіе. Однимъ словомъ въ подобныхъ положеніяхъ всѣ толкаютъ другъ друга въ общую нищенскую яму и къ несчастью слишкомъ успѣшно достигаютъ цѣли. Наконецъ положеніе дѣлается невыносимымъ и счастлива община, которая найдетъ себѣ исходъ въ переселеніи. Однажды мнѣ случилось присутствовать при выѣздѣ переселенцевъ. Надъ водами степнаго Черемшана, на горѣ живописно было раскинуто село, а надъ нимъ виднѣлось старинное земляное укрѣпленіе, котораго рвы получили миролюбивое назначеніе,—въ нихъ отмачивали лыки. Тихо собирались переселенцы, на лицахъ у нихъ лежала глубокая грусть, они говорили въ полголоса, на лицѣ каждаго было изображено тревожное ожиданіе въ будущемъ, родственники плакали и голосили, но зато тѣмъ веселѣе смотрѣли остававшіеся. Въ бойкихъ позахъ и рѣчахъ ихъ видно было какое-то торжество, какъ будтобы они одолѣли врага или стрясли съ себя страшную обузу. Ничто не могло производить болѣе грустное впечатлѣніе, какъ этотъ видъ борьбы изъ-за куска хлѣба. Печально смотрѣлъ я на эту картину и думалъ о томъ, неужели этотъ земледѣлецъ можетъ считаться болѣе счастливымъ, чѣмъ какіе-нибудь эскимосы, живущіе въ англійской Америкѣ у полярнаго круга среди льдинъ и голыхъ каменьевъ, между которыми пробивается рѣдкій мохъ. Онъ точно также, какъ эскимосъ, имѣетъ свое время голода, періодически возвращающееся каждый годъ; эскимосъ въ своей теплой одеждѣ умѣетъ

защитить себя отъ вѣтровъ и отъ холода — не такъ счастливъ бываетъ степной крестьянинъ въ бураны и зимнія бури, вѣтеръ насквозь пронизываетъ его жалкую хижину и нѣтъ въ ней угла, гдѣ бы можно было найти отъ него спасеніе, его жалкій дырявый полушубокъ не можетъ выдержать сравненіе съ шубой эскимоса, не проникаемой ни вѣтромъ, ни водою, ни холодомъ. Какъ эскимосъ, онъ не знаетъ мыла, но зато-же эскимосъ большую часть года ѣстъ до пяти фунтовъ мяса въ день и столько же жиру и достигаетъ крѣпости тѣла и физической силы, недоступной голодному и разслабленному степному земледѣльцу, которому никогда не удается наѣсться досыта хлѣбомъ. Онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы мыть свое тѣло въ банѣ, и вынужденъ мыться въ печи, несмотря на краснорѣчивые совѣты газетъ, которыя доказываютъ, что изъ печи нерѣдко, вмѣсто парящагося, вынимаютъ мертвое тѣло его. Крестьянинъ и безъ газетъ знаетъ, что париться въ печи не есть удовольствіе, а что же онъ будетъ дѣлать, если онъ не имѣетъ средствъ, чтобы мыться въ банѣ. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что жена эскимоса ни въ какомъ случаѣ не согласится промѣняться судьбою съ женою степнаго земледѣльца. Эта женщина, которая въ своей семьѣ встрѣчаетъ ласку и любовь, которая такъ искренно привязана къ своимъ дѣтямъ, неужели она смѣняетъ свою судьбу на жребій женщины голодающей и столь несчастной, что ей дѣти въ тягость, что она чаще всего бываетъ рада, когда они умираютъ, и нерѣдко запариваетъ ихъ въ печи до смерти, при такихъ обстоятельствахъ, что невольно въ душѣ рождаются мрачныя подозрѣнія; эта женщина, которая сверхъ всего такъ часто подвергается жестокому обращенію, ни въ комъ не возбудитъ зависти къ своему положенію. Конечно на крайнемъ сѣверѣ бываютъ страданія, которыхъ никогда не испытать степняку, но въ моемъ воображеніи прошла вольная и смѣлая жизнь эскимоса и я сравнилъ ее съ душной, пригибающей къ землѣ атмосферой, въ которой живетъ степнякъ земледѣлецъ; я видѣлъ, какъ чрезъ его жизнь красною нитью проходитъ страхъ голода и розогъ, и я невольно подумалъ, что еслибы эти переселенцы могли сдѣлать то же сравненіе, какое сдѣлалъ я, можетъ быть они позавидовали бы эскимосу. Если сердце цивилизованнаго европейца наполняется ужасомъ, когда онъ читаетъ мрачную картину жизни сѣвернаго эскимоса, то пусть же онъ вспомнитъ, что въ болѣе благодатной природѣ живетъ земледѣлецъ степнякъ, который порою могъ бы пожелать для себя доли эскимоса, какъ недосягаемаго идеальнаго счастія. Съ высокой горы, у подошвы древняго землянаго вала, я смотрѣлъ на окрестность. Подъ горою среди зелени острововъ текли прозрачныя воды Черемшана, отрадный лѣтній вечеръ золотилъ небо и теплымъ колоритомъ освѣщалъ окрестности, желтѣла рожь, какъ поле бѣлыхъ цвѣтовъ разстилалась греча, вдали весь горизонтъ былъ занятъ лѣсомъ, къ нему прислонялась какая-то деревня, со всѣхъ сторонъ окруженная кучами и рядами скирдовъ хлѣба, на лѣсныхъ прогалинахъ такими же кучами стояли стога сѣна. На минуту я перенесся въ тундры и лѣса сѣвера, вспомнилъ свистъ вѣтра, сѣрыя облака, сырость и холодъ, которые тамъ господствуютъ лѣтомъ, и морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ. Я вполнѣ оцѣнилъ отрадную теплоту, которая меня окружала; — нѣтъ,

думалъ я, не природа виновата, если человѣкъ здѣсь бѣденъ. Не виноватъ въ томъ и труженикъ; лишь только условія жизни дѣлаются для него на волосъ благопріятнѣе, тотчасъ же быстро начинаетъ возрастать его благосостояніе, лучшая доля выпадаетъ нетолько ему, но и его скоту, и его землѣ и даже міроѣдъ дѣлается менѣе грязнымъ притѣснителемъ, хотя и пріобрѣтаетъ болѣе, чѣмъ на бѣдныхъ земляхъ. На помѣщичьихъ безлѣсныхъ земляхъ міроѣдъ едва достигаетъ состоянія, при которомъ онъ пятьдесятъ или шестьдесятъ разъ въ году ѣстъ мясо и рыбу, состоянія, которое англійскій работникъ счелъ бы тяжкою бѣдностію, а между тѣмъ путь къ этому блаженству обращаетъ его въ мелкаго и пронырливаго плута, который на свою деревню производитъ такое жалкое впечатлѣніе, что его считаютъ способнымъ на всякую мерзость; я въ подобныхъ селеніяхъ не видѣлъ міроѣда, котораго бы крестьяне не обвиняли въ воровствѣ и даже въ колдовствѣ. У малоземельныхъ государственныхъ общинъ про самаго богатаго міроѣда селенія нерѣдко говорятъ, что у него есть тысячи три денегъ; хотя у него можетъ быть нѣтъ и десятой доли этихъ денегъ, но онъ уже держитъ себя съ достоинствомъ; онъ все-таки плутъ большой руки и его жестоко ненавидятъ за притѣсненія, но источникомъ благосостоянія ему служитъ далеко не одно міроѣдство. Въ многоземельныхъ общинахъ потребность въ міроѣдствѣ значительно уменьшается, а между тѣмъ встрѣчаются крестьяне, которые дѣйствительно имѣютъ деньги; населеніе, находящееся въ менѣе жалкомъ положеніи, имѣетъ уже возможность покупать и разбогатѣвшій крестьянинъ можетъ получать доходъ отъ мелочной торговли и производить оборотъ тысячъ на пять рублей серебромъ. Правда, что къ такимъ скромнымъ размѣрамъ сводятся тридцати-тысячные капиталы, о которыхъ говорятъ крестьяне. Въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ вся торговля хлѣбомъ находится въ рукахъ не многихъ міроѣдовъ, которые у мордвовъ, чемерисъ и пр. дѣлаютъ земледѣльца бѣднымъ и на богатой землѣ, даже въ подобныхъ селеніяхъ міроѣдъ отъ своей спекуляціи получаетъ нерѣдко доходу не болѣе какихъ-нибудь ста пятидесяти рублей въ годъ, а про него кричатъ, что онъ имѣетъ денегъ десятки тысячъ †).

---

†) Чтобы уяснить жизнь въ этихъ мѣстностяхъ, я опишу площадь приблизительно въ четыреста квадратныхъ верстъ, лежащую въ той мѣстности, гдѣ лѣсистыя и плодоносныя земли вступаютъ въ борьбу съ мѣстами безплодными, гдѣ есть лѣса и плодоносныя земли, но гдѣ уже значительная часть мѣстности даетъ только плохое пастбище или занимается никуда негоднымъ лѣсомъ, составляющимъ что-то среднее между кустарникомъ и дровянымъ или строевымъ лѣсами. Въ южномъ углу, составляющемъ около одной пятой всей площади, почти вся земля покрыта лѣсами съ рядомъ плодоносныхъ прогалинъ, ручьи тутъ текутъ въ изобиліи и лѣса смѣняются плодоноснѣйшими пашнями и тучными лугами. Эта плодоноснѣйшая земля составляетъ частную собственность и на ней расположено село средней величины. Къ сѣверу отъ этого села находится земля, также составляющая частную собственность; эта земля хотя также не лишена лѣсу, но уже почти половина ея состоитъ изъ каменистой почвы, на которой посѣвы даютъ самые пло-

Единственнымъ спасеніемъ отъ эксплуатаціи ничѣмъ ненасытимаго міроѣда служитъ для земледѣльца ассоціація труда и средствъ. Когда крестьяне па-

---

хіе урожаи, лѣса не растутъ далѣе высоты кустарника и пастбища поросли жидкой и сухой травой. Тутъ находятся два небольшихъ селенія. Съ трехъ сторонъ эта земля окружена волнистымъ степнымъ пространствомъ, по которому разсыпано восемь селеній, семь многоземельныхъ и одно малоземельное, два изъ этихъ селеній вовсе не имѣютъ лѣса, а одно никуда не годный. Изъ принадлежащей къ этимъ осьми селеніямъ земли болѣе одной трети или вовсе не производительна или можетъ производить только рѣдкую сухую траву и составляетъ плохое пастбище. Малоземельное селеніе можетъ жить только наемной землей, а одно изъ степныхъ имѣетъ такую обширную межу, что общество дозволяетъ своимъ членамъ отдавать въ кортому столько земли, сколько они пожелаютъ, жаль только, что земля эта плохая. Изъ всѣхъ этихъ селеній безъ сомнѣнія самое счастливое по природнымъ условіямъ—это село, расположенное среди лѣсовъ на частной землѣ. Вся земля, принадлежащая къ этому селу, въ высшей степени плодородна, луга на прогалинахъ лѣса даютъ много сѣна на маломъ пространствѣ; сверхъ цѣннаго лѣснаго матеріала и его продуктовъ крестьяне могутъ получать еще значительный доходъ отъ пчеловодства. Судя по наружному виду села, можно дѣйствительно подумать, что оно болѣе другихъ богато. Оно окружено многочисленными скирдами хлѣба, въ немъ почти исключительно преобладаетъ трехъоконная изба довольно приличнаго вида, противъ домовъ на улицѣ тянутся ряды амбаровъ для хлѣба. Оказывалось однакоже, что благосостояніе ихъ было весьма не прочно, оно вполнѣ зависѣло отъ слабости наблюденія за лѣсами и какъ скоро это наблюденіе дѣлалось строже и благосостояніе ихъ исчезало какъ тѣнь; ихъ богатые скирды хлѣба, ихъ ряды хлѣбныхъ амбаровъ оказывались совершенно несостоятельными для уплаты оброковъ; большинство было вынуждено въ теченіе года обращаться за помощью къ владѣльцу и къ міроѣдамъ и это давало возможность какъ владѣльцу такъ и міроѣдамъ убирать свои поля по весьма дешевымъ цѣнамъ, окружать деревню многочисленными скирдами хлѣба и придавать ему обманчивый видъ богатства. Изъ земледѣльцевъ одинъ кузнецъ, мельникъ и двое крестьянъ были такъ состоятельны, что они пили нетолько водку, но и ромъ. Кромѣ міроѣдства, мельницы и кузницы, пчельники были важнымъ источникомъ ихъ благосостоянія. Сверхъ того, въ деревнѣ было нѣсколько крестьянъ, которыхъ довольство было такъ велико, что они имѣли по двѣ лошади обыкновенной крестьянской стати, но не тощихъ и не слабосильныхъ. Малоземельная деревенька, у которой не было лѣсу и земли такъ мало, что крестьяне должны были нанимать и пашни и луга, по наружному виду конечно была бѣднѣе, потому что постройки въ общинѣ, покупающей лѣсъ, никогда не могутъ быть такъ хороши, какъ въ той, которая имѣетъ его подъ бокомъ, и несмотря на это трудно было рѣшить, гдѣ земледѣльцы пользовались бо́льшимъ благосостояніемъ, въ лѣсной деревнѣ на помѣщичьей землѣ или въ этой населенной государственными крестьянами. Несмотря на малочисленность населенія тутъ оказался все-таки крестьянинъ, который былъ такъ богатъ, что съ нимъ не одинъ не могъ сравняться у сосѣдей несмотря на ихъ лѣса, на обиліе и плодородіе ихъ почвы. Скота въ этомъ малоземельномъ селеніи было относительно болѣе и жители одѣвались съ бо́льшимъ удобствомъ. Въ многоземельныхъ селеніяхъ сѣверной части площади жили почти исключительно татары и все государственные крестьяне, только въ самомъ значительномъ изъ этихъ селеній жили отчасти русскіе и черемисы. Ни въ одномъ изъ описанныхъ мною выше двухъ селеній не было самовара, между тѣмъ въ каждой изъ многоземельныхъ деревень было ихъ нѣсколько; другой предметъ роскоши, о которомъ ни лѣсистое ни малоземельное

шутъ своимъ тяжелымъ плугомъ, который одинъ въ состояніи вспахать новь или поднять залежъ (вещи совершенно необходимыя при степномъ хозяйствѣ,

---

селеніе не имѣли понятія, это были часы, между тѣмъ въ каждомъ изъ ближайшихъ многоземельныхъ селеній былъ крестьянинъ, обладавшій часами. Хотя каждая изъ этихъ сосѣднихъ деревень была гораздо меньше лѣсистаго села, но въ нихъ было по двѣ мельницы и притомъ двое изъ мельниковъ были такіе богатые люди, какихъ въ лѣсистомъ селѣ не было,—фактъ весьма знаменательный, одинъ изъ мельниковъ завелъ себѣ даже что-то вродѣ сада. Войдемъ въ избу одного изъ татаръ—стѣны оклеены бумажными обоями, возлѣ двери часы, на полкахъ шкафа стоитъ въ три ряда посуда: чайники, чашки, стаканы и пр., у печи стоитъ тщательно вычищенный самоваръ, на потолкѣ и по стѣнамъ развѣшены длинныя полотенца съ широкими разноцвѣтными ажурными каймами, на нарѣ набросаны перины и подушки и отъ самаго потолка спускается ажурный пологъ. Эта роскошь, представляющая высшую степень благосостоянія въ этомъ краѣ, доказываетъ, до чего въ степной Россіи бѣденъ работникъ. Даже смѣшно было бы пускаться въ сравненія съ Америкой или Австраліей, но и Сибирь представляетъ примѣры несравненно большей роскоши въ селеніяхъ. На всемъ пространствѣ въ четыреста квадратныхъ верстъ, которое мною описывается, нетолько нѣтъ ни одного двухъэтажнаго дома, но нѣтъ даже дома, который бы имѣлъ отличную отъ общей сельской архитектуру. Постройки въ городѣ отъ построекъ въ селеніяхъ такъ отличаются, что между ними нѣтъ и сравненія, между тѣмъ какъ въ Сибири городъ и деревня часто напоминаютъ другъ друга. Несмотря на многоземеліе здѣсь нѣтъ и помину о крестьянахъ, которые запахивали бы сотни десятинъ и имѣли бы по сту штукъ скота. Несмотря на это, роскошь описаннаго жилища превосходитъ все, что встрѣчается въ лѣсномъ селѣ. Въ другомъ селеніи былъ одинъ татаринъ не менѣе богатый, а у другаго я встрѣтилъ прекрасную заводскую лошадь, что́ меня крайне удивило. Въ сѣверномъ селеніи былъ кузнецъ, обратившійся въ небольшаго капиталиста, онъ былъ навѣрное втрое богаче кузнеца изъ лѣснаго села. Отчасти благодаря родовому быту во всѣхъ этихъ селеніяхъ міроѣдство почти не существовало и многіе роды раздѣлились потому, что достигли достаточнаго благосостоянія для самостоятельнаго существованія. Но если въ этихъ степныхъ многоземельныхъ селеніяхъ и оказывается болѣе благосостоянія, чѣмъ въ лѣсномъ селѣ на частной землѣ, то благосостояніе это менѣе всего могло возбуждать къ себѣ зависть. Въ одной деревнѣ только четверо имѣли удовлетворительный татарскій костюмъ, ихъ нары были достаточно снабжены подушками и перинами, они могли носить мягкіе сапоги и сверху татарскія туфли—въ деревнѣ было только шесть самоваровъ. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ татаръ имѣлъ шесть взрослыхъ сыновей, изъ которыхъ пять жили съ нимъ на одномъ дворѣ, онъ одинъ имѣлъ самоваръ и перины, его сыновья довольствовались войлокомъ. Обойдя всю деревню изъ дома въ домъ во время холеры, и только въ шести домахъ нашелъ больныхъ лежащими на перинахъ, по большей части они лежали на голыхъ нарахъ, весьма часто въ окнахъ вставленъ былъ пузырь, вмѣсто стекла. Большинство мужчинъ и женщинъ ходили въ лаптяхъ. Нерѣдко среди лѣса и послѣ посѣва, въ рабочую пору, можно было встрѣтить людей занятыхъ молотьбою, это значило, что кто-нибудь изъ менѣе богатыхъ крестьянъ сохранялъ хлѣбъ въ скирдѣ, но у него хлѣба не хватило и онъ вынужденъ былъ молотить среди лѣта, чтобы не умереть отъ голода. Весною большинство населенія голодало, они чувствовали, что они будутъ не въ силахъ сберечь хлѣбъ нужный на сѣмена, если они его обмолотятъ заранѣе, поэтому они оставляли его въ скирдѣ и обмолачивали только во время посѣва. Такимъ образомъ голодалось какъ-то легче, нужно сначала обмолотить, потомъ провѣять, по-

которое считается здѣсь самымъ выгоднымъ), то они соединяютъ своихъ лошадей или быковъ, которыхъ нужно отъ шести до осьми, и такимъ образомъ могутъ обходиться безъ помощи міроѣда. Есть наивные люди, которые подводятъ эту вынужденную тѣсную связь сербской родовой жизни подъ одинъ уровень съ такими явленіями, какъ общинное владѣніе; стоитъ однакожъ подумать нѣсколько минутъ, чтобы вполнѣ убѣдиться, что общинное владѣніе и подобныя учрежденія лежатъ на двухъ крайнихъ полюсахъ и стремятся къ цѣлямъ діаметрально противоположнымъ. Общинное владѣніе землею дѣлаетъ работниковъ независимыми, это—самое существенное его достоинство, которое служитъ основаніемъ рѣшительнаго его превосходства передъ раздробленною собственностію; родовая жизнь ставитъ людей другъ отъ друга въ зависимость. Собственность надъ землею даетъ одному человѣку возможность вмѣшиваться въ дѣло труда другаго, она нетолько лишаетъ работника значительной части его произведеній и дѣлаетъ его или нищимъ или негодяемъ, а часто и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, но она иногда дотого стѣсняетъ его трудъ посредствомъ чужаго вліянія, что дѣлаетъ этотъ трудъ или непроизводительнымъ или вреднымъ для страны. Общинное владѣніе даетъ работнику землю въ полное и исключительное его распоряженіе и ставитъ его въ положеніе совершенно независимое отъ всякаго посторонняго вмѣшательства; даже при дурномъ устройствѣ оно дѣлаетъ власть надъ орудіемъ труда невѣрною только въ будущемъ или даетъ одному слишкомъ много этой власти,

---

томъ смолоть: пока все это совершится, даже безхарактерный человѣкъ имѣлъ время опомниться и собрать силы, чтобы продолжать голоданіе. У значительной части не хватало средствъ засѣять столько полей, чтобы уплачивать оброки и сборы своими произведеніями, и они должны были, оставляя свои поля, наниматься косить и на другія лѣтнія работы. Холера сдѣлала между ними страшныя опустошенія: при тяжкихъ условіяхъ, въ которыхъ они жили, почти каждый домъ долженъ былъ поплатиться нѣсколькими больными. Что касается до селеній расположенныхъ на плохихъ частныхъ земляхъ, то положеніе ихъ было самое жалкое, и по наружному виду и во всѣхъ отношеніяхъ они обнаруживали бѣдность, почти всѣ избы были нетолько двухъоконныя, но даже и одноокопныя, въ деревнѣ стояло не болѣе двухъ крестьянскихъ амбаровъ, четвертая часть крестьянъ не имѣла вовсе скота. Еслибы кто-нибудь желалъ изучить, до какой степени худобы можетъ доходить животное, онъ могъ бы съ успѣхомъ дѣлать наблюденія надъ скотомъ въ этомъ селеніи. Одна весьма важная отличительная черта селеній, поселенныхъ на государственныхъ земляхъ, заключалась въ болѣе самостоятельномъ духѣ ихъ обитателей. Жители лѣснаго села, при богатствѣ ихъ земли, вѣроятно пользовались бы бо́льшимъ благосостояніемъ, несмотря на бо́льшіе платежи, еслибы имъ не мѣшали работѣпіе и духъ униженія, эти злѣйшіе враги трудолюбія. Въ то время, когда татарина унижала нетолько бѣдность, но и отсутствіе нѣкоторыхъ предметовъ комфорта, для крестьянина частныхъ земель не было въ этомъ униженія и это простиралось дотого, что нѣкоторые оставляли свое хозяйство и нанимались въ работники даже безъ особенной нужды, лишь бы избавиться отъ заботъ собственнаго хозяйства: какая разница между такимъ крестьяниномъ и сибирскимъ работникомъ, который говорилъ, что кто оставляетъ свою землю, тотъ продаетъ жизнь своихъ дѣтей?!

а другому слишкомъ мало, въ то время какъ собственность ставитъ трудъ въ совершенную зависимость отъ постороннято лица. Поземельная собственность гораздо ближе къ коммунизму, чѣмъ общинное владѣніе.

Настоящимъ своимъ положеніемъ крестьянинъ доведенъ дотого, что онъ всю свою изобрѣтательность сосредоточиваетъ на томъ, чтобы удовлетворить своимъ потребностямъ возможно дешевымъ и жалкимъ способомъ; чтобы быть въ состояніи грѣть зимою для скота, воду въ своей избѣ и чтобы изба притомъ не развалилась отъ сырости, а жители не умерли отъ угару, онъ придумалъ курную избу. Такимъ образомъ онъ не долженъ строить особаго помѣщенія для согрѣванія воды, скотъ его сохраняется и изба стоитъ втрое дольше, но онъ живетъ въ жилищѣ приличномъ только для номада. Въ Вологодской губерніи онъ достигъ того, что носитъ холстъ, котораго аршинъ стоитъ двѣ копѣйки,— фатальная изобрѣтательность, которая дѣлаетъ страну бѣдною, а земледѣльца несчастнымъ. Нѣтъ, напротивъ, при обработкѣ земли, онъ обнаруживаетъ болѣе способности, чѣмъ интеллигенція края, и даже землевладѣльцы говорятъ, что никто не можетъ вести хозяйство съ такою разсчетливостью и извлекать изъ него такъ много выгоды, какъ земледѣлецъ, и земля, оставленная помѣщикомъ по невыгодности обработки, въ рукахъ земледѣльца обращается въ доходную статью; она покрываетъ его издержки, вознаграждаетъ его за трудъ и даетъ аренду. Мало того, что земледѣлецъ умѣетъ пользоваться землею, онъ умѣетъ для этого приносить и великія жертвы; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля не даетъ урожая безъ унавоживанія полей, онъ для добыванія этого навоза рѣшается на такія жертвы, какихъ образованный его критикъ никогда не былъ бы въ состояніи принести; для увеличенія количества навоза онъ покрываетъ весь свой дворъ крышею, устилаетъ его соломою и обращаетъ такимъ образомъ въ большую конюшню; образованный критикъ порицаетъ его за этотъ грязный дворъ, не подозрѣвая, какъ смѣшно порицать человѣка, вполнѣ чувствующаго всю тягость порицаемаго неудобства и съ твердостію переносящаго его. Какъ непріятно дѣйствуетъ на крестьянина его грязный дворъ, видно изъ того, что онъ при первой возможности отдѣлывается отъ него и тогда онъ глубокомысленнымъ критикомъ порицается за истощеніе почвы. Не менѣе самоотверженія обнаруживаетъ онъ, рѣшаясь жить зимою вмѣстѣ съ нѣжнымъ скотомъ и обращать свое жилище въ хлѣвъ, чтобы спасать скотъ отъ гибели на холодѣ—за это глубокомысленные критики также не щадили его упреками. Они порицали его за недостаточное унавоживаніе своихъ полей, не обращая вниманія на жертвы, которыя онъ принесъ, чтобы доставить себѣ и этотъ скудный навозъ. Въ невинности своей души критики не замѣтили, что крестьянинъ, продавая въ три съ половиною раза болѣе своихъ произведеній, какъ оказалось напр. при сравненіи между Самарскою и Вологодскою губерніями, получалъ такой же доходъ и пользовался такимъ же благосостояніемъ. Если сравнить хозяйство русскаго крестьянина съ хозяйствомъ тѣхъ земледѣльцевъ на русскихъ земляхъ, которые всего болѣе славятся своею производительностію, то окажется, что онъ вовсе не уступаетъ имъ въ умѣніи извлекать изъ земли доходъ; по извѣстнымъ публикѣ свѣдѣніямъ о производительности по-

лей молочныхъ водъ Таврической губерніи, оказывается, что на молочныхъ водахъ

озимый хлѣбъ далъ самъ	3,	а въ Вологодской губерніи		6.
яровые хлѣба дали самъ	8,	»	»	3.
картофель далъ самъ	8,	»	»	3.

Если принять въ соображеніе разницу въ климатѣ, то этотъ результатъ самъ по себѣ не будетъ говорить противъ вологодскаго крестьянина. Главный продуктъ земледѣльца съ молочныхъ водъ, пшеница, далъ урожай самъ 5.9, почти равный главному продукту земледѣльца Вологодской губерніи, ржи, которая дала самъ 5.6. Я не спорю съ тѣмъ, что при бѣдности, при недостаткѣ скота и удобренія сельско-хозяйственная производительность вологодскаго крестьянина не можетъ быть столь успѣшною, какъ колониста молочныхъ водъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что она можетъ сдѣлаться таковою. Въ Вологодской губерніи, какъ уже сказано было выше, крестьяне, имѣющіе достаточно скота, легко умѣютъ достигать урожаевъ въ самъ-десять, между приведенными выше урожаями молочныхъ водъ самъ-десять далъ только ячмень. Умѣніе достигать урожаевъ ржи въ самъ-десять и въ самъ-двѣнадцать такъ распространено въ Вологодской губерніи, что даже при неплодородной почвѣ каждый крестьянинъ достигаетъ подобныхъ урожаевъ лишь только ему удастся выбиться изъ гнетущей его бѣдности (на молочныхъ водахъ рожь дала самъ-три).

Замѣчательный результатъ, по которому оказывается, что при несравненно большей производительности въ Самарской губерніи крестьянинъ почти столь же бѣденъ, какъ и въ Вологодской, нетолько подтверждается статистическими вычисленіями, но въ немъ убѣждаетъ и личное наблюденіе.

ГЛАВА V.

Земледѣлецъ черноземной полосы.

Спускаясь постепенно на югъ, мы наконецъ дойдемъ до крайнихъ предѣловъ безплодія, до знаменитой Астраханской губерніи, въ которой статистическій временникъ считаетъ 93% поверхности подъ безплодными землями—сѣверныя тундры могли отвоевать у Архангельской губерніи только 64%: что̀ можетъ быть печальнѣе вида этихъ песчаныхъ и безлѣсныхъ степей. Грустную картину представляетъ ихъ видъ; еще грустнѣе вспомнить, что работникъ въ этихъ мѣстностяхъ бьется какъ рыба объ ледъ изъ-за топлива, топитъ камышемъ и чѣмъ попало. Трава здѣсь сухая, земля плодородна лишь въ оврагахъ и мокрыхъ мѣстахъ, пашенъ даже менѣе, чѣмъ въ Самарской и Оренбургской губерніи; лошади почти такія же жалкія. Одно нѣсколько удивляетъ—это видъ деревень: постройки въ нихъ не хуже, чѣмъ въ безлѣсныхъ общинахъ восточной Россіи. Этого мало, неожиданно оказывается, что въ Астраханской губерніи по свѣдѣніямъ 1863 года умиралъ одинъ изъ тридцати четырехъ, по количеству выпиваемаго вина Астраханская губернія занимаетъ въ числѣ сравниваемыхъ нами тридцати шести губерній седьмое мѣсто, кромѣ того, тамъ употребляется много вина виноградnаго. Не вздумала ли Астраханская губернія погоняться за западно-европейскимъ благосостояніемъ? неужели она можетъ надѣяться на успѣхъ среди своего образцоваго безплодія. Можетъ быть это чистая случайность, точно также какъ и значительный перевѣсъ рождающихся надъ умершими, составляющій около 50%. Есть, однакоже, обстоятельства, которыя заставляютъ видѣть въ этомъ не одну случайность. Южный климатъ тутъ соединился съ отсутствіемъ помѣщичьихъ земель и къ этому присоединились еще другія благопріятныя обстоятельства:

при многоземелiи значительное городское населенiе и такое обилiе скота, что Астраханская губернiя занимаетъ въ этомъ отношенiи первое мѣсто между всѣми россiйскими губернiями. При такихъ благопрiятныхъ обстоятельствахъ становится понятной въ Астраханской губернiи такая смертность, которая встрѣчается лишь въ бѣдствующихъ департаментахъ Францiи. Читатель мнѣ укажетъ на безплодiе почвы—посмотримъ, какъ велика вина этого безплодiя. Если изъ Астрахани подниматься сухимъ путемъ вверхъ по Волгѣ, то уже въ Черномъ Яру можно замѣтить, какъ отразилось вліяніе нѣмецкихъ колонистовъ. Оно отразилось весьма слабо, а все-таки отразилось; въ Черномъ Яру можно найти хлѣбъ такого хорошаго качества, какой трудно найти въ Петербургѣ. На пути до Сарепты вліяніе это дѣлается все болѣе и болѣе замѣтнымъ, наконецъ передъ любопытнымъ взоромъ является богатая сарептская колонiя. Кто ожидалъ увидѣть здѣсь что-нибудь колоссальное или поразительное, тотъ ошибется въ своихъ разсчетахъ, онъ увидитъ одинъ изъ центровъ промышленности, какiе онъ, можетъ быть, видалъ не разъ на Руси, но ему невольно бросится въ глаза рѣдкое въ Россiи совершенство земледѣльческихъ произведенiй, хлѣбъ и печенья такихъ достоинствъ, которыя за рѣдкость и въ Петербургѣ, и притомъ поразительная чистота. Колонiи при первомъ же знакомствѣ заявляютъ о своемъ благосостоянiи. Вотъ уже мы имѣемъ значительное населенiе Самарской и Саратовской губернiй, которое пользуется особеннымъ благосостоянiемъ. Кромѣ того, къ увеличенiю благоденствiя Саратовской губернiи соединилось еще многое другое. Саратовская губернiя, точно также, какъ и Астраханская, при многоземелiи отличается значительнымъ городскимъ населенiемъ (до 12% населенiя губернiй). Значительное городское населенiе всегда служитъ большимъ облегченiемъ для нашего бѣднаго земледѣльца; говоря о Самарской губернiи я объяснилъ, какъ земледѣлецъ доходитъ до нищеты вынужденный продавать свой хлѣбъ кулакамъ, во что бы то ни стало, для уплаты своихъ оброковъ и сборовъ. Конкуренцiя значительнаго городскаго населенiя ставитъ его въ положенiе несравненно болѣе выгодное, въ Саратовской губернiи, при меньшемъ сельскомъ населенiи, требованiе земледѣльческихъ продуктовъ со стороны городскаго втрое значительнѣе и сплавляемый хлѣбъ можетъ продаваться по болѣе дорогимъ цѣнамъ, вслѣдствiе большей близости рынковъ †). Болѣе плодоносная земля Саратовской губернiи даетъ возможность земледѣльцамъ держать большее количество крупнаго скота. При меньшемъ сельскомъ населенiи Саратовская губернiя имѣетъ на 25% болѣе

†) Чтобы убѣдиться, что значительное городское населенiе дѣйствительно имѣетъ благодѣтельное вліяніе на благосостоянiе русскаго работника, мы сравнимъ тридцать четыре губернiи, раздѣливъ ихъ на двѣ группы: въ одну мы поставимъ губернiи, въ которыхъ всего менѣе городскаго населенiя, а въ другую—гдѣ его всего болѣе. З. Войска Донскаго и Московская губернiя будутъ исключены, первая потому, что тутъ нельзя опредѣлить городскаго населенiя, а вторая потому, что она находится въ слишкомъ исключительныхъ обстоятельствахъ. По сравненiю окажется слѣдующее:

луговъ †). Къ болѣе плодоносной почвѣ присовокупляется и ея необходимое послѣдствіе—большее количество пашенъ при меньшемъ населеніи. Большее количество пашенъ, зависящее отъ плодородія земли и другихъ обстоятельствъ, имѣетъ почти точно такое же благопріятное вліяніе на благосостояніе рабочаго класса, какъ и значительное городское населеніе въ многоземельныхъ губерніяхъ ††).

Названіе губерній: а) группа съ большимъ городскимъ населеніемъ	Процентъ город. насел.	На какое число жителей приходится одинъ умершій	Процентъ город. насел.	Названіе губерній: б) группа съ меньшимъ городскимъ населеніемъ	
1. Тамбовская	8%	28 — 28	7%	Казанская	1
2. Бессарабская обл.	19	36 — 28	6	Рязанская	2
3. Астраханская	16	34 — 27	6	Симбирская	3
4. Таврическая	20	32 — 27	6	Псковская	4
5. Екатеринославская	13	30 — 27	7	Новгородская	5
6. Архангельская	10	30 — 26	6	Курская	6
7. Полтавская	9	28 — 25	6	Костромская	7
8. Саратовская	12	28 — 25	5	Вологодская	8
9. Калужская	9	27 — 24	7	Смоленская	9
10. Черниговская	10	25 — 24	7	Владимірская	10
11. Пензенская	9	25 — 24	4	Оренбургская	11
12. Харьковская	12	23 — 24	4	Самарская	12
13. Орловская	11	23 — 22	7	Нижегородская	13
14. Тверская	9	23 — 21	7	Олонецкая	14
15 Тульская	10	22 — 20	2	Вятская	15
16. Ярославская	9	22 — 20	5	Воронежская	16
17. Херсонская	16	19 — 18	4	Пермская	17

Результатъ этого сравненія замѣчателенъ нетолько по неизмѣнной постепенности цифръ, но еще болѣе потому, что всѣ губерніи, въ которыхъ смертность приближается къ смертности въ цивилизованныхъ странахъ и гдѣ умираетъ не болѣе одного изъ тридцати человѣкъ, оказались въ группѣ съ наибольшимъ городскимъ населеніемъ. Для моей цѣли важно именно официальное городское населеніе, т. е. населеніе чиновниковъ, военныхъ, мѣщанъ (пролетаріевъ), потому мною не приняты въ соображеніе промышленныя села. При такомъ же сравненіи, какъ сдѣлано было относительно частныхъ земель, окажется

умираетъ 1 изъ

30 и бол.	изъ губерн.	съ бол.	гор.	нас.	въ	5—0	изъ губ.	съ мен. гор. нас. въ
25	—	—	—	—		6—8	—	— —
20	—	—	—	—		5—8	—	— —
19 и мен.	—	—	—	—		1—1	—	— —

†) Въ Саратовской губерніи сельскаго населенія 1.485,747, крупнаго скота 480,000 штукъ, въ Самарской губерніи сельскаго населенія 1.614,776, крупнаго скота 464,000 штукъ.

††) Если сравнивать губерніи, въ которыхъ менѣе пахотныхъ земель, съ тѣми, въ которыхъ ихъ болѣе, то окажется слѣдующее:

а) Губерніи, гдѣ болѣе пахотныхъ земель	Сколько десятинъ пашни приходится на жителя	На какое число жителей приходится одинъ умершій	Сколько десятинъ пашни приходится на жителя	б) Губерніи, гдѣ менѣе пахотныхъ земель	
1. Войско Донское	3.80	41 — 36	1.18	Бессарабская обл.	1
2. Тамбовская	1.83	28 — 34	0.61	Астраханская	2
3. Таврическая	1.65	32 — 30	0.25	Архангельская	3
4. Екатеринославская	1.55	30 — 28	1.20	Саратовская	4
5. Казанская	1.54	28 — 28	1.05	Полтавская	5
6. Рязанская	1.50	28 — 27	1.30	Новгородская	6
7. Симбирская	1.54	27 — 25	0.80	Вологодская	7
8. Калужская	1.61	27 — 25	1.40	Костромская	8
9. Псковская	1.85	27 — 25	1.30	Пензенская	9
10. Курская	1.53	26 — 24	0.75	Оренбургская	10
11. Черниговская	1.75	25 — 24	1.49	Самарская	11
12. Владимірская	1.60	24 — 23	1.22	Тверская	12

Наконецъ ко всему этому присовокупляется болѣе южное положеніе †). Вся Сара-

13. Смоленская . . .	1.73	24 — 22	0.77	. . .Московская	13
14. Орловская . . .	1.51	23 — 22	1.14	. . Ярославская	14
15. Харьковская . .	1.45	23 — 22	1.40	. .Нижегородская	15
16. Тульская. . . .	1.74	22 — 21	0.86	. . . Олонецкая	16
17. Воронежская . .	1.90	20 — 20	1.43	. . . . Вятская	17
18. Херсонская. . .	2.22	19 — 18	1.41	. . . .Пермская	18

Результатъ этотъ самъ по себѣ довольно рѣшительный, а тутъ еще не принято въ соображеніе ни качества почвы, ни урожаевъ, ни того, какая часть пахотныхъ земель находится въ частномъ владѣніи. Это достаточно доказываетъ, какое огромное вліяніе на благосостояніе нашего работника имѣетъ успѣхъ земледѣлія. Приведенный результатъ былъ бы еще рѣшительнѣе, еслибы въ число губерній, гдѣ всего менѣе пашенъ, не попали всѣ сѣверныя и безплодныя губерніи, въ которыхъ нѣтъ или весьма мало помѣщичьихъ земель и въ которыхъ въ тоже время очень мало пашенъ или по причинѣ слишкомъ сѣвернаго положенія, какъ напр. въ губерніи Архангельской, или по причинѣ безплодія, какъ напр. въ губерніи Астраханской. Въ этихъ губерніяхъ польза отъ отсутствія помѣщичьихъ земель перевѣшиваетъ вредъ отъ недостатка пашенъ. Между губерніями съ малымъ количествомъ пашенъ три вышеупомянутыя губерніи — единственныя, въ которыхъ умираетъ одинъ изъ тридцати человѣкъ и менѣе.

†) Болѣе южное географическое положеніе имѣетъ несомнѣнно нѣкоторое благопріятное вліяніе на благосостояніе рабочаго населенія губерніи. Изъ числа шести губерній, въ которыхъ умираетъ одинъ изъ тридцати и менѣе, пять принадлежатъ къ южнымъ губерніямъ, а изъ числа шести южныхъ губерній, лежащихъ въ одной полосѣ отъ Турецкой границы до Каспійскаго моря, только въ одной умираетъ одинъ изъ девятнадцати, а въ пяти одинъ изъ тридцати и болѣе. Но это было бы еще неудовлетворительнымъ доказательствомъ, потому что въ числѣ этихъ шести губерній Астраханская, въ которой почти нѣтъ помѣщичьихъ земель, двѣ, въ которыхъ ихъ мало (Войско Донское и Екатеринославская губ.), а въ шестой Херсонской, въ которой частныхъ земель болѣе другихъ, умираетъ одинъ изъ девятнадцати! Болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ можетъ служить сравненіе трохъ рядовъ губерній, изъ которыхъ каждый рядъ лежитъ непосредственно къ сѣверу отъ другаго, и въ каждомъ ряду оказывается почти столько же частныхъ земель, количество частныхъ земель даже уменьшается по мѣрѣ приближенія къ сѣверу (самый южный рядъ состоитъ изъ губерній Калужской—умираетъ 1 изъ 27, на части. земляхъ живетъ 64% нас., Тульской—ум. 1 изъ 22, на ч. з. 70% н., Рязанской—ум. 1 изъ 28, на ч. з. 55% н., Пензенской—ум. 1 изъ 25, на ч. з. 40% н., Симбирской — ум. 1 изъ 27, на ч. з. 82% н. — Средній рядъ состоитъ изъ губерній Смоленской — ум. 1 изъ 24, на ч. з. 69% н., Московской — ум. 1 изъ 22, на ч. з. 51% н., Владимірской—ум. 1 изъ 24, на ч. з. 64%, Нижегородской—ум. 1 изъ 22, на ч. з. 64% н., Казанской—ум. 1 изъ 28, на ч. з. 15% н.—Самый сѣверный рядъ состоитъ изъ губерній Псковской—ум. 1 изъ 27, на ч. з. 59% н., Тверской—ум. 1 изъ 23, на ч. з. 54% н., Ярославской—изъ 22, на ч. з. 57% н., Костромской—1 изъ 25, на ч. з. 69% н , Вятской—ум. 1 изъ 20, на ч. з. 12% н.). При сопоставленіи чиселъ живущихъ на одного умирающаго оказывается:

		процентъ населенія на част. зем.
южный рядъ . . .	28 — 27 — 27 — 25 — 22	82 — 70 — 64 — 55 — 40
средній рядъ . . .	28 — 24 — 24 — 22 — 22	69 — 64 — 64 — 51 — 15
сѣверный рядъ . .	27 — 25 — 23 — 22 — 20	69 — 59 — 57 — 54 — 12

Болѣе благопріятное отношеніе частныхъ земель въ сѣверныхъ губерніяхъ уравновѣшивается болѣе плохой почвой и вліяніе климата остается замѣтнымъ. Если

товская губернія находится на правой сторонѣ Волги, въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ отъ песчаныхъ степей. Вотъ сколько благопріятныхъ обстоятельствъ соединяется въ Саратовской губерніи и соединяется, чтобы породить такую же смертность (одинъ изъ двадцати осьми), какая существуетъ между англійскими нищими, смертность такую значительную, какой не встрѣчается въ самыхъ бѣдныхъ департаментахъ Франціи. Въ нашемъ жалкомъ положеніи мы должны радоваться и такому результату; смертность въ Самарской губерніи ниже той, которая встрѣчается въ самыхъ ужасныхъ кварталахъ Лондона, гдѣ умираетъ одинъ изъ двадцати пяти. Въ этомъ печальномъ результатѣ какая доля можетъ быть приписана несчастнымъ случайностямъ? Въ подобныхъ цифрахъ колебаніе вообще весьма незначительно; во Франціи, въ разныхъ мѣстностяхъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ 1836 по 1851 годъ колебаніе было отъ 37 до 39 и отъ 41 до 44, въ Парижѣ отъ 35.93 до 38.18. Въ Вологодской губерніи съ 1846 по 1864 годъ мы видимъ колебаніе отъ 25 до 28, въ Пермской губерніи въ разные годы колебаніе было отъ 18 до 23. Если предположить, что приведенная выше смертность обнаружилась въ Саратовской губерніи подъ вліяніемъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и что въ самый благопріятный годъ она дастъ самую большую разницу и окажется одинъ умершій на 33 человѣка, то этотъ самый благопріятный годъ будетъ все-таки еще далекъ отъ средняго уровня смертности въ цивилизованныхъ государствахъ Европы: Англіи (45), Франціи (42) и Пруссіи (38): что же, если окажется наоборотъ, что приведенная смертность самая благопріятная, тогда самый неблагопріятный случай (1 изъ 23) представитъ смертность болѣе значительную, чѣмъ въ самыхъ ужасныхъ кварталахъ Лондона (1 изъ 25).

Пустимся далѣе въ путь, посмотримъ, что намъ покажетъ черноземная полоса между Волгой, Окою и Дономъ. Безлѣсіе мало отражается на постройкахъ въ селеніяхъ Астраханской губерніи, расположенныхъ вдоль береговъ

для сравненія взять еще рядъ губерній, лежащихъ непосредственно къ югу отъ южнаго ряда, т. е. губерніи Черниговскую, Орловскую, Тамбовскую и Саратовскую, въ которыхъ кромѣ того и количество помѣщичьихъ земель незначительнѣе, то цифры будутъ еще рѣзче

живущихъ на одного умирающаго	процентъ населенія на част. зем.
въ южномъ ряду 28 — 28 — 25 — — — 23	53 — 51 — 40 — — — 37
въ 1-мъ къ сѣвер. 28 — 27 — 27 — 25 — 22	82 — 70 — 64 — 55 — 40
въ 2-мъ къ сѣвер. 28 — 24 — 24 — 22 — 22	69 — 64 — 64 — 51 — 15
въ сѣвер. ряду 27 — 25 — 23 — 22 — 20	69 — 59 — 57 — 54 — 12

Въ слѣдующихъ затѣмъ пяти губерніяхъ Курской, Полтавской, Харьковской, Воронежской и Войскѣ Донскомъ цифры таковы:

5-й южный рядъ. 41 — 28 — 26 — 23 — 20 41 — 40 — 37 — 30 — 26

Вообще вліяніе южнаго климата, хотя не очень значительно, все-таки замѣтно: пять самыхъ сѣверныхъ губерній, гдѣ всего менѣе частныхъ земель, неожиданно представляютъ самое благопріятное отношеніе послѣ 5-го южнаго ряда; вотъ оно:

крайн. сѣв. рядъ 30 — 27 — 26 — 25 — 21 62 — 37 — 34 — 23 — 20

Петербургская, Новгородская, Олонецкая, Вологодская, Архангельская.

Волги, но оно невольно бросается въ глаза въ безлѣсныхъ степяхъ между Волгою и Дономъ — крошечныя избы въ два окна имѣютъ видъ миніатюрныхъ построекъ. Бревенчатыя избы имѣютъ видъ игрушекъ, а смазанныя снаружи глиною и окрашенныя бѣлымъ, онѣ чисты и привлекательны, несмотря на то, что похожи на жилища пигмеевъ, а не высокорослыхъ людей. Если не знать причину, то можно подумать, что тутъ живетъ самый бѣдный и несчастный народъ; но и человѣкъ знакомый съ причиной, входя безпрерывно въ угарныя избы, не можетъ удержаться отъ мысли о томъ, сколько тутъ причиняется страданій безлѣсіемъ. Нѣсколько утѣшаютъ другіе признаки благосостоянія, напр. скотъ и лошади несравненно лучшаго вида, чѣмъ въ Астраханской или въ Самарской губерніи. Подвигаясь вверхъ по Тамбовской губерніи, начинаешь замѣчать и постепенное улучшеніе въ постройкахъ. Войдешь вечеромъ, зимою, въ одну изъ самыхъ большихъ избъ въ деревнѣ: на треножникѣ воткнута лучина и она освѣщаетъ обширное и мрачное помѣщеніе. Неожиданно очутившись въ ней при такомъ освѣщеніи, можно принять ее за мрачную средневѣковую тюрьму — вѣроятно даже и въ средніе вѣка было мало тюремъ, которыя по своей грозной мрачности были бы похожи на это жилище свободныхъ людей — оно въ одно и тоже время напоминало и тюрьму и развалину какого-нибудь башеннаго помѣщенія. Маленькія окна навязывали мысль о башнѣ, стѣны покрыты были густымъ слоемъ копоти, полъ еще болѣе густымъ слоемъ грязи, онъ даже не имѣлъ вида грязнаго пола, можно было и не догадаться, что это были деревянныя доски, а принять ихъ за темносѣрую массу неизвѣстнаго вещества. Въ немъ были огромныя дыры, длиною до трехъ четвертей аршина и шириною въ два и три вершка. Изъ этихъ дыръ вѣтеръ вырывался иногда съ такою силою, что грозилъ задуть лучину; въ нихъ постоянно проваливались горящіе угли лучины и хозяева безпрерывно бѣгали и лили подъ полъ воду, чтобы ихъ затушить; сырость изъ-подъ полу производила затхлый угаръ. Весь потолокъ былъ покрытъ сплошною массою бѣлаго инея и въ избѣ было такъ холодно, что невозможно было согрѣться даже въ шубѣ. Зеленыя лица и красные носы дѣтей показывали, что они должны были выносить. Въ этой избѣ жили люди, пользовавшіеся нѣкоторымъ достаткомъ—это были ямщики-работники. Пусть вообразятъ себѣ послѣ этого, что происходитъ въ избахъ бѣдныхъ людей. На вопросъ о томъ, какую они получаютъ заработную плату, я получилъ отвѣтъ— пять рублей въ мѣсяцъ. Отвѣтъ этотъ болѣзненно отозвался во мнѣ. Разъѣзжая по Россіи, я неоднократно замѣчалъ однообразную заработную плату въ самыхъ разнородныхъ мѣстностяхъ, съ самыми различными потребностями и цѣнами на хлѣбъ — казалось заработная плата была повсемѣстно закована кѣмъ-то въ одну форму, въ то время какъ цѣны произведеній остались свободными. Сапожный и портной подмастерье заработываетъ около шести рублей въ Астрахани, въ Вологдѣ и даже въ Кузнецкѣ, Томской губерніи; поштучная плата за сапоги рубль тридцать копѣекъ въ Тверской губерніи и въ Томскѣ. Пять рублей въ мѣсяцъ для ямщика я встрѣчалъ въ самыхъ разнородныхъ мѣстностяхъ черноземной, промышленной и многоземельной

Россіи, десять рублей въ мѣсяцъ на золотыхъ промыслахъ въ Томской и въ Пермской губерніи. За рейсъ въ верхнихъ частяхъ Оки отъ орловскихъ и мценскихъ пристаней до Калуги и Коломны обыкновенная плата четыре рубля, за рейсъ по Унжѣ и Волгѣ изъ Вологодской губерніи до Юрьевца, Макарья и даже до Нижняго женщина получаетъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ, мужчина — четыре рубля. Приэтомъ работаютъ до совершеннаго изнуренія силъ и назадъ идутъ пѣшкомъ. Хозяинъ, который долженъ содержать рабочихъ во время всего пути туда и обратно, торопится безмѣрно, чтобы уменьшить свои издержки, идутъ по осьмидесяти верстъ въ сутки, проселочными дорогами и тропами; приходится порою идти верстъ тридцать водою и грязью выше колѣна. Женщины до такой степени изнуряются этими форсированными маршами, что наконецъ дѣлаются рѣшительно неспособными слѣдовать за партіею, остаются и продолжаютъ путь уже на собственный счетъ. Вотъ образецъ труда того работника, котораго такъ постоянно упрекаютъ въ лѣни. Что значатъ эти факты, для чего работникъ несетъ непосильный трудъ за одинаковую плату, въ такой разнородной обстановкѣ? Не много нужно подумать, чтобы добраться до причины: работникъ трудится и изнуряетъ себя непосильной работой не для того, чтобы достигнуть благосостоянія и обезпечить свое семейство, не для того, чтобы усиленнымъ трудомъ увеличить свои наслажденія или достигнуть прочнаго благополучія, а единственно и исключительно для того, чтобы уплачивать оброки и сборы — эти оброки и сборы на всемъ пространствѣ Руси почти одинаковы, вотъ источникъ этого единообразія въ заработной платѣ. Его собственное благосостояніе отступаетъ приэтомъ на самый послѣдній планъ, онъ готовъ все вынести, готовъ наложить всякую обузу, всѣ лишенія на членовъ своего семейства, лишь бы только главная цѣль была достигнута, явилась возможность къ уплатѣ оброковъ и сборовъ. Съ этою цѣлью онъ нерѣдко отпускаетъ свою дочь, молоденькую дѣвушку, одну для сплава плотовъ. Изнемогая подъ тяжестью совершенно непосильной для нея работы, это несчастное существо дѣлается предметомъ всевозможныхъ притѣсненій; для огражденія себя отъ всѣхъ этихъ золъ она не имѣетъ ни достаточной опытности, ни силы воли; среди распущенныхъ мужчинъ, съ которыми она должна проводить постоянно и дни и ночи, она дѣлается невольной жертвою развратныхъ покушеній. У насъ такъ привыкли къ подобнымъ явленіямъ, что смотрятъ на нихъ съ какимъ-то страннымъ хладнокровіемъ; полагаютъ даже, что въ Россіи рабочій народъ равнодушенъ къ нравственности въ половыхъ отношеніяхъ. Подобную вещь можетъ сказать про русскаго работника только поверхностный наблюдатель. Вездѣ, гдѣ я встрѣчалъ дѣйствительное благосостояніе въ рабочемъ классѣ, я встрѣчалъ и строгіе нравы въ половыхъ отношеніяхъ, я встрѣчалъ ихъ нетолько въ отдаленныхъ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ по поверхностному мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ и моралистовъ отсутствіе соблазна охраняетъ отъ разврата, я встрѣчалъ ихъ между земледѣльческимъ населеніемъ въ окрестностяхъ Петербурга, и въ самомъ Петербургѣ, среди петербургскихъ мѣщанъ, т. е. самаго богатаго класса петербургскихъ работниковъ.

Земледѣлецъ изъ подобныхъ деревень Петербургской губерніи, мѣщанинъ изъ хорошаго семейства счелъ бы себя въ высшей степени несчастливымъ и униженнымъ, еслибы ему случилось жениться на дѣвушкѣ, которая уже знала любовь. Съ подобными же понятіями кружки разсѣяны по всему лицу русской земли, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что въ каждомъ значительномъ городѣ найдутся подобные кружки. Тамъ, гдѣ встрѣчается благосостояніе, но только на болѣе низкой степени, тамъ встрѣчаются нравы, которые извѣстны и въ Европѣ, дѣвушка нерѣдко узнаетъ любовь и до брака, но она рѣшается вступать въ связь только съ тѣмъ человѣкомъ, который впослѣдствіи на ней женится. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ работникъ дотого бѣденъ, несчастливъ и униженъ, что ему не до приличій, онъ не можетъ думать о томъ, какъ бы ограждать свою дочь отъ положеній, въ которыхъ она волею или неволею увлекается на тяжкій для бѣдной, трудящейся женщины путь растлѣнія и разврата,—онъ ее ставитъ во всякое положеніе, гдѣ только можно что-нибудь заработать. Конечно женщина, окунувшаяся въ тотъ омутъ, гдѣ безраздѣльно царитъ растлѣніе нравовъ, со страстью предается пороку, но вѣдь и воръ со страстью предается воровству; но неужели жизнь вора, эта жизнь полная лишеній и опасностей, можетъ показаться кому-нибудь заманчивою? Никто не позавидуетъ человѣку пьющему запоемъ, вору или развратницѣ, несмотря на неодолимую страсть, съ которою они предаются своему дѣлу. Нѣтъ, только бѣдность и крайняя степень униженія и необходимости толкаетъ несчастный русскій рабочій народъ на эту жалкую дорогу. Когда я встрѣчалъ образованнаго человѣка, который съ улыбкою говорилъ о нашихъ крестьянкахъ, добывающихъ себѣ наряды развратомъ, я чувствовалъ невольное презрѣніе къ ничтожеству этого псевдо-образованнаго члена нашего общества.

Проѣзжая по хуторамъ Земли Войска Донскаго, по Воронежской губерніи и по многолюднымъ селеніямъ губерніи Тамбовской, легко замѣтить разницу въ густотѣ населенія, не трудно замѣтить также разницу въ лѣсномъ богатствѣ. Приближаясь къ сѣверу въ обширныхъ селеніяхъ Тамбовской губерніи миніатюрные домики замѣняются трехъ- и двухъоконными избами, которыя такъ часто приходилось видѣть въ восточной Россіи. Не нужно также особой наблюдательности, чтобы рѣзко отличить постройки Тамбовской губерніи нетолько отъ построекъ сѣверной лѣсной полосы, но и отъ селеній лѣсистыхъ мѣстностей восточной Россіи. Наконецъ можно замѣтить лучшее качество скота въ Землѣ Войска Донскаго, но рѣшительно невозможно угадать, что находишься въ одной изъ тѣхъ мѣстностей Россіи, въ которыхъ рабочій классъ пользуется наибольшимъ благосостояніемъ и находится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ,—такъ незначительна разница между его страданіями и его благоденствіемъ; ни въ хуторахъ Земли Войска Донскаго, ни въ большихъ селахъ Тамбовской губерніи нельзя найти путешественнику мяса или сколько-нибудь сносной пищи даже зимою; ничего кромѣ мелкой и дрянной рыбы, которою лакомятся крестьяне. Мой спутникъ имѣлъ въ одномъ многолюдномъ селѣ Тамбовской губерніи жену и родственниковъ, съ которыми онъ

встрѣтился послѣ многолѣтней разлуки; это было въ декабрѣ мѣсяцѣ, онъ и его родственники употребили всѣ усилія, чтобы отыскать въ селѣ мясо или рыбу, но усилія были напрасны и они достали мнѣ курицу, которая была заколота исключительно для меня; когда она была приготовлена, я не могъ надивиться ея худобѣ. Между тѣмъ въ этихъ губерніяхъ соединяется все, что можетъ способствовать благосостоянію работника въ Россіи: южное положеніе, хорошая почва, значительное количество пашенъ, значительное количество скота, относительно небольшое количество частныхъ земель и большое городское населеніе; одного только у нихъ не достаетъ, это лѣснаго богатства, но этотъ недостатокъ съ лихвою вознаграждается другими преимуществами. По количеству пахотныхъ земель Земля Войска Донскаго и Тамбовская губернія занимаютъ одни изъ первыхъ мѣстъ; въ то время какъ въ Россіи на четыре человѣка населенія приходится менѣе одной лошади, въ Тамбовской губерніи на два съ половиною приходится болѣе одной лошади †). Несмотря на всѣ эти преимуще-

---

†) Количество скота имѣетъ въ Россіи одно изъ самыхъ рѣшительныхъ вліяній на благосостояніе рабочаго населенія Россіи. Сравненіе тридцати шести губерній даетъ слѣдующіе результаты.

а) Губерніи, гдѣ болѣе скота	Число штукъ скота на жителя	умираетъ одинъ изъ	Число штукъ скота на жителя	б) Губерніи, гдѣ менѣе скота	
1. Войско Донское . .	3.72	41 — 28	1.10	. . . Саратовская	1
2. Бессарабская обл. .	2.20	36 — 27	1.08	. . . . Калужская	2
3. Астраханская . . .	6.35	34 — 27	1.01	. . . Новгородская	3
4. Таврическая . . .	5.11	32 — 27	1.19	. . . . Псковская	4
5. Архангельская. . .	1.70	30 — 25	0.90	. . . Вологодская	5
6. Екатеринославская .	3.60	30 — 25	1.04	. . . Костромская	6
7. Тамбовская. . . .	1.52	28 — 24	0.73	. . . Владимірская	7
8. Казанская . . .	1.40	28 — 24	1.37	. . Самарская ††)	8
9. Полтавская. . . .	1.77	28 — 24	1.35	. . . .Смоленская	9
10. Рязанская	1.42	28 — 23	1.25	. . . . Орловская	10
11. Симбирская. . . .	1.41	27 — 23	0.81	. . . . Тверская	11
12. Курская	1.41	26 — 22	0.59	. . . .Московская	12
13. Пензенская	1.40	25 — 22	0.90	. . . Ярославская	13
14. Черниговская . . .	1.46	25 — 22	1.11	. . . . Тульская	14
15. Оренбургская . . .	2	24 — 22	0.93	. . Нижегородская	15
16. Харьковская . . .	1.61	23 — 21	0.86	. . . . Олонецкая	16
17. Воронежская . . .	1.84	20 — 20	0.98	. . . . . Вятская	17
18. Херсонская. . . .	2.66	19 — 18	1.38	. . . . Пермская	18

Результатъ сравненія такой рѣшительный, что большое вліяніе количества скота на благосостояніе рабочаго класса не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что вліяніе это можно было предполагать существующимъ прежде, чѣмъ его подтвердили статистическія данныя и подтвердили такимъ рѣшительнымъ образомъ.

††) На основаніи свѣдѣній статистическаго временника за 1866 г. приходится въ Самарской губерніи на жителя 1.37 штукъ скота, а на основаніи свѣдѣній Самарской памятной книжки 1864 года приходится на жителя 1.92 штуки скота. Существеннаго измѣненія это не произведетъ, измѣнившійся результатъ я помѣстилъ въ скобкахъ (должно быть въ статистическомъ временникѣ есть опечатка, а въ памятной книжкѣ преувеличеніе).

ства, Тамбовская губернія все-таки не можетъ выбиться изъ двадцатыхъ цифръ въ отношеніи къ смертности (въ ней умираетъ 1 изъ 28); препятствующая причина слишкомъ сильна, чтобы ее могли одолѣть другія, благопріятныя условія.

Если мы начиная отъ безлѣсной тундры Архангельской губерніи будемъ спускаться прямо на югъ къ полосѣ, находящейся между Ураломъ и Волгою, нашъ путь будетъ лежать по губерніямъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Казанской, Самарской и кончится въ Астраханской. Въ тундрахъ и непроходимыхъ лѣсахъ Архангельской губерніи, гдѣ земля никогда не оттаиваетъ, гдѣ и лѣто отзывается зимою, никто не будетъ искать ни многочисленныхъ пашенъ, ни роскошныхъ и обширныхъ луговъ и дѣйствительно хлѣбопашество въ Архангельской губерніи столь же незначительно, какъ и скотоводство. Когда спускаешься къ югу, сѣверный морозъ шагъ за шагомъ отстаиваетъ свое право водворять царство безплодія и только медленно мало по малу увеличивается и количество пашенъ и количество луговъ. Сначала сѣверное безплодіе, дѣлая уступку на одномъ пунктѣ, какъ будто старается вознаградить себя на другомъ: оно даетъ Вологодской губерніи болѣе пашенъ и луговъ, но зато-же отнимаетъ у нея возможность разводить оленей, олени даютъ значительный перевѣсъ количеству скота Архангельской губерніи, несмотря на то, что обыкновеннаго скота въ ней менѣе. Это послѣдняя побѣда сѣвера. Въ Вятской губерніи болѣе и пашенъ и скота, чѣмъ въ Вологодской, а Казанская имѣетъ передъ Вятской преимущество во всѣхъ отношеніяхъ. Спускаясь далѣе на югъ, слѣдовало бы ожидать развитія земледѣлія и скотоводства въ прогрессіи еще болѣе быстрой. Населеніе дѣлается менѣе густымъ, климатъ болѣе теплымъ; многоземельнымъ общинамъ на обширныхъ ихъ земляхъ, подъ болѣе благодатнымъ небомъ, повидимому ничто не мѣшаетъ разводить скотъ и распложать пашни. Мало этого, нужно было бы ожидать большаго разнообразія земледѣльческихъ произведеній и даже развитія садоводства, вишня растетъ тамъ въ дикомъ состояніи и даетъ ягоды крупныя и пріятнаго вкуса, дикихъ ягодъ такое множество, что постилы вошли въ общее употребленіе между сельскимъ населеніемъ. Между тѣмъ къ крайнему удивленію мы встрѣчаемъ въ Самарской губерніи значительное уменьшеніе пахотныхъ земель, нетолько по сравненію съ Казанской губерніею, но даже съ Вятскою. Вмѣстѣ съ тѣмъ луга продолжаютъ возрастать и Самарская губернія имѣетъ почти вдвое болѣе луговъ, чѣмъ Казанская, но въ тоже время скота, по свѣдѣніямъ статисти-

---

Если сдѣлать то же сравненіе, которое мы дѣлали относительно помѣщичьихъ земель, то окажется:

умираетъ 1 изъ	40	и бол.	въ губерн.	гдѣ много скота	1	гдѣ мало	0
—	—	30	—	—	—	—	5	—	0
—	—	25	—	—	—	—	8(7)	—	(7)6
—	—	20	—	—	—	—	3(4)	—	(10)11
—	—	15	—	—	—	—	1	—	1

ческаго временника 1866 года, меньше †). Астраханская губернія, несмотря на свои 93% безплодныхъ земель, все-таки стала выше Самарской и если въ ней мало пахотныхъ земель, то зато-же она занимаетъ первое мѣсто между всѣми губерніями европейской Россіи по обширности своего скотоводства, она имѣетъ втрое болѣе скота, чѣмъ Оренбургская губернія, и почти вдвое болѣе, чѣмъ Войско Донское ††). Гдѣ же причина этого бѣдственнаго состоянія Самарской губерніи, причина, которая дѣлаетъ самарскаго работника такимъ бѣдствующимъ и несчастнымъ? Можетъ быть причина эта лежитъ въ безплодіи самарской почвы? Но что же въ такомъ случаѣ означаетъ большое количество луговъ и несоразмѣрно малое количество скота — гдѣ много луговъ тамъ можетъ быть и много пашенъ. Если половина Самарской губерніи и безплодна, то зато-же и населеніе тамъ въ два съ половиною раза болѣе рѣдкое, чѣмъ въ губерніи Казанской, и все-таки въ окончательномъ результатѣ относительно населенія Самарская губернія имѣетъ болѣе плодоносныхъ земель, чѣмъ Казанская.

Монотонны покажутся путешественнику мѣстности Казанской губерніи послѣ раздолья самарскихъ степей. Съ вершины плоской возвышенности необозримыми волнами стелется зеленый коверъ, едва глазъ можетъ обнять пространства далекаго горизонта, золотится надъ головою теплое вечернее небо, отъ розовыхъ облаковъ едва можно отличить темную розовую степную даль, за темной полосой идетъ свѣтло розовая, это все-еще не облака, а далекая бугристая степь.—Въ Казанской губерніи и небо не такое алое, и бури не напоминаютъ юга, но отчего же кругомъ видно болѣе богатства, отчего казанскія села представляютъ богатство зданій безпримѣрное въ Самарской губерніи и двухъэтажная изба тамъ вовсе не исключеніе? отчего тамъ у крестьянина нерѣдко встрѣтить крупную заводскую лошадь, а въ Самарской губерніи это—великое исключеніе? отчего тамъ народъ одѣвается богаче и увеличившееся благосостояніе обнаруживается въ такихъ многоразличныхъ при-

---

†) Вотъ сравненіе:

	На жителя приходится			
	Скота съ оленями	Скота безъ оленей	Въ десятинахъ луговъ	пашенъ
1. Архангельская губернія . .	1.70	0.72	0.45	0.25
2. Вологодская губернія . . .	»	0.90	0.50	0 80
3. Вятская губернія.	»	0.98	0.24	1.43
4. Казанская губернія	»	1.40	0.90	1.54
5. Самарская губернія	»	1.37	1.60	1.19
6. Астраханская губернія . .	»	6.35	2.60	0.61

††) Губерніи, въ которыхъ приходится болѣе 2-хъ штукъ скота на жителя:

1. Астраханская. . . .	6.35	штукъ скота	на жителя.
2. Таврическая	5.11	—	—
3. Войско Донское . . .	3.72	—	—
4. Екатеринославская . .	3.60	—	—
5. Бессарабская	2.20	—	—
6. Оренбургская	2	—	—
7. Херсонская.	2.66	—	—

знакахъ, что его невозможно не замѣтить? Причина ясная и простая. Въ Казанской губерніи менѣе одной шестой населенія живетъ на помѣщичьихъ земляхъ, а въ Самарской треть населенія, въ Казанской почти вдвое больше городскаго населенія и она ближе къ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ высокія цѣны на хлѣбъ. Уплачивая въ видѣ оброковъ и сборовъ приблизительно столько же †), сколько и самарскій земледѣлецъ, казанскій крестьянинъ долженъ продавать вдвое менѣе. Въ то время какъ несчастный самарскій земледѣлецъ долженъ продавать все, что онъ производитъ, оставлять для себя самую скудную и недостаточную пищу и такъ мало сѣмянъ, что онъ не можетъ и думать о распространеніи посѣвовъ, напротивъ постоянно рискуетъ, что неурожаи вынудятъ его къ уменьшенію размѣровъ своего хлѣбопашества, земледѣлецъ казанскій, несмотря на болѣе густое населеніе и на малоземеліе общинъ могъ дать своему хозяйству большіе размѣры. Представьте себѣ теперь этого самарскаго крестьянина неплатящимъ никакихъ оброковъ и прямыхъ податей. Этотъ несчастный земледѣлецъ, который привыкъ приходить въ ужасъ, когда онъ замѣчалъ, что въ его семействѣ съѣдается въ день до фунта хлѣба на человѣка, и тотчасъ принималъ мѣры къ уменьшенію такой неумѣренности и роскоши, этотъ земледѣлецъ, который имѣлъ для содержанія своего семейства едва двадцать восемь пудовъ хлѣба въ годъ, сдѣлается вдругъ распорядителемъ пятидесяти осьми пудовъ хлѣба и трехъ пудовъ масла, сала и мяса, — тогда какъ прежде не имѣлъ и трехъ фунтовъ въ день на семейство, теперь получитъ шесть съ половиною фунтовъ и въ томъ числѣ масло и мясо. Онъ улучшитъ пищу своего семейства и содержаніе своего скота и все-таки у него останется десять пудовъ лишнихъ на сѣмена. Сразу онъ можетъ увеличить свой посѣвъ на тридцать процентовъ, а черезъ два года самарскіе земледѣльцы будутъ засѣвать, вмѣсто двухъ, три милліона десятинъ. Черезъ шесть лѣтъ они будутъ такъ же богаты, какъ нѣмецкіе колонисты. Оставимъ самарскаго земледѣльца такимъ же русскимъ земледѣльцемъ, какого мы видимъ вездѣ на Руси начиная отъ финляндскихъ водъ и кончая якутскими горами, отъ льдовъ таймурской земли и до крымскихъ виноградниковъ. Предположимъ, что въ немъ ни трудолюбіе, ни бережливость, ни агрономическія свѣдѣнія не увеличились ни на полволоса, а все-таки черезъ шесть лѣтъ онъ будетъ по крайней мѣрѣ такъ же богатъ, какъ нѣмецкій колонистъ, и по всей вѣроятности будетъ богаче. Если читатель не вѣритъ, вотъ ему доказательство: въ Самарской губерніи считается въ настоящее время два милліона десятинъ пахотныхъ земель и два милліона шестьсотъ сорокъ восемь тысячъ десятинъ луговъ. Съ пашенъ въ настоящее время въ Самарской губерніи получается по разсчету изложенному выше 34,700,000 тысячъ пудовъ ††), а по разсчету, который я

†) Податей и земскихъ сборовъ крестьянинъ Самарской губерніи уплачиваетъ по 1 р. 75 коп. съ жителя сельскаго сословія, а Казанской по 2 р. 24 коп.

††) Тутъ я скажу нѣсколько словъ о достовѣрности показаній нашихъ статистиковъ оптимистовъ. Въ памятной книжкѣ Самарской губерніи за 1863 — 1864 годы

признавалъ преувеличеннымъ, до 40,000,000 пудовъ. Изъ нихъ болѣе шести милліоновъ принадлежало частнымъ землевладѣльцамъ. Всего слѣдовательно

помѣщено описаніе села Сосновки Дерюжева. Описаніе это было для меня весьма интересно: я въ Сосновкѣ не былъ, а между тѣмъ зналъ, что это село славится своимъ благосостояніемъ между окрестными жителями; для меня было интересно повѣрить свои выводы съ показаніями писателя, который выражался про домашнюю птицу Сосновки: «птицы у насъ преимущественно куры», и этимъ заставлялъ подозрѣвать, что онъ считаетъ Сосновку мѣстомъ своего жительства. Жители Сосновки принадлежатъ къ земледѣльцамъ, которые находятся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: они государственные крестьяне, село ихъ расположено въ лѣсистой мѣстности и половина ихъ земли подъ лѣсомъ; почва, какъ вообще въ лѣсистыхъ мѣстахъ, самая плодородная. Число жителей авторъ описанія опредѣляетъ въ 1285 человѣкъ, посѣвъ пшеницы—50 четвертей, проса 15 четвертей, полбы 90 четв., овса 700 четв., гречи 81 четв., гороху 20 четв., и ржи 300 четв. Разсчитывая сборъ этого посѣва по преувеличеннымъ свѣдѣніямъ его же Дерюжева о среднихъ урожаяхъ въ Сосновкѣ, сборъ хлѣба будетъ: пшеницы 250 четв , проса 75 четв., полбы 540 четв., овса 600 четв., гречи 567 четв., гороху 100 четв., ржи 1500 четв. За вычетомъ сѣмянъ пшеницы 200 четв., проса 60 четв., полбы 450 четв., овса 500 четв., гречи 486 четв., гороху 80 четв., ржи 1200 четв., всего 2976 четв., на жителя приходится двѣ четверти тридцать одна сотыхъ, т. е. по преувеличенному также разсчету около двадцати пудовъ; половина продается для уплаты податей, остается около фунта на человѣка въ день. Такой результатъ и слѣдовало ожидать: зная наклонность къ оптимизму въ нашемъ отечествѣ и опасаясь упрековъ въ преувеличеніи народныхъ страданій, я постоянно выставлялъ жизнь рабочихъ въ розовомъ свѣтѣ, я изображалъ ихъ пользующимися большимъ благоденствіемъ, чѣмъ они пользуются на самомъ дѣлѣ; вотъ почему естественно было, что даже оптимисты изображаютъ крестьянина болѣе несчастнымъ, чѣмъ я. Изображая одно изъ самыхъ благоденствующихъ и счастливыхъ селъ Самарской губерніи высѣвающимъ только 656 четвертей хлѣба, русскій оптимизмъ доказалъ довольно ясно, что я изображаю бытъ рабочаго въ розовомъ свѣтѣ и представляю его несравненно болѣе счастливымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Изображая въ Сосновкѣ каждаго крестьянина имѣющимъ перину, Дерюжевъ явно преувеличилъ; одежду также значительно приукрасилъ: но какъ съ нимъ спорить, онъ говоритъ въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ,—у кого, сколько, какой одежды, вотъ въ чемъ все дѣло, а этого и не сказано. Затѣмъ онъ говоритъ о пищѣ: лѣтомъ—пшеничный хлѣбъ, разная зелень. Этимъ Дерюжевъ обнаружилъ положительное незнаніе самарскаго быта: въ Самарской губерніи и именно въ той мѣстности, гдѣ Сосновка, крестьянинъ считаетъ пшеничный хлѣбъ непитательнымъ и лѣтомъ, во время работы питается почти исключительно ржанымъ хлѣбомъ. Самъ же Дерюжевъ говоритъ, что сосновскіе крестьяне сѣютъ ржи 300 четвертей, а пшеницы только 50 четв., т. е. въ шесть разъ меньше. Пшеничный и полбенный хлѣбъ крестьянинъ этой мѣстности называетъ пирогомъ и смотритъ на него скорѣе какъ на лакомство, чѣмъ какъ на питательную пищу — онъ ѣстъ много пшеничнаго хлѣба, но ржанаго болѣе. Совершенно справедливо, что сосновскій крестьянинъ, точно также, какъ крестьянинъ во всей Россіи, не ѣстъ лѣтомъ мяса. Затѣмъ Дерюжевъ говоритъ: пища зимою: щи съ говядиною и каша. Крестьяне не ѣдятъ говядину лѣтомъ, осенью и весною, потому что въ это время мясо легко портится, солить, при дороговизнѣ соли, имъ не по средствамъ, а потому они и бьютъ скотъ когда окончательно установится морозъ, и ѣдятъ мясо только до тѣхъ поръ, пока начнутъ являться оттепели; возможность ѣсть мясо является у нихъ въ ноябрѣ и кон-

собиралось хлѣба не менѣе 40 милліоновъ пудовъ, съ земель крестьянскихъ тридцать милліоновъ пудовъ. По такому разсчету получался жалкій результатъ,

---

чается въ мартѣ. Въ этихъ пяти мѣсяцахъ 151 день, въ томъ числѣ 42 дня рождественскаго поста и 44 дня масляницы и великаго поста; въ теченіе оставшихся девяти недѣль и двухъ дней отъ 18-ти до 19-ти постныхъ дней, всего 104 или 105 постныхъ дней и 46 или 47 скоромныхъ дней — слѣдовательно, Дерюжевъ, говоря, что крестьяне Сосновки всю зиму ѣдятъ щи съ говядиною, говоритъ явно несправедливо, ибо изъ 151 зимнихъ дней они ѣдятъ постное въ теченіе 105. Но Дерюжеву не нужно было истины, ему нужно было только выразить мысль, что крестьяне села Сосновки благоденствуютъ изо дня въ день, лакомятся мясомъ и пшеничнымъ хлѣбомъ. Еслибы онъ даже сказалъ, что они ѣдятъ мясо сорокъ семь дней въ году, то вѣроятно онъ пошелъ бы далѣе истины. Далѣе Дерюжевъ показываетъ, что онъ весьма ловкій оптимистъ: онъ говоритъ: «лѣтомъ, отъ изобилія продуктовъ и по трудности полевыхъ работъ, хозяйки стряпаютъ богаче обѣды, чѣмъ зимою». Это внушаетъ читателю мысль, что у крестьянъ изобиліе и богатые обѣды. Но еслибы спросить Дерюжева, отчего онъ утверждаетъ, что лѣтомъ изобиліе продуктовъ, изъ которыхъ стряпаютъ обѣды. Все, изъ чего стряпаются обѣды, не исключая капусты, поспѣваетъ осенью, слѣдовательно лѣто не самое обильное, а самое скудное для крестьянина время и если онъ, несмотря на это, зимою питается скуднѣе, чѣмъ лѣтомъ, что совершенно справедливо, то это показываетъ не обиліе и богатство, а сугубую бѣдность его обѣдовъ. Такъ какъ ему необходимо лѣтомъ ѣсть досыта, иначе работать ему будетъ невозможно, то онъ голодаетъ зимою, самое голодное время для крестьянскаго семейства—это весна, когда всего больше имъ владѣетъ страхъ, что̀ на рабочую пору у него не хватитъ хлѣба. Можно ли говорить о богатствѣ или обиліи обѣдовъ крестьянина тамъ, гдѣ онъ имѣетъ среднимъ числомъ не больше фунта хлѣба въ день? Еслибы у него было что ѣсть, онъ цѣлый годъ ѣлъ бы одинаково сытно — легко догадаться, что̀ долженъ значить не сытный обѣдъ у человѣка, для котораго ѣда составляетъ одно изъ весьма немногихъ его удовольствій. Родовой бытъ въ Сосновкѣ, это произведеніе горькой бѣдности и тяжкаго положенія рабочаго класса, также является въ какомъ-то идиллическомъ свѣтѣ — я спрашиваю, каждаго изъ бородатыхъ читателей, согласился ли бы онъ съ женою, дѣтьми и со всѣмъ своимъ имуществомъ, безъ нужды, быть подъ командою другаго человѣка, хотя бы и своего брата... Помочь, это великое орудіе міроѣдства и притѣсненія, у Дерюжева является союзомъ любви и взаимнаго вспомоществованія, Дерюжевъ вѣроятно не замѣтилъ, что въ то время, когда богатый выходитъ въ праздникъ въ поле, съ разряженной толпою даровыхъ работниковъ, бѣдный плетется къ своей десятинѣ въ сопровожденіи одной своей собаки. Если Дерюжевъ вѣрно опредѣлилъ посѣвы, потому что для этого достаточно было спросить крестьянъ, сколько они высѣваютъ, и записать, то онъ, безъ сомнѣнія, не вѣрно вычислилъ средній урожай. По его словамъ напр. греча даетъ урожай самъ-семь; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находится Сосновка, греча хорошо родится, но зато се такъ часто побиваетъ морозомъ, что мнѣ извѣстны даже помѣщики, которые перестали ее сѣять, потому что оказывалось наконецъ невыгоднымъ; упускать изъ виду это обстоятельство и не считать утраты, которыя притомъ происходятъ, значитъ искажать факты. Опредѣливъ весьма высоко средній урожай всѣхъ хлѣбовъ, Дерюжевъ противорѣчитъ самъ себѣ говоря, что почва мѣстами истощена и что хлѣба часто страдаютъ отъ ночныхъ морозовъ. Онъ говоритъ, что скотоводство незначительно, а затѣмъ у него приходится на десятину луговъ двадцать девять штукъ скота. Хорошая десятина луговъ можетъ дать 150 или 200 пудовъ сѣна — скотъ нужно кормить по крайней мѣрѣ шесть съ

показывавшій, что крестьянинъ Самарской губерніи располагаетъ всего по двадцати пяти пудовъ хлѣба на человѣка; за уплатой оброковъ у него оставалось для своего потребленія около фунта въ день на человѣка; онъ неизбѣжно каждый годъ долженъ платить дань голоду. Въ сравненіи съ нимъ нѣмецкій колонистъ пользуется завиднымъ благосостояніемъ; онъ имѣетъ восемьдесятъ пудовъ на человѣка въ восточной Россіи и девяносто пудовъ въ Таврической губерніи, въ восточной Россіи по четыре съ половиною штуки скота, а въ Таврической губерніи болѣе пяти штукъ. Притомъ онъ платитъ податей и сборовъ несравненно меньше и въ то время, когда въ Самарской губерніи на земледѣльца приходится податей, оброковъ и сборовъ болѣе трехъ рублей десяти копѣекъ, на колониста приходится всего одинъ рубль шестьдесятъ шесть копѣекъ. Представьте себѣ, что самарскій земледѣлецъ не платитъ никакихъ сборовъ, мясо, сало и масло отъ его скота остается въ безусловномъ его распоряженіи — количество хлѣба для пропитанія его семейства удвоится; нѣтъ сомнѣнія, что онъ тотчасъ же будетъ увеличивать свои посѣвы, точно также, какъ это дѣлаетъ русскій земледѣлецъ вездѣ при первой возможности. Если онъ изъ оставшихся въ его распоряженіи лишнихъ десяти пудовъ на человѣка употребитъ только четыре пуда на увеличеніе своихъ посѣвовъ, то онъ будетъ уже запахивать, вмѣстѣ съ землями частныхъ владѣльцевъ, не два, а три милліона десятинъ. Земли у него для этого совершенно достаточно, онъ имѣетъ пашенъ и луговъ четыре милліона шестьсотъ сорокъ восемь тысячъ десятинъ. Если онъ запашетъ три милліона, у него останется еще достаточно луговъ. Сборъ хлѣба по всей Самарской губерніи будетъ болѣе пятидесяти двухъ милліоновъ пудовъ, а вмѣстѣ съ необходимымъ на сѣмена и пр. до семидесяти милліоновъ пудовъ. Такимъ образомъ на долю крестьянина придется шестьдесятъ четыре милліона пудовъ, около сорока пудовъ на душу, т. е. около четырехъ съ половиною фунтовъ въ день на человѣка. Ясно, что онъ будетъ кормить хлѣбомъ нетолько свое семейство, но и свой скотъ. При настоящемъ

половиною мѣсяцевъ въ году—для коровы нужно пудъ сѣна въ день, но положимъ 10 фунт. въ день на штуку скота, зн. для содержанія двадцати девяти штукъ скота нужно 1,413 пудовъ 30 фунтовъ сѣна: вѣроятно ли послѣ этого, что въ Сосновкѣ двадцать девять штукъ скота содержатъ на одной десятинѣ? Въ Россіи приходится на десятину луговъ меньше двухъ штукъ скота, для содержанія этого числа нужно снимать среднимъ числомъ около ста пудовъ сѣна, что приблизительно вѣрно. Такимъ образомъ у Дерюжева выходитъ, что въ Сосновкѣ—6,215 штукъ скота, около пяти штукъ на жителя, т. е. на 25% больше, чѣмъ у нѣмецкихъ колонистовъ. Если таковое скотоводство называется незначительнымъ, то это конечно могло бы дать высокое понятіе о богатствѣ земледѣльца Самарской губерніи. Къ несчастію это показаніе носитъ въ себѣ очевидную несообразность —Вотъ какія сомнѣнія возбуждаетъ статистическое описаніе Сосновки; я бы не сталъ даже говорить о такомъ незначительномъ трудѣ, еслибы онъ не былъ помѣщенъ въ памятной книжкѣ Самарской губерніи, изданной самарскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ; подобная статья даетъ понятіе о томъ, какое значеніе можно придавать официальнымъ статистическимъ даннымъ.

состоянiи нашего скотоводства, въ Тамбовской губернiи нужно четверть десятины для того, чтобы содержать одну штуку скота, самарскiй же крестьянинъ будетъ имѣть болѣе одной десятины луговъ на человѣка, слѣдовательно онъ можетъ имѣть болѣе четырехъ штукъ скота на человѣка. При увеличившемся удобренiи конечно и урожаи должны увеличиться. Въ Вологодской губернiи при хорошемъ удобренiи земледѣльцы получаютъ урожаю самъ-десять, такого же урожая достигаютъ наши земледѣльцы посредствомъ удобренiя даже на плохихъ земляхъ промышленной полосы, но я предположу средній урожай въ самъ-пять. Оптимисты увѣряютъ, что уже въ настоящее время средніе урожаи на хорошихъ земляхъ Самарской губернiи на рожь и пшеницу самъ-пять, на полбу, которой сѣется болѣе пшеницы, и овесъ самъ-шесть, а на гречу самъ-семь. Урожай самъ-пять будетъ ниже средняго урожая въ колонiяхъ, а все-таки онъ дастъ съ трехъ милiоновъ десятинъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, сто четырнадцать милiоновъ пудовъ, или почти по семидесяти одному пуду на человѣка. Благосостоянiе всей массы крестьянъ будетъ уже весьма близко къ благосостоянiю колонистовъ, если предположить, что урожаи при такомъ увеличенiи удобренiя будутъ такими, какими ихъ предполагаютъ въ настоящее время оптимисты, — предположенiе вѣроятное, — то сборъ хлѣба будетъ составлять сто двадцать восемь милiоновъ пудовъ или по семидесяти девяти пудовъ на человѣка, и благосостоянiе всей Самарской губернiи будетъ совершенно такое же, каково теперь благосостоянiе колонистовъ, населенiе въ ней будетъ увеличиваться и богатство расти точно такъ же, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Если вездѣ дѣла пойдутъ такъ же, какъ въ Самарской губернiи, то черезъ пятьдесятъ лѣтъ въ Россiи будетъ двѣсти милiоновъ населенiя, въ то время когда во всей Европѣ будетъ всего четыреста. При богатствѣ своемъ Россiя одна будетъ вѣсить на политическихъ вѣсахъ болѣе, чѣмъ половина Европы. Изъ показанiй мѣстныхъ статистиковъ, какъ эти показанiя ни сомнительны, можно однакожъ видѣть, что хлѣбопашество въ Самарской губернiи можетъ принять несравненно большiе размѣры. Показанiя эти свидѣтельствуютъ о томъ печальномъ фактѣ, что крестьянину нашему препятствiемъ къ достиженiю благосостоянiя служитъ не недостатокъ земли, не недостатокъ рукъ, трудолюбiя и умѣнья, а гнетущее положенiе, которое не даетъ ему никакой возможности увеличить свое скотоводство и запастись достаточнымъ количествомъ сѣмянъ. Крестьянское семейство изъ трехъ податныхъ душъ можетъ легко обработывать десять десятинъ; при хорошемъ удобренiи, онѣ будутъ давать урожаи отъ самъ-четыре до самъ-десять, и они могутъ собирать до шестисотъ пудовъ хлѣба, что̀ составитъ около ста пудовъ на человѣка, т. е. даже болѣе чѣмъ въ таврическихъ нѣмецкихъ колонiяхъ. Повторяю, ни въ рукахъ, ни въ землѣ нѣтъ недостатка, но и руки и земля остаются праздными, потому что не чѣмъ работать. Бѣдность земледѣльца парализуетъ развитiе промышленности; заводская и фабричная работа такъ рѣдка, что цѣны на этотъ трудъ опредѣляются не рыночнымъ спросомъ, а часто личнымъ усмотрѣнiемъ заводчика или фабриканта, его щедростiю или скупостiю. Любопытный фактъ въ этомъ отношенiи представляетъ сравненiе зара-

ботной платы на различныхъ винокуренныхъ заводахъ Самарской губерніи съ цѣною на вино. На вино, какъ въ оптовой такъ и въ дробной продажѣ, повсюду установлялась рыночная цѣна; эта цѣна была, за немногими исключеніями, совершенно одинакова для уѣздовъ Бугурусланскаго и Бугульминскаго, она была незначительно выше въ Бузулукскомъ уѣздѣ и еще выше въ Ставропольскомъ. Въ тоже самое время заработная плата мѣнялась не по уѣздамъ, а по заводамъ, за одинъ и тотъ же трудъ на разныхъ заводахъ Бугурусланскаго и Бугульминскаго уѣздовъ платилось въ мѣсяцъ отъ 2 руб. 30 коп. до четырехъ рублей и отъ трехъ рублей тридцати копѣекъ до семи рублей: при одной и той же цѣнѣ на вино разница огромная. Въ то время, когда разница въ продажныхъ цѣнахъ на вино въ разныхъ мѣстахъ Самарской губерніи не превышала 18%, заработная плата за тотъ же трудъ на одномъ заводѣ была почти втрое значительнѣе, чѣмъ на другомъ †). Въ то время, когда цѣна производства уже освободилась отъ произвола отдѣльной

†) Вотъ свѣдѣнія о цѣнахъ на трудъ и на вино изъ самарской памятной книжки 1863—1864 года.

На чьемъ заводѣ и какому разряду рабочихъ производится плата.	Плата въ мѣсяцъ.				
а) Въ уѣздахъ Бугурусланскомъ и Бугульминскомъ.	деньгами	рж. мукою	крупою	солью	бардою
Д. С. Осоргина.	р. коп.	п. ф.	ф.	ф.	
пѣшимъ	2 30	2 20	10	2	
одвоконнымъ	3 30	2 20	10	2	
двухконнымъ	4 30	2 20	10	2	
В. П. и С. П. Шелашниковыхъ.					ведръ.
пѣшимъ	4 —	2 —	15	2	10
одноконнымъ	7 —	2 —	—	2	20
двухконнымъ	8 —	2 —	—	—	20
Д. Ф. Микулина.					
пѣшимъ	3 71	2 —	10	2	—
одноконнымъ	4 50	2 —	—	—	15
двухконнымъ	7 —	2 —	—	—	100
Елачичъ.					
пѣшимъ	3 75	2 —	10	2	10
одноконнымъ	6 50	2 —	—	—	15
двухконнымъ	8 —	2 —	—	—	15
И. П. Рычкова.					
пѣшимъ	3 25	2 —	10	2	—
одноконнымъ	6 —	2 —	10	2	15
двухконнымъ	8 —	2 —	10	2	15
б) Въ уѣздѣ Бузулукскомъ:					
А. А. Шишкова.					
пѣшимъ	4 4	2 —	10	10	—
одноконнымъ	8 —	— —	—	—	12
двухконнымъ	10 —	— —	—	—	20
Шлейера.					
пѣшимъ	3 50	2 —	20	2	
в) Въ уѣздѣ Ставропольскомъ.					
В. К. Миллера.					
пѣшимъ	5 50				
одноконнымъ	8 —				
А. Д. Лазарева.					
пѣшимъ	6 50				
одноконнымъ	10 —				

личности, человѣкъ еще остался его жертвою, онъ долженъ за свой трудъ ожидать вознагражденія, какъ милости, и смотрѣть на того, кто этимъ трудомъ обогащается, какъ на своего благодѣтеля. Конечно есть въ Россіи мѣста еще болѣе глухія, гдѣ положеніе работника еще болѣе стѣснительно, гдѣ винокуренный заводчикъ можетъ установлять произвольно нетолько цѣны на трудъ, но цѣны на хлѣбъ и на вино.

Обозрѣніе сѣвернаго и восточнаго края убѣждаетъ насъ въ томъ, что работникъ тамъ бѣденъ, что отъ бѣдности этой зависитъ невозможность развитія промышленности и увеличенія капиталовъ. Мы видѣли, что бѣдность эта поправима, что крестьянинъ можетъ легко разбогатѣть не менѣе колониста при тѣхъ же природныхъ условіяхъ, при томъ же знаніи и трудолюбіи, что пре-

Цѣны на вино слѣдующія.

	Уѣзды: Ставропольскій		Бугульминскій		Бугурусланскій		Бузулукскій	
а) Продажныя цѣны въ заводскихъ подвалахъ за ведро полугару	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Январь	3	13	2	80	2	80	2	90
Февраль	3	—	2	60	2	60	2	70
Мартъ	3	—	2	50	2	50	2	70
Апрѣль	2	90	2	55	2	55	2	65
Май	2	85	2	55	2	55	2	65
Іюнь	2	80	2	53	2	52	2	60
Іюль	2	80	2	50	2	50	2	60
Августъ	2	75	2	50	2	50	2	60
Сентябрь	2	70	2	40	2	40	2	50
б) Продажныя цѣны изъ оптовыхъ складовъ за ведро полугару								
Январь	3	50	3	40	3	40	3	90
Февраль	3	30	3	30	3	30	3	30
Мартъ	3	25	3	15	3	15	3	25
Апрѣль	3	15	3	—	3	—	3	20
Май	3	15	3	—	3	—	3	15
в) Цѣны въ мѣстахъ раздробительной продажи за ведро полугару								
Январь	4	80	4	60	4	60	4	70
Февраль	4	50	4	—	4	—	4	20
Мартъ	4	—	3	50	3	50	3	80
Апрѣль	3	50	3	40	3	40	3	50
Май	3	40	—	—	3	40	3	70
Іюнь	3	40	—	—	3	50	3	70
Іюль	3	30	3	40	3	40	3	70
Августъ	3	30	3	40	3	30	3	70
Сентябрь	3	20	3	20	3	10	3	70

Акцизъ на вино сост. 1 р. 52 коп. съ ведра полугару.

Продажная цѣна вина изъ заводскихъ подваловъ по заподрядамъ была вообще отъ 75 до 91 коп. за ведро полугару безъ акциза.

Всѣ эти свѣдѣнія извлечены изъ статьи «О винокуренномъ производствѣ и торговлѣ хлѣбнымъ виномъ въ Самарской губерніи», отпечатанной въ памятной книжкѣ Самарской губерніи за 1863–1864 г., сообщенной управляющимъ питейно-акцизными сборами Вороновымъ.

пятствіемъ къ этому служатъ прямыя подати и оброки, которые такъ мало приносятъ казнѣ дохода, что съ одною ихъ отмѣною доходы казны должны неминуемо увеличиться, вслѣдствіе увеличившагося благосостоянія и потребленія вина. Бѣдность и горькая доля не будетъ болѣе наталкивать земледѣльца на преступленія, которыхъ онъ совершаетъ почти въ пять разъ больше, чѣмъ колонистъ, т. е. почти во столько же разъ больше, во сколько у него меньше хлѣба. Страхъ накопить недоимку заставляетъ его тайно пробираться въ лѣсъ, гдѣ онъ попадаетъ въ руки лѣснаго сторожа и затѣмъ обвиняется въ преступленіи. Надъ его головою двѣ бѣды, одна вѣрная—это недоимка, другая, которой онъ надѣется избѣгнуть съ помощью счастья и темной ночи, — это наказаніе за лѣсную порубку. Онъ рискуетъ на послѣднее и дѣлается преступникомъ. При своемъ тягостномъ положеніи онъ никакъ не можетъ освоиться съ тою мыслію, что онъ не имѣетъ права рубить лѣсъ для облегченія себя въ уплатѣ оброковъ. Если онъ не можетъ рѣшиться ни на то, ни на другое, онъ оставляетъ свое семейство на произволъ судьбы и бѣжитъ, чтобы влачить жалкую жизнь бродяги, переходя изъ острога въ лѣсъ и изъ лѣса въ острогъ; преступленія этого рода составляютъ половину всѣхъ преступленій, которыя совершаются государственными крестьянами. Въ то время, когда всѣхъ обвиненныхъ преступниковъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ съ 1860 по 1863 годъ, было по одному на сто семьдесятъ три жителя, между государственными крестьянами на сто семьдесятъ человѣкъ одинъ былъ обвиненъ судомъ; это отношеніе мѣняется съ исключеніемъ преступленій противъ вѣры, личности и имущества казны въ такой степени, что за этимъ исключеніемъ между государственными крестьянами оказывается одинъ преступникъ на четыреста тридцать восемь человѣкъ, вообще же одинъ изъ трехсотъ шестидесяти трехъ. Одно бродяжничество и порубка казенныхъ лѣсовъ составляютъ болѣе четвертой части всѣхъ преступленій совершаемыхъ въ Россіи. Какъ ни жалко положеніе государственнаго крестьянина, но есть работникъ, который еще болѣе жалокъ — это крестьянинъ, живущій на помѣщичьихъ земляхъ: крестьянинъ этотъ обвиняется несравненно рѣже, чѣмъ государственный, въ преступленіяхъ противъ вѣры—ему не до убѣжденій, но зато онъ чаще обвиняется за преступленія противъ имущества частныхъ лицъ. Являются на свѣтъ факты, вродѣ числа нищихъ, обнаруженнаго въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, гдѣ оказалось на одного нищаго изъ государственныхъ крестьянъ больше двадцати нищихъ изъ земледѣльцевъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ то время, когда въ Костромской губерніи на одного государственнаго крестьянина приходилось меньше трехъ временно-обязанныхъ. Можетъ быть подумаютъ, что печальныя явленія, которыя мною описаны, относятся только къ губерніямъ сѣверной и восточной Россіи; но и черноземная полоса едвали можетъ похвалиться значительно большимъ богатствомъ. Чешскій агрономъ Гейдукъ, который изслѣдовалъ бытъ рабочаго въ черноземной полосѣ, въ лекціяхъ своихъ, читанныхъ въ Харьковской губерніи, говоритъ: «Русскій работникъ получаетъ такое продовольствіе, при которомъ бы умеръ заграничн-

ный работникъ, чему и были уже примѣры въ Россіи» †). Въ образецъ низкой заработной платы онъ приводитъ заработную плату Харьковской губерніи, гдѣ зимняя поденная плата мужчинъ отъ 12 до 18 коп., женщинъ отъ 8 до 15 коп., весенняя плата 18 коп. мужчинѣ, рѣдко 20 и 25 коп. и только въ страдное время за рабочій день платится отъ 20 до 40 коп., а женщинѣ отъ 15 до 30 коп. По свѣдѣніямъ того же года харьковскій работникъ получалъ за уборку ржи отъ 2 до 3 руб. съ десятины, а годовой работникъ отъ 36 до 50 руб. Въ Калужской губерніи въ томъ же году годовому работнику платилось отъ 30 до 54 руб. за мужской день, въ страдное время отъ 25 до 30 коп., за женскій лѣтній день отъ 15 до 17 коп. Въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, въ этомъ славномъ центрѣ земледѣльческой промышленности, полная обработка десятины, вмѣстѣ съ окончательной уборкой хлѣба подъ овесъ, пшеницу, просо и ленъ, стоитъ 3 руб., а подъ гречу даже 2 р. 57 коп. Уборка ржи отъ 2 до 3 руб., за пашню и посѣвъ озимаго, на что нужно около десяти дней, 1 р. 71 коп.—день будетъ стоить менѣе 20 коп. Слѣдовательно во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ положеніе работника на помѣщичьихъ земляхъ нисколько не лучше, чѣмъ въ Харьковской губерніи, и къ нимъ вполнѣ могутъ быть отнесены слова Гейдука. Средняя плата работницы, которая показалась такою низкою Гейдуку, была 19 коп. въ день (отъ 8 до 30 к.). Въ селеніяхъ, расположенныхъ при Сурѣ, женщины могли заработывать среднимъ числомъ 16 коп. въ день (отъ 12 до 20 к.). Эта заработная плата показалась имъ такою заманчивою, что дѣвушки не хотѣли выходить замужъ: какова должна быть брачная жизнь, отъ которой отказываются для такой заработной платы ††). Когда я говорилъ, какъ перебивается крестьянинъ каждую весну въ Самарской и Вологодской губерніи, читатель, можетъ быть, подумалъ, что это—исключительное положеніе этихъ губерній; но вотъ слова мѣстнаго статистика о положеніи крестьянъ въ Орловской губерніи въ 1865 году. «Рѣдкое селеніе ѣстъ хлѣбъ не покупной,—говоритъ онъ,—но это не составляетъ большой бѣды, потому что нашъ крестьянинъ уже привыкъ весною или покупать хлѣбъ или проводить ее кое-какъ» †††) (человѣкъ менѣе деликатный сказалъ бы «голодать»). Можетъ ли быть что-нибудь грустнѣе такого жалкаго положенія; болѣе тяжелое впечатлѣніе можетъ произвести развѣ только взглядъ на дѣло мѣстнаго статистика, который находитъ, что это еще не составляетъ большой бѣды,—правда, что онъ вслѣдъ затѣмъ описываетъ бѣдствіе, которое тяжко отзывается на благосостояніи нашего отечества, это весеннее голоданіе скота, которое повсемѣстно повторяется въ Россіи каждую весну и отъ котораго каждый годъ умираетъ множество животныхъ. Наивный статистикъ, оплакивая это несчастье и разсказывая съ грустью, какъ голодъ сноситъ весною въ могилы скотъ, считаетъ это бо̀льшимъ бѣдствіемъ, чѣмъ го-

†) См. земледѣльческую газету, 1866 годъ, № 33.

††) Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ 1865 и 1866 г., ихъ можно найдти въ земледѣльческой газетѣ 1866 г. и отчасти въ «Трудахъ вольно-экономическаго общества» за 1866 г.

†††) См. земледѣльческую газету, 1866 г., № 18.

лодъ людской, который губитъ съ каждою весною такое множество дѣтей и женщинъ,—вотъ какими глазами привыкли смотрѣть у насъ на жизнь рабочаго человѣка. Сравнивая тонъ рѣчи Гейдука съ рѣчью нашего отечественнаго статистика, нельзя не покраснѣть отъ стыда, — вотъ жалкіе плоды неумѣстнаго нашего оптимизма. Въ мартѣ мѣсяцѣ поденная плата въ Орловской губерніи падала за мужской день до пяти и даже до трехъ копѣекъ,—явленіе подобное тому, которое мною было описано при обзорѣ Вологодской губерніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя же явленія встрѣчаются въ большей части Россіи. Заработная плата въ Орловской губерніи такая же, какъ во многихъ другихъ областяхъ: въ страдное время мужской день стоитъ отъ тридцати до сорока копѣекъ, обработка десятины 3 руб.,—слѣдовательно столько же, сколько въ Тамбовской, Харьковской, Калужской и другихъ губерніяхъ. Цѣны на хлѣбъ тамъ были приблизительно такія же, какъ въ Самарской губерніи (около 35 к. пудъ рж. муки). По количеству пахотныхъ земель Орловская губернія принадлежитъ къ числу богатыхъ губерній; въ ней приходится больше полторы десятины на жителя. По свѣдѣніямъ объ урожаяхъ на хлѣбъ 1865 года Орловская губернія занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. въ ней урожай былъ въ общей сложности самъ 3.6, на каждаго жителя приходилось, за исключеніемъ сѣмянъ, четыре съ десятою четверти хлѣба, на каждаго земледѣльца приходилось всего за приблизительнымъ исключеніемъ хлѣба, принадлежащаго помѣщикамъ, до сорока пудовъ, въ то время какъ въ Самарской губерніи оказывалось только двадцать пять пудовъ на земледѣльца. Въ Пензенской губерніи напр. пахотныхъ земель относительно меньше, чѣмъ въ Орловской, урожай далъ въ общей сложности только самъ 3. Хлѣба, за исключеніемъ сѣмянъ, приходилось только три четверти и девять десятыхъ на жителя. Въ Кіевской губерніи урожай не достигъ даже самъ-три и на жителя приходилось всего одна четверть и четыре десятыхъ. Въ Калужской губерніи урожай былъ самъ-два и два съ половиною. Хлѣба, за исключеніемъ сѣмянъ, пришлось всего три и восемь десятыхъ четверти на жителя; за приблизительнымъ исключеніемъ хлѣба, принадлежащаго помѣщикамъ, пришлось на каждаго земледѣльца около тридцати пудовъ; къ этому слѣдуетъ прибавить, что скота въ Калужской губерніи меньше, чѣмъ въ Орловской. Въ Екатеринославской губерніи крестьяне, жившіе на частныхъ земляхъ, едва выручили сѣмена. Можно себѣ представить послѣ этого, въ какомъ положеніи были земледѣльцы всѣхъ этихъ губерній въ то время, когда орловскій крестьянинъ нанимался за три и за пять копѣекъ въ сутки. Какъ ни шатки всѣ эти данныя, но они показываютъ, что нѣтъ основанія преувеличивать благосостояніе въ средней, черноземной полосѣ, сравнительно съ восточной и сѣверной Россіей †). Такимъ образомъ статистика оправдываетъ наблюденіе со-

†) Въ Орловской губерніи въ 1865 году посѣяно озимаго 881,294 четв., ярового 1,420,018 четв , картофеля 225,636 четв.; снято озимаго 2,930,880 четв., ярового 5,269,639 четв., картофеля 887,662 четв. Жителей въ ней считается 1.593,619 чел., сельскаго населенія 1,377,821 чел , пахотной земли приходится одна десятина пятьдесятъ одна сотая на жителя, скота одна штука двадцать пять сотыхъ. Въ Пен-

общенное выше; путешествуя по сѣверной, восточной и средней черноземной полосѣ Россіи, весьма замѣтно отражается вліяніе лѣсистыхъ и безлѣсныхъ мѣстъ, густота населенія отражается на количествѣ и объемѣ селеній, но большаго благосостоянія вообще незамѣтно. Статистика смертности другимъ путемъ приводитъ насъ къ тому же результату †).

Жалко положеніе земледѣльца всегда, но оно дѣлается еще болѣе жалкимъ, когда ему приходится дѣлать капитальныя издержки. Я уже упоминалъ о томъ, какъ смѣшно упрекать крестьянина за то, что онъ не строитъ себѣ бани, когда онъ не можетъ себѣ выстроить печь изъ кирпичей, а дѣлаетъ ее изъ битой глины; и дѣйствительно самое тяжелое время для крестьянина, когда его жалкая лачуга развалится и когда ему приходится строиться. Чтобы поправиться послѣ этого, ему нужно многіе годы. Главный разсчетъ у крестьянина въ этомъ случаѣ—это на страдное время — настаетъ наконецъ это блаженное время, когда онъ тяжелымъ трудомъ можетъ заработать въ день одинъ тридцать и даже сорокъ копѣекъ,—велико счастіе. Онъ берется жать изъ десятины, надѣясь усиленнымъ трудомъ увеличить свой барышъ: когда жнитво начинается, цѣны 3 руб. съ десятины, а къ концу падаютъ до двухъ руб.; его собственный хлѣбъ еще не поспѣлъ и онъ торопится воспользоваться временемъ — беретъ десятину за десятиною, не даетъ себѣ времени для отдыха и окончательно истощаетъ свои силы; вотъ и его хлѣбъ уже требуетъ серпа, но онъ еще далеко не заработалъ всего, чего требуютъ отъ него лежащіе на немъ оброки и сборы — онъ откладываетъ свое жнитво день за день, пока нельзя уже больше откладывать. Наконецъ приступаетъ и къ своему полю,

---

зенской губерніи въ 1865 году посѣяно 831,931 четверть озимаго, 1,234,543 четверти яроваго и 114,820 четв. картофеля; собрано озимаго 2,995,272 четв., яроваго 3,484,381 четв. Жителей въ ней 1,179,080 чел., сельскаго населенія 1,076,388 чел., пашенъ приходится на жителя одна и тридцать сотыхъ. Въ Кіевской губерніи посѣяно озимаго 649,978 четв., яроваго 769,078 четв , картофеля 224,170 четв.; собрано 1,208,216 четв. озимаго, яроваго 2,282,548 четв., картофеля 858,631 четв. Жителей въ Кіевской губерніи 2,012,095 чел. Въ Калужской губерніи посѣяно озимаго 911,485 четв., урожай былъ менѣе самъ 2, яроваго 1,806,528 четв., урожай былъ болѣе чѣмъ самъ 2½. Жителей въ Калужской губерніи 964,796 чел., сельскаго населенія 872,416 чел., скота приходится одна штука и восемь сотыхъ на жителя. Въ Екатеринославской губерніи у помѣщиковъ и крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ, посѣяно озимаго 106,004 четв., яроваго 202,072 четв., картофеля 10,431 четв.; собрано озимаго 144,938 четв., яроваго 267,557 четв. и картофеля 19,457 четв.

†) Изъ числа девяти губерній сѣверной и восточной Россіи (Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Вологодской, Вятской, Пермской, Оренбургской, Самарской, Астраханской)

умираль 1 изъ	30 и бол.	въ	2...0	умираль 1 изъ	30 и бол	въ
—	25	—	2...8	—	25	—
—	20	—	4...4	—	20	—
—	18	—	1...0	—	18	—

Изъ числа двѣнадцати губерній черноземной средней полосы (Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Харьковской, Черниговской)

вдругъ оказывается, что ни ему, ни его семейству работать невозможно — у всѣхъ отъ чрезмѣрныхъ усилій распухли руки и сгибать и разгибать пальцы они могутъ только съ страшною болью; къ болѣзни присоединяются изнуреніе и окончательное истощеніе силъ. Хлѣбъ зрѣетъ съ каждымъ часомъ, оставить его несжатымъ значитъ приготовить для себя нищенскую суму и гибель отъ нужды и голода. Никакая болѣзнь, никакое изнуреніе не можетъ останавливать работу въ виду такой грозной необходимости, но какъ ни велика энергія отчаянія, и для нея есть предѣлъ, работа идетъ медленно, перезрѣлый хлѣбъ обсыпается и скудный отъ недостатка удобренія урожай дѣлается еще скуднѣе. Въ окончательномъ результатѣ трудно рѣшить, дали ли эти гигантскія усилія работнику выгоду или вредъ, нищимъ семейство осталось попрежнему, но сдѣлалось больнымъ и изнуреннымъ нищимъ. Грустно проходитъ всѣ эти картины страданій передъ моими глазами и ихъ такъ много, что я не знаю, какъ съ ними совладать. Вотъ священникъ, который вынесъ изъ дома особороваинаго больнаго послѣдній дурно испеченный хлѣбъ и возбудилъ этимъ общій взрывъ негодованія во всемъ селеніи. Вотъ цѣлая семья идетъ съ плачемъ и причитаніями по дорогѣ, что это? они хоронятъ кого-нибудь? Нѣтъ это ведутъ со двора послѣднюю телку для продажи съ помощью мѣстныхъ властей: нельзя не взыскивать строго оброковъ, помѣщики и безъ того разорены; и дѣйствительно, не будь такихъ эффектныхъ впечатлѣній на крестьянъ, не знай они, что у нихъ отнимутъ скотину-кормилицу, вынесутъ изъ избы послѣднюю крынку молока, нужную для трехмѣсячнаго ребенка, и произнесутъ смертный приговоръ надъ маленькимъ человѣкомъ—помѣщикамъ не собрать бы и десятой части оброковъ: что же сказать объ этихъ оброкахъ, которые нужно взыскивать такими мѣрами? Плохо изучали наши помѣщики финансовое право, которое запрещаетъ брать сборы съ необходимаго содержанія. Помѣщичьи земли производятъ на Руси удивительныя чудеса; мы видѣли уже, что онѣ уменьшаютъ благосостояніе во всей странѣ, что онѣ способствуютъ лѣсоистребленію, что онѣ въ самыхъ плодоносныхъ частяхъ Россіи дѣлаютъ земледѣльца столь же бѣднымъ, какъ и въ тѣхъ, которыя скудно надѣлены природою, наконецъ можно убѣдиться изъ данныхъ статистики, что онѣ мѣшаютъ развитію скотоводства, а слѣдовательно и служатъ главнымъ источникомъ истощенія русскихъ почвъ †).

---

†) Скотоводство у насъ оказывается всего менѣе развитымъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ всего болѣе частныхъ земель. Если взять тридцать четыре губерніи Европейской Россіи, которыя нами выше употреблялись для сравненія, то окажется:

Изъ 18-ти губерній, въ которыхъ менѣе помѣщичьихъ земель, приходится на жителя			Изъ 18-ти губерній, въ которыхъ болѣе помѣщичьихъ земель, приходится на жителя			
2	штуки скота и болѣе въ	5	— 1 . . . 2	штуки скота и болѣе въ		
1½	— —	4	— 1 . . . 1½	—	—	
1	— —	5	— 11 . . . 1	—	—	
менѣе одной штуки скота		3	— 4 . . .	менѣе одной штуки скота.		

По естественному ходу вещей слѣдовало бы ожидать, что скота окажется относительно населенія болѣе тамъ, гдѣ скотъ этотъ разводится нетолько крестья-

	Процентъ населенія, живущ. на частн. земл.	На жителя приходится штукъ скота		Процентъ населенія, живущ. на частн. земл.		
1. Астраханская	4	6.35	2.66	41	Херсонская	1
2. Таврическая	6	5.11	1.61	41	Харьковская	2
3. З. Войска Донскаго	30	3.72	1.42	55	Рязанская	3
4. Екатеринославская	31	3.60	1.41	82	Симбирская	4
5. Оренбургская	20	2	1.38	41	Пермская	5
6. Воронежская	26	1.84	1.35	69	Смоленская	6
7. Полтавская	37	1.71	1.25	53	Орловская	7
8. Архангельская	20	1.70	1.19	59	Псковская	8
9. Тамбовская	40	1.52	1.11	70	Тульская	9
10. Черниговская	37	1.46	1.10	51	Саратовская	10
11. Пензенская	40	1.46	1.08	64	Калужская	11
12. Курская	40	1.11	1.04	69	Костромская	12
13. Казанская	15	1.40	0.01	62	Новгородская	13
14. Самарская	30	1.37	0.93	64	Нижегородская	14
15. Вятская	13	0.98	0.90	57	Ярославская	15
16. Вологодская	34	0.90	0.81	54	Тверская	16
17. Олонецкая	23	0.86	0.73	64	Владимірская	17

Если затѣмъ сравнить между собою изъ степныхъ губерній восточной и южной Россіи, въ которыхъ скотоводство всего болѣе развито, тѣ, въ которыхъ живетъ болѣе населенія на помѣщичьихъ земляхъ, съ тѣми, въ которыхъ его менѣе, то рѣшительное преимущество окажется на сторонѣ тѣхъ губерній, въ которыхъ менѣе частныхъ земель; вотъ это сравненіе:

	Процентъ населенія, живущ. на частн. земл.	На жителя приходится штукъ скота		Процентъ населенія, живущ. на частн. земл.		
1. Астраханская	4	6.35	3.72	30	З. Войска Донскаго	1
2. Таврическая	6	5.11	3.60	31	Екатеринославская	2
3. Оренбургская	20	2	2.66	41	Херсонская	3
			1.37	30	Самарская	4

Наконецъ если сравнить между собою двѣнадцать губерній черноземной полосы, которыя нами сравнивались выше, то и въ ихъ числѣ наибольшее развитіе скотоводства окажется тамъ, гдѣ менѣе населенія живетъ на частныхъ земляхъ; вотъ это сравненіе:

	Процентъ населенія, живущ. на частн. земл.	На жителя приходится штукъ скота		Процентъ населенія, живущ. на частн. земл.		
1. Воронежская	26	1.84	1.61	41	Харьковская	1
2. Полтавская	37	1.71	1.42	55	Рязанская	2
3. Тамбовская	40	1.52	1.41	82	Симбирская	3
4. Черниговская	37	1.46	1.25	53	Орловская	4
5. Пензенская	40	1.46	1.11	70	Тульская	5
6. Курская	40	1.41	1.10	51	Саратовская	6

Въ губерніяхъ черноземной полосы, гдѣ менѣе населенныхъ частныхъ земель, приходится на жителя			Въ губерніяхъ, гдѣ болѣе населенныхъ частныхъ земель, приходится на жителя		
$1^1/_2$ штуки скота и болѣе въ	3	— — 1	. . . $1^1/_2$ штуки скота и болѣе въ		
$1^1/_4$ — —	3	— — 3	. . . $1^1/_4$ — —		
1 — —	0	— — 2	. . . 1 — —		

нами, но и помѣщиками; а выходитъ наоборотъ. Какъ же послѣ этого должны быть бѣдны крестьяне, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, какъ же плохо должны обрабатываться ихъ поля, если у нихъ такъ мало скота и такъ мало навозу, каково же должно быть положеніе человѣка, который при такихъ условіяхъ долженъ платить болѣе, чѣмъ крестьянинъ государственный, въ то время какъ и государственный крестьянинъ обремененъ своими платежами.

Оптимистамъ кажется, что у насъ во всемъ виноватъ климатъ, когда статистическія данныя указываютъ имъ на бѣдность и безпомощность рабочаго населенія сѣверной Россіи. Но вліяніе суроваго климата, даже въ предѣлахъ тундры и сплошныхъ лѣсовъ †) имѣетъ только второстепенное значеніе, какъ это ясно видно изъ множества фактовъ. Англійскія владѣнія Сѣверной Америки лежатъ въ одной широтѣ съ Европей-

---

Замѣчательно, что между тремя степными губерніями Саратовской, Воронежской и Тамбовской Саратовская губернія по количеству скота занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду двѣнадцати черноземныхъ губерній, а Воронежская и Тамбовская самыя первыя мѣста (первое и третье), между тѣмъ какъ Саратовская губернія нетолько отличается гораздо болѣе рѣдкимъ населеніемъ, чѣмъ Тамбовская и Воронежская, но и несравненно большимъ количествомъ луговъ; вотъ какія чудеса дѣлаетъ большое количество помѣщичьихъ земель.

†) Если сравнивать шесть сѣверныхъ губерній (Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Новгородскую, Вятскую и Пермскую) съ 34-мя губерніями Европейской Россіи въ отношеніи увеличенія населенія съ 1851 года, то преимущество окажется на сторонѣ сѣверныхъ, но причиной будетъ конечно не климатъ, а малое количество помѣщичьихъ земель на сѣверѣ.

Увеличеніе населенія было изъ сѣверныхъ губерній			Увеличеніе населенія было изъ 34-хъ нижеисчисленныхъ губерн. Евр. Рос.
болѣе 15% въ	3	— 11 . . .	15% и болѣе въ
менѣе 15	3	— 23 . . .	менѣе 15%

Если исключить губерніи Новгородскую, Вятскую и Пермскую, не вполнѣ принадлежащія сплошнымъ лѣсамъ, то преимущество все-таки останется на сторонѣ сѣверныхъ губерній.

Съ 1851 года увеличеніе населенія въ Европейской Россіи было слѣдующее:

Въ трехъ сѣверныхъ губерніяхъ (Архангельской, Вологодской и Олонецкой).	болѣе 15% въ	1 — 11 . . .	15% и болѣе въ
	менѣе 15	2 — 23 . . .	менѣе 15%

Въ губ. Астраханской, Бессарабской обл., Владимірской, Воронежской, З. Войска Донскаго, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Ярославской, Лифляндской, Курляндской, Эстляндской.

скою Россіею и по суровости своего климата скорѣе превосходятъ ее, чѣмъ уступаютъ ей: однакожъ страна эта по благосостоянію своего рабочаго класса и быстротѣ, съ которою увеличивается населеніе, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на земномъ шарѣ. Въ Англіи, въ началѣ XVII-го столѣтія смертность была такъ же велика, какъ въ настоящее время въ Россіи, потому что тогда англійское рабочее населеніе питалось и удовлетворяло своимъ потребностямъ точно такъ же плохо, какъ въ настоящее время русское. Замѣчательно, что въ тоже время, въ окончательномъ итогѣ, низкій уровень цивилизаціи въ высшихъ образованныхъ сословіяхъ былъ одинаковъ, и если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ образованіе Англіи, вслѣдствіе суровости вѣка, кажется болѣе грубымъ, то во многихъ отношеніяхъ оно далеко превосходило русское. Въ Англіи могли развить свой талантъ въ то время Шекспиръ и Ньютонъ, въ Россіи Шекспиръ не написалъ бы ни Гамлета, ни Макбета, а Ньютонъ умеръ бы съ голоду прежде, чѣмъ успѣлъ бы разработать законы тяготѣнія.

Чтобы нагляднѣе видѣть нравственное положеніе земледѣльца въ сѣверовосточной Россіи, помѣстимся въ самой глухой полосѣ этого громаднаго пространства, которая далеко отстоитъ отъ путей сообщенія, и посмотримъ, что́ тамъ происходитъ. Молодой парень, женившись, начинаетъ жить своимъ хозяйствомъ, отецъ и мать у него еще способны работать, въ домѣ ихъ живетъ братъ, мальчикъ шестнадцати лѣтъ; у нихъ двѣ лошади и подростокъ, три штуки рогатаго скота и восемь овецъ—они производятъ сто восемьдесятъ пудовъ хлѣба въ годъ, два пуда масла и десять пудовъ мяса и сала. Оброковъ и сборовъ имъ нужно заплатить двадцать три рубля. Для этого они продадутъ пудъ масла, пять пудовъ мяса и сала и шестнадцать пудовъ хлѣба; сорокъ девять пудовъ хлѣба они оставятъ на сѣмена. Такимъ образомъ для домашняго обихода останется у нихъ девяносто два пуда (по два фунта въ день на человѣка), на содержаніе скота двадцать три пуда, кромѣ того, въ теченіе сорока семи скоромныхъ зимнихъ дней, они будутъ имѣть почти по фунту на человѣка мяса. Такое пропитаніе, по понятіямъ европейца, крайне скудно; но по грубымъ понятіямъ самарскаго земледѣльца, это еще хорошее житье. Со словъ самарскаго земледѣльца, мѣстное образованное сословіе считаетъ это житье хорошимъ. Но вотъ обстоятельства перемѣнились. Прошло восемь лѣтъ, у молодаго парня трое дѣтей, отецъ и въ особенности мать состарились, братъ ушелъ въ солдаты, они произвели только девяносто пудовъ хлѣба, а оброковъ и сборовъ имъ нужно заплатить тридцать рублей и для прокормленія семейства имъ теперь нужно одного хлѣба по крайней мѣрѣ 125 пудовъ: сколько-нибудь нужно же и для скота, чтобы жить такъ, какъ они жили прежде, имъ теперь нужно цѣнностей на сто четыре рубля, а они произвели всего на пятьдесятъ восемь рублей восемьдесятъ копѣекъ. И вотъ передъ ними открываются постоянное недоѣданіе, весеннее усиленное голоданіе и всѣ неудобства крестьянской жизни. Семейство, не прывыкшее къ этимъ лишеніямъ, и въ особенности жена, которая сохранила еще надъ мужемъ нѣкоторое вліяніе, шпыняетъ его ежедневно и проситъ, чтобы онъ кормилъ семью лучше. Онъ не въ состояніи противодѣйствовать этимъ вліяніямъ и не платитъ какъ слѣ-

дуетъ оброковъ и сборовъ. Является чиновникъ и требуетъ энергически уплаты недоимки. Доведенный до крайности, крестьянинъ сознается старостѣ, что причина его неисправности—это невыносимое приставаніе къ нему со стороны семейства и въ особенности со стороны жены: «Ты отполыскай ее хорошенько», совѣтуетъ ему староста. Мужикъ идетъ домой, привязываетъ жену за косы къ телегѣ и немилосердно сѣчетъ ее плетью. При удобномъ случаѣ ударитъ раза два мать свою полѣномъ по головѣ и дастъ хорошую острастку отцу чѣмъ попало. Послѣ этого никто не рѣшается ему надоѣдать, онъ себя вдругъ начинаетъ чувствовать вольготно. Теперь онъ ѣстъ вдоволь, оброки и сборы уплачиваетъ бездоимочно, всякое непріятное заявленіе о потребностяхъ немедленно прекращается плетью и потасовкой, а если кто-нибудь въ семействѣ умретъ отъ лишеній, то это относится насчетъ рока. Мужикъ дѣлается усерднымъ защитникомъ семейнаго деспотизма и грубости. Цинизмъ и грубый эгоизмъ дѣлаются преобладающей чертою въ его дѣйствіяхъ, начиная отъ его забавъ и шутокъ и кончая самыми серьезными поступками. Сколько разъ въ этихъ мѣстностяхъ наблюдалъ я подобную метаморфозу человѣка. Подъ вліяніемъ постоянныхъ жалобъ женщинъ на жестокое обращеніе въ семействѣ юноша рѣдко начинаетъ съ деспотизма и съ грубости, бить отца и мать онъ никогда не начинаетъ ранѣе тридцати пяти лѣтъ. Когда онъ выходитъ изъ возраста мальчишки, онъ переживаетъ моментъ пробужденія сознанія и потребностей, онъ посѣщаетъ вечеринки, нѣжничаетъ съ дѣвушками, которыя внушаютъ ему, что не слѣдуетъ драться, и обыкновенно онъ одушевляется лучшими намѣреніями, но гнетъ обстоятельствъ заставляетъ его подчиняться тому же началу, которое служитъ источникомъ его бѣдствій. Крестьянинъ однакоже даетъ злымъ чувствамъ верхъ надъ собою не прежде, какъ онъ самъ сдѣлается жертвою грубости. Вотъ почему, въ этихъ мѣстностяхъ образованныя сословія единогласно толкуютъ о необходимости тѣлесныхъ наказаній и тому подобныхъ мѣръ; для образованнаго человѣка съ подобнымъ направленіемъ литература служитъ постояннымъ укоромъ, онъ въ ней видитъ свое осужденіе и порицаніе, и потому его отталкиваетъ отъ чтенія умной книги; онъ все свободное свое время проводитъ за картами; грубость и невѣжество распространяется столько же въ высшихъ слояхъ общества, сколько и въ низшихъ. Въ самыхъ бѣдныхъ и малолюдныхъ селеніяхъ эта грубость принимаетъ характеръ какой-то неумолимой суровости. Скучно проходитъ годъ за годомъ, развлеченія рѣдки, впечатлѣнія не значительны, въ подавляющемъ однообразіи влачится жизнь среди заботъ о насущномъ кускѣ хлѣба. Если изъ такой мѣстности перейти въ селеніе, которое, по мягкости своихъ нравовъ, должно стоять на болѣе высокой ступени, то не разъ придется усомниться: лучше ли новое положеніе, чѣмъ предъидущее или нѣтъ. Первые признаки такого села—это несравненно меньшее число побоевъ и колотушекъ, болѣе замѣтная наклонность женщинъ рядиться, большее количество холостыхъ людей и даже существованіе старыхъ дѣвъ, которыхъ дѣвству впрочемъ столь же мало вѣрятъ, какъ и дѣвственности королевы Елисаветы. Въ этихъ селеніяхъ каждое воскресенье веселье и праздникъ, всѣ игры съ безчисленными поцалуя-

ми сводятся къ ощущеніямъ самаго грубаго сладострастія; развратъ въ этихъ селеніяхъ въ полномъ ходу и необходимыя его послѣдствія, изгнаніе плода и дѣтоубійство. Въ этихъ селеніяхъ уже встрѣчаются жены, которыя управляютъ домомъ, такія, которыя отбиваются отъ рукъ и даже расходятся съ мужьями. Какъ ни мало утѣшительнаго представляетъ подобная метаморфоза обычаевъ, но она до такой степени прогрессивна, что деревни перваго рода, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, все болѣе исчезаютъ. Во время господства крѣпостнаго права было множество селеній дотого загрубѣлыхъ, что въ нихъ равнодушно смотрѣли на скотоложство. Такимъ образомъ на огромномъ пространствѣ въ сорокъ восемь тысячъ квадратныхъ миль, на пространствѣ, которое равняется Англіи, Франціи, Германіи, Пруссіи, Австріи, Бельгіи, Нидерландамъ, Швейцаріи и Даніи, описанные типы семейнаго деспотизма составляютъ преобладающее начало. Лучъ свѣта начинаетъ свѣтить только тамъ, гдѣ являются цѣлые кружки работниковъ, пользующіеся нѣкоторымъ благосостояніемъ и которые дотого значительны, что они могутъ уже жить своею отдѣльною жизнью и въ своемъ трудовомъ благосостояніи и въ своихъ болѣе утонченныхъ нравахъ видѣть свое превосходство надъ грубою массою. Сколько я могъ наблюдать, мнѣ кажется, что подобные кружки необходимо являются тотчасъ же, какъ скоро является въ какомъ-нибудь мѣстѣ значительное число работниковъ, которымъ легко оплачивать оброки и сборы и которые при этомъ не могутъ лѣниться, не уменьшая своего благосостоянія. Работникъ, переходящій въ капиталиста и потому располагающій слишкомъ достаточнымъ свободнымъ временемъ, подвергается общей участи людей, не живущихъ своимъ трудомъ. Въ немъ происходитъ упадокъ нравственныхъ силъ. Кружки, о которыхъ я говорю, никогда не заражаютъ своимъ вліяніемъ горькую бѣдность, въ которой они возбуждаютъ только зависть. Тяжкія отношенія внутри бѣднаго семейства дѣлаются всегда снова источникомъ грубаго семейнаго деспотизма и жестокости и въ концѣ концовъ не дозволяютъ стряхнуть эту грубость. Демаркаціонной линіею для обозначенія этихъ кружковъ я полагаю слѣдующіе признаки: мужъ стыдится бить свою жену, и семейныя сцены, если онѣ случаются, сохраняются втайнѣ; на общихъ увеселеніяхъ поцалуй не допускается, какъ слишкомъ грубое проявленіе сладострастія; человѣкъ, который въ присутствіи женщинъ употребляетъ, въ пьяномъ видѣ, неприличныя выраженія и дѣлаетъ глупости, подвергается всеобщему порицанію: «фи, какая мерзость», говорятъ о подобныхъ поступкахъ взрослые мужчины. Эти кружки напоминаютъ собою нѣмецкихъ колонистовъ около Петербурга, и между ними встрѣчаются личности, которые по степени своей цивилизаціи стоятъ выше колонистовъ. Они вполнѣ доказываютъ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ русскій работникъ даже въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ весьма скоро сравнялся бы съ европейскимъ и при отсутствіи сопротивленія со стороны образованныхъ сословій вѣроятно превзошелъ бы его.

ЧАСТЬ III.

РАБОТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОЙ РОССІИ.

ГЛАВА I.

Работникъ пріискатель.

(Эта глава написана въ 1866 году.)

Оставимъ до времени работника земледѣльца, съ его жалкимъ существованіемъ, и перейдемъ къ группамъ, хотя менѣе многочисленнымъ, но не менѣе интереснымъ. Какъ скоро вы приближаетесь къ Енисейску, вы замѣчаете, что вы приближаетесь къ центру промышленной производительности, цѣны на продукты возвышаются, цѣны на работу тоже. Ожидаешь встрѣтить богатое рабочее населеніе и ожиданія эти поддерживаются еще разсказами о безумномъ мотовствѣ пріискателей. Поговорите съ любымъ приставомъ или съ управляющимъ работами, вы услышите безконечныя жалобы на безалаберность и безпутство пріисковыхъ рабочихъ. Лишь только пріисковый рабочій получаетъ задатокъ и все платье нужное для отправки на пріиски, онъ тотчасъ же пропиваетъ всѣ свои деньги и закладываетъ въ кабакѣ полученныя вещи. Вещи эти выкупаются затѣмъ не иначе, какъ съ помощью полиціи и пріисковая партія выпроваживается изъ города. При первомъ случаѣ работникъ снова закладываетъ свое платье въ кабакѣ и снова нужно его выкупать. Въ первомъ значительномъ городѣ, который партія встрѣтитъ на своемъ пути, снова начинается кутежъ, работниковъ не соберешь, снова необходимо прибѣгать къ полиціи. Со словъ пристава пріисковый рабочій представляется вамъ разбалованнымъ кутилой, сыпящимъ кругомъ себя деньгами. Слова эти подтверждаются наблюденіями, которыя вы можете сдѣлать въ городѣ, гдѣ происходитъ наемъ рабочихъ на пріискѣ. Городъ оживляется необыкновенно, вездѣ слышны пѣсни, разгулъ, въ одномъ мѣстѣ пьяная ватага скачетъ съ бубнами

и колокольцами по городу, въ другомъ происходитъ пляска съ музыкою и съ женщинами. Въ городѣ вы найдете многихъ домовладѣльцевъ, которые наживаются тѣмъ, что держатъ у себя пріискателей квартирантами. Поговорите съ ними, они вамъ разскажутъ, какія они отъ пріискателей берутъ хорошія деньги, какъ пріискатели кутятъ и закладываютъ свои вещи. Они передадутъ вамъ случаи самой злополучной безпечности. Пріискатель, который заработалъ двѣсти или семьсотъ рублей, имѣетъ ихъ только одинъ день, прежде, чѣмъ надъ нимъ проснется другое утро, у мертвецки пьянаго вытащатъ все его достояніе. Взгляните на этого красавца въ черномъ, щегольскомъ плисовомъ нарядѣ, который какъ нельзя болѣе идетъ къ его лицу, въ красивой шали. Какъ гордо выступаетъ онъ среди женщинъ, которыя смотрятъ на него съ неподдѣльнымъ восторгомъ. За нимъ идутъ и играютъ странствующіе музыканты, его окружаютъ пріятели и толпа любопытныхъ. Его лицо доказываетъ, что онъ и уменъ и ловокъ и счастливъ; но то же самое лицо показываетъ, что молодецъ слишкомъ увлекается удовольствіемъ покутить въ подобной обстановкѣ, у него ничего не останется изъ заработанныхъ денегъ. Съ другой стороны вамъ покажутся подозрительными разсказы о томъ, какъ соблазняютъ рабочихъ виномъ въ то время, когда ихъ нанимаютъ, какъ съ помощью стакана вина можно оболванить рабочаго какъ угодно; еслибы рабочимъ давали такія большія деньги, какъ увѣряютъ капиталисты, то зачѣмъ же ихъ оболванивать? Далѣе вы узнаете, что рабочіе далеко не всѣ живутъ въ городѣ, даже нарядчики не всегда имѣютъ возможность выносить городскую дороговизну и городскую роскошь и живутъ по деревнямъ, большинство же рабочихъ гложетъ въ деревнѣ бѣдную кость. Вникнемъ ближе въ ихъ положеніе. Работа пріисковая, какъ и всякая работа, весьма разнообразна; но между всѣми выдаются пять главныхъ группъ: это рабочіе по общему контракту, конюхи, рабочіе для вскрытія торфовъ, золотнишники и розыскныя партіи. Рабочіе по общему контракту, конечно, составляютъ большинство рабочихъ, а поэтому и самый между ними интересный классъ. На нихъ лежитъ самая тяжелая работа, и въ будни и въ праздникъ; съ утра и до поздней ночи они въ тяглѣ. Работаютъ они самую тяжкую изъ работъ — земляную; то камни ворочаютъ, то въ водѣ и въ грязи копаются. Другіе работники, которыхъ работу можно сравнить съ поштучною, считаютъ себя относительно ихъ привилегированнымъ состояніемъ,—работаешь, какъ хочешь, говорятъ они про себя, и полежать и отдохнуть есть время. Работа по общему контракту тяжелѣе, а содержаніе хуже, на торфахъ напр. получаютъ полтора фунта мяса въ день, между тѣмъ какъ въ общемъ контрактѣ только фунтъ. Въ задатокъ они получаютъ отъ двадцати пяти до пятидесяти рублей. Двадцать пять, сорокъ и сорокъ пять рублей обыкновенный задатокъ. Такіе значительные задатки поражаютъ многихъ и убѣждаютъ ихъ, что заработки пріискателей также должны быть значительны. Посмотримъ, сколько они имѣютъ средствъ, чтобы покутить и пороскошничать. Пріискатель работаетъ приблизительно отъ 15 апрѣля до 10 сентября, т. е. въ теченіе пяти мѣсяцевъ. Въ это время онъ вырабатываетъ на урочныхъ и старательскихъ работахъ вмѣстѣ отъ трехъ до пятнадцати

рублей въ мѣсяцъ, кромѣ хозяйскаго содержанія: заработокъ отъ десяти до пятнадцати рублей въ мѣсяцъ на готовомъ содержаніи — это прекрасный заработокъ, скажете вы? посмотримъ. На урочной работѣ пріискатель такъ мало заработаетъ, что онъ даже и задатка не отработаетъ; чтобы пріобрѣсти что-нибудь, ему необходима старательская работа, онъ долженъ отнимать время у своего отдыха, работать по воскресеньямъ и праздникамъ. Что же дадутъ ему эти усилія, которыя нерѣдко стоятъ ему здоровья? Наниматься на промысла приходятъ люди нерѣдко изъ Россіи, но главная наемка производится въ Сибири, напр. въ селахъ, лежащихъ по эту сторону города Томска. Предположимъ центральнымъ пунктомъ наемки самый Томскъ, до промысловъ надобно, слѣдовательно, считать отъ девятисотъ до тысячи верстъ. Принимая это въ соображеніе, разсчитаемъ издержки работника. На уплату податей ему нужно двадцать пять рублей, ниже мы увидимъ, что по большей части этого мало; чтобы выправить себѣ билетъ, ему нужно пять рублей,—такъ по крайней мѣрѣ, работники и конторы считаютъ обыкновенно; всего слѣдовательно тридцать рублей. До промысла нужно сдѣлать тысячу верстъ. Солдату полагается на дальнее разстояніе дѣлать черезъ день дневку, въ день онъ уходитъ отъ двадцати до тридцати верстъ, среднимъ числомъ двадцать пять, слѣдовательно, по двѣнадцати съ половиною верстъ въ сутки. Положимъ, что работникъ пойдетъ скорѣе, онъ будетъ дѣлать по двадцати верстъ въ сутки и дневку черезъ два дня въ третій, слѣдовательно, онъ въ три дня будетъ дѣлать сорокъ верстъ: онъ пройдетъ по меньшей мѣрѣ шестьдесятъ пять дней. Въ дорогѣ онъ не можетъ питаться скудно, онъ долженъ съѣсть, по крайней мѣрѣ, порцію по-саженнаго работника, т. е. полтора фунта мяса въ день. За полтора фунта варенаго мяса онъ долженъ заплатить восемь копѣекъ; за два съ половиною фунта печенаго хлѣба пять копѣекъ; за приварокъ двѣ копѣйки, всего пятнадцать копѣекъ. Въ теченіе шестидесяти пяти дней онъ проѣстъ девять рублей. Онъ идетъ въ распутицу, въ самое дурное время года, ему нужно платить за перевозы; въ такое суровое время онъ не можетъ не выпить чаю или водки; предположимъ, что онъ на это издержитъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ одинъ рубль двадцать пять копѣекъ; на эти деньги можно купить полфунта чаю и два фунта сахару; еслибы онъ несъ съ собою самоваръ, а уголья получалъ Христа ради, то этого было бы мало. За шкаликъ водки онъ долженъ заплатить пять копѣекъ, слѣдовательно въ теченіе дороги три рубля двадцать пять копѣекъ; это слишкомъ дорого,— полагаю, что онъ водки пить не будетъ. Дорогою онъ порветъ платье; въ Сибири лаптей нѣтъ, такъ какъ липа растетъ только на югѣ, онъ долженъ слѣдовательно носить сапоги или бродни, одной обуви онъ издеретъ на два рубля, да платья на рубль, всего три рубли. Дорога ему будетъ стоить тринадцать рублей двадцать пять копѣекъ въ томъ случаѣ, когда онъ сдѣлаетъ ее самымъ экономическимъ способомъ, но обыкновенно это для него невозможно; онъ долженъ поспѣть къ сроку, поэтому онъ нанимаетъ подводу и ѣдетъ. Вмѣсто двухъ мѣсяцевъ пѣшаго хода, онъ проѣдетъ мѣсяцъ; у него слѣдовательно останется экономіи отъ пищи четыре рубля пятьдесятъ ко-

пѣкъ, но зато ему надо платить прогоны. Прогоны на тысячу верстъ, считая $1^1/_2$ копѣйки на версту, составятъ пятнадцать рублей. На его долю придется пять рублей, если считать по четыре человѣка на лошадь, т. е. трехъ путешественниковъ и одного проводника. Полторы копѣйки ему, однакоже, не удастся платить, съ него мѣстами возьмутъ вдвое и втрое; по наименьшему разсчету онъ прогоновъ заплатитъ восемь рублей. Дорога будетъ ему, слѣдовательно, стоить шестнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ. Это слишкомъ дорого, поэтому работники рѣдко дѣлаютъ всю дорогу на подводѣ, а поперемѣнно то идутъ, то ѣдутъ и путь имъ стоитъ приблизительно пятнадцать рублей. Самымъ лучшимъ доказательствомъ вѣрности этого разсчета служитъ то, что работники сами такъ разсчитываютъ. Обыкновенно нанимателн въ контрактѣ съ золотопромышленникомъ обязуются давать задатку по сорока пяти рублей, полагая тридцать рублей на подати и сборы и пятнадцать рублей на дорогу. Не бѣдствующій работникъ не возьметъ менѣе въ задатокъ: пятьдесятъ рублей беретъ тотъ, кѣмъ имѣютъ причину дорожить, двадцать пять рублей—несчастный горемыка, которому придется биться какъ рыбѣ объ ледъ. На промыслѣ ему нужно одѣваться въ теченіе шести мѣсяцевъ, положимъ онъ издержитъ шесть рублей. Сумма—весьма малая, но не слѣдуетъ забывать, что онъ покупаетъ товаръ, привезенный изъ Россіи сухимъ путемъ въ тайгу, онъ покупаетъ его у монополиста, который по произволу назначаетъ цѣны, въ тайгѣ конкуренціи нѣтъ, все нужно покупать у золотопромышленника,—двѣ пары сапогъ стоятъ семь рублей. Затѣмъ нужно сдѣлать еще тысячу верстъ, чтобы возвратиться домой, опять пятнадцать рублей, всего, слѣдовательно, шестьдесятъ шесть рублей. Все лѣто онъ работалъ въ тайгѣ, онъ не пахалъ, не сѣялъ, никакихъ запасовъ не сдѣлалъ, зимой ему работы не найти, обыкновенно онъ ее и не находитъ; а дѣлаетъ кое-что около дому; зиму, пять мѣсяцевъ, онъ долженъ прожить на тѣ же деньги — онъ не работаетъ, онъ, слѣдовательно, не будетъ ѣсть мяса, онъ будетъ ѣсть одинъ хлѣбъ, да приварокъ. Хлѣба онъ съѣстъ три фунта въ день на три копѣйки и за приварокъ †) двѣ копѣйки — въ мѣсяцъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ, въ пять мѣсяцевъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ. На пищу арестанта въ пять мѣсяцевъ полагается девять рублей осьмнадцать копѣекъ. Зимою у него носится и холодная и теплая одежда, ему нужно не менѣе шести рублей на платье. Итакъ еще тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ. Кромѣ того онъ долженъ цѣлый годъ содержать свое семейство. Положимъ, что жена содержитъ себя сама—сколько ему нужно для содержанія дѣтей? Если населеніе не увеличивается, то нужно полагать у него среднимъ числомъ троихъ дѣтей; но положимъ двухъ требующихъ содержанія. Дѣти ѣдятъ если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, не менѣе большихъ; кромѣ того, ребенку нужна пища хорошая, иначе онъ умретъ. По опыту извѣстно,

†) Для краткости я употребляю это слово, я разумѣю подъ нимъ нетолько капусту, соль и пр., но и картофель, кашу и т. д.

что крестьянскій ребенокъ ѣстъ въ полтора раза болѣе своей матери. Положимъ, что онъ будетъ питаться хлѣбомъ, да приваркомъ и только два раза въ недѣлю будетъ ѣсть мясо. Онъ съѣстъ сто восемь фунтовъ мяса въ годъ, цѣною въ два рубля семьдесятъ копѣекъ, хлѣба съ приваркомъ на осьмнадцать рублей и платья износитъ вдвое менѣе, чѣмъ отецъ, т. е. на шесть рублей въ годъ—всего содержаніе ребенка въ годъ будетъ ему стоить двадцать шесть рублей семьдесятъ копѣекъ, а двухъ дѣтей—пятьдесятъ три рубля шестьдесятъ копѣекъ. Итакъ ему нужно всего заработать, чтобы жить съ нуждою, съ своимъ семействомъ, сто тридцать три рубля. Если онъ будетъ заработывать въ мѣсяцъ на пріискѣ десять рублей, онъ заработаетъ пятьдесятъ рублей, — онъ проживетъ все во время работы и у него не останется ничего по окончаніи работы; чтобы возвратиться домой, ему нужно прибавить изъ собственнаго кармана шестнадцать рублей, а чѣмъ жить зимою, чѣмъ кормить свое семейство? Если онъ выработаетъ по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, то онъ получитъ всего семьдесятъ пять рублей—при разсчетѣ ему причтется еще двадцать четыре рубля, а по возвращеніи домой, за путевыми издержками, у него останется еще девять рублей. Чтобы прожить зиму, ему не хватитъ еще четырехъ рублей пятидесяти копѣекъ, а семейство—это птицы небесныя, пусть ихъ Богъ питаетъ. Если онъ будетъ исполнять только одни уроки, т. е. работать столько, сколько работникъ можетъ работать въ сутки безъ изнуренія, и отдыхать праздники, то онъ отработаетъ только третью часть задатка, т. е. пятнадцать рублей серебромъ; чтобы отработать одинъ задатокъ, онъ долженъ работать будни и праздникъ до изнуренія и только сильный и проворный работникъ можетъ что-нибудь выработать. И послѣ такой работы онъ оставляется на зиму необезпеченнымъ; мало этого, если онъ сдѣлается боленъ, ему придется отправляться съ пріиска и умереть съ голоду въ тайгѣ, какъ это нерѣдко случается. Изъ этого изображенія видно, что пріисковому рабочему не хватитъ его заработка даже на то, чтобы съ нуждою прокормить себя, о семействѣ и говорить нечего. Напрасно золотопромышленники ссылаются на пьянство, они такъ плохо обезпечиваютъ своего рабочаго, что его семейство должно умереть съ голоду даже и въ томъ случаѣ, когда онъ ни капли не выпьетъ водки. Работа на пріискахъ такая убійственно-тяжелая, вознагражденіе такое скудное и платится съ такими прижимками, что пріобрѣтать для промысловъ работниковъ надобно такими же средствами, какъ прессуются солдаты. Согласіе вырывается у пьянаго, захваченнаго врасплохъ. Когда онъ однажды попалъ на промыселъ, его стараются всѣми правдами и неправдами запутать въ долгахъ и такимъ образомъ заставляютъ его являться на работы слѣдующаго года. Собирается масса рабочихъ, недовольныхъ и ожесточенныхъ, которая, кромѣ того, должна нести такую невыносимо тяжелую работу, которая способна довести до отчаянія человѣка съ самыми крѣпкими мускулами и нервами. Вотъ почему конюхи получаютъ совершенно несоразмѣрное съ ихъ трудомъ вознагражденіе—ихъ назначеніе держать въ порядкѣ рабочихъ посредствомъ тѣлесныхъ наказаній баснословной жестокости. Лишь только рабочій начнетъ говорить въ толпѣ,

что нарушаются ихъ права, его тотчасъ объявляютъ подстрекателемъ къ бунту и сѣкутъ безъ всякаго милосердія. Не мудрено, послѣ этого, что разочарованіе чаще всего ожидаетъ работника, нанимающагося на промысла. «Никогда не нанимайся на промысла, не увидишь сумы», говорятъ работники. Измученный, исхудалый, чуть живой отъ тяжелой работы, пріискатель ожидаетъ разсчета—вдругъ оказывается, что нетолько хозяинъ ему ничего не долженъ, но что еще онъ остался должнымъ. Прибавьте къ этому обстановку, въ которой находится пріискатель, онъ не гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ, въ отдаленной деревнѣ, гдѣ живутъ только такіе же бѣдняки, какъ онъ, онъ стоитъ при самыхъ деньгахъ, гдѣ лопатами гребутъ золото. Кругомъ его люди, которыхъ заработки совершенно достаточны, которыхъ высшее удовольствіе пьянствовать на-пропалую, сорить деньгами и тщеславиться своимъ мотовствомъ; они научились этому у самого золотопромышленника. Сами золотопромышленники своимъ примѣромъ поселили этотъ духъ на промыслахъ. О кутежахъ и роскошной жизни пріискателей трезвонъ идетъ по всей Сибири; рѣдкій работникъ отправляется на промысла безъ надежды накутиться на славу и вдругъ дѣйствительность разочаровываетъ его жестокимъ образомъ. Онъ нетолько не получаетъ денегъ, чтобы покутить, но не имѣетъ никакой надежды ихъ получить. Работа, въ тоже время, оказывается несравненно болѣе тяжкою, чѣмъ онъ ожидалъ, — она убійственная, каторжная; убѣдившись, что ему рѣшительно не хватитъ денегъ на самое необходимое, онъ отказывается дѣлать даже самыя нужныя поправки въ своей одеждѣ, ходитъ оборванный, его тѣло отъ грязи покрывается корою и на этой корѣ виситъ другая, еще болѣе грязная кора, это его платье. Мудрено ли послѣ этого, что тотъ или другой работникъ не устоитъ противъ соблазна и пустится на отчаянныя штуки—одинъ сдѣлаетъ, а на всѣхъ слава. Вотъ источникъ разсказовъ о безконечныхъ кутежахъ пріискателей, о томъ, какъ они закладываютъ хозяйское платье, которое выкупается, возвращается имъ и ими опять закладывается. Положеніе нисколько не измѣняется въ мѣстахъ менѣе отдаленныхъ, напр. въ томской тайгѣ. Какъ бы ни измѣнялись условія, въ которыхъ находится промыселъ, одно условіе остается неизмѣннымъ: работникъ получаетъ такъ мало, что онъ не въ состояніи содержать даже съ нуждою себя и свое семейство. Въ томской тайгѣ напр. задатки уменьшаются до пяти рублей. Работникъ никогда бы не могъ брать такихъ низкихъ цѣнъ, еслибы онъ безчувственно не оставлялъ своего семейства на произволъ судьбы, пусть жена кормится какъ хочетъ, пусть дѣти мрутъ какъ мухи; и дѣйствительно, дѣти у него умираютъ какъ мухи, какъ подробно разъяснено будетъ ниже. Вотъ благодатныя послѣдствія развитія раболѣпія и палочнаго воспитанія рабочаго народа: еслибы нашъ работникъ обладалъ чувствомъ своего достоинства, неужели бы онъ согласился работать на такихъ условіяхъ, — отъ одной славы, которую объ немъ пускаютъ, онъ сошелъ бы съ ума. Онъ тѣмъ болѣе не согласился бы, что въ этомъ нѣтъ никакой необходимости. Положеніе работника тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ вліятельнѣе тотъ, кто распоряжается его судьбою. У частнаго

золотопромышленника напр. ему гораздо легче, чѣмъ въ предѣлахъ, гдѣ распоряжается горное начальство. Увѣряютъ, что ненависть, которую питаютъ рабочіе къ горному начальству, иногда не имѣетъ предѣловъ, увѣряютъ, что эта ненависть служитъ главною причиною частыхъ пожаровъ и поджоговъ въ горныхъ городахъ; осматривая острогъ въ одномъ изъ городовъ, лежащихъ въ предѣлахъ горнаго вѣдомства, я нашелъ, что четвертая часть арестантовъ состояла изъ зачинщиковъ въ возмущеніяхъ. Что же дѣлать,—скажетъ мнѣ политико-экономъ,—заработная плата опредѣляется законами конкуренціи, остается имъ подчиниться. Итакъ если заработная плата опредѣляется конкуренціею, то слѣдовательно общество должно смотрѣть сложа руки на всѣ безобразныя явленія, которыя происходятъ отъ такого положенія, явленія, поражающія нетолько отдѣльную личность, но всю массу рабочаго населенія? Если право собственности имѣетъ какое-либо полезное значеніе для общества, то только потому, что посредствомъ его трудъ можетъ получить полное вознагражденіе. Пріобрѣтеніе безъ труда есть пріобрѣтеніе насчетъ чужаго труда, а пріобрѣтеніе насчетъ чужаго труда есть нарушеніе права собственности. Не забудемъ же это. Перейдемъ теперь къ промыслу. Кромѣ работниковъ по общему контракту, какъ уже сказано было выше, на промыслѣ существуютъ работники, менѣе обремененные работой и получающіе большее вознагражденіе, между ними самое лучшее положеніе принадлежитъ золотнишникамъ. Золотнишники—это артель, состоящая подъ руководствомъ благонадежнаго и извѣстнаго золотопромышленникамъ человѣка, который играетъ роль подрядчика. Человѣкъ этотъ получаетъ, въ видѣ задатка, двѣсти или пятьсотъ рублей. Затѣмъ онъ всѣ работы на промыслѣ производитъ совершенно самостоятельно, въ особо отведенной ему площади и получаетъ, по условію, за каждый золотникъ сданнаго хозяину золота отъ рубля двадцати до рубля семидесяти копѣекъ. Работая такимъ образомъ, золотнишники могутъ пріобрѣсти на промыслѣ, который только оправдываетъ свои расходы, около ста рублей на человѣка. За золотникъ золота золотопромышленникъ получаетъ, смотря по курсу, отъ трехъ рублей шестидесяти пяти до четырехъ рублей пятидесяти копѣекъ и болѣе, слѣдовательно, еслибы золотнишники получали за золотникъ золота не полтора рубля, а четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ, т. е. полное вознагражденіе за свой трудъ, то они пріобрѣли бы не сто, а триста рублей на человѣка. Считая заработокъ ихъ не выше того, который достается на долю лучшаго работника по общему контракту, они должны были бы получать двѣсти двадцать пять рублей. Мнѣ скажутъ, что они получили отъ капиталиста задатокъ; прекрасно, пусть они возвратятъ этотъ задатокъ съ процентами, имъ еще довольно останется. Предположимъ, что тридцать человѣкъ получили въ задатокъ пятьсотъ рублей и добыли двадцать фунтовъ золота, золотникъ котораго стоитъ четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ, случай, весьма не рѣдкій; золотнишники обыкновенно добываютъ болѣе. Они возвращаютъ капиталисту задатокъ и платятъ ему за него огромный процентъ, два процента въ мѣсяцъ,—возвращаютъ они задатокъ черезъ восемь мѣсяцевъ,—послѣ этого каждый получитъ двѣсти шестьдесятъ восемь рублей да шестьдесятъ

шесть копѣекъ и никто не можетъ сказать, что капиталистъ остался въ обидѣ—онъ получилъ больше, чѣмъ ему слѣдовало бы по справедливости. При настоящемъ же порядкѣ золотнишники получатъ девяносто шесть рублей на человѣка, т. е. почти въ три раза менѣе. Не слѣдуетъ забывать, что золотнишники получаютъ для разработки самыя плохія части пріисковъ, ихъ работа ручная, безъ помощи машины, слѣдовательно менѣе производительна; на долю рабочихъ по общему контракту пришлось бы несравненно болѣе; среднимъ числомъ каждый рабочій по общему контракту добываетъ болѣе фунта золота и получаетъ за это около пятидесяти рублей, а съ издержками на его содержаніе до шестидесяти пяти, между тѣмъ какъ произведеніе его труда стоитъ болѣе четырехъ сотъ тридцати рублей. Заработки этихъ работниковъ увеличились бы болѣе чѣмъ въ восемь разъ, они могли бы обезпечить безбѣдно и себя и свои семейства. На долю капиталиста пришлось бы имъ заплатить весьма немного. За все, что работникъ покупаетъ на пріискѣ, капиталистъ уже получилъ свой процентъ, ему остается получить процентъ за задатокъ, за капиталъ, употребленный на покупку лошадей, съѣстныхъ припасовъ, за желѣзный товаръ и пр. Предположимъ напр. пріискъ, на которомъ семьдесятъ человѣкъ добыли два пуда золота въ одну операцію,—столько добываютъ работники среднимъ числомъ,—пріискъ получитъ за него послѣ продажи на биржѣ 34,400 рублей. Работникъ изъ этой суммы платитъ капиталисту пятнадцать процентовъ за капиталъ, употребленный на задатки, на съѣстные припасы, желѣзный товаръ и пр.—пятнадцать процентовъ за восемь мѣсяцевъ,—это процентъ весьма роскошный, почти два процента въ мѣсяцъ; ясно, что въ томъ числѣ нужно считать и возвратный капиталъ за павшихъ лошадей, испорченныя вещи и пр. Ему придется заплатить процентъ на слѣдующій капиталъ—задатки по 45 рублей на человѣка, всего 3150 рублей. Съѣстные припасы въ мѣсяцъ по три рубля на человѣка, въ пять мѣсяцевъ 15 рублей на человѣка, всего 1050 рублей; двѣнадцать лошадей, по сорока рублей лошадь, всего 480 рублей; на желѣзный товаръ и пр. 1100 рублей, всего за капиталъ въ 5780 рублей по пятнадцати процентовъ на рубль 867 рублей †); всего придется заплатить капиталисту 1917 руб.; затѣмъ работникамъ останется 32,483 рубля,—на каждаго придется по четыреста шестьдесятъ четыре рубля четыре коп., т. е. приблизительно въ девять разъ болѣе, чѣмъ они получаютъ въ настоящее время. Нельзя не замѣтить, что современный порядокъ, при которомъ произведенія фабрикъ и заводовъ принадлежатъ одному капиталисту, въ высшей степени убыточенъ для рабочихъ. Общество должно сдѣлать все, что отъ него зависитъ, чтобы поставить работника по отношенію къ капиталисту въ такое положеніе, при

†) Если считать шесть процентовъ на этотъ капиталъ, то выйдетъ 346 р. 80 коп., слѣдовательно на возвратъ капитала, постепенно потребляющагося, пойдетъ 520 руб. 20 коп. въ годъ, весь же капиталъ этотъ состоитъ изъ 1580 рублей; въ три года онъ будетъ возвращенъ: но развѣ лошадь работаетъ три года? развѣ желѣзная вещь держится три года?

которомъ бы онъ не соглашался быть наемникомъ. Капиталистъ даетъ свой капиталъ, работникъ свой трудъ—произведеніе есть плодъ общихъ ихъ усилій. Работникъ не долженъ отказываться отъ правъ своихъ на него ради жалкой заработной платы. Въ настоящее время капиталистъ даетъ свой капиталъ и комфортабельно остается дома покуривая сигару; работникъ даетъ свою работу и подвергается всѣмъ тягостямъ и непріятностямъ суроваго труда,—слѣдовательно нравственный долгъ каждаго человѣка дѣлать все, что отъ него зависитъ, чтобы общее произведеніе капиталиста и работника отнюдь не принадлежало только одному изъ нихъ и притомъ тому, который принесъ всего менѣе жертвъ, т. е. капиталисту. Наемъ на фабрики и промыслы замѣнилъ собою рабство; это отношеніе не окончательное, а составляющее для работника только одну ступень выше крѣпостнаго труда; настанетъ время, когда наемъ будетъ воспрещенъ, какъ воспрещено рабство. Работникъ не лошадь, это не существо низшей породы, онъ такой же человѣкъ, какъ и капиталистъ, между нимъ и капиталистомъ должно быть равенство, а равенства до тѣхъ поръ не будетъ пока будетъ существовать наемъ, пока капиталистъ и работникъ будутъ наниматель и наемникъ, а не товарищи,—пока работники не будутъ такими же хозяевами произведеній фабрики, какъ и капиталистъ. Это все равно,—скажетъ презрительно кто-нибудь. Для верхогляда все равно, отвѣчу я, а въ сущности далеко не все равно. Фабрика, которая управляется капиталистомъ, это тоже, что государство, которое управляется деспотически: послѣднее—невыгодное политическое, а первое—соціальное положеніе. Въ коммерческомъ быту весьма извѣстная истина, что тотъ, кто хозяинъ дѣла, тотъ пользуется отъ него и всѣми барышами. Когда капиталистъ выпускаетъ изъ рукъ дѣло и предоставляетъ его своимъ прикащикамъ и управляющимъ, то онъ уже не богатѣетъ болѣе, а богатѣютъ его прикащики и управляющіе. Таково положеніе капиталиста, который имѣетъ право во всякое время потребовать отчета отъ своего подчиненнаго, повѣрить его и взять въ свои руки дѣло. Насколько же невыгоднѣе положеніе работника, который и подумать не смѣетъ о томъ, чтобы вмѣшаться въ хозяйскія дѣла! Какъ скоро работникъ пріобрѣтаетъ хотя слабую тѣнь хозяйскихъ правъ, онъ тотчасъ получаетъ и болѣе выгодъ; вотъ почему положеніе золотнишника всегда выгоднѣе положенія работника по общему контракту, ему предоставляются самыя невыгодныя части промысла, а онъ съ нихъ все-таки болѣе получаетъ, чѣмъ работникъ по общему контракту на самыхъ выгодныхъ. Мнѣ скажутъ, что золотнишникъ оттого пріобрѣтаетъ болѣе, что онъ употребляетъ частичку своего капитала; не правда, онъ иногда вовсе никакого капитала не имѣетъ, а пріобрѣтаетъ онъ вотъ почему. Прикащикъ торгуетъ въ магазинѣ купца А, который находится у него на отчетѣ, или управляетъ винным складомъ заводчика Б и исполняетъ разныя его порученія, покупаетъ для него хлѣбъ, лошадей и пр., каждый изъ этихъ прикащиковъ будетъ получать жалованья рублей восемьсотъ; а пріобрѣтетъ въ годъ отъ двухъ до пяти тысячъ не имѣя никакого капитала. Вы подумаете, можетъ быть, что онъ пріобрѣтетъ это обманывая хозяина;—нисколько, хозяинъ очень хорошо знаетъ, что его прикащикъ пріобрѣтаетъ;

но если этотъ ему правильно отсчитываетъ и постоянно дѣйствуетъ въ его выгоду, тотъ будетъ считать его честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ и никогда съ нимъ не разстанется. Подобный прикащикъ управляетъ своимъ дѣломъ на основаніи контракта съ хозяиномъ и отсчитываетъ ему по извѣстной нормѣ. Его выгода основана на томъ, что онъ хозяинъ дѣла и всѣ счастливыя случайности обращаются въ его пользу. Предположимъ напр., что онъ покупаетъ для хозяина 100,000 пудовъ ржи; по контракту онъ обязанъ купить ее по цѣнѣ 47 коп. за пудъ съ доставкою. Базарная цѣна на хлѣбъ въ это время 40 коп. за пудъ, а провозъ стоитъ 10 коп. за пудъ; слѣдовательно норма для капиталиста весьма выгодна, она возможна только потому, что предполагается покупка оптовая и приэтомъ уступка по три копѣйки на пудъ. Прикащикъ покупаетъ 20,000 пудовъ на торгахъ изъ запасныхъ магазиновъ и пр. и платитъ по 30 коп. за пудъ—онъ получилъ выгоды 1400 рублей; 10,000 пудовъ онъ скупилъ по мелочамъ въ то время, когда цѣны временно падали, по 32 коп. за пудъ — онъ получилъ выгоды 500 рублей; 30,000 пудовъ онъ промѣнялъ на вино, они ему обошлись по 28 коп. пудъ— онъ получилъ выгоды 2,700 рублей. Всѣ 100,000 пудовъ онъ сплавилъ на плотахъ до ближайшаго къ заводу города—приэтомъ онъ нетолько ничего не заплатилъ за провозъ, но получилъ барышъ, и на счетъ этого барыша доставилъ хлѣбъ на заводъ; у него въ карманѣ осталось 10,000 рублей. Онъ отсчиталъ совершенно удовлетворительно, купилъ выгодно для хозяина хлѣбъ и пріобрѣлъ 14,600 руб. сер., имѣя въ оборотѣ не значительную сумму въ 47,000 руб. Выгодно быть капиталистомъ, но еще выгоднѣе быть хозяиномъ дѣла. Посмотримъ, въ какомъ положеніи будутъ работники, если они будутъ не наемники, а товарищи капиталиста—золотопромышленника. Приступая къ дѣлу, капиталистъ не знаетъ еще, какую оно дастъ выгоду, а между тѣмъ онъ долженъ заключить товарищеское условіе съ работниками теперь же; ему остается слѣдовательно поступить такъ же, какъ онъ поступилъ съ прикащикомъ въ вышеприведенномъ случаѣ. Онъ никакъ не можетъ установить норму, представляющую выгоды, болѣе или менѣе рѣдко встрѣчающіяся; онъ долженъ взять такую, которая осуществима изъ десяти случаевъ по крайней мѣрѣ въ девяти. Положимъ, что въ извѣстной мѣстности продается милліонъ пудовъ хлѣба: 10,000 пудовъ продается по 17 коп., 125,000 п. по 20 коп., 265,000 п. по 25 коп., 500,000 п. по 30 коп. и 100,000 по 35 коп.,—онъ никоимъ образомъ не можетъ выбрать нормою ни 17, ни 20, ни 25 коп.,—его тотчасъ будутъ обвинять въ несправедливости: только мошенникъ или какой-нибудь несчастный возьметъ отъ него порученіе на такихъ условіяхъ, порядочный же человѣкъ никогда не согласится, онъ необходимо долженъ назначить нормою тридцать копѣекъ; прикащикъ будетъ неловокъ, если онъ не получитъ хотя незначительной выгоды. Точно тоже будетъ съ работниками, когда они будутъ товарищами капиталиста; только въ исключительныхъ случаяхъ они не получатъ барышей, кромѣ заработной платы, — а будутъ случаи и вродѣ слѣдующаго. Положимъ 70 человѣкъ намыли въ годъ восемь пудовъ золота,— дѣло бывалое. Въ настоящее время они получатъ по 75 рублей на брата, а

всего 5,250 рублей, а капиталистъ получитъ 132,350 рублей и сдѣлается въ годъ богатымъ человѣкомъ; несчастные работники останутся нищими. Если же работникъ и капиталистъ будутъ товарищами и капиталистъ получитъ вознагражденіе по заранѣе опредѣленной нормѣ, напр. по нормѣ пятнадцати процентовъ въ годъ, тогда капиталистъ получитъ 867 рублей, а работники получатъ каждый 1,953 рубля 30 копѣекъ и будутъ счастливыми и зажиточными людьми. Капиталистъ не обиженъ, онъ получилъ хорошіе барыши, а семьдесятъ человѣкъ сдѣлались счастливыми. Не говоря уже о томъ, что для прогресса цивилизаціи и народнаго богатства гораздо выгоднѣе положеніе, при которомъ многіе пользуются благосостояніемъ, чѣмъ такое, гдѣ существуютъ только богатство и бѣдность. Но почему же, спросятъ, барыши отъ промышленнаго предпріятія должны сполна принадлежать работникамъ, а капиталисту только проценты съ капитала. Причина ясна: капиталисты не работаютъ, они только страхуютъ промышленныя предпріятія имѣющимися въ ихъ рукахъ дѣйствительными цѣнностями. Капиталистъ не сработалъ ни хлѣба, который ѣстъ работникъ во время производства, ни фабрики, на которой онъ работаетъ, а оградилъ только производителей этихъ вещей отъ убытка, который они понесли бы, еслибы произведенія фабрики не нашли сбыта или фабричный работникъ промоталъ бы вырученныя за нихъ деньги. За такое страхованіе онъ имѣетъ полное право на страховую премію или процентъ съ капитала, но на барыши онъ не можетъ изъявлять никакого притязанія, они—произведенія труда работника и несомнѣнная его собственность, потому что все, что произведено моимъ трудомъ, мое. Право капиталиста вмѣшиваться въ управленіе фабрикою должно ограничиваться необходимостію обезпечить себѣ процентъ или страховую премію. Не въ десять ли разъ справедливѣе отдавать барыши тому, кто подвергается всѣмъ тягостямъ суроваго труда, чѣмъ тому, кто спокойно и комфортабельно сидитъ въ своемъ кабинетѣ и только даетъ свой капиталъ. Другая зловредная сторона этого порядка состоитъ въ слѣдующемъ: нетолько капиталистъ получаетъ барыши, которые по всей справедливости принадлежатъ работникамъ, но и распредѣленіе заработной платы самое не нормальное: самый тяжелый трудъ получаетъ самое меньшее вознагражденіе, а самый легкій—наибольшее. На промыслахъ самое меньшее вознагражденіе получаетъ работникъ по общему контракту, котораго работа самая тяжелая, болѣе вознагражденія получаютъ вскрывающіе по-саженно торфъ и золотнишники, у которыхъ работа легче, наконецъ самое большое вознагражденіе получаютъ нарядчики, становые прикащики и пр., ихъ работа самая легкая; — золотопромышленникъ загребаетъ милліоны и ничего не дѣлаетъ. Золотнишникъ потому получаетъ болѣе, что за нимъ трудно слѣдить, онъ легко можетъ продавать золото въ постороннія руки, между тѣмъ капиталисту все-таки хочется вырвать у него изъ зубовъ кусокъ, вотъ ему и даютъ цѣну хотя низкую, но такую, при которой не стоитъ рисковать на воровство. Нарядчики и прикащики потому получаютъ много, что нужно слѣдить за работниками, трудъ ихъ не прибыльный, ихъ интересъ работать какъ можно менѣе и какъ можно хуже: нужны люди, задаренные капиталистомъ, которые заставляли бы ра-

ботниковъ соблюдать его интересы. Еслибы между капиталистомъ и работниками водворилось товарищество, тогда установилось бы отношеніе нормальное. Золотнишники, которыхъ трудъ легче, но зато менѣе производителенъ, получали бы менѣе работниковъ по общему контракту; давать имъ болѣе, чтобы предупредить воровство, не было бы причины. Все золото, которое они промыли, принадлежало бы имъ, имъ осталось бы возвратить капиталисту задатокъ съ процентами, а задатотъ этотъ извѣстенъ. Въ лицахъ, которые слѣдили бы за работниками вовсе не было бы надобности, они сами стали бы слѣдить другъ за другомъ; обязанности нарядчиковъ и прикащиковъ были бы чисто исполнительныя и имъ можно было бы за ихъ легкій трудъ назначить менѣе вознагражденія, чѣмъ прочимъ. Впрочемъ, въ большей части случаевъ, вѣроятно, и золотнишники и нарядчики стали бы получать болѣе, чѣмъ теперь; потеряли бы можетъ быть одни прикащики и управляющіе. Въ настоящее время нарядчики получаютъ около двухсотъ рублей въ операцію; еслибы рабочіе получали болѣе четырехъ сотъ, то ихъ плата могла бы нетолько не уменьшиться, но увеличиться. Становые прикащики получаютъ около трехсотъ, управляющіе отъ шести сотъ до трехъ тысячъ, — плата чрезмѣрная, необходимая только потому, что они служители лицъ располагающихъ наемнымъ трудомъ. Кому по справедливости слѣдуетъ большее вознагражденіе—это опытнымъ руководителямъ, указывающимъ, гдѣ обильное золото, — но объ нихъ я буду говорить особо, когда рѣчь коснется розыскныхъ партій, — и механикамъ. Всякому понятно, что устройство машины дѣло весьма важное, участіе капиталиста тутъ сравнительно ничтожное: главный тутъ механикъ, который устраиваетъ машину, затѣмъ работники, которые заготовляютъ дерево и дѣлаютъ постройки, а капиталистъ заготовляетъ только желѣзный товаръ: знаніе и трудъ—вотъ передъ чѣмъ мы преклоняемся, а капиталъ, Богъ съ нимъ, найдется.

Если предпріятіе не удастся, понесены будутъ убытки, спросятъ меня, кто же долженъ отвѣчать? — Конечно капиталистъ, точно такъ же, какъ онъ обязанъ въ этомъ случаѣ выплачивать работнику заработную плату; иначе положеніе работника было бы еще болѣе жалкое и угнетенное. За что же капиталистъ получаетъ проценты, если не за то, что онъ отвѣчаетъ за убытки и страхуетъ работнику его заработную плату? Капиталистъ скопилъ десять тысячъ рублей, онъ не хочетъ болѣе трудиться, онъ хочетъ жить своимъ капиталомъ и въ тоже время онъ хочетъ, чтобы капиталъ этотъ не уменьшался, онъ хочетъ оставить его вполнѣ своимъ дѣтямъ. Желаніе довольно затѣйливое; если онъ хочетъ, чтобы оно осуществилось, то пусть же онъ по крайней мѣрѣ рискуетъ за это своимъ капиталомъ; направилъ онъ рабочій классъ на предпріятія выгодныя и доходныя, слава ему, пусть онъ получаетъ свои проценты, пусть онъ передаетъ свой капиталъ дѣтямъ безъ уменьшенія, пусть онъ даже нѣсколько увеличитъ свой капиталъ. Съ своей стороны рабочій классъ долженъ заботиться объ уменьшеніи этого процента — этой страховой преміи промышленныхъ предпріятій; онъ долженъ стараться объ уменьшеніи его размѣра до общаго размѣра страховыхъ премій, напр. до

одной десятой копѣйки съ рубля. Когда они будутъ въ рукахъ своихъ имѣть промышленныя предпріятія, когда отъ нихъ будетъ зависѣть даже вовсе устранить капиталиста отъ управленія фабрикою или промысломъ, если онъ не благонадеженъ, тогда они въ состояніи будутъ этого достигнуть. Извѣстно напр., что работники гораздо правильнѣе судятъ о доходности промысла, чѣмъ золотопромышленники. Въ безлюдныхъ тайгахъ горному начальству не возможно услѣдить за всѣми промыслами, золотоносные пески открываются иногда крестьянами и тайно разработываются ими; они наживаютъ отъ этихъ промысловъ, но никогда не разоряются; какъ скоро они замѣчаютъ, что промыселъ не доходенъ, они тотчасъ бросаютъ работу и переходятъ къ другимъ занятіямъ. Тоже можно замѣтить и на работѣ золотнишной. Нѣкоторые казенные и частные промыслы, гдѣ разработка въ большихъ размѣрахъ оказывается невыгодною, предоставляются золотнишникамъ, которые работаютъ на нихъ какъ знаютъ и какъ хотятъ, все дѣло пристава на такихъ промыслахъ состоитъ въ томъ, чтобы отбирать отъ золотнишниковъ золото, которое они ему принесутъ, и платить имъ по извѣстной цѣнѣ, напр. по рублю пятидесяти копѣекъ за золотникъ. Приставъ же наблюдаетъ, чтобы они не продавали золото въ постороннія руки. На подобныхъ промыслахъ работаютъ отдѣльно и артелями; такіе пріиски—это кости, которыя бросаются собакамъ съ барскаго стола, съ наблюденіемъ, чтобы между костями не попался кусочекъ, годный въ продажу. Нельзя не обратить вниманіе на благоразуміе и на знаніе дѣла, съ которыми рабочіе работаютъ на подобныхъ пріискахъ. Рабочій, предоставленный самому себѣ, часто дѣлается смѣшонъ съ своею страстью совѣтоваться, но это нисколько не вредитъ дѣлу; можно сказать, что онъ все свое свободное время проводитъ въ томъ, что ходитъ отъ одного къ другому и совѣтуется, — именно десять разъ отмѣритъ и разъ отрѣжетъ. Вотъ онъ началъ работать, дѣло сначала шло хорошо, но вдругъ покривилось, проходитъ день—нѣтъ золота, другой—опять нѣтъ, онъ уже въ великомъ безпокойствѣ, всякому онъ говоритъ о своей нуждѣ, со всякимъ плачетъ, совѣтуется и навѣрное въ теченіе двухъ недѣль онъ найдетъ для себя выгодное мѣстечко. Работникъ самъ себя никогда не разоритъ; если кто разоряетъ работниковъ, то это капиталисты. Для работника промыселъ это дѣло жизни и смерти, для капиталиста это дѣло тщеславія. То онъ увлекается желаніемъ казаться милліонеромъ, онъ живетъ слишкомъ роскошно или даетъ дѣлу своему развитіе, не соотвѣтствующее его капиталу, онъ разоряется и дѣлаетъ тысячу работниковъ нищими. Самолюбіе его получаетъ безмѣрное развитіе, изъ одного упрямства онъ готовъ погубить и себя и другихъ; у него — всѣ замашки деспота. Онъ сказалъ, что такой-то пріискъ выгоденъ, но оказывается наоборотъ, безмѣрное самолюбіе не позволяетъ ему сознаться, что онъ соврался, онъ разработываетъ его упорно нѣсколько лѣтъ, губитъ себя и другихъ. Онъ нищій, всякій видитъ, что нищій, а все онъ остался тотъ же, попрежнему онъ гордъ до безумія и чѣмъ болѣе онъ упрямъ и тщеславенъ, тѣмъ болѣе онъ губитъ людей; золотопромышленники такъ много разсказываютъ о безпутствѣ рабочихъ, послушаемъ же, что разсказываютъ другіе о

безпутствѣ въ ихъ средѣ. Вотъ нѣсколько золотопромышленниковъ сидятъ въ палатахъ, убранныхъ съ восточною роскошью, на столахъ насыпаны груды золота, въ нѣсколько часовъ проигрываются десятки тысячъ; образовался цѣлый классъ людей, у которыхъ единственный источникъ дохода и богатства, это была игра съ золотопромышленниками — тутъ проигрывалась жизнь и кровь сотенъ и тысячъ рабочихъ. Деньги нужныя на то, чтобы заплатить рабочимъ, чтобы ихъ прокормить, проиграны, заняты другія за чудовищные проценты и тоже проиграны, рабочіе разорены на самомъ богатомъ и надежномъ пріискѣ; натерпѣвшись голоду и нужды, они возвращаются безъ денегъ домой, чтобы морить голодомъ свои семейства. Но вотъ золотопромышленникъ иного характера; онъ не возьмется за невыгодное дѣло, онъ богатѣетъ и идетъ въ гору; но онъ потому только и богатѣетъ, что преобладающая черта въ его характерѣ — это жадность. Тысячу человѣкъ работали на его промыслахъ и дали ему пятьдесятъ тысячъ барыша, но онъ цѣлый годъ утѣшалъ себя надеждою, что онъ получитъ семьдесятъ тысячъ, онъ рветъ на себѣ волосы въ отчаяніи и не посылаетъ на промысла денегъ для окончательнаго разсчета, а вмѣсто того посылаетъ инструкцію. По разнымъ причинамъ оказывается, что нетолько рабочимъ не слѣдуетъ денегъ, но что они еще остались должны. Начинается споръ, рабочіе скоро увидятъ, что легальнымъ путемъ ничего не сдѣлаешь, для этого надобно разобрать и рѣшить это запутанное дѣло: нужно не менѣе трехъ лѣтъ, питаться же воздухомъ три года нельзя, поэтому рабочіе начинаютъ бунтовать, бунтъ вызываетъ немедленную и энергическую дѣятельность начальства, часть наказана розгами, другая посажена въ тюрьму. Золотопромышленникъ принуждается къ разсчету; но его положеніе изъ невыгоднаго сдѣлалось уже весьма выгоднымъ, онъ сначала былъ самъ кругомъ не правъ, а теперь имѣетъ дѣло съ людьми, которые виноваты; они готовы сдѣлать всѣ уступки, лишь бы избавиться отъ такого тягостнаго дѣла — вотъ двадцать тысячъ и въ карманѣ. Капиталистъ великодушенъ—для рабочаго скверно, разсчетливъ—тоже скверно; сколько было однихъ великодушныхъ, показываетъ статистика несостоятельностей: гдѣ самыя знаменитыя фамиліи золотопромышленниковъ, гремѣвшихъ по всей Сибири, гдѣ Глотовы, Стручковы, Дубинины, Опальковы; гдѣ ихъ знаменитые промысла, сколько изъ нихъ гибнутъ подъ конкурснымъ управленіемъ. Управленіе рабочихъ имѣло бы еще то преимущество, что это — управленіе большинства, — большинство рѣже расточительно. И между золотопромышленниками много благоразумныхъ, но зато одинъ неблагоразумный можетъ погубить десятую часть всѣхъ рабочихъ на промыслахъ; не говоря уже о томъ, что работникъ вообще всегда серьезнѣе, а капиталисты вѣтреннѣе (вѣтренность— обыкновенное свойство деспота). Тутъ не будетъ даже тѣхъ неудобствъ, которыми обыкновенно страдаютъ компаніи. Компаньоны обыкновенно плохо знаютъ состояніе дѣла и могутъ быть введены въ обманъ; работники знаютъ его обыкновенно лучше капиталиста. Управленіе капиталиста имѣетъ вредное нивелирующее свойство, тутъ не создается мѣсто для человѣка, а человѣкъ подбирается къ мѣсту. Капиталистъ заранѣе опредѣляетъ, сколько, какихъ ра-

бочихъ и за какую цѣну ему надо, и поручаетъ произвести наемку въ этихъ размѣрахъ лицамъ, спеціально этимъ занимающимся, на основаніи заранѣе съ ними заключенныхъ условій. На пріискахъ, предоставленныхъ на волю золотнишникамъ, совсѣмъ другое, — тутъ пріискъ разработывается въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онъ выгоденъ для отдѣльныхъ рабочихъ: я видѣлъ рабочихъ, которые промывали пески съ самымъ малымъ содержаніемъ, они получали за золото не болѣе пяти рублей въ мѣсяцъ, но по особымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ они находились, это было для нихъ выгодно и они работали. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что управленіе рабочихъ расширило бы предѣлы золотопромышленности.

«Что вы выдумали, — закричатъ хоромъ экономисты, — ни одинъ капиталистъ не согласится производить на такихъ условіяхъ; вы всѣ капиталы выгоните заграницу; у насъ капиталовъ такъ мало, экономія требуетъ поощренія, а вы хотите ихъ запугать и убить экономію.» Всѣ эти угрозы для меня такъ же страшны, какъ угроза пятимѣсячнаго ребенка ударить меня. Все поощреніе, котораго требуетъ экономія, это неприкосновенность собственности; настоящее же положеніе общества, при которомъ трудъ и знаніе отданы во власть экономіи, весьма вредно для прогресса промышленности; поощрять экономію насчетъ труда и знанія столь же вредно, какъ учреждать рабство для поощренія плантаторовъ и помѣщиковъ — еще разъ повторяю, наемъ есть ничто иное, какъ первый шагъ къ улучшенію послѣ рабства. Рабство уничтожено и уступило свое мѣсто найму — наемъ долженъ уступить товариществу. Между трудомъ и экономіею должно быть равенство, между работниками и капиталистомъ товарищество. Правда, что въ нѣкоторыхъ политическихъ экономіяхъ написано, что будтобы размѣры промышленности и производительности страны зависятъ отъ количества имѣющихся въ ней капиталовъ; но это совершенно несправедливо. Объемъ производительности страны зависитъ вопервыхъ отъ природныхъ богатствъ страны, отъ климата, количества и распредѣленія воды, желѣза, каменнаго угля и пр. и вовторыхъ отъ количества трудолюбивыхъ рукъ и техническихъ знаній и отъ степени предпріимчивости народа; о капиталистахъ нечего заботиться, они явятся сами собою: въ этомъ всякій погрузившійся въ сферу промышленности можетъ убѣдиться, если онъ внимательно будетъ наблюдать за тѣмъ, что происходитъ кругомъ него. Представьте себѣ двѣ страны, которыя одинаково богаты золотоносными песками. Одна набита милліонерами и капиталистами, но въ ней нѣтъ ни трудолюбивыхъ рукъ, ни техническихъ знаній, ни предпріимчивости. Представьте себѣ напр., что какая-нибудь богатая и промышленная страна была завоевана варварами, завоеватели ограбили жителей, обратили ихъ въ рабство и нажили этимъ огромные капиталы. Ближайшее поколѣніе и будетъ представлять именно такую страну, какую намъ надо. Потомки завоевателей будутъ имѣть въ рукахъ своихъ огромные капиталы, но воспитанные въ нѣгѣ и праздности будутъ лишены всякой предпріимчивости. Потомки завоеванныхъ, воспитанные въ рабствѣ, будутъ лишены и техническихъ знаній, и предпріимчивости, и охоты къ труду. Результатъ будетъ тотъ, что капиталисты проживутъ свои

капиталы въ праздной роскоши, народъ обратится въ жалкихъ и голыхъ рабовъ, золотоносные пески останутся по большей части неразработанными. Не такова ли была судьба Италіи и Галліи, послѣ того, какъ ее разгромили Германцы? судьба Византійской имперіи послѣ того, какъ ее разгромили турки? звѣзда Финикіи и Карѳагена поблекла въ день завоеванія ихъ Персами и Римлянами. Представьте себѣ теперь страну, въ которой вовсе нѣтъ капиталистовъ, но распространены техническія знанія, много трудолюбивыхъ рукъ и предпріимчивыхъ головъ. Въ подобной странѣ не оставили бы въ покоѣ золотоносныхъ песковъ; во всѣхъ направленіяхъ пустились бы розыскныя партіи, самыя богатыя розсыпи были бы приведены въ извѣстность въ теченіе одного года, за розыскными партіями слѣдомъ пустились бы золотнишники и къ зимѣ вновь испеченные капиталисты были бы готовы. Составились компаніи, пущены въ ходъ акціи, слава о богатствѣ золотоносныхъ песковъ заставляетъ всякаго нести свою экономію, къ веснѣ компаніи на акціяхъ имѣютъ уже милліонные капиталы, съ техниками во главѣ они летятъ въ тайгу, къ маю готовы машины и начинается промывка; къ зимѣ вывозятъ изъ тайги сотни пудовъ золота — вотъ вамъ и милліонеры и капиталисты готовы. Тоже будетъ не съ однимъ золотымъ, но и со всякимъ промысломъ. Разоренныя гоненіями, полуголыми изгнанниками явились пуритане на берегахъ Америки, у нихъ ничего не было, кромѣ трудолюбивыхъ рукъ, предпріимчивыхъ сердецъ и техническихъ знаній — посмотрите, что̀ теперь Соединенные Штаты Америки; въ тоже время Испанія затоплена была капиталами, но деспотизмъ лишилъ ее прилежныхъ и умѣлыхъ рукъ и предпріимчивыхъ головъ, и посмотрите, что вышло изъ нея. Передъ моими глазами былъ живой примѣръ подобнаго же рода. Въ Сибири существуетъ хотя небольшое еврейское населеніе, всѣ эти люди не имѣли ничего, кромѣ предпріимчиваго духа и трудолюбивыхъ рукъ; недавно еще они были жалкіе загнанные люди, кто изъ поселенцевъ, кто изъ кантонистовъ. Сколькихъ между ними я зналъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣли триста рублей дохода, а теперь получаютъ десять тысячъ въ годъ; они сами разсказывали мнѣ подробно и исторію своихъ страданій и исторію своего счастья. Странные люди эти евреи, говорятъ сибиряки, дѣлишки у нихъ плохенькія, а между тѣмъ они всѣ порядочно одѣваются, у всѣхъ у нихъ деньжонки есть, бѣднаго между ними не отыскать. Всюду эти евреи строятъ заводы и фабрики, открываютъ новые рынки, добываютъ золото на промыслахъ, а капиталисты, вродѣ Франтовыхъ, сидятъ съ своими милліонами и смотрятъ, какъ моль пожираетъ ихъ безполезные капиталы. Не слѣдуетъ ли сказать послѣ этого, что поощрять капиталистовъ, убивая въ тоже время трудъ и предпріимчивость, это значитъ наносить величайшій вредъ промышленности и народному богатству; отдавать же трудъ и предпріимчивость во власть капиталистовъ это значитъ убивать ихъ.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о развѣдочныхъ партіяхъ. Розыскныя партіи состоятъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ съ предводителемъ во главѣ. Ихъ назначеніе отыскивать въ тайгахъ золотоносные пески. Пять, десять, пятнад-

цать смѣльчаковъ отправляются въ непроходимыя дебри и лѣса и тамъ отъискиваютъ новыя источники богатствъ. Послушайте ихъ разсказы, вся ихъ жизнь это цѣпь приключеній; но лучше посмотрите сначала, что такое тайга. Чтобы объяснить, что такое тайга, я сдѣлаю небольшое изображеніе Сибири. Сибирь состоитъ изъ большихъ городовъ, напр. Тюмень, Тобольскъ, Омскъ, Семипалатинскъ, Томскъ, Барнаулъ, Красноярскъ, Иркутскъ. Города эти соединены большими дорогами, по которымъ во всякое время года можно проѣхать на тройкѣ. На дорогахъ этихъ каждыя пятнадцать, двадцать и тридцать верстъ встрѣчаются деревни и довольно значительныя села, въ двадцати верстахъ отъ Красноярска напр. есть село, чрезъ которое надобно ѣхать шесть верстъ. Деревня лежащая въ сторонѣ въ виду дороги это болѣе или менѣе рѣдкость, но по обѣимъ сторонамъ дороги въ нѣкоторомъ разстояніи есть селенія, выстроенныя въ тайгѣ. Затѣмъ слѣдуютъ города средніе, напр. Енисейскъ, Кузнецкъ, Бійскъ. Дороги, соединяющія эти города, часто такъ узки, что зимою по нимъ можно ѣздить только цугомъ. Затѣмъ слѣдуютъ различныя промышленныя заведенія, рудники, горные, винокуренные заводы, золотые промыслы, малые города, напр. Нарымъ, Сургутъ и пр. Тутъ сообщеніе правильное только зимой, а лѣтомъ или водяное или самое неудобное; встрѣчаются и мосты и гати, но самые неудобные, по которымъ ѣздить опаснѣе, чѣмъ по болоту; чаще сообщеніе на телегѣ вовсе невозможно, а можно ѣхать только верхомъ, кто не можетъ ѣхать верхомъ, тотъ ѣдетъ или на волокушѣ или на качалкѣ, т. е. къ лошади привязываютъ два молодыхъ дерева съ сучьями, сзади лошади укрѣпляется коробъ и садится пассажиръ; сучья волочатся по землѣ и не даютъ поѣзду провалиться въ болото, или двѣ лошади ставятся цугомъ, къ нимъ прикрѣпляются двѣ жерди, а въ серединѣ привѣшивается коробъ. Въ мѣстахъ вродѣ Нарыма и Сургута лѣтомъ вовсе нѣтъ другаго сообщенія, кромѣ какъ водою и какое сообщеніе: ѣдешь двѣсти верстъ — нетолько не видно никакого жилья, но и признаковъ существованія человѣческаго, наконецъ оказывается на берегу лодка, радость: жилье должно быть — оказывается три юрты остяцкія; проѣхалъ еще сто пятьдесятъ верстъ — жилье, на берегу пять, шесть избъ, избы эти построены въ какомъ-то болотѣ, вѣчно грязь по колѣно; выйдешь за деревню, дорогъ нѣтъ и тропинка рѣдкость, густая тайга, сырость, болото; самые города имѣютъ видъ деревни, выстроенной на болотѣ съ вѣчно непроходимой грязью, кругомъ ихъ также густая тайга и нѣтъ дорогъ; прибавьте къ этому зимою два съ половиною мѣсяца морозу не ниже тридцати пяти градусовъ, а лѣтомъ вѣчно печальное небо съ холоднымъ вѣтромъ, то туманъ, то дождь, то снѣгъ— отъ одного воспоминанія морозъ подираетъ по кожѣ. Затѣмъ слѣдуютъ таежныя селенія и инородческія волости. Тутъ уже нѣтъ другаго сообщенія, кромѣ какъ верхомъ и по тропинкамъ; порою и верхомъ не проѣдешь, единственное средство идти пѣшкомъ, нужно карабкаться по крутымъ горамъ и спускаться въ болота; болотомъ идешь между кустами, одной ногой ступишь на корень дерева, другой провалишься по поясъ въ грязь. Пройдешь версты три, открылась маленькая полянка и передъ носомъ течетъ рѣка; тропинка подводитъ

къ самой рѣкѣ, а на другой сторонѣ тропинки не видно; хотя рѣка течетъ быстро, но поверхность одинаковая: гдѣ мелко, гдѣ глубоко, не видно; сунешься неосторожно въ воду и попадешь въ омутъ. Чтобы попасть къ броду, надобно пройти саженъ двадцать безъ тропинки, потомъ въ кустахъ войти въ воду, вода будетъ не глубокая — только по колѣно, водой этой надобно пройти саженъ пятьдесятъ, тогда попадешь на тропинку, тропинка эта приведетъ къ броду; бродъ узкій, только одному человѣку пройти, рѣка горная, быстрая—оступился и невозвратно попалъ въ омутъ. Случалось, что чиновники увольненіе отъ службы предпочитали поѣздкѣ въ такую тайгу, случалось, что они гибли въ этой тайгѣ, неизвѣстно какъ и когда. Но это еще не та тайга, по которой приходится путешествовать розыскнымъ партіямъ, въ той тайгѣ на тысячи верстъ нѣтъ и слѣдовъ жилья, это, по поэтическому выраженію народа, настоящая, коренная чернь. Посмотрите на нее съ вершины сопки, это безконечно черный лѣсъ, разостлавшійся во всѣ стороны. Это—чернь то безконечно монотонная, то величественная и прекрасная. Такую грандіозную монотонность, какъ въ Сибири, можно найти развѣ только въ степяхъ Сахары; какъ пошелъ по обѣимъ сторонамъ лѣсъ, только и видишь лѣсъ да небо двѣсти, пятьсотъ, тысячу верстъ. Но вотъ тайга гористая, тутъ скалы наворочены на скалы, точно работа какихъ-нибудь гигантовъ, тайга сдѣлалась разнообразною; въ плоской тайгѣ если началась сосна, то сосна безъ конца; пошли ель и кедръ, только ель и кедръ и встрѣтишь на сто верстъ; малинникъ случился, такъ и малиннику конца нѣтъ: тутъ, наоборотъ, почва то песчаная, то болотистая, то каменистая, растительность мѣняется безпрерывно, какъ на югѣ, каждая травка—отдѣльнаго вида растеніе. Гористая тайга такъ прекрасна, что говорить объ ней безъ увлеченія нѣтъ возможности, а описать всѣ ея разнообразныя красоты нѣтъ силъ. Она манитъ къ себѣ, она самый сильный возбудитель къ предпріимчивости: какъ много было бы этой предпріимчивости, еслибы она не убивалась человѣкомъ. По этимъ тайгамъ странствуютъ одни инородцы, они уходятъ въ тайгу ловить звѣря на цѣлую зиму и несмотря на большую свою опытность иногда не могутъ найти пути домой и пропадаютъ безъ вѣсти. Въ эти тайги пускается розыскная партія и должна пытать счастье въ тѣхъ частяхъ, гдѣ всего болѣе опасности — въ гористой тайгѣ. Безъ дорогъ и тропинокъ, по одной снѣжной поверхности идетъ розыскатель зимою на лыжахъ черезъ горы и стремнины и несетъ на своихъ плечахъ и свою постель и свою кухню. Вотъ онъ летитъ на лыжахъ по отвѣсному скату, малѣйшая неосторожность—онъ налетѣлъ на дерево и черепъ его разлетѣлся въ дребезги. Онъ легъ спать—вѣтеръ, снѣгъ сверху и снизу, буранъ дуетъ цѣлую недѣлю и громоздитъ снѣжныя горы; онъ неосторожно заснулъ, его занесло горой снѣгу, никто не придетъ его отрыть; если онъ самъ себѣ не поможетъ, онъ погибъ навѣки. Онъ можетъ погибнуть отъ голода во время бурана, онъ можетъ сбиться съ пути. Весною онъ долженъ идти по горло черезъ ледовую воду, ледъ снесетъ его своимъ быстрымъ теченіемъ и утопитъ его. Лѣтомъ онъ попалъ въ малинникъ и встрѣтилъ дюжину медвѣдей. Возможно ли поименовать безчисленныя

опасности, которымъ онъ подвергается? возможно ли разсказать всѣ страданія, которыя онъ испытываетъ? Опасность умереть съ голоду у него постоянно надъ головою: если въ Сургутѣ — въ городѣ — люди умираютъ съ голоду, когда не доставляются во время припасы, насколько же легче умереть съ голоду въ пустынной тайгѣ? Если человѣкъ остался живъ, то здоровье его разстроено, у него нѣтъ болѣе ни волосъ, ни зубовъ. Для кого приноситъ онъ всѣ эти жертвы, для кого пріобрѣтаетъ онъ такимъ тяжелымъ трудомъ несмѣтныя сокровища? можетъ быть для человѣка, который будетъ пропивать плоды его трудовъ съ развратной любовницею и проигрывать въ карты съ негодяями въ то время, какъ семейство розыскателя будетъ гибнуть отъ нужды и голода, потому что онъ простудился во время розыска и умеръ. Неужели это справедливо, неужели за какіе-нибудь четыреста рублей, а чаще и за пятьдесятъ капиталистъ имѣетъ право вырвать изъ рукъ работника то, что ему досталось такимъ тяжелымъ трудомъ? онъ долженъ отдать это за пятьдесятъ рублей, выигранные можетъ быть наканунѣ капиталистомъ въ карты у пьянаго пріятеля. Природа положила въ нѣдра земли, въ награду за его предпріимчивость, несмѣтныя сокровища, а человѣкъ ихъ у него отнимаетъ для поощренія экономіи — говорятъ: онъ не купецъ первой гильдіи, онъ не имѣетъ по закону права заявлять пріисковъ. Неужели и послѣ этого вы скажете, что плоды добытые трудомъ и экономіею должны составлять собственность одной экономіи, работникъ долженъ быть во власти капиталиста. Посмотрите, какова здѣсь доля труда и какова доля экономіи. Поступать такимъ образомъ не значитъ ли убивать и трудолюбіе и предпріимчивость? Притомъ выходитъ тоже, что и при разработкѣ пріиска, человѣкъ получаетъ тѣмъ болѣе выгодъ, чѣмъ незначительнѣе его участіе въ дѣлѣ и чѣмъ легче его роль. Капиталистъ за деньги, которыхъ пріобрѣтеніе ему почти ничего не стоило, получаетъ милліоны; предводитель розыскной партіи сдѣлался предводителемъ вовсе не потому, что онъ лучше другихъ знаетъ мѣста, онъ мѣстъ вовсе не знаетъ, а пользуется довѣріемъ капиталиста. Этотъ предводитель разыскиваетъ съ комфортомъ, въ опасное мѣсто идетъ послѣдній, а если и подвергается нуждѣ и опасности, то все-таки вездѣ пользуется преимуществами. Этотъ предводитель получаетъ вознагражденіе въ десять разъ большее, чѣмъ рабочій. Рабочій переноситъ всего болѣе и нужды и опасности, онъ бѣденъ, а потому отправляясь въ тайгу онъ несетъ съ собою и хуже одежду и хуже пищу, въ самомъ скверномъ, въ самомъ опасномъ мѣстѣ онъ долженъ идти впередъ, иногда онъ-то именно и есть тотъ, который знаетъ мѣста; если онъ погибнетъ въ тайгѣ, его семейство всего скорѣе умретъ отъ нужды и голода. Между тѣмъ на его долю именно и выпадаетъ самое малое вознагражденіе, вознагражденіе, которое только достаточно, чтобы ему прокормиться во время розыска и до пріисканія работы и семейству его не доставляетъ никакого обезпеченія. Для возстановленія справедливости нужно, по крайней мѣрѣ, каждому дать право заявлять пріиски; если же на розыскъ употребленъ капиталъ, то объявить капиталиста и розыскателей товарищами. Иногда дѣйствительно случается, что участіе капиталиста равно, а можетъ-

быть и значительнѣе участія розыскателей. Случалось, что на розыски употреблялись десятки тысячъ, тутъ ставилось на карту достояніе, накопленное въ теченіе цѣлой жизни, и если въ одномъ случаѣ трудъ долженъ получить большую долю вознагражденія, чѣмъ капиталъ, то въ другомъ случаѣ капиталъ, по справедливости, долженъ получить болѣе труда.

Удивительно, что соціалисты западной Европы, бившіеся какъ рыба объ ледъ изъ-за вопроса о рабочемъ классѣ, не съумѣли понять, что въ высшей степени несправедливо, чтобы то, что было произведеніемъ капитала и труда, составляло собственность одного капитала. Они старались и стараются достигнуть своей цѣли путемъ рабочихъ стачекъ, причиняютъ этимъ рабочимъ безчисленныя страданія и разореніе, держатъ иногда цѣлую страну въ безполезномъ волненіи. Не лучше ли было бы вести дѣло на чистоту? Работники имѣютъ на ходъ дѣла такое же вліяніе, какъ и капиталисты, они товарищи. Доходы фабрики, капиталъ, на нее опредѣленный, одинаково извѣстны и тѣмъ и другимъ. Одни получаютъ процентъ въ вознагражденіе за рискъ, работники — остальное. Капиталисты увѣряютъ, что они ничего не желаютъ, кромѣ процентовъ, достаточно вознаграждающихъ рискъ,—желаніе совершенно справедливое, пусть же они примутъ такое положеніе. Заграничные работники, безъ всякаго сомнѣнія, достаточно развиты для подобнаго товарищества, стачки со всѣми ихъ мучительными послѣдствіями сдѣлались бы ненужными. Конечно соціальный вопросъ, въ дѣлѣ промышленной производительности, этимъ не былъ бы еще разрѣшенъ; его разрѣшеніе началось бы со дня окончательнаго устраненія капитала отъ производства; во всякомъ случаѣ ожесточеніе между пролетаріемъ и капиталистомъ увидало бы свой конецъ. Между капиталистомъ, устраивающимъ фабрику, и его компаньонами нѣтъ никакого ожесточенія, точно также не было бы никакого ожесточенія между фабричными рабочими и ихъ компаньономъ, капиталистомъ. Современное ожесточеніе между рабочими и капиталистами зависитъ исключительно оттого, что плоды ихъ трудовъ находятся въ безотчетномъ распоряженіи другаго, они никогда не знаютъ, обижены они или нѣтъ, они всегда должны предполагать, что они обижены, и почти всегда дѣйствительно остаются обиженными; барыши, которые принадлежатъ имъ по всей справедливости, достаются другому. Когда же они сами будутъ распоряжаться дѣломъ, они удѣлятъ себѣ все, что слѣдуетъ, и къ жалобамъ не будетъ никакихъ причинъ. Тысячи лѣтъ строются фабрики, покупаются по базарной цѣнѣ кирпичъ, желѣзо и дерево, тысячи лѣтъ ремесленники покупаютъ по базарной цѣнѣ свой матеріалъ, тысячи лѣтъ рабочіе покупаютъ по базарной цѣнѣ хлѣбъ, мясо и одежду, но еще ни разу покупатели не пытались путемъ революціи сдѣлать эти предметы дешевыми, потому что революціею можно только рѣшить вопросъ о власти, а не вопросъ о базарной цѣнѣ. Тоже будетъ съ отношеніемъ пролетаріевъ и капиталистовъ, когда съ воспрещеніемъ найма кончится между ними вопросъ о власти и начнется вопросъ о базарной цѣнѣ на капиталъ. Конечно слѣдуетъ ожидать, что капиталисты еще постоятъ за себя и вопросъ о власти кончится не разомъ, но зато-же каждое правительство будетъ заинтересовано въ его окончаніи, потому что съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожится и главный источникъ революцій.

Было бы весьма легкомысленно, еслибы, увлекаясь выгодами, которыя могутъ произойти для работниковъ отъ товарищества съ капиталистами, мы прошли безъ вниманія другую сторону медали. Поговорите съ работникомъ о пропорціональномъ распредѣленіи податей и рекрутской повинности, о созданіи класса безоброчныхъ земледѣльцевъ, о расширеніи размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вы встрѣтите слушателя, который покажетъ вамъ явное сочувствіе и полное убѣжденіе, что все это будетъ весьма полезно для рабочаго класса. Но поговорите съ нимъ о товариществѣ между капиталистами и рабочими, онъ всего чаще отнесется къ этому критически и нерѣдко придетъ къ убѣжденію въ совершенной неосуществимости подобнаго плана. Его воображенію тотчасъ представится эта пестрая масса рабочихъ, сбѣжавшаяся со всѣхъ концовъ и другъ съ другомъ совершенно незнакомая. Онъ вспомнитъ объ этихъ пьяницахъ и мелкихъ плутишкахъ, которыми всякій можетъ вертѣть какъ онъ хочетъ. Онъ тотчасъ подумаетъ о томъ, что безтолковое большинство можетъ разстроить дѣло или отдать интересы общества въ руки какого-нибудь шарлатана. Но если подобное дѣло требуетъ, чтобы всѣ шансы успѣха были основательно обдуманы, то съ другой стороны не нужно забывать, что оно вовсе не такъ неисполнимо, какъ кажется съ перваго раза. Тѣ же самые отзывы, которые вы услышите отъ работника о товариществѣ между нимъ и капиталистомъ, можно услыхать и о самоуправленіи отъ лицъ, для которыхъ оно явно выгодно. «Посмотрите, какое безобразіе представляетъ нашъ выборный словесный судъ, — говорили мнѣ купцы въ Сибири, — и судите, къ чему приводитъ выборное начало.» Такія сужденія показываютъ только, что общество еще не освоилось съ сущностью дѣла. Рабочіе управляютъ посредствомъ выбранныхъ ими лицъ государствами, они даже у насъ черезъ своихъ представителей принимаютъ значительное участіе въ веденіи хозяйства цѣлыхъ губерній. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ работники, точно также случайно столкнувшіеся другъ съ другомъ и другъ другу совершенно неизвѣстные. Если они могутъ приводить успѣшно къ концу подобныя дѣла, которыхъ ходъ и существо имъ гораздо труднѣе узнать, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они могутъ съ пользою участвовать въ управленіи промышленными заведеніями, гдѣ ходъ дѣла имъ часто извѣстенъ лучше, чѣмъ хозяину. Конечно, всякое дѣло можно сдѣлать безъ толку и погубить его и можно сдѣлать основательно, принявъ въ соображеніе всѣ элементы, входящіе въ его составъ, и всѣ пружины, которыхъ дѣйствіе необходимо для успѣха. Въ Европѣ неловко затѣянныя коммунистическія и соціальныя попытки навели ужасъ и породили въ обществѣ паническій страхъ, — въ Америкѣ онѣ практическими людьми приведены къ такому благополучному концу, что теперь сдѣлалось ясно, что цѣлое общество людей можетъ прилежно трудиться руководствуясь стимуломъ общаго блага, безъ всякой соразмѣрности матеріальнаго вознагражденія съ количествомъ и качествомъ труда. Не подлежитъ сомнѣнію, что обществу придется сначала основательно освоиться съ идеею о товарищескихъ отношеніяхъ между капиталистами и работниками прежде, чѣмъ идея эта можетъ дать какой-нибудь практическій

результатъ. Еще довольно пройдетъ времени прежде, чѣмъ работники освоятся съ нею даже настолько, чтобы понять ея осуществимость и выгодность для себя. Но и отъ этого момента пройдетъ еще время до того, пока понятіе объ этомъ будетъ у нихъ достаточно ясно и полно, чтобы сдѣлать возможнымъ осмотрительное и прочное осуществленіе. Не говоря о такихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ способахъ увеличить доходы рабочаго, многое можетъ быть сдѣлано немедленно безъ всякой предварительной подготовки. Прежде всего возможно было бы обратить добываніе золота въ свободный промыселъ. Мѣра эта была бы столько же популярна между капиталистами, какъ и между рабочими. Въ Сибири, гдѣ вся земля казенная, она весьма легко исполнима. Пусть всякій добываетъ себѣ золота, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ. Всѣ права на отведенныя площади прекращаются, никакія площади впредь не отводятся, а всякій работаетъ, гдѣ найдетъ свободное мѣсто. Для добыванія золота нетолько права на первую гильдію, но никакихъ правъ не нужно. Торговля золотомъ свободна и производится по вольнымъ цѣнамъ. Это одно поставило бы рабочаго по отношенію къ золотопромышленности въ совершенно иное положеніе. Казна въ настоящее время отъ горнаго дѣла получаетъ самый ничтожный доходъ. Еслибы у частнаго лица заводы, фабрики и промыслы шли такъ, какъ они идутъ теперь у казны, то оно давно бы бросило ихъ всѣ на произволъ судьбы и обратилось бы къ болѣе выгоднымъ производствамъ. Между тѣмъ для полученія этого ничтожнаго дохода существуетъ регламентація, которая стѣсняетъ дѣятельность и доводитъ до нужды массы рабочаго населенія. Въ окончательномъ результатѣ все это приводитъ къ тому, что золота и метталовъ добывается очень мало, массы богатствъ остаются неразработанными, казна и рабочій классъ разоряются и все это для пользы нѣсколькихъ тузовъ капиталистовъ и нѣсколькихъ семействъ горныхъ чиновниковъ. Лишь только добыча золота сдѣлается свободнымъ промысломъ, къ нему кинется цѣлая толпа рабочихъ, а также мѣщанъ и крестьянъ, имѣющихъ незначительныя деньги и которые теперь нерѣдко занимаютъ у капиталистовъ второстепенныя должности по той же золотопромышленности. Капиталистамъ неизвѣстны мѣста, гдѣ есть золото, а этимъ людямъ извѣстны; даже содержаніе уже разработывающихся пріисковъ они знаютъ гораздо лучше. Золотопромышленность приметъ, по крайней мѣрѣ, двойные размѣры. Всѣ эти рабочіе будутъ сами себѣ хозяева и все, что они намоютъ, будетъ ихъ исключительная собственность. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они будутъ нетолько устраивать артели, подобныя современнымъ артелямъ золотнишниковъ, но что они будутъ устраивать артельно промывательныя машины, годныя для цѣли и даже не менѣе совершенныя, чѣмъ тѣ, которыя въ Сибири устраиваются золотопромышленниками теперь. Но вѣдь они работаютъ въ глухой тайгѣ, теперь для нихъ все необходимое заготовляетъ капиталистъ—кто будетъ заготовлять тогда? Звѣропромышленники бьютъ звѣря также въ глухой тайгѣ, они проводятъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ кряду—кто для нихъ заготовляетъ припасы? Артель отчасти на своихъ плечахъ, а отчасти на нѣсколькихъ лошадяхъ, взятыхъ съ собою для работы, перевезетъ все, что ей

нужно. Лошади будутъ отчасти на подножномъ корму, а отчасти работники тутъ же для нихъ накосятъ и сѣна. Не достало чего-нибудь, артель пошлетъ кого-нибудь въ ближайшій городъ, онъ продастъ золото и купитъ все, что ей надо. Не подлежитъ сомнѣнію, что и этого ей не придется дѣлать, множество спекуляторовъ будутъ состязаться на всѣхъ промыслахъ, предлагая рабочимъ за золото все, что ихъ душа проситъ—вѣдь золото такой заманчивый товаръ. Казна могла бы съ выгодою для себя дать большое развитіе этой самостоятельной работѣ. Главная причина, которая заставляетъ прибѣгать работника къ капиталисту,—это необходимость уплатить подать. Можно было бы предоставить волостнымъ правленіямъ, вмѣсто взиманія съ крестьянъ податей, выдавать имъ безпошлинно виды и въ этихъ видахъ прописывать, сколько на крестьянинѣ лежитъ неуплоченной подати и сколько съ него слѣдуетъ за видъ. Все это онъ обязанъ уплатить изъ добытаго имъ золота съ прибавкою полпроцента на рубль за мѣсяцъ со дня выдачи паспорта по день уплаты. Самые богатые содержаніемъ золота пріиски казна могла бы съ выгодою для себя обстанавливать людьми изъ отдаленныхъ мѣстъ, давая имъ кромѣ упомянутой отсрочки податей ссуды отъ десяти до двадцати рублей на человѣка съ уплатою такого же процента. Послѣ всего этого едвали подлежитъ сомнѣнію, что заработная плата сельскаго работника въ Енисейскомъ округѣ возрасла бы до трехъ или даже четырехъ сотъ рублей серебромъ — онъ пользовался бы не меньшимъ довольствомъ, чѣмъ англійскій. Положеніе капиталиста на промыслахъ значительно бы измѣнилось. Теперь пріискъ имѣетъ много сходства съ помѣстьемъ феодальныхъ временъ. Точно также, какъ въ феодальныя времена надъ каждымъ клочкомъ земли былъ рядъ сеньоровъ и сузереновъ, надъ пріискомъ первое право принадлежитъ казнѣ, второе тому, за кѣмъ онъ числится, третье тому, кто взялъ его у владѣльца въ аренду. Этотъ арендаторъ имѣетъ или управляющаго или еще второстепеннаго арендатора, второстепенный арендаторъ уступаетъ часть составителю партіи золотнишниковъ. Иногда комбинаціи эти усложняются еще несравненно болѣе, напр. владѣлецъ сдѣлался несостоятельнымъ и потому рядомъ съ нимъ является другой владѣлецъ — это конкурсное управленіе. Этими двумя владѣльцами пріискъ отданъ въ аренду, но арендаторъ самъ запутался въ долгахъ и не имѣетъ капитала, чтобы работать, а потому онъ становится въ зависимое положеніе къ купцу, имѣющему кредитъ; этотъ купецъ дѣлается вторымъ арендаторомъ, но онъ не употребляетъ своего капитала на пріискъ, а только даетъ свой кредитъ. Пользуясь этимъ кредитомъ, разоренный арендаторъ занимаетъ у капиталистовъ деньги съ платою по два или по два съ половиною процентовъ въ мѣсяцъ и съ условіемъ взыскивать эти деньги изъ добытаго золота. Но прежде еще, чѣмъ пріискъ обставленъ, т. е. наняты рабочіе и сдѣланы запасы, уже два арендатора капитальный и безкапитальный поссорились, поэтому капитальный арендаторъ приводитъ дѣла къ тому, что всѣми работами завѣдываетъ лице, къ которому онъ имѣетъ довѣріе и которое въ свою очередь что-то вродѣ арендатора и по этому праву сдаетъ часть пріиска золотнишнику. Мудрено ли послѣ этого, что рабочій на пріискѣ находит-

ся вовсе не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ зависимые люди, жившіе на феодальныхъ земляхъ? Ко всему этому присовокупляется еще то весьма важное обстоятельство, что точное опредѣленіе правъ на пріиски и ихъ границъ представляетъ затрудненія неодолимыя, разорительные процессы плодятся какъ грибы. Интригамъ и даже преступленіямъ нѣтъ конца. Приэтомъ можно встрѣтить такія вещи, которыя рѣдко удается видѣть. Одинъ пріискъ, по возникшему спору между тремя владѣльцами, былъ обмежеванъ семь разъ и каждый разъ золотоносная полоса была отмежевана другому лицу. Послѣ этого неисповѣдимыми судьбами провидѣнія дѣло попало въ судебную палату. По этому дѣлу еще ни однимъ просителемъ не было подано жалобы нетолько апелляціонной, но даже въ судъ первой степени, они все-еще только межевали. Въ палату дѣло прислано было по распоряженію какого-то начальства, а для того, чтобы палата могла рѣшить дѣло окончательно и безапелляціонно, полоса земли, въ которой было можетъ быть на милліонъ золота, была оцѣнена въ пятьсотъ рублей. Палата о дѣлѣ не дала знать ни одному изъ споривших и рѣшила окончательно. Она очень хорошо знала, что рѣшеніе это совершенно противозаконное и что оно при первой жалобѣ будетъ отмѣнено и кромѣ того еще положено на палату взысканіе. Но нужно было рѣшить окончательно, чтобы рѣшеніе было приведено въ исполненіе, затѣмъ пока дѣло стали бы пересматривать, новый владѣлецъ выработаетъ изъ полосы золото и тогда пусть она достается кому угодно. Дѣло было придумано такъ хитро, что даже жалобы не послѣдовало—не выгодно было тягаться. Еслибы золотоисканіе было свободное, то не могло бы быть повода ко всѣмъ этимъ запутаннымъ и крайне вреднымъ въ экономическомъ отношеніи положеніямъ. Капиталистъ являлся бы дѣйствительно полезнымъ человѣкомъ, онъ не могъ бы получать доходъ, выжимая его изъ невыгоднаго положенія рабочаго или своего же брата другаго капиталиста, онъ получалъ бы его только тогда, когда бы онъ дѣйствительно оказывалъ помощь или работнику или дѣлу. Жалкіе рутинные пріемы золотопромышленности, при которыхъ онъ теперь богатѣетъ, не дали бы никакого дохода, потому что вольный рабочій или человѣкъ съ какимъ-нибудь самымъ ничтожнымъ капиталомъ добывалъ бы гораздо болѣе его; наниматься сталъ бы только такой рабочій, которому по отдаленности и недостатку средствъ дѣйствительно невозможно было бы добраться на свой счетъ до промысла, а не тотъ, который имѣетъ къ этому всѣ возможности и которому мѣшаетъ только регламентація, дѣлающая золотоносные пески исключительнымъ достояніемъ богатыхъ.

Довольно объ отношеніяхъ золотопромышленника и рабочаго, перейдемъ къ другимъ предметамъ. Я хочу сказать нѣсколько словъ о вліяніи, которое оказываетъ на мѣстность появленіе фабрики, завода или промысла. Политико-экономы давно замѣтили, что хлѣбъ и произведенія земли продаются на базарѣ по одной цѣнѣ, въ то время какъ издержки на производство ихъ весьма различны. Доходъ землевладѣльца, который происходитъ отъ такой разницы въ издержкахъ производства, называется рентою. Приэтомъ замѣчаютъ, что единообразная рыночная цѣна на произведенія земли, напр. на хлѣбъ,

опредѣляется цѣною того хлѣба, котораго произведеніе стоитъ всего дороже, т. е. того, который привезенъ изъ самой дальней стороны или выращенъ на землѣ, требующей всего болѣе труда и капитала. Совершенно соотвѣтствующее этому явленію можно замѣтить и относительно заработной платы. Какъ скоро въ извѣстной мѣстности существуютъ работники, которыхъ тягости и издержки содержанія различны, заработная плата опредѣляется тѣмъ работникомъ, которому необходимое содержаніе стоитъ всего болѣе. Представьте себѣ, что на одномъ рынкѣ получаютъ работу крестьяне, живущіе на помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ земляхъ, мѣщане и колонисты, наконецъ семейные и холостые и одни платятъ сорокъ рублей съ тягла, другіе тридцать, третьи двадцать пять, четвертые пятнадцать, пятые три рубля — семейнымъ необходимое содержаніе будетъ стоить шестьдесятъ рублей въ годъ, холостымъ тридцать пять. Заработная плата будетъ сто рублей въ годъ; только семейные крестьяне, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, будутъ получать лишь самое необходимое, всѣ остальные будутъ имѣть излишекъ или родъ ренты: одни будутъ получать излишка 10 руб., другіе 15, 25, 35, 37, 40, 50 и наконецъ 62 рубля—послѣдніе будутъ въ состояніи жить ровно въ три раза лучше первыхъ. Этотъ излишекъ увеличится еще болѣе, если требуются работники изъ дальнихъ странъ, — заработная плата опредѣляется крайними потребностями самаго дальняго семейнаго работника и его путевыми издержками. Именно это явленіе можно замѣтить на золотыхъ промыслахъ въ Енисейской тайгѣ; работникъ, родившійся и живущій въ Енисейскѣ, получаетъ на нихъ значительный излишекъ или родъ ренты. Заработная плата тутъ нетолько соотвѣтствуетъ необходимымъ издержкамъ на содержаніе самаго дальняго работника съ прибавкою путевыхъ издержекъ, она нѣсколько превышаетъ ихъ. Пуститься на заработки за тысячу верстъ это всегда въ нѣкоторой степени предпріятіе и рисковое дѣло: чтобы человѣкъ согласился на него, нужно его плѣнить чѣмъ-нибудь, его плѣняютъ улучшеніемъ, хотя временнымъ, пищи, одежды и пр.; люди возвращаются съ промысловъ и разсказываютъ, что они тамъ получали по фунту мяса въ день, пили кирпичный чай, носили дабу и ситецъ; работникъ глухихъ мѣстъ такъ несчастливъ, что и эти жалкія вещи составляютъ для него предметъ роскоши. Необходимость подобныхъ приманокъ опять-таки обращается въ пользу мѣстнаго работника. Впрочемъ помянутыми предметами и ограничивается енисейская роскошь: плисъ, обыкновенный костюмъ самаго низшаго слоя англійскихъ работниковъ, тамъ рѣдкость, жилетъ, необходимая принадлежность рускаго фабричнаго, тамъ исключеніе. Этотъ излишекъ, получаемый мѣстнымъ работникомъ на промыслахъ, отражается на заработной платѣ вообще въ той мѣстности. Вотъ почему въ енисейскомъ округѣ я встрѣчалъ нетолько городскихъ, но и сельскихъ работниковъ, которые получали шестьдесятъ и сто двадцать рублей въ годъ, между тѣмъ какъ даже въ Тобольской губерніи сельскій работникъ получаетъ только до сорока рублей. Въ тоже время возвышаются цѣны на хлѣбъ, мясо и всѣ мѣстныя произведенія, потому что и на нихъ увеличился запросъ и ихъ оказалось необходимымъ привозить издалека. Окончательнымъ резуль-

татомъ всего этого удешевленіе денегъ; когда всѣ продукты вздорожали, значитъ деньги подешевѣли—въ Енисейскѣ сдѣлалось дорого жить. Вотъ почему мы видимъ, что въ странахъ, гдѣ быстро развивается промышленность, какъ напр. въ Англіи, деньги дѣлаются дешевыми, а не дорогими; хотя съ перваго раза нужно было бы ожидать противное, такъ какъ за увеличеніемъ числа коммерческихъ оборотовъ потребность въ нихъ должна бы увеличиться. Тоже можно наблюдать въ Россіи: въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, всего менѣе тронутыхъ промышленностію, деньги всего дороже, въ самыхъ оживленныхъ центрахъ промышленности деньги всего дешевле; нѣтъ мѣста въ Россіи, гдѣ деньги были бы дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Я это явленіе наблюдалъ съ большою отчетливостію въ глухихъ мѣстахъ Сибири, гдѣ почти на моихъ глазахъ выростали заводы. Немедленно начали возрастать и цѣны на мѣстныя произведенія и заработная плата, деньги дешевѣли со дня на день и въ нѣсколько лѣтъ жизнь сдѣлалась дороже. Послѣдствіемъ этого экономическаго явленія бываетъ то, что производить въ странѣ съ развитою промышленностію всегда дороже, чѣмъ въ глухомъ мѣстѣ, это—премія, даваемая самою природою для поощренія промышленности въ глухихъ мѣстахъ: какъ же велика должна быть несообразительность тѣхъ, которые не умѣютъ производить несмотря на эту естественную премію и требуютъ еще искусственной, т. е. запретительныхъ тарифовъ! Дешевизна денегъ обращается во вредъ рабочему классу, цѣнность его заработной платы уменьшается. Вредъ этотъ однакоже никогда не можетъ быть такъ великъ, чтобы работникъ проигралъ отъ развитія промышленности, онъ непремѣнно выиграетъ, по той простой причинѣ, что онъ, какъ разъяснено выше, кромѣ улучшеннаго содержанія работника глухихъ мѣстъ, долженъ получать еще излишекъ платы или родъ ренты. Вотъ почему съ развитіемъ промышленности и съ ея непремѣннымъ послѣдствіемъ — увеличеніемъ густоты населенія благосостояніе рабочаго, наперекоръ закону Мальтуса, увеличивается, а не уменьшается. Вотъ почему, несмотря на густоту населенія, рабочій въ Англіи пользуется бо̀льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, и благосостояніе его постоянно возрастало, какъ весьма правильно замѣчаютъ современные политико-экономы. Упадокъ благосостоянія рабочаго класса, при возрастающемъ населеніи, можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ увеличеніе населенія зависѣло не отъ развитія промышленности, а отъ другихъ причинъ или гдѣ дѣло было испорчено стеченіемъ особыхъ несчастныхъ обстоятельствъ, какъ разъяснено будетъ въ своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА II.

Горный рабочій.

(Писано въ 1866 году.)

Оставляя Сибирь, нельзя не унести съ собою грустнаго впечатлѣнія. По многоземелію края, по богатству источниковъ благосостоянія слѣдовало бы тамъ встрѣтить населеніе, живущее въ полномъ довольствѣ, а въ результатѣ оказывается бѣдность и часто гнетущая, безвыходная бѣдность. Мѣстами, какъ напр. на отдаленныхъ промыслахъ, заработная плата высока, но эта высокая заработная плата мало приноситъ пользы работнику. Чтобы найти эту работу, онъ долженъ проходить такія большія пространства, такъ истратиться дорогою, что ему въ результатѣ не хватитъ на насущный хлѣбъ. Но вотъ начинается другая область, губернія многоземельная и въ тоже время съ многочисленными, богатыми фабриками и заводами, — это губернія Пермская. Бросимъ взглядъ на ту часть этой губерніи, которая всего болѣе должна отличаться благосостояніемъ, на большую дорогу изъ Перми въ Ирбитъ и въ Тюмень. Кромѣ всѣхъ другихъ преимуществъ Пермской губерніи, она имѣетъ еще одно огромное преимущество, она служитъ единственнымъ путемъ сообщенія между Россіею и Сибирью. Это преимущество такъ велико, что одно движеніе по большой дорогѣ оставляетъ въ карманахъ мѣстныхъ жителей по приблизительному разсчету больше трехъ милліоновъ шести сотъ тысячъ. На каждое рабочее семейство въ селеніяхъ по большой дорогѣ приходится приблизительно доходу сто пятьдесятъ рублей серебромъ. Дѣйствительно, по сравненію съ Сибирью эта дорога имѣетъ цвѣтущій видъ. Число двухъэтажныхъ домовъ несравненно значительнѣе въ селеніяхъ и всѣ постройки въ нихъ лучше. Города, расположенные по дорогѣ, по богатству и красотѣ своихъ строеній далеко оставляютъ за собою сибирскіе. Тоже можно сказать и о внѣш-

немъ видѣ жителей, ихъ костюмъ, ихъ лошади и повозки обнаруживаютъ большее благосостояніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что большія деньги, доставляемыя жителямъ движеніемъ по большой дорогѣ отъ Перми въ Тюмень и Ирбитъ, производятъ на ней общее благосостояніе, хотя и тутъ есть исключенія, о которыхъ отчасти уже говорено было выше; но если это и такъ, то не слѣдуетъ забывать, что живущихъ въ селеніяхъ на этой дорогѣ, можетъ быть, не больше шестидесяти тысячъ, между тѣмъ какъ все населеніе губерніи больше двухъ милліоновъ. Нѣкоторое понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ можно получить изъ того, что въ губерніи умираетъ каждогодно двадцать третья и даже осьмнадцатая часть жителей, между тѣмъ какъ въ Англіи умираетъ только сорокъ вторая; на первомъ году жизни умираетъ больше половины родившихся, между тѣмъ какъ въ Европѣ умираетъ около четверти, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ умираетъ двѣ трети, между тѣмъ какъ въ Европѣ умираетъ меньше половины. Въ городахъ Пермской губерніи число ремесленниковъ составляетъ пятнадцатую часть населенія, ихъ въ четырнадцать разъ меньше, чѣмъ фабричныхъ работниковъ, и почти вчетверо меньше, чѣмъ фабричныхъ работниковъ въ городахъ. Между тѣмъ напр. въ Англіи число ремесленниковъ значительнѣе, чѣмъ число фабричныхъ работниковъ. Это указаніе весьма важно, фабричному работнику нѣтъ времени дѣлать для себя что-нибудь, все, что ему нужно, онъ покупаетъ; если онъ покупаетъ одни только сельскія произведенія и нѣтъ ремесленниковъ, которые бы на него работали, значитъ онъ обходится безъ всего того, что даютъ человѣку ремесла, онъ бьется кое-какъ, не удовлетворяя самымъ существеннымъ своимъ потребностямъ. Въ Пермской губерніи число ремесленниковъ втрое меньше числа дворянъ, духовныхъ и купцовъ, ясно, что они едва могутъ успѣть удовлетворять потребностямъ этихъ послѣднихъ. Немудрено послѣ этого, что въ Пермской губерніи дѣти мрутъ какъ мухи, что фабричное населеніе тамъ недовольно и ожесточено и что для удержанія порядка въ Пермской губерніи необходимо держать тамъ на каждыхъ двухъ фабричныхъ работниковъ по одному солдату или казаку. Если сравнить заработную плату фабричныхъ и заводскихъ работниковъ въ Пермской губерніи, то она не окажется выше средняго уровня сибирской заработной платы, на золотыхъ промыслахъ она окажется мѣстами даже незначительнѣе. Въ то время, какъ въ Сибири среднюю заработную плату нужно считать отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи, плата эта въ Пермской губерніи составляетъ двадцать копѣекъ въ день или 4 р. 80 к. въ мѣсяцъ; но и кромѣ того тамъ существуетъ дѣтскій трудъ, который даетъ въ мѣсяцъ нѣкоторымъ счастливцамъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ, но зато-же женщина производитъ гораздо меньше и часто содержится исключительно своимъ мужемъ. Въ то время, какъ сельскій работникъ получаетъ въ Сибири, на готовомъ содержаніи, отъ тридцати до шестидесяти рублей, въ Пермской губерніи мѣстами средняя плата отъ сорока до пятидесяти рублей. Эта заработная плата отзывается на работникѣ Пермской губерніи тѣмъ, что смертность въ ихъ числѣ, правда весьма немного, но все-таки нѣсколько значительнѣе смертности между неграми въ Соединен-

ныхъ Штатахъ Америки, даже тамъ, гдѣ негры всего болѣе были загнаны и несчастны. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ господствуетъ та же заработная плата, какую мы видимъ въ Пермской губерніи, хлѣбъ стоитъ дешевле, въ среднемъ уровнѣ, на тридцать пять и даже на сорокъ пять процентовъ, т. е. почти вдвое. Посмотримъ же, какія блага доставляетъ эта заработная плата работнику въ этихъ дешевыхъ мѣстахъ; мы возьмемъ такую губернію, гдѣ нетолько хлѣбъ дешевле, но и всѣ предметы потребленія рабочаго стоютъ меньше, вслѣдствіе близости промышленныхъ центровъ, а именно Калужскую губернію. На заводахъ этой губерніи, точно также какъ и въ Пермской, пригоняютъ заработную плату къ среднему уровню двадцати или двадцати пяти копѣекъ серебромъ въ день. Притомъ оказываются слѣдующіе результаты: работники, получающіе заработную плату не поштучно, а помѣсячно, заработываютъ отъ четырехъ до шести рублей въ мѣсяцъ. При поштучной работѣ средніе заработки оказываются ниже; такъ слесарь получаетъ въ среднемъ выводѣ 5 руб. 50 коп., кузнецъ 4 руб. 50 коп., литейщикъ 3 руб. 50 коп., катальщикъ 4 руб.; за руду, выкопанную и привезенную за тридцать верстъ, платится отъ пяти до семи копѣекъ съ пуда, за сажень дровъ рубль, есть мѣста, гдѣ платятъ за руду двѣ копѣйки. Если сравнить съ этимъ необходимыя издержки работника, то окажется, что ему необходимо на себя пудъ тридцать фунтовъ муки въ мѣсяцъ, считая не больше $2^1/_3$ фунтовъ въ день — это стоитъ $87^1/_2$ коп., гречневыхъ крупъ двадцать фунтовъ на 30 коп. сер., на приварокъ 1 руб. сер. Онъ будетъ въ этомъ случаѣ потреблять въ день четыре съ третью фунта питательной пищи, между тѣмъ какъ по правиламъ медицины для того, чтобы быть сытымъ, взрослый мужчина долженъ употреблять шесть фунтовъ питательной пищи. Итакъ на пищу ему нужно два рубля семнадцать съ половиною копѣекъ въ мѣсяцъ. Предположимъ, что жена его не будетъ употреблять никакого приварка, кромѣ соли, слѣдовательно будетъ питаться еще скуднѣе, чѣмъ мужъ, въ такомъ случаѣ ей нужно въ мѣсяцъ рубль двадцать пять копѣекъ; если въ домѣ есть ребенокъ или старикъ, то нуженъ еще рубль; на подати и оброкъ рубль девять копѣекъ въ мѣсяцъ, это составитъ пять рублей пятьдесятъ одну копѣйку, т. е. больше, чѣмъ средняя поштучная плата слесарей или тѣхъ работниковъ, которые всего больше получаютъ. Откуда взять одежду; работнику нужно рубль двадцать копѣекъ въ мѣсяцъ, чтобы одѣваться слѣдующимъ образомъ: носить рубашку изъ мужской конопли или такъ-называемой замашки, лапти съ деревянными подошвами и синій кафтанъ. Во многихъ случаяхъ этого будетъ работнику недостаточно, уже одежда кузнеца и слесаря портится отъ работы, а одежда литейщика и катальщика, обращающихся съ каленымъ желѣзомъ, сгораетъ весьма скоро. Откуда взять деньги на отопленіе и освѣщеніе? Кромѣ того, статистика показываетъ, что на семейство слѣдуетъ считать въ среднемъ выводѣ не три души, а болѣе четырехъ,—чѣмъ же содержать четвертую? Оказывается, что изъ числа всѣхъ приведенныхъ работниковъ ни одинъ не можетъ жить съ семействомъ своей заработной платой, безъ семейства могутъ жить только слесаря. Такъ оказывается и въ дѣйствительности, работники не въ состояніи

жить своей заработной платой и постоянно входятъ въ долги, долги ихъ доходятъ иногда до трехъ сотъ рублей съ одного человѣка. Но и при этихъ долгахъ они не въ состояніи содержать семейства; работнику, имѣющему четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, нужно для ихъ содержанія въ четыре раза больше, чѣмъ онъ получаетъ. Весь дефицитъ онъ взваливаетъ на жену, которая не имѣетъ никакихъ средствъ покрыть его заработкомъ; если она молода, она выпутывается изъ бѣды развратомъ, нѣкоторыя женщины дотого изловчились въ искусствѣ соблазновъ, что онѣ могутъ продолжать постыдное ремесло до сорока лѣтъ и далѣе; красивымъ женщинамъ оно доставляетъ ситцевыя и даже шерстяныя платья. Не помогаетъ женинъ развратъ, можетъ-быть поможетъ воровство, а если нельзя взять ни мытьемъ, ни катаньемъ, то дѣти оставляются на произволъ судьбы и умираютъ. Таково положеніе работника тамъ, гдѣ хлѣбъ сравнительно дешевъ, въ Пермской же губерніи, гдѣ хлѣбъ доходитъ до 90 коп. сер. за пудъ, работникъ втроемъ (мужъ, жена и ребенокъ) долженъ съѣсть одного хлѣба на шесть рублей въ мѣсяцъ, а изъ чего платить подати, на что покупать соль и одежду? Если у него двое дѣтей, то у него и на хлѣбъ не достанетъ. Такое по-истинѣ ужасное положеніе имѣетъ и ужасныя слѣдствія. Смертность отъ бѣдности между работниками Пермской губерніи такъ велика, что съ яростью ея не можетъ даже сравниться ужасный бичъ человѣчества, холера: въ 1832 и 1849 годахъ ужасная холера, свирѣпствовавшая во Франціи, дотого увеличила смертность, что тамъ изъ тридцати четырехъ человѣкъ умиралъ одинъ, между тѣмъ въ Пермской губерніи безъ холеры умираетъ изъ двадцати трехъ одинъ, — холерѣ и чумѣ никогда не произвести во Франціи такихъ чудесъ. По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ статистическомъ временникѣ 1866 г., въ Пермской губерніи умираетъ одинъ изъ осьмнадцати. Еслибы войска всей Европы ринулись на Францію и имъ на помощь пришла бы чума, то и въ такомъ случаѣ результатъ не могъ бы быть такъ грандіозенъ. Мудрено ли, что пермскій заводскій работникъ ожесточенъ и склоненъ къ безпорядкамъ. Когда работниковъ при освобожденіи крестьянъ стали надѣлять землею и они увидали, что эти надѣлы повлекутъ за собою оброки, между ними распространилось всеобщее ожесточеніе: при тяжеломъ ихъ положеніи, имъ казалось невыносимымъ платить оброкъ за землю, которою они не были въ состояніи пользоваться; подобное же явленіе повторилось и въ кабинетскомъ вѣдомствѣ Томской губерніи.

Неужели дѣйствительно всѣ предпріятія въ Пермской губерніи такъ безплодны, что они не въ состояніи даже сколько-нибудь обезпечить своихъ рабочихъ? Коммерческія и промышленныя предпріятія въ Сибири даютъ, смотря по обилію капитала и другимъ условіямъ, отъ сорока до двадцати пяти процентовъ въ годъ, отъ этого процентъ на заемный капиталъ такъ высокъ, что несмотря на всѣ средства кредита, которыя доставляются правительствомъ, частные лица даютъ въ займы свои капиталы для промышленныхъ предпріятій и берутъ отъ осьмнадцати до двадцати четырехъ процентовъ въ годъ, т. е. полтора или два процента въ мѣсяцъ. Капиталисты, которые имѣютъ обширныя дѣла въ Сибири, распространяютъ ихъ и на Пермскую губернію;

это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что выгоды, доставляемыя пермскими заводами и фабриками, должны быть не меньше сибирскихъ. Разсужденіе это подтверждается многими знаменательными данными. Извѣстно напр., что послѣ Англіи мѣстность, гдѣ желѣзо добывается съ наибольшею легкостью, это Уралъ: мѣстами издержки добыванія желѣза составляютъ не больше двадцати двухъ копѣекъ съ пуда: полагая даже двѣнадцать процентовъ на капиталъ, пудъ обходится двадцать пять копѣекъ. Это желѣзо конкурируетъ въ продажѣ съ калужскимъ желѣзомъ, котораго издержки производства обходятся въ пятьдесятъ пять съ половиною копѣекъ пудъ: между тѣмъ калужское желѣзо стóитъ въ продажѣ на мѣстѣ больше чѣмъ вдвое дороже издержекъ на его производство, желѣзо же съ нѣкоторыхъ заводовъ Пермской губерніи продается больше чѣмъ въ пять разъ дороже издержекъ на его производство. Другимъ указаніемъ на то, что капиталисты Пермской губерніи остаются не въ обидѣ отъ своихъ работниковъ, можетъ служить то, что цѣнность произведеній всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ работниковъ Пермской губерніи по самому уменьшенному разсчету вчетверо превышаетъ ихъ заработную плату. На золотыхъ промыслахъ доходы въ восемь разъ превышаютъ заработную плату, при добываніи чугуна и желѣза—въ пять разъ. Даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ о чистомъ горномъ доходѣ казны доходъ этотъ относится къ заработной платѣ какъ три къ пяти. Работники, которые своими руками произвели всѣ цѣнности, получили слѣдовательно только три осьмыхъ изъ этихъ цѣнностей, а капиталистъ, который страховалъ производство, получилъ пять осьмыхъ. Страховая премія (2 м. 600 т.) составляетъ огромную цифру почти въ двадцать девять процентовъ цѣнности всѣхъ страхуемыхъ произведеній (около 9 м.) и превышаетъ болѣе чѣмъ въ полтора раза весь доходъ производителей! нельзя сказать, чтобы подобныя условія были нормальными для страхованія. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что въ Пермской губерніи изъ числа всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ девяносто три процента заняты такими производствами, которыхъ дороговизна или дешевизна въ различныхъ заводахъ различна, смотря по легкости добыванія богатствъ изъ земли. Между тѣмъ всѣ эти произведенія продаются на рынкѣ по одной цѣнѣ, именно по той, въ которую они обходятся на самомъ дорогомъ заводѣ, и то еще съ прибавкою высокаго процента. Нерѣдко рыночная цѣна опредѣляется вовсе не производствомъ пермскихъ заводовъ, а заводовъ другихъ мѣстностей, болѣе дорогихъ. Такимъ образомъ большинство заводовъ даетъ, кромѣ значительнаго процента на капиталъ, получаемаго вообще отъ промышленныхъ предпріятій въ Пермской губерніи, еще иногда весьма значительный чистый барышъ. Въ иныхъ случаяхъ всѣ заводы даютъ такой барышъ. При добываніи мѣди въ 1863 году въ пермскомъ округѣ на казенныхъ заводахъ каждый рабочій добывалъ въ десять разъ менѣе, чѣмъ на частныхъ заводахъ Пермской губерніи, и въ два съ половиною раза менѣе, чѣмъ на казенныхъ заводахъ богословскаго округа, хотя руды проплавлено здѣсь только на треть болѣе: ясно, что каждый рабочій на частныхъ пермскихъ заводахъ могъ бы получить заработокъ и барышъ, превышающій въ нѣсколько разъ до-

ходъ работника на казенныхъ заводахъ пермскаго округа, а въ богословскомъ округѣ онъ получилъ бы вдвое болѣе. Наконецъ закавказскіе частные заводы дали на каждаго рабочаго вдвое болѣе при меньшемъ количествѣ проплавленной руды, такъ что доходъ работника могъ бы болѣе чѣмъ удвоиться. Во всѣхъ этихъ случаяхъ капиталистъ несмотря на увеличеніе дохода работника получилъ бы вполнѣ свой процентъ на капиталъ. Не справедливо ли отдать работнику все, что ему слѣдуетъ, оно спасло бы его отъ гнетущей нужды въ то время какъ оно прибавляетъ капиталисту только лишніе гроши. Еще значительнѣе разница по золотымъ промысламъ. Тутъ одни работники (по свѣдѣніямъ 1863 г.) получили бы въ десять разъ болѣе другихъ. Если работники наименѣе доходныхъ золотыхъ промысловъ получили бы одну заработную плату, то другіе получили бы 25%, третьи 50% болѣе, четвертые втрое, пятые въ три съ половиною раза, шестые вчетверо, седьмые впятеро, осьмые въ пять съ половиною, девятые въ шесть разъ и т. д. до десяти разъ болѣе. Если читатель не забылъ взглядъ, который былъ изложенъ выше на капиталъ, если ему ясно, что взглядъ современныхъ экономистовъ на капиталъ совершенно ложный,—капиталъ вовсе не состоитъ ни въ заводахъ, на которыхъ работникъ работаетъ, ни въ хлѣбѣ, который онъ ѣстъ, все это произведенія труда; капиталъ состоитъ въ тѣхъ цѣнностяхъ, которыя лежатъ въ карманѣ капиталиста и на которыя онъ покупаетъ орудія труда и прочее, нужное для работника. Капиталъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшей производительной силы, силу эту имѣютъ только руки и голова работника и руки и головы тѣхъ работниковъ, которые произвели для него орудія производства, хлѣбъ и пр. Еслибы работникъ произвелъ все это самъ для себя, то ему не нужно было бы никакого капиталиста, точно также, какъ и въ томъ случаѣ, когда бы все это произведено было его товарищами, имѣющими къ нему довѣріе; но это произведено лицами совершенно ему чуждыми, которые къ нему не имѣютъ ни малѣйшаго довѣрія, вотъ почему онъ нуждается въ посредствѣ капиталиста. Капиталистъ точно также есть орудіе обмѣна, произведенное отсутствіемъ довѣрія между людьми, какъ и цѣнныя деньги. Еслибы между людьми существовало довѣріе, тогда не нужно было бы ни капиталистовъ, ни цѣнныхъ денегъ, написалъ на бумажкѣ: купилъ-де то-то за такую-то цѣну, которую заплачу товарами, и дѣло въ шляпѣ. Неужели же на томъ основаніи, что безъ денегъ нельзя производить, правительство чеканящее деньги должно получить право собственности на всѣ произведенія труда въ государствѣ? Правительство имѣетъ право получить за деньги цѣну матеріяла, употребленнаго на деньги, и цѣну труда, употребленнаго при чеканкѣ, ни болѣе ни менѣе. Капиталистъ имѣетъ право на цѣнность своего капитала и только пока онъ имъ не рискуетъ, онъ не долженъ получать ни копѣйки болѣе; когда онъ имъ рискуетъ, тогда работники, въ пользу которыхъ онъ рискуетъ, обязаны вознаградить за это. Изъ того, что капиталистъ употребляетъ свой капиталъ въ промышленномъ предпріятіи, слѣдуетъ, что работники должны вознаградить его за это, но никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ дѣлался собственникомъ ихъ произведеній. Что произвели мои руки и моя голова, то мое и никто не мо-

жетъ привязать его себѣ. Съ теоретической точки зрѣнія неопровержимо, что всѣ произведенія фабрикъ и заводовъ составляютъ собственность работниковъ. Положеніе работниковъ доказываетъ, что они отрекаются отъ этого права исключительно вслѣдствіе тяжкаго соціальнаго давленія на нихъ обстоятельствъ, точно такие, какъ въ средніе вѣка они отрекались отъ своей свободы — тысячи и милліоны людей являлись къ сильнымъ міра сего и предлагали себя въ рабство; наконецъ поняли, что предложенія эти менѣе всего добровольны, и отдавать себя въ рабство было запрещено: на томъ же основаніи когда-нибудь будетъ запрещенъ наемъ вездѣ, гдѣ вслѣдствіе найма произведенія работника дѣлаются собственностію капиталиста. Товарищеское отношеніе между работниками и капиталистами нетолько исполнимо практически, но, сопровождаемое хорошимъ законодательствомъ, уничтожитъ тотъ хаосъ и безпорядокъ въ нашей промышленности, въ которыхъ промышленники дотого запутываются, что наконецъ сами не могутъ найти ни входа, ни выхода. Съ русскимъ промышленникомъ легко можетъ случиться тоже, что было съ главнокомандующимъ турецкой арміи, который спросилъ корреспондента англійской газеты, сколько у него войска. У насъ дѣлаются милліонныя дѣла безъ всякой бухгалтеріи или съ бухгалтеріей весьма несовершенной, еще чаще книги ведутся и отчеты пишутся, но все это дѣлается не для того, чтобы изложить въ нихъ настоящее положеніе дѣлъ, а для достиженія различныхъ цѣлей. Въ жизни каждаго адвоката, ему приходилось несравненно болѣе видѣть фиктивныхъ смѣтъ, книгъ и отчетовъ, чѣмъ дѣйствительныхъ. Въ искусствѣ созидать подобныя фикціи у насъ на Руси такъ много упражнялись, что достигли изумительнаго совершенства. Случалось, что заведеніе, которое по отчетамъ и смѣтамъ постоянно давало значительный убытокъ, покупалось съ жадностью. Весьма нерѣдко, что книги ведутся и отчеты пишутся по инструкціи, дѣло изъ году въ годъ давало убытки, наконецъ приводило къ банкротству, кредиторы получали по десяти копѣекъ за рубль, а у хозяина въ результатѣ оказывались сотни тысячъ. Я предоставляю каждому судить о томъ, какъ ведутся книги и пишутся отчеты въ дѣлахъ компанейскихъ. Что касается до управляющихъ заводами и фабриками, то большіе капиталы, которые наживались многими изъ нихъ, говорятъ вмѣсто меня. Бывали такіе случаи: два важныхъ лица и одно вовсе не важное лицо составляли между собою компанію. Неважное лицо, по порученію важныхъ, слѣдило за дѣломъ, а важные получали только доходы и отчеты; наконецъ прекращались отчеты, а черезъ нѣсколько лѣтъ и доходы,—по книгамъ и отчетамъ оказывалось, что капитала важныхъ лицъ давно не существуетъ, что въ то время, когда дѣло давало убытокъ, имъ, по ихъ требованіямъ, постоянно высылались деньги, въ которыхъ они, какъ видно изъ ихъ писемъ, крайне нуждались, вмѣсто того, взамѣнъ высылаемыхъ имъ частей капитала, неважное лицо вносило свои суммы, такъ что важные лица оставались еще должны значительную сумму. Отчеты составлялись хитро, но все-таки не трудно было бы разоблачить хитрость, неважное лицо знало, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Хитросплетеніе книгъ и отчетовъ таково, что нетолько хозяинъ съ посредственными способностями будетъ ими

обманутъ, а легкомысленный доведенъ до банкротства, но даже хозяинъ умный и знающій дѣло можетъ понести убытокъ отъ выгоднаго дѣла, если онъ будетъ настолько благороденъ, что будетъ пренебрегать шпіонствомъ,—чрезъ это и лучшіе люди оказываются неспособными къ веденію дѣлъ; если же они, несмотря на то, такъ энергичны, что за нихъ берутся, то имъ справедливо ставятъ въ вину, что они хотя умные люди, но непрактическіе. При такомъ положеніи для промышленника отчеты и книги—это только исписанная бумага, онъ слѣдитъ за дѣломъ совсѣмъ другими путями. Промышленникъ, при настоящемъ положеніи, для того, чтобы не обанкротиться, нетолько долженъ быть уменъ, онъ долженъ быть дѣятеленъ, доступенъ и знать людей; важность и гордость погубила многихъ лишенныхъ этихъ качествъ. Имѣя нѣсколько тысячъ людей въ своемъ распоряженіи, онъ знаетъ изъ нихъ нѣсколько сотъ и многихъ очень хорошо; онъ знаетъ, насколько многіе изъ нихъ способны быть доносчиками и насколько доносы ихъ заслуживаютъ вѣры; онъ размѣщаетъ этихъ людей смотря по своимъ соображеніямъ. Такимъ образомъ онъ создаетъ себѣ барометръ, по которому онъ узнаетъ, въ какой сторонѣ ему грозитъ опасность. Слѣдя по этому барометру за ходомъ своего дѣла, умный и честолюбивый промышленникъ находится постоянно на-сторожѣ: лишь только, гдѣ грозитъ пруха, онъ тотчасъ является на мѣсто и энергически водворяетъ порядокъ. Промышленникъ дѣлается старъ, онъ чувствуетъ, что прежнія чуткость и энергія въ немъ угасаютъ, онъ знаетъ, что и въ цвѣтущее время своей силы онъ иногда жестоко обрывался; онъ начинаетъ прекращать дѣла, которыя болѣе всего опасны, оставляетъ только тѣ, въ которыхъ одной заведенной рутины достаточно для опредѣленія результатовъ, передаетъ дѣла свои въ чужія руки, а самъ копитъ деньги и въ глубокой старости или дѣлается ростовщикомъ или, желая навѣрное сохранить капиталъ, получаетъ самый незначительный процентъ. Послѣ этого я предоставляю судить о томъ, въ какой степени казна можетъ вести подобныя дѣла. Если частное лицо, даже умное и опытное, не имѣетъ никакихъ средствъ помѣшать тому, чтобы посредствомъ искуснаго составленія смѣтъ и отчетовъ доходы противъ расходовъ не были уменьшены вдвое и болѣе выгодное въ дѣйствительности предпріятіе не оказалось убыточнымъ, то какъ же можетъ оградить себя въ этомъ случаѣ казна? Исторія казеннаго производства достаточно можетъ убѣдить всякаго, что даже составленіе смѣтъ на эти работы сдѣлалось дѣломъ невозможнымъ, смѣта тутъ обращается въ чистѣйшую формальность безъ всякаго практическаго результата кромѣ того, что она служитъ затемнѣнію истины. Когда отъ смѣты переходятъ къ работамъ, тогда смѣта оказывается дѣломъ неисполнимымъ, начинаются сверхсмѣтные расходы и за каждый годъ скопляются милліоны этихъ расходовъ. Чиновникъ въ Петербургѣ, разсматривая эти отчеты, не имѣетъ ни малѣйшей возможности опредѣлить ихъ вѣрность или невѣрность и долженъ играть роль слѣпаго орудія; по какимъ признакамъ можетъ онъ напр. опредѣлить содержаніе золота или содержаніе руды, трудности и издержки, съ которыми сопряжено его добываніе; когда онъ даже не имѣетъ никакихъ средствъ получить правильныхъ понятій о мѣстныхъ цѣнахъ. Если

выставлять справочныя цѣны, то ошибка можетъ быть громадна, но даже если выставлять дѣйствительныя базарныя цѣны, то хорошій хозяинъ можетъ устроиться вдвое дешевле; по среднимъ выводамъ казна покупаетъ втрое дороже. Если казна еще не вполнѣ разоряется на своихъ заводахъ и промыслахъ, то это зависитъ отъ двухъ причинъ: вопервыхъ оттого, что въ ея рукахъ и исключительномъ пользованіи находятся самыя выгодныя горныя мѣстности и золотоносные пески; еслибы они были въ частныхъ рукахъ, то милліонеры у насъ плодились бы какъ грибы, несравненно меньшія богатства считаются уже кладомъ для частной промышленности; вовторыхъ по причинѣ богатства этихъ мѣстностей капиталисты горятъ нетерпѣніемъ захватить что-нибудь изъ этихъ несмѣтныхъ сокровищъ. Изобразить это нетерпѣніе невозможно—нужно было видѣть, съ какимъ тревожнымъ трепетомъ ожидался капиталистами указъ о предоставленныхъ имъ новыхъ мѣстностяхъ въ кабинетскомъ вѣдомствѣ. Какъ ни сильны горные инженеры, какъ ни велики ихъ связи въ Петербургѣ, но все-таки они опасаются, чтобы происки капиталистовъ не одержали надъ ними верхъ; вотъ почему они вынуждены давать казнѣ нѣкоторыя выгоды, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы помѣшать мысли о передачѣ въ частныя руки. По окончаніи операціи они сводятъ свои счеты, отчеты готовы и раздается побѣдный крикъ: «Барнаулъ постоитъ за себя!» «Екатеринбургъ постоитъ за себя!» Крикъ этотъ отражается унынiемъ на сердцахъ капиталистовъ. «Конечно они возьмутъ верхъ,—говорятъ капиталисты съ горечью,—они всѣ дѣйствуютъ заодно, а мы только и думаемъ, какъ бы другъ друга топить.» Но чѣмъ болѣе въ Екатеринбургѣ и Барнаулѣ кричатъ о томъ, что прошло уже для нихъ золотое время, что теперь уже нѣтъ тѣхъ баснословныхъ пировъ, того разливаннаго моря шампанскаго, уже не идутъ болѣе обозы съ нарядами для одного семейства, — чѣмъ болѣе кричатъ объ этомъ, тѣмъ туже приходится рабочему.

Все это производитъ въ нашей промышленной производительности такой хаосъ и ставитъ ей столько барикадъ, что она двигаться впередъ совершенно не въ состоянiи. Несмотря на чрезмѣрно высокій процентъ съ капитала въ промышленныхъ предпріятіяхъ, капиталистъ только тогда можетъ получать выгоды, когда онъ вполнѣ знаетъ дѣло, за которое онъ взялся, бдительно наблюдаетъ за нимъ, знаетъ своихъ людей и вполнѣ умѣетъ ими пользоваться для своихъ цѣлей; но зато въ этихъ случаяхъ онъ получаетъ и безмѣрныя выгоды; человѣкъ, который изъ ничего въ двадцать пять лѣтъ создалъ себѣ милліонное состоянiе, вовсе не принадлежитъ къ исключеніямъ въ нашей промышленной жизни. Зато-же внѣ этого случая она стоитъ на самыхъ шаткихъ ногахъ: ей грозитъ и управляющій, способный перехитрить своего хозяина, и ростовщикъ, способный запутать ее въ своихъ сѣтяхъ, въ иныхъ случаяхъ и казна, которая даетъ своимъ агентамъ огромный перевѣсъ власти и законодательства, перевѣсъ, являющійся на аренѣ даже и безъ ея вѣдома. Компаніи превращаются въ какое-то страшилище: «избави Богъ отъ компаній», кричатъ капиталисты. И вотъ послѣдствія: милліонные капиталы лежатъ въ сундукахъ капиталистовъ и не пускаются въ оборотъ, никто

не дѣлаетъ сбереженій, сбережешь — пропадетъ, а проживешь — не жаль, пожилъ весело. Правительство въ отчаяніи не знаетъ, какъ поднять промышленность, прибѣгаетъ къ запретительнымъ тарифамъ, лекарство употреблено и въ сильныхъ дозахъ, а все не дѣйствуетъ. Выходитъ въ-заключеніе, что мы ищемъ рукавицы, а рукавица за пазухой. Если капиталистъ и работникъ будутъ товарищами, въ такомъ случаѣ не вести книгъ или вести ихъ неаккуратно будетъ невозможно. Для казны подобное отношеніе къ рабочимъ представитъ несомнѣнныя и значительныя выгоды. Даже невозможно себѣ представить управленія такого большаго числа лицъ безъ правильнаго удовлетворительнаго веденія книгъ. Какъ скоро существуетъ какая-нибудь компанія или участіе посторонняго лица въ дѣлѣ, то тотчасъ же ведутся книги и подаются отчеты; но въ компанейскихъ дѣлахъ бѣда та, что компаньонъ далекій отъ дѣла никакъ не можетъ услѣдить за вѣрностью представляемыхъ ему свѣдѣній. Работники напротивъ имѣютъ къ этому всѣ средства. Если дѣло будетъ зависѣть отъ работниковъ постоянныхъ и привычныхъ къ заводскому и фабричному производству, дѣло артели пойдетъ безъ сомнѣнія очень хорошо. Они будутъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ своими обыкновенными простыми и раціональными пріемами. Только новичокъ можетъ запутаться, а новички и первогодки на всѣхъ работахъ исключеніе. Если работникъ привадился къ какому-нибудь дѣлу, то онъ постоянно и будетъ въ этомъ дѣлѣ искать работы. Поэтому на всѣхъ производствахъ большинство работниковъ опытны. Пока дѣло у хозяина въ рукахъ, хозяинъ можетъ загонять работника конкуренціею, но если дѣло пошло на то, кто кого можетъ вѣрнѣе повѣрить, то работникъ гораздо вѣрнѣе повѣритъ хозяина, чѣмъ хозяинъ работника. Хозяева это очень хорошо знаютъ, они знаютъ, что работники положеніе дѣлъ на заводѣ знаютъ гораздо лучше ихъ, а потому постоянно предполагаютъ, что работники ихъ обманываютъ. Работники съ своей стороны поневолѣ поддаются эксплуатаціи хозяина; конкуренція вынуждаетъ ихъ принимать отъ него всѣ условія, которыя онъ имъ предлагаетъ, но обмана они не опасаются, потому что хозяину ихъ не обмануть. Даже тягость этихъ условій хозяева нерѣдко объясняютъ тѣмъ, что они въ рукахъ рабочихъ, которые вознаграждаютъ себя будтобы обманомъ. Для рабочихъ нѣтъ ничего легче, какъ повѣрять другъ друга, повѣрять кассира и «матерьяльныхъ». Производство состоитъ изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ работъ надъ однимъ и тѣмъ же матерьяломъ. Каждый рабочій знаетъ, сколько онъ сдѣлалъ, это записано у него и въ разсчетномъ листѣ. Производители одной работы сошлись вмѣстѣ, каждый говоритъ, сколько онъ сдѣлалъ, одинъ считаетъ: вотъ они и привели въ извѣстность, сколько сдѣлано всѣми и сколько слѣдовательно должно быть на заводѣ произведеній. Повѣрка эта дѣло мудреное для хозяина, у котораго все дѣлается за глазами, а для рабочихъ это дѣло самое простое. Опытный работникъ и прежде повѣрки будетъ знать, по однимъ своимъ соображеніямъ, какъ велики должны быть его выгоды. Главное дѣло тутъ только въ томъ, чтобы работникъ ожидалъ для себя выгоды отъ наблюденія за управленіемъ завода. При управленіи рабочихъ можно достигнуть безукоризненно правильнаго веденія

книгъ. Казна посредствомъ товарищества съ рабочими на заводахъ можетъ обезпечить себѣ самый вѣрный контроль за ходомъ заводскаго дѣла. Конечно для этого нужно обставить это новое товарищество какъ слѣдуетъ. Прежде всего нужно дать независимость рабочему отъ заводскаго начальства посредствомъ независимаго и легко доступнаго суда. Затѣмъ полную свободу въ выборѣ контроля и контролеровъ. Наконецъ распространить между ними знаніе ариѳметики: мы себѣ и представить не можемъ, какъ иногда рабочему трудно считать. Конечно глупо и легкомысленно было бы ожидать, что дѣло съ самаго начала пойдетъ отлично—всему нужно научиться, ко всему нужно приспособиться; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если работники будутъ хорошо поставлены, то въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они вполнѣ научатся пользоваться всѣми выгодами, которыя доставляетъ имъ ихъ естественное положеніе и дѣла заводовъ будутъ извѣстны и прозрачны, какъ стекло. При подобномъ товариществѣ чрезвычайно важная вещь—способъ, какимъ будетъ сдѣланъ разсчетъ съ капиталистомъ. Если разсчетъ этотъ будетъ основанъ не на твердыхъ неизмѣнныхъ правилахъ, а на произвольныхъ условіяхъ, то все это выродится въ кукольную комедію; если капиталистъ и при этомъ порядкѣ получитъ право предписывать работникамъ произвольныя условія, то онъ задавитъ ихъ и опять доведетъ до современнаго положенія. Никогда не нужно забывать, что между работникомъ и капиталистомъ добровольнаго согласія быть не можетъ. Если говорятъ о договорахъ между работникомъ и капиталистомъ, основанныхъ будтобы на добровольномъ ихъ согласіи, то это ничто иное, какъ только способъ выражаться. Работникъ соглашается на условія капиталиста такъ же добровольно, какъ Венеція и Ломбардія когда-то добровольно согласились подчиниться Австрійской Имперіи. Подчиненіе работника условіямъ капиталиста—это такое же явленіе природы, какъ и подчиненіе завоеваннаго народа своимъ завоевателямъ; честный человѣкъ можетъ смотрѣть на этотъ фактъ хладнокровно и предоставлять вещи своему теченію только тогда, когда онъ видитъ, что дѣло устроилось безобидно безъ его помощи. Можно считать, что отношенія работниковъ и капиталистовъ установились на началахъ безобидныхъ только тогда, когда капиталисты получаютъ не болѣе, чѣмъ имъ слѣдуетъ. Если въ извѣстной странѣ обанкротившіеся фабрики и заводы принесли своимъ владѣльцамъ ежегоднаго убытку, по пятнадцатилѣтней сложности, на милліонъ рублей, то доходъ всѣхъ капиталистовъ, имѣющихъ фабрики, долженъ простираться также на милліонъ рублей, въ этомъ случаѣ они получатъ что имъ слѣдуетъ, т. е. вознагражденіе за свой рискъ. Работникъ получитъ все, что ему слѣдуетъ; если его существованіе будетъ вполнѣ обезпечено, онъ будетъ въ состояніи жить и воспитывать своихъ дѣтей не вредя своему здоровью и если плата эта будетъ возвышаться по мѣрѣ полезности его труда. Для этого нужно работнику Пермской губерніи за простую работу получать заработной платы и барышей въ годъ по крайней мѣрѣ двѣсти пятьдесятъ и не менѣе двухъ сотъ рублей серебромъ †). Спрашивается, можетъ

†) Разсчетъ сдѣланъ слѣдующимъ образомъ. Каждый работникъ, по крайней мѣрѣ одно время въ своей жизни, долженъ содержать двухъ дѣтей. Здоровая жен-

ли промышленность Пермской губерніи обезпечить такимъ образомъ своихъ рабочихъ? расходъ для такого содержанія рабочихъ составитъ около трехъ четвертей вычисленнаго въ пермской памятной книжкѣ на 1863 годъ дохода пермскихъ фабрикъ и заводовъ; по вычисленію же на основаніи статистическаго временника 1866 года подобный доходъ рабочихъ составитъ немного болѣе одной трети цѣнности ихъ произведеній, и это несравненно ближе къ истинѣ. Едвали можетъ кто-нибудь серьезно думать, что пермская промышленность не можетъ обезпечить своихъ рабочихъ даже въ такихъ скромныхъ размѣрахъ. Неужели фабричный и заводскій работникъ не можетъ имѣть достаточно хлѣба и мяса въ странѣ, гдѣ земледѣльческое населеніе составляетъ 75% всѣхъ жителей, гдѣ приходится на каждаго жителя $1^1/_2$ десятины пахотной земли, $1^1/_4$ десятины луговъ, по 3 десятины земли способной быть обращенною въ луга и пашни и по осьми съ половиною десятинъ лѣса †) на человѣка, гдѣ на каждаго фабричнаго работника приходится пять сельскихъ работниковъ и столько же работницъ. Правда, что при настоящемъ положеніи на фабричнаго и сельскаго работника приходится только по одной десятой фунта мяса въ день, почти все это мясо съѣдается зажиточными крестьянами и мѣщанами и изъ фабричныхъ работниковъ тѣми, которые несутъ самую легкую работу, на долю работниковъ-тружениковъ приходится самая малая часть, не болѣе одной сороковой фунта на человѣка; изъ этого однакоже не слѣдуетъ, чтобы дѣло не могло быть иначе. Еслибы заработная плата и барыши работниковъ на фабрикахъ и заводахъ въ Пермской губерніи увеличились втрое, то они все-таки пользовались бы меньшимъ благосостояніемъ, чѣмъ въ Англіи, но уже большимъ, чѣмъ во Франціи; они распространили бы благосостояніе и кругомъ себя, они переплатили бы крестьянамъ за ихъ произведенія лишнихъ до шести милліоновъ рублей, на каждое крестьянское семейство пришлось бы по осьмнадцати рублей лишнихъ. Крестьяне и фабричные работники будутъ

щина, которая сама кормитъ своихъ дѣтей, родитъ каждые два года. До десяти лѣтъ ребенокъ рѣшительно неспособенъ себя содержать; положимъ, что изъ пяти человѣкъ дѣтей одинъ умеръ — четверо осталось на содержаніи, но я беру не такихъ людей какъ слѣдуетъ, а нашихъ несчастныхъ русскихъ людей, я предполагаю, что изъ пяти человѣкъ дѣтей у нихъ умираетъ трое. Женскаго труда у фабричныхъ нѣтъ, слѣдовательно нужно было бы считать, что и жена содержится мужемъ, но я предполагаю, что мужъ содержитъ ее только наполовину, она должна ему стряпать, ходить за дѣтьми, кормить грудныхъ дѣтей, родить—все это уменьшаетъ ея заработокъ,—я считаю, что работникъ употребляетъ шесть фунтовъ питательной пищи и въ томъ числѣ только полтора фунта мяса, жена и дѣти по четыре фунта—издержки на груднаго ребенка составляютъ половину, работнику нужно будетъ на пищу 111 руб. 80 коп., на одежду 65 руб., на квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ 20 руб. 95 коп., на воспитаніе дѣтей 12 руб., на подати 10 руб. 25 коп. и на разные расходы 30 руб.

†) По свѣдѣніямъ статистическаго временника 1866 г. въ Пермской губерніи приходится почти $1^1/_2$ дес. пашни, почти $1^1/_4$ дес. сѣнокосу, болѣе $10^1/_2$ дес. лѣсу и 1 десятина съ небольшимъ выгону. Свѣдѣнія эти страдаютъ недостаткомъ подробностей.

употреблять до пяти сотъ тысячъ на ремесленный трудъ, число ремесленниковъ удвоится и явится до пяти тысячъ ремесленниковъ, которые будутъ труды свои исключительно посвящать рабочему классу. Неужели такой результатъ не стоитъ того, чтобы поставить капиталиста на ту ногу, на которой ему слѣдуетъ быть? Мы такъ привыкли къ логикѣ капиталистовъ, что она вошла въ кровь и плоть политической экономіи и нерѣдко даже западно-европейскіе соціалисты аргументируютъ такимъ же образомъ. По понятіямъ, распространеннымъ капиталистами, всякій обмѣнъ долженъ давать выгоду, всякое производство барышъ, между тѣмъ по здравому смыслу всякая выгода въ обмѣнѣ, всякій барышъ въ производствѣ есть признакъ ненормальнаго состоянія промышленности. При нормальномъ производствѣ равный трудъ мѣняется на равный трудъ, выгоды и барыша не должно существовать, безъ труда никто не долженъ получать вознагражденіе; если трудъ получаетъ вознагражденіе большее, то онъ долженъ быть обязанъ этимъ исключительно превосходному своему качеству. Капиталистъ имѣетъ въ рукахъ своихъ цѣнность оконченнаго труда, слѣдовательно трудъ этотъ уже получилъ свое вознагражденіе; если капиталистъ получитъ еще что-нибудь, то это за удачный рискъ: спрашивается, за что онъ можетъ еще получить вознагражденіе? что капиталистъ получаетъ вознагражденіе за одинъ рискъ, это дѣло столь ясное, что оно не требуетъ объясненія; кромѣ риска капиталисту не за что получать вознагражденіе, а если онъ получаетъ вознагражденіе только за рискъ, то вознагражденіе это и должно равняться риску, т. е. оно должно равняться количеству убытка рискующихъ капиталистовъ. Если я говорю, что барыши отъ произведеній труда должны доставаться работникамъ, то я выражаюсь такъ только для того, чтобы быть понятнымъ: если земледѣлецъ въ Пермской губерніи получаетъ за пудъ хлѣба восемьдесятъ и девяносто копѣекъ, а въ кузнецкомъ округѣ пятнадцать копѣекъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ получаетъ барышъ,—каждый получаетъ то, во что оцѣнивается произведеніе его труда, и если часъ работы геніальнаго художника оцѣнивается во сто рублей, а обыкновеннаго работника въ семь съ половиною копѣекъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что купецъ, который продаетъ картину этого художника, имѣетъ право дать художнику семь съ половиною копѣекъ за часъ, а остальныя деньги удержать себѣ. Продажная цѣна произведеній рабочаго труда есть вознагражденіе за этотъ трудъ, а вовсе не барышъ и не прибыль, она показываетъ, во что общество оцѣнило этотъ трудъ, и никто не имѣетъ право отнять ее у работника. Примѣръ Пермской губерніи показываетъ намъ, что даже въ томъ случаѣ когда капиталистъ будетъ получать одно вознагражденіе за рискъ и въ такомъ случаѣ работникъ едва можетъ существовать не подвергая опасности жизнь и здоровье свое и своихъ дѣтей; затѣмъ каждый лишній рубль, который перепадаетъ въ карманъ капиталиста, будетъ стоить жизни ребенку работника. Я обрѣзалъ издержки работника какъ только возможно, въ отношеніи податей я взялъ даже исключительный случай, нужно было бы опредѣлить ихъ не въ 10 рублей, а въ двадцать пять, я ничего не положилъ на хозяйственное обзаведеніе, на удовольствія, человѣкъ не можетъ же жить,

какъ смотъ, безъ всякихъ развлеченій, на это нужно было бы, по крайней мѣрѣ, осьмнадцать рублей, на леченіе болѣзней и жизнь безъ работы во время болѣзни нужно положить, по крайней мѣрѣ, двадцать рублей въ годъ—излишекъ составилъ бы пятьдесятъ три рубля. Въ такомъ видѣ заработная плата поглотила бы весь объявленный доходъ съ фабрикъ и заводовъ Пермской губерніи. Уменьшеніе доходовъ капиталистовъ не прихоть, а существенная потребность; общество не можетъ смотрѣть на нее равнодушно.

Какъ скоро операціи фабрикъ и заводовъ, чрезъ уничтоженіе найма и введеніе товарищества работниковъ, сдѣлаются публичными, расходы и доходы будутъ записываться правильно, однимъ словомъ введенъ будетъ порядокъ тамъ, гдѣ существуетъ теперь полнѣйшій хаосъ и безпорядокъ, въ такомъ случаѣ это одно обстоятельство будетъ значительно способствовать пониженію процента на капиталъ. Существуютъ весьма дѣйствительныя средства для принужденія къ правильному веденію книгъ. Всякій расходъ незасвидѣтельствованный не принимается, всякій отпускъ товара съ завода или фабрики безъ этого свидѣтельства считается воровствомъ. Между рабочими всегда найдутся такіе, которые способны усчитывать по книгамъ; правда, большинство не въ состояніи будетъ сдѣлать это, по крайней мѣрѣ на тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ не всѣ—постоянные рабочіе, а частью набирается различный людъ, но и тотъ всегда будетъ въ состояніи свести свои счеты по-своему. Не надобно забывать, что простые люди ведутъ милліонныя дѣла не будучи грамотными. Поштучные работники, зная цѣны, по которымъ продавался товаръ, по своимъ разсчетнымъ листамъ тотчасъ сообразятъ, сколько имъ слѣдуетъ прибыли. Если общественное мнѣніе будетъ убѣждено, что оно должно помочь работникамъ и вывести ихъ изъ жалкаго положенія, въ которомъ они находятся, и мировые судьи будутъ поддерживать ихъ самостоятельность, не дозволять ихъ запугивать и доводить до раболѣпія, въ такомъ случаѣ есть большая надежда, что дѣло пойдетъ хорошо. Водвореніе истиннаго, а не одного формальнаго порядка только и возможно, когда сотни глазъ, участвующіе непосредственно въ дѣлѣ, и день и ночь находящіеся на мѣстѣ, будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы оно велось честно и на чистоту. Истинный порядокъ это великое дѣло; какъ скоро только ему удастся водвориться вмѣстѣ съ полною публичностію и откровенностью, тогда капиталы прихлынутъ къ фабрикамъ и заводамъ, тогда компаньоны будутъ увѣрены, что въ отчетахъ у нихъ будетъ написано то, что было на дѣлѣ, а не то, что приказано было написать, тогда капиталисты отомкнутъ свои сундуки, стряхнутъ съ нихъ двадцатилѣтнюю пыль и выиграютъ отъ этого и работники и публика чрезъ пониженіе процентовъ и даже капиталисты. Великимъ препятствіемъ къ осуществленію подобнаго направленія будетъ прежде всего горное вѣдомство, оно представляетъ собою замѣчательное политическое явленіе, оно напоминаетъ что-то вродѣ государства въ государствѣ; если сравнить его съ такими явленіями, какъ напр. орденъ тампліеровъ и орденъ іезуитовъ, то вліяніе его на людей и средства прививать свой корпоративный духъ окажутся, можетъ быть, даже бо́льшими. Іезуитамъ и тампліерамъ придавала силу одна плотная организація; относи-

тельно государства они стояли въ такомъ же подчиненіи, какъ и прочіе граждане; они могли только интриговать, а не управлять и не судить. Горные инженеры имѣютъ организацію нетолько столько же плотную, какъ іезуиты и тампліеры, но несравненно плотнѣйшую, потому что она основана на военной дисциплинѣ, организація эта поддерживается и пользуется полнымъ покровительствомъ; она нетолько существуетъ для своихъ цѣлей, но воспитываетъ своихъ подростковъ, управляетъ и судитъ. Чрезъ это она имѣетъ средства нетолько создать, но и проводить свой корпоративный духъ съ неудержимою силою. Можно положительно утверждать, что въ мѣстностяхъ, гдѣ эта организація господствуетъ, она сильнѣе всѣхъ другихъ властей, она навязываетъ свой образъ мыслей и свои взгляды на вещи нетолько мѣстному, но и центральному управленію. Правительство можетъ разбить эту организацію съ величайшей легкостью, потому что нѣтъ ничего менѣе популярнаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она господствуетъ; но до тѣхъ поръ, пока эта организація существуетъ, правительство будетъ смотрѣть тамъ на все ея глазами. Она имѣетъ неодолимую силу пассивнаго сопротивленія, подобную той, какую имѣли бояре временъ Іоанна IV; они были въ высшей степени непопулярны въ странѣ, царь могъ ихъ казнить и мучить какъ ему было угодно, никто за нихъ не вступался; но когда онъ хотѣлъ получить понятіе о странѣ и о томъ, какъ она управляется, оказывалось, что у него къ этому нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что онъ смотритъ не нее сквозь стекла, сдѣланныя боярами и въ которыхъ все принимаетъ тотъ видъ, какой имъ надобно; онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не тяготиться этой опекой, но возъимѣлъ жалкую мысль отдѣлаться отъ нея посредствомъ римскихъ и восточныхъ административныхъ пріемовъ. Что можетъ быть менѣе удобно для промышленнаго успѣха, какъ не военная организація трудящихся? Между трудящимися тѣмъ болѣе соревнованія, тѣмъ болѣе развивается ума, дѣятельности и энергіи, чѣмъ болѣе въ нихъ самостоятельности. Наклонность къ военной дисциплинѣ является въ промышленности каждый разъ, когда въ ней убитъ духъ прогресса и замѣненъ мертвящимъ непотизмомъ. Откупъ вездѣ старался между своими членами распространить военный духъ и военную дисциплину; когда ревизоръ входилъ туда, гдѣ дѣлаютъ и поправляютъ бочки, бондари вставали во фронтъ, руки по швамъ; теперь смѣются, вспоминая объ этомъ, всѣ мѣста въ откупѣ занимались по родству и по протекціи, знаніе и способности не имѣли никакого значенія, по протекціи наживались сотни тысячъ, а истинные труженики глодали кости. Въ мѣстахъ горнаго вѣдомства, горныхъ инженеровъ называютъ горной семьей, потому что они всѣ родня между собою или женаты на родственницахъ петербургскихъ вельможъ; какъ крымская аристократія раздавала мѣста и пенсіи своимъ родственникамъ, такъ раздаются и мѣста въ горномъ вѣдомствѣ; приэтомъ роль способностей и знаній весьма сомнительна, между ними можно встрѣтить людей, которыхъ способности такъ незначительны, что невозможно найти прикащика или управляющаго частнымъ дѣломъ хотя бы сколько-нибудь значительной умственной силы. Но если степень дѣятельности и способностей въ горномъ вѣдомствѣ

не высока, зато-же тамъ царствуетъ удивительное единодушіе, они всѣ кажется вылиты по одной формѣ, вмѣстѣ съ ихъ обширными связями; это придаетъ имъ такую большую силу, что они нетолько передѣлывали по-своему высшихъ лицъ мѣстной администраціи, но и укрощали ревность къ общественному благу въ мировыхъ посредникахъ. Явится напр. губернаторъ либералъ, врагъ тѣлесныхъ наказаній, преслѣдователь зла, объѣдетъ горный округъ и убѣдится, что безъ тѣлесныхъ наказаній обойтись нельзя, что они необходимы — инженеры сильны, противодѣйствовать имъ опасно, дѣйствуя же въ ихъ духѣ можно только выиграть. Съ освобожденіемъ крестьянъ нанесенъ былъ первый чувствительный ударъ горной организаціи, патронатъ ихъ уменьшился, многочисленное населеніе крестьянъ, бывшее въ ихъ власти и управляемое ими почти неограниченно посредствомъ управителей, отошло подъ управленіе мировыхъ посредниковъ, управители остались за штатомъ, роскошь въ горномъ вѣдомствѣ уменьшилась. Властолюбіе овладѣло въ это время мировыми посредниками, имъ хотѣлось потягаться съ горнымъ вѣдомствомъ, но попытка оказалась совершенно неудачною; внѣ предѣловъ тѣхъ мѣстностей, которыя совершенно изъяты были отъ горнаго вліянія и составляли отрѣзанный ломоть, ихъ побѣды были весьма незначительны; какая-нибудь отмѣна въ глухихъ мѣстахъ отяготительной почтовой повинности,—вотъ все, что имъ удалось сдѣлать; но и это до крайности раздражало горное вѣдомство. Посредствомъ своихъ связей они парализировали губернаторовъ и заставляли ихъ дѣйствовать въ своемъ направленіи, —тѣмъ же оружіемъ они подчинили себѣ мировыхъ посредниковъ, мировые посредники, не безъ ропота, низошли до простыхъ исполнителей. Рабочій, надъ которымъ такая могучая организація, чувствуетъ себя совершенно беззащитнымъ, сознаніе его слабости такъ велико, что оно одно въ состояніи было бы довести до отчаянія. Произвольная власть горныхъ чиновниковъ надъ крестьянами и рабочими была такъ велика, что она вполнѣ равнялась помѣщичьей, крестьяне такъ мало видѣли разницы между помѣщикомъ и горнымъ начальникомъ, что они горнаго начальника называли своимъ бариномъ, точно также, какъ крѣпостные помѣщика, — это названіе впослѣдствіи перешло на мировыхъ посредниковъ. Впечатлѣніе до такой степени было аналогическое, что когда я жилъ въ горныхъ мѣстностяхъ мнѣ неоднократно приходило въ голову, что жестокій помѣщикъ дѣлаетъ несчастными сотни людей, а жестокій чиновникъ десятки тысячъ. Послѣ освобожденія крестьяне и рабочіе надѣялись, что все перемѣнится; оказалось однакоже, что надежды ихъ обманули, чиновники попрежнему могли дозволять себѣ тѣлесныя наказанія. Еслибы горный рабочій былъ человѣкъ настолько же оглупленный, насколько онъ униженъ, то это порождало бы въ немъ только апатію, распущенность и безконечное раболѣпіе; изъ него создались бы такіе субъекты, какихъ такъ часто можно видѣть между нашими крестьянами. Но въ томъ-то и дѣло, что заводскіе рабочіе— интеллигенція между рабочимъ классомъ, крестьяне глядятъ на нихъ съ завистью; «они лучше насъ», говорятъ земледѣльцы. Они дѣло знаютъ весьма

нерѣдко лучше инженера †); они чувствуютъ, что они—сила и трудовая, и интеллектуальная на заводѣ, въ промыслѣ и на рудникѣ, а между тѣмъ изъ нихъ все-таки хотятъ, сдѣлать послѣднихъ изъ смертныхъ, безмолвную машину, слѣпое орудіе; хотятъ, чтобы тамъ, гдѣ нужно соображеніе и ловкость, въ нихъ проявлялись эти качества, а тамъ, гдѣ эти качества будутъ работать не въ пользу горнаго вѣдомства, чтобы они молчали. Все это можетъ быть еще не въ такой степени возбуждало бы протестъ со стороны работника, еслибы въ средѣ самихъ работниковъ не было защитниковъ существующаго порядка вещей. Существуетъ цѣлая толпа подчиненныхъ лицъ, смышленыхъ, ловкихъ и изворотливыхъ, которые пользуются расположеніемъ начальства и наживаются насчетъ дѣла и насчетъ своего брата рабочаго. Этотъ сообразительный народъ вполнѣ постигъ корпоративный духъ организаціи; онъ съ такой же ловкостью умѣетъ обойти своего начальника, съ какою онъ его защищаетъ передъ работниками; смѣлость ихъ часто изумительна, и чтобы получить понятіе о томъ, до какихъ она доходитъ чудовищныхъ размѣровъ, нужно поговорить въ откровенную минуту съ ихъ женами: «Я была совершенно глупа и ничего не знала»,—разсказывала мнѣ однажды красивая подруга жизни подобнаго господина; — «когда я вышла за него замужъ онъ меня рядилъ, угощалъ, я ничего не дѣлала и у меня была прислуга; но когда я узнала, что онъ дѣлаетъ и какъ къ намъ въ домъ идутъ деньги, я не знала покою ни днемъ, ни ночью; когда ночью у насъ отворялись ворота, я вся дрожала какъ листъ, а онъ былъ совсѣмъ спокоенъ, смѣялся и говорилъ, что опаснаго тутъ ничего нѣтъ, что ему за это никогда ничего быть не можетъ, что его выручатъ». — «Они были отчаянные,—прибавила она шопотомъ,—говорили, что они убили человѣка — я съ горя стала пить и сдѣлалась пьяницею.» Эти говоруны, старающіеся постоянно сбить съ толку рабочихъ и расположить ихъ поддаваться возможно большей эксплуатаціи, всего болѣе раздражаютъ рабочихъ; чѣмъ болѣе ихъ вліяніе на слабохарактерныхъ и тупоумныхъ, тѣмъ болѣе накипаетъ злобы на душѣ у тѣхъ, которые видятъ ихъ насквозь. Не будь этихъ людей, рабочій видѣлъ бы свое безвыходное положеніе, но молчалъ, какъ молчитъ всякій практическій человѣкъ, который чувствуетъ себя дотого слабымъ, что онъ движеніемъ можетъ сдѣлать себѣ только хуже; но его постоянно дразнятъ тѣмъ, что восхваляютъ его положеніе какъ какое-то оказанное ему благодѣяніе; одаренный отъ природы и талантомъ и остроуміемъ, развитый постоянною жизнью въ обществѣ, онъ не можетъ сдержать своихъ умственныхъ проявленій, и какъ грибы выростаютъ юмористическія пѣсенки и памфлеты, ихъ такъ много, что изъ нихъ

†) У насъ нерѣдко жалуются на недостатокъ искусныхъ горныхъ рабочихъ, и это совершенно справедливо, если говорить не о рутинной работѣ, а о работѣ, какъ она производится въ цивилизованныхъ государствахъ; уральскіе рабочіе не имѣютъ возможности путешествовать заграницею и совершенствоваться тамъ, такъ что этого отъ нихъ и требовать нельзя: но свою рутинную работу они знаютъ лучше инженеровъ и превосходятъ ихъ смѣтливостью и ловкостью.

можно было бы составить преинтересную книгу, которая бы охарактеризовала слабости заводскаго управленія лучше, чѣмъ правительственные отчеты; — весьма убѣдительное доказательство, что вліяніе рабочихъ на управленіе заводами не осталось бы безъ пользы: мы все знаемъ, говорятъ рабочіе, отъ насъ иголки не утаишь въ заводѣ. Эти люди, одни способны знать настоящее положеніе дѣлъ въ заводѣ и раскрывать всѣ его тайны, они дотого составляютъ всю суть завода, что заводскія дѣла нерѣдко шли своимъ порядкомъ и при невѣжественномъ и незанимавшемся дѣломъ инженерѣ; въ этомъ случаѣ на заводѣ господствовало въ извѣстномъ смыслѣ самоуправленіе, т. е. заводъ управлялся самъ собою или лучше сказать обходился безъ всякаго управленія. Извѣстно, что во время Пугачева уральскіе заводы дѣйствовали безъ всякаго участія горнаго начальства. Только человѣкъ совершенно незнакомый съ заводской жизнью можетъ считать утопическою идею управленія заводовъ рабочими. Можетъ быть, рабочіе не всегда способны съ успѣхомъ управлять государствомъ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: для того, чтобы вѣрно опредѣлить нужды государства, необходимо имѣть понятіе о международной политикѣ, человѣку, который не знаетъ даже, какія государства въ международномъ союзѣ, трудно оградить себя отъ заблужденій: но какимъ образомъ можно сказать, чтобы рабочій не былъ способенъ управлять фабрикою и заводомъ, когда онъ и его потребности и все, что на немъ дѣлается, знаетъ гораздо лучше чѣмъ капиталистъ; такъ какъ все, что дѣлается на заводѣ, есть результатъ его работы, то онъ теперь уже знаетъ лучше капиталиста, какое значеніе имѣютъ на заводѣ матеріалъ и трудъ и что̀ изъ этого происходитъ; если онъ будетъ имѣть малѣйшій интересъ знать все до мельчайшихъ подробностей, то онъ даже безъ всякихъ усилій достигнетъ этой цѣли, уже изъ однихъ разговоровъ; точно также какъ офицеры постоянно говорятъ о казармахъ и ученіи, а чиновники о службѣ, рабочіе постоянно говорятъ о заводскихъ дѣлахъ, и, находясь постоянно вмѣстѣ съ утра до вечера, они обо всемъ переговорятъ до мельчайшихъ подробностей. При такихъ условіяхъ духъ самостоятельности въ рабочихъ былъ конечно весьма опасенъ для горнаго вѣдомства и духъ смиренія долженъ былъ быть привитъ къ нимъ во что бы то ни стало, если нельзя иначе, то посредствомъ розогъ, тюрьмы и каторги. Дерзкіе памфлетисты и сочинители подвергались, какъ говоритъ молва, въ особенности въ прежнее время, нетолько наказаніямъ, но жестокимъ истязаніямъ; про одного сочинителя памфлета разсказываютъ невѣроятную вещь, увѣряютъ будтобы его наказывали пока онъ съѣлъ свое произведеніе. Свой взглядъ на необходимость смиренія между рабочими горное вѣдомство распространяетъ и между частными владѣльцами фабрикъ, заводовъ и промысловъ; могучимъ орудіемъ распространенія этого духа являются горные исправники, ревизоры и пр. и горные инженеры, которые управляютъ частными заведеніями. Розги и тому подобныя орудія смиренія на фабрикахъ и заводахъ могутъ быть полезны развѣ только для плутовъ, казнокрадовъ и эксплуататоровъ, которымъ онѣ помогаютъ скрывать свои преступленія; людямъ же, желающимъ развить въ рабочихъ трудолюбіе и искусство, онѣ должны казаться весьма вредными, онѣ развиваютъ въ

рабочихъ какой-то отчаянный духъ, который заставляетъ ихъ стремиться къ распущенности, лѣни и пьянству, несмотря ни на какія препятствія. Онѣ дѣйствуютъ еще хуже, чѣмъ бездомная одинокая жизнь, которая дѣлаетъ такъ много вреда нашему рабочему люду; у домовитаго рабочаго, который пользуется какимъ-нибудь благосостояніемъ, много свободнаго времени уходитъ на то, чтобы устроить свою семью и свое хозяйство, затѣмъ ему хочется насладиться результатомъ своихъ заботъ, т. е. одѣться порядочно и съ женой церемонно отправиться въ гости, тутъ онъ если и выпьетъ, то несравненно умѣреннѣе, онъ не будетъ безобразничать на улицѣ, шумѣть или пѣть, а постарается возвратиться домой съ тѣмъ же достоинствомъ, какъ и пришелъ; если ему случится не соразмѣрить свои силы и выпить слишкомъ много, то хозяинъ не отпуститъ его домой, онъ найметъ извощика и отправитъ такъ, чтобы съ нимъ не могло случиться ничего унизительнаго. Подобные рабочіе несравненно рѣже попадаются въ полицію за пьянство, чѣмъ мелкіе писцы и чиновники. Русскихъ, пріѣзжающихъ въ Парижъ, поражаетъ отсутствіе пьяныхъ на улицѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что тоже будетъ у насъ, если работнику не будетъ грозить тѣлесное наказаніе и съ нимъ будутъ обращаться съ достоинствомъ. Въ Пермской губерніи есть уже такіе рабочіе, уменьшеніе ихъ числа посредствомъ тѣлеснаго наказанія и недостойнаго обращенія это — возмутительное варварство. Розгами нельзя заставить ни учиться, ни работать; мнѣніе, что количество знаній у ученика можно увеличить посредствомъ розогъ, такъ же ложно, какъ мнѣніе, что розгами можно увеличить количество труда; ученики того училища будутъ больше знать, гдѣ учителя, при большихъ свѣдѣніяхъ, больше ими занимаются, тотъ рабочій классъ будетъ больше работать, который пользуется большимъ благосостояніемъ. Если въ войскахъ, гдѣ требуется дисциплина, признаніе нештрафованнаго солдата неподлежащимъ тѣлесному наказанію принесло у насъ такую пользу, то какъ же не признать на фабрикѣ, гдѣ военная дисциплина есть смертельный ударъ для промышленной производительности, рабочаго изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія на томъ же основаніи, какъ потомственныхъ дворянъ и пр.? Военная дисциплина и тѣлесное наказаніе приводятъ въ горномъ вѣдомствѣ нерѣдко къ тому, что рабочій получаетъ вознагражденіе несоразмѣрно съ своимъ трудомъ, а соразмѣрно съ своимъ раболѣпіемъ и податливостію.

Есть еще одна точка зрѣнія, съ которой нужно взглянуть на горное производство. Для успѣха всякаго промышленнаго предпріятія необходимо обиліе средствъ производства, или, какъ выражаются обыкновенно промышленники, обиліе капитала. Нужно, чтобы на заводѣ все покупалось вовремя и дешево и продавалось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Для этого нужны неограниченное довѣріе къ заводу и деньги, какъ лучшій представитель довѣрія въ торговлѣ. Между тѣмъ казенные заводы не имѣютъ довѣрія съ той стороны, съ которой оно всего больше необходимо, а именно со стороны капиталиста, т. е. казны. Инженеры жалуются на казну, что они никогда не получаютъ капиталъ въ томъ размѣрѣ, какъ онъ нуженъ, и тогда, когда онъ нуженъ, а казна, имѣющая всегда самое смутное понятіе объ истинныхъ по-

требностяхъ завода, не рѣшается тратить деньги очертя голову. Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, судить не намъ, но только дѣло не двигается.

Передача въ руки рабочихъ всѣхъ казенныхъ заводовъ и промысловъ — единственное средство для казны, чтобы получить вѣрное понятіе о томъ, что въ нихъ дѣлается, и о настоящихъ ихъ оборотахъ. Это дѣло уже въ настоящее время нельзя считать невозможнымъ, а если позаботиться о томъ, чтобы рабочіе пріобрѣли свѣдѣнія въ счетоводствѣ, то дѣло сдѣлается какъ нельзя лучше. Если работники будутъ выбирать управляющаго дѣломъ, то можно надѣяться, что назначеніе по способностямъ и знаніямъ горнаго дѣла замѣнитъ назначеніе по протекціи. Рабочіе, хотя и знаютъ дѣло, а нѣкоторые имѣютъ въ немъ большую опытность, но все-таки научныя ихъ свѣдѣнія недостаточны, и они будутъ чрезвычайно довольны, если инженеръ посредствомъ науки оплодотворитъ ихъ рутину. Если рабочіе будутъ заинтересованы въ успѣхѣ дѣла, то они лучше кого-либо оцѣнятъ дѣйствительную пользу для дѣла инженера; знаніе, одаренное проницательностью и умомъ, всегда будетъ плѣнять ихъ, но безтолковая ученость тупоумнаго человѣка, которая такъ часто сбиваетъ образованныхъ людей, въ особенности если она одарена извѣстнаго рода краснорѣчіемъ, не будетъ имѣть на нихъ вліянія. Успѣхъ нетолько этого дѣла, но вообще всей горной промышленности въ Россіи, тѣсно связанъ съ уничтоженіемъ горной организаціи. Эта военная организація можетъ-быть была бы весьма способна истребить враговъ, которые вздумали бы налетѣть съ Ледовитаго моря, но производить она вовсе не способна. Она такъ сильна, что до тѣхъ поръ, пока она будетъ царить надъ горною промышленностью, будетъ царить тамъ непотизмъ, а знаніе и способности не будутъ имѣть надлежащаго значенія. Богатства, положенныя природою въ русскую землю, останутся неразработанными, и даже никто не будетъ знать, велики ли они или малы. Для того, чтобы распахнуть двери этого очарованнаго храма и войти, нужна не организація, служащая только къ тому, чтобы скрывать свои слабости, а конкуренція и соперничество, способныя раскрыть и устранить ихъ. Пока эта организація будетъ существовать, до тѣхъ поръ самостоятельность рабочаго и облегченіе его жалкой участи положительно невозможны. Трудолюбія и предпріимчивости рабочаго не будетъ существовать; невозможны ни успѣшный трудъ, ни успѣшное оплодотвореніе его кредитомъ и капиталомъ. Если предположить, что правительствомъ сдѣланы всѣ улучшенія, которыя согласимы съ казеннымъ управленіемъ, то и въ такомъ случаѣ улучшенія быта рабочихъ и болѣе нормальнаго производства нельзя ожидать до тѣхъ поръ, пока казна будетъ стараться извлечь изъ промысловъ возможно болѣе дохода; результатъ будетъ всегда тотъ, что и рабочіе будутъ въ жалкомъ положеніи и дохода она не получитъ. Положимъ, что первый врагъ успѣха промышленности, военная дисциплина и военная организація, будетъ уничтоженъ, все главное мѣстное управленіе, всѣ главныя конторы, горные исправники и ревизоры будутъ упразднены, останутся одни управители промыслами и заводами, а частные заводы будутъ подчинены общимъ властямъ, какъ въ финансовомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; положимъ далѣе, что изъ рабочихъ каж-

даго завода будетъ составлена артель, которая будетъ пользоваться барышами и соотвѣственно этой цѣли будетъ имѣть нужное вліяніе на управленіе, для разбора недоразумѣній между рабочими и капиталистами и представителями казны будутъ существовать независимые судьи: но даже и въ такомъ случаѣ неужели возможно ожидать, чтобы центральное управленіе, опасаясь за свои доходы, не оказывало покровительства своимъ управляющимъ изъ Петербурга, а мѣстныя власти, изъ желанія угодить этому покровительству, не стали бы дѣйствовать въ пользу управителей и во вредъ рабочимъ? Отношенія между властями, управителями и рабочими будутъ тѣ же какъ и теперь или какія были въ покойномъ откупѣ, гдѣ всякій служащій былъ чуть не въ крѣпостномъ владѣніи откупнаго управленія. Наконецъ ни въ какомъ случаѣ не возможно ожидать, чтобы казна отдалась своимъ управителямъ или даже рабочимъ съ такою неограниченною довѣренностью, чтобы они снабжались во всякое время капиталомъ, необходимымъ для самаго выгоднаго производства. При такихъ обстоятельствахъ самымъ лучшимъ исходомъ оказалось бы слѣдующее. Казна могла бы довѣриться исключительно однимъ рабочимъ и снабдить ихъ надлежащимъ для производства капиталомъ. Еслибы она на это не рѣшилась, то она могла бы учредить банкъ и снабдить его правомъ выпускать безпроцентныя кредитныя бумаги, отличныя отъ кредитныхъ билетовъ государственнаго казначейства, и посредствомъ этихъ бумагъ снабдить заводы и промыслы нужнымъ оборотнымъ капиталомъ. Для того, чтобы билеты эти могли ходить al pari съ цѣнными деньгами, необходимо, чтобы уплата ихъ была вполнѣ обезпечена залогами. Залогомъ можетъ служить всякое достаточное для этого имущество, какъ казенное, такъ и частное съ тѣмъ условіемъ, чтобы залогодатель обезпечилъ работникамъ заработную плату, минимумъ которой должны быть напр. двѣсти рублей въ годъ. Мы видѣли, что эта плата недостаточна для того, чтобы доставить работнику возможность охранять себя и свое семейство отъ нужды, порождающей болѣзни и преждевременную смерть. Я не могу безъ великой грусти подумать о томъ, что мнѣ пришлось указать на такой жалкій и неудовлетворительный минимумъ, но я вынужденъ къ этому опасеніемъ, чтобы меня не упрекнули въ излишней требовательности, указывая на офиціальныя данныя о доходахъ съ горныхъ производствъ; такъ напр. въ памятной книжкѣ Пермской губерніи на 1863 годъ показано, что чугуноплавильные, чугунолитейные и желѣзодѣлательные заводы съ числомъ рабочихъ въ 64,050 человѣкъ выработали произведеній на 14,864,578 р. $6^1/_2$ коп.; если на каждаго рабочаго положить по двѣсти рублей платы въ годъ, то придется заплатить рабочимъ 12,810,000 руб. Конечно цифра, приведенная въ памятной книжкѣ оцѣниваетъ произведенія заводовъ слишкомъ низко. По моему разсчету, если увеличить заработную плату до двухсотъ рублей серебромъ въ годъ, то фабрики и заводы Пермской губерніи, не терпящіе недостатка въ капиталѣ и не страдающіе отъ дурнаго управленія, все-таки еще будутъ давать барыша отъ пятнадцати до двадцати пяти процентовъ въ годъ. Впрочемъ даже и по современнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ двѣсти рублей окажутся во многихъ случаяхъ слишкомъ низкимъ минимумомъ; такъ

напр. по свѣдѣніямъ о добычѣ шлихового золота въ Пермской губерніи въ 1863 году на казенныхъ пріискахъ приходится на каждаго рабочаго до 550 руб. сер., а на частныхъ до 300 рублей. За тотъ же годъ, по производству желѣза на казенныхъ заводахъ Екатеринбургскаго округа приходится около четырехъ сотъ рублей на рабочаго. Во всѣхъ же отрасляхъ чугуннаго и желѣзнаго производства приходится среднимъ числомъ на рабочаго по триста семьдесятъ рублей серебромъ. По производству мѣди на каждаго рабочаго приходилось 520 рублей. Въ этихъ случаяхъ возможно было бы опредѣлить минимумъ въ двѣсти пятьдесятъ рублей, который далъ бы работникамъ дѣйствительно нѣкоторое обезпеченіе. Еслибы не удалось такимъ путемъ уменьшить плату за услуги капиталистовъ въ такой степени, что она не была бы обременительна для работниковъ, еслибы эта плата напр. составляла около шести процентовъ или даже болѣе, т. е. столько, сколько нынѣ платятъ капиталисты за чужіе залоги, то общество уже не можетъ оставаться спокойнымъ зрителемъ, потому что послѣдствіемъ этого будетъ одно изъ двухъ: или работникъ будетъ бѣдствовать, или общество будетъ терять отъ дороговизны произведеній. Слѣдуетъ принять новыя мѣры, способныя привлечь залоги, успокоивая капиталистовъ насчетъ ихъ безопасности; должно напр. изслѣдовать положеніе заводовъ и промысловъ, привести въ извѣстность количество убытковъ понесенныхъ залогами; если убытки дѣйствительно оправдываютъ такой высокій процентъ, то принять мѣры къ устраненію этихъ убытковъ,—столь значительные убытки могутъ происходить только или отъ дурнаго управленія или отъ неэкономическаго направленія производительныхъ силъ. Еслибы оказалось, что не убытки побуждаютъ капиталистовъ требовать высокій процентъ на свой залоговый капиталъ, а желаніе чрезмѣрно много пріобрѣтать, и что они не спускаютъ цѣны несмотря на извѣстную имъ незначительность убытковъ, то слѣдуетъ побуждать ихъ къ этому другими практическими мѣрами, напр. призвать на поле битвы конкуренцію иностранныхъ капиталистовъ, объявляя имъ результаты изслѣдованія и предлагая имъ представлять въ залогъ свои капиталы. Можно учредить другой банкъ и обезпечивающее его кредитные знаки страховое общество, которое бы платило всѣ убытки отъ производства, и такимъ образомъ низвести процентъ на капиталъ до цифры, которая дѣйствительно необходима въ качествѣ страховой преміи. Дѣйствуя, какъ дѣйствуютъ люди благоразумные, общество имѣетъ тысячу средствъ облегчить участь рабочаго и разсѣять непроходимую тьму и хаосъ, господствующіе въ промышленности вслѣдствіе деспотической власти надъ нею капитала. Въ средніе вѣка старались водворить порядокъ въ государствѣ тѣмъ, что отдавали немногимъ счастливцамъ весь народъ въ полную зависимость, но изъ этого вышли не порядокъ, а анархія и нескончаемыя смуты. Нынѣ отдаютъ произведенія труда народа въ неограниченное распоряженіе немногихъ капиталистовъ, и результатъ—это нескончаемая вражда между высшими и низшими классами народа, безпорядки, революціи и дорогое производство. Безпроцентный кредитъ дѣйствительно весьма опасенъ въ рукахъ непроизводительныхъ, но въ рукахъ производителей онъ только устраняетъ неудобства раздѣленія труда. Когда человѣкъ все производитъ самъ для себя, онъ не нуждается въ ка-

питалѣ и не платитъ процентовъ, такъ какъ онъ запасы на время работы дѣлаетъ самъ, когда же является раздѣленіе труда, тогда оно съ одной стороны увеличиваетъ производительную силу человѣка, а съ другой дѣлаетъ для него необходимымъ промышленный кредитъ, т. е. довѣріе къ нему другихъ производителей, отъ которыхъ онъ можетъ получить запасъ. Если кредитъ этотъ полный, т. е. довѣріе это не меньше того, которое человѣкъ имѣетъ самъ къ себѣ во время производства безъ раздѣленія труда, или, что все равно, если кредитъ этотъ безпроцентный, въ такомъ случаѣ производитель и общество выигрываютъ отъ раздѣленія труда все, что можно отъ него выиграть. Пока работникъ не имѣетъ полнаго довѣрія, т. е. безпроцентнаго кредита, а для производства нуженъ капиталистъ, дающій работнику возможность работать безъ кредита, до тѣхъ поръ промышленность должна считаться въ младенческомъ состояніи, ибо въ Европѣ произведенія труда отъ этого стоютъ покупателямъ въ четыре раза дороже, а работники чуть не умираютъ отъ голода,—это то же полудикое состояніе, въ которомъ находилась архитектура, когда человѣкъ вмѣсто прямыхъ стѣнъ зданій выводилъ усѣченные конусы и пирамиды. Если безпроцентный кредитъ считается дозволеннымъ средствомъ для войны и для непроизводительнаго употребленія государствомъ, то въ немъ конечно нельзя отказать, когда онъ требуется для цѣлей производительныхъ. Безпроцентный кредитъ подъ залоги капиталистовъ будетъ имѣть еще то преимущество, что онъ заинтересуетъ въ этомъ дѣлѣ капиталистовъ, давая ихъ капиталамъ болѣе обширное поле дѣятельности, и тѣмъ уменьшитъ сопротивленіе съ ихъ стороны и облегчитъ осуществленіе идеи товарищества между ними и рабочими.

Я не буду указывать на дальнѣйшіе пути, которыми можно достигнуть цѣли, мы имѣемъ дѣло не съ желѣзомъ и не съ деревомъ, которыя дѣйствуютъ въ машинѣ по законамъ механики, мы имѣемъ дѣло съ человѣческимъ организмомъ, съ организмомъ столь сложнымъ и измѣняющимся, что относительно его точные разсчеты возможны лишь въ весьма немногихъ случаяхъ, тутъ можно указывать только на направленія, въ которыхъ слѣдуетъ дѣйствовать; стремленія указать на всѣ могущіе встрѣтиться случаи обыкновенно приводили къ тому, что ни одинъ изъ предвидѣнныхъ случаевъ не встрѣчался, а встрѣчались совершенно непредвидѣнные; политическое и соціальное прожектерство возбуждало только смѣхъ, между тѣмъ какъ раскрытіе недостатковъ политическаго и соціальнаго быта и указаніе на направленія, въ которыхъ они могли быть исправлены, всегда было въ высшей степени поучительно. Я убѣжденъ, что читатель пойметъ меня именно такъ, какъ я желалъ быть понятымъ. Вся моя цѣль была указать научныя начала и пути; если я принялъ такой способъ изложенія, который иногда напоминалъ проектъ, то это только для наглядности и осязательности сказаннаго. Если выработать примѣненіе этихъ началъ до степени проекта, способнаго гарантировать и успѣхъ производства и улучшеніе быта рабочихъ, то нужно было бы написать цѣлую книгу, наполненную такими подробностями, что она сдѣлалась бы недоступна для публики. Анализируя далѣе вознагражденіе, получаемое нашимъ фабричнымъ и заводскимъ рабочимъ, мы видимъ, что поштучная работа обык-

новенно служитъ для капиталиста точно такимъ же орудіемъ притѣсненія рабочаго, какъ и принужденіе брать отъ него вмѣсто денегъ продукты натурою. При поштучной работѣ заработная плата опредѣляется обыкновенно такимъ образомъ: берется средняя поденная заработная плата обыкновеннаго постояннаго работника, напр. 25 коп. сер.; потомъ наблюдаютъ, сколько работникъ можетъ сдѣлать въ день, но не обыкновенный работникъ, а хорошій работникъ и при усиленномъ трудѣ, и поштучная плата опредѣляется такимъ образомъ, чтобы подобный работникъ могъ вырабатывать только среднюю поденную плату. Вслѣдствіе этого средняя поштучная плата всегда ниже средней заработной платы и иногда такъ низка, что жить для работника совершенно невозможно; такъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ средняя мѣсячная поденная плата шесть рублей, средняя поштучная плата составляетъ четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ. Поштучная плата бываетъ на сорокъ пять и даже на пятьдесятъ пять процентовъ ниже поденной; мы видѣли, что средней поденной платы въ Пермской губерніи иногда работнику недостаточно, чтобы кормить свое семейство ржанымъ хлѣбомъ, въ какомъ же ужасномъ положеніи находится тотъ, кто получаетъ вдвое меньше! Положеніе этихъ несчастныхъ болѣе жалко, чѣмъ положеніе самаго жалкаго земледѣльца. Неужели однакоже изъ этого слѣдуетъ, что нужно уничтожить поштучную плату. Поденная плата это самое грубое вознагражденіе за трудъ, она не принимаетъ въ соображеніе ни искусства, ни трудолюбія, она дѣйствуетъ на работника деморализирующимъ образомъ и соблазняетъ его къ лѣни. Съ развитіемъ промышленности поштучная работа все болѣе и болѣе беретъ верхъ надъ поденной; въ Англіи она господствуетъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и ея результатъ таковъ, что работники при этомъ такъ развиваютъ свои способности и свою ловкость, что хорошіе работники заработываютъ вчетверо больше плохихъ. Поштучная работа не должна быть уничтожена, всякій человѣкъ имѣетъ несомнѣнное и святое право сохранять свою индивидуальность, поштучная работа есть единственное средство, которое имѣетъ работникъ, чтобы на фабрикѣ и заводѣ продолжать быть отдѣльнымъ лицомъ; мало этого, поштучная работа должна быть совершенствуема, всякое достоинство въ работникѣ должно быть цѣнимо. Работникъ—это не рабочій скотъ, съ лошадью можно дѣйствительно такъ поступать; задалъ ей овса пока она наѣстся досыта и работай на ней, сколько у нея силъ хватитъ. Къ несчастью у насъ слишкомъ много людей, которые смотрятъ на работника какъ на рабочій скотъ; они полагаютъ, что если работникъ наѣлся досыта или до полусыта, то онъ имѣетъ все, что ему надобно. Подобные люди аргументируютъ такъ, что если работникъ сытъ, то капиталистъ сдѣлалъ все, что отъ него можно требовать, и все остальное должно принадлежать ему. Убѣдить человѣка, что между рабочимъ человѣкомъ и рабочею лошадью есть нѣкоторая разница, весьма не трудно, стоитъ заставить его вообразить себѣ, что человѣка накормили досыта, потомъ запрягли и проѣхали по людной улицѣ похлыстывая кнутомъ. Тогда подобный господинъ увидитъ, что въ рабочемъ есть что-то, чего въ лошади нѣтъ, это что-то есть человѣческое достоинство. Для того, чтобы рабочій могъ заставить уважать это че-

ловѣческое достоинство, природа сдѣлала его исключительнымъ и неограниченнымъ властелиномъ надъ его трудомъ и его способностями; какъ скоро общество отдаетъ человѣка и его трудъ во власть другому и оскорбляетъ этимъ его достоинство, онъ мститъ тѣмъ, что не развиваетъ въ трудѣ ни своей энергіи, ни своихъ способностей. Поэтому общество, поступая такимъ образомъ, нетолько дѣлаетъ дурно, но и неразсчетливо. Итакъ уничтожать поштучную работу значитъ уничтожать человѣческую индивидуальность, а оставить неприкосновеннымъ источникъ несправедливой оцѣнки этой работы значитъ сравнять работника съ рабочею лошадью. Вотъ одна изъ самыхъ важныхъ причинъ, почему управленіе фабриками, заводами и промыслами слѣдуетъ, при первой возможности, передать изъ рукъ капиталистовъ въ руки рабочихъ; для капиталиста оцѣнить справедливо трудъ рабочихъ точно такъ же невозможно, какъ это невозможно было для рабовладѣльца относительно труда раба; одни капиталисты употребятъ свое вліяніе для притѣсненія работниковъ въ этомъ случаѣ, и тогда другіе волею или неволею должны будутъ послѣдовать ихъ примѣру для того, чтобы не обанкротиться. Кромѣ того, отношеніе между капиталистомъ и работникомъ — холодное, оно основано на одномъ разсчетѣ, имъ русскій человѣкъ выводится на путь, не свойственный его натурѣ; артельная жизнь, не слишкомъ строгій разсчетъ, гдѣ иногда мѣсто денежнаго разсчета заступаетъ уваженіе,—вотъ его настоящая сфера; работникъ приэтомъ не теряетъ ни своей индивидуальности, ни достоинства, заслугу трудно оцѣнить на деньги—онъ для артели сдѣлаетъ изъ уваженія, артель ему за это отплатитъ почетомъ. Поступить такъ же съ капиталистомъ, сдѣлать для него изъ уваженія это значитъ унизить себя, сдѣлать измѣну своимъ товарищамъ, понизить заработную плату, это — раболѣпіе, которое презирается и ненавидится; работникъ тѣмъ бо́льшимъ пользуется уваженіемъ своихъ товарищей, чѣмъ онъ зубастѣе съ капиталистомъ. При такомъ условіи общая работа успѣшно идти не можетъ — капиталистъ нагибаетъ работниковъ эксплуатаціею, работники нагибаютъ его дурной работой, и въ результатѣ выходитъ басня: щука, лебедь и ракъ. Говоря о золотопромышленности, я обратилъ уже вниманіе на несправедливое распредѣленіе заработной платы вслѣдствіе исключительнаго вліянія на дѣло капиталистовъ, все это примѣнимо и къ фабрикамъ и заводамъ, и оказываются еще новыя несправедливости.

Много говорилось у насъ о рутинѣ и невѣжествѣ, господствующихъ въ нашемъ горномъ производствѣ; много говорилось также о необходимости распространенія горнаго образованія для уничтоженія этой рутины. Рутина эта въ нашемъ горномъ дѣлѣ нетолько естественная вещь, но было бы чрезвычайно удивительно, еслибы она не существовала. Люди, которыхъ будущее назначеніе руководить нашимъ горнымъ производствомъ, воспитываются въ школахъ горнаго вѣдомства. Эти школы относятся къ горной корпораціи точно такъ же, какъ іезуитскія школы относятся къ іезуитамъ. Въ нихъ человѣкъ, съ малыхъ лѣтъ, выливается въ ту форму, которая нужна корпораціи, онъ дѣлается для корпораціи человѣкомъ весьма полезнымъ,—насколько

же онъ полезенъ для нашего отечества, всего лучше показываетъ состояніе у насъ горнаго производства и факты вродѣ слѣдующихъ: Обладая на Уралѣ неслыханнымъ заграницею богатствомъ желѣза, мы должны видѣть, что желѣзное производство у насъ приходитъ въ упадокъ. По статистическимъ даннымъ Временника Россійской Имперіи, производство желѣза у насъ уменьшилось съ 1860 по 1863 годъ болѣе чѣмъ на шестнадцать процентовъ, а на казенныхъ заводахъ болѣе, чѣмъ на двадцать пять. Къ чему мы придемъ идя такимъ образомъ въ то время какъ желѣзо есть основаніе всякаго промышленнаго прогресса? Съ Положеніемъ 19 февраля производство желѣза должно было у насъ увеличиться, потому что свободный трудъ производительнѣе; дороговизна этого труда не могла быть причиною уменьшенія производства, потому что дешевизна его, какъ видно было изъ предъидущаго, переступаетъ всѣ предѣлы благоразумія: семейный работникъ получаетъ такъ мало, что онъ не можетъ питаться достаточно даже однимъ чернымъ хлѣбомъ; меньше трудъ не можетъ стоить даже и крѣпостной и рабскій. Какая же причина уменьшенія? Причина эта—горная организація, которая воспитываетъ своихъ членовъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ и порождаетъ въ нихъ единодушіе, безпримѣрное въ исторіи; утверждаютъ, что корпорація была недовольна указомъ 19 февраля, что ей было выгодно, если послѣдствія этого указа окажутся неблагопріятными для промышленности; и вотъ, можетъ быть, по этой причинѣ они оказались таковыми. Еслибы указомъ 19 февраля заводскіе рабочіе обращены были въ каторжныхъ, то производство можетъ быть и увеличилось бы. Во всякомъ случаѣ, если уменьшеніе зависѣло отъ того, что горная организація не съумѣла воспользоваться болѣе производительнымъ свободнымъ трудомъ для увеличенія производства. какъ имъ пользуется частная промышленность въ Россіи и всюду заграницей, то это опять-таки доказываетъ, что отмѣна горной организаціи необходима для развитія горной производительности. Если мы хотимъ изъ спеціальныхъ свѣдѣній, относящихся до горнаго дѣла, сдѣлать двигателя нашей промышленности, а не орудіе, которымъ движеніе это задерживается, то слѣдуетъ начать съ уничтоженія всѣхъ школъ, отданныхъ въ распоряженіе горнаго вѣдомства; онѣ всегда будутъ проникнуты духомъ горной корпораціи, а духъ этотъ столько же гибеленъ для нашей промышленности, какъ былъ духъ виннаго откупа. Чтобы горныя свѣдѣнія на Уралѣ дѣйствительно принесли ту пользу, которую они могутъ принести, необходимо, чтобы они были такъ распространены, чтобы производили конкуренцію въ большихъ размѣрахъ; какихъ-нибудь полтораста учащихся горному дѣлу въ странѣ, гдѣ горное производство занимаетъ до двухсотъ тысячъ рабочихъ, — это чрезвычайно мало. Въ губерніяхъ, гдѣ тянется Уральскій хребетъ, главное богатство—это земледѣліе, затѣмъ лѣсоводство и горная промышленность, и наконецъ обработка продуктовъ лѣсныхъ, животныхъ и винокуреніе. Слѣдовательно нужныя свѣдѣнія для края: математика, химія, минералогія и отчасти ботаника и зоологія и приложенія этихъ наукъ — математики къ механикѣ, химіи и механики къ горному дѣлу, къ земледѣлію, къ кожевенному производству, винокуренію и пр., ботаники и

зоологіи къ земледѣлію, скотоводству и лѣсоводству. Эти свѣдѣнія и должны составлять главный предметъ преподаванія въ гимназіяхъ этихъ губерній, а кромѣ теологіи и въ семинаріяхъ. Если ученики этихъ заведеній будутъ употреблять на изученіе этихъ предметовъ восемь изъ каждыхъ десяти часовъ занятій, то они уже въ теченіе курса могутъ достаточно научиться. Главное же вниманіе должно быть обращено на библіотеки и ученыя пособія, онѣ гораздо важнѣе самаго преподаванія. Такимъ образомъ только въ этихъ губерніяхъ будетъ до двухъ тысячъ учащихся горному дѣлу. Такое скопленіе знающихъ дѣло людей въ провинціи чрезвычайно полезно для развитія той отрасли, въ которой оно встрѣчается и дѣйствительно приводитъ къ тому, что отрасль эта удерживается на той же точкѣ совершенства, на которой она находится заграницею. Такъ я имѣлъ случай наблюдать накопленіе медиковъ въ Казани, оно пробудило энергическую жизнь въ этой наукѣ, которая тамъ совершенно омертвѣла; потокъ прогресса такъ усилился, что потопилъ большинство профессоровъ, они оказались отсталыми и замѣнены были болѣе современными. Я знаю, что рутинеры будутъ говорить, что я хочу убить просвѣщеніе и создать узкихъ спеціалистовъ. Поглотить всю науку нельзя, она состоитъ изъ тридцати милліоновъ томовъ; если человѣкъ будетъ знать отдѣлы такихъ разнородныхъ наукъ, какія исчислены выше, то онъ будетъ вовсе не спеціалистъ, ему останется получить нѣкоторыя свѣдѣнія въ наукахъ юридическихъ и въ политической экономіи, и онъ будетъ знать все, что нужно человѣку въ означенныхъ губерніяхъ; конечно онъ не будетъ знать безполезнаго хламу, а будетъ знать то, что ему нужно. Для чиновниковъ, для капиталистовъ и для работниковъ въ этихъ мѣстахъ эти свѣдѣнія одинаково необходимы и полезны. Что же касается до рабочихъ на заводахъ, фабрикахъ, то для нихъ, какъ уже объяснено было выше, всего необходимѣе свѣдѣнія въ счетоводствѣ,—тѣ свѣдѣнія, которыхъ имъ всего болѣе не достаетъ для успѣха дѣла при передачѣ имъ заводовъ въ распоряженіе на артельномъ основаніи. Я не буду повторять—что̀ и безъ того всякій знаетъ—свѣдѣніяхъ техническихъ, въ рисованіи и пр. Преобразованія на горныхъ заводахъ—дѣло самой настоятельной необходимости, это единственное условіе, при которомъ горное производство наше можетъ процвѣтать и выйти изъ своего современнаго ненормальнаго положенія. Въ настоящее время въ немъ сосредоточиваются всѣ неудобства монополій. Горные заводы и промыслы находятся у насъ, по большей части, или въ распоряженіи казны или въ распоряженіи знатныхъ и весьма богатыхъ собственниковъ; ни казна, ни эти собственники не имѣютъ возможности водворить порядокъ въ управленіи, привести къ дешевому производству, и вліяніе, которое имѣютъ въ обществѣ ихъ агенты и управляющіе, подаетъ поводъ къ безчисленнымъ притѣсненіямъ надъ рабочими и дѣлаетъ участь ихъ весьма жалкою. Многіе совершенно не заботятся о своихъ богатствахъ, а заботливость другихъ хотя иногда и дѣйствуетъ выгодно на производство, но рабочимъ отъ этого бываетъ даже хуже. Чѣмъ важнѣе горное производство для благосостоянія страны, тѣмъ болѣе оно въ рукахъ монополіи. Изъ всего производящагося въ Россіи желѣза казна производитъ 10%,

Мальцовъ $4^1/_2{}^0/_0$, по исчисленію Тенгоборскаго Демидовы и Яковлевы $25^0/_0$. Чего мы можемъ ожидать отъ производства, находящагося въ подобномъ положеніи, показываетъ его исторія. Еще недавно было то время, когда агенты этихъ производителей, посредствомъ своего могучаго вліянія, такъ стѣснили рабочихъ, что платили имъ въ среднемъ выводѣ въ мѣсяцъ не болѣе трехъ рублей двадцати пяти копѣекъ, и изъ этой платы почти двѣ трети заставляли брать натурою, и на такую сумму несчастные должны были содержать свои семейства; въ тоже время въ острогахъ Пермской губерніи одна пища для арестантскихъ семействъ обходилась въ три рубля шестьдесятъ копѣекъ на семейство. Работникъ въ счастливомъ случаѣ имѣлъ для своего пропитанія три съ половиною копѣйки въ день, по большей же части онъ не могъ болѣе употреблять на себя и на каждаго члена своего семейства, чѣмъ полторы или двѣ копѣйки въ день. Такое безпримѣрное бѣдствіе рабочихъ не прекратилось и по настоящее время, оно перестало только быть большинствомъ случаевъ. Несмотря на такую безмѣрную дешевизну производства они производили такъ мало, что давали намъ въ тридцать разъ меньше желѣза, чѣмъ англійскіе производители, и въ пять разъ меньше, чѣмъ французскіе. Можно ли въ такомъ положеніи оставить производство, которое занимаетъ сто тысячъ рабочаго народа и составляетъ самое важное производство въ странѣ, т. е. желѣзное? Другое производство не менѣе важное для народа—это соль. Производству этому менѣе всего полезно быть въ рукахъ и въ распоряженіи владѣльцевъ, по богатству и знатности своей далекихъ отъ дѣла. Ни одно производство не даетъ столько поводовъ къ фальзификаціи и обманамъ и ни въ одномъ устраненіи этихъ обмановъ дешевое и хорошее производство не имѣютъ такого огромнаго вліянія на благосостояніе народа. Температура и влажность воздуха имѣютъ на вѣсъ соли огромное вліяніе, ее незамѣтнымъ образомъ легко подмѣшивать пескомъ, и я уже выше говорилъ о томъ, какую соль приходится иногда покупать крестьянамъ. Цѣна этого столь необходимаго для народа товара увеличивается уже отъ акциза, и къ этому присовокупляется еще вліяніе на цѣны крупныхъ владѣльцевъ. Одна казна разработываетъ почти четвертую часть всей соли. Если уже акцизъ на соль отвергается финансовою наукою, то что́ же сказать если къ акцизу присовокупится монополія! Соль у насъ такъ дорога, что напр. въ Пермской губерніи приходится на каждаго рабочаго на соляныхъ промыслахъ и солеваренныхъ заводахъ приблизительно на семьсотъ рублей соли. Спасти Россію отъ всѣхъ этихъ бѣдствій можно только передачею промысловъ и заводовъ въ руки заводскихъ артелей. Между различными артелями будетъ конкуренція. Капиталистъ тутъ совершенно излишній, отъ него нужно избавиться при первой возможности; если это удастся, то пудъ соли будетъ стоить три копѣйки, какъ у казаковъ, гдѣ господствуетъ вольная разработка. Таково положеніе горнаго дѣла въ рукахъ у крупныхъ владѣльцевъ. Въ рукахъ у мелкихъ оно часто не лучше. Эти владѣльцы нерѣдко помѣщики окончательно разоренные; вести дѣло какъ слѣдуетъ у нихъ нѣтъ денегъ, кредита также нѣтъ, охоты и умѣнья также нѣтъ, и вотъ оно ведется кое-какъ съ старыми

рутинными разрушающимися машинами, съ работниками испорченными и избалованными неправильной платой и всякими безпорядками въ управленіи. Работники, въ настоящее время, дѣйствительно допускаютъ сильную эксплуатацію со стороны капиталистовъ, и изъ этого можно было бы заключить, что они будутъ слабы въ управленіи. Но это заключеніе вовсе не слѣдуетъ изъ посылки. Если работники позволяютъ себя, въ настоящее время, эксплуатировать капиталистамъ, то причина этого заключается вовсе не въ слабости со стороны работника, а въ томъ, что ему нѣтъ возможности найти судъ на капиталиста. За немногими исключеніями и честные и нечестные чиновники тянутъ на сторону капиталиста; не тянуть опасно, капиталистъ имѣетъ связи, имѣетъ грозное оружіе, онъ можетъ выставить чиновника подстрекателемъ рабочихъ къ безпорядку и бунту,—это дотого деморализировало чиновниковъ, что есть такіе, которые считаютъ даже самымъ безопаснымъ для себя быть безчестными; дѣло дошло дотого, что увѣряютъ, будто существуютъ постоянныя цѣны платимыя капиталистами нѣкоторымъ чиновникамъ, напр. двадцать пять или пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, по рублю за человѣка съ такихъ-то работниковъ, по три рубля съ такихъ-то. Если жалованье платится, то капиталистъ всегда окажется правъ въ дѣлѣ съ работниками, если не платится, то несправедливость перейдетъ на другую сторону. Что артели рабочихъ способны вести хозяйственныя дѣла посредствомъ выборовъ, это видно на земскихъ учрежденіяхъ. Лишь только они получили хотя и незначительное вліяніе на мѣстное хозяйство, у нихъ явились и раціональные пріемы; они стали стремиться выбирать людей полезныхъ для дѣла и иногда имъ поставленныя для нихъ рамки стали даже казаться узкими. Конечно такое новое дѣло, какъ товарищество между рабочими и капиталистами, какъ заводы, снабженные капиталомъ съ помощью безпроцентнаго кредита и залоговъ отъ капиталистовъ, слѣдуетъ дѣлать осмотрительно; но вѣдь между осмотрительнымъ образомъ дѣйствія и полнымъ апатическимъ безучастіемъ большая разница.

ГЛАВА III.

Впечатлѣніе, которое производятъ промышленныя губерніи и данныя статистики.

Я уже говорилъ выше, какъ замѣтно увеличившееся благосостояніе при въѣздѣ въ Казанскую губернію,—въ ту губернію черноземной полосы, въ которой живетъ наименьшее населеніе на частныхъ земляхъ. Можно въѣхать въ нее съ юга по Волгѣ и съ сѣвера по Камѣ, изъ Вятской или изъ Самарской губерніи, по большимъ или по проселочнымъ дорогамъ,—возрастающее благосостояніе всегда обратитъ на себя вниманіе человѣка, сколько-нибудь наблюдательнаго. Кромѣ того, что благосостояніе это отражается на селеніяхъ, на людяхъ и на скотѣ,—оно замѣтно и по увеличившейся заработной платѣ. Въ то время, когда въ губерніяхъ средней Россіи, напр. въ Харьковской, Калужской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, въ страдное время мужской день стоитъ отъ 20-ти до 40 копѣекъ, женскій отъ 15 до 30 коп., уборка ржи стоитъ отъ двухъ до трехъ рублей съ десятины,—въ Казанской губерніи въ страду мужской день стоитъ шестьдесятъ и семьдесятъ копѣекъ, женскій тридцать пять и сорокъ копѣекъ, а уборка десятины ржи отъ трехъ рублей пятидесяти копѣекъ до четырехъ рублей. Мало того что Казанская губернія пользуется бо̀льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ ея сосѣдки, она имѣетъ сознаніе своего превосходства. Однажды я изъ Астрахани пріѣхалъ въ Казань на пароходѣ. Извощикъ, который везъ меня въ городъ, обратился ко мнѣ съ обыкновеннымъ вопросомъ, откуда и куда я ѣду, и когда онъ узналъ, что я ѣду изъ Астрахани и буду продолжать путешествіе по Волгѣ до Твери, тогда онъ объяснилъ мнѣ, что я проѣхалъ черные города,—такъ онъ назы-

валъ всѣ города, лежавшіе внизъ по Волгѣ, и именно называлъ Астрахань и Саратовъ; далѣе же вверхъ по Волгѣ жилъ, по его словамъ, народъ образованный и идутъ чистые города: Казань, Нижній, Ярославль. Съ 1851 года въ Казанской губерніи населеніе увеличилось быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ губерніяхъ Европейской Россіи, въ которыхъ не было переселеній. Между всѣми губерніями, лежащими въ одной широтѣ съ Казанской губерніей, только въ ней одной умираетъ одинъ изъ двадцати осьми. Затоже, на одной широтѣ съ губерніей Казанской нѣтъ такой, которая бы имѣла менѣе населенія на частныхъ земляхъ. Изъ всѣхъ губерній, лежащихъ въ одной полосѣ съ Казанской, нѣтъ ни одной, въ которой бы перевѣсъ рождающихся надъ умершими былъ столь же значителенъ. Между всѣми губерніями, лежащими на одной широтѣ съ Казанскою, нѣтъ такой, въ которой бы количество скота было столь же велико или значительнѣе †). Вотъ еще одинъ

---

† Вотъ процентъ увеличенія населенія съ 1851 по 1863 годъ, въ губерніяхъ Европейской Россіи, куда не было переселеній:

	Населеніе увеличилось на		Населеніе увеличилось на
1. Казанская	20%	14. Тверская	11%
2. Тамбовская	19	15. Курская	10
3. Вятская	19	16. Орловская	9
4. Саратовская	17	17. Псковская	9
5. Харьковская	17	18. Рязанская	9
6. Полтавская	16	19. Черниговская	9
7. Симбирская	15	20. Смоленская	6
8. Московская	14	21. Тульская	5
9. Нижегородская	14	22. Костромская	5
10. Новгородская	14	23. Владимірская	4
11. Вологодская	13	24. Ярославская	3
12. Олонецкая	13	25. Калужская	2
13. Пензенская	12		

Вотъ сравненіе смертности, перевѣса родившихся надъ умершими и количество скота въ тѣхъ губерніяхъ, которыя лежатъ на одной широтѣ съ Казанскою:

	Населеніе увеличилось съ 1851 по 1863 г. на	На какое число жителей приходится одинъ умершій.	Перевѣсъ родившихся надъ умершими.	Сколько штукъ скота приходится на жителя.	Какая часть населенія живетъ на частныхъ земляхъ.
1. Казанская	20%	28	31	1.40	15
2. Нижегородская	14	22	16	0.93	64
3. Владимірская	4	24	28	0.73	64
4. Московская	14	22	8	0.59	51
5. Смоленская	6	24	27	1.35	69

Далѣе слѣдуютъ въ той же широтѣ западныя губерніи Витебская и Ковенская, но я не дѣлаю сравненія съ ними точно также, какъ я постоянно удерживался отъ подобныхъ сравненій выше; причина та, что благосостояніе въ этихъ губерніяхъ и увеличеніе населенія до возстанія шестидесятыхъ годовъ ничѣмъ не отличались отъ другихъ губерній Европейской Россіи и занимали между ними даже болѣе низкія мѣста. Въ годъ же возстанія благосостояніе вдругъ чрезвычайно быстро возвысилось, смертность уменьшилась, перевѣсъ рождающихся надъ умершими сдѣлался чрезвычайно благопріятенъ и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ западныя губерніи заняли самыя первыя мѣста въ Россіи. Всѣ ужасы политическихъ волненій 1863 года не могли дать ни малѣйшаго противовѣса выгодамъ, которыя произошли

весьма знаменательный фактъ для объясненія вліянія помѣщичьихъ земель въ Россіи.

Послѣ городовъ Сибири, сѣверной и восточной Россіи, Казань поразила меня своимъ великолѣпіемъ, въ ней нѣкоторыя улицы дѣйствительно напоминаютъ благоустроенные города западной Европы. Всюду замѣтны слѣды возрастающихъ потребностей, заработная плата также возрастаетъ — девятирублевая плата почти соотвѣтствуетъ шестирублевой въ Томскѣ. Если держать

отъ внезапнаго облегченія трудящагося населенія. Вотъ этотъ замѣчательный результатъ. Онъ вполнѣ подтверждаетъ все, что было сказано выше; каждый рубль уменьшеннаго оброка дастъ жизнь тысячамъ людей, а благоденствіе милліонамъ.

Изъ 44 губерній Европейской Россіи и Сибири въ

	Населеніе увеличилось съ 1851 по 1863 годъ на			Населеніе увеличилось съ 1851 по 1863 годъ на		
Въ губерніяхъ	50%	въ 0	.. 3	50%		
Кіевской, Гродненской,	40	и болѣе — 0	.. 0	40	и болѣе	
Ковенской,	30	— — 0	.. 1	30	—	
Минской, Могилевской,	20	— — 1	.. 9	20	—	
Подольской,	10	— — 5	.. 16	10	—	
Виленской, Витебской, Волынской.	менѣе 10%	— 3	.. 13	менѣе 10%		
	населеніе уменьшил.	0	.. 9	населеніе уменьшил.		

Сорокъ четыре губерніи, которыя употреблены были для сравненія, слѣдующія: Архангельская, Астраханская, Бессарабская, Владимірская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Земля Войска Донскаго, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Ярославская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская, Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская, Якутская.

Изъ 36 губерній Европейской Россіи въ

	Въ 1863 г. умиралъ			Въ 1863 г. умиралъ		
Изъ девяти вышепоименованныхъ западныхъ губерній	одинъ изъ 40	и болѣе въ 2	... 1	одинъ изъ 40	и болѣе	
	— 30	— — 6	... 5	— 30	—	
	— 20	— — 1	... 28	— 20	—	
	— 18	— — 0	... 2	— 18	—	

Изъ 36 губерній Европейской Россіи въ

	Въ 1863 году перевѣсъ рождающихся надъ умершими былъ			Въ 1863 году перевѣсъ рождающихся надъ умершими былъ		
Изъ девяти вышепоименованныхъ западныхъ губерній	на 100% и болѣе	въ 0	.. 1	на 100	и болѣе	
	— 50 —	8	.. 6	— 50	—	
	— 25 —	1	.. 15	— 25	—	
	менѣе 25%	0	.. 10	менѣе 25%		
	перевѣсъ умершихъ	0	.. 4	перевѣсъ умерш.		

Вотъ сравненіе числа умершихъ въ каждой губерніи отдѣльно.

	1 изъ		1 изъ		1 изъ		1 изъ	
1	Гродненск. .	42	41 З. В. Донск.	1	36 . Бессарабск.	2	34 . .Астрахан.	3
2	Ковенская. .	40	32 . Таврическ.	4	30 . . Архангел.	5	30 . .Екатерин.	6
3	Виленская. .	37	28 . . Казанская	7	28 . Полтавская	8	28 . Тамбовская	9
4	Подольская .	35	28 . . Рязанская	10	28 . Саратовск.	11	27 . .Калужская	12
5	Кіевская . .	34	27 . Новгородск.	13	27 . .Псковская	14	27 . Симбирская	15
6	Волынская .	32	26 . . . Курская	16	25 . Вологодск .	17	25 . Пензенская	18
7	Минская. . .	32	25 . Черниговск.	19	25 . Костромск.	20	24 . . Оренбург.	21
8	Могилевск. .	31	24 . .Самарская	22	24 . Владимірск.	23	24 . Смоленская	24
9	Витебская .	27	23 . .Орловская	25	23 . . Тверская	26	23 . Харьковск.	27
			22 . Московская	28	22 . Нижегород.	29	22 . . Тульская	30
			22 .Ярославская	31	21 . .Олонецкая	32	20 . Воронежск.	33
			20 . . . Вятская	34	19 . Херсонская	35	18 . . Пермская	36

нуть вверхъ по Волгѣ, все равно водою или сухимъ путемъ, видъ возрастающаго благосостоянія бросится въ глаза самому невнимательному наблюдателю. Послѣ продолжительнаго путешествія по рѣкамъ Сибири, по Камѣ и по Волгѣ внизъ отъ Казани, путешественникъ нетолько пріятно пораженъ, но даже увлеченъ жизнью, которая господствуетъ на Волгѣ между Казанью и Тверью. Среди поэтической монотонности широкой Оби нетолько увидать пароходъ или лодочку, но даже птицу было удовольствіемъ, Кама и низовье Волги все-еще напоминали монотонное путешествіе, гдѣ только отъ времени до времени удается встрѣтить что-нибудь живое, Волга же между Казанью и Тверью можетъ иной разъ показаться столь же оживленною, какъ Нева среди Петербурга. Въ прекрасный лѣтній день, сидя на высокомъ берегу, возлѣ монастыря, живописно расположеннаго среди овраговъ и зелени деревъ, я много часовъ сряду смотрѣлъ на Волгу, одинъ пароходъ исчезалъ, другой появлялся, иногда ихъ бѣжало два и три и шумной пѣной покрывали берегъ — я ждалъ пока наконецъ рѣка опустѣетъ и не могъ дождаться. Если въ Си-

---

Вотъ сравненіе перевѣса рождающихся надъ умершими въ каждой губерніи отдѣльно, въ процентахъ:

1 Вилен.	87	116	З. В. Д.	1	67	Сарат.	2	60	Таврич.	3	53	Екатер.	4
2 Минск.	77	50	Астрах.	5	50	Рязанск.	6	48	Бессар.	7	47	Самарск.	8
3 Ковен.	79	40	Черниг.	9	39	Псковск.	10	39	Тамбов.	11	38	Полтав.	12
4 Гродн.	65	34	Курская	13	34	Симбир.	14	33	Оренб.	15	31	Казанск.	16
5 Могил.	58	29	Пензен.	17	28	Владим.	18	27	Калужс.	19	27	Смолен.	20
6 Волын.	56	25	Орловск.	21	25	Тульск.	22	22	Новгор.	23	22	Харьк.	24
7 Кіевск.	56	20	Арханг.	25	16	Нижег.	26	13	Костр.	27	10	Ворон.	28
8 Подол.	55	9	Тверск.	29	8	Москов.	30	2	Вологод.	31	1	Олонец.	32
9 Витеб.	45	болѣе умершихъ въ гг. Вятской, Перм., Херсон. и Ярославской.											

Западныя губерніи, вслѣдствіе облегченій, которыя послѣдовали для рабочаго населенія, внезапно, среди политическихъ смутъ достигли такого благосостоянія, что въ Гродненской губерніи смертность въ одинъ годъ сдѣлалась такою же благопріятною, какъ средняя смертность во Франціи, и стала первою среди губерній Россіи, въ Ковенской губерніи смертность сдѣлалась болѣе благопріятною, чѣмъ средняя смертность въ Пруссіи, всѣ западныя губерніи стали разомъ выше Австріи. Въ теченіе одного года среди смутъ и политическихъ волненій сохранена была жизнь осьмидесяти четырехъ тысячъ сорока двухъ человѣческихъ существъ, которыя бы погибли при прежнемъ порядкѣ въ мирное и совершенно спокойное время. По тому же самому разсчету въ Россіи погибаетъ ежегодно до четырехъ сотъ двадцати тысячъ людей, которые могли бы жить и распространять кругомъ себя благосостояніе—420,000 гибнущихъ въ годъ и не какихъ-нибудь тунеядцевъ, а честныхъ рабочихъ рукъ! Такой результатъ произошелъ отъ случайнаго столкновенія обстоятельствъ во время смутъ и политическихъ волненій, и конечно нужно знать, какое выводить изъ него заключеніе. Еслибы въ какомъ-нибудь изъ государствъ Америки рабы внезапно временно освободились отъ рабства и вслѣдствіе этого внезапно возвысилось бы между ними благосостояніе, то изъ этого можно было бы вывести заключеніе въ пользу свободы и противъ рабства; но никакого нельзя было бы вывести заключенія въ пользу анархіи—анархія должна каждое общество довести до крайняго ослабленія. Явленія въ западныхъ губерніяхъ представляютъ доказательство въ пользу мелкой собственности и безоброчнаго владѣнія землею,—доказательство тѣмъ болѣе сильное, что оно явилось наперекоръ анархіи.

бири и на Уралѣ живописна природа, то здѣсь еще болѣе живописна жизнь среди природы. Живое ощущеніе происходитъ въ человѣкѣ, когда кругомъ него со всѣхъ сторонъ выростаютъ цвѣтущія села и города; какой-нибудь Васильсурскъ, при вечернемъ освѣщеніи амфитеатромъ поднимающійся среди зелени высокой горы, или Нижній, раскинутый надъ широкой водой по горѣ съ бѣлокаменными монастырями, рисующимися на зеленомъ фонѣ,—все это впечатлѣнія дотого прекрасныя, что они въ памяти становятся наряду съ величественнымъ видомъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ и окруженныхъ торжественно мрачными лѣсами черни. Если ѣхать сухимъ путемъ, то цвѣтущій видъ селеній далеко превосходитъ все, что можно видѣть въ средней, восточной и сѣверной Россіи, скоро начинаешь находить эти селенія болѣе богатыми, чѣмъ селенія на большой дорогѣ изъ Тюмени въ Иркутскъ, и наконецъ даже богаче, чѣмъ селенія на дорогѣ изъ Тюмени въ Пермь. Богатая рѣзьба домовъ напоминаетъ описанія египетскихъ дворцовъ; еслибы зданія, гдѣ помѣщаются волостныя управленія, не были такими неуклюжими, они богатствомъ постройки превосходили бы многіе помѣщичьи дома. Я не говорю о богатыхъ селахъ, вродѣ Лыскова съ многочисленными каменными домами. Этотъ цвѣтущій видъ страны возрастаетъ все болѣе, чѣмъ далѣе подвигаешься къ западу; большая дорога изъ Ярославля въ Москву превосходитъ все, что случалось видѣть до сего времени. Избы съ рѣзными украшеніями, нерѣдко въ два этажа съ пятью и болѣе окнами, тутъ часто замѣняются постройками, имѣющими видъ значительныхъ городскихъ построекъ. Тотъ же самый цвѣтущій видъ встрѣчаешь и за Москвою, по направленію къ Рязани. Достоинство скота, наружный видъ и костюмы жителей вполнѣ соотвѣтствуютъ этому перному впечатлѣнію. Кажется здѣсь на тѣ же деньги можно жить несравненно лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Ямщикъ, который получаетъ здѣсь пять рублей, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи, одѣтъ щеголеватѣе и имѣетъ несравненно болѣе богатый видъ. Если распрашивать о заработной платѣ, то получишь свѣдѣнія не менѣе поразительныя. Вамъ разскажутъ, что здѣсь женщина нерѣдко заработываетъ десять рублей въ мѣсяцъ, а мужчина пятнадцать и двадцать рублей. Наслушавшись такихъ рѣчей, вамъ покажется, что заработная плата здѣсь не ниже французской и фабричный работникъ получаетъ столько же, сколько городской работникъ во Франціи, что промышленный женскій трудъ оцѣнивается такъ же высоко, какъ женскій трудъ во французскихъ городахъ. Послѣ нѣсколькихъ распросовъ, вамъ можетъ показаться, что и средняя заработная плата здѣсь близка къ заработной платѣ во французскихъ провинціяхъ, нѣсколько ниже, но пожалуй не много. Васъ поразитъ и роскошь, которую дозволяетъ себѣ здѣшній работникъ, любовь къ шелковымъ платьямъ, да еще со шлейфомъ. Однимъ словомъ, здѣсь всюду пахнетъ Европой, цивилизованной на русскій ладъ. Васъ поражаютъ нѣкоторыя особенности вродѣ слѣдующихъ: въ Костромской губерніи на правой сторонѣ Волги вы встрѣчаете благосостояніе, которое ничѣмъ не отличается отъ благосостоянія въ Нижегородской губерніи, лѣвый же вдругъ напоминаетъ вамъ самыя жалкія мѣста Россіи. Тогда въ васъ является желаніе опредѣлить

границы этого благосостоянія и причины, почему оно такъ внезапно прекращается. Послѣ такого личнаго обозрѣнія края вы съ удовольствіемъ принимаетесь за статистику, вы надѣетесь тутъ встрѣтить данныя, которыя вамъ напомнятъ цивилизованную Европу и даже Францію, мѣстами одного умершаго на пятьдесятъ и болѣе жителей и т. п. Какъ же велико будетъ ваше разочарованіе, если вы узнаете, что, по вычисленіямъ Ярославскаго статистическаго комитета, въ Ярославской губерніи приходится всего по двѣ съ половиною четверти хлѣба на человѣка, т. е. менѣе, чѣмъ въ Самарской или въ Вологодской; по Владимірской губерніи мы встрѣчаемъ даже данное о сборѣ хлѣба, который составляетъ значительно менѣе двухъ четвертей на жителя. Это ничего не значитъ, думаете вы, тамъ народъ преимущественно питается мясомъ; но оказывается, что и скота тамъ весьма мало, изъ тридцати шести губерній Европейской Россіи только въ четырехъ менѣе скота, чѣмъ въ Ярославской губерніи, и изъ этихъ четырехъ три губерніи принадлежатъ къ промышленной полосѣ, которая показалась намъ такою благоденствующею — это Московская, Владимірская и Тверская; Нижегородская и Костромская также не далеко ушли отъ нихъ по количеству своего скота. Пашенъ въ Ярославской губерніи также какъ-то уже очень мало. Къ густотѣ населенія все это отнести нельзя, населеніе въ черноземной полосѣ болѣе густое. Неисправимый оптимистъ! вы стараетесь приписать все это неблагодарности почвы: этотъ предпріимчивый народъ, разсуждаете вы, не заботится о своей почвѣ, которая лишь скудно вознаграждаетъ труды земледѣльца, и всѣ свои силы сосредоточиваетъ на промышленной производительности, гдѣ находитъ для себя золотое дно. Это разсужденіе перехеривается въ вашей головѣ воспоминаніемъ о томъ, что всѣ промышленные и предпріимчивые народы весьма тщательно воздѣлывали свою почву. Вы начинаете уже думать, что хотя заработная плата въ этихъ мѣстностяхъ и близко подходитъ къ французской, но во Франціи работникъ не платитъ такихъ податей и оброковъ, значитъ онъ въ промышленной полосѣ получаетъ меньше, тѣмъ болѣе, что во Франціи какъ земледѣльческія, такъ и промышленныя произведенія дешевле. Въ эту минуту васъ освѣщаетъ великолѣпная мысль — вы соображаете, что хотя можетъ-быть во Франціи работнику и лучше, но для Россіи заработки въ промышленной полосѣ великолѣпные. Если мужъ будетъ заработывать пятнадцать, а жена десять рублей въ мѣсяцъ, то семейство въ годъ заработаетъ триста рублей, — если они изъ этой суммы и заплатятъ рублей семнадцать или двадцать оброковъ и податей, то имъ все-таки останется двѣсти восемьдесятъ рублей въ годъ или по семидесяти осьми копѣекъ въ день на семейство: между такимъ заработкомъ и заработкомъ вологодскаго крестьянина, который, при одинаковыхъ цѣнахъ на хлѣбъ, заработываетъ отъ трехъ до одиннадцати копѣекъ,—большая разница. Оживленный подобными мыслями, снова обращаешься къ статистикѣ и конечно прежде всего къ наиболѣе точнымъ даннымъ, къ даннымъ о движеніи населенія, но, о горе! какіе ужасные часы разочарованія испытаете вы занимаясь этими изслѣдованіями. Относительно увеличенія населенія, промышленная полоса Россіи въ періодъ съ 1851 по 1863

годъ играетъ самую жалкую роль; между всѣми частями Европейской Россіи она занимаетъ послѣднее и самое жалкое мѣсто. Какая же этому причина? Можетъ быть суровый климатъ и плохая почва? но въ сѣверо-восточной Россіи климатъ гораздо суровѣе и почва хуже; можетъ быть густота населенія? но въ черноземной полосѣ населеніе гуще. Вотъ уже первое крупное разочарованіе. Въ одномъ отношеніи промышленная полоса превосходитъ всѣ другія части Россіи, это въ количествѣ помѣщичьихъ земель. Опять мы сталкиваемся съ этимъ вліяніемъ помѣщичьихъ земель, не ушли мы отъ него и въ промышленной Россіи. Но можетъ быть это вліяніе было такимъ тягостнымъ только во время господства крѣпостнаго права, можетъ быть послѣ освобожденія положеніе измѣнилось и благодѣянія развитой промышленности взяли верхъ надъ вредомъ, приносимымъ частными землями? Увы! за первымъ разочарованіемъ слѣдуетъ другое, не менѣе крупное — прогрессъ дѣйствительно обнаружился. Промышленная полоса нѣсколько приблизилась и почти сравнялась съ крайнимъ сѣверомъ, а все-таки играетъ послѣднюю роль †).

Собирая данныя статистики, наконецъ дойдешь дотого, что не будешь вѣрить своимъ глазамъ. Сначала промышленная полоса окажется самою жал-

---

†) Для цѣлей этого сравненія я раздѣлилъ Европейскую Россію на шесть частей: въ первой части оказались три остзейскія и петербургская губерніи. Эти губерніи, какъ не имѣющія для себя соотвѣтствующихъ, я исключилъ изъ сравненія. Изъ остальныхъ пяти частей—первый районъ составятъ девять губерній сѣверо-западнаго пояса, второй—девять промышленныхъ губерній, третій—девять западныхъ, четвертый—девять средней и черноземной полосы, пятый—девять юго-восточнаго угла. Хотя въ числѣ губерній, отнесенныхъ къ другимъ полосамъ, встрѣчаются губерніи существенно промышленныя, напр. губернія Пермская, но я отнесъ ихъ къ другимъ частямъ для сохраненія единства территоріи; если же поступить иначе, если губерніи, которыя всего болѣе отличаются промышленностію—Пермскую, Оренбургскую и Херсонскую, отнести къ промышленнымъ губерніямъ, и вмѣсто того губерніи Тульскую, Рязанскую и Тверскую отнести къ другимъ полосамъ, въ такомъ случаѣ впечатлѣніе будетъ еще болѣе рѣзкое, будетъ казаться, что фабричная промышленность въ Россіи нетолько не дѣлаетъ фабричное населеніе счастливымъ, но что союзъ помѣщичьяго поземельнаго владѣнія съ фабрикантомъ и заводчикомъ дѣлаетъ русскаго рабочаго окончательно несчастнымъ и бѣдствующимъ существомъ.

Вотъ сравненіе процента увеличенія населенія въ губерніяхъ пяти полосъ съ 1851 по 1863 годъ.

1) Западныя губерніи.	2) Среднія и черноземныя губер.	3) Промышленная полоса.	4) Сѣверозападный поясъ.	5) Юго-западный уголъ.
1. Кіевская 22%	1. Воронежская 20%	1. Московская 14%	1. Пермская 23%	1. Херсонская 50%
2. Подольская 18%	2. Тамбовская 19%	2. Нижегород. 14%	2. Архангельск. 21%	2. Бессарабская 50%
3. Ковенская 15%	3. Харьковская 17%	3. Тверская 11%	3. Вятская 19%	3. Екатеринослав. 34%
4. Виленская 14%	4. Полтавская 16%	4. Рязанская 9%	4. Новгородская 14%	4. Самарская 28%
5. Гродненская 12%	5. Симбирская 15%	5. Тульская 5%	5. Олонецкая 13%	5. В. Донское 20%

кою изъ всѣхъ частей Россіи по положенію своего рабочаго класса, но для этого явленія хотя найдешь объясненіе не въ развитіи промышленности, а въ большомъ количествѣ помѣщичьихъ земель, въ губерніяхъ промышленной полосы. Но вотъ передъ вами выростаетъ новый, ужасающій призракъ — вы отобрали губерніи, въ которыхъ всего болѣе развита промышленность и въ тоже время значительно количество помѣщичьихъ земель. Губерніи съ развитою промышленностью оказываются въ самомъ жалкомъ положеніи, по сравненіи ихъ нетолько съ тѣми частями Россіи, гдѣ всего менѣе частныхъ земель, но и съ тѣми, гдѣ ихъ всего болѣе. Свалить всю бѣду на частныя земли тутъ уже невозможно, потому что губерніи съ населеніемъ на част-

---

6. Могилевская 10%	6. Пензенская 12%	6. Костромская 5%	6. Вологодская 13%	6. Казанская 20%
7. Волынская 9%	7. Курская 10%	7. Владимірская 4%	7. Псковская 9%	7. Саратовская 17%
8. Минская 7%	8. Черниговская 9%	8. Ярославская 3%	8. Оренбургская 8%	Въ губерніяхъ Астраханской и Таврической населеніе уменьшилось, въ послѣдней по случаю войны.
9. Витебская 4%	9. Орловская 9%	9. Калужская 2%	9. Смоленская 6%	

Вотъ сравненіе тѣхъ же губерній въ отношеніи къ проценту населенія, которое живетъ въ нихъ на частныхъ земляхъ.

1. Подольская 69%	1. Симбирская 82%	1. Тульская 70%	1. Смоленская 69%	1. Саратовская 51%
2. Могилевская 67%	2. Орловская 53%	2. Костромская 69%	2. Новгородская 62%	2. Херсонская 41%
3. Минская 61%	3. Харьковская 41%	3. Нижегород. 64%	3. Псковская 59%	3. Екатеринослав. 31%
4. Витебская 59%	4. Тамбовская 40%	4. Владимірская 64%	4. Пермская 41%	4. Самарская 30%
5. Волынская 56%	5. Пензенская 40%	5. Калужская 64%	5. Вологодская 34%	5. В. Донское 30%
6. Виленская 45%	6. Курская 40%	6. Ярославская 57%	6. Олонецкая 23%	6. Казанская 15%
7. Гродненская 43%	7. Черниговская 37%	7. Рязанская 55%	7. Оренбургская 20%	7. Таврическая 6%
8. Ковенская 32%	8. Полтавская 37%	8. Тверская 54%	8. Архангельск. 20%	8. Астраханск. 4%
9. Кіевская »	9. Воронежская 26%	9. Московская 51%	9. Вятская 13%	9. Бессарабская »

Вотъ сравненіе пяти полосъ по густотѣ населенія:

1) Западныя губерніи: приходится жителей на квадратную милю	2) Среднія и черноземныя губерніи: приходится жителей на квадратную милю	3) Промышленная полоса: приходится жителей на квадратную милю	4) Сѣверо-западный поясъ: приходится жителей на квадратную милю	5) Юго-западный уголъ: приходится жителей на квадратную милю
1. Под. 2424	1. Кур. 2228	1. Мос. 2598	1. Смол. 1117	1. Бесс. 1619
2. Кіев. 2177	2. Пол. 2117	2. Тул. 2069	2. Псков. 901	2. Каз. 1440
3. Ков. 1429	3. Орл. 1785	3. Ряз. 1864	3. Вят. 852	3. Сар. 1137
4. Грод. 1294	4. Пен. 1711	4. Кал. 1720	4. Нов. 481	4. Хер. 1018
5. Волн. 1238	5. Там. 1643	5. Ярос. 1561	5. Орен. 384	5. Екат. 983
6. Вил. 1176	6. Хар. 1610	6. Влад. 1415	6. Пер. 353	6. Сам. 584
7. Мог. 1064	7. Вор. 1600	7. Ниж. 1392	7. Волг. 135	7. Тав. 548
8. Вит. 952	8. Чер. 1514	8. Твер. 1311	8. Олон. 125	8. В. Д. 338
9. Мин. 618	9. Сим. 1340	9. Кост. 741	9. Арх. 20	9. Аст. 94

ныхъ земляхъ болѣе значительнымъ, чѣмъ въ губерніяхъ промышленныхъ, показываютъ несравненно большее благосостояніе рабочаго класса. На густоту населенія сослаться также невозможно, потому что по густотѣ населенія про-

---

Вотъ сравненіе тѣхъ же губерній въ отношеніи смертности въ 1863 году.

1) Западныя губерніи: на одного умершаго приходится жителей	2) Средняя и черноземная полоса: на одного умершаго приходится жителей	3) Промышленная полоса: на одного умершаго приходится жителей	4) Сѣверо-западный поясъ: на одного умершаго приходится жителей	5) Юго-западный уголъ: на одного умершаго приходится жителей
(1. Грод.) 42	(1. Пол.) 28	(1. Ряз.) 28	(1. Арх.) 30	(1. В. Д.) 41
(2. Ков.) 40	(2. Там.) 28	(2. Кал.) 27	(2. Нов.) 27	(2. Бесс.) 36
(3. Вил.) 37	(3. Сим.) 27	(3. Кост.) 25	(3. Пск.) 27	(3. Аст.) 34
(4. Под.) 35	(4. Кур.) 26	(4. Влад.) 24	(4. Волг.) 25	(4. Тав.) 32
(5. Кіев.) 34	(5. Пен.) 25	(5. Твер.) 23	(5. Орен.) 24	(5. Екат.) 30
(6. Волн.) 32	(6. Чер.) 25	(6. Моск.) 22	(6. Смол.) 24	(6. Каз.) 28
(7. Мин.) 32	(7. Орл.) 23	(7. Ниж.) 22	(7. Олон.) 21	(7. Сар.) 28
(8. Мог.) 31	(8. Хар.) 23	(8. Яросл.) 22	(8. Вят.) 20	(8. Сам.) 24
(9. Вит.) 27	(9. Вор.) 20	(9. Тул.) 22	(9. Пер.) 18	(9. Хер.) 19

Чтобы охарактеризовать вліяніе, которое имѣютъ на благосостояніе рабочаго класса фабричное и заводское производство съ помощью значительнаго капитала, тамъ гдѣ они сходятся вмѣстѣ съ вліяніемъ значительнаго количества помѣщичьихъ земель, я раздѣлю губерніи Европейской Россіи на четыре части; въ трехъ изъ частей будетъ въ каждой по двѣнадцати губерній. Въ первой будутъ помѣщены двѣнадцать губерній, которыя въ одно и тоже время отличаются и развитіемъ фабричной и заводской промышленности и большимъ количествомъ помѣщичьихъ земель, въ другой будутъ помѣщены губерніи съ значительнымъ населеніемъ на помѣщичьихъ земляхъ, но въ которыхъ промышленная дѣятельность относительно слабо развита, въ третьей будутъ помѣщены губерніи, гдѣ мало помѣщичьихъ земель или промышленности или того и другаго вмѣстѣ, къ четвертой части я отнесу западныя губерніи и Остзейскій край, какъ находящіеся въ исключительномъ положеніи и при сравненіи способные скорѣе запутать, чѣмъ уяснить дѣло. Такъ какъ при этомъ сравненіи невозможно было оставить въ сторонѣ Петербургскую губернію, ибо ни одна изъ россійскихъ губерній не отличается такой значительной промышленной дѣятельностью, то въ подлежащихъ сравненію частяхъ Россіи оказывается не тридцать шесть, а тридцать семь губерній, т. е. одна губернія лишняя; поэтому въ той части, гдѣ значительны и промыслы и частныя земли, я помѣщу не двѣнадцать, а тринадцать губерній, предоставляя читателю самому выпустить ту изъ нихъ, исключеніе которой онъ найдетъ всего болѣе справедливымъ. Въ числѣ промышленныхъ губерній я помѣстилъ Олонецкую: хотя въ ней и мало помѣщичьихъ земель, но значительная часть населенія находится въ распоряженіи горнаго вѣдомства, котораго вліяніе отражается еще болѣе неблагопріятно, чѣмъ вліяніе помѣщичьихъ земель, читатель можетъ замѣнить ее Вятскою, результатъ будетъ еще болѣе рѣзкій. Такимъ образомъ къ промышленнымъ губерніямъ будутъ отнесены: 1) Петербургская, 2) Московская, 3) Пермская, 4) Херсонская, 5) Нижегородская, 6) Калужская, 7) Костромская, 8) Ярославская, 9) Тверская †), 10) Олонецкая (или Вятская), 11) Оренбургская, 12) Владимірская. Къ губерніямъ съ наиболѣе значительнымъ населеніемъ на частныхъ земляхъ отнесутся: 1) Курская, 2) Новгородская, 3) Орловская, 4) Пензенская, 5) Псковская, 6) Рязанская, 7) Саратовская, 8) Симбирская, 9) Смоленская, 10) Тамбовская, 11) Туль-

†) Можно перемѣстить Тверскую и Тульскую губерніи, первую помѣстить въ губерніи съ значительными частными землями, а вторую въ промышленныя,—результатъ не измѣнится.

мышленныя губерніи оказываются не въ первой, а во второй категоріи. Если сравнить эти данныя съ данными другихъ русскихъ губерній, то они покажутся ужасными, но если сдѣлать случайно сравненіе съ данными заграничными, то передъ собою увидишь цѣлую пропасть. Въ то время, какъ во Франціи въ самыхъ благопріятныхъ промышленныхъ мѣстностяхъ умираетъ

ская †), 12) Харьковская. Къ губерніямъ, въ которыхъ или промышленное развитіе или населеніе на частныхъ земляхъ незначительно, отнесены: 1) Архангельская, 2) Астраханская, 3) Бессарабская, 4) Вологодская, 5) Воронежская, 6) Земля Войска Донскаго, 7) Екатеринославская, 8) Казанская, 9) Полтавская, 10) Самарская, 11) Таврическая, 12) Черниговская.

а) Сравненіе смертности въ 37-ми губерніяхъ, т. е. сколько приходится жителей на одного умершаго.

1. Губерніи промышленныя съ значительными помѣщичьими землями		2. Губерніи съ значительными помѣщичьими землями		3. Губерніи, гдѣ или промысловъ или помѣщиковъ мало	
(Кал.)	27	(Ряз.)	28	(В. Дон.)	41
(Пет.)	26	(Сар.)	28	(Бесс.)	36
(Кост.)	25	(Тамб.)	28	(Астр.)	34
(Влад.)	24	(Новг.)	27	(Тавр.)	32
(Орен.)	24	(Симб.)	27	(Арх.)	30
(Твер.)	23 †)	(Пск.)	27	(Екат.)	30
(Моск.)	22	(Курс.)	26	(Каз.)	28
(Ниж.)	22	(Пенз.)	25	(Полт.)	28
(Ярос.)	22	(Смол.)	24	(Черн.)	25
(Олон.)	21	(Хар.)	23	(Волог.)	25
(Херс.)	19	(Орл.)	23	(Сам.)	24
(Перм.)	18	(Тул.)	22 †)	(Вор.)	20
(Вятс.)	20				

	Изъ промышленныхъ губерній	Изъ губерній съ значительн. помѣщичьими землями	Изъ губерній, гдѣ мало пром. и частныхъ земель
умираетъ одинъ изъ 40 и болѣе въ	0	0	1
— — — 30 — —	0	0	5
— — — 25 — —	3	8	4
— — — 20 — —	7	4	2
— — — 18 — —	2	0	0

б) Сравненіе перевѣса рождающихся надъ умершими въ 37-ми губерніяхъ, т. е. на сколько процентовъ рождающихся больше умершихъ.

1. Губерніи промышленныя съ значительными частными землями		2. Губерніи съ значительными частными землями.		3. Губерніи, гдѣ или промысловъ или частныхъ земель мало	
(Орен.)	33%	(Сар.)	67%	(В. Дон.)	116%
(Влад.)	28	(Ряз.)	50	(Тавр.)	60
(Кал.)	27	(Пск.)	39	(Екат.)	53
(Ниж.)	16	(Тамб.)	39	(Астр.)	50
(Костр.)	13	(Симб.)	34	(Бесс.)	48
(Тверс.)	9 †)	(Курс.)	34	(Сам.)	47
(Моск.)	8	(Пенз.)	29	(Черн.)	40
(Петр.)	7	(Смол.)	27	(Полт.)	38
(Олон.)	1	(Орл.)	25	(Каз.)	31
(Херс.)	болѣе	(Тул.)	25 †)	(Арх.)	20
(Яросл.)	умер-	(Хар.)	22	(Вор.)	10
(Перм.)	шихъ	(Новг.)	22	(Волг.)	2

†) См. выше условленное замѣщеніе.

одинъ изъ семидесяти, самая благопріятная смертность въ нашихъ промышленныхъ губерніяхъ одинъ изъ двадцати семи — она нетолько несравненно ниже средняго уровня смертности во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, она ниже средняго уровня для Россіи. Изъ двѣнадцати промышленныхъ губерній въ десяти смертность значительнѣе, чѣмъ въ самыхъ ужасныхъ кварталахъ Лондона, гдѣ живутъ одни воры и нищіе. Патріоту можно съ ума сойти добравшись до такихъ данныхъ. Промышленность, этотъ источникъ

Въ Вятской губерніи болѣе умершихъ.

Рождающихся болѣе умершихъ	Изъ промышленныхъ губерній	Изъ губерній съ значительными частными землями	Изъ губерній, гдѣ мало пром. или частныхъ земель
на 100% и болѣе въ	0	0	1
— 50 — —	0	2	3
— 25 — —	3	8	5
— 1 — —	6	2	3
умершихъ болѣе —	3	0	0

Больше тридцати процентовъ перевѣсъ рождающихся надъ умершими между промышленными губерніями только въ одной, между губерніями гдѣ много помѣщичьихъ земель — въ шести, а между губерніями гдѣ незначительны частныя земли и промышленныя заведенія — въ девяти.

Жалкое, можно сказать ужасное положеніе, въ которомъ оказываются, на основаніи данныхъ статистики, наши промышленныя губерніи, будетъ казаться еще болѣе ужаснымъ, если мы сдѣлаемъ сравненіе съ положеніемъ работника въ цивилизованной Европѣ. Для этой цѣли я сдѣлаю слѣдующее сравненіе: Въ двѣнадцати промышленныхъ губерніяхъ оказывается всего 15,376,609 жителей. Я въ Англіи взялъ двѣнадцать мѣстностей съ населеніемъ въ 15,558,682 жителя; въ этихъ мѣстностяхъ я вычислилъ отношенія смертности и перевѣсъ рождающихся надъ умершими точно также, какъ я сдѣлалъ для россійскихъ губерній. Въ Россіи я бралъ 1863 г., а тутъ 1851 годъ. Основаніемъ для этого вычисленія послужили мнѣ данныя, помѣщенныя въ англійскомъ правительственномъ изданіи: «The Census of Great Britain im 1851 — by authority of the registrar general». Такъ какъ граѳства менѣе нашихъ губерній, то я соединялъ вмѣстѣ нѣсколько смежныхъ граѳствъ, стараясь о томъ, чтобы мѣстность выходила не слишкомъ мала и не слишкомъ велика и чтобы въ избранныя мною мѣстности вошло какъ можно болѣе знаменитостей англійской промышленности. Вотъ составленныя мною мѣстности съ обозначеніемъ въ нихъ числа жителей и числа родившихся и умершихъ въ 1851 году:

	Граѳства.	Число жителей.	Число родившихся въ 1851 г.	Число умершихъ въ 1851 г.
1.	Лондонъ (London)	2,362,236	78,300	55.488
2.	Ланкастеръ. (Lancaster)	2,031,236	79,693	54,928
3.	Іоркширъ (Yorkshire)	1,797,995	66,157	42,110
4.	Глостеръ (Gloucester) . . . . . Монмутъ (Monmouth)	616,223	19,227	12,861

благосостоянія и счастія для народовъ, дѣлается у насъ бичемъ, который заколачиваетъ въ гробъ, бѣдствіемъ, съ которымъ не могутъ сравняться ни

	Графства	Число жителей.	Число родившихся въ 1851 г.	Число умершихъ въ 1851 г.
5.	Вустеръ (Worcester), Варвикъ (Warwick), Нортгамптонъ (Northampton), Бедфордъ (Bedford), Оксфордъ (Oxford), Бокингамъ (Buckingham), Салопъ (Salop)	1,652,900	55,994	35,594
6.	Девонъ (Devon), Корнваллъ (Cornwall)	922,656	29,328	18,722
7.	Соссексъ (Sussex), Гампширъ (Hampshire), Вильтсъ (Wilts)	996,435	31,322	19,364
8.	Линкольнъ (Lincoln), Дерби (Derby), Ноттингамъ (Nottingham), Лейстеръ (Leicester)	1,204,041	40,895	24,317
9.	Стаффордъ (Stafford), Честеръ (Chester)	1,064,441	39,969	25,310
10.	Сомерсетъ (Somerset), Дорсетъ (Dorset)	628,123	19,878	12,758
11.	Нортумберландъ (Northumberland), Доргамъ (Durham), Комберландъ (Cumberland), Вестморландъ (Westmoreland)	948,344	35,620	20,405

чума, ни холера. Раздѣленіе труда, которое даетъ рабочему возможность удесятерить свое производство, дѣлается для него источникомъ голода, бѣдности и смерти до такой степени, что изъ двѣнадцати промышленныхъ губерній въ трехъ населеніе уменьшилось, а въ одной вовсе не увеличилось.

Неужели это общая доля мѣстностей съ развитою промышленностью или можетъ быть данныя о населеніи не могутъ быть мѣриломъ благосостоянія? Всѣ эти вопросы бурно столпятся въ вашей головѣ и невольно обратишь свои взгляды за предѣлы Россіи.—Данныя цивилизованной Европы менѣе всего подѣйствуютъ успокоительно: изъ всѣхъ европейскихъ странъ въ Англіи всего

	Граѳства.	Число жителей.	Число родившихся въ 1851 г.	Число умершихъ въ 1851 г.
12.	Кембриджъ (Cambridge) Норѳолькъ (Norfolk) Соѳѳолькъ (Suffolk) Эссексъ. (Essex)	1,334,652	43,610	26,612

Вотъ данныя для каждаго граѳства отдѣльно:

1) Bedford: persons 124,478, births 4,766, deaths 2,487; 2) Bukingham: pers. 163,723, birt. 4,916, deat. 2,979; 3) Cambridge: pers. 185,405, birt. 6,581, deat. 3,896; 4) Chester: pers. 455,725, birt. 15,019, deat. 9,443; 5) Cornwall: pers. 355,558, birt. 12,031, deat. 7,599; 6) Cumberland: pers. 195,492, birt. 6,538, deat. 3,937; 7) Derby: pers. 296,084, birt. 8,924, deat. 5,350; 8) Devon: pers. 567,098, birt. 17,297, deat. 11,123; 9) Dorset: pers. 184,207, birt. 5,757, deat. 3,326; 10) Durham: pers. 390,997, birt. 16,657, deat. 9,183; 11) Gloucester: pers. 458,805, birt. 13,096, deat. 9,198; 12) Hampshire: pers. 405,370, birt. 12,823, deat. 7,856; 13) Lancaster: pers. 2,031,236, birt. 79,693, deat. 51,928; 14) Leicester: pers. 230,308, birt. 8,598, deat. 5,103; 15) Lincoln: pers. 407,222, birt. 13,312, deat. 7,533; 16) Monmouth: pers. 157,418, birt. 6,131, deat. 3,663; 17) London: pers. 2,362,236, birt. 78,300, deat. 55,488; 18) Norfolk: pers. 442,714, birt. 14,345, deat. 9,381; 19) Northampton: pers. 212,380, birt. 7,512, deat. 4,193; 20) Northumberland: pers. 303,568, birt. 10,629, deat. 6,221; 21) Nottingham: pers. 270,427, birt. 10,061, deat. 6,331; 22) Oxford: pers. 170,439, birt. 5,556, deat. 3,661; 23) Salop: pers. 229,341, birt. 7,014, deat. 5,041; 24) Somerset: pers. 443,916, birt. 14,121, deat. 9,432; 25) Stafford: pers. 608,716, birt. 24,950, deat. 15,867; 25) Suffolk: pers. 337,215, birt. 11,366, deat. 6,834; 26) Sussex: pers. 336,844, birt. 10,727, deat. 6,475; 27) Warwick: pers. 475,013, birt. 17,639, deat. 11,868; 28) Westmoreland: pers. 58,287, birt. 1,799, deat. 1,064; 29) Wilts: pers. 254,221, birt. 7,772, deat. 5,033; 30) Worcester: pers. 276,926, birt. 8,591, deat. 5,365; 31) Yorkshire, east riding: pers. 220,983, city of York: pers. 36,303, Yorkshire, east riding with York: birt. 8,368, deat. 5,671; 32) Yorkshire, north riding: pers. 215,214, birt. 6,202, deat. 3,496; 33) Yorkshire, west riding: pers. 1,325,495, birt. 51,587, deat. 32,943; 34) Essex: pers. 369,318, birt. 11,318, deat. 6,498. Всего въ Англіи сорокъ два граѳства (вѣрнѣе сорокъ), изъ которыхъ мною употреблены для сравненія тридцать три (вѣрнѣе тридцать одно) и Лондонъ. Граѳства Валлиса, а равно Шотландія и Ирландія не принимались мною въ соображеніе.

болѣе развита промышленность, зато-же тамъ и самая высокая заработная плата и смертность самая незначительная. Если сравнить этотъ центръ европейской промышленности съ центрами нашей по количеству смертныхъ случаевъ и по отношенію рождающихся къ умершимъ, то результаты покажутъ, какая бездна лежитъ между нами и западною Европою. Тогда мы только увидимъ, до какой степени наша непростительная невнимательность къ интересамъ рабочаго класса дѣлаетъ его страдальческимъ и несчастнымъ, а насъ—жалкими и бѣдными. Воспитанные въ школѣ крѣпостнаго права мы думали только о томъ, какъ бы у рабочаго вырвать изъ рукъ возможно большую часть его произведеній и размотать ее въ безумныхъ порывахъ къ тщеславію и безмѣрной роскоши; мы не думали, что тѣ тысячи и милліоны рублей, которые доставили намъ славу безумныхъ мотовъ заграницею, увлекали за собою ты-

---

Сравненіе этихъ мѣстностей Англіи съ нашими промышленными губерніями по отношенію къ смертности даетъ слѣдующій результатъ:

Въ англійскихъ графствахъ	въ 1851 г. умиралъ одинъ изъ	въ 1863 г. умиралъ одинъ изъ	Въ русскихъ промышленныхъ губерніяхъ	
1. Sussex, Hampshire и Wilts	51 жит.	27 жит.	Въ Калужской	1
2. Devon и Cornwall.	50 —	26 —	Петербургской	2
3. Lincoln, Derby, Nottingham и Leicester	50 —	25 —	Костромской	3
4. Somerset и Dorset.	50 —	24 —	Владимірской	4
5. Cambridge, Norfolk, Suffolk и Essex.	50 —	24 —	Оренбургской	5
6. Gloucester и Monmouth	48 —	23 —	Тверской	6
		(22 —	Тульской)	
7. Worcester, Warwick, Northampton, Bedford, Oxford, Buckingham и Salop	47 —	22 —	Московской	7
8. Northumberland, Durham, Cumberland и Westmoreland	47 —	22 —	Нижегородской	8
9. London	42 —	22 —	Ярославской	9
		(20 —	Вятской)	
10. Yorkshire	42 —	21 —	Олонецкой	10
11. Stafford и Chester.	42 —	19 —	Херсонской	11
12. Lancaster	38 —	18 —	Пермской	12

Изъ вышеупомянутыхъ англійскихъ мѣстностей умираетъ			Изъ русскихъ промышленныхъ губерній умираетъ въ		
одинъ	изъ	50 жителей и бол.	въ 5	0 одинъ	изъ 50 жителей и болѣе
—	—	40 — —	— 6	0 —	— 40 — —
—	—	30 — —	— 1	0 —	— 30 — —
—	—	25 — —	— 0	3 —	— 25 — —
—	—	20 — —	— 0	7 —	— 20 — —
—	—	15 — —	— 0	2 —	— 15 — —

Вотъ результатъ, который долженъ заставить сгорѣть отъ стыда всякаго русскаго; только человѣкъ безчувственный и неимѣющій и тѣни любви къ своей родинѣ можетъ остаться къ нему равнодушнымъ.

Сравненіе отношенія рождающихся къ умершимъ должно возбуждать въ насъ не менѣе серьезныя мысли. Вотъ оно:

сячи и милліоны человѣческихъ жертвъ. — Но вотъ оказывается, что въ промышленномъ центрѣ Европы, который далеко превосходитъ насъ густотою своего населенія и гдѣ по причинѣ этой густоты мы предполагаемъ рабочее населеніе до крайней степени бѣдствующимъ, относительно увеличенія населенія существуютъ условія столь благопріятныя, что сравнивать ихъ съ нашими промышленными губерніями это все равно, что сравнивать климатъ острова Маниллы съ климатомъ арктическаго пояса, что сравнивать рай съ адомъ. Несмотря на это, наши промышленныя губерніи не отличаются густотою населенія нетолько по отношенію къ Европѣ, но и по отношенію къ другимъ губерніямъ Россіи. Чѣмъ далѣе идетъ статистика по пути сравненій, тѣмъ болѣе тяжкія думы рождаются въ его душѣ. Исполненный грусти, онъ видитъ свое отечество полнымъ богатыхъ задатковъ и возможностей, холодныя, безпристрастныя цифры убѣждаютъ его, что въ его отечествѣ возможно большее

Въ англійскихъ графствахъ	въ 1851 г. было рождающихся болѣе, чѣмъ умершихъ, на	въ 1863 г. было рождающихся болѣе, чѣмъ умершихъ, на	Въ русскихъ промышленныхъ губерніяхъ	
1. Northumberland, Durham, Cumberland и Westmoreland . . .	74%	33%	Въ Оренбургской	1
2. Lincoln, Derby, Nottingham и Leicester .	68	28	Владимірской	2
3. Cambridge, Norfolk, Suffolk и Essex. . .	64	27	Калужской	3
4. Sussex, Hampshire и Wilts	62	16	Нижегородской	4
5. Stafford и Chester. .	58	13	Костромской	5
6. Yorkshire.	57	9	Тверской	6
		(25	Тульской)	
7. Worcester, Warwick, Northampton, Bedford, Oxford, Buckingham и Salop.	57	8	Московской	7
8. Devon и Cornwall .	57	7	Петербургской	8
9. Somerset и Dorset .	56	1	Олонецкой	9
		умершихъ болѣе въ	(Вятской)	
10. Gloucester и Monmouth	50	—	Херсонской	10
11. Lancaster.	45	—	Ярославской	11
12. London	41	—	Пермской	12

Изъ вышеупомянутыхъ англійскихъ мѣстностей число родившихся превышало число умершихъ		Изъ русскихъ промышленныхъ губерній число родившихся превышало число умершихъ въ	
на 70% и болѣе въ . . .	1	0	на 70% и болѣе
— 60 — — . . .	3	0	— 60 —
— 50 — — . . .	6	0	— 50 —
— 40 — — . . .	2	0	— 40 —
— 30 — — . . .	0	1	— 30 —
— 20 — — . . .	0	2 (3)	— 20 —
— 10 — — . . .	0	2	— 10 —
— 1 — — . . .	0	4 (3)	— 1 —
умершихъ было болѣе родивш. . .	0	въ 3 (4) умершихъ было болѣе родив.	

Сравнимъ теперь увеличеніе населенія:

счастье, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, и тѣ же самыя цифры говорятъ ему, что на это счастье онъ не смѣетъ надѣяться, что онъ долженъ видѣть своихъ братьевъ по отечеству жалкими, бѣдными, страдающими, послѣдними, отверженными звеньями цивилизованной семьи,—неумолимыя, какъ судьба, цифры статистики говорятъ ему, что нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ населеніе могло бы увеличиваться такъ быстро, какъ въ Россіи; онѣ говорятъ ему, что еслибы въ Россіи смертность была такая же, какъ въ Англіи, то

Въ англійскихъ графствахъ	въ 1851 г. населеніе увеличилось	въ 1863 г. населеніе увеличилось	Въ русскихъ промышленныхъ губерніяхъ	
1. Northumberland, Durham, Cumberland и Westmoreland . . .	1.61%	1.26%	Въ Оренбургской	1
2. Stafford и Chester. .	1.38	1.17	Владимірской	2
3. Lincoln, Derby, Nottingham и Leicester .	1.38	0.95	Калужской	3
4. Yorkshire.	1.34	0.74	Нижегородской	4
5. Worcester, Warwick, Northampton, Bedford, Oxford, Buckingham и Salop	1.23	0.58	Костромской	5
6. Lancaster.	1.22	0.38	Тверской	6
		(1.15	Тульской)	
7. Sussex, Hampshire и Wilts	1.21	0.37	Московской	7
8. Cambridge, Norfolk, Suffolk и Essex . .	1.28	0.26	Петербургской	8
9. Devon и Cornwall. .	1.17	0.06	Олонецкой	9
		населеніе уменьшилось (0.08%	Вятской)	
10. Somerset и Dorset. .	1.14	0.04	Ярославской	10
11 Gloucester и Monmouth	1.04	0.28	Херсонской	11
12. London	0.97	0.32	Пермской	12

Изъ вышеупомянутыхъ англійскихъ мѣстностей населеніе увеличилось		Изъ русскихъ промышленныхъ губерній населеніе увеличилось въ	
на 1.50% и болѣе въ . .	1	0	на 1.50% и болѣе
— 1 — — . .	10	2 (3)	— 1 —
— 0.50 — — . .	1	3	— 0.50 —
— 0.01 — — . .	0	4 (3)	— 0.01 —
населеніе уменьшилось . .	0	3 (4)	населеніе уменьшил.

Но можетъ быть сравнивался годъ благопріятный для Англіи и не благопріятный для Россіи. По вычисленіямъ за пятьдесятъ лѣтъ въ Англіи населеніе увеличивается въ годъ на 1.41%: изъ вышеупомянутыхъ двѣнадцати мѣстностей, населеніе увеличилось болѣе этой средней нормы въ одной, а въ одиннадцати менѣе нормы, значитъ выбранъ для Англіи одинъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ годовъ. Въ сорока десяти губерніяхъ Европейской Россіи, по вычисленію за двѣнадцать лѣтъ съ 1851 по 1863 годъ населеніе увеличилось въ годъ на 1.08%, въ 1863 г. оно увеличилось на 1.16%, слѣдовательно это былъ одинъ изъ самыхъ благопріятныхъ годовъ.

Но можетъ быть самая раса неплодоносна, можетъ быть причина англійской плодовитости заключается въ свойствахъ племени. Сравнимъ, гдѣ обнаруживается болѣе плодовитости и которое изъ племенъ имѣетъ болѣе будущности въ этомъ отношеніи:

населеніе удвоилось бы въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. Природа даетъ возможность поражать міръ такимъ же благоденствіемъ, какимъ его поражаетъ

Въ англійскихъ графствахъ	въ 1851 году родился одинъ на жит.	въ 1863 году родился одинъ на жит.	Въ русскихъ промышленныхъ губерніяхъ	
1. Lancaster	26 —	18	Въ Оренбургской	1
2. Yorkshire	26 —	19	Владимірской	2
3. Northumberland, Durham, Cumberland и Westmoreland	26 —	19	Нижегородской	3
4. Cambridge, Norfolk, Suffolk и Essex	30 —	19	Пермской	4
5. Stafford и Chester	27 —	20	Костромской	5
6. London	30 —	20	Московской	6
7. Worcester, Warwick, Northampton, Bedford, Oxford, Buckingham и Salop.	30 —	20	Олонецкой	7
8. Lincoln, Derby, Nottingham и Leicester	30 —	20	Херсонской	8
9. Devon и Cornwall	31 —	21	Калужской	9
10. Sussex, Hampshire и Wilts	31 —	21	Тверской	10
11. Somerset и Dorset	31 —	22	Ярославской	11
12. Gloucester и Monmouth	32 —	24	Петербургской	12

Изъ вышепоименованныхъ англійскихъ мѣстностей приходится одинъ родившійся		Изъ русскихъ промышленныхъ губерній приходится одинъ родившійся въ
на 20 жителей и менѣе въ	0 —	8 на 20 жителей и менѣе
— 25 — — —	0 —	4 — 25 — —
— 30 — — —	8 —	0 — 30 — —
— 35 — — —	4 —	0 — 35 — —

Итакъ мы теперь находимъ совершенно противоположное тому, что мы находили выше, превосходство возможностей оказывается столь же безусловно на сторонѣ Россіи, какъ дѣйствительные успѣхи оказываются на сторонѣ Англіи. Если-бы въ 1863 году смертность въ Россіи была такая же, какъ въ Англіи обыкновенно, то въ Россіи перевѣсъ рождающихся надъ умершими былъ бы 126%,—онъ былъ бы вдвое благопріятнѣе, чѣмъ въ выше сравненныхъ графствахъ.

Можно довольно легко доказать, что ужасная смертность, которая господствуетъ въ нашихъ промышленныхъ губерніяхъ, менѣе всего можетъ быть названа ихъ неизбѣжною судьбою или необходимымъ послѣдствіемъ промышленности. Въ Пермской губерніи, гдѣ въ 1863 году свирѣпствовала самая ужасная смертность и населеніе уменьшилось болѣе, чѣмъ въ другихъ промышленныхъ губерніяхъ, на основаніи памятной книжки Пермской губерніи на 1863 годъ между пермскими магометанами, находящимися въ болѣе благопріятныхъ соціальныхъ условіяхъ,—населеніе увеличилось на 1.37 процентовъ; болѣе этого увеличеніе населенія было только въ трехъ изъ двѣнадцати сравниваемыхъ нами англійскихъ мѣстностей. Между ними умиралъ одинъ изъ тридцати человѣкъ—подобной благопріятной смертности мы не нашли нетолько ни въ одной изъ промышленныхъ, но и ни въ одной изъ тѣхъ двѣнадцати губерній, въ которыхъ оказывается болѣе частныхъ земель.

демократія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, а соціальныя условія заставляютъ насъ поражаться такими бѣдствіями рабочаго населенія, которыя почти неслыханны,—въ сравненіи съ которыми много разъ оплаканныя судьбы европейскаго пауперизма должны представляться райскимъ блаженствомъ и недосягаемымъ благополучіемъ.

Пославъ нѣсколько десятковъ вполнѣ заслуженныхъ проклятій русскому оптимизму, который заставляетъ насъ до такой степени обманываться наружностью, я принимаюсь за дѣло болѣе глубокихъ наблюденій. Объѣхавъ Сибирь, сѣверную и восточную Россію, я очутился въ деревнѣ Нижегородской губерніи; рѣзныя и раскрашенныя избы громко говорятъ о ея благосостояніи, изъ моего экипажа отпрягаютъ тройку лошадей, которая стóитъ по крайней мѣрѣ пятьсотъ рублей. Вотъ кружокъ молодыхъ рабочихъ, они говорятъ о своихъ хозяевахъ и помѣщикахъ,—чтó это за выраженія: «пьютъ нашу кровь», «нашу жизнь ѣдятъ», — я ихъ гдѣ-то слыхалъ... припоминаю это было въ Пермской губерніи. †) Внезапно смуглый парень рѣзко повернулся и сказалъ, указывая пальцемъ: «вонъ онъ, злодѣй-то, идетъ». Я посмотрѣлъ по этому направленію и не увидалъ никого, но я догадался: слова эти относились къ пароходу. Я сказалъ нѣсколько словъ въ защиту пароходовъ и горько раскаялся; тотчасъ начали говорить въ другомъ духѣ и вскорѣ разошлись, — одинъ малый однакоже не могъ удержаться и сказалъ на прощаньи: «у насъ сторона злодѣй, заѣдаетъ людей». Неужели здѣсь существуетъ ненависть противъ машинъ, подумалъ я, и вскорѣ убѣдился, что дѣйствительно существуетъ. Меня поразила также особенная осторожность и сдержанность въ рѣчахъ, но мнѣ работники объяснили, что между ними половина шпіоновъ. «Не будь этого, не то бы было», сказалъ мнѣ одинъ работникъ, но я не могъ добиться объясненія. Далѣе я встрѣтился съ раскрашенными воображеніемъ легендами о томъ, какъ изъ ненависти къ притѣснителямъ жгутъ, грабятъ и убиваютъ; я встрѣтилъ также разсказы о томъ, какъ мѣстныя власти получаютъ будтобы отъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ подарки за то, чтобы дер-

---

Пермскіе магометане, по большей части башкиры, менѣе всего могутъ быть обязаны своимъ благосостояніемъ своей цивилизаціи. Какъ скоро въ Россіи промышленность является въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ тамъ, гдѣ мало частныхъ земель или гдѣ работникъ можетъ отчасти трудиться самостоятельно, являются и результаты совсѣмъ другаго рода. Архангельская и Астраханская губерніи по промышленной дѣятельности своихъ жителей занимаютъ одни изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи, между тѣмъ тамъ результаты совсѣмъ другіе, чѣмъ въ промышленныхъ губерніяхъ съ помѣщичьими землями: смертность въ этихъ двухъ губерніяхъ такъ благопріятна, что ни въ одной изъ двадцати четырехъ губерній, въ которыхъ всего болѣе промышленности и помѣщичьихъ земель, нѣтъ такихъ благопріятныхъ условій.

†) Какъ ни снисходительны взгляды Безобразова, но и онъ слыхалъ подобныя выраженія въ селѣ Ивановѣ; жаль только, что онъ умолчалъ о тѣхъ причинахъ, которыми они вызывались; но можетъ быть онъ ихъ не замѣтилъ—очень жаль, а замѣтить ихъ въ этой мѣстности было не трудно.

жать рабочій народъ въ ежевыхъ рукавицахъ: «иначе бы ихъ давно осенили или на большихъ дорогахъ зарѣзали», прибавлялось иногда. Я слыхалъ такіе разсказы о томъ, какъ будтобы эти капиталисты и землевладѣльцы ѣздили въ Петербургъ и добивались смѣны губернаторовъ, которые будтобы мѣшали имъ притѣснять народъ. Пожертвованія, дѣлаемыя богачами въ пользу государства и пр., встрѣчаются здѣсь рабочими нерѣдко съ ненавистью: «ато они задарить хотятъ, чтобы потомъ нашу кровь пить». Я встрѣтилъ одного рабочаго, который собирался бѣжать въ «Швейцарскую демократію»: онъ себѣ представлялъ неопредѣленно, что тамъ хорошо жить рабочему, но воображалъ, что тамъ существуетъ царь, у котораго есть генералъ-адъютанты, не берущіе взятокъ и которые поэтому защищаютъ рабочій народъ отъ притѣсненій. На пароходѣ я подслушалъ въ кружкѣ, которая слушаетъ бывалаго. Бывалый разсказываетъ, какъ сплавлялъ лѣсъ изъ Вологодской и Костромской губерній; по его словамъ, пока они плыли Вологодскою и Костромскою губерніей, они видѣли все народъ достаточный, а когда въѣзжали въ промышленную Россію, плоть продавался и гнать его далѣе приводили такихъ оборванцевъ, что срамъ было смотрѣть, — самый бѣдный тутъ народъ живетъ, прибавлялъ онъ. Вотъ свидѣтель, котораго не сбили съ толку рѣзныя избы и каменные дома. Другой разъ мнѣ случилось слышать подобное же сравненіе степныхъ и промышленныхъ губерній, сдѣланное съ женской точки зрѣнія. «У насъ народъ простъ, — говорила женщина, — ходятъ, такъ срамъ глядѣть; здѣсь народъ щегольской, и сапоги, и калоши, и самоваръ въ дому, а ѣсть нечего.» Мало по малу начала разоблачаться передо мною эта размалеванная блудница, которая называется нашими промышленными губерніями: сброшены накладная красота и привязные волосы, смыть искусственный румянецъ, вынуты искусственные зубы, и глазамъ моимъ предстала полусгнившая, истощенная фурія. Для того, чтобы получить надлежащее понятіе о промышленныхъ губерніяхъ, надобно сначала проѣхать по большой, бойкой дорогѣ. Тутъ вы увидите и рѣзныя избы и двухъэтажные дома, богатство и роскошь. Потомъ — по коммерческой дорогѣ. Разница будетъ громадная, вы сразу подумаете, что тутъ живетъ народъ столь же бѣдный какъ вообще въ Россіи. Затѣмъ прокатитесь по дорогѣ проселочной: тутъ только вы узнаете, съ какимъ бѣднымъ населеніемъ вы имѣете дѣло и почему тутошнихъ поселянъ зовутъ оборванцами. Сначала осадилъ меня со всѣхъ сторонъ крикъ земледѣльцевъ: «мы съ голоду умираемъ, — единогласно повторяли они, — земли нѣтъ; та, которая есть, требуетъ удобренія, а скота негдѣ взять, нечѣмъ его кормить; посмотрите, мы дороги выкашиваемъ, мы каждую травку срѣзываемъ, а скотъ у насъ все-таки погибаетъ отъ голоду. Въ другихъ мѣстахъ и хорошіе луга разъ вымашиваютъ, а мы два раза выкашиваемъ траву, на которую степной крестьянинъ и плюнуть бы не захотѣлъ. Оброки и поборы задавили насъ совсѣмъ, освобожденіе насъ не много облегчило, не будь освобожденія, здѣсь и народу бы не осталось, всѣ бы вымерли мало по малу.» Я вспомнилъ, что промышленныя губерніи Ярославская, Владимірская, Калужская стояли послѣдними въ спискѣ о движеніи населенія съ 1851 по 1863 годъ, и понялъ

эти полныя значенія слова. «Господа оброки отъ насъ требуютъ,—говорилось далѣе,—а земли не даютъ, мы бы имъ и деньги заплатили, только дали бы намъ землю, мы бы отдышались на ней. Всѣ земли теперь въ рукахъ у богатыхъ, а мы должны погибать. Послѣднее время, вѣрно, господа роскошничаютъ въ Питерѣ на наши оброки; мы скоро умремъ съ голоду, тогда и оброки платить будетъ некому. Прежде хотя лошадь работница выручала, а не лошадь такъ рыбка, а нынѣ машины проклятые выдумали, извозы прекратились, рыбу распугали; теперь купцы одни наживаютъ, весь народъ имъ въ кабалу отданъ». «У насъ нѣтъ земли, у насъ нѣтъ работы»,—слышно со всѣхъ сторонъ; и дѣйствительно натыкаешься на такихъ крестьянъ, которые могутъ служить типомъ оборванцевъ и нищихъ; даже въ Сибири, между бродягами, трудно найти людей такого жалкаго вида. Лѣтомъ—въ зимней шапкѣ и въ кафтанѣ, напоминающемъ шинель Акакія Акакіевича; и нетолько кафтанъ состоитъ изъ висящихъ клочьевъ и заплатъ нашитыхъ одна на другую, но даже и лапти съ заплатами. Исчезнетъ и очарованіе рѣзныхъ избъ, когда увидишь избы, какихъ не видывалъ ни въ восточной, ни въ сѣверной Россіи, если подобную избу порубить на дрова, то дрова эти горѣть не станутъ. Оглупленные до идіотизма эти люди кажется потеряли способность возбуждаться своимъ несчастьемъ; чтобы услышать отчетливыя жалобы, нужно обратиться къ болѣе счастливымъ, но и въ нихъ можно найти только нищенское униженіе. Въ этихъ мѣстахъ можно встрѣтить дѣтей совершенно одичалыхъ, которые умѣютъ только просить милостыню и почти ничего не умѣютъ говорить; пытались ихъ начать воспитывать въ болѣе позднемъ возрастѣ, но никакое воспитаніе не въ состояніи одолѣть ихъ дикую тупость. Одному работнику я передалъ свое замѣчаніе насчетъ раболѣпія, которое распространено крѣпостнымъ правомъ. Въ Сибири прислуга обижается, если ее заставляютъ выносить нечистоты; отхожія мѣста чистить соглашается только самый жалкій человѣкъ, какой-нибудь слѣпой нищій,—тамъ не, гдѣ господствовало крѣпостное право, подобныхъ чувствъ не существуетъ. «Куда,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—здѣсь не только вынесутъ, здѣсь за грошъ вылижутъ,—вотъ какой здѣсь бѣдный народъ.» Я никакъ не умѣлъ соединить такое жалкое положеніе съ знаменитою предпріимчивостію населенія промышленныхъ губерній. «Насъ голодъ гонитъ хлебать грязь за тысячу верстъ,—отвѣчали мнѣ,—у насъ и баба за мужика отвѣчаетъ, а все-таки отъ голоду не уйти.» «Нужда поневолѣ погонитъ,—сказалъ мнѣ одинъ бывалый;—въ Сибири можно получить въ задатокъ сорокъ и пятьдесятъ рублей, а здѣсь на самой тяжелой работѣ болѣе пяти не получить, съ такими деньгами здѣсь не много сдѣлаешь.» Когда я указывалъ на высокіе заработки, мнѣ отвѣчали, что для этого нужно быть мастеромъ, а чтобы сдѣлаться мастеромъ, нужно имѣть случай. «Здѣсь и не то бываетъ,—говорили мнѣ;—здѣсь и такихъ людей видали, что сегодня нищій, а пройдетъ годъ или другой—станетъ богатѣй.» По понятіямъ въ промышленныхъ губерніяхъ фабричный трудъ и подсобные промыслы нетолько не могутъ обезпечивать людей, но дѣлаютъ ихъ еще болѣе бѣдными. Такъ какъ обыкновеніе часть работниковъ семейства занимается земледѣліемъ, а другая ищетъ посторонней работы, для уплаты об-

роковъ и сборовъ, то цѣны на фабричный трудъ дотого сбиты, что имъ существовать самостоятельно совершенно невозможно — работники надѣются на пособіе земледѣльцевъ, которые сами въ жалкомъ положеніи и едва могутъ существовать. Еще чаще они надѣются на крѣпостной трудъ своей жены, которая какъ рабыня должна отправлять самыя несвойственныя ея полу работы, и пахать, и косить, и молотить. За фабричный трудъ, не требующій особаго искусства, четыре съ полтиною въ мѣсяцъ, на своемъ содержаніи, это часто встрѣчающаяся цѣна; въ тоже время казенные и общественные платежи высокіе: весьма часто между государственными крестьянами съ души, по крайней мѣрѣ, десять съ полтиною. Чтобы охарактеризовать положеніе промышленныхъ губерній, по сравненію съ степными и съ сѣверными, я скажу нѣсколько словъ о положеніи Владимірской губерніи. Все промышленное производство Владимірской губерніи можно оцѣнить въ 45,135,990 руб. сер.; продукты земледѣлія и лѣсоводства можно оцѣнить въ 26,615,000 руб. — всего на 71,750,990 руб. сер. Изъ этихъ цѣнностей казна, капиталисты и землевладѣльцы получаютъ 59,619,000 руб., а работники — 12,131,990 руб.; на каждое рабочее семейство придется около сорока пяти рублей. †) Что разсчетъ этотъ нетолько вѣренъ, но доходы работниковъ даже преувеличены, это можно видѣть изъ того, что разсчитывая по средней заработной платѣ большинства работниковъ приходится на семейство не сорокъ пять, а всего двадцать три рубля. Для того, чтобы семейство могло проживать сорокъ пять рублей въ годъ, работникъ, поддерживающій это семейство, долженъ получать заработной платы по крайней мѣрѣ осемьдесятъ рублей, — заработокъ, который достается только весьма ограниченному меньшинству. Каждое семейство производитъ болѣе, чѣмъ на двѣсти шестьдесятъ пять рублей цѣнностей, а потребляетъ менѣе десятой части своего производства. Мудрено ли послѣ этого, что народъ бѣденъ и страдаетъ. Кому такое жалкое положеніе покажется невѣроятнымъ, я скажу, что даже такіе работники, которые могутъ обращаться въ капиталистовъ, ведутъ самую жалкую жизнь. Офень—наполовину работникъ, а наполовину нищій; онъ въ одно и тоже время продаетъ товаръ и проситъ накормить его ради Христа. Мальчикъ, который находится при разъѣзжающемъ, т. е. при болѣе богатомъ офенѣ, живетъ изъ одного хлѣба. Этотъ привилегированный изъ офеней такъ бѣденъ, что онъ въ мятель, въ морозъ и въ дождь не имѣетъ возможности заѣзжать на ночлегъ, а ночуетъ въ полѣ. Разъѣзжая по русскимъ дорогамъ, въ суровую осеннюю пору, нельзя безъ жалости смотрѣть на этихъ жалкихъ людей, промокающихъ насквозь гдѣ-нибудь въ оврагѣ, въ то время, когда лошадь, поджавъ хвостъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, щиплетъ траву. Въ теченіе самаго суроваго времени

†) Во Владимірской губерніи полныхъ мужскихъ работниковъ около 270,000; такъ какъ во Владимірской губерніи приходился на 91 человѣка одинъ бракъ, то я и полагаю тамъ столько же семействъ, хотя ихъ въ сущности будетъ менѣе, до 225,000; въ такомъ случаѣ на каждое семейство придется по 53 рубля 91 коп., но зато среднимъ числомъ въ немъ будетъ пять человѣкъ.

года офень ведетъ жизнь болѣе тяжкую, чѣмъ дикарь арктическаго пояса, ѣстъ что попало, а нерѣдко просто голодаетъ. И это самый умный изъ работниковъ, сами работники удивляются его уму и оборотливости, а онъ самъ о себѣ самаго высокаго мнѣнія: свои доходы онъ приписываетъ рѣшительно своему высокому уму и превосходству своихъ интеллектуальныхъ способностей. «Они наживаютъ руками, а мы умомъ», говорилъ мнѣ одинъ изъ подобныхъ людей, сравнивая себя съ другими работниками. Офеньство сосредоточено преимущественно въ Вязниковскомъ уѣздѣ. Ниже мы увидимъ, что Вязниковскій уѣздъ пользуется такимъ благосостояніемъ, что онъ приближается къ благосостоянію Европы, въ то время, когда другіе уѣзды Владимірской губерніи пали ниже самыхъ ужасныхъ притоновъ европейской нищеты и европейскаго разврата. Если офени, гордость этого уѣзда, ведутъ жизнь о которой я только-что говорилъ, то въ какомъ положеніи должны быть работники несчастныхъ уѣздовъ? Средній уровень заработковъ выходитъ здѣсь нѣсколько выше, чѣмъ въ сѣверной и восточной Россіи, но къ несчастью въ промышленной Россіи по среднему уровню судить невозможно; промышленная Россія— это страна бѣдности и богатства, тутъ одно семейство заработываетъ триста рублей въ годъ, а рядомъ другое умираетъ съ голоду. Нигдѣ борьба за существованіе не вызываетъ такихъ отчаянныхъ усилій, какъ въ промышленныхъ губерніяхъ; тутъ всякій пускаетъ въ ходъ всѣ свои средства, старается взять и искусствомъ, и трудомъ, и умомъ, и борьбою. Ловкость и изворотливость отличаетъ всѣхъ работниковъ промышленныхъ губерній, не исключая такихъ какъ напр. Калужская. Всякій здѣсь старается прикрыть свои лохмотья наружнымъ видомъ благосостоянія, ради избы съ рѣзными украшеніями и краснаго наряда онъ готовъ попадать въ самыя тяжкія положенія и погубить дѣтей своихъ отъ голоду. Въ то время какъ крестьянинъ сѣверной и восточной Россіи часть года апатично сидитъ безъ работы, не имѣя даже и надежды ее пріобрѣсти, работникъ въ промышленной Россіи никогда не бываетъ спокоенъ; здѣсь со всѣхъ сторонъ слышны жалобы на недостатокъ работы и на ея невыгодность, здѣсь ненавидятъ машины за то, что онѣ уменьшаютъ количество заработковъ и переносятъ доходъ въ сферу капиталистовъ, здѣсь ненавидятъ капиталистовъ, если они понижаютъ заработную плату. У работника здѣсь болѣе развиты и сила воли и сила ума, здѣсь богатый крестьянинъ не оболванитъ бѣднаго «помочами», какъ въ Сибири или въ восточной и сѣверной Россіи, здѣсь за угощеніе не трудятся, а просятъ чистыя денежки. Здѣсь составляютъ артели, стачки, здѣсь пробуютъ всѣ средства, которыми можно бороться съ капиталомъ и усилить свои доходы; артели изъ промышленныхъ губерній, работающія въ Сибири или тому подобныхъ мѣстахъ, обыкновенно умѣютъ ставить себя въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ мѣстные жители. Если онѣ болѣе смѣлы въ жизненномъ бою, то и условія этого боя для нихъ болѣе тягостны; онѣ имѣютъ дѣло съ богатыми и могущественными капиталистами и еще болѣе богатыми и болѣе могущественными землевладѣльцами. Я долго былъ въ томъ заблужденіи, что населеніе земель богатыхъ и могущественныхъ землевладѣльцевъ составляетъ у насъ что-то

вродѣ привилегированнаго сословія, я полагалъ, что необремененное поборами оно получаетъ различныя преимущества насчетъ окрестныхъ жителей. Это вѣроятно и было бы такъ у насъ, еслибы нужды и положеніе рабочаго класса обращали на себя всеобщее вниманіе, но къ несчастію такого вниманія имъ не оказывается обществомъ, и нуждающіеся въ деньгахъ могущественные землевладѣльцы играютъ нерѣдко интересами рабочаго люда, не заботясь о томъ, каковъ будетъ результатъ этой игры для несчастнаго труженика. Считая своимъ правомъ распоряжаться своею собственностью сообразно личнымъ своимъ выгодамъ, они не думаютъ о томъ, что собственность эта есть въ тоже время орудіе труда для бѣднаго работника, что нѣсколько сотъ лишнихъ рублей, которые выгодаетъ крупный собственникъ, будутъ разореніемъ для десятковъ рабочихъ и вредомъ для всей страны; потому что богатство и промышленность не могутъ развиваться тамъ, гдѣ работникъ разоренъ.— Какъ ни увеличилась ловкость рабочаго промышленныхъ губерній въ борьбѣ съ капиталомъ, но ловкость эта не можетъ привести его къ побѣдѣ тамъ, гдѣ чиновники полиціи должны заискивать у его соперниковъ; вотъ почему мы видимъ, что несмотря на несравненно большее развитіе промышленной работы, цѣна на трудъ установляется по произволу нетолько всѣхъ капиталистовъ коллективно, но даже отдѣльныхъ между ними личностей. Цѣна на трудъ здѣсь не есть результатъ торга, она назначается капиталистами почти точно такъ же, какъ оброки и сборы назначаются закономъ и общими распоряженіями, и работники должны брать ее. О торгѣ между капиталистомъ и работникомъ можетъ быть рѣчь только въ случаяхъ относительно рѣдкихъ, когда капиталистъ нанимаетъ работника, обладающаго искусствомъ или благопріятными послѣднему условіями, приблизительно столь же рѣдко встрѣчающимися, какъ и самый капиталъ; въ другихъ случаяхъ капиталистъ руководствуется разными личными соображеніями, а иногда просто личнымъ своимъ характеромъ. Если работники живутъ на хозяйскомъ содержаніи, то одинъ капиталистъ кормитъ ихъ хорошо и содержитъ удовлетворительно, другой даетъ при большемъ трудѣ одну овсянку и стѣсняетъ всячески; тоже самое бываетъ и съ заработной платой. На вопросъ, зачѣмъ они идутъ работать къ такому жадному скрягѣ, работники отвѣчаютъ обыкновенно: «намъ некуда дѣться». Въ общемъ результатѣ выходитъ, что работникъ, который крайне несчастливъ, встрѣчается по крайней мѣрѣ въ десять разъ чаще, чѣмъ работникъ, который крайне счастливъ; работникъ, который не можетъ издерживать даже двадцати рублей въ годъ на все свое семейство— явленіе несравненно болѣе обыкновенное, чѣмъ работникъ, который можетъ издерживать полтораста или триста; на пять съ половиною копѣекъ въ день нужно содержать пять человѣкъ при семигривенномъ хлѣбѣ—какъ тутъ быть? поневолѣ тутъ размыкаешь все свое семейство и будешь отдавать малолѣтнихъ дѣтей въ кабалу изъ одного хлѣба, — поневолѣ при такомъ положеніи будетъ уменьшаться населеніе. Какъ бы ни была развита промышленность, но, кромѣ Москвы и Петербурга, во всѣхъ нашихъ промышленныхъ губерніяхъ заработная плата регулируется заработками земледѣльца. Вареное мужское населеніе, которое заработываетъ себѣ пропитаніе исключительно дру-

тишь, кромѣ земледѣльческаго труда, составляетъ все-таки относительно незначительную часть рабочаго класса; напр. во Владимірской губерніи можно полагать, что оно составляетъ 25% всего взрослаго мужскаго населенія, въ Пермской 19%, въ Калужской 18%, въ Оренбургской 14%, въ другихъ еще менѣе. Если даже разсчитывать, что третья часть всѣхъ крестьянскихъ заработковъ будетъ имѣть своимъ источникомъ другія, не земледѣльческія занятія, и въ такомъ случаѣ главная масса труда будетъ сосредоточена на земледѣліи. При такомъ положеніи можетъ ли быть цвѣтущее промышленное населеніе тамъ, гдѣ земледѣліе плохо, гдѣ земля безъ удобренія даетъ плохіе урожаи, а для удобренія мало скота и на каждое вакантное мѣсто въ промышленности являются три кандидата изъ земледѣльцевъ. Чтобы понять всю тягость тѣхъ несчастій, которыя доводятъ наши промышленныя губерніи до такого жалкаго положенія, нужно прежде всего вникнуть въ нравственное настроеніе тамошнихъ жителей. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ работникъ промышленной полосы воспитываетъ въ себѣ тѣ чувства, которыя дѣлаютъ его впослѣдствіи столь несчастнымъ. Лишь только онъ ребенкомъ начинаетъ себя помнить, ему бросается въ глаза изба сосѣда, въ два этажа, по пяти оконъ въ каждомъ, разукрашенная рѣзьбою и размалеванная какъ игрушка. Это бы еще ничего, но въ этой избѣ живетъ сынъ хозяина, съ которымъ онъ играетъ каждый день; этотъ заносчивый буянъ, кажется, поставилъ себѣ задачею его унижать всѣми средствами, не было вещи, не было животнаго и человѣка въ ихъ домѣ, которыхъ бы онъ не порицалъ и не осмѣивалъ, про его отца онъ говорилъ, что онъ дуракъ, что онъ оборванецъ, что такихъ дураковъ нужно сѣчь до тѣхъ поръ пока вся шкура съ него слѣзетъ. Онъ постоянно кололъ ему глаза богатствомъ своего отца, у котораго будтобы большущіе сундуки набиты деньгами, добра возами не свозить. Грубая заносчивость въ дѣтяхъ разбогатѣвшихъ работниковъ промышленной полосы нерѣдко возбуждала во мнѣ сравненіе съ дѣтьми, воспитанными у насъ въ идеяхъ барства; задѣтый за-живое будущій работникъ уже въ этомъ возрастѣ начинаетъ замѣчать, какъ богатому всегда везетъ со всѣхъ сторонъ, какъ онъ занимаетъ лучшія мѣста, беретъ себѣ самую выгодную работу, а другимъ достаются только кости съ богатаго стола. Вотъ прошло время бѣдственнаго дѣтства, онъ выросъ, выровнялся и сдѣлался парень хоть куда, красивый, бойкій, смышленый. Зашевелилось въ немъ сердце, приглянулась ему красотка изъ того же села, но гордая красавица любитъ наряды, на бѣднаго горемыку она и смотрѣть не хочетъ, она только и говоритъ, что о богатыхъ, да о богатствѣ, ея воображеніе наполнено картинами величій и наслажденій, которыя даются золотомъ, она едва удостоила бы взглядомъ идеалъ красоты и ловкости, еслибы этотъ идеалъ явился къ ней въ бѣдномъ нарядѣ, ея юному, едва развивающемуся сердцу мало доступны наслажденія, которыя даетъ любовь, но весьма доступны страданія бѣдности и прелести богатства. Все это весьма понятно нашему влюбленному герою, онъ давно заучилъ пѣсню: «Если хочешь разгуляться, возьми денежки съ собой». Онъ такъ робокъ, что не смѣетъ даже обнаружить своихъ чувствъ прежде,

чѣмъ можетъ обратить на себя вниманіе приличною роскошью. Наконецъ приближается желанный часъ, онъ пріобрѣтаетъ шестьдесятъ рублей въ годъ на готовомъ содержаніи, но каково же его несчастье! его сосѣдъ, старый сластолюбецъ, плѣнилъ предметъ его мечтаній золотой казной и она сдѣлалась его любовницею. Къ довершенію его досады старый волокита и ревнивъ и увѣренъ въ предпочтеніи, которое прелестница отдаетъ его золоту передъ всѣми возможными пламенными любовниками. Юноша не успѣлъ скрыть своихъ чувствъ и старикъ надменно дразнитъ его при каждомъ случаѣ. Его любимѣйшій способъ бѣсить молодца состоитъ въ томъ, чтобы показывать ему, какое грандіозное впечатлѣніе производитъ на красавицу золото. Какъ скоро они втроемъ, онъ тотчасъ начинаетъ разговоръ вродѣ слѣдующаго: «Я такому-то помѣщику заплатилъ въ аренду пять тысячъ, а за такой-то товаръ далъ двѣ тысячи и все-еще у меня денегъ много.» Какъ юноша чувствуетъ себя въ эти минуты оскорбленнымъ и униженнымъ, онъ вполнѣ раздѣляетъ убѣжденіе, что только деньги дѣлаютъ человѣка, но къ несчастью человѣческое сердце бьется и тамъ, гдѣ нѣтъ денегъ. Поглядитъ онъ на великолѣпное шелковое платье со шлейфомъ, въ которомъ является въ праздникъ плѣнительная прелестница, вспомнитъ, что это даже не занятое, а ея собственное платье, и пойметъ, сколько нужно вырабатывать, чтобы обладать такимъ сокровищемъ. Шестьдесятъ рублей въ годъ ему кажутся такимъ унизительнымъ заработкомъ, и вечеромъ ложится онъ спать и утромъ встаетъ съ мыслью о томъ, какъ бы разбогатѣть. Онъ уже тысячу разъ посылалъ проклятіе машинамъ и еще чаще награждалъ ими своего землевладѣльца, который свои земли отдалъ въ аренду богатымъ государственнымъ крестьянамъ и его сосѣду. «Вѣдь это наша земля,—разсуждаетъ онъ,—что же онъ ее роздалъ сосѣднимъ богатѣямъ, какіе же мы ему плательщики безъ земли.» Хотя землевладѣлецъ вѣроятно руководствовался исключительно тѣмъ соображеніемъ, что въ богатыхъ рукахъ аренда вѣрнѣе, но нашъ юноша вполнѣ сочувствовалъ общественному мнѣнію, которое видѣло въ поступкѣ землевладѣльца проявленіе какой-то ненависти къ своимъ крестьянамъ. Подобныя чувства волнуютъ не одно сердце въ промышленныхъ губерніяхъ: неоднократно мнѣ случалось встрѣчать недовольство своимъ положеніемъ и слова ненависти въ устахъ работниковъ, получающихъ шестьдесятъ рублей въ годъ. Имъ тяжело получать шестьдесятъ рублей, посмотримъ, сколько у нихъ возможностей заработать болѣе. Въ промышленныхъ губерніяхъ двѣ трети земледѣльцевъ могутъ среднимъ числомъ заработывать на своихъ участкахъ, за уплатою всѣхъ оброковъ и сборовъ, до шести рублей въ годъ — одна треть въ среднемъ выводѣ отъ десяти до шестнадцати рублей: что такими заработками жить невозможно, объ этомъ и говорить нечего. При такомъ положеніи милліонъ сельскаго населенія выставляетъ на рынокъ триста тысячъ голодныхъ работниковъ и работницъ, которые готовы работать за всякую цѣну, лишь бы не умереть съ голоду да заплатить оброки и сборы. Къ несчастью на рынкѣ этомъ требуется едва половина или треть. Требуются счастливцы, обладающіе или особеннымъ искусствомъ или скопленнымъ капиталомъ или особенною благона-

дешевостью. Семейства, которыя поддерживаются этими баловнями судьбы, можно приблизительно считать составляющими одну двѣнадцатую часть всего сельскаго населенія, ихъ средній заработокъ можно полагать въ сто двадцать рублей серебромъ, смертность между ними по одному на сорокъ человѣкъ. Затѣмъ требуются работники, которые раздѣляютъ общую участь всѣхъ русскихъ тружениковъ: ихъ пища грубый черный хлѣбъ, по всему своему образу жизни они относятся къ тѣмъ работникамъ, про которыхъ Гейдукъ сказалъ, что заграничный работникъ умеръ бы, еслибы онъ получалъ такое продовольствіе, они чувствуютъ на себѣ бремя униженія, о своихъ заработкахъ они говорятъ какимъ-то плаксивымъ голосомъ, по ихъ словамъ съ такими заработками прожить нельзя или нужно находиться въ благопріятныхъ условіяхъ: средній уровень для этихъ заработковъ составляетъ пятьдесятъ пять рублей, за уплатою оброковъ и сборовъ имъ остается по десяти копѣекъ въ день на содержаніе семейства; потребляя же четыре фунта хлѣба въ день, семейство имѣетъ на всѣ другія потребности не болѣе рубля серебромъ въ мѣсяцъ. Вы можетъ быть думаете, что это несчастные, отверженные паріи промышленной Россіи? о нѣтъ! это счастливые избранники, ихъ число составляетъ отъ одной трети до двухъ пятыхъ рабочаго населенія; я полагаю, что между ними долженъ умирать приблизительно одинъ изъ двадцати семи, только треть русскихъ губерній пользуется въ общей сложности такимъ благосостояніемъ, какимъ пользуется этотъ классъ работниковъ. За нимъ какъ призракъ смерти стоитъ большинство населенія. На содержаніе не хватаетъ хлѣба, ни земли, ни скота, ни работы, или предстоитъ убійственно тяжелая работа. Это—то бѣдствующее большинство, про которое работники, получающіе четыре съ полтиною въ мѣсяцъ, говорятъ: «Есть и бѣднѣе насъ, есть такіе, что я, кажется, въ гробъ бы скорѣе легъ, чѣмъ такъ жить въ особенности между крестьянами.» На это бѣдствующее большинство производится давленіе со всѣхъ сторонъ. Промышленная полоса развиваетъ между рабочею молодежью типъ франтовъ и хватовъ, типъ въ особенности плѣнительный для воображенія и сердецъ молодыхъ дѣвушекъ, при тяжеломъ положеніи работника это франтовство обыкновенно ведетъ къ нищенской сумѣ. Франты эти — отчаяніе родителей, которые всѣми средствами стараются, чтобы ихъ дочери не выходили за подобныхъ людей замужъ; между ними поддерживается мнѣніе, что дѣвушкѣ никакъ нельзя дозволить выборъ жениха, что она непремѣнно выберетъ мота, который сдѣлаетъ и ее и всю семью несчастными. На этотъ источникъ обѣднѣнія часто ссылаются, но въ сущности онъ такъ же ничтоженъ, какъ и пьянство. Ссылаются и на другой болѣе могущественный въ селеніяхъ обычай сильнѣе любаго физическаго закона: крестьянинъ скорѣе заморитъ себя и свою семью голодомъ, чѣмъ не исполнитъ обычая. Весьма часто въ селеніяхъ развиваются обычаи для бѣдныхъ людей весьма обременительные, и обычаи эти весьма туго уступаютъ необходимости. Въ селеніи распространился взглядъ, что дѣвушку, которая не имѣетъ шелковыхъ и шерстяныхъ платьевъ, никто замужъ не возьметъ; родители тянутся изъ всѣхъ силъ, чтобы доставить дочери шелковыя и шерстяныя платья, и можетъ быть не одинъ ребенокъ бу-

детъ жертвою такого стремленія. Число семействъ, которое не въ состояніи выдерживать подобнаго обычая, увеличивается съ каждымъ годомъ. Наконецъ деревня опустилась дотого, что о шелковыхъ платьяхъ нечего и помышлять, то, что дѣлалось для шелковаго платья, дѣлается теперь для избы съ рѣзными украшеніями; стыдно не ходить въ сапогахъ, стыдно не имѣть самовара, переносится голодъ, продается послѣдній скотъ для заведенія самовара. Потребность обстанавливать себя сколько-нибудь порядочнымъ образомъ—такая сильная потребность въ русскомъ работникѣ, что дѣлать для него слишкомъ затруднительнымъ удовлетвореніе этой потребности—варварство и безчеловѣчіе. Потребность эта въ высшей степени законная, это лучшій залогъ будущаго нашего прогресса и благосостоянія: опытъ показываетъ, что работникъ стремится къ ея удовлетворенію несмотря на всѣ препятствія, но что онъ гибнетъ притомъ. Ради этой потребности онъ съ жадностью кидается на всякую работу, позволяетъ алчному капиталисту дѣлать съ собою все, что только тотъ желаетъ во вредъ его здоровью и благополучію. У насъ и на основаніи закона мѣры, ограждающія работника отъ обсчитыванія и уничтоженія его здоровья, недостаточны, а исполненіе ихъ вовсе никуда не годится: капиталисты безпрепятственно дѣлаютъ все, что хотятъ, и противодѣйствіе имъ со стороны властей—величайшая рѣдкость. Работникъ долженъ позволять себя обсчитывать, брать товаръ вмѣсто денегъ, работать иногда по шестнадцати часовъ и до окончательнаго изнуренія силъ, онъ можетъ окончательно изнурять работой свою жену и дѣтей. Всего этого мало, подъ вліяніемъ только-что описаннаго настроенія онъ нисколько не остерегается вредной для здоровья работы,—и не принимается никакихъ мѣръ для того, чтобы уменьшить этотъ вредъ! онъ работаетъ въ такой высокой температурѣ или въ воздухѣ дотого зараженномъ зловредною пылью, напр. во время трепанія льна, приготовленія табаку и пр., что человѣку, пришедшему съ чистаго воздуха непонятно, какимъ образомъ можно пробыть въ подобной атмосферѣ часъ не упавъ въ обморокъ, а нетолько цѣлый день. За такія работы плата иногда нетолько не выше, но ниже средней платы фабричному работнику, на нее нерѣдко кидаются работники разоренные и которымъ нужны во что бы то ни стало деньги для уплаты долговъ и недоимокъ. Они стараются притомъ сдѣлать всю возможную экономію и весьма часто случается, что работники, которые заработываютъ такимъ образомъ до шестидесяти копѣекъ въ день въ то время, какъ обыкновенная плата отъ 15 до 20 коп., постоянно ѣдятъ одинъ только черный хлѣбъ и пьютъ одну воду. Пища не возстановляетъ организма, работа въ зловредной атмосферѣ его убиваетъ — послѣдствія можетъ представить себѣ каждый. Всего болѣе достается большимъ семействамъ. Хлѣба нужно много, а между тѣмъ вышло такое обстоятельство, что хлѣбъ весь нужно было искормить плотникамъ для поправки избы, дотого сгнившей, что ее изрубили на дрова, дѣтей кормить нечѣмъ, они разсовываются во что бы то ни стало по чужимъ рукамъ, ребенокъ изнуряется работой въ варварскихъ рукахъ, гдѣ-нибудь при выдѣлкѣ кожи въ малыхъ размѣрахъ, онъ дѣлаетъ самую отвратительную работу въ сырости, въ зловонномъ воз-

духѣ; чувство самосохраненія доводитъ его до отчаянія, онъ жалуется родителямъ, а тѣ уговариваютъ его терпѣть. Ребенокъ не можетъ развиться, онъ наконецъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ истощенія, онъ—жертва смерти, а родители говорятъ, что они не знаютъ, что съ нимъ сдѣлалось и отчего онъ такъ «отощалъ». Если прослѣдить то же чувство неодолимаго тщеславія въ высшемъ слоѣ работниковъ, можно натолкнуться на явленія не менѣе печальныя. Вотъ семейство, славящееся своею трезвостью, своей честностью и своимъ трудолюбіемъ. Желѣзнымъ трудомъ и терпѣніемъ оно нажило себѣ порядочный домикъ, много переплатило оно денегъ ростовщикамъ и піявкамъ, которые помогали ему при постройкѣ. Войдите въ комнату, вы встрѣтите обои, довольно приличную мебель, хотя не слишкомъ дорогую, но все-таки обитую; за стекломъ въ шкафу вы найдете множество мелкихъ вещей. Распросите исторію этого шкафа,—она замѣчательна: для пріобрѣтенія всей этой мелочи насчетъ пищи, насчетъ самаго необходимаго отлагалась копѣйка за копѣйкою. Войдите въ это семейство въ будни когда угодно, вы всѣхъ, начиная съ дѣтей, застанете за самой прилежной работой. Изнуренные глаза, зеленоблѣдныя лица, не доразвившіяся фигуры дочерей покажутъ вамъ, чего стоютъ добытыя ими скромныя сокровища. Вотъ праздникъ, передъ вами правильныя красивыя черты, большіе влажные глаза, густые прекрасные волосы, васъ невольно привлекаетъ выразительная физіономія дѣвочки; но вы не можете смотрѣть на нее безъ содроганія: эта зеленовато-блѣдная, изнуренная фигура въ своемъ роскошномъ нарядѣ похожа на жертву, приговоренную къ смерти и разукрашенную для торжественнаго шествія. Вглядитесь въ этотъ нарядъ, вы увидите, какъ тутъ все разсчитано на дешевизну, какъ тутъ все умѣрено и обрѣзано. Поговорите съ этой дѣвочкой, у нея большая голова, рѣчь ея умна и толкова, вы тотчасъ увидите, что ее принуждаютъ къ работѣ не палкой, а убѣжденіемъ и возбужденіемъ въ ней тѣхъ страстей, которыя господствуютъ въ сердцахъ родителей, ради этихъ страстей ея лицо сдѣлалось болѣзненно зеленымъ, ея тѣло не развилось, ее не губятъ, а убѣждаютъ губить себя изъ желанія соединить блескъ съ честностью. Эта дѣвочка явится не первымъ образомъ въ вашей памяти, вы вспомните блѣднаго, худаго нервнаго работника, котораго вы встрѣчали не разъ и который передъ вами съ такимъ энергическимъ краснорѣчіемъ проклиналъ машины, капиталистовъ и оброки. Видъ этотъ покажется вамъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ крестьянская бѣдность, которая, несмотря на весеннее голоданіе, на употребленіе въ пищу соломы, иногда является передъ вами съ цвѣтущими щеками и никогда не имѣетъ этого потрясающаго, задумчиваго взгляда, полнаго заботъ и энергическихъ стремленій—тутъ гибнетъ нетолько тѣло, но и высокая душа. Эти способныя и нерѣдко губящія себя натуры таковы, что съ ними не можетъ состязаться обыкновенный работникъ; они умѣютъ выбирать для себя самую выгодную работу и приспособляться къ ней лучше всякаго другаго. Рядомъ съ ними масса населенія, при своемъ малоземеліи, при недостаточномъ удобреніи, при плохихъ урожаяхъ, оказывается въ самомъ жалкомъ положеніи. Положеніе это тѣмъ болѣе ужасно, что несмотря на всю свою бѣдность, несмотря на то, что этимъ людямъ

труднѣе питаться, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ частяхъ Россіи, они продолжаютъ слыть богатыми, ихъ примѣшиваютъ къ массѣ работниковъ, которые получаютъ иногда втрое болѣе, и приравниваютъ къ ней. Отъ нихъ требованія со стороны высшихъ болѣе строгія; въ особенности до освобожденія требованія эти доходили до крайней жестокости; капиталистъ, не слишкомъ великодушный считаетъ небольшимъ грѣхомъ поступать съ ними пристрастно, чиновники, помѣщики, капиталисты хоромъ кричатъ: «они получаютъ много».

Чѣмъ-то вродѣ жертвы подобнаго положенія является напр. Ярославская губернія. Есть ли хотя одинъ русскій, которому неизвѣстна была бы промышленная слава этой губерніи. Внѣшній видъ этой губерніи по большимъ дорогамъ замѣчательно цвѣтущій, свѣдѣнія, которыя можно получить при поверхностномъ наблюденіи, не менѣе утѣшительны. Если напр. сравнить свѣдѣнія о заработной платѣ на заводахъ и фабрикахъ, помѣщенныя въ Памятныхъ книжкахъ Самарской 1864 г. и Ярославской 1863 года, то въ Самарской губерніи плата эта взрослому мужскому работнику составляетъ отъ 2 р. 30 коп. (приэтомъ еще продуктовъ на 1 р. сер.) до 6 руб. 50 коп., въ Ярославской же губерніи дѣти моложе четырнадцати лѣтъ заработываютъ отъ трехъ до пяти рублей, а старше четырнадцати лѣтъ заработываютъ и больше до десяти, т. е. больше самой высокой заработной платы взрослаго самарскаго работника; даже дѣвочки четырнадцати лѣтъ могутъ заработать больше, чѣмъ онъ, женщины получаютъ до десяти рублей, т. е. почти на 50% больше. Только на одной канатной фабрикѣ заработная плата караульщиковъ нисходитъ до 3 рублей, на той же фабрикѣ чернорабочіе получаютъ отъ двѣнадцати до шестнадцати рублей, а средняя заработная плата составляетъ 14 руб., для большинства рабочихъ, мастеровыхъ и прядильщиковъ даже 16 руб.; на бумагопрядильныхъ фабрикахъ плата сторожей обозначена въ 6 р. и 6 р. 50 к., а лучшіе работники получаютъ до двадцати рублей: и тутъ средняя заработная плата выходитъ тринадцать рублей. За работу нетолько платятъ больше, но и случаи получить ее гораздо многочисленнѣе. Въ то время, какъ въ Самарской губерніи въ 1858 г. весь привозъ исчисленъ почти въ 1 милл. руб., а отпускъ около 9 милл., въ одномъ Рыбинскѣ въ 1858 году привозъ исчисленъ въ 36 милл., а отпускъ почти въ 37 милл. руб., слѣдовательно одно движеніе по Волгѣ можетъ дать больше работы, чѣмъ движеніе по всѣмъ самарскимъ путямъ сообщенія. Между тѣмъ за этой ослѣпительной наружностью богатства скрываются самыя безотрадныя бѣдствія. Все въ Ярославской губерніи устроено на роскошную ногу, а поддерживать эту роскошь нечѣмъ, населеніе бѣдствуетъ до такой степени, что даже освобожденіе повидимому не принесло своихъ плодовъ. Годъ освобожденія былъ средній и даже нѣсколько благопріятный для Ярославской губерніи, въ этотъ годъ смертность губерніи равнялась смертности англійскихъ нищихъ — умиралъ одинъ изъ двадцати пяти жителей. Въ этотъ годъ въ Ярославской губерніи на десять тысячъ родившихся умирало на первомъ году жизни три тысячи шестьсотъ тридцать, т. е. больше трети, между тѣмъ какъ въ Европѣ умираетъ четвертая часть. Число всѣхъ умершихъ до пяти лѣтъ отроду превышала половину

родившихся, до десятилѣтняго возраста не доживало и сорока осьми процентовъ населенія. Оказывалось, что изъ всего населенія работники и работницы въ полной силѣ и вполнѣ способные къ работѣ не составляли даже и третью часть, во всемъ населеніи не насчитывалось даже шести процентовъ способныхъ кое-какъ работать. Вотъ каково было положеніе ярославскаго населенія въ счастливый 1861 годъ, но счастливая звѣзда далеко не всегда сопровождаетъ нашего работника, послѣдующіе годы были далеко не такъ счастливы. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ указа объ освобожденіи населеніе Ярославской губерніи уменьшилось на одинъ процентъ съ третью; жертвою въ этомъ случаѣ были преимущественно крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, потому что населеніе государственныхъ крестьянъ въ тоже время увеличилось на четыре и двѣ трети процента. Въ это время ярославское образованное сословіе восхваляло благосостояніе рабочаго населенія, приписаннаго къ помѣщичьимъ землямъ, т. е. главной массы населенія, оно искусно вывело разсчеты, по которымъ оказалось, что рабочее населеніе, живущее на помѣщичьихъ земляхъ, производитъ для себя почти вдвое больше, чѣмъ населеніе на земляхъ государственныхъ, каждый временно-обязанный крестьянинъ произвелъ для себя четыре четверти хлѣба, а государственный лишь двѣ съ половиною четверти. Для читателя подобныя явленія не должны быть новы, онъ встрѣчался съ ними уже въ Вологодской губерніи, крестьяне на частныхъ земляхъ вездѣ благоденствуютъ, только по неизвѣстной причинѣ мрутъ какъ мухи. По результатамъ 1863 года народонаселеніе продолжало уменьшаться, смертность была такая ужасная, что число умершихъ превышало число родившихся; жертвъ смерти было такъ много, что съ 1838 по 1857 годъ встрѣтилось только два года, въ которыхъ смертность была значительнѣе. По среднему выводу этихъ двадцати лѣтъ въ Ярославской губерніи была смертность лондонскихъ нищихъ—одинъ изъ двадцати пяти. По среднему выводу счастливаго года освобожденія и 1863 г. смертность эта была еще незначительнѣе, смерть похищала одного изъ двадцати четырехъ, въ шестьдесятъ третьемъ году одного изъ двадцати двухъ. И здѣсь оказывается то, что мы находили въ другихъ мѣстахъ Россіи: смертность всего сильнѣе въ тѣхъ уѣздахъ, въ которыхъ всего больше частныхъ земель, тамъ же являются и другіе признаки бѣдности, напр. меньшее число скота. Развитіе промышленной дѣятельности въ уѣздахъ, несмотря на свою громкую славу, оказывается слишкомъ незначительнымъ, чтобы имѣть какое-нибудь вліяніе, благопріятное или неблагопріятное, на смертность, въ двухъ уѣздахъ даже вовсе нѣтъ фабрикъ и заводовъ. Зато въ городахъ промышленное движеніе имѣетъ несомнѣнное вліяніе на смертность, но, увы, оказывается, что самая цвѣтущая промышленность влечетъ за собою и самую большую бѣдность. Въ городахъ, гдѣ часть жителей принадлежитъ къ высшимъ сословіямъ и пользуется значительнымъ благосостояніемъ, а другая не обременена оброками, населеніе можетъ достигать замѣчательно благопріятной для Россіи смертности и переходить за тридцатыя числа; но всѣ города, которые отличаются такимъ благосостояніемъ, или совершенно ничтожны или имѣютъ второстепенное промышленное значеніе: въ

одномъ городѣ смертность сравнялась съ среднею смертностью Пруссіи — это ничтожный городъ Любимъ. Города Ярославль и Угличъ, въ которыхъ всего больше развитъ фабричный и промышленный трудъ, играютъ жалкую роль въ отношеніи смертности, въ нихъ умиралъ одинъ изъ двадцати четырехъ даже въ такой благопріятный годъ, когда и въ городахъ и въ уѣздахъ умиралъ одинъ изъ двадцати шести. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ освобожденія изъ пяти уѣздовъ, гдѣ всего больше помѣщичьихъ земель, населеніе уменьшилось въ трехъ: въ Мышкинскомъ уѣздѣ, который въ Ярославской губерніи отличается наибольшимъ населеніемъ на помѣщичьихъ земляхъ, населеніе уменьшилось больше чѣмъ на девять процентовъ, между тѣмъ какъ ни въ одномъ изъ другихъ уѣздовъ уменьшеніе населенія не достигало и трехъ процентовъ. Изъ пяти уѣздовъ съ менѣе значительнымъ населеніемъ на помѣщичьихъ земляхъ населеніе уменьшилось только въ двухъ, самыхъ промышленныхъ уѣздахъ—Ярославскомъ и Рыбинскомъ. Послѣ Мышкинскаго въ Рыбинскомъ уѣздѣ уменьшеніе было самое значительное. Послѣ всѣхъ подобныхъ фактовъ невозможно не потерять довѣрія къ показаніямъ офиціальныхъ источниковъ о высокой заработной платѣ, вродѣ тѣхъ, которые приведены были выше. Показанія эти почерпаются изъ односторонняго источника, т. е. отъ капиталистовъ, точно также, какъ показанія объ урожаяхъ на земляхъ крестьянъ—отъ помѣщиковъ, а потому и заслуживаютъ весьма мало довѣрія. Мало этого, сравнивая въ одинхъ и тѣхъ же изданіяхъ ярославскаго статистическаго комитета показанія болѣе подробныя съ менѣе подробными, можно замѣтить въ послѣднихъ преувеличеніе; а если распрашивать рабочихъ, то дѣло покажется совсѣмъ въ другомъ видѣ, напр. показанія о поштучныхъ заработкахъ окажутся преувеличенными, по крайней мѣрѣ, вдвое †).

---

†) Вотъ данныя, на которыхъ основаны всѣ изложенные выше выводы:

Въ Памятной книжкѣ Самарской губерніи 1864 г. на стр. 109 заработная плата въ мѣсяцъ обозначена пѣшимъ работникамъ слѣдующимъ образомъ: на заводахъ у Осоргина 2 р. 30 к., 2 пуда 2 фун. ржной муки, 10 фунтовъ крупъ и 2 фун. соли; у Рычкова 3 р. 25 коп., 2 пуда рж. муки, 10 фун. кр. и 2 фун. соли; у Шлейера 3 руб. 50 коп., 2 пуда рж. муки, 20 фун. кр. и 2 фун. соли; у Микулина 3 руб. 71 коп., 2 пуда рж. муки, 10 фун. кр. и 2 фун. соли; у Елачича 3 руб. 75 коп., 2 пуда рж. муки, 10 фун. кр. и 2 фун. соли; у Шелашниковыхъ 4 руб., 2 пуда рж. муки, 15 фун. кр., 2 фун. соли и 10 ведръ барды; у Шишкова 4 руб., 2 пуда рж. муки, 10 фун. кр. и 10 фун. соли; у Миллера 5 р. 50 коп.; у Лазарева 6 р. 50 к.

Въ Памятной книжкѣ Ярославской губерніи 1863 года на стр. 199 и сл. заработная плата въ мѣсяцъ обозначена слѣдующимъ образомъ: на канатной фабрикѣ Журавлевыхъ: 96 мастеровымъ отъ 15 до 25 руб., 282 прядильщикамъ отъ 14 до 18 руб., 280 плотникамъ отъ 10 до 18 руб., 102 чернорабочимъ отъ 12 до 16 р., 16 караульнымъ отъ 3 до 5 руб., остальнымъ 58 работникамъ отъ 12 до 167 руб. Во второмъ выпускѣ трудовъ ярославскаго статистическаго комитета, на той же фабрикѣ цѣны обозначены слѣдующія: 35 канатчикамъ въ мѣсяцъ 17 руб. 50 к., 55 рабочимъ 11 руб. 50 коп., 250 прядильщикамъ плата поштучная, 50 чесунамъ поденная плата отъ 45 до 60 коп., 37 рабочимъ по 47 руб. въ годъ, 37 мальчикамъ по 17 руб. 50 коп., 26 пильщикамъ по 6 руб. въ мѣсяцъ, — эти сто рабо-

Ужасное положеніе нашего рабочаго въ промышленныхъ губерніяхъ характеризуется фактами изъ жизни не одной Ярославской губерніи, въ другой

чихъ на хозяйскомъ хлѣбѣ;—11 слесарямъ, токарямъ и котельщикамъ по 25 руб. въ мѣсяцъ, кузнецамъ 3 мастерамъ по 27 руб. въ мѣсяцъ, 5 кузнецамъ по 17 руб. въ мѣсяцъ, 8 молотобойцамъ на хозяйскомъ хлѣбѣ по 47 руб. 50 коп. въ годъ; при угольной ямѣ одному мастеру 80 руб. въ годъ, 2 рабочимъ по 6 руб. въ мѣсяцъ на хозяйскомъ содержаніи; 1 столяру 24 руб., 12 столярамъ по 14 руб. въ мѣсяцъ. Въ известковой ямѣ 1 каменщику 16 руб., 1 рабочему 6 руб.; въ дегтярномъ заводѣ одному мастеру 8 руб., 1 рабочему 6 руб.; въ куренѣ 5 хлѣбникамъ по 9 руб., 3 рабочимъ по 6 руб.,—эти двѣнадцать рабочихъ на хозяйскомъ содержаніи;—плотникамъ: 1 мастеру 50 руб. въ мѣсяцъ, 50 плотникамъ по 20 руб. въ мѣсяцъ, 60 плотникамъ по 12 руб. 50 коп., 30 пробойщикамъ по 17 руб. 50 коп.; 160 барочникамъ поштучно, а также и 15 тесальщикамъ копани; на пристаняхъ 11 помощникамъ прикащиковъ по 17 руб. 50 коп., 200 рабочимъ по 6 руб.; на конномъ заводѣ: 4 конюхамъ по 100 руб. въ годъ; 15 землекопамъ по 8 руб.; 5 печникамъ по 15 руб.; 12 штукатурамъ по 15 руб., — эти 247 работниковъ на хозяйскомъ содержаніи; — 20 каменщикамъ поштучно; 1 стекольщику 15 руб.; 4 малярамъ по 15 руб.,—всѣ пять на хозяйскомъ содержаніи;—7 пильщикамъ поштучно; 26 караульнымъ по 3 руб.; 2 шорникамъ по 9 руб. въ мѣсяцъ; 1 огороднику 100 руб. въ лѣто, — всѣ 29 на хозяйскомъ содержаніи;—остальнымъ всего 13 человѣкамъ отъ 18 руб. въ мѣсяцъ, до 2,000 руб въ годъ. Изъ этого обзора уже видно, что даже на такихъ фабрикахъ, какъ Журавлевская, много работниковъ, которые за одну лѣтнюю работу получаютъ по 6 руб. въ мѣсяцъ или за годовую 3 руб., т. е. не больше 36 руб. въ годъ, даже большинство плотниковъ получало только 75 руб. въ годъ. Встрѣчаясь съ подобными фактами, я начинаю думать, что я крайне преувеличилъ, сказавъ, что въ промышленной полосѣ изъ работниковъ, принадлежащихъ къ сословію крестьянъ, двѣнадцатая часть имѣетъ такіе заработки, что они составляютъ въ среднемъ выводѣ сто двадцать рублей серебромъ въ годъ. Не надо забывать, что данныя эти отпечатаны въ статьѣ, въ которой Журавлевъ дѣлается чуть не героемъ. Въ этой же статьѣ Журавлевъ выставляется благодѣтелемъ своихъ рабочихъ, за то, что онъ при фабрикѣ имѣетъ лавки, въ которыхъ продаетъ разный товаръ, нужный для рабочихъ. Прочитавъ это, я не могъ надивиться невѣдѣнію въ дѣлахъ нашей промышленности такого учрежденія, какъ ярославскій статистическій комитетъ: имѣніе фабрикантами лавокъ съ произведеніями нужными рабочимъ — это не благодѣяніе, а часто зло и орудіе притѣсненія въ ихъ рукахъ. Статистическій комитетъ, можетъ быть, считаетъ Журавлева въ этомъ отношеніи исключеніемъ? не спорю; но у насъ охотниковъ до такихъ спекуляцій не мало и я насмотрѣлся на ихъ продѣлки и наслушался ихъ увѣреній, что они берутъ не больше десяти процентовъ. Можетъ быть, по этой одной причинѣ доходы рабочихъ слѣдуетъ уменьшать, по крайней мѣрѣ, на двадцать пять процентовъ. Къ несчастью статья до такой степени явно обнаруживаетъ стремленіе писать панегирикъ, что является сомнѣніе, одно ли невѣдѣніе есть причина ея ошибокъ. Какъ не сообразить напр., что еслибы Журавлевъ хотѣлъ облагодѣтельствовать своихъ рабочихъ, то онъ составилъ бы изъ нихъ артели, далъ бы имъ возможность учредить лавочки на артельномъ началѣ и оставилъ бы это дѣло въ ихъ рукахъ; пока это дѣло въ его безотчетномъ распоряженіи, то онъ долженъ быть поставленъ на одну ногу съ тѣми спекуляторами, которые стараются увеличить свои барыши, продавая рабочимъ предметы ихъ потребленія, и тѣмъ уменьшаютъ ихъ заработную плату,—такихъ спекуляторовъ на Руси множество. Въ ярославской Памятной книжкѣ 1863 года мѣсячная заработная плата обозначена еще на слѣдующихъ фабрикахъ: на льнопрядильной фабрикѣ то-

промышленной губерніи—въ Периской, въ городѣ Солигамскѣ въ 1861 году умиралъ девятый человѣкъ, въ томъ числѣ 73%, т. е. три четверти всѣхъ

варищества норской мануфактуры для мужчинъ отъ 6 руб. 50 коп. до 16 руб., для женщинъ отъ 5 до 10 руб., для дѣтей отъ 3 руб. 50 коп. до 7 руб.; на троицкой бумагопрядильной фабрикѣ получаютъ: слесари, кузнецы, прядильщики отъ 10 до 19 руб , трепальщики и пр. отъ 5 до 8 руб. 50 коп., сторожа и рабочіе отъ 6 до 6 руб. 50 коп., женщины отъ 4 до 7 руб. 50 коп., дѣти отъ 3 до 3 р. 50 коп ; на бумагопрядильной фабрикѣ Корзинкина и Игумнова дѣти (мальчики и дѣвочки) до 14 лѣтъ отъ 3 до 5 руб., мужчины отъ 6 до 20 руб., женщины отъ 5 до 9 р. На заводахъ Пѣгова—на водочномъ, пивоваренномъ и въ очистномъ подвалѣ отъ 75 до 120 руб. въ годъ; на солодовенномъ заводѣ въ мѣсяцъ отъ 8 до 10 руб.

Въ самарской Памятной книжкѣ на стр. 8 сказано: о торговой дѣятельности губерніи: «общій торговый оборотъ простирался въ 1858 г. по привозу на 1,116,959 руб., но по отпуску на 8,817,982 руб.; въ 1862 году привезено на 886,315 руб., а отпущено на 13,806,280 руб. Въ ярославской Памятной книжкѣ на стр. 30 и 36 сказано': прибыло въ 1858 году къ рыбинской пристани всего клади на 36,361,473 рубля, а отправлено на 36,884,243 руб.

По свѣдѣніямъ статистическаго Временника 1866 года десять городовъ Ярославской губерніи съ населеніемъ въ 87,053 человѣка имѣютъ городскихъ доходовъ 258,223 руб.; десять городовъ Тобольской губерніи съ населеніемъ въ 92,013 человѣкъ имѣютъ доходовъ 74,752 руб.; осьмнадцать городовъ Тобольской и Томской губерніи съ населеніемъ въ 146,072 человѣка имѣютъ доходовъ 132,714 руб. Въ Ярославской губерніи приходится на жители 2 руб. 96 коп., въ Тобольской 81 коп., т. е. болѣе чѣмъ втрое меньше. Въ 1863 году въ Ярославской губерніи при населеніи въ 969,642 чел. земскіе сборы составляли 552,557 р., а въ Вологодской при населеніи въ 974,723 чел. 216,895 руб.

Въ Ярославской губерніи въ 1861 году было жителей 982,539 челов., въ 1863 году 969,642 челов., убыль равняется 1.32%; въ 1861 году государственныхъ крестьянъ считалось 265,201 челов., а въ 1863 году считалось 277,630 челов., прибыль составляла 4.64%.

Таблица смертности и рожденій по Ярославской губерніи съ 1838 года.

Годы	Умираетъ одинъ изъ	Перевѣсъ рождающихся надъ умершими составляетъ	Годы	Умираетъ одинъ изъ	Перевѣсъ рождающихся надъ умершими составляетъ	Годы	Умираетъ одинъ изъ	Перевѣсъ рождающихся надъ умершими составляетъ
	живыхъ			живыхъ	умерш. болѣе			
1838	25	11%	1848	18	38%	по среднему		
1839	23	8	1849	30	16	выводу съ		
1840	28	22	1850	25	22	1838 по	живыхъ	
1841	23	умерш. болѣе	1851	27	17	1857 годъ	25	
1842	28	29	1852	26	умерш. болѣе	1861	25	25%
1843	29	23	1853	17	7	1863	22	умерш. болѣе
1844	28	21	1854	23	3			
1845	26	15	1855	24	20			
1846	25	1	1856	27	13			
1847	26	11	1857	25				

Въ 1861 году рождающихся было 47,464 челов.; на первомъ году жизни умерло

родившихся въ томъ году дѣтей; въ Оханскѣ умиралъ одиннадцатый человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе половины всѣхъ родившихся въ томъ же году дѣтей;

17,224 челов., до 5 лѣтъ 24,099 челов., до 10 лѣтъ 25,109 челов., до 20 лѣтъ 25,960 человѣкъ.

Въ Памятной книжкѣ 1863 г. на стр. 183 сказано: «Посѣвъ и урожай въ 1861 году былъ слѣдующій:

	посѣяно	снято	урожай
озимаго . . .	388,800 четв.	1,117,526 четв.	безъ малаго самъ 3
яроваго . . .	792,031 —	1,593,909 —	самъ 2 съ долей
картофеля . .	130,114 —	459,217 —	— 3½

Въ томъ числѣ снято въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: озимаго 873,587 четв., яроваго 1,265,406 четв., картофеля 277,832 четв.; у крестьянъ государственныхъ: озимаго 243,739 четв., яроваго 328,143 четв., картофеля 178,900 четв. Остальное количество по городамъ. Въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, собственно у крестьянъ, собрано хлѣба гораздо болѣе, чѣмъ у помѣщиковъ, а именно уродилось:

	на господской запашкѣ	на крестьянск. и обществ. запашкѣ
озимаго	103,402 четв.	. . . 770,185 четв.
яроваго	151,395 —	. . . 1,114,011 —
картофеля	39,707 —	. . . 238,125 —

Распредѣляя количество собраннаго хлѣба на число душъ, получимъ слѣдующее: временно-обязанными крестьянами снято всѣхъ сортовъ хлѣба: 2,122,321 четв., а государственными 750,782 четв., слѣдовательно на каждаго временно-обязаннаго крестьянина приходится по 4 четв., а на каждаго государственнаго болѣе 2½ четв.

Въ 1863 году въ Ярославской губерніи при населеніи въ 969,642 челов. рождающихся было 42,542 челов., а умершихъ 42,832 челов.

Въ 1861 году въ отдѣльныхъ уѣздахъ и городахъ Ярославской губерніи приходилось:

Названіе уѣздовъ съ бо́льшимъ населеніемъ на частныхъ земляхъ	Сколько процентовъ населенія живетъ на частныхъ земляхъ	Сколько десятинъ пашни приходится на жителя	Сколько штукъ скота приходится на жителя	На сколько процентовъ увеличилось населеніе съ 1861 по 1863 годъ	Умиралъ одинъ изъ	Умиралъ одинъ изъ	На сколько процентовъ увеличилось населеніе съ 1861 по 1863 годъ	Сколько штукъ скота приходится на жителя	Сколько десятинъ пашни приходится на жителя	Сколько процентовъ населенія живетъ на частныхъ земляхъ	Названіе уѣздовъ съ меньшимъ населеніемъ на частныхъ земляхъ
1. Мышкинскій .	70	1.48	1.37	нас. ум. 9.16	26	28	0.17	1.14	1.49	41	. . Угличкій 1
2. Даниловскій .	67	1.25	0.66	нас. ум. 1.46	26	27	нас. ум. 2.87	1.19	1.54	49	. Рыбинскій 2
3. Любимскій . .	66	2.07	1.24	нас. ув. 5.92	25	26	нас. ув. 1.37	0.62	1.16	45	. Ростовскій 3
4. Р.-Борисогл.	63	1.73	0.65	нас. ум. 2.02	25	26	нас. ув. 1.03	1.35	1.95	59	Пошехонскій 4
5. Мологскій . .	61	1.82	1.01	нас. ув. 1.96	23	24	нас. ум. 1.86	1 03	1.09	51	Ярославскій 5

Изъ пяти уѣздовъ съ бо́льшимъ населеніемъ на частныхъ земляхъ.

Приходится на жителя
болѣе 1 штуки скота въ 3 . . . 4 болѣе 1 штуки скота
менѣе 1 — — — 2 . . . 1 менѣе 1 — —

Приходится на жителя въ

Изъ пяти уѣздовъ съ меньшимъ населеніемъ на частныхъ земляхъ

въ Шадринскѣ умиралъ четырнадцатый человѣкъ и въ томъ числѣ опять-таки почти половина родившихся дѣтей. Между тѣмъ общіе выводы показываютъ,

Изъ уѣздовъ, гдѣ болѣе населенія на частныхъ земляхъ

съ 1861 по 1863 годъ
населеніе увеличилось въ 2 . . . 3 населеніе увеличилось въ
— уменьшилось — 3 . . . 2 — уменьшилось
въ 1861 г. умиралъ
1 изъ 26 жит. и болѣе въ 2 . . . 4 1 изъ 26 жит и болѣе въ
1 — 25 — и менѣе — 3 . . . 1 1 — 25 — и менѣе

Изъ уѣздовъ, гдѣ менѣе населенія на частныхъ земляхъ

Въ городахъ	На фабрикахъ и заводахъ рабочихъ	Въ 1861 г. умиралъ одинъ изъ	Въ 1861 г. умиралъ одинъ изъ	На фабрикахъ и заводахъ рабочихъ	Въ городахъ
1. Ярославль. . .	1,621 чел.	24 ж. . .	38 ж.	58 чел. . . .	Любимъ 1.
2. Угличъ. . . .	504 —	24 — . .	33 —	116 —	Р.-Борисоглѣбскъ 2.
3. Рыбинскъ. . .	107 —	26 — . .	32 —	94 —	. . . Даниловъ 3.

Такое благопріятное отношеніе смертности въ маленькихъ городахъ не можетъ возбуждать особенной радости тамъ, гдѣ заработная плата сдавлена конкуренціею оброчныхъ работниковъ и мѣщанину не разжиться. Данныя смертности служатъ весьма благонадежнымъ признакомъ при опредѣленіи благосостоянія, если они относятся къ многочисленнымъ классамъ людей или обширнымъ мѣстностямъ, но въ малыхъ городахъ или отдѣльныхъ деревняхъ—тутъ уже многое начинаетъ выпадать на долю случайности. Въ томъ же 1861 году я въ малыхъ городахъ Пермской губерніи встрѣтилъ въ Осѣ смертность одного изъ сорока пяти.

Вотъ данныя о смертности въ городахъ и уѣздахъ Пермской губерніи въ 1861 году.

Въ городахъ:	Изъ числа всѣхъ умершихъ умирало на первомъ году жизни		Въ уѣздахъ:
Въ Кунгурѣ	66%	(66) 30%	. . Екатеринбургскомъ
			Смертность на первомъ году жизни хотя и составляетъ здѣсь всего 30% всѣхъ умершихъ, но отъ году до пяти лѣтъ умерло такое множество дѣтей, что я нигдѣ не встрѣчался съ подобнымъ явленіемъ и вынужденъ былъ поставить процентъ этой смертности въ скобкахъ.
— Красноуфимскѣ . . .	64	— 65	. . . . . Осинскомъ
— Соликамскѣ	62	— 65	. . . . . Пермскомъ
— Шадринскѣ	54	— 64	. . . . . Кунгурскомъ
— Алапаевскѣ	53	— 63	. . . . . Ирбитскомъ
— Верхотурьѣ	49	— 62	. . . . . Оханскомъ
— Ирбитѣ	49	— 59	. . . . Шадринскомъ
— Осѣ	49	— 58	. . . Красноуфимскомъ
— Перми	48	— 55	. . . Камышловскомъ
— Дедюхинѣ.	46	— 54	. . . . Соликамскомъ
— Екатеринбургѣ . . .	44	— 49	. . . . Верхотурскомъ
— Далматовѣ	43	— 49	. . . . . Чердынскомъ

Въ Чердынѣ и Оханскѣ 40% умершихъ составляли дѣти на первомъ году жизни, а въ Камышловѣ 37%. Въ числѣ самыхъ губительныхъ для дѣтей стоитъ почти кряду знаменитые промышленностью уѣзды Екатеринбургскій, Пермскій,

что города Пермской губерніи находились въ 1861 году въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ селенія и горные заводы; послѣ этого можно себѣ представить, какія тамъ бываютъ бѣдствія, которымъ никогда не суждено предстать передъ глазами общества. Соликамскъ и Шадринскъ—это одни изъ самыхъ богатыхъ городовъ Пермской губерніи, они уступаютъ только Екатеринбургу, Перми, Ирбиту и Кунгуру: въ Шадринскѣ считается семьдесятъ шесть каменныхъ домовъ и двадцать четыре завода. Эти лучшіе города въ свою очередь показали міру, что̀ значитъ въ Россіи промышленный центръ: въ Перми и Ирбитѣ умиралъ семнадцатый человѣкъ, а въ Екатеринбургѣ двадцатый. Такія явленія встрѣчались въ Пермской губ. въ 1861 г., когда по всей губерніи умиралъ одинъ изъ двадцати трехъ: что̀ же происходило тамъ въ 1863 году, когда тамъ умиралъ одинъ изъ осьмнадцати!

Несмотря на невѣроятную плодовитость браковъ Пермской губерніи, въ Оханскѣ было въ полтора раза болѣе умершихъ, чѣмъ родившихся. Сравнивая двѣ промышленныя губерніи Пермскую и Ярославскую, нельзя не обратить вниманіе на противоположности въ наклонностяхъ жителей: въ одной мы видимъ крайнюю распущенность, а въ другой встрѣчается, для Россіи по крайней мѣрѣ, высокая степень воздержанія. Въ то время, какъ въ Пермской губерніи мы встрѣчаемъ въ Шадринскѣ одно рожденіе на тринадцать, а въ Соликамскѣ даже одно рожденіе на одиннадцать человѣкъ, въ Даниловѣ, городкѣ Ярославской губерніи, мы видимъ уменьшеніе населенія при смертности одного изъ тридцати двухъ—тамъ приходилось одно рожденіе на сорокъ человѣкъ. Только-что описанное тщеславіе промышленнаго работника средней полосы принесло свои плоды. Къ чему же привело это воздержаніе? въ Пермской губерніи въ 1861 году населеніе уменьшилось изъ двѣнадцати уѣздовъ только въ трехъ, въ Ярославской изъ десяти уѣздовъ оно уменьшилось въ пяти. Въ Ярославской губерніи населеніе уменьшилось съ 1861 по 1863 годъ почти на полтора процента, несмотря на то, что тамъ умиралъ одинъ изъ двадцати пяти и одинъ изъ двадцати двухъ; въ Пермской оно увеличилось почти на одинъ процентъ, несмотря на то, что тамъ умиралъ одинъ изъ двадцати трехъ и даже одинъ изъ осьмнадцати. Вотъ съ одной стороны блѣдное эгоистическое, тщеславное воздержаніе! Прелестная дѣвушка съ малыхъ лѣтъ губитъ

Кунгурскій и Ирбитскій, затѣмъ слѣдуетъ Оханскій, въ которомъ изъ 196 тыс. жителей 125 тыс. живетъ на частныхъ земляхъ, далѣе Шадринскій, въ которомъ считается 225 фабрикъ и заводовъ; въ Пермской губерніи только одинъ уѣздъ имѣетъ ихъ болѣе.

Вообще въ 1861 г. умерло въ Пермской губерніи 91,786 челов. изъ 2,117,945, т. е. одинъ изъ двадцати трехъ; въ городахъ умирало: въ Соликамскѣ одинъ изъ девяти—изъ числа 255 родившихся умерло не доживъ года 181; въ Оханскѣ умиралъ 1 изъ 11 жителей—дѣтей родилось 78, изъ нихъ умерло въ томъ же году 46; въ Шадринскѣ умиралъ 1 изъ 14 жителей—тамъ родилось 445 дѣтей, изъ нихъ умерло въ томъ же году 216; въ Перми умиралъ 1 изъ 17 жителей — на 1,787 рожденій и смертныхъ случаевъ перевѣсъ рожденій состоялъ всего изъ пяти человѣкъ. Пермь спаслась отъ уменьшенія населенія только неслыханной массой рожденій, только въ Перми и Шадринскѣ можно встрѣчать одно рожденіе на семнадцать и даже на тринадцать человѣкъ.

себя работой ради нарядного платья: съ умиленіемъ смотритъ человѣчество на ея развивающуюся красоту, а она мечтаетъ только о томъ, какъ бы продать себя богатому старику, она изучаетъ искусство изгнанія плода, чтобы избавиться отъ родовъ, и тысячи жертвъ гибнутъ безвѣстно отъ выкатыванія, выжиманія и вытравленія. Женскій организмъ разрушается то отъ воздержанія и непосильной работы, то отъ варварскаго изгнанія плода. Юноша полный силъ и энергіи стремится лишь къ тому, какъ бы удовлетворять своимъ потребностямъ развратомъ, имъ плѣняется его подруга дѣтства, но онъ пользуется своимъ вліяніемъ на нее, чтобы сдѣлать ее такою же развратною, какъ онъ самъ; каждый день онъ произноситъ передъ нею страшныя клятвы, увѣряя, что онъ на ней женится, но лишь только она сдѣлалась жертвою его соблазна, онъ начинаетъ прививать ей свою философію, учить изгнанію плода и всѣмъ тайнамъ разврата. Отецъ семейства тяготится своими дѣтьми, онъ не хочетъ имѣть ихъ болѣе, онъ бросаетъ свою жену и заводитъ себѣ любовницу, давно постигшую искусство оставаться бездѣтною; презрѣнная, забытая жена ежедневно подвергается побоямъ, дѣти предоставляются на произволъ голодной смерти, но зато хозяинъ роскошно принимаетъ своихъ гостей и пріятелямъ его нѣтъ числа. Вотъ съ другой стороны гульливая, беззаботная, грубая распущенность — она даже чаще является передъ вами съ розовыми щеками несмотря на голодъ въ домѣ. Бракъ заключается рано, дѣти производятся каждый годъ и умираютъ почти также часто. Истощенная безпрерывными родами, мать каждый день доводится до отчаянія неумолкаемымъ крикомъ больныхъ отъ дурной пищи дѣтей, къ которымъ нерѣдко прибавляются колотушки мужа. Въ семействѣ нѣтъ и тѣни согласія, каждый думаетъ только объ удовлетвореніи своихъ потребностей и беззаботно жертвуетъ болѣе слабымъ; закричитъ ребенокъ, мать надаетъ ему колотушекъ; начнетъ роптать жена, мужъ отхлещетъ ее плетью. Вотъ вамъ два отвратительные призрака, выбирайте, который лучше †). Вы можетъ быть выберете воздержаніе, надѣясь, что этимъ тяжкимъ путемъ вы наконецъ избавитесь отъ необходимости прибѣгать къ тому или другому. Напрасно, въ воздержаніи столько же эгоизма и разврата, столько же гибельныхъ послѣдствій, какъ и въ распущенности: исторія послѣднихъ временъ римской имперіи, когда принуждали жениться, исторія монашества, погубившаго Испанію и Италію,—вотъ исторія воздержанія; не къ воздержанію, а къ удовлетворенію своихъ потребностей трудомъ, къ гуманному взгляду на нужды человѣческія,—вотъ къ чему мы должны стремиться. Данныя статистики показываютъ намъ, что воздержаніе не имѣетъ даже ни малѣйшаго вліянія на возрастаніе населенія, что возрастаніе это происходитъ безразлично, при воздержаніи и при распущенности, и опредѣляется исключительно степенью благосостоянія рабочаго класса. Если мы прибѣгнемъ къ сравненію англійскихъ

†) Идеалъ воздержанія у народа бѣднаго всегда осуществится такъ, какъ описано выше; народъ богатый будетъ менѣе страдать отъ воздержанія, какъ показано будетъ ниже, но вліяніе воздержанія все-таки будетъ зловредное и разрушающее организмъ: наука должна не проповѣдывать его, а указывать, какъ безъ него обойтись.

графствъ съ русскими промышленными губерніями и возьмемъ тѣ же самыя, которыя взяты были нами выше, то мы найдемъ, что англійскія графства отличаются несравненно большимъ воздержаніемъ, обнаруживающимся въ несравненно меньшемъ количествѣ рожденій; несмотря на это, перевѣсъ рождающихся надъ умершими тамъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ нашихъ промышленныхъ губерніяхъ, и соотвѣтственно этому значительнѣе и увеличеніе населенія. При тяжеломъ положеніи нашего рабочаго семейства, при грубой его пищѣ и зловредной обстановкѣ, въ Россіи началось бы настоящее вымираніе населенія, еслибы русскій рабочій производилъ не больше дѣтей, чѣмъ англійскій. Изъ тридцати семи губерній Европейской Россіи, между которыми мы выше дѣлали сравненіе, не оказалось ни одной, въ которой было бы такъ мало рожденій, какъ въ вышеупомянутыхъ тридцати четырехъ англійскихъ графствахъ. Многоземельныя наши губерніи только и спасаются отъ уменьшенія населенія непомѣрными и баснословными массами рождающихся. Въ Самарской губерніи было одно рожденіе на шестнадцать человѣкъ, въ Оренбургской одно на семнадцать. Въ Пермской и Херсонской губерніи населеніе уменьшилось несмотря на то, что было одно рожденіе на девятнадцать человѣкъ, въ Вятской при одномъ рожденіи на двадцать. Вотъ какими жертвами эта великая страдалица русская мать должна поддерживать наше населеніе, а иной политико-экономъ готовъ бросить за это въ нее грязью. Хорошо вамъ разсуждать, господинъ ученый, лакомясь апельсинами и сочными бифстексами, попробовали бы вы поддерживать населеніе питаясь однимъ чернымъ хлѣбомъ, да прокислымъ квасомъ. Въ Ярославской губерніи она попробовала облегчить себя настолько, чтобы произвести одно рожденіе на двадцать два человѣка, населеніе тотчасъ же уменьшилось; въ тоже время Владимірская губернія поддержала себя тѣмъ, что произвела одно рожденіе на осьмнадцать человѣкъ †).

†) Сравненіе англійскихъ графствъ и промышленныхъ губерній сдѣлано выше.

Чтобы показать, до какой степени ничтожно вліяніе воздержанія въ отношеніи къ увеличенію населенія, я скажу, что въ приведенныхъ двѣнадцати мѣстностяхъ Англіи число рожденій было тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе въ нихъ было женатыхъ людей и чѣмъ болѣе холостяковъ:

Названіе графствъ.	На 100 холостяковъ приходилось женатыхъ	На одного родившагося приходилось жителей.		На 100 холостяковъ приходилось женатыхъ	Названіе графствъ.	
1. Somerset и Dorset. . .	188	31	29	176	Worcester, Warwick, Northampton, Bedford, Oxford, Buckinghamu и Salop	1
2. Cambridge, Norfolk, Suffolk и Essex	183	30	29	175	Lincoln, Derby, Nottingham и Leicester.	2
3. Devon и Cornwall. . .	176	31	26	172	Stafford и Chester.	3
4. London	170	30	27	171	Yorkshire	4
5. Gloucester и Monmouth.	164	32	25	164	Lancaster	5
6. Sussex, Hampshire и Wilts	157	31	26	146	Northumberland, Durham, Cumberland и Westmoreland	6

Въ городахъ Вологодской губерніи, по двухлѣтней сложности 1863 и 1864 годовъ, оказалось всюду безъ исключенія уменьшеніе населенія; въ трехъ городахъ: Вологдѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ воздержаніе сравнялось съ воздержаніемъ англійскихъ графствъ, зато-же уменьшеніе населенія было такое страшное, что въ Устюгѣ было на 33%, а въ Вологдѣ на 25% болѣе умершихъ. Въ половинѣ ярославскихъ городовъ, т. е. изъ десяти въ пяти, число рожденій было такое же, какъ въ англійскихъ графствахъ, зато-же въ трехъ населеніе уменьшилось, ни въ одномъ изъ уѣздовъ не замѣтно было подобнаго воздержанія и ни въ одномъ населеніе не уменьшилось. Еслибы городъ Никольскъ отличался англійскимъ воздержаніемъ, то въ теченіе 1863 и 1864

Въ Лондонѣ холостыхъ и вдовыхъ въ 1851 г. считалось 233,921, женатыхъ 398,624 мужчинъ старше двадцати лѣтъ; въ Ланкастрѣ хол. и вд. 203,927, женат. 335,148; въ Іоркширѣ хол. и вд. 174,229, женат. 298,984; въ Глостерѣ и Монмутѣ хол. и вд. 60,082, женат. 98,782; въ Вустерѣ, Варвикѣ, Нортгамтонѣ, Бедфордѣ, Оксфордѣ, Бокингамѣ, Салопѣ хол. и вд. 156,832, женат. 277,399; въ Девонѣ и Корнваллѣ хол. и вд. 83,410, женат. 147,135; въ Соссексѣ, Гампширѣ и Вильтсѣ хол. и вд. 100,957, женат. 158,648; въ Линкольнѣ, Дерби, Ноттингамѣ и Лейстерѣ хол. и вд. 114,334, женат. 201,088, въ Стаффордѣ и Честерѣ хол. и вд. 102,394, женат. 176,718; въ Сомерсетѣ и Дорсетѣ хол. и вд. 55,108, женат. 103,734; въ Нортумберландѣ, Доргамѣ, Комберландѣ и Вестморландѣ хол. и вд. 103,665, женат. 151,995; въ Кембриджѣ, Норфолькѣ, Суффолькѣ и Эссексѣ хол. и вд. 120,784, женат. 221,608.

Въ тридцати семи губерніяхъ Европейской Россіи въ 1863 г. приходилось:

	На одного родившагося жителей		На одного родившагося жителей		На одного родившагося жителей
1. Архангельской. .	21	2. Астраханской . .	22	3. Бессарабской. . .	24
4. Владимірской. . .	18	5. Вологодской . . .	24	6. Воронежской . . .	18
7. Вятской	20	8. З. Войска Донск.	19	9. Екатеринославск.	19
10. Казанской	21	11. Калужской	21	12. Костромской . . .	21
13. Курской	19	14. Нижегородской . .	18	15. Московской. . . .	20
16. Новгородской . .	21	17. Олонецкой	20	18. Оренбургской . .	17
19. Орловской	18	20. Пензенской. . . .	19	21. Пермской.	19
22. Петербургской. .	23	23. Полтавской. . . .	20	24. Псковской	19
25. Рязанской	19	26. Самарской	16	27. Саратовской . . .	16
28. Симбирской . . .	19	29. Смоленской. . . .	18	30. Таврической . . .	19
31. Тамбовской. . . .	20	32 Тверской	21	33. Тульской	17
34. Харьковской. . .	19	35. Херсонской. . . .	19	36. Черниговской . .	18
37. Ярославской . . .	22				

При сравненіи двадцати губерній, въ которыхъ всего болѣе и всего менѣе было рожденій, оказывается:

Губерніи, гдѣ всего болѣе было рожденій	Перевѣсъ родившихся надъ умерш.		Губерніи, гдѣ всего менѣе было рожденій	
1. Саратовская.	67%	50%	. . . . . Астраханская	1
2. Самарская	47	48	. . . . . Бессарабская	2
3. Черниговская	40	31	. . . . . Казанская	3
4. Оренбургская	33	27	. . . . . Калужская	4
5. Владимірская	28	22	. . . . . Новгородская	5
6. Смоленская	27	20	. . . . . Архангельская	6
7. Орловская	25	13	. . . . . Костромская	7
8. Тульская	25	9	. . . . . Тверская	8
9. Нижегородская	16	2	. . . . . Вологодская	9
10. Воронежская.	10	умерш. болѣе	. . . . . Ярославская	10

По списку этому оказывается, что населеніе увеличивалось тамъ менѣе, гдѣ было менѣе рожденій, и что наконецъ оно начало уменьшаться

Вотъ сравненіе между ярославскими городами и селеніями за 1861 годъ:

гг. въ немъ вымерла бы, можетъ быть, четвертая часть жителей. Въ Кунгурѣ перевѣсъ умершихъ въ 1861 году составлялъ 29%, хотя тамъ приходилось одно рожденіе на девятнадцать жителей, а Екатеринбургъ и Пермь спаслись отъ уменьшенія населенія только тѣмъ, что тамъ было одно рожденіе на семнадцать жителей, при этомъ въ Перми населеніе даже не увеличилось. Изъ всѣхъ сравниваемыхъ нами губерній только въ одной Бессарабской области въ 1863 г. былъ значительный перевѣсъ рождающихся надъ умершими, хотя тамъ приходилось только одно рожденіе на двадцать четыре че-

Названіе городовъ	На одного родившагося приходилось жителей	Перевѣсъ родившихся надъ умершими		На одного родившагося приходилось жителей	Названіе уѣздовъ	
1. Молога	15	43%	37%	19	Мышкинскій	1
2. Любимъ	27	40	33	21	Угличій	2
3. Мышкинъ	17	35	32	19	Ростовскій	3
4. Ром.-Борисоглѣбскъ	25	28	31	17	Мологскій	4
5. Ростовъ	25	18	29	18	Ярославскій	5
6 Ярославль	21	16	22	22	Рыбинскій	6
7. Угличъ	23	6	19	21	Ром.-Борисоглѣбскій	7
8. Пошехонье	23	умершихъ	18	22	Даниловскій	8
9. Рыбинскій	28	болѣе ро-	17	22	Пошехонскій	9
10. Даниловъ	40	дившихся	8	22	Любимскій	10

Вотъ свѣдѣнія о родившихся въ 1861 году въ городахъ Пермской губерніи:

Названіе городовъ	На одного родившагося приходилось жителей	Перевѣсъ родившихся надъ умершими	Названіе городовъ	На одного родившагося приходилось жителей	Перевѣсъ умершихъ надъ родившимися
1. Пермь	17	0.6%	1. Кунгуръ	19	29%
2. Екатеринбургъ	17	15	2. Верхотурье	24	20
3. Алапаевскъ	17	24	3 Оханскъ	15	50
4. Ирбитъ	16	5	4. Соликамскъ	11	15
5. Камышловъ	17	15			перевѣсъ родившихся надъ умершими
6. Оса	32	40	9. Шадринскъ	13	6%
7. Дедюхинъ	26	0.1	10. Далматовъ	17	34
8. Чердынь	18	11	11. Красноуфимскъ	22	15

Свѣдѣнія о родившихся въ городахъ Вологодской губерніи по двухлѣтней сложности 1863 и 1864 годовъ:

Названіе городовъ	На одного родившагося приходилось жителей.	Перевѣсъ умершихъ надъ родившимися	Названіе городовъ	На одного родившагося приходилось жителей.	Перевѣсъ умершихъ надъ родившимися.
1. Вологда	27	25%	6. Вельскъ	24	1%
2. Устюгъ	35	33	7. Тотьма	13	22
3. Сольвычегодскъ	38	22	8. Никольскъ	7	8
4. Грязовецъ	17	5	9. Яренскъ	17	9
5. Кадниковъ	19	11	10. Устьсысольскъ	16	8

Въ Никольскѣ въ 1864 году считалось жителей 1706 челов., умерло 183, родилось 234 челов., въ 1863 г. умерло 307, родилось 221 челов. Относительно свѣдѣній о количествѣ родившихся и умершихъ въ малыхъ городахъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что къ приходамъ городскихъ церквей иногда принадлежатъ окрестныя селенія и это дѣлаетъ свѣдѣнія объ отношеніи родившихся и умершихъ къ числу жителей невѣрными.

ловѣка, но зато-же Бессарабская область пользуется бо́льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ какая-либо другая губернія, вслѣдствіе незначительныхъ крестьянскихъ платежей, которые могутъ быть сравнены съ платежами нашихъ государственныхъ крестьянъ, а также вслѣдствіе обширности скотоводства. Изъ всѣхъ губерній, отличавшихся такимъ же значительнымъ перевѣсомъ рожденій, только въ одной Астраханской приходилось одно рожденіе на двадцать два жителя, во всѣхъ остальныхъ не было менѣе одного изъ девятнадцати; въ Самарской перевѣсъ былъ незначительнѣе—при одномъ рожденіи изъ шестнадцати жителей.

Людямъ, которые стараются избавиться отъ заботъ о благосостояніи народа посредствомъ проповѣди воздержанія, приведенные факты могутъ сдѣлать ясными ихъ мелочность и ихъ бездушіе. Если, какъ видно изъ приведеннаго въ примѣчаніи, въ англійскихъ графствахъ могло оказаться, что дѣтей родилось всего болѣе въ тѣхъ графствахъ, гдѣ всего болѣе было холостяковъ, то послѣ этого и доказательствъ дальнѣйшихъ не нужно; предоставивъ воздержаніе собственной разсчетливости работника, мы можемъ быть увѣрены, что онъ поступитъ лучше, чѣмъ наши совѣты, основанные на теоретическихъ и поверхностныхъ взглядахъ. Никакіе мелочные разсчеты не спасутъ насъ отъ необходимости стремиться къ доставленію рабочему классу бо́льшаго благосостоянія. Онъ имѣетъ для этого одно орудіе—это свой трудъ; все, что онъ можетъ сдѣлать, состоитъ въ увеличеніи производительности этого труда. Но что же мы скажемъ, если статистика намъ покажетъ, что въ Россіи увеличеніе производительности нисколько не дѣлаетъ болѣе счастливымъ рабочаго, а чаще дѣлается для него источникомъ страданій и смерти? Можно ли болѣе увеличить свою производительность, какъ увеличилъ ее Шуйскій уѣздъ Владимірской губерніи: половина всего населенія тамъ занята на фабрикахъ, онѣ производятъ цѣнностей болѣе, чѣмъ на десять милліоновъ, каждый производитъ болѣе, чѣмъ на четыреста рублей †); кромѣ того и въ отношеніи къ земледѣлію и скотоводству Шуйскій уѣздъ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто: изъ двѣнадцати уѣздовъ Владимірской губерніи семь стоятъ ниже Шуйскаго по развитію скотоводства. Работники Шуйскаго уѣзда въ массѣ производятъ относительно въ восемь разъ болѣе средняго производства русскаго работника. Что же, они пользуются благосостояніемъ, они счастливы? они проклинаютъ свою судьбу, они принадлежатъ къ самымъ несчастнымъ работникамъ русскаго государства: въ 1863 году въ Шуйскомъ уѣздѣ умиралъ одинъ изъ двадцати двухъ—это жалкая смертность Ярославской губерніи; во Владимірской губ. онъ занималъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ; изъ тридцати семи губерній Европейской Россіи только въ осьми была такая же смертность, и въ числѣ этихъ осьми были губерніи: Московская, Нижегородская, Олонецкая, Пермская, Тульская и Ярославская, т. е. шесть губерній наиболѣе отличающихся своимъ промышленнымъ производствомъ. Въ Вязниковскомъ уѣздѣ, гдѣ на фабри-

†) Въ Шуйскомъ уѣздѣ фабричныхъ рабочихъ 25,152, они производятъ цѣнностей на 10,540,802 руб. — каждый рабочій на 419 рублей. Въ Вязниковскомъ рабочихъ 6,276, они производятъ цѣнностей на 1,307,020 руб. — каждый на 208 руб.

кахъ и заводахъ работало въ четыре раза менѣе, чѣмъ въ Шуйскомъ, а цѣнность производства была почти въ девять разъ меньше, гдѣ каждый работникъ производилъ не много болѣе, чѣмъ на двѣсти рублей въ годъ, гдѣ наконецъ и скотоводство было въ несравненно болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ въ Шуйскомъ, тамъ умиралъ одинъ изъ тридцати двухъ. Въ числѣ тридцати семи губерній только четыре имѣли смертность столь же благопріятную: въ 1861 году, когда смертность въ Ярославской губерніи была болѣе благопріятная, чѣмъ въ 1863 году, ни въ одномъ изъ уѣздовъ не было такого благопріятнаго положенія. Нужно же было, чтобы во Владимірской губерніи благопріятное отношеніе смертности выбрало тѣ уѣзды, въ которыхъ производство въ обширныхъ размѣрахъ самое незначительное—Вязниковскій, Судогодскій, Ковровскій, Александровскій и Гороховецкій. Ни одинъ изъ нихъ по числу фабричныхъ и заводскихъ работниковъ не можетъ сравняться даже съ Вязниковскимъ, а въ Гороховецкомъ считается относительно въ пятьдесятъ пять разъ менѣе рабочихъ, чѣмъ въ Шуйскомъ †). Можетъ быть такіе неблагопріятные результаты производятся развратомъ и пьянствомъ во Владимірской губерніи?—О нѣтъ! изъ тридцати семи губерній Европейской Россіи въ двадцати одной выпивалось болѣе вина, чѣмъ во Владимірской.

---

†) Въ Александровскомъ уѣздѣ рабочихъ 4,411, они производятъ на 2,269,904 руб. — каждый на 514 р. Въ Судогодскомъ уѣздѣ 1,584 рабочихъ, они производятъ на 614,332 рубля—каждый на 387 рублей. Въ Ковровскомъ уѣздѣ 1,047 рабочихъ, они производятъ на 689,700 рублей—каждый на 658 рублей. Въ Гороховецкомъ 430 рабочихъ, они производятъ на 149,985 рублей—каждый на 348 рублей.

Вотъ сравненіе уѣздовъ Владимірской губерніи, гдѣ самая благопріятная и самая неблагопріятная смертность:

Уѣзды съ благопріятной смертностью	Умираетъ 1 изъ жит.	На фабрикахъ рабочихъ	Цѣна производства рублей	Цѣна производства рублей	На фабрикахъ рабочихъ	Умираетъ 1 изъ жит.	Уѣзды съ неблагопріятной смертностью
1. Вязниковскій	32	6,276	1,307,020	10,540,802	25,152	22	. . . Шуйскій 1
2. Александров.	26	4,411	2,269,904	1,171,898	5,770	24	. . Муромскій 2
3. Судогодскій .	26	1,584	614,332	3,402,701	5,437	22	. . Покровскій 3
4. Ковровскій .	27	1,047	689,700	1,969,682	4,950	23	. Владимірскій 4
5. Гороховецкій	25	430	149,985	1,371,379	4,685	24	. Меленковскій 5
Всего . .		13,748	5,030,941	1,957,548	3,703	21	Переяславскій 6
				851,270	3,143	23	. Суздальскій 7
				763,600	2,112	20	. . Юрьевскій 8
				22,028,880	54,952		Всего

Въ этихъ пяти уѣздахъ всего 439,503 жителя; на каждаго фабричнаго работника приходится болѣе 31-го жителя.

Въ этихъ осьми уѣздахъ 777,116 жителей; на каждаго фабричнаго работника приходится менѣе 15-ти жителей, приблизительно на три семейства одинъ фабричный работникъ.

ГЛАВА IV.

Фабричное и мелкое производство. Хожденіе на заработки.

Наблюденія, которыя можно сдѣлать въ Нижегородской губерніи, представляютъ, по крайней мѣрѣ, столько же интереса, сколько все то, что сказано было о губерніяхъ Ярославской, Пермской и Владимірской. По вычисленіямъ за пять лѣтъ въ городахъ Нижегородской губерніи отношеніе смертности къ рожденіямъ оказалось всюду менѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ селеніяхъ: изъ уѣздовъ самая благопріятная смертность оказалась въ Сергачскомъ, въ уѣздѣ чисто земледѣльческомъ. Въ этомъ уѣздѣ смертность въ русскомъ населеніи, значительная часть котораго живетъ на помѣщичьихъ земляхъ, оказалась самою обыкновенною, а смертность татаръ, живущихъ на государственныхъ земляхъ и составлявшихъ пятую часть населенія уѣзда, сравнялась съ французскою и даже англійскою. Наиболѣе благопріятное отношеніе смертности между всѣми промышленными уѣздами оказалось въ уѣздѣ Семеновскомъ; почва этого уѣзда считается самою неблагодарною и жители вынуждены всѣ свои надежды возлагать на успѣхъ своей промышленной производительности. Отчего же ихъ промышленная дѣятельность оказалась несравненно болѣе плодоносною для нихъ нетолько чѣмъ въ другихъ промышленныхъ уѣздахъ, но и чѣмъ въ большей части земледѣльческихъ уѣздовъ? Загадка отгадывается безъ труда. Въ Семеновскомъ уѣздѣ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ не насчитывается и семидесяти пяти рабочихъ; во всей Нижегородской губерніи нѣтъ уѣзда, въ которомъ было бы такое незначительное фабричное и заводское производство. Главный промыселъ у нихъ—это валяныя издѣлія, затѣмъ кузнечное и точильное производство. Въ разрядъ фабрикъ и заводовъ въ Семеновскомъ уѣздѣ помѣщено только шесть заведеній, а въ разрядѣ мелкихъ

заведеній числится 795, менѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ уѣздовъ Нижегородской губерніи. Валяночныхъ заведеній въ Семеновскомъ уѣздѣ считаютъ только 73, а насчитываютъ сто селеній, т. е. приблизительно треть уѣзда посвящающихъ себя этому занятію. Еще важнѣе то, что въ Семеновскомъ уѣздѣ болѣе государственныхъ крестьянъ, чѣмъ поселенныхъ на помѣщичьихъ и удѣльныхъ земляхъ. Если къ пяти годамъ присовокупить еще шестой (1863 г.), то Семеновскій уѣздъ въ отношеніи смертности займетъ самое первое мѣсто. Такимъ образомъ статистика оправдываетъ жалобы рабочихъ и не дозволяетъ оставлять ихъ безъ участія. Попробуйте поѣздить по Нижегородской губерніи; на ваше обращеніе къ народу съ вопросами прежде всего и чаще всего вамъ придется слышать жалобы на оброки, и вотъ оказывается уѣздъ, по естественнымъ своимъ условіямъ во всѣхъ отношеніяхъ уступающій другимъ, отличающійся плохой и часто дотого негодной почвой, что на ней остается сѣять только яровую рожь,—гдѣ урожаи доходятъ только до самъ $2^1/_2$ †), но онъ оказывается наиболѣе благоденствующимъ—лишь по одному тому, что въ немъ населеніе на частныхъ и удѣльныхъ земляхъ гораздо незначительнѣе, чѣмъ на государственныхъ. Послѣ Семеновскаго одно изъ самыхъ значительныхъ населеній на государственныхъ земляхъ—въ уѣздахъ Лукояновскомъ и Сергачскомъ, и оба они отличаются благопріятною смертностью; населеніе на государственныхъ земляхъ незначительнѣе въ уѣздахъ Макарьевскомъ и Княгининскомъ — и по смертности они занимаютъ самыя послѣднія мѣста. Въ пятилѣтіе съ 1857 по 1861 годъ тамъ умиралъ одинъ изъ двадцати одного, въ 1863 г. даже одинъ изъ девятнадцати и осьмнадцати. Тамъ, гдѣ безплодіе почвы принуждаетъ къ промышленнымъ занятіямъ, слышны горькія жалобы на машины и на всѣ орудія, которыя дѣлаютъ заработки незначительными несмотря на увеличивающееся производство. «Не слушайте этихъ жалобъ!—кричатъ политико-экономы,—если вы имъ послѣдуете, вы можете погубить промышленность страны.» Если вы не будете обращать вниманія на эти жалобы, — отвѣчаю я,—вы можете навлечь на ваше отечество неисчислимыя бѣдствія и погубить промышленную ея производительность. Созидая продавцовъ, нужно созидать и покупателей, иначе продавцы должны будутъ закрыть свои фабрики и народъ обѣднѣетъ отъ бездушнаго невниманія къ его слишкомъ вѣрнымъ инстинктамъ. Не даромъ знаменитые производители Англіи увѣряютъ, что ихъ промышленность погибла бы, если-бы они съ каждымъ годомъ не открывали для нея новые и болѣе обширные рынки. Только глупецъ можетъ надѣяться, что безнаказанно пройдетъ его бездушное невниманіе къ крику отчаянія, порожденному не какими-нибудь прихотями или искусственными потребностями, а жестокой нуждой, гибельно отражающейся на смертности. Полагаютъ, что развитіе промышленности зависитъ только отъ усиленнаго производства, и забываютъ, что оно еще болѣе зависитъ отъ благосостоянія и богатства самого рабочаго. Въ Нижего-

†) Нижегородская Памятная книжка на 1865 г., стр. 14.

родской губерніи каждый сельскій работникъ обработываетъ для себя въ годъ пашенъ и луговъ среднимъ числомъ около трехъ десятинъ, годовой же наемный работникъ обработываетъ въ годъ восемь десятинъ, между тѣмъ онъ получаетъ въ видѣ заработной платы столько же, а иногда и меньше, чѣмъ самостоятельный работникъ. При болѣе возвышенныхъ цѣнахъ на хлѣбъ заработная плата сельскаго работника не выше, чѣмъ въ губерніяхъ средней Россіи, напр. въ Харьковской, Калужской, Орловской. Развитіе промышленности, которымъ такъ хвалятся жители Нижегородской губерніи, нисколько не способствовало возвышенію заработной платы, работникъ Нижегородской губерніи, производя несравненно болѣе цѣнностей, нисколько не увеличилъ этимъ своего благосостоянія. Представьте себѣ теперь, что вся земля Нижегородской губерніи принадлежала бы помѣщикамъ, которые обработывали бы ее посредствомъ годовыхъ работниковъ. Для производства того же самаго количества хлѣба потребовалось бы менѣе двухъ пятыхъ настоящихъ сельскихъ работниковъ, каждый работникъ производилъ бы почти втрое болѣе, а между тѣмъ заработная плата пала бы еще ниже, двѣ трети работниковъ остались бы безъ дѣла и умирали бы съ голоду. Въ тоже время богатые нижегородскіе землевладѣльцы отправили бы массу хлѣба заграницу, на вырученныя деньги накупили бы дорогихъ картинъ и рѣдкихъ заграничныхъ произведеній. Вся Россія кричала бы о богатствѣ нижегородскихъ фермъ, въ Нижнемъ можетъ-быть явилась бы итальянская опера и нѣжныя пѣсни счастья и любви заглушили бы раздирающіе крики отчаянія умирающаго отъ голода населенія. Въ самомъ скоромъ времени три четверти винокуренныхъ заводчиковъ обанкротились бы, большинство промышленныхъ работниковъ, производившихъ для народа, остались бы безъ дѣла, потому что винá и ихъ произведеній некому было бы покупать, наконецъ уменьшилось бы и требованіе на хлѣбъ, обанкротились бы и тѣ землевладѣльцы, которые сдѣлали трудъ работниковъ столь производительнымъ; упадокъ промышленности и цивилизаціи, всеобщее нищенство—вотъ каковы были бы для Нижегородской губерніи плоды такого усиленнаго производства. Представьте себѣ теперь, что каждый сельскій работникъ Нижегородской губерніи обработывалъ бы, вмѣсто трехъ, восемь десятинъ и весь доходъ отъ усиленнаго своего производства клалъ бы къ себѣ въ карманъ: опять двѣ трети работниковъ должны были бы отстать отъ сельскаго хозяйства, но доходъ сельскихъ работниковъ увеличился бы втрое, они не послали бы заграницу ни за устрицами, ни за дорогими картинами, ни за итальянской оперой, а предложили бы свои произведенія оставшимся безъ дѣла своимъ товарищамъ съ тѣмъ, чтобы они за это улучшили ихъ жилище, надѣлали имъ мебели, посуды и разнаго другаго крестьянскаго товара, производство страны утроилось бы и рабочее населеніе сдѣлалось бы втрое богаче, винокуренные заводчики нетолько не обанкротились бы, но сдѣлались бы вдвое богаче и благосостояніе страны стало бы быстро расцвѣтать. Еслибы въ Семеновскомъ уѣздѣ вся мелкая промышленность обратилась въ крупную фабричную, то Семеновскій уѣздъ сдѣлался бы піявкою, которая высосала бы всѣ силы Нижегородской губерніи. Каждый работникъ производилъ бы

втрое, можетъ быть въ пять разъ болѣе, но двѣ трети работниковъ остались бы безъ дѣла, предложеніе промышленной работы въ Нижегородской губерніи почти удвоилось бы, а запросъ уменьшился бы, потому что незанятыя руки перестали бы покупать. Жены богатыхъ фабрикантовъ обогатили бы парижскихъ модистокъ и ліонскую мануфактуру и называли бы революціонерами и возмутителями умирающихъ съ голоду работниковъ Семеновскаго уѣзда и — доказывали бы всю пользу машиннаго производства. «Бѣдствія эти скоропреходящи», скажетъ политико-экономъ. Они скоропреходящи въ странѣ, господствующей надъ промышленностью, гдѣ для дѣятельности остающихся безъ работы рукъ съ каждымъ годомъ открываются новые безчисленные рынки во всѣхъ частяхъ свѣта, но бѣдные работники Семеновскаго уѣзда, для которыхъ рынокъ—русскій работникъ все съ тою же способностью покупать, голодали бы, голодали и только. Голодали бы какъ голодаютъ наши промышленныя губерніи, и число ихъ уменьшалось бы, какъ оно уменьшается въ промышленныхъ губерніяхъ теперь. Въ 1851 году въ девяти промышленныхъ губерніяхъ, снабжавшихъ своими произведеніями тридцать семь губерній Европейской Россіи, Кавказъ и Сибирь, считалось на каждую тысячу человѣкъ населенія въ этихъ губерніяхъ почти двѣсти тридцать пять жителей, а въ 1863 году ихъ считалось уже менѣе двухсотъ осьмнадцати, — вотъ какое счастье доставило имъ усиленное производство съ помощью машинъ и капиталистовъ! Въ томъ же самомъ Шуйскомъ уѣздѣ, который отличается теперь такими бѣдствіями своего населенія, явилось бы болѣе благосостоянія, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, еслибы вся цѣнность его производства раздѣлялась между работниками,—потребовалась бы такая масса земледѣльческаго и ремесленнаго труда, что всякій имѣлъ бы вдоволь и работы и денегъ; а теперь Шуйскій уѣздъ бѣдствуетъ изъ году въ годъ и не можетъ поправиться. И въ Семеновскомъ уѣздѣ счастье не велико, и тамъ горько жалуются на закащиковъ и торговцевъ, которымъ достается большая часть цѣнности ихъ производства, но тутъ по крайней мѣрѣ одинъ торговецъ, а въ Шуйскомъ— тамъ и торговецъ и фабрикантъ. Много ли производятъ наши промышленныя губерніи; возьмите напр. Нижегородскую губернію: она считается одною изъ самыхъ промышленныхъ, посмотрите описаніе ея промышленной дѣятельности въ Памятной книжкѣ 1865 года. Описаніе каждаго уѣзда начинается словами: «земледѣліе составляетъ главное занятіе жителей» или «промышленность такого-то уѣзда, по такимъ-то причинамъ, весьма ограниченная»; только о Балахнинскомъ и Семеновскомъ уѣздѣ сказано, что эти уѣзды по преимуществу промышленные. Статистическій Временникъ считаетъ тамъ на милліонъ 285 тысячъ жителей четырнадцать съ половиною тысячъ работниковъ на фабрикахъ необложенныхъ акцизомъ и на желѣзныхъ заводахъ 3,876 рабочихъ, а на обложенныхъ акцизомъ считается 1,014, всего 19,379 челов.; на шестьдесятъ шесть жителей приходится не много болѣе одного фабричнаго — въ Пруссіи приходится одинъ фабричный на двадцать шесть жителей и кромѣ того на семнадцать человѣкъ одинъ ремесленникъ. Для насъ впрочемъ и этого оказалось слишкомъ много, надобно было сдѣлать Нижегородскую губернію

несчастною и породить тамъ смертность одного изъ двадцати двухъ, надобно было сдѣлать, чтобы населеніе въ промышленныхъ губерніяхъ постоянно уменьшалось относительно земледѣльческихъ †).

---

†) Въ Шуйскомъ уѣздѣ считается 230, а съ Вознесенскимъ посадомъ и городомъ Шуею 277 фабрикъ и заводовъ. Изъ числа 119 миткалевыхъ и ситцевыхъ фабрикъ Владимірской губерніи, на которыхъ считается 33,429 работниковъ, производящихъ цѣнностей на 13,918,379 руб., въ Шуйскомъ уѣздѣ находится 91, изъ нихъ въ Вознесенскомъ посадѣ и городѣ Шуѣ 38. Кромѣ того изъ девяти бумагопрядильныхъ заводовъ съ 9,243 работниками и производствомъ въ шесть милліоновъ рублей три находятся въ Шуѣ и Шуйскомъ уѣздѣ.

Во Владимірской губерніи приходится на каждаго сельскаго жителя скота въ уѣздахъ: Переславскомъ 1.21, Гороховецкомъ 1.30, Судогодскомъ 1.07, Юрьевскомъ 0.94, Владимірскомъ 0.86. А въ уѣздахъ: Шуйскомъ 0.72, Суздальскомъ 0.70, Муромскомъ 0.69, Меленковскомъ 0.61, Покровскомъ 0.61, Александровскомъ 0.57, Ковровскомъ 0.55, Вязниковскомъ 0.40.

Въ Вязниковскомъ уѣздѣ считалось всего девять фабрикъ и заводовъ, въ Ковровскомъ считалось ихъ 94, но въ томъ числѣ 76 маслобойныхъ; на маслобойныхъ заводахъ Владимірской губерніи считалось съ небольшимъ по одному человѣку на заведеніе; въ Судогодскомъ уѣздѣ, кромѣ маслобойныхъ заведеній, считается 19 стеклянныхъ и хрустальныхъ, на нихъ 1,324 человѣка, производящихъ цѣнностей на 544,192 рубля; въ Александровскомъ считается двадцать четыре завода.

Вычисленіе отношенія рожденій и смертности къ населенію въ городахъ и уѣздахъ Нижегородской губерніи сдѣлано въ Памятной книжкѣ на 1865 годъ на стр. 193—196; по этому вычисленію я составилъ слѣдующую таблицу:

Въ городахъ Ниж. губерн.	съ 1857 по 1861 годъ приходилось: одно рожденіе на	одинъ умершій	разница составляетъ	съ 1857 по 1861 годъ приходилось: одно рожденіе на	одинъ умершій	Въ уѣзд. Ниж. губ.	
1. Сергачѣ . .	21	у мужч. $24^4/_7$ у женщ. $29^5/_6$	+5,+8	$19^1/_3$	у мужч. $25^1/_{10}$ у женщ. $29^2/_5$	Семеновск..	1
2. Семеновѣ .	27	у мужч. $29^2/_5$ у женщ. $33^4/_5$	+4,+7	21	у мужч. 27 у женщ. $30^2/_{10}$	Сергачск. .	2
3. Ардатовѣ .	16	у мужч. 19 у женщ. $21^3/_6$	+4,+6	$18^1/_3$	у мужч. $23^1/_2$ у женщ. 25	Ардатовск.	3
4. Горбатовѣ.	$23^2/_5$	у мужч. $23^1/_3$ у женщ. $29^4/_5$	+3,+6	$19^1/_3$	у мужч. $24^7/_{10}$ у женщ. $27^1/_2$	Горбатовск.	4
5. Балахнѣ. .	$16^1/_2$	у мужч. 19 у женщ. $19^3/_{10}$	+3,+6	$18^1/_2$	у мужч. $22^1/_{10}$ у женщ. $26^1/_{10}$	Лукояновск.	5
6. Макарьевѣ.	$15^1/_4$	у мужч. 18 у женщ. $17^4/_5$	+2,+5	$17^1/_2$	у мужч. $21^1/_{10}$ у женщ. $24^1/_{10}$	Балахнин. .	6
7. Арзамасѣ .	23	у мужч. $25^1/_6$ у женщ. $23^1/_2$	+1,+5	$16^1/_3$	у мужч. $19^3/_4$ у женщ. $23^3/_{10}$	Арзамасск.	7
8. Лукояновѣ.	$17^1/_4$	у мужч. $18^3/_5$ у женщ. 18	+1,+5	18	у мужч. $23^1/_3$ у женщ. $24^1/_2$	Васильск. .	8
9. Княгининѣ.	25	у мужч. $23^1/_2$ у женщ. 27	+1,+4	$17^3/_4$	у мужч. $20^1/_2$ у женщ. $22^1/_4$	Макарьевск.	9
10. Васильѣ . .	$22^1/_2$	у мужч. 19 у женщ. $25^1/_5$	=0,+4	$18^1/_2$	у мужч. $21^1/_2$ у женщ. $23^2/_5$	Нижегор. .	10
11 Нижн. Н. .	$26^3/_4$	у мужч. 20 у женщ. $24^1/_3$	−4,+3	18	у мужч. $21^1/_2$ у женщ. $22^2/_{10}$	Княгинин. .	11

Явленія, съ которыми имѣетъ дѣло изслѣдователь, желающій опредѣлить экономическое вліяніе на жизнь и судьбу народа разныхъ отраслей производства въ обширныхъ размѣрахъ, такъ сложны; экономическое вліяніе какой-нибудь отрасли работъ составляетъ всегда только одно изъ такого множества звеньевъ, что весьма трудно сказать, насколько она способствовала всеобщему благосостоянію и не тянула ли она внизъ. Люди, которые имѣютъ интересъ толковать дѣло въ свою пользу, всегда найдутъ придирку и очень рѣдко можно сдѣлать такое сравненіе, при которомъ всѣ обстоятельства окажутся равными и противоположность будетъ только такая, которая разъяснятъ предметъ наблюденія. Для опредѣленія у насъ вліянія фабричной и мелкой промышленной производительности, однакоже, мнѣ удалось подобрать такое сравненіе. Это—сравненіе Ардатовскаго и Горбатовскаго уѣздовъ Нижегородской губерніи. Эти сосѣдніе уѣзды западной части Нижегородской губерніи во всѣхъ отношеніяхъ похожи другъ на друга и во всѣхъ отношеніяхъ Арда-

---

Въ 1863 году смертность въ уѣздахъ Нижегородской губерніи была: въ Семеновскомъ умиралъ 1 одинъ изъ 25 жителей, въ Горбатовскомъ 1 изъ 24, въ Лукояновскомъ 1 изъ 24, въ Ардатовскомъ 1 изъ 22, въ Балахнинскомъ 1 изъ 22, въ Арзамасскомъ 1 изъ 21, въ Нижегородскомъ 1 изъ 20, въ Сергачскомъ 1 изъ 20, въ Васильскомъ одинъ изъ 30, въ Макарьевскомъ 1 изъ 19, въ Княгининскомъ 1 изъ 18.

Увеличеніи благосостоянія нижегородскаго населенія со времени освобожденія по конецъ 1863 года нетолько не оказывается, но данныя смертности являются даже въ неблагопріятномъ свѣтѣ и оправдываютъ отзывы нижегородскихъ крестьянъ, увѣряющихъ, что они съ освобожденіемъ пока еще потеряли въ матеріальномъ отношеніи и весь выигрышъ ихъ былъ нравственный: помѣщики потеряли право ихъ унижать тѣлесными наказаніями; выигрышъ этотъ цѣнится крестьянами весьма высоко, и вѣроятно помѣшалъ смертности пасть еще ниже.

По сложности четырехъ лѣтъ съ 1857 по 1860 годъ въ Нижегородской губерніи умиралъ 1 изъ 23.41 жителей, а по сложности двухъ лѣтъ 1861 и 1863 годовъ—умиралъ 1 изъ 23.37: въ 1861 году населеніе было 1,283,022 челов., а въ концѣ 1863 года 1,285,196 челов., это не составитъ увеличенія и на двѣ десятыхъ процента — между тѣмъ съ 1851 года населеніе въ Нижегородской губерніи увеличивалось въ годъ на одинъ процентъ и болѣе одной десятой. — Въ Сергачскомъ уѣздѣ, между русскимъ населеніемъ, котораго большая часть живетъ на помѣщичьихъ земляхъ, смертность по пятилѣтней сложности составляла у мужчинъ 1 изъ 24, а у женщинъ 1 изъ $28^{3}/_{5}$, тогда какъ между магометанскимъ населеніемъ, вовсе не живущимъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, она составляла 1 изъ $48^{1}/_{10}$ между мужчинами и 1 изъ $43^{1}/_{6}$ между женщинами,—смертность, напоминающая Англію.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ на государственныхъ земляхъ крестьянъ 16,988, а на частныхъ 90,821, въ Арзамасскомъ на гос. земл. 29,524—на частн. 78,502, въ Ардатовскомъ на гос. земл. 8,839 — на частн. 100,610, въ Балахнинскомъ на гос. земл. 15,386—на частн. 74,691, въ Васильскомъ на гос. земл. 34,500 — на частн. 56,267, въ Горбатовскомъ на гос. земл. 10,739 — на частн. 85,411, въ Княгининскомъ на гос. земл. 12,633 — на частн. 79,574, въ Макарьевскомъ на гос. земл., 18,311 — на частн. 59,284, въ Семеновскомъ на гос. земл. 46,344 — на частн. 31,447, въ Лукояновскомъ на гос. земл. 77,710 — на частн. 71,349, въ Сергачскомъ на гос. земл. 45,228 —на частн. 77,817.

товскій уѣздъ имѣетъ преимущество: ихъ населеніе почти равное, но въ Горбатовскомъ оно болѣе густое; въ тоже время почва Ардатовскаго уѣзда гораздо благодатнѣе, часть его принадлежитъ даже къ черноземной полосѣ. Ардатовскій уѣздъ гораздо богаче лѣсами, а это обстоятельство улучшаетъ почву и какъ извѣстно весьма способствуетъ развитію въ населеніи благосостоянія. Населеніе на государственныхъ земляхъ по отношенію къ живущимъ на участкахъ, находящихся въ помѣщичьемъ владѣніи, и въ томъ и другомъ уѣздѣ незначительно, но лучшая почва даетъ въ Ардатовскомъ возможность крестьянамъ держать гораздо болѣе скота. Однимъ словомъ, при большомъ сходствѣ между собою Ардатовскій уѣздъ сохраняетъ постоянно нѣкоторое преимущество. Въ промышленномъ отношеніи они также весьма близки другъ къ другу: и въ томъ и въ другомъ на болѣе чѣмъ стотысячное населеніе можно насчитать около четырнадцати тысячъ промышленныхъ работниковъ, рабочее населеніе столь значительное, что его положеніе уже необходимо должно оказывать вліяніе на смертность населенія; главное занятіе ихъ одинаковое, это— металлическое производство, и въ томъ и въ другомъ большая половина работниковъ посвящаютъ ему свои труды и притомъ часть почти одинаковая. Вся разница между этими двумя уѣздами заключается въ томъ, что въ Ардатовскомъ уѣздѣ господствуетъ производство въ большихъ размѣрахъ на немногихъ фабрикахъ и заводахъ съ большимъ числомъ рабочихъ, въ Ардатовскомъ уѣздѣ считается одиннадцать фабрикъ и заводовъ, въ томъ числѣ шесть чугунно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ—одни эти шесть имѣютъ 7,284 работника, на нихъ сосредоточена половина всѣхъ промышленныхъ работниковъ. Мелкая же промышленность жителей весьма ограниченная. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ, наоборотъ, металлическое производство распредѣлено между сорока двумя селеніями, въ которыхъ также работаетъ до семи тысячъ человѣкъ, остальная промышленная производительность края распредѣлена приблизительно между двадцатью девятью селеніями и 2,497 мелкими заведеніями, фабриками и заводами. Несмотря на то, что и въ Ардатовскомъ и Горбатовскомъ уѣздахъ все-таки преобладаетъ земледѣліе, которое въ Горбатовскомъ уѣздѣ такъ мало вознаграждаетъ труды земледѣльца, что мѣстнаго хлѣба оказывается недостаточно для продовольствія жителей, мелкое производство дотого увеличиваетъ благосостояніе Горбатовскаго уѣзда въ сравненіи съ Ардатовскимъ, что въ 1863 году въ первомъ умиралъ одинъ изъ двадцати четырехъ,—послѣ Семеновскаго смертность эта была самая благопріятная въ Нижегородской губерніи,—въ Ардатовскомъ же умиралъ одинъ изъ двадцати двухъ. По вычисленіямъ за пять лѣтъ, помѣщеннымъ въ нижегородской Памятной книжкѣ на 1865 годъ (на стр. 195), Ардатовскій уѣздъ причисленъ къ тѣмъ уѣздамъ, въ которыхъ оказалось наибольшее число умершихъ, между тѣмъ, на основаніи тѣхъ же вычисленій, за пять лѣтъ, Горбатовскому уѣзду принадлежитъ одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ (третье, между одиннадцатью). Въ Горбатовскомъ уѣздѣ умиралъ между мужчинами 1 изъ $24^{7}/_{10}$, а въ Ардатовскомъ 1 изъ $23^{2}/_{5}$; между женщинами разница смертности была еще болѣе — въ Горбатовскомъ умирала 1 изъ $27^{1}/_{2}$, для Россіи уже благопріятная

смертность, а въ Ардатовскомъ умирала 1 изъ 25; въ 1861 году въ Ардатовскомъ уѣздѣ снова была малая смертность 1 изъ 22. Неужели можно равнодушно смотрѣть на то, что машины, этотъ величайшій благодѣтель человѣческаго рода, это плодоносное орудіе, которое даетъ рабочему возможность при несравненно меньшихъ усиліяхъ производить нетолько вдвое и втрое, но иногда во сто разъ болѣе, эти машины дѣлаются бичемъ для рабочаго класса? Нетолько для работниковъ, для цѣлыхъ мѣстностей оказывается несравненно болѣе выгоднымъ производить мало и дорого, чѣмъ производить много и дешево. Сельскій работникъ, который обработываетъ три десятины, благоденствуетъ въ сравненіи съ тѣмъ, который обработываетъ ихъ восемь, промышленный работникъ, который производитъ на сто рублей, благоденствуетъ въ сравненіи съ тѣмъ, который производитъ на пятьсотъ. Неужели подобные соціальные недостатки не требуютъ измѣненія? неужели долженъ у насъ продолжаться для работника соблазнъ производить мало и дорого? неужели наши промышленныя губерніи, которыя производятъ, относительно по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе земледѣльческихъ, должны навсегда служить образцами бѣдствій, которыя можетъ порождать промышленность, ужасающимъ пугаломъ, плодящимъ смерть сильнѣе, чѣмъ голодъ, война и холера? (см. примѣчаніе) Мудрено ли послѣ этого, что у насъ работникъ бѣжитъ машиннаго производства и спасается переселеніемъ въ какую-нибудь глухую степь, гдѣ онъ производитъ въ десять разъ менѣе, а живетъ относительно безмятежно и счастливо, мудрено ли, что его не заманишь на фабрику и что онъ предпочитаетъ несравненно менѣе производительную мелкую промышленность? Въ то время, какъ въ Нижегородской губерніи работаетъ на фабрикахъ и заводахъ около девятнадцати тысячъ работниковъ, въ однихъ городахъ ремесленниковъ и одиночныхъ производителей считается до одиннадцати тысячъ, въ городахъ и уѣздахъ около 15,000 мелкихъ заведеній; изъ 3,600 селъ, деревень, хуторовъ, мызъ и пр. болѣе четырехъ сотъ селеній занимаются мелкимъ одиночнымъ промысломъ и болѣе тридцати тысячъ человѣкъ выходятъ для продолжительныхъ занятій ремеслами и другими работами. Въ то время какъ въ Пруссіи фабричные работники относятся къ мелкимъ производителямъ какъ 1 къ 1.50, въ Нижегородской губерніи они далеко не составляютъ и одной четверти всѣхъ производителей, а въ Пермской губерніи, гдѣ сто тысячъ работниковъ заняты фабричнымъ производствомъ, умираетъ осьмнадцатый и умершихъ оказывается болѣе, чѣмъ родившихся †). Вглядитесь въ особенности нашего промышлен-

†) Во Франціи въ 1854 году былъ голодъ, война и холера; въ это время умиралъ тамъ одинъ изъ тридцати шести жителей.

По свѣдѣніямъ Статистическаго Временника за 1863 годъ, въ Нижегородской губерніи на 628 фабрикахъ необложенныхъ акцизомъ работало 14,489 рабочихъ, на нижегородскихъ желѣзныхъ заводахъ 3,876 рабочихъ—число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ обложенныхъ акцизомъ не обозначено, а въ нижегородской Памятной книжкѣ, въ статистическихъ таблицахъ за 1863 годъ, на пиво- и медо-варенныхъ, винокуренныхъ, водочныхъ, соло-варенныхъ и солодо-молольныхъ заво-

наго развитія, посмотрите на условія, въ которыхъ оно находится, на мотивы, которые заставляютъ у насъ людей работать, и вы увидите такъ мало утѣшительнаго, что патріотъ будетъ имѣть самыя сильныя побужденія дойти до отчаянія. Оглянитесь кругомъ себя, посмотрите, что заставляетъ нашего работника браться за промышленную работу: вы увидите, что его гонитъ на промыслы нужда и горькая нужда. Весь юго-восточный уголъ Нижегородской губерніи, занятый черноземною полосою, отличается малымъ развитіемъ промышленности, — западный же и сѣверный, гдѣ урожаи едва доходятъ до самъ-два съ половиною, гдѣ хлѣба недостаточно даже для продовольствія жителей, тамъ вся мѣстность покрыта густою сѣтью промышленныхъ селеній. Такая масса производителей конечно не можетъ найти на мѣстѣ нетолько своихъ покупателей, но и матеріялъ для своего производ-

---

дахъ число работниковъ обозначено въ 1,014 челов.; всего выходитъ 19,379 челов. Въ городахъ ремесленниковъ, записанныхъ и не записанныхъ въ цехъ (или названныхъ тамъ промышленниками), по Памятной книжкѣ насчитывается 10,809 челов., въ уѣздахъ и городахъ мелкихъ заведеній 15,020. Въ числѣ промышленниковъ считались мясники, садовники, огородники, рыболовы, повара, пильщики, городскіе лѣсо- и судопромышленники, плотники, каменщики, штукатуры, ткачи рогожъ, землекопы, кровельщики, санно-тележники, конопатчики, мостовщики, коробочники, занимающіеся чисткою ретирадныхъ мѣстъ, колесники, каменотесы, мельники, синильщики, бондари, судостроители, лоцманы, водоливы, извощики, вяляночники, рукавичники, лѣстовочники, ложкари, кузнецы, скорняжники, вязальщицы, плетущія кружева, канатчики и веревочники, шапочники, сундучники и водильщики медвѣдей. Въ числѣ мелкихъ заведеній показаны: уксусныя, колокольныя, мельницы, солодовенныя, воскобойныя, сальносвѣчныя и салотопенныя, кирпичныя, кожевенныя, клееваренныя, овчинныя, валяночныя, поташныя, паточнаго варенья, красильныя, дегтярныя, ситенныя, точильныя, шерстобитныя, кузницы, маслобойни и толчеи, круподерки, горшечныя, шиповки, прядильныя, токарныя, бульонныя, пряничныя, олифныя, топорныя и якорныя, колечныя, шорныя, чугунно- и мѣднолитейныя, лошкарныя. Изъ селеній показаны отправляющимися на разныя ремесленныя и другія работы 110,000 человѣкъ; въ томъ числѣ 34,260 съ годовыми и полугодовыми видами. Тамъ же перечислено и поименовано 390 селеній, занимающихся различными промыслами, и кромѣ того размѣры многихъ мелкихъ производствъ не опредѣлены, въ особенности въ уѣздахъ Балахнинскомъ, Лукояновскомъ и Макарьевскомъ.

Сравненіе уѣздовъ Ардатовскаго и Горбатовскаго:

	въ Ардатовскомъ	въ Горбатовскомъ	
Жителей.	119,200	103,441	Мелкихъ заведеній считается въ Ардатовскомъ 903 и 29 промышленныхъ селеній. Въ Горбатовскомъ 2,349, 52 точильныхъ колеса и 908 верстаковъ; 71 промышленное селеніе, въ томъ числѣ въ 42—7,000 работниковъ стальныхъ издѣлій; въ Ардатовскомъ въ пять разъ болѣе фабричныхъ работниковъ, а въ Горбатовскомъ въ $2^1/_2$ болѣе мелкихъ заведеній и почти въ $2^1/_2$ болѣе промышленныхъ селеній.
На квадр. м. приходится.	1,139	1 715	
Государ. крестьянъ. . .	8,839	10,735	
На частныхъ земляхъ . .	100,610	85,411	
На сельскаго жителя приходится штукъ скота. .	0,92	0,63	
Фабрикъ.	11	148	
На нихъ рабочихъ приблизительно	7,700	1,500	

ства, издалека привозится имъ матеріялъ и за многія тысячи верстъ посылаютъ они продавать свои произведенія. При такомъ положеніи нормальнымъ будетъ только крупное производство, съ помощью машинъ и раздѣленія труда. Что могло бы быть естественнѣе такого направленія промышленности въ Нижегородской губерніи, гдѣ въ годъ добывается до двухъ милліоновъ пудовъ чугуна и гдѣ чугунъ этотъ добывается именно въ той же западной части губерніи, столь нуждающейся въ промышленной производительности, гдѣ болѣе двухъ милліоновъ десятинъ находится подъ лѣсомъ и лѣсъ покрываетъ половину территоріи губерніи. Если машины и раздѣленіе труда увеличатъ производительность работника въ десять или въ двадцать разъ, то этимъ покроются издержки отъ привоза сыраго матеріяла и развозки произведеній; распредѣленіе труда относительно Россіи будетъ и справедливѣе и выгоднѣе. Что же мы видимъ въ настоящее время? мелкая производительность въ Нижегородской губерніи въ четыре раза превосходитъ крупную. Самое первое мѣсто между этой производительностью занимаетъ производство изъ дерева и шерсти, крестьянская посуда, утварь, мебель и экипажи, войлочныя и коженныя издѣлія. Въ самыхъ промышленныхъ уѣздахъ Балахнинскомъ и Семеновскомъ большая часть селеній занята подобнымъ производствомъ. Между тѣмъ Нижегородская губернія одна изъ тѣхъ губерній, въ которой скотоводство наименѣе развито, для своихъ издѣлій ей нужна привозная кожа и привозная шерсть, за баклушами для деревянной посуды нижегородскій работникъ нерѣдко отправляется за тысячу верстъ. Несмотря на обиліе желѣза въ Нижегородской губерніи, матеріяла этого все-таки не достаетъ для нижегородскаго одиночнаго работника, кузнеца и слесаря Горбатовскаго уѣзда и туда доставляются извнѣ желѣзо, сталь, мѣдь и проволока. Для постройки барокъ въ Балахнинскомъ уѣздѣ, Костромская губернія доставляетъ до сорока тысячъ деревьевъ въ годъ. Какъ дешево долженъ работать нижегородскій промышленный работникъ, для того, чтобы заставить покупать его издѣлія, его посуду и валяный товаръ нетолько въ восточной, богатой скотомъ Россіи, но и въ Сибири. Изъ Нижегородской губерніи вывозится и распродается подобный товаръ нетолько тогда, когда онъ требуетъ особаго искусства и когда матеріялъ цѣнится гораздо дешевле работы, но и тогда, когда работа самая посредственная и даже мало годная. Не долженъ ли трудиться за безцѣнокъ нижегородскій работникъ, чтобы заставить самарскаго, оренбургскаго или сибирскаго найти невыгоднымъ производить изъ матеріяла, который тамъ гораздо дешевле? Крупное производство несравненно болѣе развито во Владимірской губерніи, но и тамъ оно оказывается столь недостаточнымъ для обезпеченія рабочаго класса и столь тягостнымъ для него, что онъ кидается на тѣ же самые предметы мелкой производительности, на которыхъ, какъ рыба объ ледъ, бьется нижегородскій и выставляетъ на рынокъ свои произведенія изъ дерева и шерсти; въ то время, какъ шерсть составляетъ во Владимірской губерніи еще бо́льшую рѣдкость, чѣмъ въ Нижегородской, гдѣ почти вдвое болѣе овецъ. Съ ними вступаетъ въ конкуренцію и голодный калужскій крестьянинъ и также производитъ изъ купленнаго въ другихъ губер-

ніяхъ матеріяла. Дѣло кончалось тѣмъ, что работникъ превращался въ нищаго. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Памятная книжка Калужской губерніи: «Калужскіе купцы заподряжали себѣ работниковъ изъ Мосальскаго уѣзда отъ помѣщичьихъ конторъ, которыя и высылали въ Калугу огромное число семействъ крестьянъ, работавшихъ за самое скудное вознагражденіе. Вотъ почему, вынужденные жестокою крайностью рогожники въ Калугѣ занимались и пока еще занимаются нищенствомъ. Мудрено ли послѣ этого, что въ Нижегородской губерніи такая низкая заработная плата, что смертность между работниками такая ужасная и что среди цвѣтущихъ селеній работникъ умираетъ тамъ съ голоду, какъ въ безлюдной степи! Въ тоже время естественное и единственно нормальное для него производство, производство съ помощью машинъ и раздѣленія труда, оказывается для него гибельнымъ, вслѣдствіе жалкихъ соціальныхъ условій. Калужская губернія, гдѣ крупное производство получило такое распространеніе, прославилась бѣдствіями своего рабочаго населенія: съ 1851 года въ ней населеніе, можно сказать, не увеличивалось; между всѣми губерніями Россіи и Сибири она, въ этомъ отношеніи, занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Вездѣ на фабрикахъ и заводахъ рабочій поставленъ въ такое положеніе, что онъ не можетъ существовать своими заработками, хотя производительность его была бы достаточна для роскошнаго содержанія; вслѣдствіе недостаточныхъ заработковъ, дурной расплаты и обсчитыванія онъ вездѣ погрязаетъ въ долгахъ. Какъ часто фабрикантъ и заводчикъ находитъ болѣе выгоднымъ безчестнымъ образомъ держать рабочихъ въ кабалѣ посредствомъ подобныхъ долговъ, чѣмъ честно обезпечивать ихъ существованіе. Работники и даже дѣти изнуряются непосильной работой, по шестнадцати часовъ въ день. Ярославскій статистическій комитетъ нашелъ образцовымъ положеніе рабочихъ на фабрикахъ, гдѣ мужчины, женщины и дѣти работали по четырнадцати съ половиною часовъ въ сутки и жили въ казармахъ! Въ то время, когда въ Англіи уже успѣшно стремятся къ осьмичасовой работѣ, наши администраторы, статистики и капиталисты и знать не хотятъ о томъ, что тяжелой и непосильной работой можно загубить населеніе страны. Для охраненія здоровья работника не принимается никакихъ мѣръ, и въ то время, когда работники гибнутъ самымъ несчастнымъ образомъ, капиталисты получаютъ на свой капиталъ по шестидесяти процентовъ въ годъ †). Чаще всего администрація не принимаетъ никакихъ мѣръ для сохраненія здоровья рабочаго, но и тамъ, гдѣ мѣры эти по разнымъ случаямъ принимаются, онѣ остаются безуспѣшными. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ калужская Памятная книжка: «Владѣльцы хотя и дали подписки къ устройству вентиляторовъ для очищенія воздуха,— улучшенныхъ топокъ и всего прочаго, однако къ выполненію своихъ подписокъ до сего времени не приступали; загородъ не выведено до сихъ поръ ни

†) Товарищество новой бумагопрядильни въ 1863 году выдало дивиденда 480,000 руб. на капиталъ въ 800,000 руб., т. е. 60% въ годъ. См. Стат. Вр. 1866 г. ст. 196, 197 и 205.

одного изъ назначенныхъ къ тому заводовъ; вновь же учредилось самовольно еще нѣсколько заведеній.»

Поставленный такой жалкой обстановкой въ самое крайнее положеніе работникъ рѣшается на послѣднее средство, онъ бросаетъ свой домъ и свою семью и идетъ за тысячи верстъ отыскивать средства уплатить свои подати и оброки. Несчастное семейство подобнаго работника дѣлается съ этого дня жертвою. Этотъ родъ работъ самый жалкій и самый зловредный изъ всѣхъ работъ, онъ самымъ ужаснымъ образомъ отзывается на благосостояніи рабочаго класса и на населеніи вообще. Между тѣмъ онъ въ Россіи имѣетъ огромные размѣры. Мы уже видѣли, что изъ одной Нижегородской губерніи выходитъ болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Нижегородская губернія та изъ промышленныхъ губерній средней Россіи, изъ которой менѣе другихъ выходитъ людей по паспортамъ; это видно изъ того, что доходъ съ пошлинъ разныхъ наименованій, между которыми доходъ съ паспортовъ составляетъ болѣе трети, самый незначительный въ Нижегородской губерніи. Кромѣ столичныхъ губерній доходъ этотъ самый значительный въ тѣхъ губерніяхъ, которыя подвержены самымъ тяжкимъ страданіямъ. Значительнѣе всѣхъ другихъ губерній Европейской и Азіатской Россіи доходъ этотъ въ Ярославской губерніи, по крайней мѣрѣ относительно населенія, въ Ярославской губерніи въ 1863 году умиралъ одинъ изъ двадцати двухъ и съ 1861 года населеніе уменьшилось; за нею непосредственно слѣдуетъ Калужская †). Въ этой несчастной губерніи соединились три бѣдственныхъ вліянія на рабочее населеніе: большое количество частныхъ земель, значительное фабричное производство съ помощью машинъ и капиталовъ и значительное число работниковъ, работающихъ въ разлукѣ съ своими семействами. Это привело губернію въ такое положеніе, что она по увеличенію своего населенія съ 1851 года между всѣми россійскими губерніями заняла послѣднее мѣсто, она стала даже ниже Ярославской. Мѣсто это ей менѣе всего прилично было занять по естественнымъ своимъ богатствамъ. Изъ тридцати шести губерній Европейской Россіи только восемь имѣютъ болѣе пахотныхъ земель, и хотя большое количество помѣщичьихъ земель мѣшаетъ развитію скотоводства и потому земли эти мало плодоносны, однакоже Калужская губернія между промышленными все-таки принадлежитъ къ тѣмъ, которыя производятъ всего болѣе хлѣба и въ которыхъ хлѣбъ этотъ продается по болѣе низкой цѣнѣ. Изъ двѣнадцати промышленныхъ губерній только въ двухъ хлѣбъ дешевле. Несмотря на то, что между всѣми промышленными губерніями, кромѣ Пермской, нѣтъ ни одной, въ которой бы употреблялось на винокуреніе болѣе хлѣба, чѣмъ въ

†) Въ калужской Памятной книжкѣ на 1863 годъ число паспортовъ выданныхъ на полгода мѣщанамъ и государственнымъ крестьянамъ обозначено въ 29,191. Кромѣ того въ ней говорится, что временно-обязаннымъ крестьянамъ выдавалось до 45,000 паспортовъ въ годъ, всего слѣдовательно относительно населенія почти въ два съ половиною раза болѣе, чѣмъ въ Нижегородской.

Калужской, по населенію Калужская губернія уступаетъ всѣмъ прочимъ за исключеніемъ Олонецкой. Относительно населенія на винокуреніе въ Пермской употребляется почти вдвое менѣе, чѣмъ въ Калужской. Къ этому присовокупляется такое богатство металловъ, которое одно въ состояніи было бы поднять благосостояніе рабочаго класса.

Вотъ какъ въ калужской Памятной книжкѣ описывается самый выгодный изъ отхожихъ промысловъ Калужской губерніи, промыселъ маркитантовъ (половыхъ): «Крестьяне отправляются въ Одессу, Херсонъ, Николаевъ, въ губерніи Екатеринославскую, Ставропольскую, Оренбургскую и другія, по меньшей мѣрѣ на два года съ половиною, иногда же на четыре, пять лѣтъ и на неопредѣленное время. Бываетъ, что маркитантъ явится на мѣсто жительства черезъ 20 лѣтъ, явится на родину неспособный ни къ какой земледѣльческой работѣ, чтобы быть тунеядцемъ и тяготить свое семейство и безъ того разоренное. Оно могло разориться даже тогда, когда получало каждогодно пособіе, положимъ 100 руб. (что бываетъ весьма рѣдко) отъ маркитанта. За отсутствіемъ молодаго мужскаго населенія, въ деревняхъ остаются старики, малыя дѣти и женщины. Всего чаще хозяйство лежитъ на плечахъ послѣднихъ. Войдите же въ хату маркитанта, взгляните на всю его усадебную осѣдлость и полюбуйтесь... Вы видите уже снаружи, что строеніе покосилось въ одну сторону; соломенная кровля плохо защищаетъ отъ дождя; пониже солома гнилая, а сверху самый тонкій слой свѣжей, который настилается каждый годъ, хотя каждый годъ слышны жалобы на недостатокъ соломы для навоза; на дворѣ столбы подъ дырявымъ навѣсомъ пошатнулись; коровы подвержены зимою нападенію всѣхъ вѣтровъ, и съ весны ихъ поднимаютъ на ноги съ страшными усиліями; лошадь въ углу двора не столько жуетъ лѣсное сѣно, сколько топчетъ его ногами; сарай, овинъ угрожаютъ паденіемъ, а послѣдній и пожаромъ; городьба вся на живую нитку и едва держится. Внутри избы не лучше: васъ поражаетъ отвратительная нечистота, соръ, грязь; въ рамахъ осколки стекла и бумага; печь валится. Старуха, домохозяйка лежитъ на печи, охаетъ и стонаетъ. «Что съ тобой, Василиса»... «Пошла дать корму скотинкѣ, несу охапку соломы, ударило въ крестецъ и ноги подломились. Съ той поры лежу, ни сна, ни ѣды.» Отчего же хозяйство не спорилось? О заводѣ добрыхъ лошадокъ и рогатаго скота мало думалось: «пробовали заводить, да что-то все приходится не ко двору, не стоятъ.» Земля обработывалась и засѣвалась на авось, даже подъ коноплю удобрялась не всегда, какъ слѣдуетъ. Въ лѣто нельзя обойтись безъ работника. Надобно заплатить ему не менѣе 30 руб., да прокормить его. Наемникъ будетъ, правда, копаться день-деньской: и пахать, и скородить (бороновать), и сѣять, и косить; но хлѣбъ, сѣно и другія произведенія, добытыя вялой, неповоротливой, тупой его работой, будутъ стоить дороже купленныхъ. Conditio sine qua non сельскаго хозяйства—это если опытный хозяинъ смотритъ за всѣмъ самъ, можетъ самъ все поправить, починить. Но такого хозяйства при маркитантствѣ не бываетъ. Обыкновенно весь грузъ и легкихъ и тяжелыхъ работъ, какъ уже сказано, лежитъ на бѣдныхъ женщинахъ. Сверхъ обычныхъ своихъ занятій—пряжи, тканья и домашнихъ обиходныхъ дѣлъ,

онѣ и пашутъ и скородятъ, свозятъ хлѣбъ и сѣно съ полей и луговъ, молотятъ, ѣздятъ за дровами, чинятъ дороги и исполняютъ должность возничихъ; а нѣкоторыя изъ нихъ умѣютъ сѣять хлѣбъ и даже косить траву. Маркитантъ, когда и пріѣдетъ на родину, предоставляетъ продолжать всѣ работы прекрасному полу, а самъ показываетъ свое удальство въ кабакѣ, угощая себя и надѣляя прекрасный полъ полновѣсными ударами. Проживетъ такъ маркитантъ мѣсяца два и вымаливаетъ у сосѣда денегъ на паспортъ и предлежащій ему обратный путь. Можно бы примириться со всѣми качествами нашихъ маркитантовъ, еслибы семьи ихъ, остающіяся дома, кое-какъ кормились, одѣвались. Но нельзя равнодушно смотрѣть на промыселъ, когда онъ, какъ червь, подтачиваетъ благосостояніе края, уменьшая народонаселеніе и оставляя землю безъ производительности, разрушаетъ семейное счастье. Съ достовѣрностью можно предсказать, что если, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, промыселъ маркитанта не прекратится, то многія населенныя мѣста Калужскаго уѣзда превратятся въ безлюдныя пустыни. Въ селѣ К-с. къ 1861 году состояло на лицо: домохозяевъ, постоянно живущихъ дома 6, нанимающихся въ услуженіе въ окрестностяхъ деревни 4, маркитантовъ 10 и малолѣтнихъ 8. Эта табличка наводитъ на размышленіе о томъ, въ какой степени должно процвѣтать въ нашемъ краѣ земледѣліе, когда при 120 десятинахъ земли остаются работниками 6 стариковъ, бабы и малые ребята. Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ водится маркитантство, народонаселеніе также значительно уменьшается, и много земли остается невоздѣланною, заростая кустарниками и сорными травами.»» Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что разсказъ этотъ принадлежитъ помѣщику, энергически отстаивающему свои права и отзывающемуся о рабочемъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ. Такого разскащика никакъ нельзя подозрѣвать въ слишкомъ большой нѣжности къ рабочему народу. Въ разсказѣ этомъ я не измѣнилъ ни одного слова, но многое выпустилъ, въ немъ цѣлыя страницы наполнены были горькими жалобами на нарушеніе крѣпостнаго права. Тонъ разсказа такъ высокомѣренъ, что несмотря на то, что я всячески избѣгалъ въ выпискѣ выраженій неприличныхъ по своей высокомѣрности, я все-таки поставленъ былъ въ такое положеніе, что долженъ былъ или не выписать самаго существеннаго или помѣстить такія неприличныя выраженія, какъ напр. «баба».

Вотъ какова участь счастливѣйшихъ изъ работниковъ, отправляющихся въ отхожіе промыслы, вотъ какова судьба ихъ семействъ. Офени и маркитанты чуть ли не самые богатые изъ подобныхъ работниковъ, офени наживаютъ капиталы и обращаются въ купцовъ, маркитанты получаютъ до трехсотъ рублей въ годъ, а между тѣмъ мы видѣли, какое ихъ ждетъ счастье: какова же участь тѣхъ несчастныхъ массъ, которыхъ голодъ и необходимость платить оброки и подати выгоняетъ на большія дороги и которыя не могутъ найти для себя ничего лучшаго, кромѣ черной работы!

Восхищаться этой предпріимчивостью русскаго народа можетъ только тотъ, кто видитъ одну поверхностную и блестящую сторону дѣла. Посмотрите на эти артели жалкія, голодныя, оборванныя, которыя со слезами на глазахъ и

съ проклятіемъ въ сердцѣ оставляютъ свое село не изъ-за какихъ-нибудь выгодъ, не для какого-нибудь благополучія, а чтобы продать свою жизнь и свое здоровье за безцѣнокъ, какъ продаетъ себя грошевая развратница. Никто не спроситъ ихъ, сыты вы или голодны, здоровы вы или погибаете отъ болѣзни, можете ли вы работать, перенося такія лишенія? Ихъ не спросятъ даже: есть ли у васъ кровъ, есть ли у васъ на ночь теплый уголъ? Когда я посѣтилъ Рыбинскъ, мнѣ показывали великолѣпный храмъ, который построило тамошнее купечество. «А гдѣ у васъ ночуютъ рабочіе,—спросилъ я,—которые прибываютъ сюда такими массами?» «Кое-гдѣ,—отвѣтили мнѣ,—кто на берегу, кто гдѣ приткнется.» Я не могъ тогда вынести и сказалъ: «Какъ же это вы не выстроили пристанища для рабочихъ, которые его не имѣютъ! Подобно идолопоклонникамъ, вы строите великолѣпные храмы, и забываете, что долгъ христіанина прежде позаботиться о своихъ братьяхъ, а потомъ объ роскоши. Іисусъ Христосъ не жилъ въ раззолоченныхъ палатахъ, онъ никогда не желалъ, чтобы деньги, которыя нужны для спасенія отъ погибели бѣдныхъ нашихъ братьевъ, употреблялись на то, чтобы ему служить съ роскошью, съ которою идолопоклонники служатъ своимъ богамъ.» Еще недавно я слышалъ, какъ этихъ несчастныхъ находили мертвыми на берегу, можетъ быть это встрѣчается и до сихъ поръ. Можетъ ли быть иначе, когда благотворительность, можно сказать, въ нашемъ отечествѣ не извѣстна? Съ черствой безчувственностью проходимъ мы мимо нашего страдающаго брата, и все что мы готовы для него сдѣлать состоитъ развѣ въ грошевомъ погребеніи для того, кто умеръ отъ безчисленныхъ, легко устранимыхъ страданій. Въ Нижнемъ Новгородѣ считается около тридцати осьми тысячъ жителей и кромѣ того отъ пяти до семи тысячъ приходитъ туда каждый годъ для работъ, работа ихъ преимущественно такая, отъ которой здоровье всего болѣе страдаетъ: сколько изъ нихъ каждый годъ безъ средствъ, больные, умирающіе остаются на произволъ судьбы—что сдѣлано для призрѣнія этихъ несчастныхъ? Въ учебныхъ заведеніяхъ Нижегородской губерніи гражданскихъ, духовныхъ и военныхъ считалось всего 7,109 учениковъ, при заведеніяхъ этихъ въ одномъ Нижнемъ Новгородѣ было четыре больницы, въ которыхъ пользовалось 2,229 больныхъ. Семь тысячъ дѣтей, которые почти исключительно принадлежатъ къ высшимъ классамъ общества, находили себѣ пріютъ и больницу, но я въ Памятной книжкѣ на 1865 годъ, подъ рубрикою благотворительность, напрасно искалъ что-нибудь для спасенія отъ болѣзней и преждевременной смерти семи тысячъ пришельцевъ работниковъ, которые дѣлали эти высшіе классы общества счастливыми и богатыми. Городская больница на триста кроватей предназначена не для нихъ и даже не для сорока тысячъ городскихъ жителей, она содержится преимущественно насчетъ суммъ военныхъ. Изъ промышленныхъ губерній, въ Нижегородской паспортный доходъ незначительнѣе другихъ, несмотря на это въ 1863 году въ ней выдано было однимъ крестьянамъ 110,613 паспортовъ и въ томъ числѣ 34,260 годовыхъ и полугодовыхъ. При такомъ движеніи населенія мы не имѣемъ даже больницъ для этихъ горемыкъ путешественниковъ. Мы видѣли, какъ живетъ офень: осенью и зимой онъ день и ночь проводитъ подъ откры-

тѣмъ небомъ. Маркитантъ счастливѣе его, его занятіе—въ просторныхъ и теплыхъ помѣщеніяхъ, а между тѣмъ даже и маркитанты умираютъ преждевременно въ замѣчательно большомъ числѣ. Въ статьѣ, изъ которой я только-что сдѣлалъ выписку, приводится примѣръ селенія, въ которомъ въ 1851 г. умерли только одинъ малолѣтній и четыре взрослыхъ маркитанта. Можно себѣ представить, какова смертность между массою работниковъ, несравненно болѣе несчастныхъ. Если съ ними такимъ образомъ обращается общество, то что же они могутъ ожидать отъ частныхъ лицъ? Кому неизвѣстно шумное дѣло о тридцати тысячахъ работниковъ на волжско-донской желѣзной дорогѣ, которыхъ заморили голодомъ и работой, затѣмъ денегъ имъ не заплатили, ихъ тиранили розгами и наконецъ нѣсколькихъ убили изъ ружей? Дѣло это обнаружило всю беззащитность подобныхъ рабочихъ; выгнанный изъ дому голодомъ, этотъ несчастный человѣкъ за жалкій задатокъ въ пять рублей подписываетъ контрактъ, котораго содержаніе онъ не знаетъ, и отдаетъ себя въ произволъ, весьма похожій на временное рабство. Уже изнуренный до крайности онъ является на работу. Если онъ самъ идетъ на работу, то, для сокращенія издержекъ, онъ дѣлаетъ такіе форсированные марши, подобныхъ которымъ неизвѣстно въ военной исторіи: я однажды встрѣтилъ артель, которая сдѣлала девяносто верстъ въ сутки. Онъ идетъ не сто, не двѣсти, а иногда четыре и пять тысячъ верстъ—изъ Нижегородской губерніи въ енисейскую тайгу, онъ идетъ то зимой въ морозы, коченѣя отъ холода, то весною въ распутицу, промокая до костей. Въ теченіе такого длиннаго форсированнаго марша сколько разъ онъ подвергается опасности заболѣть. Изнуренный, безъ денегъ на чужой сторонѣ, онъ брошенъ въ бездну страданій: отовсюду его гонятъ, негдѣ ему преклонить голову; онъ не смѣетъ вздохнуть и пожаловаться на боль: при первой жалобѣ всѣ двери передъ нимъ затворяются—всякій боится больнаго, призракъ полицейскаго слѣдствія отгоняетъ отвсюду милосердіе. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ, скрывая свои страданія, онъ идетъ и идетъ пока не умретъ гдѣ-нибудь въ грязной канавѣ на большой дорогѣ или въ углу подъ заборомъ. За гроши продавалъ онъ свой трудъ и отдалъ жизнь ни за что, безчувственно смотрѣло на все это его отечество, а послѣ смерти разрѣжутъ его трупъ при медицинскомъ изслѣдованіи и хладнокровно опредѣлятъ причину его смерти. Не лучше его положеніе, когда его везетъ или ведетъ наниматель въ артели и подъ присмотромъ со дня полученія задатка онъ находится у нанимателя въ полномъ произволѣ: изъ экономіи ему ухудшаютъ пищу, ставятъ его въ такія положенія, при которыхъ ему жить, сохраняя здоровье, совершенно невозможно, безпрерывные безпорядки между рабочими въ этихъ случаяхъ показываютъ, какъ имъ трудно найти управу. Въ минуту подобныхъ безпорядковъ начальство сначала всегда стоитъ на сторонѣ капиталистовъ, даже вопіющія и слишкомъ яркія притѣсненія не переводятъ его на сторону рабочаго, на сторонѣ капиталиста оно остается до конца и только до извѣстной степени оно заставляетъ его загладить слишкомъ вопіющую вину. Вынужденный голодомъ работникъ подписываетъ такой контрактъ, на основаніи котораго хозяинъ можетъ его разсчитать во всякое время, когда это для него окажется

выгоднымъ. Сколько разъ пріобрѣтали шумную извѣстность толпы рабочихъ, которыя были разсчитаны при самомъ началѣ работъ, безъ крова и пристанища шатались по улицамъ городовъ и по цѣлымъ суткамъ стояли у дверей начальства, добиваясь удовлетворенія. Толпы имѣютъ хотя то преимущество, что онѣ могутъ обратить на себя вниманіе, но отдѣльные рабочіе всегда въ самомъ жалкомъ положеніи. Нужно имѣть совершенное отсутствіе человѣческихъ чувствъ, чтобы не сочувствовать положенію человѣка, который ушелъ изъ дому за тысячу верстъ, потому что дома нечего ѣсть и нечѣмъ платить оброки и подати,—котораго нужда заставила подписать обременительный для себя контрактъ и который вдругъ, на чужой сторонѣ, остается безъ хлѣба, крова и пристанища,—у котораго остается одинъ исходъ—нищенствуя или съ арестантами по этапамъ возвратиться въ голодный свой домъ и сдѣлаться новымъ бременемъ для тѣхъ, кого онъ долженъ былъ выручить изъ нужды. Какая бездна страданій разверзается передъ ними: чѣмъ они будутъ питаться, какъ они будутъ платить подати? Капиталистъ за то только и получаетъ доходъ, что страхуетъ работу работника, раціональное основаніе его дохода не трудъ, а рискъ; у насъ же выходитъ наоборотъ, не капиталистъ обезпечиваетъ доходъ работника, а работникъ—доходъ капиталиста. Всѣ несчастныя случайности падаютъ на работника, всѣ счастливыя выпадаютъ на долю капиталиста. Работникъ, нанявшись и отъѣхавъ тысячу верстъ, дѣлается боленъ, его бросаютъ среди дороги погибать отъ нужды и страданій, а наниматель вноситъ его въ списокъ не явившихся; занемогъ онъ во время работы, его разсчитываютъ точно такимъ же образомъ. Для хозяина дѣлается невыгоднымъ продолжать работы, или оказывается болѣе прибыльнымъ разсчитать часть рабочихъ, онъ разсчитываетъ ихъ не заботясь о томъ, что они для его работы прошли тысячу верстъ и должны теперь окончательно разориться или даже погибнуть. Если капиталистъ предвидитъ невыгодный исходъ дѣла, онъ тотчасъ начинаетъ ухудшать пищу и усиливать уроки. Коренной работникъ средней промышленной Россіи старается парализировать это зло тѣмъ, что онъ нанимается на своихъ хлѣбахъ, но и въ средней Россіи работа на хозяйскихъ хлѣбахъ не уничтожена даже наполовину, противъ обременительныхъ уроковъ и увеличенія часовъ работы онъ не имѣетъ никакого оружія: работа поштучная, по-саженная и пр. въ большей части случаевъ для него еще невыгоднѣе, чѣмъ поденная. Работникъ до такой степени въ произволѣ капиталиста, что скупой капиталистъ можетъ сдѣлаться для него источникомъ безчисленныхъ бѣдствій. Въ борьбѣ между капиталистомъ и работникомъ всѣ шансы на сторонѣ капиталиста, а между тѣмъ общество у насъ только и заботится о томъ, какъ бы работники не обидѣли капиталистовъ, работниковъ иногда даже сѣкутъ, если кому-нибудь покажется, что они не исполняютъ своихъ условій относительно капиталистовъ; лицамъ, которые по просьбѣ капиталистовъ позволяютъ себѣ подобныя вещи, слѣдовало бы рѣшаться на это только подъ условіемъ, чтобы капиталисты-просители позволяли себя сѣчь, если окажется, что они не исполнили своихъ условій. Для нашего работника работа такъ мало выгодна, она падаетъ на него такимъ тяжелымъ бременемъ, что только самая малая

часть работниковъ смотритъ на капиталиста какъ на человѣка, который доставляетъ ему выгодное употребленіе силъ. Вездѣ, гдѣ работники получали отъ капиталистовъ выгодный трудъ, я видѣлъ, что они питали къ нимъ самую сильную привязанность и дружбу; но къ несчастью въ громадномъ большинствѣ случаевъ это было не такъ: на работахъ съ помощью капитала трудъ обыкновенно оказывался несравненно тягостнѣе, чѣмъ жалкій одиночный трудъ земледѣльца или промышленника и въ тоже время трудъ этотъ былъ несравненно менѣе выгоднымъ. Возможно ли ожидать что-нибудь другое? — Еслибы работникъ былъ обезпеченъ на работахъ съ помощью капитала, то капиталистъ могъ бы только жить съ своего капитала, а ему нужно, чтобы капиталъ этотъ въ теченіе его жизни увеличился въ тысячу, а иногда и въ пять тысячъ разъ. Въ особенности на обширныхъ земляныхъ работахъ я встрѣчалъ жгучую ненависть между капиталистами и рабочими,—ненависть, которая сообщалась нетолько прикащикамъ и всѣмъ довѣреннымъ, но, къ крайнему моему удивленію, и мелкимъ чиновникамъ, казакамъ и пр. Вмѣсто того, чтобы стать безпристрастными судьями, они всѣ были въ лагерѣ капиталиста. Я видалъ купеческихъ довѣренныхъ и правительственныхъ чиновниковъ много лѣтъ спустя послѣ того, какъ имъ приходилось распоряжаться на земляныхъ и тому подобныхъ работахъ. Они не могли говорить о рабочихъ безъ ненависти и какого-то ожесточенія, они были самыми ревностными защитниками тѣлесныхъ наказаній. Всего болѣе въ этомъ случаѣ удивляли меня чиновники; правда, что нѣкоторые наивно сознавались, что они отъ капиталистовъ получали болѣе жалованья, чѣмъ отъ правительства. Вліяніе этихъ людей на наше образованное общество самое зловредное. Они распространяютъ въ обществѣ нетолько ложное, но крайне вредное для насъ убѣжденіе, что ослабленіе строгости въ отношеніи къ рабочимъ подорветъ нашу промышленность—они постоянно снова наводятъ насъ на путь, который довелъ насъ до нищенской сумы при крѣпостномъ правѣ. Они мѣшаютъ обществу понять мысль, что для процвѣтанія промышленности выгодны только такія работы, которыя возвышаютъ заработную плату и улучшаютъ этимъ бытъ рабочаго класса, и что всякое употребленіе капитала, которое даетъ рабочему невыгодную работу и нуждается въ розгахъ и принужденіи, дѣйствуетъ на промышленность точно такъ же убійственно, какъ и крѣпостное право. При крѣпостномъ трудѣ невыгодно было обработывать землю наемнымъ трудомъ, точно также если одна часть капиталистовъ будетъ работать съ помощью розогъ и принужденія, то громадное большинство вынуждено будетъ или закрыть свои заведенія или работать точно такъ же, и среди нищенскаго рабочаго класса промышленность не сдѣлаетъ ни одного шага впередъ за недостаткомъ рынка для продажи своихъ произведеній: одни высшіе классы—рынокъ весьма ограниченный и недостаточный. Промышленность безъ рынка точно такъ же мало можетъ процвѣтать, какъ литература безъ читателей. Въ теченіе работъ работникъ забирается, и несмотря на то, что онъ живетъ такъ, какъ послѣдній изъ паріевъ, что онъ носитъ рубашку, которая черна и черства какъ кора, при расплатѣ обыкновенно оказывается, что онъ остается въ долгу. Эти долги заставляютъ ра-

ботниковъ покориться хозяину во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ему потребуются работы сверхъ условій или далѣе срока контракта. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ работники шумно поднимаются, начинаютъ нескончаемые споры, вмѣшательство власти дѣлается неизбѣжнымъ, капиталистъ и работники осаждаютъ власть нескончаемыми и шумными преніями и доводами, которыя добросовѣстнаго чиновника способны свести съ ума. Обыкновенно дѣло пріобрѣтаетъ такой сложный видъ, что справедливо рѣшить его скоротечнымъ пріемомъ совершенно невозможно, а между тѣмъ для власти необходимо прекратить волненіе. Выведенный изъ всякаго терпѣнія чиновникъ стремится только къ тому, чтобы какъ-нибудь покончить, водворить спокойствіе и избѣгнуть дальнѣйшихъ кляузъ и жалобъ. Чиновникъ по опыту знаетъ, что капиталистъ не будетъ молчать, если рѣшеніе не будетъ согласно съ его желаніями, а что работники замолчатъ лишь только дѣло будетъ покончено такъ или иначе — онъ подвергается самому сильному соблазну и тутъ потянуть на сторону капиталиста. Въ этомъ отношеніи существовали немногія благородныя исключенія. Къ несчастью самый справедливый судъ на основаніи контрактовъ между нанимателями и рабочими все-таки будетъ обременителенъ для рабочихъ, потому что въ большей части случаевъ самые контракты обременительны, не цѣны на работы, на которыя стекается народъ тысячами со всѣхъ концовъ русской земли, вовсе не выше обыкновенныхъ мѣстныхъ цѣнъ на простую работу и не выше тѣхъ цѣнъ, которыя существуютъ и на родинѣ работниковъ, нужно прибавить къ этому еще значительныя издержки во время путешествія. Чтобы получить съ грѣхомъ пополамъ эту жалкую плату, работникъ, нерѣдко весну, лѣто и осень проводитъ подъ открытымъ небомъ; на земляной работѣ устраивается шалашъ изъ жердей, покрытый дерномъ; на плотахъ, судахъ и баркахъ—что-то вродѣ конуры. Мнѣ случалось видѣть капиталистовъ, которые изъ желанія разбогатѣть и для ближайшаго надзора за рабочими сами проводили подобную жизнь, и что же? несмотря на то, что они имѣли несравненно болѣе средствъ къ сохраненію своего здоровія, они теряли волосы и зубы: какова же должна быть судьба несчастныхъ рабочихъ? Рабочимъ этимъ не могутъ позавидовать даже личильщики стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій, которые всѣ заражены чахоткою и не переживаютъ сорока лѣтъ. Какъ отзываются эти факты на народонаселеніи, видно изъ того, что въ городахъ, гдѣ стекаются рабочіе, пришедшіе изъ дальнихъ сторонъ, замѣчается смертность между взрослымъ мужскимъ населеніемъ, которая не имѣетъ никакой соразмѣрности съ населеніемъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ напр. въ возрастѣ отъ двадцати до пятидесяти лѣтъ въ 1863 году умерло 380 мужчинъ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ 225, между тѣмъ какъ всѣхъ умершихъ было въ уѣздѣ втрое болѣе, а жителей было въ три раза болѣе противъ минимума и почти въ три противъ максимума. Въ уѣздѣ между взрослыми мужчинами умиралъ одинъ изъ ста тридцати пяти, а въ Нижнемъ Новгородѣ одинъ изъ тридцати, между пришельцами же нужно предполагать смертность одного изъ семнадцати, а при такой смертности они должны вымирать къ тридцати семи годамъ. Такая смертность способна была бы навести ужасъ, еслибы она относилась ко всему населенію,

а между взрослыми мужчинами она способна довести до отчаянія. Подобныя же явленія можно замѣчать и въ другихъ городахъ, гдѣ стекается много народу. Всѣ привыкли смотрѣть на бурлаковъ, на землекоповъ какъ на несчастнѣйшихъ изъ работниковъ. Нижегородскій, владимірскій и ярославскій работникъ идетъ на сибирскіе золотые промыслы или астраханскія рыбныя воды, чтобы тамъ конкурировать съ мѣстнымъ работникомъ, въ то время когда рынокъ заполненъ мѣстными конкурентами: не мудрено понять, что подобный непрошенный конкурентъ долженъ очутиться въ самомъ жалкомъ положеніи. При цѣнахъ, сдавленныхъ конкуренціею, мѣстный работникъ едва можетъ жить отъ этой работы, а дальнему, котораго издержки больше, остается гибнуть отъ нужды. Несчастное положеніе подобныхъ работниковъ производило на меня неоднократно глубокое и неизгладимое впечатлѣніе. Совсѣмъ другаго у насъ мнѣнія о странствующихъ ремесленникахъ и мелкихъ торговцахъ. Ихъ предпріимчивостью восхищаются, ихъ заработки подаютъ поводъ къ самымъ преувеличеннымъ разсказамъ. Между ремесленниками дѣйствительно можно встрѣтить такихъ, которые могутъ заработать въ лѣто восемьдесятъ и даже двѣсти рублей, между мелочными торговцами—такихъ, которые могутъ заработать въ годъ семьдесятъ пять рублей. Такіе счастливцы, которые находятъ себѣ работу преимущественно въ большихъ городахъ, во всякомъ случаѣ составляютъ меньшинство между странствующими ремесленниками, большинство изъ нихъ получаютъ обыкновенную и даже нищую заработную плату. Я полагаю, что въ средней и сѣверной Россіи требуется всего въ годъ на четыре съ половиною милліона плотницкой работы, въ томъ числѣ едва полмилліона идетъ на вознагражденіе тѣхъ, которые получаютъ отъ осьмидесяти до двухсотъ рублей, насчетъ остальнаго вознаграждаются работники, которые заработываютъ иногда не болѣе двадцати рублей въ лѣто. Въ самыхъ отдаленныхъ степныхъ деревняхъ можно встрѣтить даже среди чисто татарскаго населенія русскаго красильщика изъ Владимірской губерніи. Какія выгоды можетъ доставить ему это ремесло среди бѣднаго населенія, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ женщинами, которыя только тогда довольны, когда имъ придется истратить не болѣе пятнадцати копѣекъ въ годъ, такъ какъ многія сами умѣютъ красить и работаютъ за самую ничтожную плату? Иногда нельзя достаточно надивиться тому, въ какія глухія мѣста и на какія жалкія работы нужда загоняетъ этихъ несчастныхъ людей. Рядомъ съ ярославцемъ, получающимъ въ качествѣ петербургскаго артельщика четыреста и пятьсотъ рублей въ годъ, существуютъ такіе работники, для которыхъ самый счастливый день ихъ существованія—это день смерти, которые въ жизни своей претерпѣли нескончаемый рядъ превращеній изъ странствующаго работника въ странствующаго нищаго и обратно, а можетъ быть и въ воришку и бродягу. Въ то время, когда работникъ испытываетъ всѣ эти треволненія на чужой сторонѣ, его семейство мыкаетъ горе дома. Отецъ такъ мало о немъ заботится, что даже работникъ, получающій триста или четыреста рублей въ годъ, узнаетъ иногда только черезъ нѣсколько лѣтъ, что у него родился сынъ или дочь; у иного заботливость о его семействѣ выражается развѣ тѣмъ, что послѣ долгой разлуки онъ возвращается домой на

нѣсколько дней, какъ будтобы только для того, чтобы отхлестать до полусмерти свою жену и опять уйти. Если отправившійся на заработки—одинъ изъ членовъ большой семьи, въ средѣ которой остается его жена и дѣти, то положеніе ихъ самое незавидное. Можно сочинять сколько угодно идиллій по поводу родоваго быта и чувствъ, связывающихъ большую семью, но все это далеко не будетъ похоже на то, что мы видимъ въ дѣйствительности. Каждая семья подобнаго рода, живущая подъ одной кровлей, старается эксплуатировать другую всѣми средствами, которыя оказываются наиболѣе дѣйствительными: тутъ и насилуютъ, и ласкаютъ, и лебезятъ, и интригуютъ †). Та сторона, которая не имѣетъ средствъ защищаться и бороться равнымъ оружіемъ, будетъ заклевана этими несчастными существами, задавленными трудомъ и нуждою и которыя со всею энергіею своей души стараются свалить часть своего голода и гнетущей работы. Попытки подобной эксплуатаціи всего болѣе направляются на отправившагося на заработки и его беззащитное семейство. Если заработокъ выгоденъ и работникъ старается не возвращаться домой, то семья старается вытянуть у него какъ можно болѣе денегъ за паспортъ. Если онъ возвратится домой, то употребляются всѣ возможныя интриги и хитрости, чтобы выманить деньги и подарки, дѣло доходитъ дотого, что одинъ работникъ, которому удалось принести домой полтораста рублей, жаловался мнѣ, что его отецъ уговорилъ его маленькаго брата украсть у него эти деньги. Жена и дѣти подобнаго работника, въ особенности если онъ долго не возвращается домой, дѣлаются предметомъ притязаній со всѣхъ сторонъ, всякій старается свалить на него и свою вину и свою работу, они безпрерывно подвергаются брани и всякаго рода непріятностямъ; если мужъ даритъ женѣ наряды, то стараются завладѣть этими нарядами и она постоянно находится между притязаніями семьи и онасеніями побоевъ отъ мужа. Когда настаетъ время голоданія, а время это возвращается неизмѣнно каждый годъ, тогда ей и ея дѣтямъ достается всего болѣе. Къ довершенію ея несчастья случается, что мужъ зажившись на заработкахъ обзаводится тамъ любовницею, приживаетъ съ ней дѣтей и наконецъ даже съ этою любовницею является въ домъ родителей. На подобный шагъ онъ рѣшится только тогда, когда онъ пріобрѣтаетъ много денегъ, напр. около двухсотъ рублей въ годъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, для своей семьи онъ всегда останется роднымъ, но его жена съ дѣтьми сдѣлается для нея совершенно чуждою; какъ скоро онъ ее отъ себя оттолкнетъ, это несчастное существо предоставляется на произволъ судьбы и всѣмъ страданіямъ безпомощнаго положенія, если она не успѣла сохранить связи съ своими родителями или не имѣетъ ихъ. Среди всѣхъ этихъ житейскихъ бурь и треволненій, среди всѣхъ этихъ опасностей, грозящихъ женщинѣ

†) Тотъ сильно ошибется, кто подобныя дѣйствія будетъ приписывать характеру русскаго народа; не характеръ, а положеніе рабочаго—главный источникъ такихъ дѣйствій. Наблюдая внимательно за этими людьми, вы постоянно видите въ нихъ поползновеніе къ добрымъ чувствамъ, но желѣзныя клещи тяжкаго положенія безжалостно уничтожаютъ всякое доброе стремленіе.

и матери, постоянно на долгіе сроки оставляемой своимъ мужемъ, она не можетъ не чувствовать потребности обезпечить себѣ защитника, который отстаивалъ бы ее точно такъ же, какъ отстаиваются другіе члены. Она видитъ, что всѣ стѣсненія сосредоточиваются на ней и на ея дѣтяхъ, потому что у нея одной нѣтъ подъ бокомъ кулака и горлана способнаго немедленно положить предѣлъ всякимъ притязаніямъ семейнаго эгоизма, и вотъ она соблазняется тяжкимъ своимъ положеніемъ и дѣлается любовницею отца своего мужа, или его старшаго брата, какого-нибудь противнаго стараго сластолюбца, у котораго въ рукахъ все дѣло. Она тотчасъ же съ дѣтьми съ послѣдняго мѣста перейдетъ на первое и будетъ распоряжаться всѣмъ женскимъ и дѣтскимъ населеніемъ дома; только законная жена ея любовника никогда не будетъ сносить хладнокровно этого господства и между ними будутъ происходить безпрерывныя и скандалезныя перестрѣлки и побоища. Изруганная и искусанная любовницею, избитая и изсѣченная своимъ мужемъ, законная жена никогда не уступитъ своихъ правъ и угомонится только со смертью. До такихъ крайностей доходитъ женщина, брошенная мужемъ въ семьѣ его отца; чувствуя непрочность своего положенія въ семьѣ мужа, гдѣ она всегда будетъ чужою, она старается сохранить связь съ собственнымъ своимъ семействомъ, къ которому она только въ рѣдкихъ случаяхъ не чувствуетъ привязанности; для этого она тайкомъ помогаетъ своимъ родителямъ, а семья ея мужа смотритъ на это просто какъ на воровство. Жалко положеніе семьи, брошенной отцомъ на шею своихъ родственниковъ, но еще болѣе жалко положеніе той, которая остается безъ всякой опоры, и это едвали не чаще случается; на долю женщины въ этомъ случаѣ выпадаютъ всѣ тяжелыя сельскія работы, она пашетъ, боронитъ, коситъ, жнетъ и молотитъ. Нельзя достаточно надивиться энергіи русской женщины: въ промышленныхъ губерніяхъ она дѣлается пахаремъ, въ Астрахани матросомъ и рыболовомъ и смѣло ходитъ въ море. Энергія эта однакоже дорого ей достается и часто убійственно отзывается на ея дѣтяхъ: недоразвитые, слабые, они или умираютъ на первыхъ порахъ или на вѣкъ остаются щедушными, больными или идіотами. Вслѣдствіе всего этого мы видимъ сильную смертность между женщинами въ тѣхъ промышленныхъ губерніяхъ, изъ которыхъ всего болѣе выходитъ людей на заработки. Смертность эта въ особенности замѣчается между взрослыми женщинами: въ то время когда дѣти мужскаго и женскаго пола подвергаются одинаковой участи— умираютъ, мальчики лишь въ большемъ числѣ чѣмъ дѣвочки, въ зрѣломъ возрастѣ женщинъ умираетъ несравненно болѣе. По наблюденіямъ за двадцать лѣтъ въ Ярославской губерніи постоянно болѣе рождалось мальчиковъ и умирало женщинъ. Если въ Ярославской губерніи женщинъ на-лицо значительно болѣе чѣмъ мужчинъ, то это объясняется тѣмъ, что мужчины въ значительномъ числѣ уходятъ на заработки; но смертность между ними все-таки безъ всякой соразмѣрности значительная: видно, что кромѣ общихъ причинъ, дѣйствующихъ одновременно на женщинъ и мужчинъ, существуетъ еще особенная, спеціально поражающая женщинъ, — это тяжкое положеніе матери семейства, оставленной мужемъ на произволъ судьбы. Такое положеніе, одинаково тя-

гостное для всѣхъ сторонъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, отзывается неблагопріятно на всемъ населеніи. Если сравнить шестнадцать губерній, въ которыхъ такъ много лицъ отправляется на заработки, что этотъ способъ пріобрѣтенія можетъ уже имѣть существенное вліяніе на движеніе населенія, то самое неблагопріятное положеніе окажется на той сторонѣ, гдѣ рабочее населеніе всего болѣе странствуетъ †).

†) Для опредѣленія количества отправляющихся на заработки, конечно, самое лучшее средство—это сужденіе по количеству выбранныхъ ими паспортовъ; къ несчастью въ росписи государственныхъ доходовъ паспортный доходъ помѣщенъ въ числѣ пошлинъ разныхъ наименованій; но онъ составляетъ болѣе трети этого дохода, и вышедшее на основаніи этого дохода распредѣленіе губерній достаточно вѣрно, чтобы служить нашей цѣли. Промышленныя губерніи стоятъ тутъ въ первыхъ рядахъ, затѣмъ слѣдуютъ губерніи приморскія и густонаселенныя губерніи черноземной Россіи, въ самомъ концѣ размѣщаются губерніи восточной и сѣверной многоземельной полосы. Сужденіе по этому признаку я считаю тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что другая треть этихъ пошлинъ характеризуетъ движеніе по сухопутнымъ и водянымъ путямъ сообщенія, котораго развитіе всегда увеличиваетъ число странствующаго рабочаго населенія. Тридцать семь губерній Европейской Россіи расположатся притомъ слѣдующимъ образомъ:

Названіе губерній.	Сколько копѣекъ пошлинъ приходится на жит.	Названіе губерній.	Сколько копѣекъ пошлинъ приходится на жит.	Названіе губерній.	Сколько копѣекъ пошлинъ приходится на жит.
1. Петербургская.	47 2/3	13. Смоленская . .	5 1/2	26. Черниговская .	3
2. Московская . .	19 1/4	14. Таврическая . .	5 1/2	27. Курская	2 3/4
3. Ярославская . .	13 1/4	15. Нижегородская.	4 3/4	28. Вологодская . .	2 3/3
4. Калужская . . .	12 1/4	16. Астраханская . .	4	29. Бессарабская. .	2 1/2
5. Архангельская.	9 3/4	17. Екатеринослав.	4	30. Пермская. . . .	2 1/2
6. Тверская. . . .	9	18 Орловская . . .	3 3/4	31. Саратовская . .	2 1/3
7. Рязанская . . .	7 2/3	19. Херсонская . .	3 3/4	32. Вятская	2 1/4
8. Олонецкая . . .	7 1/2	20. Харьковская . .	3 1/3	33. Симбирская . .	2 1/4
9. Владимірская. .	6 1/3	21. Воронежская . .	3 1/4	34. Казанская . . .	1 3/4
10. Тульская. . . .	5 3/4	22. Новгородская .	3 1/4	35. Оренбургская .	1 2/3
11. Костромская . .	5 1/2	23. Пензенская. . .	3 1/4	36. З.ВойскаДонск.	1
12. Псковская . . .	5 1/2	24. Тамбовская . .	3 1/4	37. Самарская . . .	1
		25 Полтавская . .	3		

Для вычисленія взята средняя цифра двухъ годовъ (1862 и 1863). Въ губерніяхъ, въ которыхъ эти пошлины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе населенія слишкомъ незначительны, движеніе это не можетъ имѣть никакого вліянія на движеніе населенія и движеніе это опредѣляется другими болѣе общими и сильно дѣйствующими причинами. Поэтому я отброшу двадцать губерній, въ которыхъ доходъ отъ пошлинъ разныхъ наименованій составляетъ менѣе четырехъ копѣекъ на человѣка. Доходъ болѣе четырехъ копѣекъ указываетъ уже на весьма значительное движеніе населенія. Въ Нижегородской губерніи, гдѣ доходъ этотъ составляетъ 4 3/4 коп. на жителя, по свѣдѣніямъ Памятной книжки на 1865 годъ, выдано на отлучку крестьянъ паспортовъ и билетовъ: годовыхъ 15,556, полугодовыхъ 18,704, трехъ и двухмѣсячныхъ 19,822 и одномѣсячныхъ 62,431—всего по губерніи 110,613. Въ Астраханской губерніи, гдѣ значительная часть жителей живетъ рыболовствомъ и поэтому отлучающихся весьма много, доходъ этотъ составляетъ 4 коп. и съ нея я начинаю сравненіе. Если взять шестнадцать губерній, въ которыхъ доходъ съ

пошлинъ разныхъ наименованій составляетъ четыре и болѣе копѣекъ на жителя, и сравнить ихъ между собою, то болѣе благопріятными по движенію населенія окажутся тѣ, въ которыхъ пошлинъ собирается менѣе и слѣдовательно нужно предполагать болѣе умѣренное движеніе населенія.

Вотъ сравненіе:

Восемь губерній, гдѣ болѣе собирается пошлинъ съ паспортовъ, съ движенія по сухопутнымъ и водянымъ путямъ сообщен. и пр.	умираетъ одинъ изъ жит.	умираетъ одинъ изъ жит.	Восемь губерній, гдѣ менѣе собирается пошлинъ съ паспортовъ, съ движенія по сухопутнымъ и водянымъ путямъ сообщ. и пр.
1. Архангельская	30	34	Астраханская 1
2. Рязанская	28	32	Таврическая 2
3. Калужская	27	30	Екатеринославская 3
4. Владимірская	24	27	Псковская 4
5. Тверская	23	25	Костромская 5
6. Московская	22	24	Смоленская 6
7. Ярославская	22	22	Нижегородская 7
8. Олонецкая	21	22	Тульская 8

Вотъ количество хлѣба, употреблявшагося въ промышленныхъ губерніяхъ на винокуреніе съ 1862 по 1864 годъ:

	Населеніе	На винокуреніе употреблено съ 1862 по 1864 годъ: Муки пудовъ	Солода	Картофелю
1. Владимірская	1,216.619 чел.	1,781,136	177,813	77,304
2. Калужская	964.796 —	2,519,104	102,479	15,450
3. Костромская	1,073,971 —	1,108,515	68,192	нѣтъ
4. Московская	1,564,240 —	283,913	39,825	27,430
5. Нижегородская	1,285,196 —	1,911,444	149,515	нѣтъ
6. Оренбургская	1,843,371 —	2,620,404	8,640	нѣтъ
7. Олонецкая	296,593 —	8,336	1,134	нѣтъ
8. Пермская	2,138.548 —	2,971,748	33,644	нѣтъ
9. Петербургская	1,174,174 —	350,591	33,399	23,390
10. Тверская	1,518,077 —	1,436,445	123,997	7,073
11. Херсонская	1,330,138 —	1,764,963	31,311	нѣтъ
12. Ярославская	969,642 —	1,779,500	135,154	нѣтъ

Въ нижегородской Памятной книжкѣ за 1865 г. нижегородское населеніе повидимому за 1861 годъ обозначено въ 38,065 челов., а съ приходящими на временныя работы 45,000 челов., а по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ Статистическомъ Временникѣ 1866 г. въ 1864 г. въ Нижнемъ Новгородѣ по полицейскому счисленію было 36,914—по переписи въ концѣ 1864 г. 37,996, а по переписи въ іюнѣ 1865 г. — 43,027.—По свѣдѣніямъ за 1863 годъ въ нижегородской Памятной книжкѣ населеніе назначено въ 41,543 чел.—Въ той же Памятной книжкѣ (стр. 10) сказано: «больницъ въ губерніи (нижегородской), состоящихъ подъ вѣдѣніемъ приказа общественнаго призрѣнія, одна въ губернскомъ городѣ на 300 кроватей и 10 въ уѣздныхъ городахъ на 10—25 кроватей. Содержаніе больницъ производится преимущественно на счетъ суммы, получаемой изъ московской коммиссаріатской коммиссіи (плата за леченіе военнослужащихъ); въ случаѣ же несвоевременной высылки ея и недостатка средствъ въ больницахъ приказъ дѣлаетъ заимообразно пособіе изъ своего капитала. Кромѣ означенныхъ больницъ имѣются въ губерніи еще слѣдующія; въ Нижнемъ Новгородѣ:

	число пользовавшихся въ 1862 г.
1) при Маріинскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1	97
2) при Александровскомъ дворянскомъ институтѣ 1	51
3) при духовной семинаріи 1	1182
4) при училищѣ военнаго вѣдомства 1	899

Подъ рубрикою «благотворительность» упомянуты: 1) доходъ съ капитала Переплетчикова на пособіе бѣднымъ мѣщанамъ 400 руб. 2) 13,946 руб. добровольныхъ пожертвованій въ пользу бѣдныхъ, изъ нихъ 10,000 руб. употребляются на со-

держаніе врача тюремныхъ заведеній; куда употребляются остальныя 3,946 руб.—на содержаніе другихъ чиновниковъ или на бѣдныхъ, объ этомъ въ Памятной книжкѣ не сказано. Попечительность комитета бѣдныхъ простирается на дворянокъ, чиновницъ, солдатокъ и вольно-отпущенныхъ дворовыхъ; для этого употребляются налогъ съ нижегородскихъ театровъ въ 2000 руб., сборъ отъ спектаклей съ благотворительною цѣлью, единовременныя приношенія благотворителей и часть изъ вышеупомянутой суммы въ 3,946 руб. Кромѣ того, въ Нижнемъ Новгородѣ есть богадѣльня, гдѣ призрѣвается 104 человѣка; кромѣ того въ Нижегородской губерніи призрѣвается 257 человѣкъ; всего на 1,285,196 жителей, отличающихся неслыханной въ западной Европѣ бѣдностью рабочаго, призрѣвается неимущихъ 361 человѣкъ! Въ Англіи, отличающейся неслыханнымъ въ западной Европѣ богатствомъ рабочаго, въ графствѣ Бедфордъ, съ населеніемъ въ 124,478, призрѣвается неимущихъ 991 человѣкъ. Въ тоже время въ тюрьмахъ содержалось въ Нижегородской губерніи 1060 человѣкъ, а въ графствѣ Бедфордъ 131 человѣкъ. Въ Норфолькѣ призрѣвалось неимущихъ 4,082, а въ тюрьмахъ было 430 человѣкъ...

Въ Нижнемъ Новгородѣ умирало въ 1863 г. моложе года мужчинъ 366, женщинъ 273, отъ года до 5 лѣтъ муж. 110, женщ. 114, отъ 5 до 10 л. м. 29, ж. 42, отъ 10 до 15 л. м. 8, ж. 7, отъ 15 до 20 л. м. 30, ж. 10, отъ 20 до 25 л. м. 56, ж. 17, отъ 25 до 30 л. м. 62, ж. 42, отъ 30 до 35 л. м. 65, ж. 36, отъ 35 до 40 л. м. 88, ж. 30, отъ 40 до 45 л. м. 53, ж. 27, отъ 45 до 50 л. м. 56, ж. 16, отъ 50 до 55 л. м. 39, ж. 15, отъ 55 до 100 л. м. 149, ж. 135. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ моложе года м. 1487, ж. 1280, отъ года до 5 л. м. 586, ж. 573, отъ 5 до 10 л. м. 81, ж. 109, отъ 10 до 15 л. м. 20, ж. 30, отъ 15 до 20 л. м. 31, ж. 29, отъ 20 до 25 л. м. 32, ж. 30, отъ 25 до 30 л. м. 32, ж. 35, отъ 30 до 35 л. м. 34, ж. 45, отъ 35 до 40 л. м. 37, ж. 46, отъ 40 до 45 л. м. 36, ж. 52, отъ 45 до 50 л. м. 54, ж. 55, отъ 50 до 55 л. м. 53, ж. 63, отъ 55 до 100 л. м. 360, ж. 421.—Населенія въ Нижегородскомъ уѣздѣ 116, 421 челов. Во Владимірѣ умираетъ до 20 л. 195 мужчинъ, отъ 20 до 50 л. 114 муж. Во Владимірскомъ уѣздѣ до 20 л. 1,737 муж., отъ 20 до 50 л. 184 муж. Жителей во Владимірѣ мужчинъ 8,623, а въ уѣздѣ мужчинъ 53,335. Въ Перми умирало до 20 л. мужчинъ 250, отъ 20 до 50 л. 95 муж. Въ уѣздѣ до 20 л. 2,690 муж., отъ 20 до 50 л. 215 муж. Жителей въ Перми муж. 8,021. Въ уѣздѣ мужчинъ 71,670.

Въ Ярославской губерніи умирало съ 1838 по 1858 годъ: до 5 лѣтъ мужчинъ 191,887, женщинъ 174,106, отъ 5 до 15 л. муж. 15,896, жен. 15,181, отъ 15 до 35 л. 21,693 муж., 25,965 женщ., отъ 35 до 55 л. 33,451 м., 41,401 женщ., отъ 55 до 75 л. 44.527 муж. и 61,779 женщ., отъ 75 до 100 л. 15,575 м. и 17,708 женщ., бол. 100 м. 109 и ж. 125. Въ теченіе того же времени родилось всего 418,704 муж. и 402,075 женщ., а умерло 363,664 муж. и 379,176 женщ.

Въ 49-ти губерніяхъ Европейской Россіи въ 1863 году считалось мужчинъ 30,082,790, а женщинъ 30.826,519, а въ Ярославской губерніи 443,476 мужчинъ и 526,166 женщинъ; рождалось въ тѣхъ же 49 губерніяхъ 1.559,384 мужчинъ и 1,485,607 женщинъ, а въ Ярославской 21,872 муж. и 20,670 женщ.; умирало въ этихъ губерніяхъ 1,191,667 м. и 1,149,158 ж , а въ Ярославской 21,527 муж. и 26.305 женщ. Еслибы въ Ярославской губерніи женщины, по отношенію ко всему населенію и ко всѣмъ умершимъ, умирали въ той же пропорціи, какъ вообще въ Россіи, то смертность женщины была бы 18,204 чел. Въ Россіи мужчинъ умирало болѣе чѣмъ женщинъ несмотря на то, что ихъ было менѣе; но еслибы въ Ярославской губерніи умирало даже столько же мужчинъ, какъ и женщинъ, то женщинъ должно было бы умереть всего 25,540.

ГЛАВА V.

Нравственное настроеніе работника въ промышленныхъ губерніяхъ и въ цивилизованной Европѣ.—Русскій пролетарій.

Какъ ни велики страданія промышленной Россіи, а все-таки это самая цивилизованная часть нашего отечества. Нигдѣ рабочій не отличается въ такой степени умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ Россіи работникъ, несмотря на несомнѣнныя природныя способности, въ главныхъ и общихъ проявленіяхъ своей жизни, всего болѣе руководствуется стремленіемъ къ минутному удовлетворенію своихъ потребностей безъ всякой мысли о будущемъ или предразсудками, которыхъ онъ никогда не пытался анализировать или разоблачать. Можно сказать, что раціонально онъ поступаетъ только въ необыкновенныхъ случаяхъ своей жизни, когда у него нѣтъ рутиннаго правила, которое закачиваетъ до дремоты его умъ и его сердце, или когда обстоятельства не заставляютъ его выступать на поприще совершенно ему чуждое и гдѣ онъ дѣлается игрушкою шарлатановъ и посмѣшищемъ полузнаекъ. Въ промышленныхъ губерніяхъ онъ какъ будтобы пробуждается къ жизни. Онъ впервые покидаетъ это пассивное существованіе, въ которомъ человѣкъ живетъ, какъ живется, безъ страстныхъ стремленій, безъ борьбы съ жизнью, богатѣетъ, если богатство легло случайно на его пути, бѣднѣетъ точно такъ же. Онъ впервые выходитъ изъ той жалкой сферы, въ которой каждый думаетъ о своихъ потребностяхъ только тогда, когда они явились, и удовлетворяетъ имъ первымъ попавшимся способомъ. Дѣвушка чувствуетъ потребность любви на знаетъ, что замужемъ тяжело, и потому стре-

мится удовлетворять своимъ потребностямъ не выходя замужъ, но ей удается это только на короткое время, потому что всякому взрослому парню нужна хозяйка въ домѣ, а родителямъ не выгодно кормить, безъ пути, взрослую дочь: выходитъ бракъ, на который невѣста считаетъ даже неприличнымъ согласиться добровольно. Вотъ наивная нравственность не-промышленной Россіи. Въ промышленной Россіи работникъ дѣлаетъ впервые жалкую и неудачную попытку выйти изъ этого первобытнаго состоянія устремляясь къ тому идеалу, который всего сильнѣе и всего продолжительнѣе дѣйствовалъ на его воображеніе; самое сильное впечатлѣніе на его воображеніе производило то общество, которое стояло надъ нимъ и называло себя образованнымъ. Всѣ выдающіяся черты изъ жизни этого общества стали на немъ отражаться, нравственность рабочаго промышленныхъ губерній относится къ нравственности высшаго общества какъ предметы видимые простымъ глазомъ относятся къ тѣмъ же самымъ предметамъ, увеличеннымъ во сто разъ при посредственномъ освѣщеніи—это слабый и растянутый образъ высшаго общества. Въ одномъ нравственномъ отношеніи рабочіе вовсе не похожи на высшее общество, а отличаются особеннымъ имъ принадлежащимъ цвѣтомъ—это въ энергіи. Энергіею рабочіе классы дотого поразительно превосходятъ высшіе классы, что они производятъ впечатлѣніе людей несравненно болѣе серьезныхъ въ своихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Рабочій видитъ высшіе классы прежде всего поражающими своею роскошью, играющими въ карты и пирующими, онъ видитъ, что тамъ мужчина стремится имѣть любовницу, однѣ женщины презираютъ *любовницу*, другія смотрятъ на это весьма спокойно и подъ-часъ сами не прочь отъ разврата,—что есть любовницы, которыя уважаются, которыя не внушаютъ отвращенія большинству и даже внушаютъ подобострастіе, потому что ихъ любовники въ состояніи отмстить за свободное выраженіе своихъ чувствъ и мнѣній, и наконецъ—что есть люди, которые этихъ именно любовницъ нетолько презираютъ, но и ненавидятъ, какъ важный источникъ растлѣнія и разврата для всего общества. Все это цѣликомъ въ болѣе блѣдныхъ краскахъ отражается на рабочемъ классѣ, но каждому проявленію онъ даетъ своеобразный образъ, влагая въ него крупныя черты свойственной ему энергіи. Преобладающая черта образованнаго общества—это тщеславіе, которому оно старается удовлетворить посредствомъ блеска и роскоши; тщеславіе же прежде всего заражаетъ и рабочаго, но удовлетворить этому тщеславію для него такъ трудно, что страсть эта при невозможности удовлетворенія стушевывается дотого, что можетъ во многихъ личностяхъ оставаться незамѣченною. Проявленія болѣе блѣдны, но посмотрите черты, которыя влагаются въ нихъ энергіею. Самые небойкіе наблюдатели замѣчаютъ, какъ ярославцы тщеславятся своими заработками, какъ женщина тамъ готова заморить себя голодомъ, лишь бы пріобрѣсти шелковое платье. Всякому, кто имѣлъ дѣло съ рабочимъ классомъ, извѣстно, сколько работниковъ тщеславіе заставляетъ тотчасъ же спустить задатокъ и потомъ терпѣть горькую нужду и, возвратившись домой съ умѣреннымъ заработкомъ, легкомысленно пропуститъ деньги сквозь пальцы, лишь бы набросать пыли въ глаза; во всѣхъ этихъ проявленіяхъ работникъ постоянно напоминаетъ нравы,

которые можно встрѣтить въ высшемъ обществѣ мотовъ изъ помѣщиковъ и купеческихъ сыновъ.—Рѣзкое различіе начинается между ними, какъ скоро и тотъ и другой спустили все свое достояніе: мотъ помѣщикъ или купеческій сынокъ попрежнему погрязаетъ въ лѣни и развратѣ, и дѣлаетъ несчастными крестьянъ, живущихъ на его земляхъ, или работниковъ его фабрики; работникъ, прокутившись до тла, часто проявляетъ энергію и оборотливость, которой невозможно не удивляться. Спустивъ все до послѣднихъ сапогъ, подобный работникъ нерѣдко принимается за дѣло съ желѣзнымъ терпѣніемъ, усилія, которыя онъ дѣлаетъ надъ собою, такъ развиваютъ его способности, что онъ входитъ въ рядъ самыхъ искусныхъ работниковъ; въ работѣ онъ пріобрѣтаетъ такую ловкость и силу, что заработываетъ нетолько вдвое, но вчетверо болѣе противъ другихъ работниковъ. Въ то время, какъ мотовство въ дряблыхъ натурахъ мотовъ между помѣщиками и купцами внушаетъ одно презрѣніе и глубокое отвращеніе къ ихъ безобразію, моты—иногда самыя симпатичныя натуры между работниками первой степени, товарищамъ своимъ они не внушаютъ и тѣни зависти и чаще всего объ нихъ отзываются съ теплою любовью и самымъ искреннимъ уваженіемъ. Солидный первостепенный работникъ обыкновенно заносчивъ, нерѣдко шпіонъ и сплетникъ и всегда возбуждаетъ зависть или даже ненависть; про работника же тщеславнаго и мота часто отзываются очень хорошо: «это добрая душа и золотыя руки,—говорятъ про него работники:—черезъ него еще ни одинъ человѣкъ не сдѣлался несчастнымъ. Много онъ заработаетъ въ мѣсяцъ или въ два, закутитъ, всѣхъ угоститъ, все раздастъ, ничего себѣ не оставитъ.» Прокутившагося отъ тщеславія работника далеко еще нельзя считать потерянным человѣкомъ. Послѣ пароксизма тщеславія и кутежа онъ обращается къ работѣ съ удвоенною энергіею. Въ высшемъ сословіи относительно несравненно болѣе пьяницъ и въ особенности пьющихъ запоемъ; это видно уже изъ того, что въ высшемъ сословіи несравненно болѣе выпивается вина. Въ то время, какъ на каждаго жителя приходится въ 49-ти губерніяхъ Европейской Россіи выпитаго вина, потребляемаго рабочимъ классомъ, на 2 руб. 30 коп. сер., на человѣка изъ высшихъ сословій одного вина привознаго моремъ изъ-заграницы выпивается на 3 рубля 50 коп. Кромѣ того ими выпивается приблизительно вчетверо болѣе винъ русскаго произведенія и сверхъ того еще хлѣбнаго вина по крайней мѣрѣ столько же, сколько виноградныхъ винъ, вѣроятно даже болѣе. Надобно наконецъ положить предѣлъ упрекамъ, которые направляются высшими классами противъ рабочаго и которые несравненно болѣе заслужили сами эти высшіе классы. Но если рабочій классъ промышленной Россіи, по проявленіямъ своего тщеславія, стоитъ несравненно выше образованнаго нашего сословія, то все-таки ни въ какомъ случаѣ нельзя чувство это признавать полезнымъ для промышленности и для развитія: наблюденія показываютъ, что страсть къ стяжанію, тщеславное стремленіе къ роскоши никогда не приносили промышленности ничего, кромѣ вреда, и жестоко ошибаются мыслители, которые ихъ считаютъ стимулами для развитія. Тщеславная привычка къ роскошнымъ кутежамъ съ лѣтами приводитъ работника къ грубѣйшему эгоизму и распущен-

ности. У насъ отличающійся искусствомъ работникъ, точно такъ же какъ во Франціи, ради тщеславія и кутежей нерѣдко забываетъ свое семейство, и лучшія рабочія силы страны приносятъ несравненно менѣе пользы, чѣмъ онѣ могли бы принести; семейство такого работника живетъ крайне бѣдно: глава его, хвастаясь своими кутежами, въ сущности работаетъ вдвое менѣе. Случается, что подобные работники останавливаютъ дѣло на фабрикахъ и мелкихъ промыслахъ и хвастаются тѣмъ, что изъ-за нихъ десятки людей должны сидѣть сложа руки. Капиталисты, которые горько жалуются на это, не должны однакоже забывать того, что они своимъ мотовствомъ и небрежнымъ веденіемъ дѣла гораздо чаще причиняютъ вредъ промышленнымъ заведеніямъ и гораздо радикальнѣе останавливаютъ ходъ дѣлъ. Закутившій работникъ дѣйствительно мѣшаетъ иногда работать нѣсколькимъ работникамъ, а капиталистъ, проигравшій деньги, которыя были необходимы для хода завода, оставляетъ въ теченіе многихъ недѣль безъ дѣла сотни рабочихъ, или же разсчитываетъ своихъ рабочихъ такъ плохо, что эти несчастные люди вносятъ голодъ и отчаяніе въ свои семейства. Если мужчины тратятъ на кутежи, то женщины тратятъ на платья: аристократка въ теченіе сутокъ нѣсколько разъ мѣняетъ свой костюмъ, работница въ промышленныхъ губерніяхъ старается имѣть нѣсколько платьевъ и считаетъ высшимъ для себя счастьемъ, если она въ праздникъ можетъ показаться въ обществѣ четыре или пять разъ въ различныхъ платьяхъ; она старается, чтобы платья эти по виду и покрою своему походили на платья образованнаго общества, она съ жадностью кидается на поддѣлку, которая напоминаетъ роскошь высшихъ слоевъ. И ей продаютъ бархатъ по тридцати копѣекъ аршинъ. Ей хочется имѣть маленькую руку и маленькую ногу, и молодая дѣвушка очень нерѣдко воображаетъ, что она попала не въ свою сферу, что она рождена *для* высшаго общества. Эти наклонности распространили въ селеніяхъ сословіе сельскихъ портнихъ. Понятіе, что чистота нравовъ составляетъ гордость и украшеніе женщины, также проникло въ сферы рабочаго класса промышленныхъ губерній. Подобныхъ понятій я вовсе не встрѣчалъ въ прочихъ частяхъ Россіи, тамъ понятіе о женской непорочности чаще дотого слабо, что оно вовсе не служитъ преградою для дѣвушки, когда она захочетъ удовлетворять своимъ страстямъ, или оно какъ двѣ капли воды похоже на всѣ прочіе предразсудки: дѣвушка такъ же безсознательно удерживается отъ сладострастія, какъ она удерживается отъ употребленія въ пищу зайца или лошади. Въ промышленныхъ же губерніяхъ непорочность перестаетъ быть предразсудкомъ и дѣлается предметомъ гордости. Въ образованномъ обществѣ дѣвушка рѣдко понимаетъ, что цѣль ея непорочности—это счастье и развитіе будущихъ ея дѣтей, часто ей запрещаютъ даже и думать о томъ, что у нея будутъ дѣти; она сохраняетъ свою непорочность потому, что ей внушено чувство неодолимаго презрѣнія ко всякой женщинѣ, которая жертвуетъ своею непорочностью. Точно такое же чувство гордости охраняетъ непорочность въ работницѣ промышленныхъ губерній. Возможность соединять роскошь нарядовъ съ непорочностью она считаетъ несомнѣннымъ преимуществомъ, это даетъ ей случай смотрѣть свысока и съ презрѣніемъ на всякую женщину, которая до-

бываетъ столько же жертвуя своимъ тѣломъ. Если одна работница промышленныхъ губерній способна голодать и переносить всякія лишенія, для того, чтобы пріобрѣсти шелковый нарядъ, то другая способна перенести вдвое болѣе, чтобы имѣть такой же нарядъ и оставаться въ то же время непорочною—иная способна заколотить себя въ гробъ для достиженія этой цѣли. Если одна страстно предается играмъ и забавамъ, гдѣ веселіе возбуждается вольностью обращенія, то другая находитъ несравненно болѣе наслажденія, гордо удаляясь отъ подобныхъ соблазновъ во имя приличнаго обращенія. Вліяніе непорочныхъ дѣвъ порождаетъ цѣлыя деревни, гдѣ дѣвушка не найдетъ себѣ мужа, если она имѣла ребенка, только старыя дѣвы, лишившіяся всякой надежды на замужество, рѣшаются пожертвовать своей славой ради наслажденій любви. Два источника цѣломудрія, о которыхъ я теперь говорилъ, весьма рѣзко отражаются на поведеніи женщинъ. Женщина, въ которой цѣломудріе—предразсудокъ, обращается съ нецѣломудренной во всѣхъ отношеніяхъ какъ съ равной себѣ, она обращается съ нею какъ русскій съ татариномъ, православный съ старообрядцемъ; непорочная и увлеченная это—женщины разной вѣры. Если же у работницы источникъ цѣломудрія—гордость, то она гнушается павшей своей сестрою, она при всякомъ случаѣ старается рѣзко отдѣлиться отъ нея и родители не позволяютъ ей смѣшиваться—подобныя женщины похожи на людей различныхъ состояній. Не берусь рѣшить, который изъ этихъ двухъ источниковъ цѣломудрія лучше: мнѣ кажется, что оба они одинаково скверны, оба они порожденіе мужскаго эгоизма, оба родились и вышли изъ гениккеевъ и гаремовъ. Цѣломудріе, выходящее изъ истиннаго своего источника, изъ любви къ дѣтямъ, нельзя встрѣтить у насъ ни въ высшихъ, ни въ низшихъ слояхъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы оно всецѣло господствовало надъ общественнымъ мнѣніемъ нашего отечества, — фактъ весьма печальный и главный источникъ несостоятельности всѣхъ прославившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на это дѣло †). Совершенно противоположенъ этому другой типъ общества работниковъ, въ особенности часто встрѣчающійся на фабрикахъ, гдѣ работаютъ вмѣстѣ мужчины и женщины, или въ промышленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ женщины много заработываютъ. Въ этомъ кругу съ перваго раза васъ поражаетъ какое-то добродушіе, какая-то граціозная беззаботность отношеній: еслибы это были не русскіе, а французы, то вы подумали бы, что это—общество людей, которое поставило себѣ цѣлью осуществить идеалы и воззрѣнія Беранже. Тутъ, кажется, дѣвушка никогда не задумывалась послѣдовать

*) То же самое явленіе мы видимъ во Франціи: оно очень рѣзко обозначилось напр. тѣмъ, что Жоржъ-Зандъ въ романахъ, направленныхъ на разъясненіе вопроса о бракѣ, сдѣлала средоточіемъ своихъ изображеній отношеніе мужчины къ женщинѣ, а не дѣтей къ родителямъ и къ обществу. Еслибы французское общество понимало, что объ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ можно плодоносно разсуждать только съ точки зрѣнія дѣтей, то писательница вродѣ Жоржъ-Занда не могла бы и попасть на путь такой безплодный и способный только дать вопросу еще болѣе фальшивое положеніе.

первому зову любви, первому біенію своего сердца, тутъ ревность кажется неизвѣстна. «Смотри,—скажетъ кто-нибудь работницу,—твоя любовница тебѣ измѣняетъ», работникъ весело махнетъ рукою и скажетъ съ вызывающимъ видомъ: «Такъ что же?» Въ этомъ «такъ что же» не досказаны слова: «тебѣ бы хотѣлось, чтобы я ей сдѣлалъ пакость—этого не будетъ.» Два соперника дружно цѣлуются между собою, одинъ разсказываетъ другому про вчерашнюю вечеринку: «какъ я наслаждался, братъ», говоритъ онъ съ восторженнымъ видомъ; только изъ деликатности онъ не досказалъ, что эти слова относились къ предмету ихъ общей любви: но товарищъ его догадался и смѣется. Поклонникъ Беранже могъ бы придти въ восторгъ, попавши въ подобную сферу, но и тотъ, кто не принадлежитъ къ поклонникамъ этого поэта, сознаётся, что подобное отношеніе—шагъ впередъ въ сравненіи съ казарменной нравственностью, когда два пьяныхъ солдата приглашаютъ въ западню общую свою любовницу и бьютъ ее до полусмерти, что̀ конечно не удерживаетъ ее отъ дальнѣйшаго разврата. Эти нравы напоминаютъ французскіе придворные нравы XVIII-го вѣка. Женщина поставлена съ одной стороны между суровою дисциплиною домашняго очага, между гордою и скучною непорочностью, которая требуетъ отъ нея такихъ пожертвованій и великихъ трудовъ, что чувство самосохраненія возмущается въ ней и стремится увлечь ее на путь реакціи, а съ другой между веселымъ и легкомысленнымъ развратомъ, который тѣмъ болѣе утрачиваетъ свои суровыя формы, чѣмъ выше цивилизація, которая привита рабочему развитою промышленностью.

Читатель помнитъ, какъ я выше доказывалъ, что увеличеніе населенія нисколько не зависитъ отъ большей или меньшей воздержности въ населеніи, а зависитъ исключительно отъ степени его благосостоянія. Теперь я скажу, что количество незаконныхъ рожденій заключаетъ въ себѣ менѣе всего случайное явленіе; первую роль въ этомъ случаѣ играетъ численное отношеніе между мужчинами и женщинами. Можно проповѣдывать мораль съ самымъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, можно производить на людей самыя потрясающія впечатлѣнія, но всѣ эти впечатлѣнія будутъ мимолетны и не будутъ имѣть ни малѣйшихъ послѣдствій, если они не будутъ соотвѣтствовать природнымъ условіямъ ихъ жизни. Если на каждаго мужчину будетъ приходиться по двѣ женщины или на каждую женщину двое мужчинъ, то изъ этого произойдутъ развратъ и пренебреженіе къ дѣтямъ; никакія нравственныя убѣжденія не помогутъ горю. Здравый человѣкъ не будетъ въ этомъ случаѣ тратить словъ по пустому, онъ постарается возстановить равновѣсіе половъ и безъ всякой пустой морали гораздо скорѣе достигнетъ цѣли. Гдѣ можно найти болѣе уединенія, гдѣ можно найти менѣе соблазновъ къ разврату, какъ въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, а между тѣмъ онѣ всѣ безъ исключенія отличаются большимъ числомъ незаконныхъ рожденій; отчего? всѣ онѣ отличаются значительнымъ перевѣсомъ женщинъ надъ мужчинами. Совершенную противоположность по степени цивилизаціи представляютъ промышленныя губерніи, но въ нихъ перевѣсъ женщинъ или мужчинъ еще значительнѣе, а оттого и еще болѣе незаконныхъ рожденій. Всего менѣе незаконныхъ рожденій въ вос-

точной многоземельной Россіи, и тамъ всего болѣе равновѣсія между числомъ мужчинъ и женщинъ. Средняя черноземная полоса занимаетъ между ними середину и по количеству незаконныхъ рожденій и по отношенію между мужчинами и женщинами. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ рабочая женщина увлекается на путь разврата страстью къ наслажденіямъ, почти всегда она уступаетъ тяжелому положенію и потребности, противъ которыхъ бороться у нея не достаетъ силы. Возьмутъ у женщины мужа или жениха, бросятъ ее одну или съ дѣтьми на произволъ судьбы и потомъ осуждаютъ ее, если она падетъ, принесетъ, можетъ быть, свою честь въ жертву для спасенія отъ голода своихъ дѣтей, которыхъ она содержать одна не въ состояніи. Есть два обильныхъ источника разврата на Руси: одинъ это пресловутая промышленная предпріимчивость русскаго народа, этотъ бичъ семейнаго счастья, омутъ слезъ, поглощающій тысячи жизней работниковъ, работницъ и дѣтей, великая русская язва, называющаяся хожденіемъ на заработки. Другой—это продолжительные сроки военной службы. Женщины, которыя этими двумя способами отдаются на произволъ страданіямъ и соблазнамъ, считаются милліонами; дѣтей, которыя гибнутъ такимъ образомъ, едвали можно считать только тысячами. Если сѣверныя губернія отличаются такимъ большимъ количествомъ незаконныхъ рожденій, то онѣ обязаны этимъ сначала тому, что тамъ такъ же мало хлѣбопашества, какъ и промысловъ, не требующихъ отлучекъ, а затѣмъ, и мѣстами въ сильной степени, большему числу солдатокъ и расположеннаго въ нихъ войска. Изъ Архангельской губерніи болѣе всѣхъ другихъ ходятъ на заработки, въ тоже время въ ней солдатокъ относительно болѣе другихъ, въ ней и болѣе другихъ незаконнорожденныхъ; будь въ ней помѣщичьи земли, это была бы несчастнѣйшая изъ сѣверныхъ губерній. Между сѣверными есть однакоже губернія, въ которой положеніе еще плачевнѣе,—это Новгородская: тутъ бѣдствія разврата имѣютъ другую причину, а не хожденіе на заработки, тутъ даже перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами незначителенъ, но зато-же ни въ одной изъ сѣверныхъ губерній нѣтъ такого большаго числа солдатокъ, и кромѣ того въ ней размѣщено болѣе войска, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ вмѣстѣ. Думать объ удовлетвореніи своихъ потребностей посредствомъ труда и не думать въ тоже время о людяхъ, которыми этотъ трудъ совершается и на которыхъ онъ отзывается, не есть ли это—непростительное легкомысліе? Мы хотимъ, чтобы сотни тысячъ рабочихъ, для удовлетворенія нашихъ нуждъ скоплялись на главныхъ путяхъ сообщенія, въ главныхъ центрахъ нашей промышленности, но не хотимъ задать себѣ вопроса, что̀ будетъ съ ихъ женами и дѣтьми? мы хотимъ играть великую роль въ международныхъ отношеніяхъ, а не думаемъ, что̀ будетъ съ дѣтьми тѣхъ солдатъ, которые даютъ намъ къ этому средства. Развѣ наша военная сила уменьшится, если солдатъ будетъ молодой и холостой человѣкъ, который возвращается домой, чтобы жениться, а не такой, у котораго дома погибаютъ жена и дѣти? Вотъ плоды этой непорочности, которая имѣетъ своимъ источникомъ безсознательную гордость, а не любовь къ дѣтямъ. Мало этого, мы и промышленности нашей хотѣли дать подобіе военнаго ремесла, обширныя про-

мышленныя заведенія обратить въ военный лагерь; для фабричныхъ и заводскихъ работниковъ мы строимъ казармы, гдѣ они подобно солдатамъ ведутъ одинокую и холостую жизнь, мы не заботимся ни о томъ вліяніи, которое они произведутъ на окрестность, ни о томъ, что будетъ съ брошенными ими женами и дѣтьми. Мало этого, мы дошли до такого жалкаго состоянія, при которомъ казарма, этотъ притонъ разврата и бичъ дѣтей, восхваляется у насъ, какъ будто это какое благополучіе; баракъ, простудной, убійственный баракъ— вотъ жалкое жилище нашего рабочаго на отхожихъ промыслахъ. Какъ скоро хозяинъ замѣняетъ баракъ казармой, наши оптимисты въ восхищеніи и не могутъ имъ нахвалиться. Такими путями мы приходимъ къ тому, что тѣ условія, которыя должны приводить къ смягченію нравовъ, къ цивилизаціи, порождаютъ въ тоже время безчувствіе и одичаніе. Вездѣ, гдѣ скопляется большое число рабочихъ людей, гдѣ они становятся вблизи образованнаго общества и гдѣ въ тоже время производительность ихъ увеличивается, являются самыя благопріятныя условія для цивилизаціи и смягченія нравовъ: взгляните на нашего рабочаго въ большихъ городахъ, сердце и умъ его болѣе развиты, его чувства болѣе возвышенны, никогда онъ не проявится такъ грубо и такъ угловато, какъ степнякъ крестьянинъ, въ обращеніи съ женщиною онъ перестаетъ быть неуклюжимъ, суровымъ деспотомъ и начинаетъ обращаться въ ловкаго, увлекательнаго кавалера, который старается плѣнять своею любезностью, а нетолько удерживать близъ себя силою; но въ то время когда его мысли и чувства направляются на улучшеніе его отношеній къ женщинѣ, ничто не заставляетъ его подумать серьезнѣе отъ отношеніяхъ своихъ къ дѣтямъ. При сильномъ поощреніи со стороны высшихъ сословій число незаконныхъ дѣтей увеличивается чрезмѣрно: можно ли ожидать, чтобы работникъ заботился о своихъ незаконныхъ дѣтяхъ, если высшее сословіе такъ мало заботится о своихъ и считаетъ проституцію для себя дозволительною? Фабричная жизнь такъ отозвалась на Шуйскомъ уѣздѣ, что тамъ осьмнадцатый ребенокъ былъ незаконнорожденный. Вліяніе казарменной фабричной производительности тутъ несомнѣнно; ни въ одномъ уѣздѣ Владимірской губерніи, несмотря на самые разнообразные къ тому шансы, нѣтъ такого значительнаго числа незаконныхъ рожденій. Семеновскій и Балахнинскій уѣздъ Нижегородской губерніи, несмотря на значительное свое промышленное производство, представляютъ однакоже весьма выгодныя цифры незаконныхъ рожденій и представляютъ ихъ наперекоръ тому, что въ Балахнинскомъ уѣздѣ расположено болѣе войска, чѣмъ въ Шуйскомъ.

Нужно быть слѣпымъ и неисправимымъ оптимистомъ, чтобы не убѣдиться статистикой, что нравственность женщинъ зависитъ несравненно болѣе отъ ихъ положенія, чѣмъ отъ правилъ, которымъ онѣ предполагаютъ себѣ слѣдовать въ своей жизни, чѣмъ отъ силы ихъ воли и даже отъ степени ихъ цивилизаціи. Если это такъ, то простительно ли проповѣдывать мораль тамъ, гдѣ дѣти умираютъ тысячами, оттого, что мы сидимъ сложа руки вмѣсто того, чтобы спасать ихъ жизнь? †) Гордо и свысока глядитъ богатая работница на бѣдную и

†) Вотъ отношеніе мужчинъ къ женщинамъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи и число незаконныхъ дѣтей:

жалкую сестру свою, которая отдаетъ себя на жертву за жалкую обувь, за три копѣйки, а иногда и за кусокъ хлѣба; еще болѣе высокомѣрнаго презрѣнія пока-

Сѣверныя губерніи:	женщинъ болѣе мужчинъ на	на 100,000 жителей незак. рожд.	одна солдатка на	расположен. въ губерніи войска
1. Архангельская	7%	167	39 жит.	3223
2. Вологодская	9	163	73	2137
3. Вятская	11	161	47	4138
4. Новгородская.	3	198	35	24088
5. Олонецкая	10	152	60	2502
6. Пермская.	10	166	60	3669

Промышленныя губерніи средней Россіи:	мужчинъ болѣе женщ. на	на 100,000 жителей незак. рожд.		женщинъ болѣе мужчинъ	на 100,000 жителей незак. рожд.
1. Петербургская .	24%	497	3. Владимірская. .	7	186%
2. Московская . . .	5	237	4. Ярославская . .	18	183
			5. Калужская . . .	5	132
Восточныя губерніи:			6. Костромская . .	15	189
			7. Нижегородская	8	114
	женщ. болѣе мужч.		8. Тверская	8	120
1. Казанская . . .	4	105	6. Оренбургская .	число женщ. и мужчин. равно	72
2. Самарская . . .	3	106	7. Саратовская . .		51
3. Симбирская. . .	6	153	8. Тамбовская. . .		111
4. Воронежская . .	4	82		мужч. болѣе женщ.	
5. Пензенская. . .	4	118	9. Астраханская .	2	113
Среднія и южныя губерніи:				женщ. болѣе мужч.	
1. Черниговская .	8	140	7. Тульская	1	123
2. Харьковская . .	0	133	8. Рязанская	1	52
3. Полтавская. . .	3	112	9. Курская	1	126
	мужч. болѣе женщ.		10. Орловская. . . .	3	115
4. Херсонская . .	9	159	11. Екатеринославс.	1	137
5. Таврическая . .	11	94	12. З. Войс. Донск.	1	157
6. Бессарабская. .	13	70			

Въ Таврической губерніи и Бессарабской области значительный перевѣсъ мужчинъ объясняется присутствіемъ большаго числа войска, а малое число незаконныхъ рожденій происходитъ отъ совпадающаго съ этимъ замѣчательно малаго числа солдатокъ; въ Бессарабской области приходится одна солдатка на сто двадцать два человѣка, а въ Таврической на девяносто три. Въ Войскѣ Донскомъ причина большаго числа незаконныхъ рожденій извѣстна—это очередная служба казаковъ. Въ Курской и Тульской губерніи проявила свое дѣйствіе еще одна причина—это густое населеніе при малыхъ средствахъ къ своему обезпеченію.

Вотъ отношеніе законныхъ дѣтей къ незаконнымъ во Владимірской губерніи:

Уѣзды.	приходится одно незаконное рожденіе на	женщинъ болѣе мужчинъ на	Уѣзды.	приходится одно незаконное рожденіе на	женщинъ болѣе мужчинъ на
1. Владимірскій. .	52 закон.	10%	2. Суздальскій . .	41 закон.	9%
3. Шуйскій. . . .	18	11	4. Ковровскій. . .	25	10
5. Вязниковскій. .	21	15	6. Гороховецкій .	39	10
7. Муромскій . . .	42	10	8 Меленковскій .	47	1
9. Судогодскій . .	35	7	10. Покровскій. . .	39	1
11. Александровск.	32	10	12. Юрьевскій . . .	39	11

зываютъ ей женщины образованныя; онѣ не думаютъ, что еслибы онѣ разомъ въ массѣ опустились до такого же бѣдственнаго положенія, то въ слѣдую-

---

Въ Переяславскомъ женщинъ столько же, сколько и мужчинъ; приходится одно незаконное на 24 законныхъ рожденія. Въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи приходится одно незаконное рожденіе на 37 зак.: женщинъ тамъ на 18% болѣе, чѣмъ мужчинъ; въ Балахнинскомъ уѣздѣ приходится одно незаконное рожденіе на 41 законное, женщинъ тамъ на 12% болѣе мужчинъ; войска тамъ 2,191 челов., солдатокъ 1,436; въ Шуйскомъ уѣздѣ войска нѣтъ, а солдатокъ 2,703.

Что бѣдность вгоняетъ въ развратъ и производитъ незаконныя рожденія, видно изъ того, что въ числѣ губерній, гдѣ всего болѣе незаконныхъ рожденій, стоятъ относительно самыя несчастныя и бѣдствующія губерніи, и наоборотъ; если встрѣчаются исключенія, то исключенія эти происходятъ отъ столкновенія особенныхъ обстоятельствъ, какъ напр. въ Землѣ Войска Донскаго. Вотъ сравненіе губерній, въ которыхъ оказывается всего болѣе и всего менѣе незаконныхъ рожденій. Для опредѣленія болѣе или менѣе бѣдственнаго положенія населенія губерній, я беру, какъ и вездѣ, смертность, имѣющую мѣсто въ его средѣ.

Губерніи, гдѣ болѣе незаконныхъ рожденій	На 100,000 жител. незаконныхъ рожденій	На одного умершаго приходится жителей	На 100,000 жител. незаконныхъ рожденій	Губерніи, гдѣ менѣе незаконныхъ рожденій	Губерніи, гдѣ болѣе незаконныхъ рожденій	На 100,000 жител. незаконныхъ рожденій	На одного умершаго приходится жителей	На 100,000 жител. незаконныхъ рожденій	Губерніи, гдѣ менѣе незаконныхъ рожденій
1 З. В. Дон.	157	41	36	70 Бессарабск. 1	10 Черниг. .	140	25	26	126. . Курская 10
2 Екатерин.	137	30	34	113 Астраханск. 2	11 Владим. .	186	24	25	118 Пензенская 11
3 Архангел.	167	30	32	94 . Таврическ. 3	12 Смоленск.	181	24	24	106. Самарская 12
4 Новгород.	198	27	28	52 . . Рязанская 4	13 Московск.	237	22	24	72. Оренбург. 13
5 Псковская	261	27	28	112 . Полтавская 5	14 Ярославс.	183	22	23	120 . Тверская 14
6 Симбирск.	153	27	28	51 . Саратовск. 6	15 Олонецк .	152	21	23	115. Орловская 15
7 Петерб. .	497	26	28	111 . Тамбовская 7	16 Вятская .	161	20	22	114. Нижегор. 16
8 Вологод .	163	25	28	105 . . Казанская 8	17 Херсонск.	159	19	22	123. Тульская. 17
9 Костром .	189	25	27	132 . Калужская 9	18 Пермская.	166	18	20	82. Воронеж. 18

Не надо забывать, что, по малочисленности незаконныхъ рожденій, они не могли имѣть сами какого-либо чувствительнаго вліянія на смертность. Въ Россіи въ 1863 году умиралъ 1 изъ 26; еслибы въ этотъ годъ умерли всѣ незаконнорожденные, родившіеся въ теченіе года,—случай явно невозможный, то и въ такомъ случаѣ эта невозможная смертность незаконнорожденныхъ породила бы только смертность 1 изъ 25 †).

Если всѣ 37 губерній раздѣлить на двѣ половины, къ одной отнести 18 губерній, въ которыхъ всего болѣе разницы между числомъ мужчинъ и женщинъ, а къ другой 18, въ которыхъ разницы всего менѣе, въ такомъ случаѣ на серединѣ

†) Если сдѣлать средній выводъ изъ количества незаконнорожденныхъ въ губерніяхъ, гдѣ ихъ болѣе, сложивъ всѣ приведенныя выше цифры и раздѣливъ ихъ на 18, то выйдетъ 193, а въ губерніяхъ, гдѣ мало незаконнорожденныхъ,—100; при такомъ же выводѣ относительно смертности въ первыхъ губерніяхъ окажется, что умираетъ 1 изъ 23, а въ послѣднихъ 1 изъ 26: есть ли гдѣ-нибудь другой такой несчастный уголъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы по среднему выводу умиралъ одинъ изъ двадцати трехъ? въ помянутыхъ 18 губерніяхъ считалось 20,931,024 ж., а умершихъ 896,304, т. е. 1 изъ 23-хъ.

цамъ поколѣнія онѣ поступили бы точно такъ же. Голодъ и холодъ—главный источникъ бѣдствій, а потому и самые сильные стимулы къ разврату — числомъ незаконныхъ дѣтей отличаются губерніи, которыя наиболѣе бѣдствуютъ. Можно ли безчувственно отталкивать дѣтей, которые являются порожденіями чувства самосохраненія въ матеряхъ? отъ голоду и мать способна съѣсть своихъ дѣтей, и ей такой поступокъ нельзя было бы вмѣнить въ вину: мудрено ли, что отъ голоду женщина предается проституціи и изъ этого выходятъ дѣти? Безчувственность и ложная мораль въ высшихъ сословіяхъ такъ велика, что въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ есть первостепенные писатели, которыхъ нравственный уровень такъ низокъ, что они боятся заботливости о жизни дѣтей и видятъ въ ней средства къ распространенію бѣдности и разврата. Для этихъ писателей существуетъ одинъ отвѣтъ: безчувственность и эгоизмъ губятъ милліоны дѣтей, и общество вовсе не нуждается въ ихъ книгахъ для того, чтобы развивать эти прекрасныя свойства. Они указываютъ на то, что воспитательные дома увеличиваютъ число незаконныхъ дѣтей, что же это значитъ? Дѣти, которые были бы выдавлены, изгнаны, убиты въ зародышѣ, дозрѣваютъ и дѣлаются живыми людьми. Послѣдовательно эти господа должны были бы возставать противъ хорошей полиціи, она обнаруживаетъ тысячи преступленій, которыя у дурной полиціи остались бы неизвѣстными. Воспитательный домъ—варварское средство, онъ воспитываетъ безъ матери, а нужно воспитывать посредствомъ матери; но все-таки онъ лучше, чѣмъ дѣтоубійство.

Наблюдая за міровою жизнью рабочаго класса, мы замѣчаемъ въ ней два главныхъ фазиса. Въ первомъ фазисѣ число высшихъ сословій огромно, ра-

---

окажется разница въ 5%; болѣе 5% разницы будетъ въ 16 губерніяхъ, а менѣе 5% въ 17 губерніяхъ. Сравненіе этихъ губерній даетъ слѣдующій результатъ:

Губерніи, гдѣ всего болѣе разницы между числомъ мужчинъ и женщинъ	На 100,000 жителей приходится незаконныхъ рожденій	Губерніи, гдѣ всего менѣе разницы между числомъ мужчинъ и женщинъ	Губерніи, гдѣ всего болѣе разницы между числомъ мужчинъ и женщинъ	На 100,000 жителей приходится незаконныхъ рожденій	Губерніи, гдѣ всего менѣе разницы между числомъ мужчинъ и женщинъ
1 Петербург.	497	198. . Новгород. 1	9 Херсонская .	159	113. . Астрахан. 9
2 Костром. .	189	157. . З. В. Дон. 2	10 Симбир. . . .	153	112. . Полтавская 10
3 Владимір. .	186	137. . Екатерин. 3	11 Олонецкая . .	152	111. . Тамбовская 11
4 Ярослав. .	183	133. . . Харьков. 4	12 Черниг. . .	140	106. . Самарская 12
5 Архангел..	167	126. . . Курская 5	13 Тверская . .	120	105. . Казанская 13
6 Перм. . . .	166	123. . . Тульская 6	14 Нижегород. .	114	82. . . Воронеж. 14
7 Вологод . .	163	118. . . Пензен. 7	15 Таврическ. .	94	72. . . Оренбург. 15
8 Вятская . .	161	115. . Орловская 8	16 Бессараб. . .	70	52. . . Рязанская 16
					51. . . Саратов. 17

Изъ губерній, гдѣ всего болѣе разницы между числомъ мужчинъ и женщинъ, приходится			Изъ губерній, гдѣ всего менѣе разницы между числомъ мужчинъ и женщинъ, приходится въ		
болѣе			болѣе		
200 незак. рожденій	на 100,000 жит.	въ 1. .	0	200 незак. рожденій	на 100,000 жит.
150	—	— 10. .	2	150	— —
100	—	— 3. .	11	100	— —
50	—	— 2. .	4	50	— —

ботникъ такъ обремененъ оброками и сборами, заработная плата такъ низка, что онъ не можетъ дѣлать никакихъ сбереженій, образованіе его совершенно незначительно и часто даже грамотность въ его средѣ мало распространена. Работникъ подобныхъ жалкихъ странъ имѣетъ тотчасъ по достиженіи совершеннаго возраста столько же, сколько онъ будетъ имѣть и въ старости, поэтому онъ женится тотчасъ какъ достигаетъ полнаго къ тому развитія. Въ подобныхъ странахъ число незаконныхъ дѣтей всегда незначительно, они могутъ встрѣчаться только тамъ, гдѣ значителенъ перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами или гдѣ по особымъ причинамъ часть женщинъ не имѣетъ мужей. Малое число незаконныхъ дѣтей не дѣлаетъ однакоже населенія болѣе нравственнымъ, супружеская вѣрность соблюдается очень плохо и весь господствующій развратъ скрывается отъ глазъ подъ личиною брака. Обращеніе съ дѣтьми по необходимости самое варварское и несчастныя существа мрутъ какъ мухи. Въ другомъ фазисѣ своего развитія число высшихъ сословій значительно уменьшается и поэтому они несравненно болѣе исполняютъ свое назначеніе. Работникъ прямыхъ и косвенныхъ сборовъ или не платитъ вовсе или несравненно менѣе, заработная плата такъ высока, что онъ уже можетъ дѣлать сбереженія; поэтому отъ работника общественное мнѣніе его товарищей требуетъ все болѣе и болѣе, чтобы онъ при женитьбѣ устроился, обзавелся кое-чѣмъ и велъ приличную жизнь. Грамотность, цивилизація между работниками такъ развита, что рабочія артели заводятъ библіотеки и имѣютъ въ нихъ книги серьезнаго научнаго содержанія. Работникъ въ подобныхъ странахъ не считаетъ для себя возможнымъ жениться, лишь только онъ достигъ зрѣлаго возраста, ему нужно сначала скопить нѣсколько денегъ и устроиться, число браковъ уменьшается, число холостяковъ и незамужнихъ женщинъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число незаконныхъ дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе дѣтей улучшается замѣчательно, ихъ физическое и нравственное благосостояніе увеличивается настолько же, насколько уменьшается ихъ смертность. Какъ скоро рабочій попалъ въ этотъ фазисъ своего развитія, началъ позже вступать въ бракъ и значительная часть, напр. около двухъ седьмыхъ всего совершеннолѣтняго населенія вовсе остается безбрачнымъ, замѣчается обратное движеніе въ пропорціи незаконныхъ дѣтей, число незаконныхъ дѣтей уменьшается по мѣрѣ развитія благосостоянія между рабочимъ классомъ и повидимому болѣе сообразуется съ увеличеніемъ богатства, чѣмъ съ уменьшеніемъ числа браковъ. Въ западныхъ частяхъ Австріи, единственныхъ, которыя попали въ этотъ фазисъ, число незаконныхъ рожденій значительнѣе, чѣмъ въ Саксоніи, въ Саксоніи оно значительнѣе, чѣмъ въ Пруссіи, въ Пруссіи оно значительнѣе, чѣмъ во Франціи, наконецъ во Франціи оно значительнѣе, чѣмъ въ Бельгіи и Англіи; уменьшеніе же числа браковъ слѣдуетъ только отчасти тому же порядку. Развившееся благосостояніе работницы дотого возвышаетъ ея нравственныя чувства, что она все менѣе и менѣе соглашается предаваться мужчинѣ, который не готовъ обезпечивать ея дѣтей, въ Англіи на тысячу взрослыхъ дѣвушекъ приходится всего семнадцать незаконныхъ рожденій. Для работницы является новый родъ страда-

ній, работница уже не соглашается болѣе родить своихъ дѣтей на смерть, она хочетъ и воспитать тѣхъ, кого она родила; случая обезпечить это воспитаніе не представляется, а между тѣмъ потребности природы говорятъ неумолчно. Эти благородныя и возвышенныя страданія менѣе всего заслуживаютъ того равнодушія, которымъ ихъ награждаютъ люди науки, наука существуетъ не для того, чтобы пустозвонить глупою моралью, а для того, чтобы находить пути къ удовлетворенію всѣхъ истинныхъ потребностей природы человѣческой, и чѣмъ прекраснѣе человѣкъ проявляется въ этой борьбѣ, тѣмъ болѣе нужно ему помочь во всѣхъ отношеніяхъ. Въ восточной Австріи и въ Россіи мы видимъ примѣръ рабочаго класса, находящагося въ первомъ изъ вышеупомянутыхъ фазисовъ. Число высшихъ сословій огромное и тѣмъ менѣе полезное, чѣмъ болѣе оно многочисленно. Дворянство въ Австріи удивляло своею чрезмѣрною и невѣроятною многочисленностью, а между тѣмъ въ Россіи дворянъ еще болѣе, дворянъ съ семействами болѣе, чѣмъ солдатъ на службѣ; многочисленное духовенство въ Россіи имѣетъ на благосостояніе Россіи почти такое же вліяніе, у насъ духовенства вдвое болѣе, чѣмъ въ Англіи, и почти вдвое болѣе, чѣмъ въ Пруссіи. Значительные оброки и сборы, чрезвычайно низкая заработная плата не дозволяютъ работникамъ даже и помышлять о сбереженіяхъ и держатъ ихъ въ одичаломъ состояніи, при которомъ работникъ, не надѣясь имѣть въ своей жизни ни болѣе, ни менѣе, женится при первомъ представляющемся ему случаѣ. Количество браковъ такъ велико, что оно не дозволяетъ предполагать хотя сколько-нибудь значительнаго числа холостяковъ и дѣвицъ. Въ промышленныхъ губерніяхъ работникъ несравненно болѣе развитъ и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Это превосходство развитія замѣчается даже самыми поверхностными наблюдателями, нетолько въ такихъ губерніяхъ, какъ напр. Ярославская, Владимірская и Нижегородская, но и въ такихъ, какъ напр. Калужская. Между тѣмъ вышеприведенное положеніе такъ мало измѣняется къ лучшему, что мы встрѣчаемъ въ нихъ и весьма большое число браковъ и весьма большое число незаконныхъ дѣтей. Мы видимъ губерніи, въ которыхъ относительно населенія встрѣчается мало браковъ, въ немногихъ даже менѣе средняго уровня цивилизованныхъ государствъ Европы, но къ несчастію это малое число браковъ невозможно объяснить воздержаніемъ; даже и въ промышленныхъ губерніяхъ такое воздержаніе не имѣло бы своимъ послѣдствіемъ улучшеніе положенія дѣтей, работникъ ѣстъ одинъ черный хлѣбъ и кормитъ тѣмъ же своихъ дѣтей и въ сорока- и въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, еслибы онъ женился позже, то дѣтей у него умерло бы отъ этого не менѣе, но родилось бы менѣе, населеніе уменьшилось бы и высшій слой общества налегъ бы на немъ болѣе тяжелымъ пластомъ. Губерніи, въ которыхъ браковъ менѣе средняго уровня для всей Россіи, въ тоже время принадлежатъ и къ тѣмъ, въ которыхъ всего менѣе равновѣсія между отношеніемъ мужчинъ и женщинъ, и наоборотъ, между тѣмъ разница между числомъ мужчинъ и женщинъ въ государствахъ Европы, о которыхъ мы говорили и въ которыхъ замѣчается воздержаніе въ рабочемъ классѣ, такъ незначительно, что они стоятъ наряду съ губерніями,

отличающимися въ этомъ отношеніи равновѣсіемъ. Итакъ причина большаго или меньшаго числа браковъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи, это не воздержаніе, а большее или меньшее неравенство между числомъ мужчинъ и женщинъ. Таково правило, исключеній немного, всего въ трехъ губерніяхъ, и они могли бы быть приписаны случайности, еслибы они не обращали вниманія на новое и весьма печальное явленіе. Во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ мы видимъ мало браковъ, большое число незаконныхъ рожденій и большой перевѣсъ женщинъ, мало браковъ мы видимъ и въ Астраханской губерніи, но такъ какъ тамъ перевѣсъ мужчинъ, то незаконныхъ рожденій хотя и много, но все-таки менѣе. Вглядитесь въ жизнь человѣка на сѣверѣ: хлѣбопашества нѣтъ, скотоводства мало, нѣтъ и промысловъ, которыми можно было бы заниматься дома, рабочему человѣку остается одно—покинуть свой домъ и идти въ даль искать добычи и счастья, ему даютъ пищу то море, то лѣсъ, то отдаленныя рѣки, цѣлый годъ онъ странствуетъ изъ мѣста въ мѣсто, то голодая, то работая, то нищенствуя, домъ служитъ для него развѣ только сборнымъ пунктомъ: какая цѣль ему жениться—чтобы видѣть жену только нѣсколько дней въ году? Такая жизнь преобладаетъ въ особенности въ Архангельской губерніи и въ большей части Вологодской, и въ нихъ замѣчается всего менѣе браковъ; подобная жизнь ведется отчасти въ губерніи Астраханской—и въ ней также мало браковъ. Въ такихъ положеніяхъ женщина рѣшительно приносится въ жертву, оставленная на произволъ судьбы, безъ средствъ обезпечить свое существованіе, безъ всякаго вниманія къ ея потребностямъ; ей остается одно—жить какъ попало и нарождать незаконныхъ дѣтей, если случатся. Еще болѣе печальное явленіе—въ промышленныхъ губерніяхъ: тутъ также большой перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами, но въ тоже время и много браковъ и много незаконныхъ дѣтей. Изъ числа губерній, отличающихся наибольшимъ неравенствомъ между числомъ мужчинъ и женщинъ, только въ трехъ много браковъ, во Владимірской, Нижегородской и Симбирской—и двѣ изъ нихъ промышленныя.—Печально встрѣчаться съ такими явленіями, грустно видѣть свою родину въ такомъ жалкомъ положеніи, но еще грустнѣе сдѣлается, если мы подойдемъ къ нимъ ближе. Въ губерніяхъ средней восточной Россіи встрѣчается наибольшее число браковъ, однакоже, наблюдая за бытомъ этихъ губерній, даже въ самыхъ отдаленныхъ отъ всѣхъ путей сообщенія деревняхъ, можно замѣтить въ работникѣ стремленіе къ воздержанію. При крѣпостномъ правѣ, тамъ между деревнями, принадлежавшими помѣщикамъ, можно было встрѣтить такія, гдѣ каждая дѣвушка по достиженіи 16 лѣтъ и каждый парень по достиженіи 18 лѣтъ вступали въ бракъ и достигшихъ совершеннолѣтія холостяковъ не было вовсе. Въ сосѣднихъ деревняхъ, на государственной землѣ встрѣчались уже дѣвушки двадцати и двадцати пяти лѣтъ: тутъ отъ татаръ перешло къ русскимъ и финскимъ племенамъ обыкновеніе давать за невѣсту выкупъ; выкупъ этотъ, правда, по бѣдности былъ весьма незначителенъ, напр. рублей пять и не могъ замедлить бракъ: но къ этому присовокуплялось обстоятельство, котораго въ помѣщичьихъ деревняхъ вовсе не было. Въ помѣщичьихъ деревняхъ парень и дѣвушка соединялись безъ всякихъ соображеній. Если на

возрастѣ была дѣвушка уродливая, вялая и бѣдная, то парень достаточный, красивый и ловкій женился на ней, руководствуясь лишь тѣмъ, что она на возрастѣ; а ему время жениться, наоборотъ дѣвушка изъ достаточнаго дома шла въ бѣдный, все это дѣлалось съ такой машинальной правильностью, какъ будтобы это были не люди, а вещи; даже идіоты способные работать находили себѣ женъ и на ихъ долю иногда выпадали лучшія дѣвушки въ деревнѣ — это была азартная игра, гдѣ всякій бралъ первое, что попадалось въ руки, не разбирая того, на счастье или на бѣду ему выпала доля. Самыя грубыя и безчувственныя отношенія въ семействѣ были послѣдствіемъ такого положенія: красавецъ мужъ, которому выпала на долю вялая и некрасивая жена, иногда заколачивалъ ее до-смерти, красавица дѣвушка, которая досталась идіоту, дѣлалась публичною женщиною деревни. Дѣвушка должна была быть до крайности отвратительна, чтобы не найти себѣ мужа; мужчина, способный работать, получалъ насильно жену, несмотря на то, какъ бы онъ ни былъ старъ и отвратителенъ. Въ деревняхъ, размѣщенныхъ на государственной землѣ, являлось первое начало выбора. Богатый татаринъ бралъ себѣ иногда жену за сто и за пятьдесятъ верстъ, тоже случалось среди русскихъ, мордвовъ и пр. Тутъ выступали наружу всѣ соображенія, которыми человѣкъ можетъ руководствоваться въ этомъ случаѣ, не исключая даже сердечныхъ склонностей. У дѣвушекъ на первомъ планѣ стояло одно соображеніе, какъ можно долѣе не выходить замужъ и избавиться отъ тягостей хозяйства и отъ побоевъ мужа. Въ помѣщичьихъ деревняхъ дѣвушку брали часто изъ дома родителей не спрашивая ихъ согласія, а если они приходили отпрашивать, то имъ приказывали молчать, или требовали отъ нихъ въ пользу помѣщика выкупъ. На государственныхъ земляхъ, гдѣ некому было заставлять молчать родителей, гдѣ судьба сына и дочери переходила въ ихъ руки, тамъ дѣвушка, любимая родителями и имѣвшая на нихъ большое вліяніе, оставалась дома нетолько до двадцати лѣтъ, но гораздо долѣе. Красивый, разборчивый парень оставался долго неженатымъ, ожидая, не выпадетъ ли ему какое счастье. Молодые люди нерѣдко пользовались своей свободой, чтобъ вступить въ незаконныя связи. Могло оказаться, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ иногда во всей силѣ свирѣпствовало право первой ночи, гдѣ насильственные браки уничтожали въ семействахъ всякую любовь,—менѣе незаконныхъ дѣтей, чѣмъ въ деревняхъ на государственной землѣ, и иной бы заключилъ изъ этого, что тамъ болѣе нравственности. Вотъ какова нравственность въ населеніи униженномъ и угнетенномъ! она вся формальная; внѣшность сохранена какъ нельзя лучше, а внутри гниль, растлѣніе и гибель. Мы отвертываемся отъ этой суровой, безжалостной картины рабовладѣльческаго гнета, чтобы встрѣтиться съ болѣе свѣтлою жизнью; но, увы, печальная картина нашего бѣднаго отечества и его несчастнаго рабочаго люда не дастъ расправиться ни одной морщинѣ на омраченномъ челѣ патріота, не осушитъ ни одной слезы, пролитой надъ его злополучною судьбою, не допуститъ ни одного радостнаго біенія сердца. Вотъ передъ вами юноша работникъ,—онъ бы желалъ сначала обставиться, устроиться, но онъ никоимъ образомъ не можетъ обойтись безъ жены, изъ

своего заработка онъ долженъ такую значительную часть уплачивать въ видѣ оброковъ и сборовъ, что оказывается не въ состояніи покупать все, что ему необходимо для жизни и для работы; онъ неизбѣжно долженъ жениться, жена его будетъ работать и дѣлать все, что нужно для дома. Если у него нѣтъ сестеръ въ дому, ему остается жениться. Онъ женится не по выбору, не по желанію, не по страсти, не тогда, когда онъ обзавелся скотомъ и хозяйствомъ, а немедленно, во всякое время, хотя бы въ дому не было ни хлѣба, ни скота; онъ женится не для того, чтобы улучшить свой бытъ и увеличить свое счастье, а для того, чтобы увѣковѣчить свою бѣдность. Наемная работница для него слишкомъ большая роскошь, за неимѣніемъ денегъ онъ можетъ имѣть только жену, которая требуетъ отъ него только хлѣбъ и помѣщеніе и не требуетъ денегъ. Его сердечныя склонности идутъ своей дорогой, а жена для него такой же хозяйственный разсчетъ, какъ и доморощенная лошадь. Желѣзная необходимость заставила его жениться не думая о своихъ сердечныхъ склонностяхъ: можно ли ожидать, чтобы онъ подумалъ въ это время о дѣтяхъ, о которыхъ такъ мало думаютъ при заключеніи брака даже счастливцы, которые женятся по склонности? Какова можетъ быть судьба этихъ дѣтей, когда ихъ отецъ женился въ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ не могъ даже замѣнить крѣпостной трудъ жены наемнымъ, именно крѣпостной трудъ; жена въ семействѣ земледѣльца представительница того же крѣпостнаго труда, который уничтоженъ на помѣщичьихъ земляхъ. На государственныхъ земляхъ восточной Россіи, за исключеніемъ нѣмецкихъ колоній, можетъ быть только тридцатое семейство такъ счастливо, что сыну въ семействѣ нѣтъ необходимости замѣнять во что бы то ни стало наемный или покупной трудъ крѣпостнымъ трудомъ жены, и что онъ можетъ жениться тогда, когда у него явится къ этому желаніе и склонность. Въ общихъ чертахъ, такое положеніе и до сего времени распространено по всей Россіи. Промышленныя губерніи въ этомъ отношеніи менѣе всего составляютъ исключеніе: онѣ скорѣе отличаются отъ земледѣльческихъ тѣмъ, что тамъ судьба женщины болѣе тягостная. Работникъ промышленныхъ губерній часто еще болѣе нуждается въ крѣпостномъ женскомъ трудѣ: заработками своими онъ преимущественно уплачиваетъ свои оброки и подати, а жить онъ ими не можетъ; чтобы жить, ему нужно свое хозяйство, а для этого хозяйства ему нужна жена. На жену эту онъ возлагаетъ даже несравненно болѣе тягостей: что можетъ быть печальнѣе вида этихъ центровъ русской промышленности, гдѣ не болѣе одной двѣнадцатой части взрослыхъ работниковъ можетъ содержать себя и оплачивать оброки и подати не требуя посторонней помощи, гдѣ всѣ остальные работники ищутъ съ жадностью крѣпостную работницу подъ предлогомъ жены. Съ этой несчастной рабой своей они должны поступать какъ истинные плантаторы, заставлять ее и пахать, и косить,—работать такъ, какъ никогда американскій плантаторъ не заставлялъ работать свою невольницу. Спросите ея мужа, зачѣмъ онъ такъ поступаетъ съ ней? онъ вамъ, отвѣтитъ рѣзко, почти съ испугомъ: «Какъ ей не пахать, намъ и жить нельзя иначе: съ заработка я подати заплачу, а чѣмъ кормиться?» Вы его спросите, зачѣмъ же

онъ самъ не пашетъ,—оказется, что все пахать ему не выгодно, земля не плодородная, онъ не можетъ обойтись безъ подобной работы; вы спросите его, зачѣмъ же онъ женился,—онъ отвѣтитъ, что ему одному не справиться. Волшебный кругъ передъ вами замкнулся. Всѣ за безцѣнокъ продаютъ свой трудъ, потому что имъ нужно оплачивать подати и оброки, продавцовъ много, а покупателей мало, нужно сбывать во что бы то ни стало; благо есть возможность за одинъ хлѣбъ заставлять работать рабу, подъ видомъ жены, онъ пользуется этимъ, чтобы спустить цѣны на свой трудъ еще ниже, а эти низкія цѣны не позволяютъ ему обойтись безъ рабы, называемой женою. Не будь у него вовсе надежды на хлѣбопашество, какъ иногда у человѣка на сѣверѣ, онъ бы странствовалъ также—то работая, то нищенствуя; но при его положеніи ему нищенствовать уже не хочется, и онъ избавляетъ себя отъ этого крѣпостнымъ трудомъ жены. Поверхностнымъ наблюдателямъ, въ особенности въ такихъ промышленныхъ губерніяхъ, какъ напр. Пермская, нерѣдко кажется, что женщина тутъ нетолько не нужна для содержанія промышленнаго работника, но содержится на его счетъ. Тамъ гдѣ въ промышленныхъ губерніяхъ есть такая работа, гдѣ простому работнику случается заработать поштучно въ теченіе пяти мѣсяцевъ семьсотъ рублей, тамъ для мастера сто рублей уже прекрасный заработокъ, а двѣсти пятьдесятъ—это все, чего онъ можетъ достигнуть. Заработки въ семьсотъ рублей встрѣчаются только на золотыхъ промыслахъ. Между тѣмъ оказывается, что даже на золотыхъ промыслахъ работникъ не можетъ обойтись безъ помощи даровой или, яснѣе сказать, рабскаго труда жены. Случаи, въ которыхъ работникъ можетъ цѣлые годы жить на свой счетъ, безъ пособія даровой труда, тутъ относительно почти такъ же часты, какъ вообще при промышленной работѣ. Онъ на зиму возвращается домой, гдѣ находитъ готовый хлѣбъ и готовое хозяйство, или онъ живетъ въ деревнѣ при самомъ промыслѣ, гдѣ бы онъ зимой умеръ съ голоду или отъ недостатка квартиры и одежды, еслибы онъ не имѣлъ своего хозяйства. Онъ можетъ жить только въ своемъ дому, долженъ имѣть огородъ, посѣвъ и скотъ. Жена его должна обставить все это, напр. косить и убирать для скота сѣно и влачить притомъ самое жалкое существованіе для того, чтобы дать своему мужу возможность вести не менѣе жалкую жизнь. Такое положеніе женщины въ промышленныхъ губерніяхъ составляетъ, можетъ быть, одну изъ главныхъ причинъ, почему тамъ такая неблагопріятная смертность, что губерніи эти занимаютъ самыя жалкія и послѣднія мѣста между губерніями Россіи. Какъ отражается такое положеніе на ихъ дѣтяхъ, достаточно видно изъ того, что мужъ никогда не затрудняется посылать свою беременную жену на тяжелую работу, какъ бы ни была велика для нея опасность родить преждевременно. Капиталисты, нуждающіеся въ дѣтскомъ трудѣ, никогда не встрѣчаютъ недостатка въ родителяхъ, готовыхъ отдать имъ въ кабалу своихъ дѣтей, несмотря на то, что дѣтямъ этимъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ приходится работать болѣе четырнадцати часовъ въ сутки, иногда все это время проводить на ногахъ, не осмѣливаясь присѣсть ни на одну минуту, и заниматься даже ночной работой.

Случается, что привѣтомъ дѣти не получаютъ другой пищи кромѣ чернаго хлѣба. Подвигаясь изъ самыхъ бѣдныхъ и глухихъ земледѣльческихъ мѣстностей къ самымъ цивилизованнымъ и богатымъ промышленнымъ селеніямъ, едва замѣчаешь движеніе къ лучшему; убѣждаешься вездѣ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что всякое улучшеніе тутъ дѣлается возможнымъ только тогда, когда рабочій достигаетъ благосостоянія, и, наоборотъ, увеличеніе благосостоянія неизбѣжно влечетъ за собою улучшеніе въ семейныхъ отношеніяхъ. Бѣдные крестьяне во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ частяхъ Россіи ведутъ себя одинаково, они женятся немедленно по достиженіи совершеннаго возраста и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, и въ деревняхъ близъ самыхъ оживленныхъ центровъ промышленности. Въ селеніяхъ, гдѣ работникъ достигъ первой степени благосостоянія, является и первое препятствіе—это вопросъ о приданомъ. Женихъ ищетъ невѣсту съ приданымъ, дѣвушка не можетъ найти жениха, если у нея нѣтъ приданаго. Достоинства женщины, въ особенности красота, впервые получаютъ значеніе; красивая дѣвушка находитъ себѣ завиднаго жениха, несмотря на то, что она бѣдна; мало этого, женихъ избавляетъ ея родителей отъ свадебныхъ издержекъ. Женихъ, который заискиваетъ благосклонность своей невѣсты, уже рѣже будетъ суровымъ мужемъ. Дѣвушка, которая не можетъ плѣнить красотою, старается плѣнить своимъ поведеніемъ—и въ первый разъ является неприступная добродѣтель. Если богатый беретъ невѣсту безъ приданаго, то съ другой стороны бѣдный и красивый крестьянинъ вступаетъ иногда на путь благосостоянія съ помощью богатой, но уродливой невѣсты. Обыкновенное приданое состоитъ исключительно изъ платьевъ и женскихъ вещей, но богатая невѣста приноситъ съ собою домашнюю утварь, самоваръ, скотъ и деньги. Развитію прекрасныхъ свойствъ человѣческой натуры не суждено являться на сценѣ жизни безъ борьбы и вдругъ. Новыя прекрасныя чувства, порождаемыя началомъ свободы, завязаютъ въ грязномъ болотѣ, порожденномъ рабскимъ растлѣніемъ. Мужъ, женившійся по любви и склонности, забываетъ свои чувства среди всеобщихъ обычаевъ суроваго деспотизма. Дѣвушки, для которыхъ выходить замужъ поневолѣ—неизбѣжная судьба и желѣзная необходимость, составляютъ себѣ весьма не заманчивый идеалъ счастья: жить въ дѣтствѣ, имѣть любовниковъ и не родить, вотъ что̀ кажется для нихъ верхомъ блаженства. Этотъ идеалъ, котораго существованіе приноситъ за собою для дѣвушки такія великія тягости и страданія, осуществляется однакоже несчастными при первой возможности: зажиточная дѣвушка пользуется своимъ положеніемъ, чтобы въ молодости предаваться своимъ страстямъ, а когда красота ея отцвѣтетъ, когда никто не способенъ болѣе плѣняться ею, лѣтъ въ тридцать или даже въ сорокъ, она ищетъ себѣ мужа и находитъ или вдовца съ семействомъ или человѣка, который плѣнится на ея добро. И въ томъ и въ другомъ случаѣ судьба ея обыкновенно самая жалкая: на другой день послѣ брака интересъ заискивать ея расположеніе исчезъ, и мужъ, который не можетъ питать къ ней и тѣни уваженія, жестокими побоями мститъ ей за то, что онъ вынужденъ былъ пріобрѣсти такую противную жену для достиженія

своихъ цѣлей. Нравственность медленно и лишь послѣ многихъ колебаній водворяется въ той сферѣ рабочаго класса, гдѣ развившееся благосостояніе даетъ къ тому возможность, и въ тоже время классъ этотъ заражаетъ жалкою безнравственностью тѣ классы, которые ниже его. Подобное жалкое явленіе мы видимъ во Владимірской губерніи; если сравнить эту губернію съ Нижегородскою, то мы видимъ въ ней (въ 1863 г.) меньшій перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами, несравненно большее количество браковъ, меньшее количество солдатокъ относительно населенія, втрое менѣе войска—и несмотря на это несравненно бо́льшее число незаконнорожденныхъ; это должно быть приписано исключительно большому числу богатыхъ людей и богатыхъ рабочихъ и большому числу женщинъ, живущихъ на фабрикахъ; при жалкомъ и бѣдственномъ своемъ положеніи онѣ въ слишкомъ раннемъ возрастѣ увлекаются на путь разврата. †) Когда насталъ день освобожденія, радость крестьянскихъ дѣвушекъ была безгранична: пришелъ конецъ варварскимъ обычаямъ русскихъ рабовладѣльцевъ, теперь помѣщикъ не можетъ болѣе принуждать дѣвушку выходить немедленно замужъ за кого попало, за вдовца, за нищаго или за идіота и брать выкупъ съ тѣхъ, которыя хотятъ освободиться; теперь ихъ воля, онѣ поступаютъ какъ хотятъ; но увы, какъ велико было ихъ разочарованіе, когда онѣ скоро замѣтили, что на мѣсто стараго рабовладѣльца явился другой неменѣе суровый господинъ, это бѣдность, низкіе заработки, оброки и сборы. Счастье, которое выпало имъ на долю, ограничивалось почти исключительно тѣмъ, что никто не могъ теперь требовать съ нихъ выкупа и вдовцамъ стало нѣсколько труднѣе отыскивать себѣ женъ. Такая судьба постигла ихъ нетолько въ степныхъ, но и въ про-

---

†) Вотъ число браковъ въ Россіи относительно населенія:

Губерніи, гдѣ было всего менѣе браковъ въ 1863 г.	на одинъ бракъ приходилось жителей	Губерніи, гдѣ было всего болѣе браковъ въ 1863 г.	на одинъ бракъ приходилось жителей
1. Архангельская	152	1. Владимірская	91
2. Астраханская	144	2. Воронежская	95
3. Бессарабская	109	3. З. Войска Донск.	99
4. Вологодская	158	4. Екатеринославская	103
5. Костромская	121	5. Казанская	99
6. Московская	121	6. Калужская	101
7. Новгородская	138	7. Курская	98
8. Олонецкая	129	8. Нижегородская	105
9. Пермская	123	9. Оренбургская	87
10. Полтавская	112	10. Орловская	90
11. Псковская	108	11. Пензенская	80
12. Петербургская	125	12. Рязанская	93
13. Таврическая	118	13. Самарская	91
14. Тверская	120	14. Саратовская	100
15. Харьковская	107	15. Симбирская	92
16. Херсонская	113	16. Смоленская	100
17. Черниговская	114	17. Тамбовская	99
18. Ярославская	128	18. Тульская	85

мышленныхъ губерніяхъ; если сравнить число браковъ, которое было въ Нижегородской губерніи за послѣдніе три года до освобожденія, съ тѣмъ, которое имѣло мѣсто въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ освобожденія, то могло бы показаться, что число этихъ браковъ съ освобожденіемъ увеличилось, и это наблюденіе уравновѣшивается только тѣмъ, что максимумъ браковъ былъ въ 1861 и число ихъ потомъ съ каждымъ годомъ уменьшалось точно также, какъ оно прежде возрастало. Въ Ярославской губерніи число браковъ также не уменьшилось †).

Мы видѣли, какова въ промышленныхъ губерніяхъ горькая судьба крестьянина, имѣющаго землю и надѣлъ; посмотримъ теперь, какъ въ нихъ живетъ русскій пролетарій, мѣщанинъ русскихъ городовъ. Стоитъ одинъ разъ изъ деревни заѣхать въ городъ, чтобы понять все величіе города и все ничтожество деревни. Даже самый ничтожный городъ, и тотъ несравненно лучше громаднаго большинства деревень. Если же посмотрѣть на такіе города, какъ Казань или Ярославль, то эффектъ будетъ поразительный: сплошной рядъ высокихъ каменныхъ домовъ тянется до самаго угла улицы, безъ всякаго перерыву, передъ ними щегольскіе фонари и широкій каменный тротуаръ; надъ двухъ-аршинными зеркальными стеклами красуются роскошныя вывѣски. Какіе это счастливцы живутъ въ этихъ палатахъ? Вотъ изъ нихъ вышелъ какой-то великолѣпно одѣтый баринъ, волосы его припомажены и расчесаны съ удивительнымъ искусствомъ, ослѣпительный блескъ его бѣлья невыно-

---

†) Въ Нижегородской губерніи въ 1858 г. приходился одинъ бракъ на 124 жителя, въ 1859 г. 1 на 109, въ 1860 г. 1 на 107, а послѣ освобожденія въ 1861 г. 1 на 98, въ 1862 г. 1 на 101, а въ 1863 г. 1 на 105.

Въ Ярославской губерніи съ 1838 г. приходилось браковъ:

	1 бракъ на		1 бракъ на	
въ 1838 году	117 жителей,	въ 1848 году	96 жителей.	После освобожденія.
— 1839 —	108 —	— 1849 —	102 —	1 бракъ на
— 1840 —	114 —	— 1850 —	99 —	въ 1861 году 109 жителей
— 1841 —	132 —	— 1851 —	118 —	— 1863 — 128 —
— 1842 —	118 —	— 1852 —	123 —	
— 1843 —	117 —	— 1853 —	112 —	
— 1844 —	120 —	— 1854 —	117 —	
— 1845 —	114 —	— 1855 —	175 —	
— 1846 —	124 —	— 1856 —	119 —	
— 1847 —	119 —	— 1857 —	132 —	

Мы видѣли выше, что въ Англіи въ числѣ взрослыхъ мужчинъ двѣ пятыхъ холостяковъ, въ Ярославской губерніи, въ которой было менѣе браковъ, чѣмъ въ большей части Россіи, на 100 совершеннолѣтнихъ холостяковъ приходилось 644 женатыхъ; число холостяковъ почти равнялось числу мужчинъ отъ 21 до 25 лѣтъ; если изъ нихъ вычесть число монаховъ и солдатъ, то число прочихъ холостяковъ будетъ совершенно ничтожно.

синъ для моихъ глазъ, платье сидитъ на немъ такъ превосходно, что я не могу надивиться, какъ портной изъ такого матерьяла какъ сукно могъ выкроить такую изящную фигуру. Пальцемъ самой нѣжной бѣлизны онъ небрежно играетъ золотой цѣпочкой своихъ часовъ. Представьте себѣ, какъ долженъ подобный эффектный видъ поразить наивнаго крестьянина, какъ подойти къ такой изящной особѣ, какъ спросить его, кто онъ таковъ? Крестьянинъ на это конечно не рѣшится, хотя любопытство его будетъ въ высшей степени возбуждено; съ этимъ вопросомъ онъ обратится къ человѣку несравненно болѣе скромнаго вида. «Этотъ человѣкъ, здѣшній мѣщанинъ, прикащикъ такой-то», получитъ онъ въ отвѣтъ, и въ отвѣтѣ будетъ звучать столько высокомѣрнаго презрѣнія, что эффектная особа разомъ рухнетъ въ глазахъ крестьянина съ неизмѣримой высоты. Но кто же этотъ заносчивый гордецъ, котораго скромная наружность такъ мало соотвѣтствуетъ его высокому понятію о своей особѣ? Это тоже мѣщанинъ, онъ съ такимъ безконечнымъ презрѣніемъ отнесся о своемъ согражданинѣ потому, что онъ имѣетъ двухъ-этажный каменный домъ. Теперь вы читатель понимаете, что мы будемъ имѣть дѣло не съ какими-нибудь несчастными оборванцами, которыхъ замучило весеннее голоданіе, а съ богатыми мѣщанами, которые имѣютъ каменные двухъ-этажные дома, носятъ изящные проборы и золотые цѣпочки. Не угодно ли вамъ посѣтить одного изъ знакомыхъ мнѣ мѣщанъ? Въ сѣняхъ, по чистому ковру, вы подходите къ двери, обитой клеенкой и блестящими мѣдными гвоздями, въ передней, оклеенной обоями, вы находите поразительную чистоту, въ залѣ, которая имѣетъ пять оконъ въ одинъ рядъ, вы встрѣчаете цвѣты, въ изобилiи мебель на пружинахъ, вещи дорогія, какія можно встрѣтить только въ купеческихъ домахъ, напр. металлическій столъ, который ничто иное, какъ огромный металлическій подносъ, поставленный на такія же ножки. Въ каждой вещи вы видите, что хозяинъ не имѣлъ нужды гоняться за копѣйкой, но что онъ имѣетъ большую слабость къ солидному. Самъ онъ одѣтъ такъ, какъ одѣваются всѣ люди образованнаго общества, но онъ не поразитъ васъ ни своимъ проборомъ, ни щегольскимъ покроемъ своего платья, но въ женѣ его вы тотчасъ замѣтите и наклонность и возможность одѣваться роскошно. Любовь къ солидности въ этомъ слоѣ мѣщанъ точно такъ же велика, какъ любовь къ эффектному въ мѣщанахъ прикащикахъ, живущихъ на жалованьи. На подобномъ мѣщанинѣ купленная непремѣнно по дешевой цѣнѣ пятидесятирублевая шуба кажется десятирублевою, между тѣмъ какъ на щеголѣ чиновникѣ шуба несравненно меньшаго достоинства покажется иному двухсотрублевою. Онъ въ своемъ дорогомъ костюмѣ такъ мало отличается отъ крестьянина, что хлыщъ чиновникъ, который ѣстъ печенки съ чернымъ хлѣбомъ, обращается къ нему съ высокомѣрнымъ «ты». Точно также скрываетъ онъ и умственныя свои силы: несмотря на болѣе солидное и правильное пониманіе дѣла, онъ не внушаетъ уваженія къ своимъ сужденіямъ; вездѣ я встрѣчалъ административныхъ чиновниковъ, которые горько жаловались на отсутствіе между мѣщанами сочувствія къ ихъ административнымъ планамъ и высокимъ цѣлямъ, вездѣ видѣлъ въ нихъ наклонность достигнуть своей цѣли силою и

приказаніемъ, и вездѣ находилъ, что мѣщане были несравненно болѣе правы и обнаруживали болѣе глубокаго и правильнаго сужденія. Любовь къ солидному переходитъ въ нихъ иногда въ такое отсутствіе любви къ комфорту и удобствамъ жизни, что я съ удивленіемъ встрѣчалъ мѣщанъ, которыхъ доходы, по образу ихъ жизни, я оцѣнивалъ рублей въ триста или въ пятьсотъ и которые получали въ годъ до пятнадцати тысячъ, и въ томъ числѣ людей до крайности добродушныхъ и менѣе всего скупыхъ. Наблюдая такія явленія, невольно подумаешь, что въ мѣщанскомъ быту много скрывается богатства и благосостоянія, которое незамѣтно снаружи. Болѣе тщательное наблюденіе тотчасъ же приведетъ васъ и къ другой сторонѣ медали: въ жаркій іюльскій день—невыносимая пыль и духота среди каменныхъ палатъ, каменныхъ тротуаровъ и тщательно содержимой мостовой богатаго города,—какъ несчастны люди, которые обречены судьбою жить среди этого удушающаго величія! Я бѣгу оттуда и отправляюсь искать болѣе счастливыхъ смертныхъ. Исчезъ каменный тротуаръ, зданія не представляютъ болѣе сплошную каменную массу, я начинаю чувствовать отсутствіе тѣсноты, мостовая плоше, съ дырами и ямами, мѣстами на ней лежатъ пластомъ груды пыли, ихъ объѣзжаютъ и ѣдутъ въ пыли по сторонамъ. Вотъ и немощеная площадь, кругомъ она обнесена деревянными домами, въ серединѣ церковь,—все это имѣетъ уже сельскій видъ, только изрѣдка большой каменный домъ, обнесенный садами, напоминаетъ городское величіе. Далѣе передо мною широкая улица и справа и слѣва рядъ низкихъ деревянныхъ домовъ въ два, три и рѣдко пять оконъ. Между отрадной зеленью вьется по улицѣ узкая пыльная дорога, и скосясь призадумалась надъ нею береза. Куры бродятъ по улицѣ и свинья флегматически щиплетъ траву. Отрадно сдѣлается на душѣ и вздохнувъ свободно я иду далѣе. Лишь только я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по зелени, меня поражаетъ отвратительный запахъ падали. Я прошелъ тридцать саженъ и самымъ убѣдительнымъ образомъ доказалъ себѣ, что я не въ деревнѣ, со всѣхъ сторонъ несло гніющими нечистотами и разной заразой. Бѣдные люди, подумалъ я; со всего города свозятъ къ нимъ нечистоту и дрянь, и они должны дышать ихъ испареніями въ своихъ узкихъ и низкихъ жилищахъ. Я подумалъ, что бы сказали обладатели дворцовъ въ центрѣ города, еслибы ихъ обсыпали такимъ же образомъ, еслибы всѣ эти міазмы понеслись въ ихъ высокія палаты, гдѣ онѣ конечно несравненно менѣе заразили бы воздухъ, чѣмъ въ узкомъ и тѣсномъ жилищѣ бѣдняка? Я иду далѣе, но уже не изъ удовольствія, а изъ любопытства. Въ воздухѣ начинается тяжелая, удушливая сырость, какъ будтобы я зарылся въ болотную гниль. Пыли нѣтъ болѣе, кочки, грязь и глубокія колеи. Сапоги мои запачканы въ грязи, платье тоже, нужно не мало мужества, чтобы продолжать путь безъ глубокихъ калошъ и безъ палки. Берутъ приступомъ пушки, неужели же и я отступлю передъ грязью! Въ одномъ мѣстѣ я завязилъ ногу такъ, что сапогъ началъ скидаться; къ усиліямъ ногъ я долженъ былъ прибавить работу рукъ. Однакоже я саженъ сорокъ такой дороги отвоевалъ съ непобѣдимымъ упорствомъ; но тутъ меня постигла такая катастрофа, что я окончательно растерялся. Передо мною стояла зацвѣт-

шая зеленою пленою лужа. Она была саженъ десять въ длину и съ обѣихъ сторонъ шире улицы. Воздухъ былъ такой сырой и затхлый, что я дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ лихорадки. Безчисленное множество насѣкомыхъ облѣпило мнѣ лицо и руки; три отвратительныя лягушки высунули грязныя морды изъ болота и дразнили меня своимъ кваканьемъ. Въ эту минуту я вспомнилъ изъ Иліады, какъ Ахиллесъ боролся съ препятствіями природы приступая къ Троѣ, и рѣшился не останавливаться ни передъ какими препятствіями пока во мнѣ бьется сердце. Такая геройская рѣшимость была вовсе не лишняя въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился, потому что мнѣ пришлось или лѣзть на плетень или утонуть въ грязной лужѣ, черезъ которую я переходилъ. Сдѣлавъ первый шагъ по плетню, я замѣтилъ, что я уже имѣлъ предшественниковъ; я заключилъ даже, что всѣ, кому пѣшкомъ приходилось идти по этой улицѣ, ходили тою же дорогой. Я поднялся такъ высоко, что могъ уже глядѣть черезъ плетень. За плетнемъ продолжалась лужа, покрытая густою плѣсенью, она кончалась у самыхъ оконъ полусгнившаго домика въ два окна. Подавшійся впередъ этотъ домикъ подпирался двумя обрубками вершинника. Въ домикѣ этомъ, по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ не было никакой возможности помѣстить одинъ этажъ, но каково же было мое удивленіе, когда я надъ самой плѣсенью лужи замѣтилъ двѣ щели, каждая была четверти двѣ длиною и два вершка вышины; изъ этихъ щелей выглядывали четыре дѣтскихъ глаза. Къ несчастью подобныя щели были мнѣ слишкомъ знакомы. Я былъ на разстояніи, по крайней мѣрѣ, сажени надъ плѣсенью лужи и меня била лихорадка; затхлый запахъ и міазмы дотого душили меня, что я совершенно ослабѣлъ, и мнѣ казалось, что если я не буду употреблять всѣ возможныя усилія, чтобы поддержать бодрость своихъ нервовъ, то упаду въ обморокъ. Я представилъ себѣ, въ какомъ состояніи долженъ былъ быть человѣкъ, который дышалъ надъ самою поверхностью лужи, посмотрѣлъ на щели и подумалъ: «неужели здѣсь живутъ люди?» Дѣйствительно я нашелъ тропинку, которая вела къ этому жалкому подвалу. Еслибы человѣка, незнакомаго съ жилищемъ русскаго рабочаго, подвести къ подобной дырѣ и сказать ему, что тутъ живутъ, онъ бы встрѣтилъ подобную рѣчь съ упорнымъ скептицизмомъ; несмотря на всѣ убѣжденія онъ остался бы въ полной увѣренности, что это пустой и покинутый подвалъ. Всякому здравому человѣку было ясно, что тутъ нетолько нельзя помѣстить человѣка, но и положить вещи, потому что всякая вещь неминуемо должна была покрыться плѣсенью. Въ этой черной, сырой заплѣснѣвѣлой дырѣ жило однакоже цѣлое семейство; мало этого, его и изъ этой дыры выгоняли, потому что оно не могло платить за квартиру. Отецъ этого семейства могъ быть меньше всего негоднымъ работникомъ, это былъ довольно искусный сапожникъ, мать была прачка. По несчастью отецъ занемогъ ревматизмомъ и у него распухли ноги, онъ не могъ ни ходить, ни работать, мать имѣла грудного ребенка, ее не брали по этому случаю ни въ прачки, ни въ поденщицы, и она имѣла такъ мало работы, что семейство должно было помогать себѣ нищенствомъ. Помощь эта была такъ мало дѣйствительна, что семейству трудно было удержаться и на

такой квартирѣ. Каковы были шансы выздоровленія для отца и благополучія для семейства!

Вотъ положеніе русскаго пролетарія, вотъ судьба, съ которой можетъ встрѣтиться даже ловкій и усердный работникъ, обладающій спеціальнымъ знаніемъ. Какъ бы ни былъ бѣденъ крестьянинъ, но онъ имѣетъ несравненно меньше шансовъ дойти до отчаяннаго положенія, чѣмъ мѣщанинъ. Часто онъ живетъ въ составѣ большаго семейства, и во время продолжительной болѣзни другіе члены поддерживаютъ его. Даже если онъ съ женою и дѣтьми живетъ отдѣльно, онъ имѣетъ свой домъ и землю, никто не выброситъ его изъ квартиры на улицу, и жена, хотя плохо, а все-таки можетъ поддержать его хозяйство. Къ несчастью у насъ есть люди, которые позавидовали и этому жалкому преимуществу крестьянина: они хотятъ повсемѣстнаго распространенія у насъ поземельной собственности, они хотятъ обратить крестьянина, посредствомъ искусственнаго учрежденія, въ такого же несчастнаго пролетарія, какимъ мы видимъ мѣщанина. Сознаніе опасности своего положенія вполнѣ присуще русскому мѣщанину. Онъ знаетъ, что надъ его головою дамокловъ мечъ, что онъ постоянно долженъ ожидать, что онъ больной и разслабленный будетъ выброшенъ на улицу безъ хлѣба, безъ крова и съ большимъ семействомъ. При первой возможности онъ стремится пріобрѣсти для себя домъ, по крайней мѣрѣ тогда въ случаѣ бѣды его никто не выгонитъ на улицу. Для пріобрѣтенія такого дома мѣщанское семейство способно налагать на себя нечеловѣческія усилія и лишенія. Заработная плата такъ низка, что простому, даже искусному наемному работнику невозможно скопить столько, чтобы купить себѣ домъ. По крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстно ни одного подобнаго случая. Возможность подобной экономіи представляется для мелочнаго торговца, въ особенности если онъ занимается поставками, для прикащиковъ, сидѣльцевъ въ кабакахъ, для ремесленниковъ, занимающихся ремесломъ самостоятельно. Работникъ же долженъ имѣть особый случай, чтобы скопить что-нибудь. Онъ долженъ быть или мастеромъ, который дорого цѣнится, или составителемъ артели, въ Пермской губерніи, въ счастливый часъ попасть золотнишникомъ на богатый золотой промыселъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣть такую работу, какъ огородникъ и садовникъ въ большихъ садахъ и на большихъ огородахъ промышленной и южной Россіи или какъ старшій дворникъ въ Петербургѣ. Интересно слѣдить за исторіей трудовъ и лишеній мѣщанскаго семейства, добивающагося дома. Съ помощью счастья, экономіи и усилій семейству удалось скопить столько, сколько нужно, чтобы пріобрѣсти себѣ мѣсто. Эта сумма, можетъ быть, не составляетъ и пятой части того, что нужно, чтобы выстроить домъ. Между тѣмъ отецъ семейства успѣлъ уже дожить до сорока лѣтъ, прежде чѣмъ онъ скопилъ эту сумму, и все это время онъ, ради экономіи, питался чернымъ хлѣбомъ и пустыми щами, одѣвался самымъ жалкимъ образомъ, переносилъ всевозможные упреки за скупость и, въ минуты нравственнаго униженія, тысячу разъ утѣшалъ себя мыслью: «у меня будетъ домъ, я буду хозяинъ, — хоть маленькій хозяинъ, а все-таки хозяинъ.» Перейти изъ сословія бездомныхъ наемниковъ въ сословіе хозяевъ казалось

ему все равно, что переродиться; это все равно, если бы какая-нибудь несчастная кляча, которою всякій помыкаетъ и которая можетъ ѣсть только тогда, когда ей дадутъ и позволятъ, вдругъ переродилась человѣкомъ, который самъ помыкаетъ всякаго рода клячами,—какъ бы она должна была чувствовать себя счастливою и чего бы она не сдѣлала для того, чтобы достигнуть этой цѣли! Послѣ этого не трудно понять нетерпѣнія, съ которымъ бѣдный мѣщанинъ дожидается той минуты, когда онъ можетъ приступить къ покупкѣ или постройкѣ дома; легко себѣ вообразить, съ какою жадностью онъ кидается на первый представляющійся ему случай дополнить экономію кредитомъ и какъ пользуются этимъ капиталисты при данномъ состояніи кредита въ Россіи. Съ неописанной радостью принесетъ мѣщанинъ заемныя деньги въ свое семейство и приступитъ къ постройкѣ; можетъ быть у него и не будетъ предчувствія того, сколько слезъ и проклятій эти деньги будутъ стоить его семейству. Лѣтъ черезъ десять или двадцать, когда ему удастся сосредоточить свой долгъ въ какомъ-нибудь кредитномъ учрежденіи, онъ не будетъ въ состояніи вспомнить объ нихъ безъ скрежета зубовнаго. «Десять лѣтъ—говорило мнѣ одно мѣщанское семейство про своего кредитора—мы служили ему какъ послѣдніе рабы. Не ѣшь, не пей, а ему процентики принеси. Мы ему переплатили вдвое противъ того, что домъ этотъ стоитъ. Десять лѣтъ, кромѣ хлѣба и пустыхъ щей мы другой пищи не видали. Въ свѣтлый праздникъ, «пасхи» себѣ не сдѣлаемъ, мяса не купимъ, а ему денежки снесемъ; дѣти плачутъ, сами плачемъ, что будешь дѣлать. Какъ снесли ему послѣднія денежки, въ первый разъ радость увидали съ тѣхъ поръ, какъ домъ этотъ застроили.» Радость эта была почти такая же обманчивая, какъ радость въ день займа. Частный долгъ сошелъ съ плечъ, а долгъ кредитному учрежденію остался. Уплата всѣхъ этихъ долговъ длится иной разъ лѣтъ тридцать, сорокъ и больше, и все это время желѣзная рука экономіи лежитъ на несчастномъ мѣщанинѣ: онъ не доѣдаетъ, не допиваетъ, простужается отъ плохой одежды; а расплатится съ долгами, тогда скоро придетъ время расплатиться ему съ жизнью и ему больше ничего не надо. Я видѣлъ домъ, который успѣлъ сгнить и началъ разваливаться прежде, чѣмъ хозяинъ успѣлъ уплатить сдѣланные для его постройки долги. Стоило ли влачить долгую, трудную жизнь, жизнь полную страданій и отчаянія, для одной спокойной минуты — чтобы спокойно умереть? Можетъ быть и не стоило, потому что и эта минута не спокойная. Застраховать свой домъ для него слишкомъ дорого, страховая премія равнялась бы половинѣ дохода съ дома; изъ числа 13,305 деревянныхъ домовъ въ городахъ Нижегородской губерніи было застраховано всего 267 домовъ. Между тѣмъ приблизительно въ теченіе пятидесяти лѣтъ сгораютъ всѣ дома губерніи: если онъ въ теченіе долголѣтняго платежа долговъ избѣгнулъ этой участи, то она вѣроятно грозитъ его наслѣдникамъ. Не понятно ли послѣ этого, если у мѣщанина и его семейства въ минуту пожара опускаются руки и пропадаетъ энергія отъ ужаса, если они, вмѣсто того, чтобы спасать свое добро, стоятъ неподвижно и только крестятся; цѣлая жизнь перенесенныхъ безплодно страданій прильнетъ къ ихъ сердцу!

Усилія сдѣланы, препятствія побѣждены, наступаетъ время наслажденія пріобрѣтеннымъ добромъ. Вотъ нѣкоторыя черты изъ этихъ наслажденій. Въ Казани напр. около половины всѣхъ мѣщанскихъ домовъ затопляется каждую весну водою. Я самъ тамъ не разъ разъѣзжалъ на лодкѣ по многочисленнымъ затопленнымъ улицамъ и видалъ, какъ прямо изъ лодокъ подавали вещи во вторые этажи и на чердаки. Въ Ярославлѣ подобному затопленію подвергаются также цѣлыя части города. Въ Астрахани Дума тратитъ каждый годъ тридцать тысячъ, чтобы избавлять городъ отъ наводненій, и дѣйствительно каменные дома, устроенные по берегу Волги, избавлены отъ этой бѣды, а жалкіе деревянные домики на концѣ города затопляются такъ же, какъ и въ другихъ городахъ; обитателямъ этихъ несчастныхъ хижинъ приходится выбираться на чердаки и ѣздить черезъ дворъ на лодкѣ. Въ теченіе зимы ихъ измучили угары, сырость и холодъ вслѣдствіе недостатка топлива, а весною и лѣтомъ имъ приходится спасаться отъ наводненія; только въ концѣ іюля или началѣ августа они могутъ успокоиться незавидным покоемъ въ жилищѣ, простоявшемъ два мѣсяца подъ водою. Такія пріятности не составляютъ особенности большихъ городовъ: малымъ городамъ достается не меньше. Вотъ какъ въ Памятной книжкѣ Нижегородской губерніи за 1865 г. описывается городъ Макарьевъ: «Городъ Макарьевъ расположенъ на берегу р. Волги, на луговой ея сторонѣ; въ весеннее полноводье онъ потопляется водою, такъ что при огромномъ разлитіи у одно-этажныхъ домовъ видны бываютъ одни крыши, а у двухъ-этажныхъ только верхніе этажи. Въ это время жители принуждены жить на чердакахъ, а скотъ помѣщать на временно-устроенныхъ плотахъ. Такъ какъ бѣдному мѣщанину весьма трудно строить домъ, то дома строятся съ большимъ разсчетомъ на дешевизну, иногда изъ дурнаго и сыраго лѣса, и поддерживаются они такъ долго, какъ только возможно. Мѣщанинъ чинитъ домъ какъ сапоги и штопаетъ какъ платье. Въ отдаленныхъ частяхъ города можно видѣть эти зачиненные и заштопанные дома, гдѣ заплаты успѣли точно также одряхлѣть, какъ и первоначальная постройка. Покупаются одно или два бревна, распиливаются на шесть или на восемь частей, и вставляется часть угла, въ которой замѣчается особенная ветхость. Въ домахъ, построенныхъ такимъ образомъ, даже на удобныхъ и сухихъ мѣстахъ, сыро и холодно и дуетъ сквозь стѣны какъ у средневѣковыхъ построекъ. Если семейству, привыкшему жить въ обыкновенныхъ нашихъ городскихъ постройкахъ, придется помѣститься въ подобной квартирѣ, то съ первыхъ дней, даже при самой лучшей топкѣ, члены семейства будутъ чувствовать головную боль, постоянное нездоровье и тягость, а въ теченіе мѣсяца непремѣнно всѣ до одного сдѣлаются больными. Это на сухихъ и удобныхъ мѣстахъ; послѣ того можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находятся обладатели домовъ, затопляемыхъ водою. Есть дома, въ которыхъ каждый годъ умираетъ непремѣнно, по крайней мѣрѣ, одинъ человѣкъ; нѣкоторые пріобрѣтаютъ извѣстность своей убійственной силою, и она приписывается сверхъестественнымъ причинамъ. Мѣщанское семейство, которое неудачно купило домъ и замѣчаетъ гибельное его вліяніе на свое здоровье, однакоже ни за что не выѣдетъ изъ

него и не можетъ выѣхать по бѣдности, — оно ляжетъ тутъ костьми. Несмотря на громадность усилій, которыя необходимы для мѣщанина, чтобы пріобрѣсти себѣ домъ, домъ этотъ иногда нетолько не улучшаетъ, но ухудшаетъ бытъ семейства. Бѣдный мелочной торговецъ или ремесленникъ, одушевленный желаніемъ имѣть свой собственный уголъ, строитъ, на чужой землѣ и отчасти въ долгъ, жалкую избенку изъ платы, напр. по одному рублю въ годъ. Всю жизнь свою онъ помѣщается въ этой убогой избенкѣ, и столько переплатитъ процентовъ при возвратѣ заемнаго капитала, что могъ бы жить несравненно лучше, еслибы не строилъ дома и имѣлъ наемную квартиру; послѣ же его смерти домъ этотъ порождаетъ въ средѣ его семейства распри и интриги. Мѣщанинъ съ большими средствами, который пріобрѣтетъ уже не избенку, а домъ, нерѣдко кончаетъ тѣмъ, что большую часть своей жизни проведетъ въ подвальномъ этажѣ этого дома, въ томъ подвальномъ этажѣ, построенномъ подъ землею, у котораго окна въ два или три вершка высоты и полтора аршина длины, въ подвальномъ этажѣ, приготовленномъ, можетъ быть, имъ же самимъ для тѣхъ бѣдняковъ, къ которымъ онъ пересталъ себя причислять, для тѣхъ несчастныхъ, выйти изъ среды которыхъ онъ поставилъ себѣ цѣлью жизни, исполненной трудовъ и лишеній. Тягость уплаты большихъ процентовъ и необходимость погашать свой долгъ загонятъ его опять въ тѣ же норы, изъ которыхъ онъ такъ пламенно мечталъ выйти. Онъ помѣстится или въ своемъ подвальномъ этажѣ или въ какомъ-нибудь жалкомъ углу, вродѣ чулана, около кухни, гдѣ размѣстившись спать съ своимъ семействомъ онъ займетъ весь полъ и всю нару и не оставитъ даже достаточно мѣста, чтобы свободно можно было отворять и затворять дверь. Тяжелый, удушливый запахъ, мрачный и грязный видъ никогда не будутъ оставлять этого жалкаго помѣщенія, совершенно недостаточнаго даже для стойла коровы или лошади, нетолько для человѣческаго жилища. Если, съ помощью счастливаго и выгоднаго труда, ему удастся избѣгнуть подобной участи, то участь эта непремѣнно постигнетъ его осиротѣвшее семейство, если въ немъ не окажется мужчины работника столь же счастливаго и согласнаго его поддерживать. Въ городахъ, гдѣ временно скопляется большое число рабочихъ, мѣщанинъ, обременившій себя долгами при покупкѣ дома, вынужденъ давать имъ у себя пріютъ, для поправленія своихъ дѣлъ и для исполненія своихъ обязательствъ. Можно ли на кругломъ бѣломъ свѣтѣ найти человѣка, котораго самыя насущныя потребности были бы менѣе удовлетворительны, чѣмъ у нашего крестьянина, отправляющагося на заработки? Въ то время, какъ подобные работники тысячами погибаютъ отъ нужды и лишеній, наши высшія сословія только и толкуютъ о ихъ чрезмѣрномъ будтобы пьянствѣ. Подобно птицамъ, собравшимся на зимовникѣ, рабочіе, столпившіеся на пристаняхъ въ городѣ, вродѣ Рыбинска, обращаютъ берегъ въ ретирадное мѣсто и производятъ этимъ зловоніе, заражающее воздухъ окрестностей. Ихъ ночное помѣщеніе хуже норы животнаго или конуры собаки; животное въ берлогѣ часто вполнѣ защищено отъ непогоды, а у работника нерѣдко ноги остаются на воздухѣ, смачиваются дождемъ и продуваются вѣтромъ. Послѣ этого можно себѣ

представить, въ какомъ положеніи должно очутиться семейство мѣщанина, принимающаго въ себѣ рабочихъ, которые способны платить только чрезвычайно мало и готовы жить хуже, чѣмъ живутъ птицы и звѣри лѣсные. Въ квартирѣ, въ которую ихъ пускаютъ, они наполнятъ всѣ углы, ихъ помѣстится столько, сколько только могутъ спать на полу, на лавкахъ, на печи и пр.; жизнь, въ такой тѣснотѣ, спанье въ-свалку гибельно дѣйствуетъ на нравственность сыновей и дочерей хозяина. Дѣло обыкновенно кончается тѣмъ, что сыновья дѣлаются отчаянными лихачами и пьяницами, а дочери обращаются въ любовницъ странствующихъ рабочихъ и бѣгутъ съ ними отъ родителей на дальніе заработки. Иногда онѣ дѣлаются злымъ демономъ оставшагося у рабочаго дома семейства, отвращаютъ его отъ жены и губятъ цѣлую семью ради грубаго разврата и низкаго эгоизма. Въ особенности въ затопляемыхъ наводненіями частяхъ города на долю жаждущаго собственности мѣщанина выпадаетъ иногда такой домъ, который не рѣшатся нанять никакіе другіе жильцы, кромѣ публичныхъ женщинъ. Въ этомъ случаѣ взрослая дочь хозяина подвергнется впечатлѣніямъ, которыя должны лишить ее всякой стыдливости. Растлѣвающее дѣйствіе этихъ примѣровъ съ величайшей легкостью можетъ одолѣть гнилые источники нашей дѣвичьей непорочности, предразсудокъ и гордость. Дѣвушка, которая съ ужасомъ отступила бы передъ убійствомъ, которую никакіе соблазны не могли бы побудить совершить такое страшное преступленіе, смотритъ безъ тѣни ужаса на отношенія, которыя такъ часто имѣютъ своимъ послѣдствіемъ смерть живаго или зарождающагося человѣка, а иногда дѣлаютъ больше, чѣмъ убійство, порождаютъ больнаго, зараженнаго человѣка, котораго жизнь будетъ источникомъ безконечныхъ страданій для него и для другихъ. Еслибы изъ высшаго нашего общества распространялись менѣе туманныя и одичалыя понятія о свойствахъ непорочности, то конечно примѣръ публичныхъ женщинъ былъ бы столь же мало опасенъ для дѣвушки, какъ и примѣръ злодѣя, который на ея глазахъ зарѣзалъ человѣка.

Мудрено ли, если мѣщанинъ прибѣгаетъ къ такимъ героическимъ средствамъ для того, чтобы сдѣлать домъ свой доходнымъ; для пріобрѣтенія этого дома его семейство принесло такія большія жертвы, домъ этотъ служитъ единственнымъ для него обезпеченіемъ въ трудную минуту, когда онъ останется безъ дѣла. Къ несчастью въ подобныя минуты домъ этотъ оказываетъ ему весьма малую подмогу. Я зналъ одного мѣщанина изъ Нижегородской губерніи: человѣкъ этотъ былъ во время откупа сидѣльцемъ въ кабакѣ. На этомъ мѣстѣ онъ нажилъ себѣ порядочный домикъ въ Васильсурскѣ, съ садомъ и съ огородомъ. Когда же съ уничтоженіемъ откупа онъ лишился мѣста, онъ дошелъ до такой крайности, что семейство его измучилось голодомъ и лишеніями; съ отчаянія онъ взялъ мѣсто изъ одного хлѣба, бросилъ свое семейство, надъ которымъ онъ тяготѣлъ, вмѣсто того чтобы ему помогать, и уѣхалъ за тысячи верстъ. Онъ оставался въ полномъ произволѣ человѣка, который его везъ такъ далеко. Этотъ несчастный мѣщанинъ былъ честный и трудолюбивый человѣкъ и никогда не пьянствовалъ. Вотъ судьба самой зажиточной части мѣщанскаго населенія! Такая счастливая доля выпадаетъ не многимъ. Въ Ярославской гу-

берніи считается въ городахъ 87,053 жителя, въ томъ числѣ владѣльцевъ домовъ и недвижимыхъ имуществъ 8,135, т. е. менѣе десятой доли. Въ губерніяхъ Тверской, Владимірской и Нижегородской считается въ городахъ 28,252 владѣльцевъ домовъ и всѣхъ другихъ недвижимыхъ имуществъ, но городское населеніе въ 289,076 человѣкъ: такие только одна десятая населенія владѣетъ домами. Въ числѣ этого городскаго населенія только 147,452 человѣка были мѣщане и 32,163 купца. Между одними купцами было по крайней мѣрѣ до пяти тысячъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ. Кромѣ того въ городахъ жило 27,215 дворянъ и духовныхъ, такъ что за мѣщанами едвали можно считать половину недвижимостей, и три четверти мѣщанъ и мѣщанскихъ семействъ составляютъ чистѣйшихъ пролетаріевъ, которые имѣютъ одно средство къ обезпеченію своего существованія—это свой трудъ и въ минуту невзгоды не имѣютъ куда преклонить голову. Домъ—не поле, имъ жить нельзя; даже мѣщанскому семейству, которое имѣетъ домъ, нужно пріискать трудъ, которымъ бы оно могло существовать; о мѣщанинѣ пролетаріѣ и говорить нечего. Самое выгодное конечно торговать, но торговать выгодно только съ деньгами, а откуда ихъ взять, эти деньги; мы видѣли, какъ онѣ трудно копятся для пріобрѣтенія дома; не легче ихъ наконить и для торговли. Жить однакоже нужно, а нѣтъ никакой работы, которая бы обезпечивала существованіе, и начинается торговля безъ денегъ, которая является чѣмъ-то среднимъ между постояннымъ занятіемъ и подсобнымъ промысломъ. Рядомъ съ однимъ мѣщаниномъ, торговцемъ на рынкѣ или въ мелочной лавочкѣ, который имѣетъ деньги и поддерживаетъ себя разными поставками, являются три или четыре, которыхъ лавки три четверти времени заперты за неимѣніемъ товара или покупателей, которые живутъ кое-какъ, кое-чѣмъ и съ отчаяніемъ и завистью смотрятъ на своихъ братьевъ, торгующихъ съ деньгами. Въ образецъ такого житья я приведу одно мѣщанское семейство. Оно имѣло домъ и даже большой, двухъ-этажный, въ пять оконъ. Домъ этотъ оно отдавало за самую низкую цѣну, за рубль съ небольшимъ, въ мѣсяцъ, но и тутъ не могло найти для него жильцовъ, а если жильцы и являлись, то только на самое короткое время. Къ дому этому нужно было присовокупить мелочную лавочку, но вскорѣ конкуренція съ денежными лавочниками оказалась невозможною, торгъ въ мелочной лавочкѣ шелъ самымъ жалкимъ образомъ и кончился почти исключительно торговлею печенымъ чернымъ хлѣбомъ; торговля эта, въ мѣстности, гдѣ всякій заготовляетъ для себя хлѣбъ самъ, могла быть развѣ соломенкою, за которую хватается утопающій. Жалкая работа, которая присовокуплялась къ этимъ источникамъ дохода, точно также не могла выгнать голодъ изъ дома. Нужно было прибѣгнуть еще къ одному средству, и въ свое помѣщеніе семейство приняло квартиранта: можно себѣ представить, каково было это помѣщеніе въ домѣ, отъ котораго жильцы бѣжали, какъ отъ чумы. Квартирантъ и нахлѣбникъ заработывалъ въ мѣсяцъ три рубля и, получивши свою заработную плату, тотчасъ ее пропивалъ, такъ что съ величайшимъ трудомъ можно было сорвать съ него что-нибудь. Семейство доходило по-временамъ до самой ужасной крайности и не ѣло по цѣлымъ суткамъ. Ничто не

характеризуетъ въ такой степени нашу бѣдность, какъ подобное состояніе торговли. Въ Пруссіи на шестьдесятъ человѣкъ приходится одинъ торговецъ, въ Россіи на триста — одинъ. Даже въ такихъ губерніяхъ, какъ напр. Тверская, приходилось не болѣе одного торговца на двѣсти слишкомъ человѣкъ. Несмотря на такое малое число торговцевъ, половина изъ нихъ влачитъ жалкое существованіе. Недостатокъ капиталовъ — причина этого зла, скажетъ какой-нибудь доктринеръ политико-экономъ. Смѣшно говорить о недостаткѣ капитала. Были бы покупатели, а за производителями и за капиталами дѣло не станетъ. Всякому, кто посвященъ въ коммерческія дѣла, извѣстно, что капиталы неизбѣжно плодятся и оскудѣваютъ пропорціонально возрастанію и упадку числа покупателей. Если мелочная лавочка продаетъ въ годъ на пятьсотъ рублей, то годовой оборотный капиталъ ея хозяина будетъ до тѣхъ поръ составлять пятьсотъ рублей, пока покупательная сила мѣстныхъ жителей не увеличится; если лавочникъ вложитъ въ свою лавочку тысячу рублей, то онъ обанкротится именно на пятьсотъ рублей: но если покупная сила мѣстныхъ жителей удвоится, то мелочной лавочникъ продастъ свой товаръ въ полгода, на вырученные пятьсотъ рублей закупитъ новаго товару и къ концу года окажется, что онъ сдѣлалъ оборотъ въ тысячу рублей; оборотъ этотъ утроится, если утроится покупная сила мѣстныхъ жителей, хотя со стороны лавочника не будетъ вложено ни одной копѣйки болѣе прежняго. Еслибы всѣ сельскіе работники, которые обработываютъ теперь помѣщичьи земли по найму, обратились разомъ въ собственниковъ этихъ земель, то количество капиталовъ въ Россіи конечно чрезъ это не увеличилось бы, но выгоды торговли и промышленности возросли бы значительно, потому что на рынкѣ явилась бы масса новыхъ покупателей; мало этого, обработка тѣхъ земель, которыя лежатъ теперь въ-пустѣ, сдѣлалась бы возможною и количество пахотныхъ земель въ Россіи значительно увеличилось бы. Причина понятна. Работники наемники, обратившись въ собственниковъ, потребили бы для себя и для скота почти всѣ продукты этихъ земель, между тѣмъ какъ теперь они не употребляютъ и третьей части этихъ продуктовъ. Слѣдовательно для удовлетворенія заграничныхъ требованій нужно было бы обработывать земли, которыя теперь лежатъ въ-пустѣ, а обработка этихъ земель опять-таки увеличила бы покупательную силу рабочихъ, не имѣвшихъ прежде этой работы, и чрезъ это послужила бы къ новому развитію промышленности.

При настоящей бѣдности нашего рабочаго, намъ нечего думать объ обезпеченіи торговлею четырехъ милліоновъ нашихъ мѣщанъ пролетаріевъ. Въ Тверской губерніи изъ семидесяти трехъ тысячъ мѣщанъ немного болѣе трехъ тысячъ могли находить себѣ пропитаніе этимъ путемъ, и пропитаніе часто слишкомъ скудное. Остальные должны были выходить на тотъ же рынокъ, на которомъ стояли крестьяне. Пустится ли мѣщанинъ въ личныя услуги, сдѣлается ли онъ ремесленникомъ, пойдетъ ли онъ на фабрику или на другую работу, — вездѣ онъ встрѣтится съ крестьяниномъ, съ этимъ несчастнымъ работникомъ, который думаетъ только объ уплатѣ сборовъ и податей. Крестьянинъ въ нуждѣ своей беретъ такую низкую цѣну, при которой содержать себя ему совер-

шенно невозможно, онъ надѣется на помощь отъ семейства, оставшагося въ деревнѣ. Мѣщанинъ, стоящій съ нимъ на одномъ рынкѣ, волею неволею беретъ ту же цѣну для его продовольствія, а между тѣмъ никто у него дома не запасаетъ хлѣба. Въ Осташковѣ Тверской губерніи фабричные работники получали двадцать рублей въ годъ, †) въ посадѣ Тверской губерніи Погорѣломъ городищѣ мѣщане въ отъѣздъ за трех-мѣсячный трудъ брали пять рублей, т. е. по рублю шестидесяти шести копѣекъ въ мѣсяцъ, и притомъ они рисковали быть разсчитанными за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своего мѣста жительства. ††) Подобное положеніе порождаетъ въ средѣ мѣщанъ такія же чудеса, какія мы видимъ въ быту крестьянскомъ, и если крестьянка пашетъ и коситъ, то мѣщанка дѣлаетъ кирпичи; мало того, что онѣ занимаются этой несвойственной женщинѣ работой, онѣ отправляются еще за сотни верстъ, чтобы ее найти. Въ Торжкѣ, Тверской губерніи, до трехъ сотъ женщинъ †††) пускаются въ это странное ремесло для поддержанія своихъ голодныхъ семействъ изъ самой ничтожной заработной платы. При такомъ отчаянномъ положеніи въ маленькихъ городахъ мѣщане имѣютъ еще одно прибѣжище—это земледѣліе. Въ большихъ же городахъ земледѣліемъ не спасешься. Мудрено ли послѣ этого, что имъ для жилья сначала строятъ подвальные этажи и чердаки, а потомъ и настоящіе подвалы съ окнами въ два и три вершка вышиною. Въ городахъ имъ всѣмъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности найти себѣ пропитаніе, и они разсыпаются по селеніямъ, гдѣ часто бѣдствуютъ до крайности. Третья часть ярославскихъ мѣщанъ живетъ въ селеніяхъ, въ Калужской губерніи половина мѣщанъ должна была отправляться на заработки. ††††) Мѣщане тѣмъ сильнѣе разгоняются по селеніямъ, чѣмъ болѣе приплыва крестьянъ къ городамъ. Въ Нижегородской губерніи, куда массы крестьянъ приходятъ для работъ въ городахъ, по селеніямъ живетъ до пятнадцати процентовъ мѣщанъ; во Владимірской только 11%, а въ Тверской менѣе 6%. Мы видѣли, какія бѣдствія выгоняютъ тверскихъ мѣщанъ изъ городовъ,—каково же имъ тамъ, гдѣ ихъ выходитъ вдвое и втрое болѣе. При прежней системѣ податей, мѣщане вовсе не были въ состояніи оплачивать своихъ подушныхъ. Въ 1860 году въ Калужской губерніи на 81,292 челов. мѣщанъ и цеховыхъ числилось недоимокъ 36,702 р. 19 к., а на 850,980 челов. крестьянъ было недоимокъ 23,090 р. 90¾ к. Въ это время крестьяне Калужской губерніи были такъ бѣдны и находились въ такомъ жалкомъ и угнетенномъ положеніи,

---

†) См. Памятную книжку Тверской губерніи на 1863 г., стр. 153.

††) См. Памятную книжку Тверской губерніи на 1865 г., стр. 58.

†††) См. тамъ же, стр. 101.

††††) Въ 1862 году въ Калужской губерніи было мѣщанъ въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ 16,218; выдано имъ паспортовъ полугодичныхъ и годичныхъ 8,364. См. Памят. книжку Калужской губерніи на 1862 и 1863 годы, стр. 114 и 124. Въ Нижегородской губерніи 26,384 мѣщанъ жило въ городахъ и 3,861 въ селеніяхъ, во Владимірской 41,549 въ городахъ и 4,500 въ селеніяхъ, въ Тверской 73,851 въ городахъ и 4,179 въ селеніяхъ, въ Ярославской 60,157 въ городахъ и 18,466 въ селеніяхъ.

что, несмотря на тяжкую работу, не могли обезпечивать себѣ существованіе, и въ свободное отъ работы время массами занимались нищенствомъ. Въ 1862 году недоимокъ считалось на мѣщанахъ 51,660 р. 3 к.: правда, что въ тоже время недоимки на крестьянахъ возрасли до 60,117 р. $4^1/_4$ к.; но все-таки между этими двумя недоимками не было никакой соразмѣрности †). Въ другихъ губерніяхъ существовало то же явленіе; въ Ярославской губерніи въ 1862 году на мѣщанахъ числилось недоимокъ 14,421 р. $76^3/_4$ к., а на госуд. крестьянахъ 38 р. 40 к.: мѣщанъ было 78,623 челов., а госуд. кр. 265,201 челов.; на временно-обязанныхъ и дворовыхъ 22,996 р. $86^1/_4$ к., ихъ было 551,290 челов. Недоимки эти накоплялись несмотря на то, что для ихъ взысканія употреблялись мѣры, въ которыхъ цѣль не оправдывала средствъ. Мѣщане, на которыхъ недоимки накоплялись, были несчастные люди, не имѣвшіе рѣшительно никакого имущества; оставалось одно, отдавать ихъ за недоимки въ работу. Кажется, чего бы еще болѣе. Пролетарій, котораго работа служитъ единственной поддержкой для его семейства,—съ того дня, какъ отдавался въ работу, лишался всего, что могло быть дорого для его сердца: онъ лишался образа человѣческаго, обращался въ рабочую лошадь, онъ лишался свободы, выгодъ отъ своего труда, его семейство оставлялось на произволъ голодной смерти. Однакоже и это казалось слишкомъ малымъ для сборщиковъ податей: имъ постоянно казалось, что мѣщане не платятъ податей изъ упрямства, что нужно увеличивать жестокости для того, чтобы побѣдить это упрямство. Съ несчастными, отданными въ работу, обращались безчеловѣчнымъ образомъ, и если они въ отчаяніи дѣлали какую-нибудь попытку избавиться отъ страданій, ихъ присуждали въ арестантскія роты. Одинъ мѣщанинъ, прошедшій всѣ эти степени мученій, разсказывалъ мнѣ свою жизнь. Жизнь эта была рядомъ такихъ ужасныхъ страданій, что когда онъ послѣ отдачи въ работы былъ приговоренъ въ арестантскія роты, то жизнь въ этихъ ротахъ, по его собственному выраженію, показалась ему раемъ; онъ приходилъ въ волненіе каждый разъ, вспоминая о времени, когда онъ былъ отданъ въ работы, онъ увѣрялъ, что каторга и арестантскія роты конечно ужасныя наказанія, но отдача въ работы за недоимки—это такое мученіе, которое сразу и придумать было невозможно; нужно было время, чтобы добраться до такого совершенства. При такомъ положеніи мѣщане нетолько мучились нуждою, но и деморализировались до крайности. Особенности нашей промышленной дѣятельности ставятъ въ самое трудное положеніе работника, который не имѣетъ за собою поземельнаго участка, отъ котораго онъ можетъ кое-какъ кормиться, въ случаяхъ, если онъ не имѣетъ работы. Не говоря о всѣхъ извѣстныхъ явленіяхъ, которыя дѣлаютъ промышленный трудъ невѣрнымъ, о закрытіи заводовъ и фабрикъ, вслѣдствіе банкротства и торговыхъ кризисовъ, о внезапныхъ перемѣнахъ въ направленіи промышленности, о введеніи новыхъ машинъ и пр.,—я обращу вниманіе на то непостоянство

†) Свѣдѣнія эти взяты изъ Памятныхъ книжекъ Калужской губерніи за 1861, 1862 и 1863 гг.

нашей промышленности, которое играетъ у насъ роль несравненно болѣе важную, чѣмъ кризисы и введеніе новыхъ машинъ. Вслѣдствіе климатическихъ условій у насъ огромное число работъ можетъ продолжаться только часть года. Между заводами и фабриками винокуренные заводы одни занимаютъ седьмую часть всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ работниковъ въ Россіи; работники эти лишаются работы лѣтомъ. На золотыхъ промыслахъ исключительно лѣтняя работа занимаетъ 58,000 работниковъ, что̀ равняется двѣнадцатой части всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Огромное число рабочихъ имѣютъ одну лѣтнюю работу въ качествѣ судорабочихъ, рыболововъ, крючниковъ, носильщиковъ на пристаняхъ и пр.; всѣ земляныя работы также прекращаются зимою. Лѣтомъ въ Нижнемъ Новгородѣ число работниковъ удвоивается. Въ Нижегородской и Тверской губерніи пятая часть ремесленниковъ не имѣетъ работы зимою. Даже тамъ, гдѣ работа идетъ круглый годъ, напр. на фабрикахъ разнаго рода, работники нанимаются на полгода. Проходитъ лѣто, наступаетъ зима, освободившіяся руки прихлынули къ работамъ, которыя не прекратились вмѣстѣ съ теплыми днями, и хозяинъ предлагаетъ работнику или разсчетъ или такую низкую плату, при которой существовать невозможно. Работникъ долженъ покориться своей судьбѣ, если онъ не хочетъ уступить своего мѣста болѣе счастливому конкуренту, который имѣлъ въ теченіе лѣта выгодный заработокъ, можетъ насчетъ этого заработка жить зиму и ищетъ работы только чтобы увеличить свои доходы. При такомъ состояніи промышленности все рабочее населеніе находится постоянно въ какомъ-то судорожномъ волненіи, работники кидаются изъ стороны въ сторону: то они прихлынутъ къ какой-нибудь губерніи, то снова отхлынутъ отъ нея, какъ волны, гонимыя бурею. Съ 1858 по 1863 годъ въ Нижегородской губерніи былъ постоянный перевѣсъ рождающихся надъ умершими. Несмотря на это въ 1858 г. населеніе уменьшилось на 3,462 человѣка, въ 1860 г. оно увеличилось на 14,760 челов., въ 1862 г. оно опять уменьшилось на 4,441 челов., несмотря на то, что перевѣсъ родившихся надъ умершими составлялъ 22,759 челов. Такое постоянное передвиженіе взадъ и впередъ крайне мучительно для семействъ, въ которыхъ оставшіеся члены могутъ опереться на поземельное владѣніе, а для пролетаріевъ оно просто убійственно. Въ этомъ отношеніи и положеніе нашей торговли не лучше нашей промышленной производительности. Постоянное и правильное дѣло выпадаетъ на долю весьма небольшаго числа торговцевъ. Масса покупателей удовлетворяетъ своимъ потребностямъ лишь весьма рѣдкими и немногочисленными покупками, и лучше сказать они потребностямъ своимъ вовсе не удовлетворяютъ за исключеніемъ весьма небольшаго числа случаевъ. Эти случаи даютъ имъ ярмарки: большую часть покупокъ своихъ рабочій классъ дѣлаетъ на ярмаркахъ. При такомъ состояніи торговли мѣщанинъ мелочной торговецъ оказывается въ самомъ жалкомъ положеніи. Обороты мелочной торговли всего болѣе зависятъ отъ покупокъ, дѣлаемыхъ рабочимъ классомъ, масса котораго живетъ въ селеніяхъ. Что мелочная торговля питается преимущественно отъ селеній, ясно видно изъ подобныхъ фактовъ. Въ Тверской губерніи, въ пяти большихъ городахъ съ на-

селеніемъ въ 88,088 человѣкъ, взято въ 1863 г. на мелочной торгъ 1,368 свидѣтельствъ, а въ остальныхъ мелкихъ городахъ, съ населеніемъ въ 40,942 челов., которое сверхъ того гораздо бѣднѣе, взято 1,643 свидѣтельства. Это можно замѣтить, независимо отъ статистическихъ данныхъ, простымъ наблюденіемъ, въ особенности въ небольшихъ городахъ. Несмотря на всѣ усилія, которыя дѣлаетъ мелочной торговецъ, чтобы привлечь къ себѣ покупателей, несмотря на то, что онъ домъ свой обращаетъ во что-то вродѣ дароваго постоялаго двора, гдѣ дается пріютъ жителямъ окрестныхъ селъ, лишь бы они разнесли славу объ его лавочкѣ,—покупателей оказывается все-таки слишкомъ мало. Товаръ не идетъ съ рукъ, жить нечѣмъ; остается помочь горю посредствомъ продажи на сельскихъ ярмаркахъ: оборотъ этихъ ярмарокъ гораздо значительнѣе оборота всѣхъ мелочныхъ лавочекъ, и на ярмаркахъ сосредоточивается главная торговля. На ярмарку и возлагаетъ торговецъ всѣ свои надежды для поддержанія своего существованія; онъ занялъ денегъ, накупилъ товару и является туда собирать барыши,—и что же? онъ ничего или почти ничего не могъ продать; съ еще большими пожертвованіями и съ тягостными долгами онъ является на второй, на третьей, на четвертой ярмаркѣ и результатъ тотъ же: каково послѣ этого будетъ его положеніе? Вотъ торговля на нашихъ ярмаркахъ. Въ 1863 году въ Тверской губерніи на одной корчевской ярмаркѣ было продано менѣе шестой части привезенныхъ товаровъ, на всѣхъ корчевскихъ ярмаркахъ этого года продалась едва четвертая часть товара; на одной погорѣльской ярмаркѣ точно также продано было менѣе шестой части; на всѣхъ сельскихъ ярмаркахъ Россіи продано было только три седьмыхъ привезенныхъ товаровъ: несчастные торговцы должны были увезти съ ярмарокъ непроданнаго товара на огромную сумму въ 41,898,000. Болѣе богатые торговцы городскихъ ярмарокъ были счастливѣе, они продали двѣ трети своихъ товаровъ. Впрочемъ это зависѣло не отъ счастья. Крупныхъ торговцевъ заставлялъ вести товары на ярмарки въ городахъ разсчетъ, а мелкихъ голодъ. Голодный хватается за самую ничтожную и смутную надежду спасти себя отъ тяжелаго положенія; вотъ отъ чего они заваливаютъ ярмарки товарами и себѣ же на погибель перевозятъ товаръ въ огромномъ количествѣ съ ярмарки на ярмарку, въ тщетной надеждѣ сбыть его съ рукъ. Такое жалкое состояніе мелкой торговли, при которомъ мѣщанинъ постоянно находится въ такомъ же положеніи, какъ азартный игрокъ, окончательно подрываетъ честность въ сословіи мелочныхъ торговцевъ. Личностямъ съ слабымъ характеромъ и съ слабыми умственными способностями оно внушаетъ самыя странныя и невѣроятныя понятія: подобному человѣку страшно смотрѣть на залежавшійся у него товаръ, ему кажется, что онъ останется безъ хлѣба, если не воспользуется каждымъ случаемъ, чтобы сорвать въ три-дорога, у него образуется убѣжденіе, что не проживешь, если не будешь запрашивать и обманывать при всякомъ случаѣ. Мало этого, нѣкоторые мелкіе торговцы убѣждены, что невозможно торговать не покупая и не продавая ворованныхъ вещей. У многихъ личностей убѣжденія эти глубоки и искренни; образованные люди смотрятъ на нихъ свысока и презираютъ ихъ; но если

смотрѣть на нихъ болѣе гуманными глазами, то нельзя не почувствовать къ нимъ глубокаго сожалѣнія; они сами чувствуютъ, что всѣ эти убѣжденія безнравственны, но выхода изъ своего положенія они не знаютъ; они унижены и озлоблены, у нихъ одна мечта—достигнуть какими бы то ни было путями богатства и тогда все ихъ темное прошедшее будетъ забыто. Порицая безнравственность такого торга, не говорятъ о томъ, какъ онъ тяготитъ самихъ торгующихъ. Какъ скоро торговля дѣлается сколько-нибудь правильною, тотчасъ являются и признаки, которые указываютъ на стремленіе торгующихъ установить ее на прочныхъ началахъ честности и смыть съ нея всю прежнюю грязь. Повсемѣстно въ большихъ городахъ стремленіе это обнаруживается въ распространеніи торговли безъ запроса и безъ обмана. Въ среднихъ губерніяхъ, наиболѣе отличающихся своею промышленною дѣятельностью, хотя медленно, но все-таки водворяется большая правильность въ торговлѣ: въ то время, когда на сельскихъ ярмаркахъ Россіи продано было немного болѣе двухъ пятыхъ привезенныхъ товаровъ, въ губерніяхъ Московской, Ярославской, Костромской и Нижегородской продано было почти двѣ трети, †) зато-же, даже въ маленькихъ городахъ этихъ губерній я встрѣчалъ лавки съ правильной торговлей безъ запроса и безъ обмана. На каждой вещи выставленъ ярлыкъ съ цѣною и не дѣлается никакой уступки.

Мѣщанинъ торговецъ, когда онъ не имѣетъ заработка, имѣетъ хотя какой-нибудь, хотя самый незначительный кредитъ; мѣщанинъ работникъ и этого не имѣетъ. Между мѣщанами вы встрѣтите цѣлыя толпы работниковъ, которые не имѣютъ никакого опредѣленнаго занятія и которые по собственному ихъ выраженію перебиваются кое-какъ. Сегодня онъ ловитъ рыбу, завтра онъ копаетъ огородъ, черезъ недѣлю онъ шьетъ сапоги; сегодня онъ грузилъ судно, завтра онъ отправляется на сѣнокосъ. Подобную жизнь ведутъ даже домовладѣльцы мѣщане въ значительныхъ городахъ. Высокая заработная плата въ городахъ, которая даетъ понятіе о мѣщанинѣ какъ о богатомъ работникѣ, скоро окажется весьма обманчивою. Передъ вами мѣщанинъ, одѣтый по послѣдней модѣ, съ блестящимъ какъ снѣгъ бѣльемъ. По внѣшнему виду вы его никакъ не отличите ни отъ чиновника, ни отъ молодаго купца. Посмотрите на жилище этого человѣка: онъ живетъ въ грязномъ и сыромъ подвалѣ съ окнами въ три вершка вышиною. Когда я въ первый разъ встрѣтилъ въ подвалѣ подобнаго франта съ нѣжной кожей, тщательно вычищенными сапогами и щегольски причесанными усами, я не могъ обуздать своего удивленія. Если подобные люди живутъ въ подвалахъ, подумалъ я, гдѣ же должны жить тѣ, которые не имѣютъ ничего, кромѣ лохмотьевъ? Можно ли безъ глубокаго сожалѣнія смотрѣть на это вынужденное родомъ занятій щегольство:

---

†) Въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи на сельскія ярмарки привезено въ 1863 г. товару на 75,134,000, а продано на 33,236,000.; въ губерніяхъ Московской, Ярославской, Костромской и Нижегородской привезено на 2,260,000 руб., а продано на 1,467,000 руб.

человѣкъ, который едва имѣетъ достаточно денегъ, чтобы питаться хлѣбомъ, долженъ жить въ подвалѣ, а на работу онъ долженъ являться въ накрахмаленномъ, бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ и представлять изъ себя великосвѣтскаго франта. Какой контрастъ между этимъ несчастнымъ труженикомъ, блѣднымъ, съ нѣжною, прозрачною кожею и мѣщаниномъ, получающимъ десять или пятнадцать тысячъ рублей сер. въ годъ, одѣтымъ по-крестьянски, толстымъ, расплывшимся. Его самостоятельная осанка и грубоватое обращеніе тотчасъ обнаружатъ, что онъ настолько же живетъ для себя, не заботясь о впечатлѣніи, которое онъ производитъ на другихъ, насколько его бѣдный братъ живетъ на показъ и страдаетъ въ угоду претензіямъ высшаго общества и своихъ нанимателей. Если мѣщанинъ, одѣвающійся щеголемъ, голодаетъ въ подвалѣ, то мѣщанинъ оборванецъ представляетъ собою настоящій типъ санкюлота, типъ, близко знакомый всякому, кому приходится нанимать людей на случайныя работы. Подобнаго мѣщанина тотчасъ можно узнать въ толпѣ рабочихъ по оригинальности его оборваннаго не-русскаго костюма, по его манерамъ и рѣчамъ. Сравнивая въ толпѣ работниковъ на пристаняхъ подобныхъ санкюлотовъ съ стоявшими рядомъ съ ними крестьянами, одѣтыми въ лохмотья, я не разъ пытался разрѣшить вопросъ, кто изъ нихъ несчастнѣе, и убѣдился наконецъ, что они оба такъ несчастны, какъ только можетъ быть несчастнымъ человѣкъ; но положеніе крестьянина, по крайней мѣрѣ, не такое отчаянное. Вынужденное щегольство мѣщанина сильно способствуетъ развитію въ немъ эгоизма, его семейство пріучается терпѣть безропотно горькую нужду для удовлетворенія далеко не насущныхъ его потребностей. Въ то время какъ крестьянинъ видитъ въ семьѣ убѣжище отъ нужды, боится разорвать съ нею связь и находится къ ней въ опредѣленныхъ обычаемъ отношеніяхъ,—мѣщанинъ нерѣдко доходитъ дотого, что для него семейства не существуетъ, онъ готовъ во всякое время разорвать съ нимъ связь и только тогда, когда онъ можетъ эксплуатировать законы о бракѣ въ свою пользу, онъ вспоминаетъ о женѣ и между ними начинается такое же отношеніе, какъ между рабынею и рабовладѣльцемъ, онъ живетъ съ нею розно и накладываетъ на нее оброкъ, какъ бывало помѣщикъ на дворовую. Такое положеніе порождаетъ по городамъ массы нищихъ, между которыми большинство женщинъ и дѣтей, но встрѣчаются и взрослые, вполнѣ способные къ работѣ мужчины: одни прямо протягиваютъ руку, другіе нищенствуютъ подъ предлогомъ мелкихъ услугъ. Нищенство это въ особенности замѣтно въ губерніяхъ, гдѣ мѣщане недостаткомъ работы разгоняются по селеніямъ, напр. въ Ярославской. Въ большихъ и благоустроенныхъ городахъ нищенство преслѣдуется полиціею, и при слабости общественной благотворительности это доводитъ мѣщанъ до преступленій: ни однимъ изъ сословій не совершается такой массы преступленій, какъ мѣщанами, они совершили вдвое болѣе преступленій, чѣмъ временно-обязанные крестьяне. Изъ всѣхъ родовъ преступленій всего болѣе совершается въ Россіи преступленій противъ частной собственности, мѣщане преимущественно передъ всѣми сословіями

отличаются въ этомъ родѣ преступленій. †) Нравственное впечатлѣніе, которое производитъ на нихъ ихъ необезпеченное отчаянное положеніе, обнаруживается слишкомъ ясно. Неправильная торговля доставляетъ мѣщанамъ такой невѣрный хлѣбъ, что самымъ разсчетливымъ и экономнымъ мелкимъ торговцамъ случается вдругъ лишиться доходовъ и приходится превращаться въ факторовъ: для болѣе счастливыхъ торговцевъ они находятъ несчастныхъ бѣдняковъ, продающихъ за безцѣнокъ свои произведенія, отъ купцовъ они получаютъ ничтожныя деньги на нѣсколько дней, покупаютъ, продаютъ и оставляютъ себѣ на необходимое содержаніе. Неправильность работы, при которой работники то заваливаются работой и массами притягиваются къ городамъ, то потомъ вдругъ лишаются, заставляетъ такъ дорожить постоянной работой и такъ сбиваетъ на нее цѣны, что я зналъ одного работника, который долженъ былъ каждый разъ являться на службу въ щегольскомъ костюмѣ,—дома онъ имѣлъ отца, старика осьмидесяти лѣтъ, мать такого же возраста, трехъ маленькихъ дѣтей. При такой обстановкѣ онъ за работу свою получалъ шестьдесятъ рублей въ годъ. Подобное семейство дѣлать запасовъ не можетъ, оно покупало муку малыми количествами, а дрова возиками и дѣлалось жертвою всякаго повышенія цѣнъ; за пудъ ржаной муки ему приходилось платить по-временамъ больше девяноста копѣекъ и даже больше рубля. Необходимость жить дорого обыкновенно не принимается въ разсчетъ обществомъ, когда говорятъ о заработной платѣ: напротивъ обыкновенно предполагаютъ, что работникъ устраивается дешевле, чѣмъ люди достаточные высшаго сословія. Уже бѣдному крестьянину тѣмъ

---

†) Вотъ сравненіе количества преступленій, совершенныхъ лицами разныхъ сословій съ 1860 по 1863 годъ.

Въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи	На 1,000 жителей приходилось	На 1,000 преступниковъ	На 1,000 преступниковъ противъ частной собственности	Въ Россіи
1. Дворянъ	16.5	16.2	12.5	. . . . . Дворянъ 1
2. Духовныхъ	10.5	2.2	3.5	. . . . . Духовныхъ 2
3. Купцовъ	8.3	5.4	9	. . . . . Купцовъ 3
4. Мѣщанъ	71.5	107.1	139	. . . . . Мѣщанъ 4
5. Крестьянъ государств. и удѣльныхъ	441 5	478.7	378	Государствен. и удѣльныхъ крестьянъ 5
6. Временно-обязанныхъ .	384	280.9	362	. Временно-обязанныхъ 6
7. Военныхъ	67.7	109.5	96	. . . . . Военныхъ 7
Всего . . .	1,000	1,000	1,000	

Преступниковъ вообще всего болѣе между военными (военная дисциплина), затѣмъ между мѣщанами, потомъ слѣдуютъ дворяне, далѣе государственные и удѣльные крестьяне (расколъ, порубки лѣсовъ), потомъ временно-обязанные, затѣмъ купцы и наконецъ духовные. Преступниковъ противъ частной собственности между мѣщанами въ полтора раза болѣе, чѣмъ между военными, вдвое болѣе, чѣмъ между купцами и временно-обязанными, въ два съ половиною раза болѣе, чѣмъ между государственными и удѣльными крестьянами, почти втрое болѣе, чѣмъ между дворянами и вдесятеро противъ духовныхъ.

дороже жить, чѣмъ больше его семейство, онъ продаетъ свой хлѣбъ дешево съ начала зимы, а потомъ покупаетъ дорого весною; во время голода это вырождается въ губительное для него бѣдствіе и готовитъ преждевременную смерть его скоту и его семейству. Все, что не принадлежитъ къ сельскимъ произведеніямъ, покупается и бѣдными и богатыми крестьянами по такимъ дорогимъ цѣнамъ, что они при покупкѣ товара оплачиваютъ часть цѣны товаровъ, продаваемыхъ высшимъ классамъ,—это своего рода косвенная подать, уплачиваемая рабочими высшимъ классамъ, подать, которая взимается безъ помощи таможенъ и чиновниковъ и для которой единственнымъ источникомъ служитъ бѣдность рабочаго населенія. Бѣдный работникъ покупаетъ такъ рѣдко и такъ мало, что онъ можетъ быть только весьма плохимъ знатокомъ цѣны и достоинства товара: обмануть его, взять съ него вдвое дороже и спустить ему плохой товаръ весьма легко. При конкуренціи между торговцами, это выродилось въ цѣлую систему, торговцы наши сваливаютъ всѣ свои убытки на товаръ, распродаваемый между бѣдными работниками; чего нельзя сорвать съ нихъ дорогой цѣной и плохимъ товаромъ, то берутъ фальсификаціей. Начиная съ соли, желѣза и вина и кончая чаемъ, сахаромъ, бумажными тканями и всѣми произведеніями фабрикъ и заводовъ, всюду система эта проведена съ неумолимой строгостью. Работникъ тутъ точно такъ же обсчитывается и обмѣривается, какъ при продажѣ и работахъ онъ обвѣшивается и обсчитывается подрядчиками. На земляныхъ работахъ ему переставляютъ мѣтки, при артельныхъ разсчетахъ подрядчикъ обсчитываетъ его на деньгахъ, при поденныхъ заработкахъ на часахъ его и обсчитывать нечего, потому что его просто заставляютъ работать до упаду, при поштучной работѣ его обмѣриваютъ и, не довольствуясь этимъ, усложняютъ разсчетъ заставляя его брать часть платы товаромъ. Матерьяльные, которые вѣшаютъ и принимаютъ хлѣбъ, рыбу и и другіе сельскіе продукты, въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ не могутъ не обвѣшивать работниковъ: если вслѣдствіе случайныхъ утратъ матерьяла не достанетъ, то матерьяльному придется платить изъ собственнаго кармана, а потому матерьяльные и прикащики всегда сдаютъ принятый ими товаръ съ такъ-называемою экономіею, т. е. они сдаютъ по вѣсу товару больше, чѣмъ ими было принято. Матерьяльный или прикащикъ, у котораго слишкомъ мало оказывается экономіи, попадаетъ на дурной счетъ. Благодѣтели человѣчества, славящіеся по своей филантропіи фабриканты, при своихъ фабрикахъ учреждаютъ торговлю предметами потребленія рабочихъ, въ эти лавки они скупаютъ по дешевымъ цѣнамъ бракъ и сбываютъ этотъ бракъ своимъ рабочимъ. Въ соли рабочіе за-урядъ покупаютъ половину подмѣси, товаръ, сдѣланный изъ негоднаго желѣза, купцами откладывается особо и сбывается крестьянамъ; даже при продажѣ вина торговцы умѣютъ сбывать крестьянамъ вино въ 28% крѣпости: можно встрѣтить содержателей кабаковъ, которые находятъ, что не стоитъ торговать, если продавать крестьянамъ вино болѣе крѣпкое. Въ чай ему подмѣшиваютъ спитой, копорскій и окрашенный, который даетъ воду почти темно-кровянаго цвѣта, и бѣдный работникъ пьетъ помои, воображая, что имъ пьется самый крѣпкій настой. Изъ тканей и посуды во многихъ мѣст-

мостяхъ ничего кромѣ брака не привозится и большинство фабрикъ только тѣмъ и держится, что есть возможность сбывать такимъ образомъ свой бракъ. Торговля бракомъ играетъ одну изъ главныхъ ролей на ирбитской ярмаркѣ. Бракъ этотъ сбывается крестьянамъ по такимъ дорогимъ цѣнамъ, что если къ незабракованному товару прибавить издержки провоза, то составится все-таки только половина той цѣны, по которымъ сбывается рабочимъ бракъ; на ярмаркахъ онъ сбывается по цѣнамъ болѣе высокимъ противъ тѣхъ, по которымъ высшіе классы покупаютъ въ городахъ незабракованный товаръ. Торговля бракомъ такъ выгодна, что бракъ производится намѣренно: въ Калужской губерніи производство брака хлопчато-бумажныхъ тканей составляетъ цѣлую отрасль мѣстной промышленности. Бракъ этотъ, производимый на ручныхъ станкахъ, конкурируетъ съ машиннымъ производствомъ хлопчато-бумажныхъ тканей, и только на этомъ поприщѣ для тамошнихъ ручныхъ производителей осталась возможность конкуренціи. Съ другой стороны купцы должны были бы продавать свой товаръ высшимъ классамъ по крайней мѣрѣ на тридцать процентовъ дороже, еслибы они не могли сбывать по дорогимъ цѣнамъ залежавшійся и негодный товаръ. Въ Твери напр. фабрики, занятыя хлопчато-бумажнымъ производствомъ, лучшій твой товаръ тотчасъ же отправляютъ въ Петербургъ и въ Москву, а на мѣстѣ сбываютъ бѣднымъ людямъ бракъ по такимъ дорогимъ цѣнамъ, что они за него обыкновенно получаютъ относительно больше, чѣмъ за хорошій товаръ. Убытокъ, который всѣми этими способами несутъ бѣдные люди, подать, которую они оплачиваютъ въ этомъ видѣ высшимъ классамъ, нужно считать не сотнями тысячъ, не милліонами, а десятками милліоновъ.

Мѣщанское семейство, о которомъ я только-что упомянулъ, было еще счастливое семейство. Кромѣ шести членовъ, о которыхъ я говорилъ, въ его составъ входила еще одна взрослая женщина. Многочисленная семья дѣлала для того необходимымъ ея присутствіе въ домѣ, что она не могла взять никакой постоянной работы, ей оставалось сдѣлаться водоноской за 25 коп. въ мѣсяцъ, и она каждый день носила воду. Это жалкое пособіе давало однакоже семейству возможность нанимать для себя отдѣльный подвалъ; менѣе счастливые живутъ въ подобныхъ помѣщеніяхъ по нѣсколько семействъ вмѣстѣ. Одинъ выстроенный на барскую ногу домъ, за смертью хозяевъ, находился въ опекѣ. Домъ былъ запущенъ, его нужно было отдѣлать, но для того, чтобы онъ вовсе не остался бездоходнымъ, опекунша придумала пустить до лѣта въ кухню дома такія сводныя семейства городскихъ работниковъ. Тѣснота, въ которой они жили, производила такую нечистоту, духоту и сырость, что опекунша должна была въ скоромъ времени имъ отказать. Если такой образъ жизни рабочихъ производитъ сырость въ сухой и теплой квартирѣ, то можно себѣ представить, что бываетъ въ подвалѣ, и въ особенности если этотъ подвалъ часть года стоитъ подъ водою. Какого рода работники живутъ въ этихъ подвалахъ, видно изъ того, что есть подвалы, которые приносятъ двадцать пять и сорокъ рублей въ годъ дохода. Часть рабочаго населенія должна жить въ подобныхъ помѣщеніяхъ сводными семействами въ городахъ, гдѣ семьдесятъ две

рубля въ годъ считается прекраснымъ заработкомъ; а сколько въ Россіи городовъ, гдѣ семьдесятъ два рубля въ годъ не считаются прекраснымъ заработкомъ. Кто не живетъ въ подвалѣ, живетъ въ помѣщеніяхъ, которыя не много лучше, въ помѣщеніяхъ, которыя даже въ лѣсистыхъ мѣстахъ разсчитаны съ крайней экономіей въ деревѣ; въ мѣстахъ же безлѣсныхъ избенки обыкновенно дотого низки, что въ нихъ едва можно выпрямиться, внутри разстояніе отъ стѣны до стѣны не больше сажени, между большими окнами разстояніе едва превышаетъ четверть аршина, въ избенкѣ такъ много большихъ отверстій, что постройка дѣлается въ высшей степени непрочной и разрушается въ самомъ скоромъ времени: я видалъ постройки, новый лѣсъ которыхъ не успѣлъ еще почернѣть, а онѣ уже развалились и требовали подпорокъ. Въ одномъ значительномъ городѣ при желѣзной дорогѣ я встрѣтилъ чердакъ, на которомъ была комната въ сажень длины и два аршина ширины: ни съ одной стороны ея не было пристроекъ, въ ней была кирпичная печь величиною съ обыкновенную желѣзную печь, труба отъ этой печи была совершенно прямая и вышиною въ полторы сажени. Тутъ зимою жили два человѣка. Натопить печь не было никакой возможности, потому что тотчасъ послѣ топки она охлаждалась. При малѣйшемъ вѣтрѣ весь дымъ изъ трубы гнало въ комнату. Я никакъ не могъ надѣяться, чтобы эти люди дожили до весны,—одинъ изъ нихъ непремѣнно помоему долженъ былъ умереть отъ простуды;—не знаю, сбылось ли мое пророчество.

Ниже работника пролетарія, живущаго въ такихъ ужасныхъ помѣщеніяхъ, стоитъ работникъ, для котораго условія жизни таковы, что онъ долженъ отказаться или отъ существованія или отъ достоинства человѣческаго. Работникъ этотъ можетъ удовлетворять потребностямъ любви только путемъ разврата, онъ не имѣетъ возможности воспитывать своихъ дѣтей. Это гнойная язва нашего общества, заражающая безнравственностью все, что до нея коснется. Между ними много такихъ, которые получаютъ относительно большое содержаніе; но положеніе ихъ таково, что они не могутъ составлять семейства, даже женатые не могутъ вести семейной жизни, но хотя они и не имѣютъ этой возможности, однакоже они не перестаютъ быть людьми и сохраняя всѣ человѣческія потребности они удовлетворяютъ единственнымъ путемъ, который для нихъ возможенъ — это путемъ разврата. У нихъ родятся дѣти, нерѣдко даже законнаго происхожденія, но дѣтей этихъ они не могутъ имѣть при себѣ. Обыкновенно они стараются отъ нихъ отдѣлаться заранѣе посредствомъ изгнанія плода и т. д. Когда имъ это не удастся или когда у нихъ не хватитъ духу губить плодъ своей любви, тогда родившійся ребенокъ передается одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя дѣлаютъ воспитаніе подобныхъ дѣтей спеціальнымъ своимъ ремесломъ. Подобная женщина иногда имѣетъ у себя нѣсколько подобныхъ дѣтей, она въ тоже время сводитъ у себя молодыхъ женщинъ и мужчинъ для пьянства и разврата. Женщина эта старается только о томъ, какъ бы благовиднымъ образомъ сдѣлать, чтобы дѣти эти умерли скорѣе, и случается, что просто даетъ имъ яду. Небрежность и грязь, въ которой подобные дѣти содержатся, превосходитъ все, что можно себѣ вообразить; баснословно исхудалые, усѣянные язвами отъ нечистоты, въ кото-

рой они содержатся, эти несчастные существа безуспѣшно вопіютъ къ милосердію человѣческому. Тѣ люди, чьи прихоти поставили ихъ родителей въ такое положеніе, не услышатъ ихъ крика, ихъ нравственный уровень такъ низокъ, что они даже не понимаютъ, какъ безсовѣстно изъ-за ничтожныхъ своихъ удобствъ заставлять свою прислугу губить своихъ дѣтей. Случается, что дѣти эти не погибаютъ, есть такія натуры, которыя переносятъ все и живутъ, живутъ на зло своей воспитательницѣ, которая съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ихъ смерти, или на горе своей матери, которая для поддержанія ихъ существованія отдаетъ безсердечной ихъ покровительницѣ пять шестыхъ своего заработка. Это не изобрѣтеніе, это фактъ, взятый изъ жизни. Кухарка, которая заработывала тридцать шесть рублей въ годъ, отдавала воспитательницѣ своего сына тридцать, а себѣ оставляла только шесть. Она переносила столько нужды, сколько только можетъ переносить человѣкъ. Зная подобные факты, никто не скажетъ, что эти массы людей, которыя ведутъ подобную жизнь, ведутъ ее по свободному выбору, вслѣдствіе безчувствія и грубаго эгоизма: будетъ ясно, какъ день, что нужда и одна горькая нужда принуждаетъ ихъ къ этому, нужда заставляетъ ихъ дѣлаться среди рабочаго класса источникомъ разврата и растлѣнія, а общество смотритъ на это равнодушно и поощряетъ подобныя явленія. Матери, полныя самоотверженія, должны видѣть, какъ ихъ дѣти воспитываются старой развратной бабой и съ малыхъ лѣтъ впиваютъ въ себя ядъ всѣхъ пороковъ: зелено-блѣдный мальчишка едва научился лепетать, какъ уже ходитъ въ кабакъ за виномъ для своей распущенной воспитательницы и въ грязномъ своемъ жилищѣ видитъ грубыя сцены свиданій распутныхъ и пьяныхъ мужчинъ съ не менѣе пьяными молодыми развратницами. Въ трехъ губерніяхъ Нижегородской, Тверской и Владимірской около осьми процентовъ всѣхъ работниковъ и работницъ этихъ губерній находятся въ такомъ положеніи, что они не могутъ вести семейной жизни; †) я полагаю ихъ не менѣе будетъ и въ другихъ губерніяхъ. Какая пища для разврата, какой источникъ смерти для дѣтей!—Кромѣ того, можно считать семейства, разлучаемыя на долгіе сроки хожденіемъ на заработки. Число такимъ образомъ разлученныхъ составляло въ Калужской губерніи ни болѣе, ни менѣе какъ третью часть всѣхъ рабочихъ семействъ губерніи.

Прежде чѣмъ я пойду далѣе, я скажу нѣсколько словъ объ отношеніи нашихъ промышленныхъ губерній къ другимъ. Можно ли представить себѣ болѣе грустную картину! Вездѣ наша промышленность имѣетъ одинъ источникъ—это нищенское населеніе, умирающее съ голоду и потому готовое убивать себя работой за всякое, самое ничтожное вознагражденіе; вездѣ это имѣетъ одно послѣдствіе: жалкій работникъ промышленныхъ губерній, трудящійся за безцѣнокъ, мѣшаетъ разбогатѣть и другимъ. Возьмите описаніе любой изъ промышленныхъ губерній: непремѣнно на первомъ планѣ вы найдете свѣдѣнія о неплодородности почвы, о недостаточности земли при селеніяхъ;

---

†) Тутъ считаются и солдаты и солдатки, разлученныя съ мужьями.

едвали даже можно найти статистическое описаніе какой-либо изъ нашихъ промышленныхъ мѣстностей, гдѣ бы развитіе промышленности приписывалось другимъ причинамъ, кромѣ голода въ средѣ промышленнаго населенія. Владимірская губернія между всѣми славится малочисленностью своего скота, въ ней не производится и двухъ четвертей хлѣба на человѣка. Въ одной и той же губерніи промышленность избираетъ только тѣ мѣста, гдѣ почва безплодна и хлѣбопашествомъ жить невозможно. Въ Нижегородской губерніи плодоносные уѣзды остаются чисто земледѣльческими, а промышленны только тѣ, въ которыхъ ничего не родится и крестьяне вынуждены покупать хлѣбъ. Калужская губернія одна изъ тѣхъ промышленныхъ губерній, въ которыхъ всего болѣе скота и гдѣ всего болѣе производится хлѣба, между тѣмъ и тутъ жители обращаются къ промысламъ исключительно вслѣдствіе неблагодарности почвы. «Глинистая и песчаная въ большей части губерніи почва,—говоритъ калужская Памятная книжка,—не вознаграждая трудовъ земледѣльца, заставляетъ его прибѣгать къ различнымъ промысламъ.» Въ другомъ мѣстѣ говорится, что земледѣліе въ Калужской губерніи такъ невыгодно, что работники предоставляютъ его женщинамъ, а для себя ищутъ болѣе прибыльной работы. Несмотря на то, что они массами выходятъ изъ губерніи, она все-таки не можетъ обойтись безъ привознаго хлѣба. Даже тѣ губерніи, гдѣ промыслы зависятъ отъ мѣстныхъ особенностей, по какому-то несчастному стеченію обстоятельствъ не менѣе другихъ славятся своимъ безплодіемъ. Архангельская губернія—безплоднѣйшая во всей Россіи, въ Астраханской безплодное пространство опредѣляется въ 93% всей поверхности. Какое вліяніе должно имѣть на Россію производство этихъ промышленныхъ губерній, ясно видно изъ того, что крупное производство съ помощью машинъ, т. е. то производство, которое по естественному ходу вещей сосредоточивается въ немногихъ мѣстностяхъ, занимаетъ самую малую часть тѣхъ производителей промышленныхъ губерній, которыхъ голодъ выгоняетъ на рынокъ и заставляетъ искать промышленной работы, во что бы то ни стало. Говоря о Нижегородской губерніи, я показалъ, что тамъ крупное производство занимаетъ самую меньшую часть промышленныхъ работниковъ; самая большая часть изъ нихъ производитъ такіе предметы потребленія земледѣльческихъ губерній, которые требуютъ ручной работы и съ несравненно большею выгодою для страны могли бы производиться на мѣстѣ. Въ Калужской губерніи, въ одной изъ тѣхъ промышленныхъ губерній, которыя наиболѣе отличаются крупнымъ производствомъ, на фабрикахъ и заводахъ считалось рабочихъ 16,107 человѣкъ. Въ тоже время въ однихъ отхожихъ промыслахъ было 74,415 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ занимались въ южной Россіи выдѣлкою овчинъ. Эти люди въ тоже время разводятъ на югѣ самопрялки, сдѣланныя въ Калужской губерніи. На судахъ занято до 10,050 человѣкъ. Въ трехъ уѣздахъ—Боровскомъ, Малоярославецкомъ и Тарусскомъ, по показанію Памятной книжки, почти въ каждомъ домѣ станки и другія принадлежности для производства бумажныхъ тканей. Этимъ дѣло не кончается, губернія эта распространяетъ за своими предѣлами лѣсныя издѣлія, рогожи, издѣлія войлочныя, шляпы и дру-

гіе предметы крестьянскаго потребленія; цѣлыя мѣстности занимаются производствомъ растительнаго масла: въ Козельскомъ уѣздѣ есть мѣстность, гдѣ въ деревняхъ, по выраженію Памятной книжки, часто столько же маслобойныхъ избъ, сколько дворовъ. Гончарное и кирпичное производства, точно также, какъ и выдѣлка овчинъ даютъ Россіи нетолько продукты производительности, но и новыхъ производителей,—кирпичники Козельскаго уѣзда расходятся по всей Россіи.

Вотъ характеръ русскаго промышленнаго производства; какое вліяніе можетъ онъ имѣть на страну? — Эти голодные производители истощаютъ всю покупную силу земледѣльческаго края и служатъ для него такимъ же источникомъ бѣдности, какъ прямыя подати и оброки. Не будь этихъ производителей за безцѣнокъ, тѣ немногіе предметы, на которые распространяется покупная сила оброчнаго и податнаго земледѣльца, производились бы тѣми же земледѣльцами въ зимнее, свободное отъ работы время. Земледѣлецъ производилъ бы ихъ уже не для покупки хлѣба, а для увеличенія своего благосостоянія; получивъ деньги, онъ далъ бы работу другимъ и мало по малу развивалось бы благосостояніе. Теперь же, къ довершенію своего несчастья, онъ кромѣ своихъ оброковъ, уплачиваемыхъ хлѣбомъ, долженъ уплачивать оброки многочисленнаго голоднаго населенія промышленнаго края Россіи. Въ то время, когда такимъ образомъ русскій работникъ со всѣхъ сторонъ нагибается подъ иго голода и втискивается въ узкую колею неудовлетворительныхъ потребностей, потребности эти нетолько говорятъ въ немъ неумолчно, онѣ постоянно разростаются. Для него дѣлается наконецъ невыносимымъ жить такъ, какъ онъ жилъ до сихъ поръ. Трудно объяснить источникъ этихъ чувствъ, но ихъ никакъ нельзя приписать освобожденію; они явились прежде освобожденія. Скорѣе всего они были плодомъ того настроенія общества, которое привело къ освобожденію: громадное большинство общества чувствовало себя въ какой-то душной атмосферѣ, оно стремилось выйти куда-то, гдѣ можно свободнѣе вздохнуть. Теперь, когда оно попыталось вздохнуть, оно чувствуетъ, что ему несравненно болѣе нужно воздуху, чѣмъ оно впитало въ себя; чувствуя такимъ образомъ, наше общество находится всего болѣе подъ вліяніемъ цивилизаціи вѣка: его собственныя силы только въ союзѣ съ этой цивилизаціей даютъ его движеніямъ своеобразный характеръ. Совсѣмъ иное вы видите въ рабочемъ народѣ, его движеніе есть исключительное произведеніе его внутреннихъ силъ,— его страсти родились въ немъ самомъ, неумолчно тревожатъ его и ожесточаютъ, когда не встрѣчаютъ удовлетворенія. Кто привилъ ему страсть къ архитектурнымъ украшеніямъ? а между тѣмъ страсть эта питалась и развивалась въ немъ несмотря на всѣ препятствія. Посмотрите на его избу, разукрашенную и расписанную, и вы съ перваго взгляда увидите, что архитектура эта имѣетъ свою исторію. Кто же ее создалъ? Опять-таки достаточно взглянуть, чтобы убѣдиться, что она создала себя сама. Это—созданіе страсти народной, неудержимо развивающагося въ немъ стремленія. Кто научилъ крестьянина стыдиться нечистоплотности, которую онъ прежде не замѣчалъ? Онъ самъ научилъ себя этому. Путешествуя по Россіи, даже при небольшой

наблюдательности не трудно замѣтить, какъ отвращеніе отъ нечистоплотности и неряшества распространяется все далѣе и далѣе, и какимъ тяжкимъ бременемъ ложится эта новая потребность на крестьянской женщинѣ, которая такъ бѣдна, что не имѣетъ даже мыла. Нужно знать, что́ стоитъ напр. содержать въ чистотѣ некрашеный полъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ крестьянинъ. Пробуждающіяся потребности давятъ работника и увеличиваютъ смертность, а все-таки онѣ не заглушимы. Съ каждымъ годомъ онъ все болѣе замѣчаетъ недостатки своей жизни и замѣчаетъ самъ, безъ всякаго участія высшаго общества. Онъ идетъ совершенно отдѣльнымъ, своимъ путемъ. Это отдѣльное непрерывное шествіе, имѣющее источникомъ однѣ внутреннія силы—ясно для всякаго внимательнаго наблюдателя. Интересы, на которыхъ сосредоточивается вниманіе образованнаго общества, находятъ въ рабочемъ смѣтливое и одаренное большимъ тактомъ пониманіе. Не мало пасквилей писалось на работника, по поводу современныхъ движеній, въ журналахъ, которыхъ онъ къ счастью ихъ издателей никогда не читаетъ. Но всякій безпристрастный наблюдатель скажетъ, что онъ въ теченіе всего этого времени обнаружилъ столько смѣтливости, сколько дай Богъ обнаружить каждому. Онъ видѣлъ далѣе тѣхъ, которые надъ нимъ смѣялись, и умѣлъ выбрать настоящую дорожку, по которой онъ потихоньку и по мѣрѣ силъ могъ уйти дальше всего. Въ то время, когда движенія образованнаго сословія приняли такой характеръ, что они неизбѣжно отражались на рабочемъ, онъ все-таки продолжаетъ идти своимъ старымъ путемъ,—путемъ своей судьбы, путемъ неизбѣжно развивающихся потребностей. Послѣ жилища крестьянинъ обратилъ вниманіе на свою одежду. Въ стремленіи къ улучшенію одежды крестьяне обнаружили столько же энергіи, стойкости и упорства, какъ и въ стремленіи къ улучшенію своего жилища. Крестьянинъ такъ бѣденъ, такъ стѣсненъ, загнанъ и несчастливъ, что существеннаго улучшенія въ одеждѣ и жилищѣ онъ сдѣлать не можетъ, потребность уже развилась, средствъ къ ея удовлетворенію нѣтъ, ему стыдно плохо одѣваться, жить въ дурной избѣ, а дѣйствительно увеличить свой комфортъ средствъ не хватаетъ. Онъ пріучается жить на-показъ. Во всемъ, что можно скрыть, онъ подвергаетъ себя величайшимъ лишеніямъ, все семейство будетъ у него голодать, дѣти будутъ умирать,—а у дочери будетъ шелковое платье и избу онъ украситъ рѣзной работой. Задѣньте его самолюбіе, онъ тотчасъ будетъ стараться выставить себя богатымъ человѣкомъ, и оптимисты пользуются этимъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. «Я не могу надивиться,—говорилъ мнѣ волостной писарь одной отдаленной волости,—откуда взялась у крестьянъ страсть къ щегольству? куда имъ щеголять! имъ и безъ щегольства ѣсть нечего; нѣтъ, изъ послѣднихъ силъ бьется, самый тяжелый крестъ понесетъ, чтобы быть не хуже другихъ.» Изъ самыхъ отдаленныхъ деревень при первомъ случаѣ крестьяне массами выходятъ на заработки. Въ мѣстахъ, такихъ глухихъ, гдѣ я никакихъ заработковъ не предполагалъ, я находилъ, что третья часть волости уходитъ на работы. При такихъ обстоятельствахъ они встрѣчаются съ конкуренціей ловкихъ и оборотливыхъ работниковъ изъ голодныхъ уѣздовъ про-

мышленныхъ губерній. Работники эти врываются на тѣ рынки, которые мѣстными крестьянами считаются своими домашними, для нихъ преимущественно назначенными рынками. Отъ непосильной борьбы въ крестьянинѣ медленно питается озлобленіе противъ своего положенія: рости этому озлобленію никакая сила не можетъ помѣшать, онъ самъ не могъ бы чувствовать иначе, еслибы захотѣлъ; его терпѣніе истощается все болѣе и болѣе, и въ высшей степени не благоразумно не обращать вниманія на эти глубокія чувства, на эти великіе двигатели человѣческой дѣятельности. Нужно сдѣлать все, что необходимо, чтобы достигнуть смертности болѣе благопріятной, по крайней мѣрѣ такой, какая въ Англіи: если подумать о разницѣ въ густотѣ населенія, то нельзя не согласиться, что это первая степень, крайній минимумъ ручательства; что чувство ожесточенія, которое порождается въ народѣ отъ неизбѣжнаго и ничѣмъ не удержимаго возрастанія потребностей, соединеннаго съ уменьшеніемъ средствъ къ ихъ удовлетворенію, перестанетъ рости и его взгляды на жизнь сдѣлаются спокойными; что онъ не будетъ смотрѣть тревожными глазами вдаль и, вспоминая, какъ онъ разорился для удовлетворенія самыхъ неудержимыхъ и совершенно законныхъ своихъ страстей, не будетъ повторять съ отчаянія: «что-то будетъ—что-то будетъ впередъ.»

Мы видѣли, что въ промышленныхъ губерніяхъ, Ярославской и Нижегородской, замѣчался постоянный упадокъ благосостоянія, отъ котораго не спасло ихъ даже освобожденіе. Постоянное обѣднѣніе земледѣльческаго населенія отъ тяжкихъ оброковъ и податей, происходящій отъ этого недостатокъ скота и истощеніе почвы присовокупляются къ неизмѣримо тяжкой, убивающей работѣ на фабрикахъ и заводахъ, къ отсутствію всякихъ мѣръ для огражденія рабочаго отъ убійственныхъ вліяній на здоровье, къ крайней малодоходности мелкихъ промысловъ и убійственному хожденію на заработки; все это соединяется вмѣстѣ и производитъ смертность, какую не въ состояніи производить ни чума, ни холера. Къ несчастью такой же постепенный упадокъ можно замѣтить и въ черноземной полосѣ и освобожденіе точно также мало остановило гибельное направленіе. Наблюденіе надъ рожденіемъ и смертностью въ Пензенской губерніи въ теченіе одиннадцати лѣтъ показываетъ, что три года во время освобожденія (1861, 1862 и 1863) какъ по смертности, такъ и по перевѣсу рождающихся надъ умершими менѣе благопріятны предшествующихъ осьми лѣтъ †). Пензенская Памятная книжка на 1864 годъ увѣряетъ даже,

†) Вотъ данныя о смертности и о перевѣсѣ рожденій надъ умершими по Пензенской губерніи:

годы	Умираетъ одинъ изъ жит.	Перевѣсъ родивш. надъ умершими	годы	Умираетъ одинъ изъ жит.	Перевѣсъ родивш. надъ умершими	годы	Умираетъ одинъ изъ жит.	Перевѣсъ родивш. надъ умершими
1853 . . .	27	54%	1857 . . .	31	55%	1861 . . .	26	17%
1854 . . .	32	64	1858 . . .	33	72	1862 . . .	31	54
1855 . . .	25	35	1859 . . .	29	53	1863 . . .	25	29
1856 . . .	29	34	1860 . . .	24	29			

что земледѣліе начинаетъ менѣе обезпечивать мѣстныхъ работниковъ, чѣмъ промыслы сѣверныхъ уѣздовъ. Промышленное развитіе сѣверныхъ уѣздовъ Пензенской губерніи имѣетъ одинъ общій источникъ съ такимъ же развитіемъ въ губерніяхъ Нижегородской, Владимірской, Ярославской, Калужской — это голодъ: уѣзды эти нуждаются въ привозномъ хлѣбѣ. Памятная книжка утверждаетъ, что изъ всѣхъ возможныхъ производствъ земледѣліе нетолько наименѣе прибыльное для крестьянина, но нерѣдко даже убыточное, что крестьянинъ степныхъ мѣстъ, гдѣ развито земледѣліе, носитъ на себѣ печать бѣдности; изъ 127,791 крестьянскихъ избъ нетолько большая часть черныя, но достаточная для семьи изба едва найдется у десятаго крестьянина; несмотря на это онъ, во время большихъ холодовъ, вводитъ въ избу для доенія корову, держитъ и кормитъ въ избѣ своихъ телятъ и ягнятъ, пока они не много возмужаютъ и могутъ выносить мартовскіе холода. Какъ тяжело должно дѣйствовать на крестьянина такое постепенное паденіе, такое постепенное обѣдненіе при развивающихся потребностяхъ, которыя заставляютъ его съ году на годъ все болѣе и болѣе замѣчать тягости своей жизни и жалкое свое положеніе! Каковы должны быть чувства крестьянина, который тщательно и съ большими пожертвованіями разукрашаетъ фасадъ своей избы рѣзьбою, а внутри долженъ оставить ее черною! а сколько такихъ несчастныхъ на Руси? есть мѣстности, гдѣ они—громадное большинство.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Тысячу лѣтъ жили предки наши на русской землѣ, жили на-авось, какъ придется, ни разу не спросили себя, какъ живется на этой землѣ массѣ русскаго народа, каково его положеніе, каковы его потребности? Много надѣлала имъ горя эта неосмотрительность. Россію едва не затопили разъигравшіяся волны самозванства, ее терзали бунты Разина и Пугачева; но все это не произвело на нашихъ предковъ ни малѣйшаго серьезнаго впечатлѣнія. Ихъ легкомысліе по отношенію къ этому предмету тѣмъ болѣе поразительно, что они во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ показывали много ума и такта. Они нетолько сохранили свою самостоятельность среди всѣхъ треволненій, но покорили и подчинили себѣ вполнѣ или отчасти всѣхъ своихъ сосѣдей, хотя по всѣмъ вѣроятностямъ нужно было бы предсказать, что они сами будутъ покорены ими. Во второй половинѣ настоящаго столѣтія сдѣлалось для насъ яснымъ, что недостатокъ вниманія къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ можетъ быть для насъ гибеленъ, мы можемъ притомъ утратить даже и то, чѣмъ мы всего болѣе гордимся, — нашу внѣшнюю политическую силу. Европейскія державы быстро переросли насъ въ богатствѣ и могуществѣ, и когда въ пятидесятыхъ годахъ мы съ ними столкнулись, тогда мы увидали, какое превосходство надъ нами имъ дали ихъ ловкія руки и ихъ техническія знанія. Теперь только мы взялись за умъ и подумали о томъ, чтобы приглядѣться ближе къ положенію нашего рабочаго народа. Положеніе это оказывается ужаснымъ. Конечно, этотъ фактъ имѣетъ происхожденіе чисто историческое и не можетъ быть поставленъ намъ въ вину. Упрекать человѣка за то, что дѣлалъ его отецъ и дѣдъ, безъ всякаго сомнѣнія несправедливо, ставить ему въ вину разстройство его имѣнія, произведенное его предками, это значитъ взводить на него весьма легкомысленное обвиненіе. Но если это такъ, то затоже намъ по справедливости могутъ сдѣлать упрекъ въ малодушіи, если мы

не будемъ имѣть достаточно силы воли, чтобы взглянуть нашей судьбѣ прямо въ лицо, если мы, подобно жалкому трусу, зажмуримъ глаза, замахаемъ руками и постараемся затушевать и замазать истину. Конечно поправлять дѣла, испорченныя другими, вещь вовсе не пріятная, но если къ нашему несчастью это выпало намъ на долю, то лучшее, что мы можемъ сдѣлать—это принять свою судьбу съ достоинствомъ и пройти свой путь не уклоняясь, съ открытымъ, безстрашнымъ взглядомъ. Какъ скоро мы разъ будемъ имѣть достаточно мужества, чтобы на это рѣшиться, то мы увидимъ, что у насъ даже не пропала надежда нетолько поправить наши дѣла, но играть великую историческую роль; вѣдь Англія обогнала же Испанію, которая въ пятнадцатомъ столѣтіи стояла на несравненно большей высотѣ, защищена была отъ враговъ Пиренейскими горами, могла владѣть и Средиземнымъ моремъ и Великимъ океаномъ, владѣла несравненно болѣе богатыми частями Америки и во всѣхъ отношеніяхъ имѣла болѣе шансовъ занять въ міровой жизни то мѣсто, которое занято теперь Англіею. Если мы дѣйствительно будемъ имѣть столько душевнаго величія, что пожелаемъ играть такую великую и славную роль, то мы не должны забывать, что стать во главѣ цивилизаціи и вести за собою человѣчество можетъ только тотъ народъ, который разовьетъ въ своей душѣ болѣе совершенныя чувства и создастъ болѣе совершенныя міровоззрѣнія. Великія имперіи безъ идеи, подобныя державамъ, созданнымъ Чингисъ-Ханомъ, Тамерланомъ и Киромъ, исчезали безъ слѣда и оставляли за собою лишь самую незавидную репутацію, въ то время когда Индія, Аѳины, Англія и Соединенные Штаты сохранятся навсегда въ памяти исторіи, какъ руководители человѣчества. Мы можемъ даже не закрыть глазъ передъ нашими недостатками, мы можемъ даже понять, какою бѣдою грозитъ намъ со дня на день увеличивающееся населеніе, если мы не подумаемъ объ обезпеченіи его положенія; но мы можемъ разсуждать такимъ образомъ: Европа прошла по тому же пути, по которому идемъ мы, она пережила тѣ же фазисы; пойдемъ по ея слѣдамъ, мы будемъ вывертываться изъ бѣды такъ же, какъ она вывертывалась; зачѣмъ намъ ломать голову и руки надъ прокладываніемъ новаго пути, когда есть старая проторенная дорожка. Такъ мы и разсуждали до сихъ поръ, такъ мы старались дѣйствовать; но даже и тутъ мы постоянно боялись сдѣлать лишній и слишкомъ быстрый шагъ. Конечно, мы могли не сдѣлать и этого — мы могли бы, подобно Хивѣ или Марокканской имперіи, остаться недоступными для цивилизаціи, но тогда мы были бы—страна варварская; еслибы мы повели себя такимъ образомъ, то по всей вѣроятности теперь шелъ бы вопросъ о распаденіи Россіи такой же, какой виситъ надъ Турціею. Если мы будемъ продолжать идти тѣмъ путемъ, которымъ шли до сихъ поръ, то мы неизбѣжно должны будемъ навсегда остаться въ хвостѣ цивилизованнаго міра; если я иду за человѣкомъ и робко шагъ за шагомъ ступаю въ оставленный имъ слѣдъ, то безъ всякаго сомнѣнія я всегда останусь позади. Національная гордость каждаго русскаго должна возмущаться такимъ положеніемъ, и добробы намъ дѣйствительно не оставалось ничего болѣе дѣлать. Но вѣдь это не такъ: мы видимъ въ современной цивилизаціи, во главѣ которой стоятъ

средняя Европа и Соединенные Штаты, радикальный недостатокъ, одинъ изъ тѣхъ недостатковъ, которые приготовляли цивилизаціямъ могилу и которые дѣлали необходимымъ, чтобы на мѣсто старыхъ выступали новые руководители съ свѣжими силами. Нормальная цивилизація должна воспитывать людей въ такихъ понятіяхъ и въ такихъ чувствахъ, чтобы они помогали, а не мѣшали другъ другу достигать развитія и благосостоянія. Только при такомъ воспитаніи общество можно признать здоровымъ, потому что въ этомъ случаѣ каждый отдѣльный его членъ будетъ видѣть предѣлъ для своего развитія и для своего благосостоянія въ однихъ своихъ внутреннихъ силахъ и въ условіяхъ окружающей его природы. Человѣкъ будетъ поставленъ къ другому человѣку и къ природѣ въ то же самое нормальное отношеніе, въ которомъ находятся животныя и растенія. Животное, будетъ ли оно хищное или травоядное, потребляетъ именно столько, сколько нужно для возстановленія его собственныхъ силъ, т. е. оно созидаетъ въ себѣ самомъ именно столько же, сколько оно потребило. Результаты науки показываютъ, что условіе это до такой степени нормально, что при его существованіи жизнь на землѣ постоянно увеличивалась и количество животныхъ и растеній нетолько постоянно умножалось, но являлись все болѣе и болѣе совершенныя формы. Въ людяхъ мы замѣчаемъ совершенно другое: мы видимъ, что человѣкъ, посредствомъ ума своего, можетъ создавать искусственно столь благопріятныя условія для жизни, что на томъ же самомъ пространствѣ количество людей, животныхъ и растеній можетъ увеличиться во многое число разъ. Въ степяхъ Монголіи и въ лѣсахъ Сибири вы можете сдѣлать десятки верстъ и не встрѣтить ни одного животнаго: въ сравненіи съ ними Самарская губернія представитъ вамъ уже громадное развитіе жизни; но эта жизнь покажется опять-таки совершенно ничтожною, если приравнять къ ней Англію, лежащую приблизительно на одной съ нею широтѣ. Въ Самарской губерніи на квадратную милю приходится до 584 челов. и до 808 штукъ скота, а въ Англіи часто можно найти до 8,000 человѣкъ и до 17,000 штукъ скота. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ Англіи, по сравненію съ сибирскими мѣстами и монгольскими степями, жизнь увеличена въ 250 или даже въ 500 разъ. Рядомъ съ этой великой способностью распложать жизнь на землѣ человѣкъ обладаетъ еще несравненно болѣе сильною способностью,—способностью поразительною по своей аномаліи. Онъ имѣетъ и возможность и наклонность уничтожать жизнь,—и уничтожать не такъ, какъ уничтожаетъ животное, убивающее для того, чтобы насытиться, но уничтожать безъ всякой пользы для своего организма. Про животное даже нельзя сказать, что оно уничтожаетъ; оно превращаетъ и этимъ увеличиваетъ жизнь, уничтожаетъ одинъ человѣкъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ кажущееся уничтоженіе со стороны животнаго въ сущности только увеличиваетъ жизнь, стоитъ сдѣлать даже самыя поверхностныя наблюденія въ тайгахъ и въ степяхъ. Въ тайгѣ напр. вы видите, что деревья до такой степени густо стоятъ одно подлѣ другаго, что они мѣшаютъ другъ другу расти: вы ожидали встрѣтить деревья огромныхъ размѣровъ, а находите лѣсъ весьма посредственной величины; тоже и на югѣ, при благодатной почвѣ: тамъ вы точно также

встрѣчаете огромнаго роста жесткую траву. И дерево и растеніе имѣютъ въ себѣ еще очень много растительной силы, но они не имѣютъ случая ее проявить, — своей тѣснотой они, такъ сказать, подавляютъ ее другъ въ другѣ. Но вотъ въ тайгѣ и въ степи является сохатый, является травоядное животное, животное, питающееся листьями и плодами. Масса плодовъ, которая пропадала даромъ, теперь питаетъ новый организмъ; трава, употребленная въ пищу возобновляется два и три раза, и тамъ, гдѣ въ теченіе года появлялось напр. сто пудовъ травы, теперь появляется двѣсти и триста. Молодыя вѣтви и листья идутъ въ пищу сохатому и другимъ животнымъ; вскорѣ они вновь выростаютъ изъ дерева и растительная его сила, которая оставалась безъ проявленія, теперь имѣетъ полную возможность проявиться. Травоядное, насытившись, удабриваетъ землю своими экскрементами и даетъ ей возможность производить еще болѣе растеній. Таково вліяніе травояднаго: повидимому оно уничтожаетъ жизнь, а въ сущности оно ее увеличиваетъ своимъ уничтоженіемъ; оно живетъ само и даетъ большее проявленіе растительной силѣ. Не менѣе благодѣтельно существованіе хищнаго,—этого кровожаднаго пугала, которое производитъ на насъ такое ужасное впечатлѣніе. Предположимъ, что въ извѣстной мѣстности существуетъ масса животныхъ, истощающихъ всѣ растительныя силы земли: плодиться болѣе они не могутъ, потому что все излишне наплодившееся неизбѣжно умретъ и дѣйствительно умираетъ отъ недостатка пищи; между тѣмъ плодородная сила въ нихъ такъ велика, что они могли бы расплодиться въ нѣсколько разъ быстрѣе, и эта сила гибнетъ безполезно. Но вотъ является хищное: оно поѣдаетъ травоядныхъ и даетъ ихъ воспроизводительной силѣ проявиться вполнѣ. Такимъ образомъ къ массѣ растеній и травоядныхъ животныхъ присовокупляется еще масса хищныхъ; данъ новый толчекъ и производительная сила земли увеличивается отъ удобряющихъ экскрементовъ всѣхъ этихъ животныхъ, производительность мѣстности постоянно возрастаетъ. Этого мало, хищное преслѣдуетъ травоядное и между ними начинается борьба. Борьба эта приводитъ къ тому, что травоядное, упражняя свои способности, постоянно совершенствуется. Всякому извѣстно, какъ остроумно развито современною наукою ученіе объ усовершенствованіи породъ. Если мы сравнимъ прежнія и современныя породы, то мы найдемъ, что современныя имѣютъ гораздо болѣе средствъ отыскивать себѣ пищу и могутъ эксплуатировать такіе источники, которые оставались безъ всякаго употребленія; конечно въ животныхъ есть и уничтожающія жизнь проявленія, но они рѣдки и далеко недостаточно объяснены. Точно такое же дѣйствіе на природу имѣетъ и человѣкъ, но такъ какъ онъ—самое совершенное изъ животныхъ, то и вліяніе его на природу безъ сравненія болѣе благодѣтельное. Отыскивая себѣ пищу, человѣкъ точно также, какъ и всякое другое животное, совершенствуетъ породы, которыми питается, и приэтомъ совершенствуется самъ. Таково его отношеніе къ животнымъ и къ природѣ, но не таково его отношеніе къ другимъ людямъ: тутъ онъ обнаруживаетъ разрушительную силу, громадную по своимъ размѣрамъ, безцѣльную для него по своимъ результатамъ и не имѣющую никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ

уменьшенія жизни на землѣ. — Эта разрушительная сила стоитъ внѣ всякой соразмѣрности съ его силою производительной, одинъ человѣкъ способенъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ уничтожить то, что тысячами людей и животныхъ созидалось въ теченіе вѣковъ. Среди звѣрей мы нигдѣ не видимъ подобной разрушительной силы; это что-то чудовищное, безцѣльное. Я не буду говорить о великихъ бичахъ человѣчества, проносившихся геніемъ разрушенія надъ цѣлыми частями свѣта—о Чингисъ-Ханѣ, о Тамерланѣ, объ Аттиллѣ. Я укажу на то, какую разрушительную силу обнаруживали владѣльцы сравнительно слабыхъ народовъ. Персидскій деспотъ Надиръ-Шахъ, послѣ нападенія на Дели, велѣлъ изрубить 120,000 человѣкъ; возвратившись домой, онъ сначала велѣлъ, по подозрѣнію, выколоть своему сыну глаза, а потомъ, когда узналъ, что его подозрѣнія были ложны, онъ взбѣсился на персіанъ и погубилъ массы своихъ собственныхъ подданныхъ. Другой персидскій владѣлецъ Ага-Магометъ лишилъ зрѣнія и убилъ въ одномъ только городѣ 20,000 человѣкъ. Все это громадное разрушеніе должно быть приписано только двумъ личностямъ Надиру и Магомету. Что оно не можетъ относиться къ персіанамъ, служившимъ орудіями, видно изъ того, что съ тѣми же самыми персіанами подъ управленіемъ Керимъ-Хана ничего подобнаго не могло произойти. Подобные Надиру и Агѣ государи взваливали на народъ такія невыносимыя тягости, что когда однажды затруднялись, какое бы наказаніе придумать для знаменитаго разбойника, одинъ совѣтникъ сказалъ: «сдѣлайте его сборщикомъ податей, и рыданія народа и требованія властей доставятъ ему столько страданій, что этого будетъ достаточно въ наказаніе за самое ужасное преступленіе, какое можно себѣ вообразить.» Страна пустѣла, цвѣтущія поля оставались невоздѣланными, и путешественникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ слѣды искусственнаго орошенія теперь брошеннаго и запущеннаго.

Дѣйствіе этихъ разрушительныхъ наклонностей сравнительно ничтожно въ обыкновенномъ работникѣ: въ немъ плодящая жизнь натура животнаго далеко преобладаетъ; но эта сила разрушенія дѣлается тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе человѣкъ имѣетъ власти надъ людьми и имуществомъ. Однимъ словомъ, она всего болѣе сосредоточивается въ высшихъ слояхъ общества, не потому, чтобы эти слои были хуже по своимъ человѣческимъ свойствамъ, а потому, что они имѣютъ болѣе возможности проявляться такимъ образомъ. Зато-же въ этихъ же слояхъ сосредоточивается интеллигенція и наука. Въ результатѣ оказывается однакоже, что наука несравненно менѣе способствовала распложенію жизни на землѣ, чѣмъ разрушительныя наклонности людей мѣшали этому. Чтобы понять въ этомъ отношеніи роль науки, стоитъ сравнить тѣ части земнаго шара, гдѣ она обнаруживала свое дѣйствіе, съ тѣми, гдѣ обошлось безъ ея участія. Въ Индіи, въ Китаѣ, въ Японіи, народъ собственнымъ своимъ опытомъ, передававшимся отъ поколѣнія къ поколѣнію, достигъ умѣнья производить такую массу питательныхъ веществъ и другихъ необходимыхъ для жизни средствъ, что тамъ могло жить на одной квадратной мили отъ трехъ до пяти тысячъ человѣкъ, т. е. столько же, сколько въ самыхъ густонаселенныхъ частяхъ Европы. Между кабилами населеніе было гуще, чѣмъ во

Франціи. Если наука дала что-нибудь рабочему классу, то это—нѣкоторыя жизненныя удобства, которыя были бы недоступны, еслибы не существовало машинъ, напр. хлопчато-бумажныя ткани, и если перечислить эти удобства, то ихъ окажется вовсе не много. Наука значительно украсила жизнь высшихъ классовъ, она увеличила ихъ матеріальное благосостояніе, дала имъ богатый запасъ интеллектуальныхъ ощущеній, дала имъ возможность до такой степени распространить свою власть и свое вліяніе, что европейцы и европейскіе выходцы владѣютъ въ другихъ частяхъ свѣта половиною всего ихъ пространства и третьею частью ихъ населенія; но для массы населенія она сдѣлала сравнительно очень мало. Если затѣмъ обратиться къ результатамъ, произведеннымъ разрушительными наклонностями, то мы увидимъ, что вліяніе ихъ было громадно. Исторія показываетъ, что въ Аѳинахъ уже слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ народъ умѣлъ производить столько, чтобы содержать населеніе въ пять тысячъ душъ на одной квадратной милѣ; если вспомнить о Китаѣ, объ Индіи и о кабилахъ, то мы легко убѣдимся, что искусство это дается имъ не такъ трудно; между тѣмъ мы видимъ, что до сихъ поръ міръ достигъ едва только десятой части этого населенія. Индія достигла населенія въ три тысячи душъ на квадратную милю несмотря на то, что даже англійское правительство отнимало еще у жителей половину всего, что они производили. Рабство, кровопролитныя войны, невыносимые поборы всюду служили самымъ существеннымъ препятствіемъ къ размноженію людей; они были причиною того, что въ прочихъ частяхъ восточнаго материка населеніе въ три съ половиною раза менѣе густо, чѣмъ въ западной Европѣ. Въ той мѣстности, гдѣ теперь аѳинская республика, населеніе теперь въ пять разъ менѣе густое, чѣмъ было прежде. Благодаря разрушительнымъ наклонностямъ Испанія, которая въ средніе вѣка мѣстами была гуще населена, чѣмъ Англія, имѣетъ теперь вдвое менѣе густое населеніе. Разрушительныя наклонности сильныхъ людей, какъ видно изъ сказаннаго, несравненно болѣе мѣшали размноженію жизни на землѣ, чѣмъ наука помогала этому размноженію. Не будь этого, на землѣ и безъ помощи науки вездѣ было бы отъ трехъ до пяти тысячъ на квадратную милю, какъ въ Китаѣ, въ Японіи и между кабилами. Вотъ почему борьба съ подобными разрушительными наклонностями составляла первую задачу цивилизаціи.

Современная цивилизація конечно отчасти посвящала свою дѣятельность этой задачѣ точно такъ же, какъ и всѣ предъидущія; она дѣйствовала даже несравненно успѣшнѣе, чѣмъ всѣ ея предшественники. Она уничтожила частныя войны и набѣги, отмѣнила рабство, дала большое развитіе мелкой собственности, отмѣнила откупа при сборѣ податей. Но если мы посмотримъ на путь, которымъ идетъ въ настоящемъ случаѣ эта цивилизація, то мы неизбѣжно должны сказать, что путь этотъ—совершенно недостаточный и ложный: она признаетъ разрушительныя наклонности въ человѣкѣ естественными свойствами его души, питаетъ и развиваетъ ихъ, и въ тоже время старается обуздать ихъ силою. Вотъ почему во всѣхъ обществахъ, воспитанныхъ этою цивилизаціею—постоянная рознь и постоянный разладъ. У нихъ даже

сложилось убѣжденіе, что иначе и быть не можетъ, что интересы сильныхъ и слабыхъ прямо противоположны. По ихъ мнѣнію чиновникъ, адвокатъ, инженеръ и докторъ всегда будутъ стремиться увеличить свои доходы, капиталистъ свои барыши, землевладѣлецъ свою ренту, правительство государственные доходы. Все это долженъ конечно дать народъ, и всѣ вышеупомянутые лица, согласно чувствамъ развитымъ въ нихъ этой цивилизаціей, естественно должны стремиться какъ можно болѣе съ него взять, и если они не встрѣтятъ препятствія, то они возьмутъ столько, что народъ будетъ умирать съ голоду, а если встрѣтятъ, то умѣрятъ свои претензіи лишь именно настолько, насколько это препятствіе будетъ неодолимо: ихъ судьба—быть вѣчнымъ тормазомъ для развитія жизни на землѣ, они вѣчно будутъ одни поглощать въ нѣсколько разъ болѣе труда, чѣмъ все прочее населеніе. Скажите работнику, что для него было бы недурно убѣдить своего хозяина, что этотъ хозяинъ будетъ несравненно счастливѣе, если онъ не будетъ наживаться на его счетъ. Работникъ сочтетъ за крупнаго дурака того, кто ему это предложитъ, а если услышитъ это хозяинъ, то онъ навѣрное подумаетъ тоже, что и его работникъ.

Какъ скоро заходитъ рѣчь о какой-либо разрушительной дѣятельности человѣка, современная цивилизація прежде всего спрашиваетъ: правъ ли онъ или нѣтъ поступая такимъ образомъ. И вотъ начинается доказательство неправоты, причемъ сильный всячески затыкаетъ ротъ слишкомъ усерднымъ адвокатамъ. Затѣмъ, когда окажется, что онъ неправъ, она спрашиваетъ: есть ли достаточная сила, чтобы принудить его отказаться отъ своихъ пріемовъ; если нѣтъ, то цивилизація опускаетъ руки и объявляетъ всякія попытки породить на этомъ пунктѣ наибольшее развитіе жизни непрактическими. Не трудно показать, что такой пріемъ часто совершенно не раціоналенъ и всегда не достаточенъ: скажите Надиру и Агѣ Магомету, что они были неправы производя такое ужасное разрушеніе. Помилуйте, отвѣтятъ они, вникните же въ наше положеніе: если мы не будемъ грозны и страшны для нашихъ враговъ, то эти враги придутъ къ намъ, истребятъ насъ и обратятъ въ рабство; если мы не будемъ казнить крамольниковъ, составляющихъ заговоры противъ нашей жизни, то намъ не процарствовать и одной недѣли, мы тотчасъ же будемъ задушены; если мы такъ поступали съ нашими врагами и съ заговорщиками, то это только потому, что мы ихъ сильнѣе, перейди сила на ихъ сторону, они бы точно также поступили съ нами. Спросите каждое изъ европейскихъ государствъ, почему оно старается расшириться насчетъ своихъ сосѣдей, съ такимъ вредомъ для общаго блага и съ такимъ отягощеніемъ для собственныхъ своихъ членовъ. При настоящемъ положеніи вещей неизбѣжно быть сильнымъ, отвѣтитъ оно; посмотрите, какъ въ началѣ настоящаго столѣтія союзъ европейскихъ державъ поступалъ съ слабыми и тасовалъ государства. Спросите этотъ союзъ, зачѣмъ онъ мѣшаетъ государствамъ укрѣпляться, если они это находятъ необходимымъ для своей безопасности. Помилуйте, отвѣтитъ онъ, если каждому государству позволить запускать лапу, то оно всѣхъ насъ уничтожитъ. Спросите капиталистовъ, по-

чему они не уступаютъ требованіямъ работниковъ по отношенію къ заработной платѣ: они отвѣтятъ, что еслибы они уступали безъ борьбы, то требованія увеличились бы дотого, что фабрики и заводы должны были бы разориться и промышленность страны пришла бы въ упадокъ. Спросите работниковъ, зачѣмъ они борются, и они отвѣтятъ вамъ, что еслибы они не боролись, то капиталисты давно бы закабалили ихъ и ихъ положеніе было бы хуже положенія рабовъ. Если два тетерева дерутся на току и кто-нибудь вздумалъ бы прекратить эту катастрофу, разрѣшивъ, кто изъ нихъ правъ, то онъ безплодно подбиралъ бы доказательства и выводилъ бы заключенія до тѣхъ поръ, пока они оба легли бы на мѣстѣ, истекая кровью отъ ранъ. Въ этомъ случаѣ одинъ раціональный образъ дѣйствія—это отнять у нихъ разрушительную наклонность. Дикая собака и дикая кошка не могутъ встрѣтиться, чтобы не вступить въ смертельный бой; тѣ же животныя, у которыхъ домашнимъ воспитаніемъ уменьшены разрушительныя наклонности, нетолько могутъ жить рядомъ въ величайшей дружбѣ, но даже ѣсть изъ одной чашки. Какъ скоро идетъ борьба, возбужденная разрушительными наклонностями, то разрѣшить вопросъ о правотѣ невозможно, и всѣ попытки ученыхъ сдѣлать это съ раціональной, научной точки зрѣнія оказываются при сколько-нибудь внимательномъ разсмотрѣніи поверхностными до смѣшнаго. Подобныя попытки приводятъ къ чувствамъ и міровоззрѣніямъ, при которыхъ и капиталистъ и работникъ разсмѣются, если сказать, что капиталистъ увеличитъ собственное свое счастье, если онъ будетъ доводить счастье рабочаго до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Невозможно опредѣлить въ этомъ случаѣ правоту по той простой причинѣ, что нѣтъ никакаго способа для опредѣленія, гдѣ начинается необходимая потребность и гдѣ кончается дѣйствіе инстинкта разрушенія. Когда въ Европѣ начались конституціонныя движенія, тогда имущіе классы увѣряли, что они берутъ себѣ только самое необходимое и что всякое уменьшеніе ихъ доходовъ неизбѣжно разоритъ ихъ и поведетъ къ упадку промышленности и благосостоянія страны, но что правительства разоряютъ народъ излишними требованіями и уменьшаютъ источники жизни въ странѣ: однимъ словомъ въ нихъ дѣйствовали здоровые инстинкты распложенія жизни посредствомъ развитія промышленныхъ силъ, а въ правительствахъ инстинкты разрушенія. Когда же введены были конституціонныя учрежденія, тогда оказалось, что эти имущественные классы, по собственному согласію стали давать правительствамъ изъ своего кармана несравненно болѣе, чѣмъ они получали прежде. Въ Пруссіи съ 1821 года, т. е. со времени перваго объявленнаго бюджета, до 1850 года, когда окончательно установилось конституціонное управленіе, расходы государства увеличивались въ годъ на $1^1/_4$ милл., а съ 1850 г. расходы эти увеличивались на $3^1/_2$ милл. Ясно, что если имущественные классы могли изъ своихъ доходовъ столько уступать въ пользу бюджета, то, слѣдовательно, деньги эти не были необходимы для правильнаго хода промышленности и вознагражденія ихъ риска, какъ они говорили прежде; значитъ они уменьшали благосостояніе массъ и развитіе жизни не вслѣдствіе необходимыхъ, природныхъ условій, а вслѣд-

ствіе разрушительныхъ своихъ наклонностей. Итакъ оказалось, что разрушительныя-то наклонности были на ихъ сторонѣ, а не на сторонѣ правительства. Затѣмъ еще подлежитъ рѣшенію вопросъ, дѣйствительно ли нуженъ такой большой бюджетъ, какой они создали своими деньгами, и не есть ли онъ произведеніе заносчивости, завоевательныхъ стремленій, желанія представлять изъ себя могущественное и грозное государство, т. е. опять-таки разрушительныхъ наклонностей. Всѣ признаки въ подобныхъ случаяхъ могутъ оказываться обманчивыми. Въ Даніи послѣ продолжительнаго неограниченнаго правленія, Христіанъ VII, подъ вліяніемъ своей жены Матильды и графа Струензе, затѣялъ многія благодѣтельныя реформы, онъ улучшилъ суды и общественное положеніе Копенгагена. Самыя тягостныя подати были отмѣнены, бремя феодальныхъ отношеній облегчено и установлена свобода рѣчи. Все это, очевидно, должно было бы составлять благодѣтельное ограниченіе разрушительныхъ наклонностей. На дѣлѣ оказалось совершенно противоположное. Народъ нетолько не увидалъ въ этомъ улучшенія своего положенія и источникъ для размноженія жизни, но остался такъ недоволенъ правительствомъ, что возсталъ въ Копенгагенѣ массами. Струензе и королева были схвачены и брошены въ темницу. Когда Струензе и его помощникъ графъ Брантъ были казнены, тогда народъ восторженно привѣтствовалъ такой приговоръ. Если не возможно въ борьбѣ, порождаемой разрушительными наклонностями, выяснить правоту и опредѣлить, гдѣ начинается дѣйствіе этой наклонности, то еще менѣе возможно надѣяться наилучшихъ результатовъ посредствомъ обузданія ея силою,—какъ бы сила эта ни проявлялась, въ видѣ ли открытаго возстанія или въ видѣ мирныхъ народныхъ движеній. Этимъ путемъ разрушительная наклонность перестаетъ проявляться только тогда, когда это проявленіе сдѣлается невозможнымъ по самой природѣ вещей и когда слѣдовательно о ея вредномъ вліяніи нечего и заботиться. Это понятно безъ всякаго разъясненія: сила можетъ разрушать только тамъ, гдѣ она встрѣчается со слабостью; какъ скоро является другая сила, способная ее обуздать, слѣдовательно болѣе значительная, то она разрушать болѣе не можетъ. Ясно, что нечего заботиться, чтобы сила не вредила болѣе сильному, а нужно позаботиться о томъ, чтобы она не вредила слабому. Не зная другаго пути къ обузданію разрушительныхъ наклонностей, кромѣ силы, современная цивилизація приходитъ къ тому, что ея метода оказывается дѣйствительною только тамъ, гдѣ для достиженія этой цѣли не нужно уже никакой методы. Исторія всякой соціальной группы, исторія всякаго современнаго государства можетъ достаточно убѣдительно доказать это. Для примѣра я возьму Норвегію. Начиная съ XVI столѣтія страна эта была подъ управленіемъ датскихъ королей. Недовольные датскимъ правительствомъ, норвежцы попытались сопротивляться, но оказались слишкомъ слабыми и были побѣждены. Съ того времени, почти въ теченіе двухъ столѣтій, датскіе короли уничтожали благосостояніе Норвегіи и обнаружили по отношенію къ ней именно столько разрушительныхъ стремленій, насколько у нихъ было силы. Такъ разоряя страну поборами и дурнымъ управленіемъ, они не посмѣли распространить тамъ крупное земле-

владѣніе, потому что послѣ первыхъ попытокъ они увидали, что встрѣтятъ слишкомъ сильное сопротивленіе. Въ настоящемъ столѣтіи Норвегія обѣщана была великими державами Швеціи. Соразмѣривъ свои силы, норвежцамъ показалось, что они могутъ составить самостоятельное государство. Шведы конечно не отказались отъ своихъ претензій, и началась борьба. Шведы скоро увидали, что они не въ-силахъ вполнѣ поработить страну, а Норвежцы, что они не будутъ въ состояніи удержать безусловную свою независимость. Норвегія присоединилась къ Швеціи на условіяхъ весьма значительной самостоятельности. Завоеванныя такимъ образомъ права быстро возвысили благосостояніе норвежцевъ, страну эту стали считать одною изъ самыхъ свободныхъ и демократическихъ въ Европѣ и называли крестьянскою республикою. Въ чемъ же помогла ей современная цивилизація? когда она была слаба, она страдала почти два столѣтія, а когда оказалась столь сильною въ борьбѣ, что могла обуздать разрушительныя стремленія, она освободилась отъ нихъ именно настолько, насколько у ней хватило силы и насколько эти стремленія не могли достать ея; она бы освободилась, такимъ образомъ, и безъ всякой помощи со стороны цивилизаціи. Цивилизація эта воспитываетъ сильныхъ иногда въ такихъ взглядахъ, что они нетолько обнаруживаютъ разрушительныя стремленія, но нерѣдко дѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы не дать слабымъ окрѣпнуть съ единственною цѣлью предупредить возможное сопротивленіе подобнымъ инстинктамъ. Какая же общественная жизнь можетъ процвѣтать подъ вліяніемъ такой цивилизаціи?

Разсматривая природу человѣка, мы находимъ, что счастье каждой отдѣльной личности нетолько не находится въ противорѣчіи съ счастьемъ другихъ людей и вообще всего живущаго на землѣ, но что напротивъ между ними гармонія такого рода, что человѣкъ тѣмъ болѣе будетъ способствовать всемірному благополучію, чѣмъ усерднѣе онъ будетъ отыскивать свое собственное. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно понять одно, что человѣкъ тѣмъ болѣе счастливъ, чѣмъ болѣе онъ силенъ, т. е. чѣмъ больше масса физическихъ и интеллектуальныхъ силъ, которыми онъ обладаетъ. Какъ бы ни была велика масса матеріяльныхъ благъ, власти и пр. въ рукахъ человѣка, но онъ все-таки будетъ при равной удачѣ въ достиженіи своихъ цѣлей менѣе счастливъ, чѣмъ человѣкъ болѣе сильный. Или лучше сказать, въ массѣ равнымъ счастьемъ пользуются не тѣ люди, которые обладаютъ равнымъ богатствомъ и равною властью, а тѣ, которые имѣютъ равную физическую и душевную силу. Чтобы уяснить себѣ это, сравните день ученаго съ обыкновенными матеріяльными средствами, но обладающаго рѣдкою душевною силою, и день женщины весьма богатой, но со слабыми душевными и тѣлесными способностями. Представьте себѣ, что нашъ ученый—историкъ, что въ теченіе этого дня его заинтересовалъ эпизодъ изъ какого-нибудь великаго народа. Въ его воображеніи возникла грандіозная картина территоріи, растянувшейся на сто или на двѣсти тысячъ квадратныхъ миль, съ небомъ, которое надъ нею высится, съ морями, которыя ее окружаютъ. Передъ нимъ пестрая смѣсь ея обитателей съ ихъ нравами и чувствами, съ ихъ оригинально построенными го-

родами и селами. Въ теченіе какого-нибудь десятка часовъ онъ пережилъ вмѣстѣ съ ними жизнь и страсти, волновавшія ихъ много лѣтъ, и вотъ онъ извлекъ изъ этого урокъ для человѣчества. Передъ его умственнымъ взоромъ все человѣчество съ его чувствами и особенностями, онъ взвѣшиваетъ и примѣриваетъ, какъ подѣйствуетъ урокъ, онъ заранѣе переживаетъ ту борьбу, которую возбудитъ эта идея и которая будетъ одушевлять милліоны сердецъ. Слабая барыня сначала проведетъ нѣсколько часовъ во снѣ и въ забытьи, въ теченіе этихъ часовъ ученый пережилъ уже длинный рядъ значительныхъ ощущеній. Барыня старается продолжить свой сонъ по-возможности; ничего не ощущать кажется для нея самымъ пріятнымъ препровожденіемъ времени. Наконецъ она встала и два съ половиною часа занимается туалетомъ. Это она дѣлаетъ не для того, чтобы произвести на кого-нибудь болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, ей уже тридцать лѣтъ и она никогда не была особенно хороша собою. Она занимается этимъ только по привычкѣ и чтобы какъ-нибудь убить время. Она растягиваетъ его до тѣхъ поръ, пока это занятіе не надоѣстъ ей безмѣрно; ея ощущенія приэтомъ равняются опять-таки приблизительно ощущеніямъ сна, т. е. нулю—она избавлялась только отъ скуки. Она вовсе не голодна, но опять-таки, чтобы избавиться отъ скуки, она пьетъ чай и ѣстъ какъ можно дольше. Послѣ этого она уже дѣйствительно начинаетъ скучать. Наконецъ на выручку является нѣсколько визитовъ, мелкихъ проявленій тщеславія и мелкихъ заботъ. Чтобы понять разницу между этими ощущеніями и ощущеніями, пережитыми въ тоже время ученымъ, стоитъ представить себѣ богатаго и интеллектуально сильнаго человѣка, напр. Наполеона, Мирабо, Фокса или Вашингтона, на мѣстѣ обоихъ сравниваемыхъ лицъ. Ощущенія барыни показались бы имъ такими жалкими и ничтожными, что они сочли бы себя несчастными, еслибы имъ пришлось ихъ переносить, а ощущенія ученаго подѣйствовали бы на ихъ душу точно также увлекательно. Я не буду продолжать, я не буду говорить о мигрени и разстройствѣ желудка, добытыхъ потребностью хотя что-нибудь ощущать, дѣло, я полагаю, достаточно ясно. Человѣкъ никоимъ образомъ не можетъ развить объемъ своихъ ощущеній, а слѣдовательно и размѣры своего счастья, далѣе объема своихъ силъ; если онъ хочетъ это сдѣлать, то онъ долженъ сначала увеличить свою силу—и наоборотъ, какъ скоро у человѣка существуетъ извѣстный размѣръ силъ, то онъ непремѣнно найдетъ имъ соотвѣтствующее количество ощущеній. Мы видимъ, что сильные люди, родившіеся въ бѣдности, вырабатывали изъ себя великихъ художниковъ, писателей, ученыхъ и государственныхъ людей и такимъ образомъ создавали для своей жизни грандіозную массу ощущеній, совершенно недоступную богатымъ и слабосильнымъ людямъ. Богатый старикъ точно также будетъ жить проблесками, какъ и всякій другой старикъ, три четверти его жизни будетъ проходить въ забытьи, и онъ будетъ, какъ и всякій равносильный ему, получать именно столько впечатлѣній, насколько у него осталось силъ. Впечатлѣнія, для произведенія которыхъ употреблены громадныя массы труда, будутъ производить въ немъ только такую же досаду, какую они произведутъ во всякомъ равномъ ему по силамъ старикѣ въ тѣхъ

случаяхъ, когда у нихъ организмъ будетъ работать съ трудомъ и порождать ворчливое настроеніе. Если отбросить угнетенныхъ нуждою, то всѣ равносильные старики окажутся въ массѣ одинаково счастливыми, потому что они ни на одну іоту не способны нетолько прибавить или убавить своей впечатлительности, но и ни одного разу не способны сдѣлать, чтобы впечатлѣнія произвели на нихъ благопріятное дѣйствіе въ то время, когда состояніе ихъ организма принуждаетъ ихъ принимать брюзгливо. Все это ясно видно, когда старикъ сходится съ молодымъ и полнымъ силы субъектомъ. Молодая женщина тяготится старикомъ при самой богатой обстановкѣ и отдыхаетъ въ обществѣ молодаго любовника даже въ самомъ бѣдномъ помѣщеніи, по той простой причинѣ, что ея способность къ впечатлѣніямъ, т. е. сила, несравненно значительнѣе и что при этой силѣ она предоставленная себѣ испытаетъ несравненно болѣе счастья при самыхъ умѣренныхъ средствахъ, чѣмъ при самыхъ значительныхъ, если мѣра этихъ впечатлѣній, т. е. этого счастья, должна идти въ уровень съ мѣрой слабаго старика. Хорошее и дурное вино будетъ до тѣхъ поръ производить на человѣка одинаковое впечатлѣніе, пока онъ не разовьетъ свой вкусъ, т. е. пока онъ не увеличитъ свою силу.

Уяснивъ себѣ такимъ образомъ, что размѣры счастья обезпеченнаго человѣка соотвѣтствуютъ не степени его матеріяльныхъ средствъ, а размѣрамъ его силъ, мы постараемся понять, какія самыя дѣйствительныя средства въ рукахъ человѣка, чтобы увеличить это счастье. Если человѣкъ будетъ, въ этомъ случаѣ, поступать такъ, какъ обыкновенно поступаютъ люди, т. е. будетъ слѣдовать влеченію своихъ инстинктовъ, то онъ безъ всякаго сомнѣнія не увеличитъ, а уменьшитъ свое благополучіе. Уменьшитъ онъ его вслѣдствіе того, что каждый инстинктъ стремится не къ тому, чтобы обезпечить за нашей жизнью наибольшее благополучіе, а къ тому, чтобы доставить себѣ одному наибольшее удовлетвореніе, хотя бы отъ этого послѣдовала нетолько утрата силъ, но и гибель всего организма. Для примѣра мы возьмемъ инстинкты возстановленія силъ, голодъ и стремленіе къ покою. Вслѣдствіе инстинкта голода мы чувствуемъ удовольствіе, когда мы ѣдимъ и пьемъ; но инстинктъ этотъ нетолько не способенъ охранить насъ даже отъ яду, но и, какъ скоро мы будемъ ему слѣдовать слѣпо, непремѣнно доведетъ организмъ до ослабленія и даже до разрушенія. Извѣстно, что дикія племена вымираютъ отъ пьянства, какъ скоро они получаютъ возможность безпрепятственно слѣдовать своему инстинкту: якутъ съѣдаетъ заразъ до пуда мяса и сала и потомъ въ теченіе двухъ недѣль не можетъ двинуться. Аристократія и важные чиновники у всѣхъ мало цивилизованныхъ народовъ объѣдаются постоянно и отъ этого слабѣютъ и тучнѣютъ дотого, что едва могутъ ходить. До сихъ поръ на торжественныхъ церемоніяхъ въ Константинополѣ можно видѣть выставку печальныхъ послѣдствій обжорства и неумѣренности. Статистическія данныя показываютъ, что отъ безпрекословнаго слѣдованія этому инстинкту смертность между купцами болѣе значительна, чѣмъ между крестьянами отъ нужды. Но все это самыя крайнія явленія; инстинктъ голода если не убиваетъ, то уменьшаетъ размѣры счастья между самыми образованными людьми: онъ

источникъ громаднаго большинства геморроевъ. Чтобы понять дѣйствіе этого инстинкта, стоитъ сравнить его удовольствіе съ тѣмъ, которое можетъ доставить человѣку свѣжая и здоровая голова. Голова можетъ успѣшно дѣйствовать и ощущать въ теченіе цѣлаго дня, а удовольствіе ѣды продолжаясь полчаса дѣлаетъ организмъ ни къ чему неспособнымъ на нѣсколько часовъ, и на всѣ сутки ослабляетъ его дѣятельность. Наблюдая надъ дѣйствіями этого инстинкта, мы легко убѣдимся, что человѣкъ, который ѣстъ слишкомъ вкусную пищу, неизбѣжно будетъ жить желудкомъ насчетъ другихъ своихъ силъ. Всякій человѣкъ, который будетъ ѣсть вмѣсто обыкновенной особенно вкусную пищу, почувствуетъ насыщеніе гораздо позже и если онъ дѣлать будетъ это постоянно, то онъ пріучится чрезмѣрно много ѣсть и, уменьшая этимъ дѣятельность своихъ силъ, уменьшитъ свое счастье. Все это приводитъ къ окончательному заключенію, что если человѣкъ захочетъ руководить инстинктомъ голода такимъ образомъ, чтобы онъ способствовалъ наибольшему его счастью, то столъ богатаго человѣка будетъ стоить столько же, сколько столъ всякаго рабочаго, если только этотъ рабочій не подвергается существеннымъ лишеніямъ и можетъ вполнѣ возстановлять свои силы.

Все, что сказано объ инстинктѣ голода, можно примѣнить и къ инстинкту покоя. Лѣность оказывается гибельною на низкой степени цивилизаціи. По мѣрѣ того, какъ между богатыми людьми распространяется просвѣщеніе, они начинаютъ понимать, что лѣнь существенно мѣшаетъ ихъ счастью. Еслибы бездѣятельныя и безсознательныя состоянія составляли счастье, то самый счастливый человѣкъ былъ бы тотъ, который находится въ летаргическомъ снѣ. Но если богатый человѣкъ цивилизуясь начинаетъ понимать, что постоянный сонъ и лежаніе до окончательнаго опуханія и ожиренія уменьшаетъ человѣческое счастье до минимума, то онъ все-таки не въ состояніи послѣдовательно провести свою мысль до конца и понять, что такое же уменьшеніе счастья происходитъ отъ всѣхъ апатическихъ занятій, отъ игры въ карты, визитовъ и т. д., что всѣ эти занятія, ослабляя его, даютъ ему тѣмъ менѣе возможностей счастья, тѣмъ болѣе удаляютъ его отъ ученаго и приближаютъ къ глупой барынѣ вышеприведеннаго примѣра, чѣмъ онъ апатичнѣе. Тутъ точно такъ же, какъ и относительно инстинкта голода, человѣку тѣмъ труднѣе будетъ рѣшить, гдѣ кончается необходимое для возстановленія силъ отдохновеніе и гдѣ начинается ожиреніе, чѣмъ заманчивѣе будетъ обстановка при дѣятельности этого инстинкта. Роскошная обстановка отдыха неизбѣжно уменьшаетъ счастье, точно также, какъ и слишкомъ вкусная пища. Этимъ путемъ высшія сословія очень часто доходили до окончательнаго слабоумія и подготовляли себѣ паденіе. Самая благопріятная обстановка для правильной дѣятельности этого инстинкта—это опять-таки такая, которая не мѣшая отдыху нисколько не предрасполагаетъ къ нему,—это первая ступень надъ обстановкой обыкновеннаго обезпеченнаго рабочаго.

Животное удовлетворяетъ своимъ инстинктамъ по большей части самыми простыми и неубыточными для міровой жизни способами. Всѣ животныя одинаково насыщаются отъ малаго до великаго и насытившись отдыхаютъ въ

одинаковой обстановкѣ: человѣкъ создаетъ себѣ искусственные способы для чрезмѣрнаго развитія инстинктовъ насыщенія и отдыха и создаетъ только для того, чтобы убивать этимъ и чужія и свои собственныя силы, уменьшать и чужое и свое собственное счастье; эти инстинкты, сдержанные и вѣрно направленные разсудкомъ, безъ сомнѣнія, — весьма существенные и полезные инстинкты, но разсудокъ, вмѣсто того, чтобы управлять ими, самъ дѣлается ихъ слугою, и они обращаются въ инстинкты разрушенія. Мало этого, сверхъ такого отвращенія инстинктовъ, человѣкъ создаетъ для себя цѣлый рядъ потребностей, животному совершенно неизвѣстныхъ: это потребности искусственныя. Среди роскоши и блеска скучаетъ аристократка, потому что выгнала за дверь всѣ человѣческія чувства и вся отдалась безмѣрной гордости: то, что ее окружаетъ, создано милліонами часовъ человѣческаго труда, а между тѣмъ она скучаетъ безъисходно и скучала всю свою жизнь, капризничаетъ, плачетъ; она самый несчастный и жалкій человѣкъ. Всякому, кто смотритъ на нее и внимательно наблюдаетъ ея чувства, дѣлается яснѣе дня, что тѣ богатства, которыя создаются съ такою массою употребленнаго на нихъ труда, не могутъ удовлетворить человѣка, что для счастья ему нужно совсѣмъ другое, вполнѣ независимое отъ нихъ, и что богатства создаютъ только придатокъ, уродующій его чувства. Говорятъ, что эти капризы, эти слезы аристократки—это притворство; нѣтъ, это весьма дѣйствительныя и настоящія страданія, точно также, какъ весьма дѣйствительна притупляющая и разслабляющая ее скука: скука эта убивается только преждевременной, старческой слабостью нервовъ. Для того, чтобы сдѣлать себя столь несчастною, она налагаетъ ярмо нужды на тысячи людей, готова наложить и на милліоны. Она ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы помѣняться судьбою съ работницей, которая гораздо счастливѣе ея, и не согласилась бы потому, что она уже не человѣкъ, а выжатая тряпка, потому же, почему пьяница, пьющій запоемъ, не соглашается отказаться отъ водки и вести жизнь здороваго, не пьющаго человѣка. Въ обоихъ стремленіе къ саморазрушенію пріобрѣло неодолимую силу, которой они не могутъ сопротивляться.

Сравните настоящую жемчужину съ поддѣлкою: разница впечатлѣнія, ими производимаго, такъ незначительна, что нужно быть знатокомъ для того, чтобы ихъ отличить, а между тѣмъ за первую отдаютъ въ тысячи разъ болѣе часовъ труда. Скажите, стóитъ ли у работника отнимать столько тысячъ часовъ труда, чтобы увеличить удовлетвореніе своихъ потребностей на величину, равняющуюся почти нулю? Говорятъ, эти люди ведутъ изящную жизнь, въ нихъ развито чувство изящнаго и оно-то именно и побуждаетъ ихъ дѣйствовать такимъ образомъ. Человѣка, который самъ не имѣетъ изящной впечатлительности, конечно можно увѣрить въ этомъ; но едвали это удастся съ человѣкомъ, у котораго у самого эта сторона не слаба. Я гляжу на небо и думаю: «Вѣчно прекрасное, вѣчно разнообразное небо,—какъ идетъ къ тебѣ твоя синева и золотыя зори, и тучи, которыми ты нахмуришься, и въ пасмурный день сѣрыя облака, — какой зодчій построитъ такой храмъ и дастъ ему такой куполъ!» Я иду по великолѣпнымъ палатамъ; меня приглашаютъ восхищаться ими: но вотъ я вспомнилъ, какъ

я лежалъ на самомъ безъискусственномъ сосѣднемъ полѣ, какъ надо мною высилось небо,—и великолѣпныя палаты показались мнѣ противной каменной клѣткой, давилъ меня ихъ тяжелый потолокъ; а стѣны, драпировка—жалкія созданія, и онѣ хотятъ состязаться съ облаками на далекомъ горизонтѣ?! Если человѣкъ уже долженъ строить для своей защиты жилище, то пусть же онъ строитъ его безъ прикрасъ, безъ жалкихъ претензій... На каѳедру вошелъ великій ораторъ, громовой рѣчью онъ взволновалъ всѣ ваши чувства, увлекъ всѣ ваши страсти; а за нимъ журавлемъ выступаетъ педантъ съ пустой, тяжеловѣсной, гладко обточенной рѣчью и истощаетъ терпѣніе слушателей до скрежета зубовъ, — сказалъ бы что́ ему надо просто, безъ затѣй и прикрасъ. Ораторъ это—небо, а педантъ—это великолѣпныя палаты. Жилъ я въ большомъ городѣ, не свойственно же жить человѣку безъ изящныхъ впечатлѣній, и сталъ я искать мѣста для прогулки. До приторности скучнымъ казалось мнѣ жалкое гулянье жителей по ихъ расчищеннымъ дорожкамъ; я выбралъ старый сосновый лѣсъ. Ни одного разу я не видалъ тамъ такъ-называемыхъ изящныхъ людей. Настала осень и нерѣдко меня тянуло въ лѣсъ посидѣть на толстомъ пнѣ, обросшемъ мхомъ, поглядѣть, какъ надъ вершинами деревьевъ плывутъ нахмурясь облака и прислушаться къ свисту осенняго вѣтра. Конечно въ лѣсу объ изящныхъ господахъ не могло быть и помину; когда я возвращался домой, я ихъ встрѣчалъ летѣвшими въ экипажахъ по грязной мостовой. И думалъ: «Эти люди хотятъ увѣрить насъ, что изящныя потребности заставляютъ ихъ тратить на себя милліоны часовъ труда!» Въ Петербургѣ я также постоянно шатался по окрестностямъ отыскивая впечатлѣній: но истинно изящное встрѣчалъ всегда наединѣ, — если я тутъ видалъ кого-нибудь, то развѣ художника съ огурцами и чернымъ хлѣбомъ въ мѣшкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что не потребности изящнаго, а скорѣе отсутствіе изящной впечатлительности, дозволяютъ богатымъ людямъ дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствуютъ.

Гдѣ же искать стимулъ, который производитъ такое сильное дѣйствіе? Человѣкъ—существо по натурѣ своей общительное, инстинктъ влечетъ его къ обществу, тотъ же самый инстинктъ заставляетъ его искать значенія въ этомъ обществѣ. И вотъ онъ дѣлаетъ то, что возвышаетъ его въ общественномъ мнѣніи. У него рождаются искусственныя потребности чудовищной уродливости. Въ Японіи цѣлый многолюдный городъ обращенъ ими въ пустыню. На безлюдныхъ улицахъ путешественникъ встрѣчаетъ только владѣтельныхъ князей съ ихъ многочисленными свитами. Всѣ двигаются молча и важно съ покрытымъ оружіемъ; безъ этого условія встрѣчи могли бы быть кровопролитными. Пѣшеходъ, завидѣвъ ихъ издали, прячется въ воротахъ сосѣдняго дома. Точно такія же шествія двигаются по большимъ дорогамъ страны, и горе тому, кто не падетъ передъ ними ницъ,—онъ будетъ изрубленъ въ куски. Это суровое величіе производитъ такое могущественное дѣйствіе на свиту владѣльцевъ, что въ ней появляются черты оригинальной преданности. Когда владѣлецъ оскорбленъ и не имѣетъ духу отомстить за себя, тогда лица его свиты оставляютъ его службу, съ тѣмъ, чтобы совершить эту месть на свой

собственный рискъ и не подвергая его никакой опасности. Подобныя же явленія мы видимъ у всѣхъ народовъ; но развѣ это не есть чисто искусственная потребность, развѣ она не зависитъ исключительно отъ ложныхъ чувствъ и взглядовъ, а сколько стоитъ эта потребность? — —

Древній грекъ воображалъ, что высшее наслажденіе для человѣка — это выходить на площадь въ сопровожденіи многочисленныхъ слугъ. Для достиженія этой цѣли онъ пользовался своею властью и своими средствами, заставлялъ тысячи людей работать на себя и жить подъ гнетомъ нужды и лишеній. Еслибы въ то время благоразумный человѣкъ сказалъ ему: «таскать за собою толпу праздныхъ людей—это не наслажденіе, это обуза: какъ можно ради этого морить нуждою тысячи зависящихъ отъ тебя?», онъ расхохотался бы самодовольно. «Много васъ охотниковъ до нашихъ денежекъ,—сказалъ бы онъ съ мѣткою ироніею,—много васъ оборванныхъ шалопаевъ, проповѣдывающихъ умѣренность, а сами вы только и думаете, какъ бы пойти по нашимъ слѣдамъ. Посмотрите на площади, на этого гражданина съ жалкою, униженною физіономіею, посмотрите, какъ онъ несчастливъ, какъ ясно написано на его лицѣ страданіе, потому что онъ не имѣетъ даже и четырехъ рабовъ для своего сопровожденія. Вонъ тотъ, разорившійся богачъ, сподвижникъ Діогена! онъ сначала былъ такой же, какъ и мы, а теперь показываетъ къ намъ презрѣніе. Онъ такой же, какъ и былъ, онъ только ловко нашелся, богатство сдѣлало его умнѣе и онъ понимаетъ, что презирать богатство лучше, чѣмъ унижаться передъ нимъ и завидовать ему, какъ дѣлаетъ это глупая толпа.» Погубили эти взгляды Аѳины, наполнили ихъ рабами, задушили только-что начавшее размыкаться чувство, пустили античную цивилизацію подъ гору. Когда же римскій міръ, обезлюдѣвшій, изнуренный, былъ раздираемъ варварами, римскіе богачи сидѣли въ своихъ роскошныхъ садахъ, окруженные потоками крови, пепелищемъ и развалинами, и по-прежнему окружали себя рабами и по-прежнему твердили, что иначе и жить нельзя, и что всегда люди будутъ такъ чувствовать и такъ думать.

На другомъ концѣ океана рядились въ разноцвѣтныя перья. Чтобы создавать своимъ покойникамъ великолѣпныя жилища и золотомъ блестѣвшіе дворцы, въ которые никто не вступалъ, чтобы имѣть толпы любовницъ, которыхъ ихъ обладатель никогда не видалъ въ лицо, надѣвались цѣпи рабства и ярмо страданій на тысячи и милліоны людей. Теперь богатый человѣкъ умеръ бы отъ страданій, еслибы его какъ шута провели по улицѣ разодѣтаго въ перья, а онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлали для перьевъ, для того, чтобы кататься въ каретѣ, неслышно скользящей своими упругими колесами. Теперь, какъ и прежде, онъ считаетъ свой кругозоръ верхомъ человѣческой мудрости, теперь онъ такъ же увѣренъ, какъ и прежде, что думать и чувствовать какъ онъ думаетъ и чувствуетъ—дотого въ природѣ человѣка, что всегда такъ будетъ и никогда не будетъ иначе, онъ и не подозрѣваетъ, что когда-нибудь для него такимъ же страданіемъ будетъ ѣздить въ этой каретѣ, какъ теперь рядиться въ перья. Развѣ удовлетворяетъ существенной потребности природы человѣка то, что̀ сегодня доставляетъ ему величайшее наслажденіе, а завтра—величайшее страданіе. Сравните зимою въ деревнѣ

крестьянскую вечеринку съ столичнымъ баломъ: и тутъ и тамъ по раскраснѣвшимся лицамъ, по блестящимъ глазамъ, вы видите одинаковую степень увлеченія и счастья, несмотря на громадную разницу въ средствахъ, которыми результатъ этотъ достигается. Дѣло ясно—сущность тутъ въ ощущеніи веселья, а не въ блескѣ свѣчей, не въ громѣ музыки, не въ богатыхъ нарядахъ. Крестьянка пріобрѣтаетъ точно такую же страсть къ вечеринкамъ, какую аристократка пріобрѣтаетъ къ баламъ. Въ городѣ она скучаетъ и плачетъ объ нихъ. Богатый нарядъ для дамы только потому и имѣетъ цѣну, что онъ привлекаетъ къ ней вниманіе, окружаетъ ее восторгами. Крестьянка достигаетъ тогоже иногда цѣною въ тысячу разъ менѣе значительной. Дама, которая осмѣяна за роскошный свой костюмъ, ощущаетъ одно только горе, и будетъ несчастна въ этомъ костюмѣ, несмотря на его громадную цѣну. Сравните свѣтскаго донъ-жуана и сельскаго волокиту! увлеченіе ихъ равносильно, страсть одинаково владѣетъ и тѣмъ и другимъ, разница зависитъ отъ силы сладострастія и впечатлительности каждаго. Если у сельскаго волокиты натура болѣе страстная, болѣе впечатлительная, онъ будетъ съ большимъ упоеніемъ наслаждаться съ своей прелестницей, чѣмъ великосвѣтскій левъ, несмотря на роскошь его обстановки. Охотникъ до кутежей, истребивъ безчисленное количество дорогихъ винъ, кончаетъ водкой,—до такой степени справедливо, что сущность дѣла тутъ въ возбужденіи, произведенномъ виномъ, а не въ цѣнѣ этого вина!

Если кому-нибудь покажется недостаточно яснымъ то, что было сказано выше, о неразрывной связи между размѣромъ силъ человѣка и размѣрами его счастья, тому эта связь должна значительно уясниться при анализѣ человѣческаго стремленія къ цѣлесообразности поступковъ. Только ребенокъ упражняетъ свои силы безъ всякой задней мысли; но даже прежде, чѣмъ человѣкъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста, онъ начинаетъ создавать себѣ цѣли и направлять къ нимъ свою дѣятельность. Любознательный человѣкъ знакомится съ наукой для удовлетворенія своей жаждѣ знаній, но если всѣ эти знанія остаются для него безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, то онъ начинаетъ тяготиться ими, и начинаетъ отыскивать примѣненіе для того, что онъ пріобрѣлъ. Это природное стремленіе, замѣченное поэтомъ Гёте, послужило основной мыслью «Фауста». Откуда такое стремленіе? разъяснить не мудрено. Проявленіе всякой силы въ природѣ заключаетъ въ себѣ нарушеніе равновѣсія и вслѣдствіе извѣстнаго закона вещей природа постоянно стремится возстановить это равновѣсіе, уничтожить движеніе и водворить неподвижность. Въ человѣкѣ это стремленіе проявляется въ видѣ лѣни, лѣнь уничтожаетъ проявленіе силъ—это начало смерти и степень парализаціи. Человѣкъ, который понимаетъ, что его счастье заключается не въ параличномъ состояніи, а въ жизни, стремится къ борьбѣ съ этимъ началомъ; однакоже скоро надъ нимъ начинаетъ тяготѣть грозная сила этого закона, и онъ инстинктивно чувствуетъ, что она одолѣетъ. Но вотъ ему на помощь приходитъ внѣшній стимулъ, и онъ сообща съ нимъ одолѣваетъ въ борьбѣ; мало этого, онъ даетъ своей силѣ большій размахъ, онъ нетолько избавился отъ пути къ смерти и параличу, но онъ развилъ свою жизнь, — онъ радъ, онъ

понимаетъ, что онъ увеличилъ свое счастье. Занимаясь безплодно собираніемъ знаній, человѣкъ постоянно борется съ началомъ лѣни, но онъ чувствуетъ, что начало это въ немъ слишкомъ сильно, и потому ему со дня на день труднѣе заниматься; но вотъ другіе ученые поощряютъ его разрабатывать науку и вести ее далѣе, новый стимулъ приходитъ ему на помощь, и онъ счастливъ, онъ чувствуетъ, что ему теперь легко одолѣть. Еслибы въ увеличеніи силы и въ развитіи ея проявленій не заключалось для человѣка счастья, онъ бы не стремился къ цѣлесообразности, его бы не давило отсутствіе этого стимула. Для человѣка, у котораго мало средствъ для поддержанія своихъ силъ, вопросъ о цѣлесообразности поступковъ не представляетъ затрудненій: цѣлесообразно тутъ то, что даетъ ему больше средствъ. Совсѣмъ иное для человѣка, у котораго средства слишкомъ достаточны. Имѣя слабыя понятія о томъ, какимъ образомъ развитіе силъ увеличиваетъ счастье, не сознавая даже, какія это силы, которыя могутъ развиться и увеличить его счастье, онъ, во времена варварства, слѣдуетъ слѣпо самымъ сильнымъ инстинктамъ, инстинкту питанія и размноженія. Онъ стоитъ на степени развитія ребенка. Ребенокъ имѣетъ въ своемъ организмѣ такую силу развитія, что онъ развивается безсознательно, и если когда-нибудь подчиненіе воли и разсудка инстинктамъ можетъ быть допущено, то это въ дѣтскомъ возрастѣ. Несмотря на это такое подчиненіе даже для ребенка гибельно. Статистика показываетъ огромную смертность купеческихъ дѣтей отъ обжорства. Всякому извѣстно, что если ребенка предоставить вполнѣ самому себѣ, то изъ него выйдетъ никуда не годный человѣкъ,—человѣкъ, который въ данныхъ обстоятельствахъ будетъ пользоваться только минимумомъ счастья. Чтобы увеличить его благополучіе, богатые родители стараются его учить и воспитывать. Не мудрено понять, что такое подчиненіе воли и разсудка преобладающимъ инстинктамъ оказалось еще болѣе неблагопріятнымъ для взрослыхъ. Богатый человѣкъ сталъ тяготиться положеніемъ, которое уничтожало его естественныя силы и тутъ впервые въ немъ явилось стремленіе къ цѣлесообразности поступковъ. Онъ сталъ развивать свой вкусъ. Вмѣсто безсмысленнаго накопленія множества дорого стоющихъ вещей, вмѣсто гаремовъ, наполненныхъ женщинами безъ всякаго разбора ихъ качествъ, онъ сталъ дѣлать выборъ, сообразно цѣли, для которой каждое ощущеніе назначено. Вкусъ въ пищѣ напр.—это ничто иное какъ выборъ пищи наиболѣе пригодной для питанія, вкусъ по отношенію къ любви — это выборъ предмета способнаго произвести болѣе совершеннаго человѣка. Онъ сталъ вести жизнь, которую называлъ изящною. Названіе это совершенно ошибочное, потому что изящнаго чувства у него еще нѣтъ. Еслибы у него было чувство изящнаго, онъ не жилъ бы въ роскошныхъ палатахъ, онъ не увлекался бы дорогими пирами. Чувство изящнаго—это одно изъ самыхъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ, одно изъ самыхъ плодоносныхъ по отношенію къ увеличенію человѣческаго счастья. Изящное въ природѣ, впечатлѣніе ея цвѣтовъ и формъ создано для того, чтобы человѣкъ не относился къ ней безучастно, чтобы окружающій его міръ возбуждалъ въ немъ чувство любви и симпатіи: это несравненно болѣе могучее впечат-

лѣніе, чѣмъ впечатлѣніе любимой женщины, и у него несравненно болѣе великая цѣль. Порожденное имъ чувство заставляетъ человѣка знакомиться съ міромъ и съ міровыми явленіями. Когда онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ сдѣлаетъ первый шагъ и спроситъ себя, что̀ такое эти звѣзды, которые надъ его головою, какова жизнь этого прекраснаго міра, который его окружаетъ,— въ его воображеніи выростутъ картины, которыя по своей величественности превзойдутъ безпредѣльно впечатлѣнія, полученныя его глазомъ, и еще тѣснѣе сдѣлается его союзъ съ природою и онъ почувствуетъ неотразимое желаніе жить великой, міровой жизнью. Чувство изящнаго недоступно нетолько богатымъ людямъ, оно недоступно великимъ художникамъ. Еслибы оно было доступно художнику, развѣ онъ могъ бы находить удовольствіе воспроизводить то, что онъ можетъ воспроизвести только скверно и совершенно неудовлетворительно. Онъ смѣется надъ лубочной картинкой, аляповато снятой съ его произведенія,—какимъ же образомъ онъ не видитъ, что его произведеніе относится къ природѣ точно такъ же, какъ лубочный снимокъ къ его картинѣ? То, что доставляетъ аристократу такое наслажденіе — это не изящное чувство, а зародышъ этого чувства, зачавшійся въ его душѣ. Въ немъ еще нѣтъ этого величественнаго чувства, которое создаетъ живую связь между нами и окружающимъ насъ міромъ, которое порождаетъ между нами солидарность и единство и приводитъ къ тому, что мы увлекаемся грандіозной мыслью жить міровой жизнью и считаемъ высшимъ для себя счастьемъ объединить наши интересы. Но въ немъ уже пробудилось пониманіе, что формы передачи могутъ быть увлекательны. Стремленіе къ цѣлесообразности поступковъ привело его отъ безсмысленнаго подчиненія грубымъ инстинктамъ къ первой побѣдѣ надъ засасывающею жизнь апатіею и онъ почувствовалъ въ себѣ уже новую силу, вкусъ,—силу, о которой онъ не имѣлъ прежде понятія— силу высшую, чѣмъ всѣ дѣйствовавшія въ немъ. Тотчасъ онъ видитъ, что кругъ его счастья значительно расширился, что вкусъ — это такая сила, которая можетъ дѣйствовать съ несравненно большимъ постоянствомъ и поэтому дать ему несравненно болѣе ощущеній, чѣмъ грубые инстинкты. Онъ гордится своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ и смотритъ на своего предшественника, подчинявшагося инстинктамъ, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ на грубаго дикаря. Новая его сила уже такого рода, что она способна къ усовершенствованію. Между богатыми людьми уже несравненно менѣе такихъ, которые носятъ на себѣ печать чрезмѣрныхъ усилій желудка и любви. Однакоже вкусъ способенъ только къ весьма мало успѣшной борьбѣ съ парализующими жизнь силами. Это видно изъ пристрастія подобныхъ людей къ апатическимъ и ослабляющимъ силы занятіямъ и впечатлѣніямъ, какъ визиты, игра въ карты, даже обременительные для желудка обѣды съ виномъ. Вино кромѣ самыхъ незначительныхъ дозъ, дѣйствуетъ на организмъ точно такъ же, какъ общій параличъ: оно производитъ то же восторженное настроеніе, подвижность, стремительность и слабость въ ногахъ—разница только въ продолжительности дѣйствія. Человѣкъ, который можетъ стремиться къ искусственному уменьшенію своихъ силъ, имѣетъ очевидно очень слабое понятіе о томъ, въ чемъ заключается человѣческое счастье.

На ступени счастья, которая предстоитъ богатому человѣку еще только въ будущемъ, онъ будетъ жить міровою жизнью. Тогда онъ не будетъ въ состояніи заплатить огромныя деньги за какую-нибудь жемчужину или за кусокъ изумруда. Ему будетъ казаться смѣшной глупостью платить за такое малое увеличеніе своего счастья такія большія деньги, которыми онъ можетъ расплодить жизнь между сотнями людей и сознаніемъ такой цѣлесообразности своихъ поступковъ увеличить свое счастье безъ всякой соразмѣрности. Въ первоначальномъ своемъ состояніи онъ, въ лицѣ средневѣковыхъ вельможъ, покупалъ для праздника дорогихъ лошадей, убиралъ богатыми попонами и потомъ сожигалъ ихъ торжественно, драгоцѣнными тканями онъ вытиралъ тарелки для того, чтобы показать, что ему ничего не стоитъ ихъ испортить. Онъ, ради важности, налагалъ на себя безчисленное множество мелкихъ и несносныхъ лишеній. Въ лицѣ древне-русскаго или восточнаго вельможи онъ мучилъ себя уродливой и огромныхъ размѣровъ шапкой, не рѣшался выходить пѣшкомъ и выѣзжалъ только въ сопровожденіи огромной толпы слугъ. Такимъ образомъ онъ себя добровольно ставилъ въ то же положеніе, въ которое ставятъ пулярку или животное, откармливаемое на убой, и ожирѣвъ безмѣрно переносилъ отъ этого безчисленное множество слабостей и страданій. При неестественномъ своемъ состояніи эти люди впадали въ крайнее малодушіе и всю жизнь воображали, что они близки къ смерти. Современный богатый человѣкъ сдѣлалъ свою жизнь уже гораздо болѣе цѣлесообразною: но уже одно такое обстоятельство, что онъ способенъ платить огромныя деньги за такое незначительное увеличеніе благополучія, какое могутъ доставить драгоцѣнности, проигрывать большія суммы и бросать ихъ просто на-вѣтеръ, показываетъ, какъ мало онъ сдѣлалъ успѣховъ въ этой цѣлесообразности. Скажите ему, что богатые люди будутъ жить въ самыхъ скромныхъ помѣщеніяхъ, ѣсть самую скромную пищу, веселиться при самой скромной обстановкѣ, вовсе не будутъ играть въ карты и не будутъ пить, однимъ словомъ по образу своей жизни не будутъ отличаться отъ работника, пользующагося благосостояніемъ, а всѣ средства будутъ употреблять для міровыхъ цѣлей, потому что будутъ жить міровой жизнью, — если вы скажете это теперь богачу, вы можете быть увѣрены, что онъ вамъ не повѣритъ,—онъ вамъ такъ же мало повѣритъ, какъ бы повѣрилъ его предшественникъ, еслибы ему сказали, что богатый человѣкъ не будетъ окружать себя толпою оборванныхъ слугъ, не будетъ появляться на улицахъ какъ павлинъ разряженный въ разноцвѣтныя ткани и дорогіе камни, а будетъ ходить пѣшкомъ въ такомъ видѣ, что его невозможно будетъ даже отличать отъ двигающейся кругомъ его толпы. Современному богачу кажется, что онъ теперь употребляетъ свои средства для себя, а тогда будетъ употреблять для другихъ: между тѣмъ наоборотъ, онъ теперь живетъ для другихъ, а тогда будетъ для себя. Онъ теперь уменьшаетъ свое счастье, чтобы произвести на другихъ величественное впечатлѣніе, а тогда будетъ стараться только объ одномъ—чтобы его увеличить до максимума. Онъ теперь свои деньги употребляетъ для удовлетворенія своему вкусу, а тогда будетъ ихъ употреблять для удовлетворенія другой силы,

которая, развившись въ немъ, способна дать ему ощущенія несравненно высшаго порядка. Сила эта относится къ вкусу, какъ вкусъ къ прежнимъ его грубымъ инстинктамъ. Его новое состояніе будетъ относиться къ предшествовавшему, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ ученый относится къ богатой и слабоумной барынѣ. Между образованными классами міровою жизнью живутъ теперь только исключительныя личности и можно было бы подумать, что это—свойство, къ которому способны не многіе. Но мы его видимъ въ массахъ, хотя, конечно, только въ видѣ грубаго инстинкта. Этотъ инстинктъ дѣйствовалъ въ различныхъ глубоко-нравственныхъ сектахъ, начиная отъ какихъ-нибудь средневѣковыхъ водуа и кончая современными американскими сектами, живущими для украшенія земли Божіей. Чувства, порожденныя этимъ инстинктомъ, переходили изъ рода въ родъ и распространялись на массы самыхъ различныхъ темпераментовъ и свойствъ. Изучая то, что происходило въ этихъ сектахъ, мы убѣждаемся, что подчиняться вліянію этого инстинкта способны всякаго рода люди, лишь бы они получили необходимое для его зарожденія число впечатлѣній. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для полнаго счастья каждаго человѣка необходимо, чтобы онъ жилъ міровою жизнью, и каждый можетъ и долженъ ею жить. Могучая способность этого инстинкта давать человѣку внутреннее счастье видна изъ того, что цѣлыя массы людей нетолько усердно трудились всю свою жизнь подъ его вліяніемъ совершенно безкорыстно, но переносили безчисленныя лишенія, страданія и преслѣдованія,—не отступали даже и передъ смертью. Такимъ образомъ дѣйствуетъ эта сила въ видѣ инстинкта, когда она способна давать только минимумъ счастья, потому что счастье тутъ дается всего болѣе разработкой силы — изученіемъ, обдумываніемъ и примѣненіемъ. Человѣкъ живетъ тогда жизнью величественною, увлекающею его своей безпредѣльностью, онъ понимаетъ, что между этими впечатлѣніями и впечатлѣніями вкуса не можетъ быть никакого сравненія. Гдѣ и когда вкусъ производилъ такія явленія, какія производилъ одинъ инстинктъ міровой жизни, не говоря уже о его разработкѣ, при которой сила эта только и можетъ сдѣлаться постоянно дѣйствующею и до крайнихъ предѣловъ возможнаго увеличивающею счастье человѣка силою?..

Разъяснивъ себѣ эти истины и дѣйствуя сообразно съ этимъ, мы скоро увидимъ, какое мы будемъ имѣть громадное преимущество надъ современной цивилизаціей. Цивилизація эта ставитъ высшей цѣлью для образованнаго человѣка развитіе вкуса и даже не сознаетъ болѣе способныхъ осчастливить его силъ. Она создала правило политической экономіи, что роскошь полезна для развитія производительности, она заставляетъ образованныхъ людей смотрѣть на свои потребности такими ослѣпленными глазами, что употребленіе имѣющихся въ ихъ рукахъ средствъ дѣлается до крайности не цѣлесообразнымъ и производительность страны дѣлается уродливой до возмутительности. Чтобы понять это, стоитъ вспомнить о производствѣ золота и драгоцѣнныхъ металловъ. Работникъ работаетъ цѣлый годъ для того, чтобы произвести какую-нибудь треть фунта золота, кусокъ величиною съ желудь или съ орѣхъ; красота этого золота такъ мало отличается отъ красоты грошовыхъ композицій,

что необходима проба для того, чтобы ихъ различать; сколько бы пользы могли принести эти десятки тысячъ рабочихъ на поприщѣ болѣе цѣлесообразномъ и соотвѣтствующемъ общему благу. Между тѣмъ, возводя такія потребности въ достоинство, современная цивилизація создаетъ неодолимое препятствіе осуществленію общаго блага, къ которому она побуждаетъ стремиться массы. Такимъ образомъ она мѣшаетъ осуществленію прогресса и натравляетъ разные слои общества другъ на друга. Дѣло пойдетъ совершенно иначе, если и сверху и снизу дѣйствовать въ одномъ направленіи. Слѣдуетъ ожидать, что потребности вкуса и созданная черезъ нихъ масса искусственныхъ потребностей окажетъ только слабое сопротивленіе напору здраваго чувства, которое будетъ направлять образованное общество къ міровой жизни. Мы видимъ, что инстинктъ, изъ котораго должны развиться силы міровой жизни, дѣйствуетъ и теперь въ образованномъ и богатомъ человѣкѣ съ неотразимымъ могуществомъ. Соединенный съ недостаточнымъ пониманіемъ, онъ—главный двигатель, который создаетъ всю эту зловредную массу искусственныхъ потребностей. Мы видимъ, что образованный человѣкъ, живущій теперь для удовлетворенія своему вкусу, однакоже менѣе всего даетъ этой силѣ полный просторъ дѣйствія. Напротивъ, онъ рабски подчиняется мнѣнію окружающаго его общества о величіи и о хорошемъ. Блескъ и роскошь только потому такъ высоко и цѣнятся богатыми людьми, что они производятъ значительное впечатлѣніе на массы. Современный образованный человѣкъ только потому и страдаетъ, если онъ не можетъ проживать нѣсколькихъ тысячъ рублей, что при жизни, которая считается безъ причины бѣдною, онъ производилъ бы на окружающихъ ничтожное впечатлѣніе. Нѣсколько времени тому назадъ всѣ жаловались, что имъ приходится постоянно жить для другихъ, теперь всѣ увѣряютъ, что они живутъ для себя, но если приглядѣться къ тому, какъ они всѣ бѣгутъ въ одну сторону и другъ за другомъ прыгаютъ черезъ одинъ заборъ, то нужно быть человѣкомъ совершенно несообразительнымъ, чтобы имъ повѣрить. Инстинктивное стремленіе жить для произведенія въ другихъ хорошихъ впечатлѣній до такой степени сильнѣе вкуса, что во всякомъ человѣкѣ даже вполнѣ удовлетворенный вкусъ производитъ одно ощущеніе страданія, если выборъ, сдѣланный этимъ вкусомъ, не пріятенъ для окружающей среды. Общество такъ привыкло, что всякій живетъ для него, и все что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ исключительно для того, чтобы ему понравиться, что въ немъ развился деспотизмъ, вмѣшивающійся во всѣ самые мелочные и не относящіеся до него поступки и требующій безусловнаго себѣ повиновенія. Это всеобщее проявленіе инстинкта показываетъ, какъ легко человѣкъ можетъ дойти до міровой жизни и какъ легко уничтожать искусственныя потребности, если дѣйствовать на общественное мнѣніе и раскрывать передъ нимъ источники его собственнаго счастья. Жалкое проявленіе этого самаго существеннаго изъ человѣческихъ инстинктовъ, въ томъ видѣ, какъ мы его встрѣчаемъ теперь въ образованномъ обществѣ, можно сравнить съ первоначальными проявленіями инстинкта питанія, когда онъ подчинялъ себѣ разсудокъ, а не подчинялся ему. Сколько можно сдѣлать даже тѣмъ, если люди, которые прямо въ этомъ

заинтересованы, перестанутъ смотрѣть на проявленія роскоши и искусственныхъ потребностей съ глупымъ удивленіемъ и перестанутъ преклоняться передъ ними, какъ передъ величіемъ.

Когда я обдумываю наше политическое и соціальное положеніе, когда я смотрю на то, какъ мы волочимся въ хвостѣ европейской цивилизаціи, когда мнѣ приходитъ на умъ сравненіе съ Персіею, которая подобно намъ была велика и погибла отъ того, что она подобно намъ волочилась въ хвостѣ античной цивилизаціи, я вижу для насъ одинъ исходъ — это осуществленіе великой идеи, за выполненіе которой еще никто не брался. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нетолько наши славянскіе сосѣди, но весь міръ обратилъ бы на насъ внимательные и любопытные взоры, еслибы онъ увидалъ у насъ, что и высшіе и низшіе слои общества направились къ одной цѣли и ищутъ своего счастья на одномъ пути, еслибы онъ получилъ чрезъ нашу жизнь осязательное доказательство, что разладъ общественныхъ классовъ не есть природная необходимость, а есть искусственное произведеніе его цивилизаціи. Какъ велика была бы наша сила, еслибы мы сплотили всѣ части нашего общества такимъ могучимъ цементомъ.

Если мы сколько-нибудь внимательно разсмотримъ условія, при которыхъ мы можемъ имѣть основательную надежду избѣгнуть участи другихъ восточныхъ государствъ, Австріи, Турціи, Китая, Японіи, то мы увидимъ, что намъ нѣтъ другаго выхода, кромѣ вышеобъясненнаго образа дѣйствія. Мы или подобно Англіи должны выйти изъ заднихъ рядовъ цивилизаціи и стать во главѣ, или мы будемъ затоплены разбѣгающимися ея волнами: вѣчно идти позади невозможно не приготовивъ себѣ гибельнаго конца. Стóитъ сравнить наше отношеніе къ цивилизованному міру въ концѣ XVIII-го столѣтія и теперь. Въ концѣ XVIII-го вѣка Европа не далеко была впереди Россіи. Политическое и соціальное ея положеніе было почти такое же, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Россія имѣла даже преимущество: ея внутреннія силы не были такъ разстроены финансовыми затрудненіями, массы народа въ Европѣ были столь же невѣжественны какъ у насъ; мѣстами онѣ пользовались въ Россіи значительно большимъ благосостояніемъ. Сравните теперь, какой огромный шагъ сдѣлалъ цивилизованный міръ въ теченіе XIX-го вѣка въ политической и соціальной жизни, въ образованіи народныхъ массъ и оживленіи интеллектуальныхъ силъ; измѣрьте, насколько мы шли медленнѣе и насколько мы отстали. Если мы пойдемъ также, то черезъ пятьдесятъ лѣтъ мы будемъ относиться къ цивилизованному міру такъ же, какъ теперь относятся Турція, Японія, Индія и Китай,—мы будемъ на краю нашей гибели. Разбирая нашу современную задачу, мы легко убѣдимся, что силой, указами тутъ немного сдѣлаешь, намъ прежде всего нужно вдохнуть свѣжій, нравственный духъ въ нашу образованную среду для того, чтобы сломить тупое сопротивленіе всякому прогрессу, которое всегда было у насъ сильнѣе чѣмъ на западѣ. Оно было причиною, что мы отставали все болѣе и болѣе; при силѣ этого противодѣйствія такое печальное явленіе будетъ продолжаться у насъ до тѣхъ поръ, пока мы не прибѣгнемъ къ новому и болѣе сильному стимулу, чѣмъ

тѣ, которыми двигается впередъ цивилизованный западъ. Теперь уже извѣстно, что законы природы одинаково дѣйствуютъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ мірѣ. Если два предмета будутъ двигаться одинаковою двигательною силою, а одинъ изъ нихъ будетъ задерживаться большею силою сопротивленія, то конечно этотъ послѣдній долженъ все болѣе и болѣе отставать; чтобы ему догнать и обогнать, ему нужно уменьшить силу сопротивленія и увеличить стимулъ движенія.

Прежде всего мы должны убѣдиться, что благосостояніе народа находится у насъ въ прямой зависимости отъ его соціальнаго положенія и что всѣ тѣ, которые стараются приписать его бѣдность его бездѣятельности, пьянству и пр., вводятъ публику въ самую грубую ошибку. Эта истина доказывается несомнѣнно нетолько сравненіемъ различныхъ нашихъ рабочихъ классовъ, гдѣ благосостояніе прямо соразмѣряется съ размѣрами поземельныхъ надѣловъ и соотвѣтствующихъ имъ повинностей, но и всѣмъ тѣмъ, что дѣлается на нашей территоріи. Казаки у насъ богаче государственныхъ крестьянъ, государственные крестьяне богаче удѣльныхъ, удѣльные богаче временно-обязанныхъ. Среди одного и того же класса богатство опять-таки прямо соотвѣтствуетъ размѣрамъ и обилію поземельныхъ надѣловъ. Это мы увидимъ ясно, если сравнимъ новороссійскихъ казаковъ съ донскими, черноморскими и уральскими, разныя казацкія станицы по Волгѣ — въ Саратовской и Астраханской губерніи, если мы сравнимъ государственныхъ крестьянъ на богатыхъ и бѣдныхъ земляхъ. Когда наши нѣмецкіе колонисты были даже въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ наши крестьяне, они бѣдствовали и доказали, что при одинаковыхъ условіяхъ ихъ средства обезпечить свое счастье вовсе не превосходятъ средствъ нашего крестьянина; колоніи начали процвѣтать только тогда, когда ихъ избавили отъ тяготѣвшихъ надъ ними стѣсненій и внимательное разсмотрѣніе дѣла заставляетъ предполагать, что еслибы русскіе получили столько же преимуществъ, то они пользовались бы гораздо большимъ благосостояніемъ. Въ Бессарабской области, гдѣ болгарскіе поселенцы пользуются преимуществами, подходящими къ преимуществамъ тамошнихъ колонистовъ, они пользуются почти одинаковымъ благосостояніемъ; по отношенію къ разведенію фруктовыхъ деревьевъ они даже далеко превзошли колонистовъ. Есть казацкія станицы, которыя богаче и болгаръ и колонистовъ. Только по отношенію кочевыхъ и полукочевыхъ, бродячихъ и полубродячихъ инородцевъ можно сказать, что національность имѣетъ существенное вліяніе на ихъ благосостояніе; относительно всѣхъ издавна земледѣльческихъ національностей живущихъ на нашей территоріи вы этого не замѣчаете: бѣдность и богатство самыхъ разнородныхъ національностей соразмѣряется исключительно съ ихъ соціальнымъ положеніемъ. Поверхностному наблюдателю дѣло легко можетъ представиться иначе. Какая-нибудь черемисская деревня расположена въ ямѣ безъ всякой правильности и безъ всякихъ улицъ; всѣ дома стоятъ въ такомъ безпорядкѣ, будто они кучей выброшены изъ мѣшка. Такая деревня можетъ легко показаться болѣе бѣдною, чѣмъ русское село, населенное временно-обязанными крестьянами. Грязный мордвинъ можетъ легко показаться болѣе бѣднымъ,

чѣмъ чистоплотный и любящій удобства татаринъ. Уродливый костюмъ, уродливая постройка, грязныя привычки постоянно смѣшиваются съ бѣдностью, точно такъ же какъ и недостатокъ вкуса и тотъ родъ легкомыслія, который заставляетъ крестьянина прикрѣплять упряжь лычкомъ да веревочкой. Но если мы не будемъ этимъ сбиваться съ толку, если мы будемъ обращать главное вниманіе на то, какъ удовлетворены существенныя потребности работника, изобильна ли его пища, достаточно ли тепла его одежда, достаточно ли тепло его жилище, не вынужденъ ли онъ обременять чрезмѣрной работой въ особенности слабыхъ членовъ своего семейства; то значеніе національныхъ различій быстро начнетъ терять свою силу, и мы увидимъ, что работники въ отношеніи благосостоянія исключительно различаются по соціальному своему положенію. Статистика смертности вовсе не отличаетъ національностей, даже между колонистами смертность вовсе не болѣе благопріятна, чѣмъ между русскими въ равныхъ съ ними условіяхъ; но та же самая статистика рѣзко отличаетъ соціальныя группы: смертность постоянно возрастаетъ начиная отъ самыхъ привилегированныхъ и до самыхъ отягощенныхъ земледѣльцевъ и даже прямо пропорціональна степени отягощенія.

Другой весьма существенный выводъ, данный положеніемъ нашего рабочаго, заключается въ полномъ опроверженіи взглядовъ тѣхъ западно-европейскихъ ученыхъ, которые признаютъ вреднымъ безвозмездное вспомоществованіе рабочимъ для улучшенія ихъ быта. Россія—страна льготъ и привилегированныхъ состояній между рабочими. Опытъ показываетъ, что всякая привилегія, всякая льгота, всякая безмездная помощь въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣли прямымъ своимъ послѣдствіемъ увеличеніе благосостоянія. Тѣ же самые нѣмцы, которыхъ заграницею считаютъ неспособными разжиться отъ безвозмездности, у насъ именно этому обязаны всѣмъ своимъ благосостояніемъ. Въ особенности благодѣтельною оказывалась вездѣ безвозмездная раздача земель. Бывшіе примѣры показали ясно до очевидности, что какъ бы ни были велики подобныя раздачи, онѣ всегда приносили одну только пользу. Впрочемъ аргументы противниковъ безвозмездной помощи постоянно опровергались всѣмъ ихъ образомъ дѣйствія, — что они дѣлали? Они строили дома, которые могли наниматься и пріобрѣтаться работниками по болѣе дешевымъ цѣнамъ, они доставляли имъ кредитъ по болѣе низкимъ процентамъ, товаръ по болѣе выгоднымъ цѣнамъ, наконецъ они давали и безпроцентныя ссуды и оказывали прямо даровое вспомоществованіе. Все это, по ихъ собственнымъ словамъ, оказывало благодѣтельное дѣйствіе. Вѣдь и дешевый процентъ съ капитала и дешевый домъ—все это безвозмездная помощь, вся ихъ идея есть ничто иное, какъ простое торгашество. Тутъ идетъ вопросъ не о томъ, слѣдуетъ ли давать или нѣтъ, а слѣдуетъ ли уступать одну копѣйку или три копѣйки. Они находятъ, что можно уступать народу только грошъ, но человѣкъ менѣе скупой можетъ быть найдетъ, что не мѣшаетъ дать и три копѣйки. У насъ извѣстны впрочемъ примѣры, когда деньги давались безъ всякой пользы—это случалось именно тогда, когда эти деньги были вручаемы людямъ для такихъ цѣлей, къ исполненію которыхъ они были совершенно

не способны. Такъ напр. въ Сибири случалось, что поселенцамъ по-неволѣ, выдавались деньги для обзаведенія сельскимъ хозяйствомъ, — выдавались онѣ людямъ, которые отъ рожденія не пахали и не косили и хозяйства вести совершенно не умѣли; люди эти обыкновенно проживали полученныя деньги, а потомъ шли въ работники, чтобы научиться тому, къ чему ихъ считали способными по вдохновенію. Еслибы заграничные защитники безвозмездности нападали противъ такого употребленія денегъ, то они были бы правы. Если мы посмотримъ на это дѣло не съ точки зрѣнія лавочной скаредности, а съ нѣсколько болѣе возвышенной и человѣческой, то мы скоро увидимъ, что нужда народная безконечна и что предназначеніе образованнаго человѣка состоитъ исключительно въ томъ, чтобы ей помогать всѣми средствами. Всегда передъ нимъ будутъ лежать два пути, на которыхъ его дѣятельность будетъ и плодоносна и необходима. Одинъ путь — это дѣйствіе съ помощью общественнаго мнѣнія и въ составѣ общества для улучшеній въ бытѣ всего рабочаго класса, другой—это дѣятельность отдѣльная, частная, гдѣ онъ съ помощью своихъ собственныхъ средствъ будетъ уничтожать затруднительныя положенія отдѣльныхъ личностей и выводить ихъ на благопріятную дорогу.

Что касается до общихъ мѣръ, то конечно прежде всего наше вниманіе должно обратить на себя отношеніе къ землѣ. Тутъ мы видимъ, что нашъ крестьянинъ обнаружилъ несравненно болѣе такта и здраваго чувства, чѣмъ западно-европейскій. Онъ понялъ великую истину, которую западно-европейскій работникъ никогда не понималъ. Онъ постигъ, что прежде всего надобно позаботиться о томъ, чтобы ни одного земледѣльца не лишить собственнаго хозяйства. Вести собственное хозяйство—не шуточное дѣло, къ нему нужно приспособиться и привыкнуть съ малыхъ лѣтъ. Западно-европейскому сельскому пролетарію нескоро это удастся, можетъ быть никогда не удастся и на почвѣ западной Европы мы можемъ снова увидать римскія латифундіи. Западно-европейская политическая экономія напрасно проповѣдуетъ, что самая производительная земля—это та, которая въ рукахъ земледѣльца, при принципѣ крупной и мелкой собственности она никогда не достигнетъ своей цѣли. Мелкій собственникъ будетъ всегда привилегированный работникъ, сидящій на шеѣ у своего брата. Общинное владѣніе приводитъ по крайней мѣрѣ внутри общины къ раціональному распредѣленію земли между работниками. Каждый получаетъ всѣ тѣ участки, которые ему необходимы для полнаго хозяйственнаго заведенія, ему дадутъ и отъ луговъ, и отъ лѣсу, и отъ конопляника, и отъ всякихъ земель, и дадутъ столько, сколько только могутъ дать не обижая другаго работника. Мелкій собственникъ получаетъ землю по случайнымъ прихотямъ судьбы. У отца—все что нужно; одинъ онъ сынъ, онъ будетъ счастливцемъ, а три сына—такъ онъ чѣмъ-нибудь да будетъ обдѣленъ. Сколько слезъ проливается мелкими собственниками ради этого; получивъ участокъ, не имѣющій всего, что нужно для хозяйства, земледѣлецъ и радъ бы промѣнять часть своей земли на то, что ему необходимо,—только рѣдко представляется ему къ тому возможность. Распредѣляя землю при передѣлѣ, крестьяне имѣютъ возможность доставить каждому нетолько все необходимое, но и наибольшія

удобства. Въ многоземельныхъ общинахъ, гдѣ дальнія земли оставляются на произволъ безъ передѣловъ, близкія передѣливаются; въ передѣлъ идутъ иногда однѣ лучшія земли, иногда лѣсъ для того, чтобы предохранить его отъ порубокъ. Еслибы западно-европейская община, состоящая изъ мелкихъ собственниковъ, могла передѣлять такимъ образомъ свои земли, она бы сочла себя счастливѣйшею въ мірѣ: между мелкими собственниками только и слышно сѣтованіе на невозможность округленія имѣнія, но къ несчастью ей этого никогда не удается; для этого нужны привычка къ передѣламъ, умѣнье приноровиться, такія качества и пріемы, которыхъ мелкій собственникъ, никогда не передѣляющій своихъ земель, никоимъ образомъ пріобрѣсти не можетъ. Между тѣмъ у насъ есть такіе остроумные и догадливые писатели, которые ставятъ общинному владѣнію въ вину это правильное распредѣленіе участковъ и говорятъ о раздробленіи земли; какъ будто распредѣленіе, сдѣланное по мысли и системѣ—тоже самое, что мелкіе участки, случайно разбросанные судьбою, гдѣ одинъ получаетъ то, что ему вовсе не нужно, только потому, что оказывается двоюроднымъ племянникомъ какого-нибудь земледѣльца, а другой не имѣетъ того, что ему необходимо только потому, что у него подобнаго родственника не оказалось. Съ такимъ же знаніемъ дѣла трещали о непрочности общиннаго владѣнія. Еслибы оно было не прочно, то развѣ могло бы у насъ на общинныхъ земляхъ разведеніе конопли принять такіе большіе размѣры? Продуктомъ этимъ мы прославились даже въ заграничной торговлѣ и только въ послѣднее время, когда крестьяне наши были доведены до крайней нищеты и скотоводство у нихъ такъ уменьшилось, американцы начали брать надъ нами верхъ. Распространеніе у насъ конопли возможно было только потому, что крестьяне особенно заботливо удобряли конопляники; на конопляники они иногда вывозили весь свой навозъ, и, ухаживая за этой землею со всею своею заботливостью, они никогда и вообразить себѣ не могли, что ихъ на этой землѣ могутъ обидѣть и ее у нихъ отнять. Хорошо удобренный конопляникъ даетъ вчетверо болѣе плохаго и никто не сталъ бы разводить коноплю, еслибы это сопряжено было съ какимъ-нибудь рискомъ. Между тѣмъ конопля разводилась нетолько въ многоземельныхъ мѣстностяхъ и на плодородной почвѣ, но въ значительномъ количествѣ и въ густо населенныхъ мѣстностяхъ съ плохою почвою,—въ мѣстностяхъ, гдѣ удобренный и улучшенный клочекъ земли имѣлъ большое значеніе и большую цѣну. Доказательства тому, что земля при общинномъ владѣніи можетъ получить наилучшую культуру, такъ многочисленны и очевидны, что нужно только удивляться, какимъ образомъ публика могла быть вводима на этотъ счетъ въ заблужденіе. Послѣ разведенія конопли можно привести бахчеводство. Бахчеводство распространено у насъ во всѣхъ плодоносныхъ губерніяхъ, даже въ такихъ, которыя имѣютъ болѣе 1,500 человѣкъ жителей на квадратную милю. Есть напр. бахчи въ Харьковскомъ уѣздѣ, который имѣетъ 2,831 жит. на квадратной милѣ. Бахчи несравненно доходнѣе десятины въ полѣ, наемная годовая плата за бахчевую десятину часто превышаетъ оптовую цѣну земли. За десятину бахчи платятъ иногда столько же кортомы, сколько подъ Петербургомъ за де-

сятину подъ посѣвъ скороспѣлаго картофеля, который продается въ Петербургѣ по весьма дорогимъ цѣнамъ. Еслибы общинное владѣніе не представляло нужной твердости и необходимыхъ гарантій для всякаго рода культуры, то могло ли бы бахчеводство такъ распространиться на общинныхъ земляхъ. Тоже самое можно сказать и о разныхъ видахъ огородничества, распространеннаго на общинныхъ земляхъ. Табакъ требуетъ особенно тщательнаго ухода за землею,—десятина табаку даетъ до двухсотъ рублей дохода. На общинныхъ земляхъ табакъ воздѣлывается гораздо успѣшнѣе, чѣмъ на земляхъ помѣщиковъ; нашъ крупный землевладѣлецъ точно такой же неразсчетливый сельскій хозяинъ, какъ и неразсчетливый промышленникъ и заводчикъ. Онъ привыкъ жить оброками и только безплодно губитъ производительныя силы земли и человѣческаго труда, которыя достаются ему въ руки. Въ сельскомъ хозяйствѣ его плѣняютъ всегда культурные пріемы, которые выгодны только при несравненно болѣе густомъ и богатомъ населеніи или подъ несравненно болѣе благопріятнымъ небомъ. Этому важному барину, который сидя на мѣшкахъ оброчныхъ денегъ, можетъ смотрѣть на все свысока, нужна и важная, бьющая въ носъ производительность. Если онъ производитъ табакъ, то онъ старается непремѣнно производить высшіе сорты, съ большими пожертвованіями онъ достигаетъ только незначительныхъ урожаевъ, да и то, что получается, выходитъ плохо и не идетъ съ рукъ. Крестьянинъ, который живетъ своимъ трудомъ, не можетъ заниматься такой неестественной культурой, онъ приэтомъ умеръ бы съ голоду; но вѣдь въ томъ-то и состоитъ польза, которую извлекаетъ страна отъ высокихъ оброковъ, платимыхъ помѣщикамъ, что ихъ земли могутъ дѣлаться непроизводительными, посредствомъ неестественной культуры. Десятина капусты даетъ 250 рублей, даже десятина лука можетъ давать до 200 рублей. Земля подъ этими произведеніями точно такъ же, какъ и подъ другими огородными овощами требуетъ тщательнаго за нею ухода, между тѣмъ разведеніе огородныхъ овощей на продажу на общинныхъ земляхъ—дѣло самое обыкновенное даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя отличаются самой неплодородной почвой и гдѣ хорошо удобренный и воздѣланный клочекъ земли цѣнится очень высоко. Что касается до огородовъ для собственнаго употребленія, то какъ извѣстно они составляютъ повсемѣстную принадлежность крестьянскаго хозяйства, и если есть крестьяне, у которыхъ ихъ нѣтъ и которые плохо ухаживаютъ за своей огородной землей, то ужъ въ этомъ конечно не вина общиннаго владѣнія. Даже такая культура, которая требуетъ самаго прочнаго отношенія къ землѣ, не встрѣчаетъ ни малѣйшаго препятствія со стороны общиннаго владѣнія. Къ такому роду культуры безъ сомнѣнія принадлежитъ садоводство. Сады разводятся на общинныхъ земляхъ вездѣ, гдѣ только садоводство даетъ выгоды, не исключая самыхъ густо населенныхъ мѣстностей, гдѣ населеніе всего болѣе вздыхаетъ о землѣ и гдѣ оттягивать клочки земли всего соблазнительнѣе. Въ Курской губерніи садоводство получило такое развитіе, что она въ этомъ отношеніи совершенно завладѣла рынками сѣверной и средней Россіи. По густотѣ населенія, ее превосходятъ только Московская и Подольская губерніи, между тѣмъ

садоводство тамъ производится на общинныхъ земляхъ. Въ общинномъ владѣніи мы часто находимъ земли, состоящія изъ различныхъ почвъ, начиная отъ самыхъ плодородныхъ и до самыхъ непроизводительныхъ. Въ особенности часто это встрѣчается въ верхней половинѣ бассейна Волги. Земли эти нетолько весьма справедливо распредѣляются между членами общины, но и воздѣлываются весьма различно. Крестьянамъ очень хорошо извѣстно, сколько каждый клочекъ требуетъ навозу для того, чтобы дать удовлетворительный урожай: на одну десятину они наваливаютъ до 8000 пудовъ навозу, на другую до двухъ, а третью вовсе оставляютъ безъ навозу. Въ этихъ мѣстахъ крестьяне очень высоко цѣнятъ навозъ; чтобы увеличивать его количество, они накладываютъ на себя тяжкія стѣсненія. Крестьяне, на этихъ безплодныхъ почвахъ, пріобрѣтаютъ навозъ иногда за 15 верстъ и далѣе и перевозятъ на свои поля. Добываніе навоза достается имъ такъ трудно, что они нетолько 8000 пудовъ,—ни одного воза на десятину не вывезли бы, еслибы они опасались, что у нихъ могутъ отобрать плоды ихъ трудовъ и лишеній. Относительно песчаныхъ и самыхъ неплодородныхъ почвъ крестьянами употребляется еще одинъ способъ: изъ сосѣднихъ болотъ крестьяне вытаскиваютъ плодородную землю и утучняютъ ею пески. Въ доказательство великой пользы собственности приводятъ, что въ густо населенныхъ горныхъ странахъ мелкіе собственники переносятъ землю изъ долинъ на безплодныя горы, чтобы разводить на ней сады; у насъ въ несравненно менѣе густо населенныхъ мѣстностяхъ можно сказать про общинныя земли еще болѣе; крестьяне изъ грязныхъ болотъ вытаскиваютъ землю, чтобы превратить общинные пески даже не въ сады, а въ плодоносныя хлѣбныя поля. Можетъ быть всякому извѣстно, что въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ у насъ крестьяне на общинныхъ земляхъ разводили тысячи десятинъ лѣсу. Легко или трудно ростить и сохранять на общинныхъ земляхъ лѣсъ, это видно изъ слѣдующаго. Крестьянъ обыкновенно у насъ считаютъ лѣсонстребителями и обвиняютъ ихъ въ этомъ, между тѣмъ даже помѣщики и въ правительственныхъ изданіяхъ соглашаются, что лѣсъ всего легче сохранять подъ вліяніемъ общиннаго начала. Для этого стоитъ общинѣ заповѣдать лѣсъ. «Одно изъ лучшихъ средствъ къ возстановленію порубленныхъ лѣсовъ,—говорится у Селиванова и въ Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба (Рязанская губернія, стр. 216),—есть заповѣдь. Для этого съ образами обходятъ заповѣдный лѣсъ, потомъ священникъ читаетъ молитву и объявляетъ, что лѣсъ заповѣданъ; послѣ чего прутикъ срубить съ такого лѣса считается тяжкимъ грѣхомъ и потому остается охранять его только отъ скота.» Заповѣди дѣйствительно имѣютъ большое значеніе, если онѣ дѣлаются подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, но если крестьяне смотрятъ на нихъ какъ на чье-либо искусственное измышленіе, то онѣ теряютъ всякую силу.

Относительно поощренія къ труду и порядочности общинное владѣніе обладаетъ всѣми совершенствами собственности; но это учрежденіе несравненно болѣе гибкое: оно отдаетъ землю почти исключительно во власть тѣхъ, кто ее обработываетъ, и пріучаетъ всю массу земледѣльческаго населенія имѣть

собственное хозяйство, дѣйствовать отдѣльно или сообща, смотря по тому, что́ требуется успѣхомъ труда: въ ней зародышъ той общинной и артельной жизни, отъ которой совершенно отвыкъ, къ крайнему своему ущербу, западно-европейскій пролетарій. Къ этому огромному преимуществу присовокупляется еще другое не менѣе важное и прямо изъ него вытекающее, именно, что земля находится во власти лишь настолько, насколько это необходимо для успѣха земледѣлія. Владѣніе лугами менѣе прочно, чѣмъ владѣніе пахотой, владѣніе пахотой менѣе прочно, чѣмъ владѣніе конопляникомъ и огородомъ, владѣніе конопляникомъ менѣе прочно, чѣмъ владѣніе садомъ и усадьбой. Прочность эта прямо соотвѣтствуетъ настоящимъ требованіямъ сельскаго хозяйства и измѣняется съ этими требованіями. Притомъ имѣютъ значеніе нетолько взгляды на дѣло цѣлой общины, но и личные взгляды отдѣльнаго земледѣльца, который не встрѣтитъ со стороны общины препятствія, если онъ захочетъ себѣ устроить хозяйство отдѣльно, по своимъ собственнымъ соображеніямъ, если онъ устроится только такъ, чтобы не мѣшать общему дѣлу. Такія отдѣльныя хозяйства, заимки, у насъ вовсе не рѣдки. Въ самыхъ густо населенныхъ мѣстностяхъ крестьянинъ можетъ такимъ образомъ завести свое отдѣльное хозяйство, ему стóитъ только попросить общину, чтобы она оставила его за раздѣломъ, и ему будетъ отведенъ особый участокъ земли, что́ постоянно и случается. Справедливость— столько же достоинство этого учрежденія, сколько и гибкость, и если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ нельзя никакъ поступить съ земледѣльцемъ безобидно при надѣлѣ, то его вознаграждаютъ деньгами. Если это дозволяется удобствами мѣстности, то допускаютъ свободную обработку и распредѣляютъ подати сообразно доходности обработанной земли. Такіе пріемы носятъ на себѣ печать давнишняго происхожденія. Такъ напр. въ Костромской губерніи въ шунгенскомъ обществѣ хмельники раздѣляются уравнительно по душамъ, а въ обществахъ московскомъ, никольскомъ и другихъ каждый домохозяинъ разводитъ хмель по мѣрѣ возможности, хмельники издавна кадастрированы и раздѣлены на части, которыя называются «копѣйками», и сообразно этому распредѣляется подать. Подать эта теперь уже далеко не копѣйка и въ различныхъ обществахъ платятъ «за копѣйку» отъ 12 до 28 коп. и болѣе. Чтобы понять всю цѣну общиннаго владѣнія по сравненію съ мелкой собственностью, стóитъ сравнить исторію нашего общиннаго владѣнія съ исторіей владѣнія однодворческаго. У однодворцевъ мелкіе участки переходили по наслѣдству. Скоро они распредѣлились самымъ неправильнымъ образомъ; одинъ имѣлъ въ десять разъ болѣе другаго, а иной и вовсе ничего не имѣлъ и обратился въ полнаго пролетарія. Множество процессовъ возникло между однодворцами и разоряли ихъ до тла; наконецъ и размежевать ихъ не было никакой возможности. Эта неурядица, къ которой вовсе не привыкъ русскій земледѣлецъ, имѣющій въ своихъ рукахъ стройное и общинное владѣніе, вывела однодворцевъ изъ всякаго терпѣнія. Точно такая же неурядица постоянно существуетъ между мелкими собственниками западной Европы и они смотрятъ на нее какъ на неизбѣжную свою судьбу. Участки, заложенные и перезаложенные, запутанные въ процессахъ, или никуда негодные по недостатку приспособленія къ

требованіямъ хозяйства — общее бѣдствіе между мелкими собственниками, бѣдствіе, которое имѣетъ еще огромный хвостъ — сельскій пролетаріатъ. И такое-то бѣдствіе наши мудрецы изъ образованнаго класса хотятъ накликать на нашего крестьянина. Правильное веденіе хозяйства сдѣлалось наконецъ на однодворческихъ земляхъ совершенно невозможнымъ. Въ отчаяніи они покидали свои участки, отказывались отъ своего крѣпостнаго права на владѣніе ими и цѣлымъ обществомъ просили о надѣленіи ихъ землями въ общинное владѣніе. Такимъ образомъ ко времени освобожденія крестьянъ мѣстами уже половина однодворческихъ земель была въ общинномъ владѣніи. Извѣстно, что и иностранные колонисты скоро поняли преимущества общиннаго владѣнія и просили о его введеніи въ своей средѣ. Иногда они сбивались съ толку понятіями, привезенными съ родины, и отступали отъ правилъ правильнаго и равномѣрнаго раздѣла подъ различными предлогами, напр. для того, чтобы дать каждому крестьянину столько земли, сколько онъ можетъ обработать, и не раздроблять земель на слишкомъ мелкіе участки. Въ этихъ случаяхъ послѣдствія были самыя печальныя, они производили бѣдность и богатство и всѣ бѣдствія пролетаріата при такихъ условіяхъ, при которыхъ они никоимъ образомъ не должны были бы существовать. Такое жалкое явленіе имѣло мѣсто въ таврическихъ колоніяхъ—тутъ пролетаріатъ былъ произведенъ несмотря на крайнее многоземеліе.

Крестьянинъ все сдѣлалъ, чтобы правильно и наилучшимъ образомъ распредѣлить въ своей средѣ орудіе своего труда, т. е. земли. Онъ развилъ среди себя учрежденіе столь совершенное, что наши образованные классы даже и понять его были не въ состояніи, точно такъ же, какъ наши дворяне не понимаютъ тайну успѣха крестьянина въ его промышленныхъ предпріятіяхъ и разоряются тамъ, гдѣ богатѣетъ безграмотный купецъ. Человѣкъ, который искусственными средствами умѣетъ только развивать въ себѣ до чрезвычайности искусственныя потребности, никогда не будетъ въ состояніи понять практическую мудрость человѣка труда. Крестьянинъ кончилъ свою задачу тамъ, гдѣ онъ не могъ идти далѣе. Онъ распредѣлялъ свою землю правильно внутри общины, ему оставалось правильно распредѣлить ее между общинами. Къ такому распредѣленію онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ вполнѣ способенъ и развилъ въ себѣ всѣ нужныя для этого качества. Какъ скоро въ отдѣльной общинѣ оказывается мало земель, то члены общины легко улаживаются и условливаются между собою насчетъ переселенія. Часть остается на мѣстѣ, а другая соглашается уѣхать и добровольно, иногда даже противъ воли начальства, стремится за тысячи верстъ. Точно также общины безъ затрудненія допускаютъ на свои земли переселенцевъ, тамъ, гдѣ имъ самимъ не тѣсно. Западно-европейскій мелкій собственникъ удивился бы такому добродушію и счелъ бы его пожалуй дикостью, но общинное владѣніе есть лучшая школа для того, чтобы отучать отъ излишней жадности. Крестьянину дѣлается всегда совѣстно, когда ему приходится стѣснять другаго на томъ, что онъ не создалъ собственнымъ трудомъ и не считаетъ потому неотъемлемо своимъ. Я зналъ общины, которыя владѣли рыбными озерами и которымъ не доставало духу ко-

му-нибудь запретить ловить ту рыбу, которую онѣ не создали своими руками. Онѣ заваливали дно озера корягами и дѣлали невозможнымъ ловить такими орудіями, которыя могли повести къ истребленію рыбы, и затѣмъ не стѣсняли никого. Я никогда не слыхалъ, чтобы членъ общины встрѣтилъ препятствіе, когда онъ хочетъ поставить на общинной землѣ пчельникъ. Даже тамъ, гдѣ собираніе мху въ лѣсахъ и болотахъ, грибовъ, ягодъ и другихъ лѣсныхъ продуктовъ доставляетъ значительную поддержку для рабочаго семейства, эта дѣятельность точно такъ же мало стѣсняется, какъ и охота на общинныхъ земляхъ. Русскій крестьянинъ имѣетъ глубокое отвращеніе къ запрещеніямъ, которое онъ преодолѣваетъ только съ большимъ трудомъ и очень рѣдко. Каковы бы ни были неудобства этого отвращенія, но это—святое свойство, которое въ тысячу кратъ полезнѣе для человѣчества, чѣмъ наклонность наживаться насчетъ запрещенія и притѣсненія.

Трудно было крестьянину развить въ своей средѣ всѣ эти свойства необходимыя для нормальной жизни, трудно ему ихъ поддерживать; тяжелая доля постоянно его деморализируетъ, постоянно наводитъ его на дурные пути, а между тѣмъ для успѣха его трудовой жизни требуется несравненно больше, чѣмъ онъ совершилъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи однакоже все это оказывается только началомъ; успѣхъ работы требуетъ несравненно большаго. Пріобрѣтеніе всѣхъ этихъ привычекъ и формъ жизни досталось крестьянину только постояннымъ упражненіемъ. Еслибы общинному владѣнію крестьяне не обучались цѣлыми массами, еслибы оно было достояніемъ только немногихъ избранныхъ общинъ, какъ на западѣ Европы ассоціація между пролетаріями, учрежденіе это никогда бы не получило настоящаго своего развитія. Только одно обученіе массами и даетъ надлежащіе результаты, и нашъ крестьянинъ достигъ того, о чемъ напрасно вздыхаютъ и американецъ и англичанинъ и всякій земледѣлецъ достаточно умный, чтобы понимать неудовлетворительность мелкой собственности. Въ то время, когда крестьяне стремились водворить въ своей средѣ справедливость посредствомъ уравнительнаго распредѣленія земель, высшія сословія, въ рукахъ которыхъ было распредѣленіе земель между крестьянскими общинами, никогда не руководились подобными принципами и никогда не стремились къ такимъ цѣлямъ. Они постоянно руководствовались предразсудками, предвзятыми идеями, или заморскими ученіями, и постоянно распоряжались такъ, какъ распоряжаются люди не своимъ, а чужимъ дѣломъ. Они внесли столько неравенства по отношенію и къ поземельнымъ надѣламъ и къ лежащимъ на нихъ повинностямъ, сколько только можно было внести. Неравенство это не имѣло ни малѣйшаго основанія въ условіяхъ труда и создано было чисто внѣшнимъ образомъ, и теперь приходится поправлять радикально испорченное состояніе дѣлъ по мѣрѣ силъ и возможности. И поправляя придется бороться нетолько съ естественными препятствіями установившихся отношеній, но и съ предразсудками образованнаго общества, которымъ нѣтъ числа. Сначала наше образованное общество, зараженное европейскими предразсудками прошлаго столѣтія, стремилось создавать привилегированныя состоянія и въ сословіи земледѣльцевъ натворило ихъ столько, что земля распредѣлилась са-

мымъ неправильнымъ и не экономическимъ способомъ. Сто лѣтъ тому назадъ никто не говорилъ, что земля есть орудіе труда и для благосостоянія общества и государства должна быть по-возможности правильно распредѣлена между трудящимися. Тогда говорили: земля съ земледѣльцами есть источникъ дохода для содержанія государства, благороднаго дворянства и воинства. Земледѣльцы и работники должны были слѣдовательно изъ этой земли получить лишь столько, сколько необходимо было для ихъ содержанія и для платежа оброковъ. Земля закрѣплялась за казною, за удѣломъ, за помѣщиками, казаками и военными инородцами. Земледѣлецъ надѣлялся тѣмъ богаче, чѣмъ выше онъ стоялъ во мнѣніи образованнаго общества, какъ привилегированное сословіе; непривилегированный земледѣлецъ надѣлялся тѣмъ богаче, чѣмъ знатнѣе былъ его господинъ. Однодворецъ, казакъ и башкиръ, какъ люди привилегированные и военные, получали больше всѣхъ. За ними надѣлялся удѣльный, послѣ удѣльнаго государственный, послѣ государственнаго оброчный крестьянинъ богатаго аристократа и наконецъ крестьянинъ обыкновеннаго помѣщика. Между этими категоріями дѣлались опять-таки безчисленныя подраздѣленія, основанныя на соображеніяхъ такого же порядка. Такъ какъ всѣ эти взгляды не имѣли никакого яснаго и раціональнаго основанія, то они приводили только къ неурядицѣ. Войско Донское почему-то пользовалось особеннымъ расположеніемъ. Мы, самый не воинственный изъ народовъ Европы, вообразили себя созданными для внѣшнихъ завоеваній, вѣроятно потому, что намъ казались подати слишкомъ легкими и государственный долгъ слишкомъ малымъ! Мы вообразили казачество и въ особенности донское казачество національнымъ своимъ воинскимъ учрежденіемъ и пожертвовали для этой идеи одною изъ лучшихъ мѣстностей Россіи и счастьемъ милліоновъ людей. На Землѣ Войска Донскаго, которая обнимаетъ въ себѣ 135,000 квадратныхъ верстъ и имѣетъ 12,409,000 десятинъ пахотной и сѣнокосной земли, живетъ всего 949,682 человѣка и жило бы еще несравненно менѣе, еслибы въ томъ числѣ не было 282,288 временно-обязанныхъ крестьянъ, которые питаются отъ такихъ же малыхъ участковъ, какъ и въ прочей Россіи. На пространствѣ губерніи Курской, Московской, Полтавской и Тульской, въ которыхъ только 129,000 квадратныхъ верстъ и всего 10,471,000 десятинъ пашенъ и сѣнокосовъ, живетъ 6,455,220 челов., т. е. почти въ семь разъ больше. Изъ сосѣднихъ губерній выселяются въ Сибирь, а между тѣмъ въ Войскѣ Донскомъ есть мѣстности, гдѣ населеніе рѣже, чѣмъ въ большей части уѣздовъ Архангельской губерніи или даже чѣмъ на земляхъ Большой Орды и дико-каменныхъ киргизовъ. Глядя на землю, какъ на источникъ доходовъ для казны и для немногихъ избранныхъ счастливцевъ, а не какъ на источникъ благосостоянія для страны, мы приходили нетолько къ тому, что земля распредѣлялась между земледѣльцами самымъ неправильнымъ образомъ, но что у земледѣльцевъ въ самыхъ многоземельныхъ мѣстностяхъ часто не доставало земли.

Даже между казаками и башкирами земля была распредѣлена самымъ неправильнымъ образомъ, и всѣ указы о правильномъ ея распредѣленіи остава-

лись безъ исполненія и только порождали процессы. Попрежнему въ однихъ волостяхъ у башкиръ приходилось менѣе девяти десятинъ на душу, а у другихъ гораздо болѣе шестидесяти. Распредѣленіе между государственными крестьянами вполнѣ зависѣло отъ различныхъ постороннихъ соображеній министерства государственныхъ имуществъ и было такъ неправильно, что въ сѣверной Россіи при самомъ рѣдкомъ населеніи крестьяне горько страдали отъ недостатка земли. Въ семи сѣверныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи 462,644 человѣка государственныхъ крестьянъ владѣютъ надѣломъ въ 221,521 десятину, тогда какъ въ Рязанской губерніи 458,152 государственныхъ крестьянина имѣли въ шестидесятыхъ годахъ въ своемъ исключительномъ владѣніи 798,212 десятинъ земли и въ черезполосномъ и спорномъ 174,564 десятины, всего 972,776 десятинъ. Крестьянинъ сѣверныхъ вологодскихъ уѣздовъ — это малоземельный крестьянинъ, имѣющій почти впятеро меньше рязанскаго и требующій переселенія, между тѣмъ какъ тутъ казна владѣетъ болѣе, чѣмъ тридцатью тремя милліонами десятинъ, а въ Рязанской губерніи она имѣетъ только всего одинъ милліонъ. Такое положеніе можетъ быть очень полезно съ точки зрѣнія чиновниковъ лѣснаго вѣдомства, но не полезно даже съ точки зрѣнія казны и крайне вредно съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія. Огромныя пространства остаются такимъ образомъ во владѣніи казны подъ лѣсами подъ предлогомъ доходныхъ статей. Лѣса эти часто занимаютъ пространства, которыя были бы очень способны быть пахотными землями или лугами, но неспособны взростить даже дровянаго лѣса. Кромѣ того большая часть напр. сѣверныхъ лѣсовъ состоитъ изъ мелкаго дровянаго лѣса, тутъ ни къ чему негоднаго. Годный казенный лѣсъ то рубится и истребляется промышленниками безъ всякаго толку, то остается безъ всякой пользы даже тамъ, гдѣ онъ могъ бы приносить доходъ. Все это приводитъ къ тому, что казенные лѣса только распложаютъ число жертвъ самовольной порубки лѣсовъ, — составляющихъ болѣе четверти всѣхъ нашихъ преступниковъ, и отнимаютъ у страны множество земель, которыя могли бы быть употреблены съ пользою въ то время, какъ онѣ лѣсному хозяйству не приносятъ никакой выгоды. Земля распредѣлялась между государственными крестьянами неправильно нетолько въ различныхъ губерніяхъ, но даже въ одной губерніи и въ одномъ уѣздѣ: рядомъ съ селеніемъ, въ которомъ приходилось по полдесятинѣ на душу, было селеніе съ такимъ большимъ поземельнымъ надѣломъ, что въ немъ земля даже не передѣливалась. Еще неправильнѣе было распредѣленіе угодій. Одно селеніе имѣло неисчерпаемый источникъ лѣснаго богатства, а рядомъ было другое, которое не имѣло ни прута или какой-нибудь жалкій кустарникъ или какую-нибудь сотню деревьевъ. Одно имѣло богатое рыболовное озеро, а другое ничего, кромѣ тощей почвы, и ничѣмъ не вознаграждалось за этотъ недостатокъ. Все это дѣлалось въ вѣдомствѣ казенныхъ земель, въ единственномъ, въ которомъ еще сколько-нибудь заботились о болѣе правильномъ распредѣленіи земли между земледѣльцами. Министерство государственныхъ имуществъ хвалилось, что оно приняло тридцать тысячъ прошеній о надѣленіи землею. Распредѣленіе земель у помѣщи-

ковъ и частныхъ владѣльцевъ было гораздо хуже, даже безъ всякаго сравненія. Государственные крестьяне обыкновенно имѣли больше земли. Въ Рязанской губерніи напр. 458,000 государственныхъ крестьянъ имѣли 972,000 десятинъ, а 787,186 помѣщичьихъ крестьянъ имѣли 975,556 десятинъ. Эта земля была кромѣ того распредѣлена между ними еще болѣе неправильнымъ образомъ. Лучшія изъ помѣщичьихъ земель были отчислены къ усадьбамъ, даже у самыхъ крупныхъ владѣльцевъ на лучшихъ земляхъ были тысячи барщинныхъ крестьянъ. По большей части, даже у самыхъ крупныхъ владѣльцевъ вся земля предоставлялась крестьянамъ въ оброчное владѣніе только тогда, когда она была сравнительно плохая. Тутъ однакоже еще встрѣчались крестьяне богато надѣленные лѣсами и плодоносной землей. На земляхъ помѣщиковъ второстепенныхъ, среднихъ и бѣдныхъ крестьянамъ отводилась въ надѣлъ почти всегда самая плохая земля: къ этимъ надѣламъ принадлежали совершенно безплодные пески или еще болѣе безплодныя почвы, пересыпанныя мелкимъ камнемъ, на которыхъ крестьяне только губили свои посѣвы,—болота и отдаленныя, черезполосныя и спорныя земли. Случалось, что помѣщики гордились значительностью надѣловъ, предоставленныхъ крестьянамъ,—увѣряли, что у нихъ приходится по семи или по двѣнадцати десятинъ на душу, но на повѣрку выходило, что это была земля совершенно безплодная, на которой крестьяне за недостаткомъ другой все-таки сѣяли и губили послѣднія свои сѣмена. Въ то время, когда пашни помѣщика облегали усадьбу, всѣ были въ одномъ мѣстѣ и состояли изъ лучшихъ почвъ, крестьянскія лежали далеко отъ деревни, были разбросаны въ черезполосныхъ дачахъ, а иногда крестьяне встрѣчали неодолимое препятствіе при воздѣлываніи потому, что земли эти были спорныя и противная сторона не допускала никакой обработки и грозила или дѣйствительно ночью тайно уничтожала жатву. Случалось, что спорный участокъ между двумя или нѣсколькими помѣщиками былъ предоставленъ крестьянамъ. Крестьяне нѣсколькихъ деревень, которымъ онъ доставался такимъ образомъ, сходились и установляли порядокъ тамъ, гдѣ ихъ владѣльцы могли плодить только безпорядки и споръ. Участокъ раздѣлялся по угодьямъ, на пашни, луга и пр., затѣмъ пашни и луга раздѣлялись по почвамъ, затѣмъ полученные такимъ образомъ участки раздѣлялись по числу селеній и каждому доставались по жеребью. Все это дѣлалось нѣсколькими представителями, посланными отъ разныхъ деревень. Затѣмъ уже каждая община надѣляла изъ доставшагося ей участка своихъ членовъ по своимъ соображеніямъ. Послѣ того, какъ крестьяне такимъ образомъ водворяли порядокъ, нерѣдко снова являлись на сцену владѣльцы съ ихъ претензіями, останавливали ходъ заведенной машины и дѣлали оплодотворенныя земли снова безплодными. Даже удивительно, какимъ образомъ изъ числа этихъ-то плохихъ земель, при введеніи Положенія, нашли еще болѣе плохія для надѣла ими крестьянъ и возбудили въ нихъ повсемѣстныя жалобы, что они получили и меньшія и худшія земли. Помѣщикамъ удавалось обращать въ надѣлъ даже спорныя земли, которыя крестьяне не могли обработывать и за которыя они все-таки должны были платить оброкъ.

Явленія экономической жизни на Западѣ показываютъ намъ, что единствен-

ное нормальное отношеніе къ землѣ имѣетъ мѣсто только тогда, когда она находится во владѣніи земледѣльца, обработывающаго ее исключительно собственными своими руками. И у насъ и на Западѣ мы видимъ, что крупный поземельный собственникъ всего менѣе способенъ къ успѣшному воздѣлыванію земли. За нимъ слѣдуетъ арендаторъ и средній собственникъ, который самъ работаетъ и имѣетъ наемныхъ работниковъ. Мы видимъ, что у насъ арендующіе крестьяне оказываются постоянно болѣе способными получать доходъ, чѣмъ крупные собственники. На Западѣ даже въ самыхъ густо населенныхъ странахъ, въ Англіи и въ Бельгіи, крупные собственники нетолько постоянно раздаютъ свои земли арендаторамъ, потому что сами не умѣютъ извлекать изъ нихъ дохода, но своимъ вмѣшательствомъ дѣлаютъ производство еще болѣе не экономическимъ. Разные мелочные разсчеты и предразсудки заставляютъ ихъ дѣлать вещи, самыя несообразныя. Какого-нибудь лорда одолѣетъ скупость, и онъ запрещаетъ работникамъ жить на своихъ земляхъ, чтобы не подвергнуться за нихъ подати для бѣдныхъ, и они каждый день должны приходить на работу изъ-за нѣсколькихъ верстъ; это конечно уменьшаетъ производительность ихъ труда и увеличиваетъ издержки ихъ содержанія. Крупные собственники вездѣ охотники вмѣшиваться въ способы обработки земли, у насъ они сами не умѣютъ обработывать, а все-таки арендаторамъ своимъ предписываютъ нелѣпѣйшія правила, воображая, что они раціональны. Въ Бельгіи и въ Англіи они до такой степени надоѣдаютъ этимъ своимъ арендаторамъ, что являлось даже предложеніе вовсе воспретить собственникамъ вмѣшиваться въ распоряженіе арендаторовъ землями и предписывать имъ способы культуры. Такой законъ лишилъ бы однакоже собственника самаго существеннаго изъ его правъ — права распоряжаться своею землею; только поэтому подобный законъ не могъ явиться въ свѣтъ, хотя успѣхи земледѣлія крайне въ немъ нуждались. Крупная собственность, не разоряя въконецъ страны, такъ, какъ она разорила части Италіи и Испанію, можетъ существовать только въ такихъ странахъ, какъ Англія, гдѣ чрезвычайно густое населеніе произведено необыкновенно выгодными условіями для промышленности и торговли, т. е. большимъ количествомъ желѣза и каменнаго угля, длинной и доступной береговой линіей и т. д., такъ что страна живетъ насчетъ заграничныхъ рынковъ и требуетъ значительнаго привоза заграничнаго хлѣба. При такомъ положеніи всѣ земли могутъ давать ренту, и производство можетъ быть успѣшнымъ, когда отъ земли будутъ существовать нетолько земледѣлецъ, но и арендаторъ и собственникъ. Но изъ этого все-таки выходитъ, что рабочій народъ за самые дорогіе изъ своихъ продуктовъ—за продукты земли переплатитъ нѣсколько сотъ милліоновъ лишнихъ собственникамъ, и конечно въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ уменьшитъ возможность приложенія къ землѣ капиталовъ и слѣдовательно уменьшитъ производительность этой земли. Если произведенія десятины земли продаются за сто рублей и на содержаніе земледѣльца употребляется изъ этихъ денегъ только тридцать пять рублей, то шестьдесятъ пять могутъ быть употреблены на улучшеніе обработки и на увеличеніе производительности этой земли: продукты ея черезъ

это утроятся. Но если вмѣсто этого изъ этихъ шестидесяти рублей нужно заплатить тридцать рублей аренды и пятнадцать рублей на содержаніе арендатора, то останется на улучшеніе земли всего двадцать рублей — и производительность ея будетъ конечно несравненно незначительнѣе. Въ странахъ, не имѣющихъ такихъ преимуществъ, каковы въ Англіи, крупная поземельная собственность нетолько уничтожаетъ производительность страны, но дѣлаетъ и положеніе работника-земледѣльца до крайности бѣдственнымъ. У насъ помѣщики для того, чтобы получать доходъ съ владѣльческихъ усадебъ, должны изнурять своихъ рабочихъ варварской работой,—работой, которая истощаетъ силы народа даже несравненно болѣе, чѣмъ работа крѣпостная, и давать имъ содержаніе самое недостаточное. Такое положеніе вовсе не временное и менѣе всего исключительное. Оно вѣчное и неизбѣжное. Всякая крупная и средняя поземельная собственность безъ всякаго исключенія порождаетъ неэкономическое производство и бѣдственное положеніе рабочихъ на этихъ земляхъ. Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, не нужно прибѣгать къ извѣстнымъ примѣрамъ Ирландіи и Остзейскаго края, гдѣ бѣдствія сельскаго пролетарія и въ высшей степени невыгодное экономическое положеніе земледѣлія обратили на себя вниманіе всего свѣта. Вездѣ сельскій работникъ—это самый бѣдный изъ всѣхъ работниковъ, вездѣ его заработная плата несравненно ниже заработной платы фабричнаго рабочаго или ремесленника, вездѣ онъ содержится хуже; несмотря на такую дешевизну труда, земли среднихъ и крупныхъ собственниковъ вездѣ оказывались менѣе производительными, чѣмъ земли собственниковъ, обработывающихъ ихъ безъ помощи наемнаго труда; это фактъ до такой степени извѣстный, что онъ вошелъ даже въ экономическія руководства. Во Франціи, несмотря на то, что тамъ во многіе порты ввозится хлѣбъ, по изслѣдованіямъ, обнародованнымъ въ настоящемъ году, нетолько крупная, но и средняя поземельная собственность оказались немогущими успѣшно производить и нуждающимися въ льготахъ и во вспомоществованіи, и это не въ первый разъ: постоянно оказывалось тоже самое. Въ удовлетворительномъ положеніи оказывается одна мелкая собственность, несмотря на всѣ ея неудобства — на случайное раздробленіе участковъ и пр. Цѣны на мелкіе участки вездѣ выше, чѣмъ на средніе и крупные. Что сказать объ экономическомъ производствѣ, которое оказывается неуспѣшнымъ несмотря на болѣе низкія цѣны орудія труда и болѣе низкія цѣны работы? Оно само себя осуждаетъ. Такое положеніе совершенно понятно: два человѣка хотятъ жить отъ источника, который можетъ обезпечить только одного; такое нераціональное желаніе, естественно, должно приводить къ тому, что оба будутъ голодать, а общество будетъ покупать ихъ произведенія по чрезмѣрно дорогимъ цѣнамъ. Пока вся земля будетъ предметомъ собственности, до тѣхъ поръ будетъ существовать и крупная и средняя собственность; произвести самое выгодное экономическое положеніе можно только при всеобщемъ распространеніи безоброчнаго общиннаго владѣнія,—только тогда возможно раціональное и наиболѣе соотвѣтствующее самымъ выгоднымъ хозяйственнымъ условіямъ распредѣленіе земель.

Итакъ вотъ цѣль, къ которой мы должны стремиться. Сравнимъ же наши средства къ ея достиженію со средствами западной цивилизаціи. Оброчное общинное владѣніе—форма болѣе невыгодная чѣмъ мелкая собственность. Въ безоброчномъ же общинномъ владѣніи у насъ земель почти вовсе нѣтъ. Почти вся земля безъ исключенія принадлежитъ крупнымъ собственникамъ: между тѣмъ какъ напр. въ Пруссіи мѣстами только осьмая, а мѣстами шестая часть всѣхъ земель находится въ крупномъ землевладѣніи, у насъ же даже оброчные надѣлы составляютъ иногда треть, иногда пятую, а иногда несравненно меньшую долю всей земли. Тѣ, которыхъ мы послѣ освобожденія называемъ собственниками, пока еще находятся въ экономическомъ положеніи еще болѣе тягостномъ, чѣмъ оброчное. Они освободятся отъ него только почти черезъ полстолѣтія. Надѣлы этихъ собственниковъ теперь уже такъ незначительны, что они могутъ доставлять имъ только половину того, что необходимо для ихъ содержанія, а черезъ полстолѣтія чрезъ увеличеніе населенія они будутъ уже такъ малы, что эти собственники будутъ отъ земель своихъ получать только ничтожный доходъ и должны будутъ жить главнымъ образомъ другимъ трудомъ; они прировняются къ тому несчастному классу мелкихъ собственниковъ Европы, которыхъ положеніе считается болѣе бѣдственнымъ, чѣмъ положеніе пролетаріевъ. Положимъ, что мы будемъ идти далѣе, тѣмъ путемъ, которымъ шли до сихъ поръ, и будемъ стараться мало по малу улучшать наше соціальное положеніе тѣми же путями, которыми идутъ на Западѣ, постоянно задаваясь тою мыслью, что для насъ нужно что-нибудь похуже тамошняго. Но развѣ западная цивилизація будетъ дремать? она уже теперь съ своимъ учрежденіемъ собственности ушла несравненно далѣе, чѣмъ мы съ нашей болѣе совершенной формой общиннаго владѣнія. Въ теченіе полустолѣтія, когда мы передадимъ точно также въ мелкую собственность какую-нибудь десятую часть нашихъ земель, она почти уничтожитъ у себя крупную и среднюю собственность. Мы даже не составили себѣ правильное понятіе о значеніи общинной формы и хотимъ создать такую уродливую смѣсь собственности и общиннаго начала, которая можетъ привести только къ самымъ жалкимъ результатамъ. Мы сначала создавали все привилегированныя состоянія, распредѣлили земли самымъ неравномѣрнымъ образомъ между общинами и теперь хотимъ этимъ же отдѣльнымъ общинамъ дать возможность учреждать по своему произволу въ своей средѣ общинное владѣніе или собственность. Конечно богато надѣленнымъ общинамъ выгодно закрѣплять за собою свои надѣлы путемъ собственности, и подобное стремленіе должно привести только къ дальнѣйшему неравномѣрному распредѣленію земель. Мы примѣняемъ къ себѣ взгляды западной цивилизаціи, а смысла и значенія ихъ понять не въ состояніи, а потому мы приходимъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ, чѣмъ тѣ, которыхъ мы хотѣли достигнуть. Послѣдовательно стремясь отъ крупной и зависимой собственности къ мелкой и независимой, западная цивилизація сравнительно много сдѣлала: у насъ же въ головѣ все перемѣшалось—и взгляды на казенную землю и общинную поруку, господствующіе въ Азіи и занесенные къ намъ оттуда, и западные взгляды на собственность, и наши народ-

ные взгляды на общинное владѣніе; создать для себя изъ этого стройное цѣлое мы не думаемъ, путаемся и вертимся и часто идемъ назадъ, полагая, что стремимся впередъ. Положеніе истинно жалкое, мало дѣлающее чести нашимъ интеллектуальнымъ силамъ и оскорбительное для нашей народной гордости. Мы не можемъ выйти изъ такого состоянія съ честью до тѣхъ поръ, пока наши помѣщики и землевладѣльцы будутъ видѣть уменьшеніе своего благополучія въ томъ, что́ можетъ увеличить общее благо, а слѣдовательно увеличить и собственно ихъ; мы можемъ найти исходъ только тогда, когда они будутъ жить міровой жизнью, а не жалкой жизнью своего муравейника. При такой жизни могутъ порождаться только самыя уродливыя понятія. Примѣры мы видѣли каждый часъ. Лишь только освободили крестьянъ, у насъ тотчасъ выработалось мнѣніе, что теперь уже землевладѣльцы не несутъ на себѣ нравственной отвѣтственности за благополучіе живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ. Если я имѣю права, которыя ставятъ другаго человѣка въ такое ко мнѣ положеніе, что отъ моей дѣятельности и отъ моихъ требованій зависитъ сдѣлать его счастливымъ или несчастнымъ, то неужели я могу заслужить уваженіе общества, если я воспользуюсь своими правами, чтобы наплодить несчастье,—послѣ этого можно сказать, что я имѣю право сдѣлать несчастными и свою жену и своихъ дѣтей! Не такъ будетъ разсуждать помѣщикъ, живущій міровой жизнью. Онъ пойметъ, что если онъ гдѣ-нибудь можетъ расположать всего успѣшнѣе жизнь, то это между земледѣльцами его земель: онъ скоро постигнетъ, что такая цѣль для его жизни сдѣлаетъ его несравненно болѣе счастливымъ, чѣмъ жизнь для удовлетворенія вкусу. Окружая своихъ крестьянъ своими заботами, онъ имъ дастъ средства улучшить и развить свое хлѣбопашество и свое скотоводство. Онъ пойметъ, что въ жизни человѣка, кромѣ матеріяльныхъ, великую роль играютъ и нравственныя потребности; сознавая, какъ счастливымъ его дѣлаетъ міровая жизнь при самомъ незатѣйливомъ и умѣренномъ удовлетвореніи всѣхъ прочихъ его нуждъ, онъ захочетъ, чтобы и крестьяне на его земляхъ жили жизнью міровою и чтобы онъ съ ними сообща могъ стремиться къ одной великой цѣли. Отчего англійскій работникъ вездѣ, гдѣ онъ появляется, даже на крайнемъ сѣверѣ, живетъ съ несравненно большимъ достоинствомъ и въ лучшей обстановкѣ, чѣмъ всякій другой работникъ? Это оттого, что ни въ одномъ работникѣ не развито въ такой степени уваженіе къ самому себѣ. Онъ уважаетъ себя и понимаетъ, что уваженіе это онъ можетъ поддерживать только трудолюбіемъ, ловкостью въ работѣ и чувствами, достойными свободнаго человѣка. Понимая, какое сильное вліяніе на жизнь человѣка имѣетъ сознаніе своего достоинства, подобный помѣщикъ постарается его пробудить въ крестьянинѣ обращаясь съ нимъ съ крайнимъ уваженіемъ. Всякій, кто обращался съ нашимъ работникомъ съ уваженіемъ, могъ видѣть, какъ это его осчастливливаетъ и возбуждаетъ въ немъ живое желаніе прировняться къ вамъ. Изъ этого желанія выростаетъ стремленіе къ просвѣщенію. Чтобы понять, что работникъ можетъ быть вполнѣ просвѣщеннымъ человѣкомъ и можетъ жить міровою жизнью, стоитъ только сообразить, что отъ субботы

вечера до утра понедѣльника онъ имѣетъ 36 свободныхъ часовъ; если изъ нихъ онъ только шесть будетъ посвящать серьезному чтенію, то онъ можетъ прочесть въ годъ пятнадцать тысячъ страницъ: это вполнѣ достаточно и для научной и для міровой жизни. Помѣщикъ можетъ сдѣлать такимъ, по крайней мѣрѣ, подрастающее поколѣніе. Если фабрикантъ будетъ разсуждать точно такъ же, какъ помѣщикъ, если онъ точно также будетъ жить міровою жизнью и будетъ стараться довести до нея своихъ рабочихъ, обезпечивая ихъ благосостояніе и распространяя между ними просвѣщеніе, то онъ въ теченіе десяти лѣтъ можетъ сдѣлать ихъ вполнѣ способными къ управленію фабрикою. Если общественное мнѣніе образованныхъ классовъ будетъ распространять уваженіе къ стремленіямъ міровой жизни и давать надлежащую цѣну стремленіямъ къ развитію вкуса и искусственныхъ потребностей, то оно въ теченіе одного поколѣнія сдѣлаетъ то, на что при теперешнемъ его образѣ дѣйствія потребуются столѣтія. Объ освобожденіи рабовъ начали говорить уже во время римской имперіи, съ тѣхъ поръ прошло болѣе чѣмъ полтора десятка столѣтій, а Америка еще и въ настоящее время имѣетъ милліоны рабовъ. Вся эта медленность произошла исключительно отъ направленія современной цивилизаціи, которая заставляла образованное общество искать счастья не въ міровой жизни, а въ развитіи вкуса и въ созиданіи искусственныхъ потребностей. Процессъ, который намъ придется пережить при этомъ, будетъ нетолько продолжительный, но онъ будетъ болѣзненный. Образованная часть общества нетолько будетъ мало расположена къ развитію въ массѣ народа просвѣщенія и благосостоянія, но она будетъ бояться усилить его такимъ образомъ и привести къ тому, что̀ почитаетъ уменьшеніемъ своего благополучія. Отношенія между различными классами будутъ неизбѣжно натянутыя и могутъ, подобно тому, какъ это случалось на Западѣ, переходить даже въ открытый разрывъ.

Что̀ мы имѣемъ передъ собою, если мы не измѣнимъ направленія? Если судить на основаніи данныхъ прошедшаго, то процессъ нашего развитія будетъ нетолько болѣзненный, онъ будетъ конвульсивный. Въ теченіе почти двухъ послѣднихъ столѣтій мы шли постоянно назадъ даже и тамъ, гдѣ мы очень ясно понимали, какимъ путемъ намъ бы слѣдовало идти впередъ. Такъ мы сознаемъ очень ясно, что для благосостоянія земледѣльца нужно его обезпечить землею; но искусственныя потребности такъ давятъ насъ своею тяжестью, что ради ихъ удовлетворенія мы все больше отнимаемъ у крестьянъ земель и требуемъ за нее такія огромныя цѣны, что онъ самъ готовъ отъ нея отступиться. Два столѣтія тому назадъ крестьянинъ засѣвалъ иногда въ свою пользу вчетверо болѣе, чѣмъ теперь на почвѣ несравненно болѣе благодатной. Послѣ освобожденія обезземеленье крестьянъ сдѣлало разомъ такой большой шагъ, какого оно можетъ быть никогда не дѣлало, даже въ началѣ XVIII вѣка. Многіе крупные землевладѣльцы послѣ 1861 года получали за третью часть земли больше оброка, чѣмъ они прежде получали за всю землю. Въ Рязанской губерніи до освобожденія двѣ пятыхъ крестьянъ владѣли всею землею своихъ помѣщиковъ и платили оброкъ, а теперь они получили крайне

ограниченные надѣлы крестьянскаго положенія. Въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, въ которомъ считается 1,741,896 десятинъ земли, за временно-обязанными крестьянами осталось всего 26,417 десятинъ всякой земли, а временно-обязанныхъ тамъ 27,623 человѣка. Вмѣстѣ съ усадебной осѣдлостью не приходилось даже и по десятинѣ на человѣка. Сколько осталось земли за помѣщиками, можно судить по тому, что казенной земли, на которой водворены государственные крестьяне, тамъ считается всего 527,531 десятина. Помѣщики въ своихъ комитетахъ до крайности уменьшали дѣйствительные надѣлы крестьянъ и достигли такимъ образомъ того, что даже въ самыхъ густо-населенныхъ мѣстностяхъ въ надѣлъ пошла только незначительная часть ихъ земель. Въ Сумскомъ уѣздѣ, гдѣ приходится почти 2,300 человѣкъ на квадратную милю, въ надѣлъ пошла только треть помѣщичьихъ земель, а въ Изюмскомъ, съ населеніемъ въ 1,300 человѣкъ на квадратную милю, даже менѣе четверти. Около одной трети пошло въ надѣлъ нетолько въ такихъ губерніяхъ, какъ Саратовская, но и въ такихъ какъ Рязанская, гдѣ въ большей части уѣздовъ приходится болѣе двухъ тысячъ человѣкъ на одну квадратную милю. Въ Харьковской губерніи, гдѣ сравнительно гораздо болѣе земель, пошло въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ втрое болѣе земли, чѣмъ временно-обязаннымъ. Между тѣмъ никакъ нельзя сказать, чтобы надѣлы раздавались государственнымъ крестьянамъ щедрою рукою. Въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, гдѣ 14,268,384 десятины земли, въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ отдано только 29,482 десятины, менѣе полудесятины на человѣка, и за такой скудный надѣлъ эти люди, кромѣ оброковъ и податей, должны были въ 1866 году поставить 18,056 пѣшихъ и конныхъ работниковъ и заплатить деньгами 30,162 рубля $10^1/_2$ копѣекъ, т. е. по два рубля съ каждаго взрослаго человѣка. Не иначе, какъ съ ужасомъ мы можемъ смотрѣть на приближеніе 1871 года, когда еще большая масса земель будетъ оставлена крестьянами. Нетолько они, но мы всѣ будемъ нищими, потому что крайне дорогое производство хлѣба помѣщиками вырветъ у насъ изъ рукъ послѣдній кусокъ. Мы всѣ будемъ данниками нашего сословія крупныхъ землевладѣльцевъ, будемъ имъ платить за хлѣбъ, что имъ будетъ угодно съ насъ брать, и скоро дойдемъ до той же нищенской сумы, до которой дошли крестьяне земледѣльцы. Неужели наши землевладѣльцы захотятъ поставить своихъ соотечественниковъ въ такое положеніе? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что благородныя чувства не дозволятъ имъ этого сдѣлать. Они очень хорошо знаютъ, какъ число ихъ относится къ нашему; въ Казанской губерніи напр. считается всего 693 владѣльца при населеніи въ 1,607,122 человѣка; въ Костромской — 1,802 владѣльца при населеніи въ 1,073,971 ж., несмотря на то, что Костромская губернія одна изъ тѣхъ, гдѣ всего болѣе помѣщичьихъ земель. Къ однимъ образованнымъ классамъ въ Костромской губерніи причисляется до тридцати трехъ тысячъ лицъ. У насъ нерѣдко помѣщиковъ считаютъ большинствомъ образованныхъ людей въ Россіи, но это важная ошибка — они составляютъ громадное меньшинство. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при такомъ положеніи

благородныя чувства не дозволятъ помѣщикамъ заставлять насъ всѣхъ страдать для удовлетворенія даже не истинныхъ, а искусственныхъ ихъ потребностей; что они будутъ пользоваться отъ насъ выгодами за продаваемый ими хлѣбъ только тогда, когда они посредствомъ искуснаго оплодотворенія земли сдѣлаютъ ее болѣе производительною, чѣмъ она могла бы быть въ рукахъ отдѣльнаго земледѣльца; что они не сдѣлаютъ ничего, чтобы въ ущербъ общему благу поднимать цѣны на хлѣбъ или разорять работниковъ. Такой благородной цѣли они, конечно, не могутъ достигнуть прежде, чѣмъ они не начнутъ жить міровою жизнью; иначе искусственныя потребности будутъ ихъ постоянно вводить въ соблазнъ пользоваться своими правами такимъ образомъ, что изъ этого будутъ выходить вещи, не согласныя съ общественнымъ благомъ. Такъ напр. общественное благо требуетъ, чтобы у земледѣльцевъ увеличивалось количество скота и распространялись размѣры пашенъ. Ясно слѣдовательно, что продажа скота и сѣмянъ крестьянскихъ для уплаты оброковъ, уменьшая производительность земли, должна крайне вредно отозваться на всѣхъ насъ: она отзовется вредно, если земля останется въ рукахъ крестьянина, потому что она будетъ неплодоносна, она вредно отзовется на насъ, если земля будетъ продана человѣку, работающему съ наемнымъ трудомъ, потому что это приведетъ къ дорогому производству. Въ видахъ общаго интереса, скотъ и сѣмена должны считаться священными и неотчуждаемыми отъ земли ни для какихъ цѣлей, и если какія-нибудь нѣсколько тысячъ помѣщиковъ, ради удовлетворенія искусственныхъ своихъ потребностей, поступаютъ такимъ образомъ во вредъ намъ, десяткамъ милліоновъ, и мѣшаютъ чрезъ это удовлетворенію нашихъ существенныхъ потребностей, то они дѣлаютъ дурно. Наши предки не поступали такимъ образомъ; какъ скоро они замѣчали, что земледѣлецъ не можетъ платить, они ничего съ него не брали. Въ памяти приказнаго Верхоленскаго острожка, лежавшаго подъ 54°/₀ сѣверной широты, отъ 30 августа 1678 года предписывается отдѣлять десятины только съ тѣхъ, у которыхъ былъ достаточный урожай; у менѣе счастливыхъ — десятинъ отдѣлять не велѣно, а съ нуждающихся нетолько запрещено брать, но велѣно выдавать имъ хлѣба на сѣмена, чтобы пашни ими не были запущены или уменьшены. Въ патріаршей граматѣ, отъ 26 мая 1661 года, въ около-русскихъ погостахъ освобождены отъ всякихъ натуральныхъ сборовъ всѣ деревни, пострадавшія отъ неурожая и наводненій, а у оброчныхъ деревень оброки уменьшены на одну третью часть. Положимъ, казна не можетъ освобождать отъ оброковъ тѣхъ, которые по стеченію обстоятельствъ не могутъ платить не разоряясь, потому что она не имѣетъ возможности опредѣлять средства каждаго и предоставляетъ это обществамъ; но помѣщикамъ, ради излишковъ своихъ, разорять крестьянъ продажею сѣмянъ и скота странно.

Если мы при настоящемъ состояніи нравовъ, чувствъ и взглядовъ на жизнь образованнаго общества не можемъ ожидать успѣшнаго и скораго разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя требуютъ, такъ сказать, отрицательной дѣятельности со стороны личностей этого общества, для чего достаточно не брать или брать меньше,

то какимъ же образомъ мы можемъ ожидать успѣха въ удовлетвореніи тѣхъ весьма существенныхъ потребностей народа, которыя требуютъ дѣятельности положительной. Мы должны избавить народъ отъ тяжкаго хожденія на заработки, которое бьетъ и уходящаго работника и оставшееся семейство: для этого мы должны дать ему дѣло на мѣстѣ; мы должны избавить работника безплодныхъ мѣстностей отъ мало производительнаго ручнаго труда изъ матеріала, привозимаго издалека, отъ труда, котораго жалкое произведеніе иногда отвозится за тысячи верстъ на то же самое мѣсто, откуда вывезенъ матеріалъ; мы должны дать ему, вмѣсто этого, машинное и усовершенствованное производство, которому естественнѣе сосредоточиваться въ одномъ мѣстѣ, потому что одна фабрика достаточна для снабженія цѣлаго края; мы должны избавить работника промышленныхъ губерній, получающаго заказы отъ оптоваго торговца и продающаго свои произведенія обыкновенно такъ же невыгодно, какъ фабричный продаетъ свой трудъ; мы должны постоянно препятствовать скопленію рабочихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они не могутъ найти себѣ достаточнаго обезпеченія, и способствовать ихъ переселенію въ мѣста благодатныя; мы должны создать постоянныя и хорошо дѣйствующія учрежденія для правильной помощи всѣмъ рабочимъ, обремененнымъ большими семействами, и въ особенности вдовамъ и вдовцамъ, потому что заработная плата всегда держится на такомъ низкомъ уровнѣ, при которомъ дѣти въ подобныхъ семействахъ должны неизбѣжно страдать. Задачъ не перечислить, и всѣ онѣ требуютъ такого искренняго усердія къ общественному благу, такихъ жертвъ, которыхъ при настоящемъ настроеніи образованнаго общества достигнуть совершенно невозможно. Даже и подумать невозможно о сколько-нибудь удовлетворительномъ результатѣ, а между тѣмъ это еще самое первое начало,—за нимъ открываются задачи совершенно другаго свойства и совершенно другихъ размѣровъ; напр. польза экономіи несравненно менѣе значительна, чѣмъ польза интеллектуальнаго труда въ странѣ, но у насъ теперь экономія занимаетъ несравненно болѣе значительное мѣсто; общество цѣнитъ человѣка экономіи несравненно выше, интеллектуальный труженикъ, если онъ хочетъ быть полезенъ, долженъ служить ему и переносить высокомѣрное обращеніе. Для насъ теперь даже это положеніе трудно измѣнить, а между тѣмъ если оно и вполнѣ перемѣнится, то далеко еще не будетъ нормальнаго порядка. Интеллектуальный трудъ получаетъ теперь несравненно меньшее вознагражденіе, чѣмъ экономія, а между тѣмъ вознагражденіе это такъ высоко, что оно крайне вредно для развитія въ народѣ интеллектуальной дѣятельности. Такъ какъ вознагражденіе это совершенно не соразмѣрно съ вознагражденіемъ труда матеріальнаго, то всякій отецъ, занятой интеллектуальнымъ трудомъ, пускаетъ сына по той же дорогѣ и выходитъ наслѣдственная интеллигенція, точно такъ же, какъ наслѣдственные имущіе классы; человѣкъ обращаетъ свою дѣятельность не туда, гдѣ бы она была всего полезнѣе, а туда, гдѣ онъ находитъ всего болѣе матеріальныхъ выгодъ. Направляютъ промышленность, торговлю, земледѣліе, занимаются администраціей, политикой, медициной, обученіемъ, служеніемъ религіи не тѣ, которые къ этому всего болѣе способны и склонны, а тѣ, къ ко-

торымъ эти занятія перешли по наслѣдству въ качествѣ дѣтей имущихъ классовъ и интеллектуальныхъ дѣятелей. Переходить изъ одной категоріи въ другую возможно только въ рѣдкихъ случаяхъ. Человѣку, происходящему отъ отца занятаго матеріальнымъ трудомъ, такъ же трудно протѣсниться въ ряды имущихъ классовъ и интеллектуальныхъ дѣятелей, какъ дѣтямъ этихъ двухъ категорій—протѣсниться въ ряды простыхъ рабочихъ: для этого они встрѣчаютъ слишкомъ много препятствій и внутри себя и въ окружающей средѣ. Между тѣмъ, для того, чтобы дѣятельность человѣка была наиболѣе плодоносною, необходимо, чтобы онъ при ея выборѣ руководствовался исключительно своими способностями и наклонностями, а этого можно достигнуть только тогда, когда и матеріальный и интеллектуальный трудъ и экономія будутъ получать одинаковое вознагражденіе и будутъ жить жизнью одного уровня — разница будетъ зависѣть отъ успѣха, а не отъ рода дѣятельности. Я спрашиваю читателя, скоро ли онъ можетъ надѣяться, что мы этого достигнемъ: конечно скорѣе, чѣмъ мы это ожидаемъ, но все-таки мы еще проживемъ достаточно, прежде чѣмъ наступитъ подобное время. Все, что мы можемъ теперь сдѣлать,—это пріобрѣсти твердое убѣжденіе, что только на этомъ пути и лежитъ наше общее счастье и что если мы пойдемъ этимъ путемъ, то и богатые люди и интеллигенція точно такъ же будутъ увеличивать свое счастье, какъ и тѣ, которые теперь нуждаются. Затѣмъ, вполнѣ разъяснивъ себѣ это убѣжденіе, — пойти по этому пути.

Bayerische Staatsbibliothek München